

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Slaw 176.25

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

25 May - 29 Jun. 1901.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ ССCLXXXIII. — ¹/₁₄ МАЯ 1901.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1901

PS/ar 176.25

~~Lat. 30.2~~

Verifund

3042

ВЪСТАНЪЗЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.

МАЙ, 1901.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1901.

Сод.

I.—ВИКТОРЪ АНТОНОВИЧЪ АРДИМОВИЧЪ.—1863-1866 гг.—I-VII.—В. Д. Спасовича	5
II.—СЕМЬЯ ВАРЯВИНЫХЪ.—Романъ.—VI-XI.—В. И. Сибтлова	50
III.—РУССКАЯ АРМЕНИЯ.—Зимнее путешествие по горамъ Кавказа.—I-II.—Евг. Маркова	107
IV.—ТРИ ДОРОГИ.—Романъ.—XV-XXVI.—Н. П. Вагнера	138
V.—КТО БЫЛЪ АВТОРЪ „АНТИДОТА“?—Изъ исторіи литературной дѣятельности пнп. Екатерины II.—А. Н. Панина	181
VI.—ДЕТСКИЙ МИРЪ ВЪ КИТАЕ.—В. В. Корсакова	217
VII.—РАВИНЫ.—Романъ.—The slats, by R. Hichens.—VII-XIII.—П. С.	227
VIII.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТЪ ВЪ РОССИИ.—По поводу статіи со дня его учрежденія.—В. В. Панаевского	285
IX.—НОВАЯ ФОРМА СТАРОЙ МЕЧТЫ.—Д. С. Мережковского, „Л. Толстой и Достоевскій“.—К. К. Арсеньева	307
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Хлѣбъ—пшечки съѣли.—II. Тихомы думи.—Владимира Маркова	325
XI.—НАШЕ РЫБЛОВСТВО И ЕГО ПОРЯДКИ.—Н. Вородина	329
XII.—ХРОНИКА.—Сообщеніе Государственнаго Контроля	344
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый министръ народнаго просвѣщенія и періяи его распоряженія.—Стояніе Государственнаго Совета; главныя черты его исторіи и его заслуги; желательныя гарантіи и нововведенія.—Земскіе комитеты, проектируемые для не-земскихъ губерній.—Второе правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ.—„Московскія Вѣдомости“ и проектъ пикала училищныхъ совѣтовъ	348
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Правительственное сообщеніе по китайскимъ дѣламъ.—Политика державъ на дальнемъ Востокѣ.—Дипломатическія недоразумѣнія.—Вильгельмъ II и нѣмецкое студенчество.—Закрытіе македонскаго комитета въ Софіи	369
XV.—ШКОЛА НОВАГО ТИПА ВЪ ПАРИЖѢ.—Письмо въ Редацію.—М.	387
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.—Историческія монографіи, т. III, В. А. Бильбасова.—А. П.—А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), А. П. Фаресова.—Т.—Левъ Бертенсонъ, Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за-границею.—А. К.—и.—Новыя книги и брошюры	391
XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Arthur Schnitzler, Der Schleier der Beatrice.—II. Beer-Hofmann, Der Tod Georgs.—III. Bedier, Le Roman de Tristan et Yseng.—З. В.	408
XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Кажущееся единодушіе въ нашей печати.—Университетскія уставы 1863 и 1884 гг.—Выборное началу; государственныя экзамены; гонорары.—Новая форма стараго девиза.—Способы обсужденія вопроса о средней школѣ.—„Слѣд. Вѣдомости“ противъ „Московскихъ“.—17-е апрѣля.—Письмо г. Мережковского.—Чествованіе А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Философовой.—С. В. Флеровъ (Васильевъ) †	421
XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Скупой рыцарь, А. С. Пушкина, фотографія.—Россія въ Средней Азіи, Евг. Маркова, 2 т.—Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, А. В. Зеленина.—Очерки философіи права, Л. І. Петражицкаго, тпп. I.—Американская школа. Очерки методикъ американской педагогіи, Екатерины Янжуль	
XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.	

ВИКТОРЪ АНТОНОВИЧЪ АРЦИМОВИЧЪ

1863—1866 гг.

I.

Еъ осени 1863 г. можно было уже считать польское революціонное движеніе, вспыхнувшее въ этомъ же году, окончательно неудавшимся и проиграннымъ, за неполученіемъ имъ никакой поддержки извнѣ—отъ Франціи, на которую оно рассчитывало. Мятежъ былъ подавленъ, но еще не прекращенъ. Въ Вильнѣ распоряжался М. Н. Муравьевъ съ весьма широкими полномочіями. Маркизъ Вѣлѣпольскій уже уѣхалъ 25 іюня (7 іюля) 1863 г. изъ Варшавы за границу въ отпускъ на два мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобы на свой постъ—не возвращаться. Весною 1864 г., въ Потсдамѣ, императоръ Александръ II скажетъ ему при его представленіи: *nous avons été vaincus, mais, nous avons été vaincus!* Не было въ царствѣ польскомъ и прежняго намѣстника, никакого князя Константина Николаевича; рескриптъ ему, освободившій его отъ этой должности, послѣдовалъ изъ Ливадіи октября 1863 г. Замѣстителемъ великаго князя явился графъ Гедоровичъ Бергъ. Все гражданское управленіе въ царѣ было въ состояніи полнѣйшаго разложенія. Личный составъ былъ до того времени почти исключительно польскій и со-

стоялъ либо изъ старыхъ служахъ, временъ князя Паскевича или князя Горчакова, либо изъ вновь назначенныхъ при Вѣдѣпольскомъ. Онъ никуда не годился, какъ слагавшійся изъ людей или совсѣмъ деморализированныхъ и на все, на что угодно, податливыхъ, или даже изъ людей, предательски помогавшихъ повстанцамъ. Въ этотъ моментъ пришлось, опираясь только на штыкъ, на одну военную диктатуру, пересоздать и отстроить заново все гражданское управленіе, предоставивъ его твердо преданнымъ правительству лицамъ, при несомнѣнно полномъ тому противодействіи подавленной силою, но сплошь враждебной страны и ея общества, въ особенности городовъ и культурныхъ классовъ населенія. До очевидности ясно было русскимъ людямъ, что правительство должно взять въ свои руки уже затѣянную, но далеко не разрѣшенную крестьянскую реформу; что оно должно дать крестьянамъ земельные надѣлы, прекративъ немедленно ихъ прежнія отношенія къ помѣщикамъ. Работа эта была по силамъ русской бюрократіи, русскимъ чиновникамъ, уже приобрѣвшимъ въ этомъ дѣлѣ извѣстную опытность и навыки при оказавшемся успѣшнымъ осуществленіи крестьянской реформы въ имперіи. Предвидѣлось; что, при коренномъ преобразованіи внутренняго управленія въ царствѣ польскомъ, оно потеряетъ совсѣмъ свою прежнюю административную автономію. Не только образъ дѣйствія навязывался самъ собой, какъ будто бы по заготовленной программѣ, но имѣлись на лицо и самые пригодные для осуществленія этой программы люди, а именно дѣятели крестьянской реформы въ имперіи, составители и первые исполнители „Положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.“, съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ во главѣ, удаленные потомъ отъ дѣлъ послѣ введенія крестьянской реформы, въ угоду русскому дворянству, указавшему на нихъ какъ на опасныхъ революціонеровъ. Императоръ Александръ II имѣлъ въ апрѣлѣ 1862 г. въ виду Милютина на мѣсто начальника гражданского управленія въ царствѣ польскомъ, но Милютинъ рѣшительно отказался, послѣ чего состоялся планъ назначенія намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича и начальника гражданского управленія маркиза Вѣдѣпольскаго (*Anatole Leroy Beaulieu*, „Un homme d'Etat Russe—Nicolas Muloutine“. Paris 1884, p. 135). Въ Россію изъ-за границы возвратился Милютинъ, 25 августа 1863 г. Его ожидали въ Петербургѣ, но еще до его пріѣзда вызванъ былъ изъ Самары случайно находившійся тамъ въ своемъ имѣніи сподвижникъ и единомышленникъ Милютина по крестьянскому дѣлу, доказавшій блистательно свои административныя

способности въ званіи калужскаго гражданскаго губернатора, и затѣмъ, вскорѣ послѣ приведенія въ дѣйствіе „Положенія 19 февраля 1861 г.“, опредѣленный въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ правительствующаго сената—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

Я имѣлъ счастье познакомиться съ Викторомъ Антоновичемъ уже подъ-еонецъ шестидесятихъ годовъ. Мы были знакомы домами; я получалъ отъ него указанія и нѣкоторые источники для сочиненія, которое я писалъ въ 1880 г., и которое было потомъ издано отдѣльною книгою въ 1882 году подъ заглавіемъ: „Жизнь и политика маренца Вѣлѣпольскаго“. Такъ какъ я всегда пользовался расположеніемъ и довѣріемъ семьи Виктора Антоновича, то послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1893 году, я получилъ отъ этой семьи, изъ хранившихся у него въ систематическомъ порядкѣ книгъ, изданій, печатныя и рукописныя бумаги покойнаго, всѣ тѣ, которыя относились къ его дѣятельности по царству польскому, начиная съ первой его командировки туда въ сентябрѣ 1863 г. до опредѣленія его сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента 7 февраля 1866 г., послѣ чего онъ окончательно поселился въ С.-Петербургѣ. Переданныя мнѣ бумаги занимаютъ цѣликомъ объемистый сундукъ и заключаются въ 14 папкахъ; онѣ были дополнены сообщенною мнѣ перепискою Виктора Антоновича съ членами его семьи и со свойственниками его по женѣ—Жемчужниковыми. Меня просили изложить по этимъ даннымъ дѣятельность покойнаго по одному царству польскому, между тѣмъ какъ другіе пріатели его займутся изображеніемъ дѣятельности его по тобольской губерніи, по калужской губерніи, по уголовному кассационному и по первому департаментамъ правительствующаго сената, такъ чтобы общими силами и сборнымъ трудомъ можно было составить сплошное жизнеописаніе Виктора Антоновича, какъ государственнаго человѣка. Та часть работы, которая мнѣ досталась, была кропотливая, мелкая, можно сказать мозаичная. Я предлагаю читателямъ все то, что могъ извлечь изъ имѣвшихся у меня подъ рукою матеріаловъ. Такъ какъ послѣ ухода Вѣлѣпольскаго Арцимовичъ былъ единственный человѣкъ польскаго происхожденія, призванный дѣйствовать по обострившемуся до послѣдней степени русско-польскому конфликту, и такъ какъ его происхожденіе повлияло несомнѣнно на самый образъ его дѣятельности, то я полагаю, что мой трудъ можетъ интересовать читателей не столько по достигнутымъ дѣятельностью Арцимовича результатамъ, которые не могутъ быть значительны, не только потому, что Арци-

мовичъ не игралъ въ событіяхъ первой роли, и что онъ короткое только время былъ въ царствѣ польскомъ, но главнымъ образомъ по діаметральной противоположности по разнымъ дѣламъ взглядовъ между дѣятелями, призванными для упорядоченія этого края, по оказавшимся неизбежными столкновеніямъ Арцимовича съ другимъ, болѣе крупнымъ историческимъ лицомъ, а именно съ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, наконецъ потому, что вопросы, по которымъ они сталкивались другъ съ другомъ, суть, до сихъ поръ, вопросы очередные; они не разрѣшены донинѣ, они застоялись, такъ сказать, на своемъ ходу и неизбежно будутъ составлять „злобу“ если не сегодняшняго, то завтрашняго дня.

II.

Для поясненія происхожденія Арцимовича, я долженъ начать съ его родословной. Воеводство виленское, въ великомъ княжествѣ литовскомъ, заключало въ себѣ лежащій на сѣверѣ отъ Вильна и граничащій съ Курляндіею уѣздъ или повѣтъ браславскій, позднѣйшій — дисненскій, который послѣ раздѣловъ Польши былъ присоединенъ сначала къ минской, а впослѣдствіи къ виленской губерніи. Въ этомъ браславскомъ уѣздѣ имѣлась околица или осѣдность *Арцимовичи*, населенная сплошь мелкопомѣстною шляхтою того же наименованія. Въ декретѣ или постановленіи минскаго дворянскаго депутатскаго собранія, 25 января 1806 г., о дворянскомъ происхожденіи рода Арцимовичей, признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ Михаилъ Петровъ Арцимовичъ съ четырьмя сыновьями, со внесеніемъ ихъ въ первую часть дворянской родословной книги. Они записаны имѣющими гербъ *Доленца* (*Dołęga*) и владѣющими частью наслѣдственной осѣдности Арцимовича. При перечнѣ фамильныхъ документовъ этого рода декретъ упоминаетъ, какъ о древнѣйшемъ изъ представленныхъ ими актовъ, о письмѣ виленскаго воеводы и литовскаго канцлера Альбрехта Гаштолда, 1532 г., къ старостѣ браславскому, предписывающемъ сему послѣднему возвратить Арцимовичамъ принадлежащія имъ пашни. Родъ этотъ разсѣялся и по другимъ уѣздамъ и губерніямъ. Не всегда было возможно членамъ рода, не занесеннымъ въ дворянскія книги, приписываться къ записаннымъ уже прежде въ эти книги своимъ однофамильцамъ, представляя метрическія записи и инныя доказательства, между тѣмъ какъ менѣе хлопотливымъ и достигающимъ той же цѣли средствомъ могло быть возведеніе даннаго лица въ дворянское до-

стоинство по полученному имъ чину (начиная со статскаго совѣтника). Такъ и поступилъ Антонъ Ѳеодоровичъ Арцимовичъ, проживавшій въ бѣлостокской области и имѣвшій чинъ, дающій право на дворянское достоинство. Онъ былъ признанъ дворяниномъ бѣлостокскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ 22 мая 1835 года. Такъ какъ проситель изложилъ въ своемъ ходатайствѣ, что, состоя съ молодыхъ лѣтъ непрерывно на государственной службѣ, онъ не могъ отлучиться для пріисканія принадлежащихъ его роду документовъ, то, зачисляя его съ потомствомъ въ дворяне, съ записаніемъ его въ 3-ю часть дворянской родословной книги, собраніе предоставило ему право на перечисленіе въ 1-ую часть этой книги, по представленіи надлежащихъ документовъ. Проситель этихъ документовъ никогда не собралъ, не перенесъ своего рода въ 1-ю часть книги, но сближался по возможности со своими однофамильцами и входилъ съ ними въ переписку. Въ бумагахъ Виктора Антоновича имѣется письмо 1859 г., писанное къ его отцу нѣкоимъ Казимиромъ Симоновичемъ Арцимовичемъ, рѣчицкимъ уѣзднымъ ротмистромъ польскихъ войскъ, рѣчицкимъ ловчимъ и хорунжимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главноуправляющимъ имѣніями рѣчицкаго маршала графа Юдичаго. Занимствуя отрывокъ изъ этого письма, характеризующій нравы той средне-шляхетской среды, къ которой принадлежали Арцимовичи: „Вы стали выше всѣхъ Арцимовичей, начиная съ перваго ихъ предка, Андрея. Долгъ нашей чести, равно какъ и долгъ нашъ религіозный, состоитъ въ томъ, чтобы стараться о возвышеніи нашего добраго рода и о вспомоцествованіи ему, насколько то отъ нашихъ силъ зависить. Многіе члены этого многочисленнаго рода, угнетаемые безурядицею прежней Польши и лишенные наслѣдія предковъ, принуждены были избрать жизнь несвободную и забыть о своемъ происхожденіи. Многіе стали чужими по отношенію къ своему гнѣзду и, подѣлившись на разныя вѣтви, получили особые декреты о своемъ шляхетствѣ въ разныхъ депутатскихъ собраніяхъ“. Казимиръ Арцимовичъ указываетъ, между прочимъ, на то, что такимъ образомъ укрѣпилъ себя въ своемъ шляхетствѣ одинъ богатый помѣщикъ рогачевскаго уѣзда, другой же люцинскаго уѣзда, витебской губерніи. Одинъ изъ минскихъ Арцимовичей, записанныхъ въ родословную по декрету 1806 г., Петръ казначей, продалъ наслѣдіе предковъ, село Арцимовичи, которыми родъ этотъ уже провладѣлъ 250 лѣтъ.

Объ Антонѣ Ѳеодоровичѣ Арцимовичѣ имѣются только свѣдѣнія, которыя доставляетъ его формулярный списокъ 5 августа 1858 г. Ему было тогда 69 лѣтъ, былъ онъ въ чинѣ дѣйстви-

тельнаго статскаго совѣтника и состоялъ членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ. Родился онъ въ 1789 году, еще до двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши, учился въ виленскомъ университетѣ, получилъ степень кандидата въ 1807 г., магистра въ 1809 г., доктора философіи въ 1811 г., служилъ сначала по учебной части учителемъ; потомъ, съ 1814 г.,—по судебной части ассесоромъ отъ короны въ областной уголовной палатѣ; потомъ, съ 1830 г.,—ассесоромъ въ областномъ бѣлостокскомъ правленіи. Съ самаго образованія вѣдомства государственныхъ имуществъ онъ дѣйствуетъ въ этомъ вѣдомствѣ въ качествѣ ревизора въ губерніяхъ минской, гродненской, пермской и псковской. Произведенный въ 1841 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ получилъ въ 1852 г. въ награду 2.000 десятинъ земли изъ пустопорожныхъ казенныхъ. Самъ онъ былъ римскій католикъ и женился на римской католичкѣ, дворянкѣ Евфросиніи Врубель, въ 1815 году. Отъ этого брака произошло слѣдующее потомство:

1) Флора, родившаяся 15 сентября 1818 г.; скончалась въ 1892 г., 10 февраля.

2) *Викторъ*—родился 19 апрѣля 1820 г.; скончался 2 марта 1893 года.

3) Пелагея, родившаяся 1822 г., 8 августа; вышла замужъ за инспектора строительнаго училища, профессора архитектуры въ с.-петербургскомъ университетѣ, Аполлинарія Каetanовича Красовскаго; скончалась 3 февраля 1863 года.

4) Анна—родилась 20 октября 1826 г.

5) *Адамъ*—родился 28 декабря 1829 г.; былъ самарскимъ губернаторомъ, а потомъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа; скончался 15 января 1893 года.

6) *Антонъ*—родился 1832 г., мая 26 дня; нынѣ состоитъ сенаторомъ по уголовному кассационному департаменту.

Старшій изъ сыновей, Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, родившійся въ 1820 г., апрѣля 19, окрещенъ былъ только въ слѣдующемъ году, 24 марта 1821 года, приходскимъ бѣлостокскимъ священникомъ, монахомъ ордена миссіонеровъ Георгіемъ Юзефовичемъ. — *Patrini fuere: Petrus Klim cum Marianna Petricowska pauperes de xenodochio Bialostocensi.*—Замѣтимъ что по мѣстному обычаю, когда дитя больное, то для испрошенія ему здоровья и, вообще, для его благополучія, въ воспріемники его при крещеніи: приглашались люди самаго бѣднаго состоянія и низменнаго происхожденія.

Антонъ Ѳедоровичъ Арцимовичъ, достигнувъ по службѣ боль-

шого почета и обезпеченнаго положенія, озабочился направить на тотъ же путь служенія государству своихъ сыновей. Двухъ старшихъ онъ помѣстилъ въ училище правовѣдѣнія, а младшаго— въ Александровскій (бывшій Царскосельскій) лицей. Императорское училище правовѣдѣнія открыто было въ 1835 году. Къ самому его открытію отправленъ былъ изъ Бѣлостока въ Петербургъ сынъ члена уголовной палаты, Антона Арцимовича, Викторъ, 15 лѣтъ, конечно полякъ, получившій первоначальное образованіе на польскомъ языкѣ, но еще въ такихъ лѣтахъ, которыя не соотвѣтствуютъ полному расцвѣту юноши, сильнѣйшему пробужденію идеальнѣйшихъ чувствъ, а въ томъ числѣ и патріотическаго энтузіазма. Въ училище поступилъ Викторъ Арцимовичъ не въ высшій приготовительный классъ, а въ слѣдующій за нимъ, такъ что онъ не попалъ въ число воспитанниковъ *перваго* выпуска (Барановскій, Сѣровъ), но только во *второй*, отличавшійся большимъ числомъ государственныхъ дѣятелей (Стояновскій, Зубовъ, Философовъ; І. Н. Калайдовичъ, фонъ-Бюлеръ). Онъ сжилъсѣ тотчасъ же со своими товарищами русскими, бывалъ по воскресеньямъ и праздникамъ только въ русскихъ домахъ, въ особенности у генерала Вельяминова. Съ нимъ поступилъ въ одинъ классъ поэтъ Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, на сестрѣ котораго онъ впоследствии женился. Арцимовичъ проводилъ въ стѣнахъ училища даже и каникулы, имѣлъ общеніе съ одними только русскими, окруженъ былъ тою же атмосферою, которою дышали въ николаевскій періодъ люди такъ-называемыхъ сороковыхъ годовъ, то-есть въ духѣ ненависти къ бездушному формализму и рѣшительнаго предрасположенія къ великимъ реформамъ слѣдующаго затѣмъ царствованія. Привилегированное учебное заведеніе, въ которое Арцимовичъ поступилъ, предназначено было служить разсадникомъ чиновниковъ-юристовъ новаго прогрессивнаго типа, находящихся на виду у правительства и быстро повышаемыхъ, но обреченныхъ на упорную войну со взяточничествомъ, со всеподавляющею канцелярскою рутиною, господствовавшею повсюду на государственной службѣ. Поприще, къ которому готовилъ себя Арцимовичъ, пришлось ему по душѣ. Спокойный, уравновѣшенный, но энергичный, онъ былъ до мозга костей законникъ по самому своему темпераменту, и говаривалъ впоследствии, что его настоящее призваніе—быть судьей (Записки Обнинскаго). Кончивъ воспитаніе по второму выпуску, въ 1841 г., и бывъ зачисленъ въ канцелярію 4-го департамента сената, Арцимовичъ обратилъ на себя вниманіе, какъ исправный чиновникъ при се-

наторскихъ ревизіяхъ.—Въ 1842 году, онъ и его товарищъ Алексѣй Жемчужниковъ сопровождали сенатора Бѣгичева, ревизовавшаго губерніи орловскую и калужскую. Въ 1843 году, Арцимовичъ ѣздилъ съ сенаторомъ Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ, ревизовать таганрогское градоначальство и керченскій карантинъ. Въ 1850 г., уже состоя въ должности оберъ-секретаря въ 1-мъ департаментѣ сената, Арцимовичъ былъ командированъ въ члену государственнаго совѣта, генералъ-адъютанту Анненкову, ѣздившему ревизовать западную Сибирь. Въ 1854 году, уже женившись на дочери сенатора Жемчужникова, Арцимовичъ назначенъ былъ исправлять должность тобольскаго губернатора и произведенъ, 14 декабря 1855 года, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 1 августа 1858 года, онъ переведенъ на губернаторскую же должность, въ калужскую губернію, въ самый интересный для Россіи моментъ, когда было въ полномъ ходу дѣло освобожденія крестьянъ, въ которомъ на сторонѣ правительства группировались всѣ отѣнки прогрессивныхъ направленій, а тормазили движеніе немногочисленные, но имѣвшіе силу и значеніе на службѣ и влияніе при дворѣ, крѣпостники. Такими оппонентами изобиловала, въ особенности, калужская губернія, сильно помѣщичья. Въ 1859 и 1860 гг., онъ былъ вызываемъ нѣсколько разъ въ Петербургъ, по законодательнымъ вопросамъ. Къ этому времени относится его знакомство съ главнымъ сотрудникомъ, по крестьянской реформѣ, министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, Н. А. Милютинымъ и съ группою его сподвижниковъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ крестьянскій вопросъ. Милютинъ получилъ отставку немедленно по опубликованіи „Положенія 19 февраля 1861 г.“ и одновременно съ назначеніемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуева, поддерживавшаго всячески помѣщичью партію въ калужской губерніи, имѣвшую во главѣ своей Мальцева. Арцимовичъ осуществлялъ на своемъ губернаторскомъ посту приведеніе въ исполненіе „Положенія 19 февраля 1861 г.“, твердо, спокойно, энергически, безъ употребленія военной силы, но безъ всякихъ колебаній и уступокъ.

Сдѣланный имъ подборъ мировыхъ посредниковъ оказался хорошимъ; всѣхъ ихъ вдохновлялъ и сплотилъ воедино губернаторъ, отвѣчавшій за нихъ и относившійся къ дѣлу какъ убѣжденный человѣкъ и настоящій его апостолъ. Его вызывали неоднократно въ Петербургъ по жалобамъ помѣщиковъ. По настоянію Валуева назначена была въ Калугу сенаторская ревизія. Пріѣхалъ ревизовать, съ враждебными для Арцимовича на-

мѣреніями, сенаторъ Александръ Христіановичъ Каптеръ. Въ виду очевидной неосновательности обвиненій, ревизоръ измѣнилъ свое мнѣніе и уѣхалъ изъ Калуги другомъ и зачитникомъ Арцимовича; по его представленію, Арцимовичу пожалована звѣзда ордена св. Анны. У Арцимовича не было личныхъ враговъ, но были сильные общественные противники, ненавидѣвшіе въ немъ главу дѣла, атамана таеъ-называемыхъ разбойниковъ — мировыхъ посредниковъ. Въ концѣ 1862 г., противникамъ удалось выжить Арцимовича изъ Калуги, со всѣми, впрочемъ, онѣрами и съ повышеніемъ въ служебномъ положеніи. Въ 1862 г., 10 декабря, онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 1 января 1863 г. его назначили присутствовать въ 8-мъ департаментѣ правительствующаго сената, одномъ изъ московскихъ. Лѣтомъ 1863 г., онъ ѣздилъ въ самарскую губернію по слѣдующему семейному дѣлу. Сенатору Жемчужникову пожалована была въ этой губерніи земля, которую ему разрѣшено передать дочери своей Аннѣ Михайловнѣ Арцимовичъ, не выдѣленной еще отцомъ. Арцимовичу пришлось принять эту землю и ее устроить. Здѣсь Арцимовичъ получилъ приглашеніе ѣхать на службу въ царство польское, къ великому князю Константину Николаевичу, что и заставило его немедленно отправиться въ С.-Петербургъ.

III.

Арцимовичъ получилъ слѣдующее письмо, отъ 20 іюля 1863 г., отъ шефа жандармовъ, князя Василія Долгорукова: „Великій князь Константинъ Николаевичъ убѣдительно проситъ васъ, чтобы вы пріѣхали въ Варшаву и приняли званіе члена совѣта управленія царства польскаго, до времени—*sans portefeuille*. Государю императору весьма желательно, чтобы вы оказали просимую у васъ услугу, и чтобы вы о вашемъ согласіи увѣдомили меня для всеподданнѣйшаго доклада. Званіе члена совѣта сопряжено съ содержаніемъ въ 4.500 рублей, но я полагаю, что можно будетъ сохранить вамъ и то содержаніе, которымъ вы пользуетесь теперь по званію сенатора“.

23 августа, Арцимовичъ уже былъ въ С.-Петербургѣ. На пути онъ узналъ, что великій князь, уѣхавшій за супругою въ Варшаву, не останется тамъ. Русская публика относилась къ нему несочувственно. Говорили въ Петербургѣ объ обязательствѣ неуваженія къ нему со стороны Валуева и со стороны Муравьева въ Вильнѣ. Въ разговорѣ съ княземъ Долгоруковымъ

Арцимовичъ просилъ доложить государю о своемъ безсиліи исполнить его желаніе. Долгоруковъ уклонился, сказавъ, что не увидитъ государя. Представленіе назначено было въ субботу въ Царскомъ. Къ женѣ Арцимовичъ писалъ: „Во всякомъ случаѣ я положительно скажу, что не могу“. Аудіенція длилась болѣе получаса; содержаніе ея записано Арцимовичемъ на-свѣжо въ слѣдующихъ словахъ:

„— Ты былъ въ Самарѣ?

„— Да, государь, по частному дѣлу; моей женѣ досталась земля.

„— На комъ ты женатъ?

„— На Жемчужниковой.

„— Знаю. Ты знаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ?

„— Князь Долгоруковъ мнѣ передалъ о предположеніи вашего величества, но...

„— Наше управленіе въ царствѣ дошла до крайняго разстройства; подземное правительство чрезвычайно усилилось; всѣ чиновники по выборамъ оставили службу; слабость дошла до такой степени, что наши уѣздные начальники входятъ въ сношенія съ революціонными начальниками, относительно приведенія въ исполненіе распоряженій нашего правительства. Войска отыскиваютъ банды, но это не рѣшаетъ ничего, потому что администрація совершенно безсильна. Намъ нужны во главѣ администраціи люди, которымъ можно бы вѣрить. Я тебя избралъ и предполагаю назначить тебя сначала членомъ совѣта. Между нами будь сказано, я готовлю тебѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Теперь это мѣсто занимаетъ бывшій губернаторъ Островскій, другъ Замойскаго. Намъ необходимо имѣть людей вѣрныхъ, и я надѣюсь, что ты не откажешься отъ моего предложенія.

„— Государь, еще въ прошломъ году я осмѣлился представлять вамъ о крайне затруднительномъ моемъ положеніи. Переходить на службу въ царство мнѣ препятствуетъ мое воспитаніе, мои друзья, всѣ мои отношенія къ Россіи. Жена моя и дѣти православнаго исповѣданія. Въ моей личности какая-то двойственность. По вѣрѣ я католикъ, а между тѣмъ клерикальная партія вооружится противъ меня. Вообще положеніе мое гораздо затруднительнѣе чисто русскаго, въ особенности въ настоящее время. Вражда народная возросла до такихъ ужасныхъ размѣровъ, и общественное мнѣніе сдѣлалось до крайности подозрительнымъ. Государь, мое положеніе было бы въ Польшѣ невозможнымъ.

„— Все это справедливо. Я понимаю, что для тебя это очень трудно, но что дѣлать правительству, ежели всѣ будутъ укло-

няться отъ службы въ царствѣ? И брату моему крайне было затруднительно прискидывать людей. Онъ боролся и затруднялся, и за это, въ сожалѣнію (ты вѣроятно слышалъ), на него возводили страшныя обвиненія. Этого человѣка, который поѣхалъ съ самоотверженіемъ—обвиняли въ измѣнѣ. Это—гнусная, подлая клевета. Онъ помогалъ мнѣ горячо...—Молчаніе.—У поляковъ я не намѣренъ отымать льготы, которыя имъ даны, только необходимо, чтобы они успокоились, чтобы возстановился порядокъ. Это очень трудная задача, но я надѣюсь, что ты мнѣ поможешь въ этомъ и воспользуешься твоею опытностью въ управленіи.

„— Я, государь, не имѣю никакихъ свѣдѣній о мѣстныхъ условіяхъ и не чувствую въ себѣ достаточной силы преодолѣть многочисленныя затрудненія, въ особенности въ настоящее время, когда даже рѣшаются посягнуть на брата императора.

„— Совершенно съ тобою согласенъ; это очень трудно, и это будетъ большое самопожертвованіе съ твоей стороны, за что я буду тебѣ весьма благодаренъ.

„— Не могу рѣшиться, государь, принять порученіе. Мнѣ кажется, что оно не по моимъ понятіямъ. Я чувствую, что не могу *идти путемъ злобы*, а готовъ дѣйствовать и ощущаю силу для устройства, облегченія, руководствуясь *началами любви къ человечеству* и разумнаго снисхожденія къ его слабостямъ. Я не понимаю, чтобы можно было устраивать крестьянъ единственно по злобѣ къ помѣщикамъ и съ видомъ ихъ истребленія“.

25 августа 1863 г., вопросъ о назначеніи Арцимовича въ Варшаву еще оставался нерѣшеннымъ. Въ письмѣ Арцимовича къ женѣ написано: „Государь далъ сроку три дня и велѣлъ переговорить съ Платоновымъ“ (Валеріанъ Платоновичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ царства польскаго). Арцимовичъ просилъ Платонова, письмомъ отъ 27 августа, о докладѣ государю его всеподданнѣйшаго ходатайства о неназначеніи его въ царство польское, мотивируя свой отказъ, между прочимъ, тѣмъ, что графъ Бергъ его не знаетъ, а изъ царства польскаго отѣзжаетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, приглашавшій Арцимовича на службу, зная, что онъ всегда держался легальнаго пути и усвоилъ себѣ приемы управленія на твердомъ основаніи законовъ.

28 августа, въ среду, послѣдовало вторичное представленіе Арцимовича государю въ Зимнемъ дворцѣ, послѣдствія котораго выражены такимъ образомъ въ запискѣ Арцимовича, поданной намѣстнику Бергу 25 октября 1863 г.: „Государю благоугодно было повелѣть мнѣ отправиться временно въ Варшаву, для того, чтобы,

ознакомившись, насколько возможно, съ ходомъ дѣлъ и состояніемъ гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ, я могъ уяснить себѣ, можно ли при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ рѣшиться принять отвѣтственное участіе въ высшемъ управленіи этимъ краемъ. Въ то же время государь изволилъ высказать, что предполагается назначить меня директоромъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, съ цѣлью содѣйствовать, между прочимъ, къ скорѣйшему осуществленію крестьянской реформы и къ преобразованію управленія гминами“.

Въ началѣ сентября Арцимовичъ поспѣшилъ опредѣлить свою дѣятельность и свою отвѣтственность по возлагаемому на него порученію, съ точнѣйшимъ изложеніемъ цѣли, условий и срочности принимаемой работы. Одна его записка, поданная 8 сентября, одобрена была государемъ словесно въ выраженіяхъ, что „онъ именно этого и желаетъ“; другая, дополнительная, подана 10 сентября. Обѣ записки, по Высочайшему повелѣнію, препровождены къ Бергу, обѣ писаны помимо Милютина и безъ согласенія съ нимъ, при полной еще неизвѣстности, приметъ ли Милютинъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ царства польскаго. Въ обѣихъ запискахъ на первомъ планѣ поставленъ крестьянскій вопросъ, въ которомъ сошлись въ своихъ взглядахъ государь и Арцимовичъ, и ради котораго главнымъ образомъ Арцимовичъ принялъ командировку. Еще 23 августа, въ письмѣ къ женѣ, Арцимовичъ сообщалъ ей, что онъ прямо заявлялъ Долгорукову, что и онъ, и его друзья, очутились въ опалѣ за крестьянскій вопросъ, что „способности и труды мои довели всѣхъ моихъ сотрудниковъ до скитальческой жизни“. Въ письмѣ 7 сентября 1863 г., Арцимовичъ хвалится, что Милютинъ, при первомъ свиданіи съ нимъ того же числа, передавалъ слова государя, Милютину же сказанныя: „ты вынесъ крестьянское дѣло здѣсь (въ имперіи) на своихъ плечахъ, а Арцимовичъ выносилъ его во время исполненія“.

Въ главной, первой запискѣ Арцимовичъ предполагаетъ: „1) Обратъ на мѣстѣ, посредствомъ объясненій съ властями и съ другими лицами, и изъ статистическихъ свѣдѣній данныя, которые могли бы объяснить настоящее положеніе гражданскаго управленія царствомъ, степень его дѣйствительнаго нравственнаго упадка и степень вліянія революціоннаго ржонда на служащихъ. Затѣмъ придется обсудить, какая система, болѣе вѣрная и прочная, чѣмъ система одного устрашенія, можетъ содѣйствовать къ возстановленію правительственной силы во всѣхъ органахъ власти и поднять ихъ нравственный уровень. 2) Какъ можно больше ознако-

миться съ положеніемъ крестьянскаго дѣла въ царствѣ и обсудить, нельзя ли безотлагательно, пользуясь настоящими обстоятельствами довести до конца задуманную Его Императорскимъ Величествомъ крестьянскую реформу, посредствомъ развитія общиннаго мірскаго начала и установленія *крестьянскаго самоуправления*, а также чрезъ принятіе законодательныхъ мѣръ къ освобожденію всей массы крестьянскаго населенія отъ непосредственнаго подчиненія *намамъ* или ихъ агентамъ? Нѣтъ ли возможности подвинуть начало очиншеванія помѣщичьихъ имѣній и довести это дѣло до принятія общей мѣры выкупа разомъ всѣхъ земель, на которыхъ поселены крестьяне, съ облегченіемъ взноса выкупной ссуды сравнительно съ существующими повинностями. Въ этихъ видахъ необходимо опредѣлить съ прагматической точки зрѣнія пригодныя для того средства, всмотрѣться, *нѣтъ ли на мѣстѣ людей*, которыхъ бы можно *привлечь къ дѣлу* во имя сочувствія къ угнетенному народу, и указать, откуда взять вѣрныхъ дѣятелей для правительственнаго участія въ крестьянской реформѣ. Взвѣсить силы, необходимыя для дѣйствія, опредѣлить время для начала дѣла и въ общихъ чертахъ самую систему и постепенность распоряженій".—Въ заключительныхъ словахъ записки высказывается исполнѣ русскій государственный человѣкъ, апостолъ крестьянской реформы и демократъ, считающій своимъ патріотическимъ долгомъ содѣйствовать благу своей польской родины освобожденіемъ крестьянъ съ землею въ русской формѣ этого преобразования: „исполнѣ сочувствуя заботѣ о многочисленномъ, униженномъ и совершенно зависимомъ классѣ сельскаго населенія въ царствѣ, смѣлю заявляю, что употреблю всѣ силы и способности къ изысканію ближайшихъ способовъ осуществленія благой реформы, и ежели только буду предвидѣть возможность подвинуть дѣло къ благопріятному исходу безъ усиленія кровопролитія въ краѣ, то, несмотря на неизбѣжную борьбу, провски и противодѣйствія, почту себя счастливымъ. Если же сознаю мое безсиліе и невозможность при настоящемъ положеніи взволнованнаго края принести пользу въ управленіи царствомъ, согласно съ моими способностями и нравственнымъ характеромъ, то смѣю надѣяться, что Его Императорское Величество освободитъ меня отъ исполненія обязанностей, которыя окажутся превышающими мои силы“.

Во второй дополнительной запискѣ Арцимовичъ ходатайствовалъ о слѣдующемъ:

„1) Получить уполномочіе требовать всѣ свѣдѣнія къ разъясненію положенія гражданскаго управленія въ царствѣ польскомъ.— Можетъ быть, было бы не бесполезно съѣздить въ одинъ или два

губернскихъ города, для ознакомленія на мѣстѣ съ организаціею губернскаго и уѣзднаго управленія, и взглянуть на отправленія правительственныхъ органовъ въ настоящее время.

„2) Сообщить графу Бергу о цѣли моей командировки, дабы не произошло недоразумѣнія въ моихъ къ нему отношеніяхъ.

„3) Хотя очень трудно опредѣлить въ точности срокъ для моихъ занятій, но было бы желательно испросить мнѣ право тотчасъ по уясненіи опредѣленныхъ вопросовъ возвратиться въ С.-Петербургъ для представленія моихъ соображеній“.

Обѣ записки писались на досугъ въ Москвѣ, куда уѣхалъ 29 августа Арцимовичъ, съ разрѣшенія государя, для того, чтобы проститься съ семействомъ. Возвращаясь изъ Москвы, 7 сентября, утромъ, онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ съ Юріемъ Самаринымъ. Всю дорогу они толковали о Польшѣ, для которой Самаринъ не видѣлъ иного исхода, кромѣ диктатуры (письмо къ женѣ). Въ С.-Петербургѣ Арцимовичъ засталъ уже Милютина, имѣвшаго аудіенцію у государя 31 августа. Оставаясь затѣмъ въ Петербургѣ до 18 сентября, Арцимовичъ почти каждый день видался съ нимъ и простился съ нимъ до скорого свиданія въ Варшавѣ и до скорыхъ совмѣстныхъ работъ по управленію. Въ письмахъ къ женѣ Арцимовича имѣются слѣдующія отмітки о Милютинѣ.

7 сентября вечеромъ: „Увидѣлся съ Милютинымъ. Отказывается, но ему не уступаютъ“. 9 сентября: „Насчетъ Милютина еще ничего не рѣшено“. 10 сентября: „Вчера я провелъ вечеръ у Милютина. Толковали; онъ намѣренъ отказываться“. 11 сентября: „Сегодня будетъ окончательное убѣжденіе Милютина“. Неизвѣстно, какой будетъ результатъ. Онъ отговаривается, между прочимъ, полнымъ незнаціемъ польскаго языка“. 13 сентября: „По случаю назначенія Милютина, тоже временно въ царство польское, надо съ нимъ поговорить, а онъ до крайности медлителенъ. Хотя мы оба посвящаемся одному дѣлу, но, по случаю отъѣзда государя (въ Финляндію), ничего не сказано насчетъ соглашенія. Это меня затрудняетъ. Во всякомъ случаѣ надо какъ-нибудь уладить и извернуться“.

Отношенія этихъ двухъ людей, столь различныхъ по темпераментамъ, могутъ быть опредѣлены такимъ образомъ. Оба сознавали, что будутъ дѣйствовать сообща по одному и тому же государственному дѣлу на правахъ равенства, а не подчиненія, и съ возможностью расходиться во взглядахъ во всемъ, кромѣ одного крестьянскаго вопроса, въ каковомъ вопросѣ Арцимовичъ добровольно уступалъ первенство Милютину и становился подъ его начало, какъ то видно изъ его

письма отъ 14-го сентября: „Ежели Милютинъ найдетъ возможнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ принять участіе въ управленіи царствомъ и коснуться крестьянской реформы, то тогда разрѣшится и возможность моего участія. Все зависитъ отъ системы, какая будетъ принята въ царствѣ. Теперь не можетъ быть никакого гражданскаго управленія, но одна военная диктатура“. Уже и тогда Арцимовичъ и Милютинъ не договаривались до самаго существеннаго, и, сами того не замѣчая, откликались на многое, происходившее—не совсѣмъ согласно. Милютинъ мирился мысленно съ ролью Муравьева въ Вильнѣ, у котораго онъ побывалъ по пути въ Варшаву и съ которымъ былъ потомъ въ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ не прочь былъ пользоваться услугами „Московскихъ Вѣдомостей“, точно вѣтромъ, вздувающимъ его паруса, между тѣмъ какъ Арцимовичъ возмущался статьями Каткова. 11 сентября: „Москва рубить и разрѣшаетъ всѣ вопросы на бумагѣ. Катковъ—одинъ изъ самыхъ вредныхъ людей. Его энтузіазмъ къ поддержанію прежнихъ (кулачныхъ) приѣмовъ приведетъ къ посрамленію отечество“. 14 сентября: „Катковъ выдаетъ камнями и грязью на всѣхъ варшавскихъ дѣятелей“. Арцимовичъ замѣчаетъ, что Милютинъ работаетъ медленно и оттягиваетъ свой отъѣздъ. 15 сентября: „Вчера до двухъ часовъ ночи мы бесѣдовали съ Милютинымъ и условились насчетъ нашихъ занятій въ Варшавѣ. Онъ пріѣдетъ въ началѣ октября, а я ѣду послѣ-завтра“. 16 сентября: „Срокъ моего пребыванія въ Варшавѣ будетъ зависѣть отъ хода работъ и успѣха занятій Милютина. По пріѣздѣ его въ Варшаву, мы будемъ по нѣкоторымъ предметамъ работать совмѣстно. Милютинъ зоветъ съ собою Самарина. Не знаю еще—поѣдетъ ли онъ“. 17 сентября, за два часа до отъѣзда: „Купилъ карманный револьверъ, изъ котораго, впрочемъ, не умѣю стрѣлять“.

Настроеніе Арцимовича въ моментъ отъѣзда всего лучше выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ его письма къ женѣ: „Я смотрю на командировку Милютина и мою, какъ на попытку воспользоваться болѣе разумными, мыслящими представителями нашей администраціи. Мы — ничтожное меньшинство, а большинство будетъ продолжать свои требованія, основанныя на разрушительной силѣ. Положеніе наше—не новое; оно проявлялось и при прежней дѣятельности, въ особенности же для меня, въ Калугѣ. Россія имѣетъ много опыта, знанія и преданій для системы полнаго прежняго произвола, но она еще очень неопытна и слаба въ приѣмахъ гражданскихъ. Еслибы сила просвѣщенія была (у насъ велика), то не могло бы возникнуть та-

кихъ затрудненій на западѣ государства... Привлечь людей въ царство очень трудно и почти невозможно. Поѣдутъ шаромыжники и предприниматели черныхъ дѣлъ. Пока не уяснится и не установится новая система, я не могу и не буду принимать участія въ управленіи, и въ этомъ отношеніи буду твердъ, еслибы мнѣ даже угрожали неудовольствія и самая отставка. Скажи милому твоему брату Алексѣю, что я буду себя вести какъ врачъ, изучающій болѣзнь и желающій помочь больному. Странно подумать, какъ страдаютъ обѣ стороны: Россія и Польша“.

IV.

Первое посѣщеніе В. А. Арцимовичемъ Варшавы и польскаго края продолжалось съ 18 сентября по 30 октября 1863 г. Ему не пришлось стрѣлять изъ револьвера. Въ Варшавѣ онъ испытывалъ самыя сенсаціонныя неожиданности, такъ какъ мимо него ежеминутно проносились тѣ или другія революціонныя катастрофы. На второй станціи отъ Вильна къ Гродну, за нѣсколько часовъ до прихода поѣзда, была схватка солдатъ съ бандою повстанцевъ; два солдата ранены, нѣсколько повстанцевъ взяты въ плѣнъ. Въ самый день пріѣзда Арцимовича въ Варшаву, на пяти варшавскихъ площадяхъ повѣшены пятеро такъ называемыхъ „кинжальщиковъ“, по одному на каждой, взятыя съ оружіемъ въ рукахъ. Казнены они были по распоряженію намѣстника и, такъ сказать, въ отместку за покушеніе на жизнь его метательными снарядами при проѣздѣ его по Новому-Свѣту, изъ дома графа Андрея Замойскаго. 23 сентября 1863 г., раннимъ утромъ, въ Европейской гостинницѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, убитъ былъ ударомъ кинжала, при весьма таинственной обстановкѣ, саксонскій еврей, докторъ Бертольдъ Германи, служившій одновременно нѣсколькимъ правительствамъ въ качествѣ шпиона, пріѣхавшій изъ Кракова и направлявшійся въ Вильно, къ М. Н. Муравьеву („Записки о польскихъ повстаніяхъ“ Н. Берга, въ „Русской Старинѣ“, № 9, за 1877 г.). Намѣстникъ пытался осилить революцію посредствомъ репрессалій. И домъ Замойскаго, и Европейская гостинница, были конфискованы и отведены подъ помѣщеніе солдатъ. Такова была общая мѣра по отношенію ко всѣмъ домамъ, гдѣ были совершены или приготовляемы политическія покушенія на убійства. Въ письмѣ отъ 20 сентября, Арцимовичъ сообщалъ женѣ, что въ этотъ день подписанъ намѣстникомъ „декретъ о контрибуціи“, и что съ 1 ноября

жители Варшавы (домовладѣльцы) обложены налогомъ въ 8% съ дохода, что на городъ составить 300.000 рублей. Эту контрибуцію положено взимать по книгамъ подымнаго сбора, хранившимся въ варшавской ратушѣ, на Театральной площади. Подпольное правительство предположило похитить эти книги изъ ратуши, а такъ какъ похищеніе оказалось невозможнымъ, то—сжечь самую ратушу (бывшій дворецъ кн. Яблоновскихъ). Ратуша, дѣйствительно, подожжена 6 октября и сгорѣла до-гла. Правительство учредило въ царствѣ польскомъ военно-полицейское управление, съ генераль-полиціймейстеромъ О. О. Треповымъ во главѣ. Треповъ, обыкновенно, ходилъ пѣшкомъ изъ своей квартиры, въ Брюлевскомъ дворцѣ, на Сенаторскую улицу, гдѣ было управленіе генераль-полиціймейстера. На его жизнь сдѣлано покушеніе 21 октября, на улицѣ, во время его прогулки, вслѣдствіе чего, 30 октября, двое изъ покушавшихся были повѣшены. Такимъ образомъ, явно было, что въ Варшавѣ существуютъ одновременно два взаимно противодѣйствующія правительства, одно—официальное, съ намѣстникомъ во главѣ, и другое—безымянное, революціонное. Ежедневно, съ 6 часовъ вечера до 6 утра, по городу разставляемы были войска, въ количествѣ до 30.000 человекъ, съ заряженными ружьями. Другое правительство—такъ называемый *ржондъ*—мѣнялось послѣдовательно нѣсколько разъ въ своемъ личномъ составѣ. Въ послѣднихъ числахъ сентября 1863 г., во главѣ его стоялъ послѣдній польскій революціонный диктаторъ, отставной саперъ, севастопольскій солдатъ Ромуальдъ Траугутъ, арестованный весною 1864 года. Арестованіе Траугута положило конецъ существованію подпольнаго революціоннаго правительства и послужило началомъ весьма медленнаго постепеннаго возвращенія столицы въ нормальному порядку.

Очутившись въ совершенно новой для него средѣ, между людьми, съ которыми ему впервые приходилось сводить знакомство, въ полномъ еще разгарѣ придавленной, но не потушенной революціи, Арцимовичъ въ первые полтора мѣсяца бытности въ Варшавѣ наблюдалъ происходившее и записывалъ въ ежедневныхъ почти посланіяхъ къ женѣ свѣжія впечатлѣнія народной драмы, которую приходилось переживать. Постараюсь передать вкратцѣ эти несомнѣнно интересныя ощущенія безпристрастнаго очевидца, не причастнаго ни къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ.

Арцимовичу отведена была квартира въ Замкѣ, занимаемомъ намѣстникомъ. Почти ежедневно, для развлеченія, ѣздилъ онъ по Уяздовскимъ аллеямъ въ Бельведеръ и Лазенки. „Не вообра-

жай себя,—писалъ онъ,—чтобы насъ въ Варшавѣ опасались; движеніе здѣсь очень значительное, много народу, еще болѣе военныхъ; непрерывно снуютъ казаки, будочники и караульные; на всѣхъ концахъ и углахъ, во всѣхъ монастыряхъ стоятъ роты солдатъ; но въ городѣ обычное движеніе и вовсе не замѣтно, чтобы убійства и покушенія на убійства пугали жителей... Много даже гуляющихъ, но всѣ смотрятъ уныло и мрачно. Польки, въ траурныхъ платьяхъ, отворачиваются, проходя мимо военныхъ. Наши патрули прохаживаются ровнымъ шагомъ, но только по приказанію начальства, безжизненно и скучно. Мы занимаемъ городъ, но имъ не управляемъ... Мы стоимъ лагеремъ въ непріятельской странѣ... Русскіе не бесѣдуютъ съ поляками, не видятъ поляковъ—полное разьединеніе... Изъ поляковъ я бесѣдую только съ здѣшними сановниками и чиновниками, между которыми много людей дѣловыхъ и образованныхъ. Говоря съ ними по-польски, мнѣ самому странно, что этимъ языкомъ приходится пользоваться въ официальной дѣятельности. Кое-какъ изворачиваюсь... Официальный кругъ и военные совсѣмъ отдѣлены отъ жителей, за исключеніемъ публичныхъ женщинъ и шпионовъ... Я съ ужасомъ смотрю на это разьединеніе... Вся администрація подчинена военнымъ властямъ. Гражданскіе чины не могутъ и не должны дѣйствовать—они въ параличѣ. Военные, дѣйствуя однимъ устрашеніемъ, не могутъ справиться съ революціоннымъ движеніемъ, которое поддерживается изъ Франціи, Галиціи, Познани, и всю вину неудачъ сваливаютъ на гражданскую администрацію, которая естественно должна ослабнуть во время военной диктатуры"... „Здѣшніе министры—просто столоначальники, а губернаторы—слѣпые органы военныхъ начальниковъ... Здѣсь, въ центрѣ Европы, военный элементъ желаетъ играть и дѣйствительно играетъ первую роль, причемъ казачество составляетъ одну изъ важнѣйшихъ опоръ. Здѣшніе военные возстаютъ противъ гражданской администраціи, не замѣчая, что взваливаютъ свою собственную вину на другихъ. Ни одинъ изъ нихъ не читалъ исторіи, а ищутъ *виновныхъ въ мѣстахъ*, тогда какъ виновна *исторія*". Употребленное въ этой фразѣ заключительное слово „исторія“ было бы столь же непонятно и темно, какъ слова: рокъ, судьба, еслибы Арцимовичъ не пояснялъ тутъ же, въ письмахъ, какъ, на его взглядъ, по исторически сложившимся условіямъ, съ которыми не способны совладать современные люди, они пришли роковымъ образомъ къ тому „нелѣпому“ положенію, что изощряются въ однихъ только злобныхъ изобрѣтеніяхъ и думаютъ только о томъ, какъ

бы другъ другу вредить и мстить. Онъ этой вражды не чувствуетъ, но онъ ее исторически понимаетъ; онъ сожалеетъ о ней и считаетъ возможнымъ со временемъ устраненіе всякихъ только историческихъ, то-есть временныхъ причинъ. „Бѣдная Польша—бѣдная и Россія. Польша страдает и, можно сказать, мучится, но и всѣ живущіе здѣсь русскіе привыкають къ произволу, къ пренебреженію правъ, къ поклоненію одной матеріальной силѣ. Польша—дурная школа для гражданскаго развитія Россіи... Участь страны такая ужасная, что нельзя уклоняться отъ дѣла, которое въ самомъ себѣ содержитъ добро... Какъ ни скучно мнѣ здѣсь, но я радъ, что видѣлъ Варшаву и изучилъ особенности положенія царства польскаго“. Арцимовичъ различаетъ историческія причины или условія вражды, совсѣмъ особыя для каждой изъ враждующихъ націй. Поляки всѣ сосредоточены въ идеяхъ патріотизма и политическихъ тенденціяхъ; положеніе поляковъ могутъ измѣнить только исторія и ходъ дѣлъ въ Европѣ, однимъ словомъ,—политическая мечтательность и заискиваніе у европейскихъ націй или, лучше сказать, заискиваніе у одной только державы—Франціи, съ которою Польшу связали наполеоновскія преданія. Что касается до послѣдняго изъ этихъ якорей, на которыхъ держатся упорно надежды поляковъ, то вспомнимъ, что письма В. А. Арцимовича писались съ полгода послѣ дипломатической попытки вмѣшательства западно-европейскихъ народовъ въ польскій вопросъ въ Россіи (17 и 18 апрѣля 1863 г.), и что канатъ этого якоря былъ основательно и навсегда отрубленъ только событіями 1870 г., то-есть седанскимъ погромомъ и превращеніемъ Франціи въ республику. Седанскій погромъ, до котораго еще дожилъ Арцимовичъ, былъ едва-ли не первымъ случаемъ совпаденія—по разнымъ причинамъ—одного и того же симпатичнаго для французовъ чувства и у русскихъ, и у поляковъ,—одинаковаго ихъ соболѣзнованія. Съ этого только момента польскій вопросъ пересталъ быть общеевропейскимъ и превратился въ одинъ изъ внутреннихъ вопросовъ cadaго изъ трехъ государствъ, расчленившихъ Польшу, причемъ исчезала возможность у поляковъ помышлять о возстановленіи самобытности политической.

По воспитанію и карьерѣ, по своей женитьбѣ на русской и своему семейному положенію („я направилъ мое семейство въ составъ русской гражданственности“) Арцимовичъ былъ чуждъ политическаго мечтательства, которымъ было пропитано поколѣніе польской націи, принявшее участіе въ мятежѣ 1863 г., но онъ винилъ русскихъ людей въ томъ, что, владѣя наибольшимъ

шею частью прежней Польши полвѣка, они не сумѣли привязать къ себѣ подвластный народъ и политически перевоспитать его. „Ничего мы не внесли въ этотъ край, кромѣ военной силы. Съ 1830 г., всѣ гражданскія власти зависѣли отъ военныхъ, министрамъ давали огромное содержаніе, построили имъ дворцы, но власть перешла къ военнымъ и въ округъ жандармовъ. Я читалъ отзывы поляковъ о прусскомъ управленіи; польскіе патріоты ненавидятъ пруссаковъ за германизацию, но уважаютъ ихъ за честную гражданскую администрацію. Въ Познани не давали мѣстъ въ высшей администраціи за сводничество и факторство, не ставили во главѣ управленія взяточниковъ, поклонниковъ нагайки и палокъ, не ставили своего личнаго произвола выше закона. Россія получила бы въ Польшѣ другое значеніе, если бы сила наша не основывалась на однихъ только штыкахъ... Если мы намѣрены устоять въ Польшѣ, то мы должны въ ней являться съ приемами европейскаго образованія, съ книгою законовъ и гражданскою честностью,—и тогда, даже въ случаѣ борьбы за національность и цѣлость государственную, мы не будемъ ощущать тяжелаго чувства, оглядываясь на нечистыхъ и грубыхъ злоупотребленія нашихъ (русскихъ) соотечественниковъ. Революціонное движеніе въ царствѣ поддерживается пропагандою и вращается въ области идей, а мы не умѣемъ дѣйствовать въ этой сферѣ. Противъ движенія идей мы выставляемъ одну вещественную силу дисциплинированнаго солдата, отдаемъ приказы, чтобы гминные войты изъ поляковъ открывали намъ заговорщиковъ, и кричимъ: „измѣна!“,—когда сами должны сознать, что мѣстный житель не можетъ быть нашимъ агентомъ. Мы удивляемся, что ржондъ вѣшаетъ такое множество людей и что народъ не возстаетъ противу этого страшнаго насилія. Оказывается на повѣрчу, что банды вѣшаютъ по преимуществу тѣхъ, на кого сами жители указываютъ, какъ на измѣнниковъ и шпионовъ. Въ этомъ фактѣ выражается сочувствіе массъ къ возстанію... Я далеко не увѣренъ, чтобы можно было начать реформы прежде усмиренія страны, и въ особенности прежде окончательнаго успѣха заграничнаго вмѣшательства“.

V.

Намѣстникъ, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ, принялъ Арцимовича весьма любезно и предупредительно, звалъ его очень часто обѣдать, приходилъ къ нему бесѣдовать и настоятельно тре-

бовать принятія должности министра или, по офіціальному наименованію, директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто удаляющагося Александра Островскаго—друга и сторонника не А. Замойскаго, а маркиза Вѣлѣпольскаго. Арцимовичъ отказывался, и писалъ женѣ 19 сентября: „Я въ этомъ отношеніи непоколебимъ; выжду пріѣзда Милютина, съ нимъ потолкую и уясню, что мнѣ надобно дѣлать и какъ быть“. Въ совѣтѣ управленія (rada administracyjna) онъ нашелъ прежнихъ своихъ знакомыхъ—Фондуклея и Кербедзя. Онъ былъ весьма пораженъ, когда ему сдѣлалъ визитъ Ө. Ө. Треповъ, и когда, передавая ему о бѣдственномъ положеніи страны, былъ столь растроганъ, что даже „на глаза ему навернулись слезы“. Треповъ указывалъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ революціи, на воспитаніе молодежи, которую Мухановъ систематически развращалъ по системѣ Меттерниха. Треповъ описалъ варшавскія событія 1863 г., но оставилъ это описаніе въ Кіевѣ, гдѣ живетъ его семейство. Свое нежеланіе вступить въ должность Арцимовичъ описываетъ 2 октября слѣдующимъ образомъ: „Я твердо убѣдился, что администрація не можетъ здѣсь имѣть никакого значенія. Гражданскія власти давно привыкли къ полному подчиненію военному начальству. Здѣшніе министры и губернаторы не опредѣляютъ иначе чиновниковъ, какъ съ согласія военныхъ начальниковъ и жандармовъ. Увольненіе всѣхъ чиновниковъ предоставлено военнымъ начальникамъ. Бумажная бюрократическая машина движется, но сила не въ ея рукахъ и не скоро въ ея руки возвратится. Появленіе въ гражданской администраціи новаго лица способно только возбудить множество столкновеній безъ видимой для хода дѣлъ пользы. Я не могу принять ничтожную роль министра, подчиненнаго полковымъ командирамъ, министра безъ власти управленія и безъ всякаго сношенія съ народомъ“.

Изъ всѣхъ вопросовъ будущей организаціи страны одинъ выдвигался на первый планъ и господствовалъ надъ другими, потому что на немъ, какъ на краеугольномъ камнѣ, надлежало утвердить, по усмирении страны, будущее общественное устройство. Съ крестьянскимъ дѣломъ въ царствѣ польскомъ Арцимовичъ былъ совершенно незнакомъ. Хотя самъ онъ лично не участвовалъ въ выработкѣ „Положенія 19 февраля 1861 г.“, а подалъ министру С. С. Ланскому только записку, которая обратила на себя вниманіе, о причинахъ упадка власти губернской, направленную противъ предполагавшагося повсемѣстнаго введенія генераль-губернаторовъ, но онъ вводилъ „Положеніе 19 февраля 1861 г.“ въ калужской губерніи и былъ глубоко

убѣжденъ въ необходимости распространенія его и на царство польское, въ чемъ онъ сходился съ Милютинимъ. Имѣя много свободнаго времени, онъ обложилъ себя книгами и брошюрами по крестьянскому вопросу въ Польшѣ, причемъ ему весьма пригодились знаніе польскаго языка. Онъ зачитывался до того, что глаза уставали. 20 октября, онъ сообщалъ женѣ (двѣ недѣли послѣ приѣзда): „Двадцать лѣтъ тому назадъ поляки сами предвидѣли настоящій кризисъ и въ прекрасно разработанныхъ сочиненіяхъ предлагали устроить крестьянъ на началахъ выкупа и сельскаго управленія“. Вѣроятно, Арцимовичъ имѣлъ въ виду сочиненіе псевдонима, Адама Кржижтопора (гр. Оомы Потоцкаго), объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Польшѣ ¹⁾, а также заключеніе, къ которому пришло въ февралѣ 1861 г. земледѣльческое общество въ царствѣ польскомъ, что очиншеваніе крестьянъ не есть конецъ дѣлу, а надо посредствомъ обдуманной финансовой операціи произвести выкупъ чиншей и сдѣлать крестьянъ собственниками земель, которыми они пользуются. „Варшавскіе правители, — писалъ Арцимовичъ, — не обратили вниманія на указанія мыслящихъ людей, а всѣ мѣры, принятія Вѣлѣпольскимъ, подвигали дѣло, но исключительно въ смыслѣ помѣщичьемъ“. Для поясненія этихъ выраженій замѣтимъ, что Вѣлѣпольскій, будучи рѣшительнымъ врагомъ барщины, какъ нарушающей коренное начало статьи 1142 наполеонова кодекса, по которой нельзя никого обязать силою что-нибудь дѣлать, но только взыскивать убытки, въ своихъ личныхъ воззрѣніяхъ о поземельномъ обезпеченіи крестьянъ не шелъ дальше 24-лѣтней аренды. При немъ изданы два аграрные закона: 1) 4 мая 1861 г. — о замѣнѣ барщины окупомъ, колы скоро того потребуетъ состоящій на барщинѣ, и 2) 25 мая 1862 — объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ. Послѣдній законъ остался мертвою буквою, когда вспыхнуло повстаніе, потому что крестьяне перестали тогда и барщину отбывать, и оброкъ платить. Въ письмѣ отъ 2 октября, Арцимовичъ задается вопросомъ, какое значеніе въ понятіяхъ простонародья имѣютъ прокламаціи ржонда о надѣлѣ крестьянъ землею и о воспрещеніи помѣщикамъ собирать оброки, и замѣчаетъ, что все въ царствѣ польскомъ усложнено до-нельзя. Безземельныхъ крестьянъ считается до 1.100.000 — громадная пропорція, въ виду того, что все сельское населеніе царства не превышаетъ 3 ¹/₂ милліоновъ душъ обоого пола. Эти безземель-

¹⁾ „O urządzeniu stosunkow rolniczych w Polsce“, 1851. „Poznań“ i „Poranki Karlsbadskie“, 1858. Poznań

ные крестьяне не имѣютъ ничего; они нанимаются помѣщиками и крестьянами же на срокъ и перекочевываютъ изъ одного селенія въ другое. Чтобы узнать, что думаетъ и на что надѣется сельскій людъ, надобно бы объѣхать нѣсколько селеній, по крайней мѣрѣ, въ разныхъ районахъ, что представляется не совсѣмъ удобнымъ при условіяхъ не совсѣмъ подавленного мятежа и кое-гдѣ бродящихъ еще шаекъ повстанцевъ. Мысль о такой, совсѣмъ незаурядной и сопряженной съ неожиданностями поѣздкѣ не покидала Арцимовича съ самаго его прибытія въ Варшаву. „Поѣздку я отложилъ,—пишетъ онъ,—до пріѣзда Милютинъ. Между тѣмъ, отъ намѣстника получено извѣстіе, что пріѣдетъ не одинъ Милютинъ, а съ цѣлою редакціонною комиссіею изъ русскихъ защитниковъ крестьянъ: Ю. Самаринъ, князь Черкасскій, Протопоповъ, Петерсонъ“. Они пріѣхали 12 октября. Особенное вниманіе обращали на себя князь Черкасскій и Самаринъ съ большою окладистой бородой, оба съ независимымъ положеніемъ и люди новые среди служебнаго міра. Пріѣздъ ихъ удивилъ намѣстника, который не любилъ вообще редакціонныхъ комиссій. Какъ остзеецъ, онъ не сочувствовалъ и направленію пріѣхавшихъ специалистовъ крестьянскаго дѣла. „Не повѣришь,—пишетъ Арцимовичъ,—до какой степени я обрадовался, дождавшись и встрѣтивъ знакомыхъ и умныхъ людей. Всѣ убѣждены, что, пока существуетъ военная диктатура, я не долженъ здѣсь дѣйствовать“. Арцимовичъ убѣдилъ пріѣхавшихъ предпринять поѣздку по уѣздамъ подъ прикрытіемъ казаковъ. Поѣздка началась въ 5 часовъ утра 20 октября, а 24-мъ октября помѣчено письмо Арцимовича къ женѣ, уже изъ Варшавы; значитъ, весь объѣздъ кончился на пятый день. Общее впечатлѣніе поѣздки Арцимовичъ выражаетъ такъ: „Болѣе всего досталось помѣщикамъ; за крестьянами ухаживаютъ и наши войска, и революціонная партія. Хотя отдѣльныхъ крестьянъ и вѣшаютъ, но мы довольны. Ржондъ запретилъ взыскивать оброкъ; слѣдовательно, классъ крестьянъ находится въ покоѣ и удовольствіи“.

Результатъ поѣздки изложенъ въ печатной запискѣ на 22 большихъ страницахъ, никѣмъ не подписанной и озаглавленной: „*Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ царства польскаго въ октябрь 1863 г.*“ На первой страницѣ, въ выносѣхъ подъ нею, значится, что въ поѣздкѣ участвовали сенаторъ Милютинъ, сенаторъ Арцимовичъ, коллежскій совѣтникъ Самаринъ и князь Черкасскій; по распоряженію намѣстника царства, командированъ былъ для сопровожденія ихъ флигель-адъютантъ гвард. генер. шт. капитанъ Анненковъ съ конвоемъ изъ полсотни линейныхъ

казаковъ и полуэскадрона уланъ. Въ концѣ записки поставлено число ея напечатанія—1 ноября 1863 года. Записка не имѣетъ подписей, но сочинена какъ будто бы сообща, какъ рассказъ о томъ, что „мы“ (во множественномъ числѣ) видѣли, изучили, потребовали... „такимъ представилось намъ настроеніе народной массы въ Польшѣ“... значить,—какъ повѣствованіе четырехъ поименованныхъ въ первой выноскѣ обозрѣвателей-специалистовъ. Записка составлена живо, бойко, рельефно, весьма литературно. Въ книгѣ Анатоля Лероа-Болье сочинительство ея прямо приписывается Юрію Федоровичу Самарину, то-есть тому изъ обозрѣвателей, который былъ выдающійся по таланту писатель-публицистъ. Въ этой же книгѣ приведено (стр. 218) письмо Милютина къ женѣ, въ которомъ умалчивается то, что несомнѣнно явствуетъ изъ переписки Арцимовича съ женою,—что мысль о поѣздѣ возникла у него и внушена имъ намѣстнику до пріѣзда трехъ остальныхъ, кромѣ Арцимовича, обозрѣвателей. Въ томъ же письмѣ къ женѣ Милютинъ представляетъ себя какъ будто бы дѣйствующимъ втроемъ („я, Самаринъ и Черкасскій“), а хотя упомянуть и Арцимовичъ, но только въ качествѣ второстепеннаго лица: „Арцимовичъ предложилъ намъ охотно сопровождать насъ въ качествѣ переводчика, чѣмъ и оказалъ намъ величайшую услугу“. Позволю себѣ возразить противъ такого невѣрнаго, на мой взглядъ, обезцѣненія того участія, которое принималъ Арцимовичъ и въ поѣздѣ, и въ самомъ сочинительствѣ записки, участія прямого, непосредственнаго и первостепеннаго. Записка начинается словами: „Изучивъ предварительныя постановленія и инструкціи, которыми опредѣляется положеніе крестьянъ въ царствѣ польскомъ, мы испросили у намѣстника разрѣшеніе объѣхать нѣкоторые уѣзды и проч.“. Спутники Арцимовича не могли въ теченіе недѣли, съ 12-го по 20-е октября, изучить постановленія и инструкціи, изданныя на польскомъ языкѣ, въ которомъ никто изъ нихъ не былъ свѣдущъ. Настоящую пользу отъ интереснаго, предпринятаго ими, опыта они могли получить только посредствомъ разспросовъ на мѣстѣ, а сообщаться съ населеніемъ они, очевидно, могли только посредствомъ надежнаго переводчика, какимъ являлся одинъ Арцимовичъ. Сама программа занятій и планъ поѣздки могли исходить только отъ лица сравнительно болѣе знакомаго съ положеніемъ края и исключительно почти занятаго изученіемъ крестьянскаго вопроса съ пріѣзда своего въ Варшаву 18-го сентября. Въ письмѣ къ женѣ, отъ 25-го октября, значитъ, что „все общество пріѣзжихъ, которое, по здѣшнему выраженію, можно назвать *бандою эманципаторовъ*, обѣдало у

Берга; послѣ обѣда Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій сидѣли у меня и долго бесѣдовали. Я имъ передавалъ собранныя мною свѣдѣнія“. Затѣмъ послѣдовала редакція записки, въ которую вошло что было схвачено, такъ сказать, на лету обзорѣвателями и занесено ими въ ихъ „записныя книжки“. Кто составлялъ записку, того Арцимовичъ въ письмахъ своихъ не выяснилъ; по всей вѣроятности, то былъ Самаринъ, какъ самый талантливый, въ литературномъ отношеніи, въ той группѣ членовъ. Въ одномъ письмѣ Арцимовича къ Милютину (отъ 8-го ноября 1863 г.) сказано: „ваша записка о побѣдѣ по деревнямъ подрѣзываетъ государя въ мысляхъ его относительно крестьянскаго вопроса. Слово „ваша“, а не „наша“, записки объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ запискѣ попадаются нерѣдко многія отдѣльныя выраженія и фразы, которыя не могли бы быть употреблены Арцимовичемъ, какъ полякомъ по происхожденію и римскимъ католикомъ, или какъ человекомъ, понимающимъ глубокія причины столѣновенія двухъ національностей и избѣгающимъ рѣзкихъ сужденій даже и о мятежникахъ. Въ запискѣ сельскіе востелы характеризуются какъ „мрачныя“, всендзы—какъ „исподлобья высматривающіе, что дѣлается по сторонамъ“. Бѣлостокскій уроженецъ, значить родившійся на самой почти границѣ царства польскаго, Арцимовичъ зналъ, что въ царствѣ польскомъ съ 1807 г. нѣтъ шляхты, какъ сословія,—значить, не могъ бы помириться съ тѣмъ, что написано на страницѣ 14: „Въ настоящее время польская шляхта, носящая на себѣ двойственный характеръ *сословія* и политической партіи, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ образовали плотную стѣну, чрезъ которую мысль, воля и слово верховной власти, въ народу обращенныя, *никогда* до него не пробьются“. Арцимовичъ съ своей точки зрѣнія только потому счелъ возможнымъ принять командировку въ Варшаву, что не признавалъ никакой такой стѣны между—не шляхтою,—но интеллигенціею народа и простымъ народомъ, не пропускающей будто бы никакой благой мысли и воли верховной власти. Еще менѣе могъ быть удовлетворенъ Арцимовичъ содержащимся на стр. 19 опредѣленіемъ современнаго положенія польскаго вопроса: „Борьба правительства не съ польскою націею, какъ думаютъ многіе, а съ уродливимъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія и іезуитскаго лукавства: въ этомъ и есть узелъ современнаго вопроса въ Польшѣ“. Странное на первый взглядъ помѣщеніе этой фразы въ запискѣ, въ которой онъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, могло произойти потому, что Арцимовичъ уже не присут-

ствовавъ при напечатаніи записки 1-го ноября, такъ какъ 29-го октября, давъ всѣ бумаги Милютину, онъ уже укладывался ѣхать въ Петербургъ, изъ котораго онъ пишетъ письмо женѣ въ Москву, помѣченное 2-мъ ноября. Конецъ записки таковъ, что подъ нимъ могъ бы охотно подписаться Арцимовичъ, какимъ былъ онъ какъ человѣкъ, считающій безумными затѣи революціонеровъ, надѣющійся, однако, на будущее польской національности подѣлъ сѣбно русской государственности: „Мы говорили крестьянамъ на прощаніе, что царь объ нихъ не позабылъ, убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ него милости, а врагамъ его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ принимались съ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. Поселяне выслушивали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ отъ себя по нѣскольку разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправданіе какаго-то своего собственного темнаго чаянія, котораго они сами не могли бы себѣ уяснить... Народная масса находится въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ одну сторону тянутъ ее (повстанцы) силою самыхъ заманчивыхъ обѣщаній, на половину уже осуществившихся; въ другой влечетъ ее вѣрный историческій инстинктъ, — къ сожалѣнію, ни въ чемъ еще не нашедшій ни поддержки, ни оправданія. Чья сила окончательно перетянетъ? Кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ окончательно исходъ современной борьбы, въ которой законное правительство призвано спасти не только политическое владычество Россіи надъ Польшею, но и самую будущность народа польскаго!“

Въ этомъ заключеніи записки, которое повидимому было искреннее, проявляется въ полномъ блескѣ то, что было самаго лучшаго въ старомъ славянофильствѣ московскомъ пятидесятихъ годовъ, имѣвшемъ своимъ умственнымъ руководителемъ Юрія Самарина. Что такое же сочувственное отношеніе къ иной, не своей родной русской, но славянской національности одушевляло и Милютина, о томъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя позднѣйшія его дѣйствія, — напримѣръ, его записка „объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ“ 22-го мая 1864 г., направленная противъ мысли обрусить поляковъ въ царствѣ искусственными мѣрами, или организація имъ своеобразной гмины въ царствѣ, а не волости или общины на подобіе великорусской. Если мы вникнемъ, однако, въ мысль, внушающую эти славянскія сочувствія писателямъ записки, то должны будемъ признать, что эта мысль была у нихъ весьма отвлеченная, весьма далекая отъ дѣй-

ствительности и неприложимая по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. На-ряду съ выражаемыми въ запискѣ симпатіями къ націи указано, что интеллигентные ея классы сплошную стѣною стоятъ, не пропуская свѣта, что въ нихъ одно только бунтованіе и іезуитское лукавство,—значить, что ихъ придется срѣзать, придется у націи ея голову отсѣчь. Еще не бывало хирурга, который бы ухитрился отнять голову у живого организма и приставить ему другую. Народъ, у котораго усѣчена была бы его интеллигенція, перестаетъ быть націей; только его же интеллигенція можетъ его воспитывать и одушевлять. Она можетъ заблуждаться, можетъ даже безумствовать; тогда приходится отрезвить ее и излечить, удаляя тѣ причины, которыя ей мѣшали относиться разумно къ вещамъ. По совершенно вѣрному пониманію Арцимовича, эти причины бываютъ только историческія, а слѣдовательно только временныя и несущественныя. Прочное оздоровляющее вліяніе одного народа на другой можетъ быть только посредствомъ интеллигенціи послѣдняго и посредствомъ дѣйствія на эту интеллигенцію умственными приемами, которое только тогда становится возможнымъ, когда врачующій пойметъ, что происходитъ въ душѣ врачаемаго и въ чемъ состоитъ то зло, отъ котораго приходится его лечить. У нашихъ реформаторовъ не было ни малѣйшихъ заботъ о такомъ психологическомъ діагнозѣ, ихъ средства дѣйствія были только физическія и заключались только въ могущественномъ военномъ и бюрократическомъ снарядѣ, которымъ однимъ не разрѣшается психологическая задача. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется безплодіе всей системы за предѣлами крестьянскаго вопроса, мѣропріятій Милютина, имѣвшаго почти неограниченныя полномочія на всякія реформы въ царствѣ польскомъ.

VI.

Перехожу къ разсказу объ октябрьской поѣздѣ эманципаторовъ. Выборъ объѣзжаемыхъ мѣстностей былъ зрѣло обдуманъ съ полнымъ знаніемъ того, какія изъ нихъ были самыя интересныя для изслѣдованія. Взята была страна по варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ на 275-й верстѣ отъ Варшавы и по обѣ стороны дороги, съ такимъ расчетомъ, чтобы не отдаляться отъ рельсовъ болѣе чѣмъ на день коннаго пути. Доѣхавъ изъ Варшавы до Рогова (еще не было пути желѣзнаго отъ Колюшевъ до Лодзи), свернуть направо въ Лодзь и оттуда на мѣстечко Тушино и опять на желѣзную дорогу къ Піотркову (теперь Пе-

троковъ). Такимъ образомъ можно было объѣхать проселочными и шоссейными дорогами части уѣздовъ равскаго, ленчицкаго и піотрковскаго, весьма густо населенныя, съ населеніемъ великопольскаго типа. На Піотрковѣ и кончилъ свое путешествіе Милютинъ, вернувшійся въ Варшаву (книга А. Лероа-Волье, стр. 219). Его бывшіе спутники, Арцимовичъ, Самаринъ и Черкасскій, изъ Піотркова направились чрезъ Ченстоховъ въ южную часть радомской губерніи, своротили по другую сторону дороги на востокъ и въ виду синѣющихъ вдаль карпатскихъ предгорій проѣхали чрезъ Славковъ въ Олькушъ по горнозаводской странѣ, населенной кракусами малопольскаго типа; наконецъ, доѣхавъ на обратномъ пути до станціи Лазы, они вернулись въ Варшаву по желѣзной дорогѣ. Путешественники имѣли возможность изучить наглядно образцы существующихъ въ царствѣ формъ и условій сельскаго быта въ имѣніяхъ казенныхъ, маіоратныхъ и частныхъ, у крестьянъ удѣльныхъ (барщинныхъ), состоящихъ на окупѣ, отмежеванныхъ, наконецъ у колонистовъ, какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ.

Совершающіе объѣздъ ѣхали подъ конвоемъ линейныхъ казаковъ въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми на спины винтовками, и полузскадрона уланъ. Ихъ принимали порою за арестованныхъ поляковъ-патріотовъ; встрѣчныя дамы посылали имъ даже сочувственные привѣты. Они видѣли разные образцы военныхъ начальниковъ, слушали ихъ рассказы и замѣчали поразительное отсутствіе всякаго согласія и единства въ ихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, выходящихъ изъ круга военныхъ операций. Наиболѣе времени посвящали они крестьянамъ и крестьянскимъ сходкамъ. Крестьяне далеко не такъ подозрительны, замкнуты и забыты, какъ обыкновенно полагаютъ. Нигдѣ объѣзжающіе не встрѣтили упорнаго уклоненія отъ объясненій; напротивъ того, скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, удавалось вызвать крестьянъ на правдивое изложеніе ихъ нуждъ, ожиданій и жалобъ; достаточно было обнаружить къ нимъ участіе и приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностью, — напримѣръ, устранивъ со схода втирающихся въ нее стороннихъ лицъ: писарей, конторщиковъ, вообще лицъ, присматривающихъ за крестьянами. За удаленіемъ этихъ незваныхъ свидѣтелей, крестьяне немедленно подымали головы, ободрялись и начинали объясняться смѣлѣе. Пріѣзжіе старались разспрашивать о самыхъ простыхъ предметахъ, числѣ дворовъ, качествѣ грунта, повинностяхъ, затѣмъ переходили къ болѣе щекотливымъ: объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ войску, о прокламаціяхъ ржонда. Крестьяне и объ этомъ говорили безъ утаекъ и затѣмъ уже излагали отъ себя разныя жалобы на обиды.

Женщины оказывались еще откровеннѣе мужчинъ; вначалѣ онѣ только прислушивались, затѣмъ протирались въ толпу крестьянъ, вмѣшивались въ разговоры и къ концу даже отгѣсняли мужчинъ. Въ сословіи польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ, высшихъ, обнаруживалось преобладаніе живой и бойкой инициативы женскаго пола.

Крестьяне не потеряли сознанія предоставленныхъ имъ правъ, несмотря на частое нарушеніе этихъ правъ. Они не только понимаютъ разницу положенія барщинныхъ, платящихъ окупъ и очиншеванныхъ, но отдають себѣ отчетъ въ самой причинѣ разницъ. Они никогда не смѣшиваютъ двухъ теперешнихъ видовъ денежной повинности, изъ которыхъ *окупъ* есть переложенная на деньги цѣнность барщинныхъ дней, а *чиншъ* есть повинность грунтовая, болѣе или менѣе точно исчисленная по количеству и качеству земли. Способъ опредѣленія окупа имъ вполне извѣстенъ, и они безошибочно объясняли, во что цѣнится день пѣшій и конный, сколько нужно платить домохозяину, чтобы откупиться отъ барщины, сколько платить за строенія и во что имъ обходится моргъ земли.

О барщинѣ, или панцизнѣ, крестьяне отзываются съ омерзѣніемъ. Въ одномъ селеніи они жаловались на высоту окупа, но на вопросъ: приходится ли имъ жалѣть о прежней барщинѣ?—отвѣтили съ укоромъ: „какъ это можно! развѣ мы не люди?“ Крестьяне помѣщичьи и даже состоящіе на окупѣ—завидуютъ казеннымъ и очиншеваннымъ, но очиншеваніе подвигается туго. По официальнымъ свѣдѣніямъ въ царствѣ польскомъ числилось изъ 320.654 крестьянскихъ дворовъ 46⁰/₁₀₀ на чиншѣ, 41⁰/₁₀₀ на окупѣ, 11⁰/₁₀₀ на смѣшанной повинности и 2⁰/₁₀₀ на чистой барщинѣ. Казенные крестьяне сознають не безъ гордости свое превосходство надъ помѣщичьими не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Они пріѣзжимъ говорили: „кромѣ царя и Бога, мы не боимся никого“.

Что касается до крестьянскихъ надѣловъ, то само понятіе объ этихъ надѣлахъ могло возникнуть только съ изданія указа 26 мая 1846 г. Крестьяне въ царствѣ польскомъ получили въ 1807 г., по декрету Наполеона, одну личную свободу, безъ земли, превратились въ осѣдлыхъ на помѣщичьихъ земляхъ, но сгоняемыхъ съ этихъ земель по произволу, что и имѣло послѣдствіемъ ихъ постепенное обезземеленіе, которому пытался положить предѣлъ Николай I, постановивъ, что помѣщикамъ воспрещено вышпать повинности, лежащія на крестьянахъ за пользованіе ими земельными участками, и присоединять эти участки къ землямъ

фольварочнымъ или дворовымъ. Опустѣвшіе участки помѣщикъ долженъ былъ, — если онъ не хотѣлъ, чтобы они оставались необработанными пустками, — сдавать другимъ земледѣльцамъ на основаніи престаціонныхъ табелей, которыя обязательно, по закону 1846 г., вездѣ заведены для опредѣленія повинностей поселенцевъ. Совершающіе поѣздки натолкнулись въ семи мѣстахъ на явное нарушеніе закона 1846 г. Въ одномъ селѣ близъ Рогова крестьяне, припавъ къ ногамъ пріѣзжихъ, заявили, что въ 1863 г. помѣщикъ, онъ же и войтъ гмины, самовольно перенесъ всю деревню съ мѣстъ удобныхъ и въблизи водопоя на мѣста безплодныя и безводныя, уступающія прежнимъ даже по пространству и съ возложеніемъ на крестьянъ расходовъ по этому переселенію. По официальнымъ свѣдѣніямъ, число такихъ *пустокъ* по всему царству польскому доходитъ до 13.000. Во многихъ мѣстахъ въ обходъ закона 26 мая 1846 г., не распространяющагося на участки менѣе 3-хъ морговъ, помѣщики разбивали болѣе крупныя участки на малыя дѣлянки менѣе 3-хъ морговъ, и водворяли на нихъ батраковъ. Обѣзжающіе страну нашли слѣды еще иного способа обезземеленія крестьянъ, зависѣвшаго отъ небрежнаго отношенія властей къ закону 1846 г. и недостаточнаго его осуществленія. Престаціонныя табели (въ родѣ русскихъ уставныхъ грамотъ или введенныхъ Бибиковымъ инвентарей въ юго-западномъ краѣ) представлялись помѣщиками, но съ невѣрнымъ уменьшеннымъ опредѣленіемъ количества земли, а такъ какъ эти табели не повѣрялись, то, произведя точныя измѣренія и доказавъ, что крестьяне имѣютъ земли больше, нежели по табели, помѣщики отбирали отъ нихъ эти излишки, какъ *припашки*, якобы самовольно захваченныя.

Законъ 26 мая 1846 г. утвердилъ за крестьянами права на *угодья* или на *сервитуты*, т.-е. на обязательное для помѣщика снабженіе крестьянъ строевымъ лѣсомъ для ремонта строеній, отпускъ топлива, допущеніе крестьянамъ пасти скотину въ господскомъ лѣсу и собирать листья на подстилку. При замѣнѣ, по закону 4 мая 1861 г., барщины на окупъ, помѣщикъ слагалъ съ себя самовольно эти сервитуты, на что крестьяне горько жалуются. Вопросъ о сервитутахъ осложняется еще вопросомъ о правѣ собственности на *усадебныя строенія*. По закону 1807 г., освободившему крестьянъ только лично, судебныя мѣста рѣшали, что усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, если крестьянинъ не докажетъ что строенія выстроены имъ на его счетъ; но, съ другой стороны, помѣщикъ охотно отпускалъ матеріалъ для ремонта строеній. Когда, послѣ изданія законовъ 1861 г., помѣ-

щины прекратили отпускъ строевыхъ матеріаловъ, крестьяне, чтобы не остаться безъ крова, ставили матеріалы на свой счетъ, вслѣдствіе чего возникали споры, трудно рѣшимые, по недостатку юридическихъ основаній для ихъ рѣшенія.

Законъ 4 мая 1861 г. отмѣнилъ такъ называемыя *даремщизны*, то-есть добавочныя повинности, не имѣющія законныхъ основаній, кромѣ обычая, напримѣръ поборы яйцами, курицами, холстомъ, сторожба, рубка дровъ на хозяйскомъ дворѣ. Эта отмѣна не была повсемѣстно исполняема. Изъ сравненія престаціонныхъ табелей оказывалось, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ эти повинности признаны даремщизнами и отмѣнены, а въ другихъ оставлены какъ повинности не личныя, а грунтовыя, что вполне зависѣло отъ произвола владѣльца.

Самъ *окупъ* барщины или оброкъ устанавливаемъ былъ неравномѣрно, вслѣдствіе того, что число окупаемыхъ рабочихъ дней показано въ табеляхъ въ количествѣ, превышающемъ работы въ натурѣ, и затѣмъ табели безъ повѣрки были утверждаемы, такъ что съ одной десятины взимаемо было мѣстами 5 рублей, мѣстами 3, а мѣстами 1 р. 20 к. Такая же неравномѣрность замѣчалась при переводѣ крестьянъ съ окупа на *чинши* по соглашенію помѣщика съ крестьянами.

Средній классъ между осѣдлыми на 3-хъ-морговыхъ и выше участкахъ, и между безземельными батраками образовали *отородники* и *коморники*, пользующіеся или только хатой, или хатой и нѣсколькими грядками земли, нанимающіеся на полевые работы и отбывающіе за свою осѣдность по одному или по два дня въ недѣлю за ничтожную плату 15 копѣекъ въ сутки.

Кромѣ всѣхъ службъ и поборовъ, крестьянство подвергалось еще почти повсемѣстно тяжелому, безобразному стѣсненію въ видѣ *пропинаціоннаго* права владѣльца, заключающагося въ томъ, что крестьяне могли покупать хлѣбное вино только отъ своего владѣльца и изъ его шинка. Мѣстные войты увѣряли совершающихъ объѣзды, что нѣтъ запрета крестьянамъ привозить напитки извнѣ, но крестьяне тутъ же уличали ихъ во лжи. Обязательная покупка вина въ мѣстномъ шинкѣ заведена была даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣніяхъ.

Въ олькунскомъ уѣздѣ объѣзжающіе натолкнулись на одинъ весьма странный запретъ. Когда прекращенъ былъ духовенствомъ, въ 1863 г., колокольный звонъ въ церквахъ по случаю ссылки варшавскаго архіепископа Фелинскаго, мѣстный ксендзъ запретилъ игру на скрипкѣ не только въ церкви, но и въ шинкахъ, избахъ и на улицахъ, что сильно огорчало мѣстный людъ—ве-

сѣлыхъ краковяковъ, страшныхъ охотниковъ до музыки и плясокъ. Они стали жаловаться прїѣзжимъ, и просили разрѣшенія снять съ гвоздя опальную скрипку, висѣвшую на стѣнѣ, по случаю предстоящей сельской свадьбы. Прїѣзжіе не могли понять, въ чемъ дѣло, пока шинкаръ не показалъ имъ письменный приказъ отъ войта объ уплатѣ штрафа за нарушеніе запрета, наложеннаго ксендзомъ. Ксендзъ стоялъ недалеко отъ схода; на вопросъ прїѣзжихъ—заговорилъ о томъ, что его обязанность поддерживать *моралитетъ*, но впрочемъ сознался, что нѣтъ причины запрещать игру на скрипкѣ внѣ церкви. По настоянію прїѣзжихъ онъ это повторилъ отъ себя крестьянамъ, къ неописанной ихъ радости.

Совершающіе объѣздъ нашли, что польскіе крестьяне имѣютъ всѣ условія для самостоятельнаго завѣдыванія своими общественными дѣлами, но этой стороны ихъ быта законодательство доселѣ не касалось. Нѣтъ сельскихъ обществъ, а есть только отдѣльныя лица, сожительствующія въ деревнѣ, не связанныя никакою организаціею, изолированныя и не имѣющія никакой для себя опоры. Общественнаго суда нѣтъ. Мірская сходка или громада сходится только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ солтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальникомъ объ очиншеваніи, сепаратѣ и разбивкѣ угодій. Сами солтысы выбираются подъ вліяніемъ войтовъ, отъ которыхъ они прямо зависятъ. Они не имѣютъ такой самостоятельности, какъ русскіе старосты, старшины и головы, и болѣе походятъ на сотскихъ, нежели на выборныхъ представителей общества. Несмотря на то, они не оторвались отъ простого народа и не пристали къ мелкой шляхтѣ, къ войтамъ и къ офиціалистамъ, то-есть къ заправляющимъ сельскою жизнью. На солтысахъ, къ счастью, оборвалось вліяніе шляхты. Крестьяне смотрятъ на солтысовъ какъ на своихъ братьевъ-крестьянъ, которые ихъ не продадутъ.

Въ частныхъ имѣніяхъ званіе войта по закону принадлежитъ помѣщикамъ, но они рѣдко принимаютъ на себя эту заботливую должность. Они предпочитаютъ передавать свои полицейскія права подставнымъ лицамъ, которыхъ они нанимаютъ. Если по представленіямъ помѣщиковъ эти лица утверждены въ званіи войтовъ комиссіею внутреннихъ дѣлъ, то съ помѣщиковъ слагается за дѣйствіе такихъ войтовъ отвѣтственность. Въ противномъ случаѣ они правятъ должность въ качествѣ помѣщичьихъ приказчиковъ. Когда имѣніе сдается въ аренду, званіе войта обыкновенно передается арендатору. Полицейская власть войтовъ пред-

ставляетъ собою не что иное, какъ замаскированное помѣщичье право. Подставные войты въ частныхъ имѣніяхъ получаютъ жалованья до 50 рублей, а иногда сверхъ того провизію. Въ казенныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ бургомистры и войты по назначенію отъ правительства изъ чиновниковъ низшаго разряда получаютъ жалованья отъ 100 до 180 рублей.

Какъ только вспыхнуло повстанье, вожаки его поставили себѣ задачею привлечь на свою сторону народную массу. Они распространяли прокламацію, что крестьянскія земли отдаются крестьянамъ въ полную собственность, что прекращаются всѣ повинности, отбываемыя въ пользу помѣщика, и что помѣщики будутъ вознаграждены правительствомъ. Особенною дѣятельностью въ этомъ отношеніи отличился въ Олькушѣ и его окрестностяхъ начальникъ шайки Куровскій. Ему предались и приняли присягу ржонду мѣстные чиновники съ уѣздными начальниками во главѣ. Объявленія о прекращеніи повинностей читаемы были въ костелахъ. Куровскій приказывалъ помѣщикамъ, подѣ страхомъ висѣлицы, не требовать съ крестьянъ оброка, а взысканные оброки отнималъ отъ помѣщика и возвращалъ крестьянамъ. Отбываніе повинностей совсѣмъ прекратилось, о чемъ крестьяне объявили объѣзжавшимъ, но помѣщики и войты, не вдаваясь въ объясненія, отзывались, что окупъ оплаченъ крестьянами сполна.

Въ то самое время, когда повстанцы принимали на себя роль освободителей крестьянъ отъ даней и повинностей, и тѣмъ ихъ подкупали, русскіе военные отряды обходили край для сбора податей; когда же помѣщики-плательщики податей отговаривались несостоятельностью, взысканіе обращено было на крестьянъ, если только за ними числились недоимки по окупамъ и чиншамъ. Помѣщики, не смѣя и не желая явно требовать повинностей, упраздненныхъ прокламаціями повстанцевъ, забѣгали къ начальникамъ отрядовъ съ просьбами взять на себя взысканіе окуповъ и чиншей въ ихъ пользу, что и исполняли военные начальники отрядовъ. Они понуждали крестьянъ вносить повинности въ уѣздное казначейство подѣ росписки, имѣя въ виду обезпечить будущіе сборы, и выдавали остатки помѣщикамъ, подѣ условіемъ письменнаго отреченія сихъ послѣднихъ отъ мятежническаго ржонда и признанія законности власти русскаго правительства. Такимъ образомъ, русская военная сила взыскивала повинности, установленныя въ пользу помѣщиковъ и упраздненныя ржондомъ.

Итакъ, подчиняясь влиянію съ одной стороны постоянныхъ угрозъ ржонда, за которыми слѣдовали истязанія, а съ другой стороны, не встрѣчая ни одобренія, ни защиты, крестьяне отно-

сившіеся сначала враждебно къ возстанію и готовые содѣйствовать его подавленію, сбились съ толку и упали духомъ. Жившіе въ деревняхъ отставные солдаты, ихъ жены, отчасти даже коловники и крестьяне, стали помышлять о выѣздѣ изъ Польши. Перемѣна въ настроеніи крестьянъ не укрылась отъ повстанцевъ, которые отступились отъ строгихъ мѣръ, сверхъ случаевъ измѣны или шпіонства, въ виду того, что крестьяне показывали явное расположеніе къ возстанію, но сохраняли строгій нейтралитетъ.

Записка по вопросу о настроеніи крестьянъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: кара и милость не безъ успѣха попеременно употреблялись. Съ нашей стороны, дѣло постоянно портилось и портится; къ счастью, оно еще не испорчено окончательно. Странно было бы утверждать, что прокламаціи о даровомъ надѣлѣ и дѣйствительное прекращеніе налоговъ не принимаются крестьянами сочувственно и не льстятъ ихъ издавна возбужденнымъ надеждамъ. Ржовдѣ успѣлъ задѣть въ нихъ самую чувствительную струну; но они не довѣряютъ безличному правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ лицъ, причушихся въ лѣсахъ и убѣгающихъ при видѣ казаковъ. Крестьяне ни разу не говорили намъ, что они могутъ уже по праву не отбывать повинностей. Мы отъ нихъ постоянно слышали только, что повинностей съ нихъ не требуютъ. Многіе прибавляли, что еслибы потребовали, то они не стали бы отказываться. Другіе говорили: „не знаемъ, недоумѣваемъ, какъ быть, — платить или не платить?“ Многіе обращались за совѣтами къ ольвущскому военному начальству; нѣкоторые, по его приказанію, вносили чинши въ казначейство. Наконецъ, нѣкоторые говорили намъ: „худо будетъ, если заставятъ насъ вдругъ выплатить окупъ за всѣ минувшіе сроки, — пришлось бы распродать скотъ и пожитки“.

Итакъ, крестьянскій вопросъ выдвигался впередъ, становился на первомъ планѣ. Первымъ дѣломъ было разрѣшить или даже разрубить его, не медля и не откладывая. Разрѣшеніе его должно было идти изъ Петербурга. Компетентнѣйшими для этой работы людьми представлялись лица, съ которыми Арцимовичъ совершалъ поѣздки по уѣздамъ. Еще до этой поѣздки, 18 октября, онъ писалъ женѣ: „сдавъ Милютину всѣ бумаги, дѣла и свѣдѣнія по крестьянскому дѣлу, я теперь не особенно занятъ“... Рѣшимость его не принимать на себя никакой должности и совсѣмъ уѣхать изъ Варшавы оставалась непоколебимою. „Не желаю принимать участія въ администраціи, — писалъ онъ 9 октября; — вся система заключается въ томъ, чтобы разными мѣрами вызвать реакцію большинства (населенія противъ повстанья) и заставить жителей про-

сить пощады у правительства. Осуществленію этого результата препятствуетъ страшная восторженность умовъ, постоянная надежда на заграничное вниманіе и нерѣдко неудачные приемы нашихъ исполнителей". — 25 октября: „Бергъ въ каждомъ письмѣ къ императору жалуется на мою непоколебимость въ отказѣ; это мнѣ не нравится, но измѣнить не могу". — 27 октября: „Я подаль краткую записку Бергу о необходимости оставить всякое предположеніе о назначеніи меня въ настоящее время въ царство. Онъ до крайности желаетъ, чтобы я не отказывался, придумываетъ разныя комбинаціи, о которыхъ уже вѣроятно писалъ въ Крымъ" (къ государю). — 29 октября: „Я только-что обѣдалъ у Берга. Мы наружно разстались хорошо; онъ не перестаетъ желать моего возвращенія". — 2 ноября (изъ Петербурга): „Моя участь разрѣшится либо теперь (при первомъ представленіи государю), либо по пріѣздѣ Милютина, который обѣщалъ возвратиться къ 20 ноября"... Приходится теперь объяснить, какимъ образомъ Арцимовичъ понужденъ былъ противъ своей воли принять на себя вторую, болѣе продолжительную командировку въ Варшаву весною 1864 года.

Основанія, по которымъ Арцимовичъ отказывался отъ служенія въ царствѣ польскомъ, какъ въ запискѣ его намѣстнику 25 октября, такъ и во всеподданнѣйшей запискѣ государю отъ 4 ноября, заключались въ слѣдующемъ.

Среди овладѣвшаго всѣмъ краемъ революціоннаго настроенія, органы гражданскаго управленія не могутъ и не должны дѣйствовать самостоятельно. Всякая попытка ихъ дѣйствовать самостоятельно законными путями вызывала бы столкновенія ихъ съ военными властями въ такое время, когда необходима полная военная диктатура и когда спасеніе общества требуетъ приостановки гражданскаго управленія. Арцимовичъ признавалъ себя неспособнымъ дѣйствовать не въ направленіи и не по приемамъ легальной администраціи. Онъ считалъ себя совершенно одинокимъ въ составѣ гражданскаго управленія, сложившагося по системѣ маркиза Вѣлѣпольскаго въ 1862 г. Коммиссія внутреннихъ дѣлъ, которую ему предлагаютъ, вполнѣ устраниена отъ участія въ разрѣшеніи какихъ бы то ни было вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Оно требуетъ новыхъ законовъ, которыхъ составленіе возложено на Милютина. Даже и тогда, когда эти законы будутъ изданы, едва-ли правительство возложить осуществленіе этой реформы на органы гражданской власти царства польскаго. Арцимовичъ считалъ себя тѣмъ менѣе пригоднымъ дѣйствовать въ этомъ краѣ, что по происхожденію онъ полякъ и

римскій католикъ, а въ это время все русское общество склонно смотрѣть подозрительно на всякое лицо, носящее польское имя.

Какъ ни были сильны эти доводы, они не убѣдили намѣстника, который въ своемъ представленіи государю рѣшительно опровергалъ ихъ и признавалъ необходимымъ, не отпуская Арцимовича изъ царства польскаго въ имперію, опредѣлить его хотя бы въ званіи члена совѣта управленія (rada administracyjna), послѣ чего, ознакомившись съ дѣлами, онъ вступить въ управленіе комиссією внутреннихъ дѣлъ. Изъ письма Милютину къ его женѣ, 25 октября 1863 г., видно, что Бергъ предлагалъ Милютину мѣсто вице-предсѣдателя въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго ¹⁾. Бергъ не раздѣлялъ взгляда Арцимовича на неизбежную продолжительность военной диктатуры, которая одна недостаточна по его мнѣнію для успокоенія края. Конечно, существующее гражданское управленіе изъ чиновниковъ-поляковъ не надежно, потому что одни изъ нихъ прямо враждебны правительству, а другіе недоброжелательствуютъ ему втайнѣ и бездѣйствуютъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть хорошій губернаторъ (напр. въ люблинской губ. при Буцковскомъ), гражданскія власти не приходятъ въ столкновеніе съ военными, а при взаимномъ содѣйствіи военныхъ и гражданскихъ властей, послѣднія опираясь на содѣйствіе войска, могли бы дѣйствовать вполне рѣшительно, руководя военной силой. „Въ сенаторѣ Арцимовичѣ, — писалъ Бергъ, — я вижу сановника опытнаго, твердаго и способнаго. Какъ только онъ возьметъ на себя управленіе внутренними дѣлами, то крестьянскій вопросъ неминуемо станетъ главнымъ предметомъ его соображеній и занятій“. Принимая во вниманіе знаніе имъ польскаго языка и края и личныя его достоинства, графъ Бергъ полагалъ, что никто не былъ бы способнѣе его содѣйствовать сенатору Милютину въ возложенномъ на него порученіи. „Вообще, — заключалъ намѣстникъ, — я пришелъ къ убѣжденію, что онъ былъ бы самымъ полезнымъ дѣтелемъ для царства польскаго“.

При столь настоятельномъ заявленіи намѣстника, что Арцимовичъ ему необходимъ, ходатайство Арцимовича объ увольненіи его не могло быть уважено. Изъ письма Арцимовича къ Милютину, отъ 8 ноября 1863 г., видно, что Арцимовичъ представлялся государю въ Царскомъ-Селѣ, что былъ потребованъ статсъ-секретарь В. П. Платоновъ, и что ему было приказано читать

¹⁾ „Berg s'obstine à vouloir me faire nommer vice-président de conseil de Varsovie. J'espère qu'on n'en fera rien avant de m'entendre. Autrement il me faudrait offrir ma démission“ (A. Leroy Beaulieu, „Un homme d'état russe“, p. 226).

обѣ записки—Арцимовича и графа Берга—по пунктамъ. „Мои доводы,—пишетъ Арцимовичъ,—не поколебали предрѣшенія“; кончилось обращеніемъ къ чувствамъ преданности Арцимовича и къ пользамъ отечества. Въ заключеніе высказано было, что „графъ Бергъ, не зная польскаго языка, затрудняется при предсѣдательствѣ въ государственномъ совѣтѣ, и что, въ видахъ государственной необходимости, остается Платонову написать указъ о назначеніи меня членомъ совѣта управленія и вице-предсѣдателемъ государственнаго совѣта“. Арцимовичъ просилъ не рѣшать окончательно вопроса до пріѣзда Милютина, но и эта просьба не была уважена. Въ промежутокъ времени, съ момента полученія назначенія въ ноябрѣ 1863 г. до отправки въ Варшаву, Арцимовичъ отпущенъ былъ въ Москву, повидаться съ женою, а затѣмъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ, 28 декабря 1863 г., участвовать въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Ггарина (Долгорукій, Чевкинъ, Зеленый, Валуевъ, Рейтернъ, Платоновъ, кн. Черкасскій, Милютинъ и Арцимовичъ,—дѣлопроизводителемъ былъ Жуковский), для разсмотрѣнія проектовъ Н. А. Милютина по крестьянской реформѣ въ царствѣ польскомъ, получившихъ потомъ Высочайшую санкцію и извѣстныхъ подъ именемъ указовъ 19 февраля (2 марта) 1864 года.

Изъ переписки Арцимовича съ женою—*3 января 1864 г.*—видно, что Милютинъ назначенъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ царства польскаго, и что самъ Арцимовичъ читаетъ записки по проекту Милютина. *27 января*—что дѣло подвигается. *11 февраля*—что „вчера вечеромъ подписанъ окончательный журналъ комитета, начинается новый оборотъ въ исторіи и жизни польскаго населенія, проживающаго въ царствѣ польскомъ. Глубоко желаю, чтобы настоящія мѣры привели къ упраздненію революціоннаго движенія и сопровождающей его военной полицейской системы угнетенія и мрака, и послужили бы къ переходу на путь развитія и широкаго, разумнаго, благотворнаго устройства“. Уже было извѣстно, что въ Варшаву отправились Милютинъ и князь Черкасскій. 10 марта они уже уѣхали въ Варшаву; за ними послѣдшилъ и Арцимовичъ.—*12 марта*: Объ указахъ 19 февраля 1864 г. Арцимовичъ отзывался вполне сочувственно и въ комитетѣ противъ проекта Милютина ни въ чемъ существенномъ не возражалъ. Извѣстно, что при приведеніи въ исполненіе указовъ 19 февраля онъ разошелся съ бывшими своими единомышленниками, Милютинымъ, Черкасскимъ, Яковомъ Соловьевымъ. Посему необходимо прежде всего вникнуть въ сущность указовъ 19 февраля 1864 года, а затѣмъ опредѣ-

литель, имѣлъ ли Арцимовичъ какое-нибудь личное непосредственное участіе въ этой законодательной работѣ.

VII.

Указовъ 19 февраля 1864 г. было числомъ четыре: 1) объ устройствѣ крестьянъ; 2) объ устройствѣ сельскихъ гминъ; 3) о ликвидационной комиссіи, и 4) о порядкѣ введенія новыхъ о крестьянахъ постановленій. Хотя основная идея крестьянской реформы была одна и та же и для имперіи, и для царства польскаго, а именно: устройство крестьянъ при обезпеченіи ихъ земельнымъ надѣломъ,—но о простомъ копированіи „Положенія 19 февраля 1861 г.“, предназначеннаго для имперіи, не могло быть и рѣчи въ указахъ для царства польскаго. Раздѣлы Польши сильно дифференцировали бытъ крестьянъ въ каждомъ изъ государствъ, получившихъ, при раздѣлахъ, части бывшей Польши. Въ тѣхъ изъ этихъ частей, которыя достались или Пруссіи, или Австріи, а затѣмъ образовали княжество варшавское,—при введеніи въ нихъ гражданскаго кодекса Наполеона, крестьяне получили свободу, но только личную, безъ земельного надѣла,—значить, въ нихъ сохранилась барщина за пользованіе землею, отбываемая въ пользу помѣщика. Такъ какъ революціонное польское движеніе начала шестидесятыхъ годовъ распространилось за предѣлы царства польскаго и на губерніи западной окраины имперіи, въ которыхъ преобладало помѣщичье польское землевладѣніе, то правительство, по обнародованіи „Положенія 19 февраля 1861 г.“, нашлось въ необходимости измѣнить его, исключивъ изъ него десятилѣтній переходный періодъ—отъ 1861 до 1870 гг., то-есть, отъ оставленія крестьянъ на этотъ періодъ въ состояніи *временно-обязанныхъ*, и разсѣчь мгновенно этотъ узелъ, связующій ихъ съ помѣщиками. Крестьяне объявлены были собственниками въ четырехъ бывшихъ литовскихъ губерніяхъ съ 1 мая 1863 г.; въ трехъ юго-западныхъ—съ 1 сентября 1863 г., и въ двухъ бѣлорусскихъ—съ 1 января 1864 г. Получивъ надѣлы въ собственность, крестьяне освободились сразу отъ всѣхъ повинностей въ пользу помѣщиковъ; вознаградить помѣщиковъ обязана была казна, а крестьяне обязаны были только вносить въ казну налога за приобретенный надѣлъ. Такое же рѣшительное мѣропріятіе, мгновенно разсѣкающее всѣ отношенія, должно было произойти и въ царствѣ польскомъ. Единственнымъ основаніемъ къ дачѣ надѣла крестьянамъ служилъ замѣчательный указъ

26 мая (7 іюня) 1846 г., котораго содержаніе передается такимъ образомъ въ предисловіи къ указамъ 19 февраля 1864 г.: „Отмѣнено большинство даремщинъ и принудительныхъ наймовъ; крестьянамъ, исправно отбывающимъ законныя повинности, обезпечено спокойное владѣніе ихъ усадьбами и пользованіе угодіями (сервитутами); запрещено возвышать произвольно повинности, а равно присоединять крестьянскія земли къ землямъ дворовымъ (фольварочнымъ)*. Указъ 1846 г. обезпечивалъ далеко не всѣхъ крестьянъ земледѣльцевъ, но только тѣхъ изъ нихъ, которыхъ осѣдность была болѣе значительна, а именно обрабатывающихъ для себя не менѣе 3 морговъ, то-есть немногимъ больше 1½ десятины (1.289 квад. сажень, а въ десятинѣ ихъ 2.400). Болѣе мелкіе поселенцы были отъ дѣйствія закона изъяты и предоставлены произволу помѣщика. Этотъ трехморговый минимальный предѣлъ и сталъ проводиться неизмѣнно во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ аграрнаго законодательства и при князѣ Горчаковѣ, и при Влѣпольскомъ. Однимъ, такъ сказать, росчеркомъ пера, Милютинъ, дѣйствуя рѣшительно, смѣло и весьма справедливо уничтожилъ этотъ минимальный предѣлъ, обобщилъ такимъ образомъ реформу и подвелъ подъ нее всю крестьянскую чернь осѣдлую (ст. 5 перваго указа: „въ собственность крестьянъ поступаютъ всѣ усадьбы, то-есть, крестьянскіе участки, какъ подходящія, такъ и неподходящія подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 года, въ томъ числѣ и усадьбы, заключающія въ себѣ менѣе 3 морговъ новопольской мѣры, безо всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ“).

Задуманная болѣе радикально, нежели для имперіи, крестьянская реформа для царства польскаго отмѣняла всѣ недостижшія цѣли начинанія въ устроеніи быта крестьянъ въ періодъ времени отъ указа 26 мая 1846 г. до указовъ 19 февраля 1864 г. Въ предисловіи къ этимъ указамъ выражено, что три указа и постановленія—16 декабря 1858 г. о добровольномъ очиншеваніи, 4 мая 1861 г. о замѣнѣ барщины окупомъ, и 24 мая 1862 года объ обязательномъ очиншеваніи—не встрѣтили, къ сожалѣнію, со стороны помѣстнаго сословія (właściciele ziemskich), того содѣйствія, безъ котораго успѣхъ предпринятыхъ мѣръ былъ очевидно невозможенъ. Коренное различіе двухъ системъ мѣропріятій—неудавшейся системы Влѣпольскаго и проектируемой Милютинымъ—въ крупныхъ чертахъ можетъ быть изображено такъ:

Влѣпольскій началъ съ обязательной отмѣны указомъ 4 мая 1861 г. издѣльной повинности или барщины, какъ противной

духу гражданскаго уложенія (кодексу Наполеона), и съ перевода барщины по таксѣ на денежную повинность или окупъ. Взыскивать окупъ вправѣ былъ помѣщикъ только судебнымъ порядкомъ. Крестьянинъ, не платящій окупа въ теченіе двухъ лѣтъ, могъ быть выселенъ, а остающаяся послѣ него земля подлежала, если не было замѣстителя, передачѣ въ пользованіе соискателямъ съ публичныхъ торговъ. Завершеніемъ системы Вѣлѣпольскаго было по указу 24 мая 1862 г. обязательное очиншеваніе поселянъ на участкахъ подходящихъ подѣ дѣйствіе указа 1846 г. Волѣ сторонъ предоставлялось на выборъ либо очиншеваніе безсрочное, либо долгосрочное, но не менѣе какъ на 20 лѣтъ. Только безсрочное заносилось въ ипотечныя книги. Отмѣчено въ законѣ, что безсрочное очиншеваніе есть отступленіе отъ дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ гражданскаго уложенія, возстановленіе, такъ сказать, пережитка, раздѣленіе права собственности на голое право собственности и на пользовладѣніе (*dominium directum* и *dominium utile*). При очиншеваніи по закону, земли дѣлились по мѣрѣ большей или меньшей ихъ производительности на классы; нормальная доходность каждаго класса оцѣнивалась на деньги по среднимъ рыночнымъ цѣнамъ ржи за послѣднія 20 лѣтъ. Изъ опредѣленнаго такимъ образомъ дохода $\frac{1}{3}$ вычиталась въ пользу поселянина, а $\frac{2}{3}$ приходились помѣщику. Весьма была существенна статья 23-ья закона 24 мая 1862 г., по силѣ которой если угоды, или сервитуты (лѣсъ на строенія и топливо, пастбища въ поляхъ или лѣсахъ, собираніе валежника или сушняка), основаны на письменныхъ документахъ, то власти оцѣниваютъ стоимость такого угоды и вычитаютъ стоимость его изъ платимаго чинша. Пользованіе угодами на основаніи одного только обычая прекращается при очиншеваніи. Общія пастбища подлежатъ разверстанію по просьбѣ какой-нибудь изъ сторонъ. И взысканіе чиншей, и продажа съ торговъ пользовладѣніи участками, производится только судебнымъ порядкомъ. Очиншеваніе возлагалось на особыя уѣздныя делегаціи подѣ вѣдѣніемъ и надзоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ.

По указамъ 19 февраля 1864 г., всякіе поселенцы, безъ разбора состояній и вѣроисповѣданій—кметы, рольники, полурольники, колонисты, огородники, коморники, халупники—становятся собственниками съ отмѣною всѣхъ ихъ повинностей и съ вознагражденіемъ помѣщиковъ прямо изъ казны $4\frac{0}{10}$ ливидационными листами и съ обложеніемъ такихъ крестьянъ особымъ поземельнымъ налогомъ. Размѣръ цѣны выкупа опредѣляется капитализаціею чинша изъ $6\frac{0}{10}$. Изъ капитализированной такимъ обра-

зомъ суммы повинностей $\frac{1}{3}$ вычитается въ пользу крестьянъ, а $\frac{2}{3}$ выплачиваются помѣщику. Поселенцы-собственники получаютъ право на разработку рудниковъ въ своихъ надѣлахъ; права охоты, рыбной ловли и пропинаціи (выдѣлки и продажи питей) предоставляются не единолично каждому, но сельскимъ обществамъ. Крестьянству въ совокупности предоставлено право соискательства пользованія пустопорожними мѣстами, причемъ установлено, что, при равныхъ условіяхъ между соискателями, первенство предоставляется поселянину того же селенія передъ постороннимъ, безземельному передъ осѣдымъ, а изъ осѣдыхъ тому, кто имѣетъ одну усадьбу передъ имѣющимъ и усадьбу, и пашню.

Весьма глубокую новую черту въ помѣщичьей собственности образовали въ указахъ 19 февраля 1864 г. законоположенія о сервитутахъ. Употребленіе ихъ открывало большой просторъ усмотрѣнію исполнителей и служило острымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. За крестьянами обезпечены тѣ угодія, которыми они пользовались не только по письменнымъ документамъ, но хотя бы и по словеснымъ соглашеніямъ, удостовѣряемымъ свидѣтелями или по обычаю. Еслибы оказалось что крестьяне пользовались этими сервитутами до 26 мая 1846 г., а потомъ у нихъ эти сервитуты были отняты, то права эти на угодья восстанавливаются.

Такъ какъ узелъ крестьянскаго вопроса разрубался въ самомъ разгарѣ еще не вполнѣ потушеннаго революціоннаго движенія, то о разрѣшеніи споровъ по системѣ Вѣлѣпольскаго судебнымъ путемъ не могло быть и рѣчи. Рѣшителями споровъ являлись органы, которые въ имперіи назывались мировыми посредниками, а въ царствѣ польскомъ — комиссарами, по свойству самаго своего призванія крестьянофилы, расположенные дѣйствовать тенденціозно въ пользу крестьянъ. Самъ Милютинъ не скрывалъ, въ письмѣ къ женѣ, отъ 25 октября 1865 г., своихъ надеждъ: „при помощи какой-нибудь сотни честныхъ и умныхъ людей можно было бы передъ лицомъ всей латинской и шляхетской Польши поднять весьма быстро этотъ угнетенный народъ, который можетъ послужить по крайней мѣрѣ въ настоящее время твердою опорой“ (A. Leroy Beaulieu, „Un homme d'état russe“, p. 217).

Легче было содѣйствовать подъему матеріальной стороны быта крестьянъ, нежели организовать эту сыпучую массу надѣляемыхъ землею поселенцевъ безконечно различнаго происхожденія, никогда не дѣйствовавшихъ сообща и не имѣвшихъ ни малѣйшихъ представленій о томъ, что такое міръ, тягло, порука, круговая отвѣтственность, общинное владѣніе. Съ 1807 г. не

существовало крѣпостничества, не было прикрѣпленія лица къ землѣ; а такъ какъ народъ былъ сравнительно культурнѣе, чѣмъ въ Россіи, то приходилось людямъ разнаго происхожденія и богатства сходиться на основаніи равноправности на разныхъ поприщахъ дѣятельности общественной безъ всякихъ сословныхъ средоточій. Притомъ, начало общинной всесословной организаціи положено было Наполеономъ при образованіи княжества варшавскаго. Край раздѣленъ на департаменты, департаменты на уѣзды, уѣзды на коммюны или гмины, въ гминахъ учреждены мэры съ приставленными къ нимъ муниципальными совѣтами. При образованіи въ 1815 году царства польскаго изъ княжества варшавскаго, мэры переименованы въ *войтовы* (Vogte). Такъ какъ послѣ 1831 г., при кн. Паскевичѣ и директорѣ комиссіи внутреннихъ дѣлъ П. Мухановѣ, управление было не то что консервативное, но реакціонное и даже, по нашимъ понятіямъ, крѣпостническое, то уже подъ русскимъ владычествомъ, въ особенности послѣ 1831 года, и по вліянію русскихъ управителей, состоялось постепенно предоставленіе помѣщикамъ власти вотчинно-полицейской надъ поселенными у нихъ крестьянами. Помѣщикъ *ipso jure* дѣлался войтомъ въ гминѣ; гдѣ было въ гминѣ нѣсколько селеній, тамъ бывалъ войтомъ одинъ изъ помѣщиковъ; а если онъ не могъ исправлять функцій войта, то ставился по его указанію наемный его замѣститель. Попытки избіенія шляхты крестьянами въ Австріи въ 1846 г., по наущенію агентовъ демократической партіи польскаго выходства, заставили русское правительство положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ закономъ 26 мая 1846 г., но безобразія вотчинной полиціи и юстиціи продолжались. Маркизъ Вѣлѣпольскій предположилъ исполнить измѣнить этотъ порядокъ въ своемъ проектѣ гминнаго устройства, который не былъ приведенъ въ исполненіе по воспомоществовавшему въ 1863 году мятежу. Проектъ маркиза былъ замѣчательно хорошъ. Гмина предположена всесословная. Въ гминныхъ сходахъ должны были участвовать по цензу землевладѣнія всѣ помѣщики и всѣ крестьяне осѣдлые на участкахъ, имѣющихъ болѣе трехъ морговъ, по цензу доходности евартиранты въ домахъ и капиталисты, а по цензу образованія духовныя лица, учителя, литераторы, артисты. Функціи схода ограничивались только выборами въ гминныя должности. Выборное управленіе должно было состоять изъ войта и изъ гминнаго совѣта. Войтъ изъ кончившихъ курсъ наукъ, по крайней мѣрѣ, въ четырехелассномъ уѣздномъ училищѣ, назначался правительствомъ изъ трехъ представляемыхъ по выбору схода кандидатовъ. Ему подчинены сол-

тысы по отдѣльнымъ селеніямъ. Гминный совѣтъ изъ девяти чело-
вѣкъ собирается четырежды въ году на сессіи подѣ предсѣ-
дательствомъ войта и дѣлаетъ постановленія, которыя могутъ
быть опротестованы начальникомъ уѣзда. Всѣ сословія приобща-
лись въ гминномъ совѣтѣ къ общественному самоуправленію и
получали въ немъ гражданскую выправку. Общины въ томъ
видѣ, какъ она задумана въ проектѣ Вѣлѣпольскаго, Россія не
имѣетъ; отсутствіе ея составляетъ слабую сторону нашего зем-
скаго устройства, начинающаго общину со слишкомъ крупной
единицы—уѣзда. Оно непрочно, потому что не имѣетъ корней
въ несуществующей еще общинѣ.

Книга А. Лероа-Больё изображаетъ довольно наглядно
(стр. 175), какъ сплотился славянофильскій триумvirатъ (Сама-
ринъ, Милютинъ, Черкасскій), который обдумывалъ переустройство
царства польскаго, прежде чѣмъ Милютинъ получилъ отъ госу-
даря въ Царскомъ-Селѣ, 11 сентября 1863 г., свои широкія, но
неопредѣленные на этотъ предметъ полномочія. Изъ этого триум-
virата самый трезвый, практическій чело-
вѣкъ и въ наибольшемъ
смыслѣ бюрократъ—былъ Черкасскій; всѣхъ глубокomyсленнѣе, съ
нѣкоторою долей романтизма и мистицизма, былъ Ю. Самаринъ.
Въ книгѣ Лероа-Больё (стр. 122) приведено его писмо, писан-
ное осенью 1862 г.; въ которомъ онъ полагаетъ, что въ Россіи
есть только двѣ живыя силы: *личная власть*, т.-е. самодержавіе—у
вершины, и русская *крестьянская община*—внизу; а между ними—
безсмысленная *среда*, не имѣющая въ народѣ корней, становящаяся
на дыбы и либеральничающая. Что касается до Милютина, то и
онъ вѣрилъ въ крестьянскую общину, а можетъ быть и считалъ
ее цѣннымъ вкладомъ въ европейскую цивилизацію. Онъ прини-
малъ въ 1846 г. дѣятельное участіе въ первомъ опытѣ город-
скаго самоуправления, въ устройствѣ городской петербургской
думы. Въ 1862 г., въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, онъ зна-
комился съ проектами земскаго положенія и относился къ нимъ
сочувственно. Такъ какъ крестьянская реформа 1861 г. проводилась
противъ воли большинства помѣщиковъ и дворянства соединен-
ными силами прогрессивныхъ дворянъ, прессы и бюрократіи, то
реформаторы противопоставляли крестьянство—дворянству и, осво-
бождая первое изъ нихъ, заботились преимущественно о томъ,
какъ бы его обезпечить матеріально, а не о гражданской сто-
ронѣ его быта. Предполагалось, что оно будетъ въ опекѣ у пра-
вительства и на воспитаніи у бюрократіи, ведущей его на помочахъ.
Сельское общество легко было устроить по примѣру того, какъ
устроивались государственные крестьяне съ 1839 г., когда воз-

нило министерство государственныхъ имуществъ. Надъ сельскимъ обществомъ воздвигнута, въ видѣ второго этажа, *волость* — плохой суррогатъ общины, замѣнутое, полуадминистративное учрежденіе, занимающееся исполненіемъ и многообразнѣйшихъ земскихъ, и административныхъ требованій. Оно теперь становится помѣхою развитію благосостоянія крестьянъ. Понятно, что Милютинъ и его товарищи старались пересадить на почву царства польскаго всю организацію крестьянскихъ установленій, уже водворенную въ имперіи по „Положенію 19 февраля 1861 г.“. Не трудно было образовать, по образцу русскихъ, польскія сельскія общества изъ однихъ крестьянъ съ сельскими сходами изъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и выборными солтысами вмѣсто сельскихъ старостъ. Но какъ справиться съ волостью? Пересадка ея оказалась невозможною, во-первыхъ, потому, что войти не то что волостной старшина, онъ — невыдѣлимое изъ государственной администраціи послѣднее ея звено, представитель правительства передъ людьми осѣдлыми въ гминѣ всякихъ состояній; и во-вторыхъ, потому что кодексъ Наполеона уже перемололъ съ 1808 г. всѣ состоянія, само дворянство превратилось въ титулъ и стало мнѣомъ, и имѣлось на лицо бытовое, а не юридическое дѣленіе людей на разныя профессіи по роду занятій. Изъ какихъ бы то ни было людей въ извѣстной мѣстности можно образовать бюрократически устроенный полицейскій участокъ. Проектъ Вѣлѣпольскаго тѣмъ былъ хорошъ, что упорядочивалъ уже существующую, ведущую свое хозяйство и самоуправляющуюся гмину, которая составляла, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый органъ государственнаго сосредоточенія людей. Милютинъ поставленъ былъ въ необходимость заимствовать кое-что изъ проекта Вѣлѣпольскаго, но значительно его обрѣзалъ и исказилъ. По политическимъ соображеніямъ онъ исключилъ изъ схода все духовенство, устранилъ также всю интеллигенцію и представителей капитала. Онъ образовалъ сходъ изъ однихъ только землевладѣльцевъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, на условіяхъ полного равенства, причемъ, конечно, первый изъ этихъ элементовъ былъ подавленъ и прижатъ вслѣдствіе численнаго превосходства второго. Въ имперіи даже и волостной сходъ составляется не изъ домовладѣльцевъ, а изъ выборныхъ, по одному изъ десяти дворовъ, а по указамъ 19 февраля 1864, гминный сходъ составляютъ всѣ домохозяева, владѣющіе землею въ размѣрѣ не менѣе трехъ морговъ. Этотъ сходъ собирается подъ открытымъ небомъ не менѣе четырехъ разъ въ году, не только для выбора должностныхъ лицъ и кандидатовъ въ войты, но и для постановленій о всѣхъ хозяй-

ственныхъ и общественныхъ дѣлахъ гмины. Отъ гминнаго войта не требуется даже, чтобы онъ былъ грамотенъ. На должность войта избираются два кандидата; одного изъ нихъ опредѣляетъ уѣздный начальникъ, который, однако, вправе забраковать обоихъ и назначить новые выборы. Гминные войты непосредственно подчинены уѣзднымъ начальникамъ. Они могутъ быть удаляемы губернаторомъ и временно приостанавливаемы въ исправленіи должности—уѣзднымъ начальникомъ.

Въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось царство польское при введеніи въ дѣйствіе указовъ 19 февраля 1864 г., была создана тогда цѣлая система временныхъ установлений для ихъ осуществленія въ мѣстѣ дѣйствія, безъ сношенія съ Петербургомъ и безъ обращенія къ законодательной власти. Установленъ *Учредительный Комитетъ*, устроенный коллегіально подъ предсѣдательствомъ намѣстника изъ лицъ, или государемъ назначенныхъ, или особо приглашаемыхъ каждый разъ по касающимся ихъ дѣламъ: генераль-полиціймейстеръ, директоры правительственныхъ комиссій, члены ликвидаціонной комиссіи; наконецъ, въ качествѣ докладчиковъ и съ правомъ только совѣщательнаго голоса, предсѣдатели крестьянскихъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. На „учредительный комитетъ“ возложено развитіе указовъ 19 февраля 1864 года, разрѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ и недоумѣній, а также изданіе правилъ и инструкцій. Далѣе, установлена ликвидаціонная комиссія для производства операціи выкупа крестьянскихъ надѣловъ. Въ каждой губерніи заведены комиссіи (отъ одной до четырехъ) по крестьянскимъ дѣламъ, изъ предсѣдателя, его товарища и нѣсколькихъ комиссаровъ (отъ четырехъ до восьми). Учредительному комитету предоставлено допускать въ эти комиссіи уѣздныхъ начальниковъ. На комиссіи возложены повѣрка и исправленіе представленныхъ помѣщиками ликвидаціонныхъ табелей и наблюденіе за дѣйствіями сельскихъ и гминныхъ обществъ и властей.

В. Спасовичъ.

СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ

РОМАНЪ

VI *).

Ожиданіе сына изъ Петербурга въ домѣ Варавиныхъ было томительно, потому что родители Сергѣя Петровича, и Петръ Александровичъ, и Ольга Яковлевна, очевидно, нервничали, а всегда словоохотливый Зарѣцкій, молча, наблюдалъ за ними, не желая нарушать ихъ настроенія.

Въ гостиную вошелъ Дмитрій, и всѣ кинулись къ нему.

— Ну, чтѣ, пріѣхалъ?

— Конечно, пріѣхалъ. Въ передней—раздѣвается.

Ольга Яковлевна и Петръ Александровичъ бросились туда, и тотчасъ же раздались возгласы и поцѣлуи. Зарѣцкій съ трудомъ поднялъ свое грузное тѣло и направился туда же.

Сергѣй Петровичъ цѣловалъ отца и мать, отрывисто отвѣчалъ на ихъ безчисленные вопросы, но, видимо, чувствовалъ себя смущеннымъ и неловкимъ, отъ чего хмурился и весь какъ-то ёжился. Онъ очень обрадовался Зарѣцкому, какъ отвлекающему элементу, и тотчасъ же заговорилъ съ нимъ.

— Не усталъ ли ты, Сережа?—приставала къ нему Варавина.—Ѣсть хочешь? Сейчасъ будемъ обѣдать.

— Отлично, но ѣсть мнѣ особенно не хочется, маман.

Онъ говорилъ ровно, спокойно, и только по подергиваньямъ плечъ и еще по нервному движенію руки, которою онъ поправлялъ рince-nez, Зарѣцкій догадался, что онъ волнуется. Какимъ-

---

*) См. выше: апрѣль, 480 стр.

то холодомъ вѣяло отъ всей его фигуры, удивительно гибкой и тонкой, и отъ его голоса, и отъ его отрывистыхъ фразъ.

Алексѣй, во фрагѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, пришелъ доложить, что поданъ обѣдъ. За столомъ ему помогала Даша, въ передникѣ и чепчикѣ. Никого приглашенныхъ не было. Собралась вся семья, и Сергѣй Петровичъ еще разъ порадовался присутствію Зарѣцкаго, потому что чувствовалъ себя ужасно чужимъ среди своихъ.

Но, мало-по-малу, онъ освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и разговорился; рѣчь его звучала, однако, все такъ же безстрастно и равнодушно, какъ будто онъ читалъ докладъ.

— Давно я васъ не видалъ, — сказалъ ему Зарѣцкій, невольно употребляя мѣстоименіе „вы“, между тѣмъ какъ съ дѣтства говорилъ ему „ты“. — Молодцомъ смотрите, право, молодцомъ, настоящимъ начальникомъ. Господа, время-то, время какъ летитъ!.. Давно ли, Ольга Яковлевна, помните, ходилъ еще въ курточкѣ съ широкимъ отложеннымъ воротникомъ?..

— Конечно, давно... — улыбнулся Сергѣй Петровичъ. — Нѣтъ, шатап, мерси, право, больше не могу, — отстранилъ онъ отъ себя блюдо, которое подавалъ ему Алексѣй. — Я ѣмъ вообще очень немного.

— Отчего только вы такой худой? — спросилъ Зарѣцкій.

Петръ Александровичъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Зарѣцкаго, хотѣлъ спросить его, почему онъ говоритъ его сыну „вы“, но, видя, что Сергѣй Петровичъ не выражаетъ на лицѣ своемъ никакого протеста, промолчалъ.

— Я никогда вѣдь не отличался полнотой, — отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ. — Вотъ намъ бы не мѣшало съ вами подѣлиться, — улыбнулся онъ, оглядывая тучную фигуру Зарѣцкаго.

Разговоръ не клеился. Варавина подливала своему родному гостю вино и пододвигала къ нему блюда и тарелки, однимъ словомъ, ухаживала за нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдала его, какъ бы перебирая въ памяти всѣ тѣ измѣненія, которыя произошли въ немъ. Варавинъ тоже вглядывался въ него. Дмитрій всей своей фигурой и видомъ изображалъ равнодушіе и пренебреженіе, а Вѣра методично ѣла и слегка конфузилась, чего раньше за собою никогда не замѣчала.

— Молодой баринъ точно быдто заморозившись, — сказалъ Алексѣй Дашѣ въ буфетной, и это замѣчаніе было очень тонко и вѣрно.

Сергѣй Петровичъ былъ не только самъ „заморозившись“, но, казалось, замораживалъ и другихъ. Онъ, очевидно, принадле-

жалъ къ тому типу людей, которые вносятъ струю холода, куда бы они ни появились. И въ эту теплую, весеннюю атмосферу барскаго дома точно ворвался ледяной холодокъ бюрократической сдержанности и застегнутой на всѣ пуговицы корректности.

Самъ Сергѣй Петровичъ чувствовалъ это и сознавалъ, что никакъ не можетъ попасть на надлежащую ноту и измѣнить общій тонъ вымученнаго и вялаго разговора. Видъ Дмитрія, на лицѣ котораго лежала печать независимости, и видъ Вѣры, которая смотрѣла на него, какъ на пустое мѣсто, точно куда-то мимо, раздражали его. Онъ тотчасъ же понялъ, что всѣ связи, бывшія когда-то у него съ этой семьей, порваны, нарушены долговременной разлукой и отсутствіемъ общихъ связующихъ элементовъ. Остался рисунокъ, но краски, наполнявшія его, дававшія ему жизнь, выцѣбли, поблѣднѣли, исчезли; осталась схема семьи, какая-то отвлеченная категорія, рубрика безъ содержанія.

Почти все время говорилъ одинъ Зарѣцкій, который исправно ѣлъ и еще исправнѣе пилъ. Онъ пилъ все, начиная съ водки: послѣ супа перешелъ на портвейнъ, послѣ рыбы—на бѣлое, потомъ—на красное. Отъ этихъ возліяній онъ становился веселѣе и разговорчивѣе. Послѣ жаркаго подали шампанское, и тогда настроеніе нѣсколько измѣнилось. Разговоръ сдѣлался общимъ и пересталъ походить на утопающаго, голова котораго то показывалась надъ поверхностью воды, то безслѣдно и надолго исчезала подъ нею.

— Съ прїѣздомъ тебя, Сергѣй! — сказалъ, чокаясь съ сыномъ, Петръ Александровичъ. — Желаю тебѣ на новомъ мѣстѣ и новомъ поприщѣ всякихъ успѣховъ и благополучія... Ура!..

Но „ура“ самымъ рѣшительнымъ образомъ не вышло, — подхватилъ его одинъ Зарѣцкій и полѣзъ цѣловаться съ прїѣзжимъ. Прежняя улыбочка появилась на лицѣ Сергѣя Петровича, и онъ, ловко извернувшись, уклонился отъ объятій Зарѣцкаго и только чокнулся съ нимъ.

— И я тебѣ желаю... — сказала Варавина. Онъ поцѣловалъ ей руку.

Вѣра и Дмитрій молча чокнулись съ нимъ.

— Ты мнѣ ничего не пожелаешь? — спросилъ онъ сестру.

Она залпомъ выпила свою „креманку“ и мгновенно почувствовала приливъ бодрости и краснорѣчія.

— И я тебѣ скажу кое-что, если хочешь, — проговорила она, глядя на его насмѣшливое лицо. — Ты — мой братъ, съ которымъ я давно не видалась, и мы по отношенію другъ къ другу — не-

знакомцы. При встрѣчѣ съ новыми людьми невольно задаешь себѣ вопросъ — кого передъ собою видишь? Ты для меня — сфинксъ; я бы желала быть Эдипомъ, чтобы разгадать тайну сфинкса...

Она еще что-то хотѣла сказать, но Зарѣцкій прервалъ ее, весело воскликнувъ:

— Молодецъ, Вѣра! Браво! Настоящій ораторъ... „Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгій, стройный видъ“!

— Какъ пошло! — сердитымъ голосомъ сказала Вѣра. — И совѣмъ не остроумно это „Петра творенье“.

— Развѣ вы не дочь Петра Александровича?... Но, виновать, я думалъ, вы кончили. Вы еще что-то хотите сказать, Вѣра?

— Да, я еще хотѣла сказать что-то.

Сергѣй Петровичъ обратился къ ней:

— Пожалуйста, я слушаю.

— Я хотѣла высказать пожеланіе. Начальникъ — лицо, всегда облеченное обширной властью. Онъ можетъ пользоваться ею двоякимъ образомъ: на пользу управляемыхъ имъ людей и во вредъ имъ. Я бы хотѣла, чтобы ты пользовался ею первымъ образомъ.

Сергѣй Петровичъ преувеличенно-вѣжливо ей поклонился.

— Я же говорилъ, что тебѣ надо бы быть чиновникомъ особыхъ порученій, — сказалъ онъ, ухмыляясь. — Но польза — понятіе условное, и то, что мнѣ можетъ казаться пользой, тебѣ — наоборотъ.

— Я думаю, въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакихъ кривотолковъ. Надо любить народъ, заботиться о его нуждахъ — матеріальныхъ и духовныхъ, надо идти рука объ руку съ земствомъ, имѣть широкій взглядъ на народное образованіе...

— Цѣлая программа! — сказалъ Сергѣй Петровичъ и взглянулъ на отца съ скрытымъ недоумѣніемъ, такъ какъ Петръ Александровичъ сочувственно кивалъ головой въ тактъ словамъ дочери. Онъ обратился къ отцу:

— Скажи, папа, Иванъ-Иванычемъ были у васъ довольны?

— Какъ тебѣ сказать? Твой предшественникъ былъ чело-вѣкъ очень мягкаго нрава, чрезвычайно добродушный. Въ губерніи имъ были очень довольны...

— Онъ старался какъ можно меньше пользоваться своей властью... — вставила Вѣра.

— Ну, это качество весьма отрицательнаго свойства, — сказалъ Сергѣй Петровичъ, — и, такъ сказать, отрицаетъ *raison d'être* самой его должности.

— Да это еще Щедринъ сказалъ, что еслибы потихоньку убрать начальника, то никто ровно ничего не замѣтилъ бы, и дѣла шли бы по прежнему, — вдругъ вступилъ въ разговоръ Дмитрій.

Сергѣй Петровичъ оглядѣлъ присутствующихъ. Зарѣцкій, оставивъ свое мѣсто, перешелъ къ Варавиной и разговаривалъ съ нею въ полголоса; Петръ Александровичъ укоризненно глядѣлъ на Дмитрія, а Вѣра съ любопытствомъ ждала реплики старшаго брата.

Онъ нахмурился и строго поглядѣлъ сквозь ринсе-пез на Дмитрія.

— Это очень любезно съ твоей стороны—цитировать Щедрина по этому поводу.

— И дозволено цензурою!—улыбнулся Дмитрій.—Щедринъ, какъ, можетъ быть, тебѣ извѣстно, писатель съ славнымъ именемъ, и изъ пѣсни слова не выкинешь.

— О значеніи Щедрина мнѣ, вѣроятно, извѣстно не менѣе, чѣмъ тебѣ, хотя это писатель уже устарѣвшій для нашего времени. „Изъ пѣсни слова не выкинешь“—это я тоже знаю. Но не знаю, поютъ ли на свадьбѣ похоронныя пѣсни и—наоборотъ. И если—да, то людьми, во всякомъ случаѣ, мало культурными и еще менѣе воспитанными.

Губы Сергѣя Петровича скривились въ недобрую улыбку и онъ нервнымъ, быстрымъ движеніемъ поправилъ ринсе-пез.

Въ воздухѣ почувствовался запахъ ссоры, которая готова была разгорѣться.

Дмитрій собирался возразить и съ гнѣвнымъ, порывистымъ движеніемъ нагнулся къ брату, но Сергѣй Петровичъ рѣзко перебилъ его.

— Это все равно,—быстро сказалъ онъ,—еслибы я сталъ въ твоемъ присутствіи говорить, что разведенныя жены не заслуживаютъ довѣрія, и что ихъ слѣдуетъ...

— Дѣти! — остановилъ ихъ Петръ Александровичъ своимъ властнымъ голосомъ. — Какъ вамъ не стыдно пикироваться въ первый же вечеръ встрѣчи! Молчи, Дмитрій... — сказалъ онъ младшему сыну, порывавшемуся возражать.—Скажи мнѣ лучше, Сергѣй, какъ это ты умудрился такъ хорошо шагнуть по службѣ?

— Это очень просто,—понемногу успокоиваясь и не глядя на брата, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.—Я состоялъ при министертвѣ, и мнѣ нѣсколько разъ уже давали порученія и командировки, которыя я исполнялъ со свойственной мнѣ аккуратностью и по мѣрѣ своего разумѣнія. Я понравился—и однажды

мнѣ обѣщали повышеніе. Нужно тебѣ сказать, что дѣятельностью Ивана Ивановича давно были недовольны въ Петербургѣ.

— Да?—спросилъ Петръ Александровичъ.

— О, да...

— Чѣмъ же именно?

— Да прежде всего—его равнодушіемъ къ административнымъ и земскимъ дѣламъ. Онъ сознательно ни во что не вмѣшивался и придерживался принципа *laissez faire, laissez aller*. Онъ распустилъ всѣхъ. Недоимки возросли въ ужасающей степени, какъ развились и эпизоотіи. Земскіе расходы увеличились непомерно. Напримѣръ, когда въ вашемъ земствѣ подняли вопросъ о необходимости развитіи народное просвѣщеніе, увеличить число школъ, понастроить библіотекъ, потребовали чрезмѣрныхъ расходовъ на статистику, агрономію и прочее, онъ нисколько не усомнился въ возможности все это осуществить—и никакого протеста не выразилъ. Это было непозволительнымъ съ его стороны упущеніемъ...

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Петръ Александровичъ.

— Да, потому что все это легло бы тяжкимъ бременемъ на населеніе, непосильнымъ бременемъ. Всѣ эти возвышенныя стремленія къ улучшенію матеріальнаго и духовнаго быта народа великолѣпны, оправдываемы и желательны въ принципѣ, но относиться къ ихъ практическому осуществленію надо съ крайней осмотрительностью и осторожностью, чтобы благія намѣренія, которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ,—улыбнулся онъ,—не превратились въ опасныя утопіи и безумныя увлеченія...

— Ахъ, вотъ что! И за это самое Иванъ Ивановичъ слетѣлъ съ мѣста?

— Да... отчасти... И еще кое за что... Онъ, вообще, былъ не на своемъ мѣстѣ:—такъ думали въ Петербургѣ.

— И значить, — ты присланъ, чтобы исправить его упущенія?

— Да... если хочешь. Меня, вообще, считаютъ тамъ—справедливо или несправедливо — человѣкомъ инициативы и твердой воли.

— И не признающимъ подобныхъ утопій?—вставилъ Дмитрій.

— Да... и не признающимъ подобныхъ утопій.

— А также необходимости народнаго просвѣщенія? — презрительно улыбнувшись, спросила Вѣра.

Сергій Петровичъ пожалъ плечами и не удостоилъ ее отвѣтомъ.

— Ну, Сергій, — началъ взволнованнымъ голосомъ Петръ

Александровичъ, — то, чего я опасался, оказалось въ дѣйствительности...

— Чего же это?

— Нужно тебѣ сказать, что я очень радовался твоимъ успѣхамъ по службѣ—да и какой же отецъ не радуется успѣхамъ сына? Но я мало зналъ твои служебные принципы и никакъ не могъ тебя представить себѣ администраторомъ...

— И бюрократомъ?—опять вставилъ Дмитрій.

— Замолчи, Дмитрій! Но я все-таки въ глубинѣ души лелѣялъ мысль, мечту, надежду, что мы пойдемъ съ тобою рука-объ-руку, что мы будемъ дѣйствовать сообща, что отцу съ сыномъ чрезвычайно легко разобраться во всѣхъ этихъ сложныхъ вопросахъ народнаго блага и помогать другъ другу. Надъ проектомъ, о которомъ ты упомянулъ, работалъ я... и я вижу теперь, что напрасно. Мы, очевидно, съ тобой не сойдемся на этой почвѣ, и это очень, очень грустно... Впрочемъ, какъ я тебѣ говорилъ, я ожидалъ этого. Мы—люди шестидесятыхъ годовъ; вы—конца вѣка. Дистанція огромнаго размѣра, и какъ вы не понимаете насъ, такъ и мы не поймемъ васъ. Вся безобразная неурядица нашего времени, можетъ быть, и заключается именно въ томъ, что насъ, шестидесятниковъ, осталось еще порядочное количество, съ твердо выработанными взглядами и убѣжденіями, которыхъ у дѣтей нашихъ, у молодого поколѣнія, еще нѣтъ... Они не успѣли сложиться и образоваться...

— А когда они сложатся и образуются,—ухмыльнулся Сергѣй Петровичъ,—то уже народится еще новое поколѣніе съ новыми взглядами и убѣжденіями, которые пойдутъ въ разрѣзъ съ нашими. Люди—что поколѣнія листьевъ, сказалъ кто-то, и одинъ слой мертвыхъ листьевъ ложится на другой. Сначала образуется перегной, а потомъ—плодородный черноземъ... Съ философской точки зрѣнія это ужъ не такъ печально. А намъ съ тобой, представителямъ двухъ эпохъ—отживающей и нарождающейся—это твои слова, а не мои—вовсе не такъ трудно сойтись.

— Что же для этого нужно сдѣлать?

— Взаимно поступиться крайностями своихъ убѣждений. Не убѣжденіями, а ихъ крайностями.

— Это—условно, очень условно...

— Какъ и все на свѣтѣ.

— Какъ и самыя убѣжденія,—сказалъ Дмитрій,—которые есть не что иное, какъ тюрьмы. Убѣжденія связываютъ человѣка по рукамъ и ногамъ. Они исключаютъ порывъ, фантазію, воображеніе, настроеніе, творчество, вдохновеніе, увлеченіе, подѣ-

емъ духа. Убѣжденія—узкія программы-клѣтки, въ которыхъ на цѣпочкѣ сидитъ человѣческой духъ.

Сергій Петровичъ посмотрѣлъ на брата, потомъ на отца. Пренія неприятная улыбка легла на его лицо.

— Вотъ, папа, представитель слѣдующаго поколѣнія, которое уйдетъ по этому пути еще дальше него. Вы проповѣдывали принципъ, мы говоримъ объ убѣжденіи, что звучитъ какъ-то менѣе торжественно, чѣмъ принципъ, а они исповѣдуютъ безпринципность, что, въ свою очередь, является не чѣмъ инымъ, какъ принципомъ безпринципности. И выходитъ игра словами, жонглированіе выраженіями. У каждаго поколѣнія своя игрушка, которою оно забавляется. Не будемъ же въ нашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ спорить объ этихъ игрушкахъ. Кому нравится воздушный шаръ, пусть тотъ дергаетъ его на ниточкѣ, а кому лошадка—пусть качается на лошадекѣ...

— А кому городской—пусть увлекается городскими,—сказалъ Дмитрій.

— Пусть,—согласился Сергій Петровичъ,—а жизнь все-таки пойдетъ своимъ чередомъ, и она одна—дѣло серьезное и непрерываемое.

— Аминь!—вдругъ вставилъ Зарѣцкій, давно прислушивавшійся къ этому разговору.—Что есть семья?—подражая тону ихъ спора, спросилъ онъ.—То-есть, я хочу сказать: современная семья? Это есть собраніе враждебныхъ элементовъ, не могущихъ войти другъ съ другомъ въ химическую связь. И выходитъ, что истинный мудрецъ—я, ибо я холостъ, чего отъ души желаю всѣмъ, кто еще не женатъ. *A bon entendeur—salut!*—закончилъ онъ и бѣгло взглянулъ на Дмитрія.

— Ваше превосходительство,—сказалъ, обращаясь къ Сергію Петровичу, вошедшій Алексѣй,—человѣкъ вашъ спрашиваетъ, будете ли вы здѣсь ночевать, или отправитесь къ себѣ?

— Скажите, что я поѣду къ себѣ... черезъ полчаса, черезъ часъ...

— Слушаю-съ.

Обѣдъ кончился въ полномъ уныніи.

Ольга Леоньевна, разговаривая съ Зарѣцкимъ, все время незамѣтно слѣдила за мужемъ и сыномъ, и горькій осадокъ обиды легъ у нея на душѣ. Она тотчасъ же поняла, что мужъ и сынъ—люди разныхъ лагерей, и что они должны будутъ сдѣлаться врагами. Ей стало грустно, такъ грустно, что захотѣлось плавать. И она оглядѣла затуманенными глазами всю свою семью, въ первый разъ собравшуюся подъ однимъ кровомъ, послѣ долгой

разлуки другъ съ другомъ. И что же? Враждебныя рѣчи, возбужденныя взоры, обидныя слова, взаимныя колючести и общее непониманіе другъ друга... Затѣмъ же было такъ долго строить это сложное зданіе, затѣмъ было тратить столько физическихъ и душевныхъ мукъ на рожденіе и воспитаніе дѣтей; болѣть ихъ болями; просиживать ночи у ихъ дѣтскихъ кроватокъ; оберегать каждый ихъ шагъ, терзаться ихъ неуспѣхами и дрожать за ихъ будущее? Затѣмъ? Дѣти выросли, поставлены на ноги и разлетѣлись изъ гнѣзда, какъ птенчики, ставшіе птицами. Это бы еще не бѣда, еслибы у каждого оставалась связь съ роднымъ гнѣздомъ. Но нѣтъ! Всѣ связи порваны, все это теперь забыто! Идутъ мѣсяцы и годы, идутъ быстро, точно спѣша провалиться въ вѣчность; наступаетъ наконецъ часъ, когда птенцы, вскормленные и вспоенные роднымъ гнѣздомъ, возвращаются въ него на короткое время, на мигъ,—и что же оказывается? Всѣ они—враги между собою и разошлись съ тѣми, кто далъ имъ жизнь и воспитаніе...

Вотъ два брата, и ненависть ихъ другъ къ другу сквозить изъ каждого слова. Вотъ сестра, которая презираетъ братьевъ, и они ей платятъ тѣмъ же. Вотъ сыновья въ разладѣ съ отцомъ, и отецъ, пока еще сдерживающій свой гнѣвъ, но уже въ душѣ питающій недобрыя чувства къ сыновьямъ...

И въ минуту такого раздумья она услышала слова Зарѣцкаго, что семья есть собраніе враждебныхъ элементовъ.

„Какъ онъ правъ, Аркадій Ниловичъ!“—подумала она горестно.

Встали изъ-за стола и перешли въ гостиную. Мужчины закурили. Разговоръ рѣшительно не удавался, потому что всѣ были заняты своими мыслями и разбирались въ томъ, что было говорено за обѣдомъ.

Дмитрій незамѣтно исчезъ; Вѣра тоже отправилась къ себѣ.

— Митя, конечно, помчался къ своей Галиной?—спросилъ Сергѣй Петровичъ.

Петръ Александровичъ пожалъ плечами.

— Очевидно, — отвѣтилъ онъ. — Скажи, что это еще за исторія?

— Обыкновенная исторія!—улыбнулся Сергѣй Петровичъ.— Эта барыня ловко закрутила его. Вы знаете, вѣдь онъ былъ влюбленъ въ Ксенію Львовну, дочь нашихъ старинныхъ знакомыхъ... Кстати, вся семья вамъ кланяется. Это, я понимаю, былъ бы бракъ. Барышня молодецъ, красавица собою и... приданое.

Огромное имѣнье, два дома въ Петербургѣ. Воспитана, образована, великолѣпно владѣеть языками...

— Я тоже думала,—сказала Ольга Яковлевна,—что онъ женится на Ксеничѣ, и мы съ Петромъ Александровичемъ ужасно радовались этому.

— Ты мнѣ писала,—кивнулъ головой Сергѣй Петровичъ.— Но на какомъ-то вечерѣ онъ познакомился съ этой барыней, которая приѣхала въ Петербургъ учиться. Теперь вѣдь всѣ скупающія жены ѣдутъ въ Петербургъ учиться... Ну, онъ и увлекся. Не знаю...—подумавъ, проговорилъ онъ,—извѣстно ли вамъ, что у нея есть ребенокъ отъ Дмитрія.

— Отъ Дмитрія?—вскрикнула Варавина.

— Да, отъ него... что ты такъ удивилась?

Зарѣцкій безпокойно заѣрзалъ на стулѣ.

— Мы всѣ думали, что это отъ мужа,—сказала Варавина.

Петръ Александровичъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Я никогда не дамъ согласія на этотъ бракъ,—твердо проговорилъ онъ,—все равно хотя бы у него и еще дѣти были...

— Отчего?—осторожно спросилъ Зарѣцкій.

— Отчего? Да ты подумай, Аркадій Нилыч... какая была бы прелесть, еслибы Дмитрій женился на Ксеничѣ?.. Мы всѣ ее знаемъ съ дѣтства. Это—чудная дѣвушка; впрочемъ, ты слышалъ отзывъ о ней Сергѣя. И потомъ... средства.

— Ты, старый идеалистъ, говоришь о средствахъ, о приданомъ?!

— Да, говорю... Что дѣлать, другъ! Это, пожалуй, именно то, о чемъ говорилъ Сергѣй,—сглаживание острыхъ краевъ убѣжденій. Такъ складывается жизнь! Не я измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, а жизнь вокругъ меня измѣнилась. Вѣдь что такое Дмитрій? Необузданный молодой человекъ, съ новыми бреднями въ душѣ, съ дикими взглядами, съ которыми немислимо служить, и я удивляюсь, что его до сихъ поръ терпятъ на службѣ. Но настанетъ день, когда его попросятъ удалиться. Что онъ будетъ дѣлать тогда съ семьей на рукахъ? Съ женой-консерваторкой, у которой еще есть ли талантъ и голосъ? Въ лучшемъ случаѣ—жить на зарабатываемыя женой деньги? Это не годится Варавину. Съ другой стороны, ты знаешь мои обстоятельства. Я далъ дѣтямъ воспитаніе, блестящее образованіе, но средствъ я имъ никакихъ не оставляю... Мы, помѣщики, разорены, мое имѣнье заложено-перезаложено; Переметневы насъ съѣли, и когда я продамъ ему лѣсъ—если продамъ—онъ съѣстъ насъ до чиста. Дай Богъ выкупить на эти деньги какой-нибудь клочокъ для Вѣры,

которая, конечно, не выйдет замужъ и будетъ мирно проживать въ деревнѣ, а на остатки вѣдь и намъ надо дожить тѣ немногіе дни, которые намъ остались. Сергѣю не надо денегъ, онъ отлично пошелъ по службѣ и дѣлаетъ карьеру...

Сергѣй Петровичъ неопредѣленно улыбнулся и незамѣтно пожалъ плечами.

— Остается одинъ Дмитрій,—и его судьба меня очень беспокоитъ. Я ни за что не соглашусь на его бракъ съ Галиной, да вотъ и жена тоже...

— Я не хочу имѣть неvěсткой Галину какую-то. Я такъ привыкла къ мысли о Ксеничѣ. Отчего ты не помѣшалъ этому? —спросила она у Сергѣя Петровича.—Вѣдь вы вмѣстѣ жили въ Петербургѣ...

— Я тебѣ отвѣчу, папаша, извѣстными словами: „Я развѣ сторожъ брату моему“? И потомъ, мы жили на разныхъ концахъ, видѣлись рѣдко; я слишкомъ былъ занятъ службой, чтобы заниматься амурами брата, да еще такого брата...

— Какого? —недовольнымъ голосомъ спросила Варавина, которую непріятно поразила сухая враждебность его словъ.

— Вы слышали, какимъ тономъ онъ говорить со мной? Развѣ онъ бы послушался меня.

— Еслибы вы любили другъ друга...

— Да, да... но что же дѣлать! Онъ меня не любитъ, и каюсь, я плачу ему тою же монетой.

— Ты не правъ, Петръ Александровичъ,—вдругъ вступился въ разговоръ Зарѣцкій, долго молчавшій:—не правъ, во-первыхъ, потому, что не знаешь своего сына Дмитрія. Ты говоришь о какихъ-то его новыхъ бредняхъ... Какія у него бредни? Онъ былъ недавно у меня, и мы съ нимъ разговаривали...

— Да?—удивился Варавинъ.

— Да... Эти бредни—одно увлеченіе модой, которое скоро пройдетъ у него. Онъ и теперь сбивается съ нихъ. Это только наносный песокъ времени, занесшій живой ручеекъ, и этотъ ручеекъ пробивается наружу. Въ сущности, это—малый съ мягкимъ сердцемъ и доброй душой. Всѣ эти „вѣянія“ идутъ къ нему какъ къ коровѣ сѣдло,—извини за выраженіе. И вообще, я убѣжденъ, что тотъ, кто ежеминутно бредитъ о переоцѣнѣ цѣнностей, добръ и злѣ, сверхчеловѣчности и такъ далѣе,—тотъ не нищезащитъ, потому что ему доставляетъ огромное удовольствіе прислушиваться къ звукамъ этихъ красивыхъ фразъ. Есть люди, которые этого не говорятъ, никогда не говорятъ,—но въ душѣ,

можетъ быть даже безсознательно, слѣдуютъ этой жестокой религіи эгоизма и самообожанія...

Онъ покосился на Сергѣя Петровича и тотчасъ же отвелъ отъ него глаза.

— Дмитрій,—продолжалъ онъ,—твердъ въ одномъ: въ силѣ чувства къ женщинѣ. Есть такіе люди. Почему же ты знаешь,—можетъ быть, все его духовное счастье—въ этой Галиной, и все несчастье было бы въ Ксении? Твое упорство не переупрямить его, а только возбудить на борьбу... И, по-моему, лучше разрѣшить то, чего никто не въ силахъ запретить. Вѣдь, въ крайности, онъ обойдется и безъ твоего согласія. На чтò ему оно нужно? Согласіе или несогласіе имѣетъ значеніе, когда подѣржано тѣмъ-нибудь матеріальнымъ. А такъ... по „нынѣшнимъ временамъ“ это—мнѣ. Лучше уступи...

— Никогда!—съ силой отвѣтилъ Петръ Александровичъ, и жена одобрила его взглядомъ.

— И напрасно...

— Однако мнѣ пора,—сказалъ, вставая, Сергѣй Петровичъ.—Мнѣ надо завтра многое уже сдѣлать.

Онъ простился и вышелъ. Его проводили до передней. За-рѣцкій тоже уѣхалъ.

Варавина вошла въ гостиную и молча сѣла въ кресло. Петръ Александровичъ продолжалъ ходить и курить.

Вдругъ онъ остановился и прислушался.

— Ты плачешь, Оля?

Въ отвѣтъ ему послышались глухія рыданія.

Онъ быстро подошелъ къ женѣ, бросивъ папиросу на пепельницу.

— Чтò съ тобой, голубка?

— Какъ мы одиноки!—сезовъ слезы проговорила она.—Дѣти наши ничего не чувствуютъ къ намъ!

Въ ея словахъ было столько горя, столько материнской тоски, что и Петръ Александровичъ почувствовалъ себя обиженнымъ и несчастнымъ.

— Да,—глубоко вздохнувъ, сказалъ онъ въ полголоса:—мы съ тобой одиноки, несмотря на то, что у насъ трое дѣтей.

И взявъ съ пепельницы папиросу, закурилъ ее и опять заходилъ по комнатѣ.

VII.

Дмитрій Петровичъ направлялся за городъ, въ „Дубамъ“ — излюбленному мѣсту прогулокъ городской публики.

„Дубки“ начинались верстахъ въ трехъ къ югу отъ города и занимали обширную площадь. Это былъ полу-паркъ, полу-лѣсъ, съ запущенными аллеями, поросшими травой, съ полусгнившими деревянными скамейками и небольшими лужайками; собственно говоря, это былъ боръ, принадлежавшій раньше женской обители, которая и привела его въ надлежащій видъ. Но когда обитель упразднили, все, что ею было сдѣлано въ бору, пришло въ запустѣніе и упадокъ, и съ тѣхъ поръ никто не поддерживалъ порядка въ этомъ густомъ и тѣнистомъ лѣсу.

Во всякомъ случаѣ, „Дубки“ были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было отдохнуть въ лѣтнюю пору отъ городской пыли и звоя.

Дмитрій Петровичъ условился съ Галиной встрѣтиться на опушѣ этого лѣса. Они рѣшили выѣхать изъ города каждый отдѣльно, потому что въ послѣднее время не показывались вмѣстѣ, чтобы не возбуждать любопытства и пересудовъ обывателей.

Солнце уже сѣло, и луна, блѣдная, точно изнеможенная, всходила надъ лѣсомъ, осыпавъ его первыми лучами прозрачно-пепельнаго свѣта.

Чѣмъ-то таинственнымъ и умиротворяющимъ пахнуло на Дмитрія изъ лѣса. Онъ чувствовалъ особое состояніе покоя и желанія мирной бесѣды, вдали отъ любопытныхъ глазъ, съ горячо любимой женщиной.

Никогда еще природа не производила такого страннаго впечатлѣнія на Дмитрія, не казалась ему такъ чреватой тайнами и такой мечтательной и красивой, какъ образъ глубоко задумавшейся дѣвушки въ томительномъ ожиданіи свиданія съ любимымъ человекомъ.

Дмитрій оглянулся назадъ, на городъ, исчезавшій за синей занавѣсью надвигавшихся сумерекъ. Зажигались рѣдкіе городскіе огни, и вся эта куча низкихъ домовъ подъ желѣзными крышами казалась ему толпою карликовъ, собравшихся въ одномъ мѣстѣ для какого-нибудь совѣщанія... Неопредѣленные очертанія городскихъ зданій, церквей и острога становились все неопредѣленнѣе и неопредѣленнѣе; рѣзкія линіи ступенькивались, выпрямлялись, сливались вмѣстѣ. Городъ погружался въ вечернюю тьму, точно тонулъ въ серебряномъ морѣ луннаго свѣта.

Дмитрій шелъ по лѣсной тропѣ, которая узкой дорожкой пролежала среди высокихъ стволовъ деревьевъ. Кое-гдѣ, тамъ, гдѣ деревья становились рѣже, на землю ложился лунный свѣтъ, въ которомъ было что-то печальное и унылое.

И когда Дмитрій вступилъ, наконецъ, въ самую чашу лѣса, онъ почувствовалъ себя среди моря зелени, окруженного деревьями, вѣтвями, кустами, листьями и травой. Онъ чувствовалъ, что ушелъ отъ жизни, спрятался отъ людей, остался одинъ съ самимъ собою. Онъ былъ окруженъ безмолвіемъ лѣса, тѣмъ безмолвіемъ, которое безъ словъ навѣваетъ человѣку мысли и заставляетъ вступать съ собою въ бесѣду.

Лѣсъ просыпался. Точно глубокій вздохъ прошелъ по немъ, и листья, колеблемые ароматнымъ вѣтеркомъ, пронесившимся по вѣтвямъ, таинственно зашептались. Какъ будто они передавали другъ другу, отъ дерева къ дереву, имъ однимъ извѣстную тайну о жизни лѣса, о лѣтнихъ грѣзахъ природы. Какой-то шопотъ проходилъ по лѣсу, и Дмитрій тщетно прислушивался къ нему, стараясь угадать тайну стараго лѣса, идя твердыми шагами къ условленному мѣсту свиданія. Но онъ долго не находилъ этого мѣста, и ему показалось, что онъ сбился съ пути, что лѣсъ, завернувшись въ темный плащъ ночи, морочить его. Онъ бывалъ здѣсь днемъ и надѣялся на свою способность ориентироваться въ мало знакомыхъ мѣстахъ. Днемъ все было здѣсь просто, ясно, понятно. Теперь все приняло совершенно иной видъ, и Дмитрій растерянно бродилъ по лѣсу, отыскивая условленную каменную „скамейку игуменьи“, когда-то выстроенную въ любимомъ настоятельницаю мѣстечкѣ лѣса, на краю небольшого лужка.

— Митя, ты это?—услыхалъ онъ голосъ Галиной и вздрогнулъ.

И тотчасъ же она взяла его подъ-руку, и они пошли вмѣстѣ, любящіе, трепетные и безмолвные, такіе же безмолвные, какъ лѣсъ, укрывшій ихъ отъ людскихъ взоровъ.

— Я заблудилась и не нашла скамейки,—наконецъ, сказала Галина.—Хорошо, все-таки, что мы встрѣтились, а то легко было бы разойтись.

Онъ ничего не сказалъ. Ему не хотѣлось нарушать тишины лѣтнаго вечера. Онъ смотрѣлъ на лѣсную тропу, и ему казалась она безконечной дорогой жизни, по которой онъ шелъ съ любимой женщиной рука-объ-руку. Никто здѣсь, подъ этой земной сѣнью, не могъ издѣваться надъ ними, предрекать имъ гибель и всякія страсти, мѣшать ихъ счастью... Имъ такъ надобно

прятаться отъ людей, скрываться отъ общества, говорить съ опасеніемъ быть услышанными и любить исподтишка, точно они дѣлали недоброе дѣло или крали свою любовь.

Но Галиной хотѣлось говорить, говорить безъ конца. Ей казалось, что она бѣжала изъ тюрьмы, вырвалась на волю изъ своей жалкой отельной комнаты.

— Господи, какъ я счастлива!—проговорила она шопотомъ, точно боясь, чтобы ее и здѣсь не подслушали.—Подумай, я могу любить тебя здѣсь открыто, и вотъ всѣ эти деревья, и кусты, и листья могутъ видѣть и слышать, что я люблю...

— Бѣдная!—сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее. — Я увезъ тебя сюда, чтобы дать тебѣ возможность отдохнуть отъ Петербурга, надышаться воздухомъ, полюбоваться природой, которой нѣтъ въ Петербургѣ... а что вышло? Провинція рисовалась мнѣ совсѣмъ иначе... какой-то пустыней, въ которой можно свободно любить; а она оказалась гнусной темницей съ добровольными тюремщиками и инквизиторами. Слѣдять за каждымъ твоимъ словомъ, за каждымъ движеніемъ! Какая гадость!..

— Ты не хотѣлъ слушаться меня, Митя... Я-то вѣдь знаю провинцію.

— Мнѣ ужъ очень хотѣлось, чтобы ты могла оправиться отъ болѣзни на свѣжемъ воздухѣ. И потомъ...

— Что потомъ?

— Я думалъ, что родители иначе отнесутся къ намъ. Вѣдь мы—женихъ и невѣста.

— А вышло другое... Такъ всегда выходитъ. Я тебѣ и объ этомъ говорила, что они будутъ противъ. Ты говорилъ сегодня съ отцомъ, какъ хотѣлъ?

— Говорилъ.

— И??...

— Все то же. Онъ совершенно озлобился. Я не знаю, что съ нимъ... Старость ли пришла, или что другое. Со времени приѣзда сюда этого „нерва въ вицмундирѣ“, моего многоуважаемаго брата, отца узнать нельзя. Онъ сталъ раздражительный, упрямый. Господинъ начальникъ объѣзжаетъ теперь губернію, и я воспользовался его отсутствіемъ, чтобы рѣшительно поговорить съ отцомъ и матерью. Оба—противъ нашей женитьбы.

— Но почему?

— Ахъ, развѣ у этихъ старыхъ людей узнаешь что-нибудь! Главное, впрочемъ, ты знаешь. Они вбили себѣ въ голову, что я долженъ жениться на Ксеніи, что ни у тебя, ни у меня нѣтъ средствъ—и все въ этомъ родѣ...

Онъ замолчалъ, не договоривъ чего-то, и она замѣтила это.

— Ты что-то отъ меня скрываешь...

— Нѣтъ, ничего.

— Я вижу, ты скрываешь что-то. Скажи.

Онъ не говорилъ, и она опять пристала къ нему:

— Помнишь наше условіе, когда мы полюбили другъ друга: никогда ничего не скрывать одинъ отъ другого?

— Помню. Изволь, я тебѣ скажу. У меня вышла сцена... грубая, нехорошая сцена. Отецъ вышелъ изъ себя и позволилъ себѣ сказать, что онъ будетъ просить брата, чтобы тебя выслали изъ города, потому что у тебя нѣтъ вида.

Она вдрогнула, прижалась къ нему всѣмъ своимъ тѣломъ, точно ища у него защиты, но быстро оправилась и, проведя рукой по лбу, проговорила:

— Я не боюсь этихъ угрозъ, и напрасно ты хотѣлъ скрыть отъ меня это происшествіе.

— Я хотѣлъ скрыть, потому что мнѣ стыдно за отца.

— Братъ твой способенъ сдѣлать это... Я видѣла его тогда на вокзалѣ... Помнишь, ты еще журилъ меня, что я пошла на вокзалъ? И по лицу его судя, я думаю, что онъ способенъ на это. Ну, и я тебѣ скажу непріятную новость.

— Какую?—встревожился Дмитрій.

— Сегодня передъ вечеромъ явился приставъ и сказалъ, что если черезъ недѣлю у меня не будетъ бумагъ, то я принуждена буду покинуть городъ.

— Я уже телеграфировалъ въ Петербургъ адвокату. Вѣроятно, завтра получу отвѣтъ. Я не думаю, чтобы братъ исполнилъ желаніе отца... Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. У нихъ пошли ужасныя распри. Я думаю, отецъ оттого такъ и озлобленъ. Несчастные мы съ тобой люди!—горько произнесъ онъ и уныло опустилъ голову.

Она взглянула на него укоризненно. Между тѣмъ, они подошли къ „скамьѣ игуменъ“ и сѣли.

— Несчастные?—повторила она.—Какъ тебѣ не стыдно это говорить, Митя? Развѣ можетъ быть несчастнымъ тотъ, кто любитъ? Я не знаю, какъ ты, но я люблю тебя—и я счастлива!.. Ахъ, вы всѣ, мужчины, только по недоразумѣнію считаетесь вы сильными. Вы—слабѣ насъ, всего боитесь, вѣчно озираетесь. И ты такой же! Душа у тебя слабая, несмотря на твои сильныя рѣчи. Скажи, любишь ты Ксенію?

— Лидочка!

— А меня—любишь?

— Зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?

— Вотъ зачѣмъ. Ты любишь меня, я это знаю, и ты знаешь, что я люблю тебя. Я и еще кое-что знаю...

— Чтѣ именно?

— Что сьумѣю сдѣлать тебя счастливымъ. Я отвѣчаю за наше счастье. Я ничего не боюсь. Мы молоды, сильны, вся жизнь у насъ впереди, и мы любимъ другъ друга, и у насъ есть ребенокъ. Чтѣ и кто можетъ помѣшать нашему счастью? Ты можешь служить или писать — это выяснится скоро; если твое произведеніе будетъ принято и будетъ имѣть успѣхъ, — а я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, — я сама буду настаивать, чтобы ты бросилъ службу. Человѣкъ обяванъ дѣлать то, къ чему его влечетъ. Я, по окончаніи консерваторіи, тоже буду имѣть свое страстно любимое дѣло. Такъ о чемъ же думать? Намъ, конечно, не къ чему было ѣхать сюда за согласіемъ твоихъ родителей на нашъ бракъ. Но разъ это сдѣлано — вискнуть нечего. Какъ только придуть бумаги — обвиняемся и уѣдемъ. Я уже очень соскучилась по нашему маленькомъ Митѣ. А тамъ наступить осень, занятія, хлопоты по узавоненію Мити, много дѣла, много работы... Жизнь — не знающая праздности, и взаимная любовь — развѣ это не идеаль счастья? Нѣтъ, нѣтъ, я ручаюсь, я отвѣчаю за все, ты можешь на меня положиться. Съ Ксеніей ты никогда не былъ бы счастливъ, потому что она — избалованная и богатая барышня. Она превратила бы тебя въ честолюбиваго чиновника, толкнула бы тебя на путь чиновъ, звѣздъ и назначеній. Можетъ быть, и ты былъ бы гдѣ-нибудь начальствомъ впоследствии, но, увѣряю тебя, ты не былъ бы счастливъ. Ты потушилъ бы, подъ ея вліяніемъ, огонекъ своего дарованія, и потому всю жизнь терзался бы, отыскивая его и не находя. Можетъ быть, ты и самъ бы не зналъ, чего ты ищешь, но тебѣ не хватало бы чего-то въ жизни, и ты очень былъ бы несчастливъ. Повѣрь, милый, большинство людей несчастны оттого, что не сьумѣли во-время найти своей дороги — и принуждены дѣлать не то, чтѣ имъ хочется. Но я отвѣчаю за твое счастье, и ты можешь вѣрить мнѣ.

Онъ страстно и порывисто обнялъ молодую женщину и поцѣловалъ ее.

— Да, да, Лидочка... — сказалъ онъ: — съ тѣхъ поръ какъ я... познакомился съ тобой, я точно очнулся отъ долгаго, отъ мучительнаго сна... Я долго страдалъ, отыскивая себя... и тебя. Мнѣ всегда грезилась женщина вотъ съ такими темными, глубокими глазами, съ такимъ матовымъ личикомъ, съ такимъ тихимъ, ра-

достнымъ смѣхомъ. Странно! Мнѣ иногда кажется, что я видѣлъ тебя уже во снѣ и ждалъ тебя. Я зналъ, что въ моей тоскливой чиновничьей жизни, среди моихъ смутныхъ порывовъ къ литературѣ, когда-нибудь явишься ты, съ твоей ясной рѣчью, возьмешь меня за руку и поведешь по вѣрному пути. Я считалъ себя сильнымъ, способнымъ къ борьбѣ съ невзгодами жизни, я считалъ себя смѣлымъ, потому что вѣрилъ только въ самого себя... Но какимъ я показался себѣ слабымъ, когда я узналъ и полюбилъ тебя!.. Лидочка, Лидочка! Ты точно вырвала меня изъ глухой темницы, вывела на дорогу и освѣтила мою тоскливую жизнь...

— Я твоя,—серьезно сказала она, заглядывая ему прямо въ глаза,—твоя навѣки, на всю жизнь, до тѣхъ поръ, пока въ насъ будетъ жить чувство любви. А отчего ему не жить до нашей смерти? Счастье подошло къ намъ быстрыми шагами — нужно, должно умѣть удержать его. Куда и зачѣмъ намъ бѣжать отъ него? Я люблю тебя, я вся твоя, какъ ты мой, и любовь наша должна быть сильною... потому что счастье заключается въ силѣ, а не въ слабости...

Дмитрій улыбнулся и сказалъ:

— Лидочка, мы съ тобой точно оперные влюбленные. Сидимъ на бутафорской скамьѣ среди этой декораціи лѣса, освѣщенные лунной, и поемъ любовный дуэтъ! А вѣдь мы любимъ другъ друга уже годъ слишкомъ, и все еще не можемъ наговориться о любви. Это по „нынѣшнимъ временамъ“ — рѣдкость!

— Да, правда, люди разучились любить, и любовь, настоящая любовь точно вырождается: о ней не принято говорить и ея стали избѣгать даже въ музыкѣ и въ романѣ.

Галина стала напѣвать въ полголоса пѣсенку изъ „Карменъ“:

„Любовь свободная, какъ птица“...

Голосъ ея отлично звучалъ подѣ аккомпаниментъ лѣсного шума, такъ какъ поднимался вѣтеръ, и Дмитрію казалось, что онъ слышитъ голоса природы, ставшіе ему вдругъ понятными.

Молча, довѣрчиво, точно ребенокъ, прижался онъ къ ней и слушалъ ея пѣсню, весь отдавшись во власть очарованія. Потомъ онъ всталъ со скамьи, отошелъ отъ нея и залюбовался лицомъ молодой женщины.

На лицѣ ея играла спокойная, счастливая, радостная улыбка. Оно казалось очень блѣднымъ подѣ лучами луны, освѣщавшими его. И чудилось Дмитрію, что онъ сдѣлался героемъ волшебной сказки, и что въ жизни рѣдко бываютъ такія минуты, когда че-

ловѣкъ ощущаетъ такой сильный приливъ радости. И ему еще чудилось, что вся природа внимаетъ ихъ любовному дуэту и радѣляетъ вмѣстѣ съ ними ихъ счастье.

Какъ далеку онъ былъ теперь отъ своихъ разсужденій съ отцомъ, съ Зарѣцкимъ, отъ этихъ разговоровъ съ Өирсомъ Өирсовичемъ о паспортахъ и видахъ на жительство, отъ тревогъ и невзгодъ жизни, отъ этого, ставшаго ненавистнымъ ему, „нерва въ вицмундирѣ“, который воображаетъ, что своей властной, якобы, рукой можетъ направить челоуѣчество на тотъ или иной путь,—и отъ этой Вѣры, отказавшейся отъ собственнаго счастья ради счастья обездоленныхъ, которымъ она посвятила свою, никому не нужную жизнь,—какъ будто челоуѣкъ, самъ не испытавшій счастья, можетъ его принести людямъ!..

Лидія кончила пѣть.

— Пойдемъ,—сказала она и встала со скамейки.—Становится поздно, и на меня будутъ смотрѣть косо въ нашей „Европейской гостинницѣ“.

Онъ неохотно послѣдовалъ за нею.

Новый порывъ любви, страстнаго, неудержимаго чувства овладѣлъ имъ. Онъ обнялъ Лидію и прижался губами къ ея головѣ, на которой шелковистыми кольцами завивались ея свѣтло-каштановые волосы.

— Я люблю тебя,—шепталъ Дмитрій:—мнѣ кажется, я никогда не любилъ тебя такъ, какъ въ эту лунную ночь, среди лѣса. Я какъ будто не зналъ тебя до сихъ поръ, и точно нашелъ тебя здѣсь, въ лѣсу, среди деревьевъ. И я отдалъ тебѣ сегодня окончательно свое сердце, умъ, душу, всего себя, какъ ты говоришь, безъ раздѣла, безъ остатка, все, что во мнѣ есть хорошаго. Я ничего не оставилъ для тѣхъ, кого называютъ близкими, родными, друзьями... Все счастье мое—въ твоей блѣдной улыбкѣ, и я люблю, люблю тебя... Я хочу счастья такъ, какъ я его понимаю, и никому не позволю указывать мнѣ его. Я хочу быть сильнымъ и любить какъ сильный челоуѣкъ. Ты вселила въ меня мужество и желаніе борьбы. Спасибо тебѣ за это.

Она гордо подняла свою голову.

— Вотъ, когда ты говоришь такъ, я люблю тебя еще больше, если это возможно. Намъ не отъ кого скрываться и стыдиться некого. Кто и за что можетъ упрекнуть насъ? Я всему свѣту скажу, что люблю тебя, и никого и ничего не побоюсь, чтобы добиться твоего и моего счастья... даже Өирса Өирсовича!—засмѣялась она.—Надѣюсь, не надо спрашивать на это его разрѣшенія?

Они шли нѣкоторое время молча.

Дмитрій Петровичъ былъ въ возбужденномъ состояніи, потому что нервы его были очень приподняты утреннимъ объясненіемъ съ отцомъ.

Петръ Александровичъ принялъ его сухо и холодно; вообще, въ послѣднее время старикъ круто измѣнилъ свои отношенія къ дѣтямъ, а подъ его вліяніемъ и мать. Въ городѣ даже стали поговаривать объ этомъ, вслѣдствіе „благоклоннаго“ участія въ нихъ дѣлахъ „сплетницы во всѣхъ отношеніяхъ“ — Шубиной.

Сергѣй на всѣхъ произвелъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе: онъ былъ рѣзокъ съ подчиненными, стремителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ, которыя столь же быстро отбѣнялъ, какъ и постановлялъ. Его помощникъ уже подалъ просьбу о переводѣ его, по „домашнимъ обстоятельствамъ“, въ другую губернію. Өирсъ Өирсовичъ трепеталъ теперь вдвойнѣ: передъ своей супругой, какъ всегда, и передъ новымъ начальникомъ. При Иванѣ Ивановичѣ, котораго Өирсъ Өирсовичъ называлъ теперь, по обмолвкѣ, „покойнымъ“, — хотя Иванъ Ивановичъ и не думалъ умирать, если не считать отставку смертью, — онъ никогда не испытывалъ этого трепета. Теперь же ему было настоящимъ мученіемъ являться къ Сергѣю Петровичу: онъ входилъ во всякія мелочи, дѣлалъ неудобноисполнимыя распоряженія и требовалъ безотговорочнаго ихъ исполненія.

— Это не человѣкъ, а воздухъ, который проникаетъ во всѣ легкія и даже нелегкія! — острилъ Өирсъ Өирсовичъ.

— Остри, остри! — говорила ему супруга: — вотъ за остроуміе и выгонять.

— Да кто же, матунка, выдастъ? Не ты же, надѣюсь.

— Полиціймейстеръ не долженъ быть остроумнымъ. За остроту-то ума и выгоняютъ. Неравно гдѣ обмолвишься... Вѣдь языкъ-то у тебя, охъ, какой распущенный, Өирсъ Өирсычъ... все равно, что у иной бабы...

Одинъ Лѣвановъ какъ будто ничего не боялся и началъ, по издавна усвоенной привычкѣ, обученіе „новичка“.

Но это плохо удавалось ему, потому что ученикъ упорно не хотѣлъ слушать его наставленій и уроковъ и даже нѣсколько разъ, съ свойственной ему рѣзкостью, указывалъ Лѣванову его мѣсто.

— Въ жизнь свою не видалъ такого упрямаго человѣка, — говорилъ Лѣвановъ: — всѣ слушались, а этотъ ни за что, хотя никто не дѣлалъ столько глупостей, какъ онъ.

Лѣвановъ извинялся даже за него передъ просителями, когда

Сергѣй Петровичъ клалъ на ихъ прошенія несоотвѣтствовавшія дѣлу резолюціи:

— Ужъ вы извините насъ, по молодости лѣтъ и совершенной нашей неопытности... Не обученъ еще какъ слѣдуетъ.

Чинovníкъ особыхъ порученій уже былъ смѣненъ и на его мѣсто выписанъ другой, изъ Петербурга, столичный пріятель по министерству; пріѣзда его ждали со дня на день.

Все это дошло и до Петра Александровича и даже въ прѣувеличенныхъ размѣрахъ, и онъ, вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ, былъ недоволенъ сыномъ.

Они видѣлись рѣдко: Сергѣй Петровичъ ссылаясь на обиліе работы, и дѣйствительно работалъ много, стараясь во все вникнуть самъ и обнять непосредственнымъ наблюденіемъ и изученіемъ всѣ детали сложнаго дѣла.

Но при свиданіяхъ съ сыномъ Петръ Александровичъ выговаривалъ, впрочемъ весьма осторожно, сыну за его неосмотрительность и стремительность.

— Ты терроризируешь всѣхъ,—говорилъ онъ.—Это какой-то—*Sturm-und Drang-Periode*.

Сергѣй Петровичъ сначала улыбался своей несимпатичной, насмѣшливой улыбкой и молчалъ, но затѣмъ разсердился и сказалъ:

— Папа, я просилъ бы тебя не слушать сплетенъ твоихъ друзей и предоставить мнѣ распоряжаться по-своему. Я одинъ отвѣчаю за порядокъ.

Съ тѣхъ поръ отношенія обострились между отцомъ и сыномъ. Сегодня, послѣ бурнаго объясненія съ Дмитріемъ, обострились и отношенія Дмитрія къ отцу.

Вотъ объ этомъ-то думалъ онъ, возвращаясь изъ лѣса съ Лидіей.

Лѣсъ остался уже далеко позади, и городскія зданія вырисовывались все съ большей и большей отчетливостью.

Дмитрій смотрѣлъ на этотъ городъ, освѣщенный полной луной, и онъ, по прежнему, казался ему городомъ карликовъ, пигмеевъ, погруженныхъ въ мелкія дѣлишки и дразги жизни и думающихъ, что они дѣлаютъ крупное дѣло.

— О чемъ ты задумался? — наконецъ, нарушила молчаніе Лидія.

Онъ ничего ей не отвѣтилъ.

Имъ попался извозчикъ, который одиноко плелся по пыльной дорогѣ. Они взяли его и доѣхали до „Европейской гостинницы“.

— Будь твердъ и ничего не бойся,—сказала Дмитрію Лидія, и они разстались.

VIII.

Дмитрій Петровичъ, на слѣдующій день, съ большой неохотой переступилъ порогъ отцовскаго кабинета.

Со времени послѣдняго столкновенія, жизнь въ домѣ родителей стала для него тяжелой. И отецъ, и мать, видимо, дулись на него, разговаривали съ нимъ вяло, неохотно, когда уже не было никакой возможности избѣжать этого разговора.

И Дмитрій рѣшилъ, наконецъ, выйти изъ такого невыносимо-гнетущаго положенія.

Въ кабинетѣ у отца сидѣли только-что вернувшійся въ городъ, послѣ одной изъ многочисленныхъ своихъ поѣздокъ, Сергій Петровичъ и о. Парамонъ, священникъ сельской церкви въ имѣньи Зарѣцкаго. Это былъ еще нестарый человѣкъ, который казался передъ сильно подавленнымъ въ послѣднее время Петромъ Александровичемъ чуть не молодымъ человѣкомъ.

— Я мѣшаю?—спросилъ Дмитрій, войдя въ кабинетъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ отецъ.—Батюшка, позвольте васъ познакомить съ моимъ младшимъ сыномъ, Дмитріемъ.

— Весьма пріятно, весьма, — проговорилъ батюшка, и съ любопытствомъ взглянулъ на молодого человѣка, о которомъ ему говорилъ Зарѣцкій.

Дмитрію было очень неприятно, что онъ встрѣтилъ у отца брата и священника, потому что ему хотѣлось дать сегодня генеральное сраженіе и выиграть его. Къ тому же онъ былъ какъ разъ въ особо приподнятомъ настроеніи, а въ такія минуты, онъ зналъ, что не умѣетъ держать себя въ рукахъ. Это его окончательно разстроило, и теперь онъ былъ бы готовъ „полѣзть на стѣну“.

„Тѣмъ хуже“,—сказалъ онъ себѣ и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Папа,—сказалъ онъ, нахмурившись:—я пришелъ поговорить съ тобой о дѣлѣ, и не вижу причинъ откладывать этого, если только вы не заняты дѣловыми разговорами.

Петръ Александровичъ пристально взглянулъ на сына.

— О какомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.—Мы не заняты дѣловыми разговорами, и если у тебя нѣтъ секретовъ...

— О, нѣтъ! Какіе же секреты? И потомъ, кто же у васъ? Мой братъ и батюшка — прекрасный человѣкъ, по отзывамъ Аркадія Ниловича.

— Господь съ вами... за что меня хвалить. Такъ, деревенскій попикъ, не больше того,—протестовалъ батюшка.

— Я слышалъ, что вы изъ принципа служите въ деревнѣ? У васъ была бы карьера: вонъ, я вижу магистерскій крестикъ...—сказалъ Дмитрій.

— Магистровъ и такъ много въ городахъ, а деревня сильно нуждается въ людяхъ... Это я не говорю себѣ въ похвалу, Боже спаси и помилуй... Но служба сія мнѣ весьма по душѣ, и я охотно готовъ дѣлиться моими скудными знаніями съ темнымъ людомъ. Ахъ, какъ тѣмнѣ нашъ людъ, какъ мало сдѣлано для его образованія и просвѣщенія! Кому же не трудиться надъ пролитіемъ свѣта, какъ не намъ, пастырямъ духовнымъ, да еще такимъ самоотверженнымъ душамъ, какъ ваша достойная сестрица Вѣра Петровна?.. Но простите, я отвлекъ васъ отъ дѣла, о которомъ вы хотѣли сообщить вашему батюшкѣ.

— Я хотѣлъ говорить о себѣ.

Дмитрій на мгновеніе смутился, даже рѣшилъ-было заговорить о чемъ-нибудь другомъ, незначительномъ, отступить какъ можно дальше. Но, какъ нарочно, ничего не приходило на умъ, и въ немъ была одна идея, съ которою онъ пришелъ сюда. Тогда онъ вдругъ раздражился и опять сказалъ себѣ:— „Тѣмъ хуже!“

— Да, я пришелъ говорить о себѣ и о моемъ дѣлѣ.

— О твоемъ дѣлѣ? Со мной? Но я не знаю никакихъ твоихъ дѣлъ...—отвѣтилъ Петръ Александровичъ.

Глаза Дмитрія загорѣлись.

— Вы знаете о немъ,—рѣзко сказалъ онъ.

„Неужели у него хватить дерзости заговорить о Галиной“,—подумалъ Петръ Александровичъ,—„да еще при нихъ?“

И тотчасъ же услыхалъ слова сына:

— Вы знаете о немъ: это—мой бракъ съ Лидіей Иларіоновой Галиной.

Сергѣй Петровичъ сдѣлалъ изумленные глаза и пустилъ на свои губы свою тонкую саркастическую улыбку.

Онъ всталъ и хотѣлъ уйти, но отецъ удержалъ его:

— Пожалуйста, останься. Это, кажется, становится любопытнымъ.

Батюшка тоже привсталъ, но Дмитрій, въ свою очередь, сказалъ ему:

— А я васъ прошу остаться, батюшка. Папѣ предполагаетъ, что это будетъ любопытно. Отчего же вамъ не посмотрѣть изрѣдка на любопытное зрѣлище. Хотя я рѣшительно не могу понять,

что можетъ быть любопытнаго въ такой простой вещи, что сынъ хочетъ вступить въ бракъ съ женщиной, которую любить... и отъ которой у него есть ребенокъ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это кажется только естественнымъ, но ничуть не любопытнымъ...

Батюшка потупилъ взоры долу; а Сергѣй Петровичъ сталъ большимъ костянымъ ножомъ разрѣзывать книжку толстаго сельско-хозяйственнаго журнала. Петръ Александровичъ понялъ, что ему объявлена война, и что Дмитрій на этотъ разъ не сдастся. Онъ попробовалъ не принять боя.

— Ты, пожалуй, правъ... любопытнаго во всемъ этомъ мало, потому что мы уже обо всемъ съ тобой переговорили. Ты знаешь мой взглядъ на это дѣло. Поэтому не будемъ въ сотый разъ повторять одного и того же.

— Я буду повторять, папѣ, пока ты, наконецъ, меня не поймешь.

— Ты думаешь я такъ глупъ и старъ, или ты говоришь такіа умныя вещи, что тебя нельзя понять? Впрочемъ, ты опять-таки правъ. Тебя нельзя понять. Одно время ты говорилъ, что ребенокъ у этой госпожи отъ мужа... Теперь ты его признаешь своимъ.

— Я нивогда не говорилъ этого. Это говорилъ ты; я только молчалъ.

— Почему?

— Потому что я не зналъ, какъ ты отнесешься къ этому, и что выгоды для моего дѣла — молчать объ этомъ или признаться? Но я рѣшилъ говорить правду. Ребенокъ мой, и я хочу узаконить положеніе этого ребенка и этой „госпожи“, какъ ты говоришь, которую я люблю.

— Но вѣдь ты, кажется, вообще не признаешь никакихъ законовъ, къ чему же тутъ „узаконить“? — вставилъ въ полголоса Сергѣй Петровичъ, разрѣзавъ листъ журнала.

Дмитрій вспыхнулъ и тотчасъ же почувствовалъ въ душѣ взрывъ ненависти къ брату; взрывъ этотъ долженъ былъ разразиться — иначе, кажется, онъ бросился бы на него.

— Ну, знаешь ли, ты... — онъ не могъ сразу начать отъ волненія. — Да, я не признаю этихъ формальныхъ законовъ, и они мнѣ не нужны. Но я живу вѣдь съ людьми, и они людямъ, очевидно, нужны. Для меня... Лидія не станетъ хуже или лучше оттого, что будетъ моей женой — или просто женщиной, которую я люблю. И ребенокъ мой не будетъ отъ этого ни лучше, ни хуже. Но не будемъ говорить объ этомъ — это недоступно пониманію такихъ... такихъ ограниченныхъ бюрократовъ, какъ ты.

Сергѣй Петровичъ улыбнулся, поправилъ prince-nez, но ничего не отвѣтилъ, рѣшивъ въ душѣ, что не стоитъ тратить словъ для такого необузданнаго человѣка.

Но зато Петръ Александровичъ сказалъ Дмитрію:

— Ты сегодня очень возбужденъ, другъ мой, а потому не лучше ли будетъ отложить этотъ разговоръ...

— Я—возбужденъ?! Ужъ не хочешь ли ты просто объявить меня сумасшедшимъ и упечь куда-нибудь?

— Батюшка,—обратился Петръ Александровичъ къ священнику:—простите его, не вѣдаетъ бо, что творить, и еще менѣе—что говорить.

— Отлично вѣдаю... Батюшка! — къ тому же священнику обратился Дмитрій.—Что я говорю? Я говорю, что люблю женщину и хочу на ней жениться. Развѣ это предосудительно?

Петръ Александровичъ вышелъ изъ себя, стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что гусиные перья, которыми онъ имѣлъ привычку писать, разлетѣлись въ разные стороны, и сказалъ:

— Вотъ, прочти...—онъ протянулъ сыну письмо, лежавшее на столѣ.

Дмитрій удивленно и нерѣшительно взялъ письмо.

— Это мнѣ пишетъ мать Ксенія Львовны. Еще не поздно, одумайся... Ксеничка тебя любитъ, тоскуетъ по тебѣ, готова простить тебѣ и выйти за тебя замужъ.

Дмитрій спокойно положилъ письмо на столъ.

— Если все дѣло въ этомъ, я не стану и читать его. Ксеничка очень хорошенькая барышня, и я, какъ ты самъ знаешь, одно время увлекся ею. Но, къ счастью, скоро понялъ свою ошибку. Ксенія Львовна—орѣхъ съ рождественской елки: золотой снаружи и пустой внутри. Я вовсе не собираюсь ради ея золота играть роль законнаго покровителя ея свѣтскихъ романовъ и служить брачной ширмой ея многочисленныхъ увлеченій кавалерійскими офицерами.

— А, ты ревнуешь ее, значитъ—не все еще потеряно.

Но Дмитрій такъ искренно расхохотался на это предположеніе, что Петру Александровичу стало совершенно ясно, что говорить о Ксеничкѣ бесполезно. Смѣхъ сына его сильно разсердилъ.

— Кончимъ, Дмитрій, на этомъ. Ты не хочешь согласиться со мною, — съ наружнымъ спокойствіемъ сказалъ онъ: — я не соглашусь съ тобою. Я тебѣ скажу больше. Право и законъ—на моей сторонѣ.

— Право и законъ?—удивился Дмитрій.

— Да, законъ даетъ мнѣ право не согласиться на твой бракъ съ г-жей Галиной. И я не соглашаюсь.

Дмитрій былъ такъ удивленъ этими словами, что не сразу нашелся, что отвѣтить. Но потомъ у него мелькнула мысль.

— Это ужъ не о шестой ли статьѣ десятаго тома ты говоришь?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да, о статьѣ закона, воспреещающей вступленіе въ бракъ безъ дозволенія родителей.

Священникъ поднялъ голову.

— Папа, что вы говорите!—сконфуженно сказалъ Дмитрій.— Это вѣдь можетъ относиться къ несовершеннолѣтнимъ или ка-кимъ-нибудь слабоумнымъ, что-ли...

— Въ законѣ этого не оговорено; напротивъ, категорически сказано: запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей. А еще юристъ! Неужели ты этого не знаешь?

— Знаю. Но кто же понимаетъ буквально и пользуется этой статьей?!

— Я ею воспользуюсь. И я увѣренъ, что батюшка вполне со мною согласенъ.

— Я?—спросилъ священникъ.—Нѣтъ, Петръ Александровичъ, я не вполне согласенъ съ вами въ настоящемъ случаѣ. Извините великодушно, но я не могу вполне согласиться.

Сергій Петровичъ оторвался отъ книги и съ большимъ любопытствомъ взглянулъ на о. Парамона.

— Вы не согласны?—тихо проговорилъ Петръ Александровичъ.— Почему?

— Конечно,—началъ священникъ,—если бы мнѣ пришлось вѣнчать вашего сына, и поступило бы отъ васъ, скажемъ, такого рода извѣщеніе, что вы не позволяете имъ вступать въ бракъ съ такой-то ихъ избранницей, то я не долженъ бы совершать обряда; а если совершилъ бы, то отвѣтствовалъ бы по нашимъ духовнымъ законамъ, какъ отвѣтствовалъ бы и ослушавшійся вашей родительской воли сынъ. Ибо законъ сей мнѣ извѣстенъ, какъ и всякому священнослужителю: преступившій его брачущійся карается восьмимѣсячнымъ заключеніемъ. Но къ сему дозвольте присовокупить: законъ этотъ не всегда требуетъ себѣ примѣненія.

— Какъ?—вскрикнулъ Петръ Александровичъ.—Слушаться родительской воли, батюшка, — это не всегда требуется?

— Совсѣмъ не то, Петръ Александровичъ. Слушаться родительской воли не только должно, но и достойно всяческой хвалы и поощренія. Это—со стороны дѣтей; но при семъ замѣчу: со стороны родителей, не слѣдуетъ пользоваться этимъ закономъ,

ибо иногда имъ покрываются родители, потворствующие незаконному сожителству своихъ дѣтей и мѣшающіе имъ исправить беззаконіе, въ которое они впали по увлеченію, молодости лѣтъ, или какому иному печальному случаю. Я такъ полагаю, что закономъ этимъ,—какъ и всякимъ другимъ, впрочемъ,—слѣдуетъ пользоваться съ осмотрительностью и осторожностью. Много есть у насъ и другихъ подобныхъ законовъ,—продолжалъ батюшка, видя, что его слушаютъ, и желая выигрышемъ времени умиротворить разыгравшіяся страсти.—Напримѣръ, законъ объ увѣщаніи самоубійцъ. Я многихъ самоубійцъ увѣщевалъ...

Сергій Петровичъ засмѣялся.

— Какъ такъ, батюшка?

Засмѣялся и о. Парамонъ.

— Я неточно выразился. Я говорю о неудачныхъ самоубійцахъ, то-есть о тѣхъ, кои остались живы. Ихъ надлежитъ увѣщевать и уговаривать, а къ чему это ведетъ? Самоубійцы васъ не слушаютъ, а вы теряете время, которое съ пользой употребили бы для остальныхъ членовъ паствы. А многократныя увѣщанія прелюбодѣвъ? Да и какіе же прелюбодѣвы, коли ежели требуется отъ нихъ прелюбодѣваніе, чтобы возможно имъ было развестись? И выходитъ, что часто цѣломудреннаго человѣка увѣщеваетъ о грѣхѣ прелюбодѣванія. Онъ самъ лицедей, котораго заставили сыграть извѣстную роль, да еще при двухъ недостовѣрныхъ свидѣтеляхъ-зрителяхъ, а ты ему съ серьезной убѣжденностью читаешь правоученіе слова Божія и тѣмъ невольно какъ бы кощунствуешь и становишься въ смѣшное положеніе. И онъ улыбается, и ты улыбаешься, ибо нельзя не улыбаться. Это вѣдь все равно, что серьезно убѣждать артиста, только-что изобразившаго на сценѣ убійство, не дѣлать онаго въ жизни... Нѣтъ, Петръ Александровичъ, не всякій законъ совершененъ, ибо законы пишутся рѣдко, измѣняются съ трудомъ, а жизнь бѣжитъ шибко, опережаетъ иногда самые законы и сама мѣняется съ каждой минутой...

Послѣ этихъ словъ водворилось на нѣкоторое время молчаніе. Петръ Александровичъ барабанилъ по столу пальцами. Сергій Петровичъ нервно поправлялъ *pince-nez*. Дмитрій Петровичъ молча пожалъ батюшкѣ руку, и о. Парамонъ всталъ, чтобы проститься.

— Не сердитесь на меня, коли сказалъ что-нибудь лишнее. И онъ вышелъ изъ комнаты.

Дмитрій пошелъ провожать его.

Прощаясь съ нимъ, священникъ сказалъ ему:

— Аркадій Нилычъ сказывалъ мнѣ о вашемъ желаніи вступить въ бракъ. Я сему, какъ вы видѣли, вполне сочувствую; но не надо сыну говорить рѣзко съ отцомъ, а напротивъ того, взять его кротостью и лаской...

Оставшись съ старшимъ сыномъ, Петръ Александровичъ почувствовалъ необыкновенный приливъ злобы противъ своихъ сыновей. Безучастное лицо Сергѣя Петровича съ его постоянной саркастической улыбкой и нервной порывистостью, раздражало его не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ упрямство младшаго сына.

Онъ насмѣшливо взглянулъ на сына.

— Чтѣ скажешь обо всемъ этомъ?

Тотъ пожалъ плечами.

— Ничего, отецъ! Чтѣ ты хочешь, чтобы я сказалъ тебѣ? Меня это не касается. У меня и своихъ дѣлъ очень много, чтобы мнѣ еще соваться въ чужія.

— Дѣла брата ты называешь чужими?

Сергѣй Петровичъ ничего не отвѣтилъ.

Но Петръ Александровичъ былъ въ очень раздражительномъ настроеніи и, очевидно, искалъ ссоры. У него давно уже и многое накопилось въ душѣ противъ старшаго сына, и накопленіе это началось въ первый же день пріѣзда сына, когда они разговаривали о проектѣ народнаго обученія въ уѣздѣ. Съ тѣхъ поръ раздраженіе росло; факты, которыхъ не могли одобрить старикъ, увеличились, и ему теперь захотѣлось сразу выяснитъ свои окончательныя отношенія къ обоимъ сыновьямъ.

„По крайней мѣрѣ за-разъ“, — подумалъ онъ.

— Я удивляюсь вамъ, молодому поколѣнію, — спокойнымъ голосомъ началъ онъ, взглянувъ на сына, на лицѣ котораго тотчасъ же отразилось выраженіе скуки, а это сейчасъ же озлобило Петра Александровича. — Да, да, — уже рѣзко сказалъ онъ, — это старо, это избито, это — клише, какъ ты выражаешься... И это, конечно, естественно въ устахъ такого старика, какъ я, бранить молодое поколѣніе. Но, видишь ли, я нисколько не браню, и очень искренно говорю, что не понимаю его. Объясни мнѣ, если можешь.

— Чтѣ именно? — съ тоскою въ голосѣ спросилъ Сергѣй Петровичъ, чувствуя, что ему не отдѣлаться отъ длиннаго и „не-нужнаго“ разговора.

— Молодежь нынѣшняя точно вычеркиваетъ предыдущее поколѣніе, знать не хочетъ того, чтѣ было, презируетъ и игнорируетъ отцовъ. Это прямо не умно. Потому что неумно гово-

рить: все, что было, нигде не годится, а то, что есть, только и есть самое годное. Почему, отчего? Вы все какіе-то смѣлые, самостоятельные, отчаянные, не желающіе слушаться чужихъ совѣтовъ, справляться съ опытностью старшаго поколѣнія. Вы дѣйствуете очертя голову, точно не помнящіе родства. Вотъ Дмитрій: онъ не пришелъ, не сказалъ, молъ-такъ и такъ—хочу съ тобой посоветоваться, а прямо: „я рѣшилъ жениться“. Чудесно. Ежели рѣшилъ, такъ о чемъ еще говорить. А ты?...

— Что же я?—все такъ же вяло спросилъ Сергій Петровичъ.

Петръ Александровичъ вскипѣлъ.

— Ты, ты! Ты умнѣе всѣхъ!

— Изъ чего же это видно?—спокойно возразилъ Сергій Петровичъ.

— Изъ чего? Во-первыхъ, несмотря на свои молодые годы, ты, ничто же сумняшеся, принялъ новую должность... Я ничего не говорю противъ этого,—поспѣшилъ онъ добавить, чувствуя, что началъ неловко.—Но еслибы ты ее принялъ съ сознаниемъ, что ты будешь изучать, наблюдать, пользоваться совѣтомъ опытныхъ людей, дѣйствовать осмотрительно и осторожно, какъ дѣйствовали другіе, дослуживавшіеся до этого высокаго поста не скоро и приносящіе съ собой опытъ, зрѣлый, испытанный умъ, выработанные службой и отношеніями съ людьми взгляды. А ты? Налетѣлъ орломъ и сталъ косить направо и налево. Ни опыта, ни такта, ни выдержки, ничего этого у тебя нѣтъ. Но самоуверенія и смѣлости—много. Какъ будто до тебя не было никого и послѣ тебя не будетъ... Для тебя и нѣтъ прошлаго. И то не такъ, и это не такъ. Все переменить. Но ты забываешь, что административная машина давно заведена, и что нельзя ее безконечно толкать. Ты забываешь, что и машинистъ, и кочегаръ, и все другіе, приставленные къ машинѣ люди, путемъ долгаго опыта, научились обращаться съ нею, а ты, какъ ни въ чемъ не бывало, съ легкимъ сердцемъ смѣняешь ихъ. Сколько ужъ чиновниковъ ты погналъ въ отставку! А между тѣмъ, твой предшественникъ пользовался ихъ совѣтами и услугами. Ужъ я не говорю о томъ, что, прежде чѣмъ гнать человѣка, нужно бы позаботиться о его благосостояніи, дать ему дослужить до пенсіи, или перевести на другое мѣсто. Правда, ты гонишь Лѣванова?

Сергій Петровичъ ухмыльнулся, и лицо его стало злобнымъ.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что тебѣ очень много обо мнѣ наговорили.

— Развѣ я самъ не вижу?

— ...И что мѣстная интеллигенція, — онъ произнесъ это

слово съ нескрываемымъ презрѣніемъ,—мною недовольна. Но оставимъ это. Ты спрашиваешь о Лѣвановѣ? Да, я ему предложилъ подать въ отставку.

— Помилуй! Ему осталось пять лѣтъ до пенсіи! Этотъ человѣкъ протянулъ тридцать лѣтъ служебной лямки, а ты гонишь его, какъ лакея! За что?

— Ты всегда задаешь мнѣ по нѣскольку вопросовъ сразу. Я не обязанъ входить въ разсужденія о томъ, сколько ему осталось дослужить. Я обязанъ, напротивъ, заботиться о пользѣ службы. Я нахожу его бесполезнымъ для службы, и не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ. Онъ подрываетъ престижъ власти. Я его предупреждалъ объ этомъ. Онъ не послушался. Чтò мнѣ оставалось сдѣлать? Уволить его. Я это и сдѣлалъ, и это вовсе не значитъ гнать какъ лакея.

— И ты уволилъ старшаго чиновника особыхъ порученій?

— Да.

— Почему?

— Ты требуешь съ меня отчета? Изволь. Потому что мнѣ нужно на эту должность молодого, энергичнаго и свѣжаго человѣка, которому бы я безусловно довѣрялъ и не имѣлъ бы нужды вѣчно справляться о его здоровьѣ и немоцaxъ.

— Этого требуетъ польза службы?

— Несомнѣнно... Ты говоришь, что мы, люди нынѣшняго поколѣнія, дѣствуемъ опрометчиво и самостоятельно, не советуясь съ людьми прежняго опыта. Люди опыта—старые люди, и намъ дѣйствительно не къ чему прислушиваться къ ихъ рѣчамъ.

— Вотъ какъ!

— Да, да, не къ чему. Ихъ опытъ старъ, какъ и они сами. Вы жили въ иное время, мы живемъ—въ иное. Какъ только-что говорилъ батюшка—слишкомъ передовой для его сана, но я съ нимъ согласенъ въ принципѣ, а не въ примѣненіи къ Дмитрію,—жизнь опережаетъ законы. То, чтò въ ваше время было хорошо и считалось истиной, то въ наше время дурно и считается заблужденіемъ. Я даю только схему, ты понимаешь,—и не касаюсь деталей. Вы были идеалисты, мы — практиканты. Вы создавали теорію, мы дѣлаемъ практику, и не наша вина, что иногда практика расходится съ теоріей. Ты самъ во многомъ разошелся съ идеалами твоего времени, только не замѣчаешь того.

— Мы идеалисты...—задумчиво проговорилъ Петръ Александровичъ.—Пусть такъ. Но, во-первыхъ, развѣ это уже такъ плохо, что ты произносишь это съ такой цинической усмѣшкой? А во-

вторыхъ, развѣ освобожденіе крестьянъ не было выполнено нами на практикѣ?

— Voilà le grand mot!

— Да, именно великое слово, великая идея и великое дѣло! Дѣло, мой милый, а не только теорія, идея.

— Вы сдѣлали это дѣло, какъ увлекающіеся юноши-идеалисты, а намъ теперь приходится поправлять то, что вы надѣлали въ своемъ увлеченіи.

— Вотъ какъ!..—повторилъ Петръ Александровичъ.

— Да, я стою на этомъ. Вы освободили крестьянъ, и я, конечно, ничего не имѣю противъ этого...

— Благодарю покорно!—иронически улыбнувшись, прервалъ его отецъ, и съ этой улыбкой сталъ очень похожъ на сына.

— Нѣ за что... Но, во-первыхъ, не всѣ же сдѣлали это добровольно и искренно, и тѣмъ, кто сдѣлалъ это отъ души, пришлось выдержать извѣстную идейную борьбу. Я не спорю, вы боролись за идею... Затѣмъ, совершивъ этотъ подвигъ...

— Подвигъ—это иронія?

— О, нѣтъ! Совершивъ этотъ подвигъ и получивъ выкупныя свидѣтельства...

— Но ужъ выкупныя свидѣтельства, конечно, иронія?

— Да тоже нѣтъ!

— Такъ, получивъ выкупныя свидѣтельства?..

— Вы ихъ проѣли. Освободить крестьянъ вы освободили, но вы закабалили вашихъ дѣтей въ экономическое рабство. Имѣнья ваши заложены и перезаложены, или проданы съ молотка, или перешли въ руки кулаковъ. Дѣтямъ вы дали образованіе и выпустили ихъ на дорогу, въ длинное путешествіе—безъ багажа. Однимъ словомъ, вы поступили по-русски: съ порывомъ и увлеченіемъ, не раздумывая о послѣдствіяхъ. Во всемъ этомъ было мало культурности. Вы боролись за идею, и ваше время было борьбою за идею,—отдаю вамъ и времени должное. Мы принуждены бороться за существованіе... вотъ вся разница. На вашей сторонѣ—почетъ и слава; на нашей—нареканія и яко бы безславіе. Время отвлеченныхъ идей прошло, настало время дѣйствія. Прежде говорили часами о теоріяхъ, вотъ какъ мы сейчасъ; теперь говорить не хватаетъ времени,—надо дѣйствовать. И съ твоего позволенія...

— Одну минутку еще, господинъ...

— Я для тебя въ данную минуту не господинъ... Но что ты хотѣлъ сказать?

— Я хотѣлъ сказать, или, вѣрнѣе, спросить: это ты изъ чув-

ства самосохраненія, изъ-за борьбы за существованіе, мѣняешь служащихъ какъ перчатки?

— Да, конечно... Я очень дорожу службой и вовсе не желаю, чтобы меня подводили. И кромѣ того, я ни передъ кѣмъ здѣсь не обязанъ отчетомъ.

— Это значить, что— „милый родитель, не суйся не въ свои дѣла“?

— Ахъ, папа, зачѣмъ говорить непременно рѣзкости?—попробовалъ онъ уклониться отъ отвѣта.

Но Петръ Александровичъ смотрѣлъ на него горящими отъ гнѣва глазами, и во взглядѣ его было что-то вызывающее. Онъ хотѣлъ довести разговоръ до конца.

— Однако?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Въ свою очередь Сергій Петровичъ раздражился.

— Если непременно хочешь—да!—рѣзко отвѣтилъ онъ.

— Прекрасно. Ты очень недвусмысленно отказываешься отъ моихъ совѣтовъ. Но позволь тебя спросить еще: ты-то самъ будешь продолжать вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Въ твои дѣла? — поднявъ брови и сдѣлавъ изумленный видъ, спросилъ Сергій Петровичъ.

— Въ земскія дѣла, я хотѣлъ сказать...

— Непременно. Но въ предѣлахъ власти, предоставленной мнѣ закономъ.

— И будешь возставать противъ нашихъ проектовъ народнаго образованія.

— А, ты намекаешь на мою рѣчь... Чтò же я сказалъ особеннаго? Вы подняли вопросы о необходимости народнаго просвѣщенія, о распространеніи школъ, объ устройствѣ читальнъ, вы требовали непосильныхъ затратъ на статистику, агрономію, больницы, и прочее, и прочее. Вы поступили какъ во время освобожденія крестьянъ: все за идею и ни малѣйшей думы о послѣдствіяхъ...

— То-есть?

— То-есть, народъ будетъ имѣть все: и школы, и читальни, и театры, и статистику, и не будетъ имѣть одного: хлѣба! Душа его будетъ насыщена, а тѣло изнурено. Борьба за идею будетъ приведена къ концу, но наступитъ тяжелая борьба за существованіе. Но... по вашему—*fiat justitia, pereat mundus!* По вашему, люди для идей, а не идеи для людей. Я вѣдь не спорю—это идеи высокія, кто и говорить!

— Это и видно по тому, какимъ тономъ ты говоришь это!

— Нѣтъ, серьезно. Это идеи, заслуживающія всякаго сочув-

ствія... идейнаго же, и не заслуживающія практическаго осуществленія. Но когда раздался въ вашемъ же земствѣ рѣдкіе голоса практическихъ людей, которые усомнились въ возможности...

— И даже необходимости...

— И даже необходимости мгновеннаго исполненія вашихъ идейныхъ предположеній; которые справедливо сказали, что прежде нужно насытить тѣло, а потомъ духъ, потому что въ здоровомъ тѣлѣ и здоровый духъ, то... какъ вы ихъ называли, этихъ благо-разумныхъ людей?—обскурантами, неразвитыми неучами, недомысленными ретроgrадами и какъ еще—не знаю. По вашему, это было ужасно либерально...

— А по вашему?—сердито спросилъ Петръ Александровичъ.

— А по моему,—спокойно отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ,—это было стѣсненіемъ свободы мнѣній.—И собственно говоря, вы, либералы освободительной эпохи, ужасно узки и партійны. По вашему, все, что расходится съ вашими взглядами—ретроgrадно, и все, что сходится съ ними—либерально. Но и самыя эти слова въ наше время удивительно опошлись, истрепались, не покрываютъ уже содержанія, заключеннаго въ нихъ. Время опередило и вашъ узкій, тенденціозный либерализмъ, и то, что вы называли когда-то консерватизмомъ. Теперь нѣтъ и не должно быть ни того, ни другого.

— А что должно быть?

— Дѣло.

— Борьба за существованіе?—рѣзко крикнулъ Петръ Александровичъ.

— Именно.

— Борьба всѣми средствами?

— Въ борьбѣ трудно разбирать средства.

— А! Это, по крайней мѣрѣ, откровенно. Итакъ...

— Итакъ... предупреждаю тебя, что я буду въ этомъ жгучемъ вопросѣ на сторонѣ благоразумія... и оппозиціи. Я не позволю,—насколько это отъ меня зависитъ, конечно,—такъ неосмотрительно распоряжаться земскими суммами, и употреблю всю имѣющуюся въ моихъ рукахъ власть, чтобы помѣшать этому. И прошу тебя, скажи сестрѣ, чтобы она прекратила свою агитацію о составленіи общественныхъ приговоровъ на открытіе читаленъ и тому подобнаго...

— Я очень радъ, что мы договорились. Теперь я вижу, кто ты.

— Я—твой сынъ.

Но въ этотъ моментъ гнѣвъ Петра Александровича дошелъ до послѣдней степени. Онъ долго сдерживался, и теперь далъ волю накопившейся въ его душѣ злобѣ, душившей его.

— Ты—мой сынъ?—произнесъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ и всталъ.—Нѣтъ, я не признаю этого! Ты мой сынъ по плоти, но не по духу. У меня нѣтъ и не можетъ быть такого сына. Я не желаю имѣть такого сына. Ты для меня начальство, а я—предводитель дворянства для тебя. Останемся на этихъ позиціяхъ. Я буду на тебя жаловаться.

— На меня?

— На твои распоряженія.

— Какъ и я на ваши,—возразилъ Сергѣй, стараясь улыбнуться.

— Прекрасно. Это значитъ—война. Бросимъ эти нигуда не-нужныя, ни къ чему негодныя этикетки: отецъ, сынъ. Это было хорошо для стараго, выжившаго изъ ума времени. Для нашего же мудренаго времени, эти этикетки стѣснительны и неудобны. Въ отношеніяхъ отца и сына было что-то идеальное, духовное. Но вы упразднили идею и духъ и поставили вмѣсто нихъ борьбу за существованіе. Будемъ же за него бороться... ты—не разбирая средствъ, какъ говоришь, я—почистоплотнѣе, съ разборомъ, потому что старая закваска все еще бродитъ во мнѣ. Но, дастъ Богъ, я впослѣдствіи освобожусь и отъ этого. Прощай...

Дверь въ кабинетъ отворилась, и въ нее вошла Ольга Яковлевна.

Она была блѣдна и взволнована, потому что слышала, подойдя къ дверямъ, голосъ мужа, поднимавшійся иногда до нервнаго крика.

Она остановилась посреди комнаты, взглянула на сына и отца—и сразу все поняла. Она поняла, что между ними произошелъ разрывъ, и сердце ея сжалось такъ мучительно, что она схватилась за него.

— Петруша,—сказала она,—вы...

— О, нѣтъ, Оля, мы не ссорились,—горько усмѣхнувшись, отвѣтилъ ей мужъ. — Развѣ въ наше просвѣщенное время ссорятся? Это хорошо было для некультурныхъ людей, какъ мы съ тобой, напримѣръ. Теперь—другое. Теперь сыновья возстаютъ на отцовъ, борясь за свое существованіе, а выжившіе изъ ума отцы дерзаютъ не постигать всего величія ихъ призванія. Передъ тобой не сынъ, моя бѣдная, а начальство.

— Петруша! Между вами произошло что-то. Я не знаю, что... но знаю, что ты лишаешь меня уже второго сына. Не-

ужели ты не можешь пойти на уступки, — а ты, Сережа, уступить отцу?

— Мамап, — началъ Сергѣй Петровичъ. — Все дѣло въ томъ, что я просилъ отца оставить въ покоѣ мои служебныя дѣла... Родители никогда не хотятъ понять, что ихъ сыновья уже не дѣти. Для родителей не существуетъ возраста... Вотъ и все. Я же отношусь къ отцу съ прежней почтительностью... и любовью, — холодно договорилъ онъ.

— Ни того, ни другого мнѣ отъ тебя не нужно, — поклонившись, отвѣтилъ Петръ Александровичъ.

Ольга Яковлевна вскинула на него умоляющій взглядъ. Онъ вдругъ, въ сердечномъ порывѣ, обнялъ ее и сказалъ:

— Нужно привыкать къ одиночеству... что дѣлать, голубча! Родители воспитываютъ дѣтей, не прерываютъ съ ними связи, воображая, что дѣти останутся на всю жизнь ихъ дѣтьми. Но нѣтъ! Наше время — жестокое. Родное гнѣздо нужно птенцу, пока онъ въ немъ кормится, грѣется и растетъ, но какъ только онъ расправилъ крылья — забылъ и самую дорогу къ этому гнѣзду: ему въ немъ тѣсно, стѣснительно и неудобно. Теперь нѣтъ отцовъ и дѣтей, а просто есть категории людей, ничѣмъ не связанныхъ между собою. Обширная каварма съ помѣщеніями, надъ которыми надписи: люди призыва шести-десятихъ, восьмидесятихъ и иныхъ годовъ... Одни начали раньше и кончатъ раньше; другіе — позже. Вотъ и вся разница. Людей много, и они не знакомы другъ съ другомъ, — гдѣ тутъ разбирать отцовъ и дѣтей? Привыкни, родная, къ этому. Думать, что сынъ есть сынъ — великое заблужденіе нашего времени. Думать, что твой ребенокъ останется для тебя ребенкомъ до самой твоей смерти — какая наивная нелѣпость или недомыслие! А то, что ты потратила любви, сердца, нервовъ и здоровья, чтобы поставить птенца на ноги, — Господи, кто же это считаетъ? Однако, довольно. Родители нашего времени — времени борьбы за существованіе, не разбирая средствъ, обречены на одиночество, я уже говорилъ нѣсколько разъ тебѣ объ этомъ. Ну что-жъ! Будемъ одиноки. Ты, какъ женщина, какъ мать, будешь, конечно, плакать... Ну да, вотъ ты уже и плачешь. Я же мужчина, и буду бороться, ежели меня вызываютъ на борьбу.

— Бороться съ сыномъ? — сквозъ слезы проговорила Ольга Яковлевна.

— Не съ сыномъ, а съ человѣкомъ новаго поколѣнія. Сынъ, говорю тебѣ, устарѣвшее слово. *C'est démodé*, какъ мило говорить другой человѣкъ новаго поколѣнія, Дмитрій Петровичъ.

Сергѣй Петровичъ нервно вздрагивалъ и стремился уйти. Ему надоѣла эта тяжелая сцена. Онъ закусилъ свой устъ и лицо его нервно подергивалось.

— Мамап, — сказалъ онъ наконецъ, выждавъ паузу, — успокойте отца. Я бы самъ сдѣлалъ это, но меня ждутъ въ засѣданіе. Я не привыкъ опаздывать. Во всемъ, что онъ говорилъ, вы сами понимаете, есть несомнѣнное преувеличеніе. До свиданья. Я очень спѣшу.

И своей порывистой, точно срывающейся походкой, онъ быстро направился къ двери.

„Какой тяжелый старикъ!“ — подумалъ онъ, выходя изъ дома отца.

IX.

Тотчасъ по уходѣ сына, пріѣхалъ къ Петру Александровичу Переметневъ.

Онъ вошелъ въ кабинетъ, отдуваясь, и потъ катилъ съ его крутого лба градомъ. Онъ вытиралъ лобъ огромнымъ клетчатнымъ фуляровымъ платкомъ, пыхтѣлъ и фыркалъ.

Усѣвшись, по безмолвному приглашенію хозяина, въ кресло, Переметневъ тотчасъ же, съ своей рысью зоркости, увидѣлъ, что Петръ Александровичъ чѣмъ-то взволнованъ и смущенъ, а потому не начиналъ говорить, а съ равнодушнымъ видомъ оглядывалъ потолокъ и стѣны, и крутилъ пальцами, сложивъ свои короткія и мясистыя руки между когнѣями. Можно было подумать, что онъ только и пришелъ сюда для того, чтобы подробно осмотрѣть потолокъ и стѣны.

Варавинъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, успокоился и, присѣвъ къ столу, поглядѣлъ на Переметнева. Онъ не долюбливалъ этого „губернскаго мошенника“, какъ называлъ его Зарѣцкій, и весьма недвусмысленно относился къ его темнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ. Но Переметневъ былъ богатъ и весьма нужный человѣкъ въ томъ домѣ, гдѣ ощущалась потребность въ деньгахъ. Въ домѣ же Варавина давно назрѣла эта потребность. Кромѣ того, явно предосудительнаго ничего пока не было въ его дѣятельности и операціяхъ съ землями.

— Вы что? По дѣлу? — спросилъ его Варавинъ.

— Засвидѣтельствовать допрежь всего свое почтеніе многоуважаемому Петру Александровичу.

— Благодарю васъ. А затѣмъ что?

— Ъхамши мимо, задумалъ заѣхать къ вашему превосходительству. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Благодарю васъ, — еще разъ сказалъ Варавинъ и замолчалъ.

Онъ отлично видѣлъ, что у Переметнева было къ нему дѣло. Онъ зналъ этого тучнаго человѣка вдоль и поперекъ. Никогда онъ не обратился бы къ нему съ какими-либо дѣлами, еслибы не злая нужда, не полная невозможность изворачиваться съ деньгами. Къ тому же Ольга Яковлевна настаивала на продажѣ лѣса и на обязательномъ переселеніи за границу на весьма продолжительный срокъ, что было необходимо для поправленія здоровья и восстановленія силъ, какъ ея, такъ и мужа. Но дѣло съ продажей лѣса сразу пошло въ затяжку, и Переметневъ отнесся къ нему холодно и равнодушно, не говоря ни да, ни нѣтъ, по усвоенному имъ обыкновенію брать дѣло изморомъ и нудностью. Въ послѣднее же время Переметневъ и совершенно исчезъ съ ихъ горизонта, такъ что они рѣшили, что дѣло окончательно разстроилось. Однако съ пріѣздомъ Сергѣя Петровича и съ вступленіемъ его въ должность, Переметневъ снова появился въ домѣ Варавина, и въ глазахъ вулака появилось нѣчто искательное и подобострастное. Онъ круто измѣнилъ свои отношенія къ Варавинимъ и сталъ искать съ ними встрѣчъ. Огонекъ презрѣнія къ обѣднѣвшимъ дворянамъ и лукаваго величія капиталиста исчезъ изъ его взора, а самый взоръ сталъ доброжелательнымъ и мягкимъ.

Варавину надоѣло сидѣть молча.

— Чаю?—спросилъ онъ.

— Если не обезпкою, весьма было бы желательно. Воздуху нѣту... жара! Чай отмѣнно облегчаетъ.

Подали чай, отъ котораго Переметневъ отказывался лишь въ исключительныхъ случаяхъ жизни, когда очень ужъ торопился куда-нибудь. Изъ этого Варавинъ вывелъ заключеніе, что гость будетъ сидѣть долго.

„Что же онъ ничего не говорить?“ — подумалъ Варавинъ, но Переметневъ, очевидно, молчалъ съ умысломъ, чтобы дать взволнованному хозяину окончательно успокоиться.

— Въ разсужденіи чая, я такъ полагаю, — наконецъ началъ Переметневъ, — что русскому человѣку безъ онаго — крышка. Особенно въ жаркую и холодную погоду. Свойства его, можно сказать, чудесны: жарко — холодитъ; холодно — обогрѣваетъ... Сами-то не кушаете?

— Я уже пилъ.

— Во всякое время не бесполезно.

— Да, конечно, кто привыкъ.

— Такъ-съ. Относительно лѣску, изволили предпринять что?
„Ага, вотъ когда!“ — подумалъ Варавинъ и равнодушно отвѣтилъ:

— Да, кое-что...

— Позвольте полюбопытствовать?

— Отчего же? Тайны нѣтъ. Я предложилъ его бельгійскому обществу.

Переметневъ подулъ на блюдечко и сразу поставилъ его на столъ, услыхавъ эти слова.

— Напрасно-съ, то-есть, вотъ ужъ напрасно. Это ужъ навѣрняка Аркадій Нилычъ сосватали.

— Почему вы такъ думаете? — улыбнулся Варавинъ.

— Потому, что у нихъ ужъ такая повадка — російскую землю отдавать иностранцамъ. Хорошій человекъ, Аркадій Нилычъ-то, и очень мы его любимъ и уважаемъ, а только прямо надо сказать-съ, по душѣ, что въ оныя времена такіе люди измѣнниками считались и ихъ вѣшали на перекладинахъ, а то, наказавъ на дыбѣ, ссылали въ рудники-съ, съ ядромъ на ногѣ.

Варавинъ засмѣялся.

— Это, значить, и меня на одной перекладинѣ съ нимъ? — спросилъ онъ.

— Легкомысленно поступать изволятъ господа дворяне, — не отвѣчая на вопросъ, отвѣтилъ Переметневъ. — Одно слово: коли ежели нашъ братъ, русачокъ, приобрѣтетъ земельку отъ дворянина, такъ сейчасъ-это Аркадіи Нилычи травить начинаютъ — дескать, скорпіонъ, кулакъ и еще невѣдомо какъ! А того не примутъ во вниманіе, что этотъ самый кулакъ, каковъ ни на есть, а русскій человекъ; а что такое бельгіецъ? Басурманъ, иновѣрецъ, врагъ нашей державы. Еще чайку дозволите?.. Благодарствую.

— Да вѣдь кто же вамъ мѣшаетъ приобрѣтать? Къ бельгіянамъ мы обращаемся по нуждѣ. Они дѣлаютъ дѣло широко, по-европейски...

— Свою выгоду наблюдаютъ, какъ и прочіе.

— Конечно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не стѣсняются дать хорошую цѣну, если дѣло подходящее. Вы же, то-есть, я хочу сказать, русскіе капиталисты — смотреть на дѣло узко, жмутся, выгадываютъ, не прочь и надуть, если увидятъ человека въ тискахъ.

— Простите, многоуважаемый Петръ Александровичъ, — это заблужденіе-съ. Очертя голову никто не дѣйствуетъ. Обмозго-

вавши да опшніонивши дѣло, можно приступить къ оному. И бельгійцы хоша бы—поступаютъ не иначе и супротивъ своей выгоды не пойдутъ. Къ примѣру такъ скажемъ — лѣсокъ вашъ. Оно точно, стойтъ онъ, сиротинушка, безъ хозяйскаго глазу, потому вамъ нѣтъ время по вашимъ предводительскимъ дѣламъ слѣдить за нимъ. А только лѣсъ хорошъ и на срубъ даже годенъ. Я почему медлить? Потому и досугу не было, да и дѣло это не таково, чтобы сразу—вынь да и положи. Вѣдь это не ахнуть да не сказать: будьте здоровы. И совмѣстно съ симъ народная му-дрость: семь разъ примѣрь...

— Одинъ отрѣжь.

— Правильно извоили сказать. Одначе, за лѣсокъ вамъ согласенъ я дать требуемую вами сумму.

— Да?—удивился Варавинъ.

— Какъ есть-съ.

— Чтò такъ?

— Да такъ. Подходящее дѣльце-съ. Прикажете, задатокъ внесемъ въ нотаріусу. Бельгійцевъ, скажемъ, по шеемъ, мы и сами не хуже ихъ будемъ.

— Это ново, — замѣтилъ Варавинъ, — чтò же вы до сихъ поръ думали?

— Обнаковенно, обмозговывалъ.

Варавинъ задумался.

Онъ прекрасно зналъ, что Переметневъ ничего проста не дѣлаетъ, и что въ каждомъ такомъ его рѣшеніи надо донскиваться „подоплѣки“... И вдругъ ему нѣчто вспомнилось.

— Скажите,—съ живостью спросилъ онъ Переметнева,— чтò это за дѣла у васъ съ крестьянами островскаго уѣзда? Я что-то слышалъ.

— Пустое-съ! — отводи отъ него глаза, сказалъ Переметневъ.—А чтò? Поговаривали развѣ?

— Чтò-то рассказывали, да я не обратилъ вниманія, занятъ былъ чѣмъ-то.

— Такъ-съ. Пустыя дѣла. Островскій-то уѣздъ сосѣдній намъ, и угодыя мои прилажены къ самой, значить, его границѣ. Мнѣ, стало быть, ноохотилось округленность симъ угодыямъ сдѣлать, ну мы и договорились съ крестьянами объ уступкѣ землицы. Ничего-съ, поладили. И кусочекъ-то не аховый, почти-что и земли-то нѣтъ—такъ, одинъ песокъ да камушки.

— Ну, такъ затѣмъ же вамъ песокъ да камушки?

— Такъ, фантазія! Для округлости угодій. Ну и имъ доброе дѣло сдѣлаю. Чтò имъ эта земля? Прокую отъ нея—чтò отъ козла

молока. А мнѣ лестно значить распространиться на два уѣзда. Конечно, малодушіе это, Петръ Александровичъ, такъ вѣдь что-же-съ? Никому не вредить это самое малодушіе. Аль ужъ сказать все, стало быть, откровенно?

— Конечно.

— Штейгеръ тутъ околачивается, однимъ капиталистомъ посланъ для осмотра имѣнія достоуважаемаго Аркадія Нилыча... Такъ онъ тюкалъ, тюкалъ землю-то, да и заключилъ изъ этого самаго тюканья, что, быдто бы, пласты-то еще крижистѣе залегаютъ у островскихъ крестьянъ. Да и пласты-то не простые, а, быдто бы, съ желѣзомъ, да еще съ какимъ-то чудомъ, и не говорить. Чуть-что до алмазовъ не договорился. Пустое-съ! Ну, тѣ, обнаженно, и развѣсили уши. Мужикъ вѣдь онъ что? Извѣстно, дуракъ...

— И что же?—съ любопытствомъ спросилъ Варавинъ.

— Да ничего. Сошлись съ обществомъ, составили приговоръ... Вотъ теперича дѣло за утвержденіемъ сдѣлки. А только наслышанъ я, быдто вашъ достоуважаемый сынокъ, Сергѣй Петровичъ, этого дѣла не одобряютъ-съ.

— Почему?

Переметневъ хмуро улыбнулся.

— Про то не вѣдаю.

Потомъ, помолчавъ немного, Переметневъ сказалъ:

— Человѣкъ они суровый, властительный и, окромя того, внезапный. Чуть что взбрело—сейчасъ тому и исполненіе. Въ дѣлахъ большое неудобство отъ этого-съ... Вы меня извините, ваше превосходительство, оно точно, что Сергѣй Петровичъ вашъ сынокъ, и мнѣ до того дѣла нѣту, а вы бы все-жъ-таки поговорили ему. Я не про свои дѣла говорю, потому какъ у меня все ясно и по формѣ, и окромя того, во всей, значить, тонкости, не подкопашься, и бояться мнѣ, стало быть, нечего. А вообще — жалуются. Вы бы поговорили ему. А задаточекъ куды прикажете внести до совершенія купчей?—спросилъ онъ другимъ голосомъ.

„Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло! — догадался Петръ Александровичъ.—Очевидно, ему нужна моя протекція“.

— Я вамъ дамъ знать объ этомъ, современемъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ же современемъ? Прикажете сейчасъ, и ужъ бельгійцевъ-то по боку-съ.

— Хорошо, хорошо, я подумаю.

Большаго не могъ добиться Переметневъ, и долженъ былъ уйти съ этимъ неопредѣленнымъ рѣшеніемъ.

X.

Въ нижней залѣ казеннаго дома, выстроеннаго на холмѣ, почти на самой окраинѣ города, собралось у Сергѣя Петровича нѣсколько человѣкъ въ ожиданіи пріема.

Домъ этотъ былъ очень красивой архитектуры, и своими башнями по угламъ, со стрѣльчатыми окнами, походилъ на средне-вѣковой замокъ. Домъ окруженъ былъ довольно большимъ и тѣнистымъ садомъ, и къ нему вело довольно хорошо содержимое шоссе изъ города. Мѣстные остряки говорили,—съ тѣхъ поръ какъ въ домѣ поселился Варавинъ,—что въ этомъ феодальномъ замкѣ живетъ „баронъ“, у котораго „своя фантазія“. Дѣйствительно, съ самаго перваго дня переѣзда въ казенный домъ, Сергѣй Петровичъ, съ обычной своей стремительностью, сталъ давать волю своей фантазіи.

Прежде всего, ему не понравилось расположеніе комнатъ, и онъ перенесъ кабинетъ въ столовую, столовую превратилъ въ спальню—и вообще сдѣлалъ полную перетасовку. Для этого понадобилось много времени,—молотки обойщиковъ и мебельщиковъ стучали недѣли полторы въ домъ. Все, конечно, пришлось пере-вѣшивать, перебивать, перетаскивать.

Потомъ, Сергѣю Петровичу пришла фантазія вмѣсто обыкновеннаго потолка въ столовой сдѣлать деревянный, по особому рисунку, и для этого были вызваны плотники и даже одинъ мастеръ изъ Москвы. Все это дѣлалось мгновенно, по телеграммамъ и телефонамъ, и все казалось ему чрезвычайно медленнымъ. Потомъ, вновь понадобились обойщики, потому что Сергѣю Петровичу захотѣлось перебить казенную мебель желтымъ штофомъ и сдѣлать такія же портьеры. Словомъ, возни было много.

Но дѣла при этомъ не задерживались, и, повидимому, Сергѣй Петровичъ смотрѣлъ на все совершенно такъ же, какъ и на квартиру. Онъ не признавалъ того, что было заведено и установлено раньше, до него, и принялся съ такой же бурной стремительностью перевершать дѣла. Возраженій онъ не терпѣлъ, раздумываній не допускалъ и требовалъ немедленнаго исполненія.

— Прежде у насъ были начальники перекладные, ѣздившіе на долгихъ,—острилъ Зарѣцкій,—и дѣла вершавшіе на долгихъ же; потомъ были паровые, теперь—электрическіе, какъ звонки и освѣщеніе. Это недурно,—что и начальство подлежитъ эволюціи, какъ и все въ природѣ,—только отъ электричества тоже бываютъ несчастія, если съ нимъ обращаться неумѣло.

Сергѣй Петровичъ входилъ буквально во всѣ мелочи, во всѣ мельчайшія детали, желая все знать, все видѣть, все передѣлать, такъ что чиновники превращались при немъ въ простыхъ и безмолвныхъ исполнителей указаній. Словомъ, онъ жаждалъ „объять необъятное“, проникнуть во всѣ сферы, вездѣ проявить свою инициативу и вложить свою личность.

Въ первую же недѣлю своего пребыванія въ городѣ, несмотря на хлопоты по организаціи дѣла, Сергѣй Петровичъ перебывалъ въ губернскомъ правленіи, въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, въ статистическомъ комитетѣ, въ лѣсоохранительномъ комитетѣ, въ городской думѣ, въ полиціи, и Богъ вѣсть еще гдѣ. Присутственные комнаты были предметомъ его особаго вниманія, и онъ въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ даже замѣчанія относительно ковровъ и часовъ. Ковра не было, между тѣмъ какъ это „полагалось по статьѣ тридцать-восьмой объ устройствѣ присутствій“; часы не шли, и онъ приказалъ немедленно позвать мастера и исправить. Однимъ словомъ, онъ нагналъ такого страха на служащихъ, что они долго не могли опомниться.

Нельзя сказать, чтобы это не отражалось на текущихъ дѣлахъ. Всѣ жили точно на вулканѣ и опасались ежеминутнаго взрыва. При прежнихъ начальникахъ чиновники обсиѣлись, служили и дѣлали свои дѣла „медленно спѣша“, и темпъ въ дѣлахъ выработался медленный, ровный, спокойный. Теперь все пошло ускореннымъ темпомъ, во все внесена была какая-то безпокойная нервность, и что хуже всего — неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Прежде каждый чиновникъ жилъ спокойно, увѣренный, что онъ дослужится на насижennomъ мѣстѣ до пенсіи, если ничего не совершитъ исключительно предосудительнаго; теперь явилась, напротивъ, увѣренность, что каждый чиновникъ можетъ быть уволенъ въ каждую данную минуту.

Это было очень тяжелымъ временемъ для служебнаго персонала. Никому не хотѣлось работать, потому что не было цѣли: работа могла не понравиться, и работникъ выпрыгнуть за бортъ, какъ нигуда ненужный лакей, по выраженію Петра Александровича. Многіе стали подумывать о переводѣ въ другія губерніи, объ отставкѣ „по добру по здорову“, а кто не имѣлъ возможности мечтать о такомъ выходѣ, трепетали какъ овечьи хвосты, по выраженію Зарѣцаго.

Вообще, это былъ настоящій терроръ. Казалось, такой лихорадочной дѣятельностью Сергѣй Петровичъ точно хотѣлъ заглушить въ себѣ внутренний огонь, который сжигалъ его. Сначала

удивлялись; потомъ привыкли и махнули рукой, какъ на неизбежное, стихійное зло. Нашлось очень немного людей, которые рѣшились протестовать активнымъ или пассивнымъ способомъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Льговскій, который имѣлъ на первыхъ же порахъ столкновение съ Сергѣемъ Петровичемъ.

Сергѣй Петровичъ отдалъ ему приказаніе заняться однимъ дѣломъ, которое, собственно, не входило въ вице-губернаторскія функціи. Льговскій удивился, но исполнилъ это дѣло безпрекословно и промолчалъ. Когда же нѣкоторые изъ прямыхъ его функцій были переданы другому лицу, онъ не выдержалъ и, явившись къ Сергѣю Петровичу, спросилъ его:

— Правда ли, что во время вашего отсутствія вы приказали замѣщать васъ старшему совѣтнику губернскаго правленія?

— Правда... а что?

— Но въ такомъ случаѣ вѣмъ же буду я?

— Тѣмъ, кто вы есть теперь—вице-губернаторомъ.

— Вице-губернаторомъ, лишеннымъ своихъ правъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я это сдѣлалъ, чтобы не обременять васъ излишнимъ представительствомъ. У васъ и безъ того много дѣла, настоящаго дѣла... И если его дѣлать какъ слѣдуетъ...

— Я всегда дѣлаю дѣла какъ слѣдуетъ, даже тѣ, которые не входятъ въ мои функціи какъ вице-губернатора, — дѣло отвѣтилъ Льговскій.

— Никаноръ Григорьевичъ!—возразилъ ему Сергѣй Петровичъ:—не будемъ говорить о томъ, что входитъ и не входитъ въ функціи такого-то лица. Мы оба служимъ правительству, родимъ, дѣлу: поэтому намъ совершенно не къ лицу отказываться отъ одного дѣла или отъ другого. Для человѣка, который хочетъ приносить пользу, а не только служить и оберегать свои призрачныя служебныя прерогативы, всѣ дѣла одинаково хороши. Это—мой принципъ, съ которымъ я бы васъ попросилъ считаться.

— То-есть, какой же это принципъ?

— Мой принципъ таковъ: есть дѣла, которые нужно дѣлать, и люди, которые должны ихъ дѣлать. Мое дѣло—выбирать людей для такого или иного дѣла. И по моему, если такое-то дѣло, для пользы службы, подходитъ болѣе лицу, въ функціи котораго оно не входитъ по положенію, пусть оно его дѣлаетъ.

— Я не могу согласиться съ такимъ новымъ и, простите, довольно оригинальнымъ взглядомъ. Такимъ образомъ, можно вторую скрипку передать первому скрипачу, а первую скрипку заставить играть альтиста...

— Извините,—сухо отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ,—я совер-

шенно незнакомъ съ музыкой и не обладаю спеціальными познаніями въ этой области.

— Въ такомъ случаѣ, я приведу болѣе близкій вамъ примѣръ. Вамъ, можетъ быть, будетъ угодно найти, что мнѣ болѣе подходитъ заниматься благоустройствомъ и чистотой города, а полиціймейстеру—моими дѣлами. Простите, но я никакъ не могу согласиться съ этимъ страннымъ принципомъ. Къ тому же, у насъ есть законы, строго ограждающіе сферы дѣятельности и границы власти чиновниковъ. Архіерей есть архіерей, какъ вице-губернаторъ—вице-губернаторъ. И одинъ никоимъ образомъ не можетъ замѣстить другого.

На тонкихъ губахъ Сергѣя Петровича появилась его обычная улыбка. Онъ сорвался со стула, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по кабинету и сразу остановился.

— Благодарю васъ за уроки, которые вы мнѣ даете, хотя я ихъ и не просилъ. Но что дѣлать! Вамъ придется помириться съ этимъ принципомъ, хотя вы можете быть увѣрены, что я не заставляю васъ слѣдить ни за вывозомъ изъ города мусора, ни за пропискою паспортовъ. Но дѣла, которыя я найду нужнымъ поручить вамъ или ваши дѣла другому лицу—предоставьте выбирать мнѣ. На то я и начальникъ, чтобы руководить дѣлами и направлять ихъ по своему усмотрѣнію.

— И въ согласіи съ законами, конечно?

— Конечно; до тѣхъ поръ, пока законъ не препятствуетъ успѣшному теченію дѣлъ. Но законы есть устарѣвшіе, которые безъ нужды связываютъ руки. Мое дѣло—хлопотать объ измѣненіи этихъ законовъ, и я вовсе не намѣренъ, въ угоду излишнему формализму и узкой законности, приносить въ жертву дѣло. И вообще,—вдругъ прибавилъ онъ,—я думаю, что такого рода разговоры, не приводя ни къ какому ощутительному результату, только отнимаютъ безцѣльно у васъ и у меня время, которое мы могли бы съ пользой посвятить службѣ.

— Мнѣ очень жаль, Сергѣй Петровичъ, что я не могу согласиться съ вашими взглядами. И я долженъ прибавить, что уже давно служу и служилъ со многими лицами, но никогда еще не приходилось встрѣчаться съ такимъ взглядомъ на дѣло.

— Да?

— Никогда, увѣряю васъ.

— Это очень, очень жаль. Значитъ, вы служили подъ начальствомъ лицъ, узко смотрѣвшихъ на дѣло.

— Можетъ быть, не спору, но, повторяю, никакъ не могу согласиться съ такимъ широкимъ взглядомъ.

— Чтò дѣлать! Вамъ придется согласиться или же...

— Или же?

— Или у васъ есть два выхода изъ этого положенія, Никаноръ Григорьевичъ.

— Разстаться?

— Да, это первый.

— А второй?

— Жаловаться.

— Я предпочитаю первый.

— Какъ вамъ угодно.

Такимъ образомъ, Льговскій подалъ прошеніе о переводѣ его въ другую губернію, подалъ рапортъ о болѣзни, въ ожиданіи рѣшенія изъ Петербурга, и отстранился отъ дѣлъ.

Вслѣдъ за нимъ и еще нѣсколько человѣкъ подали прошенія объ отставкѣ и о переводѣ, и одинъ только Лѣвановъ до сихъ поръ не сдѣлалъ этого, не смотря на полученный имъ довольно прозрачный намекъ на то.

Теперь, Сергій Петровичъ, сидя въ кабинетѣ съ недавно прибывшимъ чиновникомъ особыхъ порученій, котораго онъ выписалъ изъ Петербурга, ждалъ Лѣванова, чтобы овенчательно переговорить съ нимъ.

Сегодня былъ назначенъ большой приѣмъ служащихъ лицъ, съ докладами, а послѣ того—приѣмъ просителей.

Поэтому Сергій Петровичъ волновался въ ожиданіи опоздаваго нѣсколько Лѣванова.

— Итакъ, милый Арсеній Павловичъ,—говорилъ онъ ново-прибывшему чиновнику особыхъ порученій,—вотъ ты и здѣсь. Я обѣщалъ тебѣ дать мѣсто, и, какъ видишь, исполнилъ обѣщаніе.

— Да, да, — небрежно отвѣтилъ тотъ,—я не сомнѣвался. Мы служили вмѣстѣ, и ты не могъ иначе дѣлать... Помнишь наши интимные вечера, нашъ „декадентскій кружокъ“, какъ его окрестили наши тупоумные чиновники. Какъ все это далеко теперь! Петербургъ мнѣ уже кажется несуществующимъ въ родѣ, такъ, какой-то географической фикціей, въ родѣ воображаемой точки, которую называютъ сѣвернымъ полюсомъ... А какая здѣсь дыра! Un petit trou; pas cher, по крайней мѣрѣ. Потому что, знаешь, я остался совершенно à sec, и даже мнѣ пришлось распродать мою коллекцію картинъ стиля art nouveau, которыя я собиралъ съ такими жертвами и трудомъ.

— Ты ихъ называешь „картины въ стилѣ art nouveau“, точно мебель!

— Ну да! Я думаю, что чиновнику неудобно увлекаться

серьезно декадансомъ въ глухой провинціальной дырѣ. Здѣсь вѣдь пѣнять, вѣроятно, „Явленіе Христа народу“ Иванова и „Разрушеніе Помпей“ Брюллова. А прогоръ, здѣсь который вѣкъ считается?

— *Pas de blagues, mon cher.* Здѣсь, конечно, очень отстали во всемъ, но увлекаться ты можешь чѣмъ угодно. Меня самого называютъ здѣсь декадентомъ.

— *Per che?*

— Чортъ ихъ знаетъ. Вѣдь здѣсь все называютъ декадентскими, что расходится съ ихъ взглядами. Человѣкъ, живущій на чужой счетъ—декадентъ; человѣкъ, должный портному—тоже декадентъ.

— *C'est mon cas!* — засмѣялся Арсеній Павловичъ. — Я именно остался долженъ портному за вицмундиръ. Да!—вздыхнулъ онъ, изобразивъ комическую гримасу на своемъ красивомъ, упитанномъ и розовомъ лицѣ.—Папахенъ мой—тоже декадентъ, потому что умеръ, не оставивъ мнѣ ни гроша и предварительно разорившись на биржѣ, на которой онъ хотѣлъ сдѣлаться марксистомъ, сирѣчь капиталистомъ. Это былъ сюрпризъ. Ну, мнѣ пришлось продавать коллекцію и пойти служить подъ твое просвѣщенное начало. *Je m'en fiche, quoi!* Служить такъ служить. А жалъ танцовщицу!

— Какую танцовщицу?

— Дегаза. У меня былъ оригиналъ, небольшой, но оригиналъ. И еще Каррьеръ-Беллѣвъ былъ—великолѣпная пастѣль! И еще бронза Пинедо... Все пошло *à vil prix!* Потому что—кто же у насъ что понимаетъ въ этихъ тонкостяхъ? Картины пѣняются на квадратные вершки, а бронза—на вѣсь. Авторитеты? Имена авторовъ? Ха-ха! У насъ до сихъ поръ презираютъ имена. Мы вѣдь славяне и удивительнымъ шикомъ считаемъ пошвыривать авторитетами. Мы сами съ усами, дескать! И что намъ какой-нибудь декадентъ Дегазъ, изображающій, къ тому же, какую-то танцовщицу, жирицу эротическаго искусства? Намъ подай „Глухара“, „Голодъ въ деревнѣ Проплѣванной“, „Жену, ожидающую у кабака мужа-пропойцу“ или „Мальчика, замерзающаго у дверей благотворительнаго заведенія человѣколюбиваго общества“... Ухъ! Морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, несмотря на жаркое гѣто. Елпип, я со всѣмъ этимъ разстался.

— А что нашъ кружокъ?

— Плохо, cher, плохо. Помнишь Ползикова? Онъ написалъ симфонію,—ее на двѣхъ играли. Критика признала, что въ ней выражена звуками мистическая любовь—довольно удачно. Пол-

живовъ обидѣлся, что его не поняли: онъ хотѣлъ изобразить прохожденіе циклона надъ сосновымъ лѣсомъ.

Сергѣй Петровичъ засмѣялся и взглянулъ на часы.

— Ты ждешь кого-нибудь?

— Ну да, Лѣванова.

— Ah, bon! Это того, который долженъ придти, чтобы уйти?

— C'est ça!

— Мнѣ очень любопытно видѣть тебя въ твоей роли... ты мнѣ напоминаешь этотъ типъ изъ „Периклы“...

— Арсеній, будь серьезенъ, потому что я очень серьезно отношусь къ этому дѣлу. Оно—отвѣтственное и нелегкое.

— Вотъ-те фунты! Ужъ не сдѣлался ли ты *rond de cuire'омъ*?

— Ну нѣтъ!

— C'est tout comme! А помнишь, ты снабжалъ кружокъ нашъ французскими романами нашего направленія—*art nouveau*. Помнишь—„*Le jardin de supplice*“, „*Nichina*“ и прочее. И откуда ты только ихъ выкапывалъ? Замѣчательно оригинальныя вещи. У насъ, у русскихъ, такихъ нѣтъ. Григорьевъ, Василій Ильичъ—помнишь?—попробовалъ написать повѣсть въ такомъ духѣ. А ргорова, я тебѣ скажу отрывокъ, чудный по-моему,—слушай, я выучилъ его наизусть: „Въ куртинѣ были махровыя гвоздики,—желтыя, бѣлыя и красныя, и походили на завитыя головки набѣлненныхъ или накрашенныхъ куртизанокъ. Черныя ирисы, эти мрачныя, гордые, несчастныя и проклятыя цвѣты... какъ всѣ обездоленные, стояли, высоко поднявъ головы, среди гвоздикъ-куртизанокъ. Гнѣющее дыханіе ихъ отдавало пранымъ разложениемъ, и они походили на обезсиленныхъ болѣзнью людей, почернѣвшихъ отъ проказы, все еще бодрящихся и не желающихъ лечь въ постель, пока окончательно не свалятся. Черныя ирисы походили на таинственную западню, которая влечетъ къ себѣ своимъ удушливымъ и смертельно вреднымъ запахомъ на-румяненные головки махровыхъ гвоздикъ“... *Est-ce beau?*

— Недурно, недурно... хотя нѣсколько вычурно и несвободно...

— Вычурно и несвободно?—съ изумленіемъ поднявъ брови, спросилъ Арсеній Павловичъ.—*Tiens!* Ужъ не сдѣлался ли ты гасильникомъ и чиновникомъ?

— Н-нѣтъ...—неохотно отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ и, снова взглянувъ на часы, позвонилъ:—Пошлите за господиномъ Лѣвановымъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—сказалъ вошедшій на звонокъ лакей.

Арсеній Павловичъ сдѣлалъ восторженное лицо.

— По поводу „Черныхъ Ирисовъ“...—сказалъ онъ.—Это прелестно. Сколько оригинальной поэзіи, не Мюссеевской и не Виктора Гюго, конечно, и не Некрасовской! Но оригинальной, самостоятельной! Какой символизмъ, модернизация старой темы, сколько настроенія, surtout—настроенія! И что же? Критика обругала! Нельзя, —говорить критикъ,—понять: шутить ли авторъ, или говорить въ серьёзъ. Ежели,—глубокомысленно замѣчаетъ критикъ,—это пародія, то это очень хорошо; но ежели нѣтъ—очень плохо! *Quelque chose dans ce genre*, однимъ словомъ. И потомъ... —это все критикъ говоритъ—авторъ художественнаго произведенія всегда неправъ, если не становится на сторону того или иного своего героя, и если публика не можетъ замѣтить, на чьей сторонѣ его симпатіи... Однимъ словомъ, критикамъ подавай тотчасъ же вмѣстѣ съ произведеніемъ и паспортъ автора: како вѣруешь? Твое *profession de foi*? Къ какому художественному сословію принадлежишь?.. *Une idée!* Не устроить ли намъ здѣсь филиальнаго отдѣленія нашего общества, нашего кружка?

— Здѣсь?!

Сергій Петровичъ засмѣялся.

— Нельзя?

— Само собой. Здѣсь есть помѣщики, крестьяне, чиновники и горожане. *Un point, c'est tout.* Изъ кого же ты хочешь составить кружокъ?

— Это какъ въ афишахъ: рабы и рабыни, жрецы и жрицы, народъ обоего пола...

— Именно.

— Ваше превосходительство, —доложилъ вошедшій лакей,—господинъ Лѣвановъ дожидаются.

— Просите.

— *Je me sauve...*—сказалъ Арсеній Павловичъ.

— Non, reste!

XI.

Лѣвановъ вошелъ, остановился среди комнаты и поклонился Сергію Петровичу, который отвѣтилъ ему низкимъ поклономъ, но руки не подаль и не предложилъ садиться.

— Извоили требовать меня?—спросилъ Лѣвановъ.

— Да, я просилъ васъ, и, правду сказать, нѣсколько удивленъ...

— Я не могъ бросить дѣла... были спѣшныя бумаги къ подписи.

— Позвольте васъ познакомить,—сказаль Сергѣй Петровичъ, указывая Лѣванову на своего гостя:—новый чиновникъ особыхъ порученій, Арсеній Павловичъ Доринъ... Провъ Михайловичъ Лѣвановъ...

Доринъ изогнулъ особеннымъ способомъ руку и колесомъ подаль ее Лѣванову, слегка прикоснувшись къ его рукѣ. Послѣ рукопожатія онъ незамѣтно потеря ее о фалды сюртука.

Оба другъ другу ничего не сказали, зато заговорилъ Сергѣй Петровичъ.

— Я бы желаль, чтобы Арсеній Павловичъ посѣщаль ежедневно присутствіе и знакомился постепенно съ дѣлами подъ вашимъ руководствомъ—пока.

— Пока?—спросилъ Лѣвановъ.

— Да, до выхода вашего въ отставку.

Лѣвановъ пожалъ плечами.

— Но я вовсе не собираюсь въ отставку,—спокойно и съ достоинствомъ сказалъ онъ:—что же касается господина Дорина, то онъ можетъ являться въ канцелярію, когда ему заблагоразсудится. Я дамъ ему чиновника, который будетъ руководить имъ въ дѣлахъ.

— Je m'en fiche!—вдругъ сказалъ Доринъ въ полголоса.

— Чего-съ?—спросилъ его Лѣвановъ.

— Я говорю: очень пріятно!

Сергѣй Петровичъ строго взглянулъ на Дорина, и тотчасъ же обратился къ Лѣванову.

— Вы не собираетесь подавать въ отставку? — сдѣлавъ удивленное лицо, спросилъ онъ.

— Ни малѣйшимъ образомъ.

Сергѣй Петровичъ мгновенно раздражился.

— Однако, я просилъ васъ объ этомъ...

— Объ этомъ просить нельзя...

— Ну, если вы не понимаете просьбъ, то сочтите это за приказаніе.

— И приказывать такихъ вещей нельзя. Конечно, по новости для васъ дѣла...

— Tiens, tiens!—не удержался Доринъ.

— Чего-съ?

— Ничего, продолжайте... это у меня кашель.

Лѣвановъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ и перевелъ свой взглядъ на Сергѣя Петровича: это, дескать, еще что за нахаль такой?

— Такъ я говорю,—продолжалъ онъ,—что по новости дѣла

вы могли отдать такое приказаніе, но я не обязанъ исполнить его. Это не въ предѣлахъ вашей власти...

— Покорнѣйше прошу меня не учить!—рѣзко крикнулъ Сергѣй Петровичъ.—Вы для меня неудобный чиновникъ, и я вовсе не приглашалъ васъ быть моимъ гувернеромъ или наставникомъ. Вы позволяете себѣ публично говорить обо мнѣ въ непозволительномъ тонѣ, чѣмъ подрываете престижъ власти. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ. Я этого не потерплю и служить съ вами не желаю. Ясно ли это?

Невозмутимый до сихъ поръ Лѣвановъ, мало-по-малу, подъ влияніемъ словъ Сергѣя Петровича и въ особенности улыбочекъ Дорина, раздражился и вскипѣлъ.

Одну минуту онъ было-поколебался, но потомъ, съ наружнымъ спокойствіемъ и несокрушимой логикой, отвѣтилъ:

— Это ясно. Вѣдь и я никоимъ образомъ не въ состояніи удерживать васъ на службѣ.

Это было до того неожиданно, что Доринъ чуть не подпрыгнулъ на стулѣ, а Сергѣй Петровичъ даже разсмѣялся.

— Вотъ это, могу сказать, оригинально...

— Возьмемъ его въ нашъ кружокъ!—шепнулъ, подойдя къ Сергѣю Петровичу, Доринъ.

— Замолчи, ты невозможенъ, — нахмурившись, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

И обратившись къ Лѣванову, проговорилъ:

— А, такъ мы помѣнялись ролями. Теперь вы мнѣ предлагаете отставку.

— Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, я ничего вамъ не предлагаю, ибо это не входитъ въ предѣлы моей служебной дѣятельности. Я только говорю, что кто не желаетъ служить—можетъ уходить, это его право. Я же желаю служить. Я служилъ при шести начальникахъ, и всѣ они ушли, я остался. Я дѣлаю все, что могу и долженъ дѣлать. Свои обязанности и права, свои дѣла, законы, я знаю, какъ никто. Всѣ были мною въ концѣ-концовъ довольны, потому что проходили подъ моимъ руководствомъ отличную дѣловую школу; многіе хотѣли уволить меня, но, какъ видите, не уволили, потому что въ послѣдствіи убѣждались въ своей неопытности. Очевидно, вы желаете помѣстить на мое мѣсто господина Дорина...

— Я бы васъ просилъ, Провъ Михайловичъ, не вдаваться въ догадки о моихъ намѣреніяхъ...—остановилъ его Сергѣй Петровичъ.

Но Лѣвановъ, не обращая вниманія на эти слова, продолжалъ:

— Однако, я своего мѣста никому не уступлю. Я прослужилъ тридцать лѣтъ,—все больше и больше воодушевляясь, говорилъ онъ,—и вовсе не желаю уходить, не выслуживъ пенсіи.

— Я не обязанъ входить въ эти соображенія...

— Напротивъ-съ, обязаны... Я же говорю, что вы еще не вполне ознакомились съ своими правами и обязанностями. Я не обвиняю васъ, это очень естественно, принимая въ соображеніе ваши лѣта.

— Мнѣ кажется, довольно говорить объ этомъ. Итакъ, вы не желаете уходить?

— Нѣтъ-съ, не желаю. Вы можете меня представить къ увольненію, но обязаны мотивировать это представленіе уважительными причинами. Потому что чиновники служатъ не у власти имущихъ лицъ, а государству. Прикажете составить бумагу о моемъ увольненіи? Я вамъ представлю черновикъ, а вы ужъ потрудитесь сами въ пустыхъ мѣстахъ вписать мотивы увольненія, потому что, говоря откровенно, я ихъ совершенно не знаю.

— Не трудитесь, я самъ напишу представленіе.

— Какъ прикажете. Я вамъ больше не нуженъ?

— Нѣтъ, можете идти.

— Имѣю честь кланяться. Занятія у насъ начинаются въ десять часовъ,—обратился онъ къ Дорину,—завтра праздникъ, и ихъ не будетъ, а послѣ завтра пожалуйста.

И не дождавшись отвѣта, онъ вышелъ изъ кабинета ровной, спокойной походкой.

Доринъ принялся хохотать.

— *En voilà un type!* — говорилъ онъ, захлебываясь отъ смѣха.—Но это очень оригинально, клянусь! То-есть, прямо въ оперетку. Ахъ, еслибы здѣсь былъ Ползиковъ, онъ бы положилъ на музыку этотъ разговоръ... Что такое?! Что ты на меня такъ строго смотришь?

— Ты не понимаешь?

— Нѣтъ, ей Богу! —наивно раскрывъ глаза, отвѣтилъ Доринъ.

— *Mais, cher ami*, ты вѣдь находишься на службѣ, а не въ засѣданіи „Кружка новыхъ художниковъ“. Это надо помнить. Веди себя прилично. Я этого требую, какъ твой начальникъ. Я терпѣть не могу смѣшивать личныя отношенія съ служебными. Я охотно буду болтать съ тобой за обѣдомъ или вече-

ромъ... но прошу тебя. въ остальное время, при другихъ въ особенности, быть болѣе корректнымъ и тактичнымъ.

— *C'est bon, c'est bon*, — вдругъ обидѣвшись, сказала Доринъ и нахохлилась, какъ птица послѣ дождя. — Скажи пожалуйста! нельзя ужъ и посмѣяться... Что? Не буду, не буду, ну тебя... Эти портьеры у тебя изъ Петербурга, — спросилъ Доринъ, желая переменить разговоръ. — Я не видѣлъ ихъ раньше. Очень хороши. Неопредѣленный цвѣтъ и рисунокъ. А мебель мнѣ не нравится — *vieux jeu*. А пророс! Въ Петербургѣ появилась новая мебель, я видѣлъ у Кона. Стулья четырехугольные, такъ что сидѣть на нихъ трудно, во всякомъ случаѣ садиться надо съ осторожностью, и спинка угломъ. Они очень низенькіе, такъ что ноги подходятъ чуть не къ подбородку — очень оригинально! А эта мебель стара. Перемени. Да! Обтянута новая мебель бархатомъ неопредѣленного цвѣта и рисунка — что-то въ родѣ репейника, а можетъ быть и лилій свѣтло-зеленаго тона, впадающаго въ мутно-желтоватый — словомъ, прелесть!.. Этотъ Лѣшановъ или какъ его тамъ — личность! Субъективистъ. Оберегаетъ свое я. Это — *pas mal du tout*... Et *pas province*, hein? Ну, я удаляюсь, до свиданія. Такъ идти мнѣ къ этому Лѣшанову? Учиться?

— Да, конечно. До свиданія. Приходи къ обѣду.

— Господинъ Переметневъ, — доложилъ лакей.

— А, просите.

— *Qui est-ce?* — спросилъ, направляясь къ дверямъ, Доринъ.

— Это тебя не касается.

— *Allons, allons*, какой ты сталъ нетерпимый...

И онъ исчезъ.

Переметневъ вошелъ, пыхтя и отдуваясь, по своему обыкновенію, и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Я васъ просилъ зайти, господинъ Переметневъ, такъ какъ мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

— Весьма лестно и даже, могу сказать, пріятно.

— Садитесь. Разговоръ нашъ, надѣюсь, не будетъ продолжителенъ, такъ какъ вы меня сразу поймете.

— Благодарствуйте. Мы очень даже понять можемъ. Это касательно чего же, ваше превосходительство?

Рысьи глазки Переметнева безпокойно забѣгали по комнатѣ, какъ бы отыскивая, не спрятанъ ли въ ней кто-нибудь. Убѣдившись, что въ ней никого не было, онъ нѣсколько успокоился и даже дыханіе его стало ровнѣе и глубже.

— Относительно этой вашей сдѣлки съ островскими крестьянами.

Переметневъ быстро опустилъ глаза.

— Такъ-съ...—протянулъ онъ.—Это дѣйствительно... того... такъ точно, сдѣла состоялась, ваше превосходительство.—И не давая Сергѣю Петровичу времени отвѣтить, онъ быстро продолжалъ: — И я хотѣлъ даже, по сему случаю, отъ своихъ скудныхъ средствъ сдѣлать пожертвованіе. Не откажите принять, ваше превосходительство.

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ сюртука, досталъ изъ бумажника заранѣе приготовленный пакетъ сторублевокъ, перевязанныхъ розовой лентой, и положилъ его на столъ.

— Это что же?—удивился Сергѣй Петровичъ.

— Деньги-съ. Три тыщи. Не извольте считать—всѣ до копѣечки.

Сергѣй Петровичъ взглянулъ Переметневу прямо въ глаза и прочелъ въ нихъ какое-то особенное выраженіе: не то они лукаво ухмылялись, не то подмигивали ему, какъ бы подбодряя на что-то.

— Да для чего же?—спросилъ онъ.

— Такъ какъ всякое новое дѣло—привычку сдѣлать—начинать съ добраго для души дѣла, то въ разсужденіе этого, ваше превосходительство, по случаю островской сдѣлки, рѣшилъ я на благотворительность... три тыщи...

— Это прекрасно. Но потрудитесь внести ихъ, въ такомъ случаѣ, въ канцелярію—тамъ ихъ примутъ и выдадутъ вамъ росписку.

— Увольте, ваше превосходительство! Росписки намъ не требуется. Это по вашему личному благоусмотрѣнію, по душѣ, значить... куда она васъ направитъ, скажемъ... по направленію души.

Сергѣй Петровичъ опять взглянулъ ему въ глаза, и опять прочелъ то же ободряющее и подмигивающее выраженіе.

— Такъ въ мое личное распоряженіе и безъ росписки? — повторилъ онъ.

— Именно-съ! Росписка безъ надобности-съ. Потому контроля тутъ не предвидится.

— Ну-съ, господинъ Переметневъ, вотъ что я вамъ скажу: вы ошиблись—я не взяточникъ.

Переметневъ заёрзалъ на стулѣ, и глаза его опять безпкойно оглядѣли комнату.

— Помилуйте, ваше превосходительство... какія же взятки?.. По направленію души...

— И по направленію души, и безъ направленія души, я

взятокъ не беру, и да будетъ это вамъ извѣстно разъ навсегда. Уберите ваши деньги...

— Однако... ваше превосходительство...

— Уберите ваши деньги!—крикнулъ Сергѣй Петровичъ.

— Я бы могъ еще прибавить, ваше превосходительство,— робко началъ Переметневъ, подъ настойчивымъ взоромъ Сергѣя Петровича, неловко убирая со стола деньги, но не рѣшаясь еще спрятать ихъ.— Тыщи дѣй на богоугодныя дѣла?

— Прибавьте сколько хотите, хоть двадцать—это до меня не касается, и сдайте ихъ въ канцелярію подъ квитанцію. Ко мнѣ же не смѣйте являться съ такими предложеніями. Я очень сожалѣю, что принялъ васъ безъ свидѣтелей.

Переметневъ смущенно спряталъ въ карманъ деньги.

— Я поवालъ васъ, чтобы сказать, что считаю вашу сдѣлку съ островскими крестьянами крайне невыгодною для нихъ.

— Почему такъ-съ?

— Не будемъ касаться существа дѣла. Вы, какъ и я, отлично знаемъ его во всѣхъ подробностяхъ. Я уже далъ предписание присутствію не утверждать этого дѣла.

— Ваше превосходительство!..—поблѣднѣвъ, началъ Переметневъ, но Сергѣй Петровичъ перебилъ его:

— Я долженъ вамъ сказать больше. Эта сдѣлка находится на границѣ уголовного права и, при желаніи, ее можно счесть за вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку, чтобы не сказать... за мошенничество.

Переметневъ грузно поднялся съ кресла и сразу перемѣнилъ подобострастный тонъ на вызывающій и дерзкій.

— Сергѣй Петровичъ!—проговорилъ онъ. — Знавши много лѣтъ вашего почтеннаго батюшку и всю семью вашу, не ожидалъ я отъ васъ такихъ словъ...

Мой батюшка и моя семья здѣсь ни-при-чемъ!—рѣзко отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

Переметневъ попробовалъ еще одну уловку.

— Я у нихъ былъ недавно, и условились мы о покупкѣ лѣса достоуважаемаго Петра Александровича. Они о моихъ дѣлахъ освѣдомлены, и я имъ докладывалъ объ островскихъ крестьянахъ.

— Чтò же изъ этого? Чтò вы хотите сказать? — крикнулъ Сергѣй Петровичъ. — Что вы дали, что-ли, взятку моему отцу? Прежде всего я не вѣрю этому! Слышите?

— Слышу-съ, какъ не слышать... достаточно громко, и мы, стало быть, не глухіе.

— А потомъ, еслибы вы дали взятки всѣмъ, такъ и тогда я не утверждаю этой сдѣлки и подамъ протестъ куда слѣдуетъ. И поблагодарите Бога, если я этимъ ограничусь. Я считаю вашу дѣятельность вредною... Вообще вредною. И я никогда не допущу разорять крестьянъ ради вашихъ единоличныхъ выгодъ. Вы дѣйствуете осторожно и осмотрительно, и васъ трудно уличить въ чемъ-либо явно противозаконномъ, но предупреждаю васъ, что я употреблю все, чтобы разстроить эту сдѣлку и чтобы помѣшать вамъ въ дальнѣйшемъ пытаться народными соками... Поэтому лучше откажитесь теперь же отъ этого дѣла.

— Отказаться? Ну, ужъ это, баринъ, вы напрасно... И насчетъ вашихъ словъ, касательно „соковъ“ и всего прочаго, тоже напрасно обижать изволите. Мое дѣло правое-съ. Соплился по-любовно, на основаніи всѣхъ законовъ Россійской имперіи, и никакого тутъ состава преступленія или выжиманія соковъ не было-съ. Это одна клевета и несправедливость. И замѣчаній такихъ вы мнѣ никакого полного права дѣлать не имѣете-съ...

Сергій Петровичъ соскочилъ со стула и стремительно пробѣжалъ по кабинету.

„Ишь его носить-то! — подумалъ старикъ: — ровно въ него бѣсы вселились“.

И онъ продолжалъ:

— Слова ваши даже очень обидны мнѣ-съ. Коли, значить, мое право покупать, а ихнее продавать, такъ кому какое дѣло-съ? А чтобы меня выселить изъ губерніи, гдѣ у меня угодья и разпространеніе, такъ это-съ, ей Богу, пустое, и я не дитѣ малое, чтобы меня пугать. Извольте меня суду предать, коли ежели что, судъ разсудитъ и оправдаетъ, а такими словами не извольте меня конфузить, хотя вы и начальникъ. И угрозъ вашихъ я не боюсь, а даже совсѣмъ напротивъ.

Онъ очень разволновался и во время этой рѣчи хлопалъ себя жирной ладонью по груди, на которой хранился туго набитый бумажникъ.

Сергій Петровичъ сдерживалъ свою ярость. Онъ употреблялъ большія усилія воли, чтобы не схватить Переметнева за шиворотъ и не вышвырнуть его изъ комнаты.

— Потрудитесь убираться вонъ! — крикнулъ онъ ему. — Я очень раскаяваюсь, что вздумалъ съ вами говорить какъ съ человекомъ. Вы не желаете отказаться отъ сдѣлки съ островцами? Прекрасно. Я васъ заставляю отказаться...

— Правовъ такихъ не имѣете...

— Вы желаете суда? Потерпите, — можетъ быть, дождетесь и

этого. А теперь потрудитесь оставить мой кабинетъ и благодарите Бога, что я не могу уличить васъ въ предложеніи мнѣ взятки.

— Никакого предложенія не было, — пустое говорите. Будьте здоровы и дозвольте заявлю вамъ сдѣлать: коли ежели опять потребуете — я не приду-сь. Потому, при моей старости и сѣдинахъ, не подходящее дѣло-сь выслушивать такія рѣчи отъ молодого человѣка, хоша бы и господина начальника.

Онъ вышелъ.

Сергій Петровичъ порывисто продолжалъ ходить по комнатѣ.

Ему сдѣлалось не по себѣ. Дѣятельность, къ которой онъ такъ стремился, начинала тяготить его своей узкостью, ограниченностью правъ. Онъ представлялъ ее себѣ шире, могущественнѣе. Въ его порывистой натурѣ было желаніе властвовать, диктаторствовать, повелѣвать, а на дѣлѣ оказывалось, что онъ собственной властью не можетъ даже смѣнить, пожалуй, волостного старшину, не только чиновника. И всѣ толкуютъ о преданіи суду, всѣ дають ему понять, что его власть ограничена и что надъ нимъ есть нѣчто высшее — законъ. Какъ будто онъ не знаетъ этого самъ! Но это ограниченіе стѣсняетъ его, связываетъ его по рукамъ и ногамъ.

— Что еще? — спросилъ онъ вошедшаго слугу.

— Исправникъ Харитоновъ, ваше превосходительство, а внизу просители.

— Приема просителей сегодня не будетъ, а господина исправника просить.

— Слушаю-сь.

Сергій Петровичъ немедленно накинулся на исправника Харитонова, такъ какъ ему необходимо было сорвать на комъ-нибудь свою злобу.

— Скажите, пожалуйста, — началъ онъ отрывисто: — всему уѣзду вашему извѣстно, какъ вамъ и мнѣ, что становой приставъ Ивановъ беретъ взятки, что въ его станѣ повсюду безпорядки, и что человѣкъ онъ крайне неблагонадежный. Я это тогда же замѣтилъ при объѣздѣ уѣзда. Почему вы до сихъ поръ не распорядились представить мнѣ объ увольненіи этого станового пристава?

Исправникъ стоялъ растерянный и блѣдный, съ трясущейся нижней челюстью и съ опущенными глазами, какъ школьникъ.

Отъ волненія онъ не могъ говорить.

— Я жду! — услышалъ онъ голосъ Сергія Петровича.

— Ваше превосходительство...—пробормоталъ онъ, и дальше ничего не могъ прибавить.

— Прошу помнить, что я смотрю на начальника, который покрываетъ своимъ служебнымъ авторитетомъ незаконныя дѣйствія своего подчиненнаго,—какъ на его сообщника. Для меня несомнѣнно, что если Ивановъ беретъ взятки направо и налѣво, а вы терпите его на службѣ,—значить, и вы сами...

Тутъ онъ вспомнилъ о судѣ и грозно прибавилъ:

— Я васъ обоихъ предаю суду!

— Ваше... ваше... превосходительство... пощадите!.. семейство... значительное...

Сергѣй Петровичъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что за манера вѣчно выдвигать впередъ семейство! Какое мнѣ, наконецъ, дѣло до вашего семейства! Трудно содержать его—не обзаводитесь! Вотъ и все... Я, вообще, недоволенъ вашимъ уѣздомъ, прошу держать ухо востро. Шутить и повторять приказанія я не люблю. Приказываю вамъ уволить немедленно Иванова. Ступайте же.

— Ваше прев...

— Ступайте.

Исправникъ вышелъ, шатаясь. Сергѣй Петровичъ, точно сраженный молніей, сѣлъ въ кресло. Онъ схватилъ со стола бронзовый ножъ и нервно сталъ колотить имъ по столу.

Понемногу придя въ себя, Сергѣй Петровичъ принялся за чтеніе французскаго романа, только-что привезеннаго ему Доринимъ.

В. Святловъ.

РУССКАЯ АРМЕНИЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

I.—Черезъ снѣговой переваль.

Опять приходится прорѣзать насквозь нашу необъятную южную равнину,—эту новооткрытую русскую Америку, въ которой земля съ каждымъ годомъ поднимается въ цѣнѣ словно на какомъ-нибудь соблазнительномъ аукціонѣ, и которой безплодные глины и пески распродаются теперь чуть не по квадратнымъ саженимъ, какъ почва Берлина или Лондона, потому что всякій хозяинъ, всякій покупатель и предприниматель ждетъ здѣсь на всякомъ шагѣ неистощимыхъ залежей желѣза, или угля, а то, пожалуй, чего-нибудь и поцѣннѣе, въ родѣ мѣди или ртути... Эти минеральные богатства, это обращеніе недавно еще пустынныхъ, степныхъ пастбищъ, облегающихъ на необозримое пространство Азовское море и низовья Донца и Дона,—въ дѣятельную и густонаселенную горнозаводскую страну, прорѣзанную густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, день и ночь дымящую своими черными трубами и залитую электрическими огнями, будто улица большого города,—рѣзко перевернули эконоическое положеніе не только мѣстнаго населенія, но и цѣлой южной половины Россіи; перемѣстились центры торговой и промышленной жизни, установились могучія теченія рабочей силы въ новыхъ направленіяхъ: одѣленные полубезплодными надѣлами мужички, продавъ подъ заводы и шахты свои неудобья, обратились въ зажиточныхъ собственниковъ купленныхъ на сторонѣ обширныхъ и плодородныхъ земельныхъ участковъ, а иные прямо въ подрядчиковъ и капи-

талистовъ,—а попутно развилось сильное переселенческое движеніе изъ страны недоступно дорогихъ земель—въ губерніи, гдѣ гораздо лучшую землю можно еще покупать за цѣну втрое и вчетверо дешевле...

Отъ вѣка излюбленная пшеничка, подсолнухъ или ленъ, перестали уже быть центромъ вращенія всѣхъ хозяйственныхъ помысловъ и заботъ степного жителя, и онъ на опытѣ убѣдился въ справедливости своеобразно понятаго имъ евангельскаго изреченія: „не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ“, ибо камень сталъ его кормить гораздо сытнѣе и надежнѣе, чѣмъ кормилъ прежде хлѣбъ.

Но, однако, въ этой „новой Россіи“, такъ мало похожей на старую соломенную Русь, и гораздо болѣе сходной съ Америкой или Бельгіей,—до русскаго рта доходятъ сравнительно скудныя струйки отъ тѣхъ молочныхъ рѣкъ, которыя потекли въ послѣднее время изъ каменныхъ нѣдръ ея. Я съ любопытствомъ остановился на поучительныхъ статистическихъ цифрахъ, которыя какъ нарочно попались мнѣ при самой побѣдѣ моей черезъ этотъ край будущаго въ одной изъ мѣстныхъ газетъ („Приазовскій Край“). Просвѣщенные европейцы, какъ оказывается, до того облюбили нашу невѣжественную страну снѣговъ и медвѣдей, что переносятъ сюда мало-по-малу главную массу своихъ иностранныхъ промышленныхъ предпріятій. Одни бельгійцы, напр., къ 1 января 1899 г. основали на Руси 113 различныхъ предпріятій, цѣнностью въ 350 милліоновъ франковъ, между тѣмъ какъ во всей остальной Европѣ у нихъ только 45 предпріятій на 324 милліона. Изъ числа 113 бельгійскихъ предпріятій—на югѣ Россіи 71, а собственно въ Приазовскомъ краѣ—23 съ 82 милліонами франковъ. Особенно сильно стала развиваться у насъ бельгійская промышленность съ 1895 г., когда въ одинъ годъ основалось 20 различныхъ предпріятій, въ томъ числѣ 8 крупнѣйшихъ на югѣ: донецкія, прохоровскія, луганскія и варваропольскія каменноугольныя копи, донецкое общество металлическихъ издѣлій, екатеринославскій и франко-русскій литейные заводы и сантуриновское стеклянное производство, съ капиталомъ въ сложности 37.700.000 франковъ; въ 1896 г. возникли еще 7 такихъ же цѣнныхъ бельгійскихъ предпріятій: успенскія доменные печи, луганскія финифтяныя издѣлія, желѣзопрокатный заводъ въ Константиновѣ, гончарное общество „Керамика“ въ Григорьевкѣ, донецкій стеклотѣлательный заводъ, горловскій заводъ строительныхъ матеріаловъ и фабрика инструментовъ въ Луганскѣ. Въ 1897 г. прибавилось еще 4 предпріятія на 10

милліоновъ; въ 1898 г. по всей Россіи основалось 35 новыхъ промышленныхъ предпріятій бельгійцевъ, и изъ нихъ на долю юга пришлось 17 милліоновъ франковъ, размѣщенныхъ также въ 4 предпріятія. Насколько выгоденъ для иностранцевъ этотъ дружный походъ ихъ на богатства, сокрытыя въ недрахъ безпечной земли русской,—могутъ показать тѣ же статистическія цифры.

Такъ, въ 1898 г. только съ 14 предпріятій, цѣнностью въ 53 милліона, получилось чистой прибыли 3 милліона франковъ; вообще же барышъ предпринимателей доходитъ до 8—25%.

У насъ до сихъ поръ въ повременной печати и различныхъ экономическихъ обществахъ ведется горячій споръ о томъ, полезно или вредно допускать въ разработку нашихъ природныхъ богатствъ иностранные капиталы. Судьба нашего юга доказываетъ до очевидности, что безъ иностранныхъ капиталовъ, иностраннаго знанія, иностранной предпримчивости,—новороссійскія степи наши до сихъ поръ оставались бы пустырями, на которыхъ бродили бы овцы да гнѣздились овражки. Конечно, они оставались бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непочатымъ источникомъ будущаго богатства, которое, безъ сомнѣнія, попало бы когда-нибудь и въ чисто-русскія руки, какъ дѣдовская кубышка, запрятанная въ потайной ящикъ и не приносящая дохода, но за то и совсѣмъ не растратенная.

Пока кубышка не разыскана, ея неприкосновенность имѣетъ свое оправданіе. Но разъ она на виду, разъ намъ указали ее,—странно было бы оставлять ее лежать бездѣтельно еще на многіе годы, въ то время какъ столько настоятельныхъ народныхъ нуждъ требуютъ своего удовлетворенія. Если же сами мы не хотѣли или не въ силахъ рискнуть милліонами для добычи новыхъ милліоновъ, то было бы безумно отгонять отъ этого риска тѣхъ, у кого больше смѣлости, силъ и умѣнья,—иначе свазать, лежа на сѣнѣ, не давать его ѣсть ни себѣ, ни другимъ... Какіе бы себялюбивые расчеты ни руководили иностранными предпринимателями, все-таки они не въ состояніи поглотить одни всѣ выгоды своихъ предпріятій; все-таки вокругъ нихъ, рядомъ съ ними, неизбежно создадутся мѣстные интересы всякаго рода, которые потянутъ въ свою сторону все, что будетъ можно; возростутъ вокругъ цѣны имуществъ, поднимется заработная плата, проведутся всѣмъ нужныя желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны, откроется по близости сбытъ и покупка множества необходимыхъ предметовъ и широкій рынокъ для помѣщенія руда, ускорятся въ мѣстности полезныя знанія и привычки,

ощутится усиленный приливъ денегъ въ мѣстности, умножится и обогатится населеніе...

Конечно, еслибы это могло достигнута своими собственными русскими капиталами и своими собственными русскими руками, то было бы еще для насъ выгодноѣе, такъ какъ доходы этихъ предпріятій оставались бы всецѣло въ родной странѣ. Но вѣдь намъ приходится болѣею частью выбирать не между русскимъ и иностраннымъ капиталомъ, а между иностраннымъ капиталомъ и—ничѣмъ. Не дѣлать ничего—во всякомъ случаѣ предпріятіе наименѣе выгодное изъ всѣхъ. Нельзя не сознаться, что если русскіе капиталы и стали обнаруживать въ послѣднее время какую-нибудь живучесть и наклонность къ движенію, то въ значительной мѣрѣ подстегнутые опаснымъ для нихъ соперничествомъ иностранцевъ, жадно захватывающихъ всѣ лакомые кусочки, которые лежатъ сколько-нибудь плохо. Да и научились русскіе капиталисты искусству устраивать выгодныя предпріятія у тѣхъ же иностранцевъ, безъ которыхъ врядъ ли такъ скоро сѣмѣли бы они усовершенствовать свои производства и состязаться съ ними же на одномъ полѣ.

Если, съ одной стороны, не слѣдуетъ слишкомъ расширять опаснаго для нравственнаго чувства человѣка смысла поговорки: „деньги запаха не имѣютъ“, то, съ другой стороны, несправедливо было бы и излишне преувеличивать преимущества своихъ родныхъ предпріятій надъ иностранными. Страсть къ наживѣ, стремленіе продать дорого и купить дешево,—свойственны почти въ одинаковой степени всѣмъ людямъ, къ какой бы народности ни принадлежали они,—и, какъ показываетъ долговременный опытъ, русскій заводчикъ, фабрикантъ и торговецъ, охраняемые таможенною политикою и высокими тарифами отъ иностраннаго соперничества,—весьма мало руководствуются сознаніемъ того, что они работаютъ для своего родного народа, а стараются, какъ и всѣ, воспользоваться удобствами своего исключительнаго положенія единственно для собственныхъ выгодъ.

Поэтому вопросъ о допущеніи иностранныхъ капиталовъ въ нашу промышленность,—по мнѣнію моему, долженъ быть сведенъ только къ тѣмъ мѣрамъ осторожности, которыя необходимо должны быть приняты правительствомъ, чтобы по возможности ослабить невыгодныя стороны денежнаго участія иностранцевъ въ экономической жизни Россіи и увеличить выгоды этого участія для русскаго населенія. Иначе сказать, требуется разумная законодательная разработка тѣхъ условій, при которыхъ можетъ разрѣшаться иностранцу основаніе тѣхъ или другихъ промыш-

ленныхъ предпріятій въ нашемъ отечествѣ, и которыя обезпечивали бы одинаково какъ мѣстныхъ жителей, ищущихъ выгоднаго заработка, такъ и интересы казны...

Въ Владикавказъ пріѣхали мы глубокою ночью. Заѣхали въ почтовую гостинницу, чтобы быть ближе къ дилижансу и раньше выѣхать по военно-грузинской дорогѣ, но тамъ—ни одного свободного уголка. Извозчикъ повезъ насъ въ гостинницу „Имперьяль“, и, воспользовавшись полуночнымъ часомъ, стануль съ насъ за доставку съ вокзала цѣлыхъ два рубля. Гостинница чистенькая, и за 3 р. 50 к. намъ съ женою отвели весьма приличный номеръ. Дорогою, въ вагонѣ, мы познакомились съ полковникомъ генеральнаго штаба Е., по проекту котораго недавно происходили весьма поучительные манёвры войскъ на Гунибѣ, Гунзахѣ и другихъ мѣстахъ бывшихъ боевыхъ подвиговъ русской арміи; манёвры эти произведены были тѣми именно частями войскъ, тѣми славными полками, ширванскимъ, апшеронскимъ и другими, которыхъ геройскою храбростію были покорены, десятки лѣтъ тому назадъ, неприступныя горы и неуеротимыя племена Дагестана. Молодые солдатики,—наслѣдники кавказскихъ ветерановъ,—должны были продѣлать тѣ же самые переходы и тѣ же приёмы осады и приступа, какими былъ взятъ въ старое время Гунибъ и другія твердыни лезгинъ и чеченцевъ, такъ что они собственнымъ опытомъ и воочию изучили исторію знаменитыхъ кампаній Кавказа, ощутивъ своими руками и излазавъ своими ногами скалы, обогренныя геройскою кровью русскихъ и горцевъ. Идея такихъ манёвровъ въ высшей степени счастливая и заслуживаетъ подражанія. Полковникъ Е. познакомилъ насъ и съ составленнымъ имъ подробнымъ описаніемъ этого характернаго похода, тщательно изданнымъ и снабженнымъ множествомъ интересныхъ фототипій, снятыхъ съ натуры и изображающихъ много историческихъ мѣстностей и бытовыхъ сценъ. Нельзя не отнестись съ искреннимъ сочувствіемъ къ тому просвѣщенному и разумному направленію, которое вообще отличаетъ наше военное вѣдомство со временъ замѣчательнаго руководителя его, Д. А. Милютина, и которое было бы еще пріятнѣе встрѣтить въ специальномъ вѣдомствѣ, заведующемъ просвѣщеніемъ нашего народа. Тотъ же полковникъ Е. основалъ въ Владикавказѣ очень полезное „Общество физическаго развитія дѣтей“, которое устроило при городскомъ садѣ особый садъ для гимнастики и игръ всякаго рода. Заинтересовавшись этимъ вос-

питательнымъ учрежденіемъ по разсказу его главнаго руководителя, мы съ женою рано утромъ пошли осмотрѣть его, благо городской садъ—на той же улицѣ, какъ и гостинница „Имперьяль“, и всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Пройдя тѣнистыя аллеи городского сада, мы очутились надъ низменною поляною, среди которой катилъ свои очень смиренныя теперь воды прославленный поэтами Терекъ. Почти вся эта мѣстность отвоевана у ложа капризной рѣки, воды которой катятъ цѣлыя груды нагрывенныхъ ими въ горахъ камней и гальки, и мало-по-малу, сами заваливая ими свое собственное русло, перебираются потомъ въ другое, тамъ въ третью и такъ дальше, такъ что вокругъ узенькой тесемочки лѣтнихъ водъ Терека всегда лежитъ цѣлая широкая равнина сухого щебня, заливаемая во время дождей и таянія снѣговъ. Вотъ эту-то каменную низину и обратилъ съ помощью плотинъ предприимчивый предсѣдатель „дѣтскаго общества“—въ роскошный садъ съ прудками, мостиками, цвѣтниками, оранжереями, аллеями, террасами и павильонами въ арабско-персидскомъ стилѣ; гигантскіе шаги, гимнастическіе приборы всякаго рода, крокетъ, кегли, lawn-tennis, готовы здѣсь къ услугамъ дѣтей и взрослыхъ. На хорошенькомъ скалистомъ островкѣ, среди озера, сдѣланномъ изъ глыбъ дикаго камня и туфа, всевозможныя мѣстныя звѣри и птицы: туры, медвѣди, шакалы, лани, олени, орлы... Лебеди свободно плаваютъ по глади прудковъ, отѣненныхъ деревьями. Весь городъ собирается сюда по вечерамъ на музыку и присутствуетъ при упражненіи своихъ дѣтей, въ которыхъ принимаютъ участіе и многіе взрослые.

Общество считаетъ въ своемъ составѣ значительное число членовъ и обладаетъ уже изрядными средствами, которыя помогаютъ ему постоянно расширять и совершенствовать свое симпатичное предпріятіе. Этотъ утѣшительный результатъ достигнутъ, главнымъ образомъ, энергіею и любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу одного просвѣщеннаго и практичнаго человѣка, и въ высшей степени желательно, чтобы его примѣръ нашелъ у насъ подражателей въ другихъ городахъ.

Городъ Владикавказъ—чистенькій и красивый и не имѣетъ общаго шаблона нашихъ губернскихъ городовъ. Характерную фizioномію придаетъ ему чудная перспектива кавказскихъ горъ, на глубокомъ фонѣ которыхъ живописно вырѣзаются всѣ его постройки и поросли. Зеленый, тѣнистый бульваръ тянется по серединѣ главной улицы и украшаетъ городъ гораздо лучше всѣхъ палатъ и храмовъ. Всѣ улицы вымощены, тротуары превосходные, извозчики всѣ въ коляскахъ и гораздо приличнѣе мо-

сковскихъ и петербургскихъ. Какое, вообще, сравненіе съ тѣмъ жалкимъ Владикавказомъ, который я видѣлъ въ 1868 году, посѣтивъ его въ первый разъ!

Бумага начальника почтоваго округа, любезно присланная изъ Тифлиса, сильно ускорила нашъ отъѣздъ и заранѣе обезпечила намъ удобную четырехмѣстную коляску, которую не всегда можно найти здѣсь, если не заказать впередъ за нѣсколько дней. Впрочемъ, теперь сезонъ кавказскихъ поѣздокъ давно законченъ, и уже не встрѣчается тѣхъ затрудненій, на которыя нерѣдко жалуются путешественники, попадающіе сюда въ горячее время. Громоздкій багажъ нашъ съ трудомъ помѣстился въ просторный экипажъ, хорошо приноровленный къ русскимъ путевымъ обычаямъ. Выѣзжаемъ мы очень торжественно, съ нанятымъ для сего случая величественнымъ сѣдоусымъ кондукторомъ, георгіевскимъ кавалеромъ изъ терскихъ казаковъ. У него всѣ почтовые документы, у него на перевязи мѣдная труба іерихонская, въ которую онъ немилосердно трубитъ при всякой встрѣчѣ повозокъ и верховыхъ. Его строгій казенный видъ и оглушительные трубные звуки производятъ, повидимому, подобающее впечатлѣніе на ѣдущихъ по дорогѣ туземцевъ, потому что, заслышавъ ихъ, они торопливо сворачиваютъ съ шоссе свои грузныя арбы, иногда прямо въ обрывъ или въ ровъ, и проворно раздвигаютъ въ обѣ стороны свои верховыя кавалькады, — предполагая, вѣроятно, что съ кондукторомъ и трубами могутъ ѣздить только большіе начальники, которымъ нельзя не дать дороги... Удобно тѣмъ, что никто не мѣшаетъ вамъ проѣхать, что вы не знаете никакихъ хлопотъ на станціяхъ и съ ямщиками, и въ случаѣ какихъ-нибудь непріятныхъ встрѣчъ — все-таки имѣете около себя надежнаго вооруженнаго человѣка. А кромѣ того, такіе люди — очень полезные путеводители, хорошо знающіе все, что встрѣчается вамъ на дорогѣ. Да и ѣдете вы съ кондукторомъ несравненно быстрѣе, безъ всякихъ задержекъ. Намъ, правда, помогать въ этомъ безостановочномъ движеніи со станціи на станцію, главнымъ образомъ, приказъ почтоваго начальства, разосланный по станціямъ, и бумага отъ того же начальства, представляемая прежде всего кондукторомъ каждому станціонному смотрителю. Оттого мы едва успѣвали войти на станцію, какъ уже новый четверикъ стоялъ въпряженный въ коляску. Принявъ все это во вниманіе, не слѣдуетъ жалѣть нѣсколькихъ лишнихъ рублей, которые вы прибавите почтѣ за кондуктора и израсходуете

на его пропитаніе и на неизбѣжную „на водку“ ему по окончаніи пути. Всего отъ Владикавказа до Тифлиса взяли съ насъ за коляску четверикомъ и „проводника“—62 р. 50 к. Если прибавить къ этому пошесейный сборъ, да рублей семь на содержаніе кондуктора и на водку ему, ямщикамъ и старостамъ, то почтовые расходы военно-грузинской дороги, не считая, разумѣется, ночлеговъ и ѣды, обойдутся не много болѣе семидесяти рублей.

Я уже лѣтъ семь не былъ на Кавказѣ, и давно не испытанныя впечатлѣнія горнаго юга вспыхнули въ моемъ сердцѣ со свѣжестью новизны. Кавказъ не похожъ ни на какую другую страну, и это чувствуется сразу, когда васъ охватываетъ подлинный кавказскій пейзажъ. Настоящіе всадники, сроднившіеся и словно сросшіеся съ своимъ конемъ,—удалые, ловкіе, живописные, въ характерно накинутыхъ буркахъ, въ лохматыхъ папахъ, съ лохматыми чехлами ружей за спиною; и коньки подъ стать ихъ молодецкой посадкѣ, ихъ воинственнымъ фигурамъ, горячіе и быстрые какъ птицы, съ задернутой поводьями горбоносой головкой, съ шеею, выпертой кадыкомъ, мѣрно и часто отчеканиваютъ сплошь подкованными копытами, покачивая всадника—словно въ дѣтской люлькѣ—своею мягкою „ходомъ“. Семилѣтнія дѣтишки скачутъ мимо смѣло и ловко, какъ джигиты, загоняя длинными палками стада, не заботясь ни о камняхъ, ни о кручахъ, чувствуя себя въ этой отчаянной скачкѣ среди этихъ кручъ—какъ рыба въ водѣ. На скалахъ, стоятъ въ картинныхъ позахъ, опершись на горлыги, обязанные съ художественною небрежностью башлыками,—сурово живописные пастухи. Такія же характерныя двухколесныя арбы съ сухощавыми горцами, спокойно усѣвшимися на дышлѣ, набитыя народомъ, мѣшками, деревомъ; ослики, навьюченные возами колючаго хвороста, который закрываетъ самыя ноги ихъ, такъ что кажется, будто куча вѣтвей сама собою ползетъ по дорогѣ. А кругомъ, куда ни поглядишь,—горы, горы и горы!

Мы попали въ своего рода переселеніе народовъ: сотни тысячъ, а можетъ быть и миллионы овецъ, цѣлта жженныхъ сливокъ, съ тяжелыми рыжими бурдюками, словно нарочно подвязанными имъ сзади,—всѣ одна въ одну, какъ волны моря, громадными отарами текутъ съ зеленыхъ холмовъ, рассыпаются по влажнымъ низинамъ, безопасно карабкаются по утесамъ и обрывамъ. Впереди ихъ, сзади, вокругъ,—пастухи пѣшкомъ и верхами гонять ихъ съ лѣтнихъ пастбищъ, уже захваченныхъ снѣ-

гами, на зимнія пастбища въ равнины Кизляра. Все время, пока наша тяжелая коляска поднималась и спускалась по крутымъ петлямъ военно-грузинской дороги, одинъ день за другимъ, вплоть до самого Тифлиса, мы встрѣчали эти сплошныя палевыя пятна овечьихъ стадъ на зелени луговъ и горныхъ скатовъ, неспѣшно двигавшіяся все въ томъ же направленіи. Какая искренняя дѣтская радость на душѣ! У насъ дома уже снѣгъ, мерзлая грязь, шубы, двойныя окна, ежедневная топка, все почернѣло, облетѣло, обледенѣло; а тутъ вездѣ еще трава, деревья зелены и только красоты ради пробрызнули легонько румянцемъ и золотомъ, отчего горные лѣса стали еще очаровательнѣе.

Опять эти давно знакомыя, но всегда поражающія и радующія художественное чувство—старинныя массивныя башни въ видѣ тупыхъ пирамидъ надъ слѣпыми савлями ауловъ, что висятъ будто гнѣзда ласточекъ на карнизахъ скалъ, на макушкахъ холмовъ. Опять эти грозныя голыя громады съ обнаженнымъ скелетомъ земли, съ гранитными ребрами, перевернутыми совсѣмъ отвѣсно непобѣдимымъ внутреннимъ напоромъ чрева земного.

До Балты только одна радостная картина глядящаго изъ-за гряды лѣсныхъ горъ снѣгового хребта, протянувшаго поперекъ всего перешейка кавказскаго непрерывную цѣпь своихъ каменныхъ пирамидъ, словно титанической драконъ міеологическихъ легендъ свои колоссальныя позвонки...

Но за Ларсомъ, за Казбекомъ уже одинъ суровый разрѣзъ безнадежныхъ голыхъ громадъ, который все тѣснѣе и глубже втягиваетъ васъ, словно передъ вами медленно раздвигаются нѣдра земли и васъ поглощаетъ ея черная утроба. Нѣмая гигантская могила и вмѣстѣ колыбель всего сущаго, откуда все вышло, и куда все возвращается, и которая никому не открываетъ своихъ грозныхъ тайнъ. И однако, дерзкій духъ крошечнаго двуногаго червяка осмѣливается бороться съ нею и, погибая въ ней, одно поколѣніе за другимъ, все-таки прорѣзываетъ сквозъ ея толщи свои каменные и желѣзные тропы, проводитъ говорящую нитку телеграфа, устраиваетъ свои жилища у самыхъ ногъ ея безпощадныхъ громадъ, обрушивающихъ шутя утесы, камни и снѣговые обвалы на голову смѣльчака.

Отъ Коби къ Гудауру тѣснина дѣлается особенно тѣсною и мрачною, чуть ли не мрачнѣе, чѣмъ Дарьялъ у скалы Тамары. Каменные колоссы совсѣмъ почти сдвинулись надъ узкою трещиною, на днѣ которой пробирается словно живой звѣрь реущій потокъ. Здѣсь уже все покрыто теперь снѣгомъ. Тысяче-

лѣтніе кавказскіе титаны одѣлись въ бѣлые саваны смерти. Въ этомъ видѣ своемъ они еще оригинальнѣе, еще, пожалуй, поразительнѣе, чѣмъ въ своемъ обычномъ лѣтнемъ уборѣ. Теперь они—воплощенное отрицаніе человѣка и всего человѣческаго, всякой жизни; безстрастные, безжалостные стражи вѣчной могилы бытія. Я былъ во всякомъ случаѣ очень доволенъ, что увидѣлъ старца-Кавказъ въ его одеждахъ смерти.

Холодъ въ ущельяхъ ужасный; вѣтеръ сбиваетъ съ ногъ, снѣгъ не только на горахъ, но и на шоссе, и на землѣ. Коляска скользитъ и визжитъ по замерзшему снѣгу.

Солнце никогда не заглядываетъ, въ такую пору года, въ эту гигантскую расщелину и не топить ея снѣговъ даже въ полдень. Ночь упала тутъ рано и быстро, и солнце, побаловавъ насъ золото-розовымъ фейерверкомъ далекихъ снѣговыхъ вершинъ, которыя оно зажгло на нѣсколько минутъ огнями своего заката, провалилось куда-то за горы, въ невидимыя намъ пропасти. Въ то же мгновеніе небо, сейчасъ только сіявшее лазурью, позеленѣло и похолодѣло, какъ трупъ замерзлаго.

Мы двигаемся своимъ тяжелымъ шестерикомъ въ снѣговомъ хаосѣ непрерывныхъ спусковъ, поворотовъ, подъемовъ, словно по льдамъ Гренландіи, не зная, какъ дожидаться нетерпѣливо желаемого перевала. Мрачная тѣснина держитъ насъ какъ въ желѣзныхъ оковахъ темницы, въ своихъ бѣлыхъ мертвыхъ стѣнахъ, со всѣхъ сторонъ загораживающихъ небо и звѣзды. Бѣдника осетинъ, сидящій фореиторомъ на уносныхъ лошадяхъ, подпряженныхъ къ четверику по случаю очень труднаго многочасового подъема,—хотя и закутанъ въ шубу, папаху и башлыкъ,—совсѣмъ смерзъ и замотался, стараясь въ-время подхватывать уносъ на крутыхъ мѣстахъ своими обезсилѣвшими конями.

Перестали встрѣчаться даже арбы горцевъ и неизбѣжные молоканскіе фургоны четверикомъ, на которыхъ торчатъ цѣлыя вавилонскія башни сундуковъ, бочекъ, ящиковъ, узловъ и людей.

Наконецъ мы очутились гдѣ-то на высотѣ, откуда неистово срывалъ насъ вѣтеръ, бушевавшій здѣсь на полномъ просторѣ, уже безъ всякаго заслона горныхъ стѣнъ. Ямщикъ нашъ радостно вздохнулъ и соскочилъ съ козелъ.

Около насъ стоялъ каменный столбъ съ надписью: „9.684 фута“. Мы были на вершинѣ перевала, и впереди насъ начинался спускъ.

Ямщикъ проворно отпрягъ обѣихъ пристяжныхъ и, безцеремонно шлепнувъ ихъ концомъ ременной постромки, пугнулъ ихъ назадъ въ темную ночь, въ туманы снѣгового ущелья. Они,

конечно, не ошибутся дорогою и не застоятся на пути среди снѣговой пустыни, а вѣрно и скоро найдутъ дорогу, къ яслямъ, наполненнымъ овсомъ. Мальчишка осетинъ еще раньше отстегнулъ своихъ уносныхъ, и, получивъ отъ насъ хорошую „на водку“, вскарабкался опять на сѣдло и нырнулъ вслѣдъ за пристажными въ черную тьму.

Теперь пошло совсѣмъ не то, — какое-то сумасшедшее, но вмѣстѣ радостное скатыванье съ англійской горки по безчисленнымъ петлямъ и спиралямъ титанической винтовой лѣстницы. Воздухъ уже совсѣмъ другой; морозъ и буря стихли, стало тепло во всѣхъ жилкахъ; лошади будто окрылились и неслись какъ угорѣлыя; ямщикъ въ смутной полутьмѣ, скорѣе чутьемъ и автоматическою привычкою, чѣмъ глазами, угадывалъ повороты, и надъ самымъ краемъ невидимой во тьмѣ пропасти съ удивительной ловкостью поворачивалъ разогнавшуюся пару почти прямо назадъ, въ слѣдующее колѣно безконечной спирали. Какъ ни жутко, а приходится волей-неволей положиться на туземное искусство и туземныхъ звѣрей и вѣрить, что мы несемся не куда-нибудь кувыркомъ въ чернѣющія у ногъ пропасти, а по законной шоссейной дорогѣ на ночлегъ въ Млеты.

Страшнѣе всего — это огни ауловъ, мерцающіе Богъ знаетъ на какой глубинѣ черной бездны, охватывающей насъ со всѣхъ сторонъ и словно поджидающей къ себѣ желанныхъ гостей, совсѣмъ какъ огоньки рудокоповъ на днѣ глубочайшей шахты.

Снѣга мало-по-малу уходятъ вдаль и ввысь, смутно бѣлѣютъ издали, а вокругъ насъ, внизу насъ, уже все теперь черно. Слава Богу, эта дьявольская англійская горка наконецъ кончилась. Мы проѣхали Гудъ-гору и слетѣли во весь духъ подъ крыльцо освѣщеннаго фонарями двухъ-этажнаго дома. Благодаря любезности почтоваго начальства, намъ уже приготовили здѣсь удобную комнату для ночлега, и насъ ждалъ горячій ужинъ. Въ отлично отдѣланной столовой отлично накормили и напоили насъ. Съ нами ужиналъ и какой-то проѣзжій генералъ, пріѣхавшій нѣсколько раньше.

Почтовая станція въ Млетахъ — гораздо болѣе похожа на приличную гостинницу, чѣмъ на станцію. Тутъ нѣсколько чистыхъ номеровъ съ покойными постелями и хорошій буфетъ. Хотя вообще на всѣхъ станціяхъ военно-грузинской дороги теперь есть буфеты съ разными закусками, чаемъ, виномъ и теплыми кушаньями, но для обѣда, ужина и ночлега главнымъ образомъ приспособлены двѣ главныя станціи — Млеты и Казбекъ. Вообще, порядокъ на этой шоссейной дорогѣ образцовый: ло-

шади прекрасныя, запрягаютъ быстро, везутъ отлично, шоссе на всемъ пространствѣ въ безукоризненномъ состояніи, отчего только и возможны здѣсь поѣздки въ темную ночь.

На станціи Анапуръ мы залюбовались старинными башнями, храмами и зубчатыми стѣнами романтическаго анапурскаго кремля, —этого прекрасно сохранившагося характернаго образчика средневѣковыхъ замковъ Грузіи, придающаго какою-то особенную поэтичность и картинность прелестному горному пейзажу, окружающему хорошенькій городокъ.

Совсѣмъ иная красота — великолѣпныхъ лѣсныхъ ущелій Пасанаура, подъ зеленую стѣну которыхъ спасаются на лѣто отъ сухого зноя тифлисскихъ улицъ — тамошніе горожане.

Къ Душету панорама расширяется въ зеленую равнину, полную холмовъ, охваченную далекими горами. Круглое озеро освѣжаетъ и разнообразитъ мѣстность тихою гладью своихъ водъ. Душетъ — красивый городокъ; на первомъ планѣ его — цѣлый поселокъ огромныхъ красныхъ казармъ квартирующей здѣсь милиціи, подавляющихъ собою низенькіе туземные домики города. Напротивъ города, черезъ рѣчку — старинный рыцарскій замокъ князя Чилева, мусульманина по вѣрѣ, съ многочисленными службами, садами и всякими угодьями.

Тутъ уже мы на берегахъ Арагвы, которая провожаетъ насъ по всей равнинѣ, широкая и бурливая.

Мцхетъ смотритъ настоящимъ ветхозавѣтнымъ старцемъ; не живой городъ, а скорѣе уцѣлѣвшая мумія когда-то живого города — до того полиняли отъ древности, потускнѣли и стерлись всѣ его дома, башни и храмы; издали кажется, что онъ весь вылѣпленъ изъ той самой зеленовато-сѣрой глины, на которой онъ стоитъ, и которая окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Но во всемъ Кавказѣ нѣтъ болѣе выразительнаго и типичнаго представителя древней исторіи Грузіи, какъ этотъ архаическій городъ. Такъ и хотѣлось бы прикрыть стекляннымъ футляромъ всѣ его островкрышіе граненые соборы, съ старинными украшеніями и надписями, его разрушающійся кремль, его доисторическія могилы въ отвѣсныхъ скалахъ, сложенные изъ каменныхъ плитъ, — и обратить этотъ омертвѣвшій городокъ библейскихъ временъ въ глубоко интересный археологическій музей.

Но самый характерный памятникъ Мцхета, по которому вы узнаете его, когда бы и откуда ни подъѣзжали къ нему, — это древнѣйшая изъ всѣхъ мѣстныхъ древностей — монастырь Сте-

панъ-Цминда, воздвигнутый на высокомъ, со всѣхъ сторонъ открытомъ мысу противоположнаго берега Куры, надъ самымъ впадениемъ въ нее бурной Арагвы, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда самый чтимый огнепоклонниками Грузин „пирей“,—храмъ священнаго огня и солнца. Теперь тамъ православный Покровский монастырь, въ которомъ живетъ нѣсколько монаховъ, поддерживающихъ древнія стѣны одинокаго храма; онъ удивительно эффектно вырѣзается своею одинокою торчащею, бѣлою массивною башнею, безъ дерева и кустика вблизи, на синемъ фонѣ неба, торжественно поднятый къ нему колоссальнымъ пьедесталомъ каменной скалы, и видный всѣмъ изъ далекой дали, словно маякъ, указывающій путь въ сердце страны.

И такъ странно проѣзжать среди этого глухо дремлющаго ветхозавѣтнаго пейзажа, еще полного темными легендами и вѣрованіями библейскихъ временъ, черезъ „рѣку Кира“, мимо храмовъ св. Нины, на многошумномъ, дышащемъ огнемъ и дымомъ желѣзномъ чудовищѣ XIX-го вѣка, дерзко вторгнувшемся въ неподвижную азіатчину грузинъ и персовъ.

Тифлисъ и подавно узнать нельзя — такъ онъ разстроился, похорошѣлъ, цивилизовался. Мы отдохнули въ немъ досыта, и только дней черезъ восемь двинулись въ путь. Выѣхали въ девять часовъ ночи; на вокзалѣ—страшная тѣснота и давка, въ вагонахъ—тоже. Въ поѣздѣ всего одинъ вагонъ перваго, одинъ вагонъ втораго класса; армяне съ своими армянками и дѣтишками, съ цѣлымъ обозомъ узловъ и чемодановъ, толстые, грубые, крикливые и неповоротливые, заплотнили всѣ двери и проходы,—нельзя двинуться ни туда, ни сюда. Курятъ какъ въ казармѣ, толкаются какъ на базарѣ. Тифлисъ виденъ намъ сверху, съ полотно дороги, какъ море разсыпанныхъ огней; горные скаты, по которымъ лѣпится онъ, помогаютъ видѣть весь его обхватъ; электрическія солнца яркими очагами сверкаютъ среди красноватыхъ огней керосина.

II.—Долина Акстафы и озеро Гокча.

Уже глубокою ночью вышли мы на станціи Акстафа, откуда идетъ почтовая дорога мимо озера Гокчи въ Эривань и Эчмиадзинъ. Вокзалъ просторный и удобный, такъ что оказалось возможнымъ не только хорошо поужинать гокчинскою форелью и

другими приличными яствами, но и отлично выспаться въ отдѣльныхъ комнатахъ, мужской и дамской, на широкихъ, мягкихъ диванахъ. Почтовый староста самъ является на вокзалъ въ ожиданіи проѣзжихъ, такъ что мы безъ всякаго затрудненія наняли помѣстительную четырехмѣстную коляску четверикомъ за 20 руб., вмѣстѣ съ прогонами, до станціи Семеновки, въ 92 верстахъ отъ Акстафы. Отъ Семеновки держать почту уже другой содержатель. Въ семь часовъ утра, напившись кофе, двинулись мы въ путь. Облачное утро было довольно прохладно, но когда ободнялось, и южное солнце выкатилось на расчищенное небо, стало совсѣмъ тепло, такъ что пришлось снять осеннія пальто.

Я не воображалъ, что долина Акстафы—сплошной альбомъ прекрасныхъ видовъ. Широкія лѣсныя пазухи, таинственно выглядывающія темныя ущелья, скалистые пики, купающіеся въ горячей синевѣ неба, живописные обрывы. Удивительно ласкается глазъ перспектива лѣсныхъ горъ, уходящихъ вдаль чередующимися грядами разнообразныхъ тоновъ, постепенно ослабѣвающихъ и замирающихъ наконецъ чуть виднымъ туманнымъ гребнемъ. Особенно прелестна лѣсная долина за станціей Караванъ-Сарай до станціи Чарсатойской. Вообще, дорогу эту нельзя назвать совсѣмъ пустынной: въ девяти верстахъ отъ Акстафы городокъ Казахъ съ нѣсколькими магазинами, съ люднымъ базаромъ, съ домами хотя и безкрышными, но уже съ большими, свѣтлыми окнами, а не съ щелочками, какъ въ обыкновенныхъ татарскихъ домахъ.

Караванъ-Сарай—преживописное мѣстечко, все въ зелени и въ скалахъ; много армянскихъ лавокъ и очевидно изрядная торговля. Тутъ управленіе чѣстничества, сберегательная касса, почтовое отдѣленіе,—тоже, стало быть, городокъ своего рода, гдѣ во всякомъ случаѣ живется удобнѣе, чѣмъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ. По дорогѣ, намъ на встрѣчу, впереди насъ и вслѣдъ за нами, двигаются во множествѣ огромныя молочанскія фуры, запряженныя четвериками лошадей на желѣзныхъ цѣпяхъ, всѣ раскрашенныя въ красно-зеленый цвѣтъ, полныя тюковъ, сундуковъ, бочекъ, перинъ, колесъ, мѣшковъ, корзинъ, мужчинъ, бабъ и дѣтей. Правятъ арбами хозяева, молочане,—все народъ здоровый, одѣтый въ обычные русскіе тулупы. Цѣлыми обозами, по пяти, по шести, тянутся онѣ однѣ за другими, но нѣтъ возможности объѣхать ихъ. Такія же фуры двигаются безъ конца и счета, какъ мы только-что видѣли, между Владикавказомъ и Тифлисомъ. Молоканинъ беретъ по 6 р. 25 к. съ сѣдока отъ

Владикавказ до Тифлиса и столько же—отъ Акстафы до Эривани. Съ товаровъ же онъ беретъ 25 к. за пудъ, наваливая въ свою крѣпко кованную арбу отъ 150 до 200 пудовъ. Молокане и духоборы—почти единственный элементъ кавказскаго населенія, который берется за перевозку товаровъ и поставляетъ на базары закавказскихъ городовъ необходимые сельскохозяйственные продукты. Безъ этихъ трудолюбивыхъ и предпримчивыхъ людей въ Закавказьѣ цивилизованному человѣку было бы очень трудно удовлетворять самымъ скромнымъ требованиямъ жизни. Одинъ изъ ученыхъ управляющихъ удѣльнаго вѣдомства, балтійскій нѣмецъ, г. В—къ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ котораго находится обширное удѣльное имѣніе въ 30.000 десятинъ, съ лѣсами, конскимъ заводомъ и большимъ скотоводствомъ, въ 150 верстахъ отъ Тифлиса, увѣрялъ меня, будто молкане, его сосѣди и обычные арендаторы земли, — большіе мошенники и далеко уступаютъ въ честности и нравственности духоборамъ, хотя и духоборы, по его отзыву, въ послѣднее время становятся пьяницами. Армяне—тоже большіе плуты, грузины—лѣнтяи и пустышники; татары, по отзыву г. В—ка, всѣхъ честнѣе, всегда твердо держатъ слово и отдають въ срокъ то, что должны. Признаюсь, если такая аттестація имѣетъ подъ собою дѣйствительное основаніе, то она не въ особенно выгодномъ свѣтѣ рисуетъ благодѣянія христіанской цивилизаціи варварской Азіи. Впрочемъ, отъ всѣхъ здѣшнихъ русскихъ слышаль о молканахъ отзывы гораздо болѣе благопріятные, какъ о добросовѣстныхъ и полезныхъ людяхъ.

Между Акстафою и Эриванью ходятъ и казенные почтовые дилижансы, не совсѣмъ, однако, удобные для непривычнаго чело-вѣка. Сѣдоки размѣщены въ нихъ по боковымъ лавочкамъ, лицомъ другъ противъ друга, бокомъ въ лошадей, и прикрыты кожею съ обѣихъ сторонъ.

Въ долинѣ Акстафы насъ поражали своею величиною громадные красавцы-дубы, растущіе здѣсь обыкновенно однимъ могучимъ букетомъ, чинары-великаны съ голымъ, сѣро-бѣлымъ, какъ кость, стволомъ въ два обхвата, исполинскіе грецкіе орѣхи и смоковницы и много другихъ южныхъ деревьевъ, съ которыми насъ давно ознакомили нашъ маленькій Крымъ. Даже плющъ, какъ въ Крыму, обвиваетъ, оклеиваетъ, будто обоями, и душитъ здѣсь деревья. Земля здѣсь—родъ свѣтло-коричневаго лѣса, мягкая, распаивается какъ пухъ первобытнымъ деревяннымъ плутомъ-крюкомъ, безъ кусочка желѣза, запряженнымъ двумя буйволами или волами. Но камни начинаютъ эту почву, какъ горохъ—пи-

рогъ, и безъ такого плуга-клина ихъ не было бы возможности выпахать: всякій иной плугъ разлетѣлся бы въ дребезги. Къ полянамъ вездѣ проведены оросительныя канавки. Живутъ здѣсь все армяне, черные, носатые, черноглазые, въ рыжихъ лохматыхъ шапкахъ грибомъ, въ какой-то оригинальной вязаной обуви, съ шнуровкою вверху, съ буйволовою кожею внизу. Деревенскія жилища ихъ совсѣмъ не важны и нисколько не живописны: сложенные изъ сырого кирпича мазаки съ земляными плоскими крышами, съ галлерейкой на столбикахъ впереди. Тѣ же татарскія сакли. Вездѣ только черные буйволы да ослики, быки очень рѣдки, лошадей почти не видно.

Долина производитъ вообще впечатлѣніе обилія и настоящаго юга. Осенній румянецъ въ своихъ разнообразныхъ перебивахъ, отъ червоннаго золота до темно-малиноваго цвѣта, еще больше усиливаетъ очарованіе горныхъ лѣсовъ и вмѣстѣ съ безпорочною лазурью неба сообщаетъ пейзажу какую-то особенную ласкающую душу мягкость. Я увѣренъ, что лѣтомъ лѣса эти не такъ красивы, какъ теперь, когда еще немногія деревья стали терять свой листъ, а большая часть ихъ внизу горъ еще густы и зелены, между тѣмъ какъ выше ихъ курчавыя шапки уже горятъ желто-красными огнями.

Поразительно красивыя мѣстности встрѣчаются за Караванъ-Сараемъ: острия пирамиды лѣсныхъ горъ слѣва, а справа — чудовищной величины волшебныя природныя замки изъ разноцвѣтныхъ скалъ и утесовъ, съ башнями, стѣнами, голыми обрывами, уходящіе изъ глубины лѣсной долины высоко къ небу; а изъ-за нихъ, надъ ними, другія, еще болѣе грозныя твердыни титановъ также поднимаются своими изгрызенными каменными зубцами. А то изъ-за курчавыхъ горбовъ и шапокъ, изъ-за величественной, широкой пирамиды, обросшей золотисто-бурыми лѣсами, къ груди которой прильнули, будто дѣтки къ матери, другія, меньшія пирамиды въ томъ же багряномъ уборѣ, — выплываетъ, будто выдвигающая декорація фееріи, ярко освѣщенная солнцемъ каменная стѣна какого-то бѣлорозоваго мрамора, задвигающая собою четверть горизонта и ярко выражающаяся на синемъ небѣ.

Я не знаю, добывается ли изъ этихъ красиво глядящихъ скалъ какой-нибудь цѣнный строительный матеріалъ, но въ равныхъ мѣстахъ астафинской долины мы встрѣчали пещеры и туннели, продѣланные въ подножьи каменныхъ громадъ, и доморощенные попытки копать мѣдную руду изъ какихъ-то синевато-зеленыхъ глинъ; а судя по ярко-красному цвѣту многихъ

мѣсть—въ этой долині можетъ оказаться и желѣзная руда. Известный ученый Дюбуа де-Монперё, путешествовавшій по Кавказу въ концѣ 20-хъ годовъ нашего столѣтія, сообщаетъ даже свѣдѣнія изъ древнихъ писателей о Кавказѣ, что въ долині Агстафы находили когда-то и золото.

Рѣдная мѣстность правилась мнѣ такъ своими свѣжими красотами, своимъ разнообразіемъ и прелестью, какъ эта нигѣмъ не расхваленная, почти не посѣщаемая путешественниками, стоверстная долина Агстафы. Будь она въ западной Европѣ, о ней давно бы протрубили уши туристамъ всякіе путеводители, фотографин и альбомы, ею бы ѣздили любоваться, какъ прославленными долинами Швейцаріи и Тироля.

Шоссе тутъ вездѣ бѣжитъ широко и полого, безъ крутыхъ подъёмовъ, безъ опасныхъ обрывовъ. Вездѣ на первомъ планѣ чудныя, рѣдкостныя деревья огромнаго роста. На голыхъ скалахъ и стѣнахъ торчатъ отвѣсно характерныя, словно свитыя изъ стальныхъ канатовъ, узловатыя туйи съ такою же сѣрою хвоєю, по виду совсѣмъ каменныя деревья, естественная поросль этой каменной почвы, съ которою они, кажется, сдѣланы изъ одного матеріала. Здѣсь, впрочемъ, всѣ вообще деревья чрезвычайно узловаты, съ огромными бородавчатыми наплывами, всѣ извиты и перекручены, словно ихъ ссучивала въ жгутъ чья-нибудь богатырская рука.

Деревни становятся очень рѣдки. Кое-гдѣ разсыяны грибами стожки сѣна, уставленные на деревянныхъ помостахъ аршина 2 и 2¹/₂ отъ земли, чаще всего между трехъ, четырехъ высокихъ дубовъ, чтобы не щипалъ ихъ скотъ, свободно бродящій по горнымъ лѣсамъ, и не сносили со скатовъ потоки дождевыхъ водъ.

Рѣка Агстафа, вся въ камняхъ и порогахъ, красиво вьется у подножіи этихъ живописныхъ лѣсныхъ стѣнъ... Югъ даетъ себя знать: уже самый конецъ октября, мы забрались теперь изрядно высоко, а все-таки совсѣмъ тепло, и снѣжокъ бѣлѣетъ только на очень высокихъ горахъ, выглядывающихъ своими макушками изъ-за лѣсныхъ горъ.

Мѣстечко Дилижанъ—въ родѣ маленькаго городка; ряды армянскихъ лавокъ, мельницы, почта, телеграфъ, сберегательная касса, много очень своеобразныхъ и красивыхъ деревянныхъ домовъ съ рѣзными галлереями въ два яруса, совсѣмъ новыя церкви и, вдобавокъ ко всему, внизу, у рѣчки—цѣлый отдѣльный городокъ каменныхъ корпусовъ—казармы ардаганскаго полка. Оттого, вѣрно, и такое обиліе капустниковъ по рѣчной

низинѣ. Дилижанъ—весь въ садахъ, въ купахъ деревьевъ, весь на скалахъ и обрывахъ; онъ напоминаетъ живописные нѣмецкіе городки, спрятанные въ лѣсныхъ ущельяхъ. Отсюда дорога уже идетъ по гораздо болѣе тѣнистому и суровому дилижанскому ущелью. Горы надвигаются ближе, кажутся выше и грознѣе; дорога забирается со дна долины, гдѣ до сихъ поръ она метала справа налево и слѣва направо свои длинныя, пологія петли, высоко наверхъ, черезъ чудные лѣса, надъ глухими зелеными пропастями. Вездѣ превосходные мосты и превосходное широкое шоссе, такъ что все время, до самаго перевала, на высотѣ 7.124 футовъ, коляска наша поднимается рысью. Впрочемъ, и самъ Дилижанъ лежитъ уже довольно высоко—4.200 футовъ надъ моремъ. Одно жалъ, что, несмотря на паровые катки, которые я видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ, свѣже-насыпанный щебень укатывается, главнымъ образомъ, не этими катками, а колесами злополучныхъ проѣзжихъ, что не мало затрудняетъ подъемъ и раздражаетъ нервы.

Мы выѣхали изъ Дилижана въ четыре часа дня, но солнце почти мгновенно провалилось за горы, какъ это обыкновенно бываетъ въ горныхъ странахъ, и насъ сразу охватили сумерки. Рогъ молодой луны, по счастью, поэтически глядѣлъ на насъ съ потускнѣвшаго свода неба, высоко надъ горами, и хотя немного освѣщаль намъ путь. Съ шести часовъ, однако, стало совсѣмъ смутно, и рѣзкіе завороты на всемъ разбѣгѣ тяжелой коляски надъ зіяющими кругомъ многоярусными безднами, края которыхъ скорѣе чуюлись, чѣмъ видѣлись въ облачныхъ туманахъ наступавшей ночи, — вызывали нѣсколько жутое чувство, тѣмъ больше, что далеко не надъ всѣми обрывами поставлены ряды каменныхъ столбовъ, оберегающихъ экипажъ отъ паденія въ пропасть. Красный огонекъ въ далекой лѣсной чащѣ преслѣдовалъ насъ, какъ подозрительный глазъ таинственнаго сторожа этихъ дикихъ дебрей, мигая намъ то высоко сверху, то вровень съ нами, то глубоко внизу, смотря по тому, спускалась ли или карабкалась вверхъ наша дорога. Снѣга тоже видны намъ сначала высоко и далеко надъ нашими головами, чуть не въ самыхъ небесахъ, потомъ глядятъ наравнѣ съ нами глазавъ-глаза, отдѣленные только темными провальями бездны, потомъ уже около насъ самихъ, а тамъ, смотришь, и гораздо ниже насъ, гдѣ-то на днѣ пропасти...

Петли шоссе здѣсь такъ часты и остры, что идутъ почти параллельно самимъ себѣ, чтобы смягчить и сдѣлать мало замѣтнымъ крутой подъемъ; кажется, будто по десяти разъ про-

дѣлываешь все одну и ту же дорогу и поминутно ѣдешь на встрѣчу самому себѣ.

— Какъ же вы тутъ зимою ѣздите, почту возите? — спросилъ я ямщика.

— Зимую тутъ дюже плохо! — отвѣчалъ бородачъ. — Снѣгу столько, что столбовъ не видно; въ метель или въ темную ночь, того и гляди, въ оврагъ свалишься, особливо въ тяжеломъ экипажѣ. Бываетъ, что и опрокидываются, и дорогу теряютъ; да и лѣтомъ, въ темныя ночи, тоже несчастья случаются.

— А насчетъ шалостей тоже, небось, частенько бываетъ?..

— Это вы про воровъ или разбойниковъ?.. Нѣтъ, Богъ милостивъ, насчетъ этого у насъ спокойно... Ѣздимъ же вотъ мы вѣждожденно въ одиночку, на обратныхъ, и въ ночи темныя, и въ непогоду; лежишь себѣ, спишь, — а ничего, никто не трогаетъ... Баловаться тутъ не балуются...

Спускъ съ перевала въ Семеновку очень короткій. Не успѣли оглянуться — очутились внизу. Почему-то здѣсь стало гораздо холоднѣе, чѣмъ наверху, такъ что пришлось укутаться, сверхъ пальто, еще въ плащъ. Вѣроятно, это объясняется болѣе открытою мѣстностью и близкимъ сосѣдствомъ громадной водной чаши озера Гокчи.

Комнату почтовой станціи, гдѣ отвели намъ ночлегъ, хотя она была и съ двойными окнами, пришлось, по нашему требованію, порядочно протопить, но филѣчатая дверь ея такъ слабо охраняла насъ отъ надворнаго холода, свободно проходившаго въ открытыя настежь сѣни, что въ срединѣ ночи спальня наша совсѣмъ остыла, и мы ничѣмъ не могли достаточно укрыться отъ холода, ворочаясь до разсвѣта на не особенно покойныхъ деревянныхъ диванахъ; въ тому же, вся эта просторная комната представляла изъ себя цѣлую сѣть правильныхъ мышинныхъ трактовъ изъ одной широко выгрызенной щели въ другую; эти официально признанныя ворота въ подпольное царство мышей и крысъ раскрывались не только въ углахъ комнатъ и въ плинтусахъ, но и за печью, и по срединѣ комнаты, и по срединѣ стѣнъ, на самыхъ разнообразныхъ высотахъ, такъ что можно было ожидать многолюднѣйшаго посѣщенія этими невинными тварями постелей нашихъ не только со всѣхъ сторонъ снизу, но еще и сверху... Поэтому, прежде чѣмъ лечь спать, мнѣ пришлось изощрять свою изобрѣтательность въ устройствѣ всевозможныхъ баррикадъ въ каждомъ изъ этихъ откровенныхъ отверстій для мышинаго набѣга, вслѣдствіе чего мы прослушали

ночью только непрерывную грызню и скребню въ стѣнахъ и подъ поломъ, но были, къ счастью, избавлены отъ непосредственныхъ сношеній этихъ милыхъ звѣрковъ съ нашими тѣлесами, простынями и одѣялами...

Поднялись утромъ,—снѣгъ вездѣ кругомъ; на всѣхъ горахъ, во всѣхъ впадинахъ, рвахъ и ямахъ. Облако, густое и туманное, сидѣло на Семеновкѣ, закрывая дали. Мы боялись, что не увидимъ по дорогѣ ровно ничего. Въ Семеновкѣ казакскій постъ, оберегающій перевалъ и сдерживающій весьма обычные въ этой странѣ разбои татаръ,—постъ земской стражи, почтовое отдѣленіе, сберегательная касса; живутъ тутъ частью армяне, но больше молокане.

— Каковъ этотъ народъ молокане?—спросилъ я сторожа-армянина, подававшего намъ утромъ самоваръ.

— Народъ честный, живутъ хорошо, обиды отъ нихъ—никакой,—отвѣчалъ сторожъ.—Вотъ татары,—тѣ воруютъ, когда приходятъ въ горы, на лѣтнія кочевья. Отъ нихъ и караулы ставятся. Казацкіе разъѣзды по дорогѣ разъѣзжаютъ. Между Дилижаномъ и Семеновкой ночами не безопасно тогда бываетъ; почту не иначе какъ съ конвоемъ казацкимъ отправляютъ, тоже и экипажи срочные, а на всѣхъ горахъ посты разставляютъ. Нижнія-Ахты есть мѣстечко неподалеку, такъ тамъ 200 пластуновъ постоянно живутъ, пока глубокіе снѣга не впадутъ, и ворами станетъ неудобно въ горахъ жить, въ лѣсахъ прятаться. Тоже и въ другихъ мѣстахъ есть команды пластунскія. А теперь ничего, безопасно по дорогѣ, татары давно ушли, въ лѣсахъ никого нѣтъ.

Такъ что наше зимнее путешествіе, въ сущности, вышло безопаснѣе лѣтняго, хотя почту на нашихъ глазахъ еще продолжаютъ провожать верховые казаки.

Какой-то торговецъ-армянинъ изъ ближайшаго мѣстечка попросился у насъ подвести его до слѣдующей станціи. Посадили его на козлы и стали съ нимъ бесѣдовать.

По его словамъ, молокане—люди честные и съ армянами живутъ ладно. Татары тоже съ ними не ссорятся, но изъ нихъ бываютъ воры и разбойники. Всѣ почти мѣстные товары перевозятъ въ своихъ фургонахъ молокане; у нихъ хорошія лошади и вся нужная справа. Фургонъ стоитъ не мало—отъ 350 до 400 рублей; отъ Эривани до Авестафы берутъ они 30 коп. съ пуда. Армяне же здѣшніе живутъ бѣдно; почти всѣ—однимъ земледѣліемъ занимаются. Торговля служитъ подспорьемъ только для немногихъ. Земля здѣшняя холодная, мало плодородна; сѣ-

ютъ больше пшеницу и ячмень, но родится не очень хорошо; зима долгая, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ; овецъ приходится перего-
нять далеко, на южные скаты горъ, гдѣ зима всего два мѣсяца.
Сѣно имъ даютъ только въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ
остальные—питаются подножнымъ кормомъ на пастбищахъ, от-
того падаетъ ихъ много. Откупаютъ еще рыбу въ Гокчѣ; пла-
тятъ 600—700 рублей за лиманъ (т.-е. одинъ изъ заливовъ
озера); продаютъ рыбу въ маѣ и іюнѣ по 1 р. 40 к., 1 р. 20 к.
и даже 80 коп. за пудъ; тогда ея ловится много, до 60-ти пу-
довъ въ день,—зато мелкая; а теперь она стоитъ по 4 руб. и
по 4 р. 50 к. за пудъ, потому что она крупная, и ея немного.

Мы ѣхали, окруженные бѣлымъ облакомъ, не видя ничего,
кромѣ своей коляски. Вдругъ пахнулъ откуда-то вѣтеръ, облако
сдуло съ дороги, какъ метлой паутину, и кругомъ засіялъ ясный
голубой день, пролившій въ мою душу неожиданную радость и
надежду. Передъ нами, глубоко внизу, засверкала, приподнятая
краями къ горизонту, синяя гладь громаднаго озера-моря съ ши-
роко расплесканнымъ по ней расплавленнымъ серебромъ сол-
нечнаго отраженія...

Сдутое вѣтромъ, облако лѣниво танулось по его поверхности,
курясь дымками тумана, къ тѣсному ущелью горъ.

Съ перваго взгляда озеро Гокча смахиваетъ на Мертвое
море; кругомъ его—такія же бесплодныя, мало живописныя горы,
въ родѣ Моавійскихъ, окружающія цѣпью водную чашу Гокчи,
словно застывшія бурныя волны; только здѣсь горы придвинулись
ближе, не такъ ужъ пустынно и присыпаны бѣлымъ снѣжкомъ,
о которомъ, разумѣется, не имѣетъ понятія раскаленная страна
Содома и Гоморры...

У самаго берега озера прячется бѣдная армянская деревня
Чубухлы, изъ которой и былъ нашъ случайный спутникъ. Не
дома, а какія-то пещеры изъ дикаго камня, безъ оконъ, съ одною
дверью; земляныя крыши плоскою горбушкою или пологимъ кур-
ганчикомъ; скотъ загоняется въ такія же темныя хлѣва, какъ и
люди; работать тамъ нельзя, видѣть ничего нельзя,—настоящая
звѣриная нора отъ дождя и холода. Тутъ же на крышахъ и
гумно: свалены безпорядочною кучею ячмень, пшеница, въ родѣ
неопрятныхъ стожекъ сѣна; у хаты оригинальныя пирамиды
кизяку, обмазанныя снаружи засохшимъ пометомъ съ грязью,
чтобы это вонючее топливо не портилось отъ дождей и не раз-
сыпалось отъ жара. Эти черныя пирамиды придаютъ очень свое-
образный и, вмѣстѣ, унылый видъ всѣмъ здѣшнимъ армянскимъ
деревушкамъ. Внутри хаты—та же грязь, то же отсутствіе вся-

кихъ удобствъ, всякой человѣческой потребности: вмѣсто печи—громадный глиняный кувшинъ въ землѣ, который хорошенько растопятъ и нагрѣютъ, потомъ хозяйка ловко обмажетъ размѣшаннымъ пшеничнымъ тѣстомъ его горячія стѣнки, и черезъ секунду съ этихъ стѣнокъ стягивается огромный мягкій блинъ, тонкій какъ листъ бумаги,—ловашъ, который у жителей Кавказа служить не только хлѣбомъ, но и тарелкою, и салфеткою, и оберточною бумагою. На хатахъ никакихъ трубъ, а только черныя дырѣя въ крышѣ, да рѣдко окраекъ изъ той же земли, среди котораго вѣетъ пасть печи. Кругомъ жилья—ни кустика, ни деревца, ни дворовъ, ни огородовъ. Безотрадное и жалкое впечатлѣніе человѣческаго безсилія и униженія! Здѣсь армяне и армянки ходятъ какъ татары: женщины обвязываютъ платками нижнюю часть лица и головы, а инны покрываютъ и все лицо; одѣваются въ тѣ же пестрые бешметы, фартуки, шаровары, съ головы спускаютъ множество заплетенныхъ косичекъ и такъ же оборваны и грязны, какъ татарки или цыганки.

Прекрасное шоссе, съ столбиками по краямъ, вьется вверхъ по обрывистому берегу на очень изрядную высоту. Приученныя почтовые лошади взбирались, однако, вверхъ не только скорою рысью, но даже и во весь духъ, такъ что, казалось, мы влетаемъ на гору на крыльяхъ птицы. Но такой удобный въѣздъ на горный берегъ Гокчи явился только недавно, съ проведеніемъ шоссе. До того же времени въ обрывахъ Гокчи частенько ломали себѣ шеи и люди, и лошади. Особенно въ зимнее время было опасно ѣхать этимъ крутымъ берегомъ: вьюги наносили обыкновенно на берегъ страшные снѣговые сугробы, и они смерзались, образуя скатъ къ озеру, куда и летѣли нерѣдко закатившіеся возы и сани съ товарами. Увѣряютъ, будто и молokane сосѣдней Еленовки, съ своей стороны, помогали иногда въ ненастные зимнія ночи этимъ неожиданнымъ путешествіямъ армянскихъ „черводаровъ“ (товарныхъ извозчиковъ) въ пучины „Синяго озера“, послѣ того какъ возы ихъ облегчались отъ самыхъ цѣнныхъ товаровъ.

Мы теперь на 7.124 фута выше поверхности моря. Съ высоты берега еще лучше виденъ намъ весь пустынный просторъ горнаго озера съ его темно-синюю зыбью и ровною, будто по линейкѣ отрѣзанною чертою противоположнаго берега, обрывающагося въ волны озера неприступными, безлюдными кручами, безъ малѣйшаго жилья и кустика.

А на первомъ планѣ, у ногъ нашихъ,—мощные выступы тя-

желой пятой въ то же озеро другихъ, еще болѣе отвѣсныхъ кручъ, по которымъ бѣжить наша дорога.

Чувствуешь себя словно на какой-то радостной и беззаботной прогулѣ, катаясь свѣжимъ утромъ въ покойной коляскѣ надъ этими живописными водными безднами.

На одиннадцатой верстѣ панорама озера вдругъ разомъ сильно расширяется. Уже конца его теперь не видно, будто настоящее море. Боковыя горы тоже вдругъ отступаютъ въ туманы дали; справа вырисовывается отчетливо и ярко на синемъ небѣ снѣговая цѣпь Котахъ-Кая, и залитая огнями солнца скатерть водъ колышется вездѣ, куда хватаетъ глазъ, міриадами своихъ трепещущихъ влажныхъ чешуй... У ногъ нашихъ, по срединѣ освѣщеннаго озера, вырѣзаются темные силуэты романтически-живописнаго скалистаго островка Севанги, съ типическими островерхими башнями его древнихъ церквей, словно спланныхъ съ храмовъ Мцхета.

Этотъ „Сев-ванкъ“, или „черный монастырь“ — одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ и археологическихъ памятниковъ Арменіи. Онъ построенъ, по преданію, еще св. Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, и по его имени самое озеро Гокча (Гёкъ-чай, „синяя вода“ — по-татарски) называлось въ древности, да зовется часто и теперь, озеромъ Севанга. Въ этомъ когда-то неприступномъ крѣпости-монастырѣ спасались отъ опасности армянскіе цари и патріархи, сохранялись подолгу царскія и церковныя сокровища и даже эчміадзинскія святыни. Сюда же обыкновенно ссылали на покаяніе и исправленіе и заточали въ темницы впавшихъ въ немилость духовныхъ лицъ; потому севангскій монастырь всегда славился строгимъ пустынножительствомъ и великими подвижниками иночества. Въ эту минуту историческій „черный монастырь“, загораживающій собою солнечную сторону, смотреть, дѣйствительно, чернымъ и мрачнымъ, какъ схи́ма, какъ темница, какъ самое подобающее мѣсто покаянія и кары... На немъ въ настоящее время два монастыря: одинъ — на темени скалы, типическій, живописный, дышащій сѣдиною вѣковъ и сливающійся цвѣтомъ своихъ камней съ цвѣтомъ скалъ, на которыхъ онъ стоитъ, — теперь почти упраздненъ по ветхости своей. Другой — внизу, значительно новѣе, уже въ зелени садовъ, у самой пристани острова.

— Монастырь очень богатый и старинный, — объяснилъ намъ спутникъ-армянинъ. — На праздники сходится столько народу, что дѣться некуда. А монаховъ — всего семь. Скота у нихъ много, рыбы, садъ есть большой яблочный, виноградникъ,

огороды... Только не здѣсь, не на островѣ. Вѣдь монастырю принадлежать и на берегу, въ разныхъ мѣстахъ, земли и дома.

Онъ сейчасъ же указалъ намъ, съ версту за монастыремъ, далеко выступающій въ море мысъ, съ нѣсколькими домиками и деревьями на перешейкѣ.

— Вотъ это ихъ мѣсто и пристань рыбная,—говорилъ армянинъ. — Вонъ, видите, деревня маленькая, сейчасъ около мыса — Цама-Копертъ; это тоже на ихъ землѣ, деньги имъ платять.

Парусная монастырская лодка, поддерживающая постоянное сообщеніе съ островомъ, причалила въ эту минуту въ пристани маленькой бухты и высадила кучку народа.

Мы повернули рѣзко направо, мимо Цама-Копертъ, съ ея черными пирамидами кизяка и слѣпыми земляными порами, уставленными наверху стожками, вдоль большого залива озера Гокчи.

Тутъ уже мѣстность гораздо оживленнѣе и разнообразнѣе: множество бухточекъ, косъ и полуострововъ, рыбацкія лодки на водѣ, селенія по берегамъ.

Мы подъѣзжаемъ къ селу Еленовѣ, сплошь заселенному сектантами разныхъ толковъ. Тутъ же почтовая станція и посейная застава, тутъ почтовое отдѣленіе и постъ земской стражи. Мѣстечко большое, хорошіе дома изъ тесанныхъ камней, съ свѣтлыми городскими окнами, богатія хозяйства. Буфетъ на станціи оказался изрядный: свѣжая говячійская форель, которою это озеро славится по всему Кавказу, яйца, сыръ, мѣстное вино. За все угощеніе съ насъ обоихъ взяли только 1 р. 10 в. Форель и вообще рыбная ловля—главное богатство этихъ мѣстъ. Все здѣшнее крестьянство—сплошные рыбаки. Гокча не только поить ихъ, но и кормить. Эта громадная водная чаша, поднятая на высоту 7.124 футовъ, залившая собою полторы тысячи квадратныхъ верстъ, имѣющая 66 верстъ длины, 30—ширины и 220 верстъ въ окружности,—въ то же время драгоцѣнный рыбный садокъ, обилія котораго не успѣли въ конецъ истощить десятки вѣковъ самаго неблагоприятнаго людского хищничества. Этимъ озеро, быть можетъ, обязано необыкновенной глубинѣ многихъ своихъ мѣстъ, недоступной никакимъ неводамъ. Въ серединѣ его попадаются иногда глубины въ 100 и даже 250 сажень.

Въ Гокчѣ водится главнымъ образомъ форель различныхъ видовъ и гораздо болѣе дешевая и менѣе вкусная рыба-храмуля. Ловля рыбы сдается казною въ откупъ за нѣсколько де-

сятковъ тысячъ рублей ежегодно, для чего все озеро разбито на участки по отдѣльнымъ лиманамъ. Въ послѣднее время, какъ и вездѣ, количество рыбы въ Гокчѣ значительно уменьшилось; старики еще помнятъ время, когда нельзя было зачерпнуть кувшина воды въ озерѣ безъ того, чтобы въ него не попала маленькая рыбешка, а теперь случается, что и не попадаетъ ничего въ цѣлую тоню.

Быть можетъ, это уменьшеніе рыбы зависитъ не только отъ хищническихъ приѣмовъ рыбаковъ, но и отъ постоянного уменьшенія воды въ озерѣ, уровень котораго понижается очень замѣтно. Нѣкоторыя мѣстности, недавно еще лежавшія у самой воды, теперь удалились отъ нея на порядочное разстояніе, а мысы противоположныхъ береговъ отъ этого пониженія уровня водъ все болѣе сближаются между собою, и въ самомъ узкомъ мѣстѣ озера грозятъ даже, съ теченіемъ времени, передѣлить его на два озера.

При завоеваніи армянской области Россією, въ Гокчу впадало, по исчисленію Шопена, 36 рѣчекъ, а уже въ 1879 году специальная коммиссія, разслѣдовавшая состояніе рыболовства въ Гокчѣ, насчитала только 25 рѣчекъ, да и тѣ, по показанію жителей, сильно обмелѣли. Рѣка Занга, составляющая собою единственный истокъ озера Гокчи въ рѣку Араксъ, точно также стала значительно мельче, такъ что въ 1875 г. жители вынуждены были прорыть глубже ея верховье, чтобы воды озера могли по прежнему протекать въ русло рѣки.

Такъ какъ, по убѣжденію геологовъ, озеро Гокча наливаетъ собою кратеръ громаднаго потухшаго вулкана, и вся окрестная страна носить несомнѣнные признаки вулканическаго происхожденія, то помимо истребленія горныхъ лѣсовъ по берегамъ озера, служащаго вездѣ обычною причиною обмелѣнія водъ, его можно еще объяснить существованіемъ подземныхъ пустотъ и проходовъ въ нѣдрахъ стараго вулкана. Вѣроятно, отъ вулканическаго характера почвы зависитъ и прекрасный вкусъ гокчинской воды, вполне замѣняющей хорошую ключевую воду, и ея необыкновенная прозрачность, позволяющая рассмотреть каждый камешекъ дна ея на глубинѣ 7 и 8 сажень.

Суровыя окрестности Гокчи, цѣлые полгода покрыты снѣгомъ, издавна служатъ мѣстомъ ссылки изъ внутренней Россіи такъ называемыхъ „вредныхъ сектъ“. Семеновка, Еленовка, Никитино, Константиновка, с. Ахты, Сухой-Фонтанъ—вотъ глав-

ныя гнѣзда здѣшняго молоканства, прыгунства и субботничества. Молоканѣ стали ссылать сюда лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ; они сами выбрали себѣ эти холодныя горныя равнины, климатомъ своимъ напоминавшія имъ родную Русь, и въ то же время богатныя водами, пастбищами, лѣсами и тучною почвою, способною родить пшеницу, коноплю, ленъ и всякіе хлѣба. Сектантамъ не пришлось, какъ другимъ переселенцамъ съ сѣвера на югъ, разставаться здѣсь съ валенками, полушубками и теплыми шапками, не пришлось забывать саней-розвальней, пріучаться къ непривычной поливкѣ полей или къ аршинной перекопкѣ земли подъ виноградники. Они предпочли невѣдомому для нихъ рису и винограду южныхъ низинъ давно знакомое обыкновенное полевое и луговое хозяйство, тѣмъ болѣе, что ихъ законъ, все равно, запрещалъ имъ пить вино, а родимая гречневая каша казалась имъ много вкуснѣе татарскаго плова. Сектанты переселили такимъ образомъ на далекое армянское плоскогорье Севанги непочатую и неподдѣльную матушку-Русь со всѣми ея привычками домовитаго хозяйства, неповладнаго труда, непобѣдимаго терпѣнія и выносливости. Среди сплошнаго моря татарщины и армянщины появились многолюдные оазисы самобытной и крѣпкой русской силы, которая скоро внесла въ мѣстную жизнь, въ хозяйство и обычаи страны, много своего, русскаго. Сила эта развернулась здѣсь шире, чѣмъ на родинѣ, потому что здѣсь никто уже не стѣснялъ свободныхъ проявленій духовной жизни народа; „публичное оказательство раскола“, строго преслѣдовавшееся на родинѣ, въ воронежской, тамбовской или саратовской губерніи, здѣсь, среди инوѣрцевъ, не представлялось уже опаснымъ ни правительству, ни духовенству, и хотя формально было запрещено и на новыхъ мѣстахъ переселенія, но уже на-лицо не было тутъ ни ближайше заинтересованнаго въ дѣлѣ приходскаго священника, ни становаго пристава, призваннаго уставомъ благочинія охранять чистоту православія въ народѣ.

Предоставленные сами себѣ, сплоченные въ многолюдное общество распоряженіями правительства, молокане, и безъ того наклонные къ мистицизму и внутренней жизни духа, продолжали все глубже и дальше вдаваться въ умствованія, непосильныя для ихъ непросвѣщеннаго ума, и мало-по-малу выдѣлились изъ себя новый толкъ „прыгуновъ“, особенно усердныхъ „ревнителей истинной и чистой вѣры“, постившихся и молившихся въ своихъ ночныхъ радѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока на нихъ не „сходилъ духъ“, по ихъ убѣжденію, отчего они начинали судорожно двигать руками и ногами, раскачиваться, ѣрзать по

лавкѣ, притоптывать ногами, подпрыгивать сначала сидя, а потомъ стоя, и наконецъ сказать въ неистовой пляскѣ до измора, до обморока, грохаясь со всѣхъ ногъ на полъ...

Въ эти минуты призванники, „удостоенные духа“, начинали пророчествовать и импровизировать стихами, при благоговѣйномъ вниманіи слушателей.

Максимъ Рудометкинъ, житель с. Никитина, сосланный потомъ въ Соловецкій монастырь, былъ однимъ изъ родоначальниковъ и самыхъ уважаемыхъ пророковъ здѣшняго прыгунства. Его духовныя пѣсни поются до сихъ поръ на собраніяхъ прыгуновъ говчинскаго плоскогорья, и слава его стоитъ высоко среди сектантовъ, несмотря на то, что на ихъ глазахъ не осуществилось ни одно изъ трехъ пророчествъ Максима о наступленіи въ такой-то и такой-то опредѣленный имъ день страстно ожидаемаго прыгунами „тысячелѣтняго царствованія“, когда прыгуны станутъ господами, а прочіе люди — рабами ихъ.

Въ свою очередь, прыгунство не остановилось на выработанныхъ имъ формахъ богомоленія, а мало-по-малу стало переходить въ субботничество; прыгуны стали давать своимъ новорожденнымъ младенцамъ древне-еврейскія имена, праздновать еврейскіе праздники, уклоняясь отъ празднованія воскресенья; стали считать „жертвоприношеніемъ“ — всякое рѣзанье быка, теленка или барана.

Несмотря, однако, на полное отрицаніе православія, молококане, прыгуны и субботники вовсе не проповѣдуютъ вражды противъ властей или неповиновенія имъ. Они не думаютъ отрицать государственную власть, а напротивъ того, стараются какъ можно исправнѣе выполнять всѣ свои мірскія обязанности, отбывать повинности, платить подати и проч.

Въ послѣднюю войну отъ нихъ поступило много пожертвованій разнаго рода, а въ 1871 г., при посѣщеніи императоромъ Александромъ II Тифлиса, прыгуны даже хлопотали о поднесеніи государю своего вѣрноподанническаго привѣтствія въ стихотворной формѣ, сочиненнаго однимъ изъ ихъ начетчиковъ, Василіемъ Шубиннымъ:

„Богъ сятославенъ и великъ
Славить Царя намъ велить!
Самъ Богъ изъ славы своей
Удѣлил Царю въ жизни сей.
Императоръ великій Царь,
Всей Россіи Государь,
Помазанникъ Божій, отецъ нашъ!

Мы готовы на всѣ жертвы за васъ.
 Ополчаться противъ враговъ
 За Царя русскій народъ готовъ.
 Мы вѣрнопопдаанные вамъ,
 А Ты самодержецъ всѣмъ намъ.
 За милость Царя мы хвалимъ
 И всѣхъ благъ ему желаемъ
 Навсегда, чтобы Господь Богъ
 Хранилъ Его отъ враговъ,
 А въ будущей жизни вѣчной
 Быть въ блаженствѣ безконечной", и т. д.

Пѣсня эта распѣвается, говорить, и теперь въ собраніяхъ прыгуновъ.

Въ прыгунскомъ кодексѣ вѣры, называемомъ „обрядъ“, также есть глава о царѣ, въ которой выражены тѣ же вѣрнопопдааннческія чувства, какъ сообщаютъ изслѣдователи этого толка. Это не мѣшало, впрочемъ, хитрому вождю прыгуновъ, Максиму Рудометкину, объявлять себя „духовнымъ царемъ“ своего „духовнаго царства“, которымъ онъ управлялъ самымъ деспотическимъ и въ то же время грубо-корыстнымъ образомъ. Онъ прогналъ свою старую жену и взялъ вмѣсто нея двухъ красивыхъ дѣвушекъ подъ титуломъ „духовныхъ женъ“, а когда одна изъ нихъ надоѣла ему, то перемѣнилъ ее на другую, молоденькую „отогрѣвательницу“, увѣряя своихъ наивныхъ послѣдователей, будто онъ ни въ какой плотскій союзъ съ ними не вступаетъ, а во время торжественныхъ путешествій по своему царству въ сопутствіи своихъ приближенныхъ и духовныхъ царицъ,—причемъ всегда носилось расшитое мистическими надписями „духовное царское знамя“,—Рудометкинъ и свита его не стѣснялись сообщать свою „духовную благодать“ женамъ своихъ послѣдователей, въ упованіи, что отъ какой-нибудь изъ нихъ родится „сѣмя богородное“.

Этотъ самодѣльный „духовный царь“ обложилъ своихъ слѣпнотствующихъ подданныхъ такою же „десятиною“, какою облагали когда-то мірянъ средневѣковые католическіе аббаты, заставлялъ своихъ вѣрныхъ обильно угощать себя и свиту свою, безпощадно таскалъ ихъ за волосы, внушая покаяніе, и раздавалъ награды разныхъ степеней въ видѣ недорого стоившихъ ему круглыхъ и трехугольных „печатей“, ситцевыхъ платковъ съ мистическою мѣткою и мишурныхъ поясовъ.

Немудрено, что, при такихъ поведеніяхъ этого лукаваго прыгунскаго вождя, онъ обратилъ на себя вниманіе властей и далъ имъ поводъ хлопотать о его ссылкѣ въ Соловецкій монастырь.

Въ глазахъ прыгуновъ ссылка эта еще больше подняла

безъ того огромный авторитетъ Максима Рудометкина, и изъ простого никитинскаго мужика онъ мало-по-малу превратился въ „батюшку соловецкаго мученика Максима Гаврилыча“.

Въ 1867 г., никитинцы отправили къ нему тайнаго посланца Василя Ѳедорова съ письмомъ, въ которомъ просили у Рудометкина духовныхъ наставленій всякаго рода и разрѣшенія возникшихъ между ними обрядныхъ недоумѣній. Посланцу собрали 300 рублей и еще особенную сумму для подкупа властей. Полиція задержала Ѳедорова уже въ Архангельскѣ, куда онъ успѣлъ пробраться съ фальшивымъ паспортомъ изъ г. Ленкорана черезъ всю Россійскую имперію. Подъ свитвою на немъ оказалась голубая лента черезъ плечо съ вышитою надписью: „проповѣдникъ мира града восточной страны Россіи“; у него нашли также указъ 1805 г. о разрѣшеніи молоканамъ свободнаго исповѣданія ихъ ученія, „грамоту на проповѣдничество“ и письмо никитинцевъ къ Максиму.

И долго, говорятъ, на прыгунскихъ собраніяхъ поминали Максима Гавриловича и даже пѣли ему многолѣтіе.

Молокане и прыгуны, населяющіе плоскогорье Говчи по дорогѣ въ Эривань, то-есть, такъ называемую „Долину цѣтвъ“, вообще держатъ себя тихо, покорно и большею частью довольны своею участію. Но великое имъ горе и глубокая обида наступаетъ въ лѣтнее время, когда въ одинъ изъ самыхъ крѣпкихъ центровъ сектантства, с. Константиновку, лежащую въ ущельѣ недалеко отъ почтовой дороги, переселится весь официальный городъ Эривань, положительно необитаемый въ лѣтніе мѣсяцы по причинѣ невыносимой жары и неисчислимыхъ мириадъ комаровъ. Въ Константиновку, величаемую мѣстными армянами Дара-чи-чагъ, ежегодно перекочевываютъ на лѣто губернаторъ и всѣ губернскія власти со своими канцеляріями, окружной судъ, почта, банки и проч.

Подъ квартиры ихъ отводятся дома сектантовъ; на перевозку властей и вещей ихъ требуются во множествѣ сектантскіе фургоны. Въ глазахъ прыгуновъ и молоканъ это неотвратимое ниваками молитвами ежегодное нашествіе „идолопоклонниковъ“ и „иконниковъ“ надолго оскверняетъ ихъ жилища. Начнутъ они у нихъ курить „мерзкую траву табаку“, пить вино, поминать за каждымъ словомъ чорта, или, по ихнему „чернаго“, жрать зайчину, свинину и всякую нечисть, воспрещенную заповѣдью Божьею. Приходится старательно прятать отъ нечистыхъ устъ и нечистыхъ рукъ кадучки, кувшины, горшки, приходится уходить Богъ знаетъ въ какія потаенныя мѣста, чтобы скрыть отъ нихъ

свои молитвенныя сѣборища. А то „иконники“ — большіе охотники подглядывать въ окна ихъ моленъ и заводить съ ними непутячіе разговоры объ ихъ вѣрѣ и обрядахъ.

Странная эта „Долина цвѣтовъ“! Въ насмѣшку что-ли назвали ее такъ? Увѣряютъ, однако, не въ шутку, будто весною она обращается въ сплошную коверъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ. Не смѣю спорить, но по крайней мѣрѣ въ теперешнемъ своемъ видѣ это скорѣе какая-то „Юдоль плачевная“, безотрадная „равнина камней“, а ужъ никакъ не „долина цвѣтовъ“.

Какъ только мы отодвинулись отъ озера, насъ охватила кругомъ сухая, бурая степь съ побитыми морозомъ и потравленными скотомъ скудными зелеными, съ взбуравленной черною пахотою, съ хаосомъ вездѣ разбросанныхъ камней, упрямо выпирающихъ изъ земли. Въ сторонѣ — такія же голыя, такія же бурыя горы поднимаются словно окаменѣвшія волны. Въ этой своеобразной мѣстности, сухой и горячей, чувствуется еще недавно остывшая лава вулкана. Земля вездѣ тутъ вспучилась холмами, волнами, каменными волдырями. На каждомъ шагу курганчики въ видѣ сопокъ, — такъ называемые здѣсь „каменники“, — изъ которыхъ, какъ беспорядочно скученные гвозди, торчатъ во всѣ стороны то черные, то зеленоватые камни, словно внутреннія силы земли тяжело пробиваются сквозь эти опухоли почвы осколками своихъ раздробленныхъ костей. Всѣ эти камни поздраваты какъ туфъ, и, глядя на нихъ, никто не усомнится, что это дѣйствительно шлаки потухшаго вулкана. Могучіе вздохи горячаго ядра земного, поднявшіе нѣкогда справа отъ насъ снѣговой Алагёзъ, прямо передъ нами громаду Арарата, и провалившіе сзади насъ неохватную воронку озера Гокчи, въ 97 сажень глубины, — отозвались и на цѣлой окрестности. Замѣчательно, что въ этой мрачной равнинѣ все черно. Черенъ щебень, которымъ мостятъ шоссе, черны холмы и горы, черна какъ щигровскій черноземъ распаханная земля, черны всѣ безъ исключенія и пасущіяся здѣсь овцы, точно также какъ намъ попадались исключительно бѣлыя овцы въ мѣстахъ, гдѣ шоссе были засыпаны бѣлымъ щебнемъ, и скалы были бѣлыя.

За Еленовкою въ первый разъ передъ нами встало въ знойныхъ туманахъ дали безплотное видѣніе священной горы Ноевой. Но изъ такой дали Араратъ скорѣе чувствуется, чѣмъ видится.

Везутъ насъ, однако, такъ хорошо, что версты мелькаютъ

за верстами, и по мѣрѣ движенія нашего впередъ все осязательнѣе, все плотнѣе, все ярче и величественнѣе начинаютъ вырѣзаться въ кружевѣ далекихъ облаковъ маститыя пирамиды Арарата...

Дорога здѣсь очень оживлена. Поминутно встрѣчаются арбы и фургоны, нагруженные товарами, дилижансы и почтовые тройки, сопровождаемые верховыми земскими стражниками.

Вотъ и станція Нижнія-Ахты, — тоже одно изъ гнѣздъ молоканства. Все это уѣздъ Новаго-Баязета, который лежитъ верстахъ въ 35 отъ дороги, недалеко отъ берега Гокчи. Въ Нижнихъ-Ахтахъ — мировой судья, участковый начальникъ, тюрьма и разныя другія правительственныя учрежденія. Сначала тянутся каменные безглазые конуры армянъ, а потомъ большіе краснокрышіе дома молоканъ съ уютными хозяйственными дворами. Въ нихъ квартируютъ и всѣ мѣстные чиновники.

Я разговорился съ молодымъ чиновникомъ, завѣдующимъ на станціи почтовымъ отдѣленіемъ.

— Здѣшніе молокане очень трезвы, — сообщилъ онъ мнѣ, — найдется, можетъ быть, на все населеніе 2—3 пьющихъ, а вотъ въ Еленовѣ, какъ я слышалъ, пьянствуютъ. Тридцать лѣтъ назадъ пришли сюда совсѣмъ голые, въ кибиткахъ жили, а теперь у всякаго фургоны, лошади, скотъ, дома, деньги. Хозяйничаютъ отлично, навозъ покупаютъ у татаръ и армянъ, даютъ сначала скоту и птицѣ, потомъ дѣлаютъ изъ него кизякъ для топлива, остальной на поле. Оттого ихъ земли даютъ вдвое противъ армянскихъ. Къ тому же здѣшнія поля безъ камней, сплошь удобныя. Воздухъ Ахты считается самымъ здоровымъ во всей эриванской губерніи. Дара-чичагъ всего вѣдь въ семи верстахъ отсюда; тотъ на горѣ, въ лѣскахъ; тамъ еще прохладнѣе и здоровѣе. Оттого и переселяются туда каждое лѣто всѣ эриванскія власти.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

XV *).

Вѣра долгое время шла быстрой, смѣлой, твердой походкой, шла не задумываясь и не оглядываясь, шла впередъ и впередъ, какъ будто эта дорога была ей знакома.

„Вотъ,—думала она,—мостикъ, черезъ который мы проѣзжали. Теперь уже немного верстъ осталось до Лакушина, а за нимъ тотчасъ же будетъ и Немировка“... И она шла впередъ, не останавливаясь.

День ясный и холодный разливался по лѣсу. Деревья выходили изъ окутавшаго ихъ тумана. Планъ за планомъ ясно и твердо вырѣзывались передъ глазами Вѣры, и она шла безостановочно.

Маленькія лужицы замерзли, и льдомъ затянуло небольшія канавки. Въ нихъ скопилась какая-то мутная, желтоватая вода, и эта вода также замерзла, какъ будто раздулась или разбухла и образовала маленькіе бугры.

Какой-то мужичокъ встрѣтился ей. Онъ ѣхалъ на ропускахъ и погонялъ лошадку, морда которой вся покрылась инеемъ.

„Спросить его, таеъ ли я иду?—думала Вѣра.—Нѣтъ! За-чѣмъ? Я сама вижу, что иду вѣрно“.

Цѣлыя стаи галокъ поднимались съ дороги и, каркая, отлетали въ сторону.

Солнце всходило выше и выше.

---

*) См. выше: апр., 603 стр.

Вѣра посмотрѣла на маленькіе часики. Было половина восьмого.

Ей попался цѣлый обозъ. Везли что-то громоздкое; тяжелые возы были укутаны рогожами, изъ которыхъ выглядывали какія-то трубы.

Такъ шла Вѣра около двухъ часовъ. Голова ея начала кружиться отъ усталости и отъ голода.

Она тихонько опустилась на землю, подъ старой елью, и только тутъ почувствовала, какъ сильно она устала.

„Это отъ непривычки ходить“,—думала она.

Но только стоило ей вернуться въ своихъ мысляхъ въ цѣли своего путешествія, какъ внезапная бодрость являлась въ душѣ и вся усталость исчезала безслѣдно.

Она снова поднялась и пошла впередъ.

Прошло еще около часа.

Голова ея снова закружилась. Лѣсъ порѣдѣлъ и кончился. Передъ ней открылась какая-то деревушка.— „Это Лакушино,—сообразила она,—но только странно, что-то не похоже на него“.

Лакушино была маленькая деревушка въ десять дворовъ, а это—большое селеніе съ деревянной церковью.

Какая-то баба въ обдерганномъ тулупчикѣ плелась ей на встрѣчу.

— Тетушка,—обратилась къ ней Вѣра. — Это будетъ Лакушино?

— Нѣтъ, родная, какò это Лакушино! Это будетъ Переверзево... Лакушино—въ той сторонѣ. Во-онъ гдѣ!—И баба указала, въ какой сторонѣ было Лакушино.—До него отсель будетъ верстъ пятнадцать, а то и всѣ двадцать будутъ. Да ты куда же, дѣвушка, идешь-то?

— Мнѣ надо въ Немировку.

— Такъ, дѣвонька, такъ... Отъ Немировки-то до Лакушина рукой подать. Тамъ и четырехъ верстъ не будетъ... Только ты неладно идешь... нѣтъ, не ладно.

— Какъ же мнѣ быть? —спросила Вѣра съ недоумѣніемъ.

— А вотъ стой, моя красавица. Пойдемъ вмѣстѣ. Я те доведу до поворота. Тамъ ты будешь на пути въ Лакушино, а здѣсь ты не пройдешь. Нѣтъ... Ты идешь въ Лакушино, а оно-то все далѣе да далѣе отъ тебя будто уходитъ.

— А далеко до поворота?—спросила Вѣра.

— А не знаю, сколько... Верстъ десятокъ, али поболѣ.

Силы Вѣры совсѣмъ были истощены. Она совсѣмъ поблѣд-

нѣла. Неудача на первыхъ же порахъ отняла у нея всю бодрость.

— Да къ кому же ты идешь въ Немировку-то, болѣзная моя?—спросила баба.

Вѣра не вдругъ отвѣтила.

— Иду, тетушка, къ доктору...

— А-а! Значить, къ самому помѣщику-то... Да, говорятъ, очень хорошій докторъ... Третьяго года у меня захворала внученка... Такъ мнѣ посовѣтовали къ ему идти... Взяла я внученку и понесла... а внученка-то, слышь, совсѣмъ разнемоглась... синя, на-синя лежитъ и сипитъ... Просто умираетъ... Велѣлъ ее раскутать... А дѣвочка лежитъ и глядитъ на него... Таково пристально... А у него глазищи-то такі востры, ровно у цыгана... Такъ и бѣгаютъ... Поглядѣлъ онъ, матушка моя, на нее... И затихла моя дѣвочка... Лежитъ, глядитъ на него... У насъ, знаешь, такъ его и зовутъ всѣ: „цыганскій докторъ“... Коли занемогла,—„куда-моль идешь?“—„къ цыганскому доктору“...—и баба махнула рукой.—Да что ты, болѣзная моя... какъ на видъ-то сумнительна... Или тебѣ ужъ очень немочно?.. Лечиться, что-ль, къ нему?..

— Да. Лечиться...

— Онъ те поможетъ, непременно поможетъ... Я такъ же маялась животомъ... Сразу, дѣвушка, помогъ... Поглядѣлъ своими глазищами... Потеръ это мѣсто мнѣ... И прошло... Да, многимъ, многимъ помогать... У насъ бабенка есть—Трусина... Авдотья... Сразу вылечилъ... Ну, такъ если что ужъ повреждено, то онъ осилить не можетъ... Есть вѣдь всякія болѣсти, ино мѣсто. Человѣка совсѣмъ сведетъ, серючить... И руки, и ноги вверхъ тор-машками выворотить. Вдъ какъ у нашего Терешки Загоголина. Ну, ужъ тутъ онъ ничего не можетъ подѣлать... Значить, болѣзнь ужъ така...

Баба продолжала болтать, но Вѣра уже не слушала и не слыхала ея.

Она чувствовала, какъ въ глазахъ ея темнѣло и сѣрый туманъ застилалъ ей глаза и всю голову.

— Тетушка... Я больше не могу,—прошептала она и тихо опустила на траву...

— Э, матушка родима! Что это съ тобой? Вѣрно, дуже устала... Ахъ, болѣзная!.. Али отошала добре?.. Ты что же сего-дня ѣла?..

Вѣра молчала.

— Не хочешь ли, я те колобошечку дамъ?.. Третъднись сама пекла колобошечки... Поспѣдай-во, те полегчаетъ.

И баба быстро сняла плетеную котомку, что была у нея за спиной, раскрыла ее и поставила передъ Вѣрой.

— На-кось, болѣзная... Подерѣпись.

Но Вѣра ничего ужъ не слыхала. Въ головѣ ея вертѣлось какое-то колесо въ сѣромъ туманѣ.

Баба надъ ней охала и ахала. Наконецъ прислонила голову Вѣры къ своему плечу,—и Вѣра тихо, покойно заснула.

— Вишь, ты недужна какъ... Дюже устала.—И баба, обхвативъ Вѣру, смирно, не шевелясь сидѣла цѣлый часъ, пока Вѣра не выпалась и не проснулась.

Баба шла въ ближнее селеніе Знаменское.

„Еще поспѣю, — думала она. — А ей, касаткѣ, далеко идтить-то“...

XVI.

— Ну, что?.. полегчало?—спросила она Вѣру.—Теперь часъ ужъ шестой, должно быть, али болѣ.

Вѣра хотѣла взглянуть на часы, но подумала, что они выйдутъ ея инкогнито.

Она тихо приподнялась съ земли и потянулась.

— Спасибо тебѣ, тетушка,—сказала она.—Совсѣмъ я теперь окрѣпла... Пройду хоть сто верстъ...

— Ну, сто-то верстъ гдѣ пройти... Не пройдешь.

И онѣ снова двинулись въ путь.

— Намъ бы засвѣтло добратъся до Гориловки... а тамъ, пожалуй, и боязно будетъ идти-то. Теперь-то еще страху-то нѣтъ... Быкова-то, слышь, изловили...

— Неужели поймали?—спросила радостно Вѣра, и тутъ же подумала:

„Какъ же я этого до сихъ поръ не слыхала?“

— Поймали, красавица, поймали. Вотъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ онъ и душегубствовалъ. Сколько душъ погубилъ!.. Страсть! Теперь конецъ ему пришелъ, баста. Шалишь... Сидить, душегубъ, въ крѣпкомъ острогѣ, за тридевятью замками...

— Какъ же поймали его?—спрашивала Вѣра.

— А соннаго, говорить... Захмелѣлъ онъ... Его и изловили.

Эти слова вызвали въ представленіи Вѣры цѣлый рядъ живыхъ картинъ. И опять сердце сжалось и необыкновенная тя-

жестъ обхватила голову. Ей вспомнились, какъ во снѣ, разрѣзанная женщина, оврагъ, лицо Быкова... и все это въ какомъ-то снѣ или кровавомъ туманѣ.

А баба понизила голосъ и, наклоняясь къ уху Вѣры, начала тихо рассказывать:

— Здѣсь, недалеко, есть имѣнье генеральши Драевской, а у ней дочка и племянница. Дочка-то недавно замужъ вышла, а племянница-то и попадись въ руки этого злодѣя. Онъ ее, слышь, и погубилъ...

При этихъ словахъ туманъ окуталъ голову Вѣры, и кровь бросилась ей въ лицо. Она хотѣла сказать: „Это неправда! Этого не было!“ — и вдругъ остановилась. „А можетъ быть, это и было!“ — подумала она съ ужасомъ.

— Ну, вотъ тебѣ, моя милая, и поворотъ. Вотъ эта дорога пойдетъ на Ключище. По этой, значить, я пойду, а эта дорога пойдетъ на Лакушино. Это, значить, твой путь. Таеъ по немъ и иди, не сумлѣвайся.

И путницы разстались. Черезъ нѣсколько минутъ баба зашла за лѣсомъ и скрылась изъ виду. Вѣра осталась одна.

„Ну,—подумала она,—съ Богомъ теперь впередъ!“

И при этой мысли сердце ея поднялось, забилося усиленнымъ боемъ и потянуло ее туда, гдѣ долженъ былъ разрѣшиться вопросъ ея жизни.

Солнце садилось ясное. Въ воздухѣ похолодѣло. Вѣра шла бодро и бойко. Она торопилась. Откуда взялись ея силы—она и не думала, не разсуждала.

Въ лѣсу была полная тишина. Вѣрѣ становилось немного жутко, но она бодро шагала, довольная совершаемымъ ею подвигомъ.

Сумерки сгущались болѣе и болѣе. Вѣра усиленно вглядывалась въ высокіе, поломанные стволы деревьевъ. Въ особенности ея вниманіе притягивали погорѣвшія березы. Онѣ точно также принимали странную, уродливую форму.

Вонъ, тамъ, вдали, сѣрѣетъ какое-то фантастическое существо, какой-то безобразный старикъ съ длинными, искривленными черными руками; Вѣра, съ замирающимъ сердцемъ, подходитъ къ нему, и старикъ оказывается обгорѣлымъ кустомъ. Вотъ лежитъ что-то страшное на дорогѣ... Точно убитая женщина. Вѣрѣ даже ясно представляется лужа крови вокругъ ея тѣла...

Страхъ ея боролся съ желаніемъ достичь ея цѣли. Она зорко всматривалась въ даль... „Вотъ,—думала она,—сейчасъ блес-

нетъ, забывъеть Немировка“. Но она шла, шла, шла... больше двухъ часовъ, а Немировка не показывалась.

Порой ей дѣлалось до того жутко и страшно, что ея уставшія ноги заплетались, дрожали... Она сама дрожала, а кругомъ была полная тишина. Все живое заснуло, и только одинокіе неопредѣленные звуки прилетали откуда-то и также глохли въ этой лѣсной болотистой пустынѣ.

Порой дорога поднималась на гору. Вѣра думала, что съ этой горки она увидить Немировку, но съ горки виднѣлся тотъ же лѣсъ, окутанный ночнымъ, страшнымъ сумракомъ.

Она чувствовала, что въ тѣ мгновенія, когда она представляла цѣль, къ которой она стремилась, страхъ ея мгновенно проходилъ; бодрость ея снова возвращалась, силы крѣпли, и она бойко шла впередъ, не заботясь о томъ, куда ступали ея ноги, сильно уставшія.

Между тѣмъ, на западѣ начали собираться облачка, которыя росли и росли довольно быстро; холодный вѣтеръ срывался съ этихъ облаковъ и дулъ пронзительно и сурово. Облака медленно расплывались по всему небу. Они становились темнѣе, превращались въ тучи, и вскорѣ пошелъ изъ нихъ дождь—холодный, мелкій и частый. Онъ переставалъ по временамъ и затѣмъ снова бѣшено, отчаянно припускалъ. Лѣсъ зашумѣлъ, заговорилъ. Порой этотъ дождь превращался въ снѣгъ и крупу.

Вѣрѣ казалось, что что-то катится, бѣжитъ со всѣхъ сторонъ, какіе-то странные, неопредѣленные образы, какъ облака, окружають ее.

Она шаталась и, наконецъ, безсильно опустилась на землю. Она не чувствовала ни сырости, ни холода. Дождь окружалъ ее живой сѣтью, заливался ей за одежду или превращался въ ледъ на ея платьѣ.

Вѣтеръ рвалъ платокъ съ ея головы.

Вдругъ, въ сторонѣ, тамъ, гдѣ гуще, чернѣе глядѣла ночь, блеснули два зеленоватыхъ огонька.

„Волки!“—подумала она съ ужасомъ. И новая волна испуга поднялась и охватила ее.

Какъ сумасшедшая вскочила она съ земли и бросилась бѣжать—бѣжать стремглавъ, безъ оглядки.

На нее нашелъ припадокъ отчаянія, полной безнадежности. И вдругъ, въ то самое время, когда сердце ея сжималось до боли отъ этой безнадежности, вдали, между деревьевъ, заблестѣлъ твердымъ и яснымъ свѣтомъ огонекъ. Онъ не горѣлъ пламенемъ, какъ пламя свѣчи или костра. Нѣтъ, онъ свѣтилъ

ровнымъ желтоватымъ свѣтомъ, и при этомъ свѣтѣ она теперь различила силуэтъ какого-то зданія,—большого дома.

Она стала смутно припоминать, какой домъ она видѣла въ Немировѣ. Она признала большія двери, которыя съ такимъ трудомъ отворялись, что даже такой сильный, какъ Толкуновъ, отворялъ ихъ съ большимъ трудомъ.

Подлѣ нихъ было большое венеціанское окно, а подлѣ него— маленькое окно.

Въ собачьей конурѣ спала собака, спала мирно и крѣпко подъ тихій, мѣрный шумъ дождя.

Она попробовала открыть двери, но сразу же убѣдилась, что всѣ ея усилія здѣсь будутъ тщетны. Она рѣшилась поискать другого входа, и тихо пошла вдоль дома.

Она обогнула его весь и тутъ, на другой сторонѣ, увидѣла источникъ того свѣта, который блестѣлъ и привлекалъ ея вниманіе, когда она была въ лѣсу...

Она подошла къ окну и заглянула въ него.

Передъ окномъ былъ столъ. На столѣ горѣла лампа, и передъ ней сидѣлъ и работалъ Немировский...

Кровь снова бросилась ей въ голову. Она ухватила обѣими руками за какой-то длинный крючокъ, ухватила, чтобы не упасть, такъ какъ силы совершенно оставляли ее,—она это ясно чувствовала; слабый стонъ вылетѣлъ изъ ея груди. вмѣстѣ съ этимъ стономъ силы окончательно оставили ее, и она безъ чувствъ повалилась на землю.

Немировский услышалъ этотъ стонъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ громко и сурово. И затѣмъ быстро всталъ, отворилъ маленькую дверь, за ней другую,—и вышелъ на воздухъ. Передъ нимъ, на землѣ, лежала Вѣра въ обморокѣ. Силы окончательно оставили ее.

Немировский нагнулся, взглянулъ на нее. Затѣмъ тотчасъ же быстро повернулъ опять назадъ; взялъ лампу и съ ней подошелъ къ Вѣрѣ. Онъ освѣтилъ этой лампой лицо Вѣры, и первое движеніе его было озлобленіе...

„Этотъ дуракъ Спиридонъ,—думалъ онъ,—ни за чѣмъ не смотреть... Нѣтъ! Надо смѣнить его безъ церемоніи (это былъ старый слуга его отца). Всякій прямо съ улицы можетъ войти ко мнѣ“.

Всмотрѣвшись въ лицо Вѣры, онъ узналъ ее.

Но повѣрить, чтобы племянница Драевской могла придти къ нему ночью, въ такую непогоду—онъ не могъ ни представить себѣ, ни повѣрить глазамъ своимъ. Между тѣмъ, всматри-

ваясь, онъ убѣждался все болѣе и болѣе, что это не кто другой, какъ Вѣра Драевская.

„Надо осмотрѣть ее... Чтѣ съ ней случилось?..“

И онъ всталъ и унесъ лампу снова въ свой кабинетъ. Затѣмъ вернулся къ Вѣрѣ, поднялъ ее безъ всякаго труда сильными руками, внесъ въ свой кабинетъ, положилъ на широкій турецкій диванъ и принялся разстегивать ея полушубокъ; при этомъ маленькіе часики вывалились изъ полушубка.

Затѣмъ онъ нагнулся головой къ ея груди, приложилъ къ ней ухо и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ прислушивался.

Вѣра очнулась. Она широко раскрыла глаза и вопросительно посмотрѣла на Немировскаго, затѣмъ нахмурилась и, зажавъ глаза руками, разрыдалась...

— Не смѣть! Не смѣть!—закричалъ на нее Немировскій.— Барышнѣ не хорошо плакать. Не смѣйте плакать!—Она, всхлипывая, остановилась и покорно, съ радостной улыбкой смотрѣла на Немировскаго.— Ну! Теперь отвѣчайте мнѣ: васъ привезли сюда? Кто привезъ?

— Я пришла пѣшкомъ,—проговорила тихо Вѣра.

— За чѣмъ же пришли?

Она молчала.

— Ну! отвѣчайте же—за чѣмъ пришли?

— Я... Я... къ вамъ...

— За чѣмъ же ко мнѣ?.. Больны вы?.. Чтѣ у васъ болитъ?

„Душа“,—хотѣла отвѣтить Вѣра, и промолчала.

— Ну, чтѣ же у васъ болитъ? Отвѣчайте же. Мнѣ некогда...

— Я писала къ вамъ, послала три письма... Одно—черезъ Спаскъ...

— Ну! знаю, знаю!.. Я получилъ всѣ три ваши сумасбродныя письма и бросилъ ихъ... Я никогда не отвѣчаю на письма, въ которыхъ нѣтъ здраваго смысла.

— Какъ!—встрепенулась Вѣра:—вы находите мою просьбу безразсудною?..

— Да, нахожу!.. Женщины-врачи у насъ когда-нибудь будутъ... Но не теперь. Теперь въ нихъ нѣтъ еще нужды. Теперь и нашему брату, докторамъ, нѣтъ дѣла... серьезнаго дѣла... У насъ—не доктора, а хапунцы, которые пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты и обжираются на счетъ больныхъ, съ которыхъ берутъ и дерутъ, чтѣ имъ вздумается... И вы хотите лѣзть въ эту грязь?.. Постыдитесь!..

Послѣднія слова какъ-то мягко подѣйствовали на нее.

„Значить, онъ уважаетъ меня... хоть немножко“, — подумала она.

И она приподнялась и хотѣла встать съ дивана.

Онъ подвинулся и всталъ.

„У дѣвочки есть, очевидно, энергія, — думалъ онъ. — Молодые силы бродятъ... Но неужели же она можетъ развиваться и воспитаться до врача, до настоящаго врача?“ (всѣхъ врачей онъ считалъ не настоящими, а поддѣльными, искусственными).

Вѣра, вставъ съ дивана, поклонилась ему и сказала:

— Прощайте!..

— Куда же вы? — удивился онъ.

— Назадъ... домой, — проговорила она со слезами, какъ маленький ребенокъ, которому не даютъ играть, а отсылаютъ ложиться спать.

— Будьте, однако, разсудительны и благоразумны, — возразилъ Немировский. — Куда вы теперь пойдете? Вы измокли, устали и, вѣроятно, голодны. Куда же вы пойдете въ такомъ состояніи? Хотя не въ моихъ правилахъ поправлять чужія глупости, но если вы ужъ сдѣлали одну — пришли сюда, — то не слѣдуетъ прибавлять къ ней другую... Оставайтесь здѣсь ночевать. Завтра я дамъ вамъ лошадей, и она отвезетъ васъ назадъ, домой. Правда, я не могу запретить говорить о васъ разныя вещи. Но, мнѣ кажется, вамъ это теперь все равно: проведете ли вы здѣсь, въ Немировкѣ, полчаса или два, три, четыре часа, цѣлую ночь. Это безразлично... Сплетни будутъ, ихъ ничѣмъ не уничтожишь, не удержишь...

— Да я и не боюсь ихъ, — быстро перебила Вѣра. Она вдругъ почувствовала, что къ ней вернулись прежняя бодрость и храброе настроеніе. — Мнѣ все равно, что будутъ обо мнѣ говорить. Только бы я въ душѣ была чиста и не упрекала бы меня моя совѣсть. Мало ли что люди выдумываютъ. Я сама себя судья.

Немировский пристально посмотрѣлъ на нее.

— Это все хорошо, но...

Онъ остановился, а она смотрѣла на него и ждала.

— Вы, вѣроятно, хотите сказать, — заговорила она тихо, но твердо, — что, можетъ быть, это только одни храбрыя слова... Но вы видите изъ моего теперешняго поступка, изъ того, что я пришла къ вамъ... Вы можете заключить, что во мнѣ есть и храбрость.

— Я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь... Всѣ экзальтированныя барышни по временамъ, въ минуты увлеченій, готовы на

всякія глупыя экзальтаціи. А пройдутъ эти увлеченія, и на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, останется одинъ дымъ.

Вѣра быстро обернулась къ нему и заговорила съ жаромъ и страстью, сжимая и протягивая къ нему руки:

— Вадимъ Вадимычъ! То состояніе, въ которомъ я пришла къ вамъ, эта, какъ вы называете, экзальтація, вѣдь она продолжается теперь больше одиннадцати мѣсяцевъ, почти годъ,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вы познакомились съ нами и помогли мнѣ. Я имѣла довольно времени, чтобы обсудить, обдумать мой настоящій поступокъ... и мое рѣшеніе твердо, неизмѣнно. Я хочу быть докторомъ, хочу помогать моимъ бѣднымъ сестрамъ—всѣмъ женщинамъ, тѣми знаніями, которыя я приобрѣту отъ васъ или гдѣ-нибудь здѣсь, въ вашей больницѣ, подъ вашимъ постояннымъ руководствомъ.—Она остановилась, почти задыхаясь отъ волненія, которое сказывалось дрожью и болью во всѣхъ ея членахъ, такъ что она съ трудомъ выговаривала слова.—Письма, которыя я писала вамъ, написаны со всей теплотой и вѣрой въ мое будущее, въ доброту людей. Если вы сами не можете помочь мнѣ, то уважите мнѣ путь, какъ достигнуть этого. Я готова умолять васъ на колѣняхъ...

И она невольно упала передъ нимъ на колѣни.

— Встаньте!—закричалъ онъ сердито.—Всякое страстное движеніе, по моему, глупость, гадость, до которой никогда не долженъ унижать себя человѣкъ, владѣющій здравымъ разсудкомъ, уважающій самого себя.

Вѣра тихо, съ трудомъ поднялась съ колѣнъ, повернулась и, шатаясь, пошла вонъ изъ комнаты.

Она чувствовала, что силы ее совсѣмъ оставляютъ, голова кружится, въ глазахъ темнѣетъ...

Немировскій вскочилъ съ дивана и поддержалъ ее...

Это случилось полвѣка тому назадъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Съ тѣхъ поръ люди научились различать эгоизмъ отъ альтруизма, они даже нашли эгоистическій альтруизмъ.

Бурнымъ вихремъ промчался нигилизмъ, атеизмъ въ человѣческихъ обществахъ. Многихъ, очень многихъ онъ захватилъ въ своемъ движеніи, и многое совершилось, что, конечно, и должно было неизмѣнно совершиться.

Мы живемъ теперь въ періодѣ „флирта“, разнузданныхъ страстей, отчаяннаго эгоизма и полной пустоты жизни для тѣхъ,

которые думаютъ и твердо вѣрятъ, что за предѣлами этой земной жизни ничего не существуетъ... Ничего!

Вѣчная игра элементовъ, міръ механическихъ движеній, всякихъ естественныхъ переворотовъ и катализмовъ, міръ грубыхъ элементарныхъ волненій... Онъ раздѣлилъ все человѣчество на двѣ враждующія партіи. На одной сторонѣ стоятъ они—эти вѣрные работники „сего міра“; на другой—стоятъ тѣ, немногіе, которые вѣрятъ еще, что сущность міровой подкладки намъ неизвѣстна теперь и никогда не будетъ извѣстна. Не будетъ потому, что человѣкъ, брошенный въ этотъ чуждый для него міръ, не имѣетъ средствъ ни проникнуть въ его „святая святыхъ“, ни устоять противъ теченія грубыхъ, бессмысленныхъ, непонятныхъ для насъ не-механическихъ силъ.

Человѣкъ осужденъ на долгіе годы, можетъ-быть на вѣчность—совершать бессмысленное движеніе, качаться, какъ маятникъ, въ двѣ противоположныя стороны—одесную и ошуюю. Его постоянно будетъ тянуть къ землѣ, въ которой стремится успокоиться бранный, разрушающійся составъ его тѣла...

Такъ думалъ Немировскій... И не только думалъ, но даже пришелъ къ такому взгляду долгимъ опытнымъ путемъ всей своей жизни. Онъ постоянно обдумывалъ каждое ея явленіе. Онъ давно уже пришелъ къ заключенію, что—*mens sana in corpore sano*.

Онъ подмѣчалъ всѣ тонкости психическихъ явленій. Онъ изучилъ ихъ во всѣхъ изгибахъ, во всѣхъ изворотахъ и тайникахъ сердца, въ которое любитъ прятаться духовная природа человѣка.

И теперь, наблюдая за Вѣрой, онъ сразу понялъ, что „барышня влюбилась“ въ него, что одинъ ея планъ—изученіе медицины — не могъ бы довести ее до крайности, до необходимости бѣжать изъ родного гнѣзда, бѣжать за тридцать-пять верстъ, къ человѣку почти незнакомому, на-авось! Тутъ не разсужденіе, а чувство,—страсть.

Онъ предложилъ ей переночевать въ Немировкѣ, и думалъ, что этимъ предложеніемъ онъ сдѣлалъ все, что требовала отъ него обязанность врача.

Но въ то же время онъ былъ сильно раздраженъ ея поступкомъ.

„Она сыграла со мной скверную штуку,—разсуждалъ онъ.—Теперь всюду разнесется, что она ночевала у меня. И вѣтъ той силы, которая спасла бы ея репутацію отъ клеветъ и нареканій“.

„Но,—подумалъ онъ, наконецъ:—сама виновата!“

А дѣйствительно ли она была сама виновата?

Кто измѣрялъ силу тѣхъ психическихъ вліяній, которыя влекутъ невольно сердце женщины къ предмету ея страсти, влекутъ повелительно и неудержимо?

Пассаждъ съ Вѣрой какъ-то странно подѣйствовалъ на всю психику Немировскаго: все существо его какъ бы раздвоилось. Онъ постоянно вспоминалъ о ней—и думалъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ страшно сердился на себя за эту невольную заботливость о ней.

Онъ самъ проводилъ ее въ деревянную башню, наверху которой была большая, просторная комната, стоявшая пустой и служившая еще при отцѣ Немировскаго для внезапныхъ посѣтителей Немировки.

Въ этой пустынной комнатѣ, не оштукатуренной и не оклеенной обоями, стояло три стула, обитыхъ кожей, и поломанная желѣзная кровать съ жесткимъ тюфякомъ. Старый, истертый и изломанный столъ былъ прислоненъ къ одной изъ стѣнъ, и на стѣнѣ висѣло небольшое зеркало, все покрытое пылью.

— Вотъ вамъ, — сказалъ Немировскій, — убѣжище на эту ночь. Другой свободной комнаты у меня нѣтъ. Сейчасъ я пришлю вамъ прислугу, которая приберетъ эту комнату и исполнитъ все, что вамъ потребуется.

И сказавъ это, онъ быстро поставилъ свѣчу на столъ и, круто повернувшись, тотчасъ же удалился.

Вѣра осталась одна, но не надолго. Она слышала, какъ внизу поднялась возня.

Черезъ нѣсколько минутъ чьи-то тяжелые шаги раздались на лѣстницѣ, и показалась какая-то баба, съ головой, покрытой пестрымъ платкомъ. Она низко, по-деревенски поклонилась Вѣрѣ и спросила, что ей угодно приказать?

Но Вѣра молча сидѣла на одномъ изъ стульевъ и дрожала отъ холода и сильнаго волненія.

Баба должна была подойти ближе и повторить свой вопросъ.

И все-таки не получила отвѣта.

Почесавъ у себя въ головѣ, она принялась за постель.

Вѣрѣ было все равно, на чемъ ночевать, гдѣ ночевать. Что-то тяжелое и громоздкое перекашивалось у нея въ груди. Голова кружилась и болѣла нестерпимо. Въ вискахъ стучало.

Она смотрѣла на бабу и ничего не понимала, не сознавала; а баба, убравъ и снарядивъ кое-какъ постель, спросила:

— Ну, больше ничего не надо?—И постоявъ въ нерѣшительности еще нѣсколько минутъ, тихо удалилась. „Вѣрно, опять какую-нибудь сумасшедшую привезли“,—подумала она.

Прошелъ часъ, можетъ-быть два. Вѣру какъ будто клонилъ сонъ. Она, шатаясь, подошла къ постели и, не раздѣваясь, кинулась на нее.

Въ ухахъ у нея раздавался тихій, шепчущій шопотъ, и какой-то голосъ повторялъ одну и ту же французскую фразу: „Un lit du sang!.. Un lit du sang!“.

Она помнила то страшное время, когда она принуждена была спать на голой землѣ; когда она дрожала, среди разбойниковъ, за свою жизнь. Но ей казалось, что тогда все-таки было легче, а теперь—полная безнадежность. Завтра отвезутъ ее въ Вознесенское—и все будетъ кончено; ни мечты, ни надежды на мечту... Отвезутъ, какъ маленькаго, сбѣжавшаго изъ дому ребенка, и крышка надъ ея жизнью захлопнется.

Она чувствовала, какъ кровь медленно и мучительно переливалась въ ея жилахъ, какъ больно она стучала въ виски. Но главное мученье—это былъ нестерпимый жаръ, духота, отъ которой она не могла нигдѣ спрятаться. Она прикладывала къ головѣ холодную, сырую подушку, и ей становилось легче...

Машинально она опустилась на полъ и легла, нища на немъ холоднаго, освѣжающаго мѣста.

Голова ея представлялась ей въ видѣ горячаго стекляннаго шара. И ей казалось, что если этотъ шаръ не снимутъ сейчасъ же съ огня, то онъ лопнетъ.

Шатаясь, она подошла къ окну и попробовала отворить его. Но оно было заколочено снаружи.

Забрезжило утро. Она прикладывала горячую голову къ холодному стеклу окна, и ей на одно мгновеніе становилось легче.

Наконецъ сознаніе совершенно оставило ее. Ей казалось, что кто-то качаетъ ее на какихъ-то горячихъ волнахъ. Лежала ли она на постели, или на голомъ полу—она не могла рѣшить.

Утро сѣрое, холодное, свѣтило во всѣ окна.

Пришла вчерашняя баба и принесла умывальникъ.

— Ну, чай, вставать будете? Десятый часъ,—сказала она, и звукъ ея голоса какъ-то болѣзненно раздался въ ухахъ и головѣ Вѣры. Она ничего не могла понять и невольно застонала.

Память оставила ее. Она только смутно сознавала, что она лежитъ гдѣ-то на постели, что она сбросила съ себя полушубокъ, сбросила платокъ съ головы, сбросила кофту, но все-таки ей было душно и жарко.

Она лежала разметавши руки; лежала вся красная, разгорѣвшаяся. Глаза ея почти не смотрѣли, губы постоянно сохли, щеки горѣли, волосы были растрепаны.

Она не слыхала, какъ къ подъѣзду подъѣхалъ небольшой шарабанъ, который долженъ былъ отвезти ее въ Вознесенское.

Баба вызвала къ ней Немировскаго.

Онъ пришелъ, посмотрѣлъ на нее. Пощупалъ пульсъ, смѣрилъ температуру. Термометръ показывалъ сорокъ градусовъ.

„Что я теперь буду дѣлать съ ней?—подумалъ онъ, нахмурился.—Оставить ее безъ помощи—невозможно; а помощника у меня нѣтъ“,—и онъ позвалъ ту же бабу, и приказалъ ей, чтобы она наблюдала за больной.

„Пожалуй, еще явится опять наклонность къ острому воспаленію,—подумалъ онъ.—Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ ничего хуже бабьяго разсужденія и экзальтированныхъ бабъ. Теперь къ ней непремѣнно надо сидѣлку, а гдѣ я ее возьму?..“

Досада грызла его. Нѣсколько разъ онъ думалъ пренебречь, махнуть на нее рукой... Но это было противно тому, что онъ считалъ правильнымъ.

XVII.

Черезъ часъ, человѣкъ верхомъ скакалъ въ Вознесенское съ письмомъ, адресованнымъ на имя Ольги Андреевны.

„Милостивая Государыня! Вчера племянница ваша явилась ко мнѣ поздно вечеромъ, и, вѣроятно, простудившись дорогой, слегла и теперь лежитъ въ жару и бреду. Я не отказываюсь дать ей помѣщеніе на нѣкоторое время, пока болѣзнь ея не прекратится, но у меня нѣтъ никого, кто бы былъ при ней неотлучно и наблюдалъ бы за ней непрестанно.—Докторъ Вадимъ Немировскій“.

Отправивъ это письмо, Немировскій успокоился. Онъ поступилъ такъ, какъ внушала ему его совѣсть.

Это письмо произвело сильный переполохъ въ Вознесенскомъ.

До этого письма Ольга Андреевна смутно догадывалась, что Вѣра должна быть у Немировскаго. Письмо подтвердило это предположеніе.

Посоветовавшись съ Толкуновымъ и Аграфеной Степановной, Ольга Андреевна рѣшила держать поступокъ Вѣры втайнѣ отъ Любы и сейчасъ же ѣхать въ Немировку. Захвативъ съ собой Арину Ѳедоровну, она отправилась.

Кучеръ, молодой малый, пріѣхавшій съ письмомъ Немировскаго, успѣлъ уже разболтать, что барышня прибѣжала къ нимъ вчера ночью и теперь лежитъ больная. Слѣдовательно, ни для кого не было тайной положеніе дѣла. Необходимо было только

сохранить эту тайну отъ Любы, чтобы молоко изъ ея груди не бросилось ей въ голову.

На первый разъ ей сказали, что Ольга Андреевна проводить дни и ночи у тяжело-больной, которую вчера ночью привезли въ ихъ больницу.

— Что же у нея?..—спросила Люба.

— Не знаю что,—солгала Аграфена Степановна:—только больна тяжело. Къ вечеру, пожалуй, кончится...

Толкуновъ ходилъ постоянно въ нервномъ напряженіи и слѣдилъ, чтобы тайна сохранилась и не дошла до Любы.

Сердце Ольги Андреевны выдерживало теперь жестокое испытаніе. Обѣимъ ея самымъ дорогимъ привязанностямъ грозила смертельная опасность. Она думала о Вѣрѣ, и сердце ея сжималось страшнымъ предчувствіемъ и горькой обидой.

„Убѣжала, — думала она, — убѣжала!.. къ кому?!. И теперь лежить, можетъ быть, на краю гроба“.

Она торопила, усѣвшись въ дормезъ, и чуть не вскачь всю дорогу летѣла спасать свою милую, ненаглядную Вѣру.

Ее прямо проводили къ Вѣрѣ наверхъ.

Она лежала пластомъ почти въ безсознательномъ положеніи, и въ бреду бормотала непонятныя слова: „Я съумѣю... Я слажу... Я помогу... не могу...“

Немировскій самъ проводилъ въ башню наверхъ Ольгу Андреевну.

Вѣра лежала неподвижно. Лицо ея пылало. Томные глаза потускли. Губы истрескались, запеклись и сохли.

— Вотъ видите! — говорилъ Немировскій въ полголоса. — Почти въ такомъ положеніи, она вчера пришла къ намъ. Теперь ей необходимы холодныя ванны, а у меня вотъ одна прислуга женская... Остальныя женщины всѣ заняты въ больницѣ; я не могу ни одной изъ нихъ оторвать и приставить, а ей необходимъ неусыпный надзоръ, вы понимаете. А это, — говорилъ онъ, указывая на бабу, на ту самую, которая вчера дѣлала Вѣрѣ постель, — вѣдь это бревно. Вы понимаете, — простое, нетронутое, деревенское бревно...

Ольгу Андреевну, какъ только она взшла наверхъ, въ комнату, гдѣ лежала Вѣра, поразилъ запахъ ээира или чего-то остраго лекарственнаго.

— Я сейчасъ распоряжусь съ ванной, — сказалъ Немировскій и побѣжалъ внизъ.

Ольгѣ Андреевнѣ не нравилось все въ этой комнатѣ, въ которой лежала Вѣра. Во-первыхъ, зачѣмъ ее помѣстили въ

высокой башнѣ, въ которую такъ трудно всходить даже здоровому человѣку?!

Затѣмъ, не нравился ей сырой полъ, который, очевидно, только-что вымыли передъ ея приходомъ... И затѣмъ самая комната, какъ будто обнаженная и лишенная всякаго комфорта, и эта кровать... ужасная кровать!.. „C'est un grabat de morts“,— подумала она съ внутренней дрожью. Наконецъ, этотъ пронизывающій холодъ—на этой вышинѣ, гдѣ вѣтеръ еще сильнѣе, чѣмъ внизу... Къ чему это?!

Она рѣшилась спросить обо всемъ этомъ Немировскаго.

И онъ отвѣтилъ на это.

— Помѣстилъ я ее высоко отъ земли потому, что здѣсь воздухъ чище и септицизма меньше, меньше возможности заражения,—гораздо меньше, чѣмъ тамъ, внизу, около земной грязи. Сейчасъ ей сдѣлаютъ ледяное обтираніе, и жаръ тѣла долженъ значительно уменьшиться.

Сказавъ это, онъ ушелъ, а Ольга Андреевна тихо подошла къ Вѣрѣ и долго смотрѣла на нее.

— Вѣра моя! Чтѣ съ тобой, дорогая моя?..

Но Вѣра ничего не могла ей отвѣтить.

Она лежала неподвижнымъ пластомъ и тяжело, порывисто дышала.

Ольга Андреевна приложила руку къ ея головѣ. Голова горѣла и обдавала жаромъ, какъ сильно накаленная печь.

Вся суматоха этого утра теперь только сказалась въ нервахъ Ольги Андреевны. Ноги ея дрожали. Она обернулась и какъ-то беспомощно оглянулась на бабу, которая молча, какъ статуя, стояла позади ея стула.

— Какъ зовутъ тебя, моя милая?—тихо, почти шопотомъ, спросила она ее.

— Ольгой, матушка, ваше превосходительство.

— Ты пошла бы, уснула бы теперь. Ночь-то, я думаю, не спала.

— Всю ноченьку, какъ есть, матушка моя... всю ноченьку, напролетъ, такъ вотъ на этомъ стульчикѣ и продремала. Стану засыпать, а она, голубушка, заворочается и застонетъ, такъ жалобно... Ну, сейчасъ проснусь: чтѣ надоть? Ничего не говорить... Такъ лежить, мечется, мечется и опять заснетъ.

Ольга Андреевна захватила съ собой Арину Ѳедоровну. Она была болѣе подходящею къ данному случаю изъ всѣхъ приживалокъ, которыя толклись въ ея домѣ. Она была молчалива и разсудительна.

Пришелъ Немировскій.

— Ну-съ, — сказалъ онъ: — надо идти теперь внизъ, спускаться. Это не совсѣмъ удобно... Но что дѣлать?

— Вѣра, — обратилась къ ней Ольга Андреевна: — Вѣра, милая, пойдемъ ванну брать...

— Это не то, нѣтъ! — сказалъ Немировскій. — Она теперь безъ всякаго сознанія, и съ ней надо поступать какъ съ маленькимъ ребенкомъ.

И онъ подошелъ къ кровати, наклонился, обхватилъ и поднялъ съ нея Вѣру, какъ маленькаго ребенка, и понесъ ее на рукахъ, тихонько, осторожно спускаясь съ нею по лѣстницѣ. Ольга Андреевна ахнула, перекрестилась и торопливо пошла за нимъ.

Ванна была устроена внизу, недалеко отъ лѣстницы.

Принеся Вѣру въ ванную, Немировскій положилъ ее на кушетку и сказалъ Ольгѣ Андреевнѣ:

— Теперь ее необходимо раздѣть... какъ можно скорѣе и затѣмъ посадить въ ванну. Если она окажетъ сопротивленіе, то необходимо употребить насиліе... Безъ этого нельзя.

Онъ тяжело дышалъ и отиралъ со лба крупныя капли пота.

— Въ ваннѣ она просидитъ пятнадцать минутъ, не болѣе, — говорилъ онъ, — по этимъ часамъ, — и онъ указалъ на столовыя, небольшіе часы, стоявшіе на столикѣ.

Ольга Андреевна въ нерѣшительности оглянулась кругомъ.

— Что же вы стоите? — спросилъ онъ грубо. — Медлить нельзя.

— Еслибы здѣсь... небольшую ширмочку, — проговорила нерѣшительно Ольга Андреевна.

— Какую ширмочку!.. Вздоръ! Это лишнее, — сказалъ рѣзко и грубо Немировскій.

И обращаясь къ бабѣ и къ Аринѣ Ѳеодоровнѣ, рѣзко и повелительно указывая на Вѣру, приказалъ: — Раздѣньте ее! — Вѣру раздѣли и посадили въ ванну. Руки ея висѣли, какъ плети, и голова свѣшивалась, какъ у младенца на вихлявой шеѣ. Она не оказала никакого протеста.

Немировскій ушелъ и черезъ четверть часа вернулся. Онъ взялъ на руки Вѣру, обернутую въ простыню и фланелевое одѣяло, и отнесъ наверхъ.

Когда Ольга Андреевна подошла къ ней послѣ ванны, то Вѣра смотрѣла на нее уже ясными глазами.

— Мама, — спросила она тихо, но твердо, ясно и отчетливо: — я вѣдь у Немировскаго?..

— Да, моя дорогая,—поспѣшила отвѣтить Ольга Андреевна:—ты у Немировскаго...

— А какъ же ты здѣсь?.. Ты гѣшкомъ пришла?

— Ты засни теперь. Тебѣ нужно заснуть, не разсуждать, не волноваться.

И Ольга Андреевна молча смотрѣла на нее пристально и долго. Вѣра затихла, закрыла глаза и заснула.

XVIII.

У страсти есть свои законы, свои періоды, приливы и отливы, и если страстное представленіе накроетъ человѣка въ ту минуту, когда въ немъ проснется вождельніе, то побороть силу послѣдняго нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ.

Съ такими мгновеньями тщетно боролись и борются аскеты—и оно побѣждаетъ и ихъ.

Таковъ естественный, фізіологическій законъ. Немировский, въ своихъ наблюденіяхъ, ни разу не испыталъ на себѣ этого закона и удивлялся теперь, что произошло внутри его, почему послѣдняя сцена явилась такимъ яркимъ пятномъ въ его представленіи... Не видалъ ли онъ на своемъ вѣку столько разъ нагихъ тѣлъ? Отчего же теперь, при каждой мысли или представленіи Вѣры, ея фигура встаетъ какъ живая, блестящая и сверкающая въ представленіи передъ его глазами...

Онъ сознавалъ, какъ что-то такое непонятное связало его чувства и мысли, и по обыкновенію негодовалъ на это стѣсненіе свободы дѣйствій, поступковъ и разсужденій.

Въ его душѣ и сердцѣ начало являться мало-по-малу нѣчто привлекающее его къ Вѣрѣ; онъ теперь только понялъ опасность момента.

„Необходимо имѣть достаточный запасъ энергіи, — думалъ онъ, — чтобы продѣлать всю эту штуку, чтобы рѣшиться одной пройти около сорока верстъ и явиться просить—научить ее быть врачомъ“.

И ему живо представлялась та борьба, которую она должна была выдержать съ семьей и обществомъ, чтобы достичь исполненія своего желанія. „Это чисто по-американски“, — думалъ онъ.

„А можетъ ли она быть врачомъ?“—И вспомнилась ему Елизавета Блякуэль, которая сдѣлалась докторомъ, вопреки самой неблагоприятной семейной окружающей обстановкѣ.

„У женщины можетъ быть больше энергіи, чѣмъ у муж-

чинъ, — думать онъ. — Необходимо только развить эту энергію, а мы не только не развиваемъ, а еще подавляемъ и губимъ ее“.

„У женщины больше безкорыстія, а мы, корыстные, сами невольно вливаемъ этотъ ядъ и въ чувства женщины.“

„Женщина страстиѣ и чувствительнѣ насъ, а мы, разсудительные по натурѣ, считаемъ все подобное за излишекъ или за неразвитость.“

„У женщинъ больше терпѣнія и выносливости, а мы считаемъ терпѣніе за глупость, а выносливость — за баранью добродѣтель“...

Въ первый разъ въ теченіе всей своей жизни онъ сравнивалъ по живому примѣру положеніе и отношеніе женщины и мужчины безъ презрѣнія къ организму женщины. Въ первый разъ онъ находилъ возможнымъ провести параллель между мужчиной и женщиной, параллель болѣе безпристрастную, чѣмъ та, которую онъ проводилъ до сихъ поръ. Но онъ не зналъ, не понималъ, не догадывался, что эту параллель онъ теперь проводилъ уже не безпристрастно, проводилъ, будучи тронутъ и зараженъ невольной, несознанной симпатіей, которую онъ чувствовалъ къ Вѣрѣ.

Дни проходили за днями, и онъ наконецъ вполне убѣдился, что болѣзнь Вѣры есть чистая форма пятнистаго тифа. Для него собственно, для его работы, эта болѣзнь не представляла никакого интереса. Но подъ разными предлогами, для него вполне разумными и необходимыми, онъ продолжалъ наблюдать за ея болѣзнью, и постоянно ловилъ себя въ этомъ невольномъ и предосудительномъ участіи къ его больной. Въ своей долготѣйшей практикѣ онъ никогда не обращалъ вниманія на эти спорадическія (скоропреходящія) формы тифа; но, слѣдя теперь за болѣзнью Вѣры, онъ наталкивался на цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе интересныхъ, которые ему сильно хотѣлось разработать и разрѣшить, а подъ руками не было никакого матеріала. Онъ никогда не занимался заразными болѣзнями.

Давно уже прошелъ десятый, критическій день, а Вѣра еще не покидала постели. Немировскій смутно догадывался, что здѣсь примѣшалось „осложненіе“, что какая-то форма душевныхъ болѣзней впуталась, вплелась неразрывно съ тифомъ.

„Не остатокъ ли это того воспалительнаго процесса, который начинался у нея тогда гдѣ-то въ лобныхъ пазухахъ?“ — думалъ онъ.

Ольга Андреевна и Арина Фёдоровна давно уже приспособились къ жизни въ одной комнатѣ съ больной Вѣрой. И только неизвестность, что дѣлается у нея дома, беспокоила Ольгу Андреевну. Всѣ же мелкія стѣсненія она переносила съ терпѣніемъ, думая: „это ради милой моей Вѣры“.

На третій день она получила письмо отъ Толкунова. Онъ писалъ, что у нихъ все обстоитъ благополучно, и маленький наследникъ ведетъ себя исправно и „кряхтитъ во всю Ивановскую“.

Они, въ Вознесенскомъ, подготовивъ Любу, нашли возможнымъ передать ей истину. Послѣ этого устроилось само собой правильное сообщеніе между Вознесенскимъ и Немировкой. Каждое утро, Архипка отправлялся верхомъ съ письмомъ отъ Любы и привозилъ вечеромъ отвѣтъ отъ Вѣры.

Одинъ разъ Ольга, деревенская баба, какъ-то печально, точно по ошибкѣ, къ слову рассказала, какъ она на горѣломъ мѣстѣ двухъ внуковъ воспитывала.

— Одному-то, старшинькому, — прозвали его Паша, — шелъ пятый годокъ, а другому... звали его Вовой...

— Какъ, бабушка? такого имени нѣтъ христіанскаго, — останавливала ее Арина Фёдоровна.

— Да такъ его звали въ избѣ-то... знаешь... наши всѣ... Вова да Вова. Такъ и обывали... а настоящее-то имя ему, что при святомъ крещеніи дали, было Вавилой... Ну, такъ вотъ... когда этотъ пожаръ случился... Загорѣлась сперва Спиридова или Потрухайкина изба... Ужъ я теперь не помню... Тутъ, знаешь, цѣлый уголъ былъ настроенъ... Вѣдь покойный Вадимъ Васильичъ любилъ все строиться... Ну, знаешь, и тутъ была настроена какая-то хоромина... Вотъ, какъ загорѣлось и дымъ густой такой да черный повалилъ. Я думаю, Господи... Микола святой... Вѣдь бѣжать надо, а куда я побѣгу?... Избѣнка у меня... ни на есть чего хуже... тутъ, молъ, мой и пріютъ... А вину я ее, гдѣ-жъ будетъ мое пристанище и прибѣжище?... И такъ мнѣ, матка моя, нудно да горько разставаться съ избѣнкой-то... Въ ней скончалась матушка моя, батюшку я чуть-чуть помню... Въ ней же умерла и дочка моя... Анастасья Ивановна, упокой Господи ея душевнѣю многострадальную... Думала, думала я... А жаръ-то все пуще, и какъ будто ужъ сама избѣнка начинаетъ затлѣваться... Схватила я, матка моя, внученковъ, Вову — подъ правую руку, а Пашу лѣвой, и побѣгла... Бѣгла, бѣгла, а сама не помню и не знаю, куда бѣгу... Малость опомнилась, одумалась... Смотрю,

прямо передо мной новенько крылечко, и дверь его раскрыта стоитъ... Пожаръ-то, знашь, случился подъ самый Петровъ день... Я еще думала, въ каку церковь пойти... у насъ было двѣ церкви. Одна въ Богоявленскомъ, другая—въ Срѣтенскомъ... Ну, вотъ, матка, стоитъ передо мной новенько крылечко... такъ красовито, нарядное... и все съ баласинками. Подумала я тогда, что мнѣ это посылаетъ мать, святая Богородица убѣжище, для спасенія несчастныхъ душъ Александра и Вавила... Перекрестилась я и взопла на это крылечко... и внучатокъ съ собой внесла... И что же ты думаешь, матка: поселились мы въ этомъ крылечкѣ... Къ нему придѣлана одна... только всего одна горенка, клѣтушечка така свѣтла. И печурочка крохотна... И помню, упала я тогда на колѣни и возблагодарила Владычицу Небесную, что спасла насъ отъ огня, отъ смерти лютой. Молюсь я и рыдаю... головой въ полъ стучаюсь и вращусь... И такъ мнѣ тихо стаеетъ на душѣ, и такая благодать на сердцѣ... точно я въ раю Господнемъ... точно слезы мои омыли душу мою, и оглянусь я въ одинъ уголь... гляжу... Ангелъ Господень стоитъ... такой свѣтлый... и отъ него все лучи бѣгутъ, бѣгутъ, и такъ его ликъ сіяетъ, что ажъ больно смотрѣть на него... И поняла я, матка, что это—настоящее убѣжище Господне. А на другой день проснулась я ни свѣтъ, ни заря... Вышла я изъ моего убѣжища, перекрестилась на небо Господне. А утречко-то Господь послалъ тако по-гожее—солнышко, ровно радостное, сіяетъ. Птички поютъ, заливаются, хвалятъ Господа... И думаю я, матка... Чтѣ бы да эку жизнь послалъ намъ Господь... Умирать бы не надо... а только славить Господа. Оглядѣлась я: И вижу, что это я, должно быть, въ барскую усадьбу зашла. А новенька така клѣтушечка... даже стружечки изъ нея еще не выметѣны... Больно ужъ хорошо здѣсь, думаю... Такъ что-жъ ты, матка, думаешь?.. Потянуло меня отъ экаго мѣста... потянуло опять на погорѣло мѣсто... Осталась у меня тамъ серебряна ложечка,—дай, молъ, погляжу въ воробушекъ, гдѣ она тамъ. И все мнѣ думается, мерещится: цѣла она или нѣтъ... И вотъ встрѣтился Иванъ Семгивъ... „Чтѣ ты, говоритъ, ищешь?“ — Да вотъ, говорю... мѣсто ищу, гдѣ моя избеночка стояла... „Нѣтъ, говоритъ, тебѣ избѣнки... Ступай на ново мѣсто!“ Всплкнула я и пошла... Чтѣ же ты думаешь, матка?.. Исходила я не знай сколько... а того благоданнаго мѣста не нашла... Вотъ, вотъ, кажись, тутъ было... Подойду, погляжу. Нѣтъ! Одно очень ужъ похоже нашла... Наконецъ, мѣсто-то нашла, а внучатокъ-то потеряла... Иду, иду... упаду на землю, да и завою: гдѣ, молъ, Господи, внучатки мои?.. Гдѣ ты,

свѣтъ-Шашинька и Вовошинька?.. Иду и слышу, точно голосокъ ангельскій зоветъ меня. Никакъ, думаю, это Шаша меня зоветъ... Повернусь, побѣгу, а силъ-то ужъ нѣту... Бѣгу, бѣгу, черезъ силу... а голосокъ-то все далѣ, да далѣ... Повернусь я на этотъ голосокъ... а съ другой-то стороны—другой голосъ подастъ... Вовошинька зоветъ. Кинусь я туда... бѣгу, бѣгу... не слышу уже и не чую, гдѣ и какъ... И такъ, matka моя, промаялась я до самаго вечера. Солнце уже сѣло—начало смеркаться. И вдругъ изъ лѣсной кущи... прямо ко мнѣ... выходятъ мои внучатки... и Шашинька, и Вовошинька... другъ друга за ручки держать и выходить... Идутъ это они ко мнѣ... а я упала на колѣнки, и встать-то не могу... Нѣтъ моей силушки... Плачу, плачу...

— Значить, другой-то голосокъ,—сказала Арина Федоровна, такъ тебѣ только представлялся.

— Такъ, такъ, мать моя... Было только одно сомнѣніе. А уже я не могу разобрать, гдѣ что... Представляется мнѣ или вразправду...

Вѣра въ эту минуту позвала слабымъ голосомъ и попросила пить...

XIX.

Выздоровленіе Вѣры шло впередъ медленно, но прочно. Немудрено: она была окружена оздоравливающей атмосферой. Ольга Андреевна была подлѣ нея. Любѣ, вѣроятно, было хорошо. Каждый день отъ нея присылались письма.

Въ представленіи Любы пребываніе Вѣры въ Немировѣхъ являлось не иначе, какъ заключеніемъ, скучнымъ, темнымъ заключеніемъ.

У Ольги Андреевны для этого періода времени явилось другое названіе и другое представленіе; она называла этотъ періодъ „великимъ немировскимъ сидѣніемъ“. Этотъ періодъ связывался у нея въ головѣ съ длинными весенними вечерами при тускломъ свѣтѣ лампы, съ утомительно скучными разсказами Ольги Петровны.

Немировскій почти совсѣмъ не бывалъ въ комнатѣ Вѣры, съ тѣхъ поръ, какъ болѣзнь ея, очевидно, пошла къ концу. Правда, онъ боялся ея возвращенія, рецидива, но съ этимъ рецидивомъ борьба не будетъ такъ упорна,—надѣялся онъ,—какъ съ припадками настоящаго тифа.

Но чѣмъ болѣе близилось время выздоровленія или выпуска

Вѣры, тѣмъ задумчивѣе и нерѣшительнѣе становился Вадимъ Вадимычъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время онъ началъ сомнѣваться въ вѣрности своего взгляда.

Когда онъ вечеромъ садился къ своей рабочей лампѣ, то ему невольно въ голову приходила Вѣра. Образъ его больной, какъ живой, вставалъ передъ его глазами.

Сперва онъ думалъ разсѣянно, какъ бы помочь ей. Такъ думаютъ о желаніи ребенка получить какую-нибудь замысловатую игрушку... Но, подумавъ десять, пятнадцать минутъ, онъ махалъ рукой и гналъ отъ себя эту несбыточную, фантастическую думу, мечту.

„Да ей не сладить съ матеріаломъ,—думалъ онъ,—не сладить просто съ знаніемъ. Одни факты ее задавятъ... Вѣдь тутъ нужно не скоропреходящее обдумываніе, а серьезно глубокий трудъ... Хоть бы теперь съ этой больной“... И онъ вспоминалъ одну бабу, которая лежала въ его больницѣ.—„Попробовать развѣ?“—подумалъ онъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда Вѣра встала съ постели, онъ ей принесъ большой фоліантъ. Онъ положилъ его подлѣ себя на стулъ, и, спросивъ Вѣру, какъ она себя чувствуетъ, сказалъ:

— А я думалъ о вашей сумасбродной мечтѣ, о вашемъ желаніи сдѣлаться докторомъ,—и при этомъ онъ презрительно пожалъ плечами.—Вотъ, я принесъ вамъ одинъ томъ анатоміи нервной системы. Вамъ необходимо знать его какъ свои пять пальцевъ. Это—азбука. Если вы его осилите, тогда вамъ будетъ предстоять другая книга. Если вы и ее одолѣете, тогда вамъ необходимо будетъ познакомиться съ микроскопической анатоміей... Только не волноваться, слышите!.. Не волноваться!—и онъ угрозилъ ей пальцемъ.

Она силилась произнести хоть одно слово, пыталась горячо, сердечно поблагодарить его, и не могла... Кровь бросилась ей въ лицо, на глазахъ выступили слезы.

— Я принесъ вамъ эту книгу,—продолжалъ онъ, — чтобы только показать вамъ, на что вы рѣшаетесь и къ чему вы стремитесь. Если вы не боитесь, то идите... Я отдамъ вамъ эту книгу, когда голова ваша придетъ въ совершенно нормальное состояніе, а теперь...

Онъ хотѣлъ взять книгу, обратно, но она ухватила за нее и съ такимъ умоляющимъ видомъ, такъ выразительно и сердечно смотрѣла на него, что онъ, обратясь къ Ольгѣ Андреевнѣ, сказалъ:

— Я оставляю эту книгу на ваше усмотрѣніе. Вы при-
смѣтрите за тѣмъ, чтобы она не разсматривала ее болѣе восьми,
десяти минутъ... А затѣмъ удаляюсь... Меня ждуть...

И онъ быстро всталъ, кивнулъ головой и поспѣшно ушелъ.

Вѣра смотрѣла на рисунки, таблицы книги съ пожирающимъ
вниманіемъ.

Ольга Андреевна и баба Ольга, и Арина Ѳеодоровна также
смотрѣли и ужасались.

— Святители! — говорила баба... Смотрите-ка... Вѣдь это
ободранный человѣкъ...

Ольга Андреевна взглянула на часы и, положивъ свою руку
на руку Вѣры, сказала съ мольбою:

— Вѣра милая! Десять минутъ уже прошло... Больше нельзя...

Вѣра отдала книгу, а Ольга Андреевна положила ее на даль-
ній стулъ.

— Завтра, — сказала она, — я тебѣ еще дамъ на десять ми-
нутъ...

— Нѣтъ, — запротестовала Вѣра. — Ты мнѣ еще сегодня
дашь на десять минутъ...

— Каки страсти! ужасалась Арина Ѳеодоровна. — И все это
они, матушки мои, — эти доктора и лекаришки, — должны знать и
глядѣть на это...

Съ этого самаго момента, т.-е. съ момента, когда Немиров-
скій принесъ и подалъ книгу Вѣрѣ, она была счастлива, — разу-
мѣется, тѣмъ скоротечнымъ, условнымъ счастьемъ, которымъ бы-
ваютъ счастливы всѣ въ этой обманчивой жизни.

Въ томъ, что онъ далъ ей эту книгу, она видѣла и пред-
чувствовала исполнимость ея плана и ея страстнаго желанія.

Вѣра приняла задачу, предложенную ей Немировскимъ, съ
полной вѣрой въ его искренность. Она думала, что онъ дѣйстви-
тельно хотѣлъ испытать ея способности, испытать, можетъ ли она
владѣть знаніями доктора. Но Немировскій думалъ иначе.

Должно сказать, что прежде всего онъ желалъ избавиться
отъ этого, какъ онъ называлъ, „нашествія иноплеменныхъ“. Онъ
чувствовалъ, что это нашествіе совершенно чуждо тѣмъ прин-
ципамъ, которые онъ до сихъ поръ строго проводилъ въ боль-
ницѣ. По его мнѣнію, это нашествіе было чѣмъ-то въ родѣ за-
разной болѣзни. И зараженіе, главнымъ образомъ, падало на его
натуру. Онъ чувствовалъ, что онъ связанъ, безсознательно для
него самого. Каждое мгновеніе онъ чувствовалъ, что дни и за-
нятія его не идутъ, какъ прежде, старымъ привычнымъ поряд-
комъ; что нужно заказывать обѣдъ особеннымъ образомъ, имѣя

въ виду „барышню Драевскую и ея тетеньку“. „Положимъ, расходъ на этотъ обѣдъ, вообще на ихъ содержаніе—не великъ, пустяшный, но все-таки это лишній расходъ“...

Онъ былъ твердо увѣренъ, что Вѣра не можетъ, не въ состояніи изучить такую сложную вещь, какъ нервная система человѣка. Притомъ изучить со всей номенклатурой научной, со всѣми терминами. Онъ ясно докажетъ ей на дѣлѣ, на практикѣ, что она неспособна это сдѣлать. Если она даже выучитъ всѣ эти термины, то вѣдь это не болѣе какъ одна десятая, если не менѣе, часть тѣхъ знаній, которыя ей слѣдуетъ изучить для того, чтобы сдѣлаться медикомъ.

Прошло три или четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра встала съ постели и начала быстро поправляться. Она скоро привыкла къ тому режиму, который держался въ Немировкѣ, къ грубому, простому обѣду изъ двухъ или трехъ блюдъ, безъ всякихъ хитростей и деликатесовъ,—запивая этотъ обѣдъ чистой водой;—къ чаю, который отзывается не чаемъ, а какими-то сладобьями, точно его держали въ аптекѣ: онъ больше отдавалъ камфорой, чѣмъ чаемъ; къ снятому молоку, вмѣсто жирныхъ сливокъ, къ которымъ она привыкла у себя; наконецъ, къ простому пшеничному хлѣбу, котораго она никогда, во всю свою жизнь, не ѣдала.

Прошло еще нѣсколько дней такъ же тихо, однообразно и скучно для всѣхъ участвующихъ въ „немировскомъ сидѣніи“. Вѣра была почти поглощена своимъ дѣломъ, т.-е. атласомъ Клоке. Ольга Андреевна постоянно уговаривала ее и совѣтовала поберечь себя.

— Ты выздоровѣешь,—говорила она,—и съ свѣжей, крѣпкой головой гораздо больше успѣешь, чѣмъ теперь.

Но Вѣра не слушалась. Она выговорила себѣ три часа въ день, а въ остальное время твердила на память всѣ названія нервовъ и различныхъ частей нервной системы.

Разъ вечеромъ зашелъ по обыкновенію Немировский.

Она обратилась къ нему съ убѣдительнѣйшей просьбой провѣрить ея знанія.

— Я,—сказала она,—кажется, добросовѣстно изучала всѣ названія нервовъ и частей мозга. Центральная часть его, черепной мозгъ, называется *encephalum*.

Она произнесла это слово по-французски. Онъ поправилъ ее — и вмѣстѣ съ тѣмъ подумалъ, что ей необходимо будетъ изучать латинскій языкъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ атласъ и началъ спрашивать ее о

первахъ головы. Она отвѣчала безъ ошибки; но только по-французски.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ и любопытствомъ.

— Хорошо!—сказалъ онъ:—только вѣдь это начало. Но у насъ есть память, а это много значить. Только не надо волноваться. Дайте-ка вашъ пульсъ.

Онъ по часамъ сосчиталъ удары ея пульса.

— Пульсъ частый, взволнованный. Это нехорошо!

И онъ пристально смотрѣлъ на нее упорными, блестящими, немигающими глазами.

Онъ не зналъ, что внутри ея въ эту минуту все дрожало и трепетало, что его похвала давала ей крылья надежды и вѣру въ исполненіе ея мечты.

XX.

Наступила весна. Ольга Андреевна торопила Вѣру съ отъѣздомъ.

— Мы обременяемъ Немировскаго и стѣсняемъ его,—говорила она;—не знаю, что онъ возьметъ за леченіе и всѣ хлопоты.

— Я думаю, мама, что онъ ничего не возьметъ.

— Какъ такъ?! Я думаю заплатить ему за все двѣ тысячи. Это будетъ какъ разъ по расчету.

Но Немировскій взялъ только сто рублей.

— У насъ,—сказалъ онъ,—не было сдѣлано условія. Я беру только то, что мнѣ стояло содержаніе ваше—сто рублей.

— А за визиты?

— Здѣсь и за визиты; все вмѣстѣ.

Насталъ назначенный день отъѣзда. Вѣра оттягивала его подъ разными предлогами. Чѣмъ ближе подходилъ этотъ тяжелый для нея день, тѣмъ сумрачнѣе и безнадежнѣе становилось у нея на сердцѣ.

„Чего же мнѣ недостаетъ?—спрашивала она себя.—Кажется, я стою теперь на желанной дорогѣ; она теперь мнѣ вполне открыта. Я буду, буду врачомъ“.

Лошади уже давно стояли, запряженные въ дормезъ. Архипъ бодро и весело сидѣлъ на козлахъ, и погода была такая радостная. Теплое весеннее утро грѣло и ласкало всѣхъ.

„Что же онъ не провожаетъ насъ?—думала Вѣра.—Да за-

чѣмъ же онъ будетъ провожать насъ? Чтѣ за сентиментальность, къ чему?!"

И она, вмѣстѣ съ другими, спускалась по лѣстницѣ. Когда она спустилась съ самой башни и дошла до поворота, она оглянулась. Ей было жалъ жизни въ этой Немировской темницѣ. Здѣсь солнце сіяло и свѣтило для нея такимъ ласковымъ, милымъ свѣтомъ.

"Тамъ, тамъ, въ Вознесенскомъ, она примется за Клоке. Она усвоить его себѣ непремѣнно. А дальше чтѣ?"

Они сошли съ башни и вышли въ корридорчикъ. Прошли мимо ванны. Спустились внизъ.

Ольга Андреевна не выпускала руку ея изъ своей. Тяжелую книгу Клоке дали нести Аринѣ Оедоровнѣ.

Наконецъ это сходженіе съ „Немировской колокольни“, какъ называла Ольга Андреевна Немировскую башню, было кончено. Но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ Ольга Андреевна испуганно спросила:

— Вѣра, милая, чтѣ съ тобой?

Вѣра ничего не отвѣчала, покачнулась и блѣдная упала въ обморокъ. Ольга Андреевна поддержала ее.

— Это она отъ воздуха сомѣла, — догадалась подхватившая ее изъ рукъ Ольги Андреевны баба. — Это она, голубушка, отъ воздуха... Давно отвыкла...

Наконецъ привели Вѣру въ чувство, усадили въ дормезъ и поѣхали.

Но какъ только двинулись впередъ, то у Вѣры проснулось другое, не менѣ сильное чувство. Ее потянуло въ Вознесенское. Теперь, казалось ей, главное было сдѣлано, теперь борьба не будетъ уже такъ тяжела.

„Я вызубрю, — думала она, — добросовѣстно всю нервную систему... а за ней выучу все, чтѣ необходимо мнѣ, чтобы сдѣлаться врачомъ, и я буду врачомъ“.

Голова ея кружилась, и въ сердцѣ былъ радостный трепетъ; и такъ милъ и веселъ былъ окружающій ее день, и все, и все...

Съ чувствомъ невольной и несознанной благодарности она встрѣчала знакомыя ей мѣста. Ей теперь были дороги и зеленѣющая трава, и желтые цвѣты, росшіе на дорогѣ, и все, чтѣ ее окружало.

XXI.

Въ Вознесенскомъ всё ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. Люба уже знала, что онѣ должны были пріѣхать сегодня. Она непременно хотѣла выбѣжать къ нимъ на встрѣчу, но Толкуновъ остановилъ этотъ порывъ.

— Терпѣніе, родная моя! Немного, чуточку терпѣнія, и мы увидимъ ихъ!..

— Несносный! Терпѣніе!—возражала Люба:—у меня все сердце рвется къ нимъ на встрѣчу, а онъ говоритъ: терпѣніе! Развѣ я мало терпѣла,—почти цѣлый мѣсяцъ.

И они съ жадностью слушали, ловили всякій звукъ въ ясномъ, тепломъ воздухѣ.

— Лада!.. колокольчикъ!..

— Нѣтъ. Это тебѣ показалось...

— Слушай... Слышишь!.. слышишь!.. глухой!

И, дѣйствительно, вдали, въ утреннемъ воздухѣ, слышался быстрый, радостный звонъ колокольчика.

— Ну, только ты, пожалуйста, не волнуйся!

— Слышишь, слышишь!—и она въ радостномъ порывѣ обняла его и поцѣловала.

— А можетъ быть это не онѣ?—усомнился Толкуновъ.

— Онѣ, онѣ, онѣ! Какъ это можетъ быть... Это онѣ, онѣ, онѣ!—И вдали показалось облако пыли.

Люба стремглавъ выбѣжала на балконъ.

На крыльцѣ и на подъѣздѣ стояло уже много народа. Собрались всѣ дворовые. Собрались садовники въ новыхъ фартукахъ, собралась вся прислуга, всѣ горничныя дѣвушки и дѣвчонки; даже хромой Охромѣй приковылялъ на своей культяпкѣ.

Люба обернулась, схватила ребенка изъ рукъ кормилицы и подошла съ нимъ къ окну дормеза, изъ котораго смотрѣла радостная Ольга Андреевна.

— Здравствуйте, бабушка! съ пріѣдомъ!—говорила Люба, наклоня мальчика къ Ольгѣ Андреевнѣ.

Люба одной рукой держала мальчика, а другой обняла Ольгу Андреевну и крѣпко поцѣловала. Затѣмъ нагнулась вглубь дормеза и обняла Вѣру. У обѣихъ слезы радости катились изъ глазъ. Ребенокъ, котораго, вѣроятно, какъ-нибудь притиснули въ этихъ сердечныхъ порывахъ и объятіяхъ, запищалъ.

— Выходите! выходите скорѣй! — говорилъ Толкуновъ, цѣлуя руку у Ольги Андреевны и вытягивая ее изъ кареты.

А кругомъ стоялъ говоръ и гомонъ. Цѣлая толпа окружала карету. Каждый хотѣлъ принять участіе въ этой общей радости, настолько, насколько позволяло ему это сдѣлать его собственное сердце.

Въ груди Вѣры было очень сложное чувство, въ которомъ она никакъ не могла разобраться. Ея привязанности раздвоились, это она сознавала ясно и отчетливо. Большая часть ихъ осталась въ Немировѣ; но это она сознавала очень смутно и неопредѣленно. Клоке былъ у нея подъ руками, а съ нимъ и надежда на достиженіе цѣли, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Затѣмъ все остальное, даже любовь къ Любѣ и любовь къ Ольгѣ Андреевнѣ—стояли на заднемъ планѣ.

Она взшла къ себѣ на верхъ. Здѣсь все было прибрано и казалось новымъ, но милымъ и желаннымъ. Теперь она могла придвинуться, переселиться ближе къ другимъ комнатамъ и дальше отъ этой комнаты съ отвореннымъ окномъ, нѣмымъ свидѣтелемъ ея смѣлаго побѣга.

XXII.

На другой день по приѣздѣ Ольги Андреевны въ Вознесенское, новорожденного крестили. Ольга Андреевна сперва желала, чтобы этотъ обрядъ совершился какъ можно торжественнѣе. Она предполагала позвать на эту церемонію многихъ, но потомъ раздумала, и обрядъ совершился просто.

Жизнь въ Вознесенскомъ незамѣтно приняла затѣмъ свой обычный старый ходъ. Каждый занялся своими дѣлами, но для тѣхъ, кто ближе стоялъ къ маленькому Водѣ, мысли о присутствіи этого младенца—„ангельчика“ освѣщала и согрѣвала тихимъ, ровнымъ свѣтомъ всякую мелочь, бездѣлицу, все окружающее.

Толкунова очень часто отрывали отъ его работы, затѣмъ только, чтобы онъ пришелъ посмотрѣть, какъ спитъ Христовъ младенецъ, какъ онъ разметался, какъ онъ засосалъ свой крохотный булачокъ и улыбается во снѣ,—настоящей, дѣйствительной улыбкой, а не гримасой...

— Да я уже сто разъ это видѣлъ, — съ досадой отговаривался Толкуновъ...

— Нѣтъ, ты теперь взгляни. Ты этого не видалъ, — говорила Люба.

И онъ, съ перомъ въ зубахъ, покорно шелъ, любовался, цѣ-

ловалъ сына и примирялся со всѣми неудобствами жизни. Онъ чувствовалъ, что внутри его горитъ, не утхая, свѣтъ любви—и прежде всего къ его Любѣ. Во имя этого свѣта, думалъ онъ, можно простить, примириться съ тѣми жизненными неудобствами, которыя судьба подкладываетъ каждому человѣку на его жизненномъ пути.

При томъ онъ считалъ святымъ, сердечнымъ дѣломъ ту теорію, которой онъ служилъ вѣрно и крѣпко уже много лѣтъ,—теорію крестьянскаго хозяйства. Онъ всегда вспоминалъ мысль Вѣры: это хозяйство должно имѣть характеръ, приспособленный къ жизни крестьянина, и на этой формѣ, думалъ онъ, будетъ построено и благополучіе, и вся жизнь нашего коренного, земледѣльческаго населенія.

И онъ работалъ.

Много уже онъ осилилъ, при помощи Любы. Во многомъ онъ добился результатовъ и выводовъ, о которыхъ даже не мечталъ,—такъ они были неожиданны и интересны.

Онъ нерѣдко спрашивалъ себя: чего недостаетъ ему въ его жизни, и отвѣчалъ: ничего! „У меня все есть, чѣмъ можетъ быть счастливъ и доволенъ человѣкъ на землѣ. Если эта жизнь, съ ея радостями и блаженствомъ, состоитъ въ томъ довольствѣ, которое горитъ и свѣтитъ въ моемъ сердцѣ, въ моей душѣ, то я имѣю ихъ. Я чувствую ихъ здѣсь, внутри себя, въ моемъ сердцѣ“...

И онъ работалъ—довольный, тихій и радостный.

И Люба была тоже довольна, вполне довольна ея „мѣщанскимъ“ счастьемъ. Если какое-нибудь маленькое горе, неудача или крошечныя несчастія случались съ нею, то ей достаточно было взглянуть на маленькаго Водю, и вся сила привязанности, глубокой и всесильной, просыпалась въ ея сердцѣ.

„Что,—думала она,—если мнѣ придется потерять его, если онъ умретъ!“ И тотчасъ же, мгновенно, при этой мысли, темная туча набѣгала на ея „мѣщанское“ счастье, и она, схвативъ сына, ея крохотнаго Водю, бѣжала съ нимъ къ отцу.

— Вода! Вода!

— Да не мѣшай мнѣ. Вѣдь я просилъ тебя!—И онъ подходилъ къ дверямъ и отпиралъ ихъ.

— Вода,—говорила она, чуть не плача и усаживаясь на стулъ:—Если онъ умретъ?!

— Кто... „онъ“?

— Онъ... нашъ Вода...

— Ахъ, Люба... Какъ тебѣ не стыдно мучить и себя, и меня, такими вопросами! Ну, зачѣмъ онъ умретъ, для чего?...

И онъ, забывая о своей работѣ, бралъ ребенка на руки. А маленький Вода при этомъ смотрѣлъ сосредоточенно, нахмурясь и тихо.

И Толкуновъ крѣпко цѣловалъ его пухлыя щеки, приговаривая:

— Ну! зачѣмъ онъ умереть?.. Ну, почему онъ умереть?

А ребенокъ во всѣ глаза смотрѣлъ на него, точно понималъ, что ему говорятъ.

— Ну, зачѣмъ онъ умереть?!.. Такой крѣпышъ, кряхтунъ, забавскій... Зачѣмъ?!

XXIII.

У Вѣры была другая, своя забота: она няньчилась съ своимъ Клоке, зубрила всѣ названія, выходы и сплетенія нервовъ, и вотъ уже третій день порывалась явиться къ Немировскому и просить его, чтобы онъ далъ ей все, что найдетъ необходимымъ ей изучить.

Съ каждымъ днемъ ее тянуло сильнѣе и сильнѣе въ Немировку, и наконецъ она сказала Ольгѣ Андреевнѣ.

— Мама!.. Я завтра поѣду къ Немировскому... Отвезу ему книгу и попрошу его дать мнѣ еще что-нибудь.

— Какъ же ты одна поѣдешь?—замѣтила Ольга Андреевна.

— Да вѣдь я теперь знаю дорогу къ нему... Я одна пѣшкомъ прошла эту дорогу.

— Что же тутъ хорошаго и приличнаго для взрослой дѣвушки—ѣздить одной за тридцать-пять верстъ къ молодому человеку? Тебя необходимо кому-нибудь проводить. Ну, возьми няню или Арину Ѳедоровну.

И Вѣра согласилась взять Арину Ѳедоровну.

Она быстро собралась и поѣхала; поѣхала съ радостнымъ чувствомъ правоты и торжества.

Въ Немировѣ она нашла какую-то суматоху, какое-то смущеніе. Передъ домомъ стояло нѣсколько мужиковъ, и Немировский о чемъ-то толковалъ съ ними.

Увидѣвъ подѣзжающую карету, онъ нахмурился и тихо подошелъ къ ней. Первая его мысль была прогнать этихъ „вознесенскихъ“. Но затѣмъ, очевидно, у него блеснуло какое-то другое намѣреніе, и онъ подошелъ къ дверцѣ кареты и отворилъ ее.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ.—А у меня случилось несчастье... Мой ассистентъ третьяго-дня отравилъ себя. Сегодня будутъ его вскрывать. Хотите присутствовать

при вскрытіи?—и, не дожидаясь отвѣта отъ Вѣры, прибавилъ:— Вамъ необходимо испытать себя и приучиться къ вскрытіямъ и препаровкамъ. На рисункахъ вы никогда не узнаете истиннаго положенія органовъ,—ихъ взаимнаго отношенія.

Въ головѣ и въ чувствахъ Вѣры быстро мелькнуло рѣшеніе.

— Да,—сказала она рѣшительно и твердо:— гдѣ же будутъ его вскрывать?

— Здѣсь. У меня въ больницѣ... Хотите?

Онъ думалъ, что она откажется, и заранѣе торжествовалъ. Но выѣстъ съ этимъ чувствомъ торжества, которое докажетъ ей точно и убѣдительно, что она не можетъ быть врачомъ, у него являлось сомнѣніе, и онъ охотно представлялъ себѣ, какъ онъ покажетъ ей на трупѣ всѣ нервы.

Въ это время послышался стукъ экипажа, и маленькій, легонькій тарантасикъ подкатилъ къ подъѣзду. Въ этомъ тарантасикѣ сидѣли исправникъ и слѣдователь.

Поздоровавшись съ Немировскимъ, они вошли въ полутемную переднюю.

— Что, господа? Всѣ на-лицо?—спросилъ исправникъ.

Но никто на это не отвѣтилъ. Немировскій молча пошелъ впередъ, и вся маленькая кучка людей двинулась за нимъ.

Выйдя изъ передней, свернули налѣво, вступили въ какой-то темный, широкій и низенькій корридорчикъ. Шаги всѣхъ этихъ людей какъ-то глухо и мѣрно отзывались подъ низкимъ потолкомъ.

Вѣра молча обернулась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за нею шла Арина Федоровна, шла и что-то шептала про себя. Вѣроятно, молитву. На ней лица не было.

Вышли на воздухъ, на большое поле, заваленное стружками, обломками кирпича и всякими обрубками.

— Велѣли бы убрать здѣсь, Вадимъ Вадимовичъ, — послышался голосъ исправника. Но на него не было отвѣта. Всѣ шли молча или переговаривались шопотомъ, отрывочными фразами. Одни спѣшили впередъ, торопились, какъ на пожаръ. Другіе отставали и затѣмъ чуть не бѣгомъ догоняли опередившихъ.

Въ сторонѣ, вдали видѣлось новенькое зданіе, какая-то длинная изба.

У ея дверей стоялъ высокій сѣдой старикъ.

Когда подошла къ нему толпа, то онъ медленно всталъ и поклонился глубокимъ поклономъ.

— Кто это?—освѣдомился слѣдователь у исправника.

— А это отецъ Игнатія,—сказалъ тихо исправникъ,—пришелъ посмотреть, какъ сына потрошить будутъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего онъ умеръ? — послышался рѣзкій, но негромкій голосъ.

— Отъ яду-съ, — отвѣтилъ ему шопотомъ другой голосъ, мягкій и молодой.

— Какъ отъ яду? — удивился первый, грубый голосъ.

— Таеъ-съ! Принялъ полтора грана ціантъ-кали — и готовъ. Вѣдь онъ былъ какъ бы фельдшеромъ при Вадимѣ Вадимычѣ. Всѣ медиваменты были у него на рукахъ и подъ рукой. Ну-съ, и отравился.

— Нѣтъ! я спрашиваю васъ, какаѧ причина, какое побужденіе было у него къ самоубійству?..

— Подбрось еще дровъ и отвори то окно! — раздался рѣзко голосъ Немировскаго.

Въ серединѣ длинной стѣны былъ вдѣланъ громадный каминъ, въ которомъ желѣзныя дверцы отворялись настежь; въ каминѣ пылали дрова. Громадныя полѣнья, чуть не бревна, горѣли яркимъ огнемъ. Среди теплаго весенняго дня этотъ каминъ смотрѣлъ какимъ-то неприятнымъ анахронизмомъ.

Невдалекѣ отъ него, посреди комнаты, стоялъ препаровочный столъ, окрашенный сѣрой масляной краской, съ окраинами и желобками для стока крови.

На столѣ лежалъ раздѣтый трупъ самоубійцы.

Вѣра мелькомъ взглянула на него, слегка вздрогнула и отвернулась. Въ послѣдніе дни ея пребыванія въ Немировѣѣ, она часто дѣлала наблюденія надъ сердцемъ. Она знала, какое ощущеніе предшествуетъ его замиранію и обмороку, и теперь всѣ силы ея были направлены на то, чтобы задержать и остановить это замираніе. И это ей удалось.

Она почти спокойно смотрѣла на обнаженное, бѣлое тѣло Игнатія. Голова его прислонилась къ плечу, направо. Брови были приподняты, и въ глазахъ, уже потухшихъ, полу-открытыхъ, было такое страданіе, что у нея невольно навернулись на глаза слезы.

„Зачѣмъ онъ убилъ себя?“ — подумала она.

Но это было тайной для всѣхъ.

Отецъ его, молча, сдвинувъ брови, смотрѣлъ на всѣхъ и на трупъ сына...

Онъ что-то тихо, тихо говорилъ, какъ бы самъ съ собою:

— Мы, знаешь, живемъ небогато, и только одинъ былъ у насъ сыночекъ. Вотъ онъ... — И онъ кивнулъ головой на тѣло, лежавшее на столѣ. — Взялъ его къ себѣ въ горницу Вадимъ Вадимычъ, еще когда ему только-что минуло одиннадцать годовъ.

Сталъ его обучать. Ну, и вышелъ смышлённый да умный. По-радовались тогда и мы съ женой. Только радость-то наша была недолга. Вонъ она... лежитъ бездыханная. Померла жена, и сталъ онъ скучать... Чтò дальше, то шибче, ни съ кѣмъ не говорить—ходить-мечется... Я баю: Игнаша, ради Спаса... Милостиваго... повѣдай мнѣ, чтò на сердцѣ тайшь... „Ничево!.. Ничево“!.. „Тоска“... „Пусто“... Мыкался, онъ, мыкался, маялся, маялся... Забѣжить къ намъ вечеромъ въ избу, бѣгаетъ, бѣгаетъ взадъ и впередъ. Чтò, молъ, съ тобой, Игнашенька, повѣдай намъ... Ничего не говорить... И вотъ, въ такою погоже время, весной, ему хуже становилось. И только и слышали мы разъ отъ него: „Я чужой“!.. Чтò значить это слово—и не знаю... Чужой да чужой... а чтò такое чужой—мы не понимаемъ... „Я, говорить, отъ васъ отсталъ,—а къ нимъ не присталъ и не могу пристать“. Къ кому?—допрашивали его... „Къ нимъ“, говорить. Вотъ и понимай... „Чтò я, кто я?!—говорить.—Крѣпостной и всегда во всю жизнь буду крѣпостнымъ, родился крѣпостнымъ и умру крѣпостнымъ. И отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ мой—всѣ были крѣпостными, и я вѣкъ свой свончаю тоже крѣпостнымъ“...

А между тѣмъ подъ тихій говоръ старика шла сильная, то-ропливая работа. Работали ножи и скальпели.

Вскрыли чашку черепа, обнажили мозгъ, и Немировский съ удвоеннымъ, возбужденнымъ вниманіемъ самъ бережно отпрепаровалъ его.

— Вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ судебному слѣдователю и уѣздному врачу:—я говорилъ, что онъ ненормаленъ, что у него есть измѣненіе въ нижнихъ доляхъ мозга...

И всѣ съ жаднымъ любопытствомъ рассматривали маленькую бугорвообразную неровность на задней долѣ мозга.

Фельдшеръ, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ уѣзднымъ докторомъ, громкимъ голосомъ диктовалъ протоколъ вскрытія, а волостной писарь бойко записывалъ его слова.

Тутъ же стояли понятые. Они старались не смотрѣть на вскрытіе. Отворачивались и плевались.

Вѣра была вся поглощена тѣмъ, чтò совершалось передъ нею. Блѣдная, она возбужденно слѣдила за Немировскимъ.

Нестерпимый запахъ началъ болѣе и болѣе распространяться и наполнилъ комнату.

Вѣра отвернувшись, тихо отступила къ дверямъ и вышла на чистый весенній воздухъ.

Солнце свѣтило такъ радостно, въ воздухѣ чувствовалось тепло и ароматы весны.

„Неужели нельзя избѣжать такого тяжелаго воздуха и такихъ кровавыхъ потоковъ?..“

Голова у нея кружилась, и она нюхала сильно надушенный платокъ.

XXIV.

Но вмѣстѣ съ этими неприятными, тяжелыми ощущеніями въ ея сердцѣ стояло радостное сознаніе совершеннаго подвига. Она ясно чувствовала, она была убѣждена, что совершила въ эту минуту гигантскій шагъ. О! она будетъ врачомъ!

Такая увѣренность была немного поспѣшна, преждевременна; но Вѣра была въ такомъ экстаатическомъ состояніи, когда все невозможное кажется возможнымъ, всякій подвигъ легко исполнимымъ и всякое препятствіе легко устранимымъ.

Къ ней подошла Арина Ѳеодоровна, съ Клоке подъ мышкой, — и только теперь Вѣра вернулась вполнѣ къ дѣйствительности.

— Зачѣмъ вы носите съ собой такую тяжесть?—спросила ее укоризненно Вѣра.

— Матушка вы моя! Вѣдь я не знаю... Ношу, ношу, инда всѣ руки, проклятая, оттянула...

— Да вы бы гдѣ-нибудь оставили ее.

— Какъ же я смѣю! а пропадетъ она...

Вѣра взяла у нея изъ рукъ книгу и нѣсколько мгновений стояла въ раздумѣ.

„Дѣйствительно, — подумала она: — какая она тяжелая!..“

Она чувствовала въ сердцѣ радость совершеннаго подвига, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее тянуло туда, въ Вознесенское, хотѣлось подѣлиться скорѣе радостью и съ Любой, и съ мамой...

„Ну! Я приѣду завтра же, — думала она, — или послѣ-завтра, а теперь ему (Немировскому) некогда... Какъ же можно теперь просить его о чемъ-нибудь?!“

И она оглянулась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стояла ея карета, и на козлахъ дремалъ Архипъ.

— Арина Ѳеодоровна, — сказала она. — Поѣдемте!.. Мы теперь не дождемся его.

И онѣ поѣхали. Дорога послѣ недавнихъ дождей испортилась. Архипъ придерживалъ лошадей; они ѣхали почти шагомъ, и только къ десяти часамъ, поздно вечеромъ добрались домой...

На крыльцѣ ихъ встрѣтила со свѣчой въ рукахъ Ольга Андреевна.

— Что это какъ вы долго!? — встрѣтила ихъ упрекомъ Ольга Андреевна.

— Мама, — сказала Вѣра, — а вѣдь мы были на вскрытіи.

— На какомъ на вскрытіи?

— На „отопси“. У Немировскаго случилось несчастіе. Помнишь, къ намъ, вмѣстѣ съ нимъ, пріѣзжалъ высокій блондинъ въ сѣромъ казакинѣ, его фельдшеръ или ассистентъ...

— Что же?..

— Представь себѣ! Онъ отравился, принявъ яду, ціанъ-кали. И вотъ его сегодня вскрывали, и я была при этомъ вскрытіи.

Ольга Андреевна слегка поблѣднѣла и всплеснула руками.

Ее ужаснуло, ошеломило уже одно то обстоятельство, что ея родная племянница, племянница Петра Онисимыча Драевского, унизила до такого безстыдства, чтобы присутствовать на вскрытіи голаго тѣла мужчины.

„Господи! — съ ужасомъ подумала она. — Твой ли это воля?“

Они вошли въ залу. Сверху сбѣжала Люба, бросилась на шею Вѣрѣ и крѣпко ее поцѣловала. Слѣдомъ за ней сходилъ Толкуновъ.

— Вотъ, — тихо сказала Ольга Андреевна, обращаясь къ нему и указывая на Вѣру. — Слышали? она... присутствовала на вскрытіи мертваго тѣла.

— Мертваго тѣла, маман, — поправилъ ее Толкуновъ.

— Мама! — вскричала Вѣра, и, бросившись къ Ольгѣ Андреевнѣ, начала цѣловать ея руки. — Мама, родная, дорогая! Какъ же ты хочешь, чтобы я сдѣлалась врачомъ, не зная устройства человѣческаго тѣла! Вѣдь я обрекла себя на этотъ путь, и я пойду по немъ неуклонно, даже и въ томъ случаѣ, еслибы я шла на вѣрную гибель.

И она быстро, порывисто сняла шляпу съ головы. Въ глазахъ ея были слезы, и сквозь нихъ свѣтилась твердая рѣшимость довести дѣло до конца.

XXV.

На другой день такая рѣшимость Вѣры потеряла свой острый характеръ и напряженность. Энтузіазмъ значительно ослабѣлъ. Вся усталость и все напряженіе нервовъ выразились общей слабостью и сильной головной болью.

Въ особенности Вѣру мучило то обстоятельство, что она не взяла у Немировскаго новыхъ книгъ для изученія.

„Какъ это я могла забыть!“ — думала она.

И теперь она только и мечтала объ одномъ, какъ бы скорѣе поѣхать ей опять въ Немировку.

— Мама, — говорила она: — я вѣдь ничего не успѣла сдѣлать въ Немировѣ...

— А чего же тебѣ еще нужно было? — спрашивала ее Ольга Андреевна.

— Взять книгъ у Немировскаго и возвратить ему его книгу. — И она посмотрѣла на атласъ Клоке, который лежалъ подлѣ нея на виду, на стулѣ.

Ольга Андреевна ничего не отвѣтила. Она только угрюмо и сосредоточенно куда-то смотрѣла.

— Мама, — сказала Вѣра: — какой проеъ въ той жизни, которую мы ведемъ съ тобой? Спимъ, ѣдимъ, гуляемъ, и если приносимъ добро, то самую крохотную долю, случайно...

Ольга Андреевна широко открыла глаза.

— Я думаю, — продолжала Вѣра, — что жизнь наша здѣсь на землѣ должна быть дѣятельна, и вся эта дѣятельность должна непремѣнно вылиться въ помощь бѣднымъ...

Ольга Андреевна прервала ее и положила свою руку на ея руку.

— Постой, моя милая, дорогая! Все, что ты говоришь, я передумала раньше тебя. Передумала и перечувствовала сердцемъ. Я живу только для васъ, для тебя и для Любы... Умрете вы, и я пойду въ каеую-нибудь обитель. Это — мое твердое, сердечное рѣшеніе. А теперь я живу только для васъ.

— Мама, — сказала тихо Вѣра и крѣпко обняла ее: — вѣдь есть два пути спасенія. Одинъ, который ты избрала, а другой — въ сферѣ ума, знанія. Я выбрала этотъ послѣдній путь, — что же тутъ худого?

— Вѣра, милая моя, дорогая! Не возгордись, не увлекись мечтой своей! Она идетъ отъ духа зла.

Вѣра отрицательно покачала головой.

— Что все наше знаніе передъ мудростью Единого Отца нашего Небснаго!..

— Мама! — вскричала Вѣра: — да вѣдь всѣ наши знанія идутъ отъ Него же...

— Вѣра!.. Какой отъ тебя запахъ!... Тяжелый запахъ...

— Это вчера я, вѣроятно, захватила на вскрытіи.

Она послѣшно встала, подошла къ туалетному столику, взяла флаконъ съ духами и почти половину его вылила на свое платье.

— И этакой гадостью тебѣ придется дышать, дорогая моя!..

— Мама!.. Мнѣ кажется, я готова жить, я не знаю, въ какой атмосферѣ... Только бы бѣднымъ, несчастнымъ можно бы было легко дышать!..

Онѣ сидѣли нѣсколько минутъ молча.

— Завтра, мама, я поѣду.

— Куда это?!.. Тебѣ необходимо поберечься, провести спокойно нѣсколько дней, въ всякихъ волненій. Куда и зачѣмъ ты поѣдешь?..

— Туда, за книгами; и это отвезу.—Она показала на Клоке.

Ольга Андреевна ничего не промолвила и сидѣла молча, опустивъ голову и перебирая пальцами бахрому своего платья. На глазахъ у нея стояли слезы. „Погибшая!“—думала она.

XXVI.

Наступилъ ясный, солнечный, совершенно лѣтній день. Въ сердцѣ Вѣры сіяла торжественная радость. Она была довольна, вполне довольна собой. Ея мечты какъ будто осуществлялись.

Въ жизни каждаго человѣка пролетаютъ такіе торжественные, праздничные, сіяющіе дни, безъ облачка. Во всей природѣ наступаетъ тогда какая-то чудная, чарующая гармонія. Блескъ рѣки, пруда и всего блестящаго увеличивается, слѣпится глаза. Тѣни становятся гармоничнѣе и прозрачнѣе. Пѣніе птицъ усиливается. Цвѣты дѣлаются наряднѣе. Золотоцвѣтъ сіяетъ какъ-то торжественно, ослѣпительно: въ воздухѣ чувствуется едва замѣтная, теплая, нѣжащая свѣжесть. Насѣкомыя въ такіе дни становятся смѣлыми до дерзости. Бѣлыя бабочки кружатся, какъ бѣшенныя, поднимаются въ высь и исчезаютъ въ темноглубомъ небѣ. Птицы поминутно вылетаютъ на дорогу и всѣ поютъ взапуски. Ярко-желтыя иволги съ любовью выводятъ свои фіоритурны. Все точно торжествуетъ. Все поетъ чудную пѣсню жизни. Все любитъ другъ друга, и въ такіе свѣтлые, радостные дни печаль и горе прячутся незамѣтно въ какія-то темныя норы, и остается одна торжествующая, пѣвучая, сіяющая, жизнерадостная пѣсня весны.

Вѣра вполне упивалась такимъ торжествующимъ весеннимъ чувствомъ. Ей казалось, что отъ всего окружающаго, отъ луговъ, лѣсовъ и всѣхъ вустовъ струится этотъ опьяняющій ароматъ.

И лошади бѣжали крупной, радостной, веселой рысью. И Архипъ сидѣлъ на возлахъ такой радостный. И дорога стала

какъ будто суше и глаже. До Немировки оставалось всего пятнадцать верстъ.

— Архипъ!—сказала Вѣра:—а ты погоняй! Чтò это, какъ ты тихо ѣдешь!

Она не знала, что сердце ея сильно билось, скорѣе, чѣмъ бѣжали лошади, и ей хотѣлось скорѣе быть тамъ, куда влекло ее это сердце.

Наконецъ они подъѣхали къ несимметричному, кривому подъѣзду.

На подъѣздѣ стоялъ Немировский.

Онъ какъ будто ждалъ ее, и первый пожалъ ей руку, пожалъ крѣпкой, сильной рукой, пожалъ до боли, и сказалъ ей обычнымъ, суровымъ голосомъ:

— Здравствуйте.

И не выпуская этой дрожащей руки изъ своей сильной и крѣпкой, онъ другой рукой быстро отворилъ двери, тѣ тяжелыя двери, которыя съ трудомъ отворялъ Толкуновъ. Придержавъ тяжелую половинку двери, онъ впустилъ Вѣру.

— А знаете ли,—сказалъ онъ строго и не мигая, смотря на нее:—у меня къ вамъ будетъ одно предложеніе...

— Какое?—едва слышно спросила его Вѣра.

— А вотъ какое... Я сегодня безъ рукъ, по случаю смерти Игнатія. Хотите мнѣ немного помочь? Присмотрѣть за моимъ маленькимъ хозяйствомъ?

— Съ удовольствіемъ,—торопливо сказала она, и даже повторила:—съ большимъ удовольствіемъ.

— На Игнатіѣ лежала обязанность смотрѣть за уборкой больничнаго бѣлья. Сегодня суббота, т.-е. день ревизіи бѣлья. На немъ же... Но это уже много... Нѣтъ! Это въ другой разъ.

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста, говорите. Только бы силы позволили...

— То-то—еслибъ позволили... А у васъ ихъ немного, очень немного. Позвольте-ка вашъ пульсъ.

И онъ взялъ ее за кисть и сосчиталъ пульсъ.

— Вздонованный, возбужденный,—сказалъ онъ, пристально и строго смотря на нее.

Еслибы тутъ былъ другой какой-нибудь медикъ и пощупалъ пульсъ у него самого, Немировскаго, то онъ нашелъ бы его не менѣе возбужденнымъ и взволнованнымъ.

— А вы сильно надушились,—сказалъ онъ рѣзко Вѣрѣ:—отъ васъ такъ и разить духами.

Вѣра покраснѣла.

— Это немного освѣжаетъ и заглушаетъ тяжелый больнич-
ный запахъ,—сказала она и въ то же время подумала:

„Что такое онъ хотѣлъ мнѣ еще поручить и не сказалъ?..
Убирать бѣлье... ходить за больными. Я готова на все... подѣ
его руководствомъ“.

Между тѣмъ они вошли въ больницу. При входѣ ихъ, со
стула поднялась Ольга Петровна и низко поклонилась имъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ Толкуновъ, указывая на нее:—ви-
дали ли вы такихъ чучелъ?.. Вѣдь это чучело, набитое трухою.

„Къ чему и за что онъ бранить ее?“—подумала Вѣра.

— Вѣдь ей нельзя ничего поручить. Она всякій инстру-
ментъ, даже самый грубый, сейчасъ испортитъ, а отъ инстру-
мента, отъ степени его чистоты, зависитъ весь успѣхъ опера-
ціи... Операция пустяжная и, при чистотѣ инструментовъ, сошла
бы легко и гладко, а тутъ... является зараженіе, піэмія, и че-
ловѣкъ умираетъ или, говоря точнѣе, ты его убиваешь—по ми-
лости этого субъекта.

И онъ опять указалъ на Ольгу Петровну и быстро прошелъ
въ слѣдующую комнату.

Въ этой комнатѣ было двѣ-три кровати.

— Это—выздоровливающіе,—шепнулъ онъ Вѣрѣ, и шепнулъ
едва слышно—очевидно, съ намѣреніемъ, чтобы его не слышали
эти выздоравливающіе.

— Вотъ,—сказалъ онъ, подходя съ Вѣрой къ большому
шкафу:—здѣсь, въ этомъ шкафу, весь нашъ инвентарь!—И онъ
отперъ его и, раскрывъ дверцы, показалъ все бѣлье, чисто вы-
мытое и разложенное на полкахъ.—Вы будете прѣзжать сюда,
въ Немировку, два, три раза въ недѣлю... если васъ это не за-
труднитъ.

— О! нисколько!—сказала Вѣра.

— А въ воздаяніе за ваши хлопоты, я позволяю вамъ поль-
зоваться моею бібліотекою. Она здѣсь, недалеко, и если желаете,
то я могу васъ сейчасъ же проводить туда.

— Весьма желаю,—проговорила Вѣра.

Они вышли изъ больницы и отправились въ бібліотеку, ко-
торая стояла совершенно въ сторонѣ, одиноко,—довольно боль-
шое деревянное зданіе, окруженное большими деревьями.

— Мой отецъ,—сказалъ Немировскій,—возводя это зданіе,
имѣлъ двѣ цѣли въ виду. Во-первыхъ, не отстать отъ князя Хо-
ванскаго, у котораго, вы вѣроятно знаете, громадная бібліотека
въ Шуранѣ, а во-вторыхъ, сберечь это зданіе отъ пожара...
Вотъ почему вы видите его стоящимъ совершенно особнякомъ,—

отъ всего и отъ имѣнья,—и онъ указалъ ей на группу старыхъ деревьевъ, елей и липъ, стоявшихъ особнякомъ, совершенно внѣ усадьбы.—Вообще,—говорилъ онъ,—вы можете видѣть здѣсь множество чудачествъ моего отца. Напримѣръ, къ чему было садить вокругъ зданія деревья?! Когда они были маленькія, то заслоняли свѣтъ, а теперь смотрите, что сдѣлалось!—и онъ указалъ ей опять на ту же группу деревьевъ, между которыми едва проглядывало само зданіе. Здѣсь, въ темные дни, почти ничего не видно.

— А наверху, что это за птица?—спросила Вѣра.

— А вотъ, видите ли, это глупость отца поставила премудрость, въ образѣ совы, на крышу. Какая странная и глупая аллегорія!..

Они приблизились къ одинокому зданію. Немировскій вынулъ изъ кармана большой ключъ и отперъ имъ также большія, тяжелыя двери, и они вошли.

Сыростью, затхлымъ, спертымъ воздухомъ обдалъ ихъ сумракъ стариннаго, нежилого зданія.

Оно было въ три яруса и все уставлено книгами. Фоліанты, квартанты, октавы, толстые тома и тоненькія брошюры стояли на неподвижныхъ, запыленныхъ полкахъ, подпертыхъ массивными колоннами.

Цѣлыя десятивершковыя бревна были поставлены около шкафовъ, и на этихъ бревнахъ держалась вся тяжесть книгъ. Въ одномъ углу книги просто были навалены въ видѣ кучи, безъ всякаго порядка.

— Это—дрянь!—сказалъ Немировскій.

Какой-то безотчетный страхъ напалъ на Вѣру въ этой полутемной, необычайной залѣ, уставленной книгами. Ей было сыро и холодно въ этомъ громадномъ книгохранилищѣ.

— Мой отецъ, — сказалъ Немировскій, и сказалъ онъ это тихимъ, какимъ-то глухимъ голосомъ,—держалъ особаго библиотекаря. Но я нахожу это совершенно излишнимъ. — Онъ безсознательно понизилъ голосъ, какъ понижаютъ его всѣ, войдя въ огромную, полутемную залу. — Игнатій у меня отлично управлялся со всей этой громадой...

— Развѣ онъ умѣлъ читать на иностранныхъ языкахъ? — спросила Вѣра.

— Да... Немножко, больше чутьемъ и догадкой, смѣлкой...

Передъ Вѣрой началъ выступать образъ этого труженика,

Игнатія, который долженъ былъ быть въ одно время и фельдшеромъ, и ассистентомъ, и кастеляномъ, и библіотекаремъ.

— Я думаю, ему много было работы,—замѣтила она.

„Не отъ этой ли работы, — подумала она, — Игнатій и погибъ?“

— Вотъ теперь, — сказалъ Немировскій, — мнѣ необходимо найти библіотекаря...

Онъ немного остановился.

— Не хотите ли вы, — спросилъ онъ, — завѣдывать моею библіотеккой? Вотъ, смотрите, — и онъ повернулся въ лѣвый уголъ залы. — Здѣсь у меня стоятъ дряхлые, древніе старцы: Галліенъ, Гельвецій, Парадельсъ... Съ нихъ начинается, съ этихъ самыхъ алхимиковъ, медицина. Затѣмъ слѣдуютъ французская и англійская школы. Тутъ у меня собрана періодическая литература, журналы.

— Неужели вы все это прочли! — воскликнула Вѣра.

— Не все, но многое. Все и не стоить читать. Кто много читалъ, тотъ легко угадываетъ по первымъ страницамъ, можетъ ли онъ найти въ книгѣ что-нибудь оригинальное. Большею частью, одинъ повторяетъ другого или воруетъ у него. Такъ это было въ древнихъ и въ среднихъ, и въ новыхъ, и въ новѣйшихъ вѣкахъ...

— Вотъ, — сказалъ Немировскій послѣ короткой паузы: — теперь передъ вами раскрытъ тотъ путь, по которому идетъ человекъ ума, но не сердца... Если вы не боитесь труда, — идите этимъ путемъ. Это — дорога трудная, но истинная, это — дорога ума...

— Я труда не боюсь, — сказала Вѣра съ энтузіазмомъ: — я люблю читать. Меня какъ-то тянетъ, влечетъ къ чтенію. Но у дяди въ библіотекѣ только путешествія, историческія книги, мемуары и романы...

— Вотъ, — сказалъ Немировскій, — передъ вами раскрыта вся медицинская премудрость.

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но въ это самое время раздался сильный стукъ: нѣсколько фоліантовъ полетѣло сверху.

Вѣра вздрогнула и упала въ обморокъ. Немировскій едва успѣлъ подхватить ее.

Можетъ быть, это былъ не обморокъ, а глубокій гипнозъ отъ сильнаго потрясенія всей нервной системы. Но въ тѣ времена еще и не помышляли объ этомъ странномъ свойствѣ нервной системы.

„Я вынесу ее на воздухъ. Можетъ быть, на воздухѣ она

сама очнется“,—подумалъ Немировскій, и, вынеся ее, какъ маленькаго ребенка, опустилъ на землю въ тѣни деревьевъ.

„Нервы!.. Ужасно нервный субъектъ!“—думалъ онъ.

Обѣ руки ея были подняты вверхъ. Онъ попробовалъ согнуть ихъ. Онѣ не сгибались...

„Общая контрактура! Въ такомъ состояніи и до смерти недалеко,—рукой подать“.

Она лежала неподвижно, какъ красивая статуя.

И онъ невольно, безсознательно залюбовался на нее, на ея правильное, серьезное лицо, на ея закрытые глаза, на правильно выгнутыя брови, на красиво изогнутыя, полу-раскрытыя, блѣдныя губы, между которыми бѣлѣлъ ослѣпительной бѣлизной рядъ небольшихъ зубовъ.

„Красавица!—подумалъ онъ:—античная красавица“...

И онъ невольно вспомнилъ, какъ онъ держалъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ послѣ ванны. Голова его слегка закружилась.

— Да!—сказалъ онъ себѣ,—только увлекись, поддайся этому чувству, и человѣкъ-звѣрь проснется, поднимется и прогонитъ разсудокъ.

Немировскій оставилъ Вѣру на травѣ и, насколько могли его сильныя длинныя ноги, быстро зашагалъ по направленію къ больницѣ, взялъ тамъ нашатырный спиртъ, вѣеръ и такъ же быстро возвратился къ Вѣрѣ.

Она все еще лежала неподвижно.

Онъ наклонился къ ней, къ ея лицу, и вдругъ она раскрыла глаза и опустила поднятыя вверхъ руки.

— Я, кажется, заснула,—проговорила она, медленно приподнимаясь.

— Я думаю, что это былъ не сонъ, а что-то среднее между обморокомъ и сномъ... Обопритесь!—и онъ подаль ей руку.—Позвольте мнѣ попробовать вашу пульсъ!—и онъ взялъ ее за кисть руки.

— Ничего!—сказалъ онъ:—слабъ, но ровенъ и спокоенъ. Обопритесь на меня и пойдете...

— А вы хотѣли дать мнѣ книгъ,—напомнила Вѣра.

— Тогда зайдемте снова въ бібліотеку,—предложилъ Немировскій, и, выбравъ тамъ ей нѣсколько сочиненій, общихъ, элементарныхъ, онъ простился съ нею.

Вѣра уѣхала.

Н. П. Вагнеръ.

КТО БЫЛЪ АВТОРЪ „АНТИДОТА“?

Изъ исторіи литературной дѣятельности имп. Екатерины II.

Въ 1761 году ожидалось астрономическое явленіе, интересное ученыхъ—прохожденіе планеты Венеры черезъ дискъ солнца. Заранѣе обдумывались экспедиціи въ тѣ пункты, гдѣ всего лучше могли быть произведены наблюденія: однимъ изъ такихъ пунктовъ была намѣчена Восточная Индія, другимъ пунктомъ представлялась Сибирь. Еще въ 1759 былъ обмѣнъ писемъ по этому предмету между однимъ петербургскимъ академикомъ и однимъ французскимъ ученымъ, но изъ этого не произошло никакихъ официальныхъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, хотя отъ петербургской Академіи не было сдѣлано никакого приглашенія относительно наблюденій въ Сибири, въ парижской академіи нашелся охотникъ на это путешествіе, аббатъ Шаппъ д'Отерошъ, приобрѣвшій потомъ извѣстность своимъ путешествіемъ въ Сибирь. Тогдашній президентъ Академіи Наукъ, гр. К. Гр. Разумовскій, узнавъ объ отправленіи Шаппа въ Россію изъ Мемуаровъ французской академіи и въ октябрѣ 1760 года писалъ въ академическую канцелярію: „такое намѣреніе французской академіи показалось мнѣ для санктъ-петербургской ея императорскаго величества Академіи весьма предосудительно, чего ради не меньше совершенная польза въ мореплаваніи и другихъ по астрономіи объясненіяхъ, какъ честь и слава Академіи санктпетербургской требуетъ того, чтобъ сіе произвести дѣломъ самимъ безъ

помочи французскихъ астрономовъ". Самъ Разумовскій считалъ важнымъ наблюдение этого „знатнаго на небѣ явленія“ и назначалъ для подобной экспедиціи Румовскаго, а на случай неудачи наблюдениа въ одномъ мѣстѣ думалъ, что „не худо“ было бы отправить двѣ экспедиціи — въ Восточную Сибирь. Вслѣдствіе того, академія снарядила двѣ экспедиціи, подъ начальствомъ академика Попова и адъютанта Румовскаго, и снаряженіемъ ихъ торопились, чтобы онѣ могли отправиться въ путь до пріѣзда въ Петербургъ аббата Шаппа. Аббать прибылъ въ февралѣ 1761 г. въ Петербургъ, и тогда же академическая канцелярія получила увѣдомленіе изъ придворной конференціи, что аббать Шаппъ также отправляется въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій и что ему, кромѣ прогоновъ и провозатаго, дано было „въ подарокъ“ 1000 рублей ¹⁾.

„По возвращеніи во Францію, — говоритъ Пекарскій, — аббать отблагодарилъ за щедрость русскаго правительства книгою, которая сильно оскорбляла національное самолюбіе современниковъ въ Россіи“.

Выѣхавъ изъ Парижа въ ноябрѣ 1760, аббать Шаппъ былъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1761; въ мартѣ онъ былъ въ Москвѣ, 10 апрѣля пріѣхалъ въ Тобольскъ. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и на возвратномъ пути остался нѣсколько времени въ Петербургѣ. Въ слѣдующемъ, 1762 году, въ Петербургѣ изданъ былъ его мемуаръ объ астрономическихъ и иныхъ наблюденіяхъ въ Тобольскѣ. Возвратившись во Францію, аббать употребилъ нѣсколько лѣтъ на обработку матеріала, своихъ впечатлѣній и чужихъ разсказовъ, собранныхъ имъ въ Россіи, и въ 1768 вышла, въ великолѣпно изданныхъ большихъ томахъ, его книга: „Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les mœurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette puissance, la description géographique“ и пр.

Еще задолго до появленія этой книги (можетъ быть, на основаніи какихъ-либо статей, — которыхъ мы въ рукахъ не имѣли), Шаппъ успѣлъ возбудить въ Россіи негодованіе патриотовъ. Въ іюнѣ 1764 года, Ломоносовъ, сообщая Академіи Наукъ свои опасенія относительно того, что ненавидимый имъ Шлѣцеръ, уѣзжая за границу, можетъ вывезти туда и издавать „по своему произволу“ рукописи, списанныя въ библіотекѣ Академіи, прибавлялъ: „Извѣстно, что и здѣсь издаваемыя о Россіи чрезъ ино-

¹⁾ Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. II. Спб. 1873, стр. 696—698; Биларскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова Спб. 1865, стр. 468.

странцевъ извѣстія не всегда безъ пороку и безъ ошибокъ, служащихъ Россіи въ предосужденіе; сверхъ того, Гмелинъ и Шаппъ не доброхотные намъ примѣры показали“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, уже за четыре года до выхода книги аббата Шаппа, онъ былъ извѣстенъ русскимъ патриотамъ за недоброхота; понятно, что тѣмъ болѣе непріязненно должна была быть встрѣчена книга, когда въ ней дѣйствительно оказалось это недоброхотство.

Сохранилось, однако, очень мало ближайшихъ свѣдѣній о томъ впечатлѣніи, какое произвела книга аббата въ Петербургѣ. Не сохранилось также никакихъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ было составлено, гдѣ и какъ напечатано опроверженіе книги аббата Шаппа, изданное въ 1770, безъ указанія мѣста печати, подъ заглавіемъ: „Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibirie fait par ordre du Roi en 1761, contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette Puissance“ etc. (двѣ части, 232 и 232 стр.), и повторенное въ Амстердамѣ, въ 1771—1772 (двѣ части, 272 и 296 стр., какъ пятая и шестая часть des Voyages en Sibirie, вѣроятно контрафакція).

Изданіе „Антидота“ было покрыто тайною, которая не была раскрыта и до сихъ поръ. Вообще, одни считали его сочиненіемъ имп. Екатерины, другіе рѣшительно отвергали ея авторство, — на разныхъ основаніяхъ, какъ увидимъ далѣе. Въ русской литературѣ до второй половины пятидесятихъ годовъ XIX вѣка почти не было рѣчи о литературной дѣятельности имп. Екатерины, и долго оставались неразъяснены, даже очень мало извѣстны тѣ отзывы, какіе дѣлались о французскихъ (а также и русскихъ!) сочиненіяхъ императрицы французскими библиографами. Таковы извѣстія, сообщаемыя въ книгахъ знаменитаго французскаго библиографа Керара: въ „La France littéraire“ онъ подвергалъ уже сомнѣнію литературную дѣятельность имп. Екатерины ²⁾; въ „Supercheries littéraires“ онъ еще усиливаетъ свои отрицанія, давая имъ весьма рѣзкую форму ³⁾. Показанія Керара представляютъ сводъ тѣхъ слуховъ, какіе накопились во французской

¹⁾ Сборникъ Отд. р. аз. и слов. И. А. Н. Спб. 1872; т. VIII, стр. 312.

²⁾ „La France littéraire, ou Dictionnaire Bibliographique des savans, historiens et gens de lettres de la France, ainsi que des littérateurs étrangers qui ont écrit en français etc.“, par J. M. Quérard. Paris, 1828, II, стр. 81—83.

³⁾ „Les supercheries littéraires dévoilées. Galerie des auteurs apocryphes, supposés, déguisés, plagiaires et des éditeurs infidèles de la littérature française etc.“ Paris, 1847—53. I, стр. 208—213.

литературѣ еще съ XVIII вѣка, и нельзя сказать, чтобы они были хотя нѣсколько провѣрены. Авторство Екатерины въ „Антидотѣ“ онъ рѣшительно и съ насмѣшками отвергаетъ ¹⁾.

Не считая Екатерины II авторомъ писемъ къ Вольтеру, даже авторомъ французскихъ пьесъ Эрмитажнаго театра, — такъ какъ, по его мнѣнію, она не знала достаточно французскаго языка и пользовалась чужимъ трудомъ, — Кераръ и здѣсь говорить: „Не смѣшно ли приписывать Екатеринѣ II, въ сообществѣ съ ея камергеромъ Шуваловымъ, сочиненіе, изданное въ Петербургѣ противъ *Voyage en Sibérie*, аббата Шаппа д’Отроша подъ заглавіемъ *Antidote*, 1770 и 1771, 2 vol. Для всякаго, кто былъ въ состояніи судить, какъ императрица Екатерина писала по-французски, теперь хорошо доказано, что она не могла имѣть никакого участія въ составленіи *Antidota*. Что касается камергера Шувалова, всѣмъ извѣстно, что ему было не легче, чѣмъ его государынѣ, писать по-французски. Кто же настоящій авторъ *Antidota*? Нѣкоторые лица говорили астроному Лаланду ²⁾, что это сочиненіе написано было княгиней Дашковой (d’Aschkow, или d’Ashcoff, которая принимала участіе въ русской революціи 1762 г.), при помощи скульптора Фальконне“.

Въ русской литературѣ „Антидотъ“ до послѣдняго времени былъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ и не былъ переведенъ. Но онъ былъ давно названъ въ числѣ сочиненій имп. Екатерины; именно митр. Евгенийъ (ум. 1837) упомянулъ о немъ въ своемъ словарѣ свѣтскихъ писателей, безъ всякихъ сомнѣній о его происхожденіи ³⁾. Самъ митр. Евгенийъ, въ молодые годы, былъ свидѣтелемъ вѣка Екатерины; въ составленію словаря онъ приступилъ въ первые годы царствованія Александра I, и хотя въ частностяхъ его свѣдѣнія были не вполне точны, въ общемъ онъ вѣроятно передавалъ то, въ чемъ не сомнѣвались тогда въ литературномъ кругу и о чемъ могли даже въ то время имѣть положительныя свѣдѣнія.

Первый болѣе или менѣе обстоятельный разборъ „Антидота“

¹⁾ Примѣры его излишней рѣшительности въ этомъ отношеніи приведены мной въ „Сочин. имп. Екатерины II“, 1901, I, стр. XV—XVII.

²⁾ 1732—1807.

³⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, сочиненіе митрополита Евгения. Изданіе Москвитянина. Томъ I. М. 1845, стр. 208. „Она (имп. Екатерина) также написала на французскомъ языкѣ подъ названіемъ *Antidote* и напечатала въ Голландіи опроверженіе Аббата Ла-Шаппа д’Отроша лжей о Россіи, помѣщенныхъ въ его книгѣ *Voyage en Sibérie*. При второмъ изданіи она издала сіи примѣчанія свои вмѣстѣ съ Лашапповымъ подлинникомъ въ Голландіи же, въ 5 частяхъ“.

сдѣланъ былъ Щебальскимъ, въ одной изъ его статей о сочиненіяхъ имп. Екатерины ¹⁾. Авторъ считалъ книгу аббата Шаппа довольно замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашней иностранной литературѣ о Россіи; но признаетъ, что хотя аббатъ успѣлъ собрать довольно много свѣдѣній, онѣ не имѣютъ твердой почвы. „Многія, отдѣльно взятая, замѣчанія аббата вѣрны, многія наблюденія его оригинальны, хотя на самыхъ дѣльныхъ страницахъ нельзя не замѣтить преувеличеній и какаго-то *фамшиваго колорита*, доказывающихъ несовершенное знакомство автора съ описываемымъ предметомъ“. „Очевидно, онъ нахваталъ много замѣтокъ во время своего пребыванія въ Россіи и еще болѣе наслушался о ней разсказовъ, но недостаточно ознакомился съ нею, чтобы отдѣлать то, что въ этихъ разсказахъ справедливо и что ложно; онъ не довольно овладѣлъ своимъ предметомъ, чтобы уяснить себѣ, который изъ подмѣченныхъ имъ или сообщенныхъ ему анекдотовъ имѣетъ характеръ общности и типичности, и который составляетъ лишь частный случай“. Отсюда происходило не мало ошибокъ и явныхъ противорѣчій аббата съ самимъ собой.—Мы скажемъ дальше, что недостатки книги Шаппа заключались не только въ этихъ недостаткахъ человѣка, мало вникнушаго въ предметъ, но въ несомнѣнной тенденціозности,—которая именно и привела имп. Екатерину въ крайнее раздраженіе.

„Въ продолженіе семи лѣтъ,—продолжалъ Щебальскій,—замѣтки, собранныя аббатомъ, *покоились* въ его портфель; онѣ были наконецъ напечатаны въ 1768 году“. Это не точно: замѣтки вовсе не „покоились“—ихъ надо было привести въ порядокъ, дать имъ законченное изложеніе; надо было приготовить ту массу картъ, плановъ, таблицъ, рисунковъ, которыми была снабжена книга; наконецъ надо было „*superbement imprimer*“, что должно было занять не мало времени.

Книга Шаппа напечатана была „при условіяхъ, заслуживающихъ вниманія“. Именно Щебальскій указываетъ, что это было время министерства Шуазеля (1758 — 1770), враждебнаго къ Россіи: „политическимъ соображеніямъ герцога Шуазеля было обязано появленіемъ своимъ въ свѣтъ и *Путешествіе* аббата Шаппа“. Опять не совсѣмъ точно: политическія тенденціи французскаго министерства могли играть при этомъ извѣстную роль; но планъ путешествія задуманъ былъ во французской академіи по научнымъ соображеніямъ, для изученія рѣдкаго астрономиче-

¹⁾ Въ журналѣ „Заря“ 1869. № 6, стр. 1—19.

скаго явленія, на ряду со множествомъ подобныхъ экспедицій ¹⁾, а затѣмъ самъ аббатъ, по личнымъ свойствамъ, могъ безъ особеннаго принужденія принять тонъ, который могъ нравиться французскому министерству.

Щебальскій разбираетъ вкратцѣ упоминанія объ „Антидотѣ“ у современныхъ ему французскихъ писателей (Вольтеръ, въ письмѣ къ Мармонтелю, 1771; Гриммъ, въ „Корреспонденціи“ 1771; Кастера, въ *Histoire de Catherine II, livre XII*) и приходитъ къ заключенію, что авторомъ „Антидота“ была имп. Екатерина, быть можетъ при содѣйствіи гр. Андрея Петр. Шувалова. Въ авторствѣ императрицы убѣждаютъ его и „многія особенности ея взгляда на вещи“, которыя сказались въ этой книгѣ.

Такъ онъ обращаетъ вниманіе на данныя по исторіи Россіи, какія встрѣчаются въ „Антидотѣ“. Таковы замѣчанія, въ которыхъ Екатерина исправляетъ рассказъ Шаппа о вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны; таковы строки, написанныя Екатериною о себѣ самой.

Отношеніе императрицы къ разсказу аббата Щебальскій опредѣляетъ такъ: „Екатерину, гордую за свое правительство и за народъ свой, непріятно поразилъ тонъ превосходства, съ которымъ аббатъ Шаппъ говоритъ о Россіи, о ея учрежденіяхъ, о народномъ характерѣ; о совершенно азіатскихъ приемахъ и образѣ дѣйствій русскаго правительства, чтѣ,—по крайней мѣрѣ во время изданія „Путешествія въ Сибирь“, — было уже несправедливо. Къ этимъ обвиненіямъ Екатерина возвращается нѣсколько разъ и, опровергая ихъ, нерѣдко обращаетъ оружіе автора противъ него самого; она доказываетъ, что ему, подданному Людовика XV, при которомъ система такъ называемыхъ *lettres de cachet* получила высшее развитіе, нѣтъ повода такъ печаловаться за русскій народъ, такъ часто твердить объ отсутствіи свободы въ Россіи и колотъ ей глаза произволомъ администраціи“. Щебальскій приводитъ изъ „Антидота“ выписку подобнаго рода и замѣчаетъ: „надо признаться, что возраженія Антидота чрезвычайно метки“.

„Въ одномъ мѣстѣ, — говоритъ Щебальскій, — опровергая Шаппа, Екатерина предлагаетъ ему справиться съ *Наказомъ*:... „но вы не смѣете этого сдѣлать, г. аббатъ,—насмѣшливо замѣчаетъ она. — Газеты объявляютъ, что эта книга запрещена вашимъ кроткимъ и милостивымъ правительствомъ“. И точно, по справкамъ оказывается, что чтеніе этой книги было запрещено

¹⁾ Cp. *Geschichte der Astronomie*, von Rudolf Wolf (*Gesch. der Wissenschaften in Deutschland*, 16 томъ). München 1877, стр. 641—643, 702.

народу, среди котораго возникли большею частію мысли, въ ней заключающіяся“.

Приведши еще нѣсколько цитатъ изъ „Антидота“ въ объясненіе событій русской исторіи и характера русскаго народа, Щербальскій справедливо замѣчаетъ, что эта книга даетъ отчасти понятіе о политическихъ и правительственныхъ взглядахъ Екатерины. „Мысль ея, что Россія прежде всего требуетъ отъ своего правительства энергіи, можетъ считаться ключомъ къ ея государственной дѣятельности, и дѣйствительно, это качество, въ совокупности съ инициативой, составляетъ жизненное условіе самодержавія. Не менѣе характеристична та живость, съ которою Екатерина отражаетъ неблагоклонныя мнѣнія аббата Шаппа о свойствахъ русскаго народа. Еслибъ она имѣла при этомъ въ виду лишь собственную защиту и защиту правительства противъ этого писателя, то ей несравненно выгоднѣе было бы оставить нареканія противъ націи во всей ихъ силѣ, тѣмъ болѣе, что Шаппъ, бывшій въ Россіи еще до вступленія на престолъ Екатерины, отзывается о послѣдней съ сочувствіемъ... Между людьми, болѣе или менѣе вліявшими на судьбы Россіи, было много такихъ, которые оказали ей несомнѣнныя услуги; но нѣкоторые изъ нихъ не уважали ни людей, ввѣренныхъ ихъ управленію, ни предводимыхъ ими войскъ, ни законовъ, въ составленіи коихъ они участвовали, ни вообще страны и народа, среди которыхъ дѣйствовали. Эти законодатели, администраторы, полководцы, ученые и литераторы дѣйствовали вполнѣ добросовѣстно каждый въ кругу своей дѣятельности, и ставили свое самолюбіе въ наилучшемъ исполненіи долга; но внѣ этого круга ихъ самолюбіе не простиралось; напротивъ, они любили выставять на видъ, какъ трудно управлять такими распущенными людьми, какъ русскіе—какъ мудрено формировать изъ нихъ регулярное войско, составлять для нихъ законы, писать для нихъ книги. Этого-то оскорбительнаго отвлеченія себя отъ націи и не замѣчается въ Екатеринѣ¹⁾, какъ доказываютъ, между прочимъ, многія мѣста изъ переписки ея съ иностранными литераторами. Хорошо видя недостатки націи, дѣйствуя противъ нихъ законодательствомъ, сатирой, примѣромъ, Екатерина не менѣе хорошо видѣла и добрыя стороны ея; она не дѣлала себѣ пьедестала изъ несовершенствъ русскаго народа, не выдѣляла себя изъ его среды, но напротивъ, отождествлялась съ нимъ, и всякій неблагоклонный отзывъ прини-

¹⁾ Думаемъ, что Щербальскій преувеличилъ этотъ пунктъ, или не довольно его выяснилъ. Напомнимъ, напр., Ломоносова.

мала такъ, какъ бы онъ направленъ былъ лично противъ нея. „Нѣтъ въ мірѣ народа, которымъ бы такъ легко было управлять посредствомъ кротости“, говоритъ она; не отрадно ли сопоставить этотъ отзывъ съ тѣми, которые изображали и еще изображаютъ русскій народъ какою-то стаей дикихъ звѣрей, къ которымъ и подходить близко нельзя безъ палки? Къ сожалѣнію, *Антидотъ* остался неизвѣстнымъ русской читающей публикѣ и русскому народу (?), а публика заграничная не обратила большого вниманія на эту книгу... Безпристрастіе заставляетъ насъ сказать, что если Елатерина писала *Антидотъ* съ тѣмъ, чтобы истребить впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ книгою аббата Шаппа, то удары ея были не довольно вѣрно рассчитаны и предположенная цѣль не могла быть достигнута. *Путешествіе въ Сибирь* есть книга во многихъ отношеніяхъ замѣчательная; многочисленные промахи, встрѣчающіеся въ ней, замѣтны только для русскаго читателя и совершенно незамѣтны для публики французской, германской, англійской и пр., которая встрѣтила въ сочиненіи аббата Шаппа множество новыхъ извѣстій и не имѣла никакого повода сомнѣваться въ ихъ достовѣрности—видя, что ихъ сообщаетъ очевидецъ, членъ французской академіи, путешествовавшій по повелѣнію своего правительства, которое и издало его замѣтки со всевозможною типографскою роскошью“...

Замѣчаніе о томъ, что промахи аббата Шаппа, видны для русскаго читателя, были незамѣтны для публики западной, довольно странно: эти промахи оставались и тѣмъ болѣе требовали обличенія, что были незамѣтны для несвѣдущихъ людей въ Европѣ, и безъ того относившихся къ Россіи недружелюбно и несправедливо. Указавъ на блестящее типографское исполненіе книги аббата Шаппа, Щебальскій продолжаетъ:

„Ничего подобнаго этой величавой обстановкѣ мы не видимъ въ *Антидотѣ*. Онъ появляется безъ имени автора, возраженія его вообще не поддержаны ссылками, тонъ его довольно задоренъ и нимало (?) не серьезенъ... Ни остроуміемъ, котораго довольно много въ *Антидотѣ*, ни мелкими полемическими приѣмами невозможно было поколебать авторитета *Путешествія въ Сибирь*, которое представляло, кромѣ другихъ достоинствъ, и много пикантнаго,—какъ напримѣръ въ описаніи, съ приложеннымъ къ нему рисункомъ, du supplice du grand knouth, описаніе и изображеніе русской бани съ голыми женщинами и т. п. Убить книгу Шаппа можно было однимъ—обнародованіемъ официальныхъ извѣстій о состояніи русской арміи, русскихъ финансовъ и такъ называемыхъ политическихъ процессовъ. Но, ра-

зумѣется, объ этомъ нельзя было и думать при тогдашнихъ понятіяхъ“.

„Антидотъ“ имѣлъ свои немалые недостатки; но „обнародованіе официальныхъ извѣстій“, какъ самъ Щебальскій вѣдѣлъ, было невозможно „при тогдашнихъ понятіяхъ“, и не въ одной только Россіи, а и вездѣ. Щебальскій, однако, несправедливо упрекаетъ автора „Антидота“ въ недостаткѣ „смысловъ“; напротивъ, „Антидотъ“ много разъ опровергаетъ аббата фактическими указаніями—по исторіи, финансовымъ цифрамъ, народнымъ обычаямъ и т. д. Типографское исполненіе „Антидота“ было самое обыкновенное; первое изданіе, какъ далѣе скажемъ, дѣлавшееся въ Петербургѣ, было даже весьма неисправно—по неопытности лицъ, въ рукахъ которыхъ было печатаніе;—но для изданія „Антидота“ не было никакой надобности въ „величавой обстановкѣ“,—она была бы даже излишней, когда авторъ именно желалъ себя скрыть и когда все его отношеніе къ сочинителю „Путешествія“ было пренебрежительное.

Щебальскій упоминалъ въ началѣ своей статьи, что „Антидотъ“ еще не переведенъ на русскій языкъ; но въ то самое время уже печатался переводъ, который вышелъ въ томъ же году въ изданіи г. Бартенева ¹⁾.

Издатель не имѣлъ ни малѣйшихъ сомнѣній объ авторствѣ имп. Екатерины. Переводъ сдѣланъ по первому изданію „Антидота“, составляющему книжную рѣдкость: по словамъ г. Бартенева въ послѣсловіи (въ 1869), полного экземпляра нѣтъ въ Москвѣ, и онъ пользовался экземпляромъ Публичной Библіотеки въ Петербургѣ. Первое изданіе—въ двухъ частяхъ съ „замѣчательно повторенною (?) въ обѣихъ книжкахъ, на первой стр. виньетой, которая изображаетъ Каина, стоящаго съ палицею надъ убитеннымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова. Къ чему эта виньета? Не выражаетъ ли она мысли о братоненавидѣніи, коимъ проникнута книга аббата Шаппа о Россіи?“ Но объясненіе не совсѣмъ складно: „братоненавидѣніе“ слишкомъ отвлеченно, и къ чему здѣсь „Адамова голова“? Гораздо проще и правдоподобнѣе другое объясненіе, которое даетъ Турнѣ: первый листъ изданія 1770 г.,—говоритъ онъ,—„украшенъ, если такъ можно сказать, очень посредственной виньеткой, представляющей Геркулеса, который попираетъ ногой противника, распростертаго на землѣ, съ раскинутыми воло-

¹⁾ Оснададцатый вѣкъ. Историческій сборникъ. Книга четвертая. М. 1869, стр. 225—463: „Антидотъ (Противодіе). Полемиическое сочиненіе государини императрицы Екатерины Второй. Переводъ съ французскаго подлинника“.

сами, и подлѣ котораго брошена маска" ¹⁾). И дѣйствительно, „Адамова голова“ есть именно сброшенная маска.

Далѣе, г. Бартеневъ продолжаетъ:

„Въ Государственномъ архивѣ есть рукопись Антидота, написанная рукою статсъ-секретаря Г. В. Козицкаго; но подлинникъ ли это (?) или переписанный экземпляръ, намъ неизвѣстно“. (Недоумѣніе, выраженное довольно непонятно. Объ этой рукописи скажемъ далѣе).

„Но что „Антидотъ“ писанъ, если не своеручно Екатериною, то по прямому ея указанію, съ ея словъ или подъ ея диктовку, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ читателей, которые знакомы съ ея образомъ мыслей, съ приемами ея умозаключеній и съ политическими обстоятельствами ея времени. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это сочиненіе Екатерины представляетъ собою черты, такъ сказать, государственной ея автобіографіи; въ другихъ оно служитъ дополненіемъ къ ея „Запискамъ“, какъ, напр., рассказъ о первомъ днѣ царствованія Петра III-го, о поѣздѣ въ Казань и пр.

„Предпринятая сто лѣтъ тому назадъ самою государынею оборона Русскаго народа отъ нашествія иностранцевъ должна быть извѣстна въ Россіи“.

Замѣчанія о принадлежности „Антидота“ имп. Екатеринѣ и важности его, какъ характернаго свидѣтельства ея взглядовъ, справедливы: „Антидотъ“ дѣйствительно есть часть ея автобіографіи, но все это были еще только впечатлѣнія и предположенія, для которыхъ нужны были доказательства.

Со времени упомянутыхъ изслѣдованій и перевода въ нашей литературѣ долго не было рѣчи объ „Антидотѣ“. Мнѣ пришлось остановиться на „Путешествіи“ аббата Шаппа въ „Исторіи русской этнографіи“, въ обзорѣ литературы о Сибири. Я указывалъ содержаніе „Путешествія“, въ его великолѣпномъ парижскомъ изданіи, — но мое впечатлѣніе не было таково, какъ въ приведенномъ выше отзывѣ Щербальскаго. Аббатъ положилъ не мало труда на изготовленіе своей книги, но то изъ его замѣчаній, что могло бы имѣть цѣну вѣрнаго наблюденія, слишкомъ перевѣшивается явнымъ злорадствомъ, вовсе не серьезнымъ, а иногда прямо вздорнымъ. Принадлежность „Антидота“ Екатеринѣ не представляла для меня никакихъ сомнѣній, прежде всего по цѣлому тону книги ²⁾).

¹⁾ М. Tournеux. Diderot et Catherine II. Paris, 1899, стр. 22, прим.

²⁾ Исторія русской этнографіи, т. IV. Спб. 1892, стр. 235—246. Я пользовался книгой Шаппа въ экземплярѣ бібліотеки Академіи Наукъ. Мое тогдашнее предположеніе о мѣстѣ перваго изданія „Антидота“ теперь я исправляю.

Новое изслѣдованіе „Антидота“ сдѣлано было недавно г. Бильбасовымъ, и въ совершенно иномъ направленіи. Лучшій въ настоящее время знатокъ Екатерининской эпохи, г. Бильбасовъ категорически отвергаетъ авторство имп. Екатерины въ „Антидотѣ“¹⁾. Остановимся на его заключеніяхъ.

Упомянувъ о рѣчи, которую аббатъ Шаппъ, по возвращеніи изъ Сибири, говорилъ въ засѣданіи петербургской Академіи въ январѣ 1762, и гдѣ онъ восхвалялъ имп. Елизавету и ея преемника, г. Бильбасовъ замѣчаетъ, что это былъ не только ученый аббатъ, но и придворный льстецъ; но когда вышла въ свѣтъ его книга, „Voyage en Sibérie“, то „сочиненіе обмануло ожиданія многихъ—въ немъ не видно и слѣдовъ того льстеца, который говорилъ рѣчь въ нашей академіи наукъ 8-го января 1762 г.“. Но у многихъ ожиданія, вѣроятно, не были обмануты книгой 1768 года: мы видѣли выше, что Ломоносовъ еще въ 1764 считалъ аббата Шаппа недоброхотомъ Россіи.

Въ своемъ путешествіи аббатъ провелъ въ Россіи больше года. Онъ „съ полнымъ уваженіемъ и глубокою благодарностью“ вспоминаетъ о всѣхъ, облегчавшихъ ему трудную его задачу (гр. Воронцовъ, Соймоновъ, гр. Пушкинъ и пр.); упоминаетъ ученыхъ, у которыхъ заимствовалъ свѣдѣнія; указываетъ, отъ кого слышалъ устные рассказы. Онъ „внимательно прислушивался къ русскому языку и замѣчательно вѣрно записалъ русскія выраженія...; просмотрѣвъ русскую пляску, онъ отдалъ ей предпочтеніе передъ танцами другихъ народовъ...; онъ всегда и вездѣ откровенно заявляетъ свое мнѣніе, при чемъ не щадитъ и себя, рассказывая, какъ онъ побилъ сержанта, побилъ ямщика и т. п.“. Въ послѣднихъ случаяхъ аббатъ Шаппъ, намъ кажется, не столько „не щадилъ“ себя, сколько хвастался, что умѣлъ какъ слѣдуетъ справляться съ испорченными варварами. Русскія слова онъ записывалъ далеко не всегда вѣрно.

„Все, что авторъ видѣлъ и наблюдалъ,—продолжаетъ г. Бильбасовъ,—записано довольно вѣрно и безпристрастно; во всемъ же, что онъ заимствовалъ изъ другихъ источниковъ, онъ повторяетъ ходившія въ то время мнѣнія о русскихъ. Онъ не могъ изслѣдовать положеніе крѣпостныхъ, но самъ видѣлъ достаточно, чтобъ вѣрно изобразить это положеніе... Нерѣдко авторъ самъ дивится сообщаемымъ извѣстіямъ, но довѣряетъ рассказамъ дру-

¹⁾ Исторія Екатерины Второй. Томъ двѣнадцатый. Часть первая. Берлинъ (1896), стр. 74—81. Библиографическое указаніе о числѣ томовъ перваго парижскаго изданія не точно: въ цѣломъ, и съ атласомъ, ихъ не два, а четыре.

гихъ: ce fait, presque incroyable, m'a été raconté par des Russes"...

Затѣмъ г. Бильбасовъ переходитъ къ „Антидоту“.

„Екатерина была очень недовольна трудомъ Шаппа и сперва предполагала необходимымъ опровергнуть его, но вскорѣ убѣдилась, что онъ не заслуживаетъ опроверженія... Екатерина не читала этихъ фоліантовъ, знала о трудѣ Шаппа по отзывамъ другихъ (?) и заявляла, что онъ не заслуживаетъ довѣрія... Тѣмъ не менѣе, Екатерина интересовалась опроверженіемъ, искала лицъ, способныхъ обличить ошибки и невѣрности Шаппа, принимала живое участіе въ составленіи опроверженія (о свѣчныхъ огаркахъ въ письмѣ къ Вольтеру и въ „Антидотѣ“...), которое появилось въ 1770 г. подъ заглавіемъ „Antidote“ и пр... Опроверженіе осталось неоконченнымъ, и Екатерина писала къ г-жѣ Бельке: Vous ne verrez point paraître la troisième partie de l'Antidote, l'auteur de cet ouvrage ayant été tué par les Turcs“...

Все это подтверждено ссылками на переписку съ Вольтеромъ, Фальконетомъ, г-жей Бельке и на мемуары Массона.

Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ нѣкоторыми противорѣчіями. Прежде всего, весьма невѣроятно, чтобы Екатерина „не читала“ книги, когда была ею „очень недовольна“ (Массонъ говоритъ даже, что она ее „ненавидѣла“, какъ и исторію Левека) и когда даже „принимала живое участіе“ въ составленіи опроверженія. Упомянутое о „свѣчныхъ огаркахъ“ также едва ли могло быть сдѣлано „по отзывамъ другихъ“; всего проще принять, что она сама читала этотъ эпизодъ въ книгѣ Шаппа.

Затѣмъ, г. Бильбасовъ уже рѣшительно отвергаетъ авторство имп. Екатерины въ „Антидотѣ“. Приводимъ сполна его соображенія:

„Кто былъ авторомъ Антидота — неизвѣстно; несомненно, однако, что не Екатерина. Она интересовалась этимъ опроверженіемъ; вѣроятно, читала его въ рукописи, быть можетъ, исправляла, дополняла своими замѣчаніями и разсказами, но не она писала Антидотъ. Это важно установить для ея литературной чести. Приемы критика, его система—ниже всякой критики, недостойны важности предмета и не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Придирки критика часто мелочны и не всегда справедливы. Шаппъ пишетъ: on fait souvent la route de Pétersbourg à Moscou en deux jours. Антидотъ опровергаетъ; „знаю, что доѣзжаютъ въ 52 часа; не знаю, составляетъ ли это, по мнѣнію аббата, два дня“; Шаппъ пишетъ: maslinitza, Антидотъ

maslinitza ¹⁾ и т. п. Аббатъ говорить, что великимъ постомъ les Russes ne se nourrissent qu'avec un pain noir et avec du gruau et de l'huile de chenevis; dans les autres temps de l'année ils se nourrissent surtout de poisson et de piroguis; по Антидоту „русскимъ разрѣшается ѣсть постомъ рыбу и овощи, въ которыхъ у нихъ весьма много; а въ остальное время года они ѣдятъ похлебку съ мясомъ; въ Россіи много крестьянъ, у которыхъ ежедневно на столѣ соленая или свѣжая говядина, и въ этому они присоединяютъ капусту, грибы, иные овощи и кашу“. Иногда разсужденія Антидота наивны даже для нашего времени: „Взяты въ Россіи строго запрещены, и воевода не имѣетъ права дѣлать никакихъ поборовъ“; „наше правительство, далекое отъ того, чтобы подавлять умъ, таланты и чувства всякаго рода, занято лишь тѣмъ, что поощряетъ и награждаетъ умъ, таланты и всѣ чувства честныя и полезныя обществу“ и т. п. Книга Шаппа есть „злостная болтовня“; онъ „надуваетъ народъ“; его трудъ— „печатная клевета“; онъ „легко переходитъ отъ одного противорѣчія къ другому, отъ нелѣпости ко лжи“; авторъ— „безмозглый аббатъ“, „осель“, и Антидотъ сожалѣетъ, наконецъ, что Шаппъ не погнѣбъ на потонувшемъ кораблѣ! Это все не доводы, а брань, унижающая критика. Для тѣхъ, кто знакомъ съ „образомъ мыслей Екатерины и съ приемами ея умозаключеній“ ²⁾, очевидно, что Антидотъ писанъ не Екатериною. Иногда онъ можетъ быть опровергнутъ писаніями самой же императрицы. Такъ на стр. 311 Антидота опровергается слѣдующее мѣсто Шаппа: Pierre III monte en chancelant sur le trône, dont il aurait peut être été privé pour toujours, si Elisabeth avait vécu sept à huit jours de plus, вполне подтверждаемое собственноручною запискою Екатерины о „Послѣднихъ мысляхъ покойной императрицы Елизаветы Петровны“ (Русскій Архивъ, 1863, 383).

„По поводу поѣздки Шаппа въ Сибирь существуетъ цѣлая переписка въ нашей академіи наукъ, изданная отчасти Пекарскимъ (Сборникъ, X, 317); между тѣмъ Антидотъ глумится надъ намеками Шаппа на эту переписку (237), чего не могло бы быть, еслибы Антидотъ былъ составленъ Екатериною, какъ равнымъ образомъ въ этомъ случаѣ сохранились бы бумаги ея почерка— до настоящаго времени не найдено, однако, ни одного листа.

„Въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества напеча-

¹⁾ Здѣсь, кажется, недоразумѣніе, происходящее отъ опечатокъ: „Антидотъ“ пишетъ не maslinitza, а maslanitza (см. 1-е изданіе, ч. I, стр. 22).—А. П.

²⁾ Г. Вильбасовъ имѣетъ въ виду слова г. Бартенева, „Осмнадцатый вѣкъ“, IV, стр. 463.

танъ „Собственноручный отрывокъ Екатерины II съ опроверженіемъ свѣдѣній аббата Шаппа о Россіи“ (X, 317) только по недоразумѣнію: это записка не Екатерины, что очевидно по формѣ, а неизвѣстнаго автора, изложившаго *les motifs qui m'engagent à supplier votre illustre patron de parcourir un ouvrage, que je crois digne de son attention* (319). Екатерина переписала эти 30 печатныхъ строкъ, и они приняли совершенно иной видъ въ Антидотѣ, гдѣ занимаютъ 299 страницу. Кромѣ этой маленькой записки, въ Госуд. Архивѣ хранится рукопись Антидота рукою статсъ-секретаря Козницкаго—онъ ли составлялъ опроверженіе, А. П. Шуваловъ ли, или кн. Дашкова, какъ говоритъ Вольтеръ, остается открытымъ вопросомъ; но, кажется, несомнѣнно, что не Екатерина, хотя она интересовалась Антидотомъ и, быть можетъ, вліяла на его составленіе“.

Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ категорическимъ отрицаніемъ принадлежности „Антидота“ Екатеринѣ II. Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ г. Бильбасова.

Если имп. Екатерина утверждала, что не придаетъ книгѣ аббата Шаппа никакого значенія, не интересуется имъ, и однажды говоритъ даже, что авторъ „Антидота“ былъ убитъ въ войнѣ съ турками,—этого вовсе не слѣдуетъ принимать буквально: въ дѣйствительности, она сама писала „Антидота“, но вслѣдствіе старалась скрыть свое авторство, для чего, между прочимъ, и употребляла подобныя отговорки. Свое авторство она хотѣла скрыть, безъ сомнѣнія, потому, что не хотѣла становиться въ рядъ съ опровергаемымъ авторомъ, котораго, въ самомъ дѣлѣ, „ненавидѣла“ (*haïssait*, по словамъ Массона), а также и презирала; ей не хотѣлось подъ ея даже полускрытымъ именемъ вступать въ споръ съ презираемымъ писателемъ, и хотѣлось, однако, чтобы были сказаны тѣ рѣзкія слова, какихъ немало въ „Антидотѣ“ и въ которыя именно отразилась вся мѣра ея негодованія. Не знаемъ, откуда взято г. Бильбасовымъ показаніе о томъ, что Екатерина „не читала“ фоліантовъ Шаппа ¹⁾: упоминанія о книгѣ въ ея перепискѣ не оставляютъ сомнѣнія, что она, напротивъ, очень знала книгу; и то обстоятельство, что она „искала лицъ“, способныхъ опровергнуть ошибки и невѣрности Шаппа, опять указываетъ, что книга именно задѣла ее за живое.

Приемы критики „Антидота“ г. Бильбасовъ называетъ мелоч-

¹⁾ Быть можетъ, недоразумѣніе по поводу словъ Екатерины въ письмѣ къ Вольтеру отъ 3—14 декабря 1771: „je ne l'ai jamais vu“, т.-е. автора, но не книгу.

ными: критика придирчива, не всегда справедлива, иногда наивна, еслибы даже примѣнялась въ нашему времени. И на нашъ взглядъ, критика не безукоризненна; но г. Бильбасовъ привелъ далеко не характерные примѣры; аббатъ не всегда дѣлалъ мелочныя ошибки и далеко не всегда былъ справедливъ по существу. Напротивъ, у него были ошибки очень крупныя; его осужденія русскаго народнаго характера, нравовъ, правленія, бывали дѣйствительно не только строгія, но несправедливыя, даже злорадныя, и въ этихъ случаяхъ авторъ „Антидота“ весьма естественно приходилъ въ негодованіе, которое иногда и переходило гравиты ¹⁾. Екатерина, которую мы считаемъ авторомъ „Антидота“, вѣроятно, чувствовала, что иногда мѣра была потеряна: она не хотѣла остановить своихъ раздражительныхъ словъ, не хотѣла только, чтобы они шли съ ея именемъ. Между прочимъ, были соображенія дипломатическія,—съ такимъ же раздраженіемъ она говорила о „суфлерахъ“ аббата, явно подразумѣвая герцога Шуазеля.

Замѣчаніе г. Бильбасова о томъ, что „Антидотъ“ неосновательно глумится надъ аббатомъ, который ссылался на мнимое порученіе петербургской Академіи, когда, „по поводу поѣздки Шаппа въ Сибирь, существуетъ цѣлая переписка въ нашей Академіи наукъ, изданная отчасти Пекарскимъ (Сборникъ X, 317)“,—это замѣчаніе не совсѣмъ точно.

Въ „Антидотѣ“ говорится слѣдующее: „13-го февраля аббатъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ вступаетъ въ препиранія съ Академіею наукъ, потому что эта послѣдняя назначила одного изъ своихъ членовъ ѣхать въ Тобольскъ, между тѣмъ какъ аббатъ имѣлъ притязаніе отправиться туда. Онъ столько интриговалъ при дворѣ и у министровъ, по собственному своему показанію, что наконецъ было рѣшено послать его предпочтительно передъ членомъ Санктпетербургской Академіи. Позвольте мнѣ, г. аббатъ, маленькое отступленіе. Эстампъ на главномъ листѣ книги заставляетъ предполагать, что вы по приказанію французскаго короля были посланы въ Сибирь, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры, и ваша книга даже начинается этими словами: „снабженный приказаніемъ короля и рекомендаціями Академіи и т. д.“. Мы и оставались въ этомъ заблуж-

¹⁾ Не ограничиваясь личными впечатлѣніями, приведу отзывъ Туріе: „...Chappe avait joint à la relation scientifique de son expédition une foule de remarques et de réflexions, plus ou moins oiseuses et superficielles, sur le sol, les mœurs et les coutumes du pays qu'il traversait en chaise de poste ou en traîneau“. Diderot et Catherine II, стр. 21—22.

деніи; но на страницѣ 25, въ крайнему своему удивленію, находимъ, что васъ выписала Петербургская Академія наукъ, вслѣдствіе долгаго вашего промедленія уже поручила другому члену это наблюденіе. Г. аббатъ, какъ согласите вы вашъ эстампъ съ этимъ обстоятельствомъ? И какую чертовскую путаницу производите вы, приписывая однимъ то, что принадлежитъ другимъ? А истина, г. аббатъ, гдѣ она?"

И эти слова фактически совершенно вѣрны. „Цѣлая переписка“, пересказанная Пекарскимъ на двухъ страницахъ въ „Исторіи Академіи наукъ“¹⁾, какъ выше отчасти указано, заключалась въ двухъ-трехъ частныхъ письмахъ, говорившихъ о необходимости астрономическаго наблюденія, и гдѣ даже не было названо имени аббата Шаппа; но эта частная переписка осталась „безъ дальнѣйшаго движенія“, а роль петербургской Академіи выразилась тѣмъ, что когда президентъ ея Разумовскій узналъ изъ Мемуаровъ *парижской* академіи объ отправленіи аббата Шаппа въ Россію, то писалъ въ академическую канцелярію, что это намѣреніе французской академіи показалось ему „для савѣтъ-петербургской ея императорскаго величества Академіи *весьма предосудительно*“, вслѣдствіе чего петербургская Академія и дѣйствительно приняла мѣры въ тому, чтобы это ученое предпріятіе „произвести дѣломъ самимъ безъ помощи французскихъ астрономовъ“: для этого назначены были академикъ Поповъ и адъютантъ Румовскій.

Далѣе, г. Бильбасовъ останавливается на приведенныхъ выше отзывахъ Щебальскаго. Послѣдній „не сомнѣвается, что возраженіе на книгу Шаппа писано Екатериной, *основываясь* на заявленіи Гримма, отъ 1771 года: „Сочиненіе подъ именемъ Антидота нынѣ приписываютъ Екатеринѣ II и ея камергеру Шувалову“, *забывая*, что Гриммъ въ то время не могъ знать „литературныхъ дѣлъ“ Екатерины“. Возраженіе г. Бильбасова не вполне точно. Щебальскій основывалъ свое заключеніе не только на словахъ Гримма, но и на другихъ показаніяхъ, а всего больше на цѣломъ характерѣ „Антидота“; притомъ и Гриммъ въ 1771 году не былъ такъ чуждъ литературнымъ дѣламъ Екатерины. Составляя свою „Корреспонденцію“, онъ назначалъ ее именно для высокопоставленныхъ лицъ; Екатеринѣ онъ предлагалъ ее еще въ 1764 году²⁾, и это былъ человѣкъ, очень хорошо знавшій свою высокопоставленную пуб-

¹⁾ Томъ II, стр. 696—698.

²⁾ Первые письма, во второмъ изданіи Грота. Спб. 1886.

лику. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ 1771-му году онъ умѣлъ собрать достаточныя свѣдѣнія и о сѣверной императрицѣ, въ которой обращался уже въ 1764. Лично онъ сталъ извѣстенъ императрицѣ съ 1773, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ въ свитѣ ландграфини гессенъ-дармштатской, дочь которой стала невѣстой в. кн. Павла Петровича, и съ тѣхъ поръ завязалась его переписка съ императрицей, занявшая въ новѣйшемъ изданіи два большіе тома, но не исчерпавшая всего матеріала. Его слова, что Антидотъ „нынѣ приписываютъ“ Екатеринѣ, могутъ указывать, что онъ зналъ другое мнѣніе о происхожденіи книги (напр. отъ кн. Дашковой), а потомъ получилъ болѣе достовѣрное свѣдѣніе.

На слова Щебальскаго, что книга аббата Шаппа произвела въ Европѣ впечатлѣніе, а „Антидотъ“ — никакого, г. Бильбасовъ замѣчаетъ, что это справедливо лишь отчасти, что „Антидота“, правда, „не читали въ Европѣ, чего онъ, впрочемъ, и не заслуживалъ“, но „Voyage en Sibérie“ подвергся строгой критикѣ тотчасъ по обнародованіи, и г. Бильбасовъ указываетъ большую статью противъ Шаппа, явившуюся въ *Correspondance Littéraire* Гримма за мартъ 1769, и пр.

Обратимся къ тѣмъ современнымъ показаніямъ, какія успѣли, объ отношеніи имп. Екатерины къ книгѣ аббата Шаппа. Этихъ показаній немного.

Екатерина упоминала о книгѣ аббата въ письмахъ къ Фальконету. Знаменитый скульпторъ, другъ Дидро, человекъ весьма просвѣщенный, пользовался ея довѣріемъ, и между ними былъ по поводу Шаппа слѣдующій обмѣнъ писемъ.

Въ ноябрѣ 1769, Фальконетъ писалъ Екатеринѣ (приводимъ письмо въ переводѣ): „Ваше величество удостоили разговаривать со мною о книгѣ аббата Шаппа и отвѣтъ, который было бы встати сдѣлать. Ежедневно слышу обвиненія этой книги въ легкомысліи и лжи. Какъ она въ сущности ни презрѣнна и слѣдовательно не заслуживаетъ бы формальнаго опроверженія, тѣмъ не менѣе было бы, безъ сомнѣнія, не дурно выставить ошибочныя клеветы этого писателя въ сочиненіи, которое не было бы издано нарочно съ этою цѣлью, но было бы весьма распространено; таково было мое мнѣніе, когда ваше величество мнѣ о томъ говорили. Если бы то было мое ремесло, то я испросилъ бы разрѣшенія, и отвѣтъ былъ бы сдѣланъ въ моей перепискѣ съ Дидеротомъ.“

„Вотъ средство, которое имѣю предложить вашему величеству и которое въ случаѣ вашего одобренія будетъ весьма удобно исполнимо.

„Есть здѣсь французъ, умный человѣкъ, занимающійся историческимъ описаніемъ современнаго состоянія Россіи. Человѣкъ этотъ, по имени Жиранъ, живетъ три года въ Петербургѣ; съ самаго пріѣзда онъ занимался собираніемъ свѣдѣній и матеріаловъ по мѣрѣ возможности. Если не ошибаюсь, у него умъ весьма живой и слогъ очень мѣткій. Я сужу по той части его труда, которая посвящена скульптурѣ и которую онъ считъ нужнымъ сообщить мнѣ, потому что въ ней говорится о статуѣ Петра Великаго. Остальная часть его сочиненія до меня не касается, я ее не видалъ и увижу ее лишь въ печати. Эта краткая исторія Россіи, мнѣ кажется, отвѣтитъ гораздо лучше, чѣмъ прямое опроверженіе на клеветы противъ Россіи (къ тому же Жиранъ очень недоволенъ книгою аббата).

„Вотъ, государыня, что я позволяю себѣ предложить вашему величеству. Если вамъ угодно будетъ одобрить это предложеніе, то, по моему мнѣнію, Жиранъ въ состояніи выполнить эту задачу; задачу честности и правды. Я не говорилъ ему о томъ и не буду говорить, куда не получу на то приказанія отъ вашего величества.

„Еслибы я не боялся утомить ваше величество слишкомъ длиннымъ письмомъ, то изложилъ бы вамъ затрудненіе, встречаемое г. де-Вильеромъ. Но такъ какъ я могу это сдѣлать въ первый разъ, когда буду имѣть позволеніе явиться во дворецъ, и при томъ сдѣлаю это лучше въ частномъ разговорѣ, то отлагаю это до того времени“.

Императрица въ тотъ же день отвѣчала Фальконету: „Я презираю аббата Шаппа и его книгу и не считаю его достойнымъ опроверженія, потому что высказанныя имъ глупости упадутъ сами собою; не знаю г. Жирара, но человѣкъ, по моему мнѣнію, весьма способный къ обличенію обмана, если бы его способности не заслуживали лучшаго назначенія, это г. де-Вильеръ; онъ уменъ, умѣренъ, очень образованъ. Вы мнѣ скажете, въ чемъ онъ нуждается, или лично, или письменно, какъ вамъ вздумается, а я всегда буду очень рада васъ видѣть и слышать“¹⁾.

О Вильерѣ упоминается и дальше въ этой перепискѣ, но нѣтъ никакой рѣчи объ опроверженіи аббата Шаппа и гово-

¹⁾ Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. XVII, стр. 98—95.

рится только объ устройствѣ его практическихъ дѣлъ и объ исправленіи сдѣланнаго Козицкимъ латинскаго перевода „Наказа“.

Эти переговоры, по всему вѣроятію, ни къ чему не привели; по крайней мѣрѣ дальше объ этомъ не было рѣчи. Изъ дальнѣйшаго очевидно, что предположенія, какія ходили, объ авторствѣ самого Фальконета совершенно невозможны. Въ мартѣ 1771 къ Фальконету писалъ другъ его Дидро: „Я получилъ отъ васъ три ваши книжки, письмо ко мнѣ, шутку подъ названіемъ „Les lunettes“ и Антидотъ на лжи аббата Шаппа“. Въ маѣ того же года Фальконетъ извѣщаетъ императрицу о полученіи письма Дидро, съ приложеніемъ другого для императрицы, спрашиваетъ, что онъ долженъ отвѣтить, и продолжаетъ: „Дидро хвалитъ также Антидотъ противъ лжи аббата Шаппа. Въ Парижѣ они думаютъ, что я авторъ этого сочиненія, еще мною невидѣннаго, несмотря на мои розыски. Смѣю ли по крайней мѣрѣ умолять ваше всемогущее величество вытребовать экземпляръ этой книги для моего употребленія, чтобы въ свою очередь познакомиться съ книгою, которую мнѣ понапрасну приписываютъ“. На другой день Екатерина отвѣчала: „Просимой вами книги у меня нѣтъ, я вамъ сказала это; я не нашла ее въ продажѣ и приказала выписать ее изъ Голландіи“¹⁾.

Едва ли сомнительно, что это былъ уклончивый отказъ: Екатерина не хотѣла показать своей близости къ этой книгѣ; ссылка на Голландію была, вѣроятно, мистификаціей, такъ какъ есть основанія думать, что „Антидотъ“ печатался не въ Голландіи, а въ Петербургѣ²⁾.

О книгѣ Шаппа Екатерина II упоминала въ письмахъ къ Вольтеру. Однажды, мимоходомъ, въ письмѣ отъ 12-го января 1771, говоря объ отъѣздѣ изъ Петербурга принца прусскаго, въ честь котораго данъ былъ ея великолѣпный праздникъ, Екатерина пишетъ: „Пять дней тому назадъ онъ (принцъ) оставилъ насъ; кажется, ему здѣсь понравилось болѣе, чѣмъ аббату Шаппу, который, проскакавъ по почтѣ въ закрытыхъ саниахъ, все видѣлъ въ Россіи“³⁾. Въ „Антидотѣ“ много разъ повторяется эта

¹⁾ Сборникъ, т. XVII, стр. 129, 133.

²⁾ Дальше увидимъ, что эта ссылка на Голландію была не единственная.

³⁾ Бумаги императрицы Екатерины II, т. III. Спб. (Сборникъ Ист. Общ., т. XIII), стр. 61. Такъ въ черновомъ письмѣ и также въ давно извѣстномъ печатномъ текстѣ. Voltaire. Edition-Touquet. Lettres de l'Impératrice de Russie et de M. de Voltaire. Paris, 1821, стр. 131. Новѣйшее изданіе: Oeuvres complètes de Voltaire. Ed. Garnier. Paris, Correspondance, 1882, XV, стр. 335. Изданіе воспользовалось, между прочимъ, и Сборникомъ Имп. Р. Историческаго Общества.

насмѣшка надъ учеными наблюденіями аббата изъ закрытаго возка, скача на почтовыхъ.

Въ другомъ письмѣ, отъ 3-го декабря 1771, Екатерина отвѣчаетъ на письмо Вольтера отъ 18-го ноября, гдѣ онъ говорилъ: „Я благодарю ваше императорское величество за все то, что вы удостоили сообщить мнѣ о южной Сибири; въ десяти строкахъ вы сказали мнѣ больше, чѣмъ аббатъ Шаппъ въ фоліантѣ“; Екатерина отвѣчала: „Сказки аббата Шаппа не заслуживаютъ довѣрія. Я его никогда не видала, и однакожъ онъ, говорятъ, утверждаетъ въ своей книгѣ, что онъ мѣрилъ свѣчные огарки въ моей комнатѣ, гдѣ и ноги его никогда не было; это фактъ несомнѣнный“¹⁾.

Долго спустя, въ октябрѣ 1773, Екатерина писала г-жѣ Белье: „Вы не увидите третьей части Антидота²⁾, такъ какъ авторъ этого сочиненія убитъ турками“³⁾. Нѣкоторые принимали это извѣстіе за фактъ; но Гротъ, печатавшій эти письма, предполагалъ уже, что здѣсь можетъ быть мистификація. Дѣйствительно, объ этомъ мнимомъ авторѣ „Антидота“, убитомъ турками, не было больше рѣчи.

Таковы показанія самой императрицы. Какъ видимъ, изъ нихъ нельзя извлечь никакого прочнаго заключенія объ авторствѣ самой ли императрицы, или кого-нибудь другого; несомнѣнно одно, что аббатъ Шаппъ былъ для нея предметомъ величайшаго негодованія и презрѣнія, и нигдѣ нѣтъ прямого отрицанія съ ея стороны относительно ея участія въ составленіи этой книги.

Если обратимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, мы встрѣтимъ прямыя противорѣчія. Вольтеръ въ письмѣ къ Мармонтелю, въ іюнѣ 1771 года, приписывалъ „Антидотъ“ княгинѣ Дашковой⁴⁾. Это указаніе было лишено всякаго основанія: „кня-

¹⁾ Бумаги, тамъ же, стр. 199.

²⁾ Онъ былъ изданъ въ двухъ частяхъ.

³⁾ Бумаги, тамъ же, стр. 361, 449.

⁴⁾ Съ этого письма начинаются въ литературѣ толки объ авторствѣ кн. Дашковой. Вольтеръ писалъ Мармонтелю 21 іюня 1771: „Je dois vous dire que vous avez dans le Nord une héroïne qui combat pour vous: c'est M-me la princesse Daschkof, assez connue par des actions qui passeront à la postérité. Voici comme elle parle de votre chère Sorbonne dans son Examen du Voyage de l'abbé Chappe en Sibirie: „La Sorbonne nous est connue“... (и проч.). „J'ai eu deux jours cette étonnante princesse à Ferney; cela ne ressemble point à vos dames de Paris: j'ai cru voir Tomyris qui parle français“. Oeuvres complètes de Voltaire, éd. Garnier. Correspondance, 1882, XV, стр. 458—459. Приведенное Вольтеромъ мѣсто о Сорбоннѣ находится въ „Антидотѣ“, 1-го изд. I, стр. 208—209.

Новѣйшіе издатели Вольтера замѣчаютъ, что „если эта дама не принимала уча-

гинѣ Дашковой современники вообще приписывали много такого, что потомство оспариваетъ“, замѣчалъ Щербальскій, и княгиня Дашкова не могла быть авторомъ „Антидота“ потому уже, что въ эти годы она путешествовала за границей, отношения съ Екатериной очень охладилась, и она не могла быть исполнительницей желаній императрицы, еслибы послѣдняя поручала кому-нибудь написать опроверженіе — планъ былъ слишкомъ интимный; сама княгиня Дашкова едва-ли бы могла имѣть особый интересъ въ опроверженіи Шаппа и, наконецъ, просто была бы не въ состояніи написать „Антидота“ въ томъ видѣ, какимъ онъ вышелъ. Слухъ, повторенный Лаландомъ, объ авторствѣ Дашковой и также Фальконета, не имѣетъ никакого основанія, особенно относительно скульптора. Выше мы привели показаніе Гримма, которое имѣетъ видъ поправки прежнихъ неосновательныхъ предположеній. Извѣстный историкъ Екатерины II, Кастера, считаетъ „Антидотъ“ сочиненіемъ Екатерины. Наконецъ, извѣстный графъ Сегюръ, долго жившій при петербургскомъ дворѣ, въ своихъ запискахъ говоритъ прямо объ „Антидотѣ“, какъ о сочиненіи императрицы Екатерины. Онъ рассказываетъ: „Екатерина II знала, что въ то время многіе, особливо во Франціи и въ Парижѣ, еще смотрѣли на Россію, какъ на страну азиатскую, бѣдную, погруженную въ невѣжество, мракъ и варварство, что тамъ намѣренно смѣшивали новую и европейскую Россію съ азиатской и дикой Московіей. Сочиненіе аббата Шаппа, которое она считала написаннымъ по приказанію герцога Шуазеля, все еще лежало у нея на душѣ, и ея самолюбіе безпрестанно оскорблялось язвительностью Фридриха II, которому нравилось говорить съ горькой ироніей о финансахъ Екатерины Второй, о ея политикѣ, о плохой тактикѣ ея войскъ, о рабствѣ ея народовъ и о непрочности ея могущества... Герцогъ Шуазель мало щадилъ самолюбіе Екатерины II. Въ Россіи думали,

стія въ „Антидотѣ“, кажется несомнѣннымъ, что по крайней мѣрѣ ее считали за автора. Могло быть, что княгиня, которая была близка къ Екатеринѣ и принимала участіе въ переворотѣ 1762, согласилась служить маской для императрицы“. Corresp., XV, стр. 335. См. еще въ томъ же собраніи письмо къ Рильеру отъ 8 августа 1774. Correspondance, 1882, XVII, стр. 51

Въ письмѣ отъ 10 іюля 1771, къ императрицѣ, Вольтеръ упоминаетъ „Антидотъ“: „J'avais lu, dans une critique assez vive du grand ouvrage de l'abbé Chappe, que dans une contrée de l'occident, appelée le pays de Welches, le gouvernement avait défendu l'entrée du meilleur livre et du plus respectable que nous ayons“ — онъ говоритъ о „Наказѣ“, во французскомъ переводѣ, и подтверждаетъ это свидѣніемъ, какія получилъ изъ Франціи о запрещеніи книги (Corresp., XV, стр. 475—476). Но о самой „критикѣ“ ни малѣйшаго намека, чтобы онъ считалъ ее нечуждой Екатеринѣ.

что сатирическое сочиненіе аббата Шаппа было внушено этимъ министромъ... Аббатъ Шаппъ, издавая свое путешествіе въ Сибирь, жестоко осмѣялъ нравы русскаго народа и правительство Екатерины II; она опровергла его книгой, которой дала названіе „Антидота“¹⁾.

Княгиня Дашкова, которая въ шестидесятихъ годахъ была въ Парижѣ, говорила о Шуазелѣ не иначе: „онъ былъ тогда первымъ министромъ и былъ врагъ нашего кабинета; онъ очернял императрицу, какъ только могъ, и императрица его не любила“²⁾.

Въ письмѣ къ Вольтеру отъ 12 января 1771 Екатерина II говоритъ о Шуазелѣ, который передъ тѣмъ потерялъ свое значеніе и былъ сосланъ въ имѣніе: „Вельможа, который возненавидѣлъ меня, не имѣетъ уже болѣе голоса въ капитулѣ; преемники его, быть можетъ, будутъ отличать дѣла отъ личныхъ страстей; по крайней мѣрѣ, для блага здраваго смысла, надобно на это надѣяться“³⁾.

Переходимъ къ тѣмъ старымъ архивнымъ матеріаламъ, которые относятся непосредственно къ „Антидоту“. Въ Государственномъ Архивѣ хранятся два документа, которые сюда принадлежатъ. Одинъ изъ нихъ есть небольшой отрывокъ, писанный рукою императрицы по-французски, и изданный въ „Бумагахъ“⁴⁾; другой есть, не однажды упомянутая нашими историками, рукопись „Антидота“, писанная тогдашнимъ секретаремъ императрицы Козицкимъ. Объ этой рукописи мы скажемъ дальше и остановимся на отрывкѣ, писанномъ самой императрицей.

Въ изданіи „Бумагъ“ онъ озаглавленъ такъ: „Собственноручный отрывокъ Екатерины II съ опроверженіемъ свѣдѣній аббата Шаппа о Россіи“, и такъ какъ онъ не великъ,—приводимъ его сполна въ переводѣ:

„Изъ всѣхъ подсылщиковъ (émissaires),—говорится здѣсь,—которыхъ съ давняго времени интрига и себялюбіе употребляютъ, чтобы нарушать спокойствіе на землѣ, я охотно повѣрю, что ученый аббатъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть самый лукавый и методическій. Предупрежденный, что въ Европѣ слишкомъ высокаго мнѣнія о русскомъ могуществѣ и что это мнѣ-

¹⁾ Mémoires, par M. le Comte de Ségur. Paris. 1842, т. II, стр. 188—211; т. III, стр. 20; Сборникъ Ист. Общ., т. XVII, стр. 278—274.

²⁾ Mon histoire, въ Архивѣ князя Воронцова. М. 1881, кн. XXI, стр. 144.

³⁾ Бумаги, т. III (Сборн., т. XIII), стр. 61, черновое письмо; Voltaire. Edition-Touquet, стр. 180, съ нѣкоторыми вариантами.

⁴⁾ Томъ II (Сборн., т. X), стр. 317—320).

нѣ можетъ сдѣлаться слишкомъ значительнымъ и вреднымъ для вѣчныхъ предположеній французской политики, онъ взялъ на себя уничтожить его и доказать, что ваша имперія вовсе ничего не имѣетъ страшнаго и что такъ думаютъ по недостатку изслѣдованія.

„Подъ предлогомъ наблюденія соединенія прекрасной Вейеры съ дневнымъ свѣтиломъ, онъ принялся измѣривать источники вашего могущества, т.-е. ежегодные доходы государства, ваши сухопутныя и морскія силы, состояніе вашего населенія, произведенія вашей торговли и вашихъ рудниковъ; качество вашихъ земель и изумительное пространство вашихъ лѣсовъ и пустынь. Кажется даже, что онъ не забылъ устройство вашего правительства, духъ и свойство народовъ; глубокое невѣжество духовенства; многочисленность монаховъ; дикое воспитаніе дѣтей и то, что заслуживаетъ также быть ненавидимымъ—отвратительное слово и дѣло; весьма несправедливое презрѣніе и рабство, на которыя обреченъ полъ, нарочно созданный для украшенія челоуѣчества. Надобно думать, что въ Россіи менѣе таинственны и болѣе сообщительны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что вкрадчивый аббатъ сумѣлъ достать то, изъ чего составились у него аналитическія таблицы, гдѣ вычислены и приведены въ ясность силы и доходы имперіи, какъ это видно въ первомъ томѣ, изданномъ, какъ говорятъ, по приказанію и на счетъ одного министерства, которое интересуется уясненіемъ ничтожности тѣхъ силъ и доходовъ. Вотъ эти-то побужденія и заставляютъ меня просить вашего знатнаго покровителя пробѣжать сочиненіе, которое я считаю достойнымъ его вниманія. Онъ будетъ также восхищенъ, подобно мнѣ, найдя справедливое и краснорѣчивое изображеніе превосходныхъ добродѣтелей и высокихъ качествъ, которыми небо надѣлило августѣйшую монархиню, въ чемъ ученый аббатъ имѣлъ сообразовать только съ очевидностью и истинною, и переписать академическимъ стилемъ, то, что они повѣдали всему нашему полушарію.

„Она (Европа) васъ опасается, что бы ни говорилъ аббатъ Шаппъ, но что за нужда? Лучше возбуждать страхъ, чѣмъ презрѣніе“.

Г. Бильбасовъ въ разборѣ „Антидота“ замѣтилъ, что этотъ отрывокъ помѣщенъ въ „Сборникѣ“ съ именемъ Екатерины „только по недоразумѣнію: это записка не Екатерины, что очевидно по формѣ, а неизвѣстнаго автора, изложившаго *les motifs qui m'engagent à supplier votre illustre patron de parcourir un ouvrage, que je crois digne de son attention.* Екатерина переписала эти

30 печатныхъ строкъ, и онѣ приняли совершенно иной видъ въ Антидотѣ, гдѣ занимаютъ 299 страницу¹⁾. Нельзя сказать, чтобы эти строки приняли въ „Антидотѣ“ совершенно иной видъ: близость двухъ текстовъ очень большая, но документъ остается очень теменъ и „votre illustre patron“ загадоченъ. Очевидно, что по формѣ, съ упоминаніемъ о „патронѣ“ и о самой Екатеринѣ, эта записка не могла идти къ кому-либо отъ имени самой императрицы. Могло быть одно изъ двухъ: или Екатерина представлень былъ проектъ подобной записки, и она списала копію и — частію воспользовалась текстомъ для „Антидота“ (который, по нашему мнѣнію, былъ ея сочиненіемъ); или, наоборотъ, она сама, пользуясь уже написаннымъ „Антидотомъ“, сама составила проектъ письма, которое должно было быть отправлено кому-то отъ имени другого лица. Видимо, на кого-то хотѣли подѣйствовать, въ комъ-то хотѣли уничтожить впечатлѣніе, какое могла произвести книга аббата Шаппа.

Не находится ли объясненіе этого запутаннаго дѣла въ одномъ автографѣ имп. Екатерины, о которомъ мы знаемъ только по указанію Турнѣ. Упомянувъ, что извѣстный историкъ Екатерины, Валишевскій, признаетъ за нею авторство „Антидота“, Турнѣ замѣчаетъ, что нѣкоторое вѣроятіе этому мнѣнію могла бы дать неподписанная записка императрицы къ неизвѣстному лицу, находящаяся въ одной коллекціи автографовъ, такого содержанія: „Faites tomber ce livre, — писала она изъ Петербурга 23 ноября 1770, — entre les mains du prince (de Kaunitz), mais gardez-vous bien de dire que j'y ai part. Vous connaissez la première partie, la seconde vaut mieux“²⁾.

Если имп. Екатерина говорила здѣсь, что она „принимала участіе“ въ книгѣ, это — опять уклончивый способъ выраженія, изъ котораго нужно заключить, что книга была ею и написана.

Въ концѣ своего разбора „Антидота“ г. Бильбасовъ, категорически отрицавшій авторство Екатерины II, потомъ нѣсколько смягчилъ это отрицаніе. Сказавъ объ упомянутой запискѣ императрицы, напечатанной въ „Бумагахъ“, и о рукописи „Антидота“, писанной Козицкимъ, г. Бильбасовъ говоритъ: „онъ ли (Козицкій) составлялъ опроверженіе, А. П. Шуваловъ ли или вн. Дашкова, какъ говорить Вольтеръ, остается открытымъ во-

¹⁾ Стр. 299 относится къ русскому переводу „Антидота“ въ „Осмнадцатомъ вѣкѣ“.

²⁾ M. Tourneux, Diderot et Catherine II. Paris, 1899, стр. 23.

просомъ; но, *кажется*, несомнѣнно, что не Екатерина, хотя она интересовалась Антидотомъ и, *быть можетъ*, вліяла на его составленіе“. Далѣе, намъ кажется совершенно вѣрнымъ предположеніе г. Бильбасова: „читая Antidote въ подлинникѣ, не въ русскомъ переводѣ, позволяемъ себѣ высказать догадку, что Антидотъ писанъ нѣсколькими лицами, не однимъ лицомъ“. Ниже мы приведемъ архивные факты, которые должны подтверждать эту догадку.

Критики „Антидота“ не обратили вниманія еще на одну замѣтку Пекарскаго, которая указываетъ несомнѣнно, во-первыхъ, на ближайшее участіе Екатерины II въ „Антидотѣ“, и, во-вторыхъ, на то, что у нея были при этомъ сотрудники. Въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“ Пекарскій помѣстилъ въ примѣчаніи слѣдующую замѣтку:

„Есть извѣстіе, что въ составленіи „Антидота“ участвовалъ гр. Андрей Шуваловъ. Кераръ (*Les supercheries littéraires dévoilées*, I, 211) опровергаетъ это, но довольно голословно, безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ. Вотъ одно письмо А. Шувалова къ императрицѣ, можетъ быть, относящееся къ „Антидоту“: „*Madame. J'ai exécuté les ordres de Votre Majesté Impériale, et Mr. Kasitski a écrit le tout de sa main en mettant à la fin les augmentations que vous avez daigné approuver; et nous hazardons encore une augmentation qui est soulignée, et que nous soumettons aux lumières de Votre Majesté. J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et avec toute la reconnaissance que je dois à vos bontés*

„Madame

„de votre Majesté Impériale

„Le très humble très obeissant et très soumis,

„serviteur et suget

„C. A. de Schouvaloff.

„Le 10 mai 1768. St.-Petersbourg“.

(Въ письмѣ соблюдено правописаніе подлинника, который весь писанъ рукою самого Шувалова ¹⁾).

Мы скажемъ дальше о рукописи Козицкаго, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ, и обратимся къ самому сочиненію. Не повторяя того, что было нами сказано въ „Исторіи русской этнографіи“ о характерѣ и содержаніи „Путешествія въ Сибирь“

¹⁾ „Матеріалы“ и пр. Слб. 1863, стр. 6. Это письмо, по всей вѣроятности, взято изъ того же Госуд. Архива: въ началѣ своей статьи Пекарскій умалчиваетъ о Госуд. Архивѣ, но въ концѣ говоритъ о немъ прямо.

и его опроверженія въ „Антидотѣ“, мы соберемъ общія замѣчанія о характерѣ „Антидота“ и сообщимъ нѣкоторыя новыя соображенія, которыя могутъ разъяснить такъ давно окруженный недоумѣніями вопросъ объ авторѣ этой книги.

По моему мнѣнію, хотя бы еще не былъ окончательно рѣшенъ этотъ вопросъ, „Антидотъ“ долженъ занять мѣсто въ изданіи сочиненій имп. Екатерины. Еще въ изданіяхъ классическихъ и церковныхъ писателей, на ряду съ ихъ несомнѣнными произведеніями, помѣщались *dubia*, *spuria*, *pseudepigrapha*, сомнительныя и имъ приписываемыя, — помѣщались, въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій, и какъ косвенный матеріалъ въ исторію ихъ литературнаго труда. „Антидотъ“ не долженъ бы быть опущенъ, хотя бы въ качествѣ „сомнительнаго“, пока еще не разъясненнаго произведенія; онъ долженъ быть принятъ во вниманіе, еслибы былъ составленъ только по внушенію имп. Екатерины, или еслибы въ немъ была хотя небольшая доля ея участія. Но, сколько я думаю, „Антидотъ“ совсѣмъ не требуетъ этихъ оговорокъ, и долженъ занять мѣсто въ ряду сочиненій императрицы — потому что онъ именно ей принадлежитъ.

Историки, отвергавшіе принадлежность имп. Екатеринѣ „Антидота“ по тому соображенію, что онъ представляетъ, по ихъ мнѣнію, недостаточную или слишкомъ мелочную критику книги аббата Шаппа, дѣлали ту ошибку, что судили полемическое сочиненіе, писанное 130 лѣтъ тому назадъ, по мѣрѣ нынѣшней критики: если нынѣшняя критика, по всѣмъ успѣхамъ литературы, можетъ и должна быть болѣе обстоятельна и безпристрастна, то этихъ качествъ невозможно въ ту же мѣру требовать отъ сочиненія второй половины XVIII вѣка, — и особенно если принять въ соображеніе свойства характера и положенія лица, которому критика принадлежала или могла принадлежать.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя прежде всего не обратить вниманія на весь тонъ, въ какомъ написанъ „Антидотъ“. Этотъ тонъ таковъ, что мы дѣйствительно не можемъ представить себѣ, кому онъ могъ бы принадлежать кромѣ самой имп. Екатерины. Это — тонъ крайняго негодованія, мѣстами высокоумнаго презрѣнія въ легкомысленному писателю, который, мало видѣвъ страну, не зная языка, взялся судить и рядить о Россіи, притомъ весьма пренебрежительнымъ образомъ, какъ о странѣ варварской, съ деспотическимъ правленіемъ, рабствомъ народа, грубыми правами и т. д. Припомнимъ, что это было именно время „Наказа“ и собранія депутатовъ. Имп. Екатерина была увлечена великодуш-

ными просвѣдательными планами, ожидала, что она создастъ новую эпоху въ жизни русскаго государства и общества: то высокое и человѣчное, что она возвыщала съ высоты престола, она считала своимъ созданиемъ; величіе Россіи она считала своимъ величіемъ, и защиту достоинства русской націи—своимъ личнымъ долгомъ. Потому книга аббата Шаппа и должна была произвести на нее то впечатлѣніе, которое отразилось на каждой страницѣ „Антидота“: возражая противъ аббата, авторъ является негодующимъ, страстнымъ полемистомъ; онъ нападаетъ на аббата на каждомъ шагѣ, говоритъ о немъ съ насмѣшкой, нерѣдко презрительной; въ половинѣ книги получено было извѣстіе о смерти аббата, — но и это не останавливаетъ негодующаго тона; поминается не только Mr. le Defunt, но особенно его „суфлеры“¹⁾. Опроверженіе ведется такъ, какъ будто авторъ „Антидота“ видѣлъ въ книгѣ аббата свое личное оскорбленіе; то, что историкамъ казалось мелочно-придирчивымъ, есть именно это личное раздраженіе, скажемъ даже, женская нетерпѣливость. У кого могъ явиться подобный тонъ?

Авторъ „Антидота“ вноситъ въ свои обличенія еще одну своеобразную черту: онъ считаетъ Шаппа какъ бы только орудіемъ, дѣйствовавшимъ по чужому внушенію, много разъ упоминаетъ его „суфлеровъ“ („Шаппъ и компанія“, „les ennemis de notre gloire“). Какое частное лицо (которое предположили бы авторомъ „Антидота“) могло бы принимать такъ близко къ сердцу дипломатическія отношенія, видимо хорошо извѣстныя, и такъ настойчиво указывать на иностраннаго министра? Мы видѣли выше, каковы были дѣйствительныя отношенія, и до какой степени имп. Екатерина не терпѣла Шуазеля²⁾.

Въ опроверженіе рассказовъ аббата о русскихъ нравахъ и обычаяхъ, — рассказовъ иногда дѣйствительно нелѣпыхъ и зложелательныхъ, — авторъ „Антидота“ беретъ свои аргументы изъ русской подлинной исторіи, объясняетъ истинный смыслъ обы-

¹⁾ Извѣстныя слова о самомъ аббатѣ повторяются каждый разъ, когда упоминается авторъ „Путешествія въ Сибирь“. О смерти Шаппа—въ „Антидотѣ“, часть II, стр. 61, 133, 134, 168, 280 (по французскому изданію 1770).

²⁾ Намеки и прямые указанія на внушенія Шаппу обильно разсѣяны въ книгѣ, наприимѣръ, ч. I, стр. 8 (*souffleur de Moustapha, o герцогѣ Шуазель*), 39 (здѣсь сказано даже: „l'objet de l'Abbé est de représenter le peuple de la Russie brute et dans la plus grande misère; il veut que tout soit mal: on jureroit, qu'il est payé pour donner aux choses un tour noir et odieux. Ouvrés les yeux, Mr. l'Abbé, vous ne tromperés guere, que vous même“), стр. 40, 63 („враги славы Россіи“), 70, 80, 98, 118, 141, 142 (объясненіе плана „суфлера“); ч. II, стр. 123, 163, 168, 194, 206, 207.

чаебъ, въ защиту ихъ мнимой особенной грубости приводитъ сравненіе ихъ съ обычаями другихъ европейскихъ народовъ, особливо французскими. Эти обращенія въ исторіи, эти толкованія русскихъ обычаевъ, народнаго языка напоминаютъ именно то лицо, которое нѣсколько позднѣе является составителемъ „Записокъ касательно русской исторіи“, авторомъ комическихъ оперъ, гдѣ выводятся на сцену русскіе народные обычаи, сказки, пѣсни, было знакомо „простыхъ и коренныхъ словъ“¹⁾.

Когда въ книгѣ аббата идетъ рѣчь о русскомъ правленіи, авторъ „Антидота“—и это постоянно—возмущается словомъ „деспотическій“, какое всегда употребляетъ аббатъ вмѣсто „монархическій“. Авторъ „Антидота“ съ негодованіемъ отвергаетъ „се пом odieux“, „се tegme odieux“, защищаетъ русскую власть отъ обвиненія въ деспотизмѣ, много разъ ссылается на „Наказъ“, а съ другой стороны приводитъ французскому писателю примѣры изъ французскаго правленія, съ его произволомъ, lettres de cachet и Бастилей. Автору „Антидота“ извѣстны и разные анекдотическіе эпизоды изъ старой и новѣйшей французской жизни, которыми онъ также пользуется²⁾.

Когда идетъ рѣчь о русской администраціи, положеніи народа, о налогахъ и т. п., авторъ „Антидота“ и здѣсь имѣетъ обстоятельныя свѣдѣнія,—какъ въ тѣхъ „Questions et Réponses“, гдѣ имп. Екатерина давала отвѣты на вопросы Дидро.

Далѣе, авторъ „Антидота“ есть большой почитатель знаме-

¹⁾ Напримѣръ, ч. I, стр. 88, 102 (о древней русской торговлѣ), 194 (о дворянствѣ), 143—144 (объясненіе русскихъ переворотовъ), 145 (тайная канцелярія, которая была то же что Бастилья), 150—163 (воцареніе имп. Елизаветы), 167 и далѣе (подробности о смерти Елизаветы, которыя являются прямо собственными свидѣтельствами Екатерины II); ч. II, стр. 24, стр. 42—79 (подробное описаніе царской свадьбы), 168 (свѣдѣнія о русскихъ лѣтописяхъ) и т. д.; упоминаніе о матросскихъ пѣсняхъ во время экспедиціи Алексѣя Орлова, II, стр. 114.

²⁾ О словѣ „деспотизмъ“ ч. I, стр. 81, 122—124; ч. II, стр. 19.

Ссылки на „Наказъ“: ч. I, стр. 65—66, 123, 133, 179; ч. II, стр. 89, 120, 135, 193, 206, 207, 228.

По всей книгѣ разсѣяны замѣчанія о русскомъ управленіи, судахъ, податахъ и недонимкахъ (которыя „очень невелики“, I, стр. 40), о судоходствѣ по Камѣ и Волгѣ (I, стр. 58); замѣчанія экономическія (I, стр. 95, 110 и далѣе, 171); о крѣпостномъ правѣ (I, стр. 195, 197, и дальнѣйше сравненіе съ положеніемъ народа въ другихъ государствахъ, стр. 198—200; II, стр. 128—129).

О духовенствѣ: ч. I, стр. 206; ч. II, стр. 78.

Опять по всей книгѣ разсѣяны сравненія русскихъ обычаевъ съ обычаями другихъ народовъ, напримѣръ, ч. II, стр. 43, 211, 229; о французскихъ бракахъ, когда женихъ совсѣмъ не видитъ невесты—II, стр. 80; о придворныхъ обычаяхъ русскихъ и французскихъ—I, стр. 182, и т. д.

итыхъ французскихъ писателей, какъ Вольтеръ, Монтескье, аббатъ Галиани; и когда Шаппъ приводитъ и изъ первыхъ двѣтри неблагопріятныхъ цитаты о Россіи, авторъ „Антидота“, не измѣняя своему уваженію къ этимъ писателямъ, устраняетъ ихъ отсылы на томъ, справедливомъ, основаніи, что они Россіи не выдали и руководились дурными источниками ¹⁾. Оспаривая слова аббата Шаппа, что способные люди, приглашаемые въ Россію изъ-за границы, большею частію не находили поощренія и уже не работали здѣсь съ такою ревностью, какъ въ своемъ отечествѣ, авторъ „Антидота“ замѣчаетъ, что аббатъ Шаппъ и его компанія (cohorte), „быть можетъ, надѣялись удержать этою картиною ученыхъ, которые захотѣли бы переселиться; однако, никогда писатели въ Россіи не были лишены поощренія и преслѣдуемы столько, сколько одни энциклопедисты испытали во Франціи препятствій и противорѣчій, и напротивъ, только отъ нихъ (энциклопедистовъ) зависѣло докончить свой трудъ среди полного спокойствія въ Россіи“ ²⁾.

Авторъ „Антидота“ много разъ говоритъ въ книгѣ о самомъ себѣ ³⁾. Обративъ вниманіе на эти мѣста, найдемъ, что слова автора представляютъ всего скорѣе личный опытъ или мнѣніе самой Екатерины II, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе сколько возможно прикрыть автора.

Кѣмъ же могъ быть написанъ „Антидотъ“? Кому могъ принадлежать этотъ тонъ лица, какъ бы власть имѣющаго, относительно иностранца, осмѣливающагося унижать достоинство Россіи; кто могъ такъ настойчиво указывать на „суфлеровъ“ аббата; кто соединялъ такіе интересы и знанія въ исторіи, народномъ бытѣ, администраціи, иностранныхъ обычаяхъ и пр.? Называли ея. Дашкову, — но по тому, что извѣстно объ ея литературной дѣятельности и характерѣ, ей невозможно приписать авторства „Антидота“, и ова тѣмъ болѣе еще не могла бы быть исполнительницей порученія императрицы (еслибъ таковое было), что въ эти годы отношенія къ ней императрицы были холодныя; относи-

¹⁾ См. ч. I, стр. 102, 130 (о Вольтерѣ: „personne n'a un plus profond respect pour M. de Voltaire que moi“; ср. слова Екатерины у принца де-Линь: „mon bon protecteur Voltaire“); II, стр. 24, 30, 116, 118, 178, 194, 198, 220; также о Юмѣ—II, 172.

²⁾ Ч. II, стр. 166, 167.

³⁾ Ч. I, стр. 36, 116, 164, 201; ч. II, стр. 86, 90, 92, 94, 114, 128 и др. Между прочимъ авторъ говоритъ о своемъ (мнимомъ) пребываніи за границей, ч. II, стр. 34—35. Ч. II, стр. 39, конечно сама императрица, а не кто-нибудь другой, хвалится Смоленскимъ монастыремъ, кадетскимъ корпусомъ, Академіей художествъ, Воспитательнымъ домомъ.

тельно участія гр. Андрея Шувалова есть лишь неясныя данныя; предполагать авторство Фальконета было бы, какъ мы видѣли, невозможно, тѣмъ болѣе еще, что ему, какъ иностранцу, многія стороны содержанія „Антидота“ были совсѣмъ недоступны.

Остается внѣшняя сторона книги. „Антидотъ“ изданъ необычно—безъ всякаго указанія мѣста печати: „Antidote 1770“, больше ничего. Очевидно, было стараніе скрыть происхожденіе книги,—стараніе, которое не было бы нужно, еслибы авторомъ было частное лицо, крупное или мелкое; въ этомъ послѣднемъ случаѣ было бы всего проще поставить имя автора, или псевдонимъ, и не скрывать типографіи.—И этотъ примѣръ не единственный. Подобнымъ образомъ издана была книжка „Le secret de la société anti-absurde“ (направленная противъ масоновъ), гдѣ для отвода глазъ мѣстомъ печатанія указанъ не Петербургъ (какъ несомнѣнно было въ дѣйствительности), а Кельнъ, и годъ —1759) Г. Бильбасовъ приводитъ изъ того же времени (1771) примѣръ „роскошнаго изданія довольно пустой (французской) брошюры въ защиту Россіи“, съ указаніемъ на „Амстердамъ“, но, по его мнѣнію, напечатанной также въ Петербургѣ ¹⁾.

„Антидотъ“ напечатанъ несомнѣнно въ Петербургѣ. Здѣсь было главное заинтересованное лицо,—*сui prodest*. На это происхожденіе книги указываетъ одна мелкая, но постоянная подробность—весьма неаккуратная корректура. Невольно вспоминается первое изданіе „Велизарія“. Переведенный во время путешествія по Волгѣ—незадолго до „Антидота“—императрицею и ея приближенными, „Велизарій“ печатался видимо кѣмъ-либо изъ этихъ приближенныхъ (кому это было поручено); но это, конечно, былъ человѣкъ, весьма далекій отъ типографскаго дѣла, и въ корректурномъ отношеніи изданіе вышло весьма неаккуратно. То же повторилось и теперь. Печатаніе оказалось въ рукахъ неопытнаго корректора — кого-либо изъ приближенныхъ, можетъ быть, тогдашняго секретаря императрицы Козицкаго, или гр. А. П. Шувалова.—Въ какомъ-либо иномъ, особенно заграничномъ, изданіи такая неаккуратность корректуры была бы невозможна,—тамъ была въ этому простому дѣлу слишкомъ большая привычка и рутина. Второе изданіе „Антидота“, сдѣланное въ 1772 въ Амстердамѣ, совершенно исправно.

Въ архивныхъ занятіяхъ мнѣ привелось прочесть много французскихъ рукописей имп. Екатерины, и мнѣ, — какъ могло бы каждому, кто съ ними знакомъ,—бросилось въ глаза, при чтеніи печатнаго „Антидота“ (въ первомъ изданіи) слѣдующее стран-

¹⁾ Исторія Екатерины Второй. XII, № 160.

ное обстоятельство. Во французской орфографіи императрицы бывали извѣстныя неправильности, и онѣ систематически повторяются въ печатномъ „Антидотѣ“: изъ множества примѣровъ приведу нѣсколько. Такъ, въ рукописяхъ и въ печатной книгѣ читается одинаково: *embarras*, *suporter*, *raporter*, *dont* (вм. *donc*), *dessider* (вм. *décider*), *cens* (вм. *cent*), *rependre* (вм. *repandre*), *descence* (вм. *déscence*), *il ni a pas* (вм. *il n'y a pas*) и т. п. Непривычный корректоръ не исправилъ опечатокъ, а источникомъ ихъ была рукопись императрицы. Извѣстны слова ея къ принцу де-Лань ¹⁾: „*je suis une Gauloise du Nord, je n'entends que le vieux français; je n'entends pas le nouveau*“; отъ своихъ старыхъ учителей въ первой половинѣ XVIII вѣка она усвоила старую манеру правописанія и сохранила ее до конца жизни, и въ Антидотѣ (перваго изданія) мы встрѣчаемъ: *porces* (отъ лат. *nuptiae*) вм. *poces*, *poingt* вм. *poing*, *souls* вм. *sous*, *guayeté* вм. *galté* ²⁾ и т. п. Въ рукописяхъ и въ первомъ изданіи Антидота та же манера перечисленій: во-первыхъ, во-вторыхъ и пр.—*primo, secundo, tertio* ³⁾.

Въ изложеніи Антидота разбросано немало другихъ подробностей, которыя опять заставляютъ думать, что авторомъ была императрица, а не кто-либо иной. Рассказывая объ обычаяхъ зажигать свѣчи и лампы передъ образами, аббатъ Шаппъ упоминаетъ, что огарки свѣчей, отъ которыхъ, по его словамъ, часто происходятъ пожары, находятся даже въ комнатахъ императрицы. „Этотъ аббатъ,—читаемъ въ Антидотѣ,—неподражаемъ въ своихъ нелѣпостяхъ. Онъ проникъ до апартаментовъ императрицы. Онъ былъ тамъ какъ свой, и такъ какъ онъ очень любознателенъ, онъ забавлялся тѣмъ, что измѣрялъ, съ точностію академика, свѣчи передъ образами: въ нихъ было отъ шести до семи дюймовъ вышины и отъ трехъ до четырехъ линій толщины. Не подумаешь-ли, что онъ говоритъ правду? И чтѣ же, другъ читатель? Во всемъ этомъ правды—ни слова. Аббатъ въ жизни своей не былъ въ апартаментахъ императрицы, и въ нихъ нѣтъ свѣчечекъ вышиной отъ семи до восьми дюймовъ, и толщиною отъ трехъ до четырехъ линій, ни передъ образами, ни за ними. Послѣ этой черты, другъ-читатель, вѣрьте рассказамъ аббата“ ⁴⁾. Это

¹⁾ Oeuvres du prince de Ligne. Brux., 1860, III, стр. 19.

²⁾ Ч. I, стр. 24, 37; II, стр. 41, 144 и др.

³⁾ I, стр. 94, 113, 136, 148, 154, 171, 188; II, стр. 45 и пр.

⁴⁾ Ч. I, стр. 43, 44. Выше указано, что Екатерина приводитъ эту подробность въ письмѣ къ Вольтеру отъ 3 декабря 1771; „il (l'abbé Chappe) prétend dans son livre avoir mesuré, dit-on, des bouts de bougie dans ma chambre“.

говорить, очевидно, хозяйка апартаментовъ. Авторъ Антидота осуждаетъ предубѣжденіе врачей противъ оспопрививанія ¹⁾, которое, какъ извѣстно, имп. Екатерина въ это самое время ревностно защищала. Авторъ Антидота говоритъ о русскомъ и славянскомъ языкѣ (не безъ ошибокъ), отдаетъ предпочтеніе богатству русскаго языка передъ французскимъ, приводитъ пословицы и поговорки, народныя выраженія, — которыя, какъ опять извѣстно, имп. Екатерина любила употреблять, хотя не всегда безошибочно ²⁾. Въ Антидотѣ говорится о польскихъ конфедератахъ ³⁾ съ такой же антипатіей, съ какою имп. Екатерина говорила о нихъ въ тѣ же годы въ письмахъ къ Вольтеру, и т. д.

Общій мотивъ книги — защита Россіи (и русскаго правительства) отъ злонамѣренной клеветы и извращенія фактовъ. Русскій народъ имѣетъ свои недостатки, какъ имѣетъ ихъ всякій другой народъ, и авторъ Антидота съ негодованіемъ возстаетъ противъ огульнаго осужденія русскаго народа. „У русскихъ нѣтъ никакихъ начатковъ нравственности“, рѣшилъ французскій ученый. „Какъ, — пишетъ авторъ Антидота, — никто не имѣетъ ни малѣйшихъ начатковъ нравственности?.. Г. академикъ, астрономъ, нивеллеръ и т. д., гдѣ же истина? Гдѣ точность? Не смотря на одобреніе вашихъ собратій, кто же вамъ повѣритъ? Достаточно знать, что русскіе — люди, для того чтобы видѣть, что вы лжете; невозможно, чтобы всѣ люди великаго народа были вполне хороши или вполне злы... Авторъ можетъ говорить что хочетъ; несомнѣнно дознано, что у насъ совершается излишествъ не болѣе, чѣмъ у прочихъ народовъ“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ аббатъ опять говоритъ о всеобщей испорченности русскихъ, вслѣдствіе ихъ рабства... „Сколько брани, сколько эпитетовъ, — пишетъ авторъ Антидота. — Онъ набралъ, сколько могъ, дерзостей, чтобы бросить ихъ намъ въ лицо... Человѣкъ умный, какъ бы онъ ни былъ ослѣпленъ страстью, не можетъ забыть до того, чтобы оскорблять такимъ образомъ цѣлый народъ, и притомъ народъ, отъ котораго онъ испыталъ столько благодѣяній и вниманія, какъ г. Шаппъ отъ Россіи. Но пусть негодай (polisson) будетъ неблагодаренъ и бросаетъ грязью въ своихъ благодѣтелей!.. Будемъ по прежнему покрывать себя славою и посмѣиваться надъ тѣми,

¹⁾ Ч. I, стр. 68.

²⁾ Ч. I, стр. 81; ч. II, стр. 56, 73—74, 88 (здѣсь написано: „Bliako Tzare bliako smerti“); рассказывая о волжскомъ судоходствѣ, авторъ „Антидота“ ставитъ слово „струга“ вм. стругъ (ч. I, стр. 58) и т. п.

³⁾ Ч. II, стр. 125—126.

⁴⁾ Ч. II, стр. 124.

жого это бѣситъ. Лучше возбуждать зависть, чѣмъ сожалѣніе ¹⁾... Наговоривши вздора на 196 страницахъ, онъ отдается здѣсь своей страсти: ему уже нечего рассказывать, и онъ накапливаетъ неопредѣленные слова, которыя, какъ таковыя, заслуживаютъ глубочайшаго презрѣнія, и никакого опроверженія ²⁾... Кто изъ предполагаемыхъ авторовъ Антидота могъ говорить о книгѣ аббата съ такой силой негодованія, кромѣ Екатерины II, которая, по всѣмъ понятіямъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ (какимъ была проникнута), именно считала славу Россіи своей личной славой, и себя прежде всего считала обязанной защищать нарушенное достоинство русскаго народа: въ эту защиту она вложила все свое оскорбленное самолюбіе и не щадила своихъ враговъ—аббата и его „суфлёра“.

Намъ остается сказать объ упомянутой не разъ рукописи Антидота, хранящейся въ Государственномъ Archivѣ. Это—случайно сохранившаяся часть матеріаловъ Антидота: автографъ былъ, повидимому, уничтоженъ. Рукопись находится въ числѣ бумагъ ея статсъ-секретаря Козицкаго и писана его рукой. Отсюда предполагали, что онъ могъ быть и авторомъ Антидота. Намъ кажется несомнѣннымъ, что онъ былъ только переписчикомъ. Выше приведено письмо гр. А. П. Шувалова къ императрицѣ, гдѣ говорится: „я исполнилъ приказаніе вашего имп. величества, и г. Козицкій все написалъ своею рукою, присоединивъ въ концѣ добавленія, которыя удостоились Вашего одобренія“. Смыслъ можетъ быть, кажется, одинъ: императрица отдала для переписки Козицкому свою рукопись, какъ, обыкновенно, отдавала переписывать всѣ свои сочиненія. Козицкій и гр. Шуваловъ видѣли ея рукопись раньше, и императрица предоставляла имъ сообщать свои замѣчанія и дѣлать прибавки; отдавая рукопись, императрица разрѣшила внести въ копію и эти добавленія; затѣмъ гр. Шуваловъ предлагалъ въ письмѣ новыя прибавки: „мы осмѣливаемся сдѣлать еще прибавку, которая подчеркнута, и представляемъ ее на просвѣщенное усмотрѣніе вашего величества“.

Что дѣло шло именно такъ, на это указываетъ, по нашему мнѣнію, еще одна особенность рукописи. На поляхъ идутъ правильныя помѣты I, 1. 2. 3. 4; II, 1. 2. 3. 4; III. 1. 2. и т. д. Эти цифры не могутъ означать ничего другого, кромѣ листовъ и страницъ рукописи императрицы, которая обыкновенно писала

¹⁾ Ср. выше: „Лучше возбуждать страхъ, чѣмъ презрѣніе“.

²⁾ Ч. II, стр. 185, 187.

на листкахъ въ четвертеу въ четыре страницы. Еслибы Козицкій переписывалъ собственную черновую, не было бы смысла отмѣчать съ такою точностью свои листки: очевидно, онъ списывалъ рукопись, имѣвшую особое значеніе.

Рукопись Козицкаго оканчивается 4-ой страницей XLII листка, именно на 157-ой страницѣ первой части Антидота (по первому изданію).

Если предположить, что имп. Екатерина при составленіи Антидота имѣла сотрудниковъ, то при самомъ чтеніи Антидота представляются два мѣста книги, которыя, очевидно, должны были бы принадлежать постороннимъ лицамъ.

Во-первыхъ, въ самомъ началѣ второй части мы читаемъ по поводу описанія Тобольска въ книгѣ аббата Шаппа: „прежде чѣмъ послѣдовать за аббатомъ, я считаю необходимымъ представить читателю слѣдующую статью, изъ которой многое объяснится для него; послѣ нея мы снова обратимся къ г. Шаппу. Онъ такъ часто высказываетъ свои мнѣнія объ насъ; не лишнимъ будетъ выслушать, что у насъ думаютъ о немъ“. И затѣмъ слѣдуетъ „Переводъ письма изъ Тобольска о пребываніи г. д'Отероша въ этой сибирской столицѣ“, — очевидно, чужой рассказъ, потому что Екатерина не могла знать, что происходило въ Тобольскѣ въ 1761 году ¹⁾.

Во-вторыхъ, въ концѣ второй части, стр. 181 и далѣе, идетъ рѣчь о способѣ нивелировки и о барометрическихъ наблюденіяхъ—спеціальное разсужденіе, которое, очевидно, не принадлежало самому автору Антидота.

При копіи Антидота, писанной Козицкимъ, находятся еще двѣ небольшія рукописи разныхъ почерковъ, до сихъ поръ не указанныя въ литературѣ: это именно матеріалы, послужившіе для упомянутыхъ сейчасъ вставокъ въ Антидотѣ. Одна изъ рукописей есть дѣйствительно письмо изъ Тобольска, сущность котораго передана въ Антидотѣ. Вторая рукопись заключаетъ разныя замѣтки о книгѣ аббата Шаппа, также послужившія для Антидота, гдѣ между прочимъ читаемъ: „il seroit nécessaire de consulter M-r Epinus et nos medecins, si l'Electricité qui n'agit que sur les nerfs“ и пр. Весьма вѣроятно, что замѣчанія о нивелировкѣ и объ употребленіи барометра и составлялъ Эпинусъ, или кто-либо другой изъ ученыхъ академиковъ... Намъ пока не удалось разыскать, кому могли принадлежать,

¹⁾ Ч. II, стр. 2—8.

по почерку, эти двѣ записки, находящіяся при рукописи „Антидота“¹⁾).

На основаніи всего этого я думаю, что мы имѣемъ право поставить „Антидотъ“ въ число сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ имп. Екатеринѣ. И не раздѣляя мнѣнія недовѣрчивой критики, которая не придавала значенія самому содержанію книги, я думаю, напротивъ, что „Антидотъ“ долженъ принадлежать къ самымъ характернымъ произведеніямъ императрицы. Это — настойчивое опроверженіе тѣхъ, слишкомъ часто явно враждебныхъ осужденій Россіи и русскаго народа, какими издавна переполнялась западная литература. Императрица Екатерина, желавшая слиться съ русской націей и повелѣвая ею, не могла вынести осужденій, какія встрѣтила въ книгѣ аббата Шаппа и которыя считала злостною клеветой, поддержанной или прямо внушенной французскимъ министерствомъ. Ей противно было самодовольство аббата, который судилъ русскій народъ, впадая нерѣдко въ самыя грубыя ошибки, который, гордясь своимъ просвѣщеніемъ, оскорблялъ оказанное ему гостепріимство — и своей крайней грубостью съ данными ему служителями, и всѣмъ тономъ своей книги. „Антидотъ“ вовсе не былъ единственнымъ примѣромъ такого обличенія со стороны императрицы. Около того же времени вызванъ былъ въ Россію Мерсье-де-Ларивьеръ, извѣстный въ свое время писатель, который, однако, произвелъ на императрицу не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе, и она писала Вольтеру, что Мерсье „считалъ русскихъ за четвероногихъ и очень любезно соглашался взять на себя трудъ поставить ихъ на заднія ноги“; — Вольтеръ осмѣялъ его въ извѣстной повѣсти, „L'homme aux quarante écus“; долго спустя, въ концѣ 1780-хъ годовъ, рассказъ имп. Екатерины о Мерсье далъ тему Кобенцелю для пьесы „Gros Jean ou la Régimanie“. Любопытно, что приведенныя слова о Мерсье какъ разъ совпадаютъ съ тѣмъ, что въ „Антидотѣ“ (II, 174) говорится объ аббатѣ Шаппѣ: „Chappe croyoit avant son arrivée, que toute la Russie étoit encore dans l'état de la nature; avec quelques autres il pensoit nous trouver marchants à quatre pattes; nous en avons vu, qui bonnement étoit

¹⁾ Для окончательнаго разъясненія вопроса нужны были бы еще двѣ справки, которыхъ мы пока не могли сдѣлать. Во-первыхъ, можно было бы, сличеніемъ шрифтовъ, опредѣлить, въ какой изъ тогдашнихъ типографій въ Петербургѣ могъ быть напечатанъ „Антидотъ“. Во-вторыхъ, въ дѣлахъ архива Императорскаго Двора, быть можетъ, сохранилась записка объ издержкахъ печатанія книги, какъ подобныя записки сохранились относительно „Олега“ и „Февеля“.

venu dans l'intention honnête de nous lever sur nos pattes de derrière, et qui s'en sont retourné tout doucement et un peu repauid d'avoir compté sans leurs hôtes". И поздѣе, императрицѣ встрѣтились подобныя впечатлѣнія въ сношеніяхъ съ Сенакомъ де-Мельянь, даже съ самимъ Дидро. И еще разъ, когда была задѣта честь Россіи, имп. Екатерина отвѣтила своего рода полемикой, когда написала противъ Густава шведскаго сказку и комическую оперу о Горе-богатырѣ. Вся оптимистическая манера изображенія русскаго правленія, народной жизни, русской исторіи,—какую видимъ въ „Антидотѣ“,—множество разъ повторяется въ письмахъ къ ея иностраннымъ корреспондентамъ, и въ ея русскихъ сочиненіяхъ, въ ея комедіяхъ и операхъ, въ историческихъ трудахъ, въ статьяхъ журнальныхъ и т. д.

Словомъ, надо возвратиться къ старому мнѣнію, которое прямо считало „Антидотъ“ сочиненіемъ имп. Екатерины, какъ писалъ митр. Евгеній, въ свои молодые годы, ея современникъ. И дѣйствительно, мы получаемъ въ „Антидотѣ“ одно изъ любопытѣйшихъ произведеній императрицы: это — личная полемика противъ писателя, оскорблявшаго Россію своими клеветами, и вмѣстѣ изложеніе ея взглядовъ на состояніе имперіи и характеръ народа. Эти взгляды вообще оптимистическіе: императрица не могла не видѣть, что въ картинѣ были и мрачныя стороны, — она или отвергала ихъ, или для объясненія и устраненія ихъ указывала на обычныя человѣческія несовершенства и, главное, на благія начинанія правительства, которымъ нужно время, чтобы оказать свое исправляющее дѣйствіе. „Антидотъ“ есть прямая параллель той дѣятельности императрицы, которая только-что передъ тѣмъ создала „Наказъ“: просвѣщеніе, водвореніе справедливости и человѣчности—были тогда ея идеаломъ; въ служеніи имъ она видѣла свою славу. Отсюда то страстное негодованіе, которое диктовало ей „Антидотъ“: она защищала свои лучшіе великодушные идеалы, какіе питала въ первые годы царствованія.

А. Пыпинъ.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ВЪ

КИТАЙ

Переживаемая Китаемъ тяжелая смута и нашествіе иноплемennыхъ заставляютъ невольно задуматься надъ совершающимися въ этой странѣ явленіями. Цивилизація и культура, въ лицѣ европейскихъ народовъ, хозяйничаютъ въ Китаѣ подобно тому, какъ хозяйничали, при своемъ нашествіи много вѣковъ тому назадъ, гунны или варвары, вторгнувшіеся въ страну грековъ и римлянъ. Свѣтъ христіанскаго ученія, долженствующій просвѣщать и смягчать языческую и злую природу, несомый подъ грохотъ пушекъ современными апостолами любви и мира, „никого не боящимися, кромѣ Бога“, — вмѣсто мира и любви, оставляетъ по себѣ въ Китаѣ разореніе народа и смерть его отъ голода; по всей странѣ текутъ рѣки крови. Культурный и цивилизованный Западъ высказываетъ твердое намѣреніе задавить окровавленными руками обезсиленный Востокъ. Какъ разобраться, какъ понять смыслъ этого совершаемаго на глазахъ всѣхъ злого дѣла? Гдѣ правда, гдѣ справедливость? Съ какими понятіями пришла въ Китай Европа, и какимъ мировоззрѣніемъ, какими вѣрованіями и знаніями жизни отвѣтить европейцамъ китайскій народъ? Одною мѣрой мѣрить духовную природу китайца и европейца — нельзя.

Жизнь китайца тысячелѣтіями шла и идетъ до сего дня по своему пути, совершенно не схожему съ жизнью европейца. У китайца все свое: и дѣтство, и отрочество, и старчество. У

китайца—свое мышленіе и свое чувствованіе, совершенно само-бытное. Чтобы понять духъ китайскаго народа, уяснить его мышленіе, проникнуть въ его душу,—нужно много годовъ прожить съ нимъ и изучить весь его бытъ, долго наблюдать его жизнь.

Есть многое въ жизни китайскаго народа, чему можно по-дивиться, надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься... Проживъ въ Пекинѣ пять лѣтъ ¹⁾, я старался собирать матеріалъ, который современемъ могъ бы послужить къ выясненію хотя бы нѣкоторыхъ только чертъ народнаго характера. Меня прежде всего заинтересовали въ Китаѣ жизнь и воспитаніе дѣтей. Особенности дѣтской жизни кладутъ здѣсь неизгладимыя черты на весь послѣдующій характеръ взрослыхъ, такъ какъ дѣтская жизнь въ Китаѣ тѣсно связана съ жизнью взрослыхъ и идетъ при однихъ и тѣхъ же самыхъ бытовыхъ, умственныхъ, нравственныхъ условіяхъ и вліяніяхъ вѣками сложившагося и окрѣпшаго склада народнаго міросозерцанія. Такая тѣсная духовная связь дѣтей съ родителями, застывшая въ извѣстныхъ тѣсныхъ рамкахъ, создала тотъ опредѣленный и рѣзко очерченный типъ китайца, который для насъ, европейцевъ, представляетъ еще во многихъ своихъ проявленіяхъ интересную загадку.

Бытовая, повседневная жизнь китайскаго народа очень мало изслѣдована европейцами; не только въ русской литературѣ мало свѣдѣній о бытѣ, о воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ этого народа, но и въ иностранной литературѣ свѣдѣнія эти разбросаны по разнообразнымъ и вообще малодоступнымъ отчетамъ миссіонеровъ, этихъ единственныхъ европейскихъ испытателей китайскаго народнаго духа. Живя въ Китаѣ и желая понять характеръ китайца, я прежде всего обратился къ дѣтямъ, составляющимъ у всѣхъ народовъ ихъ радость, ихъ гордость, ихъ надежду, вѣру въ лучшее и стремленіе къ этому лучшему.

Вся совокупность духовнаго міровоззрѣнія китайскаго народа опутана суевѣріями, религіозными мѣрами и легендами, совершенно не отвѣчающими современной жизни. Духовно—китайскій народъ живетъ, если можно такъ выразиться, въ дѣтствѣ давней, сѣдой старины, а тѣлесно, всѣми своими помыслами, онъ ведетъ упорную и тяжелую борьбу за существованіе, которое для него очень и очень нелегко. При всемъ богатствѣ природы, китайскій народъ—истинный бѣднякъ; вся жизнь его идетъ въ страхѣ предъ многочисленными злыми демонами, которые населяютъ и воздухъ, и воду, и держать въ своей власти всѣ окружающіе

¹⁾ Авторъ перенесъ и двухмѣсячную осаду въ Пекинѣ.—*Ред.*

человѣка предметы, безъ которыхъ онъ никакъ обойтись не можетъ, какъ, напр., колодцы, мосты, жилища и т. д. Хотя, въ противобѣсъ злымъ демонамъ, народъ нашелъ себѣ защитниковъ и въ добрыхъ духахъ, но злые демоны все-таки сильнѣе, ихъ необходимо умилостивлять, приносить жертвы, чтобы избѣжать гнѣва и отворотить отъ себя ихъ зло. Съ этою цѣлью совершаются ежегодно въ извѣстные дни обряды, которыми народъ себя успокоиваетъ. Такъ 13, 14 и 15 числа первой луны, т.-е. января мѣсяца, женщины и дѣвушки ходятъ по городу для отогнанія болѣзней, что называется „цзоу-бобинъ“. Передняя изъ дѣвушекъ держитъ въ рукахъ курильницу съ куреніемъ, если приходится переходить черезъ мосты, дабы „перейти зло“ благополучно. Съ особенными предосторожностями совершается выходъ ребенка въ первый разъ изъ дому на улицу. Бабушка или мать, вынося ребенка, проходя мимо храма, или мимо колодца, или черезъ мостъ, бросаютъ въ нихъ деньги, дабы задобрить духовъ, хранителей храмовыхъ воротъ, духовъ, охраняющихъ колодцы и мосты. Это называется „май-лу-цянъ“.

Въ пятой лунѣ пятаго числа (въ маѣ) въ двери жилища втыкаютъ вѣтки полыни, чтобы отогнать зловередный воздухъ отъ прониканія въ жилище; въ комнатахъ кропятъ виномъ, дѣтямъ даютъ пить водку, настоенную на одномъ изъ цѣлебныхъ китайскихъ растений. Въ каждомъ домѣ, кромѣ того, навѣшиваютъ талисманы противъ пяти громовъ. Такъ какъ въ маѣ мѣсяцъ въ Китаѣ проявляется вполне жизнь ядовитыхъ насѣкомыхъ, то для отогнанія какъ насѣкомыхъ, такъ и ядовитыхъ пресмыкающихся, мажутъ дѣтямъ уши и носъ, а на лбу дѣлаютъ водкой знакъ, котораго боятся не только пять ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся (скорпионъ, стоножка (угунъ), ящерица, жаба, змѣя), но и тигръ. Дѣтямъ мажутъ особымъ составомъ „сюнь-хуан-цзо“ всѣ отверстія на тѣлѣ, чтобы предохранить отъ укушенія змѣй. Надѣваютъ дѣтямъ на шею также глиняныя или тростниковыя свистульки (горлянки), чтобы въ нихъ собирать зловередный воздухъ и предохранять отъ его вліянія дѣтей. Для этой же цѣли на многихъ домахъ вѣшаютъ ихъ вмѣстѣ съ полынью на дверяхъ. Взрослые также надѣваютъ на себя разные талисманы или втыкаютъ въ волосы пять благовонныхъ цвѣтовъ и травъ (линъ-чжи-цао, минъ-цао, ланъ-чжи, сюанъ-цао, тянь-хуа), а на шею — разноцвѣтныя ленты или полоски мѣха съ привѣшенными къ нимъ оловянными, золотыми и яшмовыми изображеніями денегъ или замковъ „дуанъ-у-со“.

Какъ народъ исключительно земледѣльческій, китайцы имѣютъ

много народныхъ обрядовъ въ отношеніи бездождія, грозящаго засухой, и дождей, грозящихъ наводненіями. Дѣти принимаютъ дѣятельное участіе и въ тѣхъ, и въ другихъ. Ежегодно, когда въ нужное для дождя время дождя нѣтъ, то на двери домовъ земледѣльцы наклеиваютъ изображеніе чудесной лошади Лунъ-Вана, т.-е. владыки драконовъ. По вѣрованіямъ китайцевъ, дождь и снѣгъ посылаетъ на землю драконъ. По бокамъ дверей вѣшаютъ фарфоровыя вазочки съ вѣтвями ивы. Дѣти лѣпятъ изъ глины изображенія дракона, разставляютъ бумажныя знамена, бьютъ въ барабаны и гонги, и жгутъ жертвенныя куренія въ каждомъ храмѣ, посвященномъ Владыкѣ драконовъ. Въ это время дѣти во всѣхъ деревняхъ Китая распѣваютъ посвящаемый дракону Лунъ-Вану гимнъ: „Цинъ-лунъ-тоу, Бай-лунъ-и, сяо-хай-цю-гой, тьянь-хуанъ-си. Май-цзы, май-цзы цю-хуалъ; ци-дунъ, ци-дунъ. Лунъ-Ванъ! да-ся, сяо-ся; чу-и-сяда о-пи-ба! Махаса!“, т.-е.: „Чернаго дракона голова, бѣлаго дракона хвостъ. Дѣти просятъ дождя, небо радуется. Пшеница, пшеница желтая, поднимается, поднимается. Лунъ-Ванъ! Иди большой дождь, иди маленькій съ 1-го числа по 18-ое число. Махаса!“ (Молитвенное буддистское восклицаніе). Если пойдетъ дождь, то дѣти радостно распѣваютъ: „Подулъ вѣтеръ, пошелъ дождь. Съ тока принесли на спинѣ хлѣбъ!“ Если дождь идетъ слишкомъ долго и грозитъ земледѣльцу, то изъ бѣлой бумаги вырѣзываютъ голову женщины, одѣваютъ ее въ платье изъ красной и зеленой бумаги и даютъ въ руки маленькую метелку; подвѣшиваютъ это изображеніе на бамбуковомъ шестѣ на края подъ навѣсомъ. Этотъ обрядъ называется „сао-цинъ-нанъ“, т.-е. проясняющая дѣвица. Планеты, созвѣздія и всякое явленіе природы имѣютъ непрерывную связь съ землею и оказываютъ вліяніе на человѣка, хорошее или дурное. Такъ, при видѣ новолунія, дѣти, обращаясь къ мѣсяцу, кланяются ему и припѣваютъ: „Юэ, Юэ, Юэ! Бай-санъ-бай. Си-цзяо-эръ шэнъ цзѣ!“, т.-е. „Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мѣсяцъ! Кланяюсь тебѣ, трижды кланяюсь. Не позволяй, чтобы у дѣтей была чесотка“. Падающая звѣзда вселяетъ страхъ и зовется „разбойничьей“ звѣздой“. При видѣ падающей звѣзды слѣдуетъ плюнуть. Созвѣздія Оріонъ и Меркурій считаются имѣющими большое значеніе для дѣтей, которые страдаютъ недержаніемъ мочи. Родители такого ребенка, который подъ себя мочится, обращаются ночью лицомъ къ созвѣздіямъ и, дѣлая земной поклонъ, приговариваютъ: „Шэнь эръ, чэнь-эръ Кэлянъ няо чуанъ жэнь эръ“, т.-е. „Оріонъ и Меркурій, пожалѣйте ребенка, который подъ себя мочится!“ Луна также оказываетъ вліяніе не только лично на дѣтей, но даже и на

носимое ими платье, почему ночью не слѣдуетъ класть платье мальчиковъ и дѣвочекъ на такое мѣсто, на которомъ падалъ бы на нихъ свѣтъ луны или звѣздъ, такъ какъ дѣвочка вообще должна бояться свѣта звѣздъ, а мальчикъ долженъ бояться свѣта падающей звѣзды.

Считается большимъ также преступленіемъ оставлять внѣ дома воду, оставшуюся отъ мытья и стирки, такъ какъ ночью можетъ напиться этой воды лошадь Ъ-ю-шэнія, т.-е. духа, бродящего ночью. Первый громъ, молнія, первый снѣгъ,—все это полно значенія для ребенка вообще, а для всякаго китайца въ частности. Такъ, слыша первый громъ, слѣдуетъ встрахивать платье и приговаривать: „блохи и вши, не заводитесь“! Видя же молнію, слѣдуетъ остерегаться указывать на нее пальцемъ, иначе пойдутъ на пальцѣ нарывы. Первый снѣгъ считается ядовитымъ, почему слѣдуетъ особенно стараться, чтобы онъ не попалъ въ ротъ. Но второй снѣгъ считается хорошимъ, его собираютъ и на немъ завариваютъ чай. Снѣгъ въ Китаѣ, какъ и повсюду, доставляетъ дѣтямъ большую радость: они играютъ имъ, собираютъ въ комья и лѣпятъ разныя фигурки. Суевѣрный страхъ передъ „глазомъ“ весьма распространенъ среди китайцевъ, и всякое безпокойство ребенка, который тревожно спитъ и плачетъ по ночамъ, приписывается тому, что ребенка „сглазили“. Средствомъ, помогающимъ отъ „сглаза“, считается слѣдующее: берется красная бумага и на ней пишется: „Тянь хуанъ, хуанъ! Ди хуанъ, хуанъ! Во цзя ю-гэ-ѣ-ку-ланъ. Го ванъ цзюнь-цзы! Нянъ санъ нянь И цзяо шуй дао-да тянь-лянъ“! т.-е.: „Небо желтое! желтое! Земля желтая, желтая! Въ моемъ домѣ есть плакса. Прохожіе благородные мужи, прочитайте три раза, и пусть онъ спитъ до самаго свѣта“. Бумажка эта бросается на перекресткѣ. Для дѣтей въ Китаѣ зима является глухой порой жизни: холода, особенно вѣтры, заставляютъ ихъ просиживать въ домахъ, такъ какъ самая одежда китайская, состоящая изъ многочисленныхъ, на ватѣ стеганныхъ одѣяній, крайне тяжела, неуклюжа и мѣшаетъ движенію; но съ наступленіемъ новаго года, который всегда приходится между 21-мъ числомъ января и 19-мъ числомъ февраля, начинается жизнь и для дѣтей, полная веселья, полная, надеждъ на наступленіе весны; дѣти принимаютъ самое широкое участіе во всѣхъ празднествахъ новогоднихъ, въ праздникѣ фонарей, въ празднованіи встрѣчи весны; они оставляютъ свое заключеніе дома и начинаютъ дѣтскія игры на воздухѣ. Новый годъ для китайскаго народа составляетъ праздникамъ праздникъ.

Въ первый день новаго года, т.-е. первой луны, встаютъ до раз-

свѣта, а большинство и совсѣмъ не ложится. Въ первый день совершается приношеніе предкамъ куреній, на дворахъ сожигаютъ петарды, трескъ и грохотъ стоитъ въ воздухѣ. При входѣ въ домъ раскладываютъ вырощенные конопляные стебли; всѣ домашніе угощаются водкой, настоенной на стручкахъ перца и на кипарисѣ, ибо перецъ, вырастающій подъ покровительствомъ созвѣздія Юй-хэнь-синя, даруетъ человѣку легкость тѣла и способность быстро ходить, а кипарисъ составляетъ лекарство дѣховъ. Въ этотъ день въ семьяхъ готовятъ пельмени (бянь-ши); задрѣываютъ тайкомъ въ пирожки деньги, и кто получитъ такой пирожокъ, тотъ будетъ счастливъ на весь годъ. Со дня новаго года начинаются визиты и въ теченіе нѣсколькихъ дней по улицамъ взадъ и впередъ снуютъ богатые и бѣдные, поздравляющіе съ новымъ годомъ. Посылаютъ другъ другу въ подарокъ коробки съ яствами и сладостями, сушеные фрукты, каштаны, жужубы. Дѣтямъ, за время отъ 1-го до 15-го числа, дарятъ деньги, „я-суй-цань“, которыя служатъ какъ бы талисманомъ для дальнѣйшей жизни. Въ большихъ домахъ вѣшаютъ надпись: „Шэнь-ту“ и „Юй-ли“,—имена двухъ братьевъ, обуздывающихъ злыхъ демоновъ. Простонародье надъ дверями втыкаетъ стебли кунжута и вѣтви кипариса. Дѣвочки вырѣзываютъ изъ бумаги, называемой у-цзинь-чжи, бабочекъ и одѣваютъ ихъ на себя; мальчики играютъ на дудкахъ, на глиняныхъ трубахъ, жгутъ ракеты, гремятъ на трещоткахъ, начинаютъ мускать змѣй, катаются на конькахъ. Новогодняя ночь полна суевѣрій: если около трехъ часовъ ночи не спишь и чихнешь, то надо быстро встать на ноги, набросивъ платье; если же остаться лежать, то заболѣешь; если во время разговора кто-нибудь будетъ звать за дверьми, то не отвѣчаютъ, потому что увѣрены, что это зоветъ злой духъ. Каждый день новогоднихъ празднествъ чѣмъ-нибудь отличается одинъ отъ другого; такъ, 8-го числа передъ домами разставляютъ 108 чашекъ съ масломъ и фитилями, которые зажигаютъ вечеромъ; разставляютъ зажженные чашки передъ колодцами, передъ дверьми, на подоконникахъ, на мулиныхъ и лошадиныхъ ясляхъ.

Эта иллюминація очень красива: плошки горятъ среди темноты ночи, словно свѣтляки. Въ богатыхъ домахъ ихъ зажигаютъ въ теченіе четырехъ вечеровъ, у небогатыхъ—всего лишь въ теченіе одного вечера. Въ нѣкоторыхъ домахъ плошки разставляются иногда по числу лѣтъ хозяевъ. Въ ночь наканунѣ 15-го числа и на слѣдующую, женщины и дѣвушки связываютъ изъ травы буклу съ бумажнымъ нарумяненнымъ лицомъ, одѣваютъ въ платье и

завѣшиваютъ покрываломъ. Куклу эту называютъ „гу-нянь“, т.-е. дѣвушка, и ее держатъ на рукахъ; другія дѣвочки приносятъ ей, какъ бы въ жертву, лошадиный навозъ, бьютъ въ барабанъ, кланяются три раза и затѣмъ стараются перепрыгнуть съ одной стороны на другую. Кто прыгаетъ не падая, — что весьма трудно, въ виду маленькихъ ножекъ, — та считается получившею счастье; если дѣвушка или женщина падаетъ, — то въ течение года ее ожидаетъ несчастье. Присутствующіе при этомъ братья, если таковыя есть, не упускаютъ, конечно, случая толкать своихъ сестеръ, вызывая немалое смущеніе и смѣхъ присутствующихъ. Женщины особенно интересуются своей судьбой и гадаютъ на счастье свое или мужа, испрашивая себѣ исключительно только рожденія сына. Въ періодъ новогоднихъ празднествъ, т.-е. отъ 1-го по 15-е число, удѣляется время на ряженье, въ которомъ участвуютъ главнымъ образомъ дѣти-подростки. Они надѣваютъ маски, столь же разнообразныя и столь же напоминающія нашихъ ряженыхъ на святыхъ. Но ряженье все-таки не является распространеннымъ. Празднества во второй лунѣ относятся уже къ весеннимъ, такъ какъ второе число второй луны называютъ днемъ, когда драконъ поднимаетъ голову. Въ деревняхъ въ этотъ день жители посыпаютъ золою дорожку отъ дверей жилья до кухни и вокругъ чана съ водою. Дѣти въ этомъ мѣсяцѣ вырѣзываютъ изъ дерева палочки, длиною въ два вершка, и составляютъ игру, которая у насъ носитъ названіе игры въ чижъ, а здѣсь, въ Китаѣ, ее называютъ „да га-гаръ“. Игрѣ этой посвящена цѣлая пѣсенка: „Тополь и ива ожили, — погоняютъ волчокъ; тополь и ива зазеленѣли, — пускаютъ кунчжунъ (игра въ волчокъ, который вертится на веревочкѣ на двухъ пальцахъ). Тополь и ива умерли, — пинаютъ мячъ. Тополь и ива пустили ростки, — играютъ въ да-гаръ“. Въ пятой лунѣ съ 1-го числа и по 5-е въ каждомъ домѣ устроивается дѣвичій праздникъ, который состоитъ лишь въ томъ, что маленькихъ дѣвочекъ наряжаютъ и голову имъ убираютъ цвѣтами гранатъ. Если у кого въ этомъ мѣсяцѣ родится сынъ, то родители приносятъ въ храмъ вѣтку терновника или отрѣзываютъ отъ дерева вѣтвь длиною въ 5—6 ги, т.-е. около 2¹/₂ аршинъ, или ставятъ передъ алтаремъ Будды дерево такой величины и молятся, чтобы ребенокъ выросъ такого роста, но не выше.

Въ шестой лунѣ совершается празднество въ честь Твачихи и Пастуха. Это празднество является исключительно дѣвичьимъ праздникомъ, посвященнымъ женскому руководѣлю. Въ этомъ мѣсяцѣ продаются статуэтки духа Ма-кэло, дарующаго

дѣвочкамъ способность къ руководѣлю. Въ богатыхъ домахъ и у сановниковъ, въ домахъ ученыхъ и у простонародья устраиваютъ большой наѣсъ и развѣшиваютъ изображеніе ткачихи и пастуха (воловода). Для гостей и родныхъ устраиваютъ угощеніе изъ дынь, арбузовъ, фруктовъ, вина, блиновъ, овощей, свѣжаго мяса, сушеннаго и вяленаго. На этотъ „дѣвичій праздникъ“ приглашаются главнымъ образомъ молодыя женщины и дѣвушки. Вечеромъ дѣвушки гадаютъ. Онѣ ставятъ чашку съ водою въ лучи луны; затѣмъ на воду бросаютъ маленькую иголку и замѣчаютъ тѣнь, которую она, кружась по водѣ, бросаетъ отъ себя. По этой тѣни дѣвушки гадаютъ. Праздникъ двухъ звѣздъ имѣетъ несомнѣнно очень древнее происхожденіе и въ основѣ его лежитъ астрономическая легенда, созданная китайскими астрологами. Въ созвѣздіи Водолея есть группа звѣздъ, которая у китайцевъ извѣстна подъ именемъ Ткачихи, богини-покровительницы супружеской жизни и женскаго руководѣлія. Въ созвѣздіи Орла есть другая звѣзда, которую китайцы называютъ Пастухъ. Эти звѣзды расположены одна на восточномъ краю Млечнаго-Пути, а другая вблизи, на западномъ краю того же Пути или Небесной-рѣки, какъ называютъ китайцы Млечный-Путь.

Древніе китайскіе философы во всей видимой природѣ старались находить гармонию, сочетаніе двухъ началъ—мужскаго и женскаго—янъ и инъ. Во всякомъ организмѣ живомъ есть эти два начала. Такъ и въ небесномъ мірѣ, по легендѣ, Ткачиха была женою Пастуха, но, за непослушаніе Пастуха, Владыка небесъ разгнѣвался на него и наказалъ тѣмъ, что разлучилъ навсегда двухъ супруговъ, разрѣшивъ имъ свиданіе только одинъ разъ въ году, въ ночь седьмого числа, седьмой луны. Легенда, прочно живущая въ народѣ и понынѣ, говоритъ, что вороны и сороки слетаются къ этому дню съ соломой въ своихъ клювахъ и дѣлаютъ мостъ черезъ Небесную рѣку, дабы дать возможность двумъ любящимъ перейти рѣку по-суху. Въ ночь 7-го числа седьмой луны Ткачиха переходитъ къ Пастуху и вступаетъ съ нимъ въ брачный пиръ. Вороны и сороки остаются во все время этого событія нѣмы. Какое явленіе природы навело на мысль создать такую легенду о птицахъ? Быть можетъ, желаніе объяснить себѣ перелеты, совершаемые этими пернатыми. Эта легенда, столь понятная для чувства человѣка вообще, а для сердца женщины въ частности, прочно укрѣпилась здѣсь и имѣетъ много подробностей. Такъ, говорятъ, что если идетъ дождь наканунѣ седьмого, то онъ омываетъ колесницу небесную; если дождь идетъ въ самый день этого событія, то говорятъ, что это слезы радости, которыя льются отъ

счастья свиданія двухъ любящихъ; а если дождь идетъ на другой день, то говорятъ, что это падаютъ ихъ слезы отъ новой разлуки. Праздникъ въ честь Ткачихи—единственный, въ которомъ принимаютъ участіе только молодыя женщины и дѣвушки. Еще до захода солнца ставятъ онѣ у входныхъ воротъ столъ, на которомъ, какъ на жертвенникѣ богинѣ, распредѣляютъ всѣ приношенія, всѣ предметы женскаго туалета, которыя богиня должна имѣть, чтобы явиться къ своему супругу въ полномъ блескѣ. На столѣ ставятъ и умывальникъ, и зеркало, кладутъ дребень и ножницы; не забываютъ положить цвѣты и бѣлила съ румянами. Когда все приготовлено и старательно въ порядкѣ распределено, тогда молодыя женщины и дѣвушки приближаются къ столу, преклоняютъ колѣна до земли, касаясь пола, и зажигаютъ имѣямъ и курительныя, жертвенныя палочки. Поклоненіе сопровождается тихой молитвой, въ которой женщины просятъ богиню даровать дѣтей-мальчиковъ; если же будутъ или уже есть дѣвочки, то даровать имъ мужа добраго, любящаго и чтобы благословеніе богини пребывало надъ ними во все время брачной ихъ жизни. Жены, мужья которыхъ въ отсутствіи, молятъ богиню о дарованіи имъ безопасности и успѣховъ въ дѣлахъ. Дѣвушки молятъ богиню ниспослать имъ счастье любви, которое вообще столь рѣдко и котораго страстно желаютъ всѣ земные народы. Послѣ этого женщины и дѣвушки жгутъ жертвенную бумагу, а на крышу дома бросаютъ цвѣты и румяна. Дѣти, мальчики и дѣвочки, также принимаютъ участіе въ этомъ торжествѣ: имъ надѣваютъ на красныхъ шнуркахъ на шею амулеты въ формѣ медальоновъ, въ которыхъ помѣщено восемь символовъ, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ слѣва направо: небо, вѣтеръ, вода, горы, земля, громъ, огонь, долины,—произошло все это отъ четырехъ формъ природы, которыя въ свою очередь происходятъ отъ дѣйствія двухъ силъ: жара и холода, свѣта и мрака. Эти амулеты посвящаются въ этотъ вечеръ Ткачихѣ; они снимаются съ шеи и раскладываются на столѣ среди жертвенныхъ приношеній. Послѣ того, какъ женщины и дѣвушки принесли свои сердечныя моленія и мечты на алтарь богини, приближаются дѣти. Старый шнурокъ на амулетахъ замѣняется новымъ и выдается на руки владѣльцу амулета. Дѣти, простершись ницъ передъ богиней, встаютъ и бросаютъ старые шнурки въ огонь, на которомъ сжигалась жертвенная бумага. Послѣ этого новые шнурки съ амулетами надѣваются на шею дѣтямъ, которые, такимъ образомъ, на весь годъ ввѣряются покровительству богини. Празднество заканчивается; этого момента ожидаютъ съ

нетерпѣніемъ дѣти, такъ какъ начинается распредѣленіе всего жертвеннаго съѣдобнаго: пирожковъ, сластей, фруктовъ. Повѣряя богинѣ желанія сердца своего, многія женщины и дѣвушки просятъ также у богини, какъ покровительницы женскаго рукодѣлья, даровать имъ ловкость въ работѣ; начинается соревнованіе въ быстротѣ вдѣванія нитки въ ушко иглы при лунномъ свѣтѣ, а если небо облачно, то при свѣтѣ курительной палочки. Для этого существуютъ особыя даже иглы съ 7-ью и 9-ью ушками. Та, которая вдѣнетъ нитку въ иглу скорѣе всѣхъ, несомнѣнно пользуется расположеніемъ богини, даровавшей ей наибольшую быстроту и ловкость. Расположеніе богини узнается также и слѣдующимъ способомъ: берутъ небольшой деревянный ящикъ и заключаютъ въ него паука на цѣлую ночь. На другой день смотрятъ паутину, которую за ночь наткалъ паукъ, и по большей или меньшей тонкости и количеству работы паука заключаютъ о расположеніи богини къ просительницамъ.

Во времена Танской династїи, какъ сохранились свѣдѣнія, празднество это блестящимъ образомъ справлялось во дворцѣ. Шолковыми тканями убрали башни и павильоны, собирались на нихъ всѣ фаворитки императора и въ честь небесныхъ любящихъ играли на музыкальныхъ инструментахъ и воспѣвали ихъ вѣрную супружескую любовь. Много поэмъ существуетъ въ китайской литературѣ, посвященныхъ богинѣ. Въ однихъ она воспѣвается, какъ идеальная супруга, свято хранящая свое сердце для избранника своего; въ другихъ прославляются ея качества ткачихи; въ третьихъ оплакивается кратковременность счастья на землѣ. Несчастливая любовь составляетъ наиболѣе распространенную тему, на которую несомнѣнно отзывается одинаково скоро сердце всякой женщины, къ какой бы національности она ни принадлежала. Какъ ни жестокъ жребій Ткачихи, могущей только разъ въ году жить жизнью сердца, но и этому завидуютъ несчастливцы любви на землѣ. Въ поэмахъ они шлютъ мольбы къ богинѣ, чтобы и имъ послала судьба хотя бы одну ночь счастья на землѣ!

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ.

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

VII *).

Началось пѣніе. Араки спустилъ себѣ на лобъ прядь волосъ и что-то шепнулъ своему аккомпаниатору, талантливому молодому человѣку. Тотъ началъ механически играть звенящую прелюдію и импровизировать, чтобы привлечь вниманіе публики, которая кричала и прыгала вокругъ шутихъ и петардъ, пускаемыхъ толстымъ юношей. Сиріецъ вызвалъ на своемъ лицѣ давно приготовленную улыбку, нажалъ электрическую кнопку, освѣтившую его выразительное лицо, и сдѣлалъ знакъ аккомпаниатору начать новую пѣсню.

Между тѣмъ Обрѣ въ саду былъ занятъ своими поисками. Онъ шелъ по извилистымъ дорожкамъ, медленно двигаясь между зеленыхъ линій искусственныхъ свѣтляковъ. И повсюду были люди, шумливо болтавшіе и смѣявшіеся тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣются только вечеромъ, послѣ сытнаго обѣда. Наконецъ, онъ подошелъ къ купѣ кустовъ, и въ эту самую минуту Араки началъ пѣть. У него былъ тонкій и проникающій въ душу голосъ съ совершенно иностраннымъ тѣмбромъ. Онъ пѣлъ очень ловко, съ маленькими остановками, повторяя одно и то же колѣно и выговаривая слова съ почти истерической опредѣленностью и ясностью. Подойдя ближе и вступивъ въ черную полосу тѣни

*) См. выше: апр., 715 стр.

отъ деревьевъ, Обрэ понималъ содержаніе пѣсни, и чувство отраженія, часто испытанное имъ и прежде, прилило къ его сердцу. Въ этомъ чувствѣ не было ничего общаго съ излишней стыдливостью, но оно осложнялось чувствомъ непріятнаго изумленія передъ людьми и заставляло его чуждаться ихъ общества. Его изумлялъ свѣтскій кругъ, къ которому онъ принадлежалъ. И однако, ему ни разу не пришло въ голову, что онъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, искать другихъ людей, иного общества. День за днемъ и часъ за часомъ онъ дѣлалъ тысячи вещей. Зачѣмъ? Не изъ любви и безъ всякаго желанія. Онъ былъ похожъ на человѣка, живущаго въ неподходящемъ для его здоровья климатѣ; онъ смутно сознаетъ, что есть другія страны, но ему и въ голову не приходитъ отправиться туда.

Послѣ перваго куплета пѣсни раздался смутный гулъ одобренія. Многіе изъ гулявшихъ по дорожкамъ остановились, чтобы послушать. Они шептали что-то другъ другу и многозначительно улыбались, пока музыкантъ игралъ аккомпаниментъ между двухъ куплетовъ.

Обрэ подошелъ къ деревьямъ, повернулъ за уголъ и увидалъ двѣ фигуры, медленно подвигавшіяся передъ нимъ. Онъ узналъ лэди Кэриль и monsieur Анно. Бѣлое платье дѣвушки дѣлало ее похожей на привидѣніе. Она производила впечатлѣніе чего-то до такой степени прозрачнаго, что нисколько не загораживала высокой фигуры пѣвца, шедшаго возлѣ нея. Его огромный, почти сливавшійся съ темнотой ночи, силуэтъ возвышался надъ спутницей, какъ тѣнь чего-то ужаснаго, властнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ таинственнаго и потому неопредѣленнаго. Обрэ не рѣшался подойти къ лэди Кэриль и monsieur Анно, хотя пришелъ въ садъ, чтобы отыскать ихъ. Его обычная сдержанность теперь опять овладѣла имъ; онъ проекиналъ ее, но въ эту минуту не могъ побѣдить. Онъ остановился и смотрѣлъ, какъ исчезало за деревьями бѣлое платье молодой дѣвушки. То, что онъ зналъ опредѣленно, гдѣ она, казалось, парализовало его дѣйствія и охлаждало страстные порывы, заставлявшіе такъ сильно биться его сердце. Онъ подождалъ, и стоялъ съ минуту неподвижно, потомъ повернулъ и пошелъ назадъ мимо деревьевъ, и какъ разъ въ эту минуту Араки началъ пѣть свою знаменитую „пѣсню рыданій“.

Эта пѣсня долго сводила съ ума весь Лондонъ. Въ ней говорилось о различныхъ страданіяхъ, и въ первый разъ сиріецъ спѣлъ ее хорошо, съ настоящимъ искусствомъ, разнообразіемъ и неподдѣльной нѣжностью. Однако, непрерывныя повторенія осла-

били его исполненіе, и онъ ненавидѣлъ ее, какъ только человѣкъ можетъ ненавидѣть свою хроническую болѣзнь. Звукъ собственнаго голоса, когда онъ пѣлъ ее, вызывалъ въ немъ скуку, доходившую до невыносимой боли. Ему казалось невѣроятнымъ, что могли еще находиться люди, желавшіе слышать, какъ онъ рыдаетъ, и его рыданія превратились во что-то совершенно механическое. Онъ плакалъ въ припадкѣ, какъ плакала бы машина, искусственно одаренная печальнымъ голосомъ, но лишенная всякой жизни. Обрѣ, чувствовавшій себя въ эту минуту особенно грустнымъ, слушалъ эти безжизненные звуки страданія, долетавшіе до него изъ-за деревьевъ: плачь молодой дѣвушки о своемъ потерянномъ возлюбленномъ; плачь старика объ утраченной юности; плачь кокетки, дѣлающей видъ, что она раскаявается; плачь ребенка, который сломалъ свою игрушку. И всѣ эти страданія звучали какъ-то одинаково и ужасно. Сначала его угнеталъ смѣхъ—этотъ смѣхъ гостей лэди Сэнтъ-Орминъ, забывающихъ о красотѣ ночи подъ влияніемъ хорошаго обѣда. А теперь его угнетали слезы, и, подъ впечатлѣніемъ механическаго и жалкаго пѣнія Араки, онъ говорилъ себѣ, что и веселье, и печаль этихъ людей одинаково ужасны, что эти мужчины и женщины плакали безъ настоящаго горя, равно какъ и смѣялись безъ настоящей радости. Наконецъ, пѣніе кончилось, онъ пошелъ назадъ и опять смѣшался съ толпой.

Араки, съ каплями пота на лбу, былъ окруженъ людьми, выражавшими ему свой восторгъ по поводу ненавистной для него пѣсни. Онъ улыбался имъ одними губами, а въ душѣ готовъ былъ ихъ побить.

Акомпаниаторъ слѣдилъ за этой сценой холодными тусклыми глазами. Пришли два лакея и унесли рояль въ домъ.

— Слава Богу, музыка кончилась!—сказалъ толстый юноша примадоннѣ.—Теперь начнется состязаніе съ тачками, и вы увидите, какъ мы съ вами полетимъ!

Она посмотрѣла на него своими жадными глазами, чувствуя себя почти влюбленной.

Лэди Сэнтъ-Орминъ находилась въ какомъ-то бурномъ возбужденіи.

— Сколько у насъ тачекъ?—кричала она.—Взатите ихъ на верхъ откоса! А кто же будетъ состязаться?—и она пересчитывала по пальцамъ записавшихся.—Одиннадцать!—воскликнула она.—Нужно еще одного.—Она оглядѣлась кругомъ.—М-ръ Геррикъ, не хотите ли?..

Но Обрѣ исчезъ. Выходя изъ толпы, онъ встрѣтилъ лэди

Кэриль и monsieur Анно. Пѣвецъ имѣлъ сердитый видъ. Его каріе, съ красноватымъ оттѣнкомъ, глаза сверкали. Взглянувъ на молодую дѣвушку, Обрэ мысленно сравнилъ ее съ лучомъ луны. Онъ остановился и сказалъ monsieur Анно:

— Лэди Сэнтъ-Орминъ васъ ожидаетъ для состязаній съ тачками.

Пѣвецъ поклонился, какъ кланялся всегда на сценѣ, исполняя партію короля или главнаго жреца. Онъ вытянулъ свои могучія руки и улыбнулся.

— Я буду побѣдителемъ на состязаніи,—проговорилъ онъ, глядя пристально на лэди Кэриль.

— Вмѣстѣ съ мамъ,—вѣдь вы ее повезете,—сказала она.— Я буду молиться за вашъ успѣхъ!

Онъ заглянулъ ей въ лицо почти нахально.

— За всяческій успѣхъ?

— Да, въ этомъ состязаніи съ тачками.

— Monsieur Анно!—кричала лэди Сэнтъ-Орминъ.—Monsieur Анно, гдѣ же вы?

Пѣвецъ бросилъ послѣдній взглядъ на лэди Кэриль и направился медленно, но широко ступая, къ хозяйкѣ дома.

— Лэди Кэриль, вы гуляли въ роцѣ съ monsieur Анно?

— Да.

— Пойдемте туда со мною.

— А какъ же состязанія? Вы не хотите на нихъ посмотреть?

— Нѣтъ, только не сегодня.

— А вы знаете, сегодня очень сильная роса.

— Роса... Пойдемте со мною,—повторилъ онъ.

— Ну, хорошо,—сказала она довольно равнодушно.

И они стали удаляться отъ толпы, которая слѣдовала за лэди Орминъ на вершину откоса, гдѣ были разставлены въ рядъ ярко выкрашенные тачки. Въ маленькой роцѣ, куда пошли Обрэ и лэди Кэриль, въ эту минуту было совсѣмъ тихо. Обрэ нагнулся и потрогалъ рукой траву. Рука стала влажной.

— Ну чтó, я была права?—сказала лэди Кэриль.

— Да.

— Вамъ не жаль тѣхъ, которые теперь вываливаются изъ тачекъ на поворотахъ?

— Нѣтъ, они вполне этого заслуживаютъ.

— Но почему же?

— Потому что забавляются глупыми играми въ такую ночь,—отвѣчалъ онъ медленно.

— Развѣ она какая-нибудь особенная, не похожая на другія лѣтнія ночи?—Въ ея голосѣ слышалось маленькое лукавство.

— Какъ вы можете это говорить?!—сказалъ онъ.

Въ отдаленіи раздался пронзительный смѣхъ. Эти звуки, такіе чуждые въ ночной тишинѣ, раздражали Обрэ.

— Какъ они могутъ этимъ заниматься?—нетерпѣливо произнесъ онъ, боясь всего, что могло нарушить святость этой ночи.

— Развѣ вы не любите, когда другіе веселятся?—спросила леди Кэриль.

— Только не такимъ способомъ и не сегодня.

— Вы какой-то особенный, Геррикъ,—проговорила она.

Они вступили въ тѣнь отъ деревьевъ, но красные фонари мигали со всѣхъ сторонъ.

— Развѣ вы не чувствуете того же, что и я?—спросилъ Обрэ.

— Какъ я могу знать, что вы чувствуете?—сказала она довольно небрежно.

Эта ея фраза, казалось, заставила Обрэ понять самого себя. Онъ ясно представилъ себѣ бессмысленную жизнь болѣзненнаго существа, осужденнаго, благодаря своей сдержанности, на вѣчное одиночество.

— Хотите, я объясню вамъ, что я чувствую?—сказалъ онъ, и его голосъ измѣнился. Онъ уже говорилъ не свѣтскимъ тономъ, а простымъ, задушевымъ голосомъ.—Сядемъ здѣсь,—сказалъ онъ.

Подъ деревьями были кое-гдѣ разставлены скамейки. Они сѣли.

— Я и привелъ васъ сюда, чтобы сказать, что я чувствую,—началъ онъ.—Это очень трудно, но я знаю, что вы меня поймете, вы одна. Во всякомъ случаѣ, я попробую. Кэриль, вы, можетъ быть, считаете меня холоднымъ эгоистомъ и лѣнтяемъ? Вотъ этотъ Анно, онъ работалъ, онъ лучше меня. Съ моей стороны было глупо бросить мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вообще всякія занятія. Но я молодъ и могу переимѣниться. Я... я люблю васъ... очень люблю.

Онъ густо покраснѣлъ въ темнотѣ. Эта непривычная откровенность смущала его до боли, но онъ не старался унять эту боль.

— Я люблю васъ, а вообще я мало кого люблю. Я не могу выразить вамъ, что я чувствую, и, кажется, никогда не буду въ состояніи это сдѣлать.

Въ саду раздались тонкіе звонки. Это выехали велосипеды изъ сарая.

— Дайте мнѣ ваши руки!—сказалъ Обрѣ послѣ минутнаго молчанія.— Можетъ быть, это поможетъ мнѣ говорить.

Онъ взялъ руки лэди Кэриль и крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

— Я никогда не искалъ близости людей, а вашей близости я всегда хочу. Вы понимаете, какъ это много значитъ?

— Продолжайте!—проговорила она.

И теперь онъ былъ въ состояніи продолжать. Непривычная для него откровенность теперь уже не мучила его больше.

— Для меня одно только важно: заставить понять, какъ я люблю васъ.

Количество звонковъ увеличивалось по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число велосипедовъ, пронесившихся по трѣку. Тамъ и сямъ изъ-за деревьевъ то вспыхивали, то гасли факелы.

— Но какъ мнѣ это сдѣлать? Вы такъ молоды и такъ...

Онъ хотѣлъ сказать: „чисты“, но остановился. Ему казалось оскорбительнымъ даже прошептать ей такое слово.

...Такъ добры. Мнѣ бы хотѣлось удалить васъ отъ всѣхъ людей, на которыхъ вы такъ не похожи. Но, мнѣ кажется, вы этого не захотите. Вы совсѣмъ особенная, даже, быть можетъ, слишкомъ особенная, чтобы любить меня. Я часто объ этомъ думаю.

— Да, я не похожа на васъ,—проговорила она.

Она произнесла это тономъ чловѣка, сдѣлавшаго неожиданное открытіе.

— Я знаю... я знаю,—поспѣшно проговорилъ онъ.—Но я постараюсь быть похожимъ на васъ. Или нѣтъ, скорѣе я постараюсь быть достойнымъ васъ въ своемъ родѣ. Это все, что доступно мужчине, потому что вѣдь добрая женщина—существо совсѣмъ особенное.

Въ эту минуту онъ подумалъ о своей матери, которой никогда не повѣрялъ своихъ мыслей и желаній.

— Онъ можетъ только слѣдовать за нею на разстояніи, а она поведетъ его къ другой жизни. Безъ нея онъ никогда не узналъ бы этой жизни, жизни такъ не похожей вотъ на эту!—прибавилъ онъ, кивнувъ головой по направленію непрерывно раздававшихся звонковъ и мелькавшихъ факеловъ.

— Кэриль,—продолжалъ онъ,—развѣ вы не такъ же ненавидите эту жизнь со всѣмъ ея шумомъ и отсутствіемъ настоящаго смысла? Не чувствуете ли вы, что, несмотря на свою непрерывную болтовню, она почти ничего не говоритъ вамъ?

— Да, иногда я это чувствую,—отвѣчала она.

Въ ея голосѣ не было обычнаго спокойствія. Быть можетъ, познатіе его рукъ начинало говорить ей краснорѣчивѣе словъ...

— А я всегда чувствую, и часто мнѣ кажется, что и вы испытываете то же самое, потому что вы точно изъ другого міра, чѣмъ всѣ они: эти пѣвцы, актеры, пасторы, дѣльцы изъ Сити, которые... — Онъ внезапно остановился, вспомнивъ лорда Сэнтъ-Орминъ. — Не знаю, впрочемъ, какое право я имѣю ихъ осуждать! — сказалъ онъ съ неожиданной смиренностью. — Я не лучше ихъ, но только мнѣ кажется, что жизнь мало стоитъ, если въ ней нѣтъ ничего поэтичнаго, ничего сказочнаго, нѣтъ того, кого можешь понимать и любить, кому можешь повѣрять свои мысли и кто передаетъ тебѣ свои мысли въ отвѣтъ.

Онъ остановился, вдругъ пораженный ея долгимъ молчаніемъ.

— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ, Кэриль? — спросилъ онъ. — Чего-нибудь такого, чего вы никогда не говорили другимъ... большинству?

Она подняла свое лицо, и въ немъ появилось выраженіе скрытности, почти хитрости. Въ этомъ выраженіи было что-то безобразное и странное. Красная полоса свѣта отъ лампочки, повѣшенной среди листвы, падала на ея лицо и пересѣкала его, какъ узкая кровавая полоска. Обрѣ подумалъ, что эта красная полоска и помрачила ея сіяющую, какъ лунный свѣтъ, красоту. Онъ вскочилъ, отцѣпилъ лампочку, вернулся къ ней и снова взялъ ее за руки.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? — спросила она.

— Этотъ ужасный свѣтъ дѣлалъ васъ какой-то... какой-то...

— Что такое?..

— Онъ придавалъ вамъ какое-то лживое, ужасное выраженіе, дѣлалъ васъ похожей на маску.

Теперь она опять стала прекрасной.

— Скажите же мнѣ! — наставлялъ онъ.

— То, чего я никогда не говорю большинству людей, — проговорила она тихимъ голосомъ, — вы хотите это услышать?

— Да.

Теперь ея лицо опять измѣнилось, и хитрое выраженіе появилось въ приподнятыхъ углахъ ея губъ.

— Вы думаете, что женщина когда-нибудь говоритъ такіа вещи? — сказала она.

— Да, если она любитъ. — Онъ проговорилъ эту фразу, внутренне замирая отъ стыдливаго чувства гордости.

— Именно любимому человѣку, вы думаете? — сказала она. — Но, мнѣ кажется, всѣ женщины отъ природы скрытны.

— И вы также? Какъ мало вы себя знаете! Вы такъ непохожи на другихъ женщинъ. Я это знаю, я это чувствую. Я не встрѣчалъ ни одной женщины подобной вамъ, и никогда не встрѣчу.

— Можеть быть, это большое счастье для васъ, — проговорила она.

— Чтò вы хотите сказать?

— Вы совершенно не понимаете?

— Нѣтъ, Кэриль.

— Ну, можеть быть, вы когда-нибудь поймете.

Его охватило предчувствіе какой-то тягостной тайны, точно воздухъ сталъ душнѣе отъ скрытой грозы. Онъ взглянулъ на небо. Звѣзды по прежнему ярко сіяли; тогда онъ посмотрѣлъ ей въ глаза, и въ нихъ-то, казалось, и была скрыта грозная тайна.

— Вы мечтательница, Кэриль.

— О чемъ же я мечтаю?

— О прекрасныхъ вещахъ. Ихъ много на свѣтѣ, и вы ихъ чувствуете такъ же, какъ и я; но вы спите, и я хочу васъ разбудить, потому что во снѣ вы не можете чувствовать по настоящему. Вы слышите только отголоски звуковъ, вы не живете полной жизнью. Дайте мнѣ разбудить васъ, Кэриль!

— Для чего?

— Для любви.

Въ ближайшихъ кустахъ послышался легкій шумъ, но они его не замѣтили.

— Другіе уже пробовали это сдѣлать, — продолжалъ онъ настойчиво. — Сегодня вечеромъ этотъ Анно...

— Не стоитъ говорить о немъ, — сказала она.

— Однако же, — проговорилъ Обрэ съ непреодолимой вспышкой ревности, — онъ имѣетъ большое вліяніе на женщинъ.

— Только не на меня.

— А я могу имѣть на васъ вліяніе?

— А вы какъ думаете? — И она прямо заглянула ему въ глаза, какъ бы ища въ нихъ отвѣта, котораго ей не могло дать ея собственное сердце.

Они надолго замолчали, сидя вдвоемъ близко другъ къ другу и каждый стараясь прочесть въ душѣ другого глубоко скрытую въ ней тайну. Тишина вокругъ нихъ все время нарушалась непрерывными звонками. Для Обрэ они были ненавистны. Ему казалось, что именно эти звонки мѣшаютъ ему, не давая ясно мыслить и чувствовать. И когда онъ опять заговорилъ, то въ его голосѣ вначалѣ слышалась неувѣренность.

— Кэриль, проснитесь!.. Проснитесь для меня и для того міра, который мы сами себя создадимъ. Я брошу этотъ презрѣнный образъ жизни, недостойный мужчины. Я буду работать. Мы будемъ бѣдны вначалѣ, но развѣ намъ нужно то, что нужно всѣмъ этимъ людямъ? Развѣ мы хотимъ ослѣплять ихъ своею роскошью, проводить время за картами и на бѣгахъ, наполнять свой домъ неизвѣстными людьми, ѣздить, куда всѣ ѣздить, и быть всегда въ центрѣ этой бессмысленной шумной жизни? Развѣ намъ нужно все это, Кэриль?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Конечно нѣтъ. Но...

Она остановилась, видимо колеблясь. Въ ея глазахъ промелькнуло безпокойство. Онъ привлекъ ее къ себѣ, инстинктивно понимая, что для него настала рѣшающая минута. Онъ почувствовалъ въ это мгновеніе, какъ чувствовалъ потомъ и всегда, что въ ней была способность любви, была божественная искра, которая можетъ разгорѣться только отъ другой такой же искры. И онъ чувствовалъ, что именно въ его сердцѣ таится эта другая искра, и что онъ можетъ исполнить волю Бога: зажечь въ ея сердцѣ божественный огонь. Но когда онъ обнялъ ее, то выраженіе смущенія, почти страха въ ея глазахъ еще усилилось. До сихъ поръ она никогда не испытывала настоящаго ужаса. Ей и въ голову не приходило прежде, что она можетъ бояться самой себя. Этотъ ужасный трепеть, похожій на движеніе змѣи, развертывающей свои кольца послѣ летаргическаго сна,—былъ ли это трепеть тѣла или души? Она сама не знала. Она только знала, что всю ея душу стало наполнять смутное волненіе, какъ тотъ шумъ, который звучитъ въ ушахъ человѣка, утопающаго въ безмолвномъ морѣ.

— Кэриль,—услышала она голосъ Обрэ:—вы просыпаетесь наконецъ, вы просыпаетесь!..

Въ самомъ дѣлѣ, она пробуждалась, но это пробужденіе было ужасно, какъ пробужденіе человѣка отъ этой жизни въ той жизни, которую мы называемъ смертію.

Снова слышался шелестъ за сосѣдними деревьями, потомъ шумъ медленныхъ шаговъ и голосъ, въ немолодомъ звукѣ котораго было что-то оскорбительное, но который звучалъ ясно и съ безпощадной отчетливостью среди ночной тишины.

— Да,—произнесъ голосъ:—это совершенно вѣрно. Я купилъ большой изумрудъ вчера. Это—настоящее чудо, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ драгоценныхъ камней въ мірѣ.

Послѣдовало молчаніе. Лэди Кэриль вырвалась изъ рукъ Обрэ. Еще до этого движенія онъ почувствовалъ, какъ ея гибкое тѣло

все выпрямилось, какъ у испугавшагося человѣка, который прислушивается съ напряженіемъ.

Потомъ опять раздался голосъ сѣра Рѣбена въ отвѣтъ на какой-то вопросъ, не долетѣвшій до слуха лэди Кэриль и Обрэ.

— Онъ принадлежалъ русской императрицѣ, Екаторинѣ Великой. На немъ вырѣзаны...—голосъ сталъ удаляться, но все еще слова звучали ясно и отчетливо, какъ бы отчеканенныя въ воздухѣ:—...три фигуры: душа, увлекаемая наслажденіями...

Все замолкло.

— Кэриль, — прошепталъ Обрэ, — полюбите меня. Я чувствую себя такимъ одинокимъ на свѣтѣ, и вы тоже одиноки. Давайте вмѣстѣ...

— Тихе!—прошептала она.

Она подняла руку и, казалось, напрягала слухъ, ожидая снова услышать голосъ, говорившій объ изумрудѣ. Обрэ почувствовалъ, какъ его горячій порывъ началъ остывать, какъ бы отъ тяжелаго и таинственнаго дыханія зимы. Лэди Кэриль уронила руку и повернулась къ нему:

— Оставьте мнѣ мой сонъ!—проговорила она. — Оставьте меня—я не хочу просыпаться.

Голосъ ея сдѣлался глухимъ, какъ голосъ лунатика.

Холодная сдержанность Обрэ, совершенно растаявшая за минуту передъ тѣмъ, стала снова овладѣвать имъ. Онъ боролся противъ нея съ отчаяніемъ.

— Кэриль,—сказалъ онъ,—Кэриль!—и хотѣлъ схватить ея руки, но она уклонилась, избѣгая его прикосновенія.

— Оставьте меня! — повторила она, и ея голосъ звучалъ умышленно съ отталкивающею холодностью.

— Я не люблю васъ; а еслибы и полюбила, то это заставило бы меня потомъ васъ возненавидѣть.

Раздался звукъ трубы дилижанса и усиливающійся по мѣрѣ приближенія шумъ многочисленныхъ шаговъ и громкихъ головъ.

— Вы ѣхали великолепно!—кричала примадонна съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Ну, еще бы,—вѣдь всѣ остальные ни къ чорту не годятся!—раздался отвѣтъ толстаго юноши. Обрэ быстро всталъ.

Всѣ собрались передъ домомъ и громко прощались. Замелькали фонари экипажей.

— Monsieur Анно, monsieur Анно! — кричала лэди Сэнтъ-Орминъ:—вы сядете на козлы, а Кэриль... Подождите-ка, выпьемъ еще пунша!.. Ахъ, вотъ идея!—пока мы будемъ пить, м-ръ

Броунъ споетъ намъ: „Пейте, пейте, пейте!“ ... Споете, м-ръ Броунъ? Очень мило съ вашей стороны. Гдѣ же Кэриль? Теперь...

Въ толпѣ Обрэ случайно пришлось стать рядомъ съ м-съ Рекиттъ. Она взглянула на него съ своею доброй, задумчивой улыбкой.

— Типичный конецъ разнообразно проведеннаго вечера, — сказала она.

— Да, — отвѣчалъ Обрэ своимъ холодно-вѣжливымъ тономъ, какимъ онъ всегда говорилъ въ обществѣ. — Было очень весело. Лэди Сэнтъ-Орминъ умѣетъ все это устраивать.

Онъ взглянулъ кругомъ на лица, освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ луны, и среди нихъ увидѣлъ уродливое смуглое лицо сѣра Ребена. Въ эту минуту онъ показался ему особенно безобразнымъ и похожимъ на домового, который, забравшись подъ своды собора, смѣется надъ всѣмъ, что только есть самаго чистаго и нѣжнаго въ религіи.

— Теперь, м-ръ Броунъ, пожалуйста! — крикнула лэди Сэнтъ-Орминъ.

Послышался звонъ стакановъ, и потомъ въ тишинѣ лунной ночи раздалось: „Пейте, пейте, пейте!“ ...

VIII.

На другой день сэръ Ребенъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, чтобы посмотрѣть знаменитый изумрудъ. Въ числѣ приглашенныхъ были лэди Сэнтъ-Орминъ съ дочерью и лэди Рангклифъ. Послѣдняя, хотя была приглашена въ четыре часа, заѣхала въ четверть-четвертаго, по пути въ Уайтчапелъ, гдѣ должна была продавать на базарѣ.

Къ счастью, сэръ Ребенъ оказался дома. Онъ принялъ ее, не выказывая никакого удивленія, въ гостиной, наполненной разными красивыми вещами, блескъ которыхъ терялся на слишкомъ яркомъ фонѣ задрапированныхъ стѣнъ.

— Кажется, я запоздала? — сказала лэди Рангклифъ, входя въ комнату своей рѣшительной мужской походкой.

— Нѣтъ, нисколько.

— Я ничего не могла подѣлать. Рангклифъ задержалъ меня. Какъ странно очутиться здѣсь опять! Столько времени прошло съ тѣхъ поръ... — она остановилась, боясь вызвать тяжелыя воспоминанія въ хозяйинѣ.

Сэръ Ребенъ подвелъ ее къ огромному красному дивану. Она

услась на него. Въ этой блестящей комнатѣ она производила впечатлѣніе неудачной темной заплаты.

— Обрэ не будетъ у васъ?—спросила она.

— Нѣтъ. Я приглашалъ его, но онъ сегодня собирался кататься на лодкѣ.

— На лодкѣ!.. Ну, а вчера вечеромъ... вы были у лэди Сэнтъ-Орминъ?...—она вопросительно посмотрѣла ему въ лицо.

— Оставался тамъ за-полночь.

— И что же вы думаете?

— Очень веселое было сборище.

— Конечно. Но что Обрэ и лэди Кэриль?

Сэръ Рѣбенъ какъ будто бы не могъ понять, о чемъ говорила лэди Рангклифъ. Сидя на красномъ диванѣ, онъ совершенно имѣлъ видъ стараго торговца на восточномъ базарѣ, продавца ковровъ изъ Багдада или благовоній изъ Мекки, а лэди Рангклифъ, въ своемъ старомодномъ черномъ платьѣ, со шлейфомъ, была похожа на безпокойную туристку, попавшую въ его руки.

— Я думаю, что они веселились, какъ и всѣ остальные. Тамъ была и музыка, и состязаніе на велосипедахъ, и обѣдъ, и фейерверкъ. Настоящій праздникъ въ Хрустальномъ дворцѣ въ миниатюрѣ.

— Обрэ терпѣть не можетъ этихъ праздниковъ. Вы знаете, о чемъ я говорю, сэръ Рѣбенъ. Сдѣлалъ онъ ей предложеніе, бѣдный мальчикъ?

При этомъ вопросѣ сэръ Рѣбенъ посмотрѣлъ на нее искоса, сощуривъ блестящіе глаза, какъ будто приговариваясь въ очень сложному торгу.

— Очень трудно сказать что-нибудь навѣрное, — проговорилъ онъ.—Въ такой толкотнѣ...

— Ну да, но вѣдь вы оставались за-полночь, — перебила она его.

— Тамъ жгли столько фейерверковъ!..

— Все-таки онъ могъ найти случай переговорить съ ней. Развѣ ракеты могутъ помѣшать влюбленному юношѣ! Онъ ихъ и не замѣтитъ. Даже дѣвушка, и та бы не замѣтила, — а ужъ дѣвушки почти всегда все замѣчаютъ.

— Я думаю, лэди Кэриль замѣтила всѣ ракеты, — проговорилъ сэръ Рѣбенъ спокойно и сухо.—Не хотите ли вы посмотрѣть изумрудъ?

— Какой изумрудъ?—спросила лэди Рангклифъ, поглощен-

ная своими мыслями и совершенно забывая о причинѣ своего визита.

Смуглое лицо сэра Ребена сдѣлалось серьезнымъ, и онъ весь сталъ похожъ на какого-то чародѣя.

— Въ моей запискѣ къ вамъ я сообщилъ, что только-что приобрѣлъ изумрудъ Екатерины Великой на распродажѣ у Мерфи, — сказалъ онъ.

— Да, да, конечно, — проговорила лэди Рангклифъ, собираясь съ мыслями. — Но зачѣмъ онъ вамъ понадобился?

Она говорила со своей обыкновенной прямолинейностью, пристально глядя ему въ глаза. Онъ видимо колебался, прежде чѣмъ отвѣтить ей. Сказать правду было для него трудно, а солгать было невозможно подъ ея пристальнымъ взглядомъ. Наконецъ онъ началъ:

— Вы помните нашъ послѣдній разговоръ объ Обрѣ и этой молодой дѣвушкѣ, лэди Кэриль?

— А, помню. Я сказала, что вы не можете имѣть на нее вліянія.

— А хотите, я вамъ докажу, что могу? — спросилъ онъ.

Въ его голосѣ прозвучала горькая нота. Она услышала ее, несмотря на свою глухоту.

— Вы думаете, что вы въ самомъ дѣлѣ можете имѣть на нее вліяніе? Но вѣдь ея здѣсь нѣтъ. Какъ же вы мнѣ это докажете? — сказала лэди Рангклифъ съ совершенно искреннимъ изумленіемъ.

— Ея отсутствіе ничего не значить. Подождите минуту.

Онъ всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ лэди Рангклифъ одну на красномъ диванѣ. Она вспомнила, что была въ этой комнатѣ восемь лѣтъ тому назадъ, когда сэръ Ребенъ говорилъ ей о своей умершей женѣ, и ей вспомнилась сказанная имъ тогда фраза: „Эта комната надолго сохранитъ о ней воспоминаніе“.

Дверь отворилась. Вошли лэди Сэнтъ-Орминъ и лэди Кэриль и поздоровались съ лэди Рангклифъ. У лэди Сэнтъ-Орминъ былъ, по обыкновенію, разгоряченный и раскраснѣвшійся видъ, а у лэди Кэриль — свѣжій и спокойный. Лэди Рангклифъ снова была поражена особенностью ея красоты и нѣжностью цвѣта кожи, доходившей до прозрачности.

— Чтò за домъ! — воскликнула лэди Сэнтъ-Орминъ. — Мнѣ все кажется, что я въ Багдадъ — вѣдь это въ Багдадѣ все такіе дома, не правда ли? До сихъ поръ я не видала ничего болѣе восточнаго... Мы пунктуальны до нелѣпости, но намъ еще пред-

стоитъ быть на нѣсколькихъ музыкальных собраніяхъ... А, вотъ и сэръ Рѣбенъ! Мы пунктуальны просто до глупости, но намъ предстоитъ еще столько вещей сегодня!.. Я влюблена въ вашу комнату! Въ немъ что-то до такой степени багдадское! Не привезли ли вы его цѣликомъ изъ Персіи? Этотъ ярко-красный цвѣтъ удивителенъ, а я обожаю ярко-красный цвѣтъ. А гдѣ же изумрудъ? Весь Лондонъ говоритъ о немъ.

Она порывисто обмахивалась вѣеромъ.

Сэръ Рѣбенъ держалъ что-то въ лѣвой рукѣ. Трудно было разобрать выраженіе его лица, когда онъ вошелъ въ комнату и увидалъ новыхъ посѣтительницъ. Втайнѣ ему было неприятно въ первую минуту, что онъ не засталъ лэди Рангклифъ одну. Но потомъ его возбудила возможность новаго драматическаго положенія, и онъ улыбнулся, какъ человѣкъ, имѣющій въ рукахъ множество нитей, посредствомъ которыхъ онъ можетъ управлять живыми существами. Онъ поздоровался съ лэди Сэнтъ-Орминъ и ея дочерью, потомъ взглянулъ на лэди Рангклифъ и сказалъ:

— Изумрудъ? Онъ здѣсь у меня. Я только-что собирался показать его лэди Рангклифъ.

При этихъ словахъ лэди Рангклифъ вдругъ задвигалась на диванѣ съ быстрымъ, нервнымъ движеніемъ головы. Сэръ Рѣбенъ сѣлъ поближе къ ней, противъ лэди Кэриль и ея матери. Яркій косой лучъ солнца, какъ лезвіе меча, упалъ черезъ одно изъ высокихъ оконъ на то мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ. Глаза трехъ женщинъ были устремлены на его худую, загорѣлую лѣвую руку. Онъ разжалъ ее, показывая бѣлый бархатный футляръ. Всѣ молчали; даже лэди Сэнтъ-Орминъ слѣдила за его движеніями съ нѣмымъ любопытствомъ. Сэръ Рѣбенъ нажалъ пружинку, бѣлая бархатная крышка отскочила, и солнечный лучъ, какъ мечъ, ударилъ въ драгоценный камень, пронзилъ его, не ранивъ, потерявъ свой золотой цвѣтъ, превратился въ очаровательный темно-зеленый. Камень казался живымъ въ своемъ горячемъ, но спокойномъ блескѣ. Сэръ Рѣбенъ обратился къ лэди Рангклифъ:

— Вотъ что я хотѣлъ вамъ показать,—сказалъ онъ, подставляя драгоценный камень какъ разъ подъ солнечный лучъ. Она сдѣлала нервное движеніе головой, устремивъ взглядъ на изумрудъ, но ничего не сказала.

— Онъ великолѣпенъ!—проговорила лэди Сэнтъ-Орминъ.—Позвольте мнѣ вынуть его изъ футляра.

Она протянула руку. Когда она это сдѣлала, то лэди Кэриль съ трудомъ удержалась, чтобы не остановить ее. Сэръ Рѣбенъ замѣтилъ это, и его глаза сверкнули. А глаза молодой дѣвушки

были устремлены на изумрудъ и горѣли тѣмъ же огнемъ, что и на Бондъ-Стритѣ, когда она смотрѣла въ окно ювелирнаго магазина. Она слегка подалась впередъ съ видомъ очарованнаго человѣка, который смотритъ безмолвно, съ страстнымъ вниманіемъ. Лэди Рангелифъ наблюдала за нею такъ же прилежно, какъ и сэръ Ребенъ. Послѣдній передалъ изумрудъ въ кошачьи руки лэди Сэнтъ-Орминъ. Она схватила его, съ тою же жадностью, съ какою ѣла магнолы glâces и искала знакомствъ съ знаменитыми баритонами, вынула его изъ футляра и стала вертѣть во всѣ стороны на солнцѣ, съ раздражающей быстротою.

— Что означаютъ эти вырѣзанныя фигуры? — вскричала она. — Душу, уносимую на небо, — не правда ли?

— Душу, увлекаемую наслажденіями, — проговорилъ сэръ Ребенъ.

Лэди Кэриль показалося, что она опять слышитъ голосъ, скрытый въ темнотѣ сада.

— Боже мой! Наслажденіями? Какой ужасъ! Развѣ это не ужасно, лэди Рангелифъ? Я увѣрена, что вы находите это ужаснымъ, потому что вѣдь вы не любите веселья.

Но лэди Рангелифъ, казалось, была поглощена своими мыслями, или, можетъ быть, глухота помѣшала ей слышать обращенное къ ней замѣчаніе. Во всякомъ случаѣ она ничего не отвѣтила.

— Какая смѣшная маленькая душа, — продолжала лэди Сэнтъ-Орминъ: — и что за смѣшныя крошечныя наслажденія! Куда же это они увлекаютъ душу?

— Туда, куда попадаетъ всякая душа, увлеченная наслажденіями, — отвѣчалъ сэръ Ребенъ, глядя на лэди Кэриль.

— Это зависитъ оттого — чья это душа: мужчины или женщины, — сказала лэди Сэнтъ-Орминъ. — Мужская душа отправляется на скачки или въ Парижъ по дѣламъ. Такъ вѣдь?

— Ну а женская?

— Вы не должны меня спрашивать. Нужно, чтобъ мужчины не знали нѣкоторыхъ вещей. Не правда ли, лэди Рангелифъ?

— Да, — отвѣчала послѣдняя очень серьезно.

Лэди Кэриль ничего не сказала. Быстрыя движенія рукъ ея матери, видимо, ужасно ее раздражали. Она смотрѣла на лэди Сэнтъ-Орминъ недобрыми глазами, въ которыхъ свѣтилась мрачная ревность.

— Все это прекрасно, — сказала лэди Сэнтъ-Орминъ. — Но намъ нужно уѣзжать. Вотъ, сэръ Ребенъ, возьмите! — она су-

нула ему въ руку изумрудъ.—Онъ чудесный, безподобный, но что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь вы же не можете носить его.

— Нѣтъ. Что я долженъ съ нимъ сдѣлать, лэди Рангклифъ?

— Продайте его опять,—отвѣчала она.

Въ голосѣ ея слышалось волненіе. Она смотрѣла на лэди Кэриль, и отъ яркаго солнечнаго свѣта въ глазахъ ея стояли слезы.

— О, лэди Рангклифъ!—воскликнула молодая дѣвушка съ внезапнымъ возбужденіемъ.—Вѣдь вы бы даже ни одной изъ своихъ собачекъ не продали!—Она рѣзко разсмѣялась и вскочила.—Мама, если мы дѣйствительно должны попасть во всѣ эти мѣста, то намъ слѣдуетъ ѣхать,—сказала она.

— Да, мы должны отправляться. Прощайте, лэди Рангклифъ. Я знаю, что бесполезно приглашать васъ въ Ипсомъ въ воскресенье. Сэръ Рѣбенъ, этотъ красный цвѣтъ—лучшій въ Лондонѣ. Вы, просто, чародѣй съ вашимъ чудеснымъ домомъ и вашимъ чудеснымъ изумрудомъ. Я почти боюсь васъ. А ты, Кэриль? Ты не боишься сэра Рѣбена?

— Въ самомъ дѣлѣ,—вы не боитесь меня?—спросилъ онъ ее. Она серьезно встрѣтила взглядъ его подмигивавшихъ глазъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Я ничего не боюсь.

— Даже не боитесь быть увлеченной наслажденіями?—снова спросилъ онъ. Когда онъ говорилъ это, то въ его немного рѣзкомъ голосѣ слышалось что-то таинственное.

— Опасно ничего не бояться, мое дитя мое,—проговорила неожиданно лэди Рангклифъ. Она встала, чтобы проститься съ лэди Сэнтъ-Орминъ, и положила свою длинную руку на руку лэди Кэриль.

— Это ужасно опасно,—продолжала она.—Я никогда не забуду, что мнѣ сказалъ однажды одинъ юноша, спасшій жизнь своего товарища, тонувшаго въ морѣ, и при этомъ чуть не утонувшій самъ: „Я не знаю, что заставило меня это сдѣлать,—сказалъ онъ мнѣ,—потому что все время я былъ въ ужаснѣйшемъ страхѣ“. Способность бояться чего-нибудь—не есть трусость, и это—способность чисто-человѣческая.

— Въ такомъ случаѣ во мнѣ теперь очень много человѣческаго,—воскликнула лэди Сэнтъ-Орминъ,—потому что я боюсь этого дома. Я увѣрена, что въ немъ есть гдѣ-нибудь гаремъ и всевозможныя таинственности. Не краснѣйте, сэръ Рѣбенъ; въ такомъ домѣ даже долженъ быть гаремъ, какъ одно изъ укра-

шений. Въ концѣ-концовъ нравственное чувство—вещь совершенно условная. Я это всегда говорю, въ особенности молодымъ пасторамъ. Имъ полезно разъ или два въ годъ выслушивать какое-нибудь здравое сужденіе. Мы обязаны говорить правду даже пасторамъ. Я всегда говорю...

И она продолжала говорить, уже садясь въ свою викторію вмѣстѣ съ лэди Кэриль. Послѣдняя очень холодно простилась съ лэди Рангклифъ и, уходя, еще разъ оглянула комнату, съ видомъ ребенка, смотрящаго на необыкновенную пеструю бабочку или на тѣнь какого-нибудь невидимаго для него предмета.

Лэди Рангклифъ забыла про свой базаръ. Когда сэръ Ребенъ вернулся, проводивъ гостей, то она стояла у окна, выдѣляясь мрачнымъ, неуклюжимъ силуэтомъ на яркомъ солнечномъ фонѣ. Выраженіе лица у нея было безпокойное и озабоченное.

— Я поняла теперь,—проговорила она.—Въ этихъ вещахъ я глупа какъ пробка, но теперь я все-таки поняла. Откуда у васъ такое плохое мнѣніе о женщинахъ?

— Развѣ я считаю ихъ хуже; чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ?

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы не удерживаете ихъ отъ зла?

— Это было бы бесполезно. Нѣкоторые изъ нихъ и должны быть такими, какія есть.

— Вы не правы.

— Я очень радъ, что есть женщина, которая можетъ вполне искренно такъ думать,—произнесъ онъ почти нѣжно.

— Дайте мнѣ этотъ камень! — сказала лэди Рангклифъ.

Сэръ Ребенъ передалъ его ей. Она поднесла его совсѣмъ близко къ глазамъ и долго молча на него смотрѣла. Наконецъ, она сказала, все еще глядя на изумрудъ:

— Въ этомъ и заключается вліяніе, о которомъ вы говорили?

— Да. Вы сами мнѣ сказали, что въ лэди Кэриль есть какое-то безсердечіе, что въ ней мало человѣчности.

— И потомъ мнѣ было стыдно, что я это сказала,—горячо проговорила лэди Рангклифъ.—Я была безпощадна и эгоистична, думая только о моемъ сынѣ. Можетъ быть онъ и правъ. Если онъ ее любитъ, такъ ужъ онъ лучше насъ видитъ, какая она.

— Если онъ ее любитъ, такъ онъ совсѣмъ не можетъ видѣть, какая она. Лэди Рангклифъ, вы стараетесь обмануть собственное чутье.

— Нѣтъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть что-нибудь хорошее,

но надо это хорошее найти, пробудить и развить. Можетъ быть, Обрэ...

— Пробовалъ пробудить лэди Кэриль, и это ему не удалось. Лэди Рангклифъ сдѣлала нервное движеніе головой.

— Когда?

— Вчера вечеромъ. Я купилъ этотъ изумрудъ въ субботу, а лэди Кэриль узнала объ этомъ вчера.

Лэди Рангклифъ быстро отложила въ сторону драгоценный камень, какъ будто онъ обжегъ ей руку.

— Вы думаете, что еслибъ вы его не купили, то она...

— Я слышемъ старъ, чтобъ дѣйствовать на удачу.—Онъ закрылъ бѣлую крышку футляра, и изумрудъ скрылся отъ солнечнаго свѣта.

— Сэръ Рѣбенъ, — сказала лэди Рангклифъ, — много лѣтъ тому назадъ, вы оказали мнѣ услугу. И теперь вы это для меня сдѣлали, въ виду моего замѣчанія, что Обрэ по натурѣ своей нуждается въ счастіи?

Онъ отвѣтилъ не тотчасъ и сидѣлъ, уронивъ голову на руку.

— Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало у васъ это спрашивать? — сказала она.

— Нѣтъ; я сдѣлалъ это не исключительно для васъ! — отвѣтилъ онъ наконецъ.

Лэди Рангклифъ вспомнилось замѣчаніе лэди Сэнтъ-Орминъ, что въ этомъ странномъ, восточномъ домѣ навѣрное долженъ быть гаремъ. А потомъ ей вспомнилась лэди Кэриль, такая красивая и юная, у которой вся жизнь была впереди, и Обрэ, такъ нуждавшійся въ счастіи. Она посмотрѣла на сѣра Рѣбена; такой онъ былъ старый, весь въ морщинахъ, изнуренный долгими путешествіями, множествомъ разныхъ трудовъ, а можетъ быть и излишествами. Сидя неподвижно, онъ походилъ на безобразнаго языческаго идола, высѣченнаго изъ каменной глыбы какимъ-нибудь суевѣрнымъ и лукавымъ дикаремъ. А маленькій футляръ изъ бѣлаго бархата въ его худыхъ, морщинистыхъ рукахъ казался искупительной жертвой за какое-то неслыханное преступленіе.

Ею овладѣло чувство тоски, почти отчаянія; до такой степени она этого чувства никогда прежде не испытывала. Но лэди Рангклифъ не предавалась отчаянію надолго. Для этого у нея была слишкомъ мужественная натура.

— Продайте вашъ изумрудъ, сэръ Рѣбенъ! — проговорила она вдругъ. — Вы понимаете, что я хочу этимъ сказать.

— Вы находите, что я слишкомъ старъ, чтобъ обладать сокровищемъ? — отвѣчалъ онъ.

Это была правда, и она ее подтвердила, хотя это и вышло грубо.

— Да, я нахожу,—сказала она.

— Въ такомъ случаѣ вы не понимаете людей. Нѣтъ чело-
вѣка слишкомъ стараго, чтобъ обладать чѣмъ-нибудь, если у него
на это хватаетъ силы. Восемь лѣтъ тому назадъ, я думалъ, что
утратилъ всякую силу, и распродалъ мои драгоценности. Я ни-
когда не говорилъ вамъ, почему я это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, никогда.

— Восемь лѣтъ тому назадъ,—продолжалъ онъ медленно и
отчетливо, съ оттѣнкомъ горечи,—я сдѣлалъ открытіе, что мое
любимѣйшее сокровище не принадлежало вполне и всецѣло мнѣ
одному.

Лэди Рангклифъ поняла, что онъ намекаетъ на прекрасную
креолку.

— Прежде, чѣмъ умереть, — продолжалъ онъ болѣе спо-
койно,—я хочу имѣть сокровище, которое бы принадлежало мнѣ
вполнѣ. Развѣ это такъ удивительно? Развѣ было бы удивительно,
еслибы, найдя рѣдкій драгоценный камень, я сдѣлалъ бы все
отъ меня зависящее, чтобы купить его?

— Другъ мой, — сказала лэди Рангклифъ,—когда вы такъ
говорите, то мнѣ начинаетъ казаться, что я задыхаюсь.

— Вы можете дышать только въ самомъ чистомъ воздухѣ,—
возразилъ сэръ Рѣбенъ,—и всегда будете сидѣть у своего откры-
таго окна; но не забывайте, что во мнѣ другая кровь, привык-
шая къ жаркимъ климатамъ и къ солнцу, какового никогда не бы-
ваетъ здѣсь, въ Англіи. Не забывайте, что я былъ обманутъ,
что я стоялъ у трупа любимой женщины съ желаніемъ уда-
рить его!

На мгновеніе его лицо стало ужаснымъ и глаза засверкали
бѣшенствомъ, но потомъ онъ внезапно перемѣнилъ тонъ и съ
нѣжной мольбой прибавилъ:

— Лэди Рангклифъ, я долженъ—я долженъ купить мое со-
кровище.

IX.

Когда, въ концѣ іюня, Лондонъ узналъ, что лэди Кэриль
Ноксъ приняла предложеніе сэра Рѣбена Аллабрута, то весь го-
родъ былъ очень доволенъ. Наконецъ-то было удовлетворено общее
любопытство по поводу знаменитаго изумруда. Сэръ Рѣбенъ ку-
пилъ его не для какой-нибудь актрисы или таинственной гарем-

ной рабыни, но какъ подарокъ для молодой красавицы, которая должна была занять мѣсто, нѣкогда принадлежавшее хорошенькой креолкѣ. Лэди Сэнтъ-Орминъ горячо и искренно поздравляли, а лордъ Сэнтъ-Орминъ леталъ по всему Сити, какъ воробей, грѣющийся на солнцѣ послѣ бури и ливня. Обрэ сидѣлъ у своей матери, когда она получила отъ сэра Рёбена письмо съ давно ожидаемымъ ею извѣстіемъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ ея волненіе, такъ какъ она была слишкомъ непосредственна, чтобы умѣть скрыть что-нибудь. Письмо пришло какъ разъ послѣ завтрака. Лэди Рангклифъ перечла его разъ двадцать, стараясь дѣлать это съ самымъ беззаботнымъ видомъ, въ которомъ, однако, было мало убѣдительности. Обрэ курилъ, такъ какъ лэди Рангклифъ позволяла своимъ сыновьямъ курить у себя въ будуарѣ и въ спальнѣ. Дымъ отъ ихъ папирсъ казался ей энміамомъ. Обрэ замѣтилъ, что она была возбуждена и разсѣянна.

— Дурныя вѣсти, мама?—спросилъ онъ.

— Что, Обрэ?

— Ты получила дурныя извѣстія?

Лэди Рангклифъ густо покраснѣла, имѣя видъ и сознавая себя болѣе виноватой, чѣмъ большинство преступниковъ. Ей казалось въ эту минуту, что она составила заговоръ противъ своего любимаго сына въ тотъ день, когда въ первый разъ повѣрила сэру Рёбену свои опасенія по поводу заблужденія Обрэ. И однако, она отлично знала, что сэръ Рёбенъ разставилъ сѣти лэди Кэриль въ угоду собственному желанію, въ угоду своей странной, неугомонной натурѣ, способной желать такъ же сильно въ старости, какъ и въ молодости.

— Да чтѣ же такое, мама?—повторилъ Обрэ, глядя на мать съ спокойнымъ удивленіемъ.—Можно подумать, что ты обокрала банкъ и что тебя накрыли.

— Какія глупости, Обрэ!—проговорила лэди Рангклифъ съ отчаяніемъ и черезчуръ громко, какъ это бываетъ съ молодыми дѣвушками отъ слишкомъ большой застѣнчивости.—Это просто письмо отъ сэра Рёбена.

— И больше ничего?

Послѣдовало молчаніе, и Обрэ продолжалъ лѣниво курить.

— Въ этомъ письмѣ есть новость,—проговорила лэди Рангклифъ, нервно подергивая головой.

— Чтѣ же такое?

— Онъ собирается жениться.

Теперь Обрэ удивился по настоящему. Онъ никогда не предполагалъ, чтобы его крестный отецъ могъ совершить такой дикій

и некрасивый поступокъ: связать свою разбитую старую жизнь съ чьей-нибудь другою жизнью.

— Однако,—сказалъ онъ, туша папиросу:—кто можетъ быть эта старая дама?

— Лэди Кэриль Ноевъ... Ну, а теперь я должна идти по дѣлу нашего „Бромптонскаго Человѣколюбиваго Общества“. — Она быстро повернулась, чтобы уйти, но, прежде чѣмъ она вышла изъ комнаты, Обрэ сказалъ:

— Мама, когда я сказалъ: „старая дама“, я просто шутилъ.

— Ну да, Обрэ, конечно, — отвѣчала она и, едва успѣвъ выбѣжать за дверь, залилась слезами.

Оставшись одинъ, Обрэ положилъ выкуренную папиросу въ пепельницу, вынулъ другую осторожно изъ ящика, зажегъ спичку, закурилъ папиросу и принялся снова курить, глядя прямо передъ собою. Онъ не перемѣнилъ своей лѣнивой позы, но все его тѣло точно застыло въ креслѣ. Ему казалось, что онъ весь сдѣланъ изъ стали, и только въ груди у него маленькій живой комочекъ, истекающій кровью. Онъ боялся матери: неужели она знала, какая ужасная рана у него въ сердцѣ! Онъ не слышалъ того, что произошло за дверью, но почему она такъ колебалась и имѣла такой виноватый видъ? Можетъ быть, изъ-за сѣра Ребена? Обрэ зналъ о ея большой дружбѣ къ нему. Можетъ быть, она только о немъ думала? Всякая другая мысль была невыносима Обрэ. Незвѣстность его мучила. Онъ рѣшилъ убѣдить себя и повѣрить въ самомъ дѣлѣ, что это было именно такъ, какъ онъ предполагалъ; что лэди Рангелифъ, очень чутко относившаяся ко всѣмъ, кого любила или уважала, мучилась и боялась, что свѣтъ, а вмѣстѣ съ другими и ея сынъ, будутъ готовы смѣяться надъ послѣдней попыткой сѣра Ребена завоевать себѣ счастье.

Обрэ испытывалъ въ эту минуту, подобно многимъ, что страданіе, доходя до высочайшей степени, можетъ становиться унижительнымъ. Онъ не могъ объяснить, почему, но только это было именно такъ. Его сердце, его душа, все его существо было какъ-то унижено. Страданіе не было для него новостью. Но именно такое страданіе онъ испытывалъ въ первый разъ. Онъ началъ страдать съ послѣдняго вечера въ ипсомскомъ саду, когда лэди Кэриль отказала ему, но въ немъ еще жила надежда. Онъ рѣшилъ, что преждевременно заговорилъ съ молодой дѣвушкой, что она еще должна остаться во власти своихъ грѣзъ, одна среди видѣній, созданныхъ въ полномъ невѣдѣніи жизни ея юною, дѣвственною душой. Онъ думалъ, что былъ слишкомъ настойчивъ и только испугалъ, но не разбудилъ ея дремавшаго сердца. Лэди

Кэриль еще любила свои сны больше, чѣмъ всякаго человѣка. Но, однако, этотъ старикъ протянулъ свои морщинистыя руки къ этой красотѣ, коснулся спящей — и она проснулась. Ему неотвязно мерещились эти двѣ сухія, смуглыя руки, съ особенной неприятной прозрачностью, свойственной старческимъ рукамъ, которыя хватали нѣжныя, молодыя руки спящей дѣвушки, поглаживая ихъ съ отвратительной, гнусной нѣжностью. Это было ужасно!.. Ему дѣлалось дурно вполне реально, какъ дѣлается дурно человѣку, при видѣ крови, текущей послѣ ужасной операціи. Все его тѣло возмущалось и дрожало, видя, какъ соединялись эти руки. Съ неожиданнымъ и невольнымъ возгласомъ онъ вскочилъ, отворилъ дверь и, схвативъ шапку, выбѣжалъ на улицу. Дойдя до сквера, онъ сталъ ходить быстрыми, неровными шагами.

Былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ, тихихъ и почти темныхъ лѣтнихъ дней, которые бываютъ иногда въ Лондонѣ. Въ такіе дни все кажется пасмурнымъ, неуютнымъ, все вырастаетъ до огромныхъ размѣровъ. Небо было низкое, какъ тяжелыя вѣки мрачныхъ опущенныхъ глазъ. Дома, церкви и памятники въ этой атмосферѣ имѣли всѣ одинаково угрюмый видъ и теряли всякую красоту очертаній. Деревья въ скверѣ стояли какъ унылыя тѣни, вытянувшись рядами и густо покрыты пылью. Листья на нихъ дремали въ нѣмомъ оцѣпенѣніи и не шелестѣли. По дорожкамъ двигались скучныя няньки съ капризными дѣтьми безъ всякаго оживленія и безъ всякой видимой цѣли. Люди, вещи, элементы, ближніе и дальніе предметы, — все какъ будто оцѣпенѣло. Въ этомъ днѣ не было ничего спокойнаго, нѣжнаго и освѣжающаго, а онъ былъ какой-то жуткій, неестественный и тягостный. Такъ чувствовалось Обрэ, пока онъ шелъ, подобно всему остальному погружаясь въ это томительное, сонное оцѣпенѣніе. Онъ ужъ не испытывалъ больше остраго чувства боли. Въ его сердцѣ и мозгу замерло всякое живое движеніе. Только какая-то безысходная тоска угнетала его и была разлита повсюду кругомъ. Ему казалось, что всѣ люди погружены въ злой, непробудный сонъ, и онъ также, и лэди Кэриль. А онъ удивлялся, что она спитъ, стараясь разбудить ее! Какъ это было глупо! Развѣ было что-нибудь въ жизни, для чего стоило пробуждаться? Только темное небо и толпа мрачныхъ, тяжело двигающихся тѣней. Среди нихъ былъ и сэръ Ребенъ, только безобразнѣе и смѣшнѣе другихъ. Онъ былъ похожъ на фигуру забавнаго мандарина, праздно стоящаго на каминѣ въ какомъ-нибудь будуарѣ, съ непрерывно качающейся выбритой головой и губами, искривленными жестокою улыбкой.

Обрэ казалось, что онъ видитъ, какъ онъ тамъ сидитъ и держитъ въ одной рукѣ изумрудъ. Не переставая киваетъ онъ головою кому-то стоящему передъ нимъ. И Обрэ замѣчаетъ, что передъ каменномъ стоитъ молодая дѣвушка, и что ей-то безпрерывно и киваетъ безобразно-смѣшной мандаринъ. Эта дѣвушка — лэди Кэриль. Она стоитъ неподвижно, какъ будто зачарованная улыбающейся ей фигурой въ униженной колѣнопреклоненной позѣ, но Обрэ замѣчаетъ, что она смотритъ не на эту фигуру. Ея глаза устремлены на изумрудъ въ рукѣ мандарина, и въ этихъ глазахъ горитъ ужасное, жадное выраженіе. Она похожа на змѣю, очарованную отвратительной музыкой.

— Я, кажется, съ ума сошелъ! — сказалъ самъ себѣ Обрэ, внезапно прерывая ходъ собственныхъ мыслей. Онъ находился теперь недалеко отъ Кенсингтонскаго сада. Деревья съ своей темною неподвижной листвою принимали чудовищно огромныя очертанія. Въ цвѣтахъ замѣчалось странное отсутствіе красокъ, какъ будто они получали свою окраску отъ неба и солнца, а сами, какъ хамелеонъ, были безцвѣтны. Обрэ вошелъ въ садъ и продолжалъ идти между рядами цвѣточныхъ грядокъ и подстриженными кустами изгороди. Вдругъ онъ увидѣлъ летящую маленькую бѣлую бабочку. Она казалась неестественно бѣлой на фонѣ этого темнаго дня, и онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ. Она останавливалась возлѣ многихъ цвѣтовъ, но только на мгновеніе, какъ будто они ее не удовлетворяли или разочаровывали. Очевидно она искала какой-то особенный цвѣтокъ или листокъ, предназначенный для нея. И вотъ Обрэ замѣтилъ возлѣ группы кустовъ безобразное растеніе. Какъ оно называется, онъ не зналъ, но все оно было скорчившееся, съ вялыми, колючими листьями и видъ у него былъ нездоровый и испорченный. Края его листьевъ были болѣзненнаго желто-коричневаго цвѣта, тонкіе, оборванные и видимо пораженные какимъ-то недугомъ, который, начавшись у основанія растенія, прокрадывался къ его сердцевинѣ. Надъ этимъ-то растеніемъ бѣлая бабочка задержала свой трепетный полетъ, спустилась и сѣла, распростерши крылья. Обрэ думалъ, что она готовится летѣть дальше; онъ остановился на дорожкѣ, чтобы посмотрѣть, какъ она снова отправится на свои поиски, но вдругъ она сложила крылья, удовлетворенная и покорная. Онъ понялъ, что ея исканія окончены, но еще долго стоялъ и ждалъ. Ждалъ и страстно хотѣлъ, чтобы эта нѣжная бѣлая бабочка улетѣла прочь отъ этого избраннаго ею мѣста на груди безобразнаго, хилаго растенія. Она сидѣла такъ близко отъ больныхъ листьевъ съ желтоватыми краями. Онъ даже за-

мѣтилъ, какъ съ одного изъ нихъ свалилась обветшавшая плѣнка и упала на землю, чтобы удобрить ее своимъ гніеніемъ. Скоро болѣзнь растенія, распространяясь все больше, достигнетъ и бабочки, но она все-таки оставалась тамъ, имѣя наконецъ вполне удовлетворенный видъ. Обрэ тихо протянулъ руку и коснулся ея концами пальцевъ. Бабочка не шевельнулась. Вѣроятно она уснула. Онъ пошелъ дальше, и страданіе проснулось въ немъ опять съ прежнею силой. Было ужасно оставить бабочку съ отвратительнымъ, больнымъ растеніемъ, — но если живое существо чего-нибудь хочетъ, то бесполезно употреблять физическую силу. Лэди Кэриль и сэръ Ребенъ! Зачѣмъ она это сдѣлала?!

Даже среди своихъ мученій Обрэ предвидѣлъ ясно всѣ замѣчанія общества, слышалъ заранѣе все, что станутъ говорить люди, слышалъ ихъ противные смѣшны, слѣдующіе неизмѣнно за такими рѣчами, какъ мочальный хвостъ за бумажнымъ змѣемъ. Но онъ почувствовалъ отвращеніе и старался больше не думать обо всей этой глупой злой болтовнѣ, обо всѣхъ этихъ пошлыхъ замѣчаніяхъ. Онъ зналъ лэди Кэриль лучше, чѣмъ кто-либо. Онъ всегда это чувствовалъ, и даже теперь чувствовалъ съ прежнею силой.

Этотъ ужасный день превращался для него въ какую-то особенную жаркую ночь, — ночь, лишенную своей нѣжности, лишенную своей звѣздной сказки. Это была ночь только потому, что не могло быть такого темнаго дня. Фонари не были зажжены, и скучные люди, погруженные въ свои скучныя мечты, продолжали по обыкновенію однообразныя дневныя занятія. Дѣти пробовали играть. Женщины ѣхали съ визитами. Молодые люди мчались на велосипедахъ, и въ паркѣ еще не было ночныхъ бездомныхъ бродягъ, которые появляются среди деревьевъ, какъ нечистыя насѣкомыя.

Но все-таки была ночь.

Магазины были открыты, а театры закрыты; въ окнахъ не видно было огней; садовники поливали растенія, и omnibuses были переполнены женщинами, нагруженными покупками. Только-что появился первый выпускъ вечернихъ газетъ, и дѣльцы въ Сити еще сидѣли по своимъ душнымъ, закрытымъ конторамъ, какъ пчелы въ ульяхъ. Но все-таки была ночь.

И среди всей этой сонной сутолоки бѣлая бабочка дремала, сложивъ крылья и прильнувъ къ угрюмому, больному растенію, а упорный блѣдный недугъ тихо подвигался по краямъ его поникшихъ листьевъ.

X.

Наконецъ въ самомъ дѣлѣ настала ночь. Странный и неестественный мракъ смѣнился понятной и ожидаемой всѣми въ концѣ дня темнотой. Повсюду зажжены были лампы, и свѣтское общество садилось обѣдать. Лордъ и лэди Рангклифъ приглашены были на обѣдъ къ одному министру, и лэди Рангклифъ, разсѣянная, порывистая и, какъ казалось ея мужу, еще болѣе угловатая, чѣмъ всегда, завела политическую бесѣду съ товарищемъ министра. Тому казалось, что нельзя себѣ представить женщину, менѣе понимающую соль историческихъ анекдотовъ.

Лордъ и лэди Сэнтъ-Орминъ и лэди Кэриль обѣдали у сэра Ребена Аллабрута въ Паркъ-Лэнѣ, и собирались потомъ отправиться вмѣстѣ въ оперу. Обрѣ сидѣлъ одинъ у себя, на Джерминъ-стритѣ. Съ наступленіемъ ночи онъ сталъ еще сильнѣе ощущать свою потерю. Теперь ему стало ясно, что онъ связывалъ свое будущее съ лэди Кэриль, и былъ увѣренъ, что счастье неминуемо должно придти. Отказъ дѣвушки отдалялъ его, но Обрѣ, въ сущности, не вѣрилъ въ безповоротность ея отказа. Онъ былъ молодъ, а когда въ молодости человѣкъ сильно желаетъ чего-либо, ему трудно повѣрить, что жизнь именно въ этомъ откажетъ ему. Жизнь рѣдко кажется вполне безнадежной въ сіяніи утра. Теперь же, когда наступила ночь, Обрѣ почувствовалъ себя старикомъ. Удушливый зной города сталъ еще невыносимѣе къ вечеру и страннымъ образомъ сливался съ гаремъ Обрѣ, усиливалъ и углублялъ его. Онъ сталъ думать о сэрѣ Ребенѣ, представлялъ себѣ, глядя въ темноту, его смуглое, рѣзко очерченное лицо и его лукавые глаза. Рядомъ съ нимъ онъ воссоздавалъ въ воображеніи холодную, алмазную красоту лэди Кэриль. Обрѣ ясно видѣлъ, какъ сэръ Ребенъ касается своими морщинистыми щеками ея лица и играетъ золотистой прядью ея волосъ. Обрѣ рисовалъ себѣ во мракѣ лэди Кэриль послѣ многихъ, очень многихъ лѣтъ замужества съ саромъ Ребеномъ. Она не стара годами, но видъ у нея старый, страшно старый. Помятость и старость сэра Ребена и его восточная хитрость отпечатались и на ней, и превратили ее въ страшную, неестественную копію ея мужа. Обрѣ видѣлъ мелькающее и на ея лицѣ выраженіе чувственного любопытства, которое свѣтится въ глазахъ восточныхъ затворницъ, всегда ходящихъ подъ покрывалами. Обрѣ вглядывался въ это новое лицо лэди Кэриль, и она казалась ему гаремной женщиной, рабыней, увѣшанной

драгоценными камнями. Ему вдругъ сдѣлалось жутко въ одиночествѣ. Духота, мракъ, отголоски городского шума и призраки, возникающіе передъ его глазами, мучили его какъ кошмаръ. Его охватило чувство ужаса, ему захотѣлось разсѣяться, послушать музыку. Его потянуло въ оперу, но онъ вспомнилъ, что мучившіе его призраки могутъ предстать тамъ передъ нимъ во-очію. Онъ одѣлся и вышелъ изъ дому. Ему показалось, что Джерминъ-Стритъ—самая мрачная и унылая улица во всемъ Лондонѣ. И какъ это онъ могъ прожить здѣсь столько мѣсяцевъ! Онъ быстро пошелъ по направленію къ ярко-освѣщенному, шумному Пиккадили, чтобы окунуться въ суету и гулъ уличной жизни. Онъ надѣялся, что это успокоитъ его. Ему хотѣлось войти въ соприкосновеніе съ толпой, хотѣлось, чтобы она ему сказала: „Жизнь не измѣнила тебѣ, все осталось по старому. Городъ не окутанъ злыми чарами. Нѣтъ кошмара во мракѣ. Всѣ мы не тѣни, а люди. Мы тоже страдаемъ, какъ ты, и бываемъ счастливы; и къ тебѣ тоже вернется радость“.

Когда онъ дошелъ до перекрестка посреди Пиккадили, передъ нимъ разыгралась одна изъ тѣхъ страшныхъ, потрясающихъ душу трагедій, которыя такъ часто происходятъ въ Лондонѣ. Смѣющаяся, румяная молодая дѣвушка, съ блестящими глазами и свѣжими губами, сіяющая полнотой жизни и радостными надеждами на будущее, весело прощалась со своимъ возлюбленнымъ, красивымъ молодымъ солдатомъ. Обрѣ слышалъ, какъ они назначали свиданіе на ближайшее воскресенье. Солдатъ поцѣловалъ дѣвушку.

— Прощай!—сказалъ онъ вѣжно.—Какъ долго ждать до воскресенья!

— Ужасно долго!—отвѣтила она.

Она вскочила въ омнибусъ, а солдатъ зашагалъ по улицѣ, насвистывая веселую мелодію. Когда онъ исчезъ изъ виду, дѣвушка, вѣроятно, замѣтила, что попала не въ тотъ омнибусъ. Она быстро выскочила, постояла съ минуту на мостовой, оглянулась вокругъ себя, потомъ вздумала перебѣжать черезъ дорогу. Вдругъ издали послышался смутный гулъ голосовъ. Дѣвушка растерялась и остановилась среди дороги. Ей что-то кричали, но она окончательно сбилась съ толку. Смутный гулъ все усиливался. Изъ Шьюсбери-Авеню мчались галопомъ по направленію къ ней пожарные. Омнибусы и кареты подались въ сторону, но ошеломленная дѣвушка не трогалась съ мѣста, пока пожарные не очутились совсѣмъ близко отъ нея. Тогда, охва-

ченная какимъ-то безуміемъ, она вскрикнула и бросилась прямо на встрѣчу лошадей.

Когда удалось осадить лошадей, толпа женщинъ, уличныхъ мальчишекъ и кучеровъ стояла уже вокругъ какой-то безформенной массы. А въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста происшествія молодой солдатъ весело насвистывалъ, направляясь къ казармамъ, и мечталъ о ближайшемъ воскресеньѣ. Обрѣ пытался представить себѣ его теперь—и потомъ, когда онъ узнаетъ о случившемся. Но солдатъ казался ему тѣнью, также какъ и безформенная масса на улицѣ.

Онъ пошелъ дальше, и опять подумалъ о музыкѣ. Только музыка сможетъ разбить тяжелыя чары, сковавшія его застывшую, омертвѣлую душу.

Онъ вошелъ въ огромный театръ, стоявшій на шумной площади, купилъ билетъ и вошелъ въ партеръ. Почти всѣ кресла были заняты, но слѣва отъ Обрѣ еще никто не сидѣлъ. Онъ обрадовался. Ему хотѣлось быть одному, смотрѣть и слушать, не видя возлѣ себя чужихъ людей. Онъ старался не оглядываться, боясь встрѣчи съ знакомыми. Какъ только онъ сѣлъ на свое мѣсто, въ оркестръ вошелъ встрѣченный шумными аплодисментами маленький сѣдой человѣкъ, и музыканты заиграли страстную мелодію. Обрѣ сталъ лѣниво слушать музыку, которая звучала какъ бы издалека.

Занавѣсъ поднялся, и ряды танцовщицъ понеслись къ рампѣ. У всѣхъ ихъ были будничныя, обыкновенныя лица. Во время ихъ танцевъ кошмаръ, давившій Обрѣ, все болѣе усиливался. Даже выразительная и прекрасная музыка не трогала Обрѣ. Онъ не чувствовалъ въ ней смысла, какъ въ звукахъ, исходящихъ изъ машины, а не изъ человѣческой души. Онъ слушалъ, и въ то же время думалъ о страшномъ происшествіи на улицѣ, о лэди Кэриль, ставшей женой сэра Рѣбена, объ изумрудѣ и вырѣзанномъ на немъ изображеніи. Музыка не разбила злыхъ чаръ, какъ не разбила ихъ ряды танцовщицъ въ сверкающихъ одеждахъ; не разбила ихъ и смерть человѣческаго существа, полного жизни и любви. Обрѣ утратилъ всякую способность чувствовать, превратился въ тяжелое каменное изваяніе. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и глядѣлъ на сцену пустымъ до ужаса взоромъ.

Декорація переѣхалась, и представляла теперь какой-то островъ на Востокѣ—вѣроятно, волшебный. Воздухъ и краски казались знойными и поражали своимъ сіяніемъ. Огромные красныя цвѣты клонились къ землѣ подъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и сверкали усталымъ, томнымъ блескомъ. Голубое небо оку-

тано было воздушной дымкой; издали свѣтилась голубая гладь моря, осыпанная волшебной брилліантовой пылью. Островъ казался необитаемымъ, но Обрѣ глядѣлъ теперь съ ожиданіемъ на сцену. Онъ чувствовалъ присутствіе какого-то духа, спящаго въ тѣни деревьевъ и внимающаго голосамъ вѣчныхъ водъ. Оркестръ заигралъ жалобную и въ то же время дразнящую мелодію. Слышались звуки маленькой флейты, повторявшіе нѣсколько разъ одинъ и тотъ же игривый и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный напѣвъ. Затѣмъ, откуда-то, изъ скрытаго на волшебномъ островѣ мѣста, раздались и все болѣе приближались тревожные, мятежные звуки тамъ-тама, и со стороны моря появились два огромныхъ негра съ покорными глазами. Они остановились въ глубинѣ сцены, какъ два черныхъ изваянія, и между ними очутился высыпавшій изъ-за пальмъ рядъ дѣвушекъ, въ желтыхъ одеждахъ разныхъ оттѣнковъ. Въ волосахъ у нихъ, то свѣтлыхъ, то рыжихъ, блестѣли драгоценные камни. Онѣ приближались сонными шагами, и чѣмъ ближе онѣ подходили, тѣмъ громче, страстнѣе и глубже звучала мелодія, сохранявшая, однако, все время томный восточный характеръ. Музыка говорила о жизни, проходящей какъ бы во снѣ, о странѣ, гдѣ волны такъ же спокойны, какъ небо, а небо безмятежно какъ волны, гдѣ увяданіе такъ же плодоносно, какъ рожденіе, гдѣ все сливается, подчиняясь единому закону—волшебному закону свѣта и жизни, гдѣ нѣтъ добра и зла, гдѣ сама смерть—умоеніе, а жизнь похожа на грѣзу. Въ солнечномъ сіяніи золотистыя дѣвушки въ свѣтло-желтыхъ одеждахъ плавно двигались, подобно струямъ, текущимъ въ волшебномъ саду. Онѣ держали въ рукахъ гирлянды тропическихъ цвѣтовъ; драгоценные камни застыли въ ихъ пышныхъ распущенныхъ волосахъ. Онѣ медленно двигались, какъ бы изнемогая отъ зноя; лица у нихъ были блѣдныя и задумчивыя—онѣ прислушивались къ мечтательной музыкѣ.

Обрѣ съ интересомъ слѣдилъ за ними. Ихъ сонъ, казалось, пробуждалъ его. Онъ снова почувствовалъ боль въ сердцѣ, но боль эта опьяняла его теперь. Баюкающая музыка трогала его. Подойдя къ рампѣ, дѣвушки начали танцовать, или, вѣрнѣе, становиться въ томныя позы подъ звуки музыки, покачивая въ рукахъ гирлянды розъ. Одна изъ танцовщицъ отдѣлилась отъ подругъ, и въ эту минуту въ оркестръ зазвучала новая мелодія, страстная и безконечно грустная. Въ ней слышалась печаль и нѣга Востока, грусть поблекшихъ исполнившихся желаній. Ничего классическаго не было ни въ музыкѣ, ни въ танцовщицѣ, но чувствовалась глубина страсти и желаній, слышался крикъ

души и въ мелодіи, и въ танцѣ. Звуки доходили какъ бы изда-лека, изъ таинственныхъ странъ, гдѣ все полно чудесъ и очарованія. Обрэ поддался обаянію. Высокая, стройная танцовщица казалась очень молодой. Въ удлиненномъ овалѣ лица было много нѣжности, изъ-подъ золотисто-каштановыхъ волосъ блестѣли темные большіе глаза. Взоръ ея обращенъ былъ во время танцевъ на Обрэ. Быть можетъ, она его и не видѣла, но юношѣ казалось, что она слѣдитъ за нимъ, и что ей тоже грустно; онъ даже какъ будто подмѣтилъ слезы у нея на глазахъ. Когда она танцевала, ея подруги улыбались публикѣ и шептались между собой,—она же всецѣло поглощена была музыкой и своей собственной печалью, которую мелодія въ оркестрѣ рассказывала, баюкала и скрывала. Глаза ея смотрѣли на Обрэ, и въ нихъ свѣтился нѣмой призывъ, какъ во всемъ, что уходитъ вдаль,—въ эхо, звучащемъ на холмахъ у края равнины, въ уходящей въ море волнѣ. Кончивъ танецъ, она граціозно отступила и скрылась въ желтыхъ рядахъ танцовщицъ. Но ея большіе глаза все еще покоились на Обрэ, и ему казалось, что онъ сидитъ съ нею гдѣ-то въ скрытомъ мѣстѣ, слушаетъ повѣсть о ея печали и говорить ей о своемъ горѣ. Онъ взглянулъ на афишу и увидѣлъ, что имя танцовщицы—Ди Маннерсъ.

— Добрый вечеръ!—произнесъ кто-то около него съ иностраннымъ акцентомъ.—Обрэ обернулся и увидѣлъ, что пустое мѣсто около него занято шопіеицею Анно.

Ему хотѣлось встать и уйти, не отвѣтивъ ни слова. Онъ инстинктивно ненавидѣлъ пѣвца, и чувствовалъ, что въ этотъ вечеръ не сможетъ совладать съ собой.

— Вы сегодня не поете?—машинально спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Декорация на сценѣ перемѣнилась.

— Какъ эта танцовщица была красива!—сказалъ Анно, глядя на Обрэ острымъ взоромъ, въ которомъ опять сверкнулъ красный огонекъ.

— Здѣсь всегда хорошенькія танцовщицы,—холодно отвѣтилъ Обрэ. Ему казалось, что къ нему прикоснулась чья-то грубая, горячая рука. Пѣвецъ улыбнулся съ видомъ человѣка, который съ перваго взгляда угадываетъ сердечныя тайны другихъ людей. Онъ закурилъ сигару.

— Мнѣ очень грустно сегодня,—сказалъ онъ,—и я пришелъ сюда развлечься. Я теперь изъ-за леди Кэриль всегда буду ненавидѣть изумруды, а мнѣ ихъ такъ часто приходится носить на сценѣ.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ Обрѣ, и нагнулся, чтобы взять свою шляпу, поставленную подъ кресло.

— Вы развѣ не знаете, что сэръ Рѣбенъ покори́лъ ея сердце своимъ изумрудомъ? Объ этомъ сегодня говоритъ весь Лондонъ.

Онъ улыбнулся съ невыносимымъ довольствомъ. Анно радовался всякому случаю, подтверждавшему его презрительное мнѣніе о женщинахъ.

— А теперь, — прибавилъ онъ, продолжая улыбаться и поглаживая свою крашеную бороду, — балетъ кончился и начинается драма.

Обрѣ взялъ шляпу, кивнулъ головой сосѣду и вышелъ изъ театра. У выхода, гдѣ стояли огромныя китайскія вазы съ цвѣтами, онъ остановился и задумался. Онъ совершенно растерялся и оцѣпенѣлъ. Неожиданная встрѣча съ Анно, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже начиналъ выходить изъ своего страннаго летаргическаго состоянія, подѣйствовала на него чисто физически. У него болѣла голова, точно отъ удара; онъ смутно чувствовалъ, что о чемъ-то забылъ, и никакъ не можетъ вспомнить.

— Карету, сэръ? — спросилъ исполнскаго роста служитель.

— Не нужно, — сказалъ Обрѣ. Онъ стоялъ нѣсколько времени, стараясь припомнить, о чемъ онъ думалъ и чего хотѣлъ, прежде чѣмъ Анно заговорилъ съ нимъ. Передъ его возбужденнымъ взоромъ промелькнули еще разъ лица танцовщицъ. Онъ снова увидѣлъ передъ собой печальные темные глаза миссъ Маннерсъ и вспомнилъ, съ какимъ сочувствіемъ она глядѣла на него. Онъ поднялъ глаза. Служитель все еще стоялъ около него.

— Какъ пройти къ артистическому подъѣзду? — спросилъ Обрѣ.

Исполнѣ улыбнулся, инстинктивно подставивъ свою большую руку въ ожиданіи щедраго вознагражденія.

— Идите за мной, сэръ, я васъ проведу, — сказалъ онъ таинственнымъ шопотомъ.

Обрѣ вышелъ вслѣдъ за нимъ на улицу. Нѣсколько уродливыхъ мальчишекъ стояли тамъ, глядя на цвѣты и пышные ковры. У нихъ былъ жалкій, отвратительный видъ людей, обреченныхъ на вѣчныя неудачи. Когда Обрѣ проходилъ мимо нихъ, они оглянули его съ озлобленнымъ любопытствомъ и сдѣлали нѣсколько грубыхъ замѣчаній, которыхъ онъ не слышалъ. Служитель повернулъ налѣво въ переулокъ, прошелъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ остановился на углу другой улицы, ведущей направо.

— Вотъ здѣсь, сэръ, — сказалъ онъ. — Но балетчицы не выйдутъ раньше чѣмъ черезъ полчаса.

Онъ снова улыбулся. Онъ думалъ, что понимаетъ аристократовъ, какъ шарманщикъ, который увѣренъ, что онъ отлично знаетъ нравъ обезьянъ. Обрэ далъ ему шиллингъ, и онъ ушелъ, удивляясь въ душѣ ограниченности людей, которые стоятъ за уничтоженіе высшихъ классовъ.

Обрэ остановился на углу улицы. Въ Лондонѣ есть множество міровъ, скученныхъ вмѣстѣ, но внутренно очень различныхъ. Нѣсколько сажень, которыя онъ прошелъ въ сопровожденіи исполнина, перенесли Обрэ изъ міра ему извѣстнаго въ другой, совершенно ему незнакомый. Онъ взглянулъ на улицу передъ собой, узкую, темную и въ эту минуту совершенно тихую. По обѣимъ сторонамъ поднимались огромныя, высокія строенія, съ виду глухія и грязныя. Съ правой стороны помѣщался театръ. Но этого никакъ нельзя было предположить по его мрачному, угрюмому виду; изъ множества оконъ лишь нѣсколько были освѣщены. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ театра стояли три или четыре чело-вѣка; мимо Обрэ пробѣжала маленькая, бѣдно одѣтая дѣвочка съ бѣлокурой коротенькой косичкой; ее сопровождалъ великолѣпный бѣлый пудель. Маленькая дѣвочка зарабатывала 20 ф. ст. въ недѣлю для своего отца, и путешествовала по всему міру въ качествѣ акробатки. Она поскользнулась, упала въ канаву и громко расплакалась. Обрэ поднялъ ее. Она его поблагодарила, пробормотавъ что-то по-нѣмецки, и исчезла въ подъездѣ, находившемся по близости, вытирая свои голубые глаза маленькими кулачками. Пудель, знаменитая ученая собака, съ лаемъ послѣдовалъ за нею.

Обрэ сообразилъ, что подъездъ, въ который она вошла, ведетъ на сцену, и сталъ медленно прохаживаться по панели на лѣвой сторонѣ. Увидавъ нѣсколькихъ людей, которые курили и глядѣли въ пустоту, онъ остановился вблизи ихъ, почти противъ театрального подъезда, ярко освѣщеннаго газовыми рожеками. Изъ театра до него долетали слабые звуки музыки. Они казались ему теперь некрасивыми и грустными, хотя, очевидно, играли танцы. Къ подъезду подъѣхалъ дилижансъ, нагруженный корзинами и запряженный худой клячей. Дилижансъ остановился, и изъ него выскочили пять сильныхъ и рослыхъ мужчинъ. Всѣ они были одѣты въ длинные, доходящіе до пятъ ульстеры. За ними вышелъ мальчикъ съ чрезмерно большимъ, врючковатымъ носомъ и спускающимися на лобъ гладко припомаженными волосами. Мальчикъ свосилъ глаза въ сторону Обрэ, затѣмъ не ожи-

данно сталъ среди улицы головою внизъ, приподнялся на рукахъ, извиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ змѣя, и положилъ себѣ лѣвую ногу въ ротъ. Одинъ изъ его спутниковъ толкнулъ его ногой, потомъ схватилъ его одной рукой за поясъ и унесъ въ подъѣздъ, какъ свертокъ. Стоявшіе на улицѣ люди засмѣялись, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Этотъ Альфъ настоящій чертенокъ.

— Онъ нравится публикѣ больше, чѣмъ балетъ,—прибавилъ другой.—Всѣ важные господа пріѣзжаютъ только къ его выходу. Они вмѣстѣ съ Богсаломъ могли бы отлично устроить представленія безъ всякаго посторонняго участія.

Обрѣ продолжалъ ждать, и вокругъ него собралось еще нѣсколько ожидающихъ; всѣ они были бѣдно одѣты и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, разговаривали, курили трубки и дешевыя сигары. Въ окнахъ театра мелькали силуэты танцовщицъ, и оттуда доносились веселые, визгливые женскіе голоса—тамъ, очевидно, были уборныя танцовщицъ. Наконецъ, издали показались два огромныхъ желтыхъ глаза—фонари кареты, запряженной въ одну лошадь. Карета остановилась у подъѣзда.

— Вотъ карета madame,—сказалъ кто-то.—Теперь и онѣ скоро выйдутъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ освѣщеннаго газомъ подъѣзда стали появляться молодыя дѣвушки. Сначала онѣ выходили по одиночкѣ, потомъ по двѣ и по три, потомъ цѣлымъ потокомъ. Онѣ болтали и смѣялись, натягивая нитяныя перчатки, приглаживая прически и застегивая суконныя верхнія кофточки. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень элегантны и величественны, и держали себя съ достоинствомъ, не обращая вниманія на приставанія безцеремонныхъ подругъ. Другія—большинство—были одѣты скорѣе бѣдно; на нихъ были темныя платья и простыя соломенные шляпы *canotière*, небрежно приколотыя къ неискусно зачесаннымъ волосамъ. Онѣ говорили визгливымъ голосомъ, хохотали, стояли кучками на улицѣ, обмѣниваясь на прощанье разными замѣчаніями о событіяхъ вечера; слышались шутки, обрывки интимныхъ разговоровъ.

Все это казалось Обрѣ какимъ-то страннымъ сномъ. Но за этимъ ощущеніемъ въ немъ еще затаилось острое чувство разочарованія. Какъ найти въ этой темной толпѣ дѣвушекъ блѣдное лицо и глубокіе глаза, глядѣвшіе на него съ такимъ сочувствіемъ? Онъ понималъ, что глупо, бесполезно и даже унижительно ждать, но онъ все-таки не уходилъ. Ему страшно было теперь остаться одному, онъ не могъ вернуться домой, никого не повидавъ. Ему

хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто его совсѣмъ не зналъ, съ чужимъ человекомъ, котораго онъ больше никогда не увидитъ. Это желаніе было очень эксцентрично, но Обрэ не могъ побороть его. Онъ рѣшилъ подождать еще немного. Изъ подъѣзда вышли еще нѣсколько дѣвушекъ. Нѣкоторые изъ нихъ были еще полу-дѣтьми и, выйдя на улицу, начинали играть въ пятнашки, или выдѣлывать па, для увеселенія рѣдѣвшей кучки мужчинъ. Многіе изъ ожидавшихъ на улицѣ уже ушли со своими дамами. Все это были братья, кузены, мужья и возлюбленные танцовщицъ. Въ подъѣздѣ показался господинъ въ цилиндрѣ, церемонно сопровождая среднихъ лѣтъ даму въ шляпѣ и простомъ шелковомъ платьѣ; она шла очень медленно, съ видомъ королевы. Это была извѣстная директриса балетной труппы. За ней слѣдовала дѣвушка, съ букетомъ розъ въ рукахъ. Служитель бросился впередъ, чтобы открыть дверцу кареты. Дама въ черномъ усѣлась въ карету, а за ней сѣла и дѣвушка. Нѣкоторые изъ стоявшихъ на улицѣ приподняли шляпы. Большинство танцовщицъ уже разошлись. Улица снова принимала пустынный видъ. Огни въ окнахъ большого зданія потухли. Обрэ рѣшилъ уйти. Въ это время онъ услышалъ за собою голоса:

— Прощай, Ди, прощай! Забуди свое горе, Ди!

— Прощай, прощай! — отвѣтилъ молодой голосъ, въ которомъ сказывалась усталость.

Обрэ услышалъ за собой легкіе шаги.

Онъ остановился. Мимо него прошла высокая, стройная дѣвушка. Она держала въ рукѣ письмо. У нея было блѣдное, длинное лицо. Изъ-подъ соломенной шляпы, обшитой бѣлой лентой, виднѣлись темные волосы. Онъ ее не узналъ, но ее звали Ди. Онъ пошелъ за нею.

XI.

Обрэ обогналъ ее. Дѣвушка взглянула на него съ недоумѣніемъ, и увидавъ ея глаза, онъ узналъ въ ней фею волшебнаго острова; темные волосы совершенно измѣняли, однако, ея наружность, и она казалась теперь очень обыкновенной молодой женщиной, ничѣмъ не обратившей бы на себя вниманіе въ толпѣ или на слабо освѣщенной улицѣ. Онъ замедлилъ шаги, пока она не очутилась около него. Тогда онъ снялъ шляпу и поклонился. Дѣвушка остановилась.

— Пожалуйста, оставьте меня! — сказала она пріятнымъ,

мягкимъ голосомъ съ сильнымъ лондонскимъ акцентомъ.—Это совершенно бесполезно, вы ошиблись.

— Можно мнѣ поговорить съ вами нѣсколько минутъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— Мнѣ сегодня очень грустно,—сказалъ Обрэ.

Такое признаніе было совершенно не въ его характерѣ, но въ этотъ вечеръ онъ былъ непохожъ на себя.

Дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ.

— Вамъ грустно?—сказала она, и, помолчавъ, прибавила:— зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

— Право, не знаю,—проговорилъ Обрэ.

Онъ самъ въ послѣдствіи удивлялся, что не замѣтилъ въ этотъ моментъ комизма своихъ чувствъ и своихъ словъ. Но онъ дѣйствовалъ тогда совершенно безсознательно. Дѣвушка взглянула на него своими большими глазами, на которыхъ видны были слѣды недавнихъ слезъ.

— Зачѣмъ же вы пришли въ театръ, если вамъ не весело?—спросила она.

— Позвольте мнѣ пройтись немного съ вами.

— Но я васъ не знаю и не имѣю обыкновенія гулять съ чужими. Я не изъ такихъ.

— Я никогда ни съ кѣмъ не заговаривалъ на улицѣ до сихъ поръ,—сказалъ Обрэ.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете теперь?

— Потому что вѣдь вамъ тоже грустно.

— Почему вы такъ думаете?—сказала она.—Это никого не касается, кромѣ меня. А теперь, пожалуйста, позвольте мнѣ уйти.

Она пошла, но очень медленно и какъ бы нѣхотя. Дойдя до перекрестка, она остановилась, чтобы пропустить ѣхавшую мимо карету, и оглянулась назадъ. Обрэ нагналъ ее.

— Я пойду съ вами,—сказалъ онъ.— Я видѣлъ васъ на сценѣ сегодня—у васъ былъ очень печальный вѣдь. Мнѣ тоже сегодня грустно. Позвольте мнѣ поговорить съ вами. Мы, можетъ быть, никогда больше не встрѣтимся.

— Конечно,—сказала дѣвушка,—въ этомъ, быть можетъ, нѣтъ ничего дурного. Но еслибы меня увидѣлъ Вогсалъ, онъ бы, Богъ знаетъ, что подумалъ: онъ бы сказалъ Лилль и...

— Вогсалъ?—повторилъ Обрэ, вспомнивъ о мальчикѣ съ крючковатымъ носомъ.—А Альфъ?

— Вы ихъ знаете?—спросила дѣвушка, вся просіявъ.

— Я видѣлъ Альфа,—сказалъ Обрэ.

Они теперь медленно шли рядомъ.

— Не правда ли, онъ настоящий чертенокъ?—сказала она.— Еслибъ вы видѣли, какія штуки онъ продѣлываетъ у насъ на кухнѣ. Папа хохочетъ до упаду. Папа—ламповщикъ въ Ковент-гарденѣ,—прибавила она.—Онъ знаетъ всѣхъ пѣвцовъ. Они иногда дѣлаютъ ему подарки.

— А кто же Вогсаль?—спросилъ Обрэ.

— Онъ женатъ на Лилль, моей сестрѣ, а Альфъ—его братъ. Вы вѣдь знаете знаменитыхъ акробатовъ—„Чудо-семейство Фликовъ“? Ну, такъ это онъ ложится на спину и поднимаетъ Альфа ногами.

Они въ это время проходили мимо ресторана, и блѣдное лицо дѣвушки освѣтилось свѣтомъ изъ оконъ.

— Зайдемте поужинать,—сказалъ Обрэ.

— Нѣтъ, ни за что. Я никогда ничего подобного не дѣлала—съ чужими.

Она сказала это совершенно просто, безъ всякаго притворства. Но Обрэ рѣшилъ настоять на своемъ. Онъ былъ эгоистически занятъ своей печалью, и не хотѣлъ отказаться отъ минутнаго развлечения.

— Теперь еще рано,—сказалъ онъ.—Послѣ ужина я найму вамъ карету. Вы вернетесь домой и никогда больше не увидите меня.

Она взглянула на него съ выраженіемъ дѣтскаго любопытства въ красивыхъ глазахъ.

Онъ взялъ ее подъ-руку и ввелъ въ кафѣ. Они подошли къ маленькому столу, покрытому бѣлой скатертью. Слуга-итальянецъ, съ пепельно-сѣрымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами, поспѣшно подошелъ къ нимъ.

— Мнѣ не хочется ѣсть,—сказала дѣвушка.—Я совсѣмъ не голодна, право же я только устала.

— Садитесь, я сниму съ васъ кофту.

Онъ протянулъ руки. Дѣвушка опять взглянула на него удивленными глазами, потомъ сняла жакетку, которая ей была слишкомъ узка, и очутилась въ хорошенькой блузѣ съ лиловыми цвѣточками по бѣлому фону. У нея на глазахъ были слезы.

— Боже! какъ мнѣ сегодня тяжело!—проговорила она почти шопотомъ.—Ужасно тяжело!

Обрэ распорядился насчетъ ужина.

— Вы устали отъ танцевъ?

— О, нѣтъ, я люблю танцевать; мадамъ это знаетъ. Нѣтъ, это не то.

— Такъ что же?—мягко спросилъ Обрѣ.

— Я сегодня получила очень печальное извѣстіе, страшно печальное. Не знаю, какъ я это переживу.

Глаза ея казались отъ слезъ еще больше и трогательнѣе. Въ первый разъ въ этотъ вечеръ Обрѣ почти забылъ о себѣ и о своемъ горѣ.

Слуга поставилъ передъ ними блюдо и откупорилъ бутылку. Обрѣ положилъ отбивную котлетку на тарелку своей собесѣдницы, и налилъ ей вина. Когда слуга ушелъ, онъ спросилъ:

— Что случилось?

— Меня обманули, — медленно сказала она. — Я довѣряла одному человѣку, вотъ и все. Господи! Почему мнѣ суждено быть такой несчастной? Я никогда не ссорюсь съ подругами, никогда не говорила дерзостей мадамъ, не кокетничала съ музыкантами изъ оркестровъ и не домогалась у нихъ протекціи. Право же нѣтъ!.. Чѣмъ я заслужила это страшное, жестокое письмо? Еслибы я хоть дала ему поводъ — но вѣдь я совершенно не виновата. Бертъ былъ моимъ женихомъ вотъ уже болѣе года. Я ходила къ нему каждый день, готовила ему чай, чинила его платье. А теперь онъ пишетъ, что не можетъ на мнѣ жениться, потому что я необразованна, и потому что папа — простой рабочій. А вѣдь папу любятъ всѣ пѣвцы, и м-мъ Патти здороваится съ нимъ за руку. Бертъ къ намъ приходилъ и обѣдалъ у насъ, разговаривалъ съ папой цѣлыми часами, и потомъ говорилъ мнѣ о томъ, какой папа умный и какъ онъ много знаетъ. А теперь вдругъ все перемѣнилось, и онъ не хочетъ со мной больше встрѣчаться. Я не знаю, какъ я это переживу!..

Она поднесла руку къ глазамъ. — Какая я глупая! — сказала она.

Она попыталась ѣсть молча, разрѣзая мясо на мелкіе ломтики, чтобы легче было проглотить.

— Вамъ навѣрное очень больно?—сказалъ Обрѣ.

— Ахъ, вы не знаете, до чего мнѣ больно!.. Я это почувствовала особенно во время танцевъ. У меня такое чувство, точно меня всю засыпаетъ снѣгомъ. Я вѣдь его такъ хорошо понимала!.. Никто его не пойметъ такъ, какъ я. Я много читала съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ нимъ. А вѣдь не легко читать, когда цѣлый день приходятъ люди, а по вечерамъ танцуешь до усталости. Я, конечно, необразованна, но зато онъ не умѣетъ танцевать. Такъ что мы квиты,—не правда ли?

— Да, конечно, квиты,—отвѣтилъ Обрѣ.

Онъ никогда въ жизни не говорилъ съ такого рода дѣвуш-

кой, никогда не зналъ хористовъ и танцовщицъ. До этого вечера онъ никогда не поджидалъ никого у театральнаго подъѣзда. Танцовщицы представлялись ему, если онъ даже когда-нибудь думалъ о нихъ, разбитными женщинами, пронирыливыми дѣтьми столицы, съ привычками театральной богемы и съ опытностью и хитростью лондонскихъ бѣдняковъ. Удивительная простота и сердечность этой дѣвушки, ея буржуазная порядочность и ея наивное довѣріе къ совершенно чужому человѣку—и въ особенности ея откровенность—все это трогало и изумляло Обрэ.

— Бертъ пишетъ въ газетахъ, — продолжала она. — Онъ очень уменъ. Онъ пишетъ о свадьбахъ и судебныхъ разбирательствахъ. Отецъ его былъ капитанъ, поэтому онъ такъ гордится. Онъ, конечно, образованъ, но я никогда не думала...

Она замолчала, вынула платокъ, помѣченный красной букой Д., и вытерла глаза.

— Это случилось такъ неожиданно!—сказала она.

Обрэ подумалъ о неожиданности удара, сразившаго его самого.

— Вы живете съ вашими родителями?—спросилъ онъ ее, чтобы переменить разговоръ.

— Да, и съ нами живутъ Лилъ и Вогсалъ, и Альфъ, и Женни, и Бобъ, и Сузи, и Чарли. Я—самая старшая. У меня очень много дѣла.—Она вздохнула.—Что-то будетъ завтра?—прибавила она. — Что скажетъ папа? Онъ такой вспыльчивый, мой папа, и гордъ, какъ Люциферъ. Онъ очень меня цѣнитъ. Всѣ они дома меня любятъ. Съ утра до вечера только и слышно: Ди да Ди.

— Васъ зовутъ Діаной?—спросилъ Обрэ.

— Нѣтъ, Діамондой.

Обрэ задумался. Онъ вспомнилъ о томъ, что сэръ Рѣбенъ называлъ лэди Кэриль брилліантомъ въ образѣ человѣка. Ему показалось страннымъ, что онъ какъ разъ въ этотъ вечеръ говорилъ съ дѣвушкой, носящей такое имя. Онъ увидѣлъ въ этомъ предзнаменованіе того, что молодая танцовщица будетъ играть роль въ его жизни.

— Какъ разъ передъ моимъ рожденіемъ мама танцевала въ балетѣ „Брилліанты“,—сказала дѣвушка.—Она была однимъ изъ алмазовъ, и въ память этого меня и окрестили Діамондой. Мама очень хорошо танцевала. Теперь она гардеробщицей въ оперѣ, такъ что она и папа служатъ вмѣстѣ. Господи! который теперь часъ? Я должна вернуться домой до нихъ. Папа очень строгъ съ нами. Онъ бы убилъ васъ, еслибы увидѣлъ насъ здѣсь... Я

тоже танцевала въ оперѣ, и всѣхъ ихъ тамъ знаю. Я много разъ носила шлейфъ м-мъ Сабини. Она такая добрая и такъ хорошо поетъ. А вы любите пѣніе?

— Да.

— Бертъ тоже любитъ. Боже мой, все мнѣ его напоминаетъ—и танцы, и пѣніе, и книги, и ужинъ, и все, все. Вотъ вѣдь онъ любитъ такія котлеты съ грибнымъ соусомъ. Онъ всегда заказываетъ грибной соусъ. Да, такъ это всегда бываетъ. Если кого-нибудь любишь, то все напоминаетъ его—даже ѣда. Не правда ли?

— Да, — отвѣтилъ Обрѣ. Развѣ онъ не пытался, только иными словами, объяснить ту же мысль лэди Кэриль въ темномъ саду въ Ипсомѣ? Развѣ онъ не чувствовалъ именно ее въ музыкѣ и въ красотѣ сада, освященнаго ея присутствіемъ? Какъ странно, что простенькая танцовщица испытывала то же самое въ своей совершенно иной любви! Ему казалось, что все чело-вѣчество заключено въ очень тѣсный кругъ.

— Когда вы танцевали въ оперѣ?—спросилъ онъ.

— Въ послѣднемъ сезонѣ.

— Видѣли ли вы когда-нибудь тамъ лэди Сэнтъ-Орминъ?

— Еще бы! Вы бы послушали, какъ папа говорить о ней. Она какъ-то пришла на репетицію туда съ мистеромъ Вильсономъ и пробовала учить папу его дѣлу.—„Въ Бэрутѣ“—есть гдѣ-то такое мѣсто—„освѣщеніе голубое“,—говоритъ она. Папа вскипѣлъ и сказалъ:—„Если я пушу синій свѣтъ, милэди, то пѣвцы будутъ похожи на привидѣнія“.—„Глупости“,—сказала она,—вѣдь она тоже вспыльчивая дама. „Глупости“,—сказалъ мистеръ Вильсонъ.—„Отлично“,—сказалъ папа и пустил синій свѣтъ. Вамъ бы нужно было послушать, какъ раскричалась м-мъ Сабини. „Я не буду пѣть,“—говорила она,—если каждую минуту изъ меня будутъ дѣлать какого-то мертвеца“. Поднялся крикъ, суматоха. До чего папа хохоталъ!.. Вернувшись домой въ этотъ вечеръ, онъ сказалъ мамѣ:—„Мы не въ Бэрутѣ и не въ Мадикаскарѣ. Мы въ Англіи, и совершенно напрасно милэди думаетъ заводить порядки, какіе бываютъ у дикарей“.

— А вы видѣли когда-нибудь дочь лэди Сэнтъ-Орминъ?

— Да, она была разъ въ ложѣ. Она красива. Вы ее видѣли?

— Да,—сказалъ Обрѣ.

Слуга припѣсь виноградъ. Дѣвушка стала медленно ѣсть его, и Обрѣ замѣтилъ, что у нея длинныя и тонкія пальцы. На ногтяхъ видны были слѣды кармина, и на пальцахъ было нѣсколько колецъ. Она подняла вдругъ глаза и встрѣтила его взглядъ.

— Это онъ мнѣ ихъ подарилъ,—сказала она, указывая на кольца.—Эти кольца его матери. Я должна буду завтра, конечно, отослать ихъ.

Въ голосѣ ея послышались слезы.

— Я совсѣмъ никуда не похужу сегодня,—прошептала она.— Что вы обо мнѣ подумаете?

— Подумаю, что вы должны быть молодцомъ и справиться со своимъ горемъ,—сказалъ Обрэ. Ему казалось въ эту минуту, что онъ это говоритъ своей собственной душѣ.—У другихъ людей вѣдь тоже бываетъ такое горе,—прибавилъ онъ.

— Неужели?

— Да, у сотни людей.

Она медленно покачала головой.

— Да, но они не такъ любятъ, какъ я люблю Берта. Вотъ, напримѣръ, мистеръ Кингъ. Какъ это странно!..

— Мистеръ Кингъ?

— Да. Онъ очень хорошій человѣкъ. Онъ уже давно хотѣлъ жениться на мнѣ, еще когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Онъ бережливъ, у него очень хорошее мѣсто, и онъ такой тихій и порядочный человѣкъ. Я тоже думала прежде, что полюблю его, но когда встрѣтилась съ Бертомъ, то отказала ему. Онъ не разсердился—но всегда съ такой грустью смотреть на меня. Вы думаете, у него такія же чувства ко мнѣ, какъ у меня къ Берту?

— Конечно!

— Боже мой, какъ жизнь ужасна! Почему счастье такъ невозможно? Вотъ, напримѣръ, мистеръ Кингъ,—продолжала она грустно и задумчиво.—Онъ никогда никого не полюбитъ, кромѣ меня. Онъ это мнѣ самъ сказалъ. Онъ говоритъ, что пробовалъ, но ничего не выходитъ. Вѣдь онъ такой хорошій человѣкъ, но мнѣ это совсѣмъ все равно. О, Господи!..

— Можетъ быть, вы когда-нибудь его полюбите?

— Нѣтъ. Вы не знаете, что такое любовь... Однако, который часъ?

— Половина двѣнадцатаго.

— Мнѣ пора домой. Вогсаль и Лилль подумаютъ Богъ знаетъ что. Мама и папа тоже скоро вернутся домой. Пожалуйста, помогите мнѣ надѣть кофточку,—она такая узкая.

Она встала и съ трудомъ надѣвала кофточку, которую ей подаль Обрэ. Ея блѣдное лицо обращено было къ зеркалу и имѣло напряженный видъ отъ усилія, съ которымъ она продѣвала руки въ рукава.

Обрэ расплатился, и они вышли на улицу. Діамонда держала въ рукахъ свои бѣлыя нитяныя перчатки. На панели Обрэ остановился.

— Довести васъ домой въ каретѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ. Отсюда недалеко, и я не хочу, чтобы вы тратили лишніе деньги. Я всегда удерживала Берта отъ лишнихъ расходовъ. Боже, онъ теперь все растратитъ безъ меня; онъ надѣлаетъ долговъ, я знаю. Онъ совершенно не умѣетъ беречь денегъ. Намъ нужно сюда повернуть. Мы живемъ въ Мильк-Кортъ.

Обрэ никогда не слыхалъ до того о существованіи Мильк-Корта.

Въ эту минуту прошелъ мимо нихъ Анно. Онъ былъ въ легкомъ пальто, доходившемъ ему до пятъ, и казался еще выше, чѣмъ всегда. На немъ были бѣлыя замшевыя перчатки, и онъ курилъ огромную сигару. Онъ пристально посмотрѣлъ на Діамонду, и приподнял шляпу; она кивнула ему головой.

— Это мистеръ Анно,—сказала она.

— Вы съ нимъ знакомы?—спросилъ Обрэ, внутренне раздраженный.

— Я часто встрѣчалась съ нимъ въ оперѣ. Онъ очень веселый господинъ. Онъ мнѣ давалъ шоколадныя конфеты, привезенныя изъ Парижа. Онъ хорошо поетъ; но я бы не согласилась пойти съ нимъ такъ, какъ съ вами.

— Почему?

— Да потому что не хотѣла бы.

Они молча продолжали идти по какимъ-то переулкамъ. Вдругъ Діамонда остановилась и сказала:

— Мы уже близко.

Она замедлила шаги.

— А теперь мы простимся, не правда ли?—сказала она очень мягко.

— На сегодня,—отвѣтилъ Обрэ.

Онъ увидѣлъ издали дворъ, окруженный высокими строеніями изъ краснаго и бѣлаго кирпича. Діамонда остановилась у фонаря.

— Вотъ нашъ домъ—вы ужъ, пожалуйста, дальше не идите!

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ Обрэ, протягивая ей руку.

Она подняла на него глаза, и въ эту минуту, казалось, впервые совершенно очнулась и, глядя ему въ лицо, вспомнила о чемъ-то.

— Ахъ, да вѣдь вы говорили,—воскликнула она,—что вамъ

тоже сегодня очень тяжело на душѣ. А я и не спросила... Какая я скверная! Вѣдь вамъ хотѣлось рассказать мнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Обрѣ.—Прощайте. Я когда-нибудь опять приду въ театрѣ.

— Ахъ, это хорошо!—сказала она.—Бертъ приходилъ каждый вечеръ. Боже мой, что скажетъ папа? Боюсь, чтобы онъ не убилъ Берта. Завтра съ утра начнется что-то ужасное.

Она взглянула на Обрѣ грустными глазами, похожими на взоръ беззащитнаго маленькаго животнаго въ смертельной мукѣ. Потомъ она кивнула ему.

— Благодарю васъ,—сказала она.

Она медленными шагами направилась въ высокому зданію, и Обрѣ слѣдилъ за нею глазами. Прежде чѣмъ исчезнуть изъ виду, она обернулась, увидѣла, что онъ все еще стоитъ у фонаря, и простилась съ нимъ вторично граціознымъ движеніемъ руки.

Обрѣ пошелъ домой по угрюмымъ узкимъ улицамъ, ища выхода на какую-нибудь знакомую большую улицу. Разсказъ о чужой печали страннымъ образомъ успокоилъ его — конечно, только на время. Когда онъ пошелъ за Діамондой по улицѣ, у него было только желаніе рассказать о своемъ горѣ совершенно чужому человѣку, дѣвушкѣ изъ другого міра, которую онъ никогда больше не увидитъ. Но вмѣсто того, чтобы говорить о себѣ, онъ услышалъ повѣсть о чужомъ горѣ. Онъ узналъ, что золотистую балетную фею полюбилъ береиторъ, служившій на хорошемъ мѣстѣ, что она отдала свое сердце газетному репортеру, который обманулъ ее потому, что она не знаетъ правилъ грамматики, и что отецъ ея — ламповщикъ въ оперѣ. Ему было странно, что вся эта исторія занимаетъ теперь его мысли, и молоденькая дѣвушка, которая плакала заужиномъ, утѣшила его гораздо больше, чѣмъ гурія, танцовавшая подъ звуки музыки на сценѣ. Его пробудила отъ кошмара театральная фея, и ему хотѣлось рассказать ей исторію своего горя. Но, вмѣсто того, онъ услышалъ обыденную уличную исторію изъ блѣдныхъ устъ дѣвушки, выросшей на улицѣ.

И теперь онъ успокоился.

XII.

Въ концѣ сезона состоялась свадьба лэди Кэриль и сэра Рѣбена Аллабрута. Обрѣ присутствовалъ при вѣнчаніи въ церкви св. Павла въ Найтсбриджѣ. Онъ сопровождалъ свою мать, и

многіе обратили вниманіе на то, что лэди Рангклифъ была очень блѣдна и имѣла еще болѣе разсѣянный видъ, чѣмъ обыкновенно. Обрэ глядѣлъ на церемонію спокойными глазами, и слушалъ пѣніе съ холоднымъ вниманіемъ. Мимо него прошла къ алтарю лэди Кэриль, которую велъ ея сіяющій отъ радости отецъ. У нея на груди горѣлъ знаменитый изумрудъ. Когда она проходила, женщины стали шептаться, и Обрэ услышалъ за собой сказанный шопотомъ слова:

— Вотъ чѣмъ онъ ее купилъ! Не правда ли, удивительный камень?

У Обрэ явилось желаніе ударить женщину, сказавшую это. Но когда онъ увидѣлъ сѣра Рѣбена у алтаря, онъ не могъ болѣе удивляться сужденіямъ гостей. Сѣръ Рѣбенъ казался ужаснымъ. Былъ яркій день, и солнце свѣтило ему въ лицо, какъ бы для того, чтобы яснѣе было видно, до чего онъ старъ и утомленъ жизнью. Когда онъ стоялъ, глядя на лэди Кэриль, странное и жестокое выраженіе появилось у него на губахъ и блеснуло въ сверкающихъ темныхъ глазахъ. Онъ походилъ на рабовладѣльца, достаточно богатаго, чтобы купить самую красивую рабыню на рынкѣ. Но Обрэ напрасно искалъ выраженія притягательной силы въ этой согбенной, старѣющей фигурѣ, въ морщинистомъ лицѣ не-англійскаго типа; никакой восточной привлекательности онъ въ немъ не видѣлъ. Сѣръ Рѣбенъ казался ему безобразнымъ гномомъ. Обрэ перевелъ глаза на лэди Кэриль, и сердце его сжалось. Ему не хотѣлось вѣрить въ то, что говорилъ свѣтъ. Вотъ она отошла отъ алтаря, и направилась къ выходу. Она уже—лэди Кэриль Аллабрутъ. У нея былъ сіяющій, счастливый видъ, и глаза ея были опущены на грудь; она глядѣла на изумрудъ, сверкавшій на свѣтломъ фонѣ вѣничальнаго платья. Сѣръ Рѣбенъ шелъ рядомъ съ ней усталой походкой. Онъ слегка отвернулъ голову, проходя мимо лэди Рангклифъ. Но она не смотрѣла ни на него, ни на его жену. Горячія слезы мѣшали ей видѣть что-либо въ эту минуту. Обрэ держался правой рукой за спинку скамейки, и ей захотѣлось дотронуться до его руки. Онъ обернулся и взглянулъ на нее спокойно.

— Что съ тобой, мама?—спросилъ онъ.

— Ничего, Обрэ, ничего,—быстро проговорила она.

Они смѣшались съ элегантною толпой. Въ домѣ лэди Сэнтъ-Орминъ гости осматривали свадебные подарки. Среди нихъ было много драгоценныхъ камней. Обрэ подарилъ лэди Кэриль кольцо старинной работы, но оно казалось очень ничтожнымъ среди

бриллиантовъ, жемчуговъ и изумительныхъ, оправленныхъ въ серебро рубиновъ—подарковъ сэра Рёбена своей невѣстѣ.

Осенью, въ концѣ октября, Аллабруты вернулись въ городъ и поселились въ Паркъ-Лэнѣ. Обрэ тоже былъ въ Лондонѣ. Онъ нашёлъ занятія въ Сити, и состоялъ секретаремъ одной торговой фирмы. Онъ работалъ каждый день съ десяти до четырехъ часовъ, стараясь опутать свою душу нитями правильныхъ будничныхъ занятій, чтобы заглушить голосъ сердца въ шумѣ дѣловой жизни. Но онъ ненавидѣлъ шумный и людный Сити.

Когда сэръ Рёбенъ и лэди Кэриль устроились окончательно въ Паркъ-Лэнѣ, сэръ Рёбенъ написалъ Обрэ письмо, приглашая его къ себѣ. Въ концѣ письма стояло: „Кэриль теперь твоя крестная мать и говоритъ, что ты долженъ оказывать ей свое почтеніе“.

Обрэ разорвалъ письмо въ порывѣ гнѣва, но потомъ все-таки пошелъ въ Паркъ-Лэнъ.

Было уже пять часовъ дня, когда онъ подошелъ къ дому сэра Рёбена. Наступали сумерки. Когда онъ вошелъ въ переднюю, ему казалось, что онъ на порогѣ оставилъ за собой Англію. Здѣсь было тепло, и въ воздухѣ чувствовался тонкій ароматъ куреній. Обрэ вспомнилъ почему-то о наивномъ замѣчаніи лэди Сэнтъ-Орминъ, которая говорила, что въ этомъ большомъ домѣ ей чудятся какіе-то потайные покои, гдѣ живутъ въ затворничествѣ восточныя женщины. Издали слышался плескъ фонтана. Лакей отдернулъ большую занавѣсъ, расшитую крупными и золотыми узорами, и ввелъ посѣтителя въ маленькую высокую комнату, гдѣ никого не было.

— Я сейчасъ доложу милэди о васъ, сэръ, — сказалъ онъ.

Обрэ сталъ разглядывать комнату—очевидно, будуаръ лэди Кэриль. Стѣны были обиты зеленымъ шёлкомъ. Нѣсколько картинъ стояло на мольбертахъ. На одной изъ нихъ былъ изображенъ статный пастухъ, играющій на свирѣли въ тѣнистомъ уголку ливанскихъ холмовъ. У пастуха было грустное лицо, и Обрэ показалось, что его дикіе темные глаза съ ужасомъ разсматриваютъ будуаръ лэди Кэриль. У камина, гдѣ горѣли дрова, стоялъ маленький столикъ изъ черного дерева. На немъ лежало нѣсколько часовъ. Всѣ они были усыяны драгоценными камнями. На однихъ сверкали бриллианты, другіе были эмалированы и осыпаны рубинами и бирюзой. Ни одни изъ часовъ не были заведены. На высокихъ обнахъ висѣли зеленныя портьеры. Большой рояль былъ закрытъ, и нигдѣ не видно было нотъ. Вокругъ

стѣнъ тянулись низкіе широкіе диваны со множествомъ подушекъ. Въ комнатѣ не видно было ни одной книги. Въ большой золоченой клѣткѣ два огромныхъ зеленыхъ попугая сидѣли, мигая своими круглыми злыми глазами. Они дремали, наслаждаясь тепломъ и тишиной. На каминѣ стоялъ большой фотографическій портретъ сэра Рёбена въ національномъ костюмѣ, въ саду его мавританской виллы. Обрэ подошелъ къ камину, и сталъ разглядывать портретъ. Итакъ, этотъ восточный челевѣкъ съ лукавыми глазами и улыбкой дикаря—мужъ лэди Кэриль. Она ему принадлежитъ такъ, какъ, быть можетъ, какая-нибудь черная рабыня принадлежала ему въ то время, когда онъ жилъ на Востоѣ. Обрэ вздрогнулъ, и оперся руками на край каминна, продолжая вглядываться въ портретъ. Ему казалось, что только теперь онъ понялъ, какъ невозвратно потеряна для него лэди Кэриль, и какъ эта потеря ужасна.

Онъ услышалъ за собой звукъ открываемой двери. Лэди Кэриль вошла въ комнату. Обрэ не могъ двинуться съ мѣста, пока она не подошла къ нему. Когда она очутилась около каминна, онъ съ усиліемъ обернулся, протянулъ ей руку, и остановился, изумленный выраженіемъ сіяющаго счастья на ея лицѣ. Она была вся въ бѣломъ, и на шеѣ у нея блестяло узкое ожерелье изъ великолѣпныхъ жемчужовъ одинаковой величины. Были среди нихъ молочно-бѣлые, желтые, зеленоватые и розоватые. Свѣтлые волосы лэди Кэриль зачесаны были просто, но очень искусно. Длинные сѣрые глаза сверкали выраженіемъ удовлетворенной любви. Она протянула ему правую руку, унизанную великолѣпными кольцами. У Обрэ захватило дыханіе. Сіяніе этой почти вызывающей радости изумило его. Онъ пожалъ ея холодную бѣлую руку, и ему было страшно непріятно прикосновеніе ея колець.

— Садитесь, — сказала она. — Вашъ крестный отецъ, кажется, въ Сити; онъ скоро вернется.—Она сѣла на одинъ изъ низкихъ дивановъ, прямо подъ большой золоченой клѣткой, гдѣ дремали попугаи. Онъ глядѣлъ на ея жемчужное ожерелье, и вспомнилъ, какъ она когда-то стояла передъ ювелирнымъ магазиномъ на Бондъ-стритѣ. На минуту она ему показалась видѣніемъ изъ давно умершаго прошлаго. Онъ почувствовалъ, что нужно что-нибудь сказать.

— Вы счастливы, — сказалъ онъ. У него была потребность выразить то впечатлѣніе, которое произвелъ на него ея торжествующій видъ.

Она улыбнулась, — и улыбка была отвѣтомъ.

— А вы стали работать, мистеръ Герриетъ,—сказала она.— Вы любите ваши занятія? Впрочемъ, я знаю, многіе мужчины считаютъ Сити необходимымъ условіемъ своего существованія, какъ нѣкоторыя женщины—дѣтей. Мнѣ это совершенно непонятно.

Она дотронулась рукой до жемчуговъ на своей шеѣ.

— Сэръ Рѣбенъ, кажется, очень любитъ Сити,—прибавила она.

— Вѣроятно, любить, — сказалъ Обрѣ. — Почему бы онъ, въ противномъ случаѣ, бывалъ тамъ?

— Неужели вы думаете, что человѣкъ можетъ удовлетвориться тѣмъ капиталомъ, который имѣетъ, пока еще у него есть возможность увеличить его?—спросила она.

— Вы думаете, что мы, мужчины, ненасытны?

— Я думаю, что въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между мужчинами и женщинами. Поэтому жизнь и продолжаетъ быть интересной.

— И продолжаетъ быть печальной,—сказалъ онъ; но, взглянувъ опять на ея свѣтлое, сіяющее лицо, прибавилъ:

— Для васъ, конечно, жизнь не печальна. Какъ долженъ быть счастливъ сэръ Рѣбенъ, что ему удалось сдѣлать васъ счастливой!—Когда онъ это сказалъ, ему представился сэръ Рѣбенъ, окруженный какимъ-то сверхъестественнымъ сіяніемъ власти и могущества.

— Сэръ Рѣбенъ?—сказала она.—О, да.

Она на минуту запнулась и потомъ прибавила:

— Сэръ Рѣбенъ меня понимаетъ.

Произнося эти слова, она глядѣла на Обрѣ и касалась пальцами лѣвой руки своихъ колецъ на правой рукѣ.

— А вы? — спросилъ Обрѣ, глядя на нее съ нѣкоторымъ ужасомъ.—Вы себя понимаете?

— По крайней мѣрѣ я знаю, понимаютъ ли меня, или нѣтъ,—сказала она. — Я всегда считала сэра Рѣбена умнымъ человекомъ, но только теперь я поняла, до чего онъ уменъ.

Въ эту минуту ея мужъ медленно вошелъ въ комнату. Онъ простудился по дорогѣ въ Лондонъ, и имѣлъ нѣсколько утомленный видъ. Его живые черные глаза потускнѣли, въ нихъ не свѣтилось обычное лукавство, и потому онъ казался болѣе старымъ, чѣмъ всегда. Онъ очень привѣтливо поздоровался съ Обрѣ и поцѣловалъ свою жену. Потомъ онъ подсѣлъ къ огню и сталъ бранить лондонскій климатъ.

— Здѣшній воздухъ убиваетъ меня послѣ жизни на югѣ,—

прибавилъ онъ. — Итакъ, Обрѣ, ты служишь въ Сити. Тебѣ нравится твое дѣло?

— Не могу этого сказать.

— Да, Сити—отвратительный рудникъ, но тамъ можно откопать брилліанты.

Онъ взглянулъ на руки и на шею своей жены.

— Едва ли, если служишь секретаремъ въ торговомъ домѣ,—сказалъ Обрѣ.

— Вы должны достать себѣ какое-нибудь лучшее мѣсто,—сказала лэди Кэриль.

— Да, непременно нужно постараться объ этомъ,—прибавилъ сэръ Рѣбенъ.—Мой крестникъ...

— О, нѣтъ, я не хочу мѣнять!—быстро сказалъ Обрѣ.

Слуга-арабъ, котораго Обрѣ видѣлъ уже при первомъ своемъ посѣщеніи сэра Рѣбена, внесъ чай, и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ влетѣла въ комнату лэди Сэнтъ-Орминъ. Она была одѣта вся въ красное и держала въ рукахъ муфту, по крайней мѣрѣ въ два раза болшую чѣмъ слѣдуетъ.

— Сюда входишь какъ въ гаремъ,—сказала она.—А, это вы, мистеръ Геррикъ!.. А какъ поживаетъ султанъ?—Она обратилась съ этимъ вопросомъ къ сэру Рѣбену, но продолжала говорить, не дожидаясь отвѣта.

— Кэриль, Боже мой! какой жемчугъ у тебя на шеѣ! Какое великолѣпіе! Розовый жемчугъ!.. Когда ты его получила?

— Вчера.

— Сними, пожалуйста, ожерелье и покажи мнѣ!

— Жемчуги красивѣе и виднѣе, когда надѣты, — отвѣтила ей дочь, и въ голосѣ ея послышалось несокрушимое упрямство.—Она отступила отъ матери, которая протянула руку къ ожерелью.

Сэръ Рѣбенъ закашлялся. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень простуженъ. Обрѣ старался не думать о томъ, какъ уродливъ кашель стараго человѣка.

— Ахъ, Кэриль, какая ты эгоистка!—сказала лэди Сэнтъ-Орминъ обиженно.—Ты, право, такъ же ревниво относишься къ своимъ драгоценнымъ камнямъ, какъ другія женщины ревнуютъ мужей.

— Жемчуги болѣе красивы, когда надѣты, — повторила ей дочь, и стала разливать чай.—Круглые внимательные глаза лэди Сэнтъ-Орминъ были обращены теперь на кольца ея дочери. Обрѣ замѣтилъ, что ей хочется заговорить о нихъ, и у него явилось желаніе непременно прервать ее. Онъ чувствовалъ, что ея замѣчанія будутъ непріятны лэди Кэриль.

— Вы были въ Байрейтѣ этимъ лѣтомъ?—спросилъ онъ.

Лэди Сэнтъ-Орминъ заговорила о Вагнерѣ, и проболтала, не умолкая, цѣлыхъ двадцать минутъ. Пришли еще гости, и глаза всѣхъ женщинъ были прикованы къ лэди Кэриль. Ихъ гипнотизировала нить удивительно подобранныхъ цвѣтныхъ жемчуговъ.

Лэди Сэнтъ-Орминъ упомянула имя Анно.

— Я слышала удивительныя вѣсти о немъ,—сказала она.— Анно отказался отъ ангажемента въ Америкѣ, и находится теперь въ Парижѣ. Нью-іорскій антрепренеръ въ бѣшенствѣ.

— Какая причина его отказа?—спросилъ сэръ Рёбенъ.

— Никто этого не знаетъ. Я ему пять разъ телеграфировала, но не получила отвѣта.

Всѣ присутствовавшія женщины поторопились заявить, что онѣ готовы поѣхать куда угодно, чтобы послушать Анно. Только лэди Кэриль казалась совершенно незаинтересованной въ этомъ вопросѣ. А между тѣмъ, она въ это самое утро получила письмо, въ которомъ великій пѣвецъ очень откровенно объяснялъ ей причину своего возвращенія въ Европу.

„Я чувствую, что могу хорошо пѣть только тамъ, гдѣ находитесь вы, — писалъ онъ. — Не позволите ли вы мнѣ приѣхать въ Англію и дать концертъ въ вашемъ домѣ?“

Прочтя это письмо, лэди Кэриль потрогала жемчугъ на своей шеѣ и передала письмо мужу. Сэръ Рёбенъ медленно прочелъ его, улыбнулся своей женѣ, какъ бы улыбнулся царь Шахризаръ Шехерезадъ, когда ему понравилась ея сказка.

— Пусть онъ дастъ концертъ у насъ, Кэриль, — сказалъ онъ,—если тебѣ это пріятно.

— Хорошо, — отвѣтила она холоднымъ, равнодушнымъ тономъ.—Но здѣсь слишкомъ много драпировокъ и ковровъ. Они заглушаютъ голосъ.

— Я устрою концертную залу, если хочешь,—отвѣтилъ онъ.

А днемъ, возвращаясь изъ Сити, онъ остановился у известнаго магазина на Бондъ-стритѣ, и купилъ изумительный аметистовый гребень.

Обрѣ видѣлъ, какъ у всѣхъ дамъ оживились лица, когда рѣчь зашла о знаменитомъ пѣвцѣ. Только лэди Кэриль оставалась совершенно спокойной. Въ глазахъ ея свѣтилось счастье, которое не походило, однако, на мечтательную радость любви, а скорѣе на довольство тѣмъ-то положительнымъ. Сэръ Рёбенъ опять закашлялся. Онъ подсѣлъ къ Обрѣ.

— Мой милый, твое мѣсто въ Сити очень сносное, но оно ни къ чему не приведетъ въ будущемъ. Ты—мой крестникъ, и

если хочешь работать, то я могу найти для тебя болѣе выгодное дѣло.

Обрѣ вспыхнулъ.

— О, нѣтъ, я очень доволенъ,—сказалъ онъ почти грубо.— Я вамъ очень благодаренъ, сэръ Рѣбенъ,—прибавилъ онъ смущенно.

— Почему ты такъ гордъ, Обрѣ? Неужели я не имѣю права помочь тебѣ устроить карьеру?

— Благодарю васъ, сэръ Рѣбенъ,—повторилъ онъ.— Мнѣ нравится моя работа, и я привыкъ къ ней.

Сэръ Рѣбенъ ничего болѣе не сказалъ. Онъ понялъ, что Обрѣ непріятно получить помощь изъ рувъ, которыя нанесли ему такой жестокой ударъ. Но онъ все-таки непремѣнно хотѣлъ проявить свое великодушіе, которое гораздо болѣе, чѣмъ кажется, связано съ эгоизмомъ. Когда Обрѣ ушелъ, сэръ Рѣбенъ подумалъ:

„Я причинилъ ему нравственное страданіе—такъ нужно вознаградить его матеріально“.

Онъ выросъ въ христіанской вѣрѣ, но о раѣ онъ имѣлъ только чувственное представленіе.

Когда гости ушли, сэръ Рѣбенъ сказалъ своей женѣ, что купилъ для нея удивительный аметистовый гребень. Она протянула ему губы для поцѣлуя. Потомъ онъ заговорилъ о своемъ крестникѣ и о его службѣ въ Сити.

— Я долженъ что-нибудь сдѣлать для него; онъ можетъ мнѣ быть полезенъ въ моихъ дѣлахъ,—ему можно довѣрить.

— Конечно,—нѣсколько разсѣянно отвѣтила лэди Кэриль.

Она стояла у горящаго камина, и огонь бросалъ отсвѣтъ на ея золотистые волосы. Она пристально взглянула на мужа.

— Что ты хочешь сказать, Кэриль?—спросилъ онъ съ внезапнымъ порывомъ страстности, производившей впечатлѣніе чего-то смѣшного и уродливаго.— Въ чемъ дѣло?—повторилъ онъ и подошелъ къ ней, привлеченный обаяніемъ ея красоты. Онъ обнялъ ее за талію.

— Аметисты будутъ присланы еще сегодня?—спросила она.

Онъ засмѣялся и отвѣтилъ утвердительно. Онъ—въ Англіи, въ культурной обстановкѣ, и все-же у него есть рабыня. Это ему нравилось.

XIII.

Обрэ видѣль Діамонду дважды послѣ ихъ первой встрѣчи. Онъ ее встрѣтилъ какъ-то случайно на улицѣ, а въ другой разъ поджидалъ ее у подъѣзда послѣ спектакля, и провелъ ее до Милькз-Корта. Она казалась все такой же простой, нѣсколько сентиментальной и наивной какъ дитя, несмотря на то, что ей приходилось видѣть грубую сторону жизни, живя въ обществѣ пошлыхъ балетницъ большого Music-Hall'я. Во время этихъ нѣсколькихъ встрѣчъ, дружескія отношенія укрѣпились между двумя людьми, принадлежавшими къ двумъ столь различнымъ мірамъ. Никакой дурной мысли не приходило Обрэ на умъ. Діамонда относилась къ нему съ полной дѣтской откровенностью. Онъ принималъ въ ней большое участіе. Діамонда казалась ему одной изъ тѣхъ женщинъ, которымъ можно вполне довѣрить свои горести. Но все-таки онъ никогда не говорилъ ей о себѣ, а только выслушивалъ ея признанія. Онъ этимъ вполне удовлетворялся. Все въ ней было такъ просто и понятно, а онъ нуждался теперь въ близости простой, несложной натуры. Лэди Кэриль онъ не могъ понять. Онъ чувствовалъ, что въ ней скрыта какая-то тайна. Прежде онъ думалъ, что понялъ ее; теперь же ея таинственность вовлекала его любовь въ лабиринтъ, изъ котораго онъ не могъ выбраться. Къ его страстному чувству примѣшивалось еще и любопытство; оно сливалось съ чувствомъ любви и обостряло его. Загадочность лэди Кэриль была иная, чѣмъ у другихъ женщинъ, совершенно обособленная, и, быть можетъ, даже неестественная для женщины. Обрэ это смутно сознавалъ. Неужели сэръ Ребенъ угадалъ ее и, благодаря этому, овладѣлъ ея душой? Но вѣдь онъ презрительно относился къ ней прежде—неужели же и теперь онъ не измѣнилъ своего мнѣнія? Это вѣчное желаніе проникнуть въ тайну лэди Кэриль и необходимость постоянно скрывать свою любовь утомили Обрэ. Онъ чувствовалъ себя опутаннымъ цѣпями изъ цвѣтныхъ жемчуговъ. Но каждая жемчужина была тяжела, какъ кусокъ желѣза. Онъ нуждался въ отдохновеніи и, возвращаясь отъ сэра Ребена, рѣшилъ повидаться съ Діамондой, пойти встрѣтить ее послѣ театра. Придя домой, онъ нашель на столѣ письмо въ свѣтло-лиловомъ дешевомъ конвертѣ. Адресъ былъ написанъ крупнымъ неумѣлымъ почеркомъ. Открывъ письмо, Обрэ увидѣлъ, что оно—отъ Діамонды:

„Дорогой мистеръ Геррикъ, сегодня день моего рожденія. У насъ его будутъ праздновать послѣ спектакля; и папа пору-

чить мнѣ пригласить мистера Кинга. Можетъ быть, и вы придете? Я сказала папѣ, что мы друзья, и что я познакомилась съ вами въ театрѣ. Онъ не разсердился. Я ему, конечно, не рассказала о томъ, какова была наша первая встрѣча. Онъ позволилъ мнѣ пригласить васъ. Но, быть можетъ, вамъ не хочется придти? Я буду ждать васъ у подѣзда; боюсь, что вы не придете. Преданная вамъ—Ди Маннерсъ“.

Вечеромъ Обрэ стоялъ у театральнаго подѣзда и держалъ въ рукахъ маленькій пакетъ, завернутый въ бѣлую бумагу и перевязанный розовымъ шнуркомъ. Діамонда одѣлась сворѣе, чѣмъ обыкновенно, и ему не пришлось долго ждать ее. На ней была бѣлая шляпа, украшенная бѣлыми маками, и бѣлыя лайвовыя перчатки. Она радостно улыбулась при видѣ его.

— Вы придете къ намъ ужинать?—спросила она:—или только пришли сказать, что не придете? У насъ не будетъ никого чужого. Только всѣ наши, мистеръ Кингъ, Вогсалъ и Альфъ. Папа совсѣмъ не разсердился, потому что я ему сказала, что вы—очень милый и почтенный человѣкъ. Онъ не пускаетъ къ намъ въ домъ непорядочныхъ людей. Онъ очень строгъ. Вы идете со мной?

— Да, а теперь сердечно поздравляю васъ,—сказалъ Обрэ.

Они отправились вмѣстѣ, и онъ передалъ Діамондѣ пакетъ.

— Что это?—спросила она и посмотрѣла на него съ упрекомъ.—Зачѣмъ вы это? Право, нехорошо съ вашей стороны.

Она остановилась у газоваго рожка и развернула пакетъ. Лицо ея выражало ожиданіе, но не жадность. Когда она увидѣла маленькій золотой браслетъ, лежащій на бархатѣ маленькаго футляра, она вспыхнула отъ удовольствія и неожиданности.

— Какая прелесть! Но вамъ, все-таки, не слѣдовало бы дѣлать мнѣ подарковъ.

Обрэ надѣлъ ей браслетъ на руку поверхъ бѣлой перчатки. Съ браслета свѣщивался маленькій брелокъ въ видѣ буквы Д., составленный изъ маленькихъ жемчужинъ.

— Ну, а теперь пойдете,—сказалъ онъ.—Что вы рассказали отцу обо мнѣ?

— Я сказала, что встрѣтила васъ въ театрѣ, что вы очень приличный человѣкъ, и что мнѣ хотѣлось бы пригласить васъ сегодня. Папа сказалъ: „такъ пригласи его—если онъ не слишкомъ важный господинъ и захочетъ придти“. Я тогда и написала вамъ. Но я не думала, что вы придете.

— Почему же?

— Право, не могу вамъ сказать.

Они подошли къ Мильеъ-Корту. У Обрэ было странное

чувство ожиданія, какого онъ никогда не испытывалъ, отправляясь на какой-нибудь свѣтскій балъ. Когда они приблизились къ квартирѣ Діамонды, дѣвушка сказала:

— Наша фамилія Слэгъ, а не Маннерсъ. Это я только на сценѣ такъ называюсь.

Она открыла дверь карманнымъ ключомъ, и когда они вошли, Обрэ услышалъ шумъ многихъ голосовъ, громкій разговоръ и топотъ рѣзвыхъ ногъ.

— Дѣти ужасно возбуждены сегодня,—объяснила ему Діамонда.—Сузи совсѣмъ съ ума сошла. Войдите, пожалуйста.

Обрэ послѣдовалъ за ней въ узкую переднюю.

— Положите сюда вашу шляпу. Дайте мнѣ пальто, я его повѣшу.

Въ эту минуту къ нимъ выбѣжала маленькая дѣвочка съ курчавыми темными волосами, перевязанными красной лентой.

— Ди, Ди, все уже готово, и Вогсалъ говоритъ...

Она увидѣла чужого и остановилась какъ вкопанная, положивъ себѣ палецъ въ ротъ и опустивъ голову.

— Это мистеръ Геррикъ, Сузи, поговори съ нимъ, будь умницей. Скажи: „здравствуйте“.

— Здравствуйте, — прошептала дѣвочка едва слышно, — и опустила голову еще ниже.

— Здравствуй, — отвѣтилъ Обрэ, взявъ ее маленькую ручку. — Только ты не бойся меня. Не будешь бояться?

Сузи глядѣла на него широко-раскрытыми глазами.

— Она дичится чужихъ,—объяснила Діамонда, — но она ужасная шалунья;—вы это увидите, когда она привыкнетъ къ вамъ. Папа, вотъ мистеръ Геррикъ.

Они вошли въ просторную комнату, обставленную новой, но старомодной мебелью. Полъ обитъ былъ клеенкой. Столъ былъ накрытъ къ ужину. Посреди стола стоялъ большой тортъ съ огромной надписью „Ди“ изъ красныхъ сахарныхъ буквъ. Стулья были изъ прочнаго дерева съ черными волосяными сидѣньями, а у каминна стояла широкая скамья, съ высокой спинкой, обитой ситцемъ въ красныхъ и бѣлыхъ узорахъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько олеографій, изображавшихъ—одна группу ярео-желтыхъ цыплятъ, вылупляющихся изъ яицъ, другая—швейцарскую долину, окруженную бѣлыми мѣловыми горами; долину пересекала сверкающій потокъ, а на берегу стояла дама. На каминѣ, выкрашенномъ въ свѣтло-желтый цвѣтъ, разставлены были нѣсколько фотографическихъ карточекъ актеровъ и актрисъ, и красная стеклянная ваза съ букетомъ цвѣтовъ. У огня грѣлась черная

вошла. Въ комнатѣ было нѣсколько людей, и когда вошелъ Обрэ, къ нему приблизился коренастый человѣкъ средняго роста, съ темными усами и веселыми сверкающими глазами. Это былъ мистеръ Слэгъ, въ черномъ пиджакѣ, коричневыхъ панталонахъ и съ краснымъ галстукомъ на шеѣ.

— Вашъ покорный слуга, сэръ,—сказалъ онъ Обрэ сильнымъ басомъ.—Я очень польщенъ вашимъ приходомъ, сэръ. Мы рады видѣть у себя всѣхъ друзей нашей Ди.

Онъ протянулъ ему руку совершенно непринужденно, потомъ обернулся къ дочери и поцѣловалъ ее.

— Мистеръ Геррикъ,—сказала она,—вотъ моя сестра Лилъ.

Высокая, стройная дѣвушка, очень похожая на Ди, но не такая простодушная, выступила впередъ и поздоровалась съ Обрэ.

— А это,—продолжала Діамонда,—Вогсалъ и Альфъ, Женни и Бобъ.

Всѣ они по очереди подходили къ Обрэ и здоровались съ нимъ.

Альфъ, возвращаясь на свое мѣсто, попробовалъ сдѣлать прыжокъ, но отецъ остановилъ его словами:—Теперь не твой выходъ, Альфъ, и потому успокойся.

— А гдѣ мама?—спросила Діамонда.

— Въ кухнѣ; Чарли тоже тамъ. А мистеръ Кингъ еще не пришелъ,—сказала Лилъ, говорившая съ видомъ нѣкотораго превосходства, такъ какъ она путешествовала по Европѣ послѣ замужества.

— Не хотите ли присѣсть къ огню, сэръ?—сказалъ мистеръ Слэгъ.—Бобъ, уступи мѣсто гостю.

Обрэ чувствовалъ себя еще нѣсколько стѣсненнымъ, и заговорилъ о погодѣ. Мистеръ Слэгъ отвѣчалъ ему съ большой готовностью и съ видомъ человѣка, который обдумалъ этотъ вопросъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія.

— Да, странная это штука погода,—сказалъ онъ въ заключеніе,—очень странная.

Въ комнату вскорѣ вошла полная женщина въ черномъ шолововомъ платьѣ; ее сопровождалъ маленький мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ. Изъ открытой двери, откуда она появилась, доносился запахъ ростбифа и капусты.

— Мама,—сказала Діамонда,—вотъ мистеръ Геррикъ. Посмотрите, что онъ мнѣ подарилъ.

Она показала браслетъ, и вся компанія стала разсматривать его. Обрэ чувствовалъ себя еще болѣе смущеннымъ чѣмъ вначалѣ. Миссисъ Слэгъ пожала руку Обрэ и сказала:

— Вы слишкомъ балуете Ди, сэръ. Очень рада васъ видѣть, сэръ.

— Я вамъ очень благодаренъ за любезное приглашеніе.

— Это вѣдь только маленькій семейный праздникъ, сэръ, въ честь нашей дочери. А гдѣ же мистеръ Кингъ?

— Еще не пришелъ, — сказала Ди. Альфъ тѣмъ временемъ сталъ щекотать Сузи, и она взвизгнула отъ страха и удовольствія.

— Сузи, замолчи!.. А, вотъ и онъ! — сказала миссисъ Слэгъ, когда раздался звонокъ. — Женни, поди отпереть ему дверь!

Женни, хорошенькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, ученица танцевальной школы, пошла отворить и вскорѣ вернулась въ комнату въ сопровожденіи человека маленькаго роста, имѣвшаго видъ жокея. Онъ широко разставлялъ ноги, такъ какъ привыкъ чаще ѣздить верхомъ, чѣмъ ходить. Войдя въ комнату, онъ сталъ искать глазами Діамонду. Въ рукахъ у него былъ большой букетъ оранжерейныхъ цвѣтовъ.

— Это для васъ, миссъ Діамонда, — сказалъ онъ, передавая ей цвѣты. — Отъ души поздравляю васъ.

Пока она его благодарила и представляла Обрэ, Женни и Бобъ внесли ужинъ, состоявшій изъ огромнаго ростбифа, іоркширскаго пуддинга, картофеля и капусты. Было подано пиво въ кувшинахъ и лимонадъ въ бутылкахъ съ зелеными стеклянными пробками. Стали усаживаться за столъ.

— Мистеръ Геррикъ, — сказала миссисъ Слэгъ, — сядьте, пожалуйста, около меня, а мистеръ Кингъ — слѣва, около Ди. Сузи, садись къ отцу. Чарли, смотри, ничего не проливать!

Всѣ усаживались, двигая стульями. Альфъ взобрался на спинку своего стула, и спустился оттуда въ сидячемъ положеніи, съ ножомъ и вилокъ въ рукахъ, и открытымъ для ѣды ротомъ.

— Альфъ, ты настоящій чертенокъ! — сказала Діамонда, а Вогсаль повернулся къ шалуну и шуточно стукнулъ его по головѣ. Сузи взвизгнула, а Чарли взглянулъ на Альфа съ выраженіемъ обожанія. Альфъ былъ любимцемъ всѣхъ дѣтей. Его апломбъ и дьявольская ловкость казались имъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Когда всѣ усѣлись, наступило молчаніе, и мистеръ Слэгъ, взявъ ножъ и вилку, сталъ разрѣзывать жаркое. Всѣ глаза были обращены къ нему, и всѣ лица выражали ожиданіе. Обрэ подумалъ объ обѣдахъ въ своемъ кругу, и рассматривалъ окружающія его лица. Ему нравились простота и непринужденность всѣхъ этихъ людей. Миссисъ Слэгъ любезно улыбалась, и только сдѣлала недовольный видъ, замѣтивъ коричневое пятно отъ соуса на скатерти.

— Смотри, не проливай соуса, Джонъ!—сказала она мужу.

— Хорошо, Герріэтъ,—отвѣтилъ онъ.

Сузи истерически расхохоталась. Отецъ сказалъ:—Тише!— Онъ передалъ тарелку Бобу, который поставилъ ее противъ Обрэ. Тотъ сталъ протестовать, но совершенно тщетно. Онъ, очевидно, долженъ былъ принять на себя роль почетнаго гостя. Когда всѣ получили свои порціи, мистеръ Слэгъ облегченно вздохнулъ.

— Разрѣзывать мясо не шутка,—сказалъ онъ, и взглянулъ на Обрэ.

— Особенно для такой большой компаніи, какъ наша, мистеръ Слэгъ,—отвѣтилъ Обрэ.

Ему хотѣлось освоиться вполнѣ съ этой новой для него обстановкой, но такъ какъ онъ былъ истый англичанинъ, а слѣдовательно не умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ, то это ему давалось не легко. Всѣ обычные приемы свѣтскаго молодого человѣка здѣсь никуда не годились, а держать себя просто и быть вполнѣ самимъ собою—онъ не умѣлъ. Когда ему случалось бывать вдвоемъ съ Діамондой, то онъ чувствовалъ себя совершенно свободно. Но въ этотъ вечеръ, среди близкихъ ей людей, онъ испытывалъ чувство неловкости.

— Лондонъ—прекрасный городъ, сэръ,—замѣтилъ м-ръ Слэгъ.

— Да, очень хорошій городъ,—отвѣтилъ Обрэ.

— Такихъ городовъ мало; правда, Лилль?—сказалъ Вогсаль.

— Конечно, Вогсъ,—отвѣтила она.

Снова наступило молчаніе. Обрэ начиналъ приходить въ отчаяніе.

— Вы бывали во многихъ городахъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Лилль.

— Да, прежде, чѣмъ поселиться здѣсь, мы все время путешествовали... Альфъ, дрянной мальчишка, какъ ты смѣешь!

Альфъ, держа стаканъ съ пивомъ на двухъ пальцахъ, пилъ содержимое въ немъ по вновь изобрѣтенному имъ самимъ способу: губы его прикасались не къ ближнему, а къ противоположному краю стакана, который постепенно наклонился къ столу, пока послѣдняя капля пива не исчезла въ глотѣ Альфа. Съ вытянутой и неестественно выгнутой на бокъ шеей мальчикъ былъ похожъ на птицу, которой свернули голову.

— Онъ на этомъ практиковался цѣлый годъ, сэръ, чтобы достичь совершенства,—проговорилъ съ братской гордостью Вогсаль, обращаясь къ Обрэ.—Да, это не такъ легко, какъ ка-

жестя. И часто такъ бываетъ съ нашими фокусами; не правда ли, Лилль?

— Въ танцахъ тоже самое,—замѣтила Діамонда.

— Публика, сэръ, ничего не понимаетъ въ томъ, на что привыкла смотрѣть,—сказалъ м-ръ Слэгъ. Повѣрите ли, сэръ, одна дама, настоящая важная дама, требовала отъ меня въ оперѣ, чтобы я навелъ голубой свѣтъ на пѣвцовъ! Такъ, говорить, дѣлаютъ на Мадигаскарѣ! Увѣряю васъ, что инья изъ этихъ важныхъ дамъ такъ невѣжественны, что иной разъ подумаешь, что онѣ и въ школѣ-то никогда не были.

— Это онъ про лэди Сэнтъ-Орминъ,—сказала Обрэ Діамонда.

— Вы съ нею знакомы, сэръ?—спросилъ м-ръ Слэгъ.

— Да, я встрѣчался съ нею,—отвѣчалъ Обрэ.

— Такъ вы не обижайтесь, сэръ,—я вѣдь это не со зла.

— Я въ этомъ увѣренъ и не думалъ обижаться,—сказалъ Обрэ, дѣлая невѣроятное усиліе, чтобы говорить въ тотъ своимъ собесѣдникамъ.

Между тѣмъ м-ръ Кингъ очень серьезно разговаривалъ о чемъ-то съ Діамондой.

— Что же это такое, м-ръ Кингъ, вы ничего не кушаете?—сказала Лилль;—гдѣ вы потеряли вашъ аппетитъ?

М-ръ Кингъ покраснѣлъ и что-то быстро пробормоталъ, а Альфъ сталъ изображать пантомимой человѣка, потерявшаго, ищущаго и наконецъ нашедшаго свой аппетитъ. Послѣдняя сцена была представлена такъ блистательно и реально, что возбудила въ экономной м-съ Слэгъ сильныя, хотя и тщательно скрываемыя опасенія.

За жаркимъ послѣдовалъ яблочный тортъ, и послѣ десерта общее веселье за столомъ еще усилилось. Обрэ съ удивленіемъ замѣчалъ, что его все болѣе и болѣе интересуютъ эти немудренныя, но искренніе разговоры, тогда какъ болтовня того общества, въ которомъ онъ обыкновенно вращался, часто невыносимо надоѣдала ему. Его удивляло, что у этихъ простыхъ людей такія приличныя манеры, и онъ начиналъ мало-по-малу чувствовать себя до странности уютно въ этой длинной комнатѣ съ покрытымъ клеенкой поломъ и со свамьей, обтянутой пестрыми ситцемъ. И однако, ему нечего было сказать въ отвѣтъ на ласковыя рѣчи окружающихъ его людей, и, глядя на Альфа, который держалъ ножикъ отвѣсно на вилѣхъ и едва замѣтнымъ движеніемъ руки заставлялъ его танцовать, не теряя равновѣсія, онъ начиналъ стыдиться самого себя. Окружавшіе его люди были

работники. Родъ ихъ дѣятельности былъ, можетъ быть, немного страненъ, но главная ихъ заслуга состояла въ томъ, что они дѣйствительно интересовались своимъ дѣломъ и гордились имъ.

Послѣ обѣда, когда стулья были отодвинуты отъ стола и ноги свободно протянуты во всю длину, м-ръ Слэгъ и Вогсалъ закурили трубки. М-ръ Кингъ предпочелъ сигару, а Обрэ закурилъ папиросу. Бобъ не курилъ совсѣмъ, но зато Альфъ почувствовалъ, что настаетъ минута его торжества. Когда упомянули о куреніи, то онъ жонглировалъ съ ножомъ, вилкой, тарелкой и апельсиномъ. Онъ ничего не сказалъ, но его маленькіе глазки заморгали. Онъ отложилъ все въ сторону и далъ такой подзатыльникъ Сузи, что она неправильно проглотила пиво, которое держала во рту, и чуть не задохнулась.

— Альфъ! — начала Лилль: — ты такъ утомишь ребенка. Честное слово, ты...

Но ея выговоръ замеръ и наступило молчаніе, какъ во время интересной сцены въ театрѣ, такъ какъ Альфъ сталъ продѣлывать множество удивительнѣйшихъ фокусовъ со спичками, папиросами и пепельницами. Онъ подбросилъ и поймалъ ртомъ папиросу, потомъ подбросилъ коробочку со спичками, и когда она падала, подставилъ спичку головкой вверхъ, такъ что она зажглась и взвилась на воздухъ, какъ летучій свѣтлякъ. Въ эту же минуту зажглась какимъ-то чудомъ и папироса Альфа, а дымъ отъ нея, довольно долго задержанный маленькимъ фокусникомъ, вдругъ совершенно неожиданно вышелъ клубомъ изъ его лѣваго уха, причемъ Сузи вся раскраснѣлась отъ напряженнаго ожиданія.

Воспользовавшись тѣмъ, что всѣ столпились вокругъ Альфа, Обрэ завязалъ разговоръ съ Діамондой, которая мягко уклонилась отъ ухаживанья м-ра Кинга.

Послѣдній началъ обсуждать какой-то трудный вопросъ относительно лошадей съ м-ромъ Слэгомъ, который, по его собственному выраженію, былъ „немножко спортсменомъ“. Лилль, Бобъ и Вогсалъ бесѣдовали очень серьезно о разныхъ акробатскихъ тайнахъ, и Діамонда съ Обрэ были предоставлены самимъ себѣ.

— Нашъ вечеръ вамъ не по вкусу, не правда ли? — сказала она, смотря вопросительно ему въ глаза своими большими кроткими глазами.

— Нѣтъ, мнѣ очень весело, — отвѣчалъ Обрэ: — а вамъ, миссъ Діамонда?

Она кивнула головой по направленію группы разговаривавшихъ родственниковъ.

— Я только хочу, чтобы они думали, что мнѣ весело,— сказала она, но глаза ея вдругъ наполнились слезами.

— Онъ былъ здѣсь въ этотъ день годъ тому назадъ,— продолжала она.—А теперь... ужъ совсѣмъ не то,—да вѣдь и не можетъ быть?

— Конечно, я вполне понимаю... Но не думаете ли вы, что когда-нибудь вы будете въ состояніи все это забыть?

— О, вѣтъ, я не изъ такихъ!

Она проговорила это съ полной увѣренностью. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, потомъ она вдругъ взглянула на Обрэ и сказала:

— А вы счастливы, да?

— Не очень.

— Ахъ, какъ жаль! Но только это... это—не то, что у меня?

— Да,—проговорилъ онъ.—Это въ томъ же родѣ.

— Вы должны забыть.

— Но если я такой же, какъ и вы? Если я не могу?

Она безпомощно задвигалась, какъ будто ее давила какая-то тяжесть.

— Можетъ быть, намъ не судьба быть счастливыми, вамъ и мнѣ,—проговорила она наконецъ.

— И мнѣ это тоже кажется,—подтвердилъ Обрэ, и вдругъ всталъ, чтобы уходить. Онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что если останется еще, то потеряетъ свое обычное самообладаніе. Вѣроятно, безсознательно это чувство передалось и Діамондѣ, потому что она не пыталась его удерживать. Зато м-ръ Слэгъ громко выразилъ свое сожалѣніе. Обрэ извинился тѣмъ, что ему надо рано встать на другой день и, чувствуя неловкость этой отговорки и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая, что страхъ его не напрасенъ, простился со всѣми и вышелъ. Въ корридорѣ ему попалась м-съ Слэгъ и дружески пригласила его заходить еще. Шелъ дождь, и на улицѣ не было ни души. Обрэ шелъ, раскрывъ зонтикъ, и напрасно старался побороть въ себѣ демона тоски, который овладѣвалъ имъ бессмысленно, но настойчиво. Тоска была разлита въ воздухъ и дѣлала его гнетущимъ и тяжелымъ, какъ тяжелѣютъ вѣки отъ слезъ. Дождь уныло моросилъ. Во всемъ чувствовалось что-то зловѣщее и трагическое, что совершалось далеко и высоко, можетъ быть тамъ, за невидимыми звѣздами.

Звукъ быстрыхъ шаговъ за его спиною заставилъ Обрэ быстро оглянуться. Онъ увидалъ Альфа въ пальто и шляпѣ. Альфъ на-

гналъ его, кивнулъ ему головою и пошелъ рядомъ съ нимъ подпрыгивающей походкой.

— Вы со мною хотите?—спросилъ Обрэ.

Альфъ опять кивнулъ головою. Очевидно, онъ не находилъ нужнымъ разговаривать. Они шли молча вплоть до Жерминъ-стрита.

Обрэ остановился у дверей своей квартиры.

— Не зайдете ли вы ко мнѣ?—спросилъ онъ Альфа.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сэръ,—отвѣчалъ Альфъ.

— Въ такомъ случаѣ замѣтьте нумеръ и приходите ко мнѣ когда-нибудь въ другой разъ.

— Хорошо,—сказалъ Альфъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нумеръ, выставленный на двери, сдѣлалъ какой-то прыжокъ, въ знакъ прощанья, и въ одно мгновеніе исчезъ въ уличной темнотѣ.

П. С.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ

ВЪ

РОССІИ

По поводу столѣтія со дня его учрежденія.

30-го марта текущаго года исполнилось сто лѣтъ со времени образованія у насъ такого важнаго государственнаго установленія, какъ государственный совѣтъ. Кстати, по этому случаю, вспомнить исторію возникновенія этого установленія, а равно прослѣдить, хотя бы въ общихъ чертахъ, ходъ его развитія за истекшее столѣтіе.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ монархическихъ государствахъ, съ давнихъ поръ при особѣ государя состояли учрежденія, на обязанности которыхъ лежало выражать ему свои мнѣнія по наиболее важнымъ вопросамъ государственнаго управленія. Значеніе и характеръ этихъ учреждений въ разное время были, однако, неодинаковыми, находясь въ зависимости отъ тѣхъ формъ, въ которыя выливалась сама организація верховной власти. Въ древній періодъ русской исторіи подобное учрежденіе мы находимъ въ видѣ княжеской дружины, превратившейся позднѣе въ „боярскую думу“; та и другая, согласно съ характеромъ ихъ времени, не ограничивались только совѣщательной ролью, но выступали въ то же время факторами, довольно значительно

ограничивавшими княжескую власть. Ихъ дѣятельность распространялась на всю область, тогда, впрочемъ, еще весьма несложнаго, государственнаго управленія. По мѣрѣ упроченія монархической власти въ Россіи, и боярская дума постепенно утрачивала свое политическое значеніе, превращаясь въ совѣщательный органъ. Петръ I, какъ извѣстно, упразднилъ „думу“, замѣнивши ее сенатомъ,—учрежденіемъ, не имѣвшимъ уже и тѣни какого-либо политическаго значенія, но выступавшимъ лишь въ качествѣ административнаго и законосовѣщательнаго органа. Оффиціальное положеніе сената, установленныя для него формы дѣятельности, возложенная на него обязанность быть хранителемъ и стражемъ законовъ—все это не нравилось той партіи, которая получила большое вліяніе на государственныя дѣла при премьерахъ Петра I; она стремилась составить изъ себя особый высшій органъ, не подчиненный никакимъ формальнымъ условіямъ и въ то же время могущій вершать важнѣйшіе вопросы государственной жизни. Таковъ и былъ знаменитый „верховный тайный совѣтъ“, уже самое названіе котораго показываетъ, что его намѣренія и постановленія не должны были являться общимъ достояніемъ, тѣмъ болѣе, конечно, что эти намѣренія были, какъ извѣстно, далеко не чужды олигархическихъ притязаній. Верховный тайный совѣтъ смѣнился „кабинетомъ“, а этотъ послѣдній—„конференціей“, которая, въ свою очередь, уступила мѣсто „совѣту при высочайшемъ дворѣ“. Всѣ эти полу-оффиціальныя учрежденія были личными совѣтами при монархахъ и монархиняхъ, безъ сколько-нибудь точно-опредѣленныхъ функцій, и вѣдали дѣла всякаго рода, будучи нерѣдко не столько государственными органами, сколько надежными орудіями въ рукахъ высшей аристократіи. Только со вступленіемъ на престолъ императора Александра I возникаетъ у насъ хотя и совѣщательный, но все же съ опредѣленнымъ оффиціальнымъ значеніемъ органъ—государственный совѣтъ, призванный подавать свои мнѣнія, главнымъ образомъ, по вопросамъ законодательнымъ.

Правда, совѣтъ, образованный при особѣ государя указомъ 30 марта 1801 года, былъ названъ „непремѣннымъ“, но не государственнымъ совѣтомъ; однако, по самой идеѣ своего образованія, онъ ничѣмъ не отличался отъ государственнаго совѣта 1810 года, находясь съ этимъ послѣднимъ въ самой тѣсной связи. Идея эта заключается въ томъ, что вновь образованный совѣтъ предназначался, главнымъ образомъ, для обсужденія законодательныхъ вопросовъ. Самое названіе совѣта „непремѣннымъ“ указываетъ также на то, что это не было, по идеѣ законода-

теля, какое-либо временное учрежденіе, но органъ постоянный, безъ котораго не должно было обходиться законодательство. Въ силу даннаго совѣту наказа, онъ долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и „начертать проекты перемѣнъ и исправленій“;— это была его первая задача; къ постоянной же и, такъ сказать, текущей его дѣятельности относилось обсужденіе всего того, что, какъ выражается наказъ, принадлежитъ „къ государственнымъ установленіямъ временнымъ или кореннымъ и непреложнымъ“; совѣтъ, въ силу того же наказа, долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы упрочить благосостояніе государства на неизбѣжномъ основаніи закона. Такимъ образомъ, мы видимъ, что непремѣнный совѣтъ предназначался, главнымъ образомъ, для законодательныхъ цѣлей, и потому исторія государственнаго совѣта въ Россіи должна начинаться именно съ непремѣннаго совѣта. Въ подтвержденіе этого можно привести также и то обстоятельство, что непремѣнный совѣтъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія получилъ названіе „государственнаго“, что видно и изъ формы присяги, которую приносили члены совѣта, и изъ протоколовъ засѣданій этого совѣта. Наконецъ, вглядываясь въ организацію совѣтской канцеляріи и въ распредѣленіе дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію непремѣннаго совѣта, мы находимъ, что все это весьма напоминаетъ государственный совѣтъ, реорганизованный по плану Сперанскаго. Дѣятельность первыхъ лѣтъ совѣта подтверждаетъ то же самое; имъ были рассмотрѣны многіе важные законопроекты, какъ-то: о правахъ и преимуществахъ сената, объ устройствѣ губернскихъ судебныхъ установленій, о дворянствѣ, о податяхъ, банкахъ, народномъ образованіи, о непродажѣ крестьянъ безъ земли и многіе другіе. При обсужденіи послѣдняго изъ указанныхъ вопросовъ въ совѣтѣ присутствовалъ самъ императоръ.

Въ составъ совѣта первоначально вошли: князья Зубовъ, Куракинъ, Лопухинъ, Гагаринъ; графы Салтыковъ, Паленъ и Зубовъ, баронъ Васильевъ, генералъ Ламбъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, адмиралъ Куселевъ и тайный совѣтникъ Троцинскій. Такимъ образомъ, первый совѣтъ состоялъ изъ двѣнадцати высокопоставленныхъ лицъ, между которыми наиболѣе активную роль, въ качествѣ докладчика и управляющаго канцеляріей, игралъ Троцинскій. Когда, въ 1802 г., были образованы министерства, министры были сдѣланы членами совѣта; но учрежденіе министерствъ въ то же время повело за собою значительное умаленіе совѣта, что объясняется присвоеннымъ министрамъ правомъ дѣлать государю личные доклады, и въ особенности тѣмъ, что

первый совѣтъ, по характеру своего личнаго состава, не могъ удовлетворять императора, мечтавшаго о широкихъ государственныхъ преобразованіяхъ, которые нѣкомъ образомъ не могли найти сочувствія въ дѣльцахъ Екатерининскаго времени. Вотъ почему стремленія Александра I дать совѣту возможно лучшую организацію—продолжались и послѣ учрежденія непремѣннаго совѣта, причемъ вопросы, касавшіеся этого важнаго предмета, обсуждались въ знаменитомъ „неофициальномъ комитетѣ“; въ то же время изъ компетенціи совѣта были изъяты вопросы текущаго управленія и дѣла обыкновенныя, переданныя комитету министровъ; въ совѣтѣ же должны были обсуждаться только дѣла наиболѣе важныя.

Первыя десять лѣтъ царствованія Александра I были, въ отношеніи организаціи и значенія государственнаго совѣта, временемъ переходнымъ. Это былъ періодъ разнообразныхъ плановъ и проектовъ, въ основаніи которыхъ лежало искреннее желаніе императора привить во всему русскому государственному строю начало законности, обезпечить такой порядокъ вещей, при которомъ управленіе и судъ были бы не выраженіемъ личнаго усмотрѣнія тѣхъ или другихъ лицъ, но точнымъ примѣненіемъ закона или, въ крайнемъ случаѣ, дѣятельностью по духу, цѣли и формѣ, не противорѣчащей закону, осуществляемой государственными органами подъ строгой отвѣтственностью за всякаго рода отступленія отъ законнаго порядка, а тѣмъ болѣе за злоупотребленія.

Насколько не трудно было для просвѣщеннаго и гуманнаго правителя поставить такую возвышенную цѣль, настолько же осуществленіе ея было сопряжено съ практическими затрудненіями. Обосновать законность въ государственномъ строѣ и управленіи возможно только тогда, когда существуютъ въ государствѣ дѣйствительные органы контроля за законностью управленія, — органы, ни въ какомъ случаѣ не зависящие отъ той администраціи, которую они контролируютъ. Къ созданію такого порядка вещей дѣйствительно и были направлены намѣренія императора, нашедшаго поддержку въ нѣсколькихъ преданныхъ ему лицахъ, между которыми особенно выдающуюся роль пришлось играть знаменитому Сперанскому. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробную характеристику этой незаурядной личности. О Сперанскомъ написано много книгъ, между которыми лучшая принадлежит барону Корфу. Своимъ вліяніемъ на государя и своимъ положеніемъ Сперанскій былъ обязанъ только самому себѣ, своему уму и талантамъ, такъ какъ по происхожденію онъ былъ человѣкъ „худородный“, сынъ сельскаго

священника, семинаристъ по образованію. Однако, свое семинарское образованіе Сперанскій восполнилъ самостоятельно, путемъ самообразованія, знакомствомъ съ западно-европейской политической литературой и идеалами современной ему западно-европейской жизни. Императоръ Александръ I въ первые годы своего царствованія во многомъ раздѣлялъ взгляды Сперанскаго и даже стремился осуществить ихъ въ дѣйствительности.

Отдѣленіе функціи законодательной отъ административной, и той и другой отъ судебной—считалось въ то время въ Европѣ верховомъ государственной мудрости; отсюда становится понятнымъ и стремленіе Александра I, желавшаго, какъ сказано, водворить законность въ своемъ государствѣ, провести въ жизнь принципъ раздѣленія властей. Не только Сперанскій, но и другіе наиболѣе приближенные къ государю люди были тѣхъ же взглядовъ. Предполагалось обсужденіе законовъ ввѣрить особому выборному учрежденію, такъ называемой „государственной думѣ“; примѣненіе ихъ въ области управленія—министерствамъ, а въ особенности судопроизводства—сенату; вся же, въ совокупности, власть государственная должна была объединяться и сосредоточиваться въ особѣ монарха; необходимымъ органомъ, вспомоществующимъ такому объединенію, долженъ былъ являться государственный совѣтъ, организованный на основаніяхъ, указанныхъ въ самомъ законѣ. Инициатива закона, а равно и утвержденіе каждаго закона, оставались неотъемлемыми правами монарха. Государственный совѣтъ, и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, являлся необходимымъ учрежденіемъ, такъ какъ онъ долженъ былъ подвергать законопроекты всестороннему обсужденію, во-первыхъ, до внесенія ихъ на разсмотрѣніе „государственной думы“ и, такъ сказать, въ моментъ инициативы закона, —во-вторыхъ, по разсмотрѣніи ихъ этимъ учрежденіемъ до утвержденія державной властью. Ни одинъ законъ не могъ получить силы, если онъ не былъ утвержденъ императоромъ, равно какъ не могъ быть обнародованъ и въ томъ случаѣ, когда не получалъ утвержденія „думы“. Отсюда мы видимъ, что законодательную функцію предполагалось обставить надежными гарантіями, при которыхъ государственная власть могла бы дѣйствовать въ дѣлѣ законодательнаго творчества наиболѣе вѣрнымъ и совершеннымъ образомъ. Государственному совѣту была отведена здѣсь надлежащая роль, та именно, которая была свойственна этому учрежденію въ западно-европейскихъ государствахъ.

Въ частности, въ отношеніи государственнаго совѣта, въ проектѣ Сперанскаго было постановлено, что всѣ законопроекты прежде

всего разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и затѣмъ, по повелѣнію верховной власти, вносятся на разсмотрѣніе государственной думы; ни одинъ законъ не могъ получить силы по постановленію совѣта и безъ утвержденія верховной власти. Въ составъ совѣта должны были входить члены по назначенію императора и министры по самому своему званію. Предсѣдательство въ общемъ собраніи возлагалось на императора или на назначеннаго имъ для этой цѣли члена совѣта; число департаментовъ равнялось четыремъ: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ, 3) гражданскихъ, духовныхъ и государственной полиціи, и 4) государственной экономіи. Въ первомъ должны были обсуждаться всякаго рода законы; въ остальныхъ—наиболѣе важныя мѣропріятія по соотвѣтствующимъ вѣдомствамъ, когда они превышали бы степень власти, данной министрамъ и другимъ высшимъ административнымъ или судебнымъ установленіямъ. Кромѣ указанныхъ учрежденій, къ составу государственнаго совѣта предполагалось отнести: 1) „комиссію законовъ“, на обязанности которой должно было лежать составленіе законопроектовъ для внесенія ихъ въ государственный совѣтъ, т.-е. сначала въ департаментъ законовъ, а затѣмъ въ общее собраніе; 2) комиссію прошеній для предварительнаго разсмотрѣнія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя, и 3) государственную канцелярію съ отдѣленіями, соотвѣтствующими департаментамъ совѣта, въ видахъ предварительнаго подготовленія всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, равно какъ и для облеченія въ окончательную форму утвержденныхъ уже постановленій совѣта; законы, утвержденные верховной властью,—сказано въ проектѣ,—должны имѣть по своей формѣ самую высокую степень достоинства, точности и единства.

Изъ вышеизложеннаго видно, что по проекту Сперанскаго изъ государственнаго совѣта должны были переходить на обсужденіе „государственной думы“ только тѣ вопросы, которые разсматривались въ департаментѣ законовъ,—говоря другими словами, только законопроекты,—тогда какъ разнаго рода мѣропріятія, а равно и распоряженія, издаваемые въ видахъ примѣненія и разъясненія законовъ, должны были разсматриваться въ соотвѣтствующихъ департаментахъ государственнаго совѣта безъ переноса ихъ въ государственную думу; вмѣстѣ съ тѣмъ этой послѣдней присвоивалось право привлекать къ отвѣтственности министровъ и другихъ лицъ высшей администраціи за несоблюденіе законовъ. Сперанскій предусмотрѣлъ также и то, какаго

рода вопросы должны были рѣшаться въ законодательномъ порядкѣ ¹⁾).

Извѣстно, что планъ Сперанскаго во всей его полнотѣ не осуществился. Были реорганизованы, какъ увидимъ ниже, лишь государственный совѣтъ и министерства, при томъ же далеко не такъ, какъ предполагалось вначалѣ; ни особой организаціи законодательства, ни политической отвѣтственности министровъ создано не было. Попытка императора Александра I преобразовать весь государственный строй на началахъ строгой законности представляется намъ, несмотря на ея неудачу, актомъ величайшаго значенія, доказательствомъ того, что инициатива самыхъ коренныхъ реформъ можетъ идти сверху, и что для этого требуются лишь благопріятныя условія. Надо сознаться, что такихъ благопріятныхъ условій у насъ въ началѣ XIX вѣка на лицо не было, и потому слѣдуетъ согласиться съ біографомъ Сперанскаго, барономъ Корфомъ, въ томъ, что, „живя жизнью болѣе мыслительной, кабинетною, нежели практической, Сперанскій не чувствовалъ, или скрывалъ отъ себя, что онъ, по крайней мѣрѣ, частью своихъ замысловъ опережаетъ и возрастъ своего народа, и степень его образованности и самодѣятельности; не чувствовалъ, что строить безъ фундамента, т.-е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ ввести будущее въ настоящее“ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, русское общество того времени было почти поголовно необразованнымъ, за исключеніемъ небольшого кружка лицъ, окружавшихъ государя, да нѣкотораго, незначительнаго количества представителей зарождавшейся науки и литературы. Университеты въ это время только что возникали и, слѣдовательно, не успѣли еще обнаружить своего благотворнаго вліянія на умственную жизнь общества.

Чтобы обосновать государственный строй на началахъ законности, необходимо было предварительно устранить самое крупное, многовѣковое беззаконіе—крѣпостное состояніе. Правда, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ поставленъ на очередь, обсуждался и въ непремѣнномъ совѣтѣ, и въ „неофициальномъ комитетѣ“, но, въ концѣ концовъ, дѣло не дало почти никакихъ практическихъ результатовъ, а между тѣмъ безъ проведенія освободи-

¹⁾ Щегловъ, В., Государственный Совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе императора Александра I, 1892 г. I, 843. II, 367.

²⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, 110—111.

тельной реформы нечего было и думать о реорганизации государственного строя въ духѣ законности. Что общество было не подготовлено къ предполагавшейся реформѣ, это доказывается его враждебными отношеніями какъ къ вырабатывавшимся проектамъ, такъ и къ ихъ авторамъ. Еще въ началѣ царствованія, когда дѣлались только разные подготовленія и предположенія о новомъ порядкѣ вещей, общество относилось уже съ крайнимъ недоверіемъ къ реформаторамъ и даже къ самому государю. „Молодость и неопытность членовъ комитета (неофициальнаго),—говорить Стоюнинъ ¹⁾,—возбуждали недоверіе; боязнь новыхъ идей вызвала опасенія. Разнообразные толки о личностяхъ друзей государя были не въ ихъ пользу. О Строгановѣ говорили, что онъ воспитывался въ Парижѣ, въ разгаръ революціи; Новосильцева считали англomanомъ, съ ненавистью смотрящимъ на все русское и мечтающимъ объ англійской конституціи. О самомъ императорѣ говорили, что онъ воспитанъ либераломъ Лагарпомъ“. Но когда выступилъ на поприще государственной дѣятельности Сперанскій, когда сдѣлались извѣстными его конституціонные проекты, то глухой ропотъ перешелъ уже въ открытый. Выразителемъ господствовавшего тогда общественнаго мнѣнія былъ Карамзинъ, который въ своей запискѣ „о древней и новой Россіи“, поданной государю, явился ревностнымъ защитникомъ существовавшего государственнаго порядка и врагомъ либеральныхъ правительственныхъ проектовъ. Въ этой запискѣ Карамзинъ отказываетъ государю въ правѣ измѣнять основные законы и смотритъ на государственную власть съ частно-владѣльческой точки зрѣнія; для историка, конечно, полезно быть хорошимъ государствовѣдомъ, но Карамзинъ жилъ въ такое время, когда ни историческія, ни политическія науки у насъ не получили еще сколько-нибудь значительнаго развитія. Однихъ мнѣній съ Карамзинымъ были и другіе представители консервативнаго настроенія, каковы Державинъ, Шишковъ, Трошинскій. Русское общество, воспитанное въ понятіяхъ крѣпостного права, не было подготовлено къ широкимъ планамъ императора, который, впрочемъ, и не приступилъ къ ихъ осуществленію.

Но, отказавшись отъ коренныхъ преобразованій, правительство начала XIX вѣка нашло возможнымъ и необходимымъ произвести улучшенія въ организаціи высшихъ административныхъ установленій—государственнаго или непремѣннаго совѣта, министерствъ и сената. Согласно этимъ намѣреніямъ и была

¹⁾ Біографъ Алексѣя Ивановича Шипкова.

произведена въ 1810 году реорганизація государственнаго совѣта, на основаніи которой онъ сдѣлался, по преимуществу, законосовѣщательнымъ органомъ, а равнымъ образомъ совѣщательнымъ учрежденіемъ при особѣ государя по дѣламъ высшей администраціи и суда. Разница между государственнымъ совѣтомъ по „проекту“ Сперанскаго и совѣтомъ дѣйствительно образованнымъ, на основаніи особой „записки“ того же Сперанскаго, довольно существенна. Правда, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, государственный совѣтъ объявлялся совѣщательнымъ органомъ по дѣламъ законодательства, управленія и суда, но по „проекту“ онъ долженъ былъ выступать,—по крайней мѣрѣ, по вопросамъ законодательнымъ,—какъ бы посредникомъ между государственной думой и государемъ, подавая послѣднему свои мнѣнія и совѣты по поводу предлагаемыхъ государемъ законопроектовъ до разсмотрѣнія ихъ въ „думѣ“, или же по поводу тѣхъ изъ нихъ, которые были бы въ „думѣ“ уже разсмотрѣны и подлежали бы утвержденію государя. Дѣйствительно организованный государственный совѣтъ, ничѣмъ не отличаясь отъ проектированнаго совѣта, въ качествѣ высшаго совѣщательнаго органа по вопросамъ управленія и суда, получилъ иное значеніе въ отношеніи вопросовъ законодательныхъ, замѣнивши въ этомъ отношеніи государственную думу, но не получивши, однако, никакого самостоятельнаго политическаго значенія. Государственный совѣтъ сталъ существовать, по преимуществу, въ качествѣ законосовѣщательнаго органа. Нельзя, однако, сказать, чтобы „проектъ“ Сперанскаго остался безъ всякаго вліянія на дѣйствительную организацію и значеніе совѣта. Не рѣшаясь организовать самостоятельное законодательное учрежденіе, правительство начала XIX вѣка стремилось создать то, что, по его мнѣнію, было возможно: не придавая государственному совѣту значенія политическаго, оно считало возможнымъ сдѣлать его хотя бы и совѣщательнымъ, но все-же обязательнымъ, необходимымъ или, какъ выразился Александръ I, непремѣннымъ учрежденіемъ, безъ котораго юридически не могло обходиться законодательство. Въ этомъ смыслѣ Сперанскій называлъ его также публичнымъ учрежденіемъ; этимъ же объясняется и формула утвержденія законопроектовъ императоромъ: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта“. Однако, ни въ самомъ законодательствѣ, ни въ послѣдовавшей затѣмъ законодательной практикѣ, мы не находимъ какихъ-либо дальнѣйшихъ подтвержденій того, чтобы совѣтъ дѣйствительно приобрѣлъ и могъ приобрести такое значеніе, какое, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ хотѣли сообщить

ему законодатели начала XIX вѣка. Выраженіе: „внявъ мнѣнію государственнаго совѣта“, никакъ не можетъ обозначать того, чтобы государь долженъ былъ утверждать только тѣ постановленія совѣта, которыя состоялись по большинству голосовъ; еслибы это было такъ, то совѣтъ ничѣмъ не отличался бы, по степени своей власти, отъ проектированной государственной думы. Далеко не всѣ законопроекты разсматривались въ дѣйствительности въ государственномъ совѣтѣ; они обсуждались и въ другихъ установленіяхъ, напр. въ комитетѣ министровъ, въ комитетѣ предсѣдателей государственнаго совѣта, въ разныхъ комиссіяхъ. Да и по самому существу дѣла государственный совѣтъ не могъ быть учрежденіемъ, ограничивающимъ волю верховной власти, такъ какъ состоялъ изъ членовъ, назначаемыхъ носителемъ этой власти. Вотъ почему, несмотря на нѣкоторые неясные признаки, какъ бы указывающіе на „ограничительный“ характеръ государственнаго совѣта первыхъ временъ его существованія, мы думаемъ, что это учрежденіе, съ момента своего возникновенія, существовало лишь въ качествѣ совѣщательнаго органа.

Внѣшняя организація государственнаго совѣта, т.-е. число и названіе его департаментовъ, ихъ составъ, предметы вѣдомства—все это было опредѣлено закономъ въ томъ же видѣ, какъ и предлагалось Сперанскимъ въ его „проектѣ“. Департаментовъ было установлено четыре: 1) законовъ, 2) дѣлъ военныхъ; 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, и 4) государственной экономіи. Эта организація не только почти тождественна съ организаціей совѣта по проекту Сперанскаго, но весьма много напоминаетъ и организацію совѣта непремѣннаго, устроеннаго по плану Трошинскаго. Канцелярія этого совѣта также дѣлилась, какъ мы видѣли, на четыре департамента,—только вмѣсто департамента законовъ стояло учрежденіе, заведывавшее частью иностранною и коммерческою; конечно, это свидѣтельствуетъ о томъ, что по всѣмъ вышеуказаннымъ департаментамъ или отдѣламъ совѣтъ Трошинскаго являлся въ одно и то же время и законосовѣщательнымъ, и административнымъ учрежденіемъ. Комиссія составленія законовъ, комиссія прошеній и государственная канцелярія были организованы по закону такъ же, какъ и въ „проектѣ“ Сперанскаго, съ незначительными лишь видоизмѣненіями. По отношенію къ комиссіи прошеній обращаетъ на себя вниманіе одно постановленіе, въ силу котораго эта комиссія, на-ряду съ другими указанными въ законѣ прошеніями, могла принимать и проекты законовъ отъ частныхъ

лицъ; такіе проекты комиссія должна была отсылать къ соответствующимъ министрамъ, по заключенію которыхъ они и могли получить дальнѣйшее движеніе. Совершенно ясно, что это постановленіе являлось мертвой буквой закона, такъ какъ не соответствовало общему значенію совѣта и было лишь отголоскомъ проектированныхъ, но неосуществившихся, коренныхъ преобразованій.

Государственный совѣтъ, реорганизованный въ 1810 году, занялъ среди другихъ высшихъ установленій болѣе опредѣленное мѣсто, нежели то можно сказать о совѣтахъ XVIII вѣка. Это былъ уже не полу-официальный совѣтъ временщиковъ и фаворитовъ, но государственное, публичное учрежденіе, съ опредѣленной организаціей и точно обозначенными функціями. Въ особенности цѣннымъ слѣдуетъ признать то, что государственный совѣтъ предназначался, главнымъ образомъ, для обсужденія законовъ; въ противоположность предшествовавшему времени, былъ установленъ, слѣдовательно, опредѣленный законодательный процессъ, признанный обычнымъ и нормальнымъ.

Въ этомъ заключалась положительная сторона въ организаціи государственнаго совѣта, выгодно отличавшая его отъ всѣхъ прежнихъ совѣтовъ. Но на-ряду съ этимъ въ совѣтъ могутъ быть указаны и значительные недостатки, обусловливаемые самой его организаціей и развившіеся до значительныхъ размѣровъ въ силу самой житейской практики. Прежде всего невольно бросается въ глаза, въ отношеніи организаціи государственнаго совѣта, отсутствіе какихъ бы то ни было гарантій правильной и успѣшной законосовѣщательной функціи совѣта. Переходъ отъ предположеній къ дѣйствительности оказался слишкомъ уже рѣзкимъ. Если выборная организація законодательнаго органа представлялась нецѣлесообразной и несвоевременной, то устройство законодательнаго учрежденія, повидимому, не должно было встрѣтить какихъ-либо неодолимыхъ препятствій. При существованіи законодательныхъ учрежденій въ странѣ, независимыхъ отъ власти исполнительной и выполняющихъ функцію контроля надъ высшей администраціей, организація государственнаго совѣта, подобная той, которая дана была нашему совѣту въ 1810 году, могла бы и не вызывать какихъ-либо особенныхъ возраженій. При такихъ условіяхъ совѣтъ занимаетъ второстепенное мѣсто; его роль состоитъ въ обсужденіи законопроектовъ съ точки зрѣнія правительственной политики и въ подачѣ своихъ мнѣній монарху, по поводу законопроектовъ, предлагаемыхъ министрами, или же представляемыхъ на его утвер-

женіе по разсмотрѣніи ихъ въ законодательномъ учрежденіи. Этотъ послѣдній органъ заключаетъ уже въ себѣ сравнительно надежныя гарантіи правильной законодательной дѣятельности и снимаетъ съ государственнаго совѣта весьма значительную часть отвѣтственности. Если совѣтчики монарха оказываются не на высотѣ своего положенія, если они не въ состояніи распознать истинныхъ народныхъ интересовъ и дать монарху цѣлесообразныя и правильныя указанія, то таковая ихъ дѣятельность несомнѣнно вредно отражается на законодательномъ процессѣ; но тамъ, гдѣ есть самостоятельныя законодательныя учрежденія, этотъ вредъ значительно парализуется и никогда не можетъ достигнуть тѣхъ размѣровъ, какіе всегда, напротивъ, возможны тамъ, гдѣ государственный совѣтъ является по закону единственнымъ учрежденіемъ, причастнымъ къ законодательной дѣятельности монарха.

Вся организація государственнаго совѣта, данная ему у насъ въ 1810 году, была разсчитана не на тотъ порядокъ вещей, при которомъ она осталась; вся она, почти цѣликомъ, взята изъ проекта Сперанскаго, касавшагося коренной реорганизаціи законодательства и предполагавшаго образованіе „государственной думы“; но проектъ не могъ осуществиться, вслѣдствіе чего и организація государственнаго совѣта, приноровленная къ этому именно проекту и осуществленная въ дѣйствительности, лишена была главнѣйшихъ условій своего правильнаго существованія, — и положительныя результаты дѣятельности совѣта обнаружались въ гораздо меньшей степени, нежели какую можно было бы предполагать и желать. Трудно думать, чтобы Сперанскій не понималъ той глубокой разницы, которая должна была обнаруживаться въ положеніи и значеніи государственнаго совѣта по его проекту, съ одной стороны, и по закону, съ другой. Скорѣе надо предположить, что Сперанскому не была чужда надежда на осуществленіе его проекта хотя бы и значительно позднѣе предположеннаго ранѣе времени. Повидимому, надежду эту имѣлъ и самъ императоръ.

Между тѣмъ недостатки государственнаго совѣта, по данной ему въ 1810 году организаціи, дѣйствительно были весьма существенными, въ особенности невыгодно отражаясь на его законосовѣщательной функціи. Такъ, прежде всего нельзя не видѣть нѣкотораго недостатка въ томъ, что государственный совѣтъ, по своему составу, не отличался вовсе какой-либо опредѣленностью; число членовъ общаго собранія не было установлено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло вести къ умаленію

достоинства совѣта. Вообще же надо сказать, что каждое государственное установленіе, чтобы правильно и законно функционировать, должно имѣть опредѣленный въ самомъ законѣ личный составъ. Затѣмъ, можно было бы предполагать, что законодатель сообщить совѣту хотя нѣкоторую долю публичности и гласности, каковыя свойства несомнѣнно принадлежали бы, и при томъ въ полной степени, „государственной думѣ“; нисколько не приближая государственный совѣтъ къ этой послѣдней, публичность и гласность дѣятельности могли бы сообщить этому учрежденію болѣе вѣса, достоинства и довѣрія. Но на что-либо подобное мы не находимъ въ законѣ даже намека; напротивъ, законодатель установилъ тайну совѣтскихъ засѣданій, о чемъ прямо говоритъ § 56 „образованія государственнаго совѣта“, запрещая сообщать кому-либо внѣ совѣта дѣла, въ немъ разсмотрѣнныя. Если административнымъ установленіямъ пока еще не свойственна публичность ихъ засѣданій, то государственный совѣтъ и не былъ административнымъ установленіемъ; это—органъ законосовѣщательный; обсужденіе законовъ—вотъ его главнѣйшая задача, а такая дѣятельность, по существу дѣла, должна быть публичной. Едва ли надо доказывать, какое огромное воспитательное значеніе для гражданъ могутъ имѣть публичные засѣданія государственныхъ учреждений; но и наоборотъ, та же самая гласность и публичность чрезвычайно благотворительно дѣйствуютъ и на самыя учрежденія.

Участіе министровъ въ государственномъ совѣтѣ надо признать, конечно, весьма полезнымъ, такъ какъ въ рукахъ министровъ должно было сосредоточиться управленіе и исполненіе законовъ, а слѣдовательно и возможность судить о цѣлесообразности законовъ; но отсюда все-же не слѣдуетъ, чтобы въ государственномъ совѣтѣ должны были соединяться какъ законосовѣщательная, такъ и административно-совѣщательная функціи. Обѣ эти функціи по существу своему различны и съ болѣею пользою могли бы быть ввѣрены различнымъ учрежденіямъ. Имѣя дѣло исключительно съ вопросами законодательства, государственный совѣтъ могъ бы значительно выиграть въ отношеніи опредѣленности своей дѣятельности. Если Сперанскій скопировалъ организацію государственнаго совѣта съ французскаго образца, то при этомъ было упущено изъ вниманія, что государственный совѣтъ во Франціи функционировалъ при совершенно другихъ условіяхъ. Впрочемъ, мы видѣли, что и Сперанскій рассчитывалъ не на тѣ условія, при которыхъ въ дѣйствительности пришлось совѣту существовать. Но если въ чемъ обна-

ружилась наиболѣе слабая сторона этого учрежденія, такъ это въ его отношеніяхъ къ другимъ установленіямъ, въ особенности къ министерствамъ. При томъ положеніи, какое заняли министры тотчасъ послѣ реорганизации государственнаго совѣта, значеніе этого послѣдняго, не только въ отношеніи административномъ, но и въ законодательномъ, стало сводиться къ минимуму.

Это обстоятельство было тогда же подмѣчено. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей того времени, Трошинскій, поклонникъ коллегіальной системы, несмотря на то, что совѣтъ былъ основанъ именно на началахъ этой системы, стремился обнаружить недостатки этого учрежденія. Въ частности онъ указывалъ на то, что съ образованіемъ государственнаго совѣта въ дѣла законодательныя не только не внесено правильности и единства, какъ это предполагалось, но что, напротивъ, дѣла эти стали еще менѣе сосредоточенными, нежели ранѣе. Въ особенности Трошинскій порицалъ, и не безъ основанія, тотъ порядокъ, по которому министры получили право испрашивать на все, помимо государственнаго совѣта, непосредственно указы отъ верховной власти. Это дѣлало министровъ законодателями и, кромѣ того, слагало съ нихъ всякую отвѣтственность, а законодательство вступало вновь на тотъ же путь, по которому оно двигалось и ранѣе, до учрежденія государственнаго совѣта. Убѣжденный въ справедливости своихъ указаній, Трошинскій предлагалъ и средства къ уничтоженію недостатковъ и путаницы въ законодательныхъ дѣлахъ. Для этой цѣли онъ совѣтовалъ опредѣлить въ особой инструкціи министрамъ: „1) съ какими именно дѣлами они могли входить съ докладомъ къ государю; 2) какого рода дѣла они должны были вносить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта“. Еслибы правительство послѣдовало этимъ указаніямъ, русское законодательство приобрѣло бы болѣе единства и устойчивости. Къ сожалѣнію, этого не случилось; министрамъ была присвоена слишкомъ большая власть въ законодательныхъ дѣлахъ, внѣ всякаго надъ ними контроля со стороны государственнаго совѣта. Мнѣнія Трошинскаго для насъ въ особенности цѣнны потому, что онъ былъ опытный дѣлецъ и практикъ, хорошо знакомый съ устройствомъ механизма высшей администраціи. Въ правѣ неограниченныхъ министерскихъ докладовъ онъ справедливо усматривалъ опасность для законодательства. „Законы,—говоритъ онъ,—суть драгоценнѣйшее наслѣдіе потомства. Хранителями духа законовъ, направляющаго все къ единой и непремѣнной цѣли, должны быть неизмѣняемыя сословія, строго подчиненныя всей точности кол-

лежскаго обряда. Члены сего сословія должны быть возобновляемы постепенно, дабы духъ законовъ, ими сохранный, безпрестанно возрождался, дабы свѣдѣнія, ими приобретаемыя, сообщались и передавались изъ рода въ родъ и дабы стремленіе къ назначенной цѣли никогда не прерывалось". Въ этихъ словахъ мы видимъ глубокую правду; преклоненіе предъ закономъ, требованіе періодическаго и частичнаго возобновленія личнаго состава государственнаго совѣта, въ особенности же заявленіе о необходимости полной независимости этого учрежденія отъ министровъ, — все это рекомендуетъ Трощинскаго, какъ умнаго и добросовѣстнаго государственнаго дѣятеля, внимающаго въ самую природу государственныхъ учреждений и правильно понявшаго недостатки государственнаго совѣта. Въ своей извѣстной „запискѣ" Трощинскій хорошо характеризуетъ тогдашнее всевластіе министровъ ¹⁾. Было бы ошибочно предполагать, что Трощинскій съ своими взглядами стоялъ особнякомъ; много и другихъ лицъ, и притомъ различныхъ лагерей, сходились во мнѣніяхъ съ Трощинскимъ. Даже Державинъ, несмотря на то, что былъ первымъ министромъ юстиціи, возсталъ противъ образовавшагося порядка вещей, о которомъ онъ въ своихъ запискахъ выражается слѣдующимъ образомъ ²⁾: „И пошла путаница день ото дня болѣе, и стали сами по себѣ приходить законы въ неуваженіе день ото дня болѣе; все пошло по прихотливой волѣ каждаго министра, въ распоряженія коего никто не долженъ былъ вмѣшиваться, и спала съ господъ министровъ всякая обузданность, а потому и забота; стали дѣлать, что кому хотѣлось".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и Державинъ, подобно Трощинскому, указываетъ, главнымъ образомъ, на безконтрольность министровъ и на отсутствіе точныхъ узаконеній, опредѣляющихъ ихъ дѣятельность. Добавимъ къ этому, что тотъ и другой принадлежали къ наиболѣе консервативнымъ слоямъ русскаго общества. Исторіографъ Карамзинъ, принадлежавшій къ тѣмъ же слоямъ, опредѣляя роль и значеніе министровъ, заявлялъ: „Россією правили министры, т.-е. каждый по своей части могъ творить и разрушать". Таково было положеніе министровъ въ началѣ XIX столѣтія, и при подобныхъ условіяхъ, сложившихся не столько въ силу закона, сколько фактически, дѣятельность государственнаго совѣта была поставлена въ самыя узкія и уродливыя рамки. Вмѣсто вопросовъ законодательныхъ, ему была

¹⁾ Записка Трощинскаго. Собрн. Русск. Истор. Общ. 1868. III, 43.

²⁾ Записки Державина, стр. 406.

навязана цѣлая масса дѣлъ судебныхъ, а первенствующее мѣсто по дѣламъ законодательнымъ занялъ комитетъ министровъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы государственный совѣтъ въ первую четверть столѣтія вовсе не занимался законодательными вопросами; такихъ вопросовъ было разсмотрѣно имъ не мало, но все-же въ этой дѣятельности не было ничего опредѣленнаго, и несомнѣнно болѣе значительная часть такихъ вопросовъ была рѣшена помимо государственнаго совѣта.

Такое было положеніе государственнаго совѣта въ первую четверть XIX столѣтія. Наиболѣе интересной представляется, какъ мы видѣли, самая идея этого учрежденія, попытка поставить его въ иныя условія, нежели въ какихъ стояли прежніе совѣты; попытка эта не удалась, и совѣтъ, далеко превзойдя прежніе совѣты по внѣшнимъ формамъ своей организаціи, по существу дѣла, т.-е. въ роли законосовѣщательнаго органа, не былъ болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ прежніе совѣты; можно даже думать, что эти послѣдніе, подчиняясь лишь власти монарха, были болѣе независимыми, нежели государственный совѣтъ, фактически подчинившійся министрамъ, или, по меньшей мѣрѣ, уступившій имъ значительную долю своихъ правъ. Первый періодъ исторіи государственнаго совѣта, какъ бы то ни было, представляется наиболѣе интереснымъ; остальные три четверти вѣка проходятъ для государственнаго совѣта, т.-е. для его внутренней организаціи, для его положенія среди другихъ государственныхъ установленій и для его правъ болѣе или менѣе безслѣдно. Цѣлыя сотни законодательныхъ вопросовъ, несомнѣнно, были разсмотрѣны въ теченіе этого длиннаго періода времени въ государственномъ совѣтѣ. При всемъ томъ, это учрежденіе казалось какъ бы лишеннымъ жизни, ни въ комъ не возбуждая интереса; законы въ немъ разсматривались, но они могли бы съ такимъ же успѣхомъ издаваться и безъ такого разсмотрѣнія, чему, впрочемъ, и было множество примѣровъ.

Періодъ шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ является свѣтлой страницей въ исторіи какъ государственнаго совѣта, такъ и вообще государственной жизни въ Россіи. Въ это время и въ совѣтѣ пла кипучая дѣятельность по обсужденію разнообразныхъ законовъ, кореннымъ образомъ измѣнившихъ строй нашей жизни. Положеніе 19-го февраля 1861 года, Судебные Уставы 1864 года, Земское Положеніе, Городовое, университетскій Уставъ 1863 года и многія другія законоположенія навсегда останутся неизгладимыми памятниками законодательнаго творчества, въ которомъ несомнѣнно и государственный совѣтъ обнаружилъ до-

статочную долю труда и энергіи. Но и послѣдующіе законы восьмидесятихъ и девяностыхъ годовъ, въ большинствѣ случаевъ, прошли чрезъ то же учрежденіе, хотя многіе изъ нихъ имѣли совершенно иной характеръ.

Самая структура государственнаго совѣта, за весь столѣтній періодъ его существованія, оставалась почти безъ всякихъ измѣненій; послѣднія коснулись лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ учрежденій, существовавшихъ въ составѣ совѣта. Такъ, въ 1826 году была упразднена коммиссія составленія законовъ, и всѣ вѣдавшіеся въ ней вопросы перешли въ вѣдѣніе второго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, что, конечно, не могло служить къ увеличенію значенія и важности государственнаго совѣта. Въ 1835 году нѣсколько новое устройство получила „коммиссія прошеній“, организовавшись въ самостоятельное учрежденіе. Въ 1832 году въ государственномъ совѣтѣ былъ образованъ новый департаментъ — дѣлъ царства польскаго, упраздненный въ 1862 году, а въ 1861 году, въ виду освобожденія крестьянъ, въ составу государственнаго совѣта присоединенъ вновь открытый „главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія“, закрытый, въ свою очередь, въ 1882 году, съ передачей вѣдавшихся въ немъ дѣлъ — законодательныхъ въ соотвѣтствующій департаментъ государственнаго совѣта, административныхъ — въ сенатъ и министерство внутреннихъ дѣлъ. Объясняется это, разумѣется, тѣмъ, что, по истеченіи двадцатилѣтняго періода послѣ освобожденія крестьянъ, крестьянское дѣло вошло, такъ сказать, въ обычную и нормальную колею жизни, утративши свой острый характеръ и не вызывая болѣе надобности въ подчиненіи его органамъ верховнаго управленія. Еще ранѣе, въ 1842 году, послѣдовало новое изданіе „учрежденія государственнаго совѣта“, легшее въ основаніе нынѣ дѣйствующей организаціи совѣта, хотя и не произведшее никакихъ существенныхъ измѣненій въ законѣ 1810 года. 15-го мая 1857 года былъ изданъ указъ, въ силу котораго министры и главноуправляющіе должны были входить въ государственный совѣтъ съ представленіями объ отмѣнѣ или измѣненіи существующихъ законовъ не иначе какъ съ Высочайшаго разрѣшенія; въ частности, въ отношеніи военнаго законодательства то же было подтверждено въ 1869 году. Въ царствованіе императора Александра III, въ составѣ государственнаго совѣта вновь былъ образованъ, въ 1882 году, „кодификаціонный отдѣлъ“, подчиненный одному изъ членовъ совѣта, получившему званіе главноуправляющаго; вмѣстѣ съ тѣмъ второе отдѣленіе собственной его императорскаго вели-

чества канцеляріи было упразднено. Главными задачами „кодификаціоннаго отдѣла“ были указаны—разработка свода законовъ и изданія полного собранія законовъ. „Кодификаціонный отдѣлъ“ просуществовалъ до 1894 года, когда кодификаціонная часть была перенесена въ государственную канцелярію, въ которой по этому поводу было образовано новое „отдѣленіе свода законовъ“; при этомъ государственному секретарю вмѣнено было въ обязанность входить съ представленіями въ государственный совѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывалось бы необходимымъ при изданіи свода дѣлать столь существенныя измѣненія, что могъ измѣниться смыслъ законовъ. Въ установленіи такого порядка давно чувствовалась необходимость,—иначе кодификаціонное учрежденіе могло превращаться въ законодательное. Въ 1884 году въ составѣ государственнаго совѣта было образовано „временное присутствіе“ для предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ, подаваемыхъ на постановленія департаментовъ сената; а въ 1889 году на департаментъ дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ была возложена обязанность производства дознанія по поводу донесеній и жалобъ, содержащихъ обвиненія противъ лицъ высшей администраціи въ нарушеніи долга службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ подробно установленъ весь порядокъ отвѣтственности должностныхъ лицъ высшей администраціи. Такъ какъ неудовлетворительность прежняго порядка, за отсутствіемъ самой процессуальной практики въ этой области, ничѣмъ не была доказана, то остается не исполнѣ понятнымъ, какія соображенія заставили законодателя измѣнить этотъ порядокъ. Наконецъ, упомянемъ о томъ, что въ 1900 году изъ предметовъ вѣдомства департамента государственной экономіи были выдѣлены научная часть, а равно промышленность и торговля, и вѣрены вѣдѣнію вновь образованнаго департамента „промышленности, наукъ и торговли“. Хотя такое выдѣленіе, говоря вообще, слѣдуетъ признать цѣлесообразнымъ, такъ какъ кругъ вѣдомства департамента государственной экономіи былъ слишкомъ уже обширенъ, но соединеніе въ одномъ учрежденіи наукъ и промышленности едва ли имѣетъ за себя вѣскія основанія. Съ теоретической точки зрѣнія болѣе правильнымъ было бы соединеніе отдѣла наукъ съ дѣлами духовными.

Таковы главнѣйшія модификаціи въ устройствѣ государственнаго совѣта за весь столѣтній періодъ его существованія.

Въ заключеніе этого очерка мы не можемъ не высказать,

¹⁾ Собр. узак. и распор. 1893, ст. 1203; 1894 г., ст. 101 п. 3.

что нашъ государственный совѣтъ, за истекшій періодъ его существованія, оказалъ не мало услугъ дѣлу законодательства, продолжаетъ оказывать ихъ и нынѣ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ той массы ежегодно публикуемыхъ законоположеній и другихъ постановленій государственнаго совѣта, получившихъ законодательную санкцію. Но продуктивность этого учрежденія значительно могла бы подняться, еслибы въ немъ были произведены нѣкоторыя усовершенствованія и устранены тѣ недостатки, на которые было указано выше. Несовершенства государственнаго совѣта, обнаружившіяся еще при самомъ его возникновеніи въ началѣ XIX-го вѣка, остаются во всей своей силѣ и въ началѣ XX-го вѣка. По этому поводу могутъ замѣтить, что разъ учрежденіе функціонируетъ въ теченіе дѣлаго столѣтія, не вызывая никакихъ замѣшательствъ и выполняя, такъ или иначе, свою задачу,—значить, въ немъ нѣтъ какихъ-нибудь органическихъ недостатковъ,—значить, несовершенства его, если они и имѣются, не играютъ важной роли и не вызываютъ надобности въ измѣненіяхъ. Въ такихъ соображеніяхъ можетъ заключаться значительная доля заблужденія. Не надо забывать, что сила привычки оказываетъ на людей могущественное вліяніе и часто заставляетъ мириться съ неудобствами и невыгодами, лишь бы не пришлось прибѣгать къ отступленію отъ укоренившихся привычекъ и обычнаго, освященнаго временемъ, режима. То же самое касается и государственныхъ учрежденій; люди настолько съ теченіемъ времени могутъ примиряться съ ихъ несовершенствами, что перестаютъ замѣчать ихъ, начинаютъ смотрѣть на нихъ какъ на что-то нормальное, безъ чего, пожалуй, трудно и обходиться. Всякая мысль объ измѣненіяхъ и нововведеніяхъ беспокоитъ и пугаетъ, такъ какъ это можетъ повести къ необходимости отказаться отъ привычнаго режима, а съ другой стороны, такое беспокойство поддерживается и питается неуверенностью въ положительныхъ результатахъ нововведеній. Вотъ почему реформы въ государственныхъ учрежденіяхъ вообще рѣдки, совершаются иногда только вѣками. Намъ думается, что и государственный совѣтъ имѣетъ въ себѣ подобные привычные недостатки, освободиться отъ которыхъ трудно только потому, что они освящены временемъ. Столѣтній періодъ существованія этого учрежденія даетъ, однако, нѣкоторое основаніе предполагать, что улучшения въ его организаціи и въ положеніи среди другихъ установленій могли бы быть признаны своевременными. Мало того, такія улучшения, какъ мы видѣли, уже и начались; такъ, на-ряду съ департаментомъ государственной экономіи, былъ обра-

зованъ департаментъ промышленности, наукъ и торговли, и если, такимъ образомъ, на путь улучшеній уже вступили, то нѣтъ надобности въ этомъ останавливаться и не довести до конца осуществленіе той мысли, которая внушила произведенную уже модификацію въ структурѣ государственнаго совѣта. Можно думать, что въ улучшенияхъ нуждается не тотъ или другой органъ въ совѣтѣ, но прежде всего самъ совѣтъ во всемъ его цѣломъ. Не претендуя на рѣшеніе этого важнаго вопроса и не входя въ разсмотрѣніе какихъ бы то ни было деталей, мы позволимъ себѣ высказать лишь нѣсколько общихъ принципиальныхъ соображеній.

Такъ какъ ст. 1-ая Учрежд. госуд. совѣта говоритъ о томъ, что въ немъ соображаются всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, то этимъ и опредѣляется истинная природа этого установленія. Законосовѣщательная дѣятельность—вотъ задача государственнаго совѣта. Поэтому дѣла исполнительныя и административныя не должны входить въ сферу предметовъ его вѣдомства, за самыми немногими исключеніями, касающимися, напримѣръ, росписи доходовъ и расходовъ и всей вообще смѣтной финансовой части, учрежденія обществъ, пользующихся исключительными привилегіями, и нѣкоторыхъ другихъ. Для рѣшенія вопросовъ административныхъ и судебныхъ, требующихъ утвержденія власти верховной, могъ бы существовать особый „высшій административно-судебный совѣтъ“, въ который могъ бы быть преобразованъ нынѣ существующій „комитетъ министровъ“, съ расширеніемъ его состава и съ раздѣленіемъ его на соотвѣтствующіе департаменты. Отдѣленіе законодательной части отъ административной и судебной могло бы только послужить къ увеличенію достоинства государственнаго совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы содѣйствовать улучшенію самаго законодательства; совѣтъ, освободившись отъ массы сравнительно мелкихъ дѣлъ, могъ бы посвятить свою дѣятельность болѣе основательному и всестороннему обсужденію и разработкѣ общихъ законодательныхъ вопросовъ. Недостатки нашего законодательства нерѣдко заключаются въ томъ, что оно опредѣляетъ иногда самыя мельчайшія подробности въ дѣятельности различныхъ учреждений или должностныхъ лицъ, оставляя безъ вниманія руководящія начала или общія положенія, подъ которыя могли бы быть подведены всѣ соотвѣтствующіе частные случаи. Въ этомъ отношеніи многія части нашего свода законовъ требуютъ коренной переработки. Пока государственный совѣтъ обремененъ массой административныхъ и судебныхъ дѣлъ, цѣль эта не можетъ быть до-

стигнута. Если въ другихъ государствахъ на государственный совѣтъ возложены дѣла административныя и судебныя, на-ряду съ обсужденіемъ законопроектовъ, то не надо забывать, что тамъ онъ играетъ совершенно иную, болѣе второстепенную роль, нежели нашъ государственный совѣтъ.

Что касается современной организаціи государственнаго совѣта, то въ ней могли бы быть сдѣланы нѣкоторыя улучшенія. Такъ, въ настоящее время, по ст. 25 Учр. госуд. сов., въ составъ его входятъ, между другими департаментами, департаментъ военныхъ дѣлъ; между тѣмъ, изъ практики государственнаго совѣта видно, что такого учрежденія вовсе не существуетъ, и дѣла военнаго вѣдомства обсуждаются отчасти въ совѣтахъ военнаго и морского министерствъ, отчасти въ другихъ департаментахъ государственнаго совѣта. Казалось бы, дѣла военнаго законодательства можно было бы ввѣрить тому учрежденію, которое для этой цѣли и существуетъ въ государственномъ совѣтѣ. Далѣе, положеніе департамента законовъ среди другихъ департаментовъ представляется мало опредѣленнымъ; на основаніи той же 25 ст., въ этотъ департаментъ входятъ все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона; отсюда можно было бы заключить, что всѣ другіе департаменты не разсматриваютъ уже вопросовъ законодательныхъ и что здѣсь мы именно и находимъ отдѣленіе вопросовъ законодательныхъ отъ административныхъ и судебныхъ. Такое заключеніе было бы, однако, ошибочнымъ. Департаментъ законовъ—не исключительно законодательное учрежденіе; съ другой стороны, всѣ прочіе департаменты вѣдаютъ вопросы законодательства не въ меньшей степени, чѣмъ и департаментъ законовъ. Такое положеніе послѣдняго департамента не можетъ быть признано нормальнымъ; очевидно, ему должно быть присвоено специальное назначеніе. Кромѣ того, и вообще распредѣленіе предметовъ вѣдомства между отдѣльными департаментами, какъ показываетъ практика государственнаго совѣта, имѣетъ очень мало опредѣленности и недостаточно подчиняется какимъ-либо руководящимъ принципамъ. Въ каждомъ департаментѣ обсуждаются какъ законодательные, такъ и административные вопросы; совершенно одинаковые вопросы разсматриваются иногда въ одномъ, иногда въ другомъ департаментѣ; однородные вопросы разсматриваются въ разныхъ департаментахъ. Въ виду такой неопредѣленности и неразграниченности предметовъ вѣдомства отдѣльных департаментовъ, вошло въ практику, какъ обычное явленіе, соединеніе засѣданій различныхъ департаментовъ въ одно; нерѣдко бываетъ, что соединяются всѣ департаменты; хотя въ

отдѣльных случаяхъ такое соединеніе вполне цѣлесообразно и имѣетъ свои естественныя основанія, но установившійся порядокъ указываетъ уже на наличность нѣкоторыхъ ненормальныхъ явленій; болѣе точное разграниченіе предметовъ вѣдомства, отысканіе въ этомъ отношеніи извѣстныхъ твердыхъ принциповъ принесло бы большую пользу дѣлу законодательства. Даже между департаментами и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта не всегда можно встрѣтить строгое разграниченіе ихъ компетенціи, хотя здѣсь все-же болѣе опредѣленности.

Изъ отдѣльныхъ учрежденій, входящихъ въ составъ государственнаго совѣта, должно обращать на себя наибольшее вниманіе кодификаціонное учрежденіе. Нынѣ кодификаціонная часть ввѣрена отдѣленію свода законовъ въ составъ государственной канцеляріи. Намъ думается, что кодификаціонный органъ не можетъ быть приравненъ къ канцелярскимъ учрежденіямъ; это органъ *sui generis*, и бюрократическая его организація не соответствуетъ сложности и трудности тѣхъ задачъ, осуществленіе которыхъ на него возложено.

Все то, что было сказано относительно недостатковъ государственнаго совѣта по первоначальной его организаціи въ 1810 г., сохраняетъ въ значительной степени свою силу и въ отношеніи современнаго государственнаго совѣта, и въ заключеніе этого очерка мы должны повторить, что столѣтній періодъ существованія въ неизмѣнномъ видѣ этого органа даетъ, повидимому, достаточное основаніе для того, чтобы приступить къ нѣкоторымъ улучшеніямъ. Будемъ надѣяться, что трудное дѣло законодательства въ XX вѣкѣ будетъ поставлено у насъ въ лучшія условія, нежели въ какихъ оно находилось въ теченіе всего XIX вѣка.

В. В. Ивановскій.

Казань.

НОВАЯ ФОРМА СТАРОЙ МЕЧТЫ

— Д. С. Мережковский, Л. Толстой и Достоевский. Сиб., 1901.

Болѣе полувѣка тому назадъ, въ эпоху вѣшняго могущества и внутренняго безсилія Россіи, въ средѣ русскаго общества впервые зародилась мысль о великомъ призваніи русскаго народа, о первенствующей роли, которую ему суждено сыграть въ исторіи человѣчества. Давъ толчокъ усиленному умственному движенію, многое освѣтивъ новымъ свѣтомъ, сослуживъ, тѣмъ самымъ, немалую службу, эта мысль совершила — такъ можно было думать — полный кругъ и отошла въ прошедшее, вмѣстѣ съ вызванною ею группировкой школъ или партій. Оказывается, однако, что она исчезла не совсѣмъ. Мы присутствуемъ теперь при попыткѣ воскресить ее — конечно, въ новой формѣ и на новой почвѣ. „Всемирную идею“ славянофилы находили въ стихійной глубинѣ народнаго духа, въ безсознательно созданныхъ имъ основахъ жизни; теперь ея ищутъ въ русской литературѣ. Новая „вѣра въ будущность Россіи“, провозвѣстникомъ которой, въ названной выше книгѣ, является г. Мережковский, „еще дерзновеннѣе, еще самовластнѣе“, чѣмъ прежняя. Она учитъ, что Россіи предстоитъ соединить „оба края бездны“, до которой дошли съ одной стороны Западъ, въ лицѣ Ницше, съ другой — Востокъ, въ лицѣ Достоевскаго. И тамъ, и тутъ, „вся дорога пройдена, историческій путь конченъ, дальше идти некуда; но когда кончается исторія, начинается религія... Ницше, боров-

шійся, во имя Человѣкобога, съ Богочеловѣкомъ, побѣдилъ ли Его? Достоевскій, боровшійся во имя Богочеловѣка съ Человѣкобогомъ, побѣдилъ ли Его?—вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ все будущее не только русской, но и всемирной культуры“. Мировое противорѣчiе, требующее разрѣшенія, г. Мережковскій усматриваетъ, впрочемъ, не только между Западомъ и Востокомъ, но и въ нѣдрахъ самого Востока: это—противоположность между Л. Толстымъ и Достоевскимъ, между „тайновидцемъ плоти, стремящимся къ ея одухотворенію, и тайновидцемъ духа, стремящимся къ его воплощенію“. Доказать эту противоположность, не исключаящую, впрочемъ, ни близости, ни общаго происхожденія (отъ Пушкина)—такова задача г. Мережковскаго. Въ его трудѣ, только-что вышедшемъ, она исчерпана еще не вся: Толстой и Достоевскій разсмотрѣны здѣсь лишь какъ люди и какъ художники. Оцѣнку ихъ какъ религіозныхъ мыслителей г. Мережковскій даетъ въ статьяхъ, печатаемыхъ теперь въ журналѣ „Міръ Искусства“; онѣ составятъ второй томъ его работы. И теперь уже, однако, критическіе приемы автора обрисовались довольно ясно. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ связи съ конечными цѣлями, къ которымъ они направлены.

Пока писатель или общественный дѣятель не сошелъ въ могилу, характеристика его, *какъ челоѣка*, не можетъ быть законченной и полной. Сколько бы онъ самъ ни говорилъ о себѣ, сколько бы свѣдѣній ни сообщали о немъ близкіе ему люди,—тѣ или другія стороны его внутренней жизни неизбѣжно остаются въ тѣни или ускользаютъ отъ наблюденія. И послѣ смерти, конечно, прижизненная завѣса приподнимается не всецѣло; но она становится прозрачнѣе, поле зрѣнія растетъ, свѣтъ проникаетъ дальше и глубже. Авторъ занимающаго насъ этюда не останавливается передъ затрудненіями, коренящимися въ самой сущности дѣла: онъ старается дать точный портретъ, хотя матеріалы, которыми онъ располагаетъ, достаточны развѣ для неопредѣленнаго эскиза. У Л. Толстого—утверждаетъ, напримѣръ, г. Мережковскій—не было и нѣтъ друзей; онъ любитъ и можетъ любить только самого себя; съ годами увеличивается въ немъ „благоразумная, расчетливая замкнутость, бережливость сердца, совершенная неспособность къ дружбѣ“. Чтò же приводитъ г. Мережковскаго въ такому смѣлому заключенію? Съ одной стороны—размолвки между Тургеневымъ и Толстымъ, съ другой—слова Тургенева, сказанныя мимоходомъ, въ частномъ письмѣ: „Левинъ—эгоистъ до мозга костей“. Явная слабость такихъ фактическихъ данныхъ восполняется безграничнымъ произволомъ предположеній. Пред-

полагается, во-первыхъ, безусловная вѣрность крайне спорнаго опредѣленія: „Левинъ—эгоистъ до мозга костей“; предполагается, дажѣ, полное тожество Левина и Толстого, тогда какъ въ героѣ романа несомнѣнно отразились лишь нѣкоторыя, и притомъ не самыя коренныя черты гораздо болѣе сложной натуры автора; предполагается, наконецъ, что если Толстой не сошелся съ Тургеневымъ, то этимъ устраняется возможность дружбы его съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Догадки г. Мережковского идутъ еще дальше, стремясь проникнуть въ сокрытыя для всѣхъ глубины душевной жизни. Удивляясь тому, что Толстой не откликнулся, по крайней мѣрѣ гласно, на предсмертное письмо Тургенева, г. Мережковский восклицаетъ: „и, какъ знать, не уязвило ли его это письмо, не повторилъ ли онъ въ тайнѣ сердца своего, съ пробуждающею снова неодолимою ненавистью, съ напраснымъ желаніемъ презрѣнія:—я этого человѣка презираю“? Г. Мережковскому извѣстны и причины этой ненависти, этого *напраснаго желанія презрѣнія*. „Тургеневъ“—читаемъ мы нѣсколько дальше—„былъ единственный человѣкъ, съ которымъ Толстой не могъ, какъ со всѣми, ни молчать, ни быть скрытно откровеннымъ; Тургеневъ слишкомъ зналъ, что такое Левинъ, слишкомъ ясно видѣлъ, что никогда никого не можетъ онъ полюбить, кромѣ себя, и что въ этомъ—последній стыдъ, последній страхъ его, въ которыхъ признаться не имѣетъ онъ силы“.

Съ тою же претензіей на чтеніе въ сердцѣ Толстого г. Мережковский изображаетъ и отношеніе его къ Достоевскому. Оплакивая Достоевскаго, съ которымъ ему „не пришлось“ познакомиться лично, Толстой пишетъ, между прочимъ: „на-дняхъ, до его смерти, я прочелъ *Униженные и оскорбленные*—и умилился“. Строгому судѣ не только дѣйствій, но и намѣреній, кажется страннымъ, почему Толстой остановился на одномъ изъ самыхъ слабыхъ произведеній Достоевскаго: „опять досадная случайность“—спрашиваетъ онъ,—„опять *не пришлось*“? Что же дѣлать, однако, если Толстому, въ данную минуту, попался подъ руку именно тотъ, а не другой романъ Достоевскаго? Гдѣ основаніе требовать отъ него критическаго выбора между произведеніями умершаго писателя, разъ что онъ ограничивается простой передачей чувства, вызваннаго въ немъ печальною вѣстью? „Никогда мнѣ не приходило въ голову мѣряться съ Достоевскимъ, низогда“,—говоритъ Толстой въ томъ же письмѣ.—„Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ), было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлалъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ—тоже, но дѣло сердца—только радость“. Что слова, за-

ключенныя въ скобкахъ, указываютъ на существованіе въ дѣлахъ Достоевскаго чего-то нехорошаго, ненастоящаго—это безспорно; но вѣдь опровергать справедливость такого указанія едва-ли рѣшится и г. Мережковскій, несмотря на все пристрастіе его къ Достоевскому. Похвалить Достоевскаго безъ оговора Толстой—именно въ силу своей прямоты—не могъ даже подъ первымъ впечатлѣніемъ тяжелой потери,—а для г. Мережковскаго эта оговорка служить поводомъ сомнѣваться въ искренности Толстого!

Больше, повидимому, оснований для подозрѣній даютъ послѣднія слова приведенной нами цитаты—но только повидимому. Г-ну Мережковскому кажется, что Толстой признаетъ въ Достоевскомъ одно лишь *сердце*, отрицая, тѣмъ самымъ, и умъ его, и искусство. Да, *буквальный* смыслъ словъ допускаетъ, пожалуй, и такое толкованіе—но оно идетъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ, въ которомъ Толстой находился въ 1881-мъ году. Выше всего онъ цѣнилъ именно *сердце*; гдѣ онъ его видѣлъ, тамъ все остальное отступало для него на второй планъ. Сердце Достоевскаго заслонило въ глазахъ Толстого и умъ, и искусство—и еслибы этимъ свойствамъ, взятымъ отдѣльно, и могъ бы позавидовать Толстой, то для зависти не осталось мѣста рядомъ съ преклоненіемъ предъ сердцемъ. Да и самое чувство, которое Толстой, неумолимо строгій къ самому себѣ, называетъ завистью, не есть ли, въ сущности, только недовольство собственными произведеніями, свойственное великимъ художникамъ и возбуждаемое въ нихъ, между прочимъ, созерцаніемъ чужихъ твореній?

Усердно толкуя во вредъ Толстому собственныя его слова, г. Мережковскій столь же охотно обращаетъ противъ него свѣдѣтельства близкихъ къ нему и высоко чтущихъ его людей. Не даромъ же, однако, сложились поговорки, указывающія на опасность дружескихъ услугъ. Удерживая въ памяти и сообщая, затѣмъ, *ubi et ubi* всякое слово, сорвавшееся съ устъ великаго писателя, поклонники его забываютъ, что читать ихъ сообщенія будутъ люди самыхъ различныхъ взглядовъ, и что выслушанное съ наивнымъ восторгомъ можетъ, попавъ въ печать, сдѣлаться предметомъ далеко не восторженныхъ комментариевъ. Чѣмъ интимнѣе бесѣда, тѣмъ легче можетъ отразиться въ ней случайное, мимолетное *настроenie*, ничѣмъ, по внѣшнему виду, не отличающееся отъ *убтожденія*. Отсюда возможность выводовъ безусловно ошибочныхъ, но трудно опровержимыхъ. „Друга я себѣ буду искать между мужчинами“—сказалъ однажды, въ частномъ разговорѣ, Л. Толстой;—„никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, что мы счи-

таемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь это не правда же"! Чтобы правильно оцѣнить значеніе этихъ словъ, нужно было бы знать, когда, по какому поводу, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ они были произнесены, въ какой степени они согласуются или не согласуются со всѣмъ складомъ семейной жизни Толстого—говоря иначе, нужно было бы проникнуть въ такую область, которая не можетъ не оставаться тайной для посторонняго взгляда. Г-нъ Мережковскій поступаетъ гораздо проще: онъ принимаетъ слова Толстого, въ томъ видѣ, въ какомъ они переданы собесѣдникомъ, за полное и окончательное выраженіе взглядовъ Толстого по данному предмету—и раздражается негодоющимъ восклицаніемъ: „счастливейшій семьянинъ, прожившій со своею супругой тридцать-семь лѣтъ душа въ душу, вдругъ, въ концѣ жизни, даетъ понять почти чужому человѣку, что онъ не считаетъ жену свою достойной имени друга"! Мы не хотимъ подробно останавливаться на вопросѣ, котораго лучше было бы не поднимать вовсе—и потому ограничимся замѣчаніемъ, что разгадку *настроения*, выразившагося въ вышеприведенныхъ словахъ Толстого, можно найти, страницей или двумя ниже, въ той же книгѣ г. Мережковского... Другой вопросъ, котораго мы, вопреки примѣру г. Мережковского, также коснемся лишь слегка—это противорѣчіе между ученіемъ Толстого и образомъ жизни его и его семейства. Всестороннее освѣщеніе этого вопроса (насколько онъ имѣетъ общественное значеніе) возможно только въ будущемъ; попытки разрѣшить его на основаніи отрывочныхъ, неполныхъ данныхъ неизбѣжно обречены на неудачу. Совершенно напрасно г. Мережковскій укоряетъ Толстого въ томъ, что, провозгласивъ „суетвѣріе собственности“, онъ не послѣдовалъ примѣру Франциска Ассизскаго или Некрасовскаго Власа—не роздалъ своего имѣнія, не остался „босъ и голъ“. Подвижниками этого типа руководило и руководить либо желаніе искупить свои грѣхи („великимъ грѣшникомъ“ былъ прежде Власъ), либо надежда на неземную награду. Такія побужденія чужды Льву Толстому—и не съ обычной точки зрѣнія, слѣдовательно, нужно смотрѣть на его образъ дѣйствій. Подчеркивая спокойствіе и тишину рабочихъ кабинетовъ Толстого, удобства усвоенной имъ одежды, вкусное приготовленіе его вегетаріанской пищи, разнообразіе формъ, въ которыя облекается его физическій трудъ, г. Мережковскій видитъ въ немъ „современнаго ученика Эпикура“, вѣрно угадавшаго, въ чемъ истинный комфортъ и истинная роскошь. Подобно „другому великому жизнелюбцу и эпикурейцу—папѣ Александру Борджіа,—Левъ Николаевичъ къ старости мо-

лодѣтъ; думая готовиться къ смерти, онъ какъ будто готовится только къ земному безсмертію“... „Радостно узнавать“—сказалъ однажды Толстой—„про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ, настоящій—настоящій, если зажигаетъ“. Эти слова, такъ ясно выражающія собою не авторское славолубіе, а удовлетворенность проповѣдника, чувствующаго, что проповѣдь его проникаетъ въ сердца слушателей,—эти слова напоминаютъ г. Мережковскому другое, болѣе раннее „признаніе“ Толстого: „я не заслужилъ генерала-отъ-артиллеріи, зато сдѣлался генераломъ-отъ-литературы“. „Теперь“—прибавляетъ г. Мережковский—„Толстой могъ бы сказать, что заслужилъ генерала не только отъ литературы, но и отъ новой, грядущей въ міръ, социаль-демократической религіи. И второе повышеніе *выгоднѣе* перваго. Такъ сѣмѣлъ онъ соединить утонченнѣйшую роскошь и нѣгу плоти съ послѣднею роскошью и сладострастіемъ духа—славою“. Говорить такимъ тономъ, приходить къ такимъ выводамъ можетъ, очевидно, только тенденціозный недоброжелатель Толстого. Недоброжелательство г. Мережковского сказывается даже въ мелочахъ: приведя, напримѣръ, рассказъ очевидца о мужикѣ, просившемъ у Толстого жеребенка и получившемъ отказъ, послѣ чего Толстой, „сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко перепрыгнулъ черезъ канаву“, г. Мережковский видитъ въ этомъ прыжкѣ *быстро* Толстого отъ мужика и выражаетъ „боязнъ“, что Толстой былъ въ ту минуту „нѣсколько смѣшонъ“. „О, я слишкомъ чувствую“—восклицаетъ онъ вслѣдъ затѣмъ, впадая въ манеру Достоевскаго,—„что тутъ не одно смѣшное, но и жалкое, и страшное для него и для всѣхъ насъ. И, какъ почти всегда это бываетъ въ современной жизни—чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе“... Въ „Дѣтствѣ“ Толстого Иртеньевъ вспоминаетъ объ ужасномъ крикѣ, которымъ онъ разразился—не отъ горя, а отъ страха,—при видѣ умершей матери. По мнѣнію г. Мережковского, этотъ „безумный крикъ“ никогда съ тѣхъ поръ не умолкалъ въ произведеніяхъ Толстого; душу цѣлаго поколѣнія заразилъ онъ своимъ ужасомъ“. „Страхъ смерти, иногда, можетъ быть, доходящій до трусости“, усиливается въ Толстомъ со времени наступленія „предстарческихъ годовъ, когда люди ощущаютъ всѣмъ своимъ не только духовнымъ, но и плотскимъ составомъ, что до сихъ поръ шли въ гору, а теперь начинаютъ спускаться подъ гору“. Что *мысль о смерти* чаще прежняго приходитъ на умъ въ „предстарческіе годы“—это безспорно, это испыталъ на себѣ и Толстой; но страхъ смерти, сопряженный съ этою мыслью, не былъ у Толстого оборотною стороною жажды

жизни, тѣлесной жизни. Это былъ страхъ отчета передъ самимъ собою, страхъ передъ вопросомъ, какъ прожита жизнь? Г-нъ Мережковский приводитъ изъ „Смерти Ивана Ильича“ тѣ мѣста, въ которыхъ выразился всего ярче „животный, бессмысленный ужасъ смерти“; но онъ забываетъ прибавить, какими нравственными муками усложнился и обострился этотъ ужасъ. Какъ относится къ смерти состарѣвшійся Толстой—это лучше всего видно изъ того, какъ ожидаютъ конца Никита и Брежуновъ въ рассказѣ „Хозяинъ и работникъ“...

Не довольствуясь прошедшимъ и настоящимъ, г. Мережковский заглядываетъ въ будущее Толстого. „Не кажется ли всѣмъ намъ“,—говоритъ онъ, едва ли удачно угадывая общее мнѣнiе,—„что слова и дѣла жизни Толстого для насъ уже не любопытны, незначительны, что мы знаемъ заранѣе, что больше того, что сказалъ и сдѣлалъ, онъ уже не скажетъ и не сдѣлаетъ, и что онъ будетъ жить, какъ жилъ всегда? Но какъ онъ будетъ умирать? Слѣдуетъ ли онъ соединить конецъ своей жизни съ началомъ ея, т.е. змѣнную мудрость старости съ голубиной простотой дѣтства? Спадеть ли съ очей *слѣпного титана* послѣдняя пелена и прозрѣетъ ли онъ окончательно при бѣломъ свѣтѣ смерти“?... „Слѣпымъ титаномъ“ г. Мережковский назвалъ Толстого не случайно, не для красоты слога. Титанъ—язычникъ, а душа Толстого—„урожденная язычница“. Титанъ—слѣпой, а „одна изъ важнѣйшихъ причинъ надломленности, болѣзненности въ нравственномъ и религіозномъ развитіи Толстого—недостатокъ, незавершенность сознанія“. Въ Толстомъ вѣчно спорятъ два лица: одно изъ нихъ—„всегда дѣйствующее, но мало говорящее о себѣ и еще менѣе себя сознающее“—отразилось всего ярче въ дядѣ Ерошкѣ („Казаки“), обладающемъ „древнею до-человѣческой мудростью, бездонно ясною и въ то же время темною душой лѣснаго полубога-полузвѣря, фавна или сатира“. „Ни въ комъ, кажется“—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—„чистая животная радость плотской жизни, знакомая древнимъ, теперь сохранившаяся только у дѣтей, не выражалась съ такою откровенною, первобытною и невинно-безстыдною обнаженностью, какъ въ Толстомъ“. Ошибку и несчастье Толстого г. Мережковский видитъ въ томъ, что онъ не хочетъ сознать истинныя свойства своей природы и борется съ нею, безцѣльно и безнадежно. Онъ никогда никого не любилъ, кромѣ себя, но „даже и себя не дерзнулъ любить послѣднею безстрастною и безстрашною любовью“; а между тѣмъ, „эта любовь къ себѣ, къ себѣ одному“, эта „животная и вмѣстѣ съ тѣмъ божественная любовь къ плоти“

была бы „святою, еслибы только онъ любилъ себя до конца, т.-е. любилъ себя не для себя, а для Бога, такъ же вѣдь, какъ и другихъ велѣлъ Господь любить не для нихъ самихъ, а для Него“. „Пойметъ ли онъ, наконецъ“ — восклицаетъ г. Мережковский, — „что нѣтъ высшаго и низшаго, что это два противоположныхъ и равно-истинныхъ пути, ведущихъ къ одному и тому же; что это, въ сущности, даже и не два пути, а одинъ, только до времени кажущійся двумя, что не противъ и не отъ земли, а только черезъ землю можно придти къ неземному, не противъ и не безъ плоти, а только черезъ плоть—къ тому, что за плотью?“ Если признать, что „кромѣ христіанской святости духа существуетъ языческая или, по крайней мѣрѣ, ветхозавѣтная святость плоти, не отмѣненная, а только преображенная Словомъ“, — то жизнь Толстого „представится стройною, цѣлостною, прекрасною, *благолѣпною*“. Болѣзненныхъ противорѣчій въ ней нѣтъ; они обнаруживаются только при сравненіи „совершенной языческой жизни Толстого съ его несовершеннымъ христіанскимъ сознаніемъ; дѣла его обличаются не дѣлами, а только словами и мыслями“.

Отъ Толстого какъ человѣка г. Мережковский переходитъ къ Толстому какъ художнику. Первая отличительная черта, которую подмѣчаетъ критикъ—это свойственное Толстому *ясное видѣніе плоти*: „кажется, во всемірной литературѣ нѣтъ писателя, равнаго Толстому въ изображеніи человѣческаго тѣла посредствомъ слова“. Одинаково глубоко онъ проникаетъ и въ „ту сторону плоти, которая обращена къ духу, и въ ту сторону духа, которая обращена къ плоти“—другими словами, въ область „душевнаго человѣка“, составляющаго, по ученію александрійской философской школы и апостола Павла, „соединительное звено“ между „человѣкомъ тѣлеснымъ“ и „человѣкомъ духовнымъ“... Когда изображаемое имъ дѣйствіе происходитъ не въ наше время, Толстому совершенно не дается его „историческая окраска“; воздухъ, которымъ мы дышемъ въ „Войнѣ и мирѣ“ и въ „Аннѣ Карениной“—одинъ и тотъ же... Природу Толстой любитъ „какъ живоотно-стихійное продолженіе своего собственнаго существа, безъ восторженнаго трепета, тою великою трезвою любовью, которою любили ее древніе“. „Отношеніе Толстого къ природѣ“—читаемъ мы нѣсколько дальше—„двойственное: для его сознанія, желающаго быть христіанскимъ, природа есть нѣчто темное, злое, звѣриное или даже бѣсовское; для его безсознательной языческой стихіи человѣкъ сливается съ природой, исчезаетъ въ

ней, какъ капля въ морѣ"... Въ главныхъ произведеніяхъ Толстого „чувствуются два склада рѣчи, два языка, два теченія, которыя стремятся рядомъ, соприкасаясь, но никогда не смѣшиваясь, какъ масло съ водою. Тамъ, гдѣ изображаетъ онъ дѣйствительность, въ особенности живоотно-стихійнаго, *душевнаго* человѣка, языкъ его отличается такою простотою, силою и точностью, какихъ русскій языкъ, можетъ быть, никогда и ни у кого еще не достигалъ... Но только-что начинается отвлеченная психологія не *душевнаго*, а *духовнаго* человѣка, съ Толстымъ происходитъ нѣчто странное: *il dégingole affreusement* (слова Флобера), языкъ его какъ будто сразу истощается, изсякаетъ, изнемогаетъ, блѣднѣетъ, хочетъ и не можетъ. Изображенія религиозныхъ и нравственныхъ переворотовъ выдѣляются на основной тѣани произведенія такъ рѣзко, какъ заплаты. Ихъ можно бы сократить или даже вовсе исключить не только безъ ущерба, но съ выгодой для архитектурной стройности всего произведенія"... Съ теченіемъ времени герои Толстого становятся все менѣе и менѣе рельефны: Иртеньевъ ближе намъ и яснѣе, чѣмъ Безуховъ, Безуховъ—чѣмъ Левинъ, Левинъ—чѣмъ Позднышевъ, Позднышевъ—чѣмъ Нехлюдовъ; послѣдній—вовсе не живое лицо, а „нравственно-религіозная посылка для нравственно-религіознаго вывода"... „Изображенія человѣческихъ личностей у Толстого напоминаютъ тѣ полувыпуклыя человѣческія тѣла на горельефахъ, которыя, кажется иногда, вотъ-вотъ отдѣлятся отъ плоскости, въ которой изваяны, и которая ихъ удерживаетъ; но это—обманъ зрѣнія: никогда не отдѣлятся они окончательно, изъ полукруглыхъ не станутъ совершенно круглыми—никогда не увидимъ мы ихъ съ другой стороны". Иногда можно думать, что еще нѣсколько ударовъ рѣзца—и человѣческій обликъ изваялся бы вполне: но въ эту минуту человѣкъ сходитъ со сцены—или его первое, знакомое намъ лицо заслоняется, поглощается *вторымъ* (умираніе князя Андрея, визгъ Наташи во время удачной охоты и, тѣмъ болѣе, превращеніе, совершающееся въ ней послѣ свадьбы). Въ Аннѣ Карениной мы видимъ только влюбленную женщину и ничего не знаемъ „о корняхъ ея существа, уходящихъ въ русскую землю". „Она ясна для насъ не болѣе, чѣмъ лошадь Вронскаго, Фру-Фру, у которой также есть своя *ночная душа*, свое стихійно-животное *лицо*"... „Послѣднее обнаженіе человѣка отъ всего человѣческаго" граничитъ иногда у Толстого съ безцѣльною и злорадною жестокостью. Онъ „не довольствуется страшнымъ, онъ ищетъ до конца оголяющаго, циническаго, смѣшнаго

и страшнаго вмѣстѣ“ („хрюканье“ татарина и стоны Курагина во время или послѣ операціи; „мороженная туша“ и „раскорячившіяся“ ноги замерзшаго Брежунова; встающій съ судна Иванъ Ильичъ)... Въ произведеніяхъ Толстого „нѣтъ характеровъ, нѣтъ личностей, нѣтъ даже дѣйствующихъ лицъ, а есть только созерцающія, страдающія,—нѣтъ героевъ, есть только жертвы... А такъ какъ нѣтъ героевъ, то нѣтъ и трагедіи, нѣтъ и объединяющей развязки,—того, что древніе называли катастрофою. Въ океанѣ безбрежнаго эпоса все волнуется, движется, все рождается, живетъ, умираетъ и снова рождается—безъ конца, безъ начала. И какъ нѣтъ освобождающаго ужаса, такъ нѣтъ освобождающаго смѣха. Ни разу, читая произведенія Толстого, не только не разсмѣешься, но и не улыбнешься“. Въ произведеніяхъ Толстого „душно отъ плоти и крови“; „слишкомъ все—плотское, плотяное, кровавое, мясистое“. Въ этой подземной глубинѣ есть выходъ въ другую половину міра, въ другое небо: это—признаніе „святости всякаго тѣла, духовности всякой плоти“. Повидимому, „еще одна ступень, одно усиліе“—и „подземный выходъ окончательно открылся бы Толстому; онъ понялъ бы, что небо внизу и небо вверху—одно и то же небо, что тайна плоти и тайна духа—одна и та же тайна. Но этого шага онъ не сдѣлалъ—изнемогъ, испугался, затосковалъ о небѣ подземномъ, повернулъ назадъ и устремился отъ того, что казалось ему язычествомъ, къ тому, что кажется ему христіанствомъ, отъ духовнаго тѣла къ безтѣлесной духовности, отъ святой плоти къ безплотной святости, отъ воскресенія плоти къ умерщвленію плоти. Все, что создано было его творческимъ ясновидѣніемъ, захотѣлъ онъ уничтожить своимъ сознаніемъ“.

Послѣднее слово г. Мережковскаго о Толстомъ какъ художникѣ совпадаетъ, такимъ образомъ, съ послѣднимъ словомъ его о Толстомъ какъ человѣкѣ. Посмотримъ, какимъ путемъ достигнуто это совпаденіе. Безспорно, Толстой—великій мастеръ въ изображеніи человѣческаго тѣла; но въ тѣхъ же лицахъ и эпизодахъ, которыми г. Мережковский иллюстрируетъ это положеніе, нетрудно найти доказательства тому, что не менѣе свободно Толстой читаетъ и въ книгѣ человѣческаго духа. Каратаевъ, напримеръ—не только олицетвореніе *круглости* (круглая фигура, круглая голова, круглые глаза, даже что-то круглое въ запахѣ), но глубоко и своеобразно чувствующее *мио*. Зачѣмъ намъ знать, „досадовалъ ли онъ когда-нибудь на кого-нибудь“, „взглянулъ

ли онъ хоть разъ на одну женщину не такъ, какъ на другихъ"? Къ его характеристикѣ это не прибавило бы ни одной цѣнной черты. Онъ не святой и не подвижникъ, но его натура, несмотря на возможные и неизбежные грѣхи, сохранила свою первобытную чистоту — и этого для насъ довольно. У такихъ людей, какъ Каратаевъ, нѣтъ исторiи; настоящее сливается для нихъ въ одно цѣлое съ прошедшимъ. Г-нъ Мережковский не находитъ у Толстого отвѣта на вопросъ, вставилъ ли Каратаевъ хоть однажды свое собственное слово въ пословицы, изъ которыхъ слагается его рѣчь? Этотъ вопросъ не требуетъ отвѣта: *собственностью* Каратаева является самый *подборъ* пословицъ, несомнѣнно принадлежащій лично ему и только ему. А развѣ не индивидуальная черта — „характеръ торжественнаго благообразiя“, который получали въ рѣчи Каратаева самыя простыя событiя?... Приведемъ отрывокъ изъ сцены убiйства Верещагина, г. Мережковский восклицаетъ: „ни слова о внутреннемъ душевномъ состоянiи жертвы, но на пяти страницахъ восемь разъ повторено слово *тонкій* въ разнообразныхъ сочетанiяхъ (тонкая шея, тонкiя ноги, тонкiе сапоги и т. д.) — и этотъ внѣшнiй признакъ вполнѣ изображаетъ внутреннее состоянiе Верещагина, его отношенiе къ толпѣ“. Преувеличивая значенiе „внѣшняго признака“, г. Мережковский проходитъ мимо такихъ мѣстъ, которыя прямо указываютъ на внутреннее состоянiе жертвы: „молодой человѣкъ, *вздыхнувъ, покорнымъ жестомъ* сложилъ передъ животомъ тонкiя, нерабочiя руки... Верещагинъ подымаетъ лицо и *старается поймать взглядъ Росточина*... Графъ! — проговорилъ робкiй и *вмѣстѣ съ тѣмъ театральный голосъ* Верещагина“. *Бллая рука* Сперанскаго, *сухiя руки* старика Болконскаго, *короткая верхняя губка* княгини Болконской — всѣ эти „внѣшнiе признаки“, какъ бы они ни были характерны, не заслоняютъ ни отъ Толстого, ни отъ читателей „внутреннее состоянiе“ дѣйствующихъ лицъ. Какъ глубоко заглядываетъ Толстой даже въ душу людей, выводимыхъ на сцену лишь мимоходомъ — объ этомъ можно судить по Рябинину, покупающему лѣсъ у Стивы Облонскаго. Мы видимъ все типичное въ его наружности, въ его костюмѣ; — но Толстому этого мало: двумя штрихами, проникающими дальше и глубже, онъ дорисовываетъ фигуру „хищника“, народившагося въ семидесятые годы. „Изволили потѣпаться охотой? Это какая птица будетъ? — сказалъ Рябининъ, презрительно глядя на вальдшнеповъ; — вкусъ, значить, имѣеть. — И онъ неодобрительно покачалъ головой, какъ бы сильно сомнѣваясь въ томъ, чтобы эта овчинеа стояла выдѣлки... Войдя въ кабинетъ, Рябининъ осмотрѣлся по привычкѣ,

какъ бы отыскивая образъ, но, найдя его, не перекрестился. Онъ оглядѣлъ швабы и полки съ книгами, и съ тѣмъ же сомнѣніемъ, какъ и насчетъ вальдшнеповъ, презрительно улыбнулся и неодобрительно покачалъ головой, никакъ уже не допуская, чтобы эта овчинка могла стоить выдѣлки. Такихъ примѣровъ у Толстого найдется немало.

Вопросъ о томъ, есть ли въ „Войнѣ и мирѣ“ „историческая окраска“, очень интересенъ самъ по себѣ; но мы коснемся его лишь слегка, потому что онъ меньше другихъ связанъ съ общими выводами автора. „Въ Декамеронѣ Боккаччіо“—говоритъ г. Мережковский—„пахнетъ Италіей ранняго возрожденія, въ „Панѣ Таудешѣ“ Мицкевича—Литвою начала XIX-го вѣка, въ „Евгеніи Онѣгинѣ“—Россіей тридцатыхъ годовъ“; въ „Войнѣ и мирѣ“ нѣтъ специфическаго запаха русскаго общества временъ Александра I-го. Не сравниваются ли здѣсь несоизмѣримыя величины? Въ „Декамеронѣ“, „Панѣ Таудешѣ“, „Евгеніи Онѣгинѣ“, авторы изображаютъ современныхъ имъ людей, современное имъ общество; въ „Войнѣ и мирѣ“ описывается эпоха, закончившаяся еще до рожденія Толстого. Понятно, что никакое дарованіе не въ силахъ воспроизвести во всей полнотѣ и свѣжести жизнь, давно ставшую достояніемъ прошедшаго. Чтò можно было сдѣлать на основаніи письменныхъ и устныхъ свидѣтельствъ, соединенныхъ и одухотворенныхъ творческою фантазіей, то сдѣлано Толстымъ въ его великомъ историческомъ романѣ. Князь Андрей едва ли можетъ быть признанъ слишкомъ утонченнымъ и сложнымъ, если вспомнить, что онъ—современникъ Александра I-го, этой по истинѣ „загадочной натуры“. „У Левина“—говоритъ г. Мережковский—„нѣтъ ни одного религіознаго сомнѣнія, которое могло бы остаться чуждымъ и непонятнымъ Пьеру Безухову“. Допустимъ, что это такъ; но развѣ источники и формы религіозныхъ сомнѣній были такъ различны въ первой и въ третьей четверти XIX-го вѣка?.. А крѣпостной строй, какимъ онъ представленъ въ „Войнѣ и мирѣ“—еще почти не тронутый критическою мыслью, наивно воспринимаемый на вѣру тысячами такихъ людей, какъ Ростовы—развѣ онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Образцы для своихъ военныхъ фигуръ Толстой нашель, можетъ быть, отчасти въ своемъ личномъ опытѣ, т.-е. въ арміи пятидесятыхъ годовъ; но если въ это время были еще возможны полковые командиры въ родѣ Богданыча, офицеры въ родѣ Телянина или Тимохина, то отсюда еще не слѣдуетъ, что ихъ не было въ началѣ вѣка. Наташу Ростову, по мнѣнію г. Мережковскаго, трудно

представить себя въ костюмѣ нашихъ прабабушекъ; мы думаемъ, наоборотъ, что именно ей этотъ костюмъ особенно къ лицу, потому что подъ нимъ чаще, чѣмъ подъ болѣе поздними модами, скрывалась „радость жизни“, не тронутая ни заботой, ни раздумьемъ.

Говоря о взглядѣ Толстого на природу, г. Мережковский впадаетъ въ противорѣчiе съ самимъ собою: „двойственное отношенiе“ къ природѣ несомнѣннo съ „трезвою любовью“, видящую въ ней „животно-стихийное продолженiе собственнаго существа“. Невѣрно и то, что во всемъ связанномъ Толстымъ о природѣ „нѣтъ ничего призрачнаго, сумеречно-звѣзднаго, мерцающаго, ничего сказочнаго, волшебнаго и чудеснаго“. Съ удивительной силой таинственное общенiе природы и человѣка выступаетъ, напримѣръ, въ описанiи той лѣтней ночи, которая рѣшила участь Левина. „Какъ красиво!—подумалъ Левинъ, глядя на стройную, точно перламутровую раковину изъ бѣлыхъ барашковъ-облачковъ, остановившуюся надъ самою головой его по срединѣ неба.—И когда успѣла образоваться эта раковина? Недавно я смотрѣлъ на небо, и на немъ ничего не было—только двѣ бѣлыя полосы“. Нѣсколько минутъ спустя, послѣ встрѣчи съ Кнiti, Левинъ „взглянулъ на небо, надѣясь найти тамъ ту раковину, которою онъ любовался. На небѣ не было и слѣда раковины, а былъ ровный, разстланный по цѣлой половинѣ неба коверъ все уменьшающихся и уменьшающихся барашковъ. Небо поглубѣло и просiяло; и съ тою же нѣжностью, но и съ тою же недостигаемостью отвѣчало на его вопрошающiй взглядъ“. А вотъ, въ „Семейномъ счастьѣ“, изображенiе одной изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда теряется сознание границы между дѣйствительностью и мечтою, когда давно знакомое производитъ впечатлѣнiе чего-то удивительнаго и новаго: „въ аллеяхъ свѣтъ и тѣни сливались такъ, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, болыающимися и дрожащими домами... Когда я смотрѣла впередъ по аллеѣ, по которой мы шли, мнѣ все казалось, что туда дальше нельзя было идти, что тамъ кончался мiръ возможнаго, что все это навсегда должно быть заковано въ своей красотѣ. Но мы подвигались, и волшебная стѣна красоты раздвигалась, впускала насъ... снова замыкалась, и я переставала вѣрить въ то, что можно идти еще дальше, переставала вѣрить во все, что было“. И во всемъ этомъ нѣтъ ничего мерцающаго, волшебнаго, чудеснаго? Если такихъ описанiй у Толстого мало, то не проще ли объяснить это тѣмъ, что онъ, подобно Константину Левину, не любилъ и не любитъ „говорить и слушать про

красоты природы“, такъ какъ „слова снимаютъ для него красоту съ того, что онъ видитъ“?

Настойчиво утверждая, что въ изображеніи *духовнаго* человека Толстому измѣняетъ дарованіе художника, г. Мережковский приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, дѣйствительно не блещущихъ внѣшней красотой. Чтобы сдѣлать изъ нихъ тотъ выводъ, къ которому приходитъ г. Мережковский, необходимо было бы, однако, доказать: 1) что въ области, въ которой, и только въ которой, коренится, будто бы, вся сила Толстого, форма изложенія у него *всегда* одинаково совершенна; 2) что такой высоты онъ *никогда* не достигаетъ въ сферѣ психологій „духовнаго“ человека, и 3) что тяжеловѣсности языка соответствуетъ блѣдность, незначительность содержанія. Ни одного изъ этихъ тезисовъ г. Мережковский не доказалъ—и доказать, думается намъ, не можетъ. Ту самую небрежность языка, въ которой г. Мережковский видитъ неспособность Толстого справиться съ чуждой ему задачей, легко найти и тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чемъ-нибудь чисто житейскомъ, о „душевномъ“ человекѣ; и тамъ попадаетъ накопленіе союзовъ *что, чтобы*, которое такъ не нравится г. Мережковскому въ психологическихъ экскурсахъ Толстого. Вотъ, напримѣръ, двѣ фразы, занимаемыя нами изъ чуднаго описанія охоты въ „Войнѣ и мирѣ“: „Николай былъ польщенъ тѣмъ, *что* дядюшка, послѣ всего, *что* было, еще удостоиваетъ говорить съ нимъ... Не видно было, *чтобы* цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, *чтобы* не было пятенъ“. Въ „Аннѣ Карениной“ о мысляхъ Левина по поводу большихъ домашнихъ расходовъ говорится такъ: „онъ былъ недоволенъ, но не тѣмъ, *что* денегъ вышло много, а *что* ему напоминаютъ *то, о чемъ* онъ, зная, *что* въ этомъ *что-то* не ладно, желаетъ забыть“. Встрѣчаются, при такихъ же условіяхъ, и прямо неправильныя выраженія: „конвойные, какъ бы боясь въ томъ горестномъ положеніи, въ которомъ они сами находились, не отдаться бывшему въ нихъ чувству жалости къ плѣннымъ и тѣмъ ухудшить свое положеніе, особенно мрачно и строго обращались съ ними“ („Война и миръ“)... „Въ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ по дѣлу, никто не могъ объяснить ему, для чего они существуютъ“ („Анна Каренина“). Наоборотъ, глава, изображающая кризисъ въ образѣ мыслей Левина, принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ, по формѣ, страницъ „Анны Карениной“; многотажныхъ предложеній здѣсь почти нѣтъ, все такъ же прозрачно по формѣ, какъ ясно по мысли. Иногда запутанность, неуловимость рѣчи объясняется настрое-

ніемъ говорящаго; приведенныя г. Мережковскимъ слова Пьера, съ ихъ: „въ томъ, что то, что“, сказаны, напимѣрь, въ бесѣдѣ съ княземъ Андреемъ, всегда, а на этотъ разъ въ особенности, приводившимъ Пьера въ нѣкоторое смущеніе. И въ этомъ видѣ, притомъ, рѣчи Пьера производятъ именно то впечатлѣніе, которое хотѣлъ произвести авторъ. Небрежность языка, растущая по мѣрѣ измѣненія взглядовъ автора на искусство, не мѣшаетъ „Воскресенію“ быть однимъ изъ самыхъ сильныхъ созаданій Толстого. Какъ и Достоевскій, Толстой показалъ наглядно, что въ литературѣ, вопреки извѣстному юридическому афоризму, la forme n'emporte pas le fond—конечно, если недостатки изложенія выкупаются глубиною мысли и чувства.

Сравнивая фигуры Толстого съ горельефными изображеніями, г. Мережковскій жалѣетъ о томъ, что мы никогда не видимъ *другой* ихъ стороны. Это сравненіе легко обратить противъ г. Мережковского: подобно тому, какъ въ нашему впечатлѣнію отъ горельефной фигуры ничего не прибавило бы созерцаніе ея спины, мы ничего не теряемъ отъ того, что не все узнаемъ о герояхъ Толстого. Мы видимъ все, что въ нихъ есть существеннаго и важнаго—и этого достаточно. Анна Каренина не стала бы намъ понятнѣе и ближе, еслибы Толстой познакомилъ насъ съ ея взглядами на искусство, на природу. Изъ какаго быта, изъ какой культуры она вышла—на это съ достаточною ясностью указываетъ уже то, что она сестра Стивы Облонскаго и жена Каренина. Отыскивать ея „корни, глубоко уходящіе въ русскую землю“, было бы напрасно; какъ справедливо замѣчаетъ г. Мережковскій, она вся — любовь, а въ такой любви, какаю владѣетъ Анной, всего меньше національнаго, обусловленнаго временемъ и мѣстомъ. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что „второе лицо“ у героев Толстого слишкомъ часто и слишкомъ скоро заслоняетъ собою первое. Образъ князя Андрея, какимъ мы его видимъ на Бородинскомъ полѣ, не требовалъ никакой дорисовки; картина его послѣднихъ дней, поразительная сама по себѣ, не вызываетъ въ насъ сожалѣнія о чемъ-то недодѣланномъ, недосказанномъ. Визгъ Наташи во время охоты кажется г. Мережковскому взрывомъ первобытной страсти, искажающимъ знакомыя намъ прелестныя черты; мы думаемъ, что болѣе правы были охотники, слышавшіе этотъ визгъ и не удивившіеся ему именно потому, что сами переживали настроеніе Наташи. Ея визжанье — просто крайнее выраженіе „радости жизни“, наполняющей собою молодое, полное силъ существо. Не видимъ мы ничего „неожиданнаго“, никакой замѣны одного

„лица“ другимъ и въ превращеніи Наташи въ „плодовитую самку“, какою она является въ концѣ романа. Такія превращенія встрѣчаются и до сихъ поръ—и, конечно, встрѣчались еще чаще три четверти вѣка тому назадъ, въ глуши крѣпостной деревни.

Въ произведеніяхъ Толстого, если вѣрить г. Мережковскому, „нѣтъ характеровъ, нѣтъ личностей, нѣтъ героевъ,—есть только жертвы“; эпосъ никогда не переходитъ въ трагедію, нѣтъ ни освобождающаго ужаса, ни освобождающаго смѣха. Если князь Андрей, его отецъ, Левинъ, Вронскій, Каренинъ—не характеры, если Николай Ростовъ, Денисовъ, Долоховъ—лица не дѣйствующія, а созерцающія, страдающія, если въ судьбѣ Анны Карениной нѣтъ ничего трагическаго, если Стива Облонскій не вызываетъ улыбки, если можно читать безъ смѣха исторію Васеньки Весловскаго, изгоняемаго Левинымъ,—то г. Мережковский правъ; едва ли только многіе согласятся съ послылками, на которыхъ основанъ его выводъ. Если изображеніе жизни такою, какою она есть, безъ покрововъ, набрасываемыхъ на ея язвы, при яркомъ сіяніи дня, не оставляющемъ мѣста для искусственнаго освѣщенія, можно считать „безцѣльною, злорадною жестокостью“, то въ такой жестокости Толстой несомнѣнно повиненъ, какъ повиненъ въ ней и Верещагинъ въ своихъ военныхъ картинахъ. Неужели, однако, жестоки, да еще *злорадно* жестоки, тѣ, которые наносятъ рѣшительный ударъ рутинѣ, оправдывающей или замалчивающей жестокость? Неужели Толстой поступалъ *безцѣльно*, когда, начиная уже съ севастопольскихъ очерковъ, не скрывалъ реальныхъ, прозаичныхъ, но тѣмъ болѣе страшныхъ „ужасовъ войны“? И что смѣшнаго въ „хрюканіи“ татарина или въ рыданіяхъ Курагина, разъ что въ нихъ звучитъ крайняя степень невыносимой муки? Не смѣшны были древнимъ грекамъ крики Филоклетта; не смѣшны и намъ всѣ эти „ухъ! ухъ! ухъ!“ или „о-о-о“, доносящіеся до насъ изъ перевязочной палатки. Чтобы судить о томъ, насколько Толстой „ищетъ до конца оголяющаго, циническаго“, стоитъ только сравнить „Смерть Ивана Ильича“ съ симфоніей сыровъ въ „Ventre de Paris“ или съ нѣкоторыми сценами въ „Assommoir“. Золѣ дѣйствительно *ищетъ* дурныхъ запаховъ, старается вызвать въ читателяхъ ихъ ощущеніе, подолгу останавливается на грязномъ и гадкомъ; Толстой ни передъ чѣмъ не отступаетъ, но всего касается лишь въ предѣлахъ необходимаго и не отдѣляетъ физическихъ ощущеній отъ нравственной боли. Г-ну Мережковскому *душно*, когда онъ читаетъ Толстого,—„душно отъ плоти и крови, отъ чело-

вѣческаго мяса". Не говоримъ уже о томъ, въ какой степени эпитетъ: *душно*, применимъ къ той массѣ воздуха и свѣта, которая называется „Войной и миромъ“, или „Анной Карениной“; возьмемъ хотя бы „Смерть Ивана Ильича“, дѣйствіе которой все происходитъ въ комнатѣ больного—и спросимъ себя, чувствуется ли въ ней запахъ „человѣческаго мяса“? Нѣтъ; насъ слишкомъ занимаютъ страданія человѣческой души, слишкомъ поздно очнувшейся и прозрѣвшей; слышимъ, чѣмъ вопль: „у-у-у!“, для насъ внутренняя мука, вызываемая сознаніемъ напрасно, непоправимо-напрасно прожитой жизни. Въ „Хозяинѣ и работникѣ“ насъ не смущаетъ безобразіе позы, въ которой былъ найденъ замерзшій Брежуновъ, потому что слишкомъ ослѣпительна нравственная красота его смерти.

Если во всемъ сказанномъ нами выше есть доля правды, то приходится признать, что къ Толстому-художнику г. Мережковский отнесся такъ же тенденціозно, какъ къ Толстому-человѣку. Причину этой тенденціозности слѣдуетъ искать отчасти въ явномъ пристрастіи г. Мережковского къ Достоевскому, отчасти—и главнымъ образомъ—въ той роли, которую играетъ въ общей системѣ автора контрастъ между Толстымъ и Достоевскимъ. Въ пристрастіи къ Достоевскому г. Мережковский не сознается, утверждая, что въ концѣ-концовъ оба великіе писателя будутъ поставлены имъ на одинаковую высоту. Чтò будетъ дальше, мы не знаемъ—но покажемъ слабымъ сторонамъ Достоевскаго, какъ человѣка и художника, г. Мережковский отводитъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ слабымъ—или будто бы слабымъ—сторонамъ Толстого. Тщательно подчеркивая, напримѣръ, все то, чтò въ отношеніяхъ Толстого къ Тургеневу можетъ набросить тѣнь на Толстого, онъ обходитъ молчаніемъ извѣстный вопросъ, съ которымъ Достоевскій обратился къ Тургеневу на торжественномъ обѣдѣ въ честь послѣдняго (весною 1879-го года), и ничего не говоритъ о карикатурѣ на Тургенева, нарисованной въ „Бѣсахъ“. Подробно останавливаясь на недостаткахъ формы у Толстого, онъ мало говоритъ о не менѣе крупныхъ, въ этомъ отношеніи, недостаткахъ Достоевскаго. Всею силой, повторяемъ, отразились въ параллели между Толстымъ и Достоевскимъ основныя черты теоріи г. Мережковского. Ему нужно было противопоставить Толстого, какъ „тайновидца плоти“, Достоевскому, какъ „тайновидцу духа“—нужно было для того, чтобы обосновать вѣру въ будущій русскій и всемірный синтезъ,

какъ логическій результатъ *тезиса* („религіознаго созерцанія плоти“ у Толстого) и *антитезиса* („религіознаго созерцанія духа“ у Достоевскаго). Именно въ томъ, „что ихъ двое, что они вмѣстѣ“, коренится „послѣдняя и величайшая надежда“ г. Мережковскаго. Толстой и Достоевскій „раздвоили и углубили то, что стихійно и безсознательно соединялось въ Пушкинѣ“; отсюда—„неизбѣжность послѣдняго и окончательнаго соединенія (Символа) высшей, чѣмъ у Пушкина, потому что болѣе глубокой, религіозной, болѣе сознательной гармоніи“. „Антитезисъ“ г. Мережковскаго кажется намъ столь же спорнымъ, какъ и „тезисъ“; мы думаемъ, что термины: „тайновидецъ духа, религіозное созерцаніе духа“, столь же мало исчерпываютъ собою сущность творчества Достоевскаго, какъ термины: „тайновидецъ плоти, религіозное созерцаніе плоти“—сущность творчества Толстого; но мы считаемъ возможнымъ ограничиться, покамѣстъ, разборъ *тезиса*, потому что съ паденіемъ его тердѣтъ силу и *антитезисъ*: для *синтеза* они оба одинаково необходимы. Какъ рисуется синтезъ въ фантазіи г. Мережковскаго—это мы узнаемъ вполнѣ только изъ второй части его работы. Сомнѣваться въ томъ, что ему удастся исполнить свою широкую задачу, насъ заставляютъ, кромѣ слабости *тезиса*, еще два обстоятельства. Первое изъ нихъ—это явно преувеличенное значеніе, которое г. Мережковскій придаетъ изящной литературѣ. Никогда еще изъ нея не исходили перевороты въ области мысли и, тѣмъ болѣе, въ области жизни; никогда еще не зарождались въ ней *всемирныя идеи*, направляющія человѣчество на новый путь, кореннымъ образомъ измѣняющія его міросозерцаніе. Какъ ни велики художественныя произведенія Достоевскаго и Толстого, не отъ нихъ и не отъ ихъ преемниковъ можно ожидать обновленія хотя бы одного русскаго народа... Второй источникъ нашего скептицизма—это предположеніе г. Мережковскаго, что уже теперь имѣется на лицо „горсть русскихъ людей новаго религіознаго сознанія“, отъ которыхъ зависать, быть можетъ, „судьбы европейскаго міра“. Еслибы такіе люди дѣйствительно существовали,—на горизонтѣ показался бы хотя слабый отблескъ грядущаго свѣта; а такого отблеска пока не видно, несмотря на то, что на фонѣ окружающей насъ темноты замѣтенъ былъ бы даже не особенно яркій свѣтъ.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Хлѣвъ—цвѣточекъ сѣян.

Мужичокъ боронить,
Силъ не покладая,
Сѣмена хоронить,
Въ борозды кидая.

Разрыхляя вочки,
Просить онъ у неба
Тепленькой помочки,
Урожая хлѣба.

Просить, чтобъ морозы
Зѣренъ не студили,
Чтобы градъ и грозы
Колосъ пощадил.

Осень наступила,
Борозды сговала
И напорошила
Снѣга покрывало.

И къ зимѣ, одѣты
Въ теплыя одежды,
Спать, снѣжкомъ согрѣты,
Мужичка надежды.

Вотъ весна приходитъ,
Солнце свѣтитъ знойно,
Но веругъ поля ходитъ
Пахарь неспокойно.

Хлѣбъ желтѣетъ, сохнетъ,
Корень, зная, недуженъ,
Съ нимъ и озимъ глохнетъ...
Дожидъ, дожидъ нуженъ!

Молить пахарь, слѣзно
Небо призывая...
И рокочетъ грозно
Туча громовая.

Движется громада,
Небо охватила
И потокомъ града
Поле затопила.

День за днемъ проходить;
Мужичка не видно,
Въ поле онъ не ходитъ,—
Знать, смотрѣть обидно:

Трудовая нива,
На его, вишь, горе,
Стала такъ красива
Въ сказочномъ уборѣ;

Вся цвѣтами дышетъ,
Вся въ цвѣтахъ пестрѣетъ,
Вѣтеръ ихъ колышетъ,
Солнышко ихъ грѣетъ;

Пчѣлки, мотылечки
Роемъ налетаютъ,
Сядутъ на цвѣточки,
Сядутъ и ласкаютъ;

Васильки, что неба
Своды засинѣли...

Одного нѣтъ,—хлѣба!
Хлѣбъ цвѣточки съѣли!

II.

Тяжелыя думы.

Тяжело на душѣ и тревожно...
Думы черныя призракомъ встали;
Мнѣ избавиться ихъ невозможно,
Невозможно уйти отъ печали.

Что ни взглядъ,—возстаютъ предъ глазами
Эти думы, какъ тѣни изъ гроба,
Предъ мольбою твоей и слезами
Не стихаетъ ихъ ярая злоба.

Что ни слово,—фальшивые звуки
Въ твою рѣчь эти думы влагаютъ...
И опустятся слабыя руки,
И уста по неволѣ смолкаютъ.

Что ни шагъ,—ощущенья тревоги,
Чувство страха тобой овладѣли...
И идешь ты, не зная дороги,
Безъ разумной, сознательной цѣли!

Туча грозная
Поднимается,
Ночка черная
Надвигается;

Ни пути-то нѣтъ,
Ни дороженьки;
Сумракъ гонить свѣтъ,
Стали ноженьки.

Истомилась грудь,
Надорвалась...

Хоть бы гдѣ-нибудь
Да прорвалась

Масса страшныхъ тучъ
Въ высотѣ небесъ,
Чтобы свѣтлый лучъ
Бросить въ темный лѣсъ!

Смотрится солнце въ спокойное лоно,
Въ свѣтлыя воды пруда:
Весь его блескъ и лазурь небосклона,
Все отражаетъ вода.

Смотрится солнце въ просторъ и движеніе
Быстро бѣгущей рѣки:
Видитъ безъ счета свое отраженіе,—
Только разбитымъ въ куски.

Смотрится солнце и въ лужу стоячихъ,
Грязныхъ и тѣнистыхъ водъ:
Нѣтъ отраженія лучей въ нихъ горячихъ,
Тускнеть небесный въ нихъ сводъ.

ВЛАДИМИРЪ МАРКОВЪ.

НАШЕ РЫБОЛОВСТВО

и

ЕГО ПОРЯДКИ

Наше законодательство по рыболовству представляет въ общемъ пеструю, изъ разныхъ обрѣзковъ сшитую одежду, которою приходится прикрываться, не безъ угрызенія совѣсти, каждому изъ живущихъ то или иное отношеніе къ управленію рыбными промыслами или къ разсмотрѣнію тѣхъ или иныхъ вопросовъ по устройству отечественныхъ рыбныхъ промысловъ.

Весь первый раздѣлъ „Устава сельскаго хозяйства“ ¹⁾ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, разновремененно для разныхъ районовъ изданныхъ, правилъ рыболовства, не только между собою не согласованныхъ, но часто прямо одни другимъ противорѣчащихъ; къ громадному же большинству мѣстъ Россійской имперіи эти правила не относятся, и для нихъ съ трудомъ подыщешь двѣ-три запретительнаго характера, довольно неудачныя по редакціи, статьи закона, да и тѣ, за отсутствіемъ мѣстнаго надзора, не соблюдаются. Этимъ можно объяснить совершенно основательныя и съ каждымъ годомъ все болѣе настойчивыя сѣтованія сельскихъ хозяевъ, земствъ и обществъ—на отсутствіе нужныхъ общихъ правилъ рыболовства и надзора за ихъ исполненіемъ.

Уже вскорѣ послѣ капитальнаго изслѣдованія рыболовства въ имперіи экспедиціе Бара и Данилевскаго (въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ) министерство государственныхъ имуществъ создало

---

¹⁾ Т. XII, г. 2 Св. Зак., изд. 1898 г.

необходимость выработки общихъ правилъ рыболовства въ имперіи, проектъ которыхъ и былъ въ 70-хъ годахъ составленъ Данилевскимъ и разосланъ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности на заключеніе губернаторовъ. Изъ сводки этихъ заключеній видно, что въ большинствѣ случаевъ правила въ общемъ ихъ объемѣ признаны непримѣнными по мѣстнымъ условіямъ, и если нѣкоторые губернаторы признали ихъ цѣлесообразными, то это было лишь по отношенію къ губерніямъ, гдѣ рыболовство промышленнаго значенія не имѣетъ. Изъ тѣхъ же заключеній усматривается, что мѣстами издавна выработаны и вполне отвѣчаютъ мѣстнымъ условіямъ правила рыбной ловли и мѣры къ огражденію рыбнаго населенія (остзейскія губерніи и губерніи царства польскаго).

Естественно, что если общія правила были найдены непримѣнными въ главныхъ рыболовныхъ районахъ, гдѣ всего важнѣе было оградить рыбныя богатства отъ истощенія, также въ мѣстностяхъ, гдѣ, не имѣя промысловаго характера, рыболовство все-же служить подспорьемъ въ продовольствіи мѣстнаго населенія, то пришлось проектъ правилъ переработать. Эта переработка сдѣлана по порученію министерства государственныхъ имуществъ въ 1884 году особой комиссіей изъ членовъ „Россійскаго Общества рыболовства“, которое напечатало составленный въ комиссіи проектъ вмѣстѣ съ объяснительной къ нему запиской и своевременно распространяло среди своихъ членовъ, съ просьбою давать о немъ отзывы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектъ былъ представленъ въ департаментъ земледѣлія и сельской промышленности, которымъ переданъ на заключеніе инспектора сельскаго хозяйства, О. А. Гримма. Въ 1890 г. О. А. Гриммъ представилъ въ департаментъ переработанный вновь, на основаніи собранныхъ за время командировокъ на Волгу, Каму, Донъ и Лугу свѣдѣній; къ прежнему проекту сдѣлано дополненіе о взысканіяхъ за нарушенія правилъ и проектъ штата особаго главнаго управленія по дѣламъ рыболовства. По полученіи заключенія юрисконсульта по этой части проекта, въ слѣдующемъ, 1891 г. О. А. Гриммъ представилъ объяснительную къ проекту записку. За тѣмъ, въ 1894 г., съ небольшими измѣненіями и дополненіями, проектъ общихъ правилъ рыболовства, съ объясненіями къ отдѣльнымъ статьямъ О. А. Гримма, поступилъ въ департаментъ. Ни проектъ „Россійскаго Общества“, ни проектъ, переработанный О. А. Гриммомъ, не были на обсужденіи другихъ вѣдомствъ, а послѣдній не былъ напечатанъ, оставшись лишь при дѣлахъ департамента земледѣлія.

Различаясь въ подробностяхъ, вышеупомянутые проекты общихъ правилъ, въ сущности, заключаютъ одни и тѣ же, направленные къ огражденію рыбнаго населенія, узаконенія ограничительнаго характера, состоящія, съ одной стороны, въ запрещеніи вредныхъ способовъ лова, въ запрещеніи вылова молодіи, въ установленіи запретнаго времени и мѣстъ и т. п. Въ проектѣ Данилевскаго были введены нѣкоторыя частныя правила (о ловѣ рыбы въ озерахъ сѣверо-западной Россіи), что уже не должно было бы входить въ общія правила; въ послѣдующихъ проектахъ вездѣ оговорено, что въ дополненіе къ общимъ правиламъ вырабатываются по мѣстнымъ условіямъ доволнительныя правила, но при этомъ не указано, какимъ учрежденіямъ и на какихъ основаніяхъ это право выработки предоставляется.

Съ другой стороны, тогда какъ въ проектѣ правилъ Данилевскаго совершенно отсутствуютъ статьи, касающіяся правъ на рыбную ловлю, а также вообще морского рыболовства,—въ послѣдующихъ проектахъ введенъ цѣлый рядъ статей по этимъ вопросамъ, что, съ практической точки зрѣнія, въ смыслѣ возможно скорого и безпрепятственнаго проведенія новаго проекта закона, едва ли можно признать желательнымъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о правахъ на рыбную ловлю въ російской имперіи является настолько неразработаннымъ съ точки зрѣнія юридической, что споры отдѣльныхъ лицъ и обществъ на этой почвѣ составляютъ самое обычное явленіе, и дѣло специалистовъ въ гражданскихъ законахъ—разобраться въ этихъ чисто-юридическихъ вопросахъ, согласовать существующія общія и мѣстныя (царство польское, остзейскія губерніи, казачьи войска) узаконенія и установленія обычнаго права, чтобы составить изъ нихъ нѣчто общее и во всякомъ случаѣ устраняющее поводы къ столкновеніямъ частныхъ интересовъ. Эти чисто-юридическіе вопросы гражданского права, входя въ уставъ сельскаго хозяйства по частямъ, а также составляя отдѣльныя статьи вырабатываемыхъ министерствомъ земледѣлія правилъ рыболовства для отдѣльныхъ районовъ (каспійско-вологодскаго, азовско-донскаго и др. правилъ рыболовства), являются,—надо это отмѣтить,—самыми главными пунктами разногласія въ заключеніяхъ вѣдомствъ ¹⁾. Внесеніе вопросовъ о правилахъ на рыбную ловлю въ законопроекты о рыболовствѣ и желаніе разобрать ихъ по существу, до корня

¹⁾ Въ этихъ соображеніяхъ, не умаля значенія и необходимости разработать статьи закона о правахъ на рыбную ловлю, было бы целесообразнѣе выделить эту часть въ особый законопроектъ, имѣющій быть разработаннымъ юристами съ участіемъ представителей министерства земледѣлія.

вещей, съ архивными розысками и т. д.—въ значительной степени тормазить нормальное прохожденіе законопроектовъ, должествующихъ, по существу дѣла, заниматься не казуистическими вопросами о томъ, кто правъ, кто виноватъ (на это есть юристы, судъ и сенатъ), а проведеніемъ въ жизнь хотя бы тѣхъ самыхъ главныхъ начатковъ рыболовнаго законодательства, которые признаются, вотъ уже скоро полстолѣтія, безспорными истинами, а между тѣмъ никакъ не могутъ быть до сего времени кодифицированы и приняты къ руководству на дѣлѣ.

Мнѣ кажется, что именно это стремленіе создать что-нибудь капитальное, разобрать все до корня вещей, составить законъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ и вся и былъ бы незыблемымъ на многія лѣта,—наконецъ, желаніе въ законѣ предусмотрѣть все напередъ, не предоставляя извѣстной доли участія въ хозяйственномъ устройствѣ и выработкѣ фактическаго порядка рыболовства мѣстнымъ казеннымъ и представительнымъ учрежденіямъ—являлось главной причиною „топтанія на одномъ и томъ же мѣстѣ“ въ области рыболовнаго законодательства, каковое наблюдается вотъ уже тридцать слишкомъ лѣтъ.

Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, необходимо отрѣшиться отъ очерченнаго выше въ общихъ чертахъ направленія въ проведеніи законовъ и разсмотрѣнія дѣлъ по рыболовству со стремленіемъ всѣ подробности рѣшать въ центральныхъ учрежденіяхъ, гдѣ желаютъ предусмотрѣть и регулировать всѣ техническія тонкости производства лова, и перенести эти функціи, выполнимыя лишь при ближайшемъ знаніи мѣстныхъ особенностей и измѣняющихся условій рыбнаго промысла,—на мѣстныя учрежденія. Само собою разумѣется, что мѣстнымъ учрежденіямъ въ такомъ случаѣ должно быть предоставлено право издавать обязательныя постановленія о подробностяхъ производства лова рыбы.

При такой постановкѣ дѣла и проектъ общихъ правилъ рыболовства долженъ содержать лишь самыя общія, безспорныя и не могущія затормазить прохожденіе законопроекта узаконенія, клонящіяся къ огражденію рыбнаго населенія во внутреннихъ водахъ отъ его хищническаго истребленія.

Исходя изъ такого принципа, по нашему мнѣнію, слѣдовало изъ проекта устранить всѣ частныя правила и всѣ статьи, касающіяся правъ на рыбную ловлю. Далѣе и изъ остальныхъ §§ можно бы сохранить лишь небольшое число статей запретительнаго характера, не подлежащихъ никакому оспариванію и общепризнанно полезныхъ въ смыслѣ охраненія рыбнаго богатства.

Въ дополненіе къ этимъ немногимъ статьямъ закона запретительнаго характера слѣдовало бы оставить такое же небольшое количество статей карательной части закона, а затѣмъ, — что всего важнѣе, — обезпечить дѣйствительную возможность надзора за исполненіемъ узаконеній по рыболовству, что составляетъ наиболѣе слабое мѣсто во всемъ завѣдываніи рыбными промыслами, и обезпечить возможность мѣстнаго урегулированія рыбной ловли путемъ изданія различныхъ, по мѣстнымъ условіямъ обязательныхъ постановленій.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на существованіе ограничительныхъ статей закона, — напр., относительно употребленія кукельвана (яда) для лова рыбы (ст. 1624 Уложенія о наказ.), относительно размѣра неводовъ, относительно прегражденій изъ крючьевъ, заоловъ и т. п., — ихъ нигдѣ не исполняютъ, и какъ въ печати, такъ и въ перепискахъ департамента земледѣлія мы находимъ постоянныя указанія на несоблюденіе ихъ въ разныхъ рыболовныхъ районахъ. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что надзоръ за исполненіемъ возлагается лишь на общую полицію, которая, по множеству обязанностей, преимущественно въ самыхъ селеніяхъ, а не на мѣстахъ рыбной ловли, — не можетъ выполнять сказанный специальный надзоръ, а если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полиція и могла бы, то за отсутствіемъ специальныхъ органовъ, наблюдающихъ за дѣятельностью чиновъ полиціи въ этомъ отношеніи, — она не дѣлаетъ этого.

Отсутствіе мѣстныхъ органовъ по рыболовству является еще болѣе ощутительнымъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ рыбный промыселъ имѣетъ нѣкоторое экономическое значеніе, — въ томъ отношеніи, что за разъясненіемъ примѣненія закона мѣстнымъ рыбакамъ не къ кому обратиться, что некому посредствомъ утвержденія узаконить мѣстныя частныя правила производства рыбной ловли, что для населенія той или иной опредѣленной мѣстности въ сущности важнѣе, чѣмъ общія узаконенія.

Такимъ образомъ въ основу проекта общихъ правилъ рыболовства по части надзора, казалось бы, слѣдовало ввести правила: 1) о необходимости участія въ надзорѣ за исполненіемъ законовъ по рыболовству чиновъ лѣсной стражи (министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ), какъ наиболѣе близкихъ къ мѣстамъ рыбной ловли, а также чиновъ рѣчной и судоходной полиціи (министерства внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія), тамъ, гдѣ таковыя имѣются. Почти во всѣхъ иностранныхъ государствахъ участіе этихъ чиновъ, какъ совершенно естественное, предусмотрено закономъ. 2) О привлеченіи къ за-

вѣдыванію рыбными промыслами въ хозяйственномъ отношеніи земскихъ учреждений, при которыхъ и можно было бы образовывать особыя мѣстныя по дѣламъ рыболовства комиссіи или присутствія съ участіемъ уполномоченныхъ министерства, или чиновъ управленія государственными имуществами, гдѣ нѣтъ уполномоченныхъ и представителей прочихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ и обществъ. Этимъ присутствіямъ и можно было бы, на правахъ аналогичнаго имъ особаго присутствія по дѣламъ рыболовства въ Астрахани: по проекту закона о каспійскихъ промыслахъ, предоставить разъяснять частности примѣненія закона, вырабатывать дополнителныя правила рыбной ловли и вмѣстѣ съ тѣмъ организовать надзоръ за исполненіемъ общихъ и дополнительныхъ мѣстныхъ правилъ. Въ губерніяхъ не-земскихъ подобныя учрежденія и должны быть организованы по образцу астраханскаго присутствія по дѣламъ рыболовства, съ замѣною представителей рыбнаго управленія инспекторами рыболовства (гдѣ они имѣются) или чинами управленія министерства государственныхъ имуществъ.

При настоящемъ положеніи дѣла центральному учрежденію приходится входить въ разсмотрѣніе разныхъ тяжбныхъ по рыбному промыслу дѣлъ, что, при отсутствіи свѣдѣній о мѣстныхъ обстоятельствахъ дѣла, вызываетъ переписку съ мѣстными учрежденіями и замедляетъ рѣшеніе иногда весьма несложнаго по существу дѣла. На этой же почвѣ централизационнаго начала въ завѣдываніи рыболовными дѣлами создаются такія ненормальныя явленія, что тогда какъ самъ министръ земледѣлія подчасъ не рѣшается, безъ проведенія въ законодательномъ порядкѣ, сдѣлать какое-либо разъясненіе закона, не выполнѣ согласное съ его буквой (какъ было съ вопросомъ объ обходѣ закона 2 мая 1895 г. посредствомъ употребленія неводовъ), низшіе агенты смѣло разъясняютъ законъ и дѣйствуютъ полновластно, пользуясь отсутствіемъ мѣстныхъ органовъ, съ одной стороны, и необходимостью немедленно разрѣшать возникающіе на мѣстѣ вопросы, съ другой.

Съ другой стороны, при такой постановкѣ дѣла, центральное учрежденіе не является лишь высшей инстанціей, каковой ему слѣдуетъ быть, а въ него обращаются непосредственно за разъясненіями, такъ что ему приходится разбирать тяжбы на почвѣ толкованія законовъ рыболовства и быть въ рыбномъ дѣлѣ первой и послѣдней инстанціей по отношенію къ громадному большинству губерній, гдѣ нѣтъ рыбныхъ управленій. Само собою, такое положеніе вещей нельзя признать нормальнымъ. На долю высшаго учрежденія должны бы оставаться болѣе важныя

дѣла, какъ, напримѣръ, разработка вопросовъ объ общихъ мѣрахъ къ развитію и упорядоченію рыбнаго промысла въ имперіи, съ примѣненіемъ научно-промысловыхъ изслѣдованій водныхъ бассейновъ, и проведеніе этихъ работъ въ жизнь.

Другое, еще болѣе важное, съ точки зрѣнія заинтересованныхъ въ рыболовствѣ лицъ, неудобство централизованнаго управленія дѣлъ заключается въ томъ, что установленныя законодательнымъ путемъ правила рыболовства, обычно стремящіяся предусмотрѣть всѣ техническія подробности лова, являются крайне неподвижными, — между тѣмъ, благодаря измѣняющимся условіямъ промысла, правила рыболовства, если желаютъ дѣйствительно требовать ихъ исполненія, необходимо измѣнять въ этихъ подробностяхъ, дѣлая тѣ или другія поправки, и эти измѣненія необходимо вводить немедленно, безъ задержанія, что уже одно устраняетъ возможность проведенія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Съ другой стороны, разъ рѣчь идетъ о техническихъ подробностяхъ, ихъ немислимо регулировать безъ участія самихъ рыбопромышленниковъ черезъ представителей ихъ отдѣльныхъ группъ. Въ сущности, большая часть статей закона о рыболовствѣ, какъ мы убѣждаемся изъ изслѣдованія отдѣльныхъ районовъ рыбнаго промысла, остается почти безъ всякаго вліянія на фактическую постановку дѣла: не говоря уже о глухихъ мѣстахъ и окраинахъ, — даже вблизи отъ столицы, имѣются, напримѣръ, держащіяся, очевидно, на обычномъ правѣ, но запрещенные закономъ заколы въ рѣкахъ и т. п.

Наиболѣе же важныя для обывателей обстоятельства при производствѣ рыбной ловли — ихъ взаимныя отношенія между собою, время и мѣсто расположенія орудій лова и т. п., — повсюду регулируются существующимъ обычаемъ, каковой лишь мѣстами кодифицированъ (остзейскія губерніи, царство польское, земли казачьихъ войскъ), въ большинствѣ мѣстъ поддерживается какъ таковой или же записывается отчасти въ мѣстные общественные приговоры и т. п. Съ перенесеніемъ установленія частныхъ правилъ рыбной ловли изъ центральнаго учрежденія въ мѣстныя, эти установленія будутъ ближе къ существующимъ отношеніямъ и мѣстнымъ условіямъ, и ихъ дѣйствительное исполненіе будетъ лучше обезпечено ¹⁾.

За необходимость такого перехода говорить и примѣръ за-

¹⁾ О громадномъ преимуществѣ установленія мѣстныхъ правилъ рыболовства на почвѣ обычнаго права по сравненію съ малоподвижными правилами, устанавливаемыми въ законодательномъ порядкѣ, подробнѣе изложено въ моей статьѣ: „Обычай и законъ о рыбной ловлѣ“, „Вѣстн. Европы“, 1899 г., № 1.

падно-европейскихъ государствъ, гдѣ общій законъ регулируетъ лишь самыя общія правила, а всѣ подробности устанавливаются провинціальными правительственными органами въ формѣ обязательныхъ дополнительныхъ правилъ (by laws англичанъ).

Но при указанной постановкѣ дѣла, дающей довольно широкія права мѣстнымъ органамъ по регулированію рыбной ловли, весьма важно обезпечить фактической надзоръ со стороны центрального учрежденія за веденіемъ рыболовныхъ дѣлъ въ различныхъ районахъ и возможно частое участіе его представителей въ обсужденіи наиболѣе крупныхъ вопросовъ рыбнаго промысла, установить живое, а не только формальное (по бумагамъ) сношеніе съ различными рыболовными районами. Этого можно было бы достигнуть осуществленіемъ предположеній, въ проектѣ общихъ правилъ рыболовства, выработанномъ „Россійскимъ Обществомъ рыбоводства и рыболовства“,—объ учрежденіи районныхъ или окружныхъ инспекторовъ рыболовства, подчиненныхъ центральному учрежденію. За время съ 1884 г., когда означенный проектъ былъ составленъ, должности инспекторовъ рыболовства, именуемыхъ завѣдывающими рыбными промыслами, учреждены для архангельской губерніи, для туркестанскаго генераль-губернаторства и для приамурскаго генераль-губернаторства; всѣ эти чины находятся въ составѣ управленій государственными имуществами и функціи ихъ ближайше не опредѣлены, а равно не установлено ихъ участіе съ правомъ голоса въ самомъ управленіи, и не опредѣлены ихъ отношенія къ центральному управленію. Само собою разумѣется, при проведеніи въ жизнь указанного выше порядка завѣдыванія мѣстными рыболовными вопросами, придется означенныхъ чиновниковъ считать на правахъ окружныхъ инспекторовъ рыболовства. Съ другой стороны, въ виду существованія уже у насъ двухъ рыбныхъ управленій (въ Астрахани и Баку) и предполагаемаго открытія еще управленій въ Таганрогѣ и Херсонѣ, необходимо было бы имѣть въ виду создать для этихъ четырехъ районовъ четырехъ окружныхъ инспекторовъ, которые, принимая участіе въ составѣ присутствій рыбныхъ управленій съ правами голоса въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ санитарныхъ, техническихъ и хозяйственныхъ, не имѣли бы ничего общаго съ полицейско-административной и канцелярской стороною дѣятельности управленія, а имѣли бы главной задачей—изученіе мѣстныхъ нуждъ рыбнаго промысла и подачу совѣтовъ какъ рыбопромышленникамъ по техническимъ вопросамъ, такъ и самому мѣстному управленію и центральному по кругу вопросовъ специально техническаго и научнаго харак-

тера. Во всѣхъ этихъ вопросахъ было бы полезнѣе для дѣла допустить непосредственныя сношенія (въ той или иной формѣ, безразлично) съ центральнымъ учрежденіемъ. Въ дополненіе къ упомянутымъ выше пяти окружнымъ инспекторамъ рыболовства (архангельскій, астраханскій, закавказскій, азовско-донской, черноморскій) является необходимость имѣть подобныхъ инспекторовъ въ ближайшемъ будущемъ для района сѣверо-западныхъ озеръ (олонецкая, с.-петербургская, новгородская и псковская губерніи) и Западной Сибири, а затѣмъ въ будущемъ и въ другихъ районахъ.

Несмотря на предстоящее сокращеніе дѣлъ центрального учреждения, вѣдающаго дѣлами рыболовства, по отношенію къ выработкѣ частныхъ правилъ, по случаю проектируемаго перенесенія таковыхъ въ кругъ компетенціи мѣстныхъ учреждений, дѣятельность центрального органа, измѣнившись въ характерѣ, должна быть не только не уменьшена, но въ значительной степени расширена, причемъ центръ тяжести ея долженъ быть перенесенъ на научно-промысловыя изслѣдованія, на почвѣ которыхъ лишь возможно дальнѣйшее рациональное регулированіе рыбныхъ промысловъ имперіи и проведеніе въ жизнь ряда мѣръ къ охранѣ рыбнаго богатства, съ одной стороны, и къ развитію отечественной рыбной промышленности, съ другой. Сама жизнь и необходимость для Россіи въ качествѣ цивилизованнаго государства принимать участіе въ общей работѣ сказаннаго характера обусловливаетъ неотложность научно-промысловыхъ изслѣдованій водныхъ бассейновъ. Такія изслѣдованія уже начаты, но не отъ лица учрежденія, которому всего естественнѣе принадлежитъ эта область, а комитетомъ для помощи поморамъ по отношенію къ Мурману, и Императорскимъ Географическимъ Обществомъ по отношенію къ Тихому океану. Отсутствіе единства программы и задачъ въ изслѣдованіи, весьма естественное при такой постановкѣ дѣла, надо считать крайне нежелательнымъ съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ изслѣдованія. Но, кромѣ единства программы и методовъ изслѣдованія, — которое отчасти, въ виду предстоящей комбинаціи гидрографическихъ работъ по постановленію Стокгольмской конференціи прошлаго года, можетъ быть устранено, — весьма существеннымъ вопросомъ является вопросъ о расширеніи района научно-промысловыхъ изслѣдованій, — по образцу предпринятыхъ съ большимъ успѣхомъ для Сѣвернаго моря, — на моря Каспійское и Черное, имѣющія громадное значеніе для рыболовства имперіи. Эти моря, въ сущности, не обследованы въ достаточной степени. Это обусловливаетъ цѣлый рядъ невыясненныхъ

научно вопросовъ объ образѣ жизни рыбъ, безъ чего законодательство по этому предмету всегда будетъ создаваться на пескѣ. Ожидаютъ подобнаго же изслѣдованія побережья дальняго Востока на Тихомъ океанѣ ¹⁾).

Такимъ образомъ, необходимость организациі, объединенія и выполненія научно-промысловыхъ работъ, необходимость расширенія дѣятельности центральнаго органа по распространенію рыбоводства въ русскихъ водахъ, въ каковомъ направленіи уже намѣченъ цѣлый рядъ работъ, не исполняемыхъ лишь по недостатку силъ, а также и заботы по улучшенію техники приготовления рыбныхъ продуктовъ,—все это, должно измѣнить нѣсколько характеръ работъ центральнаго органа министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по дѣламъ рыболовства, должно придать ему характеръ учрежденія научно-техническаго и вмѣстѣ съ тѣмъ потребуетъ усиленія рабочихъ силъ этого органа, а также нѣсколько иного его устройства.

Потребность въ выдѣленіи дѣлъ по рыболовству и рыбоводству въ имперіи въ особое учрежденіе, повидимому, слѣдуетъ считать въ настоящее время достаточно сознанной. За необходимость созданія особаго управленія по дѣламъ рыболовства высказались въ печати такіе авторитеты дѣла, какъ членъ государственнаго совѣта В. И. Вешняковъ, въ его книгѣ „Рыболовство и законодательство“, и О. А. Гриммъ, въ книгѣ „Каспійско-волжское рыболовство“. На ту же потребность указано и въ официальныхъ запискахъ по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такъ, въ запискѣ г. министра земледѣлія, сопровождающей внесенный въ государственный совѣтъ проектъ правилъ каспійско-волжскаго рыболовства, между прочимъ указывается на проектируемое учрежденіе особаго „отдѣла рыболовства“ при центральномъ управленіи. Объ этомъ предположеніи В. И. Вешняковъ высказался съ особой симпатіей въ своихъ „Соображеніяхъ по проекту правилъ каспійско-волжскаго рыболовства“, и, насколько извѣстно, это предположеніе встрѣчено въ государственномъ совѣтѣ весьма сочувственно. Такимъ образомъ, и съ формальной стороны дѣло стоитъ такъ, что министерству земледѣлія рано или поздно придется проводить въ установленномъ порядкѣ вопросъ объ учрежденіи особаго центрального управленія или отдѣла по рыболовнымъ дѣламъ, такъ какъ самую разработку цѣлаго ряда ожи-

¹⁾ Всѣ эти изслѣдованія должны бы быть производимы планомерно по общей программѣ и со строго опредѣленной задачей, что достижимо лишь при существованіи одного, постояннаго и компетентнаго учрежденія.

дающихъ очереди законопроектовъ министерство въ той же упомянутой своей запискѣ поставило въ зависимость отъ осуществленія помянутого учрежденія.

Народно-хозяйственное значеніе рыбнаго промысла въ Россіи настолько серьезно, доходы, даваемые рыболовствомъ, настолько велики, что оно несомнѣнно заслуживаетъ большаго правительственнаго вниманія, чѣмъ то было по сіе время.

Кромѣ соображеній о положеніи рыбнаго промысла въ имперіи, весьма много вѣскихъ данныхъ въ пользу созданія центрального органа по рыболовству мы можемъ найти въ примѣрахъ постановки этого дѣла за границей.

Выбирая изъ существующихъ въ другихъ странахъ организацій по завѣдыванію рыбными промыслами, научно-промысловыми изслѣдованіями и рыбоводствомъ, наиболѣе подходящее къ русскимъ условіямъ жизни, къ существующей организаціи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и въ то же время соотвѣтствующее истиннымъ задачамъ проектируемаго учрежденія въ связи съ изложенными выше соображеніями о задачахъ центрального органа по рыболовству и объ устройствѣ мѣстнаго завѣдыванія дѣлами рыболовства, — мы считали бы наиболѣе цѣлесообразною слѣдующую постановку дѣла. Въ составѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ учреждается особый отдѣлъ рыболовства и рыбоводства на началахъ съ формальной стороны аналогичныхъ съ существующими отдѣлами, но по характеру своему вполне отвѣчающей организаціи сѣверо-американской рыбной комиссіи. Во главѣ такого учрежденія стоялъ бы „управляющій отдѣломъ“ (соотвѣтствуетъ рыбному комиссару Соединенныхъ Штатовъ); завѣдываніе отдѣльными отраслями дѣла возлагается на специалистовъ: 1) по рыбоводству, 2) по рыболовству и рыболовной статистикѣ, и 3) по научно-промысловымъ изслѣдованіямъ. Такое дѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ какъ требованіямъ дѣла, такъ и примѣру долготѣйшей и успѣшной дѣятельности сѣверо-американской рыбной комиссіи. Являясь главными работниками каждый по своей отрасли, три упомянутыхъ завѣдывающихъ отдѣльными специальностями, вмѣстѣ съ управляющимъ отдѣломъ, образуютъ совѣщаніе по дѣламъ рыболовства, въ которое вносятся и разсматриваются на коллегіальныхъ началахъ (ср. финляндскій проектъ закона) всѣ поступающія въ министерство на заключеніе дѣла по рыболовству. Одинъ изъ завѣдывающихъ считается помощникомъ управляющаго и замѣщаетъ его въ случаѣ отсутствія. Необходимымъ дополненіемъ къ указанному составу

должны быть: 1) инженеръ-спеціалистъ по гидротехническимъ сооруженіямъ (для составленія смѣтъ и плановъ устройства прудовыхъ хозяйствъ, рыбоводныхъ заводовъ, рыбоподъемныхъ лѣстницъ и т. п.); 2) канцелярія изъ трехъ бюро (одно—по рыбоводству, одно—по рыболовной статистикѣ, одно—по рыболовству), одного секретаря съ однимъ помощникомъ и необходимаго числа писцовъ и счетчиковъ; 3) бібліотека, и 4) лабораторія съ двумя лаборантами-иктіологами. Кредиты на рыбоводство, научно-промысловыя изслѣдованія и на изданія по данной спеціальности должны быть отнесены къ штату проектируемаго отдѣла.

Принимая ближайшее участіе во всѣхъ административно-законодательныхъ работахъ совѣщанія въ зимнее время, спеціалисты, завѣдывающіе отдѣльными отраслями, большую часть времени въ теченіе производства главныхъ рыболовствъ находятся при исполненіи работъ, каждый по своей спеціальности, причемъ, въ виду близости круга названныхъ спеціальностей и участія каждого изъ спеціалистовъ въ общемъ совѣщаніи при обсужденіи всѣхъ дѣлъ, порученія могутъ быть даваемы, такъ сказать, смѣшанной спеціальности (напр., завѣдывающій рыболовствомъ можетъ исполнить изслѣдованіе какого-либо вопроса о правилахъ рыболовства и т. п.).

Очерченное выше въ общихъ чертахъ устройство центрального органа по завѣдыванію рыболовными дѣлами, казалось бы, должно совершенно отвѣчать требованіямъ обстоятельствъ и обезпечило бы, при допущеніи упрощеннаго веденія дѣлопроизводства, съ употребленіемъ копировальныхъ книгъ, съ наймомъ писцовъ, пишущихъ бумаги подъ диктовку на машинахъ, и т. п.—возможность справиться съ тѣмъ непосильнымъ бременемъ, которое теперь лежитъ, въ смыслѣ канцелярскомъ, на 3—4 чинахъ одного изъ отдѣленій департамента земледѣлія, и въ смыслѣ научно-техническомъ до послѣдняго времени лежало на одномъ инспекторѣ рыболовства, въ помощь которому приглашены еще три спеціалиста (одинъ—четыре года назадъ и два—съ прошлаго года). Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь при условіи созданія такого центрального органа, по нашему мнѣнію, можно разсчитывать, что завѣдываніе рыболовствомъ въ имперіи будетъ поставлено исполнѣ правильно, и тогда, въ связи съ вышеприведеннымъ установленіемъ инспекторовъ рыболовства, будетъ положено начало фактическому контролю надъ мѣстнымъ завѣдываніемъ рыбными промыслами отдѣльныхъ районовъ.

Такимъ образомъ, главнѣйшими основаніями для проекта общихъ правилъ рыболовства необходимо признать:

1) Возможное сокращеніе статей запретительнаго характера, съ изъятіемъ изъ проекта какъ всѣхъ частныхъ, такъ и опредѣленія правъ на рыбную ловлю.

2) Предоставленіе права изданія дополнительныхъ правилъ по рыболовству, примѣнительно въ мѣстнымъ условіямъ, особымъ, образуемымъ при земскихъ учрежденіяхъ, промысловымъ присутствіямъ, съ ближайшимъ въ нихъ участіемъ представителей министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; этимъ же присутствіямъ предоставить организацію надзора за исполненіемъ правилъ рыболовства.

3) Обеспеченіе участія въ надзорѣ за исполненіемъ законовъ по рыболовству чиновъ лѣсной стражи (министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ), рѣчной и судоходной полиціи (министерствъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія), гдѣ такъ-вые имѣются.

4) Установленіе живой связи центральнаго учрежденія министерства земледѣлія съ мѣстными промысловыми присутствіями посредствомъ учрежденія въ составѣ существующихъ мѣстныхъ по рыболовству органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, гдѣ такъ-вые имѣются, и независимо отъ такихъ органовъ, гдѣ ихъ не существуетъ, — районныхъ или окружныхъ инспекторовъ рыболовства.

5) Соотвѣтственно такой организаціи завѣдываніе дѣлами рыболовства въ имперіи — преобразование центральнаго органа по дѣламъ рыболовства въ учрежденіе научно-техническаго характера.

Въ полной зависимости отъ признанія или непризнанія необходимости каждаго изъ намѣченныхъ пунктовъ должно было находиться то или иное содержаніе общихъ правилъ рыболовства въ имперіи.

Въ послѣднее время совѣщаніе специалистовъ по рыбному дѣлу при департаментѣ земледѣлія ¹⁾ выработало „Проектъ общаго устава рыболовства“. Проектъ, состоящій всего изъ 31 параграфа, дѣлится на три отдѣла: 1) общія положенія, 2) о мѣстныхъ промысловыхъ присутствіяхъ и мѣстныхъ правилахъ рыболовства, 3) надзоръ за исполненіемъ правилъ и взысканія за ихъ нарушенія.

¹⁾ Это совѣщаніе образовано съ осени 1899 г. и состояло подъ предсѣдательствомъ дир. деп. Н. А. Хомякова изъ вице-директора А. А. Шульца, инспектора по рыбной части О. А. Гримма, старшаго специалиста по рыбоводству Н. А. Бородина, младшихъ специалистовъ — по озерамъ Л. Н. Зырянцева, по ихтиологіи И. Н. Арнольда, и нач. отдѣленія И. Д. Кузнецова. Вопросъ о центральномъ управленіи дѣлами рыболовства совѣщаніемъ совсѣмъ не обсуждался.

Существенныя черты его заключаются въ слѣдующемъ: онъ имѣетъ быть распространенъ на всѣ воды имперіи, за исключеніемъ тѣхъ, для которыхъ изданы особые правила рыболовства, причемъ распространеніе устава—всего или частями—на Азіатскую Россію предполагается дѣлать постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной потребности. Въ дополненіе и развитіе общаго устава, для каждаго рыболовнаго района, въ которомъ не дѣйствуютъ спеціальныя правила, особыми мѣстными учрежденіями, называемыми „промысловыми присутствіями“, вырабатываются мѣстные правила, примѣнительно къ условіямъ и потребностямъ отдѣльныхъ районовъ.

Для обезпеченія свободнаго входа рыбы изъ морей и озеръ во впадающіе въ нихъ рѣки и ручьи, запрещается производить ловъ во всякое время и какими бы то ни было снастями передъ устьями рѣкъ и ихъ отдѣльныхъ рукавовъ на извѣстное пространство, устанавливаемое промысловыми присутствіями.

Запрещается употреблять для ловли рыбы взрывчатые и ядовиты дѣйствующія на рыбъ вещества, какъ, напримѣръ, кукельванъ, динамитъ, известь и всякаго рода отравы.

Для охраненія рыбы во время ея хода для икрометанія и во время самаго икрометанія повсемѣстно устанавливается запретное для рыболовства время, срокъ котораго опредѣляется промысловыми присутствіями. Кромѣ того, проектируется запретить производить ловъ рыбы въ двенадцатые праздники православной церкви (со включеніемъ трехъ первыхъ дней св. Пасхи) и во всѣ воскресные дни.

Въ теченіе запретнаго времени предположено запретить не только ловить съ промышленною цѣлью, но и продавать, покупать, хранить и принимать къ перевозкѣ свѣжую рыбу.

Кромѣ того, проектированъ цѣлый рядъ запрещеній на отдѣльныя, признаваемые вредными, орудія лова (устройство забоевъ, употребленіе неводовъ длиннѣ $\frac{2}{3}$ ширины рѣки, ловъ въ рѣкѣ крючковою самоловною снастью и т. п.), на ловъ менѣе опредѣленнаго размѣра рыбъ, на загрязненіе водъ путемъ выпуска въ нихъ завѣдомо вредныхъ для рыбы веществъ.

Мѣстные промысловыя присутствія предположено образовывать изъ представителей различныхъ административныхъ учрежденій земства и рыболовныхъ обществъ; этимъ учрежденіямъ предоставляются широкія полномочія по выработкѣ мѣстныхъ правилъ рыболовства, вносимыхъ на одобреніе земскихъ собраній и входящихъ въ законную силу въ качествѣ обязательныхъ постановленій на общихъ основаніяхъ; промысловымъ присутствіямъ,

кроме того, предоставляется инициатива возбужденія вопросовъ по рыболовству и организація надзора за выполненіемъ правилъ рыболовства.

Промысловыя присутствія получаютъ инструкціи и разъясненія отъ министерства земледѣлія.

Къ непосредственному надзору за исполненіемъ правилъ, регулирующихъ перевозку и торговлю рыбою, проектируется привлечь—кроме полиціи всякихъ наименованій—чиновъ таможенной, пограничной и желѣзнодорожной службы.

Нарушителей правилъ предполагается привлекать къ отвѣтственности въ судебномъ порядкѣ, причемъ высшее наказаніе выражается арестомъ до 3 мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ до 300 руб.

Штрафныя деньги предположено обращать въ спеціальныя средства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, для образованія капитала на расходы по улучшенію и развитію рыболовства и рыбоводства.

Такое, въ общемъ, содержаніе этого новаго проекта, который, по распоряженію г. министра, напечатанъ и разсылается рыболовнымъ обществамъ, земствамъ и губернаторамъ для обсужденія. вмѣстѣ съ тѣмъ, предположено образовать особую комиссію изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, для обсужденія проекта въ деталяхъ и выясненія вопроса о возможномъ участіи каждаго изъ вѣдомствъ въ дѣлѣ надзора за исполненіемъ общихъ правилъ рыболовства.

Несложность всего проекта, отсутствіе спорныхъ пунктовъ, проектированіе лишь заведомо и безспорно необходимыхъ, удобоисполнимыхъ и допускающихъ самый надзоръ за ними правилъ, съ одной стороны,—вопіющая и всѣмъ сознаваемая необходимость провести, наконецъ, въ жизнь общія правила рыболовства въ имперіи, съ другой,—должны бы, казалось, обезпечить этому проекту возможно быстрое прохожденіе чрезъ всѣ необходимыя инстанціи и, по его утвержденіи, положить предѣлъ настоящей полной и почти повсемѣстной распушенности при производствѣ рыбной ловли.

Въ заключеніе остается выразить пожеланіе, чтобы и этотъ проектъ не постигла та же участь, какой подверглись проекты Н. Я. Данилевскаго, „Россійскаго Общества рыболовства“, и О. А. Гримма, которые съ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ мирно почили до прошлаго года въ департаментскихъ бумагахъ.

Н. Бородинъ.

СООБЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Въ прибавленіи къ № 72-му „Правительственнаго Вѣстника“, 31 марта 1901 года, помѣщено нижеслѣдующее сообщеніе:

„Въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за нынѣшній годъ помѣщена статья г. Буха подъ названіемъ: „По поводу государственной отчетности“.

„Въ этой статьѣ говорится, что въ отчетахъ Государственнаго Контроля объ исполненіи государственныхъ росписей за 1893—1898 гг. допущены, при исчисленіи свободной наличности Государственнаго Казначейства, весьма серьезныя неточности, искажающія общіе выводы о соответствіи суммъ означенной наличности съ остатками объ исполненіи росписей.

„По исчисленіямъ г. Буха, свободная наличность Государственнаго Казначейства въ 1-му января 1900 г. исчислена по отчетамъ Государственнаго Контроля въ меньшемъ, чѣмъ слѣдовало размѣрѣ, на сумму около 44 милл. руб. и въ томъ числѣ за десятилѣтіе 1890—1899 гг. на 39.192.056 руб.

„По поводу изложенныхъ выводовъ автора упомянутой статьи Государственный Контроль считаетъ долгомъ сдѣлать нижеслѣдующее сообщеніе.

„Начиная съ 1886 года, въ отчетахъ Государственнаго Контроля помѣщаются свѣдѣнія о той части общей кассовой наличности Государственнаго Казначейства, которая можетъ почитаться свободнымъ ресурсомъ при исполненіи росписи слѣдующаго за отчетнымъ года,— т.-е. о наличности, не связанной текущими обязательствами казны за прежнее время (предстоящими расходами по росписямъ прежнихъ лѣтъ, по расчетамъ съ посторонними учрежденіями и капиталами и т. п.).

„Непосредственное вліяніе на размѣры свободной наличности Государственнаго Казначейства къ концу каждаго года оказываютъ *результаты исполненія государственныхъ росписей за отчетный годъ*: при полученіи по росписи избытковъ въ доходахъ надъ расходами,

состоявшая къ началу года свободная наличность увеличивается на сумму этихъ избытковъ; наоборотъ, — въ случаѣ превышенія расходовъ надъ доходами, — недостающія суммы покрываются изъ состоявшей къ началу года свободной наличности, которая, вслѣдствіе сего, уменьшается на соответственную сумму.

„Но результаты исполненія государственныхъ росписей не исчерпываютъ собою всѣхъ условий, отъ коихъ зависятъ увеличеніе или уменьшеніе свободной наличности.“

„Въ этомъ отношеніи, до установленій въ 1897 г. металлическаго обращенія, на исчисленіе размѣра свободной наличности Государственного Казначейства оказывала весьма существенное вліяніе цѣна, по которой расцѣпывались входящіе въ составъ этой наличности металлические денежные знаки (золото, полноцѣнная серебряная монета, процентныя въ металлической валютѣ бумаги).

„По государственнымъ росписямъ за время до 1897 года, всѣ предстоявшія къ поступленію или къ расходу суммы въ золотыхъ и полноцѣнныхъ серебряныхъ рубляхъ (при существовавшемъ въ то время разсчетѣ: 1 руб. зол. = $\frac{1}{10}$ имперіала) перелагались на кредитные рубли по устанавливаемой росписями опредѣленной цѣнѣ, которая изъ года въ годъ колебалась ¹⁾. Соответственно съ этою цѣною перелагались на кредитные рубли также и золото и полноцѣнная серебряная монета, входившія въ составъ свободной наличности Государственного Казначейства каждаго даннаго года. Такимъ образомъ, эта часть (металлическая) свободной наличности измѣнялась не только въ зависимости отъ произведенныхъ въ теченіе года оборотовъ, но и отъ той или другой цѣны, по которой она перелагалась на кредитные рубли. При повышеніи цѣны золотыхъ и серебряныхъ рублей, эта часть свободной наличности, будучи переложена на кредитные рубли, повышалась, хотя бы количество золотыхъ и серебряныхъ рублей оставалось безъ всякой перемѣны. Напротивъ, при пониженіи цѣны золотыхъ и полноцѣнныхъ серебряныхъ рублей, означенная часть свободной наличности, при переложеніи ея въ кредитные рубли, уменьшалась.

„Происходившія отъ этой причины колебанія размѣровъ свободной наличности, при большихъ запасахъ золота, были весьма значительны, а постепенное пониженіе цѣны золотыхъ рублей (= $\frac{1}{10}$ имперіала) съ 1 р. 70 к. кред. въ 1890 году до 1 р. 50 к. кред. въ 1896 г. естественно должно было повести къ уменьшенію, при переложеніи на кредитные рубли, той части свободной наличности, которая состояла въ золотѣ.

¹⁾ „По государственнымъ росписямъ была назначена слѣдующая цѣна золотыхъ и полноцѣнныхъ серебряныхъ рублей: въ 1881—1886 гг.—1 р. 50 к. за 1 р. зол. и сер.; въ 1887 г.—1 р. 67 к. кред. за 1 р. зол. и сер.; въ 1888 г.—1 р. 80 к. кред. за 1 р. зол. и сер.; въ 1889 г.—1 р. 70 к. кред. за 1 р. зол. и сер.; въ 1890 г.—1 р. 70 к. за 1 р. зол. и 1 р. 19 к. кред. за 1 р. сер.; въ 1891 и 1892 гг.—1 р. 60 к. кред. за 1 р. зол. и 1 р. 12 к. кред. за 1 р. сер.; въ 1893 г.—1 р. 70 к. кред. за 1 р. зол. и 1 р. 19 к. кред. за 1 р. сер.; въ 1894 и 1895 гг.—1 р. 60 к. кред. за 1 р. зол. и въ 1896 г.—1 р. 50 к. за 1 р. зол. (въ послѣдніе два года полноцѣнные серебряные рубли расцѣпывались наравнѣ съ кредитными рублями)“.

„Дѣйствительно, изъ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе отчетовъ Государственнаго Контроля объ исполненіи государственныхъ росписей, можно усмотрѣть, что вслѣдствіе пониженія въ теченіе указанного выше времени цѣны золотыхъ ($= \frac{1}{10}$ имперіала) и полноцѣнныхъ серебряныхъ рублей, металлическая часть свободной наличности сократилась въ общей сложности за 1890—1899 гг. на 36.581.888 руб. ¹⁾).

„Между тѣмъ авторъ статьи „По поводу государственной отчетности“, правильно указывая на увеличеніе свободной наличности Государственнаго Казначейства отъ превышенія доходовъ надъ расходами при исполненіи государственныхъ росписей 1890—1899 гг. въ суммѣ 37.359.658 р., совершенно упустилъ изъ виду имѣющіяся въ отчетахъ Государственнаго Контроля свѣдѣнія о томъ, что, одновременно съ такимъ увеличеніемъ свободной наличности, та же наличность сократилась, какъ выше видно, на 36.581.888 руб. отъ постепенной переоцѣнки, по болѣе низкому расчету, входившихъ въ составъ ея металлическихъ цѣнностей (золота и полноцѣннаго серебра).

„Кромѣ сокращенія свободной наличности, вслѣдствіе указанной причины на 36.581.888 руб., она подвергалась также измѣненіямъ: отъ вліянія колеблющейся цѣны золотыхъ рублей на выполненіе расходовъ въ металлической валютѣ по росписямъ прежнихъ лѣтъ; отъ кассовыхъ оборотовъ (по обмѣну золота и полноцѣннаго серебра на кредитные рубли и кредитныхъ рублей на золото и полноцѣнное серебро; принадлежащихъ казнѣ процентныхъ бумагъ на деньги и денежъ на процентныя бумаги и др.), и отъ исправленія мелочныхъ неточностей по исчисленію свободной наличности за истекшіе годы. По всѣмъ этимъ оборотамъ, свободная наличность Государственнаго Казначейства, какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля, уменьшилась въ общей сложности за 1890—1899 гг. на 2.610.168 р.

„Такимъ образомъ,—вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, которыя, помимо исполненія государственныхъ росписей, оказывали вліяніе на размѣры свободной наличности въ 1890—1899 гг. ²⁾),—наличность эта сократилась всего на 39.192.056 р. (36.581.888 р. + 2.610.168 р.), т.-е. на ту именно сумму, на которую, по мнѣнію г. Буха, была уменьшена означенная наличность въ отчетахъ Государственнаго Контроля за эти годы.

„Изъ всего вышenezложеннаго усматривается, что *ошибочность предположеній автора упомянутой статьи* объ уменьшеніи въ отчетахъ Государственнаго Контроля свободной наличности Государствен-

¹⁾ „Послѣдствіемъ переоцѣнки золотыхъ и полноцѣнныхъ серебряныхъ рублей было уменьшеніе металлической части свободной наличности: въ 1890 г.—на 4.150.784 р., въ 1891 г.—на 14.375.191 р., въ 1894 г.—на 22.114.267 р. и въ 1896 г.—на 15.935.180 р., всего на 56.575.422 р., а такъ какъ въ 1893 г. послѣдовало отъ той же причины *увеличеніе* означенной наличности на 19.993.534 р.,—то въ общей сложности она уменьшилась на 36.581.888 р. (56.575.422 – 19.993.534 руб.)“.

²⁾ „Этими же обстоятельствами объясняется и общая разниця между результатами исполненія росписей и размѣрами свободной наличности за періодъ времени 1886—1899 гг., исчисленная г. Бухомъ въ общей суммѣ 44 милл. руб.“.

наго Казначейства *проистекает из невернаго положенія, что размеры этой наличности должны были находиться въ зависимости только отъ результатовъ исполненія государственныхъ ростисей.*

„Исходя, затѣмъ, изъ этого положенія, совершенно произвольнаго и неоправдываемаго опубликованными отчетами Государственного Контроля, г. Бухъ вдается въ разнаго рода догадки по поводу обнаруженнаго имъ будто бы недочета. Разборъ всѣхъ этихъ предположеній Государственный Контроль находитъ излишнимъ, въ виду заключающихся въ отчетахъ точныхъ о свободной наличности свѣдѣній, устранивающихъ, какъ это выше видно, всякое сомнѣнiе въ существованіи какого-либо въ этой наличности недочета. Что же касается упоминаемаго въ заключительной части статьи г. Буха указанія въ объяснительной запискѣ къ отчету Государственного Контроля за 1899 г. объ увеличеніи свободной наличности Государственного Казначейства, вследствие состоявшагося Высочайшаго повелѣнія о закрытіи по отчету 1900 года невыполненныхъ расходовъ по системѣ государственнаго кредита за прошлые годы (на 42.665.457 руб. 25 к.), съ производствомъ сихъ расходовъ изъ смѣтныхъ назначеній текущихъ лѣтъ, — то указаніе это, какъ видно изъ текста записки, не имѣетъ никакого отношенія къ исчисленіямъ свободной наличности за прошлое время и касается лишь предстоящаго по отчету за 1900 г. измѣненія означенной наличности.

„Повременныя изданія, помѣстившія извлеченія изъ статьи г. Буха „По поводу государственной отчетности“, приглашаются напечатать и настоящее сообщеніе“.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1901.

Новый министр народнаго просвѣщенія и первый его распоряженія.—Столѣтіе Государственнаго Совѣта; главныя черты его исторіи и его заслуги; желательныя гарантіи и нововведенія.—Земскіе комитеты, проектируемые для не-земскихъ губерній.—Второе правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ. — „Московскія Вѣдомости“ и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ.

25-го минувшаго марта, замѣщена должность министра народнаго просвѣщенія, болѣе трехъ недѣль оставшаяся вакантною послѣ смерти Н. П. Боголѣпова. Генераль-адъютантъ Ванновскій призванъ на постъ министра Высочайшимъ рескриптомъ, самый текстъ котораго обратилъ на себя общее вниманіе въ такой же степени, какъ и непривычная въ подобныхъ случаяхъ форма:

„Правильное устройство народнаго образованія“,—таковы подлинныя слова рескрипта—„составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ Русскихъ Государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ, однако, на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію. Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устройства русской школы, и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли, и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе. Да благословитъ Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ, будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ

молодомъ поколѣніи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ“.

Недѣлю спустя, 1-го апрѣля, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія назначенъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія, сенаторъ Мѣщаниновъ, бывшій ближайшимъ сотрудникомъ генерала Ванновскаго въ комиссіи по разслѣдованію причинъ студенческихъ безпорядковъ, учрежденной 20-го февраля 1899-го года. Одновременно съ этимъ появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Начиная со второй половины минувшаго января мѣсяца, въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ происходили въ разное время студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою во многихъ изъ сихъ заведеній пріостановку учебныхъ занятій передъ наступленіемъ пасхальныхъ вакацій. Эта пріостановка занятій, воспрепятствовавшая нормальному ихъ завершенію, создала такое положеніе, при которомъ учащіеся могутъ быть поставлены въ необходимость или потерять учебный годъ, или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—въ силу дѣйствующихъ правилъ,—оставить учебное заведеніе. Такія послѣдствія должны тягостно отозваться на судьбѣ учащихся, а для многихъ изъ нихъ, по личному и семейному ихъ положенію, были бы истиннымъ бѣдствіемъ. Созванное съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, особое совѣщаніе главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, признало необходимымъ для возстановленія правильного теченія учебной жизни въ означенныхъ заведеніяхъ принять слѣдующія мѣры: 1) въ теченіе апрѣля мѣсяца въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновить учебныя занятія или же, по распоряженію подлежащаго учебнаго начальства, непосредственно приступить къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ въ сроки, опредѣляемые обычными росписаніями экзаменовъ; 2) если для окончанія учебныхъ занятій и производства экзаменовъ времени до начала лѣтнихъ вакацій оказалось бы недостаточно, то продолжить эти занятія и экзамены на вакаціонное время, предоставивъ подлежащему учебному началству опредѣлить необходимые для сего сроки; 3) неявившихся на экзамены безъ особой уважительной причины или невыдержавшихъ таковыя подвергать всѣмъ послѣдствіямъ, указаннымъ дѣйствующими на сей предметъ въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ правилами; 4) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ видѣ исключенія, дозволить въ текущемъ году осенніе экзамены и переекзаменовки въ особо уважительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ лицъ, по ходатайствамъ сихъ послѣднихъ, разрѣшаемымъ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ“.

5-го апрѣля опубликованъ „приказъ“ генераль-адъютанта Ванновскаго, знакомящій съ его взглядами на предстоящія ему задачи. „Точное и неуклонное исполненіе Высочайше преднамѣченной программы“—говоритъ министр—„должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учреждений, причемъ первая, важнѣйшая часть программы, реформа учебнаго строя,—къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно,—во всякомъ случаѣ потребуетъ, для полнаго ея осуществленія, извѣстнаго времени. Вторая, не менѣе важная ея часть—внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ болѣшимъ или менѣшимъ успѣхомъ. Отнынѣ это поставляется ему въ первую неуклонную и непремѣнную обязанность. Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по вѣренному мнѣ нынѣ министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы. Я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія. Я приглашаю родителей и семьи учащихся, путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей, помочь вѣренному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основы воспитанія лежатъ въ семьѣ, и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи. Я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ мѣропріятіямъ правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устройство русской школы и учебнаго дѣла. Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что, при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи, мы, съ Божьею помощію, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха: видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ“.

9-го апрѣля въ с.-петербургскомъ университетѣ происходила въ первый разъ официально разрѣшенная сходка студентовъ. 11-го апрѣля министр народнаго просвѣщенія посѣтилъ университетъ, а 16-го—технологическій институтъ.

30-го марта, въ пятницу на Страстной недѣлѣ, исполнилось столѣтіе со времени учрежденія Государственного Совѣта; торжественное чествованіе этого дня отложено до начала мая. Газеты напомнили исторію высшаго государственнаго учрежденія, существовавшаго, подъ различными именами, и въ до-Петровской Руси, и въ XVIII-мъ вѣкѣ, но только въ истекшемъ столѣтіи отлившагося въ ту форму, въ которой мы его видимъ въ настоящее время. Оцѣнка дѣятельности Государственного Совѣта въ разныхъ органахъ нашей прессы дана весьма различная. Газета „Россія“ (напечатавшая самый подробный очеркъ исторіи Государственного Совѣта) выразила мысль, что Государственный Совѣтъ оказалъ великія услуги въ развитіи нашего законодательства, и что съ исторіей Россіи въ XIX в. онъ „связанъ разѣ навсегда самыми тѣсными узами“. Къ противоположному выводу пришла „Недѣля“: перебирая мысленно все „значительное, совершенное государствомъ“ въ минувшемъ вѣкѣ, она „не нашла ни на чемъ отпечатка мысли, труда, опытности высшаго въ имперіи учрежденія“. „Все“—по мнѣнію „Недѣли“—„сдѣлано внѣ его, помимо его. Если нужно было выйти изъ рутинны министерскихъ докладовъ, устраивались особыя коммиссіи, совѣщанія, собирались даже съѣзды свѣдущихъ лицъ, оказывавшихся обыкновенно несвѣдущими безличностями, и даже на этихъ несвѣдущихъ безличностяхъ возлагалось надежды больше, чѣмъ на учрежденіе, самая специальность котораго была совѣщаться и совѣтовать“. За Государственнымъ Совѣтомъ признается только одна, отрицательная заслуга: онъ оказывалъ во многихъ случаяхъ „сильное сдерживающее вліяніе; отъ многого прямо воздерживались передъ перспективой объясненій Государственному Совѣту и перекрестнаго въ немъ вопроса“... Чтобы опредѣлить, какое изъ этихъ мнѣній ближе къ истинѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на роль, сыгранную Государственнымъ Совѣтомъ въ разные періоды его существованія—и на условія, противоdѣйствовавшія расширенію этой роли.

Что Государственный Совѣтъ, въ первое время послѣ окончательнаго его устройства (т.-е. въ 1810 и 1811 гг.), оправдывалъ возлагавшіяся на него надежды—это удостовѣрено его великимъ организаторомъ. „Никогда въ Россіи“—писалъ Сперанскій въ первомъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности преобразованнаго Государственного Совѣта—„законы не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, никогда самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ“. Этотъ медовый мѣсяцъ продолжался недолго; удаленіе Сперанскаго, событія 1812-15 гг., глубокая перемѣна въ на-

строении императора—все это положило конецъ только-что расцвѣтавшей жизни и сдѣлало возможнымъ „самовластіе“ Аракчеева. Поднялся изъ своего униженія Государственный Совѣтъ лишь въ первый періодъ царствованія Николая I-го, когда, вмѣстѣ съ Сперанскимъ, имъ руководили такіе люди, какъ кн. Кочубей и кн. Васильчиковъ. Обстоятельства не благоприятствовали ни ограниченію произвола, ни широкому развитію законодательства; но все-таки, благодаря Государственному Совѣту, не совсѣмъ исчезала идея законности, не падали послѣднія преграды, противопоставленныя усмотрѣнію министровъ. Припомнимъ знаменательные факты, приведенные въ нашей февральской общественной хроникѣ, и въ особенности слова кн. Васильчикова (предсѣдателя Государственного Совѣта съ 1838 по 1847 г.): „Гдѣ идетъ рѣчь объ охраненіи правъ Совѣта, дѣйствующаго именемъ Государя, тамъ я долженъ вступить всѣми своими силами—или все бросить и уйти“... Послѣдніе годы царствованія Николая I-го, выдвинувшіе на первый планъ гр. Левашева, кн. Чернышева, кн. Ширинскаго-Шихматова, Бутурлина, гр. Орлова, были свидѣтелями такого же упадка Государственного Совѣта, какъ и всѣхъ другихъ высшихъ учреждений. Этимъ объясняется второстепенная и мало симпатичная роль, которую онъ игралъ въ крестьянской реформѣ (по спорнымъ вопросамъ большинство высказывалось обыкновенно противъ проектовъ редакціонной комиссіи, и государь чаще соглашался съ меньшинствомъ; но большинству удалось-таки ввести въ положеніе такъ называемый даровой—нищенскій, сиротскій—надѣлъ, такъ тяжело отзывавшійся на многихъ десяткахъ тысячъ крестьянъ).

Весьма скоро, однако, обновительное движеніе отразилось и на Государственномъ Совѣтѣ; отношеніе его къ судебной реформѣ является уже вполне достойнымъ великаго дѣла. Подготовка преобразованія, въ старческихъ рукахъ гр. Блудова двигавшаяся черепашинымъ шагомъ, пошла впередъ чрезвычайно быстро, когда ее приняла на себя, въ 1861 г., государственная канцелярія. Предсѣдателю Государственного Совѣта (кн. Гагарину) принадлежитъ честь исходатайствованія Высочайшаго повелѣнія, разрѣшившаго положить въ основаніе новаго судебного строя тѣ главныя начала, несомнѣнное достоинство которыхъ признано *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*. Единогласно были приняты Государственнымъ Совѣтомъ основныя положенія 1862-го года, освятившія все то, чѣмъ обусловливается цѣнность судебныхъ уставовъ. Не встрѣтили противодѣйствія со стороны Государственного Совѣта и самыя уставы, составленные, въ теченіе одного года, особой комиссіей при Государственной Канцеляріи. Въ проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Государственный Совѣтъ внесъ измѣненія, направлен-

ныя, главнымъ образомъ, къ смягченію сословнаго характера земства, расширенію его функций и ограниченію власти администраціи. Только благодаря Государственному Совѣту земство получило право заботиться о народномъ образованіи. Разсматривая, вслѣдъ за тѣмъ, законопроектъ о печати, Государственный Совѣтъ согласился на введеніе административныхъ каръ только потому, что онѣ должны были, по его убѣжденію, имѣть характеръ временной, переходной мѣры. Онъ понизилъ число печатныхъ листовъ, при которомъ книга не подлежитъ предварительной цензурѣ, настоялъ на освобожденіи подцензурныхъ періодическихъ изданій отъ представленія залога, поставилъ въ зависимость прекращеніе изданія, послѣ третьяго предостереженія, отъ перваго департамента Сената. При обсужденіи Городового Положенія (1870-го года) Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ имѣть въ виду мнѣніе людей, практически знакомыхъ съ городскими дѣлами, и во многомъ измѣнилъ къ лучшему первоначальный проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Законъ объ общей воинской повинности прошелъ въ томъ видѣ, какой былъ данъ ему Д. А. Милютинымъ, благодаря энергіи, съ которой громадное большинство Государственного Совѣта отклонило всѣ попытки меньшинства (въ особенности гр. Д. А. Толстого) увеличить льготы, связанныя съ происхожденіемъ, и уменьшить льготы, приобретаемыя образованіемъ. Наконецъ, для характеристики Государственного Совѣта эпохи Александра II-го весьма важенъ и тотъ фактъ, что значительное большинство Совѣта подало голосъ противъ гимназической реформы гр. Д. А. Толстого...

О дѣятельности Государственного Совѣта въ два послѣднія десятилѣтія XIX-го вѣка мы знаемъ сравнительно меньше. Едва ли, однако, мы ошибемся, если скажемъ, что онъ хранилъ вѣрность завѣтамъ эпохи великихъ реформъ, отстаивалъ, когда и сколько могъ, законодательные ея акты или старался, по меньшей мѣрѣ, смягчить, ограничить предпринимаемыя въ нихъ перемѣны. Большинство Государственного Совѣта высказалось, въ 1884-мъ году, противъ новаго университетскаго устава; не сочувствовало оно и основной мысли судебно-административнаго преобразованія 1889-го года. Законопроекты, направленные къ ограниченію земскихъ функций и къ стѣсненію свободы дѣйствій земства (напр., законопроекты о фиксациі земскихъ смѣтъ, объ изыятіи изъ вѣдѣнія земства попеченія о народномъ продовольствіи) встрѣчали въ средѣ Государственного Совѣта, какъ слышно, принципиальныя возраженія, и подвергались иногда если не общимъ, то хотя частнымъ поправкамъ...

Приведенныхъ нами, хотя, быть можетъ, и немногихъ фактовъ достаточно, однако, чтобы установить истинное значеніе Государственного Совѣта въ исторіи русскаго законодательства XIX-го вѣка. Если

важнѣйшія реформы готовились и готовятся иногда въ особѣхъ комиссіяхъ или совѣщаніяхъ, то это отнюдь не можетъ служить аргументомъ противъ Государственнаго Совѣта: для *выработки* законопроектвъ онъ вовсе не приспособленъ, его задача—ихъ обсужденіе, и эту задачу онъ исполняетъ какъ тогда, когда законопроектъ составленъ однимъ изъ министерствъ, такъ и тогда, когда надъ нимъ потрудились цѣлая комиссія. Въ настоящее время, напримѣръ, Государственный Совѣтъ уже третій годъ занятъ обсужденіемъ проекта уголовного уложенія, составленнаго особой комиссіей и внесеннаго въ Совѣтъ предсѣдателемъ ея, Э. В. Фришемъ, совмѣстно съ министромъ юстиціи. Не говорить противъ Государственнаго Совѣта и обращеніе къ такъ называемымъ „свѣдущимъ людямъ“: они должны были не замѣнять его собою, а пополнять его недостающимъ ему элементомъ—практическимъ знакомствомъ съ разными областями мѣстной жизни ¹⁾.

Возражая противъ несправедливаго умаленія заслугъ Государственнаго Совѣта, мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы онъ принесть, за сто лѣтъ своего существованія, всю ту пользу, какой можно было бы ожидать отъ высшаго законосовѣщательнаго учрежденія. Этому помѣшало, прежде всего, неосуществленіе плановъ Сперанскаго, въ которыхъ Государственный Совѣтъ являлся только частью обширнаго цѣлаго ²⁾. Оторванное звено длинной цѣпи, онъ не могъ занять положенія, которое ему предназначалось, и его роль съ самаго начала должна была сдѣлаться не вполне опредѣленной. Эта неопредѣленность сдѣлалась еще болѣе замѣтной, когда первоначальное „образованіе“ Государственнаго Совѣта уступило мѣсто „учрежденію“ 1842-го года, дѣйствующему и въ настоящее время. По закону, однако, Государственный Совѣтъ является и теперь *необходимымъ* органомъ законодательнаго творчества. За силою ст. 50 Законовъ *основныхъ*, *въ* предначертанія законовъ разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Ст. 23 Учр. Госуд. Сов. устанавливаетъ предварительное поступленіе на уваженіе Государственнаго Совѣта не только *въ* *предметовъ*, требующихъ новаго закона, но и предметовъ внутренняго

¹⁾ Совершенно неправильно „Недѣля“ называетъ этихъ свѣдущихъ лицъ „несвѣдущими безличностями“; между ними были такіе люди (называемъ только умершихъ), какъ кн. Васильчиковъ, Гордѣенко, Колупановъ, кн. Волконскій. Необходимо, притомъ, различать призывы 1881-го года, позволявшіе ожидать обращенія „свѣдущихъ людей“ въ постоянное учрежденіе, отъ призывовъ позднѣйшихъ, замѣнившихъ самое названіе „свѣдущихъ людей“ названіемъ „мѣстныхъ дѣятелей“ и обращенныхъ только къ должностнымъ лицамъ. И между послѣдними, однако, не всѣ отличались безличностью; преобладающій недостатокъ многихъ изъ нихъ былъ другой—узкая партійная односторонность и тенденціозность.

²⁾ См. у насъ выше статью профессора Иванова: стр. 286 и слѣд.

управленія, требующихъ отмены, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній, дѣлъ, требующихъ изясненія истиннаго смысла закона, мѣръ и распоряженій общихъ, приемлемыхъ къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, и даже общихъ внутреннихъ мѣръ, *въ чрезвычайныхъ случаяхъ приемлемыхъ*. На основаніи ст. 160 и 161 Учрежд. Минист., Государственный Совѣтъ есть средоточіе, куда должны поступать *все* представленія министровъ о необходимости новаго закона или объ отменѣ прежняго. Нѣтъ ничего противорѣчающаго этимъ правиламъ и въ учрежденіи комитета министровъ, къ функціямъ котораго обсужденіе мѣръ законодательнаго характера, хотя бы и временныхъ, не отнесено вовсе. Что Государственный Совѣтъ только одинъ, изъ *всѣхъ* высшихъ государственныхъ учреждений (кроме Военнаго и Адмиралтействъ-совѣтовъ, по дѣламъ специально военнымъ и военно-морскимъ), призванъ къ участію въ законодательной дѣятельности и что участіе его въ ней *необходимо* — насчетъ этого согласны *все* наши государствовѣды ¹⁾. Припомнимъ, наконецъ, слова императора Николая I-го, записанныя барономъ М. А. Корфомъ и приведенныя въ одной изъ нашихъ послѣднихъ общественныхъ хроникъ: „Министерства слишкомъ стали мучить меня непосредственными докладами, и оттого я подтвердилъ, чтобы о *всѣхъ* законодательныхъ предметахъ они впредь представляли не иначе, какъ черезъ Совѣтъ. Въ соврашеніи отъ этого порядка виною, впрочемъ, отчасти я самъ; но меня *вынуждала* къ тому необходимость“ (необходимость, вытекавшая изъ запущенія нѣкоторыхъ частей управленія и теперь болѣе не существующая). И тѣмъ не менѣе на практикѣ отступленія отъ основнаго начала, столь ясно выраженнаго и *всеми* признаннаго, встрѣчаются очень часто. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, установившее рядъ „общихъ внутреннихъ мѣръ“, въ *чрезвычайныхъ случаяхъ приемлемыхъ*, и дѣйствующее уже почти двадцать лѣтъ, не было проведено черезъ Государственный Совѣтъ; существенно важное дополненіе его состоялось въ 1895 г. по всеподданнѣйшему докладу двухъ министровъ. *Временныя* правила о печати, до крайности ухудшившіяся положеніе, изданы, въ 1882-мъ г., также помимо Государственнаго Совѣта и дополнены, въ 1897-мъ г., положеніемъ Комитета министровъ, существенно ограничившимъ гражданскія права издателей. *Всеми* извѣстны существенно важныя временныя мѣры, отмѣняющія дѣйствіе общаго закона и не прошедшія даже черезъ Комитетъ министровъ. Понятно, какъ отзывается такой порядокъ на положеніи Государственнаго Совѣта. Газета „Россія“ совершенно права, выражая

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1895-ый; № 11 за 1899-ый и № 2 за 1901-ый годъ.

желаніе, чтобы юбилей Государственнаго Совѣта былъ ознаменованъ установленіемъ гарантій противъ его „обхода“, т.-е. противъ проведенія помимо него законопроектовъ и вообще мѣръ законодательнаго свойства. Другое пожеланіе „Россіи“ — дарованіе членамъ Государственнаго Совѣта права законодательной инициативы — является повтореніемъ мысли, выраженной, года полтора тому назадъ, Н. М. Коркуновымъ, съ указаніемъ на то, что это было бы только возвращеніемъ къ порядку, существовавшему съ 1801-го по 1809-ый годъ. Разбирая, въ свое время ¹⁾, предложеніе г. Коркунова, мы старались показать, что осуществленіе его могло бы послужить противовѣсомъ нынѣшнему порядку, при которомъ — вслѣдствіе монополіи министровъ въ возбужденіи законодательныхъ вопросовъ, — откладывается *sine die* все могущее съуздить область административнаго усмотрѣнія (напр. пересмотръ законовъ о печати, пересмотръ правилъ объ административной ссылкѣ и полицейскомъ надзорѣ) и ускореннымъ темпомъ двигается все могущее ее расширить. Намъ казалось, однако — и продолжаетъ казаться и теперь, что большія надежды на инициативу членовъ Государственнаго Совѣта, назначаемыхъ, за рѣдкими исключеніями, изъ среды высшихъ служебныхъ сферъ, возлагать нельзя; преобладающее вліяніе осталось бы все-таки на сторонѣ представителей власти. На долю законопроектовъ, составленныхъ членами Государственнаго Совѣта, успѣхъ выпадалъ бы, по всей вѣроятности, только тогда, когда содержаніе ихъ было бы лишено принципиальнаго характера и не шло бы въ разрѣзъ съ господствующими тенденціями. Восполнить пробѣлы текущаго законодательства, усилить въ немъ элементы, давно отгѣсненныя на задній планъ, измѣнить общее его направленіе — инициатива членовъ Государственнаго Совѣта едва ли оказалась бы въ состояніи. Это былъ бы, конечно, только палліативъ, но все-же палліативъ далеко не безполезный.

Мы только-что упомянули о сферахъ, изъ которыхъ обыкновенно пополняется составъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь, думается намъ, лежитъ второй тормазъ дѣятельности этого учрежденія. Когда Н. М. Коркуновъ, въ той же статьѣ, въ которой онъ говорилъ объ инициативѣ членовъ Госуд. Совѣта, указалъ на отсутствіе въ средѣ Совѣта іерарховъ православной церкви, мы замѣтили, что это отсутствіе — только одно изъ проявленій отличительной черты, свойственной составу Государственнаго Совѣта: почти безусловной его однородности. Членами Совѣта назначаются почти исключительно лица, достигшія высшихъ административныхъ или судебныхъ должностей: бывшіе министры, товарищи министра, генераль-губернаторы, сенаторы, высшіе придвор-

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1899-ый годъ.

ные чины (въ рѣдкихъ случаяхъ—губернаторы, попечители учебныхъ округовъ). Въ восьмидесятыхъ годахъ были допущены отступленія отъ этой практики: въ Государственный Совѣтъ почти одновременно были призваны графъ Вобринскій, московскій губернский предводитель дворянства, и Г. П. Галаганъ, извѣстный своею общественною дѣятельностью, но никогда не занимавшій крупнаго служебнаго поста, а нѣсколько позже — И. А. Вышнеградскій, бывшій до тѣхъ поръ только профессоромъ, виднымъ акціонернымъ дѣтелемъ и, недолго, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ подобныя назначенія не повторялись. Между тѣмъ, прошло то время, когда опытность и знанія, необходимыя для членовъ высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, могли быть приобретаемы только на государственной службѣ. Если лица, выдвинувшіяся своими способностями на поприщахъ не-служебныхъ, назначаются иногда прямо на высшія административныя должности, то тѣмъ менѣе препятствій, повидимому, представлялъ бы призывъ ихъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, въ такомъ случаѣ, конечно оказалось бы мѣсто и для іерарховъ православной церкви, и для представителей другихъ вѣроисповѣданій. Государственному Совѣту, соединяющему въ своей средѣ множество разнообразныхъ силъ, легче было бы сдѣлаться въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по закону: *средоточіемъ* всей законодательной работы, во всемъ ея объемѣ, безъ различія между правилами временными и постоянными, чрезвычайными и обыкновенными... Само собою разумѣется, однако, что назначеніе нѣсколькихъ лицъ изъ самыхъ различныхъ сферъ общественной дѣятельности не дало бы Государственному Совѣту всей той суммы знанія и пониманія, какая нужна высшему законосовѣщательному учрежденію. Не даромъ же вошло въ обычай обращеніе, въ важныхъ случаяхъ, къ „свѣдущимъ людямъ“, какъ къ голосу жизни, какъ къ незамѣнимому дополненію и освѣщенію официальной работы. Опытъ прошедшаго доказываетъ необходимость возвести институтъ свѣдущихъ людей на степень чего-то постоянного и прочнаго, неразрывно связаннаго съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Констатируя недостаточность состава Государственнаго Совѣта, мы спѣшимъ прибавить, что въ тѣхъ предѣлахъ, въ которые его заключила долголѣтняя практика, онъ располагаетъ и теперь немалыми силами. Мы видимъ въ немъ и бывшихъ сенаторовъ-ревизоровъ 1880-81 г., имѣвшихъ случай изучить на мѣстахъ нашу провинціальную жизнь, и бывшаго министра той же эпохи, замышлявшаго обновленіе начальной и средней школы, и бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, при которомъ она могла вздохнуть свободно и ожидать лучшаго будущаго, и автора трудовъ, внушенныхъ заботой о благосостояніи народной массы, и одного изъ

лучшихъ знатоковъ русской статистики, и даровитыхъ юристовъ, принимавшихъ участіе въ составленіи и осуществленіи судебныхъ уставовъ. Еще недавно въ Государственномъ Совѣтѣ засѣдали такіе люди, какъ М. Е. Ковалевскій, Е. П. Перетцъ, бар. Николай, М. С. Кахановъ, Е. П. Старицкій, Н. Х. Бунге, имена которыхъ неразрывно связаны съ лучшими воспоминаніями недавняго прошлаго. Исторія, для которой нѣтъ тайнъ, освѣтитъ ту роль, которую они играли въ Государственномъ Совѣтѣ—и которую могли бы сыграть при другихъ условіяхъ, болѣе благоприятныхъ.

Въ петербургскихъ газетахъ приведено содержаніе новаго проекта земскаго устройства въ такъ называемыхъ не-земскихъ губерніяхъ (архангельской, астраханской, виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской, оренбургской, подольской и ставропольской). Основанія проекта слѣдующія: „вмѣсто губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній предположено учредить губернскіе и уѣздные земскіе комитеты. Въ губернскомъ земскомъ комитетѣ предсѣдательствовать будетъ губернаторъ. Членами этого комитета будутъ начальники всѣхъ частей гражданскаго управленія: предсѣдатели казенной и контрольной палатъ, управляющій государственными имуществами, непремѣнные члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, прокуроръ окружнаго суда, а также предсѣдатель и члены губернской земской управы и земскіе гласные—по одному или два отъ cadaго уѣзда. Въ уѣздномъ земскомъ комитетѣ предсѣдательствовать будетъ уѣздный предводитель дворянства. Въ комитетъ этотъ въ качествѣ членовъ войдутъ мировые посредники или земскіе начальники, гдѣ послѣдніе имѣются, податные инспекторы, уѣздные земскіе уполномоченные и земскіе гласные. Исполнительнымъ органомъ губернскаго земскаго комитета будетъ губернская земская управа, въ составъ которой войдутъ предсѣдатель и три члена. Составъ губернской земской управы, по представленію губернатора, будетъ назначаться министромъ внутреннихъ дѣлъ. Функции уѣздной земской управы будутъ исполнять земскіе уполномоченные. Эти уполномоченные будутъ завѣдывать или всѣми отраслями земскаго хозяйства въ какой-либо части уѣзда, или какой-либо определенной отраслью земскаго хозяйства въ цѣломъ уѣздѣ. Земскіе уполномоченные будутъ избираться губернскимъ земскимъ комитетомъ, на обязанность котораго возлагается и опредѣленіе числа уполномоченныхъ въ уѣздѣ. Комитету предоставлено также право распредѣлять между уполномоченными обязанности по завѣдыванію земскими дѣлами въ уѣздѣ. Губернскіе и уѣздные земскіе комитеты собираются

разъ въ годъ, а въ случаѣ надобности — и чаще. Земскія смѣты въ полномъ объемѣ будутъ утверждаться министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Если содержаніе проекта передано вѣрно, то осуществленіе его увеличитъ число существующихъ у насъ присутственныхъ мѣстъ, но не расширить сферу дѣйствій земскихъ учреждений. Губернскіе и уѣздные земскіе комитеты — земскіе только по имени — будутъ ни чѣмъ инымъ, какъ новой разновидностью такъ называемыхъ смѣшанныхъ присутствій, въ столь большомъ числѣ разсыпанныхъ въ нашихъ губерніяхъ и уѣздахъ и столь рѣдко достигающихъ своей цѣли. Въ приведенномъ нами сообщеніи ничего не сказано и о способѣ избранія уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ; не видно даже и того, будутъ ли они избираемы или назначаемы. Последнее болѣе вѣроятно, въ виду *назначенія* предсѣдателя и членовъ губернской земской управы; но если и допустить, что къ гласнымъ будетъ примѣненъ выборный принципъ, то общій духъ проекта заставляетъ ожидать такого устройства выборовъ, при которомъ отъ нихъ останется почти одно только имя. Каково будетъ, притомъ, положеніе даже дѣйствительно выборныхъ гласныхъ, если рядомъ съ ними будутъ засѣдать, въ равномъ или почти равномъ, — а можетъ быть и большемъ — числѣ, представители администраціи, изъ которыхъ будутъ состоять и исполнительные органы земскихъ комитетовъ? Гдѣ гарантія въ томъ, что рѣшеніе губернскаго земскаго комитета, постановленное большинствомъ гласныхъ противъ чиновническаго меньшинства, будетъ приведено въ исполненіе, согласно настоящему его смыслу, губернской управой, предсѣдатель и члены которой назначены министромъ внутреннихъ дѣлъ по представленію губернатора? Гдѣ гарантія единодушія между уѣзднымъ земскимъ комитетомъ — если въ немъ будутъ преобладать выборные гласные, — и уѣздными земскими уполномоченными, октроированными уѣзду губернскимъ земскимъ комитетомъ? И къ чему сведется самостоятельность земскихъ комитетовъ, разъ что составленные ими смѣты будутъ подлежать, во всемъ ихъ объемѣ, утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ?.. Говоря, года два тому назадъ, о проектѣ введенія земскихъ учреждений въ девяти западныхъ губерніяхъ,¹⁾ мы выразили убѣжденіе, что лучше отложить на нѣсколько лѣтъ распространеніе земской реформы на западный край, чѣмъ примѣнить ее тамъ въ столь несовершенномъ видѣ, — а между тѣмъ тотъ проектъ, при всѣхъ своихъ крупныхъ недостаткахъ, все-таки несравненно меньше отступалъ отъ основныхъ началъ земскаго устройства, чѣмъ приведенный нами выше. Въ еще болѣе степени это слѣдуетъ сказать о проектѣ введенія земскихъ учреждений въ губерніяхъ оренбургской, астраханской

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 12 „Вѣстн. Европы.“ за 1898 г.

и ставропольской, также составленномъ при И. Д. Горемыкинѣ ¹⁾. Фактическія данныя, собранныя въ 1898-мъ году, удостовѣряютъ, что какъ на западѣ имперіи, такъ и на юго-востокѣ вполне возможно введеніе настоящихъ, а не мнимыхъ земскихъ учреждений... „Созданіе земскихъ комитетовъ“ сослужило бы службу только реакціонной прессѣ: она не преминула бы провозгласить ихъ лучшимъ способомъ разрѣшенія земскаго вопроса, одинаково примѣнимымъ ко всѣмъ частямъ имперіи...

Изъ послѣдняго правительственнаго сообщенія о мѣрахъ обезпеченія продовольствія и обмѣненія въ неурожайныхъ мѣстностяхъ видно, что на этотъ предметъ отпущено изъ продовольственныхъ капиталовъ и средствъ казны, въ февралѣ и мартѣ, 636.387 руб., что составляетъ, вмѣстѣ съ прежними затратами, 5.650.906 руб. Красный Крестъ ассигновалъ за то же время, на устройство столовыхъ для нуждающагося населенія, 138 тысячъ рублей, доведя общую сумму своихъ пожертвованій до 188 тыс. рублей. Какъ ни значительна эта помощь, она, очевидно, не соотвѣтствуетъ размѣрамъ нужды. Вотъ, напримѣръ, что пишутъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“ изъ елизаветградскаго уѣзда (херсонской губерніи): „состоявшееся подъ предсѣдательствомъ херсонскаго губернатора совѣщаніе земскихъ начальниковъ и управы единогласно высказалось, что удовлетвореніе продовольственной потребности населенія уѣзда совершенно и всесторонне обезпечено имѣющимися въ распоряженіи земской управы и мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста средствами, вслѣдствіе чего помощь населенію со стороны какихъ-либо другихъ организацій представляется излишней. Вслѣдъ за этимъ изъ всѣхъ пунктовъ уѣзда земскій медицинскій персоналъ сталъ сообщать объ усиливающемся голоданіи населенія и объ увеличеніи числа тифозныхъ больныхъ. Помощь, организованная Краснымъ Крестомъ, имѣетъ въ виду исключительно дѣтей, стариковъ и убогихъ, и притомъ она должна прекратиться съ 15-го апрѣля или 1-го мая. Столовые, открытыя на 150 человѣкъ, въ дѣйствительности кормятъ 800—900 чел. Частная помощь, вслѣдствіе запрета (?!), совершенно отсутствуетъ; во всемъ уѣздѣ работаетъ только одно частное лицо — госпожа Журавская ²⁾, —добившаяся въ Петербургѣ разрѣшенія кормить голодающихъ“. Корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, рисуя поразительныя картины народнаго бѣдствія, пишетъ: „земскій начальникъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ,

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1899 г.

²⁾ Вотъ ея адресъ: посадъ Новоукраинка, елизаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи, Валентинъ Эразмовъ Журавской.

что рѣшено никого изъ прїѣзжихъ не допускать къ дѣятельности (на пользу голодающихъ): вся помощь должна идти черезъ Красный Крестъ. Учитель деревни Ивановки путемъ обращенія къ добрымъ людямъ собралъ кое-какія крохи и устроилъ столовую, но получилъ за это выговоръ, а затѣмъ послѣдовалъ циркуляръ инспектора народныхъ училищъ, воспретившій учителямъ обращеніе къ печати и вообще всякую личную инициативу въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Вообще, въ херсонской губерніи „недружелюбно встрѣчаются всякая *посторонняя* рука, протягивающая корку хлѣба голодающимъ, всякій *посторонній* глазъ, видящій то, чего не хотѣлось бы показывать міру, и всякій *посторонній* голосъ, обращенный къ обществу съ цѣлью привлечь его вниманіе и сочувствіе къ бѣдствующему населенію“. Мы, къ сожалѣнію, ошиблись, растолковавъ, два мѣсяца тому назадъ, первое правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ какъ призывъ къ свободной, широкой частной помощи, безъ пріуроченія ея къ заранѣе определеннымъ путямъ и формамъ. Препрады, хорошо знакомыя намъ по прежнимъ неурожайнымъ годамъ, сохранили, повидимому, свою силу — и соотвѣтственно этому ослабла волна общественнаго содѣйствія, столь важнаго въ критическія минуты народной жизни.

Еслибы кто-нибудь захотѣлъ опредѣлить сразу, не изучая подробно какой-нибудь новый законъ или законопроектъ, расширяется ли имъ область общественной дѣятельности или, наоборотъ, область бюрократическаго произвола, — ему достаточно было бы, въ большинствѣ случаевъ, навести справку о мнѣніи „Московскихъ Вѣдомостей“ — такъ послѣдовательно и систематично эта газета привѣтствуетъ всякій шагъ назадъ, и оплакиваетъ все носящее на себѣ освободительный характеръ. Когда проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ сдѣлался предметомъ единодушныхъ возраженій и въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати, для полной его оцѣнки недоставало одного: похвалы со стороны реакціонной прессы. Послѣ долгаго молчанія, „Московскія Вѣдомости“ выполнили, наконецъ, свою обычную функцію: онѣ посвятили рядъ статей (№№ 78, 80 и 88) защитѣ проекта — и этимъ устранили всякое сомнѣніе относительно его настоящаго смысла. Замѣчанія газеты направлены всецѣло противъ нашего февральскаго внутренняго обозрѣнія. Одни изъ нихъ имѣютъ цѣлью показать, что проектъ наказа не вноситъ существенныхъ перемѣнъ въ отношенія учебной администраціи къ училищнымъ совѣтамъ и къ органамъ самоуправленія; другія направлены къ оправданію нововведеній, отрицать которыя не рѣшаются даже апологеты проекта. Начнемъ съ первыхъ.

Расширеніе правъ инспектора мы нашли, между прочимъ, въ той

статьѣ проекта (36-ой), по которой въ случаѣ несогласія инспектора народныхъ училищъ съ постановленіемъ уѣзднаго училищнаго совѣта дѣло представляется на разсмотрѣніе въ губернской училищный совѣтъ. „Московскія Вѣдомости“ указываютъ намъ на ст. 56 прилож. къ ст. 50 Т. XI Св. зак. ч. 1 изд. 1893 г., находя, что она предоставляетъ инспектору право переносить на разсмотрѣніе губ. учил. совѣта *всѣ* дѣла, по которымъ онъ не согласенъ съ большинствомъ совѣта. Но, во-первыхъ, эта статья входитъ въ составъ инструкции инспекторамъ, не утвержденной въ законодательномъ порядкѣ и не вполне согласованной съ закономъ, котораго она, какъ признано комитетомъ министровъ при ея изданіи, ни въ чемъ измѣнять не должна ¹⁾; во-вторыхъ, она вовсе не имѣетъ того широкаго смысла, какой приписываетъ ей московская газета. „Въ случаѣ надобности“ — таковы буквально текстъ статьи, — „инспекторъ, по соглашенію съ *предводителемъ уѣзднаго училищнаго совѣта*, можетъ пригласить членовъ онаго въ экстраординарное засѣданіе и предлагать имъ на обсужденіе, устно или письменно, свои наблюденія, собранныя во время осмотра училищъ, и мѣры, признаваемыя имъ полезными для устраненія тѣхъ или другихъ замѣченныхъ имъ недостатковъ. Въ случаѣ несогласія съ нимъ большинства членовъ совѣта, онъ имѣетъ право записать свое мнѣніе въ журналъ, для представленія на усмотрѣніе губернскаго училищнаго совѣта“. Обѣ части статьи должны быть разсматриваемы какъ одно цѣлое; обѣ относятся къ чрезвычайнымъ случаямъ, требующимъ созыва уѣзднаго училищнаго совѣта въ экстраординарное засѣданіе — а такъ какъ для такого созыва необходимо соглашеніе инспектора съ *предсѣдателемъ совѣта*, т.-е. съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, то согласіемъ послѣдняго обусловлено, косвенно, и переносъ дѣла въ губернской совѣтъ. Ничего подобнаго ст. 36-ая проекта не устанавливаетъ, и мы имѣли полное основаніе усмотрѣть въ ней расширеніе правъ инспекціи, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ значенія уѣзднаго училищнаго совѣта и его предсѣдателя.

Еще болѣшимъ расширеніемъ власти инспекціи (и дирекціи) слѣдуетъ признать, съ нашей точки зрѣнія, предоставленіе имъ права разрѣшать, помимо совѣтовъ, вопросы, касающіеся учебно-воспитательной части училищъ. „Московскія Вѣдомости“ стараются доказать, что такое право принадлежитъ имъ и въ настоящее время: ст. 5 и 17 инструкции 1871 г. уполномочиваютъ инспекторовъ и директоровъ *наблюдать* за нравственною частью училищъ, за порядкомъ надзора

¹⁾ Противорѣчіе между инструкціей и закономъ замѣчено уже давно, между прочимъ — с.-петербургскимъ дворянскимъ собраніемъ, два раза представлявшимъ о томъ министерству народнаго просвѣщенія (См. Внутр. Обзорніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.).

надъ учащимися, за мѣрами поощренія и взысканія—а на училищныя совѣты законъ не возлагаетъ ни постановки, ни веденія учебно-воспитательной части. Это послѣднее утвержденіе прямо противорѣчитъ ст. 3487 т. XI ч. I, по которой попеченіе о *надлежащемъ нравственномъ направленіи* начальнаго образованія прямо возлагается на училищныя совѣты и ихъ предсѣдателей. Въ отношеніи къ училищнымъ совѣтамъ то же правило повторено даже въ проектѣ наказа (ст. 4), впадающемъ, слѣдовательно, въ противорѣчіе не только съ закономъ, но и съ самимъ собою ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли будетъ со стороны совѣтовъ попеченіе о нравственномъ направленіи начальнаго образованія, если предположенія директоровъ и инспекторовъ по предмету учебно-воспитательной части училищъ будутъ вносимы, по ихъ усмотрѣнію, *или* на разсмотрѣніе совѣтовъ, *или* на разрѣшеніе начальства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже осуществляемы собственною ихъ властью? Не ясно ли, что статьи проекта (12 и 13), устанавливающія такой порядокъ, отмѣняютъ дѣйствующій законъ и наносятъ существенно важный ударъ значенію училищныхъ совѣтовъ?

„Московскія Вѣдомости“ отрицаютъ, что отмѣну единоличныхъ распоряженій инспектора проектъ наказа переноситъ съ уѣзднаго на губернскій училищный совѣтъ. Чтобы убѣдиться въ правильности нашего мнѣнія по этому вопросу, стоитъ только прочесть ст. 28-ую проекта: „инспектору народныхъ училищъ, согласно ст. 3499 Св. Зак. т. XI ч. I, предоставляется въ то время, когда засѣданія училищнаго совѣта не бываетъ, постановлять, въ предѣлахъ предоставленной совѣтамъ власти, рѣшенія по дѣламъ оныхъ и приводить таковыя рѣшенія въ исполненіе, съ обязанностью отдавать отчетъ въ сихъ рѣшеніяхъ передъ совѣтомъ и съ отвѣтственностью за сдѣланныя постановленія и распоряженія. *Въ случаѣ несогласія училищнаго совѣта съ какимъ-либо изъ такихъ рѣшеній или постановленій инспектора, дѣло переносится на разсмотрѣніе губернскаго училищнаго совѣта*“. Статьи 3499-ая, на которую въ проектѣ сдѣлана ссылка, изложена такъ: „завѣдывая учебною частью въ народныхъ училищахъ, инспекторъ обязанъ своими замѣчаніями относительно способовъ и пріемовъ преподаванія всѣхъ безъ исключенія предметовъ, содѣйствовать возможно лучшему усвоенію оныхъ учащимися. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ право, въ то время, когда нѣтъ засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта, постановлять, *въ случаѣ надобности и въ предѣлахъ предоставленной ему власти*, рѣшенія, съ обязанностью

¹⁾ Вопреки вышеприведенному закону, ст. 4-ая проекта ничего не говоритъ о личномъ участіи предводителей дворянства въ попеченіи о нравственномъ направленіи начальнаго образованія.

отдавать отчетъ въ оныхъ передъ совѣтомъ и съ отвѣтственностью за таковыя рѣшенія". Сравненіе этихъ статей показываетъ: 1) что распоряжаться помимо училищнаго совѣта инспекторъ, по закону, можетъ лишь *въ случаѣ надобности* и въ предѣлахъ предоставленной ему власти ¹⁾—а проектъ, опуская слова: „въ случаѣ надобности“, расширяетъ права инспектора до предѣловъ власти, предоставленной училищному совѣту, и 2) что вторая, подчеркнутая нами часть 28-ой статьи наказа вводить, вопреки закону, отмѣну единоличныхъ распоряженій инспектора—разъ что они совершены на основаніи этой статьи,—не уѣзднымъ, а губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Въ нашемъ февральскомъ обзорѣни есть только одна фактическая ошибка, происшедшая отъ того, что намъ не былъ тогда извѣстенъ весь текстъ проекта, и мы судили о немъ лишь по докладу членовъ харьковского губернскаго училищнаго совѣта. Въ этомъ докладѣ приведена ст. 125 проекта, повторяющая правило ст. 3486-ой о порядкѣ утвержденія лицъ, допущенныхъ къ преподаванію, но безъ послѣдней его части, говорящей о правѣ недопущеннаго лица обжаловать распоряженіе инспектора въ уѣздный училищный совѣтъ. Мы вывели отсюда, что такихъ жалобъ проектъ не разрѣшаетъ; между тѣмъ, онѣ предусмотрѣны ст. 24-ю проекта, перечисляющею функціи училищнаго совѣта (въ упомянутомъ выше докладѣ эта статья не воспроизведена). Замѣтимъ, впрочемъ, что относящійся къ данному вопросу пунктъ ст. 24-ой изложенъ довольно странно: онъ относитъ къ кругу дѣйствій училищнаго совѣта „утвержденіе въ должностяхъ учителей и учительницъ, допущенныхъ къ исполненію сихъ обязанностей инспекторомъ, и *разсмотрѣніе жалобъ на такое недопущеніе*“. Что это за *такое* недопущеніе, когда выше идетъ рѣчь о допущеніи?

Въ статьѣ 3497-ой, безъ всякой надобности измѣненной проектомъ, никакой неясности нѣтъ: тамъ говорится „о разсмотрѣніи жалобъ на недопущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей, согласно статьѣ 3486-ой“. Если составители проекта нашли нужнымъ сократить ст. 3486-ую и измѣнить редакцію ст. 3497-ой, то не наводитъ ли это на мысль, что, не рѣшаясь прямо отмѣнить право жалобы на недопущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей, они желали сформулировать его по возможности слабо и неопредѣленно?.. Что значить система вычеркиваній, принятая проектомъ—объ этомъ можно судить еще лучше по ст. 54-ой. Повторя постановленіе закона (ст. 3478-ой), ставящаго открытіе новыхъ училищъ въ зависимость

¹⁾ Сопоставленіе второй части ст. 3496-ой съ первой ея частью, совершенно пропущенною въ проектѣ, заставляетъ предполагать, что она касается исключительно *учебной части*—а проектъ распространяетъ ее на весь кругъ дѣйствій училищнаго совѣта.

отъ соглашенія инспектора и предсѣдателя училищнаго совѣта (т.-е. предводителя дворянства), проектъ вводитъ новое правило, по которому „въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній предсѣдатель или инспекторъ представляетъ на разсмотрѣніе совѣта“, но пропускаетъ послѣднія слова ст. 3478-ой: „въ случаѣ отказа въ такомъ разрѣшеніи (т.-е. въ разрѣшеніи открыть училище) можетъ быть приносима жалоба губернскому училищному совѣту“. Мы вывели отсюда, что право жалобы на отказъ „какъ бы предназначено къ упраздненію“. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, добавочное правило, устанавливаемое проектомъ, служить гарантіей въ томъ, что окончательный отказъ открыть училище можетъ исходить только отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, всѣ постановленія котораго, по ст. 23-ей проекта, подлежатъ обжалованію въ губернской училищный совѣтъ. Это совершенно невѣрно. Предоставляя инспектору и предводителю вносить свои *сомнѣнія* на разсмотрѣніе уѣзднаго училищнаго совѣта, проектъ вовсе не лишаетъ ихъ права, при отсутствіи сомнѣній, прямо отказать въ открытіи училища. Кому же, въ такомъ случаѣ, жаловаться на отказъ? Уѣздному училищному совѣту? Но къ числу его функций разсмотрѣніе подобныхъ жалобъ статьею 24-ю проекта не отнесено. Губернскому училищному совѣту? Но по ст. 23-ей онъ разсматриваетъ только жалобы на постановленія уѣздныхъ совѣтовъ, а специальное правило, въ силу котораго ему теперь подвѣдомственны жалобы на отказъ въ открытіи училищъ, въ проектъ наказа не включено. Не въ правѣ ли мы были сказать, что подобныя жалобы какъ бы предназначены къ упраздненію?.. Источникъ всѣхъ указанныхъ нами несообразностей одинъ и тотъ же: стремленіе измѣнить или дополнить путемъ *наказа* дѣйствующій законъ.

По статьѣ 18-й проекта „земство и городскія общества, содержащія начальныя народныя училища, принимаютъ участіе въ завѣдываніи сими училищами посредствомъ избираемыхъ ими членовъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей и попечительницъ училищъ; сверхъ того, завѣдываніе хозяйственной частью училищъ, содержимыхъ земствомъ и городскими обществами, *можетъ быть возложено на ихъ исполнительные органы*: земскія управы, городскія управы и собранія уполномоченныхъ, а также на особыхъ лицъ или особыя исполнительныя коммиссіи“. Оспаривая нашъ взглядъ на эту статью, какъ на существенное нарушеніе правъ органовъ самоуправленія, „Московскія Вѣдомости“ недоумѣваютъ, на какомъ основаніи мы относимъ къ земскимъ учрежденіямъ, участвующимъ, по закону, въ завѣдываніи содержимыми на земскій счетъ школами, какъ земскія собранія, такъ и земскія управы? Поводомъ къ недоумѣнію этотъ вопросъ представляетъ, какъ намъ кажется, гораздо больше, чѣмъ наше утвержденіе.

Что же и понимать подъ земскими учрежденіями, какъ не земскія собранія и земскія управы ¹⁾? Имъ посвящены почти всѣ статьи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ; они, и только они, представляютъ собою земство, въ законномъ смыслѣ этого слова. Земскіе члены училищныхъ совѣтовъ, попечители и попечительницы земскихъ школъ не принадлежать къ числу „земскихъ учреждений“. Болѣе чѣмъ странно, поэтому, признавать ихъ нормальными представителями земства, а за дѣйствительными органами его, т.-е. земскими управами, *оставаятъ* только *возможность* участія въ завѣдываніи земскими школами—возможность, обусловленную, притомъ, порученіемъ или согласіемъ какого-либо посторонняго мѣста или лица. Неестественность такого порядка чувствуютъ, повидимому, и „Московскія Вѣдомости“, замѣняя, въ своей дальнѣйшей аргументаціи, слова: *можетъ быть возлагаемо*, словами: *должно быть возлагаемо*—но вѣдь мы возражали противъ постановленій проекта, а не противъ толкованія, которое ему даютъ „Московскія Вѣдомости“... Мнѣніе московской газеты, что непосредственному завѣдыванію земства подлежитъ только хозяйственная часть земскихъ школъ, идетъ прямо въ разрѣзъ съ указомъ Прав. Сената отъ 11-го октября 1893-го года, признавшимъ, что „участіе земства въ попеченіи о народномъ образованіи не можетъ быть ограничено исключительно хозяйственными распоряженіями, а можетъ безпрепятственно проявляться до предѣловъ, за которыми начинается исключительная сфера власти правительственныхъ органовъ“ ²⁾.

Вторая группа возраженій московской газеты касается тѣхъ постановленій проекта, которыя и она признаетъ нововведеніями, но нововведеніями желательными и полезными. Сюда относится, прежде всего, статья (157-я), по которой денежные награды или пособия изъ средствъ содержателей училищъ (земствъ, городскихъ и сельскихъ обществъ и т. д.) могутъ быть назначаемы учащимъ въ начальныхъ школахъ не иначе, какъ по ходатайству училищнаго совѣта. „Московскія Вѣдомости“ не видятъ въ этомъ умаленія правъ земства, такъ какъ земское собраніе не дѣлаетъ, помимо училищнаго совѣта, никакихъ органовъ для оцѣнки правъ учащаго на награду, а само по себѣ совершенно къ тому некомпетентно. А свѣдѣнія о состояніи училищъ, которыя члены училищнаго совѣта отъ земства и по дѣй-

¹⁾ Само собою разумѣется, что все сказанное нами о земствѣ относится и къ городамъ.

²⁾ Мы заимствуемъ этотъ указъ изъ только-что вышедшей, весьма полезной книги: „Положеніе 1874 г. о начальныхъ народныхъ училищахъ, въ связи съ инструкціей инспекторамъ, 1871 г., проектомъ наказа училищнымъ совѣтамъ и нѣкоторыми другими законоположеніями“. Противъ каждой статьи проекта напечатаны здѣсь соответствующія ей дѣйствующія постановленія, съ замѣчаніями, облегчающими раскрытіе противорѣчій между закономъ и наказомъ.

ствующему закону, и по проекту наказа (ст. 16), обязаны представлять ежегодно земскому собранію? Развѣ земскіе члены училищнаго совѣта и училищный совѣтъ (т.-е. его большинство)—одно и то же? Развѣ нельзя представить себѣ такихъ случаевъ, когда заслуживающими награды или пособія изъ земскихъ суммъ земскіе члены совѣта будутъ признавать однихъ учителей, большинство совѣта—другихъ? На какомъ основаніи лишать земство права удовлетворить ходатайство своихъ избранниковъ? Помимо свѣдѣній, полученныхъ отъ земскихъ членовъ училищнаго совѣта, земское собраніе можетъ руководствоваться сообщеніями своего предсѣдателя (онъ же предсѣдатель училищнаго совѣта), предсѣдателя и членовъ управы, посѣщающихъ земскія школы по обязанностямъ своего званія, гласныхъ, состоящихъ попечителями школъ или живущихъ по сосѣдству съ ними. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что матеріаловъ для ознакомленія съ дѣятельностью учащихся у земскаго собранія не меньше, а больше, чѣмъ у училищнаго совѣта—а въ способности его оцѣнить эти матеріалы могутъ сомнѣваться только педанты, не признающіе другой компетентности, кромѣ заштемпелеванной официальнымъ штемпелемъ... Какъ бы то ни было, всякое новое ограниченіе земства въ правѣ распоряжаться своими суммами можетъ быть установлено только закономъ, а не наказомъ, разсматриваемымъ и утверждаемымъ не въ законодательномъ порядкѣ.

Въ виду того, что учащій въ начальной школѣ завѣдуетъ, между прочимъ, и школьнымъ хозяйствомъ, мы возражали противъ подчиненія учащихся (ст. 127 проекта) *только* инспектору и училищному совѣту, съ совершеннымъ устраненіемъ лицъ и учреждений, дающихъ средства на содержаніе школъ. „Московскія Вѣдомости“ заключаютъ отсюда, что мы хотѣли бы ввести какое-то новое двоєвластіе. На самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ только о сохраненіи существующаго порядка: учителя земскихъ школъ во всемъ, касающемся школьнаго хозяйства, даютъ отчетъ земской управѣ, въ распоряженія которой по этому предмету члены уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, за силою ст. 3480, входятъ не въ правѣ. Всѣ постановленія проекта, регулирующія хозяйственную часть земской (или вообще общественной) школы, прямо противорѣчатъ только-что приведенной статьѣ закона. Несогласно съ нею и то правило (ст. 108 проекта), въ силу котораго каждое училище должно имѣть завѣдующаго, назначаемаго училищнымъ совѣтомъ по представленію инспектора и сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ, между прочимъ, управленіе хозяйственною частью и храненіе училищнаго имущества. Совершенно очевидно, что отъ участія въ выборѣ завѣдующаго хозяйствомъ и хранителя имущества нельзя устранять того, кто даетъ средства на хозяйство и кому принадле-

жить имущество. Къ чему. притомъ, выбирать завѣдующаго въ тѣхъ училищахъ, гдѣ—кромѣ законоучителя, имѣющаго свое спеціальное назначеніе и почти всегда обремененнаго массою самыхъ разнообразныхъ занятій, — только одинъ учащій? Въ такихъ училищахъ должность завѣдующаго не существовала и не существуетъ, и надобность въ ней не чувствуется вовсе. Невольно возникаетъ предположеніе, что, внося въ проектъ ст. 108-ю, составители проекта имѣли въ виду открыть законоучителямъ доступъ къ первенствующей роли въ начальной школѣ—первенствующей не въ силу вліянія, которое всегда можетъ приобрести священникъ, горячо относящійся къ своимъ обязанностямъ, а въ силу извѣстной данной власти. Предоставленіе законоучителю завѣдыванія школой мы признаемъ нежелательнымъ, конечно, не вслѣдствіе огульнаго предубѣжденія противъ духовенства, въ средѣ котораго есть и искренніе приверженцы народнаго образованія, и систематическіе его противники, и индифференты,—а просто потому, что учитель играетъ въ школѣ гораздо большую роль, отдаетъ ей гораздо большую часть своего времени, своего труда, и не долженъ, слѣдовательно, быть отодвигаемъ на второй планъ, подчиняемъ еще одному новому начальнику; начальства у учащихся въ начальной школѣ безъ того слишкомъ много. Въ большой, многолюдной школѣ, съ нѣсколькими отдѣленіями и нѣсколькими учителями, одинъ изъ нихъ безъ всякаго неудобства можетъ быть признанъ завѣдующимъ школой: онъ сѣмѣтъ быть „первымъ между равными“, не претендуя на роль начальника. Нельзя сказать того же самаго о законоучителѣ: иначе поставленный, чѣмъ другіе учащіе, онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ пойметъ *завѣдываніе* школой именно какъ *начальствованіе* надъ нею и надъ учителемъ или учителями. Мы продолжаемъ думать, поэтому, что завѣдующій школой необходимъ только въ школѣ съ нѣсколькими учителями, изъ среды которыхъ онъ и долженъ быть назначаемъ, по представленію содержателя школы, училищнымъ совѣтомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соглашеніе между совѣтомъ и содержателемъ школы не состоится, обязанности завѣдующаго могли бы быть возлагаемы на старшаго по времени службы.

Мы рассмотрѣли всѣ возраженія, сдѣланныя намъ „Московскими Вѣдомостями“. Они не колеблютъ выводовъ, къ которымъ мы пришли при первоначальномъ рассмотрѣніи проекта наказа. Будемъ надѣяться, что опасность, которою грозилъ этотъ проектъ, миновала безслѣдно, и что пересмотръ Положенія о начальныхъ школахъ, если онъ состоится, приведетъ не къ стѣсненію, а къ расширенію общественной инициативы и самостоятельности въ области народнаго образованія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1901.

Правительственное сообщеніе по китайскимъ дѣламъ. — Политика державъ на дальнемъ Востоѣ. — Дипломатическія недоумѣнія. — Вильгельмъ II и нѣмецкое студенчество. — Закрытіе македонскаго комитета въ Софіи.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 23 марта напечатано было весьма обстоятельное и пространное официальное сообщеніе, излагающее весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ по поводу китайскаго кризиса, отъ возникновенія его до послѣднихъ разногласій изъ-за Манчуріи, — нѣчто въ родѣ тѣхъ „синихъ“ и „желтыхъ“ книгъ, которыя періодически публикуются за границей для документальнаго ознакомленія общества съ дѣятельностью дипломатіи по текущимъ международнымъ вопросамъ. Это „сообщеніе“ тѣмъ болѣе интересно, что вмѣстѣ съ передачею фактовъ оно разъясняетъ также намѣренія и взгляды нашего министерства иностранныхъ дѣлъ относительно происходившихъ на дальнемъ Востоѣ событій.

„Возникшія въ минувшемъ году въ Китаѣ тревожныя событія, — говорится въ этомъ сообщеніи, — побудили всѣ иностранныя правительства стремиться къ взаимному соглашенію въ цѣляхъ скорѣйшаго, казалось бы, одинаково для всѣхъ желательнаго, восстановленія нормальнаго порядка вещей въ Поднебесной Имперіи.

Не уклоняясь отъ общихъ со всѣми державами дѣйствій въ китайскомъ вопросѣ, Россія, тѣмъ не менѣе, въ силу особыхъ отношеній своихъ къ сосѣднему Китаю, естественно должна была обезпечить за собою полную свободу дѣйствій, не связывая себя какими бы то ни было обязательствами, противорѣчащими ея прямымъ государственнымъ интересамъ и историческимъ преданіямъ.

Въ этихъ видахъ Императорское правительство, путемъ обнародованныхъ „сообщеній“ и цѣлаго ряда циркулярныхъ обращеній къ державамъ, озаботилось открытымъ выясненіемъ своего взгляда на событія въ Китаѣ и точнымъ опредѣленіемъ цѣлей, къ которымъ оно неукоснительно будетъ стремиться.

Объ отношеніи къ событіямъ въ Китаѣ Россія, на первыхъ же порахъ и въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ державъ, открыто заявила, что она не ведетъ войны съ Китаемъ; въ правительственномъ сообщеніи отъ 11-го іюня по сему поводу говорилось: „русскія войска, вступая на сосѣднюю территорію, отнюдь не преслѣдуютъ какихъ-либо враждебныхъ по отношенію къ Китаю цѣлей: напротивъ того, присутствіе ихъ въ дружественной странѣ, при настоящихъ тревожныхъ событіяхъ, можетъ только оказать существенную помощь пекинскому

правительству въ борьбѣ его съ мятежниками“. Та же мысль проведена была и въ циркулярномъ сообщеніи державамъ чрезъ російскихъ представителей за границу, отъ 3-го іюня 1900 года.

Когда на совѣтѣ адмираловъ въ Тянь-Цзинѣ возбужденъ былъ вопросъ о срытіи Пекина и Тянь-Цзиня, вице-адмиралу Алексѣеву 15-го іюня минувшаго года посланы были указанія воздерживаться отъ участія въ подобныхъ враждебныхъ мѣропріятіяхъ, могущихъ повести лишь къ еще болѣе большимъ осложненіямъ. Въ тѣхъ же выраженіяхъ осуждалось предложеніе адмираловъ и въ сообщеніи, сдѣланномъ Россією нѣкоторымъ иностраннымъ правительствамъ.

Около того же времени, начальнику Квантунской области предложено было, во избѣжаніе недоразумѣній, „самымъ положительнымъ образомъ заявить китайскимъ властямъ и народу, что Россія вовсе не намѣрена вести войну съ Китаемъ; что событія въ Таку и Тянь-Цзинѣ, равно какъ и мѣропріятія по Амуру и на границѣ Манчжуріи являются слѣдствіемъ возникшаго революціоннаго движенія, къ подавленію коего направлены были усилія Императорскаго правительства, въ интересахъ самого Китая“.

Таковыя заявленія Императорскаго правительства, опредѣлившія отношенія Россіи къ событіямъ въ Поднебесной Имперіи. Несмотря на дерзкія нападенія, которымъ подверглись русскія приграничныя поселенія, китайское правительство, въ признаніи вины своей, старалось разсѣять подозрѣнія во враждебныхъ намѣреніяхъ противъ Россіи. Такъ, въ телеграммѣ отъ 20-го іюня, на Высочайшее Имя, богдыханъ, ссылаясь на болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю дружбу и добрыя сосѣдственныя отношенія между Россіей и Китаемъ, ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ объ указаніи мѣръ, которыя могли бы спасти страну, и просилъ о принятіи на себя Императорскимъ правительствомъ почина по проведенію таковыхъ мѣръ въ исполненіе.

Что касается политической программы Россіи, т.-е. ближайшихъ ея намѣченныхъ цѣлей, то таковыя въ общихъ чертахъ указаны были въ первомъ же „правительственномъ сообщеніи“ по китайскимъ дѣламъ и сводились: 1) къ огражденію російскаго представительства въ Пекинѣ и обезпеченію русско-подданныхъ отъ преступныхъ замысловъ китайскихъ мятежниковъ, и 2) къ оказанію помощи пекинскому правительству въ борьбѣ его со смутой, для скорѣйшаго возстановленія въ имперіи законнаго порядка вещей.

Когда всѣми заинтересованными державами рѣшено было направить войска въ Китай съ подобными же цѣлями,—то Императорскимъ правительствомъ предложено было принять за руководство по отношенію къ китайскимъ событіямъ нижеслѣдующія основныя начала: 1) поддержаніе общаго согласія державъ; 2) сохраненіе исконнаго государственнаго строя въ Китаѣ; 3) устраненіе всего, что могло бы повести къ раздѣлу Поднебесной Имперіи, и, наконецъ, 4) возстановленіе общими усиліями законнаго центрального правительства въ Пекинѣ, которое могло бы само обезпечить въ странѣ порядокъ и спокойствіе.

По этимъ пунктамъ почти между всѣми державами состоялось соглашеніе.

Вскорѣ наступленіе времени года, благоприятнаго для военныхъ

цѣлей, а равно сосредоточеніе въ Тянь-Цзинѣ значительнаго количества международныхъ войскъ, — само собою выдвинули на очередь вопросъ о главномъ руководствѣ этими войсками, въ случаѣ если бы неотвратимою силою вещей иностранные отряды вынуждены были до извѣстной степени расширить свою первоначальную задачу.

Въ то время, какъ между державами происходилъ обмѣнъ мыслей о наиболѣе подходящемъ способѣ объединенія дѣйствій союзныхъ войскъ, — императоръ Вильгельмъ обратился непосредственно къ Государю Императору, а затѣмъ и ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ съ предложеніемъ предоставить въ распоряженіе державъ германскаго фельдмаршала графа Вальдерзее, на коего, въ качествѣ главнокомандующаго, могло бы быть возложено руководительство дѣйствіями сосредоточенныхъ на пачилийскомъ театрѣ международныхъ силъ.

Одушевляемый заботою о возможно-скорѣйшемъ улаженіи возникшихъ на дальнемъ Востокѣ осложненій, Государь Императоръ отвѣтилъ, что не видитъ съ Своей стороны препятствій къ принятію предложенія императора Вильгельма.

Одновременно Императорское правительство, чрезъ русскіихъ представителей, поставило всѣ иностранныя державы въ извѣстность о томъ, что, выражая согласіе на подчиненіе, въ случаѣ необходимости активныхъ военныхъ дѣйствій, русскаго отряда общему командованію германскаго фельдмаршала, Государь Императоръ не намѣренъ ни въ какомъ отношеніи отступать отъ политической программы, по основнымъ началамъ коей состоялось полное соглашеніе какъ съ Франціей, такъ и съ прочими державами.

Между тѣмъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, ходъ военныхъ операцій въ Печили принялъ настолько благоприятный оборотъ, что еще задолго до прибытія къ мѣсту назначенія германскаго фельдмаршала, вслѣдствіе рѣшенія, принятаго на мѣстѣ военнымъ совѣтомъ, подѣ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Леневица, союзныя войска двинулись къ столицѣ и успѣли овладѣть Пекиномъ, освободить находившихся въ осадѣ и разсѣять сосредоточившіяся въ чертѣ города массы китайскихъ мятежныхъ силъ.

Обстоятельства эти побудили Императорское правительство, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, особымъ циркулярнымъ обращеніемъ къ державамъ, отъ 12-го августа 1900 года, вновь подтвердить, что оно намѣрено впредь оставаться неуклонно вѣрнымъ вышеупомянутой программѣ дѣйствій, что если ходъ событий въ Печили и рядъ враждебныхъ дѣйствій китайскихъ мятежниковъ на русской государственной границѣ вызвали необходимость занятія порта Нючжуана и введенія русскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи, то жѣры эти надлежитъ считать временными; что какъ скоро въ Манчжуріи будетъ возстановленъ прочный порядокъ и сдѣлано все возможное къ огражденію рельсоваго пути, постройка коего обезпечивается особымъ формальнымъ соглашеніемъ съ Китаемъ относительно концессіи, выданной обществу восточно-китайской желѣзной дороги, — Россія не преминетъ вывести свои войска изъ предѣловъ сосѣдней Имперіи, если только этому не послужитъ препятствіемъ образъ дѣйствій другихъ державъ и самого Китая.

Въ заключеніе Императорское правительство сочло долгомъ пре-

дупредить державы, что, съ освобожденіемъ иностранныхъ представителей со всѣми находившимися въ осадѣ иностранно-подданными, — оно считаетъ первую и главную поставленную имъ себѣ задачу достигнутою; что осуществленіе второй задачи, т.-е., оказаніе содѣйствія законному центральному правительству къ возстановленію нормальнаго порядка—представляется до поры до времени затруднительнымъ, вслѣдствіе отъѣзда изъ столицы самого Богдыхана, императрицы-регентши и цунгъ-ли-ямыня. Полагая, что при такихъ условіяхъ нѣтъ основаній для дальнѣйшаго пребыванія въ Пекинѣ иностранныхъ миссій, аккредитованныхъ при правительствѣ, которое отсутствуетъ, Императорское правительство заявило, что оно, съ своей стороны, намѣрено отозвать въ Тянь-Цзинь своего посланника со всѣмъ составомъ миссии и русскимъ военнымъ отрядомъ, присутствіе коего въ столицѣ представлялось безцѣльнымъ, въ виду принятаго и неоднократно заявленнаго Россією твердаго рѣшенія не выходить изъ предѣловъ поставленной себѣ задачи.

Не всѣ державы раздѣлили точку зрѣнія Россіи, высказавъ опасенія, что одновременный уходъ изъ Пекина всѣхъ союзныхъ войскъ могъ быть истолкованъ китайцами въ смыслъ одержаннаго ими успѣха надъ иностранцами. Нѣкоторые изъ державъ готовы были усмотрѣть въ образѣ дѣйствій Россіи стремленіе нарушить общее соглашеніе державъ въ китайскомъ вопросѣ, особливо послѣ того, какъ Императорское правительство категорически отказалось принимать участіе въ насильственныхъ мѣрахъ противъ двора, съ цѣлью побудить его вернуться въ Пекинъ.

Дабы устранивъ всякій поводъ къ подобнымъ неосновательнымъ толкованіямъ, — російскимъ представителямъ за границею поручено было объясниться съ правительствами, при коихъ они аккредитованы, въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

„Цѣли, преслѣдуемыя большинствомъ державъ въ Китаѣ, настолько расходятся съ задачами Россіи на дальнемъ Востокѣ, что мы не можемъ сѣтовать, если онѣ не вполне уясняютъ себѣ чисто русскую точку зрѣнія на настоящія событія. Нисколько не желая нарушать установившагося согласія въ вопросахъ, представляющихъ общій интересъ, мы, однако, не считаемъ возможнымъ заботиться объ осуществленіи чуждыхъ Россіи цѣлей. Мы не объявляли войны сосѣдней имперіи, съ которою въ теченіе столѣтій поддерживали дружескія отношенія; а посему русскому отряду, командированному съ единственною опредѣленною цѣлью освобожденія Императорской миссии и русско-подданныхъ, — давать нынѣ совершенно новое порученіе — военной оккупации китайской столицы, для участія въ насильственномъ давленіи во время предстоящихъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ,—не соотвѣтствовало бы нашимъ предшествовавшимъ заявленіямъ. Законное китайское правительство и императорскій дворъ могутъ снова водвориться въ Пекинѣ лишь по удаленіи международныхъ войскъ; слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что нарушеніе освященныхъ вѣками преданій китайцевъ и подрывъ въ ихъ глазахъ обаянія правительства могутъ привести лишь къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ; тѣмъ болѣе, что вѣдъ международныхъ войска не могутъ безконечно занимать столицу 400-милліоннаго населенія, за которымъ нельзя не

признать права у себя жить по-своему. Какъ бы ни была продолжительна оккупация Пекина иностранными войсками, — развѣ это обстоятельство помѣшаетъ китайцамъ впоследствии истолковывать уходъ отрядовъ изъ столицы въ смыслѣ одержаннаго ими успѣха? Подобныя толкованія едва ли могутъ имѣть серьезное значеніе въ глазахъ державъ при оцѣнкѣ событій. Впрочемъ, въ циркулярномъ сообщеніи нашемъ объ отозваніи миссіи и русскаго отряда не заключалось никакихъ предложеній: дружественно предупредивъ объ этомъ союзныя державы, мы указали лишь на тѣ побудительныя причины, коими обуславливалось такое рѣшеніе Императорскаго правительства. Предоставляя другимъ державамъ поступать въ данномъ случаѣ по ихъ усмотрѣнію, мы считали, что различіе въ выборѣ средствъ воздѣйствія нисколько не нарушаетъ установившагося общаго соглашенія державъ по отношенію къ принципиальнымъ вопросамъ“.

Вслѣдъ за этимъ разъясненіемъ, Императорское правительство не преминуло, однако, поставить союзныя государства въ извѣстность, что „какъ только законное китайское правительство назначитъ представителей, снабженныхъ должными полномочіями для веденія переговоровъ съ державами, то Россія, по соглашенію съ иностранными правительствами, не замедлитъ съ своей стороны назначить уполномоченныхъ и направить ихъ къ мѣсту, избранному для таковыхъ переговоровъ“.

Дѣйствительно, вскорѣ указомъ богдыхана находившіеся уже въ Пекинѣ сановники Ли-Хунъ-Чангъ и князь Цинъ назначены были делегатами китайскаго правительства и снабжены полномочіями для соотвѣствующихъ прямыхъ сношеній съ иностранными представителями.

Въ виду сего, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, руссiйскому посланнику въ Китаѣ предписано было возвратиться изъ Тянь-Цзиня въ столицу для возможно скорѣйшаго, совмѣстно съ прочими представителями державъ, вступленія въ переговоры съ китайскими уполномоченными.

Въ предвидѣніи таковыхъ переговоровъ, Императорскимъ правительствомъ уже въ августѣ минувшаго года разосланы были руссiйскимъ представителямъ за границу, для предварительнаго обмѣна взглядовъ съ правительствами, при коихъ они аккредитованы, особые указанія, общій смыслъ коихъ заключался въ слѣдующемъ:

„Не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ китайскомъ дѣлѣ необходимо строго различать вопросы, имѣющіе исключительно значеніе для каждой державы въ отдѣльности, отъ тѣхъ, которые затрогиваютъ интересы всѣхъ государствъ вообще.“

„Только вопросы послѣдняго характера могли бы быть предметомъ переговоровъ въ Пекинѣ; изъ нихъ наиболѣе существенными представляются:

1) Возстановленіе на болѣе прочныхъ основаніяхъ правильныхъ отношеній съ Китаемъ и подтвержденіе законнымъ китайскимъ правительствомъ всѣхъ принятыхъ имъ предъ различными державами обязательствъ.

2) Въ этихъ видахъ, быть можетъ, необходимо будетъ добиться отъ правительства богдыхана какого-либо формальнаго акта, въ отвѣтъ

на коллективныя письменныя требованія всѣхъ иностранныхъ представителей въ Китай.

3) Порученіе этимъ представителямъ выработать проектъ коллективныхъ требованій, съ указаніемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя, по ихъ мнѣнію, являлись бы наиболѣе цѣлесообразными и служили бы вѣрнымъ обезпеченіемъ того, что китайское правительство не нарушитъ впредь данныхъ обязательствъ.

„Въ числѣ таковыхъ мѣропріятій, представлялись бы небезполезными: а) окончательное соглашеніе державъ касательно запрещенія ввоза всякаго рода оружія въ Китай и б) понужденіе китайскаго правительства, въ видахъ обезпеченія внутренняго порядка въ странѣ, къ примѣрному наказанію главныхъ зачинщиковъ возстанія.

4) Вознагражденіе иностранныхъ правительствъ, обществъ и частныхъ лицъ за понесенные во время безпорядковъ матеріальныя убытки. Дабы не ставить Китай въ полную невозможность удовлетворить всѣмъ денежнымъ претензіямъ и ради достиженія практическихъ результатовъ,—желательно въ этомъ дѣлѣ соблюдать необходимую умѣренность“.

Изложенныя соображенія послужили правительству Франціи основаніемъ для выработки особой программы переговоровъ съ Китаемъ, которая и принята была всѣми державами подъ именемъ „французскихъ предложеній“, заключавшихся въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

1) требованіе о наказаніи виновныхъ въ смутѣ и особливо принца Гуана; 2) сохраненіе на будущее время изданнаго всѣми державами закона о воспрещеніи ввоза оружія въ Китай; 3) принципиальное соглашеніе по вопросу о вознагражденіи за убытки, всестороннее разслѣдованіе коего можетъ быть отложено до болѣе благоприятной минуты; 4) учрежденіе при миссіяхъ особой стражи для огражденія оныхъ отъ всякой случайности; 5) срытіе крѣпостей въ Таку и, наконецъ, 6) занятіе двухъ-трехъ пунктовъ по линіи между Пекиномъ и побережьемъ Печилийскаго залива.

При этомъ рѣшено было, чтобы требованія державъ были предъявлены китайскимъ уполномоченнымъ въ формѣ тождественной ноты иностранныхъ представителей.

По полученіи соотвѣствующихъ указаній, иностранные представители въ Пекинѣ въ октябрѣ минувшаго года приступили къ совѣщаніямъ для установленія редакціи тождественной ноты китайскому правительству, принявъ за основаніе для сего вышеизложенныя 6 пунктовъ французскихъ предложеній.

Во время помянутыхъ совѣщаній нѣкоторые изъ посланниковъ въ Пекинѣ, по порученію своихъ правительствъ, поочередно вносили на обсужденіе все новыя и новыя вопросы, измѣнявшіе общій характеръ первоначально установленныхъ требованій и значительно замедлявшіе самый ходъ переговоровъ.

Такъ, между прочимъ, германскимъ правительствомъ прежде всего было сдѣлано предложеніе о включеніи въ коллективную ноту требованій: 1) о постановкѣ памятника барону Кеттелеру на мѣстѣ его кончины, 2) о посылкѣ чрезвычайнаго китайскаго посольства въ Берлинъ и 3) о сооруженіи на всѣхъ поруганныхъ кладбищахъ особыхъ памятниковъ.

Не желая нарушать общаго согласія державъ, Императорское правительство изъявило принципиальное согласіе на включеніе въ ноту указанныхъ предложеній, но оно, тѣмъ не менѣе, поручило посланнику своему въ Пекинѣ поставить на видъ совѣщанію, что въ настоящемъ дѣлѣ было бы желательно ограничиться требованіемъ лишь *настоятельно необходимаго и возможнаго*; тѣмъ болѣе, что, при условіи „безповоротности“ заявленій коллективной ноты, всѣмъ державамъ пришлось бы возобновлять военныя дѣйствія противъ Китая и нести новыя тяжкія жертвы, еслибы пекинское правительство отказалось отъ выполненія предложенія какой-либо одной державы даже по второстепенному вопросу, не затрагивающему интересовъ другихъ государствъ.

Вслѣдъ за Германією и Японією выразила желаніе требовать послыки чрезвычайнаго посольства въ Токио, для принесенія извиненій китайскаго правительства за убійство драгомана ея миссіи. Не противясь желанію Японіи, Императорское правительство указало, однако, на то, что подобныя предложенія, служа по преимуществу удовлетвореніемъ совершенно частныхъ видовъ отдѣльнаго государства, не должны были бы входить въ общую программу коллективныхъ требованій, имѣющихъ цѣлью интересы всѣхъ державъ въ совокупности и обезпеченіе нормальнаго порядка въ Поднебесной Имперіи.

По поводу возникшаго одновременно по инициативѣ германскаго представителя предложенія о принятіи насильственныхъ мѣръ, съ цѣлью вернуть дворъ въ Пекинѣ, русскому посланнику поручено было заявить, что указанная цѣль, по мнѣнію Императорскаго правительства, должна быть достигнута мирными средствами; только въ такомъ случаѣ возвращеніе богдыхана и императрицы-регентши въ столицу можетъ принести пользу; что, въ виду сего, Россія категорически отказывается отъ принятія участія въ понудительныхъ мѣрахъ противъ двора, могущихъ вызвать новое броженіе во всемъ Китаѣ.

Руководствуясь желаніемъ ускорить, по возможности, улаженіе китайскихъ затрудненій въ видахъ общаго умиротворенія, Императорское правительство не возражало противъ дальнѣйшихъ дополнительныхъ предложеній, принятіе коихъ въ сущности не представлялось слишкомъ обременительнымъ для Китая.

Такимъ образомъ включены были въ коллективную ноту требованія о прекращеніи экзаменовъ, измѣненіи этикета внутренней реорганизациі цунгъ-ли-ямыня и т. п.

Окончательная редакція ноты, послѣ долгихъ препирательствъ, была, наконецъ, установлена, и 11-го декабря 1900 года, за подписью представителей всѣхъ державъ въ Пекинѣ, вручена китайскимъ уполномоченнымъ.

18-го декабря минувшаго года, китайскіе уполномоченные сообщили иностраннымъ посланникамъ слѣдующій, полученный ими, указъ богдыхана: „Мы ознакомились со всею телеграммою Цина и Ли. Подобааетъ, чтобы мы приняли въ полности 12 пунктовъ, ими намъ представленныхъ. Быть по сему“. Одновременно Ли-Хунъ-Чангъ и князь Цинъ обратились съ просьбой къ представителямъ державъ о назна-

ченіи общихъ съ ними засѣданій для объясненій по всѣмъ пунктамъ коллективной ноты.

Съ начала января текущаго года открылись официальные совѣщанія посланниковъ державъ совместно съ китайскими уполномоченными, на коихъ должны быть выяснены средства и способы выполнения китайскимъ правительствомъ предъявленныхъ ему требований.

На первыхъ же порахъ обнаружился серьезный разногласіе между участниками засѣданій по вопросу о наказаніяхъ, которымъ должны быть подвергнуты главные зачинщики происшедшихъ въ странѣ безпорядковъ.

Высказавшись съ самаго возникновенія вопроса о карѣ виновниковъ смуты въ пользу замѣны смертной казни другимъ какимъ-либо строгимъ наказаніемъ, Императорское правительство, въ виду оборота, принятаго сужденіями по сему предмету, поручило своему представителю не только не входить въ обсужденіе характера и способовъ примѣненія смертной казни, но вообще не принимать никакого участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ о наказаніяхъ китайскихъ сановниковъ.

До настоящаго времени совѣщанія между представителями державъ и китайскими уполномоченными по поводу требований, изложенныхъ въ коллективной нотѣ, еще не закончены.

При всемъ томъ, въ ожиданіи ближайшаго разрѣшенія общихъ вопросовъ, касающихся взаимныхъ отношеній всѣхъ иностранныхъ государствъ къ Китаю, Императорское правительство признало съ своей стороны своевременнымъ озаботиться устройствомъ прочнаго порядка вещей въ сосѣднихъ Россіи областяхъ Китая, граничащаго съ ея азіатскими владѣніями на пространствѣ 8 тыс. верстъ.

Съ этою цѣлью, прежде всего, между русскими военными властями и китайскими цзянь-цзюнями трехъ манчжурскихъ провинцій заключены были письменныя временныя условія (*modus vivendi*) касательно возстановленія мѣстнаго гражданскаго управленія.

Вслѣдъ за тѣмъ, по тщательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, при коихъ возникли и получили широкое развитіе волненія мятежниковъ въ Китаѣ, столь тяжело отразившіяся на интересахъ мирнаго населенія руссійскихъ окраинъ и сооруженіи китайской восточной желѣзной дороги, Императорскимъ правительствомъ была выработана программа отдѣльнаго соглашенія съ Китаемъ, опредѣлявшаго постепенный порядокъ эвакуаціи Манчжуріи, а равно и временныя мѣропріятія, клонившіяся къ обезпеченію спокойствія въ этой области и предупрежденію на будущее время повторенія событій, подобныхъ происшедшимъ въ минувшемъ году.

Къ сожалѣнію, въ иностранной печати, для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Россіи, распространялись тревожные слухи о цѣляхъ и намѣреніяхъ Императорскаго правительства, приводились искаженные тексты какого-то договора о протекторатѣ надъ Манчжуріей и сообщались завѣдомо ложныя извѣстія о предполагавшемся между Россіей и Китаемъ соглашеніи.

Между тѣмъ, соглашеніе это должно было служить началомъ осуществленія заявленнаго Императорскимъ правительствомъ намѣренія возвратить Китаю Манчжурію, занятую русскими войсками лишь вслѣдствіе тревожныхъ событій минувшаго года: для соотвѣтствующ-

щихъ военныхъ распоряженій необходимо было къ извѣстному времени разрѣшить въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ вопросъ—возможно ли путемъ взаимнаго соглашенія нынѣ же обусловить эвакуацію Манчжуріи.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, къ заключенію такого соглашения съ Россіею китайскому правительству созданы были серьезныя препятствія, вслѣдствіе чего и безотлагательное принятіе имѣвшихся въ виду мѣръ для постепенной эвакуаціи Манчжуріи оказалось неисполнимымъ.

Что же касается окончательнаго возвращенія названной области Китаю, то само собою разумѣется, что осуществленіе этого намѣренія можетъ состояться лишь по восстановленіи въ имперіи вполнѣ нормальнаго положенія вещей и по утвержденіи въ столицѣ центрального правительства, самостоятельнаго и достаточно сильнаго, чтобы обезпечить Россію отъ повторенія событій минувшаго года.

Сохраняя настоящую временную организацію въ Манчжуріи, въ дѣлахъ поддержанія порядка вблизи обширной границы Россіи, и оставаясь въ то же время неукоснительно вѣрнымъ своей первоначальной неоднократно заявленной политической программѣ, Императорское правительство будетъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій“.

Заключительные выводы этого обширнаго дипломатическаго документа послужили матеріаломъ для различныхъ и отчасти противоположныхъ толкованій въ иностранной печати. Враждебныя намъ англійскія газеты говорятъ въ торжествующемъ тонѣ объ „отступленіи и неудачѣ русской дипломатіи“ въ манчжурскомъ вопросѣ, ссылаясь на „вѣжливый, но окончательный отказъ китайскаго правительства подчиниться требованіямъ Россіи, въ виду протестовъ вице-королей и возраженій дружественныхъ державъ“. Этотъ отказъ Китая подписать конвенцію относительно Манчжуріи именно и побудилъ насъ, будто бы, прибѣгнуть къ политикѣ спокойнаго выжиданія, подъ прикрытіемъ обычныхъ формулъ миролюбія и безкорыстія. „Китайцы,—пишетъ корреспондентъ „Times“ изъ Пекина,—вполнѣ сознаютъ, что эта рѣзкая переимѣна вызвана поведеніемъ другихъ державъ, съ которыми Россія должна считаться. Преобладающее вліяніе Россіи въ Пекинѣ за послѣдніе годы держалось главнымъ образомъ на увѣренности китайцевъ, что Россія—единственная держава, угрозы которой должны быть принимаемы серьезно, такъ какъ ея могущество не знаетъ предѣловъ. Этой увѣренности нанесенъ ударъ, тѣмъ болѣе суровый, что въ нанесеніи его принимала наибольшее участіе Японія, къ которой русскіе относились до сихъ поръ презрительно. Какъ ни важенъ достигнутый результатъ съ точки зрѣнія равновѣсія державъ на дальнемъ Востокѣ, но онъ гораздо важнѣе еще по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ Китая. Никогда еще не замѣчалось

въ Китаѣ такого настроенія, столь близко подходящаго къ тому, что въ западныхъ странахъ называлось бы взрывомъ народного чувства. Публичныя собранія во многихъ крупныхъ центрахъ, негодующія письма въ китайскихъ газетахъ, телеграммы, посылаемыя непосредственно богдыхану, представляли въ общемъ даже болѣе безпримѣрное движеніе, чѣмъ откровенные протесты вліятельныхъ вице-королей, которые не стѣснялись грозить престолу подрывомъ его авторитета въ случаѣ подписанія конвенціи. Столь же ново здѣсь участіе патріотическаго чувства въ этой оппозиціонной кампаніи, внушенной въ значительной мѣрѣ сознаніемъ національнаго достоинства... Отклоненіе русскихъ требованій выражаетъ собою, повидимому, самобытное пробужденіе прогрессивныхъ китайскихъ элементовъ для борьбы противъ партіи реакціи и манчжурскаго преобладанія, которая со времени переворота 1898 года твердо стояла за Россію“...

Повторяя эти соображенія въ своихъ передовыхъ статьяхъ, „Times“ отъ себя выдаетъ уже за фактъ, что манчжурскіе сановники, ярые враги всякихъ реформъ, дѣйствовали, будто бы, за-одно съ Россією и потерпѣли теперь поражение, благодаря патріотизму вице-королей области Ян-тзе-Кіанга. „Въ данный моментъ,—заключаетъ газета,—политика этихъ вице-королей одержала побѣду. Насколько могутъ судить европейцы, вице-короли имѣютъ за собою сильное и распространенное національное чувство. Они выиграли въ престижѣ и значеніи, ибо дважды въ теченіе года они разстроили планы реакціонеровъ. Они не допустили боксерскаго движенія въ своихъ провинціяхъ, и этимъ спасли тысячи британскихъ жизней и милліоны британскаго имущества въ такой области, которая, по признанію правительства, составляетъ сферу интересовъ и вліянія Великобританіи. Они только что спасли тронъ отъ отчужденія обширной части имперіи по совѣтамъ манчжуровъ... Разбитая клика несомнѣнно будетъ стремиться къ возмездію, и успѣхъ или неудача ихъ усилій, которыя, конечно, не останутся безъ поддержки, должны въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ образа дѣйствій державъ и преимущественно отъ политики Англіи и солидарныхъ съ нею кабинетовъ. Если мы будемъ дѣлать то, что предписывается намъ одинаково долгомъ и честью, и не перестанемъ поддерживать вице-королей, то они могутъ продолжать борьбу противъ преобладанія и продажности манчжуръ съ большими шансами на окончательное торжество. Если же мы отступимъ или начнемъ колебаться, то шансы манчжурской реакціи, съ ея международными послѣдствіями, поднимутся“...

Другими словами, вліятельная при дворѣ манчжурская партія, связанная съ Манчжурією своимъ происхожденіемъ, своими историческими традиціями и крупными матеріальными интересами, хочетъ

почему-то непременно отдать эту страну Россіи, тогда какъ Англія, въ союзѣ съ китайскими патріотами, заботливо охраняетъ Китай отъ измѣнническихъ манчжурскихъ плановъ. Напомнимъ, что во главѣ манчжурской и въ то же время реакціонной партіи въ Китаѣ стоялъ до послѣдняго времени знаменитый князь Гуань, по распоряженію котораго была объявлена Россіи война мѣстными властями въ Манчжуріи. Какимъ же образомъ единомышленники этого главнѣйшаго виновника военныхъ дѣйствій Китая противъ Россіи оказываются вдругъ союзниками и кліентами русской дипломатіи? Понятно еще не прекратились карательныя экспедиціи графа Вальдерсе противъ мирнаго населенія разныхъ мѣстностей Печилійской провинціи, при дѣятельномъ участіи англичанъ и безъ малѣйшаго участія русскихъ войскъ; поэтому возбужденіе китайскаго патріотизма, которому такъ сочувствуетъ „Times“, должно бы, по здравому смыслу, имѣть для себя несравненно болѣе близкіе и сильные мотивы, чѣмъ вопросъ о временномъ соглашеніи съ Россіею относительно Манчжуріи, фактически находящейся въ завѣдываніи русской военной администраціи. Почему же китайскіе патріоты, въ томъ числѣ и вице-короли областей Ян-тзе-Кіанга, стали бы волноваться не захватами и избиеніями, производимыми въ окрестностяхъ Пекина, не требованіями новыхъ казней и колоссальныхъ военныхъ контрибуцій, а условіями временнаго управленія Манчжуріею, занатою русскими войсками по праву войны? Произвольность разсужденій и выводовъ газеты „Times“ настолько бросается въ глаза, что не было бы даже надобности останавливаться на нихъ; а между тѣмъ они повторяются большинствомъ англійскихъ газетъ и встрѣчаютъ довѣріе и сочувствіе въ значительной части континентальной печати. Иностранные сатирическіе журналы изображаютъ Россію въ Китаѣ не иначе, какъ въ видѣ жаднаго и лукаваго грабителя, забирающаго Манчжурію; эти каррикатуры и соотвѣтствующія имъ газетныя статьи далеко не всегда проникнуты чувствомъ неприязни, а часто, напротивъ, имѣютъ видъ одобренія и похвалы, ибо самыя популярныя подвиги международной политики сводятся къ ловкому хищничеству, съ точки зрѣнія господствующихъ еще въ Европѣ взглядовъ. Всякій понимаетъ, что англичане, успѣвшіе присвоить себѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ мѣстъ китайскаго побережья, не могутъ серьезно выставить себя защитниками неприкосновенности Китая и покровителями туземныхъ патріотовъ; они нападаютъ на Россію только въ томъ предположеніи, что ей достается, будто бы, слишкомъ большая доля добычи. Точно такъ же нѣмцы раздражаются территоріальными приобрѣтеніями и притязаніями Англіи не потому, что находятъ ихъ несправедливыми по существу, а потому, что считаютъ ихъ слишкомъ неумѣренными и безцеремонными, нарушающими прямо или косвенно

возможные интересы Германіи въ будущемъ. Китайскіе вице-короли областей Ян-тзе-Кіанга, которыхъ теперь превозносятъ англичане, никогда не удостоились бы такихъ сочувственныхъ отзывовъ, еслибы не были послушными орудіями Англіи; а это обстоятельство вызываетъ неудовольствіе и недовѣріе со стороны нѣмецкихъ публицистовъ. Такъ, напримѣръ, „*Berliner Tageblatt*“ откровенно указываетъ на подозрительную роль упомянутыхъ вице-королей, служащихъ лишь „марионетками въ рукахъ англичанъ“. „Для того ли было устроено англо-германское соглашеніе относительно Ян-тзе-Кіанга, — спрашиваетъ названный берлинскій органъ, — чтобы вице-короли предоставили всѣ торговыя и прочія выгоды въ этихъ богатыхъ провинціяхъ англичанамъ, а намъ позволяли бы только смотрѣть на успѣхи послѣднихъ? Эти одностороннія сношенія и связи Англіи съ южными вице-королями вызываютъ невольныя опасенія, такъ какъ мы не привыкли къ англійскому безкорыстію и знаемъ по опыту, что англичане не станутъ хлопотать о китайскихъ реформахъ для доставленія культурныхъ преимуществъ Китаю“. Такимъ образомъ Англія заставляетъ покорныхъ ей вице-королей протестовать противъ русскаго проекта манчжурской конвенціи, а потомъ ссылается на эти протесты, какъ на выраженіе неодолимаго патріотическаго чувства китайскаго народа, возмущеннаго мнимыми посягательствами Россіи.

При подобныхъ приемахъ ревниваго международнаго соперничества, западно-европейскіе кабинеты обыкновенно избѣгаютъ ненужныхъ общаній относительно будущаго, не дѣлаютъ заявленій о своемъ безкорыстіи, никого не стараются увѣрить въ чистотѣ своихъ намѣреній и не оправдываются въ своихъ дѣйствіяхъ передъ иностранною публикою или передъ иностранными дипломатами. Ложь и лицемеріе считаются столь неразрывно связанными съ дипломатическимъ искусствомъ, что дѣйствительная откровенность была бы принята за ловушку. Бисмаркъ объяснял свои важнѣйшіе успѣхи тѣмъ, что никто ему не вѣрилъ, когда онъ говорилъ правду. Въ международной практикѣ установилось совершенно особое пониманіе извѣстныхъ словъ и понятій: когда представители великихъ державъ слишкомъ много и часто говорятъ о своемъ стремленіи сохранить миръ, то народы начинаютъ бояться войны. Открыто заявленные намѣренія неизбежно понимаются навыворотъ, если они касаются щекотливыхъ дипломатическихъ вопросовъ. Когда Англія и Австрія обнаруживали усиленную заботливость о цѣлости и неприкосновенности Турціи, то надо было предвидѣть, что Англія возьметъ Кипръ, а Австрія — Боснію и Герцеговину. Новѣйшія соглашенія объ охранѣ цѣлости и единства китайской имперіи сопутствовали уже начавшемуся раздѣлу прибрежныхъ территорій Китая и предвѣщали неминуемое ускореніе этого

процесса. Неудивительно поэтому, что сообщенія нашего министерства иностранных дѣлъ о намѣреніи возвратить Китаю Манчжурію возбуждали за границею мысль о созрѣвшемъ планѣ окончательнаго присоединенія Манчжуріи къ Россіи и заставили державы съ особенною подозрительностью отнестись къ переговорамъ о предполагаемой манчжурской конвенціи.

Какъ мы замѣтили уже въ прошломъ нашемъ обзорѣ, съ самаго начала китайскихъ замѣшательствъ наша дипломатія грѣшила неясностью и излишествомъ своихъ заявленій: она говорила о дружбѣ съ Китаемъ и отрицала войну, когда происходили несомнѣнныя военныя дѣйствія противъ регулярныхъ китайскихъ войскъ; она создала фикцію о доброжелательномъ китайскомъ правительствѣ и мятежныхъ сановникахъ, когда послѣдніе, безспорно, исполняли лишь велѣнія двора, т.-е. вдовствующей императрицы и ея ближайшихъ совѣтниковъ. Въ результатъ мы не только не облегчили этимъ своей задачи, но крайне усложнили ее и дали противъ себя оружіе нашимъ всегдашнимъ и главнѣйшимъ противникамъ на Востокѣ, англичанамъ. Англія воспользовалась нашими собственными официальными заявленіями для того, чтобы вызвать противъ насъ недовѣріе державъ и помѣшать отдѣльному соглашенію съ Китаемъ относительно Манчжуріи. Послѣднее дипломатическое сообщеніе, при всей его пространности, не разъясняетъ спорныхъ пунктовъ и ограничивается намеками въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было ожидать прямыхъ фактическихъ указаній; въ то же время оно содержитъ и ненужныя увѣренія, имѣющія отчасти какъ бы характеръ оправданій передъ Англіею, — хотя Англія съ своей стороны никогда не отдавала намъ отчета въ своихъ рѣшеніяхъ и предпріятіяхъ по интересующимъ насъ международнымъ вопросамъ. Въ иностранной печати, какъ сказано въ сообщеніи, „распространялись тревожные слухи о цѣляхъ и намѣреніяхъ“ нашего правительства; но тревожны были не эти слухи, — или, вѣрнѣе, предположенія, — а самыя событія, приведшія къ опустошенію значительной части Манчжуріи и къ вынужденному занятію ея русскими войсками. Жестокіе факты говорили сами за себя, и вытекавшіе изъ нихъ выводы никому не казались бы простыми слухами; только добровольныя заявленія дипломатіи замѣнили фактическое положеніе дѣлъ искусственнымъ и фиктивнымъ, чѣмъ и дали матеріалъ для непріятныхъ толкованій. Далѣе, въ сообщеніи не приводится никакихъ свѣдѣній о реальномъ содержаніи предполагавшейся конвенціи съ Китаемъ, а указывается только ея цѣль — осуществленіе заявленнаго Россіею намѣренія возвратить Китаю Манчжурію и обезпечить спокойствіе въ этой области; но, очевидно, еслибы сущность проекта исчерпывалась такою программой, то онъ

не сдѣлался бы предметомъ ожесточенной дипломатической кампаніи со стороны Англіи. Нельзя отрицать большого неудобства въ томъ, что „приводились искаженные тексты какого-то договора о протекторатѣ надъ Манчжуріею и сообщались завѣдомо ложныя извѣстія о предполагавшемся между Россіею и Китаемъ соглашеніи“; но единственный способъ устранить это неудобство—привести подлинныя, не искаженные тексты договора и сообщить вѣрныя и точныя извѣстія о предполагавшемся соглашеніи, что, однако, осталось неисполненнымъ до сихъ поръ. Трудно винить кого-либо въ искаженіи текста, который сохраняется въ тайнѣ и приводится только по слухамъ; еще труднѣе утверждать, что невѣрныя свѣдѣнія должны быть отнесены къ разряду завѣдомо-ложныхъ, когда положительныя данныя о предметѣ еще недоступны любознательной публикѣ. При отсутствіи точныхъ свѣдѣній, иностранныя газеты могутъ не придавать значенія намеку на то, что съ отклоненіемъ конвенціи отложена на неопредѣленное время и передача Манчжуріи китайцамъ, и что, слѣдовательно, Англія оказала плохую услугу Китаю своимъ внимательствомъ въ происходившіе переговоры. Зато всѣ поняли одинаково заключительныя слова сообщенія—о спокойномъ выжиданіи дальнѣйшаго хода событій. Нѣмецкія газеты, какъ и англійскія и французскія, почти единогласно формулируютъ этотъ выводъ въ томъ смыслѣ, что Россія больше не уйдетъ изъ Манчжуріи и не отдастъ ее Китаю.—причемъ вспоминаютъ принципъ Бисмарка: „*beati possidentes*“, или фразу Мак-Магона: „*j'y suis, et j'y reste*“. Но еслибы въ самомъ дѣлѣ такой выводъ былъ для насъ желателенъ, то мы бы съ него и начали и непосредственно примѣнили бы лежащее въ его основѣ право фактическаго владѣнія, не пускаясь въ миролюбивыя объясненія и общанія, на почвѣ которыхъ возникли потомъ „тревожные слухи“.

Приобрѣтеніе чужой обширной территоріи всегда представляется заманчивымъ и желательнымъ съ точки зрѣнія толпы; но для государства оно можетъ оказаться тяжелою и безцѣльною обузою, источникомъ напрасныхъ финансовыхъ жертвъ и безконечныхъ военно-политическихъ затрудненій въ будущемъ. Манчжурія, плотно населенная чуждымъ намъ народомъ, была бы для Россіи опаснымъ и разорительнымъ даромъ; намъ слѣдовало отказаться отъ нея не изъ дружбы къ Китаю, не изъ уваженія къ Англіи и Европѣ, не для доказательства нашихъ традиционныхъ безкорыстныхъ и великодушныхъ намѣреній, которыми никто вообще не вѣритъ въ области внѣшней политики, а ради насущныхъ интересовъ нашего собственнаго отечества, ради избавленія нашего народа отъ новыхъ бесплодныхъ затратъ и усилий. Этотъ отказъ долженъ былъ даже предшествовать новѣйшимъ китайскимъ событіямъ; онъ долженъ былъ опредѣленно выразиться

уже тогда, когда впервые подвергся обсужденію проектъ манчжурской желѣзной дороги. Устройство этой русской правительственной дороги въ предѣлахъ сосѣдняго государства и притомъ такого чуждаго намъ и ненадежнаго, какъ Китай, связало насъ съ Манчжуріею ранѣе возникновенія послѣдняго кризиса и создало матеріалъ для недавнихъ событій, выдвинувшихъ на сцену манчжурскій вопросъ. Какъ представлялось въ то время положеніе наше въ Манчжуріи и чѣмъ обезпечивалась безопасность проведенной по этой странѣ желѣзной дороги, съ ея огромными матеріальными цѣнностями и многочисленнымъ служебнымъ персоналомъ,—намъ неизвѣстно; но послѣдствія показали, что это было неизвѣстно и строителямъ дороги, и ея распорядителямъ, такъ какъ простое соглашеніе съ китайскимъ правительствомъ, конечно, не ограждало предпріятія отъ страшнаго риска при перемѣнѣ царствованія въ Китаѣ или даже при перемѣнѣ первыхъ совѣтниковъ богдыхана,—не говоря уже о народныхъ волненіяхъ. Удалиться изъ Манчжуріи вполнѣ—мы, къ сожалѣнію, не можемъ, и это обстоятельство тѣмъ болѣе обязывало насъ воздерживаться отъ преждевременныхъ категорическихъ заявленій о будущей эвакуаціи, если не имѣлось въ виду пожертвовать устроенною желѣзною дорогой или передать ее Китаю въ случаѣ надобности.

Впрочемъ, внѣшняя политика имѣетъ свои загадочныя стороны, недоступныя пониманію обыкновенныхъ смертныхъ; едва ли кто въ состояніи, напр., разъяснить, какъ мы поступимъ съ Портъ-Артуромъ и со вновь построеннымъ городомъ Дальнимъ по истеченіи 25-лѣтняго аренднаго срока, на который намъ, по договору, предоставлено пользование южною частью Ляодунскаго полуострова,—если Китай не согласится возобновить арендный контрактъ на дальнѣйшее время. Между тѣмъ наши миллионныя затраты въ Портъ-Артурѣ и его окрестностяхъ разсчитаны какъ будто на долговѣчное водвореніе въ этихъ мѣстахъ. Намъ по неволѣ пришлось бы держаться принципа „*beati possidentes*“, вопреки смыслу заключеннаго договора,—подобно тому, какъ Австрія утвердилась въ турецкихъ провинціяхъ, которыя было ей поручено занять временно для восстановленія въ нихъ мира и порядка послѣ русско-турецкой войны. Наша временная связь съ Манчжуріею, въ ожиданіи „дальнѣйшаго хода событій“, можетъ оказаться столь же продолжительною и вѣрною, какъ связь Австріи съ Босніею и Герцеговиною, и притомъ съ гораздо болѣшимъ нравственнымъ основаніемъ,—въ полномъ соотвѣтствіи съ общепринятыми началами и обычаями международнаго права. Эта перспектива кажется намъ неблагопріятною и неудобною для будущаго, и если въ дѣйствительности нельзя будетъ избѣгнуть такого исхода, то по крайней мѣрѣ желательно обставить его извѣстными ограниченіями и допу-

ститъ его только въ предѣлахъ реальной необходимости, насколько это потребуется интересами безпрепятственнаго и спокойнаго пользования манчжурскою желѣзнодорожною линіею.

Германскій наслѣднй принцъ торжественно зачисленъ въ студенты университета въ Боннѣ, 25 апрѣля, въ присутствіи своего отца, императора Вильгельма II, который по этому случаю произнесъ рѣчь въ большомъ университетскомъ залѣ, передъ многочисленною аудиторіею. Кронпринцъ вписалъ свое имя въ книгу и далъ обязательство соблюдать университетскія правила, послѣ чего ректоръ привѣтствовалъ его, какъ одного изъ самыхъ юныхъ студентовъ, и пожелалъ ему совмѣстить серьезныя научныя занятія съ бодримъ юношескимъ настроеніемъ. Вильгельмъ II вспомнилъ свои „веселыя студенческіе годы въ Боннѣ“, восхулся историческаго значенія этого города, заговорилъ о Рейнѣ, о прошлыхъ судьбахъ Германіи, объ ея настоящемъ и будущемъ. Кронпринцъ также сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на привѣтствіе, обращенное къ нему отъ имени товарищей, и закончилъ обычнымъ возгласомъ въ честь студенчества. Императоръ съ своей стороны повторилъ этотъ возгласъ, при всеобщемъ восторгѣ слушателей. Вечеромъ того же дня состоялся пріемъ новаго студента въ мѣстную студенческую корпорацію „Borussia“, къ которой въ свое время принадлежалъ и нынѣшній императоръ. Вильгельмъ II, въ качествѣ бывшаго члена корпораціи, имѣлъ на головѣ студенческую шапочку съ соотвѣтственнымъ значкомъ; онъ занялъ мѣсто за почетнымъ столомъ рядомъ съ уполномоченнымъ отъ корпораціи „Borussia“ студентомъ и обратился съ рѣчью къ „милымъ сотоварищамъ“.

Эти праздничные дни въ Боннѣ описываются въ нѣмецкихъ газетахъ не особенно подробно и обсуждаются въ нихъ большею частью какъ отдѣльные, сравнительно второстепенные и случайные эпизоды въ дѣятельной и энергической жизни Вильгельма II. Сами нѣмцы какъ будто не замѣчаютъ въ высшей степени характерныхъ и любопытныхъ проявленій современнаго германскаго быта въ этихъ несущественныхъ и неважныхъ повидимому фактахъ. Было время, когда студенческія корпораціи и землячества сурово преслѣдовались въ Германіи, когда самая принадлежность къ нимъ считалась почти преступленіемъ и когда даже простыя студенческія собранія и сходки озабочивали университетское начальство, поднимали на ноги нѣмецкія полицейскія силы, служили предметомъ серьезныхъ обсужденій и мѣропріятій со стороны государственныхъ людей. Мнимыя опасности, представляемыя корпоративною жизнью студенчества, изображались весьма краснорѣчиво нѣмецкими охранителями двадцатыхъ и послѣдующихъ

годовъ, въ періоды жалкаго политическаго безсилія Германіи, при мертвящемъ владычествѣ системы Меттерниха, принципы котораго, при всей своей бесодержательности и пустотѣ, обладали замѣчательною живучестью и сохранили отчасти понынѣ свою силу въ нѣкоторыхъ странахъ.

Какъ далеко ушла Германія отъ этихъ безжизненныхъ, губительныхъ традицій, побуждавшихъ правителей относиться враждебно къ лучшимъ и передовымъ общественнымъ силамъ, къ умственному росту, свободному развитію и процвѣтанію своихъ собственныхъ народовъ! Современная германская нація, ничѣмъ не стѣсненная въ своихъ общественныхъ и національных потребностяхъ и стремленіяхъ, отличается бодрою энергіею и предприимчивостью и занимаетъ все больше и больше мѣста въ культурномъ мірѣ; — и для каждаго образованнаго нѣмца „веселые годы студенчества“ составляютъ лучший, самый свѣтлый періодъ жизни, тогда какъ въ прежнія времена эти юношескіе годы обыкновенно омрачались тяжелыми, незаслуженными ударами и разочарованіями, которые налагали свою печать на все прозябавшее тогда нѣмецкое общество.

Европейская дипломатія, поглощенная дѣлами дальняго Востока, играетъ теперь довольно странную роль по отношенію къ Турціи. Повальныя избіенія христіанъ въ разныхъ мѣстахъ Арменіи уже совершенно забыты; невозможныя условія турецкой администраціи процвѣтаютъ по прежнему въ областяхъ, для которыхъ берлинскимъ трактатомъ 1878 года намѣчены были обязательныя реформы подъ наблюденіемъ и контролемъ великихъ державъ. Объ этихъ реформахъ, давно уже признанныхъ безусловно необходимыми для огражденія христіанскихъ жителей отъ насилій и беззаконій турецкихъ властей и башибузуковъ, — нѣтъ и рѣчи въ настоящее время; никто о нихъ не вспоминаетъ и не напоминаетъ въ Константинополѣ, гдѣ, напротивъ, дипломаты наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пріобрѣсть благорасположеніе султана и избѣгаютъ малѣйшаго повода къ непріятнымъ спорамъ и пререканіямъ съ его правительствомъ. Равнодушіе къ судьбѣ народностей, подвластныхъ туркамъ, доходитъ до того, что сами европейскіе кабинеты обращаются къ Высокой Портѣ съ настоятельными совѣтами дѣйствовать строго противъ недовольныхъ христіанъ для избѣжанія волненій и беспорядковъ, которые были бы крайне нехстати для дипломатіи въ настоящее время.

Особенно много горячаго матеріала накопилось за послѣдніе годы въ Македоніи, населеніе которой безнадежно страдаетъ отъ произвола турецкихъ пашей и отъ періодическихъ военно-полицейскихъ эзекуцій; болѣе смѣлые изъ мѣстныхъ обывателей брались за оружіе и

подъ видомъ разбойниковъ жестоко мстили отдѣльнымъ представителямъ ненавистнаго турецкаго режима. Вмѣсто того, чтобы потребовать отъ Порты коренного измѣненія варварскихъ административныхъ порядковъ въ Македоніи, согласно указаніямъ берлинскаго трактата,—просвѣщенная европейская дипломатія побудила турецкаго султана принять энергическія мѣры для усмиренія туземныхъ христіанъ. Турецкіе сановники, поощряемые Европою, поручили своимъ агентамъ и башибузукамъ усмирить Македонію по обычной турецкой методѣ; власти стали хватать „подозрительныхъ“ людей, наполнили тюрьмы ни въ чемъ не повинными обывателями, подвергали ихъ жестокимъ пыткамъ и предварительнымъ наказаніямъ, устраивали иногда какое-то подобіе судебныхъ процессовъ, присуждали къ суровымъ казнямъ. И представители великихъ державъ,—не исключая и тѣхъ, на которыхъ лежитъ прямая обязанность охранять интересы балканскихъ христіанъ,—видимо одобряютъ „энергію“ турокъ въ подавленіи возможныхъ или ожидаемыхъ безпорядковъ въ Македоніи; они съ своей стороны способствуютъ вишнему успѣху Порты, помогаясь отъ Болгаріи запрещенія всякихъ организацій, имѣющихъ цѣлью оказать помощь и поддержку македонцамъ. Болгарское правительство вынуждено было закрыть македонскій комитетъ, существовавшій въ Софіи, и даже арестовать его членовъ, съ предсѣдателемъ г. Сарафовымъ во главѣ. Македонія всецѣло отдана въ распоряженіе турецкихъ пашей, съ вѣдома и согласія могущественныхъ европейскихъ государствъ, и результаты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть благопріятны для интересовъ прочнаго мира на Балканскомъ полуостровѣ.

ШКОЛА НОВАГО ТИПА ВЪ ПАРИЖѢ.

Письмо въ Редакцію.

Изъ прїѣзжающихъ ежегодно въ Парижъ нашихъ соотечественниковъ весьма немногіе, даже очень рѣдкіе, дѣйствительно знакомятся съ городомъ, хотя бы даже съ его, такъ сказать, внѣшними достопримѣчательностями, не говоря уже о многосторонней, очень сложной его внутренней жизни. Кто изъ путешествующихъ русскихъ осматривалъ, напримѣръ, интересный кварталъ „le Marais“, гдѣ чуть ли не всѣ дома сохранились отъ XVII и XVIII вѣковъ, а нѣкоторые отели остались еще отъ XVI-го вѣка? Многіе ли видѣли интересный музей Carnavalet, посвященный исторіи города и устроенный въ отелѣ знаменитой писательницы XVIII-го вѣка—*madame de Sévigné*? Очень часто, если не въ громадномъ большинствѣ случаевъ, знакомство съ Парижемъ для путешествующихъ русскихъ сводится, главнымъ образомъ, къ знакомству съ ресторанами модныхъ бульваровъ и—*гве Royale*.

Очень немногіе интересуются рѣдкими по красотѣ памятниками искусства, которыми изобилуетъ Парижъ. Но и изъ этихъ немногихъ едва ли кто имѣлъ храбрость посѣтить окраины города, лежащія за кладбищемъ *Père-Lachaise*, гдѣ похоронены чуть ли не всѣ французскія знаменитости, начиная съ Элоизы и Абельяра.

Извѣстно, что Парижъ растетъ въ направленіи къ западу, и что вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшняя городская жизнь передвигается съ востока на западъ. Явленіе это свойственно, впрочемъ, не исключительно одному Парижу—оно повторяется и въ Лондонѣ, и въ Берлигѣ, и въ другихъ столицахъ, и, что замѣчательно,—съ нимъ какъ будто связано, а можетъ быть даже имъ обусловливается, другое явленіе, а именно, что крайніе восточные кварталы—бѣдные, тогда какъ крайніе западные—зажиточные, богатые. Можно, разумѣется, объяснить связь между обоими явленіями тѣмъ, что новые кварталы, т.-е. западные, заселяются всегда богатыми классами. Но все же не очевидно, почему это такъ и быть должно. А чѣмъ объяснить ростъ въ направленіи къ западу? Теченіе рѣки, прорѣзывающей городъ, тутъ вѣроятно ни-при-чемъ. Сена, правда, течетъ съ востока на западъ, но Темза течетъ въ обратномъ направленіи, а между тѣмъ Лондонъ, какъ Парижъ, уходитъ на западъ. Уже не играетъ ли тутъ еще невыясненную роль движеніе солнца?

Итакъ, восточные кварталы Парижа—наиболѣе бѣдные. Но самый

бѣдный изъ нихъ—сѣверо-восточная окраина города, составляющая 20-й округъ. Расположенъ онъ какъ разъ за Père-Lachaise и пользуется вообще весьма нехорошей славой. Мелкій буржуа отзывается о живущихъ „derrière le Père-Lachaise“ съ отвращеніемъ, даже съ нѣкоторой злобой, какъ о людяхъ опасныхъ, никуда негодныхъ. Отчасти эта окраина оправдываетъ такое мнѣніе. По нѣкоторымъ улицамъ 20-го округа — если не по всѣмъ — ходить поздно ночью одному опасно даже при оружіи. Ночныя нападенія (attaques nocturnes), даже убійства, тамъ нередки. Читатели, можетъ быть, помнятъ изъ газетъ о найденномъ очень недавно разрѣзанномъ на части трупѣ, котораго личность еще до сихъ поръ не установлена; трупъ этотъ открытъ былъ въ одномъ изъ глухихъ переулковъ 20-го округа.

И вотъ, въ одномъ изъ кварталовъ этого бѣднѣйшаго, дурной славы округа, уже недалеко отъ крѣпостнаго вала, въ глухой улицѣ Riblette, есть городская элементарная школа для дѣвочекъ, въ которой воспитываются, вмѣстѣ съ дѣтьми нѣкоторыхъ мелкихъ торговцевъ, дѣти изъ самыхъ бѣдныхъ, даже нищенскихъ семействъ, иногда даже дѣти съ нѣкоторыми семейными пороками, какъ алкоголизмъ, преступность и т. п. Учительницамъ приходится прилагать особенныя старанія, быть необыкновенно преданными своему призванію, чтобы исправлять дѣтей, часто уже совершенно испорченныхъ средой, и приучать ихъ къ физической и нравственной опрятности. Иногда имъ приходится напрягать все свое вниманіе на то, чтобы въ одномъ и томъ же классѣ ограждать чистые, непорочные элементы отъ испорченныхъ. Но всѣ ихъ усилія часто пропадаютъ безъ пользы: по оставленіи школы, среда беретъ верхъ. Чтобы удержать своихъ ученицъ подъ нравственнымъ дѣйствіемъ школы, чтобы продлить это дѣйствіе возможно дольше, директрисса школы, г-жа Вегенъ (Béguin), простая и добрая женщина, придумала устроить общество подъ названіемъ „Oeuvre du Trouvveau“ — общество для составленія бѣлья для приданого—главнымъ образомъ, изъ настоящихъ и бывшихъ ученицъ школы, къ которымъ присоединяется извѣстное число постороннихъ дамъ, интересующихся этимъ благимъ дѣломъ. Ученицы, члены-соучастницы, постороннія дамы — члены-сотрудницы. Приданое шьется въ школахъ самими членами общества, которое для этого собирается тамъ разъ въ недѣлю, по пятницамъ, отъ 2-хъ до 5-ти. Ресурсы для приобрѣтенія необходимаго матеріала составляются изъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій, большею частью натурой — полотномъ или готовыми, сшитыми вещами. Ученицы, участвующія въ обществѣ, вносятъ ежемѣсячно 50 сантимовъ (17 коп.); но не всѣ могутъ внести такую для нихъ крупную сумму, и директрисса можетъ освободить бѣдныхъ ученицъ отъ членскаго взноса; только дѣлается это въ большой тайнѣ — нѣто, кромѣ

директриссы и учительницы-кассирши, не знаетъ именъ ученицъ, освобожденныхъ отъ взноса. Само приданое—весьма немногосложное: оно состоитъ изъ 73 предметовъ,—изъ нихъ дюжина рубашекъ, дюжина носовыхъ платковъ, 4 простыни, 4 наволочки, 12 салфетокъ, 12 скатертей, 6 полотенецъ, 2 юбки, 2 передника и еще 7 вещей, и общенно оно въ 54 франка, т.-е. рассчитано такъ, чтобы приданое обошлось какъ разъ въ сумму, которую ученицы вносятъ въ теченіе 9-ти лѣтъ. Онѣ вступаютъ въ общество 9-ти лѣтъ, послѣ маленькаго испытанія въ шитьѣ, и остаются въ немъ до оставленія школы — обыкновенно 12-ти или 13-лѣтъ—и затѣмъ продолжаютъ участвовать и приходить въ школу разъ въ недѣлю—въ день шитья, до 18-ти лѣтъ или до брака, еслибы онѣ вышли замужъ раньше. Каждая ученица шьетъ на себя, свое собственное приданое, которое хранится въ школѣ въ отдѣльномъ шкафчикѣ, съ ея именемъ, до 18-ти лѣтъ или до брака; она можетъ оставить его на храненіе въ школѣ и послѣ 18 лѣтъ; она можетъ также продолжать участвовать въ обществѣ и послѣ 18-ти лѣтъ, если у нея есть время, только тогда она уже не шьетъ на себя, а на своихъ товарокъ. Въ этомъ кварталѣ многія дѣвочки, немедленно по оставленіи школы, поступаютъ въ мастерскія, гдѣ сначала обучаются ремеслу, а затѣмъ становятся работницами, или, по оставленіи школы, принуждены помогать въ работѣ родителямъ дома, и не могутъ приходить по пятницамъ шить въ школѣ. Такимъ работа выдается на домъ, и все готовое приносится въ школу на храненіе. Общество основано въ февралѣ 1899 г. и теперь заключаетъ 70 бывшихъ ученицъ. До сихъ поръ только треть ученицъ, оставляющихъ школу, оставалась въ обществѣ.

Но не въ одномъ только приданомъ дѣло, хотя для бѣдной дѣвушки изъ среды, гдѣ иногда выходить замужъ—еще когда выходить не имѣя и сорочки,—и такое приданое—богатство; дѣло еще—въ нравственномъ вліяніи, которое общество оказываетъ на ученицъ школы, тѣмъ самымъ, что онѣ всѣ разъ въ недѣлю собираются для хорошаго дѣла.

Ничего нѣтъ милѣе и трогательнѣе, какъ эти „трудлюбивыя засѣданія“. Къ назначенному часу всѣ сходятся; бывшія ученицы весело здороваются, цѣлуются со своими учительницами; дамы-сотрудницы, иногда разодѣтыя, за-просто пожимаютъ руки работницамъ безъ шляпокъ—матерямъ ученицъ, которыя тоже могутъ приходить шить,—и всѣ вмѣстѣ направляются въ обширный рекреационный залъ—онъ же служить и столовой для дѣтей, которыя завтракаютъ въ школѣ; залъ сразу превращается въ обширную швейную мастерскую. Шкафчики раскрываются, учительницы дамы и старшія дѣвушки быстро раздаютъ работу, и въ нѣсколько минутъ всѣ оказываются за дѣломъ:

однѣ кроютъ, другія шьютъ, третьи примѣряютъ. Разговоры шумныхъ нѣтъ, разговариваютъ сосѣдки въ полголоса, но всѣ работаютъ весело, всѣ, какъ одна семья, сошлись какъ будто на праздникъ. Что-то выдѣляется теплое, согревающее изъ этого трехчасового, общаго, семейнаго труда.

Особенная радость бываетъ въ школѣ, когда одна изъ бывшихъ ученицъ выходитъ замужъ. Это уже случилось четыре раза за два года существованія общества. Тогда „приданое“ выставляется въ школѣ на показъ, и свадьба является праздникомъ общества и школы.

Ежегодно въ одинъ изъ лѣтнихъ воскресныхъ дней въ школѣ для общества устраивается настоящій праздникъ. Извѣстный поэтъ Maurice Bouchor, посвятившій себя народному воспитанію, заинтересовался дѣломъ г-жи Béguin и ежегодно устраиваетъ въ школѣ литературно-музыкальное утро съ любительскимъ спектаклемъ. Тогда уже празднуетъ этотъ день не одна школа, а весь кварталъ, потому что на праздникъ приглашаются родители и семьи всѣхъ ученицъ.

Въ настоящее время всѣ педагоги посѣщаютъ школу г-жи Béguin и находятъ, что дѣло ея достойно подражанія, и оно дѣйствительно нашло подражаніе въ самомъ Парижѣ, Версалѣ, Руанѣ, Гаврѣ и въ другихъ городахъ.

М.

Парижъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1901.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга пятнадцатая. Спб. 1901.

Авторъ неутомимо продолжаетъ свой многолѣтній трудъ. Въ предисловіи онъ посвящаетъ благодарное воспоминаніе Л. Н. Майкову, которому обязанъ былъ въ своей работѣ многими полезными указаніями, и А. Н. Мамонтову, который былъ издателемъ X—XIV книгъ „Жизни и трудовъ Погодина“: когда въ предисловіи IX-го тома г. Барсуковъ заявилъ о затрудненіи дальнѣйшаго изданія книги по истощенію денежныхъ средствъ, то Мамонтовъ, вовсе не зная лично автора, „дружелюбно простеръ ему изъ Москвы руку помощи“. Мамонтовъ (умершій въ прошломъ году) былъ усерднымъ читателемъ, или вѣрнѣе слушателемъ, книги г. Барсукова: „старецъ, слѣпецъ, удрученный тяжкимъ недугомъ, онъ съ неослабнымъ вниманіемъ и участіемъ прослушивалъ читавшіяся ему, его секретаремъ, книги о Жизни и трудахъ М. П. Погодина“.

Такимъ образомъ изданіе книги поддержано было ея читателемъ—фактъ очень характерный относительно книги г. Барсукова. Извѣстно, какъ опредѣлился складъ этой книги: это не только или не столько біографія Погодина, сколько цѣлая хроника русской жизни за его время. Это содержаніе труда г. Барсукова могло образоваться по самому характеру его героя: мы не видѣли другого человека, который въ самомъ дѣлѣ имѣлъ бы столько встрѣчъ, соприкосновеній и столкновеній съ самыми разнообразными сторонами русской жизни и людьми русскаго общества; съ тридцатыхъ годовъ Погодинъ, тогда ревностный панславистъ, выступилъ на публицистическое поприще, потомъ особенно настойчиво работалъ на немъ во время Крымской войны, въ пятидесятыхъ годахъ, когда его письма и записки къ императору Николаю I и высочайшеупомянутымъ лицамъ, по его словамъ, „въ безчисленныхъ спискахъ“ расходились по всей Россіи и заняли большое

мѣсто въ распространившейся тогда рукописной литературѣ, которая послужила началомъ нашей новѣйшей публицистики.

Къ писаніямъ самого Погодина присоединяются письма и сообщенія его друзей, лицъ, съ которыми онъ вступалъ въ сношенія; припоминаются политическія и общественныя событія, — и біографія превращается въ хронику, нерѣдко весьма любопытную. Въ настоящемъ томѣ эта хроника начинается съ 17 апрѣля 1856 года (манифестъ о коронаціи имп. Александра II) и доходитъ до начала 1858 года. Это было именно время броженія, возникавшаго въ русскомъ обществѣ и самомъ правительствѣ въ виду главнѣйшей изъ „великихъ реформъ“, предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Рядомъ съ этимъ зарождались другіе вопросы въ обществѣ, которое послѣ испытаній и опытовъ Крымской войны искало наконецъ путей опредѣлить свое гражданское состояніе, высказать накопившуюся горечь, заявить о своихъ насущныхъ потребностяхъ и желаніяхъ. Вопросы объ освобожденіи крестьянъ, о положеніи печати, споры западниковъ и славянофиловъ (послѣдніе въ это время впервые основали свой особый журналъ), вопросы о народномъ бытѣ и особливо о сельской общинѣ, колебанія крестьянскаго дѣла въ правительственныхъ кругахъ и въ средѣ дворянства, положеніе духовенства и т. д., все это болѣе или менѣе затронуто въ біографіи Погодина, и хроника г. Барсукова даетъ чрезвычайно любопытное чтеніе и подготавливаетъ будущую подробную исторію этого времени въ русскомъ обществѣ. Авторъ ведетъ свой разсказъ всего больше, иногда исключительно, прямымъ сообщеніемъ и сопоставленіемъ современныхъ матеріаловъ, писемъ самого Погодина и лицъ, прикосновенныхъ къ событіямъ и общественнымъ толкамъ, официальной переписки, журнальныхъ статей и т. п., наконецъ отрывковъ изъ дневника. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, чрезвычайно лаконическій, нерѣдко бываетъ, однако, очень характеренъ, — напр. когда въ его экипажѣ сломалась ось и Погодинъ упалъ и разбился, онъ записываетъ въ дневникѣ, что это вѣроятно „наказаніе отъ Дмитрія царевича“ (онъ могъ высказать о немъ неправильное историческое мнѣніе); онъ записываетъ, какъ „набросалъ къ Титову (письмо о томъ, какъ должно быть поставлено воспитаніе наслѣдника престола) съ блистательными выходками“; какъ „прогулялся“, какъ „взбѣсился на Константина Аксакова“ и т. п.

Погодинъ и теперь мечталъ о какомъ-нибудь высшемъ положеніи: ему хотѣлось стать воспитателемъ наслѣдника престола, когда это мѣсто сдѣлалось вакантно. Но назначенъ былъ Титовъ, хорошо знакомый ему съ тридцатыхъ годовъ. Погодинъ помирился съ этимъ, но хотѣлъ по крайней мѣрѣ изложить свои взгляды на воспитаніе наслѣдника и вообще великихъ князей, и сдѣлалъ это въ чрезвычайно

любопытной запискѣ (стр. 80—89),—но онъ имѣлъ также неблагоразуміе напечатать эту записку за границей; „блистательныя выходки“ повели, во-первыхъ, къ запросу отъ шефа жандармовъ о рукописяхъ Погодина, а затѣмъ къ отставкѣ его друга Титова, и косвенно къ удаленію приглашеннаго Титовымъ Кавелина отъ преподаванія наследнику. Любопытна дальше исторія устроеннаго Погодинымъ заграничнаго изданія книжки свящ. Велюстина о сельскомъ духовенствѣ, которая произвела тогда большое впечатлѣніе, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ „гласности“.

О томъ, какое настроеніе наполняло тогда лучшихъ людей русскаго общества и создало историческую полосу „шестидесятыхъ годовъ“ и „великихъ реформъ“, даютъ живое понятіе впечатлѣнія самого Погодина отъ записки о сельскомъ духовенствѣ, когда онъ получилъ ее отъ Велюстина (въ февралѣ 1857). По прочтеніи ея, Погодинъ писалъ къ своему другу, Иннокентію, архіепископу херсонскому: „Двѣ ночи я не могъ спать спокойно—страшные образы являлись мнѣ въ моемъ воображеніи. Понятія не имѣлъ я,—хоть и толкусь въ народѣ и знакомъ со всѣми сословіями,—о тѣхъ смутахъ, о тѣхъ адахъ, черезъ которые проходитъ молодое дитя. Изъ ста одинъ или два могутъ сохраниться чистые, ознаменованные благодатью, и имъ за-живо надо поклоняться, какъ святымъ во плоти. А въ прочихъ дикихъ и даже изверговъ не смѣй никто бросить камня... О, какими ядами должна быть отравлена эта противная привычка смотрѣть сквозъ пальцы на ужасы, около насъ совершающіеся“...

Въ письмѣ къ Погодину, авторъ книги, Велюстинъ въ тоже время говорилъ: „...теперь, изъ ста крестьянъ—десять, и это максимум, умѣющихъ прочитать, разумѣется, безъ малѣйшаго смысла и пониманія, Символь Вѣры и двѣ-три коротенькихъ молитвы; заповѣди знаютъ изъ тысячи много что двое-трое; о женщинахъ и говорить нечего. И это—*православная* Русь!—Стыдъ и позоръ! И наши фарисеи дерзаютъ кричать во всеуслышаніе, что только въ Россіи сохранилась вѣра неизмѣнною, — въ Россіи, гдѣ двѣ-трети не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ вѣрѣ: о, Іудино окаянство!“...

Погодинъ, по разсказу г. Барсукова, уничтожилъ въ рукописи Велюстина всѣ мѣста, по которымъ можно было бы заключить о званіи и мѣстѣ жительства автора, и въ такомъ видѣ давалъ читать ее своимъ знакомымъ.

Когда книга Велюстина была издана и произвела большое впечатленіе, извѣстный А. Н. Муравьевъ писалъ московскому митрополиту Филарету: „прикажете непремѣнно написать отвѣтъ на книгу о Сельскомъ духовенствѣ. Вы медлите, а книга сія, какъ ядъ, производитъ глубокія язвы въ высшемъ кругу, и ей вѣрять какъ евангелію“. Вслѣдъ

за этимъ г. Барсуковъ припоминаетъ, что въ Петербургѣ явилась вскорѣ идея брошюра, подъ заглавіемъ; „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ Описаніе Сельскаго Духовенства“. Въ этой брошюрѣ „изрекается страшное проклятіе на автора и издателя передъ всѣми русскими людьми“. Погодинъ самъ написалъ объясненіе.

„Дѣйствовавъ всегда открыто, — писалъ Погодинъ (стр. 128), — не скрываясь никогда подъ буквою или псевдонимомъ, я готовъ и въ настоящемъ случаѣ принять на себя обвиненіе, хотя косвенное. Прежде всего замѣчу, что какъ чиновники не составляютъ юстиціи, такъ и духовныя лица, какія бы ни были, внѣ ихъ священнодѣйствія, не составляютъ церкви. Кто осуждаетъ тѣхъ или другихъ чиновниковъ, тотъ еще не показываетъ тѣмъ неуваженія къ юстиціи; кто показываетъ злоупотребленія духовныхъ лицъ или учреждений, какихъ бы то ни было, тотъ можетъ благоговѣть передъ церковью и святыми ея уставами. Обвиненія „свѣтскаго человѣка“ по своему духу принадлежать скорѣе іезуиту, или такому инквизитору, который въ молитвѣ Отче Нашъ готовъ найти доказательство богохульства. Метода его не новая и употребляется искони всѣми виноватыми людьми. Вы будете уличать ихъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, а они вмѣсто отвѣта взведутъ на васъ вину въ неуваженіи или въ оскорбленіи религіи, власти, правительства. „Фармазонъ, красный, властей не признаетъ“! — восклицаетъ Фамусовъ Грибоѣдова. „Это наши язвы, оглашать ихъ не позволительно“, — кричитъ въ Разъѣздѣ послѣ представленія Ревизора патриотъ Гоголевъ. Изъ избы не надо выносить сора: хороша была бы изба, недавно замѣтилъ Н. Ф. Павловъ, если бы копить въ ней всѣ такія драгоценности. Но распространяться болѣе о пошлыхъ, запоздалыхъ выходкахъ свѣтскаго человѣка не считаю болѣе нужнымъ“.

Въ 1857 году явилась „знаменитая“, какъ говоритъ г. Барсуковъ, — статья В. И. Ламанскаго „О распространеніи знаній въ Россіи“. Уже тогда г. Ламанскій своими сочувствіями принадлежалъ къ такъ называемымъ славянофиламъ; „но записка Ламанскаго, — по словамъ г. Барсукова, — была напечатана не въ „Русской Бесѣдѣ“, какъ бы слѣдовало (?), а въ „Современникѣ“, — съ самымъ сочувственнымъ заявленіемъ отъ редакціи журнала. Это обстоятельство показывало только, что мысли г. Ламанскаго о необходимости притти, наконецъ, на помощь великой нуждѣ русскаго народа въ просвѣщеніи, эти мысли находили безусловное сочувствіе всѣхъ образованныхъ людей безъ различія „партій“. Статья отвѣтила общему интересу — къ сожалѣнію, условія нашей общественной жизни были таковы, что предложенія автора не нашли тогда практическаго осуществленія; мало того: прошло больше сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ, и все еще было бы впору повторить тогдашнія увѣщанія.

Изъ переписки того времени, изъ дневника Погодина, г. Барсуковъ приводитъ любопытныя подробности о томъ впечатлѣніи, какое производила статья, читанная въ разныхъ кругахъ еще до появленія ея въ печати (стр. 294 и дал.). Въ концѣ 1856, г. Ламанскій былъ въ Москвѣ и между прочимъ познакомился и бесѣдовалъ съ Погодинымъ. Послѣдній не преминулъ записать въ дневникѣ:

Подъ 12 декабря: „Ламанскій о распространеніи знаній“.

23: „Ламанскій. Досаду производитъ молодое вранье объ Исторіи“.

Затѣмъ, въ августѣ 1857 года. читаемъ:

5: „Думалъ о письмѣ къ Ламанскому съ исчисленіемъ моихъ трудовъ по его части.“

16: „Читалъ Ламанскаго и возбуждался.“

22: „Читалъ Ламанскаго и думалъ о своемъ положеніи.“

24: „Читалъ Ламанскаго и думалъ о Франціи“ (!?).

Прелестно.

— В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Томъ третій. Спб. 1901.

Изданіе „Монографій“ быстро идетъ впередъ. Вышедшій теперь третій томъ почти сполна посвященъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о временахъ Екатерины II: Первые политическія письма Екатерины II; Воцареніе Екатерины II; Послѣдніе голштинцы; Походы по Волгѣ и Днѣпру; Морская язва 1770—1774 годовъ; Екатерина II и графъ Н. П. Румянцовъ; Шведская война 1788—1790 годовъ; Екатерина II и В. В. Каховскій. Только послѣдняя статья, заключающая автобіографическую записку В. Р. Марченки (стр. 491—601), относится ко временамъ имп. Александра I, заканчиваясь разсказомъ о вступленіи на престолъ имп. Николая Павловича.

Статьи, здѣсь собранныя, имѣютъ ту особенную цѣну, что авторъ, владея сполна литературой предмета, кромѣ того вводитъ еще много новаго архивнаго матеріала, сообщаемого имъ въ первый разъ. Такъ, къ „первымъ политическимъ письмамъ Екатерины II“ г. Бильбасовъ присоединилъ „допросные пункты“ по дѣлу канцлера Бестужева, до тѣхъ поръ извѣстные только въ отрывкахъ. Въ статьѣ о воцареніи Екатерины изданы въ высшей степени интересныя депеши прусскаго посланника Гольца—изъ тайнаго государственнаго архива въ Берлинѣ, и французскаго посланника Бретэля—изъ парижскаго архива. „Послѣдніе голштинцы“ опять сопровождаемы архивными документами. Къ разсказу о путешествіяхъ Екатерины по Волгѣ и Днѣпру прибавлены документы изъ архива морского министерства. Въ статьѣ о моровой язвѣ издано нѣсколько указовъ и рескриптовъ Екатерины II къ генераль-

майору Шипову и другимъ. Статья объ отношеніяхъ Екатерины къ гр. Румянцову снабжена множествомъ документовъ, и т. д.

Авторъ есть, конечно, лучший въ настоящее время знатокъ Екатерининскаго времени. Нельзя не жалѣть, что „Исторія Екатерины Второй“, какъ значится на обложкѣ, „въ двѣнадцати томахъ“, изданіе которой начато было въ 1890 году, такъ замедляется въ ея появленіи въ свѣтъ: второй томъ помѣченъ 1891 годомъ, и перепечатанный, вмѣстѣ съ первымъ, за границей, у насъ, сколько извѣстно, остается недоступнымъ; далѣе, въ 1896 году, изданъ былъ въ Берлинѣ, въ двухъ книгахъ, двѣнадцатый томъ сочиненія, повидимому заключительный, гдѣ находится обстоятельный критическій обзоръ иностранной литературы о Екатеринѣ II, разборъ 1.280 книгъ и брошюръ съ 1744 до 1896 года, драгоценный для ея историковъ. Надо думать, что промежуточные томы, 3—11, уже написаны, и если причиной того, что громадный трудъ г. Бильбасова остается до сихъ поръ подъ спудомъ, были вѣншія, цензурныя условія, — въ данномъ случаѣ получается великій ущербъ для нашей историографіи. Этимъ далекимъ временамъ пора получить историческую давность: въ 1896 году была столѣтняя память смерти Екатерины II, и не очень далеко время, когда (въ 1929) наступитъ *двухъ-сотъ-лѣтняя* память ея рожденія.—А. П.

— А. И. Фаресовъ. Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ). Біографія и мои о немъ воспоминанія (съ двумя портретами). Спб. 1901.

А. К. Шеллеръ (1838—1890) займетъ свое почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы за вторую половину прошлаго столѣтія. Талантъ его не былъ крупный, но произведенія его получали свое значеніе отъ того нравственнаго содержанія, какое онъ вносилъ въ свои труды. Онъ воспитался на той эпохѣ конца и начала шестидесятихъ годовъ, которая одушевила русское общество перспективою преобразованій, надеждами на лучшее будущее въ умственной и общественной жизни, и люди молодого поколѣнія, съ какими-нибудь задатками идеализма, жадно устремлялись къ этому будущему, — не воображая, конечно, какія тяжкія испытанія ожидали ихъ уже вскорѣ. Шеллеръ былъ изъ числа тѣхъ, которые сохранили на всю жизнь лучшіе порывы молодости: это сказалось въ его многочисленныхъ романахъ и сообщало имъ живой интересъ, несмотря на художественные недостатки. Онъ не заблуждался, — какъ заблуждается множество второстепенныхъ писателей, — о художественной цѣнѣ своихъ произведеній, и справедливо говорилъ: „мои произведенія будутъ дороги тѣмъ людямъ, кому дороги идеи и мысли, сильно выраженные, о

нашей жизни; нельзя сказать, что идеи и мысли вполне усвоены человечествомъ, и что ему недостаетъ только картинъ и образовъ" (стр. 33), и онъ говорилъ дальше, что къ писателю относится холодно, когда самъ онъ „относится къ злу безъ страсти и силъ": „нужно служить въ литературѣ вдохновенно, изъ послѣднихъ силъ, своему знамени, и только въ этомъ случаѣ художественныя средства популяризуютъ писателя. Вѣдь и Максимъ Горькій сталъ популяренъ тѣмъ, что поклонился босюку. Это его знамя... Писатель всегда силенъ идеями, а не картинами. Что и за картина, если въ ней нѣтъ содержания; что и за образъ, если онъ ничего не говоритъ русскому обществу?"

Вѣйшая біографія, которую рассказываетъ г. Фаресовъ, была немногосложна. Она была довольно тяжела и оставила слѣдъ въ неровности характера, раздражительности, недовѣрчивости, которыя не устранили, однако, лучшихъ нравственныхъ свойствъ—стремленія къ правдѣ, личной и общественной. Это стремленіе осталось всегда основою всей литературной дѣятельности Шеллера.

Объясненіе этой дѣятельности, въ обзорѣ главныхъ произведеній Шеллера, занимаетъ наибольшую долю біографіи; къ этому обзору г. Фаресовъ присоединилъ любопытное изложеніе литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Шеллера, собранное изъ его личныхъ бесѣдъ. Онъ говорилъ напримѣръ:

„У современныхъ беллетристовъ имѣется талантъ, но нѣтъ чутка къ общественной жизни; а чутка этого нѣтъ потому, что у нихъ нѣтъ общественнаго и живого дѣла. Мы, шестидесятники, счастливѣе ихъ. Мы вѣрили въ освобожденнаго человѣка... У насъ были реформы: крестьянская, земская, судебная, женская, равноправность національностей, законы о печати и т. д. Писатели являлись сторонниками общественной жизни, и потому ихъ любили и цѣнили; а теперь какая у насъ общественная жизнь? Что долженъ защищать писатель и чѣмъ онъ можетъ заслужить себѣ уваженіе въ обществѣ? Во что онъ вѣрить?—въ капиталъ?! Ничѣмъ, кромѣ собственнаго дарованія, современный писатель не располагаетъ... Вотъ почему мы и видимъ массу талантливыхъ, но преждевременно погибшихъ писателей. Ничего глубокаго въ общественной жизни они не прочувствовали, никакихъ обобщеній не встрѣтишь въ ихъ произведеніяхъ. Ихъ читаютъ, но не слѣдуютъ за ними, и ихъ произведенія умираютъ на другой день послѣ появленія. Эти восьмидесятники и девяностники неспособны были даже обсудить въ своихъ произведеніяхъ хотя бы рабочій вопросъ или политическія формы общественной жизни, чтобы художественными образами выяснить обществу злобу дня. Скажутъ, что это трудно по цензурнымъ условіямъ, но имъ гораздо труднѣе сдѣлать

это по собственному безсилію, по отсутствію чутія къ общественнымъ нуждамъ. Они предаются пересказамъ собственныхъ приключеній, заботятся объ ихъ отдѣлкѣ, о точности рисунка, а не о содержательности. Съ такимъ ограниченнымъ пониманіемъ прогресса современные художники утратили учительство и руководительство русскимъ обществомъ" (стр. 100).

Замѣчаніе объ „отсутствіи чутія къ общественнымъ нуждамъ“ совершенно справедливо, и многое объясняетъ въ характерѣ новѣйшей русской повѣсти и романа... Записанныя такимъ образомъ слова, конечно, могутъ быть неполны по цѣлому существу предмета, и въ данномъ случаѣ есть такая неполнота. „Общественнаго и живого дѣла“ не было у писателей и въ сороковыхъ годахъ,—но это не помѣшало явиться, вслѣдъ за Гоголемъ, Тургеневу, Григоровичу, Достоевскому, Гончарову; не помѣшало развиваться критикѣ Вѣлинскаго и, нѣсколько позднѣе, въ условіяхъ все еще слишкомъ мало благоприятныхъ, критикѣ его преемниковъ. Такимъ образомъ, отсутствіе общественнаго движенія (какое являлось потомъ въ эпохѣ реформъ) не дѣлало литературы бесплодной,—оно только развивало живительный идеализмъ и ожиданія лучшаго будущаго. „Современные беллетристы“, о которыхъ говоритъ Шеллеръ, воспитались въ тяжелыя времена реакціи и стали ея создателями—не потому, чтобы они сдѣлались исполнителями ея плановъ и проповѣдниками ея идей (хотя отчасти было и послѣднее), а потому, что поддались ея вліянію. Цѣль реакціи была отбить всякую память о прежнемъ развитіи и стремленіяхъ литературы (внѣшнимъ образомъ это выразилось въ извѣстномъ распоряженіи гр. Д. А. Толстого объ удаленіи изъ публичныхъ библиотекъ и читальнъ цѣлой массы книгъ прежняго времени), и эта цѣль въ значительной степени была достигнута: такъ называемые „восьмидесятники“ и т. п. дѣйствительно потеряли старое жизненное преданіе и даже этимъ хвастались—они внесли новое направленіе, метафизическій идеализмъ, поклоненіе „чистой красотѣ“ и т. п. Сами того не подозревая, они исполняли программу гр. Д. А. Толстого и потеряли „чутіе къ общественнымъ нуждамъ“.

Дальше, опять любопытны отзывы Шеллера объ этихъ новѣйшихъ теченіяхъ, а также защита нѣкоторыхъ увлеченій, за которыя такъ много обвиняли нѣкоторыхъ людей шестидесятыхъ годовъ, напр. Писарева.

„Я понимаю свободу и счастье человѣка въ зависимости отъ того или другого политическаго порядка вещей, отъ степени образованія въ странѣ, но ничего не понимаю въ „метафизической свободѣ“. Если говорить о внутренней свободѣ человѣка при любомъ порядкѣ вещей, то... развѣ этимъ и кончается все? Вѣдь этой внутренней сво-

бодой нельзя же самого себя тѣшить! съ нею связаны дѣла и поступки, то-есть нужды времени, опять-таки не гнѣчныя, а настоящія... Таковъ складъ моего ума. Я всегда былъ врагомъ фразѣрства. Пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ,—ему не до Шекспира и Пушкина. Я достаточно понимаю Пушкина, и когда я разстроенъ, то ничто такъ не успокаиваетъ мои нервы, какъ чтеніе въ сотый разъ того же Пушкина. Но если до крестьянскихъ школъ доходятъ только сказки Пушкина, и только одинъ старый кабакъ реформируется въ казенную винную лавку, а больше ничего изъ реформъ не попадаетъ въ деревню, то Пушкинъ и Шекспиръ будутъ ему чужды. „Сѣйте рожь, а васильки сами вырастутъ“... При такомъ пониманіи эта мысль о ржи ничего не содержитъ въ себѣ пошлаго и матеріалистическаго. Разные нынѣшніе учителя проповѣдуютъ „метафизическій идеализмъ“ противъ ржи и каши... Они думаютъ, что утилитаріанизмъ есть предпочтеніе сапоговъ Шекспиру; они думаютъ, что Писаревъ не понималъ превосходства Шекспира. Ошибаются. Писаревъ лучше ихъ понималъ и Пушкина, и Шекспира. А только, пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ, не читать ему ни Шекспира, ни Пушкина. Вотъ о чемъ надо заботиться. Никто изъ шестидесятниковъ не опровергалъ идеализмъ, то-есть стремленіе къ тому, чтобы прежде самому быть лучше, а потомъ ужъ и строй измѣнится... Но мы понимали, что онъ измѣнится не иначе, какъ если мы будемъ сѣять хлѣбъ, а васильки сами народятся“ (стр. 101—102).

Шеллеръ высоко ставилъ преданіе „шестидесятихъ годовъ“; онъ не скрывалъ отъ себя ихъ недостатковъ, но горячо защищалъ ихъ общій характеръ и направленіе, и съ негодованіемъ возставалъ противъ тѣхъ, кто отрицалъ ихъ значеніе (напр. стр. 105, 151, 155 и др.). Къ послѣдующимъ движеніямъ онъ оставался равнодушенъ, а инныя возбуждали въ немъ полное негодованіе. Такъ онъ не любилъ народничества, совсѣмъ не сочувствовалъ, такъ называемому, марксизму, а всего больше, кажется, ему противенъ былъ новѣйшій метафизическій идеализмъ въ декадентскомъ родѣ. „Я раздѣляю,—говорилъ онъ,—либеральное направленіе, то-есть, то историческое, которое гораздо шире народническаго, и которое отстаивали журналы, гдѣ я прежде работалъ („Современникъ“, „Русское Слово“ и „Дѣло“). Я вѣрю въ миссію интеллигенціи, долженствующей стать правительственной и общественной силами... Лапотническое направленіе въ литературѣ мнѣ тоже ненавистно. Отдавать исторію въ руки невоспитанной массы—я не вижу резона; быть во главѣ ея мнѣ болѣе улыбается и знакомо по европейской цивилизаціи. Я вообще за руководство народа интеллигенціей со всѣми переходными фазами, а народъ мы даже мало знаемъ въ политическомъ значеніи . . . . .

Отрицательныя стороны народа мы нѣсколько знаемъ, а хорошія-то гдѣ же? Политическая его правоспособность въ чемъ сказалась? Если онѣ и есть, то мы ихъ не знаемъ "... (Стр. 104—105).

„Страстные обвиненія сыпались изъ устъ Шеллера, можетъ быть, и не вполне основательныя, на голову бѣднаго поэта, осмѣливавшагося корить Некрасова частной его жизнью въ связи съ идеями шестидесятыхъ годовъ. Въ защиту своей шестидесятыхъ годовъ, Шеллеръ попутно захватывалъ даже и Л. Н. Толстого, когда кто-нибудь нападалъ на него въ духѣ г. Мережковского, доказывавшаго въ петербургскомъ философскомъ обществѣ... что для Толстого Христосъ— „подсчитанная польза“, прототипъ „Хозяина и работника“, и потому онъ „оношляетъ“ и „кощунствуетъ“ надъ религіей. Шеллеръ самъ очень часто отзывался о Толстомъ несправедливо, но всегда съ точки зрѣнія 60-хъ годовъ, въ защиту позитивизма въ наукѣ и государственныхъ реформъ сверху; а когда именно эта самая точка зрѣнія топталась гг. Мережковскими, то Шеллеръ вспыхивалъ гнѣвомъ и становился на сторону Толстого“ (стр. 152).

„Когда въ журналахъ „Сѣверный Вѣстникъ“ время Флексера и „Жизни“ времени С. В. Воейкова и Поварнина появились обвиненія 60-хъ годовъ въ грубомъ матеріализмѣ, отсутствіи философіи въ критикѣ и ничтожности всѣхъ идеаловъ, то Шеллеръ съ глубокимъ негодованіемъ восклицалъ:

— Какая это литературная честность молодыхъ писателей, если въ реакціонное время они хотятъ быть консерваторами! А несомнѣнно, нападающіе на 60-ые годы за ихъ практическое направленіе,—гордятся тѣмъ, что они съ молокомъ на губахъ, но уже консерваторы. Шестидесятые годы дали свободу крестьянамъ, земскія учрежденія, гласный судъ, законы о печати и т. д.“ (стр. 155—156, 164—165).

Критика не всегда бывала благосклонна къ Шеллеру; нерѣдко она бывала очень сурова къ его произведеніямъ, находя ихъ дѣлан-ными и недостаточно художественными. Упреки не были лишены основанія, но въ концѣ концовъ, когда привелось оглянуться на итоги дѣятельности Шеллера, одинъ изъ строгихъ критиковъ (г. Скабичевскій) писалъ: „многіе Шуповы, Прохоровы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ влияніемъ чтенія романовъ А. К. Шеллера и, конечно, до сихъ поръ, на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и другѣ“.

Около того же времени другой критикъ, г. Меньшиковъ, говорилъ: „Какъ я ни люблю нашихъ великихъ романистовъ, но мнѣ всегда бывало обидно за Михайлова, обидно то, что его недостаточно цѣ-

нать. Пусть въ его сборникахъ нѣтъ такихъ женщинъ, плѣнительныхъ, благоуханныхъ, какъ у Тургенева, нѣтъ той щемящей сердце психологіи, какъ у Достоевскаго, нѣтъ глубокаго реализма, какъ у Толстого. Можетъ быть, Михайловъ не владѣетъ тайной *художественнаго внушенія*, какою владѣютъ даже молодые наши корифеи. Но у Михайлова есть великій даръ внушенія нравственнаго, способность волновать сердце не красотою, а *совѣстью* своего таланта. Секретъ этого таланта въ томъ, что у него есть что сказать, и за это существовавшее читатель охотно прощаетъ ему нѣкоторую блѣдность стили и разные конструктивные недочеты. Вся сила Михайлова — въ благородномъ отношеніи къ жизни, которымъ онъ особенно заражаетъ молодежь. Вспоминая свою юность, я всѣмъ друзьямъ рекомендую Михайлова, какъ писателя-идеалиста, какъ лучшаго друга для вступающаго въ міръ молодого поколѣнія. Особенно дорогъ онъ для тѣхъ среднихъ слоевъ, которые томятся среди *туманыхъ болотъ* жизни или бредутъ въ разбродъ *засоренными дорогами*, добиваясь дѣятельности достойной и свѣтлой Жизни Шупова“ (стр. 110).

Съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о немъ и Ор. Миллеръ: это были два человѣка не весьма сходные по личнымъ свойствамъ, и совсѣмъ разныхъ школъ, но очень сходные по своей преданности общественнымъ интересамъ и просвѣщенію, и по неуклонной правдивости убѣжденія.—Т.

— Левъ Бертенсонъ. Лечебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за границей. 4 изданіе. 1901. XII. 780.

Въ нашей литературѣ давно чувствовался недостатокъ въ подробномъ руководствѣ для примѣненія леченія грязями, морскими купаньями и минеральными водами — и для пользованія ими. Жизнь современнаго „культурнаго“ человѣка до такой степени усложнена занятіями и положеніями, идущими въ разрѣзъ съ охраненіемъ здоровья и нервнаго равновѣсія, что пользованіе водами и другими лечебными силами природы, являвшееся въ прежнія времена рѣдкимъ и исключительнымъ событіемъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, которое оставляло долгія и прочныя воспоминанія, сдѣлалось чѣмъ-то не только обычнымъ, но даже и неизбежнымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что современный житель столицы, если только у него есть какой-либо, хотя бы и ограниченный, недостатокъ — зимою, весною и позднею осенью *портитъ* свое здоровье, а лѣтомъ и раннею осенью *починяетъ* его. Но сколько тратится при такой починкѣ времени, напраснаго труда и денегъ на бесплодное скитаніе по неподходящимъ

мѣстамъ леченія!—и какъ часто починка здоровья обращается ему же во вредъ, иногда трудно поправимый! Ежегодно хроника газетъ наполняется списками погибшихъ и искалѣченныхъ альпинистовъ,—но еслибы въ эту хронику заносить имена испортившихъ себя неудачнымъ выборомъ водъ или купаній, или неумѣреннымъ ихъ употребленіемъ и примѣненіемъ, то она разрослась бы до огромности. Океанъ, карлсбадскій шпрудель—и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мнѣнію Эрба, акратотермы не прощаютъ недостаточно почтительнаго, т.-е. неосторожнаго съ собою обращенія. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія книги, одинаково нужной и для врачей, и для паціентовъ, и соединяющей въ себѣ строго провѣренныя научныя данныя съ необходимыми практическими свѣдѣніями. Появленіе такой книги, составлявшей плодъ многолѣтнихъ трудовъ доктора Бертенсона, дѣятельнымъ помощникомъ котораго, по части составленія таблицъ состава минеральныхъ водъ, являлся извѣстный германскій химикъ, докторъ Распе,—нельзя не признать и своевременнымъ, и желательнымъ. Со времени послѣдней работы г. Бертенсона, предпринятой съ покойнымъ докторомъ Воронихинымъ, прошло 16 лѣтъ, и въ области бальнеологии и бальнеотерапіи многое существенно измѣнилось. Достаточно указать, въ этомъ отношеніи, на то, что автору пришлось упомянуть 300 новыхъ лечебныхъ мѣстъ, о которыхъ не было и помину въ 1884 году. Измѣнились и методы леченія. Большія дозы принимаемой минеральной воды смѣнились малыми,—широко развилось примѣненіе массажа и электротерапіи въ помощь водамъ,—наконецъ, почти забытые дѣлѣбные источники, въ родѣ Наугейма, воспрянули съ новой силой и стали считаться чуть не панацеею отъ всѣхъ недуговъ. Строго научное изложеніе книги г. Бертенсона, чуждое увлеченія и пристрастія и всегда обращающее вниманіе на всю совокупность условій леченія при данномъ случаѣ и въ данной мѣстности, далеко оставляетъ за собою тѣ заграничныя изданія, къ которымъ привыкла обращаться наша публика (напр., извѣстный *Bäder-Almanach für Aerzte und Heilbedürftige*, издаваемый по плану Георга Тиле-ниуса, Р. Моссе во Франкфуртѣ), питаясь довольно искуснымъ смѣшеніемъ поверхностныхъ научныхъ свѣдѣній съ сообщеніями, имѣющими плохо прикрытый видъ рекламы. Отдавая полную справедливость полнотѣ и содержательности книги г. Бертенсона, можно лишь пожелать, чтобы въ будущемъ ея изданіи авторъ, не убоясь изреченія: „le mieux est l'ennemi du bien“, присоединилъ къ ней, наряду съ многочисленными таблицами, карту Россіи съ показаніемъ лечебныхъ мѣстностей и указалъ главнѣйшія водолечебныя заведенія у насъ и въ Западной Европѣ. Книга посвящена Воронихину и глубоко-талантливому терапевту, столь рано сошедшему въ могилу, Э. Э. Эйх-

вальду, учителю автора, подавшему первую мысль объ изданіи такой книги.—А. К.—и.

Въ теченіе апрѣля, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Алаевъ, Ахметъ-бекъ.—Женщина по исламу и въ исламѣ. Тифлисъ, 901. Ц. 30 к.

Беклей, А.—Жизнь и ея дѣти. Очерки животной жизни отъ амёбы до насѣкомыхъ. Съ 94 рис. Перев. В. Н. Львова. М. 901. Ц. 2 р.

Березовскій, В. В.—Туманныя зори. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бирилевъ, А. В.—Объ осязанія слѣпыхъ. Каз. 901.

Булатовъ, В. А.—О задержкѣ мертвого плода въ полости матки. Диссерт. на ст. д-ра мед. Спб. 901.

Вартамянцъ, В.—Антропологическая философія. II. Мертвъ и субъективный методъ въ социологіи. Тифл. 901. Ц. 25 к.

Вейденбаумъ, Е. Г.—Кавказовѣдѣніе. I: Кавказскіе этюды. Исслѣдованія и замѣтки. Тифл. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Веселневъ, В. М.—Въ странѣ фараоновъ. Географ., историч. и бытовые картины древняго Египта. Съ рисунками. Калуга, 901. Ц. 2 р.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ? Шведы и Норвежцы. Съ 10 карт. В. Васнецова и др. Спб. 901. Ц. 40 к.

Гейслеръ, М., гражд. инж.—Зданія и сооруженія Сиб. Ольгинскаго Дѣтскаго Пріюта Трудолюбія, состоящаго подъ непосредственнымъ Е. И. В. покровительствомъ. Спб. 901. Ц. 5 р.

Големичевъ-Еутузовъ, гр. А.—Стихотворенія. 1894—1901 г. Спб. 901. Ц. 1 р.

Гольцевъ, В. А.—Что такое подати и для чего ихъ собирають? М. 901. Ц. 3 коп.

Горяевъ, Н. В.—Къ сравнительному этимологическому словарю русскаго языка (над. 1896 г.) дополненія и поправки. Тифл. 901.

Гофштеттеръ, И.—Забутый государственный человѣкъ. Николай Алексѣвичъ Милютинъ. По русскимъ и иностраннымъ источникамъ. Съ портретомъ его. Спб. 901. Ц. 20 к.

Грузенбергъ, Сем.—Нравственная философія Шопенгауера. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауера. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Дебожскій, В. Н.—Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Спб. 901.

Дьячкова, Н. А.—Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. М. 901. Ц. 15 к.

Зиурскій, Н.—Психо-физиологическая теорія чувствованія. М. 901. Ц. 50 к.

Ивакинъ, И. М.—Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. Часть первая. Поученіе дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901. VIII и 324 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Карповъ, Н. И.—Письмо къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 7-е. Спб. 901. Ц. 50 к.

—— Мысли о сущности общественной дѣятельности. Изд. 2-е, дополн.

—— М. С. Корелинъ, какъ историкъ гуманизма. Спб. 901.

Кашкадамовъ, В. П.—О чумѣ, согласно повѣйшимъ даннымъ. Спб. 901. Ц. 60 к.

Колтоновскій, Андр.—Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бореминъ, М. С.—Паденіе античнаго міросозерцанія. Культурный кризисъ въ Римской Имперіи. Спб. 901. Ц. 75 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. Вып. 11. Изд. 3-ье. Спб. 901. Ц. 50 к.

Корчинскій, Мартинъ.—Сигизмундъ Красинскій. Къ 90-лѣтней годовщинѣ рожденія польскаго поэта. Жито. 901.

Косинскій, В. А.—Учрежденія для мелкаго кредита въ Германіи. Ихъ исторія въ связи съ нѣкоторыми сторонами экономической жизни этой страны. Т. I. М. 901.

Кудрявецъ, П. Ф., зем. вр.—Деревенскіе ясли-пріюты въ Симбирской губерніи, лѣтомъ 1899 года. Опытъ статистическаго изслѣдованія о вліяніи яслей-пріютовъ на здоровье дѣтей вообще и въ смыслѣ пониженія дѣтской смертности населенія въ частности. Сызрань, 900.

Кузьминъ-Барасаевъ, В. Д.—Будущіе участковые судьи и земскіе начальники. Спб. 901. Ц. 40 к.

Куно-Фишеръ.—Иммануилъ Кантъ и его ученіе. Часть первая: Возникновеніе и основаніе критической философіи. Перев. съ 4-го нѣм. изд. Н. Полилова, Н. Лоссаго и Д. Жуковскаго. Спб. 901. Ц. 4 р.

Куріанскій, Л.—Австралія и Новая Зеландія. Спб. 901. Ц. 1 р.

Лебединскій, П. М.—Краткій историческій обзоръ движенія и развитія древне-еврейскаго законодательства за время отъ Моисея въ XV в. до Р. Х. до Маймонида въ XII в. по Р. Х. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Лисовскій, Н. М.—Русская періодическая печать 1703—1894 гг. (Библиографія и графическія таблицы). Вып. II. Спб. 1901. Съ предисловіемъ. Отдѣлъ I. Библиографія русской періодической печати. Съ 1857 по 1880 г. Стр. 33—96. Отдѣлъ II. Графическія таблицы русской періодической печати. Листы 10—24. Ц. 5 р.

Макаровъ, А. Н.—Памяти Николая Васильевича Исакова. Рѣчь. Спб. 901.

Макушевъ, Влад.—Страшнѣе отступленій отъ вѣры, какъ начала всѣхъ золъ. Спб. 901. Ц. 10 к.

Марковъ, Евгений.—Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. Въ двухъ том. и 6 частяхъ. Т. I, ч. 1. Побережье Кавказа; ч. 2. Въ Туркменіи; ч. 3. На Оксусѣ и Яксартѣ. Т. II: ч. 4. Фергана; ч. 5. Долина Заравшана; ч. 6. Домой по Волгѣ. Спб. 901. Ц. 3 р. за 2 т.

Мейснеръ, Г., инж.—Передача силы на далекія разстоянія и устройство передаточныхъ механизмовъ и регуляторовъ. Практич. руководство для конструкторовъ, механиковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Перев. съ нѣм. Л. А. Боровича. Т. I, съ 40 рис. Спб. 900. Ц. 7 р.

Мельшинъ, Л.—Любимцы каторги. Разск. Харьк. 901. Ц. 7 коп.

Мережковскій, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Михайловъ-Стоянъ, К. И.—Нашъ театр и его нужды. М. 901. Ц. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л.—Царь и гетманъ. Историч. романъ, въ двухъ частяхъ. Ч. II: Спб. 901.

— Двадцатый годъ. Историч. романъ, въ 3 ч. Ч. 1-я. Спб. 901.

- Мошинъ, Алексѣй*.—Штрихи и настроенія. Выѣсто предисловія. Вѣзда съ гр. Л. Н. Толстымъ. М. 901. Ц. 1 р.
- Мюнстербергъ, Э.*—Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учреждений. М. 901.
- Мятлева, Т. Н.*—Не судьба. Ром. въ 2 ч. Спб. 901. Ц. 2 р.
- Прокоповичъ, С. Н.*—Къ критикѣ Маркса. Спб. 901. Ц. 2 р.
- Пушкинъ, А. С.*—Скупой рыцарь. Изд. А. де Бюнкуръ, н. р. Л. Бѣльскаго. М. 901. (Фототипія рукописи). Ц. 2 р. 50 к.
- Роденбахъ, Жоржъ*.—Прялка тумановъ. Посмертныя рассказы. Перев. М. Веселовской, съ вступл. Юр. Веселовскаго. М. 901. Ц. 75 к.
- Розановъ, В. В.*—Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. Спб. 901. Ц. 1 руб. 50 коп.
- Россіевъ, П.*—Общіе знакомые. Очерки и рассказы. М. 901. Ц. 1 р.
- Рукавишниковъ, Ив.*—Стихотворенія и проза. Кн. 1. Спб. 901. Ц. 2 р.
- Сѣлли, Дж.*—Очерки по психології дѣтства. Съ англ. Ал. Громбахъ. М. 901. Ц. 2 р. 50 к.
- Серафимовичъ, А.*—Очерки и рассказы. Кн. 1. Спб. 901. Ц. 1 р.
- Соколовъ, Ив.*—Стихотворенія. Спб. 901. Ц. 1 р.
- Соколовъ, Н. Н.*—Кто воскресъ въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Воскресеніе“. М. 901. Ц. 40 к.
- Соловьевъ, В. Н.*—Посмертный сборникъ. Рассказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 901. Ц. 1 р.
- Сперанскій, Н. С.*—Къ статистикѣ сифилиса въ сельскомъ населеніи Московской губерніи. М. 901.
- Срезневскій, Б. И., проф.*—Возможность точнаго предсказанія погоды съ научной и общественной точки зрѣнія. Юрьевъ, 901.
- Стебуть, И. А.*—Женское сельско-хозяйственное образованіе. М. 901.
- Тарле, Е. В.*—Общественныя возвращенія Томаса Мора, въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени. Приложенія: I. Переводъ „Утопія“ съ латинскаго. II. Непзданная рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.
- Тотоміанцъ, В. Ѳ.*—Потребительныя общества на Западѣ. Спб. 901. Ц. 1 р. 75 коп.
- Успенскій, Ѳ. И.*—Исторія крестовыхъ походовъ. Спб. 901. Ц. 75 к.
- Фарраръ, Ф. В.*—Жизнь и труды св. апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. Спб. 901. Ц. 8 р.
- Филитовъ, М. М.*—Деятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Съ 300 портретами выдающ. ученыхъ, литераторовъ, художн., композит. и государ. дѣятелей. Спб. 901. Ц. 2 р.
- Филлитъ, Стеф.*—Паоло и Франческа. Траг. въ 4 д. Съ англ. Л. и В. Андрусовъ. Спб. 901. Ц. 60 к.
- Фризбергъ, Я. Д.*—Золотопромышленность въ Баргузинскомъ округѣ и ея нужды. М. 901.
- Францозъ, К.*—Ворьба за право. Романъ. Съ нѣм. О. Н. Попова. Спб. 901. Ц. 2 руб.
- Чайковский, М.*—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. I. Вып. 5: 1840—1877 гг. Спб. 901. Ц. вып. 40 к.
- Шитовъ, проф. д-ръ А.*—Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи. М. 901. Ц. 20 к.

Штрикъ, Н. Н.—Организація краткосрочнаго мелкаго кредита, или проект устройства „Народнаго банка“. Спб. 901. Ц. 50 к.

Л., П.—Стихотворенія. Т. I: 1877—1897 гг. 4-ое изд. Спб. 901. Ц. 1 р.

Янжул, Екат.—Американская школа. Очерки методовъ американской педагогик. Спб. 901. Ц. 2 р.

Ярешъ, О. Л.—Вопросъ о реформѣ среднеобразовательной школы, разсматриваемый съ исторической, практической и идеальной точекъ зрѣнія применительно къ запросамъ современной жизни. Кіевъ, 901. Ц. 30 к.

Экштейнъ, проф. К.—Борьба человѣка съ животными. Съ нѣм. Г. Котляръ. Съ рис. въ текстѣ. М. 901. Ц. 30 к.

Behling, O.—Eindrücke eines Deutschen, empfangen von Iwanow's Gemälde „Die Bergpredigt“. Riga, 901.

Karejew. N.—Rusky dejepisec italskeho humanismu. Praze, 901.

— Библіотека „Всходовъ“. А. Алтаевъ, Мигуель Сервантесъ. Спб. 901. Ц. 40 к.—Его же, Отъ земли, пов. для дѣтей. Спб. 901. Ц. 50 к.—Зорина, А., Увлеченіе, пов. изъ быта игрушечныхъ мастеровъ. Спб. 901. Ц. 40 к.

— Библіотека для самообразованія. Т. XIV: Г. Лоренцъ, Элементы высшей математики. Ц. 1 р. 75 к. Т. XXI: Н. Локіеръ, Спектроскопъ и его примѣненія. Общедоступное введеніе въ спектральный анализъ. М. 901. Ц. 2 р. 50 коп.

— Благотворительныя учрежденія Россійской Имперіи. Составлено по Высочайшему повелѣнію Собственною Е. И. В. Канцелярією по учрежденіямъ Имп. Маріи (Institutions de Bienfaisance de l'Empire de Russie). Спб. 900. Т. I, II и III.

— Ежемѣсячный Ежегодникъ Московской губерніи за 1900 годъ. М. 900.

— Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, издаваемый п. р. Н. И. Карѣева. 1901 годъ. Т. XI. Спб. 901. Ц. 2 р.

— Критическія статьи о произведеніяхъ Максима Горькаго. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1900 года, съ приложениями. М. 901.

— Матеріалы по разрѣшенію въ Москов. Губ. Земствѣ вопроса о выясненіи отношеній губернскаго земства къ уѣзнымъ. М. 900.

— Отчетъ Главнаго Управленія неогладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1899 годъ. Составлено въ Статистическомъ Отдѣленіи Главнаго Управленія. Спб. 900.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1900 г. М. 901.

— Отчетъ Московскаго Общества распространенія коммерческаго образованія за 1900 г. Годъ III. М. 901. Ц. 1 р.

— Положеніе 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ, въ связи съ Инструкціей инспекторамъ 1871 г., проектомъ „Наказа училищнымъ совѣтамъ“ и нѣкоторыми другими положеніями. Спб. 901. Ц. 1 р.

— Русскій Біографическій Словарь. Фабержъ—Цявловскій. Издавъ подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 901.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и

иностранныхъ городовъ. Вып. XII („Извѣстія Моск. город. Думы“, мартъ—декабрь 1900 г.). М. 901.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. VII, ч. II: Списокъ земельныхъ владѣній губерніи. Уфа, 901. Ц. 4 р. 50 к.

— Сборникъ трудовъ врачей Спб. Маринской Больницы Д. Б. Съ приложеніемъ протокола засѣданій врачей. Вып. VI. Спб. 901.

— Старина и Новизна. Историческій Сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, въ память имп. Александра III. Кн. 4-я. Спб. 901. Ц. 2 р.

— Статистическій Ежегодникъ Тверской губерніи за 1900 годъ. Тв. 901.

— Сѣверные цвѣты на 1901 годъ, собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ“. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Schnitzler. Der Schleier der Beatrice. Schauspiel, 215. Berlin, 1901.

Новая драма Артура Шницлера „Покрывало Беатриче“ напоминает его прежнія пьесы—„Зеленаго попугая“ и „Парацельзи“. Мысль, лежащая въ основѣ драмы, — скорѣе граціозная и красивая, нежели глубокая. Шницлеръ—очень тонкій художникъ, напоминающій французскихъ писателей остротой и блескомъ ума. Онъ умѣетъ легко скользить надъ бездной сомнѣній и срывать на краю пропасти красивые цвѣты. Изъ общаго теченія жизни онъ извлекаетъ отдѣльные моменты, прекрасные своей полнотой и сосредоточенностью чувствъ,—ихъ красота примиряетъ его съ жизнью, къ которой онъ относится вообще скептически. Въ каждомъ его произведеніи,—въ прежнихъ короткихъ повѣстяхъ и въ драмахъ, написанныхъ за послѣдніе годы,—видны его чисто эстетическіе идеалы—готовность мириться съ загадочностью жизни и ея трагизмомъ во имя красоты. Въ „Зеленомъ попугаѣ“ онъ доказываетъ, что границы между кажущимся и дѣйствительнымъ слиты, но зато въ этомъ сліяніи—источникъ красоты жизни. Въ „Парацельзи“ все сводится къ тому, что жизнь—игра, что въ ней царитъ произвольность людей надъ людьми и божественной воли надъ міромъ. Основная мысль новой драмы Шницлера „Покрывало Беатриче“ заключается въ томъ, что значеніе жизни измѣряется не временемъ, а полнотой переживаемаго момента: „Das Leben ist die Fülle, nicht die Zeit“.

Шницлеръ выбираетъ для своихъ драмъ моменты, когда подъ вліяніемъ обстоятельствъ человѣкъ можетъ наиболее сильно проявить себя, когда передъ нимъ закрыто будущее, и настоящее такъ поглощаетъ его, что онъ забываетъ о всемъ минувшемъ. Въ такіе моменты душа человѣка обнажена, и въ каждый поступокъ онъ вкладываетъ всего себя. Такъ, въ „Зеленомъ попугаѣ“ дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ день взятія Бастильи, когда вдругъ разбились преграды между словами, и всѣ вдругъ почувствовали себя равными передъ неизвѣстностью слѣдующаго дня. Стерлись различія между герцогиней и служанкой, между гордымъ и утонченнымъ аристократомъ и актеромъ, привыкшимъ потѣшать публику. Всѣ стали повиноваться лишь одинаковымъ инстинктамъ. Въ драмѣ „Покрывало Беатриче“ тоже изобраа-

жизнь такой моментъ: передъ надвигающейся опасностью люди сбрасываютъ всякія стѣсненія, налагаемыя упорядоченнымъ общественнымъ строемъ. Дѣло происходитъ въ Болоньѣ, въ началѣ XVI вѣка. Городъ—наканунъ гибели. Къ нему приближается цезарь Борджіа, и всѣ знаютъ, что жестокій и коварный побѣдитель никого не пощадитъ. Гибель неминуема, потому что ей предшествовала измѣна. Во время отсутствія болонскаго герцога, его намѣстникъ, Марискотти, вступилъ въ тайныя сношенія съ врагомъ, и, дѣлая видъ, что готовится къ борьбѣ, на самомъ дѣлѣ рѣшилъ сдать Болонью наступающему непріятелю. Измѣна раскрылась, и герцогъ, котораго удерживаютъ въ Римѣ для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе захватить его городъ, угадываетъ коварныя намѣренія Борджіа и возвращается въ Болонью. Онъ знаетъ, что уже не сможетъ защитить свой городъ, но во всякомъ случаѣ хочетъ умереть, сражаясь на его стѣнахъ. Войска Цезаря уже близко, съ утра начнется роковая битва,—и вотъ этотъ послѣдній вечеръ герцога и его приближенные и все населеніе города хотятъ провести такъ, чтобы на слѣдующій день не жалко было умирать. Близость смерти обостряетъ у всѣхъ жажду жизни, желаніе испытать счастье. Въ этотъ вечеръ и въ эту ночь разыгрывается трагическая судьба нѣсколькихъ людей, понимающихъ каждый по своему, въ чемъ счастье. Въ центрѣ дѣйствія стоитъ поэтъ Филиппо Лоски. Онъ, еще не зная о грозящей опасности, уже проникся тѣмъ же стремленіемъ, которое охватываетъ весь городъ. Онъ хочетъ полноты счастья, хотя бы это было связано съ забвеніемъ всѣхъ обязанностей, всѣхъ требованій долга. Онъ—женихъ знатной дѣвушки, сестры своего друга, но на него находитъ внезапный порывъ страсти, онъ оскорбляетъ неvěсту грубостью своихъ требованій, уходитъ отъ нея и отправляется на народный праздникъ. Тамъ онъ видитъ дѣвушку необычайной красоты, шестнадцатилѣтнюю Беатриче, дочь простого ремесленника. Полюбивъ ее, онъ забываетъ о всемъ мірѣ. Напрасно къ нему приходятъ друзья, говоря ему объ опасности, грозящей городу, и призывая его исполнить гражданскій долгъ,—онъ полонъ только своей любовью, отказывается отъ друзей, отъ первой неvěсты, равнодушенъ къ судьбѣ родины; онъ только хочетъ воспользоваться тѣмъ, что городскія ворота еще открыты, и спастись со своей возлюбленной, убѣжать куда-нибудь, гдѣ ихъ счастьемъ не грозитъ опасность. Къ нему приходитъ посланный отъ герцога звать его во дворецъ,—герцогъ хочетъ провести послѣднюю ночь передъ сраженіемъ среди духовныхъ наслажденій, слушать стихи своего любимаго поэта. Но Филиппо отказывается принять приглашеніе герцога,—ему никого не нужно, кромѣ Беатриче, онъ хочетъ полностью испытать счастье любви, и разрываетъ всѣ нити, связывавшія его съ прежней жизнью. Смыслъ жизни для него—„въ

полнотѣ момента“. Но ему не суждено испытать счастье: отъ постороннихъ препятствій онъ умѣетъ избавиться, хотя бы и дорогой цѣной,—забывъ свой долгъ передъ родиной, забывъ свое искусство. Но въ немъ самомъ таятся желанія, дѣлающія счастье невозможнымъ,—онъ мудритъ со своимъ счастьемъ, хочетъ отъ Беатриче того, чего въ ней нѣтъ. Онъ полюбилъ ее за красоту, но бессознательно видѣлъ въ этой красотѣ залогъ чего-то высшаго, и когда она является передъ нимъ со спящими въ душѣ ея земными инстинктами—его разочарованіе сильнѣе непосредственнаго чувства,—и онъ гибнетъ. Беатриче приходитъ къ нему, радостная, готовая бѣжать съ нимъ изъ гибельнаго города, готовая забыть семью и родину. Но она рассказываетъ ему странный сонъ: ей снилось, что вернувшійся въ Болонью герцогъ, котораго она въ этотъ день мелькомъ видѣла на улицѣ, полюбилъ ее, что она стала его женой; она сидитъ на тронѣ, и передъ нею склоняются всѣ жители Болоньи, въ томъ числѣ и Филиппо. Затѣмъ она удаляется съ герцогомъ въ опочивальню, герцогъ склоняется къ ея лицу, она чувствуетъ прикосновеніе его губъ къ своимъ, и въ этотъ мигъ она просыпается. Этотъ рассказъ приводитъ Филиппо въ бѣшенство и отчаяніе. Значитъ, Беатриче пришла къ нему не съ чистой любящей душой, а оскверненная преступными подѣлуями; напрасно дѣвушка увѣряетъ его, что все это лишь сонъ, и что она въ немъ неповинна. Въ глазахъ Филиппо это дѣлаетъ ее еще болѣе преступной: въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ человекъ можетъ быть невиновенъ, но во снѣ всѣ его желанія и помыслы принимаютъ осязательную форму. Филиппо прогоняетъ Беатриче, которой принесъ передъ тѣмъ въ жертву, не задумавшись, всѣ свои прежнія привязанности и интересы. Онъ говоритъ, что любовь его исчезла и что никогда болѣе онъ не свидится съ нею въ жизни.

Беатриче уходитъ отъ него печальная, и только говоритъ съ загадочной улыбкой, что если имъ не суждено видѣться при жизни, то она придетъ къ нему, когда будетъ умирать,—придетъ, чтобы взять его съ собой. Ихъ встрѣча повторяется, но за нѣсколько часовъ, раздѣляющихъ первое свиданіе отъ второго, многое мѣняется въ жизни обоихъ. Когда Беатриче снова приходитъ къ поэту, то опять лишь для того, чтобы доказать ему невозможность счастья, чтобы ускорить его гибель. Беатриче—воплощеніе губительной силы красоты. Красота будитъ въ людяхъ весь скрытый въ душѣ пагосъ, обостряетъ всѣ силы, указывая на близкую, какъ будто достижимую желанную цѣль—на полноту счастья. Но, мани къ счастью, она неуклонно ведетъ къ страданіямъ и смерти. Беатриче любятъ нѣсколько людей; они отдають ей всю полноту своихъ чувствъ, своихъ силъ—и всѣхъ ихъ она губить, бессознательно исполняя законъ жизни. Она играетъ сердцами, при-

влеченными ея красотой,—но игра трагична для другихъ и для нея самой. Для другихъ—потому, что человѣку не дано жить полнотою минуты, любить внѣ времени и внѣ желаній, связанныхъ со временемъ. Для нея самой—потому, что всѣми ея дѣйствіями управляетъ жажда жизни, сознание, что ея красота—какъ бы воплощеніе жизни, а результатомъ всѣхъ ея поступковъ является смерть всѣхъ полюбившихъ ее, а также и ея собственная смерть. Уйдя отъ Филиппо, она возвращается къ родителямъ. Братъ Беатриче уговариваетъ ее выйти замужъ за любящаго ее простого рабочаго, и уѣхать съ нимъ изъ города, гдѣ всѣмъ жителямъ грозитъ гибель. Беатриче соглашается, потому что любовь Филиппо утрачена ею, и потому что сильнѣе всего въ ней говорить стихійная жажда жизни. Она направляется, въ сопровожденіи всей семьи, въ церковь, гдѣ должно произойти вѣнчаніе—но на пути встрѣчаетъ герцога съ его свитой. Герцогъ узнаетъ въ ней встрѣченную имъ утромъ прекрасную дѣвушку; по совѣту одного изъ своихъ приближенныхъ, онъ хочетъ празднично провести вечеръ передъ сраженіемъ. Онъ собирается пригласить въ свой дворецъ всѣхъ болонскихъ красивыхъ дѣвушекъ города, выбрать изъ нихъ самую прекрасную себѣ въ подруги и устроить въ своемъ дворцѣ пиръ, на который открытъ будетъ доступъ всему городу. Пусть всѣ предадутся веселью въ эту послѣднюю ночь—пусть испытаютъ, если могутъ, минуту счастья безъ мысли о завтрашнемъ днѣ. Когда герцогъ видитъ Беатриче, то необходимость дѣлать дальнѣйшій выборъ исчезаетъ. Она—самая прекрасная изъ всѣхъ, и онъ останавливаетъ ее, чтобы позвать ее къ себѣ во дворецъ. Узнавъ, что она идетъ вѣнчаться съ другимъ, онъ не противится этому и проситъ ее только скорѣе уйти, чтобы не будить въ немъ несбыточныхъ желаній; но Беатриче не уходитъ, давая герцогу понять, что готовящійся бракъ не радуетъ ее. Тогда герцогъ, плѣненный ея красотой, зоветъ ее съ собой, обѣщая позаботиться о семьѣ и устроить судьбу покинутого ею жениха. Беатриче смѣло заявляетъ ему, что прихотью его мимолетной страсти она не будетъ, но что она согласна стать его женой. Герцогъ согласенъ и на это. Что принесетъ слѣдующій день—неизвѣстно, и герцогъ хочетъ испытать всю радость жизни въ этотъ послѣдній вечеръ. Къ ужасу своихъ приближенныхъ, онъ объявляетъ, что идетъ тотчасъ же вѣнчаться съ прекрасной дочерью простого оружейника, и что на эту ночь весь городъ приглашенъ въ его дворецъ на свадебное празднество. Женихъ Беатриче тутъ же лишаетъ себя жизни,—она же спѣшитъ уйти съ герцогомъ отъ ужасающаго ее зрѣлища смерти. По всему городу ходятъ глашатаи, призывая гостей на свадьбу герцога, и одинъ изъ нихъ проходитъ подъ окнами Филиппо. Поэтъ проводитъ вечеръ въ обществѣ пришедшихъ къ нему куртизанокъ—но онъ не

веселять его; онъ думаетъ о Беатриче и о томъ, что она обѣщала придти къ нему въ часъ смерти. Вдругъ онъ узнаетъ отъ явившихся къ нему гостей о свадьбѣ герцога и Беатриче. Ему больно за свою любовь, и когда къ нему приходитъ братъ покинутой имъ невѣсты, онъ внимаетъ его словамъ и готовъ пойти съ нимъ на свиданіе съ невѣстой, поступающей въ монастырь. Но въ эту минуту онъ слышитъ голосъ Беатриче—и снова весь міръ исчезаетъ для него. Онъ проситъ друга уйти, сказать сестрѣ что угодно, и вообще забыть о существованіи Филиппо, потому что онъ не принадлежитъ себѣ. Беатриче ушла потихоньку изъ дворца къ своему возлюбленному и уговариваетъ его умереть вмѣстѣ, потому что только этой цѣной она въ правѣ купить счастье любви. Они пьютъ вино, и Филиппо объявляетъ Беатриче, что это былъ ядъ. У Беатриче просыпается безумная жажда жизни; она проклинаетъ Филиппо за то, что онъ отравилъ ее, не предупредивъ,—и Филиппо понимаетъ, что второй разъ ошибся въ своей возлюбленной. Она пришла къ нему съ ложью, будто бы готовая разделить съ нимъ смерть, а на самомъ дѣлѣ ищущая лишь наслажденій, готовая лгать и ему, и своему мужу. Онъ съ презрѣніемъ успокаиваетъ ее, говоритъ, что въ винѣ не было отравы—но самъ выпиваетъ ядъ и умираетъ у нея на глазахъ. Беатриче пришла въ ужасъ, но потомъ, какъ и при смерти ея жениха, она только чувствуетъ потребность бѣжать отъ мертвеца; она возвращается во дворецъ, надеясь, что ея отсутствіе не будетъ замѣчено. Тамъ она застаётъ всѣхъ взволнованныхъ ея бѣгствомъ и оправдывается сначала тѣмъ, что была въ церкви. Но герцогъ замѣчаетъ, что на ней нѣтъ подареннаго имъ драгоцѣннаго покрывала, и требуетъ, чтобы она повела его туда, гдѣ забыла его. Конецъ драмы разыгрывается въ комнатѣ Филиппо, куда Беатриче является въ сопровожденіи мужа и всей своей семьи. Всѣ возмущены измѣной Беатриче,—но герцогъ опечаленъ только смертью поэта. Беатриче онъ не осуждаетъ: „Ты, какъ дитя,—говоритъ онъ ей,—играла моей короной, потому что она блескитъ, играла душой поэта, потому что она полна загадокъ, играла сердцемъ юноши, только потому что оно было принесено тебѣ въ даръ. Но всѣ мы слишкомъ строги, и каждый хочетъ, не только быть единственной игрушкой, но болѣе—быть цѣлымъ міромъ для тебя. Твои поступки мы называли поэтою обманомъ и предательствомъ—а ты только была ребенкомъ“. Въ этихъ словахъ—объясненіе драмы. Жизнь сведена здѣсь къ трагической игрѣ, и люди становятся жертвами любви къ прекрасному.

II.

R. Beer-Hofmann. „Der Tod Georgs“. Стр. 220.

Книга Рихарда Бееръ-Гофмана, „Смерть Георга“, принадлежит къ разряду довольно распространенныхъ въ послѣднее время въ Германіи полу-беллетристическихъ, полу-философскихъ сочиненій; все это большей частью размышленія о жизни и смерти, о значеніи человѣка, приуроченныя или къ самому несложному реальному происшествію, или къ самому фантастическому сюжету. Нѣмецкіе писатели молодого поколѣнія, какъ бы утомленные долго царившимъ въ литературѣ пессимизмомъ, ищутъ исхода, примиренія съ жизнью. Но простая наивная вѣра утрачена ими; какъ скептики по натурѣ, они любятъ предаваться игрѣ ума, и въ этомъ находятъ отраду. У Бееръ-Гофмана тоже идеализмъ сочетается съ глубоко скептическимъ отношеніемъ къ жизни.

Содержаніе повѣсти очень несложное, — въ ней мало происшествій. Къ одному молодому человѣку, по имени Павлу, пріѣзжаетъ его другъ, молодой ученый, только-что получившій каеэдру въ Гейдельбергѣ. Онъ пріѣхалъ отдохнуть и рассказать другу о своихъ удачахъ и о своемъ счастьѣ. Послѣ короткой бесѣды, во время которой друзья говорятъ лишь о самыхъ незначительныхъ предметахъ, откладывая все важное на завтра, Георгъ отправляется спать. Дѣло происходитъ въ Ишгѣ, въ прохладную осеннюю ночь. Павелъ передъ сномъ совершаетъ еще небольшую прогулку вдоль рѣки, и слышитъ въ темнотѣ голосъ молодой женщины, которую часто до того встрѣчалъ въ паркѣ; онъ не знакомъ съ ней, но она ему всегда нравилась своею изящной фигурой, напоминающей античныя статуэтки. Павелъ задумывается о ней, подходитъ къ рѣкѣ, и, опершись на перила у моста, погружается въ мечты о счастьѣ. Онъ знаетъ, что его другъ Георгъ счастливъ, но самъ онъ жаждетъ чего-то иного. Онъ мечтаетъ о счастьѣ столь тихомъ и полномъ спокойствія, что оно мало чѣмъ отличается отъ грусти и отреченія. Залогъ этого счастья онъ видитъ въ мирномъ ночномъ пейзажѣ, какъ бы окутанномъ саваномъ смерти. Въ облакахъ ему чудится странная женская фигура, и онъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, что образъ, созданный его воображеніемъ, походитъ на только-что встрѣченную имъ молодую женщину. Воображеніе и дѣйствительность слились. Вернувшись домой, онъ скоро засыпаетъ и незамѣтно для самого себя переходитъ отъ грезъ наяву къ сновидѣнію. Онъ спитъ недолго — около двухъ часовъ, но за это время передъ нимъ развертывается сонъ цѣлой жизни, онъ переживаетъ

сложную судьбу, полонъ воспоминаній о несуществовавшихъ въ дѣйствительности дѣтскихъ впечатлѣніяхъ, чувствуетъ острые страданія, видитъ цѣлый рядъ людей. Ему кажется, что онъ уже семь лѣтъ женатъ, и его жена представляется ему въ образѣ случайно встрѣченной на прогулкѣ незнакомки. Ему кажется, что онъ ее хорошо знаетъ; она—чистая, невинная дѣвушка изъ буржуазной среды, съ наивно-вѣрующей спокойной душой. Онъ пересоздалъ душу этой дѣвушки, отнявъ у нея вѣру, и взамѣнъ этого научилъ ее любить прекрасное, путешествовать съ ней, открывая ей красоты природы и искусства. Послѣ семи лѣтъ, во время которыхъ она много страдала и болѣла, жена Павла умираетъ отъ неизлечимаго недуга. Она умираетъ тихо и спокойно; Павелъ страдаетъ отъ приближенія неизбежнаго конца. Онъ хочетъ утѣшить умирающую, скрываетъ отъ нея опасность ея положенія, приносить ей подарки, чтобы вызвать у нея улыбку видомъ нравившихся ей прежде драгоценныхъ украшеній. Но она все понимаетъ; отвергая принесенную имъ нить рѣдкихъ янтарей, она какъ бы тѣмъ самымъ отстраняетъ все, что онъ далъ ей душѣ, всѣ тѣ игрушки ума и чувства, которыми онъ заглушалъ ея сознаніе. Слѣдя постоянно за лицомъ умирающей, Павелъ видитъ, какъ съ ея чертъ постепенно сходитъ маска, созданная его вліяніемъ. Она жила его волей и его мыслями,—теперь все это ушло; она отдѣлилась отъ него, смотреть на него съ отчужденной, снисходительной улыбкой, всѣ слѣды навѣянныхъ впечатлѣній исчезли, осталось блѣдное, навивное дѣтское лицо,—но въ немъ появилось выраженіе силы, почти величественности. Больная была на порогѣ того, что каждый человѣкъ долженъ совершить самъ, и въ чемъ ему никто помочь не можетъ,—она умирала. И Павелъ чувствуетъ, что она ему становится чужой. Онъ печалится о ней тихой грустью, какъ о чемъ-то далекомъ, не своемъ. Когда она жила, прекрасная и молодая, онъ любилъ ее, она была ему нужна для себя, и онъ не думалъ о ней внѣ этой связи съ собой. Теперь связь исчезала, умирающая ушла въ себя; все, что у нея было отъ другихъ, исчезло—и осталась только глубокая пропасть между жизнью, идущею впередъ, и смертью съ ея роковой отчужденностью отъ жизни. Павелъ подошелъ къ окну, чтобы усмирить дѣтей, кричащихъ подъ окнами въ саду,—и въ эту минуту онъ слышитъ крикъ сидѣлки: „Господи Іисусе, она умираетъ!“ Павелъ подбѣгаетъ къ постели жены, слышитъ ея предсмертный хрипъ—и просыпается. Онъ пережилъ цѣлую жизнь во снѣ, и ясно чувствуетъ, что это—такая же дѣйствительность для его души, какъ все, что могло бы произойти съ нимъ наяву. Но смерть, приснившаяся ему, не была только плодомъ воображенія. Въ эту ночь умеръ близкій ему человѣкъ—не та невѣдомая женщина, которой онъ никогда не

знать въ жизни, а его другъ, счастливый Георгъ, мирно ушедшій спать наканунѣ вечеромъ. И эти двѣ смерти сливаются для него въ неразрывное цѣлое; онъ страдаетъ отъ нихъ одинаково. Павелъ ѣдетъ хоронить Георга, но не можетъ долго оставаться среди шумной городской суеты, опять возвращается въ Ишль, и среди долгихъ прогулокъ находитъ наконецъ въ одинокихъ думкахъ душевный покой, находитъ исходъ изъ своихъ мучительныхъ сомнѣній. Весь ужасъ своей прошлой жизни, открывшійся ему и наяву, и во снѣ, заключается въ томъ, что человѣкъ живетъ для себя, и не чувствуетъ своего значенія для другихъ. Приснившаяся ему любовь и смерть любимой женщины ничѣмъ не отличаются отъ того, что происходитъ въ дѣйствительности. Жена, утраченная во снѣ,—такая же незнакомка, какъ другъ, съ которымъ онъ жилъ въ тѣсномъ общеніи много лѣтъ; онъ тоже умеръ, хотя и въ сосѣдней комнатѣ, но такъ же загадочно и невѣдомо, какъ будто ихъ раздѣляли далекія пространства. Павелъ вдругъ понялъ, потрясенный своимъ страннымъ сномъ и внезапной смертью друга, какъ далека отъ насъ каждый близкій намъ человѣкъ, какая загадка—жизнь человѣка. Этой женщины, которая ему приснилась, никогда не было, но чувства, вызванныя ею загадочнымъ существованіемъ, такъ же реальны и сильны, какъ ощущаемыя наяву; все то, что намъ кажется близкимъ и извѣстнымъ, какъ, напр., душа близкаго друга,—такая же, въ сущности, непроницаемая тайна, какъ созданный воображеніемъ и отлетѣвшій съ разсвѣтомъ дня сонъ.

Сонъ героя повѣсти и его размышленія наяву представлены въ видѣ мѣняющихся картинъ, охватывающихъ какъ великое прошлое человѣчества, такъ и интимную жизнь человѣка въ настоящемъ. Авторъ описываетъ, между прочимъ, лицо старой женщины, сидѣлки при больной, и передаетъ отраженіе судьбы человѣка на его лицѣ. Приводимъ это описаніе, какъ образчикъ вычурнаго стиля Бееръ-Гофмана.

„Лицо ея было глубоко изрыто морщинами, какъ бы много разъ вспахано длинной жизнью. Событія, страданія и мысли многихъ тысячъ дней провели глубокой слѣдъ по этому полю. То, что вспахалъ одинъ день, сгладилъ слѣдующій, а затѣмъ третій день снова разрылъ; послѣ долгихъ лѣтъ жизнь нашла давно забытыя борозды и навсегда отмѣтила ихъ глубокой чертой. Вѣчныя заботы о дневномъ пропитаніи оттянули кверху брови, навсегда придавъ удрученный видъ лицу, и морщины заботъ вѣзли широкиими волнами въ ея узкій лобъ. Отъ носа къ угламъ рта протянулись глубокія складки. Ихъ создало страданіе—скорѣе муки частыхъ родовъ, чѣмъ преходящая печаль погребеній. А рядомъ съ ними круглыя морщинки образовались вокругъ угловъ рта. Онѣ свидѣтельствовали о набожномъ сми-

реніи и о многихъ молитвахъ,—о молитвахъ среди удушливаго зноя на поляхъ, когда полуденный церковный звонъ заставляетъ выпрямляться съ болью согбенныя, облитыя потомъ спины, о другихъ ночныхъ молитвахъ, которыя произносятся быстро, прежде чѣмъ сонъ сковываетъ уставшіе члены. И въ хаосѣ скрещивающихся линій замѣтны были еще другія, едва сквозящія изъ-подъ прикрывающихъ ихъ болѣе рѣзкихъ морщинъ. На щекахъ видѣлись тонкія измятыя складки, извивающіяся отъ глазъ по направленію къ вискамъ. Старуха, которая теперь спала, была когда-то ребенкомъ, играла въ заливомъ солнцемъ саду, и глаза ея смѣялись счастливымъ смѣхомъ. И этотъ смѣхъ, такъ же, какъ радостный смѣхъ той поры, когда она бѣгала, рѣзаясь, съ раскраснѣвшими щеками и растрепавшимися волосами, когда ночью возвращалась, послѣ танцевъ, по мягкимъ лугамъ и къ ней протягивались руки юноши—все это отпечатлѣлось на морщинахъ стараго лица“.

III.

Bedier. Le Roman de Tristan et Yseut, Paris 1901. Стр. 284.

Легенда о Тристанѣ и Изольдѣ мало извѣстна въ полномъ видѣ большинству читающей публики. На ея сюжетъ написана знаменитая опера Рихарда Вагнера, и мотивы ея разработаны въ поэзіи всѣхъ народовъ. Въ полномъ же своемъ видѣ она до сихъ поръ извѣстна была только въ ученой литературѣ, занимающейся критикой текстовъ. Поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ предпріятію, затѣянному французскимъ писателемъ Бедье, составившимъ, на основаніи всѣхъ имѣющихся источниковъ, полный пересказъ старинной легенды; книга его написана художественно выдержаннымъ языкомъ съ сохраненіемъ живописныхъ старинныхъ оборотовъ и всѣхъ особенностей быта и чувствъ среднихъ вѣковъ. Вышедшее сначала роскошное изданіе романа „о Тристанѣ и Изольдѣ“ переиздано теперь въ обычномъ, общедоступномъ по цѣнѣ томикѣ и представляетъ несомнѣнный интересъ для всѣхъ любителей поэзіи.

Книга Бедье составлена безъ всякихъ бросающихся въ глаза атрибутовъ учености, безъ сличенія текстовъ и филологическихъ примѣчаній; но въ основѣ ея лежитъ превосходное знакомство съ оригинальнымъ текстомъ и съ духомъ средневѣковой жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ обстоятельное предисловіе знаменитаго французскаго филолога, академика Гастона Париса. Онъ отмѣчаетъ достоинства этой сводной работы, для которой нужна была не только эрудиція,

но и художественный талант. Бедье проникся духом старинной жизни, и сохранил въ своемъ пересказѣ простоту и душевную сосредоточенность первобытныхъ людей. Гастонъ Парисъ указываетъ на всѣ трудности работы, предпринятой Бедье. Полнаго стариннаго текста легенды, который сдѣлалъ бы возможнымъ простой переводъ, не существуетъ; легенда сохранилась только въ отдѣльных отрывкахъ, и для того, чтобы создать изъ нея нѣчто цѣлое, недостаточно быть ученымъ, а нужно быть и поэтомъ. Два большихъ романа, написанныхъ въ средніе вѣка на сюжетъ этой легенды, романъ Кретьена де-Троа и романъ Лашевра, погибли цѣликомъ. Отъ романа Беруля (Beoulx) осталось приблизительно три тысячи стиховъ и столько же отъ романа Тома. Затѣмъ существуютъ переводы на другіе языки, изъ которыхъ три довольно полно передаютъ содержаніе, но не форму романа Тома. Существуютъ, кромѣ того, отдѣльныя маленькія поэмы и затѣмъ пространнѣй и спутанный прозаическій романъ, въ которомъ, среди разныхъ позднѣйшихъ наслоеній, сохранились и обрывки погибшихъ старыхъ поэмъ. Изъ всего этого громаднѣшаго матеріала Бедье выбралъ все относящееся къ самой древней редакціи. Онъ хотѣлъ возсоздать для современныхъ читателей легенду въ томъ видѣ, какъ она впервые появилась во Франціи. Поэтому онъ ближе всего держался отрывка Беруля, а въ остальномъ рассказѣ, взятомъ изъ другихъ источниковъ, старался сохранить форму и колоритъ Беруля. Гастонъ Парисъ говоритъ о томъ, съ какимъ поэтическимъ чутьемъ Бедье, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь одинъ отрывокъ самаго стараго текста, возсоздалъ всю поэму въ его же духѣ.

Тристанъ и Изольда, по словамъ Гастона Париса, — такіе же міровые типы, воплощающіе трагическую любовь, какъ позднѣйшія созданія великихъ поэтовъ, какъ Дантовскіе Паоло и Франческо, какъ Шекспировскіе Ромео и Джульетта. Но это менѣе сложные натуры — въ нихъ сильнѣе говорятъ поэтому чувства и страсти.

Романъ начинается съ описанія жизни Тристана до встрѣчи съ Изольдой. Герой отмѣченъ судьбой для грядущихъ печалей: онъ родился черезъ нѣсколько дней послѣ смерти своего отца, и мать назвала его Тристаномъ въ знакъ своей печали. Она умерла сейчасъ послѣ рожденія сына, такъ сильна была ея любовь къ погибшему на войнѣ мужу. Юность Тристана полна всяческихъ подвиговъ, какіе приписываются знаменитымъ легендарнымъ героямъ. Ничего чудеснаго въ этихъ подвигахъ нѣтъ. Тристанъ, просто, искусный охотникъ и храбрый воинъ, соотвѣтственно идеалу средневѣковой жизни. Все, что говорится о его похищеніи пиратами, о встрѣчѣ Тристана съ охотниками, поразившими его охотничьими познаніями и приведшими его къ корнваллійскому королю Марку, котораго онъ чаруетъ

также своимъ умѣньемъ пѣть и играть на арфѣ,—рисуетъ характеръ эпохи и простую жизнь людей, живущихъ въ постоянномъ общеніи съ природой. Тристанъ оказывается племянникомъ короля Марка, и когда эта родственная связь обнаруживается, Маркъ тѣмъ сильнѣе привязывается къ юному герою, который служитъ ему вѣрой и правдой, защищая его страну, одерживая побѣду надъ самыми страшными врагами. Отличіе Тристана отъ позднѣйшихъ героевъ любовныхъ трагедій—въ томъ, что онъ не мечтатель, живущій исключительно любовными грезами, а человѣкъ дѣла, очень смѣшленный, умѣющій одолѣть враговъ и хитростью, гдѣ нужно. Онъ къ тому же вѣренъ средневѣковому идеалу чести, мститъ за отца, преданъ королю Марку. Всѣ эти доблести дѣлаютъ его идеальнымъ рыцаремъ—до встрѣчи съ Изольдой. Любовь къ ней преступна, но средневѣковая мораль ставить законъ любви выше всякаго другого долга, и всѣ обманы, которые Тристанъ совершаетъ, чтобы устроить свиданія со своей возлюбленной, не ставятся ему въ укоръ. И онъ, и Изольда, обманываютъ короля Марка, хотя и относятся къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, и сами страдаютъ отъ этого обмана. Но голосъ любви для нихъ священъ, и они не могутъ не покоряться ему. Никто не осуждаетъ ихъ за ихъ преступную любовь, и даже король Маркъ, обманутый мужъ, узнавъ о трагической смерти любящей четы, совершенно не думаетъ объ ихъ измѣнѣ по отношенію къ нему, и предастъ ихъ тѣла почетному погребенію. Любовь представляется средневѣковому пониманію священной, велѣніемъ грознаго бога,—именно грознаго, потому что она приноситъ великія страданія, и тѣ, кто служатъ любви и умѣютъ любить глубоко, храня вѣрность, оправданы тѣмъ самымъ во всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ во имя любви.

Въ романѣ „Тристанъ и Изольда“ на первомъ планѣ трагическій элементъ—страданія и смерть героя и героини; рассказъ объ ихъ судьбѣ проникнутъ удивительною поэзіей и пафосомъ. Первая встрѣча Тристана съ Изольдой далеко не предвѣщаетъ любви—напротивъ того, Изольда имѣетъ основаніе ненавидѣть Тристана. Ирландскій гигантъ, котораго убилъ Тристанъ, чтобы спасти отъ его притязаній страну короля Марка—родной дядя Изольды. Она узнаетъ о томъ, что Тристанъ его убійца, при очень своеобразныхъ обстоятельствахъ. Король Маркъ рѣшаетъ жениться, чтобы дать странѣ наслѣдника престола. Онъ въ душѣ этого совершенно не хочетъ, потому что любить Тристана и хотѣлъ бы сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Но остальные бароны ненавидятъ Тристана, и требуютъ, чтобы король женился; на этомъ настаиваетъ и Тристанъ, который не хочетъ раздражать бароновъ, приписывающихъ любовь короля къ нему колдовству. Король подъ всякими предлогами, откладываетъ выборъ невѣсты. Когда

однажды къ нему въ окно влетѣли двѣ ласточки, держа въ клювѣ золотой длинный волосъ, онъ объявляетъ баронамъ, что женится только на той, которой принадлежитъ этотъ волосъ; онъ считаетъ самъ, что найти ее невозможно, и что это спасетъ его отъ женитьбы. Но Тристанъ берется найти невѣдомую красавицу и привести ее королю Марку. Онъ снаряжаетъ корабль, нагружаетъ его дорогими товарами и отправляется за море. Корабль пристаётъ къ ирландскимъ берегамъ, и хотя Тристанъ, со свойственной ему осторожностью и лукавствомъ, выдаетъ себя за кунца, но онъ сразу выказываетъ свою рыцарскую доблесть, освобождая родину Изольды отъ грознаго чудовища, которое пожираетъ множество жертвъ. Убивъ чудовище, Тристанъ прячетъ у себя въ платѣ его ядовитый языкъ, но самъ падаетъ обезсиленный въ траву, изнемогая отъ ядовитыхъ укусовъ сраженного врага. Его тамъ находятъ; Изольда вмѣстѣ съ матерью исполняютъ его чудодѣйственными травами. Изольдѣ нравится храбрый воинъ, но она узнаетъ въ немъ по вѣрнымъ признакамъ убійцу своего дяди, и хочетъ убить его. Тристану удается убѣдить ее въ правотѣ своихъ поступковъ,—она примиряется съ нимъ. Тогда онъ проситъ ея руки для короля Марка. Изольда оскорблена тѣмъ, что онъ не для себя выбралъ ее, а для другого, и, питая ненависть къ нему, соглашается, по настояніямъ матери, ѣхать съ Тристаномъ къ королю Марку. Мать ея, посылая съ ней вѣрную служанку Бранжіену, даетъ ей волшебный напитокъ, съ тѣмъ, чтобы его выпила Изольда пополамъ съ королемъ—и тогда они полюбятъ другъ друга на вѣки. Во время пути, роковой напитокъ выпиваютъ по ошибкѣ Тристанъ и Изольда, и это рѣшаетъ ихъ судьбу. Магическое зарожденіе ихъ любви очень знаменательно—этимъ подчеркивается таинственность страсти: не сами они искали любви,—она пришла къ нимъ по велѣнію рока, и они повинуются ей. Изольда измѣняетъ своему будущему мужу еще до свадьбы, но, конечно, этимъ наивнымъ въ своемъ пониманіи нравственнаго долга людямъ не приходится въ голову, что можно расторгнуть еще не совершившійся бракъ и, пріѣхавъ къ королю, признаться въ совершенной роковой измѣнѣ. Это было бы, по ихъ пониманію, еще большимъ оскорбленіемъ королю, чѣмъ тайный обманъ. Изольда, чисто по-женски, обманываетъ всякими средствами мужа, который вѣрить въ ея невинность; она продолжаетъ тайно видаться съ Тристаномъ. Завистливые бароны нѣсколько разъ будятъ подозрѣнія короля, но любящихъ защищаетъ судьба, и каждое испытаніе заканчивается въ ихъ пользу и на посрамленіе предателей. Въ романѣ множество эпизодовъ, описывающихъ изобрѣтательную хитрость любящихъ. Но, наконецъ, самъ Тристанъ тяготится своимъ предательствомъ и уѣзжаетъ искать счастья на чужбинѣ. Ни онъ, однако, ни Изольда, не могутъ

забыть другъ друга, и Тристанъ подъ разными предлогами и въ разныхъ переодѣваніяхъ является ко двору Марка. Во время самой долгой отлучки Тристанъ, который думаетъ, что Изольда его забыла, женится—на другой Изольдѣ—Yseut au belles mains. Но онъ чувствуетъ себя не въ состояніи измѣнить Yseut la Blonde, и, говоря ей о какомъ-то взятомъ на себя обѣтѣ, самъ объясняетъ брату своей жены, почему онъ можетъ относиться къ своей женѣ только съ чувствомъ братской дружбы. Такъ трогательна его повѣсть о мукахъ любви, что братъ жены совершенно примиряется съ нимъ. Опять Тристанъ появляется при дворѣ короля Марка, но на этотъ разъ Изольда предупреждена противъ него: она думаетъ, что онъ измѣнилъ ей, и не допускаетъ его къ себѣ. Онъ проникаетъ, наконецъ, ко двору подъ видомъ сумасшедшаго и въ присутствіи всего двора открыто говорить о своей любви и о взаимности королевы, пользуясь тѣмъ, что никто ему, все равно, не повѣритъ. Наединѣ съ королевой онъ открывается ей, и они счастливы. Наконецъ, онъ опять уѣзжаетъ. Романъ заканчивается трагической смертью Тристана вдали отъ Изольды, за которую онъ посылаетъ вѣрныхъ друзей. Изольда пріѣзжаетъ—но Тристанъ уже умеръ. Онъ ждетъ корабля съ Изольдой и знаетъ, что, по условію, на кораблѣ будетъ выкинутъ бѣлый флагъ. Но жена, изъ ревности, говоритъ ему, что корабль приближается съ чернымъ флагомъ. Тристанъ заключаетъ изъ этого, что Изольда не пріѣхала, и умираетъ. Изольда, увидавъ его мертвымъ, умираетъ надъ его трупомъ. Ихъ хоронятъ рядомъ, и вѣтви надъ ихъ могилами сплетаются въ знакъ того, что они соединены на вѣки.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1901.

Кажущееся единодушіе въ нашей печати. — Университетскіе уставы 1863-го и 1884-го гг. — Выборное начало; государственные экзамены; гонораръ. — Новая форма стараго девиза. — Способы обсужденія вопроса о средней школѣ. — „С.-Петербургскія Вѣдомости“ противъ „Московскихъ“. — 17-ое апрѣля. — Письмо г. Мережковского. — Чествованіе А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Философовой. — С. В. Флеровъ (Васильевъ) †.

При глубокомъ различіи направленій, существующихъ въ средѣ нашей періодической печати, по истинѣ изумительнымъ представляется, съ перваго взгляда, то единодушное, какъ будто бы, сочувствіе, съ которымъ она отнеслась къ личной перемѣнѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Нетрудно замѣтить, однако, что это единогласіе — только кажущееся. Радовались всѣ, но основанія радости были далеко не одни и тѣ же. Одни выдвигали на первый планъ близкое знакомство генерала Ванновскаго съ военной дисциплиной, преобразование, произведенное имъ въ средней военной школѣ, дѣятельное участіе его во всемъ томъ, чѣмъ ознаменованъ періодъ времени съ 1881-го по 1897-ой годъ; другіе вспоминали [извѣстное разслѣдованіе 1899-го года, которымъ руководилъ генералъ Ванновскій. Результаты этого изслѣдованія знакомы лишь по слухамъ — въ мѣропріятіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ они не отразились; но въ обществѣ сложилось убѣжденіе, что комиссіей 1899-го года были раскрыты главныя причины зла и вѣрно указаны средства къ ихъ устраненію. Въ виду такой противоположности взглядовъ, всего лучше воздержаться отъ догадокъ о томъ, что возможно или вѣроятно, и ограничиться указаніемъ на то, что могло бы быть желательно...

Рѣшеніе „безотлагательно приступить къ коренному исправленію и пересмотру“ существующаго учебнаго строя придаетъ особенную важность вопросу о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ уставовъ, которыми, за послѣднія сорокъ лѣтъ, регулировалась жизнь нашихъ университетовъ. Каждому изъ этихъ уставовъ свойственны основныя черты, между которыми должна будетъ сдѣлать выборъ университетская реформа. Уставъ 1863-го года проникнутъ довѣріемъ къ выборному началу, уже тогда имѣвшему на своей сторонѣ полувѣковую слишкомъ давность: ректоръ избирался совѣтомъ, деканы — факультетами, профессоръ — совѣтомъ, по представленію факультета. Уставъ отводилъ совѣту первенствующую роль во всѣхъ университетскихъ дѣлахъ, съ подчиненіемъ его только контролю попечителя. Профессора, при дѣйствіи устава 1863-го года, составляли организованное цѣлое, корпорацію,

жившую своею самостоятельною жизнью. Уставъ 1884-го года уничтожилъ это корпоративное устройство, предоставивъ администраціи назначеніе ректора, декановъ, профессоровъ, свѣдя дѣятельность совѣта почти къ нулю, поставивъ университетъ подъ *начальство* попечителя. Обѣ системы радикально противоположны и безусловно несовмѣстимы; на которой же изъ нихъ слѣдуетъ остановиться? Когда, четверть вѣка тому назадъ, въ первый разъ возникъ вопросъ о пересмотрѣ устава 1863-го года, ему приписывались, главнымъ образомъ, студенческіе безпорядки, повторявшіеся отъ времени до времени и достигшіе, казалось, своего апогея къ началу восьмидесятыхъ годовъ. Предполагалось, что для нихъ не будетъ мѣста въ университетахъ—подвластныхъ, зависимыхъ, очищенныхъ отъ всего походяго на самоуправленіе; ожидалась невозмутимая тишина, среди которой слово преподаванія звучало бы какъ слово команды. Въ какой степени ожиданія оправдались—это слишкомъ хорошо извѣстно. И пускай насъ не стараются увѣрить, что былъ какой-то медовый мѣсяцъ, въ продолженіе котораго новые порядки обеспечивали собою спокойствіе въ стѣнахъ университетовъ. Периодичность волненій осталась прежняя: если ихъ не было въ 1885 и 1886 гг., то вѣдь и раньше бывали мирные промежутки, даже болѣе продолжительные—а съ 1887-го г. безпорядки возникаютъ вновь, постепенно обостряясь и достигая, наконецъ, такихъ размѣровъ, о возможности которыхъ, при дѣйствіи устава 1863-го года, никто и не думалъ. Отрицать очевидное, всѣмъ извѣстное рѣшаются только немногіе *enfants perdus* реакціонной прессы¹⁾; главные ея руководители понимаютъ необходимость другой позиціи—и находятъ ее въ утвержденіи, что дѣло, начатое уставомъ 1884-го года, осталось недоконченнымъ, да и въ самомъ уставѣ многое стало подвергаться искаженіямъ или осталось только на бумагѣ. Въ какой степени это справедливо—мы увидимъ ниже; теперь для насъ важно установить, что уничтоженіе выборнаго начала не достигло цѣли. Скажемъ болѣе: оно несомнѣнно увеличило пропасть, лежащую между профессорами и студентами, и до крайности уменьшило возможность воздѣйствія первыхъ на послѣднихъ. Весьма важно уже и то, что въ глазахъ студентовъ профессоръ — прежде всего чиновникъ, лишенный права „имѣть свое сужденіе“; еще хуже то, что профессора дѣйствительно все больше и больше приближаются къ этому типу. Для того, кто сколько-нибудь знакомъ съ закулисною жизнью нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, не тайна, что всего болѣе вліяніе профессоровъ пало именно въ университетахъ, потому что нигдѣ ихъ роль въ такой сте-

¹⁾ См. въ № 92 „Московскихъ Вѣдомостей“ письмо изъ провинціи, озаглавленное: „*Caveant consules*“ и подписанное буквами В. Г. К.

пени не ограничена преподаваніемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Гораздо ближе профессора къ студентамъ въ специальныхъ, техническихъ школахъ, гдѣ еще сохранилось значеніе совѣтовъ и не все сосредоточено въ рукахъ начальства. Въ университетахъ совѣтъ создается очень рѣдко, о существованіи его какъ бы забываютъ по цѣлымъ годамъ; когда же, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, рѣшаются прибѣгнуть къ его содѣйствію, происходятъ недоумѣнія относительно самой формы опубликованія его рѣшеній ¹⁾). Назначенные ректоры не пользуются и малой долей того авторитета, который принадлежалъ ихъ выборнымъ предшественникамъ; деканы назначаются иногда изъ числа младшихъ членовъ факультета, не успѣвшихъ еще заслужить довѣрія товарищей, иногда—изъ числа людей, утомленныхъ продолжительною дѣятельностью. Профессорскія кафедръ, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, замѣщаются нерѣдко безъ соблюденія условій, требуемыхъ закономъ. Слабѣетъ, повидимому, стремленіе къ ученому поприщу, рѣдѣютъ ряды кандидатовъ на профессорское званіе. Прибавимъ къ этому потери, понесенныя университетами вслѣдствіе вынужденной отставки даровитыхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ—и для насъ станетъ ясною одна изъ причинъ упадка университетовъ, устранимая только путемъ возврата къ основнымъ началамъ прежняго устава.

Уставъ 1884-го года дѣйствуетъ и теперь во всей своей силѣ; ни одно изъ существенно-важныхъ его постановленій не подверглось ни измѣненію, ни отмѣнѣ. Взяты назадъ или остались безъ осуществленія только нѣкоторые правила, изданныя властью министра, въ дополненіе къ уставу. Если кое-какія части новой постройки разрушены тѣми самыми руками, которыми она возведена, то не наводитъ ли это на мысль, что имъ съ самаго начала недоставало жизнеспособности? Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить первоначальныя программы историко-филологическаго факультета, обращавшія его, по выраженію такого компетентнаго судьи, какъ В. И. Ламанскій, въ приготовительную школу для учителей древнихъ языковъ. Еслибы эти программы остались въ силѣ еще нѣсколько лѣтъ, изученіе философіи, исторіи, языкознанія, литературы пришло бы у насъ въ полнѣйшій упадокъ; въ историко-филологическіе институты, и теперь малолюдные, шли бы только бѣдняки, абсолютно нуждающіеся въ стипендіи и слишкомъ мало способные, чтобы рассчитывать на полученіе ея при болѣе сильной конкуренціи... Особенныя надежды защитники устава 1884 года возлагали на государственный экзамень—и особенно

¹⁾ Припомнимъ, въ какомъ видѣ было напечатано постановленіе совѣта московскаго университета, состоявшееся 24 и 25 февраля, и какая къ нему была сдѣлана официальная поправка.

сѣтуютъ они о томъ, что этотъ экзаменъ не получилъ должнаго значенія; имъ кажется, что при другой, болѣе правильной его постановкѣ, въ области высшаго образованія все обстояло бы благополучно. Ихъ идеаль—насколько можно судить по статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“¹⁾—полнѣйшее разобщеніе университетовъ и государственныхъ испытательныхъ комиссій. „Государству“—говорятъ намъ—„нѣтъ и не должно быть никакого дѣла до того, гдѣ и какъ образованіе приобрѣтено... Ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать университетъ какъ учрежденіе, приноровленное къ требованіямъ другого учрежденія (т.-е. государственной комиссіи), какъ учрежденіе подготовительное и потому подчиненное“. Мы узнаемъ здѣсь ту же мысль, противъ которой мы возражали въ нашей апрѣльской хроникѣ: чѣмъ меньше университетъ будетъ связанъ съ испытательной комиссіей, тѣмъ меньше будетъ и наплывъ студентовъ, видящихъ теперь въ университетѣ необходимый путь къ государственному экзамену. Нѣчто болѣе несостоятельное, чѣмъ эта мысль, трудно себѣ и представить. Въ нашемъ обществѣ, бѣдномъ, непредпріимчивомъ, да и не имѣющемъ возможности быть предпріимчивымъ, только университетъ можетъ служить нормальнымъ средствомъ подготовки къ государственному экзамену. Частныхъ высшихъ курсовъ у насъ нѣтъ и долго еще не будетъ—а для домашняго изученія предметовъ, знаніе которыхъ требуется испытательною комиссіей, громадному большинству молодыхъ людей не хватаетъ средствъ. Какъ изучить, притомъ, медицину—безъ клиникъ, естественныя науки—безъ лабораторій и кабинетовъ? Какъ приобрѣсти тѣ навыки и умѣнья, которые и на другихъ факультетахъ получаются путемъ практическихъ занятій? Что можетъ замѣнить для самой испытательной комиссіи ту гарантію серьезности и основательности знаній, которую даетъ прохожденіе, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, университетскаго курса? Какимъ образомъ разорвать всякую связь между университетомъ и испытательной комиссіей, разъ что первый, если не *de jure*, то *de facto*, всегда останется главнымъ поставщикомъ экзаменующихся? Допустима ли мысль, что науки, составляющія предметъ государственнаго испытанія, будутъ исключены изъ университетскаго курса или будутъ читаться по программамъ, не согласованнымъ съ экзаменными требованіями?.. Самый составъ испытательныхъ комиссій, какъ это достаточно показала пятнадцатилѣтняя практика, неизбѣжно поддерживаетъ связь между ними и университетами. У насъ слишкомъ мало ученыхъ не-профессоровъ, чтобы можно было образовывать изъ нихъ однихъ испытательную комиссію или предоставить имъ въ ней хотя

¹⁾ См. статьи: „О причинахъ университетскихъ безпорядковъ“ въ № 102 и слѣд. московской газеты.

бы большинство голосовъ. Составители устава 1884-го года несомнѣнно мечтали о чемъ-то подобномъ, но суровая дѣйствительность взяла свое, и, за рѣдкими исключеніями, единственнымъ „постороннимъ“ элементомъ является въ комиссіи председательствующій въ ней... профессоръ другого университета. Дальше этого *chassez-croisez* не пошло „разобщеніе“, хотя въ стремленіяхъ обострить его не было недостатка. Столь же неизбѣжнымъ оказалось и ограниченіе круга дѣйствій испытательныхъ комиссій, путемъ возстановленія полукурсовыхъ и другихъ университетскихъ испытаний: требовать на государственномъ экзаменѣ свѣжихъ и полныхъ знаній по всѣмъ предметамъ курса было просто физически невозможно. Переходные экзамены нанесли, въ свою очередь, сильный ударъ пресловутому зачету полугодій, съ самаго начала вставшему на совершенно ложную дорогу ¹⁾... Повторять опытъ, потерпѣвшій плачевное *fiasco*, едва ли есть основаніе, тѣмъ болѣе, что отъ него нельзя ожидать даже столь желаемого реакціонной прессой уменьшенія числа студентовъ. Никакой организаціи экзаменовъ и экзаменаціонныхъ комиссій не удастся остановить стремленіе къ высшему образованію. Еслибы и можно было признать число студентовъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ, чрезмѣрно высокимъ, то этимъ доказывалось бы лишь одно: необходимость увеличить число университетовъ.

Кромѣ государственнаго экзамена, въ настоящемъ своемъ видѣ мало чѣмъ отличающагося отъ университетскихъ, а при другихъ условіяхъ легко могущаго оказаться тормазомъ образованія, уставъ 1884-го года ввелъ еще профессорскій гонораръ, теперь осуждаемый почти единогласно и въ средѣ университетовъ, и въ печати. Увеличивъ бремя, лежащее на студентахъ, онъ несоразмѣрно поднялъ доходы немногихъ преподавателей—и нимало не улучшилъ положеніе большинства. Предположеніе, что гонораръ распределиться болѣе или менѣе равномерно между привать-доцентами и профессорами, не оправдалось—а между тѣмъ изъ-за него былъ отложенъ вопросъ объ увеличеніи содержанія, получаемого профессорами, и о матеріальномъ обезпеченіи привать-доцентовъ. Уже въ 1897 г., когда министромъ народнаго просвѣщенія былъ еще составитель устава 1884-го года, въ министерствѣ возникла мысль объ обращеніи гонорара не въ пользу того, за чьи лекціи онъ вносится, а въ общія университетскія суммы. Всего справедливѣе было бы, какъ мы старались доказать въ свое время ²⁾, вовсе отмѣнить гонораръ; но если бы это было признано невозможнымъ, то большой перемѣной къ

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы“ 1886 года.

²⁾ См. Общественную Хронику въ № 11 „Вѣстника Европы“ за 1897 г.

лучшему было бы и осуществленіе проекта 1897-го года. Само собою разумѣется, что одновременно съ этимъ слѣдовало бы установить другой способъ оплаты труда приватъ-доцентовъ, играющихъ весьма важную роль въ университетской жизни. Теперь нѣкоторые изъ нихъ (весьма немногіе) получаютъ очень крупныя суммы, громадное большинство—не получаетъ ничего или почти ничего; при нормальномъ порядкѣ всѣ должны имѣть право на скромное, но достаточное вознагражденіе.

Если ни одно изъ нововведеній устава 1884-го года не можетъ быть названо удачнымъ, то это еще не значитъ, чтобы реформа университетовъ должна была ограничиться простымъ возвращеніемъ къ уставу 1863-го года ¹⁾. Создавъ корпорацію профессоровъ, уставъ этотъ ничего не сдѣлалъ для корпоративной организаціи студентовъ. Незадолго до его изданія произошли студенческія волненія 1861-го года—первыя, достигшія довольно значительныхъ размѣровъ и произведшія, именно потому, сильное впечатлѣніе на правительство и общество. Возникло опасеніе, что узаконеніе сходокъ и другихъ проявленій общей студенческой жизни усилило бы наклонность къ безпорядкамъ, создало бы для нихъ готовую почву—и первоначально предполагавшееся разрѣшеніе студенческихъ обществъ или кружковъ, не преслѣдующихъ незаконной цѣли, было исключено изъ окончательной редакціи устава. И тогда, впрочемъ, не было недостатка въ голосахъ, указывавшихъ на неосновательность подобныхъ опасеній. Одинъ изъ нихъ мы привели въ нашей февральской хроникѣ; прибавимъ еще другой, авторитетность котораго должна быть особенно велика именно для нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. „Уничтожая студенчество“—писалъ Катковъ,—„вы убиваете университетъ. Университетское корпоративное устройство должно обнимать собой не только профессоровъ, но и студентовъ... Пульверизація студенческаго быта значительно уменьшила бы ту нравственную пользу, которую получаютъ студенты отъ пребыванія въ университетѣ. Но чтобы не было пульверизаціи, для этого необходимы болѣе тѣсныя связи между студентами, а не одно слушаніе университетскихъ лекцій; необходимо, чтобы и въ студенствѣ были *корпоративныя связи*,—не тѣ, конечно, лже-корпоративныя связи, которыя нуждаются во внѣшней

¹⁾ Въ предыдущей „Общественной Хроникѣ“ мы высказали ясно, что *не считаемъ* уставъ 1863-го года послѣднимъ словомъ политической мудрости. Это не помѣшало „Гражданину“, съ свойственною ему развязностью, отнести нашъ журналъ къ числу „обожателей“ стараго устава, кромѣ котораго для насъ „нѣтъ ничего милаго въ русской школьной жизни“, какъ для старухи-няни нѣтъ ничего милѣе вынужденнаго ею ребенка. Это—такая же фантазмагорія, какъ и упоминаемый въ томъ же „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго никогда не существовавшій *уставъ* 1848-го года.

одеждѣ или внѣшнихъ мѣткахъ, а тѣ истинно корпоративныя связи, благодаря которымъ корпоративное начало составляетъ такой важный элементъ въ общественномъ и политическомъ бытѣ... Въ нашихъ университетахъ до сихъ поръ была слаба эта корпоративная связь, но *устнѣхъ* *должны* состоятъ въ усиленіи, а не въ ослабленіи ея¹⁾. Подтвержденіемъ этихъ словъ служить вся позднѣйшая исторія нашихъ университетовъ. Проявленія корпоративной студенческой жизни были строжайше воспрещены—но это не помѣшало повторенію безпорядковъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ съ почти математическою точностью, черезъ опредѣленные интервалы. Для предупрежденія ихъ признано было необходимымъ уничтожить корпоративное устройство среди профессоровъ; это и было сдѣлано уставомъ 1884-го года, но безпорядки продолжались по прежнему, постоянно обостраясь, не смотря на столь же постоянное усиленіе карательныхъ мѣръ. Съ другой стороны, примѣръ военно-медицинской академіи, и, отчасти, нѣкоторыхъ другихъ специальныхъ высшихъ школъ удостовѣряетъ наглядно, что корпоративное устройство студентовъ, даже несовершенное, даже только терпимое, отнюдь не способствуетъ безпорядкамъ, а наоборотъ, противодѣйствуетъ имъ, сближая студентовъ съ профессорами и начальствомъ и заставляя ихъ дорожить неприкосновенностью созданныхъ на корпоративной почвѣ учреждений. Выводъ отсюда ясенъ...

Утверждая, что корпоративная организація студенчества не прекратитъ студенческихъ волненій, противники этой организаціи ссылаются обыкновенно на какія-то постороннія вліянія, скрывающіяся за видимыми причинами безпорядковъ—вліянія, которыхъ не устранить никакая перемѣна въ университетскомъ строѣ. Точныхъ данныхъ о значеніи и силѣ этихъ вліяній у насъ нѣтъ, да едва ли обладаютъ ими и наши противники. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что воздѣйствію извѣстъ даже тѣмъ, кто въ него вѣритъ, приписывается не *начало* безпорядковъ, а тотъ или иной изъ ихъ позднѣйшихъ фазисовъ. Другими словами, признается, что ближайшимъ, непосредственнымъ поводомъ волненій служатъ домашнія студенческія дѣла, и только потому, въ разгорѣвшійся уже огонь, подливается чуждое студентамъ масло. Если это такъ, то важность порядка, затрудняющаго возникновеніе безпорядковъ или останавливающаго ихъ въ самомъ началѣ, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ: потушеннаго костра не воспламенитъ никакое масло... Доскажемъ нашу мысль

¹⁾ Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ „Политическій процессъ 1869—71 г.“ („Вѣстникъ Европы“ 1871 г., № 11), мы имѣли случай показать, что корпоративный бытъ студентовъ можетъ служить нѣкоторымъ противовѣсомъ даже политическимъ ихъ увлеченіямъ.

до конца. Мы не утверждаемъ, что корпоративная организація студенчества сдѣлаетъ нарушеніе порядка въ университетахъ разъ навсегда невозможнымъ. Молодежь такъ впечатлительна, такъ живо принимаетъ къ сердцу чужое горе, чужія страданія, что привести ее въ движеніе можетъ и событіе, не имѣющее ничего общаго съ внутреннею жизнью высшей школы; но при корпоративномъ устройствѣ это движеніе легче остановить и ввести въ норму... Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, притомъ, причины волненій коренятся въ стѣнахъ университета или состоятъ въ тѣсной связи съ интересами студенчества: объ этомъ свидѣлствуетъ вся лѣтопись безпорядковъ, начиная съ движенія 1861 года, возникшаго изъ-за матрикулъ, и до движенія 1899 года, вызваннаго съ одной стороны — объявленіемъ ректора, съ другой — уличнымъ столкновеніемъ между полиціей и студентами. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что для радикальнаго искорененія безпорядковъ недостаточно однихъ перемѣнъ въ устройствѣ университетовъ и организаціи студенчества; но мы говоримъ теперь только объ этихъ перемѣнахъ, такъ какъ только онѣ прямо поставлены на очередь.

Когда заходитъ рѣчь о крупной законодательной реформѣ, кто-нибудь непременно выводитъ на сцену избитую поговорку: „*men, not measures*“, отрицающую значеніе формально совершаемыхъ преобразованій. Эту старую роль взялъ на себя теперь редакторъ „Гражданина“. „Бросьте“—говоритъ онъ въ своемъ „Дневникѣ“, обращаясь не только къ нашему журналу, но и ко всякому, кто въ университетскомъ и школьномъ вопросѣ „все сводитъ къ тому или другому уставу“, — „бросьте этотъ мертвый и сухой кабинетный взглядъ, бросьте мысли и разговоры объ уставахъ, которые ничего не представляютъ собою, какъ листки бумаги съ печатнымъ на нихъ наборомъ, а думайте и говорите о томъ, какъ лучше сдѣлать, чтобы молодежь могла съ толкомъ воспитываться и просвѣщаться любящими ихъ (ее?) людьми, безъ всякихъ отношеній къ буквѣ устава“. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ то же самое, приблизительно, говорилось въ нашей печати по поводу созрѣвавшей уже тогда мысли о необходимости пересмотра гимназическаго устава. Возражая тогда ¹⁾ противъ изреченія: „*men, not measures*“, мы отстаивали, вмѣсто него, другую, болѣе широкую формулу: „не только мѣры, но и люди—не только люди, но и мѣры“. „Безспорно“—продолжали мы,—„плохое исполненіе можетъ испортить самую лучшую мысль; но центръ тяжести все-таки лежитъ въ мысли, отъ которой въ значительной степени зависитъ и образъ дѣйствій исполнителей. Правило: *люди, а не мѣры*—легко можетъ обратиться

¹⁾ См. Внутр. Обзорѣніе въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1880 г.

въ девизъ самаго узкаго консерватизма, въ готовое отрицаніе самой необходимой перемены. Во имя этого правила можно было возставать противъ судебной реформы, предлагая замѣнить ее назначеніемъ новыхъ людей въ старыя судебныя мѣста; можно было возставать противъ земскаго самоуправленія, предлагая озаботиться лишь тщательнымъ подборомъ непремѣнныхъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія и дѣлопроизводителей особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія; можно было, наконецъ, возставать даже противъ освобожденія крестьянъ, утѣшая себя надеждой на постепенный подъемъ нравственнаго уровня помѣщиковъ "... Мы указывали, въ заключеніе, что девизомъ, народившимся въ Англіи, не руководствовался ни одинъ изъ великихъ людей этой страны — ни Грэй, ни Робертъ Пиль, ни Джонъ Россель, — и что въ Россіи для новыхъ мѣръ, отвѣчавшихъ потребностямъ времени, всегда находились и новые люди, а случаи достиженія цѣли посредствомъ одной перемены въ лицахъ русская исторія не представляетъ. То же самое, съ болѣющимъ еще убѣжденіемъ, мы можемъ повторить и теперь, подтвердивъ опытъ эпохи реформъ опытомъ позднѣйшаго времени: когда признано было цѣлесообразнымъ движеніе назадъ, никому не приходило въ голову ограничиться переменной въ людяхъ, и передѣлкѣ подверглись всѣ важнѣйшіе законодательные акты императора Александра II-го. И дѣйствительно, между *мирами* и *людьми* всегда и вездѣ существуетъ взаимное воздѣйствіе. Если отъ исполнителей во многомъ зависятъ результаты преобразованія, то оно, въ свою очередь, оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на исполнителей. Бывшіе мировые судьи, принявшіе на себя должность земскаго начальника, становятся, сплошь и рядомъ, совершенно другими людьми; земскіе дѣятели въ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ нерѣдко чувствуютъ себя иными, чѣмъ при дѣйствіи прежняго земскаго положенія; на учителей гимназій наложилъ свою печать порядокъ, созданный гр. Толстымъ, на профессоровъ — уставъ 1884-го года. Легко дать совѣтъ: „просвѣщайте, воспитывайте безъ всякихъ отношеній къ буквѣ устава“, но весьма трудно послѣдовать этому совѣту, когда буква устава — и, что еще важнѣе, его духъ и смыслъ, — на каждомъ шагѣ останавливаетъ и стѣсняетъ учащихся въ ихъ попыткахъ оказать воспитательное вліяніе на учащихся. Конечно, новый законъ — только почва для живой дѣятельности, только первый шагъ на новомъ пути: но безъ этого шага немыслимы другіе, безъ этой почвы невозможна самая дѣятельность.

Одновременно съ высшей школой должна подвергнуться обновленію и средняя, столь тѣсно связанная съ первою. Трудность реформы

увеличивается здѣсь множествомъ разнообразныхъ взглядовъ на самыя задачи средняго образованія. О существенныхъ переѣнахъ въ программахъ университета говорить мало, хотя, можетъ быть, то, что слѣдовало бы сдѣлать и въ этой сферѣ; въ программахъ средней школы, высказываются со всѣхъ сторонъ самыя противоположныя мнѣнія. Не касаясь, пока, ихъ существа, остановимся только на способѣ ихъ обсуждения. Органы печати весьма различныхъ оттѣнковъ — „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Россія“, „Новое Время“, — высказались единогласно за выслушаніе, въ той или другой формѣ, общества, состоящаго, въ болѣе своей части, изъ родителей и потому до крайности заинтересованнаго въ гимназической реформѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, противъ этой естественной и разумной мысли возстали, съ употребленіемъ обычныхъ полемическихъ приѣмовъ, „Московскія Вѣдомости“. Въ предложеніи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ созвать всероссійскіе съѣзды и совѣщанія, съ широкимъ участіемъ представителей семьи и родителей, а также выслушать мнѣнія дворянства, земства, городовъ и частныхъ обществъ, соприкасающихся съ вопросами образованія, — сторожевой постъ газетныхъ реакціонеровъ усмотрѣлъ попытку создать... всероссійскій парламентъ и вызвать „всероссійскую болтовню“ всевозможныхъ лицъ, за исключеніемъ именно тѣхъ, кто знаетъ (курсивъ въ подлинникѣ) многосложное и многотрудное дѣло воспитанія юношества. Смѣшно это педантическое преклоненіе передъ профессиональными педагогами, сплошь и рядомъ знающими или, по меньшей мѣрѣ, понимающими дѣло воспитанія гораздо хуже „профановъ“, испытывшихъ на себѣ или наблюдавшихъ на своихъ дѣтяхъ результаты омертвѣлой и бездушнѣй педагогіи. Смѣшно и возведеніе съѣздовъ, съ чисто совѣщательнымъ характеромъ, на степень „парламента“ — но не только смѣшно: педантизмъ переходитъ здѣсь въ нѣчто гораздо худшее. Вся кампанія „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ широкихъ реформъ въ области образованія проникнута, вообще, тѣмъ специфическимъ духомъ, которымъ, въ критическіе моменты нашей общественной жизни, вѣетъ отъ газеты г. Грингута. Какъ и четыре года тому назадъ, когда новый ея редакторъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность Каткова инквизиторскими вопросами по адресу ненавистныхъ ему газетъ и журналовъ, мнимый „охранитель“ встрѣтилъ самую лучшую отвѣдь со стороны настоящихъ представителей русскаго консерватизма. Во всякой другой странѣ такія статьи, какъ напечатанныя въ №№ 98 и 99 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, были бы смертельнымъ ударомъ для противника. Съ замѣчательной убѣдительностью и силой онѣ представляютъ на видъ рядъ противорѣчій, вызванныхъ привычкою слушать лицамъ, а не дѣлу, и столь же длинный рядъ доносовъ (меньше

чѣмъ за два мѣсяца ихъ насчитывается *тринадцать*)—на газеты, на учителей и профессоровъ, на инородцевъ, на земство вообще и на земскихъ статистиковъ въ особенности. Первая статья, озаглавленная: „Рыцарь сикофантскаго образа и его оборотничество“ и подписанная г. А. Ожиговымъ, оканчивается слѣдующими словами: „Какъ былъ правъ нашъ великій сатирикъ, назвавъ подобнаго рода консерваторовъ разрушителями по преимуществу! Развѣ они, дѣйствительно, не разрушаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ разрушить всякое положительное начинаніе, всякое здоровое стремленіе? Кичливо называя себя вѣрнопопдадными, требуя всѣхъ въ свой застѣнокъ, попирая всякій здравый смыслъ и справедливость, именно они въ сущности препятствуютъ творческой правительственной дѣятельности, пытаются вызвать смуту и беспокойство мерзостями своего служительскаго усердія!“ ... Въ другой статьѣ, подписанной: „Монархистъ“, авторъ благодаритъ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за „разоблаченіе истинной фizioноміи г. Грингмута“ и продолжаетъ такъ: „для массы г. Грингмутъ является объектомъ только презрѣнія и насмѣшливаго смѣха. Для насъ это—предметъ слезъ. Мы, русскіе монархисты, вынужденные къ молчанію, должны, скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, созерцать, какъ этотъ господинъ съ своими приспѣшниками компрометируетъ наше направленіе. Вѣдь это, можно сказать, официальный зашитникъ русской монархіи и православной церкви! Это—довѣренное лицо, которому поручено руководить правительственной газетою!“ Такъ смотритъ на „Московскія Вѣдомости“ общество. Для огромнаго большинства г. Грингмутъ, и правительство — синонимы, и за все, что говорить первый, несетъ нравственную отвѣтственность второе“ ... Въ отвѣтъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, написанномъ въ очень пониженномъ тонѣ, „Московскія Вѣдомости“ (№ 101) скромно приписываютъ себѣ роль зашитниковъ *истины* противъ *лжи* — и тутъ же даютъ яркое доказательство своей правдивости, относя г. Ожигова, а слѣдовательно и редакцію газеты, пожѣстившей его статью, къ сонму *либераловъ*! „Открытое, гласное обсужденіе фактовъ и мнѣній“ — читаемъ мы дальше — „не есть *доносъ*“. Въ специально-юридическомъ смыслѣ—конечно, но въ нашей печати слово *доносъ* получило другое, болѣе широкое значеніе: оно не безъ причины примѣняется къ попыткамъ чтенія въ мысляхъ или между строками, разъ что онѣ соединены если не съ прямымъ призывомъ къ репрессіи, то съ подразумеваемымъ намекомъ на ея желательность и цѣлесообразность...

17-го минувшаго апрѣля исполнилось тридцать-пять лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе въ Петербургѣ судебныхъ уставовъ. Мно-

гія газеты поминули этотъ день сочувственными словами; „Россія“ помѣстила на своихъ страницахъ портреты главныхъ дѣятелей того времени. Чѣмъ больше отдаляется отъ насъ эпоха великихъ реформъ, тѣмъ ярче выступаютъ въ нашей памяти всѣ главные ея моменты, и мы вновь переживаемъ тогда испытанныя чувства. По глубинѣ впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ, 17-е апрѣля 1866-го г. уступаетъ только 5-му марта 1861-го г.—дню обнародованія „Положеній о крестьянахъ“. Въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ, истекшихъ между утвержденіемъ судебныхъ уставовъ и первымъ приступомъ къ ихъ исполненію, неоднократно возникали опасенія за ихъ судьбу—и никогда эти опасенія не были такъ сильны, какъ въ послѣдніе дни передъ 17-мъ апрѣлемъ. Прискорбное событіе 4-го апрѣля позволяло ожидать задержки въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованій—и тѣмъ свободнѣе вздохнули всѣ многочисленные ихъ сторонники, когда узнали, что открытіе въ Петербургѣ новаго суда состоится въ назначенное время. Мрачный, холодный, дождливый день, разъяснившійся только къ вечеру, мало соответствовалъ праздничному настроенію толпы, собравшейся въ зданіи новыхъ судебныхъ установленій—настроенію, достигшему своего апогея по выслушаніи прекрасной рѣчи министра юстиціи (Д. Н. Замятнина). Большинство тѣхъ, къ кому она была обращена, были молоды и, слѣдовательно, полны надеждъ; свѣтлымъ казалось имъ будущее, и едва ли между ними былъ хотя одинъ, кто хоть въ эту минуту не былъ бы проникнутъ горячею преданностью новому дѣлу. Сенаторы кассационныхъ департаментовъ, председатели и члены судебной палаты и окружного суда, представители прокуратуры, мировые судьи, присяжные повѣренные—всѣ вступали въ неизвѣданныю область; всѣ сознавали, что отъ первыхъ шаговъ по непротоптанной еще дорогѣ зависить, въ значительной степени, будущность новыхъ учреждений—но всѣхъ поддерживала вѣра въ судебные уставы, въ гарантіи, созданныя ими для независимости судей, для самостоятельности адвокатуры. И теперь, послѣ столькихъ разочарованій, отрадно воскресить въ своей памяти короткій моментъ, когда постройка, возведенная составителями судебныхъ уставовъ, стояла неприкосновенною, во всей своей цѣльности и стройности. Суждено ли ей снова стать тѣмъ, чѣмъ она была тогда—выраженіемъ „послѣдняго слова юридической науки“ (слова Д. Н. Замятнина)? Дождется ли русскій судъ второго 17-го апрѣля, возвращающаго ему все то, что онъ потерялъ послѣ перваго? Едва ли доживутъ до этого дня тѣ немногіе участники воспоминаемаго нами торжества, которые еще не сошли въ могилу; но рано или поздно онъ можетъ наступить и сдѣлаться для нашихъ потомковъ такой же свѣтлой, ра-

достной годовщиной, какою нынѣ служить для насъ 17-е апрѣля 1866-го года.

Мѣсяца три тому назадъ въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось сообщеніе о докладѣ, прочитанномъ г. Мережковскимъ въ с.-петербургскомъ философскомъ обществѣ и озаглавленномъ: „Отношеніе Л. Толстого къ христіанству“. Многое въ этомъ сообщеніи показалось намъ страннымъ, но мы не нашли возможнымъ говорить о немъ въ печати, какъ потому, что самый докладъ былъ прочитанъ въ закрытомъ засѣданіи общества, такъ и потому, что не было никакихъ ручательствъ въ точности сообщенія. И дѣйствительно, судя по письму г. Мережковского, напечатанному въ № 2—3 „Міра Искусства“, газетный отчетъ точностью не отличался. Мы упоминаемъ о немъ теперь только потому, что ему приписывается несогласіе комитета литературнаго фонда на прочтеніе г. Мережковскимъ, въ пользу фонда, публичной лекціи на тему: „Л. Толстой и Наполеонъ-Антихристъ“. Въ этомъ несогласіи г. Мережковский усматриваетъ, повидимому, нѣчто въ родѣ посягательства на свободу мысли. Не касаясь мотивовъ, руководившихъ комитетомъ, замѣтимъ отъ себя, что г. Мережковский едва ли правъ. Мнѣніе свое о Л. Толстомъ онъ излагаетъ въ обширномъ трудѣ, одна часть котораго вышла въ свѣтъ отдѣльной книгой ¹⁾, другая печатается въ „Мірѣ Искусства“. Можно соглашаться или не соглашаться съ авторомъ, но нельзя не пожелать, чтобы ничто не помѣшало ему выяснить свой взглядъ до конца и во всей полнотѣ. Иное дѣло—публичное чтеніе въ пользу такого учрежденія, какъ литературный фондъ. Представители его не только въ правѣ, но и обязаны отклонить предложеніе лектора, если есть основаніе думать, что чтеніе можетъ возбудить неудовольствіе большинства слушателей—неудовольствіе, отъ котораго только одинъ шагъ до подрыва довѣрія къ учрежденію, допустившему чтеніе. Стѣсненіемъ свободы лектора такой отказъ не можетъ быть признанъ уже потому, что отъ него зависитъ устроить чтеніе въ пользу другого учрежденія или просто отъ своего собственного имени, съ пожертвованіемъ вырученныхъ денегъ на любое доброе дѣло. А что опасенія, вызвавшія, по всей вѣроятности, отказъ фонда, не были напрасны—это видно изъ статьи г. Мережковского, напечатанной въ томъ же № „Міра искусства“ и носящей то же заглавіе, которое онъ хотѣлъ дать своему чтенію. Л. Толстому приписывается здѣсь *кощунство* надъ Наполеономъ; къ нему примѣняются слова Пушкина о „позорѣ“, омрачающемъ „малодушную и безумную укоризну развѣнчанной тѣни“; онъ обвиняется въ униженіи *высокаго* въ

¹⁾ См. выше, стр. 307, статья: „Новая форма старой мечты“.

пользу *средне-высшаго*, т.-е. въ пользу срединнаго, посредственнаго, буржуазнаго. „Не странно ли“—восклицаетъ г. Мережковский,—„что духъ всемірной черни, все равно, голодной или сытой, либеральной или консервативной, духъ стариннаго русскаго лакея Лаврушки и грядущаго всемірнаго лакея Смердякова сказывается и въ такомъ исполинскомъ явленіи, какъ *Война и миръ*, какъ весь Левъ Толстой“? Напечатанныя, эти слова возбуждаютъ скорѣе недоумѣніе, чѣмъ негодованіе; произнесенныя публично, съ кафедръ, они могли бы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, вѣроятность котораго объясняетъ и оправдываетъ образъ дѣйствій комитета литературнаго фонда.

Интересны въ письмѣ г. Мережковского разсужденія о „либералахъ“ и „консерваторахъ“, объ „отцахъ“ и „дѣтихъ“. „Кажется иногда“—говоритъ авторъ письма,—„что главное свойство современнаго русскаго либерала заключается въ его безсознательной консервативности, такъ же какъ главное свойство наиболѣе искреннихъ консерваторовъ заключается въ ихъ безотчетномъ либерализмѣ. Консервативная русская дѣйствительность внушаетъ самыя либеральныя грезы, и, въ свою очередь, либеральныя русскія грезы кончаются самою консервативною дѣйствительностью“. Жаль, что г. Мережковский не пояснилъ свою мысль хоть нѣсколькими примѣрами; только тогда можно было бы понять, что онъ разумѣетъ подъ безсознательною консервативною и безотчетнымъ либерализмомъ. Можно, пожалуй, утверждать, что „либералы“ консервативны въ смыслѣ вѣрности однажды усвоеннымъ принципамъ—но это консервативность отнюдь не „безсознательная“. Когда русскіе консерваторы бываютъ безотчетно либеральны—этого мы, несмотря на всѣ усилія, не можемъ себѣ даже представить. Что консервативная дѣйствительность внушаетъ либеральныя грезы, часто оканчивающіяся консервативною дѣйствительностью—это совершенно вѣрно, но отсюда слѣдуетъ только возможность неожиданныхъ переходовъ съ одной стороны на другую, а отнюдь не исчезновеніе демаркаціонной черты между либералами и консерваторами: она передвигается въ ту или другую сторону, не вездѣ и не всегда обрисовывается съ одинаковою ясностью, и не перестаетъ и не перестанетъ существовать, пока есть акція и реакція, стремленіе впередъ и противоудѣйствіе этому стремленію. „По мѣрѣ того“—продолжаетъ г. Мережковский,—„какъ прежняя граница между либералами и консерваторами стирается, выступаетъ новое, гораздо болѣе жизненное, хотя еще несознанное раздѣленіе—расколъ среди самихъ либераловъ, между старымъ и молодымъ поколѣніями, между *отцами* и *дѣтьми* русскаго либерализма. Отцы-либералы съ каждымъ днемъ кажутся дѣтьми своимъ консерваторами, а теперешніе отцы, подобно отцамъ всѣхъ временъ, считаютъ дѣтей своихъ непокорными, блудными дѣтьми, нигилистами, отступ-

никами (въ политикѣ отцы — „народники“, дѣти — „марксисты“; въ искусствѣ — „реалисты“ и „декаденты“; въ философіи — „позитивисты“ и „мистики“), считаютъ ихъ даже людьми по ту сторону добра и зла“. Къ „дѣтямъ“ либерализма, а не къ „отцамъ“ и обращается г. Мережковский, надѣясь встрѣтить въ первыхъ способность пониманія, въ которой онъ отказывается послѣднимъ. Безспорно, вѣчный антагонизмъ между отцами и дѣтьми существуетъ и въ наше время; но едва ли онъ имѣетъ тотъ абсолютный характеръ, который приписываетъ ему г. Мережковский: между „дѣтьми“ есть и народники, и реалисты, и позитивисты... Вопросъ, затронутый въ вышеприведенной параллели, имѣетъ, во всякомъ случаѣ, большую важность, и мы постараемся возвратиться къ нему, когда будетъ законченъ трудъ г. Мережковского о Толстомъ и Достоевскомъ.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ чествовалось сорокалѣтіе дѣятельности А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Filosoфовой. Первая изъ нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ была постоянной сотрудницей „Вѣстника Европы“, и нашимъ читателямъ вѣроятно памятны еще ея переводы, отличавшіеся въ равной степени двумя рѣдко соединимыми качествами — близостью къ подлиннику и изяществомъ формы. Можно сказать безъ преувеличенія, что А. Н. Энгельгардтъ способствовала извѣстности у насъ Золя, прекрасно передавая какъ его „Парижскія письма“, такъ и первые романы Ругонъ-Маккаровской серіи. Отчасти благодаря ей, Золя раньше былъ оцѣненъ русскою публикой, чѣмъ французской. Прекративъ работу въ періодическихъ изданіяхъ, она не перестала трудиться надъ привычнымъ для нея дѣломъ и дала недавно образцовый переводъ Рабле. — Съ дѣятельностью А. П. Filosoфовой, какъ одной изъ основательницъ общества дешевыхъ квартиръ, женскаго взаимно-благотворительнаго общества, общества спасенія падшихъ женщинъ, общества содѣйствія селско-хозяйственному женскому образованію, какъ энергичной участницы всѣхъ полезныхъ предприятий, задуманныхъ и проведенныхъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, русскими женщинами, — хорошо знакомо все русское общество; оно цѣнило и цѣнитъ постоянную готовность А. П. Filosoфовой помочь нуждающимся, заступиться за страждущихъ, поддерживать переживающихъ трудныя минуты. Она имѣетъ право гордиться принадлежностью къ тому кружку, который образовался, сорокъ лѣтъ тому назадъ, около Н. В. Стасовой и М. В. Трубниковой и оставилъ глубокий слѣдъ въ исторіи русской общественности и русскаго просвѣщенія.

Когда изъ среды писателей враждебнаго намъ лагеря исчезаетъ человѣкъ сколько-нибудь выдающагося дарованія, мы всегда отмѣчаемъ его смерть, какъ потерю для всей русской литературы. Почтивъ, въ свое время, память Ю. Н. Говорухи-Отрока, мы вносимъ въ нашу хронику печальную вѣсть о смерти С. Ф. Флерова (болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ: С. Васильевъ), много лѣтъ бывшаго дѣятельнымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Большое знаніе театральнаго дѣла, искренняя любовь къ нему, начитанность въ драматической литературѣ, тонкая оцѣнка игры актеровъ — всѣми этими качествами покойный обладалъ безспорно, и его театральные фельетоны читались охотно даже тѣми, въ чьихъ глазахъ остальные отдѣлы газеты не существуютъ вовсе, или существуютъ только какъ матеріалъ для полемики. Раздѣляя, конечно, основныя воззрѣнія своихъ литературныхъ друзей, С. В. Флеровъ былъ свободенъ отъ ихъ сыскныхъ приемовъ и никогда не возбуждалъ того особеннаго чувства, съ которымъ громадное большинство читающей публики относится къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Слоной гонимы, А. С. Пушкина. Издание А. де-Вюкура, и. р. Л. Библиограф. Фотография П. Павлова въ Москвѣ. М. 901. Ц. 2 руб. 50 коп.

Настоящее факсимиле снято съ единственного авторского собственноручнаго списка драмы „Скуны“, хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ Музее, который получилъ рукопись эта сына поэта, А. А. Пушкина, въ 1880 году. Между текстомъ рукописи и печатными текстомъ изданія Пушкина оказываются некоторыя различія, а сверхъ того въ рукописи сохранились поправки, которыми даны сами поетъ, исправляя текстъ. Издатель обещаетъ не ограничиться одною пастышею драмы Пушкина и издустить еще нѣсколько факсимиле нашихъ великихъ писателей, и такимъ образомъ достигнута возможность за умеренную сравнительно плату имѣть предъ собою самыя точныя копии оригиналовъ. Настоящее факсимиле содержитъ въ себѣ около 20 страницъ in folio—и превосходно издано.

Россія въ Средней Азии.—Очерки путешествія, Евгений Марининъ. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Спб. 1901. Ц. за оба тома 5 р.

Авторъ настоящихъ очерковъ, пройдя въ Закаспіе, посѣдивъ г. Ташкентъ и Бухару, Самаркандскую, Ташкентскую и Ферганскую области, и возвратившись домой по Каспійскому морю и Волгѣ. Мѣстности, посѣщенные имъ въ путешествіи, всѣмъ знакомы по своимъ названіямъ, но рѣдко кѣмъ посѣщались и едва-ли кому извѣстны съ такою подробностью, съ какою изучилъ ихъ Е. А. Марининъ. Онъ съ кѣмъ жѣрво охарактеризовалъ свой интереснѣйшій трудъ, говоря: „книги мои—по географіи, по исторіи, по экономическій трактаты и не этнографическое исследование; книги мои—безпримѣрный довѣренъ писателя-художника, для котораго одинаково любопытны и удивительны явленія невообразимой ему природы, и чудеса созданія восточнаго искусства, и типичныя черты быта многонаселенныхъ чуждыхъ племенъ, среди которыхъ онъ странствуетъ“.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зелезинъ. Съ рисунками и картами. Спб. 901. Т. I. Стр. 464. Т. II. Стр. 495.

Въ книгѣ г. Зелезина подробно излагается исследовательный ходъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго въ Уссурийскій край, Монголію, Восточный Туркестанъ и Тибетъ,—отчасти поминимъ словами извѣстнаго путешественника; мѣстѣ съ тѣмъ дѣлается отыскъ значенія и результатовъ этихъ путешествій, рядомъ съ биологическими свѣдѣніями и подробностями о жизни и трудахъ Н. М. Пржевальскаго. Биографія послѣдняго до перваго путешествія въ Уссурийскій край рассказана въ первыхъ четырехъ томахъ; затѣмъ повѣщенъ очеркъ предшествующихъ исследованийъ Центральной Азии, а въ заключительной третьей части объясняется научная дѣятельность работы Н. М. Пржевальскаго и приведены некоторыя данныя для характеристики географическихъ и культурныхъ особенностей средне-азиатскихъ народовъ. Книга г. Зелезина, написанная простымъ и яснымъ языкомъ, имѣетъ

достигаетъ своей цѣли—дать явливый общедоступное и обстоятельное изложеніе трудовъ Пржевальскаго, доставившихъ ему славу „перваго исследователя Центральной Азии“. Жаль только, что авторъ не всегда дивидируется обстоятельно передачей фактовъ и свѣдѣній, часто вставляя свои восторженныя или одобрительныя замѣчанія, причемъ имя „Николай Михайловичъ“ повторилось тутъ же на каждой страницѣ, иногда по нѣскольку разъ; это неудобство легко устранить бы, если бы самъ рассказчикъ о путешествіяхъ воздержался въ третьемъ лицѣ, при болѣе значительномъ возмозжаніи собственнымъ изложеніемъ Н. М. Пржевальскаго.

Очерки философіи права. Л. І. Петражицкаго, проф. Им. Сиб. Университета. Выпускъ первый. Спб. 900. Стр. 185.

Проф. Л. І. Петражицкий—одинъ изъ немногихъ у насъ самостоятельныхъ ученыхъ юристовъ-мыслителей, пріобрѣвшихъ известность и въ западной спеціальной литературѣ своими двухтомными исследованиями „о должнѣ“ и своей теоріей „позитивнаго гражданскаго права“. Попытка его установить психологическія основы права и создать новое ученіе о сущности такого понятія, относительно котораго выработаны уже сотни различныхъ формулъ и доктринъ,—свидѣтельствуетъ о большой умственной независимости и творческой силѣ автора, хотя нѣкоторыми своими частностями дѣлать поводъ къ недоумѣнію. Впрочемъ, самъ г. Петражицкий предвидѣлъ, что мысли, развиваемыя въ его исследованияхъ, могутъ показаться съ перваго взгляда „странными и даже парадоксальными“ съ точки зрѣнія общепринятыхъ теоретическихъ идей юриспруденціи, которая многими признается какъ бы „неизбѣжными аксіомами“; по опъ предупреждаетъ читателя, что эти мысли „высказаны не изъ любви къ парадоксамъ или по научной поспѣшинности, а по глубокимъ, во всякомъ случаѣ съ субъективной точки зрѣнія серьезно продуманнымъ, замышленнымъ и провереннымъ основаніямъ“ (стр. 137—8), въ чемъ должна убѣдить внимательная, не спешившая еще въ свѣтъ, часть теоріи права проф. Петражицкаго. Само собою разумѣется, что даже чисто личныя взгляды такого талантливаго юриста, какъ Л. І. Петражицкий, заслуживаютъ полнаго вниманія спеціалистовъ.

Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Екатерина Николь. Спб. 901. Ц. 2 р.

Авторъ имѣлъ случай ознакомиться близко съ жизнью американской школы на мѣстѣ, и настоящая книга является потому результатомъ личныхъ наблюденій и изученія богатаго статистическаго отчета на выставкѣ въ г. Чикаго. По мнѣнію автора, педагогическіе методы преподаванія въ С.-Американскихъ Штатахъ имѣютъ преимущество предъ болѣе установившейся, но и болѣе рутинной педагогіей Старого Свѣта, представляла въ себѣ болѣе жизненности и болѣе близости къ дѣтской природѣ. При этомъ относительно знаменитѣ у насъ съ американской школой, книга г-же Николь заслуживаетъ особеннаго вниманія интересующихся вопросами воспитанія дѣтей и ихъ обученія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1901 г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,
выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ „	8 „ „	8 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ „	9 „ „	8 „ „	5 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ „	10 „ „	9 „ „	5 „ „	5 „ „	5 „ „	4 „ „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въсто разсроченъ годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январь и іюль, и по четвертямъ года: въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается — безъ повышемія годовой цѣны подписки.

Близкіе магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною устѣвкой.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣльных Конторахъ: при книжныхъ магазинахъ К. Риппера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КИИВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатики, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ вышесказаннымъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣны адреса должны быть сообщены Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не подлежъ какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Высланы въ полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ или иностранцамъ, или иностранцамъ, подписавшимся, которые приложить въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Податель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЖУРНАЛА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1901.

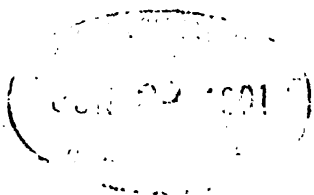
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1901.

- I.—В. А. АРШИМОВИЧЪ. — VIII-XIV. — Окончание. — В. Д. Сивасовича.
- II.—РУССКАЯ АРМЕНИЯ. — Замечательное путешествие. — III-VI. — Евг. Маркова.
- III.—СЕМЬЯ ВАРЯВИНЫХЪ. — Романъ. — XII-XVI. — Окончание. — В. И. Свѣтлова.
- IV.—ПОХОРОНЫ ПОСЛѢ БИТВЫ. — Изъ воспоминаний. — Н. А. Орлова.
- V.—ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ. — Н. К. Шальдеръ, Императоръ Павелъ Первый. — К. В.
- VI.—ТРИ ДОРОГИ. — Романъ. — XXVII-XI. — Окончание. — Н. П. Вагнера.
- VII.—ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ ВЪ С.-А. ШТАТАХЪ. — П. А. Тьерского.
- VIII.—КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССИИ. — А. Погрузова.
- IX.—РАБЫНИ. — Романъ. — The Slave, by R. Nichols. — Съ англ. П. С.
- X.—ИЗЪ ПѢСНЕЙ ГЕЙНЕ. — Съ нѣм. Н. Н. Вейнберга.
- XI.—ХРОНИКА. — Къ реформѣ учиваго дѣла въ Россіи. — А. С. Фаминина.
- XII.—ИНТЕРНЕТНОЕ ОБЗРѢНІЕ. — Новое учрежденіе Государственнаго Совета. — Вопросы, предложенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетовъ. — Предѣлы университетской автономіи. — Различныя формы студенческихъ организаций. — „Неслужебные студенты“, проэкты: мисс проф. Введенскимъ. — „Помощники“ профессора и доценты. — Земское устройство тринадцати не-земскихъ губерній. — Правила о народныхъ школахъ.
- XIII.—Новые порядки взысканія податей съ крестьянъ. — Присоединеніе земской губерній. — Кн. Дм. Друцкаго-Соколинскаго.
- XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБЗРѢНІЕ. — Окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Пекинѣ и политическая роль Вильгельма II. — Итоги совместной экспедиціи державъ противъ Китая. — Способы дѣйствія культурныхъ мисій. — Мамонтовскій кризисъ въ Пруссіи. — Завѣщаніе графа Голуховскаго и сербскій дѣла.
- XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЗРѢНІЕ. — Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, 1856—1880 гг., Е. Лихачевой. — Визоморскія близныя, описанныя А. Марковымъ, съ предисловіемъ В. О. Миллера. — М. Н. Рамаковъ. Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“, Яковъ Ленцъ, — его жизнь и произведенія. — Т. — П. Дехтинъ, Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. — Н. В. — Новая книга и брошюра.
- XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Hjortmatjexne-Hjortmatj, Lj-bogemj, drama. — П. Е. L. Vojnich, Jack Raymond. — З. В.
- XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — „Роковые“ вопросы, „установленія“ редакціи „Гражданина“. — Формула, которую слѣдуетъ девизомъ редакціи печати. — Походъ противъ женскихъ курсовъ. — „Баринниковскія акціи“ и земское губернское земство. — Положеніе дѣлъ въ азиатско-американскихъ уѣздахъ. — Приостановка „Новаго Времени“.
- XVIII.—ПЕЧАТЕНІЯ. — I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту П. С. Плеткинъ.
- XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ. — В. А. Жуковский, Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-ое, в. р. П. А. Ефремова. — Митрополитъ Антоній. Слова, рѣчи и наученія, изд. 2-е. — М. Гюйо, Собраніе сочиненій, т. VI. — Пестряковское Обозрѣніе, т. XI, в. р. Н. Н. Карбеля. — Э. Лавинъ и А. Рамбо, Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени, т. VII. XVIII-й вѣкъ. — Полное собраніе сочиненій В. Г. Вильяма, в. 12-ти томахъ, в. р. и съ приложеніями С. А. Венгерова, т. IV. — Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. VII.
- XX.—ОПЪВЛЕНІЯ. — I-IV; I-XII стр.

ВИКТОРЪ АНТОНОВИЧЪ АРЦИМОВИЧЪ

1863—1866 гг.

Окончаніе.

VIII *).

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли В. А. Арцимовичъ прямое участіе въ законодательной работѣ по составленію указовъ 19-го февраля 1864 года, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Н. А. Милютинъ былъ гораздо ближе знакомъ съ Самаринымъ и Черкасскимъ, нежели съ Арцимовичемъ; по его рекомендаціи Я. И. Ростовцеву, они были приглашены въ редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу въ качествѣ членовъ экспертовъ, гдѣ и работали вмѣстѣ съ Милутинымъ. Послѣ увольненія Н. А. Милютина, они пошли въ мировые посредники. Высочайшая командировка Арцимовича въ Варшаву послѣдовала 28-го авг. 1863 г., а первое представленіе Милютина государю—31-го августа, послѣ чего Милютинъ вызвалъ на совѣщаніе Самарина

Черкаскаго. Окончательное Высочайшее назначеніе Милютина стоялось 11-го сентября 1863 г. съ широкими и неопредѣленными полномочіями, о которыхъ Арцимовичъ и не зналъ вѣроятно тогда государя: „все управленіе царства польскаго—въ дурномъ

---

*) См. выше: май, стр. 5.

состояніи; ты долженъ заняться всѣмъ". См. Leroу-Beaulieu, стр. 187). Самый живой обмѣнъ мыслей между тремя сподвижниками произошелъ, вѣроятно, въ вагонѣ, на пути въ Варшаву. Съ первыхъ же поръ послѣ ихъ пріѣзда, намѣстникъ Бергъ произвелъ на нихъ дурное впечатлѣніе, какъ уклончивый и упрямый человѣкъ, дѣйствующій безъ плана, на удачу и отстаивающій противъ реформаторовъ свою личную власть и мѣстное управленіе (А. Leroу-Beaulieu, стр. 212). Они увидѣли, что Бергъ нашелъ въ Арцимовичѣ себѣ опору; что онъ въ Арцимовичу привязался, а это и повліяло несомнѣнно на нерасположеніе ихъ ко всякой откровенности,—притомъ они знали, что Арцимовичъ только и думаетъ о томъ, какъ бы скорѣе убраться изъ Варшавы. Съ начала ноября закипѣла работа въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ помѣстились сотрудники, надъ соображеніями о будущихъ реформахъ для представленія ихъ государю. Сотрудники дали себѣ слово держать выработанное ими въ полѣйшемъ секретѣ до доклада Милютина государю. Въ особый комитетъ для обсужденія проектовъ Милютина по крестьянской реформѣ для царства польскаго, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, Милютинъ предложилъ ввести князя Черкаскаго и Арцимовича, но въ письмѣ своемъ къ Черкасскому, отъ 25-го декабря 1863 г. (L.-В., стр. 234), онъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку, поясняющую настоящія причины этого приглашенія: „Я счелъ полезнымъ настаивать (на приглашеніи Арцимовича), потому что оставить его въ сторонѣ—значило бы то же, что отбросить его въ лагерь противниковъ". Замѣтимъ, что Арцимовичъ получилъ въ Петербургѣ окончательное назначеніе въ Варшаву до 8-го ноября, а Милютинъ возвратился въ Петербургъ только 26-го ноября 1863 года. Замѣченное Арцимовичемъ отсутствіе откровенности повело къ нѣкоторому охлажденію его отношеній къ Милютину, объясненіе котораго имѣется въ письмѣ шурина Арцимовича, Владиміра Михайловича Жемчужникова, изъ Москвы, отъ 24-го августа 1864 г., проливающимъ яркій свѣтъ на всѣ послѣдующія столкновенія противоположныхъ мнѣній въ средѣ учредительнаго комитета.

„Теперь,—пишетъ В. Жемчужниковъ,—я даю отчетъ о моемъ разговорѣ съ Милютинымъ. Разговоръ начался вопросомъ о впечатлѣніи, произведенномъ Варшавою. Я налегалъ, что не вижу системы, и потому тѣмъ менѣе могу оправдывать средства суровыя и не общающія пользы. Онъ развивалъ свою систему, состоящую въ извѣстныхъ тебѣ средствахъ обезсиленія *деиствующихъ* слоевъ общества и усиленія *консервативныхъ*. На замѣ-

чаніе мое, что если у него принимаемыя мѣры составляютъ послѣдствіе системы, то на мѣстѣ онѣ представляются лишь послѣдствіемъ страшнаго озлобленія противъ поляковъ. Въ примѣръ я приводилъ Черкаскаго. Онъ оправдывалъ Черкаскаго, но когда на другой день случилось мнѣ говорить одному съ его женою, то она благодарила меня за то, что я спорилъ съ ея мужемъ, и на сомнѣніе мое въ пользу этого отвѣтила, что почти всѣ говоряшіе съ Милютинымъ—или молчатъ, если не сочувствуютъ ему, или же безусловно соглашаются, и что онъ самъ находитъ Черкаскаго неподходящимъ для занимаемой имъ роли. Изъ послѣдующихъ моихъ разговоровъ съ Милютинымъ я заключилъ, что Черкасскій нуженъ ему какъ человѣкъ, неспособный снисходить къ полякамъ. Письмо Кошелева о согласіи съ тобою произвело на Милютина дурное впечатлѣніе. Онъ подозреваетъ его въ подлащиваніи къ Бергу; я это опровергалъ рѣшительно, доказывая, что онъ работаетъ добросовѣстно, хотя, вѣроятно, и изъ эгоистическихъ цѣлей, и что подозрѣнія Милютина о подлащиваніи къ Бергу положительно неосновательны. Милютинъ возобновилъ этотъ разговоръ еще разъ и, кажется, убѣдился, что взглядъ мой на Кошелева вѣренъ. Меня, разумѣется, интересовали его отношенія къ тебѣ; поэтому, когда онъ замѣтилъ мнѣ однажды, что я пропитался твоими взглядами, я отвѣтилъ, что *сочувствую* имъ, но *умственно* нерасположенъ пристать къ тебѣ, потому что ты *не противопоставляешь* своей системы той, которую проводитъ Милютинъ; но мнѣ кажется, однако, что вы оба могли бы и должны бы быть въ болѣе тѣсныхъ служебныхъ отношеніяхъ, чѣмъ находились, и что мнѣ, при любви къ тебѣ и уваженіи къ вамъ обоимъ, просто досадно видѣть, какъ вы мало согласились между собою и идете совсѣмъ особнякомъ. Онъ обвиняетъ тебя, что ты отстранился отъ дѣла при самомъ его началѣ, оставивъ Варшаву тогда, когда Милютинъ съ Самаринимъ и Черкасскимъ только стали обобщать свои наблюденія и собранные матеріалы и обдумывать планъ дѣйствій. Онъ видитъ въ этомъ, будто ты полагалъ, что избавишься такимъ образомъ отъ назначенія въ Варшаву: „Но,—говоритъ онъ,—я самъ ни за что не хочу служить въ Варшавѣ и счумѣлъ обставить себя такъ, что мнѣ даже не рѣшились предложить это настойчиво, а Викторъ Антоновичъ поставилъ себя только еще въ худшее положеніе“. По словамъ Милютина, вотъ почему отъ тебя скрывалось крестьянское дѣло: такъ какъ ты самъ отъ него отстранился и оно было обдумано окончательно безъ тебя въ Варшавѣ и особенно дорогою оттуда,—то онъ, для произве-

денія большаго эффекта и предупрежденія противодѣйствія, рѣшился вообще никому, кромѣ государя, ни слова не говорить о томъ, что *тебѣ, быть можетъ*, и сказалъ бы, еслибы ты самъ спросилъ его, но ты, пріѣзжая къ нему, *выжидалъ*, что онъ самъ все скажетъ, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать, хотя и понималъ, что ты этого ждешь. Я попрежнему налегалъ на то, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ съ тобою подробно и обстоятельно объясниться впредь относительно принимаемыхъ мѣръ и предположеній; что отчужденіе между вами просто дико, неприятно и тягостно; что во всякомъ случаѣ вы оба знаете другъ друга довольно, чтобы взаимно уважать себя въ полной мѣрѣ и потомъ совѣщаться. Онъ отвѣтилъ, что вражды между вами никакой нѣтъ, что очень любить и уважаетъ тебя, объясниться съ тобою былъ бы готовъ и радъ, но что ты самъ какъ будто не желаешь этого, не дѣлаешь ни малѣйшей уступки, и что во всякомъ случаѣ онъ не можетъ начать ранѣе, чѣмъ видѣлъ бы желаніе съ твоей стороны. Въ третье мое посѣщеніе завелся между нами разговоръ по этому же предмету, и онъ сказалъ, что объясняться вамъ, повидимому, нечего, что ты, вѣроятно, очень хорошо понимаешь его систему, и что, несмотря на всѣ его попытки, не хотѣлъ до сихъ поръ сдѣлать уступки въ *главномъ*: ты хочешь дѣйствовать на *юридической* почвѣ, а онъ призналъ необходимымъ, чтобы и исполнители имѣли въ виду *политическую* цѣль, потому что на юридической почвѣ поляки насъ всегда надували. Послѣ этого я увидѣлъ окончательно, что уступки приходится сдѣлать *ему*, еслибы ты и одобрилъ его систему въ главныхъ чертахъ. Я напомнилъ ему, что характеръ твоего дѣйствія въ Варшавѣ совершенно тотъ же, каковъ былъ въ Калугѣ—тамъ и здѣсь ты борешься за то, чтобы законъ выполнялся серьезно безъ произвола. Тамъ Валуевъ и партія гнули въ одну сторону, теперь Милютинъ и партія гнутъ въ другую... Между прочимъ, я объяснялъ, что все творящееся въ Варшавѣ не столько по существу, сколько по духу исполненія, до того противно твоему направленію и убѣжденію, что ты бы вышелъ въ отставку, еслибы не семья, на содержаніе которой нѣтъ у тебя собственныхъ средствъ. Это онъ принялъ очень хорошо и просилъ уговорить тебя не выходить въ отставку и выждать еще *какой-нибудь годъ*. Вотъ его слова: „Я положительно знаю теперь, что насъ обоихъ спровадили въ Варшаву за крестьянское дѣло, чтобы сбыть съ рукъ и повредить намъ. Мнѣ удалось передѣлать интригу, а Арцимовичъ попался; но если онъ пробудетъ еще хотя одинъ годъ, то я положительно говорю, что если не

захочетъ оставаться тамъ, его сдѣлають здѣсь членомъ государственнаго совѣта"... Въ комитетѣ по дѣламъ царства польскаго—постоянные противники Милютина, бездарный Валуевъ и Панинъ; но противодѣйствіе Панина ограничивается только тѣмъ, что онъ каждый разъ старается устранить отвѣтъ Милютина Валуеву; Милютинъ же этому не поддается, каждый разъ рѣшетъ Валуева; тотъ же отступаетъ, и всѣ соглашаются. За Милютина постоянно Чевкинъ. Вообще, сила Милютина заключается въ томъ, что онъ овладѣлъ польскимъ вопросомъ шире другихъ (и онъ это очень хорошо понимаетъ и этимъ пользуется). Онъ представилъ планъ, знаетъ подробности, которыя другимъ неизвѣстны, и потому *ведетъ* другихъ. Война съ нимъ возможна, только не по частнымъ мѣрамъ, а въ цѣлой системѣ: вотъ мое убѣжденіе".

Владиміръ Михайловичъ Жемчужниковъ дѣйствовалъ самолично, безъ всякаго намека или порученія отъ Виктора Антоновича Арцимовича, который, въ письмѣ къ женѣ, 10 августа 1864 г., выражается такимъ образомъ: „Изъ письма отца (т.-е. сенатора М. Н. Жемчужникова) вижу, что онъ придаетъ особое значеніе бесѣдѣ брата Владимира съ Милютинымъ. Это просто частное свиданіе. Я не уполномочивалъ Володю вести разговоръ отъ моего имени, и, слѣдовательно, его воззрѣнія принадлежать ему одному“.

Бесѣда эта обнаруживаетъ, однако, наглядно, что между Милютинымъ и Арцимовичемъ была полная рознь почти во всемъ, за исключеніемъ крестьянскаго вопроса, въ которомъ они наладились дѣйствовать за-одно; что эта рознь усиливалась и превращалась изъ щели въ обрывъ, изъ обрыва—въ пропасть. Она обнаруживалась во всемъ, касающемся преобразованія польскаго общества мѣрами правительства, призвавшего ихъ обоихъ на эту работу. Одинъ изъ нихъ стоялъ твердо и дѣйствовалъ, такъ сказать, какъ судья; другой же мало заботился о правовой сторонѣ дѣла, о его законности, а намѣчалъ себѣ политическія цѣли, къ которымъ онъ стремился, пользуясь возбужденными польскимъ движеніемъ національными стремленіями въ Россіи, и вспахивалъ возможно глубже польскую почву радикальнѣйшими мѣрами и приемами. Рознь эта не ограничивалась почвою идеи, она захватывала область чувствъ и отталивала бывшихъ пріятелей другъ отъ друга нравственно. Она была сильнѣе воли каждаго изъ нихъ, заставляла ихъ въ послѣдствіи судить другъ о другѣ строго и сурово, подозрѣвать себя взаимно и бороться другъ съ другомъ на общественномъ и служебномъ поприщѣ. Откро-

венными они не могли быть, въ особенности Милютинъ. Арцимовичъ оставался въ полномъ невѣдѣніи о цѣляхъ Милютина, о возложенныхъ на него порученіяхъ и задачахъ. Онъ ничего не зналъ о томъ, что еще въ сентябрѣ 1863 г., до пріѣзда Милютина въ Варшаву, гдѣ его поджидалъ Арцимовичъ, Милютину была дана чрезвычайная миссія: „ознакомься съ дѣлами царства польскаго и изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составишь ближайшія *соображенія*, какъ о мѣрахъ къ успокоенію края, такъ и о дальнѣйшемъ его устройствѣ“ (всеподд. записка Милютина 21 дек. 1863 г., приведенная Д. Г. Анучинымъ въ его статьѣ о графѣ П. О. Бергѣ въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., № 1). Арцимовичъ не былъ посвященъ въ совѣщанія пріѣхавшаго, въ октябрѣ 1863 г., Милютина съ намѣстникомъ, относительно учрежденія „временнаго военно-полицейскаго управленія“ (статья Анучина, стр. 77). Наконецъ, и по отношенію къ учредительному комитету, и по приступу къ крестьянской реформѣ въ царствѣ польскомъ, Милютинъ, устроившій этотъ комитетъ по своей идеѣ, но не пожелавшій въ него вступить на постоянную работу и занявшій самостоятельный постъ въ качествѣ статсъ-секретаря по дѣламъ царства польскаго въ Петербургѣ, избралъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ своихъ намѣреній не Арцимовича и даже не князя Черкаскаго, а новое лицо, а именно Якова Александровича Соловьева, управлявшаго до конца 1863 г. земскимъ отдѣломъ. Со времени вступленія Соловьева въ должность члена комитета, завѣдывающаго его дѣлами, Арцимовичъ очутился по отношенію къ нему въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Переписка Милютина съ Яковомъ Соловьевымъ началась съ письма Милютина изъ Варшавы, 23 марта 1864 г., напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., № 2, стр. 390. Оно до того характерно, что я привожу его цѣликомъ.

„Надѣюсь, что вы получили посланные мною указы и матеріалы по польскому крестьянскому дѣлу. Это—первый шагъ къ реформамъ съ ясно сознанною цѣлью *поднять и поставить на ноги угнетенную массу*, противопоставить ее *олигархіи*, которою проникнуты до сихъ поръ *все польскія учрежденія*. Съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ возможности выполнить эту программу.

„Со временемъ въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться, но *теперь* пока нужны *русскіе дѣятели* и необходимы не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторскихъ способностей у поляковъ *въ изъ*

отжившихъ традицій. Эта способность проснется въ нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется и явится на сцену новый невѣдомый въ польской исторіи дѣтель—народъ.

„Могу ли я не вспомнить о васъ, осужденныхъ на бездѣйствіе, когда является такая настоятельная надобность въ сильныхъ и энергическихъ распорядителяхъ.

„Вы знаете, что здѣсь образованъ учредительный комитетъ. Его задача—не только вести крестьянское дѣло (въ этомъ отношеніи онъ будетъ играть роль русскаго главнаго комитета), но и разработать, а потомъ ввести всѣ прочія *органическія преобразованія* въ царствѣ. Теперь пока онъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, только изъ двухъ лицъ: Арцимовича и Черкаскаго. Если вы согласитесь принять званіе члена, то *отъ васъ зависло бы все дѣло.* Никто изъ членовъ не завѣдуетъ дѣлами комитета. Въ нашихъ понятіяхъ *коллегіальное* обсужденіе полезно только для важнѣйшихъ законодательныхъ и высшихъ административныхъ вопросовъ. Распорядительная власть должна принадлежать члену, завѣдывающему дѣлами комитета. *Конфликтовъ быть не можетъ* потому, что комитету положительно подчинены комиссіи (министерства) и всѣ распорядительныя власти. Нынѣ формируются 14 мѣстныхъ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, для которыхъ избраны уже 44 человека въ Россіи и 21 офицеръ изъ здѣшней арміи—юноши болѣе развитые.

„Вы вѣрно спросите, почему я самъ не принимаю этой роли? Не говоря уже о семейномъ положеніи, Государю угодно назначить меня въ польскій комитетъ при немъ, безъ котораго не могли бы осуществиться задуманныя преобразованія. Къ Святой я долженъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла. Не пугайтесь незнаніемъ польскаго языка. Звѣрь не такъ страшенъ, какъ кажется вдали“.

Въ этомъ письмѣ Милютинъ высказался вполне опредѣленно, со всѣми качествами своего ума и характера. Онъ не стоитъ за денационализированіе поляковъ. Въ своей объяснительной запискѣ, 22-го мая 1864 г., объ устройствѣ учебной части въ царствѣ польскомъ, онъ отрещивается отъ мысли „обрусить поляковъ искусственными мѣрами, такъ какъ подъ полнымъ даже наружнымъ обрусѣніемъ можетъ скрываться непримиримая вражда къ Россіи“. Онъ признаетъ, что результаты тридцатилѣтней (съ 1831 г.) системы правительственнаго абсолютизма въ Польшѣ были плохіе и не оправдали ожиданій. Изъ письма видно, что онъ задумалъ „поднять и поставить массу простонародья“. Она-то

и будетъ новый польскій народъ, невѣдомый еще теперь, а возможный только со временемъ, но когда именно—того ни онъ, ни это бы то ни было не можетъ еще опредѣлить. Возлагая всѣ надежды на грядущее, на далекое будущее, Милютинъ удаляетъ отъ всякой дѣятельности служебной, то-есть—той именно, какую онъ имѣлъ въ виду въ моментъ, когда писалъ,—всѣхъ поляковъ повально и безъ всякаго ихъ разбора. Они, по его приговору, лишены всякихъ организаторскихъ способностей внѣ своихъ олигархическихъ традицій. Односторонность такихъ сужденій поразительна. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка Россія могла похвалиться только одною реформою, а именно крестьянскою. Въ другихъ отношеніяхъ она уступала царству польскому. И по части администраціи, и по части суда, царство польское было культурнѣе Россіи. Оно произвело такого блистательнаго администратора и финансиста, какъ князь Ксаверій Друцкій-Любецкій. Оно изобиловало образованнѣйшими чиновниками-техниками по всѣмъ частямъ управленія. Всѣ задуманныя Вѣлепольскимъ реформы, которыя осуществлялись при ихъ посредствѣ, были по духу своему нисколько не олигархическія, а нѣкоторыя изъ нихъ были несомнѣнно демократичнѣе, нежели Милютинскія,—напримѣръ, гминное устройство. Гмина, по плану Вѣлепольскаго, была всеобщая, — между тѣмъ, у Милютина, она вышла только двусловная и односторонне-землевладѣльческая.

Знаніе предмета, умѣлость въ разрѣшеніи задачъ, техническая подготовка, нисколько, повидимому, не затруднили Милютина, когда онъ писалъ къ Я. Соловьеву, 22-го сентября 1864 г. („Русская Старина“, 1884, № 6, стр. 58): „Нужно всѣми силами увеличить нашу маленькую гражданскую армію въ Варшавѣ, надо образумить поляковъ и обуздать шайки интригановъ, которыя плодятся около графа Берга. Эти люди (даже наименѣе блистательные и способные) будутъ все-таки *полезные и способные* мѣстныхъ корифеевъ. Нужно людей вполне свѣдущихъ по юридической части, но вмѣстѣ съ тѣмъ способныхъ подчиниться *политической* идеѣ, которая должна господствовать надъ идеальными юридическими началами... Намъ нужно благонадежныхъ русскихъ юристовъ-практиковъ (теоретиковъ, въ родѣ Сергія Заруднаго, я ужасно боюсь)“. Спрашивается, что же новое задумывалъ создать Милютинъ посредствомъ этого, далеко не перво-сортнаго личнаго состава, набраннаго съ трудомъ изъ всякихъ странъ Россіи, изъ этихъ людей, припыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ условіями страны, которыхъ пригласили образовывать ее? Изъ всѣхъ реформъ Александра II, кромѣ крестьянской, огла-

шена была въ то время только одна, 1-го января 1864 г.,—о земскихъ учрежденіяхъ. Она не была еще испробована. О примѣненіи ея къ царству польскому не могло еще быть и помину. Городовое Положеніе состоялось только 16-го іюня 1870 г.,—въ томъ же году, въ которомъ былъ закрытъ и учредительный комитетъ (18-го ноября 1870 г.)—за два года до смерти Милютина (26-го января 1872 г.). Самая существенная послѣ крестьянской, видоизмѣняющая до основанія весь общественный бытъ, судебная реформа была только въ ходу—и Высочайше утверждена лишь 20-го ноября 1864 г.; но сама вдова Милютина, по второму мужу г-жа Стилъ, сообщившая письма Милютина „Русской Старинѣ“ (1884 г., № 6) предваряетъ въ выносѣхъ, на стр. 592, что Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій не одобряли судебныхъ уставовъ и надѣялись избѣгнуть того, что считали ошибочнымъ въ этихъ уставахъ—въ своемъ польскомъ проектѣ, который предполагали составить, но не составили. Судебные уставы казались имъ слишкомъ либеральными. Такъ какъ преобразователи не располагали ничѣмъ, пригоднымъ для введенія въ царствѣ польскомъ, кромѣ Положенія о крестьянахъ, то всякая ломка съ ихъ стороны, безъ приступа къ новой постройкѣ, была бы безцѣльною, лишнею и неосмысленною. Не только у нихъ не было программы для преобразованій, но не было и средствъ дѣйствія на общество, которое имъ приходилось преобразовывать,—кромѣ чисто механическихъ.

Что касается Н. А. Милютина, то все его прошедшее было только бюрократическое. Въ письмѣ, 23-го сентября 1864 г., онъ дѣлаетъ замѣчательное, по своей откровенности, признаніе, что коллегіальное обсужденіе вопросовъ въ „нашихъ понятіяхъ“ (т.-е. его лично и Соловьева)—не нужное и лишнее; что, въ сущности, весь трудъ преобразованія имъ вдвоемъ по силамъ: онъ, Милютинъ, будетъ преобразовывать царство польское изъ Петербурга, а его *alter ego*, Соловьевъ, будетъ единоличнымъ распорядителемъ въ учредительномъ комитетѣ, стоящимъ надъ правительственными комиссіями, или министерствами, и дѣйствующимъ безъ всякихъ съ кѣмъ бы то ни было конфликтовъ. Послѣ того вполне понятно, почему идея Милютина о созданіи правительственными мѣрами изъ польскаго крестьянства новаго польскаго народа, отрѣшеннаго отъ высшихъ слоевъ польскаго общества, испорченныхъ олигархическими традиціями, осталась чѣмъ-то совсѣмъ мертвымъ и къ дѣйствительности неприложимымъ. По естественному ходу событій, та численно увеличивающаяся армія припущенныхъ чиновниковъ, исключительно русскаго происхожденія, обособлен-

ныхъ среди мѣстнаго населенія и не позволяющихъ себѣ даже мѣстному языку учиться, должна была силою вещей образоваться станъ обрусителей среди непріятельской страны, поставленной, такъ сказать, на военномъ положеніи.

Такимъ образомъ начинался повторительный опытъ той же самой системы, полную бесплодность которой признавалъ самъ Милютинъ за весь предшествовавшій 30-лѣтній періодъ (1831—1863). Второй, повторительный опытъ длится съ 1863 г., четвертый десятокъ лѣтъ, и составляетъ мертвое, потерянное время для русской политики въ царствѣ польскомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно господствовать одною внѣшностью въ покоренной странѣ, но нельзя въ ней утвердиться, не подготовивъ предварительно въ средѣ мѣстнаго населенія приверженцевъ изъ людей, безусловно убѣжденныхъ въ необходимости строгой законности, — не заинтересовавъ лучшіе культурные элементы мѣстнаго населенія въ соединеніи своей судьбы съ судьбою цѣлаго государства, а эта послѣдняя задача осуществима только при полномъ отказѣ отъ преобладанія политической идеи надъ „идеальными юридическими началами“.

Въ тотъ моментъ, когда начиналась размова между Милутинымъ и Арцимовичемъ, превратившаяся потомъ въ очевидную рознь, еще не предвидѣлось вполне ясно, куда поведетъ та или другая политика, но и Арцимовичъ, и братья Жемчужниковы, съ которыми Арцимовичъ породнился, чувствовали непреодолимое отвращеніе къ М. Н. Муравьеву, и къ М. Н. Каткову, и къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, между тѣмъ какъ Милютинъ уже согласовался во многомъ съ Муравьевымъ, который былъ главнымъ его противникомъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи. Брезгливость Арцимовича происходила не только отъ одного того, что онъ по происхожденію своему былъ полякъ, но она была раздѣляема и тѣмъ отборнымъ меньшинствомъ изъ чистокровныхъ русскихъ людей, которые никогда не могли помириться съ доходившими до жестокости проявленіями возбужденнаго польскимъ мятежемъ русскаго патріотизма. Для поясненія, приведу отрывокъ изъ письма Алексѣя Жемчужникова, отъ 16-го мая 1864 г. къ В. А. Арцимовичу:

„Ничто не можетъ быть несчастнѣе и грустнѣе національной вражды. Она — источникъ пристрастія и колебанія въ убѣжденіяхъ. Русскіе въ Польшѣ и поляки въ Россіи должны дѣйствовать одинаково справедливо и безпристрастно. Изъ вражды къ полякамъ, точно также какъ и изъ пристрастія къ нимъ, выйдетъ не дѣло, а, — употребляя самое умѣренное слово — *драма*, и притомъ личная. Этимъ путемъ не дѣло дѣлается, а разрушается честное имя и

созданная репутація. Основные принципы должны быть непоколебимы и одни и тѣ же и въ Россіи, и въ Польшѣ. Надѣюсь, что твоя правдивость и твое честное имя будутъ вѣнъ нападокъ легкомыслія и клеветы, этихъ двухъ главныхъ элементовъ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“.

IX.

Новый періодъ въ жизни В. А. Арцимовича начался 13 марта 1864 г., съ пріѣзда его въ Варшаву въ страстную пятницу (по западно-европейскому стилю) и продолжался до сентября 1865 г., когда, убѣдившись въ невозможности принести какую-либо пользу на своемъ служебномъ посту, онъ подалъ прошеніе объ обратномъ его переводѣ на службу въ имперію въ октябрѣ 1865 года. Арцимовичъ поселился на отведенной ему казенной квартирѣ въ одномъ изъ флигелей такъ называемаго намѣстниковскаго дворца на Краковскомъ-предмѣстьѣ, у входа въ который лежатъ каменные львы и высится нынѣ громадная бронзовая статуя князя Паскевича-Эриванскаго. Его пріѣздъ почти совпалъ съ заарестованіемъ послѣдняго состава народнаго ржонда, съ Траугутомъ во главѣ (Рафаилъ Краевскій, Точискій, Іезеранскій, Жулинскій). Всѣ эти пять человѣкъ были повѣшены въ августѣ 1864 г.

Арцимовичъ мало интересовался послѣдними проявленіями угасающаго движенія. Матеріальный порядокъ былъ уже восстановленъ на улицѣ, открывались театры, давались усердно первые официальные балы и вечера. Арцимовичу приходилось постоянно работать съ намѣстникомъ; съ нимъ онъ состоялъ въ полномъ ладу. Семидесятилѣтній старикъ, графъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ, былъ стараго закала генералъ и администраторъ въ духѣ Николаевской эпохи (см. въ „Русской Старинѣ“ 1893 г., съ января по апрѣль, статья Д. Г. Анучина). Въ душѣ своей онъ былъ прежде всего балтикъ, стоящій за обособленность остзейскихъ провинцій, совсѣмъ не полонофилъ, но человѣкъ, готовый отстаивать мѣстныя особенности, которыхъ нарушеніе на берегахъ Вислы могло бы послужить прецедентомъ и для остзейскаго края. До мозга костей консерваторъ, Бергъ по своему темпераменту былъ прямою противоположностью Милютину и всей системѣ мѣропріятій Милютина, которая, по выраженію Анучина, были совершенно революціоннаго характера и своею властностью и рѣшительностью не соответствовали взглядамъ намѣстника. Бергъ не отказался бы отъ многихъ изъ нихъ, но исполнилъ бы

ихъ не во всей полнотѣ и съ дипломатическою изворотливостью, щадящею побѣжденнаго врага. Самъ Н. А. Милютинъ, по словамъ Анучина, признавалъ за Бергомъ одно высокое достоинство: „лучшаго исполнителя, какъ Бергъ, я не знаю и не желаю; онъ протестуетъ, убѣждаетъ, пишетъ массу писемъ, но разъ дѣло кончено, исполняетъ его твердо и безъ всякой задней мысли“. По странному стеченію обстоятельствъ, этому послѣднему намѣстнику въ царствѣ польскомъ приходилось хоронить собственными руками автономію края, которую отстаивали всѣ намѣстники, и подводить царство польское подъ одинъ знаменатель съ другими областями имперіи, подъ общія губернскія учрежденія съ обыкновеннымъ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Бергъ имѣлъ громадное преимущество передъ другими усмирителями западной окраины имперіи, заключающееся въ томъ, что былъ лично безстрастенъ, не допускалъ ненужной ломки и былъ расположенъ къ употребленію на переустройство края мѣстныхъ способныхъ чиновниковъ, вышколенныхъ на прусскій манеръ, или юристовъ, знающихъ кодексъ Наполеона, то-есть, вообще, людей, помогавшихъ и Вѣлѣпольскому въ его неудавшихся опытахъ преобразования.

Арцимовичу пришлось дѣйствовать въ коллегіальныхъ установленіяхъ: въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго, въ совѣтѣ управленія, въ учредительномъ комитетѣ и во множествѣ специальныхъ комиссій, устраиваемыхъ для какихъ-нибудь особыхъ задачъ.

Совѣтъ управленія (*rada administracyjna*) соотвѣтствовалъ комитету министровъ имперіи. По упраздненіи конституціи 1815 г., послѣ 1831 г., въ немъ сосредоточивалось все подчиненное намѣстнику отдѣльное административное управленіе царствомъ польскимъ. Онъ состоялъ изъ директоровъ правительственныхъ комиссій, или министерствъ, предсѣдателя высшей счетной палаты, и изъ лицъ по особому Высочайшему назначенію. Предметами вѣдомства совѣта управленія были текущія дѣла по управленію, требующія совмѣстнаго дѣйствія разныхъ вѣдомствъ.

Другое коллегіальное установленіе, въ которомъ Арцимовичъ былъ вице-президентомъ, постоянно замѣщавшимъ въ немъ президента-намѣстника, былъ особый государственный совѣтъ царства польскаго, имѣющій свою специальную довольно длинную исторію. Учредилъ его сначала Наполеонъ, какъ составитель конституціи для княжества варшавскаго, 22 іюня 1807 г. (art. 14 — 18). По конституціи, пожалованной Александромъ I царству польскому 15 ноября 1815 г., установленъ государственный совѣтъ

изъ министровъ и лицъ по Высочайшему назначенію, подраздѣляющійся на общее собраніе и совѣтъ управленія (ст. 65), который подготовлялъ законодательные проекты для сейма, собирающагося разъ въ два года, исправлялъ нѣкоторыя судебныя функціи и разбиралъ жалобы на административныя власти. Послѣ повстанія 1830 г., повлекшаго за собою отміну конституціи, по органическому статуту 14 февраля 1832 г., совѣтъ управленія выдѣленъ изъ государственнаго (ст. 22), но предположено, что государственный совѣтъ для царства польскаго останется въ Варшавѣ, и что онъ будетъ состоять изъ сановниковъ, присутствующихъ въ немъ по должности, и изъ членовъ по назначенію; постоянно или временно назначаемыхъ (ст. 28). Но это предположеніе не осуществилось, и по указу 6 сентября 1841 г. найдено несовмѣстнымъ съ положеніемъ края имѣть особый государственный совѣтъ въ царствѣ. Судебныя его функціи переданы въ общее собраніе варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената (9 и 10). Законопроекты, поступающіе отъ намѣстника, должны были вноситься въ особый департаментъ для дѣлъ царства польскаго въ составѣ общаго государственнаго совѣта имперіи. Эти законопроекты подлежали подготовкѣ для доклада въ особой кодификаціонной комиссіи царства польскаго при II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Когда, въ 1862 г., начались при намѣстникѣ, князѣ Горчаковѣ, въ Варшавѣ безпорядки, то, до вступленія еще маркиза Вѣлѣпольскаго на государственную службу, первая идея намѣстника для умиротворенія края состояла въ полномъ осуществленіи неисполненнаго совѣтомъ органическаго статута 14 февраля 1832 года. Первымъ пунктомъ объявленныхъ намѣстникомъ 1 марта 1861 года такъ называемыхъ концессій было учрежденіе государственнаго совѣта, въ составъ котораго должны были войти именитые граждане-нотаблі по назначенію правительства. Этотъ государственный совѣтъ, открытый при намѣстникѣ Сухованетѣ, не имѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ представительства страны. Маркизъ Вѣлѣпольскій, въ бытность свою начальникомъ гражданскаго управленія, старался пополнить его не только одними чиновниками, достигшими высокихъ чиновъ, но и знатнѣйшими мѣстными обывателями, причемъ онъ прибѣгалъ обыкновенно къ назначенію ихъ временными членами въ государственный совѣтъ. Вѣлѣпольскій не нашелъ для своихъ реформъ поддержки въ краѣ. Когда вспыхнуло революціонное движеніе въ апрѣлѣ и маѣ 1863 г.,—пятнадцать тогдашнихъ временныхъ членовъ государственнаго совѣта подали прошенія объ отставкѣ

въ видѣ демонстраціи. Государственный совѣтъ продолжалъ, однако, дѣйствовать и собираться въ обыкновенное осеннее и въ чрезвычайныя засѣданія, по мѣрѣ того, какъ готовились дѣла для обсужденія въ четырехъ постоянно работавшихъ отдѣленіяхъ: законодательномъ, казенно-административномъ, спорномъ и въ отдѣленіи прошеній и жалобъ на всѣ административныя власти, не исключая правительственныхъ комиссій и самого намѣстника. По настоянію нѣкоторыхъ директоровъ комиссій, графъ Бергъ, по причинѣ ненормальнаго положенія края, приостановилъ временно пріемъ въ совѣтъ прошеній и жалобъ, по которымъ состоялись постановленія либо совѣта управленія, либо намѣстника. Государственный совѣтъ имѣлъ обязанность разсматривать бюджетъ царства польскаго и ежегодные отчеты комиссій, вѣдалъ дѣла такъ называемой административной юстиціи, разрѣшалъ пререканія о подсудности, отдавалъ подъ судъ за преступленія по должности, начиная съ министровъ и кончая губернаторами.

Одна изъ главныхъ причинъ пререканій Арцимовича съ Милютинимъ и его сторонниками заключалась въ различномъ ихъ отношеніи къ государственному совѣту царства польскаго. Арцимовичъ писалъ къ женѣ 29 мая 1864 г.: „Графъ Бергъ сдѣлалъ мнѣ совершенно государственный совѣтъ“. Съ тѣхъ поръ Арцимовичъ считалъ своимъ долгомъ его отстаивать; Милютинъ же и его сторонники относились къ этому совѣту какъ къ несуществующему уже учрежденію, обходили его, чтобы оставить его безъ дѣлъ, и сдѣлать такъ, чтобы всѣ крупныя функціи и задачи управленія сосредоточивались въ учредительномъ комитетѣ. Заимствуемъ слѣдующія выдержки изъ замѣтокъ Арцимовича, который не составлялъ связныхъ, непрерывныхъ записокъ или дневниковъ, но отмѣчалъ отрывочно на отдѣльныхъ листахъ свои несогласія и споры съ противниками: „Я былъ назначенъ вице-президентомъ государственнаго совѣта, пользующагося, сравнительно съ государственнымъ совѣтомъ имперіи, огромными правами и преимуществами, заключающимися, главнѣйше, въ обязанности разсматривать и повѣрять всѣ отчеты министровъ, возбуждать вопросы объ измѣненіи и дополненіи законовъ и разсматривать жалобы на всѣхъ чиновниковъ, служащихъ въ царствѣ, въ томъ числѣ и на министровъ. Подобная власть не нравится Черкасскому и его пріятелямъ, и они стараются, при содѣйствіи Милютина, ослабить и колебать всѣ права совѣта. Графъ Бергъ и я не трогаемъ этого учрежденія впредь до уясненія и улучшенія положенія края. Милютинъ старается сосредоточить всѣ

дѣла въ учредительномъ комитетѣ, и ему помогаетъ въ томъ польскій комитетъ (въ С.-Петербургѣ). Въ учредительномъ комитетѣ преобладаютъ сторонники Милютина“.

Въ черновыхъ прошеніяхъ о своей отставкѣ Арцимовичъ писалъ: „Дѣйствуя въ государственномъ совѣтѣ подѣ непосредственнымъ вашимъ (гр. Берга) руководствомъ весьма осмотрительно, не возбуждая никакихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду уважъ Его Императорскаго Величества, я не могъ не охранять, хотя наружно, порядокъ и права, освященные Монаршею саникціею. Этого было достаточно, чтобы въ непосредственныхъ своихъ товарищахъ, явно высказывающихъ презрѣніе къ государственному совѣту, какъ учрежденію, въ которомъ сидятъ еще мѣстные жители поляки, возбудить неудовольствіе и нареканія, что я поддерживаю польское учрежденіе и не содѣйствую его окончательному уничтоженію“... Еще обстоятельнѣе переписка Арцимовича съ его тестемъ, сенаторомъ Жемчужниковымъ. 14 февраля 1865 г., Арцимовичъ писалъ: „Бергъ не пользуется довѣріемъ Императора, но это не мѣшаетъ ему оставаться намѣстникомъ и сохранять вліяніе на общій ходъ дѣлъ управленія. Черкасскій и Соловьевъ пріѣхали отнимать права у поляковъ, а я назначенъ вице-предсѣдателемъ польскаго государственнаго учрежденія. Роль наша неодинакова. Черкасскій, напримѣръ, не желалъ бы, чтобы въ государственномъ совѣтѣ разсматривались жалобы на комиссію внутреннихъ дѣлъ и принимались прошенія отъ частныхъ людей по дѣламъ, уже разсматривавшимся въ совѣтѣ управленія. Я доказалъ, что не могу самовольно ограничивать права государственнаго совѣта. Послѣ долгихъ споровъ и преній графъ Бергъ рѣшился удержатъ порядокъ прежде существовавшій. Надѣюсь на Милютина. Черкасскій вмѣшивается во всѣ дѣла, дѣйствуетъ на мѣстѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ, заискиваетъ у всѣхъ сильныхъ, — словомъ, идетъ такимъ путемъ, по которому я слѣдовать за нимъ не могу. Очень можетъ быть, что онъ восторжествуетъ, но часто лучше быть побѣжденнымъ и сохранить достоинство человека и уваженіе къ своимъ правиламъ“.

На разстояніи прошедшихъ съ тѣхъ поръ тридцати лѣтъ, — послѣ того какъ и государственный совѣтъ царства польскаго, и учредительный комитетъ канули въ вѣчность, и царство польское подведено, съ немногими исключеніями, подѣ Екатерининское общее губернское учрежденіе XVIII вѣка, — сужденіе о томъ, кто изъ спорящихъ былъ правъ, можетъ показаться несовременнымъ и неинтереснымъ. Однако, въ историческомъ изслѣдованіи

по источникамъ подобный взглядъ былъ бы, несомнѣнно, крайне поверхностный. Для исторіи нѣтъ несомнѣнныхъ вопросовъ, давнопрошедшее всегда отражается въ позднѣйшихъ временахъ своими послѣдствіями; значить, существенно важно знать, предвидѣли ли сопедшіе со сцены дѣятели эти послѣдствія и предполагали ли они ихъ осуществить? Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что, впредь до упраздненія въ законодательномъ порядкѣ государственнаго совѣта царства польскаго, отношеніе къ нему намѣстника Берга и Арцимовича было правильнѣе, нежели отношеніе къ нему Милютина. Въ 1864 году еще въ свѣжей памяти у всѣхъ былъ Высочайшій рескриптъ изъ Ливадіи 30 октября 1863 г., которымъ не отмѣнялись, а только откладывались предначертанныя преобразованія въ царствѣ польскомъ на лучшія времена. Затѣмъ послѣдовала командировка Милютина въ царство польское, подача имъ всеподданнѣйшей записки 21 декабря 1863 г. (Анучинъ въ „Русск. Старинѣ“, въ статьѣ о Бергѣ, за январь, стр. 37). Допустимъ, что государь склонился къ идее Милютина о совершенномъ упраздненіи автономіи царства польскаго. Это рѣшеніе не могло быть никому въ Варшавѣ извѣстно; притомъ оно не предрѣшало другого вопроса о будущемъ устройствѣ царства, то-есть о введеніи въ немъ того отжившаго до-реформеннаго порядка, который въ самой имперіи считался анахронизмомъ и надъ кореннымъ измѣненіемъ котораго работали и работаютъ донинѣ непрестанно, но безуспѣшно многочисленныя комиссіи. До выработки программы и плана будущаго устройства, логика и чувство законности требовали, чтобы неотмѣненныя еще установленія продолжали дѣйствовать и исполнять возложенныя на нихъ функціи, въ ожиданіи успокоенія края. Еслибы государственный совѣтъ царства польскаго просуществовалъ еще до успокоенія края, можно было бы ожидать, что это установленіе останется. Оно было чисто административное, состоящее изъ заслуженныхъ людей, назначаемыхъ правительствомъ, знакомыхъ съ нуждами и особенностями края, и полезное по своимъ заключеніямъ по части законодательныхъ преобразованій и по части контроля надъ администраціей края. Для губерній царства польскаго оно могло бы съ пользою замѣнять I-й департаментъ правительствующаго сената. Нынѣ и въ самой имперіи ставится вопросъ о децентрализаціи не политической, а только административной, о неправильности отношенія всепоглощающаго центра къ мертвеннымъ, безжизненнымъ, атрофированнымъ конечностямъ, о томъ, чтобы центральные органы не все прибирали въ свои руки, послѣдствіемъ чего бываетъ то,

что теченіе дѣлъ страшно замедлено, что дѣла рѣшаются поздно и безъ надлежащаго знанія условій каждаго края. Упраздненіе государственнаго совѣта царства польскаго не представлялось еще въ 1864 году очереднымъ вопросомъ; съ нимъ можно было не торопиться и повременить.

X.

Гораздо болѣе заботъ и непріятностей причинила Арцимовичу другого рода дѣятельность его, а именно участіе его, въ качествѣ члена, въ учредительномъ комитетѣ. Милютинъ появлялся въ Варшавѣ изрѣдка и только на самое короткое время: пріѣхалъ онъ въ послѣднихъ числахъ марта, уѣхалъ 25 апрѣля 1864 г.; опять пріѣхалъ 26 іюня и пробылъ только до іюля, торопясь въ Вильно, гдѣ долженъ былъ дожидаться съ своими докладами ѣдущаго въ Германію государя.хлопотъ была бездна; количество работы, отбываемой съ напряженіемъ, громадное. Каждый день приходилось ложиться спать въ три или четыре часа ночи. „Послѣ потушенія мятежа,—писалъ Арцимовичъ женѣ (6 іюня 1864 г.),—всѣ умничаютъ,—тысячи плановъ ломки. Въ безвоздушномъ пространствѣ легко создаются всевозможныя комбинаціи административныхъ организацій или, лучше сказать, перестановокъ“.—(27 іюня 1864 г.) „Не могу переменить ни обстоятельствъ, ни моего личнаго расположенія или, лучше сказать, настроенія. Безъ сомнѣнія, я переживаю самый трудный періодъ въ моей жизни“.—(29 іюня 1864 г.) „Больше и больше убѣждаюсь, что въ Варшавѣ нельзя устроиваться“.—(19 іюля 1864 г.) „Служба въ Варшавѣ до крайности непрочная. Не говорю о себѣ, но даже и намѣстники переменяются непрерывно. Партія истребительная, во главѣ которой стоитъ Муравьевъ, сильно дѣйствуетъ противъ Берга. Объ этомъ громко говорить въ Варшавѣ“.

По пріѣздѣ въ Варшаву, Арцимовичъ нашелъ учредительный комитетъ открытымъ, но еще неустроеннымъ и неукomплектованнымъ. Изъ письма къ женѣ, 20 мая 1864 г., оказывается, что онъ работалъ до того времени только вдвоемъ съ кн. Черкасскимъ, назначеннымъ управлять комиссіею внутреннихъ дѣлъ, въ которой, съ іюня 1864 г., присоединено управленіе исповѣданіями, до тѣхъ поръ соединенное съ дирекціею просвѣщенія. Третьимъ членомъ коллегіи при совѣщаніяхъ бывалъ намѣстникъ; въ совѣщаніяхъ участвовалъ и Милютинъ. Наканунѣ отъѣзда Милютина, 24 апрѣля 1864 г., Арцимовичъ сообщаетъ женѣ,

что „намеренія Милютина составляютъ для меня тайну“. Онъ держитъ въ секретѣ отъ Арцимовича, будетъ ли имѣть постоянное мѣстопробываніе въ Варшавѣ, а равно и сдѣланное имъ 23 марта предложеніе Я. Соловьеву быть завѣдывающимъ дѣлами комитета, то-есть—главнымъ въ немъ лицомъ. О планахъ насчетъ Соловьева Арцимовичъ узналъ только въ маѣ отъ Берга (письмо къ женѣ 3 мая 1864 г.) и отъ своего тестя Жемчужникова, сообщившаго ему 16 мая слѣдующее: „отъ управляющаго земскимъ отдѣломъ я узналъ, будто бы Милютинъ будетъ имѣть пребываніе въ С.-Петербургѣ, какъ статсъ-секретарь для доклада по дѣламъ царства польскаго. Въмѣсто Милютина въ учредительномъ комитетѣ будетъ Соловьевъ, котораго уже потребовали изъ Парижа телеграммою“. Въ томъ же письмѣ Жемчужниковъ передавалъ своему зятю доходящія до Варшавы слухи о разномысліи въ учредительномъ комитетѣ, о томъ, будто бы въ засѣданіи комитета Арцимовичъ предложилъ обсудить настоящее положеніе дворянства въ царствѣ, которое, при приведеніи въ исполненіе указовъ 19 февраля 1864 г., не только разстроивается въ матеріальномъ отношеніи, но и утрачиваетъ давно дарованныя этому сословію права. „На это,—пишетъ Жемчужниковъ,—князь Черкасскій замѣтилъ тебѣ, что ты, состоя калужскимъ губернаторомъ, совершенно противоположно смотрѣлъ и дѣйствовалъ по сему предмету. Милютинъ поддержалъ замѣчаніе Черкасскаго, между вами завязался энергическій споръ, который былъ прекращенъ графомъ Бергомъ, принявшимъ, до нѣкоторой степени, твою сторону“.

Слухи были фальшивые. Они могли обращаться только въ средѣ людей, не знакомыхъ съ тѣмъ, что въ царствѣ польскомъ не было никакого дворянства съ 1807 г. и не могло быть никакихъ правъ, дарованныхъ этому сословію русскими монархами. Арцимовичъ поставленъ былъ въ необходимость опровергать преувеличенія, дѣлающія изъ мухи слона и искажившія до неузнаваемости фактъ, лежавшій въ ихъ основѣ (письмо 20 апрѣля 1864 г.). „Рѣчей въ учредительномъ комитетѣ не бываетъ; это—учрежденіе чисто-административное, и всѣ соображенія происходить въ немъ велебно. Такъ какъ почти всегда можно найти основаніе, давнее поводъ къ слуху, то я и догадываюсь, что слухъ можетъ быть послѣдствіемъ довольно горячей бесѣды въ кругу чиновниковъ и военныхъ, приглашенныхъ въ председатели крестьянскихъ комиссій. На этой бесѣдѣ присутствовали и другіе члены учредительнаго комитета. Я говорилъ о необходимости ограничивать личный произволъ исполнителей, о пользѣ

легальныхъ приіемовъ при исполненіи новаго закона, о вредѣ порывистыхъ дѣйствій и проч. Такъ какъ окружающіе высказывались въ противномъ смыслѣ, то, несмотря на мою сдержанность, я невольно воодушевился. Поясню фактъ, не придавая ему, впрочемъ, здѣсь, на мѣстѣ, никакого значенія“.

1 іюня 1864 г., Арцимовичъ писалъ женѣ: „Въ настоящее время все дѣло (въ учредительномъ комитетѣ) лежитъ на Черкасскомъ и на мнѣ. Работать трудно, помощниковъ почти нѣтъ. Съ Черкасскимъ мы видимся ежедневно, очень часто и много толкуемъ, но тяжело дѣйствовать въ такой сферѣ, гдѣ нѣтъ никакого твердаго устоя. Кто не носитъ въ себѣ, въ своихъ убѣжденіяхъ, твердыхъ основаній, тотъ подвергается непрерывно искушеніямъ самоуправія“. Не все шло гладко. 14 мая, Арцимовичъ пишетъ женѣ: „Былъ занятъ и встрѣтилъ непріятности, — были столкновенія, которыя отразились, по обыкновенію, на ногѣ“. Двѣ недѣли спустя, 1 іюня 1864 г., Арцимовичъ пишетъ, что споры кончились сдѣлкою посредствомъ уступокъ. „Послѣ сильныхъ передрагъ, не получившихъ огласки, общіе государственные виды поборолъ всѣ личныя столкновенія, и дѣло подвигается, но что будетъ дальше — неизвѣстно. Какъ примѣнятся въ дѣлу новые члены?“ — Арцимовичъ поздоровѣлъ, и боль въ ногѣ прекратилась. Между тѣмъ, онъ успѣлъ наладить тѣ работы, которыя послужили къ устроенію крестьянъ и поступили потомъ либо въ учредительный комитетъ, либо въ государственный совѣтъ царства польскаго. Образована, подъ предсѣдательствомъ Арцимовича, особая коммиссія изъ двухъ, кромѣ него, членовъ комитета для разбора прошеній и жалобъ, подаваемыхъ на крестьянскія коммиссіи и комиссаровъ. Она должна была сама кончать всѣ дѣла по вопросамъ, разрѣшаемымъ указами 19 февраля 1864 г., и вносить въ общее собраніе комитета только случаи спорные, этими законами не предусмотрѣнные (постановленіе 4 іюня 1864 г.). Тогда же, подъ руководствомъ Арцимовича, образовано множество разныхъ коммиссій по специальнымъ вопросамъ, въ каковыя коммиссіи онъ привлекалъ мѣстныхъ служащихъ поляковъ отъ разныхъ министерствъ-дирекцій. Знаніе польскаго языка, бывшаго до того времени дѣловымъ въ царствѣ польскомъ, значительно помогало Арцимовичу въ его работахъ. Особеннымъ довѣріемъ его пользовался по этой части человекъ, съ которымъ онъ сблизился въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго, весьма способный и талантливый статсъ-референдарій Людвигъ Штуммеръ.

Къ концу лѣта личный составъ учредительнаго комитета зна-

чительно увеличился назначеніемъ новыхъ членовъ. Прежде другихъ назначенъ хорошій знакомый и пріятель Арцимовичей по Москвѣ, Александръ Ивановичъ Кошелевъ, пріѣхавшій еще въ іюнѣ и занявшій должность директора въ комиссіи финансовъ. Арцимовичъ отиѣтилъ въ письмѣ къ женѣ (16 іюля 1864 г.): „Сидѣлъ у меня Кошелевъ; и голосъ, и смѣхъ его, меня восхищаютъ. Онъ очень доволенъ, что попалъ въ организаторы страны, которой не знаетъ и, вѣроятно, никогда не узнаетъ“. Затѣмъ назначены Яковъ Соловьевъ и, по выбору намѣстника, бывшій минскій военный губернаторъ Заболотскій и бывшій подольскій губернаторъ Брауншвейгъ. О Соловьевѣ имѣются только такіе отиѣтки въ письмахъ Арцимовича къ женѣ: онъ былъ въ Варшавѣ съ 14-го по 17-е мая 1864 г., пробавомъ изъ Парижа въ Петербургъ; его угощали обѣдами Бергъ, Черкасскій и Арцимовичъ, у котораго обѣдало двѣнадцать человѣкъ. „Сужденіями Соловьева я доволенъ“, — замѣчаетъ Арцимовичъ.

Первыя засѣданія въ новомъ комплектѣ начались въ августѣ 1864 года. 4 августа, пишетъ Арцимовичъ: „возвратился изъ учредительнаго комитета; все обошлось довольно хорошо“. 23 августа: „Сегодня было продолжительное засѣданіе, и по обыкновенію споръ съ Черкасскимъ. Были у меня Кошелевъ, кн. Черкасскій и Соловьевъ. Мы толковали о разныхъ дѣлахъ, высказывали другъ другу многія истины и разошлись безъ неприязни“. 29 августа, Арцимовичъ сообщаетъ женѣ о пожалованіи ему ордена Владимира 2-й степени: „итакъ, еще однимъ наружнымъ украшеніемъ больше“. 7 сентября, онъ пишетъ: „Соловьевъ прихворнулъ; онъ совершенно теряется и сдѣлался до крайности раздражителенъ, на многое смотритъ съ канцелярской точки зрѣнія и самолюбивъ до-нѣльзя“.

Наше повѣствованіе доведено теперь до момента, когда отношенія между Соловьевымъ и сторонниками Милютина съ одной стороны, а Арцимовичемъ — съ другой, обострились и стали крайне неприязненны. Этотъ моментъ совпалъ съ переселеніемъ въ Варшаву семьи Арцимовича, проживавшей въ Москвѣ и поселившейся во флигелѣ намѣстниковскаго дворца. Сначала Анна Михайловна Арцимовичъ, урожденная Жемчужникова, пріѣхала въ Варшаву одна на короткое время повидаться съ мужемъ, въ концѣ іюля 1864 г. Она очутилась въ Варшавѣ въ тотъ моментъ, когда объявленъ былъ приговоръ о смертной казни для пяти человѣкъ послѣдняго состава народнаго ржонда, съ Трау-

гудомъ во главѣ. Она была сильно взволнована этимъ событіемъ, котораго никакъ не ожидала, потому что считала Варшаву и край совсѣмъ успокоенными. Въ этотъ самый моментъ сдѣлалъ ей визитъ намѣстникъ, графъ Бергъ, и засталъ ее одну. Анна Михайловна не могла совладать со своими скорбными чувствами и стала просить намѣстника со слезами о пощадѣ и помилованіи. Графъ Бергъ заѣхалъ на нѣсколько минутъ, но пробылъ, успокаивая ее, болѣе часа. Приговоръ не могъ не быть исполненъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда жены, 5 августа 1864 г., Викторъ Антоновичъ писалъ къ ней: „Ты такъ горячо, смѣло и неожиданно для меня ратовала съ графомъ Бергомъ противъ смертной казни, что я спѣшу сообщить тебѣ новость. Твой противникъ отступилъ отъ своихъ, казавшихся непреложными, заявленій, и изъ трехъ, вновь осужденныхъ на смерть, повѣсилъ только одного, а двухъ, по прочтеніи имъ смертнаго приговора, простилъ“... Съ переселеніемъ на постоянное жительство въ Варшаву семейства В. А. Арцимовича, изсякъ самый обильный источникъ данныхъ для изображенія дѣятельности его за послѣдніе мѣсяцы 1864 г. и почти за весь 1865-й годъ: прекратилась переписка. Общее понятіе о родѣ этой дѣятельности и о ея результатахъ даютъ оставшіяся въ его бумагахъ черновыя замѣтки, письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату своему Алексѣю, написанное по просьбѣ мужа и почти подъ его диктовку, и пространное письмо Виктора Антоновича, отъ 14 февраля 1865 г., къ своему тестю, сенатору М. Н. Жемчужникову. Постараюсь изложить по этимъ даннымъ отношеніе В. А. Арцимовича къ осуществляемой въ царствѣ польскомъ крестьянской реформѣ.

XI.

Сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ исправлялъ въ правительствующемъ сенатѣ ту самую должность, которая потомъ возложена была и на В. А. Арцимовича, а именно старшаго члена или первоприсутствующаго въ первомъ департаментѣ сената. Письма свои къ тестю Арцимовичъ подписывалъ обыкновенно такъ: „полонъ сыновней любви“. Онъ безконечно дорожилъ добрымъ мнѣніемъ и благорасположеніемъ тестя. Онъ опасался, какъ бы на М. Н. Жемчужникова не подѣйствовали ложные слухи изъ Варшавы о томъ, будто бы онъ измѣняетъ русскому дѣлу въ царствѣ польскомъ, будто бы онъ становится на сторону поляковъ, будто бы къ нему подѣхали и прибрали его

въ свои руки знатные польскіе паны. Былъ моментъ, когда Арцимовичу показалось, что эти добрыя отношенія къ тестю поколеблены, и когда онъ предположилъ, впрочемъ ошибочно, что виновникомъ этой перемѣны былъ Милютинъ. Онъ и записалъ въ своихъ черновыхъ наброскахъ (безъ числа): „Я все готовъ простить Милютину, но никогда ему не прощу намѣренія возбудить ссору семейную, разрушить добрыя отношенія между нами (мною и тестемъ)“. Арцимовичъ счелъ необходимымъ, не скажу оправдываться, но изложить тестю весь свой образъ дѣйствія. Таково содержаніе его письма, помѣченного 14 февраля 1865 г.:

„Крестьянская реформа въ царствѣ польскомъ предпринята не изъ одного доброжелательства къ крестьянскому классу, но и изъ злобы и мщенія къ высшему сословію землевладѣльцевъ. Я считаю, что въ дѣлахъ государственныхъ злоба и месть дурные совѣтники. Я никогда не подчинюсь ученію іезуитовъ, для которыхъ цѣль оправдываетъ средства. Я долженъ вамъ напомнить, что въ царствѣ польскомъ давно уже не было крѣпостного права, не было дворянскихъ собраний, не было даже дворянскаго сословія, а были только потомки дворянъ, сохранявшіе, какъ землевладѣльцы, патримоніальную власть на своихъ земляхъ. Они злоупотребляли этою властью, притѣсняли крестьянъ, стѣсняли ихъ въ земельныхъ угодьяхъ, но это уже все кончено,—крестьяне получили землю въ собственность и патримоніальная власть уничтожена. Въ настоящее время передъ государственными людьми являются два класса землевладѣльцевъ: 1) владѣльцы большой собственности и 2) крестьяне-владѣльцы малой собственности. Спрашивается: слѣдуетъ ли, устраивая малую собственность, разрушать безвозвратно хозяйство большой собственности? Съ своей стороны, я отвѣчаю рѣшительно, что подобная мѣра была бы безнравственна и даже преступна—это была бы величайшая несправедливость и ошибка въ государственныхъ видахъ. На основаніи указовъ, значительная часть земель переходитъ въ собственность не только крестьянъ, поселенныхъ на крестьянскихъ земляхъ, но и въ собственность колонистовъ, нѣмцевъ и разныхъ пришельцевъ, нанявшихъ по контрактамъ не крестьянскую, а фольварковую землю, отданную имъ въ аренду на 5, 10, 15, 25 и т. д. лѣтъ. Словомъ, еслибы я отдалъ пожалованную вамъ самарскую землю въ аренду крестьянамъ на одинъ годъ до изданія указа, то жена моя лишилась бы своего достоянія и получила бы очень незначительное вознагражденіе за эту землю. Нерѣдко случается, что помѣщикъ остается совсѣмъ безъ земли, а между тѣмъ на немъ лежитъ прежняя обязанность уплатить

всѣ долги и, не получая чинша, оплачивать лежащіе на его имѣніи подати и повинности. Выкупъ совершается въ значительной части *больше половины* на счетъ самихъ помѣщиковъ. Несмотря на уменьшеніе земель, большая собственность обложена дополнительною податью, такъ что, считая ликвидационный выкупной капиталъ въ 50 милліоновъ, помѣщики уплачиваютъ не менѣе 26 милліоновъ самимъ себѣ. По расчисленію приходится на каждую остающуюся у помѣщиковъ десятину уплачивать до 76 копѣекъ подати. Кромѣ того, на поземельной собственности останется до 200 милліоновъ рублей долговъ и, — что *самое пагубное*, — право крестьянъ на лѣсные и пастбищные сервитуты въ лѣсахъ и поляхъ помѣщиковъ. Спрашивается: выдержать ли большая собственность всѣ эти тяжести? Ежели система Милютина, Черкаскаго и Соловьева безусловно восторжествуетъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ большихъ хозяйствъ, все придетъ въ разстройство и упадокъ. Не нужно забывать, что всѣ эти перемѣны совершаются въ такое время, когда послѣ революціи всѣ средства истощены, когда терроръ ржонды и контрибуціи нашего правительства довели многихъ до совершеннаго разстройства. Нѣкоторые комиссіи, надѣлая крестьянъ сервитутами, возлагаютъ на помѣщиковъ обязанность давать топливо и чинить дома крестьянъ, покупая для того дрова и лѣсъ въ имѣніяхъ, гдѣ нѣтъ лѣсныхъ дачъ и никогда ихъ не было, — другими словами, облагаютъ помѣщиковъ ежегоднымъ чиншемъ. Кромѣ того, всѣ избы и дома, построенные помѣщиками для батраковъ, переходятъ къ нимъ послѣднимъ въ собственность, такъ что, для поддержанія хозяйства, нужно приступать къ постройкѣ новыхъ помѣщеній. Совокупность всѣхъ этихъ разнородныхъ причинъ заставляетъ меня дѣйствовать осмотрительно и сдерживать смѣлую односторонность моихъ товарищей. Это заставляетъ кричать, увѣрять, что я ополячился. Но я только и въ Польшѣ сохранилъ чувство справедливости и не могу допустить, чтобы мы призваны были къ разрушенію большой собственности и оставили бы послѣ себя развалины и справедливыя нареканія многихъ семействъ. Касательно моихъ отношеній къ Милютину, я долженъ сказать, что держу себя независимо, не вхожу въ канцелярскую интригу, высказываю истину не только въ комитетѣ, но и всегда, когда только представляется случай. Графъ Бергъ, окруженный происками въ С.-Петербургѣ, обращается ко мнѣ за совѣтами. Это не можетъ укрыться отъ зоркихъ глазъ Черкаскаго и даетъ поводъ къ большимъ неудовольствіямъ. Я все это предвидѣлъ и не хотѣлъ ѣхать въ Варшаву. Я долго уклонялся отъ непосред-

ственного участія въ дѣлахъ, что возбудило во мнѣ *doutte* на мѣстѣ и *nedooutte* въ Петербургѣ. Что изъ этого произойдетъ?— трудно предвидѣть. Если эти столкновенія приведутъ къ почетной отставкѣ, то буду очень радъ и буду помогать женѣ воспитывать дѣтей“.

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату ея Алексѣю писано въ 1865 г., повидимому въ мартѣ. Оно сообщаетъ нѣкоторыя подробности о столкновеніяхъ въ учредительномъ комитетѣ, существенно мѣшавшихъ тому, чтобы дѣла въ комитетѣ шли порядочно или, по крайней мѣрѣ, прилично. Заимствуемъ изъ этого письма нѣкоторыя мѣста. „Як. Соловьевъ хлопочетъ о томъ, чтобы сосредоточить у себя крестьянское дѣло, то-есть, хочетъ, чтобы все исходило отъ него и чтобы всѣ думали, что онъ олицетворяетъ собою дѣло освобожденія. Онъ даже самъ увѣрился въ правдивости своего возрѣнія, и не только не терпитъ чьего бы то ни было вмѣшательства, но не допускаетъ противорѣчій. По одному дѣлу, въ которомъ мужъ не согласился съ нимъ и подалъ особое мнѣніе, Соловьевъ изъ этого мнѣнія многое выпустилъ, часть передѣлалъ, а часть искажилъ до того, что мнѣніе мужа сдѣлалось неузнаваемымъ. Соловьевъ подчинился совершенно Черкасскому и, по своей невоспитанности, не умѣлъ даже сохранить приличія формъ. Въ одномъ засѣданіи комиссіи о ликвидаціонныхъ листахъ и о правѣ третьихъ лицъ, въ которомъ, кромѣ мужа, присутствовали Кошелевъ, Черкасскій и Соловьевъ, всѣ долго спорили, не понимая дѣла и не приходя ни къ какому результату. Видя это, мужъ предложилъ собрать лучшихъ здѣшнихъ юристовъ и съ помощью ихъ уладить дѣло. Соловьевъ и отчасти Черкасскій напали за это предложеніе на мужа, который, будучи выведенъ изъ терпѣнія рѣзкостью Соловьева, сказалъ, что еслибы Императоръ не хотѣлъ, чтобы они принимали въ соображеніе мѣстные обычаи и законы, то не прислалъ бы ихъ сюда, а приказалъ бы съ помощью штыковъ исполнять распоряженія, присылаемыя изъ Петербурга. Потомъ мужъ прибавилъ, что, считая необходимымъ выяснить такой важный вопросъ, несмотря на протоколъ, все-таки соберетъ комиссію, трудъ которой внесетъ въ учредительный комитетъ. Онъ собиралъ ежедневно, даже по воскресеньямъ, такую комиссію и, по окончаніи работы, представилъ ее въ комитетъ. Сперва Соловьевъ хотѣлъ присвоить эту работу себѣ, т.-е. не включать въ журналъ, что надъ нею трудилась комиссія подъ предсѣдательствомъ мужа. Мужъ, натурально, возсталъ противъ такой утайки. Соловьевъ напечаталъ записку, но, въ пику мужу, на каждомъ

шагу, естати и неестати, 28 разъ (буквально) повторилъ: „юридическая польская коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Арцимовича“. Кромѣ того, онъ снова много выпустилъ, сократилъ и видоизмѣнилъ до неузнаваемости. Поэтому можешь судить, чѣмъ занимается учредительный комитетъ. Дѣла между тѣмъ не двигаются, а предсѣдатель коммиссіи, напримѣръ, Пещуровъ и Долгово-Сабуровъ, жалуются на застой. Впрочемъ, многіе начали теперь понимать духъ Черваскаго и Соловьева — и отходить отъ нихъ. Соловьева считаютъ человѣкомъ неразвитымъ и самолюбивымъ. Черваскаго не смѣютъ бранить гласно, какъ Соловьева, но отстаютъ отъ него. 19 февраля, устроенъ былъ по подпискѣ обѣдъ, на который допущены только избранные. Обиженные этимъ, недопущенные чиновники учредительнаго комитета и другіе устроили 21 февраля, опять-таки по подпискѣ, другой обѣдъ, на который желали пригласить только одного Виктора Антоновича, но болѣе благоразумные отклонили это, боясь, что это могутъ принять за демонстрацію, и что они причинятъ мужу новыя непріятности, которыхъ и такъ уже слишкомъ много. На второмъ обѣдѣ было пятьдесятъ человѣкъ, а на первомъ всего двадцать.

„Въ учредительномъ комитетѣ былъ еще весьма горячій и по формѣ весьма грубый споръ. Соловьевъ во время засѣданія старался набросить тѣнь на мужа, не называя его, впрочемъ, по имени, — что онъ хочетъ, будто бы, удалить всѣхъ русскихъ, замѣнивъ ихъ исключительно поляками, причемъ намекалъ на измѣну и тому подобное. Соловьевъ говорилъ такимъ дерзкимъ тономъ, что мужъ замѣтилъ ему, что во время засѣданія комитета подобныя споры и принятый имъ менторскій тонъ совершенно неприличны. Съ этого засѣданія мужъ вернулся во второмъ часу ночи. У меня сидѣла О. Θ. Кошелева. Мы вмѣстѣ ждали результата засѣданія, такъ какъ и я предвидѣла, что бури не миновать. Мужъ вернулся во второе часу ночи. Когда мой мужъ вошелъ ко мнѣ, то на немъ лица не было. Блѣдность его заставила меня опасаться нервнаго удара“... Конецъ письма содержитъ слѣдующее: „Теперь Милютинъ набираетъ юристовъ изъ недавно выпущенныхъ юныхъ и неопытныхъ правовѣдovъ (изъ училища правовѣдѣнія). Снаряжая ихъ на такое важное дѣло и давая имъ инструкціи, онъ, между прочимъ, говоритъ, что въ Варшавѣ двѣ партіи: Черваскаго и Арцимовича, и что онъ совѣтуетъ имъ присоединиться къ партіи Черваскаго. Теперь между мужемъ и этими людьми возникаетъ новый споръ вслѣдствіе того, что они, изъ нелюбви и недовѣрія къ мѣстнымъ жителямъ, хотятъ часть

судебной или мировой власти на мѣстахъ передать военнымъ начальникамъ. Мужъ, безъ сомнѣнія, съ этимъ согласиться не можетъ, чтобы не увѣковѣчить въ странѣ военный произволъ“.

Крупный вопросъ, на который намекаетъ письмо, разбирался въ учредительномъ комитетѣ въ началѣ 1865 г. Обыкновенныхъ судовъ первой инстанціи или трибуналовъ было въ царствѣ польскомъ только девять. Хотя указомъ 19 февраля 1864 г. объ образованіи гминнаго управленія установлены мелкіе гминные суды, но ихъ компетенція ограничена исками до 30 рублей. Между тѣмъ, участились жалобы помѣщиковъ на порубки въ лѣсахъ, на потравы полей и луговъ и на нарушенія договора личнаго найма рабочими. Такъ какъ въ то же время учредительный комитетъ поручилъ завѣдующему его дѣлами Я. Соловьеву, по соглашенію съ генералъ-полицеймейстеромъ Треповымъ, составить инструкцію для полицейскихъ начальниковъ, то составители инструкціи признали возможнымъ предоставить долю судебной власти полицейскимъ начальникамъ, уполномочивъ ихъ рѣшать дѣла о потравахъ, порубкахъ и о наймѣ рабочихъ, когда предметъ иска превышалъ 30 рублей, но не переходилъ за 200 р., то-есть не входилъ въ компетенцію трибуналовъ. Это предложеніе прошло въ учредительномъ комитетѣ по большинству голосовъ, несмотря на оппозицію трехъ членовъ, подавшихъ особое мнѣніе: Арцимовича, Кошелева и Брауншвейга. Вотъ что писалъ объ этомъ случаѣ Арцимовичъ въ письмѣ, 7 февраля 1865 года, къ Алексѣю Жемчужникову: „Появилась уродливая мысль довѣрить дѣло чисто гражданскихъ отношеній военнымъ прапорщикамъ и поручикамъ, квартирующимъ въ царствѣ польскомъ. Для чего же, спрашиваю, вся строгость наказанія, удаленіе тысячъ вредныхъ людей, для чего предприняты громадныя реформы; съ какою цѣлью положено начало общественному управленію, ежели власть суда по снятіи военного положенія, должна оставаться въ рукахъ людей, не имѣющихъ пониманія условій гражданской жизни? Если подобныя мысли восторжествуютъ, то, безъ сомнѣнія, наглядно представится бездарность дѣятелей, которые, пріѣхавъ въ страну, отвернулись отъ всякихъ мѣстныхъ жителей, оттакаиваютъ ихъ съ безпредѣльною злобою, не хотятъ искать опоры въ странѣ и, прикрываясь чувствомъ патріотизма, отдаютъ новыхъ собственниковъ въ зависимость грубому произволу и безначалію“... Въ черновыхъ наброскахъ имѣется отиѣтка: „Затѣмъ было издерживать такія огромныя суммы, вызывая насъ изъ имперіи; можно бы поручить все дѣло генералу Бакланову (ка-

запѣй генералъ, одинъ изъ исправнѣйшихъ исполнителей мѣропріятій М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ)“.

Письмо Анны Михайловны Арцимовичъ къ брату затрогиваетъ еще одинъ вопросъ существенный, а можетъ быть и самый крупный изъ числа тѣхъ, по которымъ существовало полное разномысліе между В. А. Арцимовичемъ и Милютиннымъ. По этому вопросу они сталкивались другъ съ другомъ и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ. То былъ вопросъ о немедленномъ безотлагательномъ преобразованіи судебной части въ царствѣ польскомъ, при дружномъ содѣйствіи какъ ученыхъ юристовъ вызванныхъ изъ имперіи, такъ и изъ мѣстныхъ техникувъ по судебной части, изъ чиновниковъ царства польскаго, поляковъ.

ХІІ.

Виктора Антоновича Арцимовича преслѣдовала неотступно идея безотлагательнаго введенія судебной реформы въ царство польское. Мысль эту онъ успѣлъ внушить и намѣстнику. Вотъ что онъ писалъ въ началѣ 1865 г. къ своему товарищу по училищу правовѣдѣнія, Михаилу Евграфовичу Ковалевскому, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ отдѣленій 5-го департамента правительствующаго сената: „Вмѣстѣ съ крестьянской реформой, создающей около 500.000 новыхъ мелкихъ собственниковъ, необходимо преобразовать судоустройство и судопроизводство, сложившіяся подъ вліяніемъ представителей крупной собственности. Судъ здѣсь производится дорого и недоступно для мелкихъ классовъ народа. Этотъ порядокъ слѣдуетъ измѣнить, и положить основаніе для дешеваго и по возможности безпристрастнаго суда. Безъ судебной реформы въ странѣ не перестанетъ владычествовать произволъ, ибо не будетъ основы, не будетъ рычаговъ и орудій для водворенія законнаго порядка. Правительство царства официально проситъ вашего содѣйствія. Съ моей стороны обращаюсь къ вамъ съ просьбою и съ совѣтомъ, не только не уклоняться отъ участія въ хорошемъ дѣлѣ, но по возможности облегчить затрудненія, которыя могутъ возникнуть на мѣстѣ (въ С.-Петербургѣ), въ сферахъ правительственныхъ. Поработаемъ вмѣстѣ въ хорошемъ климатѣ, и, можетъ быть, удастся намъ улучшить судъ и положить преграды развитію неправды въ области гражданскихъ отношеній пятимилліоннаго (въ то время) населенія. Страна, поставленная внѣ закона, жаждетъ и ищетъ охраны для установленія законнаго порядка. Предполагается

образовать комиссію для составленія проекта преобразованія судебной части въ царствѣ польскомъ изъ мѣстныхъ юристовъ и русскихъ законовѣдцевъ. Въ этихъ видахъ графъ Бергъ просилъ государя о командированіи васъ, дорогой Михаилъ Еггровичъ, Яневича-Яновскаго, Плавскаго, Тюрина и Спасовича. Плавскаго и Тюрина я не знаю, но говорили мнѣ о нихъ, какъ о людяхъ способныхъ". Въ запискѣ, поданной намѣстнику въ октябрь 1864 г., названы Арцимовичемъ и лица, которыхъ предполагаютъ привлечь въ комиссію изъ юристовъ уроженцевъ царства польскаго: сенаторъ Ромуальдъ Губе, составитель русскаго уложенія о наказаніяхъ 1845 года, донинѣ дѣйствующаго, Дуткевичъ, Лонцкій, директоръ комиссіи юстиціи Восинскій, статсъ-секретарь Карницкій, членъ сената Шатынскій, обер-прокуроръ правительствующаго сената Хвалибогъ, профессоръ варшавскаго университета Владиславъ Голевинскій, К. Малковский. Изъ этого списка графъ Бергъ выбралъ слѣдующихъ, на которыхъ остановился: Губе, Дуткевичъ, Лонцкій и Восинскій. Въ этомъ же представленіи приведены были и тѣ вышепоименованные лица въ числѣ пяти, которыхъ предполагалось пригласить на ту же работу въ Варшаву изъ Петербурга. При возвращеніи императора Александра II изъ-за границы, на участіе пути отъ Вержболова въ Вильно, 15 октября 1864 года, намѣстникъ ходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе въ предполагавшуюся къ учрежденію комиссію для преобразованія судебной части въ царствѣ польскомъ предсѣдателемъ Арцимовича и членами Губе, Лонцкаго, Дуткевича и Восинскаго. При этомъ случаѣ Бергъ подалъ три записки, которыя были государемъ препровождены на заключеніе комитета по польскимъ дѣламъ, а слѣдовательно поступили къ Милютину. Одна изъ этихъ записокъ по формѣ своей была неудачная, если принять въ соображеніе обстоятельства того времени. Намѣстникъ ходатайствовалъ о постепенномъ ограничиваніи надзора военной власти за судами и о постепенномъ обновленіи личнаго состава судебного вѣдомства, вызываемаго реформами, уже осуществляемыми, крестьянскою и по необходимости предпринятому судебною. Намѣстникъ предлагалъ руководящую роль по судебному преобразованію предоставить Арцимовичу, возложивъ на него обязанность: 1) обобщить вѣдомство юстиціи въ царствѣ польскомъ, какъ въ центральныхъ, такъ и въ областныхъ его органахъ; 2) право предсѣдательствовать по важнѣйшимъ дѣламъ въ комиссіи юстиціи; 3) представлять намѣстнику о переимѣнахъ въ личномъ составѣ, необходимыхъ для улучшенія управленія юстиціею; наконецъ 4) обязать

Арцимовича представить свои соображенія о способахъ исполненія даваемого ему порученія.

Записки графа Берга не могли не раздражить Н. А. Милютина. Онъ ихъ принялъ какъ посягательство на свой кругъ дѣйствія, на свою власть и положеніе, наконецъ—какъ на ударъ, направленный противъ всей его системы. О степени его раздраженія можно судить по письму его, отъ 30-го октября 1864 г., сообщенному его вдовѣ и напечатанному въ № 6 „Русской Старины“ за 1884 г., стр. 591: „Не знаю, извѣстно ли вамъ, что графъ Бергъ, при явномъ соучастіи Н. (очевидно, Арцимовича) и Заборовскаго (Амвросія Кипріяновича), подалъ Государю на желѣзной дорогѣ три записки. Въ одной онъ требовалъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ *высылки* русскихъ чиновниковъ (другими словами, устраненія меня отъ этого дѣла); въ другой онъ предлагаетъ для юридической комиссіи пять русскихъ чиновниковъ (изъ коихъ три—поляки и одинъ, С.,—отъявленный нигилистъ и повстанецъ). Въ третьей запискѣ испрашивается для Н. полномочіе не только ревизовать всю юстицію, но и дѣлать высшія распоряженія по этой части. По всѣмъ тремъ запискамъ Бергу и его клеветамъ наклеены сильные носы. При этомъ подтверждено, чтобы юридическая комиссія была подвѣдомственна учредительному комитету, и чтобы юристы были выбраны мною. Эти продѣлки показываютъ еще разъ, что надобно обратить особенное вниманіе на составъ юридической комиссіи. Теперь моя главная забота—найти людей надежныхъ, твердыхъ, дѣятельныхъ, которые бы обуздали Н. и его польскихъ и русскихъ сообщниковъ. Кое-кого имѣю въ виду, но мало. Попридержите дѣйствіе юридической комиссіи. Набравъ людей (но не прежде), я приѣду въ Варшаву, и самъ приму участіе въ окончательной программѣ дѣйствій и направленіи юридической комиссіи... Дѣло это перво-степенной важности и находится въ связи съ самымъ крестьянскимъ дѣломъ“.

Въ возгорѣвшейся такимъ образомъ борьбѣ намістники и Арцимовичъ испытали полное и рѣшительное пораженіе по всей боевой линіи. Въ отношеніи, отъ 9 декабря 1864 г., за № 431, Валеріана Платоновича Платонова, выражено, что, по мнѣнію комитета по дѣламъ царства польскаго и по правиламъ временно учрежденнаго въ концѣ 1863 г. военно-полицейскаго управленія, въ видахъ скорѣйшаго возстановленія порядка и общественной безопасности въ царствѣ, на генералъ-полицеймейстера и на военныхъ начальниковъ возложенъ ближайшій въ политическомъ отношеніи надзоръ надъ всѣми мѣстными жителями всякаго зва-

нія и состоянія; но вмѣстѣ съ тѣмъ предписано, чтобы чины этого управленія не вмѣшивались въ дѣла общей администраціи, выходящія изъ круга ихъ обязанностей, и тѣмъ менѣе въ дѣла судебныя, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по законамъ военного положенія, подлежатъ военному слѣдствію и суду. Порученный военно-судебному управленію общій надзоръ за порядкомъ не можетъ быть ослабленъ, пока необходимо военное положеніе и пока не достигнута полная цѣль возстановленія общественнаго спокойствія и безопасности. Ослаблять этотъ надзоръ нынѣ, когда совершаются преобразованія, требующія рѣшительныхъ мѣръ и энергическихъ дѣйствій, было бы крайне неосторожно, а ослабленіе этого надзора въ отношеніи одного судебного вѣдомства, при оставленіи его во всей силѣ въ отношеніи другихъ, было бы особенно неудобно и даже вредно, ибо, по отзыву статсъ-секретаря Милютиня, въ органахъ судебного вѣдомства встрѣчается наименѣе сочувствія и наиболѣе противодѣйствія предпринимаемымъ правительствомъ преобразованіямъ.

По другому предположенію, о предоставленіи сенатору Арцимовичу права предсѣдательствовать по важнѣйшимъ дѣламъ въ правительственной комиссіи юстиціи, комитетъ признавалъ, что присвоеніе сего права Арцимовичу стѣснить самостоятельность какъ комиссіи юстиціи, такъ и предсѣдательствующаго въ ней главнаго директора, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабитъ и ихъ отвѣтственность. Эти соображенія послужили основаніемъ Высочайшаго повелѣнія 22 ноября 1864 г., которымъ предписано: 1) предоставить намѣстнику поручить члену учредительной комиссіи сенатору Арцимовичу обворѣть вѣдомство юстиціи, какъ въ центральныхъ, такъ и въ губернскихъ его органахъ и собрать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя, по ближайшимъ указаніямъ учредительнаго комитета, необходимы для предстоящихъ по судебному вѣдомству преобразованій, не касаясь, однако, судебныхъ мѣстъ военно-полицейскаго управленія, которыя не могутъ подлежать никакимъ измѣненіямъ; 2) сообщить намѣстнику, что предположеніе о предоставленіи сенатору Арцимовичу права предсѣдательствовать въ правительственной комиссіи юстиціи признается неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что на неудобство этой мѣры было уже обращено вниманіе его императорскаго величества въ 1862 году, когда право такого предсѣдательства предоставлялось бывшему начальнику гражданскаго управленія, маркизу Вѣлѣпольскому.

Еще чувствительнѣе для Арцимовича было отношеніе статсъ-секретаря В. П. Платонова къ намѣстнику, того же 9 декабря 1846 г., за № 426; хотя оно не касалось его лично, но суще-

ственно предрѣшало устройство и ходъ работъ по предполагавшейся къ открытію юридической комиссіи и разрушало въ самомъ основаніи систему Арцимовича, заключающуюся въ томъ, что преобразование страны въ русскихъ интересахъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не запрещъ въ эту работу и поляковъ, и что, устраняя ихъ, русскіе не усиливаютъ себя, но ослабляютъ; наконецъ, разрушая старое устройство и юриспруденцію, надлежитъ создавать новую и лучшую, а выработать ее невозможно безъ знанія мѣстныхъ условій и прошедшаго страны. Историческая часть бумаги, за № 426, доказываетъ, что Милютинъ, при самомъ назначеніи его въ царство польское, получилъ обширныя полномочія, выходящія за предѣлы крестьянскаго вопроса; что онъ ими пользовался, расширяя свой кругъ дѣйствія, и уже предупредилъ Арцимовича и намѣстника также и по вопросу о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ, приложивъ къ этому вопросу свою руку.

Понятно само собою, что при первомъ приступѣ къ устройству крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ нельзя было искать исполнителей чисто-русскаго мѣропріятія въ самомъ царствѣ между мѣстными жителями, а необходимо было прибѣгнуть къ русскимъ уроженцамъ. Имперскимъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предложено было оказывать возможное содѣйствіе къ пріисканію подходящихъ русскихъ дѣятелей благонадежныхъ и способныхъ, а ихъ избраніе и приглашеніе съ назначеніемъ содержанія предоставлено, по Высочайшему повелѣнію 7 февраля 1864 г., Милютину, самое же ихъ опредѣленіе къ должности возложено на учредительный комитетъ съ согласія намѣстника. Такія командировки получили 150 чловѣкъ, изъ которыхъ возвратились только 4 или 5, и, по удостоверенію Милютина, не по неспособности, а по болѣзнямъ или другимъ обстоятельствамъ. Хорошій успѣхъ этой системы привлеченія русскихъ дѣятелей въ царство склонилъ правительство примѣнять ее и къ другимъ, кромѣ крестьянскаго, преобразованиямъ, въ томъ же направленіи и духѣ, напримѣръ къ преобразованиямъ по учебной части въ царствѣ польскомъ, съ тою разницею, что пришлось ихъ набирать не только въ Петербургѣ, а можно было предоставить ихъ выборъ новому директору комиссіи народнаго просвѣщенія, О. О. Витте, вполне знакомому съ видами правительства.

Въ сентябрѣ 1864 г., представлена была Милютинымъ записка, Высочайше одобренная 5 октября 1864 г., о работахъ бывшей кодификаціонной комиссіи царства польскаго, въ за-

включеніи которой стояло предложеніе объ образованіи особой комиссіи для пересмотра изготовленныхъ кодификаціонною комиссіею матеріаловъ и проектовъ по судебной части и для установленія новыхъ началъ будущей реформы. Казалось бы, что подобная комиссія, которой предоставлялась критическая оцѣнка матеріаловъ для будущаго законодательства, должна бы состоять изъ лицъ, годящихся для этой работы въ качествѣ техническихъ, то-есть, изъ ученыхъ, изъ настоящихъ законовѣдовъ; но Милютину было извѣстно, что такихъ людей въ данную минуту въ Россіи нельзя найти, что въ самой Россіи и для нея ихъ было весьма мало; а въ судахъ практиковались и съ каедръ въ университетахъ преподавались—старые, отжившіе, до-реформенные порядки, требующіе немедленнаго радикальнаго упраздненія. Посему Милютинъ пришелъ къ выводу, логически несогласному съ возложенною на него задачею, котораго онъ и не пытался даже оправдывать,—что юридическая комиссія должна состояться изъ лицъ, принадлежащихъ въ числу *„известнѣйшихъ русскихъ практическихъ юристовъ“*. Въ концѣ предложенія прибавлено: „избраніе сихъ послѣднихъ должно быть произведено на томъ же основаніи, какъ избирались доселѣ исполнители по крестьянскому дѣлу“. Вполнѣ усвоивъ себѣ взглядъ и заключенія Милютина, комитетъ по дѣламъ царства польскаго прибавилъ отъ себя по адресу намѣстника, что опытъ непосредственнаго избранія въ Варшавѣ русскихъ юристовъ оказался неудобнымъ, такъ какъ изъ приглашенныхъ намѣстникомъ русскихъ юристовъ большинство не приняло предложеній, а нѣкоторыхъ, по прежней ихъ дѣятельности, которая не могла быть намѣстнику извѣстною, само правительство не могло командировать въ Варшаву. На основаніи этихъ заключеній комитета, послѣдовало, 22 ноября 1864 г., Высочайшее повелѣніе: порядокъ избранія и командированія русскихъ чиновниковъ въ царствѣ польскомъ для исполненія обязанностей, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и для занятій по преобразованію въ царствѣ польскомъ судебной части подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ учредительнаго комитета,—оставить безъ измѣненія, на тѣхъ основаніяхъ, какія опредѣлены Высочайшими повелѣніями 7-го февраля и 23-го сентября 1864 года.

Это Высочайшее повелѣніе изъяло окончательно судебную реформу царства польскаго изъ круга вѣдѣнія государственнаго совѣта царства польскаго, связало неразрывно юридическую комиссію съ учредительнымъ комитетомъ и поставило поступленіе въ нее русскихъ юристовъ въ исключительную зависимость отъ

Милютину. Намѣстникъ не считъ, однако, своего дѣла окончательно проиграннымъ и своего интереса въ немъ окончательно потеряннымъ. 9-го января 1865 г., онъ сослался, въ своемъ отношеніи къ В. П. Платонову, на то, что при проѣздѣ государя въ Петербургъ онъ уже назвалъ лица изъ мѣстныхъ сановниковъ царства польскаго, подлежащія призыву въ юридическую комиссію, которыя удостоились Высочайшаго одобренія. Онъ проситъ доложить государю о немедленномъ открытіи въ Варшавѣ юридической комиссіи, ради избѣжанія потери времени, хотя бы до прибытія тѣхъ русскихъ юристовъ, которыхъ избраніе и командированіе еще не послѣдовали. Однимъ изъ оснований, приведенныхъ для поддержанія этого ходатайства, было то обстоятельство, что судебныя уставы для имперіи уже обнародованы 20 ноября 1864 г., и что новое законодательство по судебной части для царства польскаго должно заключаться въ примѣненіи этихъ уставовъ, которое значительно облегчается тѣмъ, что новое судоустройство и судопроизводство по уставамъ 20 ноября 1864 г. во многомъ сходятся съ тѣмъ порядкомъ, который давно уже существовалъ въ царствѣ.

Въ отказѣ, который послѣдовалъ и на это ходатайство намѣстника, и который былъ ему сообщенъ Платоновымъ 28 февраля 1865 г., № 465, комитетъ по дѣламъ царства польскаго прежде всего выгораживаетъ послѣдовавшее уже Высочайшее соизволеніе на назначеніе предсѣдателемъ юридической комиссіи Арцимовича и членами ея членовъ государственнаго совѣта царства польскаго—Губе, Дуткевича, Лонцева и директора юстиціи Восинскаго, такъ что они должны считаться утвержденными. Но затѣмъ, задаваясь вопросомъ о томъ, можетъ ли юридическая комиссія не только совершать возложенное на нее порученіе, но даже приступить къ подготовительнымъ работамъ, къ разбору и сортировкѣ матеріаловъ,—комитетъ приходитъ къ безусловно отрицательному выводу по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего техническаго и основаннымъ на той свойственной Милютину и нескрываемой имъ мысли, что въ работѣ по судебной реформѣ политическій элементъ долженъ вполнѣ преобладать надъ юридическимъ. Выводъ этотъ выраженъ съ такою откровенностью, что хотя комитетъ допускаетъ, что въ юридической комиссіи сойдутся элементы и русскій, и польскій, но не на условіяхъ равноправности членовъ-участниковъ, а только подъ условіемъ подчиненности польскаго элемента русскому и съ предоставленіемъ сему послѣднему—давать всей работѣ ходъ и направленіе. По мнѣнію комитета, опытъ тридцатилѣтія (1831—1863) дока-

заль, что нельзя ожидать сочувствія преобразованію судебной части отъ мѣстныхъ дѣателей, ибо при всѣхъ условіяхъ и пожертвованіяхъ правительства всѣ бывшіе доселѣ коммисіи и комитеты, труды которыхъ производились единственно мѣстными дѣателями, не только не успѣли приготовить преобразование, но даже и исполнить удовлетворительно предварительную матеріальную работу приведенія въ извѣстность дѣйствующаго въ царствѣ польскомъ законодательства въ цѣломъ его составѣ. Это—обвиненіе, направленное противъ мѣстныхъ дѣателей поляковъ, явно неосновательное и, очевидно, напрасное. Самъ Милютинъ винилъ порядокъ, существовавшій при кн. Паскевичѣ въ царствѣ польскомъ, за полный застой въ управленіи царствомъ, и возлагалъ этотъ застой на отвѣтственность одного русскаго правительства, а не поляковъ. Законодательныя работы, хотя бы только приуготовительнаго свойства, возможны только по почину правительства и при посредствѣ назначаемыхъ правительствомъ лицъ. Къ отвѣтственности центральнаго управленія въ имперіи должно быть отнесено и бездѣйствіе кодификаціонной коммисіи царства польскаго, устроенной въ Петербургѣ не изъ мѣстныхъ жителей царства польскаго и состоявшей подъ руководствомъ графа Блудова. „Въ настоящее время,—пишетъ комитетъ,—еще менѣе можно ожидать въ туземныхъ чиновникахъ сочувствія къ судебной реформѣ. Она должна быть направлена въ духѣ послѣднихъ правительственныхъ мѣръ, благая цѣль которыхъ мало соотвѣтствуетъ одностороннимъ взглядамъ и стремленіямъ мѣстныхъ чиновниковъ. При приведеніи въ дѣйствіе крестьянской реформы признано необходимымъ поручить ее русскимъ дѣателямъ, что одно обезпечило успѣхъ этого дѣла. При предстоящемъ преобразованіи весьма полезнымъ пособіемъ будутъ служить судебныя уставы имперіи 20 ноября 1864 г., и вообще необходимо имѣть постоянно въ виду возможное сближеніе законодательства царства съ русскимъ законодательствомъ. Но въ то же время нельзя не принять во вниманіе, что новыя судебныя уставы составлены для страны, находящейся совсѣмъ въ другихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ, чѣмъ царство польское, въ которомъ революціонныя и враждебныя правительству элементы легко могутъ найти себѣ убѣжище подъ покровомъ судебныхъ гарантій и даже обратить ихъ въ политическое орудіе противъ законной власти. Вообще, при разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ по царству польскому необходимо имѣть въ виду не одни общепринятія юридическія начала, но преимущественно интересы государственныя, также какъ и интересы

большинства народа, вызываемаго правительствомъ къ новой гражданской жизни. Если въ участію въ трудахъ комиссіи допущены члены изъ мѣстныхъ юристовъ, то это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы они содѣйствовали русскимъ юристамъ своими практическими познаніями и совѣтомъ, но очевидно, что *направление и самая работа* всего дѣла должны быть поручены русскимъ дѣятелямъ". Въ концѣ отношенія, комитетъ объявилъ послѣдовавшее по его докладу государю Высочайшее повелѣніе 24 февраля: поручить учредительному комитету немедленно составить, на основаніи вышеизложенныхъ главныхъ началъ, проектъ подробной инструкціи для учрежденной при семъ комитетѣ комиссіи по преобразованію судебной части въ царствѣ польскомъ и проектъ этотъ представить на утверженіе его величества въ возможно скорѣйшемъ времени, такъ какъ до утвержденія инструкціи комиссія не можетъ быть открыта.

ХІІІ.

Вся переписка комитета по дѣламъ царства польскаго съ намѣстникомъ о юридической комиссіи была ведена въ тонѣ полемическомъ. Нельзя сказать, чтобы разсужденія ея отличались послѣдовательностью, — напротивъ того, въ ней особенно поражаетъ, что въ основу судебной реформы полагаются одновременно и совмѣстно двѣ діаметрально противоположныя цѣли: государственные интересы, какъ преобладающіе надъ общепринятыми юридическими началами или аксіомами, и интересы большинства народа, призываемаго государствомъ къ новой гражданской жизни, т.-е., крестьянства, — какъ долженствующіе быть предпочитаемыми интересамъ другихъ, предполагаемыхъ враждебными правительству, классовъ населенія. Судъ не можетъ быть построенъ на антагонизмѣ сословій, на тенденціозномъ предпочтеніи интересовъ однихъ интересамъ другихъ. Поступая такимъ образомъ, онъ станетъ неизбежно лицепріятенъ и неуравнителенъ, то-есть, иными словами, неправеденъ. Всѣ усилія Арцимовича клонились только къ тому, чтобы сдѣлать судъ, руководящійся безспорными юридическими аксіомами, доступнымъ и для простого народа, для котораго онъ былъ до того времени и слишкомъ отдаленнымъ, и слишкомъ дорогимъ. По полной непригодности къ производству судебной реформы славянофильскаго мотива, могъ послужить руководителемъ только другой мотивъ: пользы государственной, интереса Россіи, взятой какъ одно цѣлое по отношенію къ одной

строптивой и не успокоенной еще ея области. Ставился вопросъ о своевременности судебной реформы въ царствѣ польскомъ, о томъ, не повременить ли съ введеніемъ ея, пока не будетъ испытана по указаніямъ опыта пригодность судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., съ тѣми отъ нихъ отступленіями, которыя будутъ вызваны либо особыми мѣстными условіями страны, либо неполнымъ еще ея успокоеніемъ. Въ ожиданіи будущаго, можно было на переходное время ограничиться расширеніемъ и приспособленіемъ къ существующимъ общимъ судамъ юрисдикціи гминныхъ судовъ по уставу, утвержденному еще до вступленія на политическое поприще маркиза Вѣлѣпольскаго, отъ 30 мая 1860 г., дѣйствующему донинѣ послѣ введенныхъ въ него нѣкоторыхъ перемѣнъ указами 19 февраля 1864 г. Гминные суды не предполагаются вовсе къ упраздненію и по новѣйшему проекту судебной реформы. Можно было бы предположить, что, создавая по своей идеѣ юридическую комиссію, Милютинъ дѣйствовалъ съ заднею мыслью—затормазить судебную реформу и разстроить планъ намѣстника, испросившаго Высочайшее соизволеніе на ея образованіе, 25 октября 1864 г.; но оказывается, что Милютинъ хлопоталъ о комиссіи еще ранѣе, и что еще въ сентябрѣ 1864 г. онъ получилъ Высочайшее соизволеніе на командированіе въ помощь ему „извѣстныхъ русскихъ практическихъ юристовъ“, которыхъ онъ изберетъ: значитъ, онъ предвидѣлъ, что комиссія будетъ не только существовать, но и дѣйствовать, что она будетъ осуществлять серьезную практическую задачу.

Всякая задача для своего осуществленія требуетъ подходящихъ средствъ. Когда строить домъ, то нужны, конечно, и каменщики, и плотники, но прежде всего необходимы архитекторы,—а такихъ у Милютина вовсе не оказалось. Въ его распоряженіи были только русскіе юристы изъ пришельцевъ, съ условіями и бытомъ края незнакомые, притомъ только *практическіе* юристы, между тѣмъ какъ для сложной законодательной работы того объема требовались прежде всего художники иного художества, мастера дедуктивнаго метода, твердо стоящіе на извѣстныхъ коренныхъ юридическихъ принципахъ и изъ нихъ вырабатывающіе систему, а не практики-рутинеры, притомъ не приверженцы той единственной практики, которая въ то время существовала и которую приходилось искоренять. Такъ какъ въ 1864 году работы по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ были приведены въ концы, то нѣкоторые изъ ихъ составителей могли бы быть съ пользою приглашены въ Варшаву въ юридическую комиссію, но никого изъ этихъ лицъ Милютинъ не пригласилъ и даже не

нигдѣ въ виду приглашать, а мы изъ писемъ его знаемъ, что онъ сильно опасался теоретиковъ въ родѣ Сергѣя Заруднаго. Въ письмѣ Милютина къ Соловьеву, 7 декабря 1864 г. („Русск. Старина“, 1884 г., № 6, стр. 594), упоминается, что „въ юридическую комиссію предлагаетъ себя (бывшій) ректоръ кievскаго университета Иванишевъ; отзывъ о немъ блестящій; кажется, будетъ отъ него важная подмога; зову его въ Петербургъ для личныхъ соглашеній“. Иванишевъ занялъ председательское мѣсто въ юридической комиссіи послѣ ухода Арцимовича, но это была не находка: человекъ онъ былъ старый, отжившій, совсѣмъ отставшій отъ науки и никогда на судѣ не практиковавшій. Цѣлый рядъ умозаключеній о томъ, что если исключительно русскіе люди, пріѣхавшіе извнѣ, разрѣшили изрядно въ царствѣ польскомъ крестьянскій вопросъ, то такіе же исключительно русскіе люди способны точно такъ же исполнить какія угодно преобразованія и съ ними совладать,—это есть очевидный софизмъ. По крестьянскому дѣлу требовались только исполнители утвержденныхъ верховною властью указовъ 19 февраля 1864 г., то-есть, законовъ, по возможности воспроизводящихъ русское „Положеніе 19 февраля 1861 г.“, набившіе себѣ руку при приведеніи въ дѣйствіе этого Положенія и призванные исполнять указы 1864 г. въ духѣ Положенія 1861 г., при условіяхъ нѣсколько большаго простора ихъ крестьянофильскому настроенію. Дѣйствія этихъ дѣятелей соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ и Милютина, и Арцимовича; сами поляки нынѣ довольны, что такимъ именно образомъ былъ разрѣшенъ жгучій крестьянскій вопросъ радикально и окончательно. Уже далеко не таковы были результаты дѣятельности другого контингента русскихъ дѣятелей, призванныхъ дѣйствовать по учебной части, по вѣдомству народнаго просвѣщенія. Изъ идей Милютина, выраженныхъ въ его запискѣ объ учебной части въ царствѣ польскомъ, 22 мая 1864 г.,—о томъ, чтобы не употреблять общественнаго образованія въ царствѣ какъ политическаго орудія, потому что русскіе не обрусили, за всѣ тридцать лѣтъ, ни одного поляка, а въ то же время явились какъ бы посягающими на польскую народность,—не осуществлена ни одна; напротивъ того, распространилась и утвердилась исключительно и всецѣло только гораздо болѣе доступная система, полагающая своею главною задачею обрусеніе всего преподаванія въ школахъ. Юридическая комиссія Милютинская ничего не произвела; она не пережила учредительнаго комитета, при которомъ была образована, и который упраздненъ 18-го ноября 1870 года.

Такъ какъ по Высочайшему повелѣнію, отъ 24 февраля 1864 г., на учредительный комитетъ возложена была обязанность сочинить инструкцію, опредѣляющую образъ дѣйствій юридической комиссіи, то проектъ этой инструкціи, выработанный учредительнымъ комитетомъ при участіи Арцимовича, представленъ былъ, 30 апрѣля, въ комитетъ по дѣламъ царства польскаго. Проектъ этотъ Высочайше утвержденъ 2 іюля 1865 г. Еще до воспослѣдованія этого утвержденія, а именно 4 мая 1865 г., по представленію Арцимовича, намѣстникъ разрѣшилъ ему пригласить для занятій по порученной ему ревизіи судилищъ царства польскаго чиновниковъ учредительнаго комитета — Горемыкина (Ив. Лонг., впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ), Сергія Иван. Лукьянова (нынѣ сенатора) и Фед. Ив. Пясецкаго.

Съ момента представленія проекта инструкціи для юридической комиссіи, Арцимовичъ считалъ, что его роль въ управленіи царства польскаго кончена, что его дальнѣйшее пребываніе въ Варшавѣ бесполезно. Прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ намѣстнику 23 іюня 1865 г., не было намѣстникомъ принято. Въ этомъ прошеніи Арцимовичъ ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отставку съ назначеніемъ ему приличнаго содержанія и о разрѣшеніи ему лично представиться государю императору и повергнуть на усмотрѣніе его величества объясненія и оправданія его настоящей рѣшимости. Въ черновыхъ наброскахъ этого прошенія содержатся нижеслѣдующія выраженія: „Обстоятельства приняли, однако, такой оборотъ, что настоящее участіе мое въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое я имѣлъ въ немъ сначала, ограничено до послѣдней степени; что я могу считать себя совсѣмъ отъ этого дѣла устранившимся; что же касается до юридической комиссіи, въ которую я назначенъ предсѣдителемъ, то и здѣсь, несмотря на это предсѣдательство, вліяніе мое совершенно ничтожно, по причинѣ тѣхъ условій, при которыхъ организована эта комиссія“. Принятое, наконецъ, намѣстникомъ въ октябрѣ 1865 г. прошеніе Арцимовича, самое короткое и безъ мотивовъ, содержитъ только ходатайство возвратиться на службу въ имперію. Прошенію этому данъ ходъ 15 ноября 1865 г. Его послѣдствіемъ было назначеніе Арцимовича къ присутствованію въ имѣющемъ быть открытымъ, въ апрѣлѣ 1866 г., уголовномъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената, сообщенное ему министромъ юстиціи Замятиннымъ 7 февраля 1866 г. По желанію намѣстника, Арцимовичъ остался еще на короткое время въ Варшавѣ, до рассмотрѣнія въ учредительномъ комитетѣ разработанныхъ

при его главномъ участіи законопроектовъ объ устройствѣ городовъ въ царствѣ польскомъ, о выкупѣ земель крестьянъ-рольняковъ и о выкупѣ безъ срочныхъ стѣсненій недвижимой поземельной собственности. Предсѣдательство въ юридической комиссіи онъ сдалъ Иванішеву и присутствовалъ въ Петербургѣ при торжественномъ открытіи, 17 апрѣля 1866 г., новыхъ судебныхъ установленій. Онъ повидалъ Варшаву, радуясь, конечно, освобожденію отъ положенія, въ которомъ испытывалъ, въ послѣднее время, однѣ непріятности, но и не скрывая своего раздраженія и непріязни къ бывшимъ своимъ сослуживцамъ по учредительному комитету, въ особенности къ Милютину и Я. Соловьеву. Обнародованіе, въ „Русской Старинѣ“ за 1884 годъ, № 6, интимной переписки Н. А. Милютина, исполненной рѣзкостей, колкихъ характеристикъ, выраженій о легкомысліи намѣстника, о шалостяхъ папы, объ интригахъ клеветовъ намѣстника, о проискахъ варшавской камарильи, даютъ право жизнеописателю Арцимовича на извѣстнаго рода откровенность и ставятъ его даже въ необходимость свободнѣе воспользоваться перепискою Арцимовича съ его родными. Всѣ описываемыя событія—дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Приходится касаться дѣяній давно умершихъ и притомъ крупныхъ историческихъ лицъ, обсуждать которыхъ возможно уже теперь съ полнымъ безпристрастіемъ, не отождествляясь ни съ однимъ изъ бывшихъ противниковъ, но отмѣчая въ концѣ оцѣнокъ, кто и въ чемъ былъ правъ или неправъ, сознательно или даже безсознательно. Яковъ Соловьевъ, по мнѣнію Арцимовича, „будучи канцелярскою строкою, попалъ въ число государственныхъ людей для того, чтобы закрыть ошибки и неправильности, допущенныя Милютинымъ при составленіи законовъ. Опираясь на Милютина, Соловьевъ желаетъ ускользнуть отъ всякаго вліянія не только учредительнаго комитета, но и самого намѣстника. Близко знакомый съ дѣломъ, я препятствую лгать, плутовать и искажать факты; это чрезвычайно не нравится“ (Письмо къ М. Жемчужникову 17 марта 1865 г.). „Милютинъ интригуетъ, а я вести интригъ не умѣю и не хочу. Милютинъ хочетъ быть канцелярскимъ царемъ Польши, имѣть здѣсь агентовъ и противодействовать намѣстнику и всѣмъ польскимъ государственнымъ учрежденіямъ. Я полагаю, что мы здѣсь призваны только къ управленію и что царствовать долженъ одинъ только монархъ. Милютинъ боится легальности, а я считаю легальность единственнымъ спасеніемъ для страны, гдѣ все потрясено и гдѣ разгулъ произвола дошелъ до крайнихъ размѣровъ. Милютинъ, наконецъ, домогается, чтобы въ царствѣ поль-

скомъ все пресмыкалось предъ нимъ, въ томъ числѣ и я, и повиновалось ему безпрекословно. Согласитесь, что на этихъ условіяхъ трудно и невозможно вести переговоры* (Письмо къ М. Н. Жемчужникову 1 февр. 1865 г.).

Оба письма, изъ коихъ извлечены предыдущіе отрывки, писаны Арцимовичемъ къ тестю, коренному русскому патриоту, хорошему личному знакомому Милютина, притомъ къ человѣку, который, до самаго конца пребыванія Арцимовича въ Варшавѣ, полагалъ возможнымъ, если не установленіе единомыслія Милютина и Арцимовича во взглядахъ ихъ на польско-русскія отношенія, то, по крайней мѣрѣ, извѣстный компромиссъ между ними, извѣстное согласованіе ихъ дѣйствій посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, всегда возможныхъ между уважающими себя взаимно людьми. Заключая мой этюдъ о двухлѣтней дѣятельности В. А. Арцимовича въ царствѣ польскомъ, считаю необходимымъ коснуться и этихъ, оказавшихся безплодными, попыткахъ примиренія, не приведшихъ ни къ какому положительному результату.

XIV.

Самые образованные люди, подружившіеся и даже породнившіеся, но принадлежащіе по происхожденію къ разнымъ національностямъ, не могутъ, въ моменты острыхъ кризисовъ и конфликтовъ между ихъ націями, когда разгаръ страстей доходитъ до бѣлаго каленія, не только сходитьсѣ, но даже и говорить другъ съ другомъ хладнокровно о своихъ взаимныхъ зазнобахъ и болячкахъ. Хотя по происхожденію полякъ, Арцимовичъ не былъ уроженцемъ царства польскаго; онъ получилъ русское воспитаніе; отъ начала до конца своей жизни онъ былъ русскимъ государственнымникомъ, по своей служебной карьерѣ—русскимъ чиновникомъ, женился на русской и хотя оставался римскимъ католикомъ, но вся семья его была православная. Онъ самъ передавалъ женѣ и знакомымъ, что онъ считалъ самъ себя русскимъ человѣкомъ, но почувствовалъ, что онъ полякъ и сдѣлался польскимъ патриотомъ только когда побывалъ въ Варшавѣ въ шестидесятыхъ годахъ, гдѣ на каждомъ шагѣ онъ наталкивался на факты, до глубины души оскорблявшіе въ немъ весьма живое чувство справедливости. 23 мая 1864 года, онъ писалъ Алексѣю Жемчужникову: „Пріѣхавъ въ Варшаву въ сообществѣ русскихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, я скоро убѣдился, что они болѣе страшною болѣзнью: злобою и ненавистью къ населенію, со-

стоящему изъ нѣсколькихъ милліоновъ, называющихъ себя поляками. Полякъ и пѣсъ для нихъ—одно и то же; всѣ поляки—внѣ закона; кто изъ нихъ заговорить, тотъ, по ихъ мнѣнію, повстанецъ и достоинъ висѣлицы. Мнѣ кажется, что еслибы я жилъ во время Іоанна Грознаго, то я бы не попалъ въ опричники. Не попаду тѣперь въ клеветы Муравьева“. По поводу Муравьева произошло въ 1864 г. нѣкоторое, не на долгое, впрочемъ, время, охлажденіе между зятемъ и тестемъ. М. Н. Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1864 года. Ему устроенъ былъ, по словамъ тестя (письмо 3 мая 1864 г.), такой пріемъ, какового въ Петербургѣ никто не помнитъ. Его вынесли на креслахъ изъ вагона на желѣзнодорожномъ вокзалѣ до кареты сановники, штабъ- и оберъ-офицеры. 2-го мая, всѣ сенаторы перваго департамента, въ которомъ долго засѣдалъ Муравьевъ, какъ министръ, а въ числѣ ихъ и М. Н. Жемчужниковъ, пріѣзжали въ орденахъ и лентахъ его поздравить. „Что ни говори,—писалъ тесть,—а оказанныя Муравьевымъ заслуги отечеству будутъ восхваляемы исторіею“. Подобное же различіе въ сочувствіи существовало между зятемъ и тестемъ и по отношенію къ Милютину, котораго тесть зналъ ближе и оцѣнивалъ, можетъ быть, вѣрнѣе, чѣмъ то дѣлаютъ теперь, потому что Н. А. Милютинъ и М. Н. Жемчужниковъ были люди того же пошиба; они принадлежали къ числу тѣхъ, которыхъ называли въ то время „красными“, а безъ страстнаго увлеченія этихъ „красныхъ“ не могло бы состояться въ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, освобожденіе крестьянъ. Оба они были крестьянофилы антидворянскаго направленія. Заимствую у Жемчужникова характеристику Милютина, которую привожу цѣликомъ, какъ любопытный матеріалъ для жизнеописанія Н. А. Милютина, а такихъ матеріаловъ опубликовано донинѣ немного.

„Никто изъ благомыслящихъ,—пишетъ М. Н. Жемчужниковъ (26 января 1865 г.),—не станетъ, конечно, оспаривать, что созданный на крѣпостномъ правѣ и явномъ пренебреженіи къ народу *дворянскій элементъ* былъ всегда главнѣйшимъ зломъ и пагубою для Россіи, а тѣмъ болѣе для Польши, которая посѣяла въ Россіи этотъ элементъ. Никто также, кромѣ сочувствующихъ Григ. Бланку (извѣстный въ то время ретроградъ-крѣпостникъ), не будетъ опровергать, что для общаго блага всѣхъ сословій, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, необходимо нужно сначала ослабить, а затѣмъ и *вовсе* истребить этотъ мощно укоренившійся пагубный элементъ. Въ моихъ глазахъ и частью чрезъ меня, во время моего губернаторства въ петербургской

губерніи, началъ дѣйствовать въ этихъ видахъ графъ Киселевъ основаніемъ особаго управленія для казенныхъ крестьянъ. Онъ желалъ и считалъ возможнымъ предоставить тѣ же права и помѣщичьимъ крестьянамъ. По тогдашнимъ обстоятельствамъ, Киселевъ не находилъ лучшаго къ тому проводника, и когда случалось мнѣ *обнажать эту его идею* и какая *можетъ* произойти сумятица отъ осуществленія ея, у него вырывалось такого рода мнѣніе, что дворянскій элементъ — крѣпостничество — столь сильно укоренившееся зло, которое только зломъ и искоренено быть можетъ, еслибы оно повлекло даже и революцію. Киселевъ, въ полномъ смыслѣ слова благоразумный человѣкъ, никогда не оставлялъ этой идеи, но, по лѣности своего характера, былъ недостаточно энергиченъ, чтобы противодѣйствовать всей тогдашней массѣ государственныхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Меншиковъ. Племянникъ Киселева, Милютинъ, воспитывался въ идеѣ своего дядюшки, который, для осуществленія своихъ плановъ, пристроилъ его къ министру В. Д. Перовскому. Съ того времени идея самоуправленія начала проводиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Милютинъ, въ качествѣ неважнаго чиновника, тихомолкомъ, но очень умно велъ свое дѣло, крѣпчалъ въ немъ, окрѣпъ и прослылъ краснымъ. Подъ этимъ названіемъ онъ далъ полный ходъ своей энергіи, открыто повелъ вражду съ дворянскимъ элементомъ въ Россіи и, какъ тебѣ извѣстно, умно достигъ своей начальной цѣли. Я не скажу, чтобы всѣ дѣйствія Милютина были послѣдствіемъ зрѣлой обдуманности; въ нихъ есть и промахи, но въ общемъ слѣдуетъ отдать ему справедливость, что созданное имъ въ Россіи было историческое и большой важности. Возможно ли послѣ того думать, чтобы тотъ же Милютинъ, призванный для совершенія такого же дѣла въ Польшѣ, гдѣ дворянскій элементъ, считая народъ за *быдло*, окончательно погубилъ край, могъ измѣнить усвоенный имъ образъ мыслей и безусловно подчиниться твоему человѣческому направленію?... Мнѣ хотѣлось возстановить въ твоей памяти, откуда произошелъ Милютинъ со своею идеею и какъ онъ развивалъ ее. Я увѣренъ, что онъ, по свойству самолюбія, не теряетъ надежду докончить начатое имъ дѣло въ Россіи — истребленіе дворянскаго элемента. Онъ, постепенно возвышаясь, ѣдетъ на этомъ конькѣ къ своей цѣли“.

М. Н. Жемчужниковъ былъ незнакомъ съ царствомъ польскимъ и условіями польской народности; онъ зналъ ихъ еще меньше, чѣмъ Милютинъ и его сподвижники. Болѣзненный процессъ, выразившійся въ формѣ польскаго мятежа, представлялся

ему въ видѣ столкновенія двухъ противоположныхъ массъ: меньшинства, угнетающаго народъ, то-есть бунтовавшіеся паны и дворянство, котораго уже не было въ царствѣ польскомъ съ 1807 г. и которое Жемчужниковъ смѣшивалъ съ совокупностью интеллигентныхъ классовъ населенія, — и большинства, то-есть угнетаемаго простого народа, пассивнаго, не бунтовавшаго и спокойнаго. Въ письмѣ 12 мая 1864 г., М. Н. Жемчужниковъ выражается такимъ образомъ: если законъ о крестьянахъ царства польскаго запоздалъ, по случаю мятежа, то изданіе этого запоздалаго закона нельзя отнести къ мщенію за бунтъ, но естественно также, что онъ будетъ осуществляемъ безъ той мягкости и снисходительности для дворянства (т.-е., собственно, для помѣщиковъ), которыми освобожденіе крестьянъ сопровождалось въ Россіи, гдѣ дворянство не бунтовало и не оказывало даже явнаго сопротивленія видамъ правительства. Жемчужниковъ писалъ: „съ полнымъ убѣжденіемъ скажу слѣдующее: еслибы въ Россіи водворился законъ о крестьянахъ по тому направленію, какое ему было дано при Ланскомъ и Милютинѣ, то, конечно, вся администрація была бы на сторонѣ крестьянъ и было бы тяжело для дворян“.

М. Н. Жемчужниковъ полагалъ, что его взгляды безспорны и что они раздѣляются въ душѣ самимъ В. А. Арцимовичемъ. Въ письмѣ 3 мая 1864 г. онъ еще радуется, что „отношенія твои (В. А. Арцимовича) съ Бергомъ, Милютинымъ, Черкасскимъ и другими по управленію — въ пріятной гармоніи“. Между тѣмъ пропеслась молва о томъ, что Милютинъ и Арцимовичъ не сходятся по образу своихъ мыслей. 12 мая, Жемчужниковъ пишетъ: „Согласно твоему желанію, ни я, ни Володя (В. М. Жемчужниковъ) не поѣдемъ къ Милютину. Я всегда понималъ Милютина незамуживающимъ особой деликатности съ твоей стороны“. Тестъ Арцимовича не понимаетъ, почему бы Арцимовичу не сойтись съ Милютинымъ въ примѣненіи крестьянской реформы: „по мнѣнію моему, въ настоящее время только одинъ крупный вопросъ на сценѣ: устроить благоденствіе большинства на счетъ угнетаемаго меньшинства“. Изъ письма 8 іюня 1864 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ понялъ уже, что корень разногласій весьма глубока, и хотя онъ не особый ригористъ по отношенію къ легальности, но не можетъ не одобрить Арцимовича: „ты все-таки останешься славнымъ человѣкомъ, какимъ я началъ знать тебя съ юныхъ лѣтъ твоихъ“.

М. Н. Жемчужниковъ не былъ чуждъ тѣмъ объясненіямъ, которыя происходили, въ августѣ 1864 г., въ Петербургѣ между Влад. Мих. Жемчужниковымъ и Милютинымъ по поводу В. А.

Арцимовича. Изъ письма 3 августа 1864 г. видно, что Вл. Мих. Жемчужниковъ имѣлъ къ Милютину письмо отъ Черкаскаго. „Мы,—писалъ онъ (т.-е. я, В. М. Жемчужниковъ, и Анна М. Арцимовичъ, остававшаяся еще въ Петербургѣ),—единогласно заключили слѣдующее: жаль, что ты не имѣлъ откровенныхъ объясненій съ Милютинымъ; не понимая другъ друга при официальныхъ сужденіяхъ, гдѣ душевная откровенность не имѣетъ мѣста, вы дали возможность верастись взаимнымъ неудовольствіямъ“. Тестъ совѣтуетъ зятю взять отпускъ изъ Варшавы, пріѣхать въ Петербургъ до отъѣзда государя и откровенно, даже при посредствѣ Владиміра, объясниться съ Милютинымъ: „ссориться съ нимъ не должно и нѣтъ причины, ибо онъ любитъ, уважаетъ тебя и желаетъ быть тебѣ полезнымъ“.

Надежды на сглаженіе постепенно обостряющейся размолвки видимо слабѣли. 3 января 1865 г., тестъ пишетъ зятю: „Въ Новый годъ я столкнулся съ Милютинымъ у принца Ольденбургскаго. Онъ, лишь только увидѣлъ меня, быстро подбѣжалъ и послѣ обыкновенныхъ радушныхъ привѣтствій началъ о тебѣ,—очень хвалилъ твои способности и особенно доброту и чистоту твоего сердца, но что эти дорогія въ человѣкѣ качества и твоя легальность могли бы оказать большую пользу Россіи при настоящихъ реформахъ, но никакъ уже не въ Польшѣ, гдѣ кромѣ чернаго народа преобладаетъ лукавство, каждый имѣетъ затаенную мысль и ухищряется обратить легальность въ слабость правительства. Въ этомъ смыслѣ заключился нашъ краткій или, скорѣе, его разговоръ со мною“.

Изъ письма 26 января 1865 г. видно, что М. Н. Жемчужниковъ, еще не потерявъ всѣхъ надеждъ, предлагаетъ Арцимовичу попытаться пойти съ Милютинымъ на компромиссъ. „Государь поставилъ во главѣ управленія тебя—чистаго, добраго, свѣдущаго въ юриспруденціи и съ человѣческимъ направленіемъ—и Милютина, тоже со способностями государственнаго человѣка, знакомаго съ вышшею политикою и съ демократическимъ направленіемъ. Еслибы вы искренно объяснились въ вашихъ воззрѣніяхъ и системѣ дѣйствій, то между вами хотя бы и могли возникать разногласія и неизбежные споры, но не было бы повода къ личностямъ, а личное неудовольствіе между государственными людьми не должно имѣть мѣста. Затаенная неискренность порождаетъ недовѣріе, предубѣжденіе, заднія мысли и даже,—что всего хуже,—желаніе составить свою партію. Черезъ взаимное сближеніе между умными людьми могутъ послѣдовать взаимныя уступки,

то-есть чистосердечное сознаніе, чьи дѣйствія ближе къ прочному основанію спокойствія и блага въ странѣ“.

Въ февралѣ 1865 г., разыгралась борьба Милютина съ Арцимовичемъ по предмету образованія юридической комиссіи по идеѣ Милютина. Арцимовичъ помышлялъ только объ оставѣхъ съ пансіономъ. 22 февраля 1865 г., тестъ уже знаетъ, что Арцимовичъ не останется въ Варшавѣ; онъ ему совѣтуетъ не падать духомъ, не покидать службы, потому что, можетъ быть, государь вызоветъ его изъ царства польскаго не по неудовольствію на него, а въ желаніи доставить ему, какъ полезному для имперіи челоуѣку, возможность служенія въ Россіи, и сообщаетъ ему, что, по свѣдѣніямъ отъ Буткова, Арцимовичъ будетъ вызванъ для присутствованія въ правительствующемъ сенатѣ.

31 марта 1865 г., написано М. Н. Жемчужниковымъ слѣдующее письмо: „Заключеніе твое о дѣйствіяхъ Милютина совершенно справедливо, ибо то же самое подтвердилъ князь Суворовъ (бывшій с.-петербург. генералъ-губернаторъ), который просилъ передать тебѣ его поцѣлуй. Суворовъ говоритъ, что Милютинъ одинаково какъ тебя, такъ и Берга считаетъ вредными для видовъ правительства по учрежденію порядка въ царствѣ польскомъ; но, впрочемъ, отзываясь о тебѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ полную справедливость твоимъ дарованіямъ, благородству чувствъ и юридическимъ познаніямъ, и признаетъ, что по твоимъ качествамъ и мягкосердечію ты могъ бы быть очень полезнымъ для Россіи, но не для Польши, въ которой, по укоренившейся лжи, лицемерію и затаенной ненависти къ правительству легальность твоя вовсе неумѣстна. Изъ словъ князя Суворова я могъ понять, что Милютинъ такъ относится къ тебѣ и передъ Государемъ“.

Въ августѣ 1865 г., сенаторъ Жемчужниковъ сильно заболѣлъ. Арцимовичъ поспѣшилъ къ нему въ Петербургъ, взявъ отпускъ. Онъ писалъ къ женѣ (25 августа): „Графъ Бергъ не очень доволенъ моимъ отъѣздомъ; онъ чувствуетъ, что мои объясненія въ Петербургѣ будутъ имѣть послѣдствіемъ окончаніе моей служебной дѣятельности въ Варшавѣ“. М. Н. Жемчужниковъ скончался 3 сентября 1865 года. Арцимовичъ былъ при его кончинѣ, представлялся государю 6 сентября, послѣ чего сообщилъ женѣ: „Окончаніе вопроса о моей службѣ Императоръ отложилъ до конца моего отпуска. Онъ поцѣловалъ меня и бесѣда продолжалась около получаса“.

Въ слѣдующемъ, 1866 году, въ декабрѣ, послѣ засѣданія у государственнаго канцлера, въ которомъ Милютинъ стоялъ за

расторженіе конкордата 1837 г. съ папскимъ престоломъ,—что и послѣдовало,—Милютинъ пораженъ былъ нервнымъ ударомъ, отъ котораго онъ не оправился, такъ что съ этого момента политическая его дѣятельность прекратилась. Онъ умеръ въ Москвѣ 26 января 1872 года. Арцимовичъ навѣстилъ его въ Петербургѣ въ 1869 г., послѣ возвращенія его изъ-за границы. Бесѣда была спокойная о постороннихъ предметахъ, имѣвшая характеръ разговора между давнишними пріятелями. У Милютина ослабѣла память личныхъ именъ, и онъ путался въ указанія на личныхъ знакомыхъ. Теперь оба крупные дѣятеля по крестьянскому вопросу и въ имперіи, и въ царствѣ польскомъ, сдѣлавшіеся потомъ претивниками по преобразованіямъ въ царствѣ, послѣ движенія 1863 г., и давно сошедшіе со сцены, повоятся въ могилахъ. Вопросы, по которымъ они другъ съ другомъ воевали, или разрѣшены, или отложены. Они могутъ интересоваться только историка. Такъ какъ побѣду одержалъ Милютинъ и такъ какъ существующій донинѣ въ царствѣ польскомъ порядокъ вещей—цѣлыхъ 35 лѣтъ по превращеніи мятежа—есть, главнымъ образомъ, его произведеніе и выдѣленъ, можно сказать, его руками, то неизбежно ставится вопросъ: можетъ ли эта страна считаться устроенною? можетъ ли заведенный въ ней порядокъ считаться нормальнымъ? Крѣпко ли она связана съ центромъ государства? Не допущено ли по отношенію къ ней такого продолжительнаго бездѣйствія правительственной власти, въ какомъ винилъ Милютинъ управленіе князя Паскевича въ своей запискѣ объ учебной части въ царствѣ польскомъ?

Можно дать этому важному вопросу другую постановку. Можно спросить: какой бы видъ имѣло нынѣ устройство царства польскаго, еслибы восторжествовала другая политика? еслибы были приняты во вниманіе—не скажу, предостереженія, а совѣты, которые давалъ Арцимовичъ? еслибы это управленіе не являло изъ себя донинѣ вида военного лагеря, разбитаго въ чужомъ непріятельскомъ краѣ?—Хотя полякъ по происхожденію, Арцимовичъ былъ значительно обрусѣвшій человекъ, никогда не питавшій мечтаній, которыя имѣлъ въ виду Александръ II, произнося извѣстныя слова: „*pas des rêveries*“, никогда даже не увлекавшійся идеями Вѣлѣпольскаго и не помышлявшій объ автономіи царства польскаго подъ крыломъ Россіи. Арцимовичъ былъ типическій русскій законникъ и политикъ, отмѣченный печатью пережитой имъ эпохи великихъ реформъ, отличавшійся, можетъ быть, отъ другихъ того же рода людей только тѣмъ, что имѣлъ много гуманности и что питалъ въ себѣ нѣко-

торое довѣріе въ тѣмъ, которыхъ призванъ былъ устраивать, что не всѣхъ онъ зачислялъ гуртомъ въ „лукавые“. Онъ не безъ основанія полагалъ, что нельзя при устройствѣ усмирённой страны обойтись безъ содѣйствія тѣхъ изъ ея жителей, которые умнѣе, трезвѣе и разсудительнѣе. Еще и нынѣ не потеряли своей цѣны и не сдѣлались непригодными тѣ оставленныя безъ вниманія критическія указанія, которыя онъ давалъ своимъ товарищамъ по устройствѣ царства польскаго, и которыми я заключаю мою статью, заимствуя ихъ изъ его писемъ и черновыхъ набросковъ:

„Милютинъ устраивалъ край, котораго не знаетъ. Я не принимаю на свою отвѣтственность дѣлъ, которыхъ не знаю или не успѣлъ еще обнять“ (Письмо, 1 февр. 1865 г., къ М. Н. Жемчужникову).

„Наши дѣятеля, пріѣхавши въ страну, отвернулись отъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, отталкиваютъ ихъ съ безпредѣльною злобою и не хотятъ искать опоры въ странѣ“ (Письмо, 7 февраля 1865 г., къ нему же).

„Мы должны считаться съ національностью, съ выработавшимися на мѣстѣ юридическими воззрѣніями, съ политическимъ настроеніемъ населенія. Управление страны не должно основывать свою силу на прошлыхъ явленіяхъ революціоннаго движенія“ (Черновые наброски).

Вл. Спасовичъ.

28 февраля 1901 г.
С.-Петербургъ.

РУССКАЯ АРМЕНІЯ

Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа.

III.—У Арарата *).

У станціи Эйлантъ, Араратъ уже выросъ въ цѣлую громаду Малаго и Большого Арарата. Туманная масса ихъ, загородившая часть неба, несмотря на большую даль, — кажется висящею въ воздухѣ, потому что основаніе ея тонетъ въ какой-то лучистой мглѣ. Облака густо укутали вершину тысячелѣтняго старца и ожерельемъ увили шею его. Цѣлая гряда болѣе низкихъ горъ, связанныхъ съ Араратомъ, мерцаетъ въ неясныхъ очертаніяхъ подъ грядою освѣщенныхъ облаковъ; это — стѣна, отдѣляющая отъ Кавказа турецкую Азію.

Мы ѣдемъ словно прямо къ подножію горы Ноя; ея грандіозная двойная пирамида господствуетъ здѣсь надъ всѣмъ, всему здѣсь придаетъ свой характеръ, свою фizioномію.

А въ то же время, справа отъ насъ, гораздо ближе, яснѣе, осязательнѣе, поднимается цѣлый хребетъ снѣжныхъ вершинъ Алагёза, за которыя зацѣпились и обложили ихъ, какъ отары овецъ, — вереницы облаковъ.

Отъ Эйланта картина рѣзко мѣняется. Мы словно попали въ другой міръ: свѣжая весенняя зелень безчисленныхъ тополей, яркія нивы озимыхъ хлѣбовъ; вездѣ бурно текутъ оросительныя каналы; сады, огороды съ тщательно разбитыми грядочками, словно разлинѣванные искуснымъ чертежникомъ; цѣлая долина рощицъ

---

*) См. выше, май, 107 стр.

и селений тянется къ самой Эривани. Вотъ мы взвѣшаемъ на вершину перевала, — и вдругъ очутились надъ прелестнѣйшею панорамой, разстилавшеюся глубоко у нашихъ ногъ. На огромное пространство, во всѣ стороны, раскинулся одинъ безконечный золотисто-зеленый паркъ тополей, орѣховъ, смоковницъ, и среди него свободно разбросаны живописные домики и дворы Эривани, съ ея древними храмами и мечетями. А надъ всѣмъ вдали поднимается высоко въ небеса, будто какой-то титанической шатеръ, туманно-серебристая громада Арарата. Коляска наша неистово сомчалась внизъ по тѣнистому шоссе среди садовъ и дворовъ и внеслась въ длинную Астафьевскую улицу, обставленную весьма приличными домами оригинальнаго туземнаго стиля. Въ гостинницѣ „Grand Hôtel“, какъ разъ противъ городского гульбища, мы нашли весьма порядочную комнату съ двумя кроватями, всего за 2 рубля въ сутки, и съ искреннимъ удовольствіемъ расположились на отдыхъ послѣ нѣсколькихъ дней почтовой ѣзды...

Утро встало ясное, сине-золотое, какого не знаетъ не только наша зима или поздняя осень, но даже и весна. Превосходные парные фаятоны, еще всѣ съ иглочки, стоятъ къ вашимъ услугамъ, тутъ же противъ гостинницы, въ тѣни бульвара. За конецъ — 30 коп., въ часъ — 60 коп., что для Кавказа довольно милостиво. У меня было нѣсколько писемъ отъ брата къ его эриванскимъ знакомымъ, и я съ утра отправился разыскивать ихъ, чтобы не начинать осмотра невѣдомаго города безъ совѣта знающихъ людей. Но мнѣ не повезло, — не могъ захватить рѣшительно ни одного. Директоръ гимназіи Б—ковъ, — ученикъ моего брата, — оказался въ женской гимназіи, куда онъ провожалъ пріѣзжавшаго изъ Тифлиса ревизора. Податного инспектора К—на и директора учительской семинаріи М—ева также не удалось застать. Дѣлать было нечего, и, чтобы не терять времени, я нанялъ за 5 руб. колясочку тройкою въ Эчмиадзинъ и обратно. Выѣхали только въ девять часовъ. Выѣзжая изъ города, все время любовались на скалистые обрывы Занги, на которыхъ густо толпятся безкрышіе азіатскіе домики, сѣрые какъ сама скала.

Проѣхали насквозь шумный восточный базаръ съ многочисленными обозами навьюченныхъ верблюдовъ, съ сѣрыми ишаками, на хвостахъ которыхъ торчатъ длинноногіе, худые татары, на терпкихъ спинахъ которыхъ навалены закрывающіе ихъ совсѣмъ, съ головой и ногами, мѣшки съ саманомъ, углемъ и камнемъ, доски, ящики, боченки всякой величины. Тутъ и персіяне въ раскрашенныхъ красныхъ бородахъ, обрѣзанныхъ тщательно какъ дощечки, въ черныхъ бараньихъ камилавкахъ на затылкѣ, моло-

дые красавцы-персюки атлетическаго сложенія, оборванные деревенскіе армяне въ лохматыхъ рыжихъ папахѣхъ, сановитые татары въ чалмахъ, молодцы-казаки. Татарки всѣ въ черныхъ саванахъ, съ бѣлыми длинными покрывалами или завернуты въ розовыя одѣяла.

Дома очень порядочные, но невысокіе, всѣ съ рѣзными персидскими балконами, всѣ плоскокрышіе, такъ что издали кажется, будто со всей улицы буря сорвала крыши. Бездѣ тѣнь деревьевъ, тротуары и журчащіе около нихъ армы.

Переѣхавъ Зангу по прочному каменному мосту, мимо безглазыхъ каменныхъ мельницъ, мы повернули налѣво, вдоль берега рѣки, и проѣхали какъ разъ подъ стѣною древней крѣпости, что высится на той сторонѣ рѣки, на скалистомъ, обрывистомъ берегу, — неприступная для своихъ старинныхъ враговъ, но уже порядочно разрушенная стѣна. Обширный охватъ крѣпости, ея уцѣлѣвшія башни, ея массивныя и высокія стѣны, выведенныя подъ лицо обрывистой скалы, и во многихъ мѣстахъ еще не тронутыя, внушительно смотрятъ на мирныхъ проѣзжихъ и придаютъ Эривани какую-то историческую живописность.

Выше этихъ стѣнъ еще живописнѣе виситъ изъ-за нихъ надъ проваломъ рѣки полуразрушенный домъ бывшаго сардара, правителя Арменіи, красуясь своими характерными рѣзными окошками изъ мелкоузорчатыхъ, разноцвѣтныхъ стеколъ. А поправѣе дворца сардара поднимается изъ-за стѣнъ ослѣпительно сверкающую на солнцѣ ярко-голубую глазурь своего купола покинутая мечеть старыхъ хановъ.

Мы посѣтили потомъ эти замѣчательныя развалины старинныхъ памятниковъ персидскаго зодчества. Ворота въ крѣпость завалены, и экипажу приходится пробираться черезъ тѣсный проѣздъ въ проломѣ глиняной стѣны. Кучки казачьихъ коней привязаны на приволахъ въ разныхъ мѣстахъ. Крѣпость теперь обращена подъ постой русскихъ войскъ. Входъ во дворъ мечети тоже заваленъ; но ея фасадъ и арки обложены тою же дивною голубою глазурью изумительнаго рисунка, какою мы восторгались когда-то въ урѣхъ кованскаго хана и на входныхъ минаретахъ знаменитыхъ мусульманскихъ мечетей Самарканда. Дворъ сардара былъ запертъ, и на стукъ нашъ ворота отворила молоденькая дѣвочка, дочь русскаго сторожа ханской урды, которая и провела насъ во дворецъ. Уцѣлѣла, строго говоря, одна только большая пріемная зала съ тремя крошечными комнатками — альеями на рѣку. Зала эта — верхъ персидской роскоши и вкуса. Стѣны почти сплошь зеркальныя; зеркала окружаютъ панели съ

яркою живописью цвѣтовъ по бѣлому фону, словно по фарфору; зеркала вѣшаны затѣйливыми медальонами въ потолокъ; изъ зеркалъ сложены и обшивка оригинальныхъ граненныхъ колоннъ, и ихъ многоступенчатые, ячестыя капители, сверкающія черезъ это какъ алмазы отраженными со всѣхъ сторонъ свѣтомъ. На верхнемъ поясѣ стѣнъ, среди зеркалъ и расписныхъ панелей—большіе, хорошо написанные портреты во весь ростъ персидскихъ шаховъ, а въ нижней половинѣ стѣнъ—множество альбовчиковъ, вѣшанныхъ ячейками и ярко расписанныхъ масляными красками,—своего рода домашніе шеафчики и этажерки.

Такия же зеркала и такая же яркая живопись на потолкахъ и стѣнахъ маленькихъ донжоновъ, глядящихъ на рѣку. Потолки здѣсь—острыми, многогранными сводами, сложенными изъ зеркальныхъ пластинокъ разной величины въ оригинальныя ячейки своего рода. Окна во всю стѣну, съ мелкоузорчатыми рамами персидскаго стиля, съ разноцвѣтными стеклами. Намъ приподняли одно изъ этихъ широкихъ, какъ ворота, оконъ, и за нимъ открылся чудный видъ на Зангу, бушующую среди камней глубоко внизу, въ отвѣсномъ скалистомъ ложѣ, какъ разъ подъ арками каменнаго моста, черезъ который въ эту минуту казаки проводили цѣлый эскадронъ своихъ верховыхъ коней,—и, ринувшись вмѣстѣ съ ними въ шумные водовороты рѣки, поили тамъ своихъ лихихъ скакуновъ, сбившись въ картинныя группы...

На пять верстъ изъ Эривани тянутся виноградники и сплошные роскошные сады орѣховъ, смоковницъ, шелковицъ, персиковъ, абрикосовъ; все это уже позолотилось румянцемъ осени, но еще крѣпко держитъ листь, несмотря на наступившій ноябрь. Стройные пирамидальные тополя огромной высоты съ своими бѣлыми стволами и скрученными желтыми зонтиками—окружаютъ всѣ сады и дороги и даютъ характерную фیزیономію окрестному пейзажу. Куда ни кинешь глазъ,—вездѣ нескончаемые ряды, полки, легионы тополей. Они такъ нѣжно и весело вырѣзаются своимъ золотымъ кружевомъ на прохладной голубизнѣ неба! Виноградники частью уже глубоко закопаны и засыпаны землею на зиму. Канавы, орошеніе—на каждомъ шагу, въ садахъ, въ поляхъ, въ виноградникахъ, всегда окруженныхъ высокими каменными и глиняными оградами, на подобіе среднеазиатскихъ „дуваловъ“. По дорогѣ никакъ не обминуешь длинныхъ каравановъ верблюдовъ, осликовъ и даже быковъ, нагруженныхъ вьюками. Послѣ дилижанскаго перевала буйволовъ почти уже не встрѣчается,—ихъ замѣнили быки.

Несмотря на высоту 3.000 футовъ, на которой мы теперь находимся, югъ даетъ себя знать. Солнце грѣетъ какъ лѣтомъ; обиліе всякихъ плодовъ кругомъ, всѣ ходятъ по лѣтному, живутъ на балконахъ и крышахъ, окна и двери вездѣ настежь, ни одной мѣховой шапки ни на комъ, и пыль по дорогамъ и улицамъ—какъ у насъ въ іюлѣ.

Но черезъ пять верстъ—степь, густо засѣянная мелкими камешками,—ни хлѣбовъ, ни травы! Темнобурья и черныя овцы одиѣ бродятъ по ней; бродятъ также и жуютъ что-то горбачи-верблюды. Вездѣ, куда нельзя здѣсь провести воды, — мертвая пустыня, хотя лѣвѣе, подъ далекими снѣговыми горами, уходитъ въ таинственную даль широкая и ровная долина, вся заросшая тополями и садами, вся сверкающая водными лентами канавъ.

Араратъ уже съ утра охватилъ, поразилъ, околдовалъ мое воображеніе. Отсюда онъ еще великолѣпнѣе: громадная снѣговая масса, воздымающаяся изъ такой дали выше деревьевъ и домовъ перваго плана, сверкаетъ тамъ на горизонтѣ словно среброкованный престолъ Божій. Нельзя оторвать глазъ отъ этого божественнаго титана. Онъ все время провожаетъ насъ, властвуя надъ всѣмъ, и кажется, будто двигается вмѣстѣ съ нами къ Эчмιάдину. Никакая ближняя возвышенность не въ силахъ заслонить его.

Малый Араратъ—острая, круглая пирамида, почти конусъ, сравнительно небольшой приростокъ Большого; Большой Араратъ—широкая, величественная пирамида съ чуть замѣтно округленными тремя зубьями его вершинъ; четвертая—нѣсколько ниже и острѣе; за нею скатъ—и крутое плечо, тоже въ вѣчныхъ снѣгахъ. Длинная, пологая сѣдлина связываетъ Большой Араратъ съ его меньшимъ братомъ.

Особенно хорошъ этотъ снѣговой старецъ, загораживающій небо, когда на его туманно-серебристомъ фонѣ вырѣзаются стройные ряды золотистыхъ тополей или темные горбатые силуэты пасущихся верблюдовъ, того же самаго уныло-сѣраго цвѣта, какъ и глина пустыни, и ея лохматые бурьяны, среди которыхъ они бродятъ. Проѣхали Ширабадъ, деревню съ хорошими, большими домами, со множествомъ садовъ. А за нею—опять пустыня.

Но вотъ еще разъ появились вдали на равнинѣ нескончаемые полчища тополей и садовъ, и изъ-за нихъ неожиданно вынырнули въ разныхъ мѣстахъ характерные острые шатры восьмиугольных армянскихъ храмовъ.

Это—Эчмιάдинъ съ своимъ посадомъ Вагаршапатомъ, древнѣйшею столицею былого армянскаго царства.

Мы теперь въ странѣ самыхъ младенческихъ преданій чело-
вѣчества, въ настоящей колыбели его исторіи. Тысячелѣтнія пре-
данія всѣхъ народовъ сюда именно относятъ первоначальное жи-
тельство человека, откуда онъ началъ свое расселеніе по лицу
земному и свое раздѣленіе на семитовъ, іафетитовъ и хамитовъ,—
три основныя породы его, заключившія въ себѣ все послѣдую-
щее безконечное разнообразіе племенъ и нарѣчій.

Убѣжденіе наивнаго простонародья араратскихъ окрестностей
до сихъ поръ искренно раздѣляетъ вѣру средневѣковыхъ уче-
ныхъ путешественниковъ и богослововъ о чудесномъ нахожденіи
на недоступныхъ вершинахъ этой святой горы незримаго для
грѣшныхъ очей ковчега праотца Ноя. До трехъ разъ благоче-
стивый пустыльникъ Іаковъ силился подняться въ свое время до
таинственной вершины, но каждый разъ, выбившись изъ силъ,
засыпалъ на полупути и пробуждался опять у подножья горы,
откуда начиналъ свое восхожденіе. Онъ получилъ, однако, во снѣ
кусочекъ дерева изъ Ноева ковчега въ даръ за свое усердіе и по-
жертвовалъ эту святыню въ эчміадзинскій монастырь, гдѣ она
хранится и доселѣ.

И хотя впоследствии разные ученые, каковы Парротъ, Абихъ,
Ходзько и другіе, увѣряли, будто они достигли самой высшей
точки Большого Арарата и нигдѣ тамъ не видѣли ковчега Ноева,
но въ глазахъ благочестивыхъ людей эти похвалы невѣрую-
щихъ ученыхъ не имѣютъ никакого значенія, ибо необходима
особенная святость жизни, чтобы быть удостоеннымъ лицезрѣть
араратскую святыню, пребывающую въ его ледникахъ со дня
всемирнаго потопа. А что праотецъ Ной здѣсь именно остано-
вилъ ковчегъ свой, построенный изъ негнющаго дерева гоферъ,
то объ этомъ совершенно ясно сказано въ священномъ писаніи;
да и вся окрестная страна полна свидѣтельствъ объ истинѣ этого
событія.

Недаромъ широкая долина араратская такъ обильна солонче-
ватою почвою, вышедшею изъ подъ соленыхъ пучинъ моря, за-
лившаго въ дни потопа сушу земную; недаромъ въ сосѣдствѣ
святой горы—нахичеванскія соляныя копи и знаменитыя залежи
вульпинской соли.

А самый городъ Нахичеванъ есть именно то мѣсто, гдѣ, по
вѣрованію армянъ, поселился, по выходѣ изъ ковчега, и потомъ
умеръ Ной, прародитель челоуѣчества. Въ Нахичевани издревле
показывали могилу Ноя, въ которой всегда во множествѣ при-
текали паломники изъ всѣхъ странъ міра, да и слово „Нахиче-

вань" прямо-таки обозначаетъ на древне-армянскомъ языкѣ — „первое жилище“.

Писатели армянскіе связываютъ и названіе города Эривани съ всемірнымъ потокомъ. Мѣстные жители произносятъ это слово — „ереванъ“, что означаетъ по-армянски: „видно“, „показалось“. Древнее преданіе увѣряетъ, будто Ной, осматривая въ первый разъ послѣ выхода изъ ковчега съ высотъ Арарата окрестныя земли, прежде всего увидѣлъ показавшіяся изъ-подъ воды потопа возвышенности Эривани, почему и произнесъ слово „еревуме“, т.-е. „видна“ (земля).

Недалеко отъ Эривани есть мѣстность „Аркури“, названіе котораго составлено изъ двухъ словъ: „аръ“ и „ури“, что въ переводѣ значитъ: „онъ насадилъ виноградную лозу“. Мѣсто это считается туземцами за то самое, гдѣ Ной насадилъ первый виноградникъ, и отсюда винодѣліе распространилось потомъ во всѣ стороны, въ Азію и на Кавказъ. На восточной сторонѣ Арарата существуетъ маленький округъ, называемый Арнойвотнъ, что обозначаетъ по-армянски: „при ногѣ Ноя“; мѣстное преданіе объясняетъ это названіе тѣмъ, что Ной остановился здѣсь при выходѣ изъ ковчега.

Рай первыхъ человѣковъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей древности, тоже былъ недалеко отъ Арарата, у истоковъ рѣки Евфрата, и этого взгляда держался даже поэтъ-богословъ Милтонъ въ своей поэмѣ „Потерянный Рай“. По какой-нибудь причинѣ и множество древнѣйшихъ мифовъ приурочиваются къ странѣ под-араратской. Мифъ о Прометѣѣ, похитившемъ у Зевса божественный огонь и прикованномъ къ скалѣ Кавказа, легенды объ аргонавтахъ, искавшихъ золота въ одной изъ рѣкъ Закавказья, — всѣ стремятся къ тѣмъ же первобытнымъ мѣстамъ, въ которыхъ вѣковѣчныя вѣрованія народовъ признали колыбель человѣчества. Да и не даромъ кругомъ Арарата возникло одно изъ самыхъ древнѣйшихъ царствъ земли — царство армянское, современникъ Вавилона и Ассиріи, извѣстное еще задолго до Моисея и его пяти книгъ. Армяне по справедливости могутъ считаться среди современныхъ народовъ старѣйшими сынами земли. О нихъ уже говоритъ Библия и до-историческія гвоздеобразныя надписи ассирійцевъ.

Сами армяне называютъ себя не этимъ общеупотребительнымъ у всѣхъ народовъ именемъ, а „гайканцами“, по имени перваго мифическаго царя ихъ — Гайка. Армянами же прозвали ихъ древніе греки, — можетъ быть, желая выразить этимъ ихъ принадлежность къ арійскому племени; по объясненію же армянскихъ

ученных, названіе армянъ усвоено имъ сосѣдними народами по имени одного изъ первыхъ славныхъ царей ихъ, Арама, потомка Гайка, который, по преданію, совершилъ множество подвиговъ храбрости и мудрыхъ дѣяній, значительно расширившихъ предѣлы его царства.

Торгому, или Ооргому, прямого внука Іафетова отъ сына его, Гомера, армяне считаютъ родоначальникомъ племени, изъ котораго вышелъ Гайкъ, и притомъ его роднымъ отцомъ; поэтому они нерѣдко величаютъ себя въ старинныхъ книгахъ и актахъ „домомъ Торгомы“. Вотъ отъ какой до-исторической древности, отъ какихъ ветхозавѣтныхъ преданій, ведетъ свое происхождение армянскій народъ. Сравнительно съ этою сѣдою древностью древность нашихъ Гостомысловъ и Рюриковъ—кажется дѣтскою шуткой.

Свою священную гору армяне называютъ не Арарать, а Массисъ; Айрарать же было названіе старинной армянской области, въ которой лежала эта гора.

Армяне и до сихъ поръ считаютъ свой Массисъ недоступнымъ для ноги смертнаго, твердо помня легенду о святомъ инокѣ Іаковѣ. Это благочестивое повѣрье долгое время отнимало у смѣлыхъ и любознательныхъ людей всякую охоту добратся до таинственныхъ вершинъ горы. Новѣйшіе ученые мало-по-малу разрушили, однако, эту славу неприступности Арарата. Первую побѣду одержалъ надъ нею нашъ русскій академикъ, профессоръ дерптскаго университета, Фр. Парротъ. Послѣ нѣсколькихъ дней крайне тяжелаго и опаснаго пути по скаламъ и ледникамъ, на которые цѣлыя тысячелѣтія не вступала нога человѣка, Парротъ поднялся на высоту 16.200 футовъ надъ поверхностью моря, на цѣлыхъ 1.062 фута выше вершины Монблана.

На память объ этомъ научномъ подвигѣ своемъ, а также и о боевомъ подвигѣ русскихъ богатырей, завоевавшихъ, вмѣстѣ съ другими армянскими землями, и священный Арарать, Парротъ поставилъ среди льдовъ горы Ноевой высокій крестъ, выкрашенный черною краскою, съ латинскою надписью:

„Nicolao Pauli filio, totius Rutheniae autocratore jubente, Hoc Asylum sacrosanctum, armata manu, vindicavit fide christiana, Iohannes Friderici filius, Paskewitsch ab Erivan, anno Domini MDCCCXXVI“.

(„По повелѣнію Николая Павловича, Самодержца всея Руси, это священнѣйшее убѣжище отвоевалъ вооруженною рукою для вѣры христіанской Иванъ Ѳеодоровичъ Паскевичъ Эриванскій въ лѣто Господне 1826“).

По слѣдамъ Паррота многіе другіе ученые и путешественники успѣли потомъ побывать на вершинѣ Арарата, хотя нѣкоторые изъ нихъ заплатились за это не только здоровьемъ, но и жизнью.

Араратъ служить теперь пограничнымъ столбомъ своего рода между владѣніями русскими, турецкими и персидскими, которыя всѣ сходятся на немъ; но большая часть его склоновъ все-таки принадлежит Россіи. Живутъ на Араратѣ курды магометане. Это—отъявленные грабители и разбойники, которыхъ никогда нельзя застать дома, потому что они или на добычѣ, или скрываются въ лѣсахъ отъ неудобныхъ для нихъ посѣтителей. Каждый изъ нихъ замѣшанъ въ нѣсколькихъ уголовныхъ преступленіяхъ, —потому имъ нельзя показываться на глаза властямъ; оттого, когда начальство приѣзжаетъ въ ихъ селенія собирать подати, то ни одного мужчины не бываетъ на лицо. Въ домахъ остаются только дѣти да женщины, которыя уже и уплачиваютъ требуемыя деньги. Въ одномъ только селеніи Ахури на Араратѣ жили прежде армяне, но мало-по-малу курды вытѣснили ихъ оттуда, и теперь Ахури—такое же чисто курдское село, какъ и другія. Путешественники, желающіе подняться на Араратъ, берутъ обыкновенно проводниковъ съ русской стороны изъ ближайшей армянской деревни, и уже тогда курды, изъ уваженія къ сосѣдямъ, не трогаютъ путешественниковъ. До сихъ поръ еще изъ разныхъ мѣстъ Закавказья и турецкой Арменіи поднимаются на Араратъ къ источнику св. Іакова благочестивые люди, чтобы почерпнуть святой воды и привести за собою стаи розовыхъ скворцовъ, истребляющихъ саранчу.

Даже безъ особенныхъ географическихъ изысканій, „простымъ глазомъ“ ясно видно, что горная масса Арарата, выпертая на такую страшную высоту изъ темныхъ нѣдръ земныхъ,—представляетъ собою главный очагъ вулканической катастрофы, поднявшей когда-то на свѣтъ Божій примыкающіе къ Арарату, какъ къ своему центральному узлу, горные хребты и плоскія возвышенности, и разверзнувшей въ то же время глубокія провалы трехъ великихъ армянскихъ озеръ,—Гокчи на сѣверо-востокъ отъ Арарата, Вана—на юго-западъ и Урміи—на юго-востокъ.

Безъ сомнѣнія, этимъ же могучимъ подвигомъ и проваломъ коры земной направились по своимъ нынѣшнимъ русламъ и всѣ большія рѣки араратскихъ окрестностей,—Араксъ на востокъ въ Каспійское море, не доходя котораго онъ слился съ Курою, Евфратъ и Тигръ—на югъ, въ далекій бассейнъ Персидскаго залива.

Оттого Араратъ представляется какимъ-то царственнымъ владыкою всей мѣстности, далеко охватывающей его со всѣхъ сторонъ.

Его двухголовая пирамида, такъ еще мало потерявшая характерную фizioномію вулкана, кажется тѣмъ громаднѣе и величественнѣе, что не заслоняется отъ насъ ни малѣйшимъ пригоркомъ, а видна прямо за широкою, гладкою низиною долины Аракса, вся на нашихъ глазахъ отъ пяты до макушки, между тѣмъ какъ почти всѣ знаменитыя своею высотой горы Европы и Азіи поднимаются обыкновенно изъ-за цѣлыхъ хребтовъ другихъ высокихъ горъ, сильно срадывающихъ ихъ индивидуальную высоту...

Быть можетъ, этимъ объясняется и особенно благотворное впечатлѣніе, которое Араратъ издревле производилъ на сосѣдніе намъ народы, и которое наглядно выразилось въ священномъ для всѣхъ этихъ народовъ, мусульманъ, христіанъ и язычниковъ, значеніи этой горы.

Вотъ мы, наконецъ, и у Эчмιάдина, до котораго отъ Эривани не болѣе 18 или 20 верстъ. На зеленомъ дугу вправо отъ дороги упражняются въ джигитовкѣ удалые казаки полтавскаго кубанскаго полка. Это не совсѣмъ подходящее вступленіе въ древнюю духовную столицу армянскаго народа.

Настоящій привратникъ Эчмιάдина — это древній храмъ св. Рипсимы, одиноко торчащій за широкою крѣпостною оградою пустого двора. Массивный, несокрушимый соборъ изъ тесаннаго камня, типическаго армянскаго стиля, съ обычною острою пирамидою кровли и восьмигранною центральною башнею, — потемнѣлъ до черноты отъ копоти вѣковъ, и среди веселой зелени луговъ и деревьевъ смотритъ какимъ-то мрачнымъ отшельникомъ.

Храмъ этотъ построенъ еще въ самомъ началѣ IV вѣка и былъ современникомъ обращенія Арменіи въ христіанство.

Онъ считается одною изъ главныхъ святынь Арменіи, и именовать его мы, разумѣется, не желали.

Остановили свою коляску передъ воротною башнею этой былой средневѣковой твердыни и послали на развѣдки армянина-извозчика. Сейчасъ же вышелъ къ намъ монахъ или священникъ, въ обычной армянской камилавкѣ или клобукѣ, слегка раздутымъ вверху. Онъ произнесъ нѣсколько словъ по-русски, приглашая насъ войти, но просилъ захватить съ собою извозчика въ качествѣ толмача, ошибочно предполагая, что нашъ само-

увѣренный возница и вправду много больше знаетъ по-русски, чѣмъ самъ почтенный іерей...

По длинной приставной лѣстницѣ, оставленной работающими здѣсь каменщиками, поднялись мы на довольно высокую каменную площадку, на которой какъ на фундаментѣ поставлена церковь. Попъ отперъ ключомъ дверь, мы вошли,—внутри та же пустыня, что и на дворѣ: высокія голыя стѣны выбѣлены известью; ни иконъ, ни лампадокъ нигдѣ. Престолъ открытъ, какъ у католиковъ, и передній фасъ его расписанъ святыми и апостолами. Надъ престоломъ—картина итальянской живописи, копія съ Рафаэля. Въ сторонѣ—памятникъ изъ прозрачнаго алебастра одному изъ католиковъ, а внизу, подъ алтаремъ—темная пещерка, гдѣ стоитъ мраморный гробъ св. Рипсимы; на крышѣ гроба прекрасно исполненный и совсѣмъ еще новый портретъ св. мученицы,—вѣроятно, плодъ фантазіи какого-нибудь современнаго художника. Тутъ же на гробѣ камень,—будто бы одинъ изъ тѣхъ, которыми мучили когда-то святую дѣву.

Рипсима была одна изъ первыхъ въ Арменіи исповѣдницъ и мученицъ за вѣру Христову. Она была современницей св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, и въ числѣ другихъ 37-ми дѣвъ была замучена въ Вагаршапатѣ.

Церковь другихъ исповѣдницъ, подругъ Рипсимы, очень похожа, и архитектурой, и отдѣлкой, на осмотрѣнный нами храмъ, но въ ней сохранилось еще менѣе интересныхъ остатковъ древности. Этотъ храмъ св. Гайяны, тоже окруженный каменною оградой,—почти рядомъ съ храмомъ св. Рипсимы.

Вагаршапатъ, долгое время бывший столицею древнихъ царей армянскихъ, теперь даже не городъ, а простое мѣстечко. Однако, это не мѣшаетъ ему быть административнымъ центромъ „Эчмиадзинскаго уѣзда“. Въ немъ и полицейское управленіе, и почтовая контора, нотаріусъ и аптека; дома весьма изрядные, съ рѣзными и тѣнистыми персидскими балконами; есть даже „номера Берлинъ“, которые, однако, смотря что-то пусто и безжизненно. Къ удивленію моему, въ этомъ духовномъ и политическомъ центрѣ армянства—торговли почти нѣтъ, лавокъ очень мало, особенно если не считать „ренскихъ погребовъ“ и винныхъ складовъ. Нѣсколько парныхъ фаэтоновъ стоятъ на площади.

Мы отпустили своего извозчика пообѣдать и покормить лошадей, а сами двинулись съ площади пѣшкомъ къ монастырю.

IV.—Эчмиадзинъ.

Эчмиадзинскій монастырь, охваченный отовсюду крѣпостною стѣною съ башнями,—цѣлый городокъ своего рода. Пройдя зданія синода армянской церкви и обширные корпуса духовной академіи, увѣнчанные по срединѣ куполомъ и окруженные просторнымъ зеленымъ скверомъ, вы входите во внутренний дворъ.

Это какъ бы цитадель крѣпости, святая святыхъ монастыря. Просторная площадь обнесена, какъ стѣною, сплошнымъ четырехугольнымъ монашескихъ келій, въ связи съ которыми и новый трехъ-ярусный домъ изъ темнаго тесаннаго камня, съ десятью однообразными выступами позади; это—жилище католикоса; къ нему ведутъ особые ворота и примыкаетъ особый дворикъ съ фонтаномъ и садомъ, полный ожидающихъ просителей.

По срединѣ большого монастырскаго двора—маститая святыня Эчмиадзина—его древній соборъ, Сурпъ-Шогагатъ ¹⁾, построенный еще въ 303 году Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, по имени котораго и господствующая религія армянъ называется армяно-григоріанскимъ исповѣданіемъ, въ отличіе отъ армяно-католическаго.

Древній храмъ этотъ не похожъ ни на какой другой и производитъ оригинальное впечатлѣніе. Это—квинтъ-эссенція армянско-грузинскаго архитектурнаго стиля. Тутъ соединено все, что есть характернаго и глубоко историческаго въ водчествѣ этихъ восточныхъ христіанъ, жившихъ всегда такъ тѣсно съ персами и подвергавшихся въ теченіе столькихъ вѣковъ вліяніямъ магометанства.

Массивный соборъ съ четырьмя островерхими, восьмигранными башнями по четыремъ фасадамъ, съ большою центральною башнею по срединѣ, выточенъ и вырѣзанъ изъ темнаго камня, какъ драгоценная игрушка. Его сводистые притворы, его колонки, карнизы, рамки и завитушки около дверей и оконъ его, самыя стѣны его—изукрашены тончайшею рѣзбою художественнаго рисунка, травами, цвѣтами, узорчатыми арабесками, львами, слонами, орлами, лезами царей и святыхъ... Нельзя оторвать глазъ отъ этой своеобразной рѣзбы старинныхъ византійскихъ мастеровъ. Особенно поразительнаго вкуса и прелести—своды входной сѣни, съ ея витыми колонками, съ ея вышкой на низенькихъ кубышчатыхъ столбахъ, увѣнчанныхъ неизбѣжною восьмиугольною пирамидкою крыши.

¹⁾ По-русски: „свѣтлый источникъ свѣта Божьей Матери“.

Темно-сѣрая масса собора съ своими темнокрасными башнями и вышками для колоколовъ, съ бѣлою срединною башнею, изукрашенною темно-красными колоннами, поясками, карнизами—смотреть чѣмъ-то глубоко восточнымъ и глубоко стариннымъ.

Увидѣвши его разъ, вы никогда не забудете этого характернаго эчмιάдинскаго храма. Хотя онъ перестроивался не разъ, но въ теченіе шестнадцати вѣковъ постоянно поддерживался въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ создалъ его апостолъ Арменіи.

Храмъ былъ запертъ; по двору бродилъ какой-то оборванный, захудалый народъ,—какъ оказалось потомъ, бѣглецы изъ турецкой Арменіи, спасавшіеся отъ звѣрства курдовъ и турецкихъ пашей, и не знавшіе ни слова по-русски. Монастырь кормить и содержать нѣсколько сотъ человѣкъ этихъ несчастныхъ едино-вѣрцевъ своихъ.

Намъ помогъ любезный нахичеванскій купецъ изъ Θεοδοσίи, котораго мы случайно встрѣтили около храма. Онъ гоститъ тутъ уже третью недѣлю съ своею женою, говоритъ отлично по-русски и хорошо знакомъ со всѣми духовными властями монастыря; онъ приказалъ какому-то служкѣ или иноку попросить къ намъ епископа Аристарха, безъ котораго никто не въ правѣ отпереть и показать рѣдкія сокровища эчмιάдинской ризницы.

Внутренность храма—въ строгомъ соотвѣтствіи съ его внѣшнею архитектурою: во всѣ четыре стороны — четыре круглыя ниши, образующія вмѣстѣ крестъ, а по срединѣ этого креста, какъ разъ подъ куполомъ бѣлой центральной башни, на амвонѣ, подъ сѣнью пышнаго кувукліа на четырехъ мраморныхъ столбахъ,—священнѣйшая изъ всѣхъ святынь храма—престолъ, прикрывающій собою то самое мѣсто, на которое „сошелъ Единородный“ въ видѣннѣ св. Григорія. Слово „Эч-мі-адзинъ“ буважно обозначаетъ по-армянски: „сошелъ Единородный“, и древній храмъ былъ построенъ св. Григоріемъ именно въ память таинственнаго видѣнія. Надъ престоломъ паритъ вылитый изъ серебра голубь, обозначающій Духа Божія, и горитъ неугасяемая серебряная лампада. Когда патріархъ совершаетъ таинство евхаристіи на святомъ престолѣ, то вся сѣнь задерживается кругомъ парчевыми завѣсами. Влѣво отъ мѣста „Сочествія“—другая сѣнь изъ темнаго рѣзного кипариса, увѣнчанная деревяннымъ изображеніемъ эчмιάдинскаго храма; подъ сѣнью—золоченый престолъ для католикоса, обитый золотисто-желтымъ шелкомъ, съ подушкою малиноваго бархата. Къ престолу ведутъ ступени, а ниже ихъ полукружіемъ разложены на коврахъ тѣяки, прикрытые

тоже коврами, для сидѣнія епископовъ. Католиковъ служить обѣдно два-три раза въ годъ, въ самые великіе праздники; кромѣ того, онъ посвящаетъ епископовъ и выходитъ на молебны въ царскіе дни; по закону армянской церкви, вселенскій патріархъ ихъ не можетъ служить иначе, какъ въ сослуженіи двѣнадцати епископовъ. На престолѣ „Сочествія“ службы бывають рѣдко. Обыкновенно же служатъ за престолами, которые помѣщаются въ трехъ нишахъ храма. Отдѣльнаго алтаря у армянъ нѣтъ; маленький престолъ, уставленный золотыми подсвѣчниками, открытъ, какъ у католиковъ, и стоитъ на значительномъ возвышеніи, на которое ведутъ ступени съ двухъ сторонъ. Передній мраморный фасъ этой соеи расписанъ иконами старинной живописи апостоловъ и пророковъ, съ армянскими надписями, и настолько высокъ, что на немъ можно читать, какъ на аналоѣ. Рафаэлева Мадонна della Sedia, въ копіи, виситъ за престоломъ.

Божовые престолы еще меньше, а арочки ихъ нишъ на двухъ каменныхъ колонкахъ чрезвычайно оригинальнаго и очень стариннаго стиля. Кругомъ этихъ нишъ—каменные сидѣнья для епископовъ. На стѣнахъ—изображенія апостоловъ.

Мы долго любовались уцѣлѣвшею старинною росписью главнаго купола и сводовъ въ нишахъ; всѣ оригинальные узоры этой пожелтѣвшей живописи сотканы изъ цвѣтовъ и арабесковъ, —нигдѣ ни одной фигуры. Вообще, иконъ въ храмѣ очень немного, и въ настоящую минуту его побѣленные своды и стѣны производятъ впечатлѣніе нѣкоторой пустоты и заброшенности; но намъ объяснили, что теперь происходитъ реставрація внутренней отдѣлки храма, и что, по окончаніи ея, всѣ стѣны и своды будутъ расписаны подобно главному куполу. Двѣ довольно бѣдныя люстры съ плохими свѣчами также не вполне соотвѣтствуютъ важности храма. Зато полы сплошь устланы персидскими и кавказскими дорожками коврами. Вообще, убранство армянской церкви производитъ на меня впечатлѣніе полу-католическаго, полу-магометанскаго храма.

Наконецъ, появился нетерпѣливо-ожидаемый епископъ Аристархъ, въ остромъ черномъ клобуцѣ, какіе носятъ армянскіе инокъ, и, привѣтливо пожавъ намъ руки, пригласилъ насъ въ ризницы. Онъ знаетъ по-русски только нѣсколько отрывочныхъ словъ, и переводчикомъ долженъ былъ служить молодой монахъ, отпиравшій намъ дверь церкви.

Ризницы Эчмиадинна знамениты своими богатствами и древностями. Онѣ занимаютъ собою нѣсколько крѣпко запертыхъ кладовыхъ.

Епископъ Аристархъ завѣдуетъ только нѣсколькими изъ нихъ. Для осмотра другихъ пришлось обращаться уже къ иному почтенному старцу, архимандриту Левону, а нѣкоторые изъ особо чтимыхъ святыхъ Эчмиадзина даже и вовсе не показываются ино-вѣрцамъ безъ особеннаго разрѣшенія католикоса. Сокровищамъ Эчмиадзина, и въ археологическомъ, и въ коммерческомъ смыслѣ, — все равно какъ сокровищамъ нашей Сергіево-Троицкой лавры — цѣны нѣтъ. Тутъ ряды витринъ съ богатѣйшими панаягами, звѣздами, портретами персидскихъ шаховъ и русскихъ царей, всѣ въ алмазахъ, рубинахъ, изумрудахъ; кресты чудной формы и замысловатой отдѣлки, стоящіе цѣлаго состоянія; золотая корона царя Тиридата, съ громаднымъ камнемъ по срединѣ; драгоценные церковные сосуды, подсвѣчники, архіерейскіе посохи рѣдкой древности, красоты и богатства; тиары католическаго образца изъ парчи и бархата, искусно расшитыя жемчугомъ и золотомъ, для епископовъ и католикосовъ; серебряныя митры для архимандритовъ и старшихъ священниковъ; присланная изъ Индіи, артистически вышитая разноцвѣтными шелками, мантия для католикоса, оцѣниваемая въ 20.000 рублей, съ цѣлыми сценами изъ Евангелія, съ крупными изображеніями св. Рипсимы и св. Гайяны.

Малиновый бархатный коверъ громадной цѣны, расшитый въ Константинополѣ чудными шолковыми цвѣтами, съ золотымъ изображеніемъ Эчмиадзина, для подстилки подъ тронъ католикоса; усыпанныя жемчугомъ туфли католикоса, подражающаго въ этой статьѣ своего торжественнаго облаченія римскому папѣ; среди армянскихъ надписей вышить на нихъ Ноевъ ковчегъ на горѣ Араратѣ, а на внутренней подошвѣ — крылатый драконъ, долженствующій изображать князя тьмы, діавола, — котораго, стало быть, попираетъ стопами своими излюбленный первосвятитель Арменіи.

Въ одной изъ кладовыхъ показали намъ огромную золотую муроварницу, имѣющую особенное значеніе для Эчмиадзина.

— Только одинъ нашъ святѣйшій католикосъ имѣетъ, по древнему закону нашему, право варить святое муро, — объяснилъ намъ не безъ гордости черезъ молодого инова архимандритъ Левонъ. — Хотя у армянъ есть и другіе патріархи въ Константинополѣ, Іерусалимѣ, въ Сисѣ Киликійскомъ и на озерѣ Ванѣ, но нашъ эчмиадзинскій католикосъ старше всѣхъ ихъ и считается верховнымъ главою армянской церкви, единственнымъ законнымъ преемникомъ св. Григорія-Просвѣтителя; отъ него уже получаютъ св. муро другіе патріархи... Подъ константинопольскимъ патріархомъ всего только двѣсти-тридцать архиманд-

ритовъ, подъ іерусалимскимъ—не больше пятидесяти, а подъ Эчміадзиномъ ихъ двѣсти-сорокъ!—прибавилъ старикъ, окидывая насъ торжествующимъ взглядомъ.

Подъ ключомъ у Левона оказались и книжныя рѣдкости Эчміадзина. Онъ показалъ намъ написанныя отъ руки одною благочестивою армянскою дамою въ Шушѣ необыкновенно изящнымъ и вмѣстѣ необыкновенно мелкимъ почеркомъ четыре Евангелія съ рисунками, каждое особымъ прифтономъ, показалъ разныя интересныя древнія рукописи на пергаментѣ.

Библіотека эчміадзинскаго монастыря вообще считается очень богатою по части армянскихъ рукописей и старинныхъ армянскихъ книгъ. Но, къ сожалѣнію, все это литературное богатство, какъ сообщаютъ знающіе люди, относится только къ христіанской эпохѣ армянской исторіи и носить на себѣ довольно односторонній богословскій и церковно-историческій характеръ. Ревность не по разуму первыхъ насадителей христіанства въ Арменіи, вполнѣ, конечно, понятная съ тогдашней ихъ точки зрѣнія и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, заставляла ихъ старательно истреблять всякіе слѣды старой религіи; поэтому, вмѣстѣ съ языческими капищами, жертвенниками и идолами, также безжалостно уничтожались Григоріемъ-Просвѣтителемъ и сподвижниками его всѣ книги, надписи и изображенія, имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ поклоненію солнцу, огню или языческимъ богамъ. А между тѣмъ, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, Арменія обладала многими древними письменными памятниками, заключавшими въ себѣ не только важныя свѣдѣнія о религіи маговъ, но и любопытные факты изъ исторіи древнѣйшихъ государствъ Азіи,—Вавилона, Ассиріи, Финикіи, Іудеи, Китая, Индіи, Персіи, Греціи и пр...

Потеря этихъ первоисточниковъ исторіи азіатскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, скрыла отъ насъ многое, что могло бы пролить свѣтъ на нынѣ, мало разъясненныя, событія ветхозавѣтнаго міра.

Въ сочиненіяхъ первыхъ христіанскихъ писателей Арменіи IV-го и V-го вѣковъ, между прочимъ и въ знаменитой исторіи армянскаго народа Моисея Хоренскаго, остались только ссылки на исчезнувшіе литературные памятники языческаго времени, да нѣкоторыя выдержки изъ нихъ, дающія понятіе объ ихъ значеніи для исторической науки. Изъ нихъ заслуживала особеннаго вниманія полная лѣтопись Арменіи отъ начала ея существованія до II-го столѣтія предъ Р. Хр., составленная сирійцемъ Маръ-Ибасомъ Кадиною изъ рукописныхъ матеріаловъ ниневійскаго

архива и разбѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ армянскихъ хроникъ. Этотъ трудъ Маръ-Ибаса, писанный халдейскимъ языкомъ, цѣнился такъ высоко современниками, что царь Вагартпакъ хранилъ его какъ драгоцѣннѣйшее сокровище въ своемъ дворцѣ, а болѣе важные отрывки изъ него велѣлъ вырѣзать на мраморной колоннѣ дворца. Интересна была также исторія идолопоклонства въ Арменіи, написанная Улипомъ, языческимъ жрецомъ, въ разрушенной теперь древней столицѣ Арменіи—городѣ Ани.

Впрочемъ, обычай уничтожать литературные памятники побѣжденныхъ народовъ—въ цѣляхъ не только религіозныхъ, но и политическихъ, чтобы заставить народъ скорѣе забыть свое прошлое,—господствовалъ и среди язычниковъ, и среди магометанъ.

Еще полу-легендарный ассирійскій царь Нинъ велѣлъ предать огню всѣ существовавшія до него книги и лѣтописи, чтобы вся исторія человѣчества начиналась съ его царствованія. Въ IV-мъ вѣкѣ христіанской эры Мехружанъ Арпруни, отпавъ отъ христіанства въ вѣру персовъ, сжегъ всѣ извѣстныя ему книги на армянскомъ и греческомъ языкѣ и запретилъ армянамъ учиться по-гречески.

Персидскій царь Іездигердъ, въ V-мъ вѣкѣ, также истреблялъ памятники армянской литературы, а знаменитый султанъ турокъ-сельджуковъ, Альпъ-Ареланъ, взявъ приступомъ Ани, сжегъ этотъ городъ вмѣстѣ съ несмѣтнымъ множествомъ древнихъ рукописей, какъ свидѣлствуютъ армянскіе историки. Тамерланъ съ своими монголами точно также не оставилъ безъ вниманія литературу армянъ, и приказалъ отправить въ Самаркандъ всѣ найденныя имъ армянскія книги.

Немудрено поэтому, что среди армянъ укоренился обычай, вѣроятно издревле распространенный въ азіатскихъ странахъ, — зарывать въ землю древнія, особенно цѣнныя книги. Нашъ извѣстный ориентологъ-самоучка караймъ Фирковичъ, — некогда обитатель крымскаго мертваго города Чуфутъ-Кале, — странствуя по глухимъ уголкамъ Сиріи, Арменіи и Малой Азіи, не мало добылъ рѣдкихъ старинныхъ книгъ, отрытыхъ въ землѣ и составившихъ его замѣчательную библіотеку, приобретенную потомъ за значительную сумму Императорскою Публичною Библіотекою.

Древніе литературные памятники Арменіи писались большею частью на сирійскомъ языкѣ, а частью на греческомъ. Армянскій же языкъ, хотя и принадлежалъ къ числу арійскихъ языковъ и былъ достаточно богатъ формами и корнями, но былъ

совсѣмъ не разработанъ грамматически; въ первое время язычества даже алфавитъ армянъ былъ заимствованъ у гебровъ и, какъ всѣ почти восточные алфавиты, состоялъ исключительно изъ однихъ согласныхъ буквъ; хотя же, послѣ введенія христіанства, вошли въ употребленіе буквы греческія и ассирійскія, но все-таки армянская азбука была крайне неудобна для употребленія и почти оставлена всѣми, вслѣдствіе множества точекъ и значковъ, замѣнявшихъ гласныя буквы. Только въ V-мъ вѣкѣ (въ 406 г.) ученый Месробъ, по порученію царя и католикоса, изобрѣлъ наконецъ гласныя буквы и составилъ новую армянскую азбуку изъ тридцати-шести буквъ, которую армяне употребляютъ до сихъ поръ,—за что и былъ причисленъ армянскою церковью къ лику святыхъ. Месробъ же принималъ, вмѣстѣ съ католикосомъ Исаакомъ, главное участіе и въ переводѣ на армянскій языкъ Священнаго Писанія по самому древнему экземпляру греческой Библии, почему армянскій текстъ Библии считается теперь, по признанію многихъ ученыхъ-богослововъ, однимъ изъ самыхъ полныхъ и достоверныхъ. Однако армянская литература и армянская исторія, вслѣдствіе отдаленности Арменіи отъ центровъ новой европейской цивилизаціи и совершеннаго удаленія ея со сцены исторіи послѣ окончательной потери независимости въ XIV-мъ вѣкѣ,—были очень мало извѣстны европейской публикѣ, и начинаютъ возбуждать къ себѣ интересъ европейскихъ ученыхъ только начиная съ XVIII-го вѣка, когда неутомимый и предприимчивый армянскій монахъ Мхитаръ основалъ сначала въ Греціи, въ г. Модоиѣ, потомъ въ Венеціи, на островѣ св. Лазаря, братство ученыхъ иноковъ, посвятившихъ себя изученію армянской исторіи и письменности. Это братство мхитаристовъ, или лазаристовъ, обратившись мало-по-малу въ ученую академію, оказало и продолжаетъ оказывать незамѣнимую услугу армянскому народу дѣятельнымъ изданіемъ армянскихъ классиковъ, доступнымъ даже для простаго народа, обнародованіемъ многихъ замѣчательныхъ памятниковъ армянской старины, затерянныхъ до того времени въ пыльных подвалахъ монастырей, и всестороннею разработкою лексическихъ и грамматическихъ формъ армянскаго языка, который въ ихъ рукахъ достигъ возможности передавать во всей точности отвлеченныя идеи и художественные образы знаменитыхъ писателей Европы.

Трудами мхитаристовъ, успѣвшихъ въ теченіе времени основать въ большихъ центрахъ Европы свои отдѣленія,—армянскій народъ получилъ возможность ознакомиться съ научными трудами и изящною литературою Европы, и вообще применить къ евро-

пейскому образованію. Мхитаристы издали множество учебниковъ и руководствъ по важнѣйшимъ наукамъ и перевели на армянскій языкъ почти всѣхъ выдающихся писателей Европы, такъ что Мхитаръ по справедливости долженъ считаться родоначальникомъ научнаго и литературнаго образованія въ Арменіи. Онъ еще при жизни своей основалъ двѣ учебныя коллегіи въ европейскомъ смыслѣ, первыя у армянскаго народа: одну приготовительную для первоначальнаго образованія, и другую, профессорскую, для подготовки учителей. Поэтому армяне вполне заслуженно называютъ Мхитара своимъ „новымъ Григоріемъ-Просвѣтителемъ“ и „вторымъ Месробомъ“. Одно только смущаетъ правовѣрныхъ армянъ-григоріанцевъ, — это то, что столь популярный Мхитаръ ихъ былъ вынужденъ принять унію съ католичествомъ и подчиниться римскому папѣ, какъ армяно-католикъ, чтобы не лишиться крайне важной и ничѣмъ для него незамѣнимой помощи, въ своихъ просвѣтительныхъ трудахъ, со стороны ученыхъ прелатовъ и сановниковъ католической церкви.

Нѣкоторыхъ музеевъ своихъ святыне отцы Эчмиадзина, однако, намъ не открыли, не особенно заинтересованные знакомствомъ русскихъ путешественниковъ съ ихъ національными святынями. Не увидали мы, между прочимъ, и святого юппя, которое, говорятъ, хранится въ одной изъ монастырскихъ ризницъ. Мы имѣли письмо къ русскому прокурору въ Эчмиадзинѣ, и рассчитывали, что онъ поможетъ намъ проникнуть во всѣ любопытные уголки монастыря, но, къ сожалѣнію, прокуроръ этотъ уѣхалъ, нѣсколько дней назадъ, въ Тифлисъ, и мы предоставлены были собственной сообразительности, а сообразительность эта настолько оплошала, что я не догадался даже пойти познакомиться съ католикомъ, думая, что увидимъ все интересное и безъ него.

Осмотръ монастыря заставилъ насъ порядочно проголодаться, и такъ какъ ресторановъ въ Вагаршапатѣ не полагается, то добрые люди посоветовали намъ пообѣдать въ монастырѣ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно всѣ сюда прѣзжающіе.

Особый дворъ примыкаетъ къ двору главнаго храма и обстроенъ кругомъ довольно старыми и довольно грязными зданіями. Это—помѣщенія для богомольцевъ и гостей. Два яруса открытыхъ деревянныхъ галерей выходятъ во дворъ. Съ галерей этихъ топорныя одностворчатыя двери, съ намазанными на нихъ номерами, ведутъ въ низенькія, темныя комнаты со сводами, очень похожія на казематы для одиночнаго заключенія какой-

нибудь тюрьмы. Стѣны — двухаршинной толщины, маленькія окошки чуть не на полу; солнце, повидимому, никогда не бываетъ, да и топить, должно быть, приходится не часто, — оттого сырость прочно уgnѣздилась въ этихъ непріятныхъ порахъ, гдѣ уже готовы для прїѣзжихъ деревянныя кровати съ посланными постелями, также пахнущими если не тюрьмой, то солдатской казармой; стоитъ грубый деревянный столъ и такіе же два стула.

Мы разыскали смотрителя за этими „номерами“, и онъ сообщилъ намъ, что отдохнуть и пообѣдать здѣсь можно, но необходимо испросить сначала благословенія архимандрита. Онъ побѣждалъ за этимъ благословеніемъ и, получивъ разрѣшеніе его преподобія, отперъ намъ одинъ изъ номеровъ. Черезъ полчаса на столъ передъ нами стоялъ подносъ съ вкуснымъ горячимъ борщомъ съ говядиной, ячменною кашею, въ которую примѣшаны были куски жирной баранины, и стаканами мѣстнаго краснаго вина, за которымъ прихотливый французъ врядъ-ли согласился бы признать это высоко уважаемое имъ наименованіе.

Внеся, въ видѣ благодарственной лепты, золотую монетку отцу архимандриту на его древній храмъ, мы отправились разыскивать своего возницу, чтобы поспѣть засвѣтло въ Эривань.

Эчміадзинъ съ глубокой древности сталъ политическимъ и религіознымъ центромъ армянской народности, такою же историческою святынею ея, какъ Москва для великоруссовъ. Татары называютъ его, однако, не этимъ армянскимъ именемъ, а „Уч-желеси“, что значитъ, по ихнему, „Три церкви“. Эти три церкви, кромѣ Шогакота, храма богатаго эчміадзинскаго монастыря, еще и тѣ, раскинутыя по окраинамъ древняго Вагаршапата, давно заброшенныя и обнищавшія церкви, которыя посвящены римскимъ мученикамъ-дѣвамъ, положившимъ основаніе христіанству въ Арменіи въ одно время съ Григоріемъ-Просвѣтителемъ, и характернымъ образомъ которыхъ можетъ служить посѣщенный нами храмъ св. Рипсимы.

Вслѣдствіе близкаго сосѣдства Палестины и Малой Азіи, первыя сѣмена христіанства были посѣяны въ Арменіи ранѣе, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ странахъ. Авгаръ, владѣтель армянскій (называемый въ нашихъ Четьи-Миненхъ княземъ эдесскимъ), будучи одержимъ неизлечимою болѣзнью, прослышалъ отъ купцовъ, посѣщавшихъ Арменію, о великихъ чудесахъ и удивительномъ ученіи Христа, и страстно захотѣлъ видѣть Его и послушать Его проповѣди. Онъ отправилъ посланнаго въ Нему въ Іерусалимъ, по свидѣтельству армянскихъ историковъ, съ такимъ письмомъ:

„Авгарь, сынъ Аршама, князь земли, Иисусу спасителю и благотворителю, явившемуся въ іерусалимской землѣ,—привѣтъ!

„Я слышалъ о Тебѣ и объ исцѣленіяхъ, совершаемыхъ Тобою безъ лекарствъ и безъ кореньевъ; ибо, какъ говорить, Ты заставляешь слѣпыхъ видѣть, хромыхъ ходить; Ты очищаешь прокаженныхъ, изгоняешь нечистыхъ духовъ, исцѣляешь одержимыхъ многолѣтними болѣзнями; Ты и мертвыхъ воскрешаешь. Услыхавъ все это о Тебѣ, я положилъ въ умѣ своемъ одно изъ двухъ: или Ты—Богъ, сошедшій съ неба для совершенія всего этого; или же—Сынъ Божій, все это творящій. Вотъ почему пишу къ Тебѣ и прошу Тебя, благоволи прійти ко мнѣ исцѣлить недуги, коими я одержимъ. Слышалъ я также, что евреи рошцуть на Тебя и хотятъ предать Тебя мученіямъ; у меня есть небольшой, но красивый городъ,—его достаточно было бы для насъ обоихъ“.

Посланный былъ искусный живописецъ Ананъ, которому поручено было снять изображеніе Христа, еслибы Онъ не соглашолся исполнить просьбу Авгара.

По свидѣтельству греческаго церковнаго историка Евсевія и старыхъ армянскихъ историковъ, Спаситель, получивъ письмо изъ рукъ Анана, приказалъ апостолу Ѳомѣ написать таковой отвѣтъ царю армянскому:

„Блаженъ кто вѣруетъ въ Меня, не выдавъ Меня! ибо написано обо Мнѣ: „видящіе Меня не будутъ въ Меня вѣровать; но не видящіе Меня будутъ вѣровать и будутъ жить!“

„Ты Мнѣ пишешь, чтобы Я пришелъ къ тебѣ; но Мнѣ надлежитъ совершить здѣсь все то, для чего Я посланъ, и когда совершу это, вознесусь къ Тому, Кто послалъ Меня, и когда вознесусь—пришлю одного изъ учениковъ Моихъ, который исцѣлитъ твои недуги и дастъ жизнь тебѣ и всѣмъ находящимся съ тобою“.

Когда же Ананъ, въ исполненіе царскаго порученія, старался уловить вистью черты Спасителя, всѣ усилія его оставались напрасными: лицо Господа измѣнялось и дѣлалось неизобразимымъ. Тогда Господь умылъ лицо Свое, отеръ его полотнянымъ убрисомъ и вручилъ Анану, для передачи царю этотъ убрисъ, на которомъ чудеснымъ образомъ отпечатлѣлся божественный ликъ Его.

Авгарь выздоровѣлъ, облобызавши присланный ему нерукотворный образъ Спасителя, а черезъ годъ по воскресеніи Христа къ нему явился апостолъ Ѳаддей и положилъ въ Арменіи основаніе вѣры Христовой, построивъ христіанскіе храмы, назна-

чивъ священниковъ и епископовъ, и преподавалъ руководящія правила новосозданной церкви. Въ теченіе семнадцати лѣтъ своего пребыванія въ Арменіи, апостолъ Ѡаддей обратилъ въ христіанство болѣе 10.000 человекъ.

Послѣ мученической смерти Ѡаддея, явился въ Арменіи другой апостолъ Христовъ, Вареоламей, и кончилъ свою жизнь, какъ и собратъ его по Христу, мученическою смертью отъ руки того же армянскаго царя Санатрука, который умертвилъ раньше Ѡаддея.

Въ Арменіи же былъ замученъ и третій апостолъ Христовъ, Іуда, продолжавшій дѣло Ѡаддея. Только одинъ апостолъ Ѡома проповѣдывалъ и дѣятельно насаждалъ христіанство въ Арменіи, не заплативши за это своею головою, а имѣвъ возможность пронести евангельское ученіе въ побережья Чернаго моря и въ далекую Скію.

Насажденное апостолами христіанство, несмотря на преслѣдованія и казни со стороны язычниковъ-царей, отступившихъ отъ вѣры Авгаря,—продолжало зрѣть втихомолку: уже во второмъ столѣтіи христіанъ въ Арменіи было такъ много, что, по повелѣнію римскаго императора Адріана, на горѣ Араратъ было распято, въ 130 году по Р. Хр., 10.000 христіанъ,—большою частью изъ армянскаго народа.

Но все-таки христіане въ Арменіи являлись небольшою сектою, разбросанною ничтожными оазисами по странѣ, а весь народъ армянскій, вообще, оставался яростнымъ язычникомъ, поклонникомъ идоловъ и небесныхъ свѣтилъ.

Настоящимъ же распространителемъ христіанства въ Арменіи, обратившимъ ко Христу ея царей и народъ, былъ св. Григорій-Просвѣтитель,—патронъ армянской церкви и всего народа армянскаго и основатель Эчмиадзина.

Исторія Григорія — одна изъ самыхъ поучительныхъ и самыхъ яркихъ въ смыслѣ характеристики духовныхъ героев первыхъ временъ христіанства. Отецъ его Анакъ былъ паряннинъ изъ царскаго рода Аршакидовъ, и по уговору персидскаго царя Арташира, обѣщавшаго ему тронъ Арменіи, измѣннически умертвилъ, вравшись къ нему въ довѣріе, армянскаго царя Хозроя. Вся семья Анака и онъ самъ были схвачены и казнены, и только одинъ младенецъ Григорій былъ увезенъ своею кормилицею-христіанкою Софьею въ Цезарею, владѣніе римскаго императора, гдѣ и былъ окрещенъ Григоріемъ и воспитался въ строгомъ благочестіи первыхъ христіанъ. Въ Римѣ воспитывался въ это время и спасенный отъ рукъ Арташира сынъ убитаго Хозроя,

Тиридатъ. Григорій, мучимый совѣстью за преступленіе своего отца, хотѣлъ искупить его грѣхъ хотя какою-нибудь услугою сыну убитаго; онъ поступилъ къ нему на службу, не открывая своего происхожденія. Тиридатъ въ это время уже успѣлъ отличиться среди воинства римскаго необыкновенною силою и боевымъ мужествомъ, и императоръ Діоклетіанъ, въ благодарность за блестящую побѣду его надъ готами, далъ ему въ распоряженіе римское войско, чтобы отвоевать захваченное Артаніромъ наслѣдіе отца.

Григорій былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ Тиридата въ этой войнѣ и сдѣлался первымъ любимцемъ его, когда Тиридатъ возвратилъ себѣ, съ его помощью, армянскій престолъ.

Изгнавъ враговъ изъ своей родной земли, Тиридатъ, въ радостномъ сознаніи побѣды, хотѣлъ принести благодарственные жертвы богинѣ Діанѣ, считавшейся въ то время верховною покровительницею армянъ, и отправился со всѣмъ своимъ дворомъ въ городъ Ерицу, гдѣ былъ воздвигнутъ большой храмъ. Григорій одинъ изъ всѣхъ придворныхъ отказался приносить жертву идолу и вызвалъ этимъ сильнѣйшій гнѣвъ царя.

— „Ты слѣдовалъ за мною, какъ чужестранецъ, и какъ держалъ поклоняться Богу, которому я не поклоняюсь?—говорилъ взбѣшенный Тиридатъ.—Я тебя приблизилъ къ себѣ, какъ никого, хотѣлъ сдѣлать тебя счастливѣйшимъ изъ людей, а ты оскорбляешь своимъ презрѣніемъ великую богиню, покровительницу народа нашего, которой поклоняется самъ императоръ римскій... Теперь,—вмѣсто всякихъ наградъ и высокихъ должностей, которыя я собирался дать тебѣ,—тебя ожидаетъ темница, оковы и смерть, если ты не принесешь жертвы великой богинѣ, благодѣтельница рода человѣческаго“...

Григорій на это отвѣчалъ съ твердостью:

— „Господь повелѣлъ слугамъ повиноваться господину своему, но поклоненіе, подобающее Богу, сотворившему небо и землю, ангеловъ и человѣковъ, не должно быть воздаваемо никому другому. Я тебѣ всегда служилъ вѣрою и правдою. Надежда же моя не на тебя, а на Создателя моего. Ты грозилъ, вмѣсто наградъ, обрушить на голову мою всякія скорби, но я этому могу только радоваться, потому что, умерщвляя мое тѣло за вѣрность Спасителю моему, ты дашь воскресеніе душѣ моей въ вѣчномъ царствіи Его; обрекая меня позору здѣсь на землѣ, ты приготавлиаешь мнѣ славу небесную, безмѣрно драгоценнѣйшую для меня; связывая меня оковами и ввергая въ темницу, ты даешь

мнѣ неизглаголанное счастье уподобиться Спасителю моему, также претерпѣвшему казнь и поруганіе за грѣхи наши. Скорблю о тебѣ, что ты, вмѣсто Бога живого, Творца вселенной, служишь бездушному дереву и камню, которые даны отъ Него людямъ на ихъ потребу. Мы же твердо вѣруемъ, что, поклоняясь живому Богу, будемъ жить вѣчно, хотя бы и умерли плотью, ибо Спаситель нашъ умеръ и воскресъ, чтобы показать намъ, что и мы точно такъ же умремъ лишь для того, чтобы воскреснуть“.

Разгнѣванный Тиридатъ велѣлъ подвергнуть любимца своего цѣлому ряду жестокихъ мученій, и послѣ каждой казни призывать его къ себѣ и настойчиво увѣщевать, чтобы Григорій отрекся отъ христіанства и поклонился идолу Діаны. Григорій геройски вытерпѣлъ, одну за другою, двѣнадцать ужаснѣйшихъ пытокъ, но оставался непоколебимъ.

Его вѣшали за ноги внизъ головою надъ невыносимыми зловоніями и беспощадно сѣкли; его туго скручивали палками и веревками, такъ что трещали кости, и цѣлыхъ семь дней оставляли въ такомъ видѣ висѣть на крышѣ дома. Ему давили ноги тисками, такъ что кровь струилась изъ-подъ ногтей; вбивали толстые желѣзные гвозди въ пятки и заставляли бѣгать босыми ногами; зажимали голову между двумя брусьями; держали его цѣлую недѣлю въ мѣшкѣ, наполненномъ золою выше головы, такъ что, при каждомъ вздохѣ, зола набивалась ему въ носъ и въ ротъ и проникала во всѣ внутренности; вливали ему внутрь, повѣсивъ внизъ головою, кипящую воду, такъ что животъ раздувался, какъ мѣхъ, и вода вытекала черезъ ротъ и носъ; скребли ему, повѣсивъ его за руки, все тѣло желѣзными скребнищами; катали его, голаго, по землѣ, утыканной и усыпанной желѣзными шипами, набивали ему на ноги высокіе желѣзные сапоги, убитые внутри гвоздями, такъ что они проходили насквозь тѣла, до самой кости; обливали расплавленнымъ свинцомъ; вливали свинецъ ему въ ротъ, такъ что сожжено было его тѣло и внутренности,—и все-таки святой мученикъ оставался живъ и бодръ.

Пораженный его неимовѣрнымъ терпѣніемъ и живучестью, Тиридатъ раздражался все больше и больше непреклонностью бывшаго любимца своего, и послѣ каждой пытки изобрѣталъ еще болѣе мучительную казнь.

— „Какъ ты можешь еще дышать, Григорій, послѣ такихъ ужасныхъ мученій?—въ изумленіи спрашивалъ онъ его.—Другой бы давно умеръ отъ гораздо меньшихъ казней, а ты столько недѣль безъ перерыва терпишь ихъ, и еще имѣешь силу говорить и противустоять повелѣніямъ моимъ? Ты видишь однако,

что твоя надежда не исполняется: твой Спаситель ни отъ чего не могъ спасти тебя, и я дѣлаю надъ тобою все, что хочу. Никакіе ангелы, о которыхъ ты говорилъ, не являются на твою защиту, а я буду мучить тебя еще хуже и еще больше, пока ты не покорись воли моей. Не прямая ли выгода для тебя избавиться отъ лютыхъ казней и смерти, ожидающихъ тебя впереди, только поклонившись великой богинѣ, спасающей отъ враговъ наше царство? И опять я возвращу тебѣ всѣ милости свои, и будешь мнѣ второй братъ и первый человѣкъ въ царствѣ моемъ“...

Григорій отвѣчалъ Тиридату:

— „Силу переносить твои злодѣйства даруетъ мнѣ мой Господь, въ рукахъ Котораго все видимое и невидимое. Чѣмъ больше будутъ земныя мученія мои, тѣмъ скорѣе безсмертная душа моя отдѣлится отъ грѣшнаго тѣла, и я удостоюсь вѣнца мученическаго среди ангеловъ и святыхъ Божиихъ. Себѣ же ты готовишь на праведномъ Судѣ Божиѣ муки вѣчныя, во тѣхъ вромѣнной, гдѣ огонь не угасаетъ, и червь не усыпаетъ“...

Разъяренный Тиридатъ велѣлъ сковать Григорія по рукамъ и ногамъ и отвезти въ окрестности Арарата, въ г. Арташатъ, гдѣ была выкопана для осужденныхъ на смертную казнь яма страшной глубины, наполненная множествомъ огромныхъ змѣй и всякихъ ядовитыхъ гадовъ, и изъ которой далеко распространялось невыносимое зловоніе отъ гниющихъ въ ней труповъ.

Четырнадцать лѣтъ пробылъ святой Григорій въ этомъ ужасномъ заключеніи, и ни одна змѣя не дотронулась до него; благочестивая христіанская вдова Анна, жившая въ сосѣднемъ замкѣ, все это время ежедневно тайно приносила кусокъ хлѣба и бросала ему въ яму, поддерживая этимъ его жизнь.

Между тѣмъ Тиридатъ успѣлъ одержать много новыхъ побѣдъ надъ сосѣдними народами,—и, приписывая свои удачи покровительству Діаны и Геркулеса, поклоненіе которымъ онъ заимствовалъ у римлянъ, долгое время живя въ имперіи ихъ,—обратился съ торжественнымъ воззваніемъ къ подвластнымъ ему народамъ, чтобы они, подобно грекамъ и римлянамъ, усердствовали въ почитаніи Юпитера, Діаны, Геркулеса и другихъ боговъ, даровавшихъ ему побѣды, строили бы имъ храмы, приносили богатныя жертвы, а христіанъ и всѣхъ уклоняющихся отъ почитанія греческихъ боговъ предавали бы въ руки властей для жестокой казни и отобранія въ казну имущества ихъ.

Въ это время римскій императоръ Діоклетіанъ, жесточайшій изъ гонителей христіанства, желая избрать себѣ вторую жену,

послалъ знаменитѣйшихъ живописцевъ Рима по всей имперіи своей снимать портреты съ первѣйшихъ красавицъ земли, чтобы красивѣйшую изъ всѣхъ взять себѣ въ жены. Живописцы донесли ему, что въ одномъ женскомъ монастырѣ Рима проживаетъ юная христіанка, по имени Рипсима, такой необычайной красоты, подобной которой они никогда не видали. Увидѣвъ портретъ Рипсимы, Діоклетіанъ воспылалъ страстью къ ней и приказалъ немедленно готовить свадебное торжество. Рипсима была сама изъ императорскаго рода и жила подъ попеченіемъ своей пріемной матери и родственницы отъ такого же царскаго корня, Гайяны, среди инокинь, принадлежавшихъ также къ высшему сословію Рима. Узнавъ о предстоящей переменѣ судьбы своей, Рипсима, посвятившая себя Христу и давшая обѣтъ вѣчнаго дѣвства, пришла въ ужасъ, также какъ ея воспитательница Гайяна и весь монастырь. Горячо помолившись Богу, онѣ рѣшились всѣ вмѣстѣ бѣжать изъ Рима и, нанявъ корабль, отплыли сначала въ Александрію, потомъ въ Іерусалимъ и Святую Землю. Надъ гробомъ Пресвятой Богородицы въ саду Геосиманскомъ игуменья Гайяна поручила свою возлюбленную духовную дочь заступничеству Пречистой Дѣвы, и, получивъ отъ Нея во снѣ приказаніе отправиться въ Арменію, въ область араратскую, со всѣми инокинями своими прибыла въ Вагаршапатъ, бывшій тогда столицею Тиридата. Онѣ были безъ денегъ и безъ всякихъ средствъ, но нѣкоторые изъ нихъ пряли шерсть, другія дѣлали бусы, и этимъ трудомъ поддерживали свое существованіе, „питаясь болѣе молитвою, чѣмъ яствами“, по простодушному выраженію армянской лѣтописи.

Діоклетіанъ узналъ, что избранная имъ невѣста скрылась съ своими подругами въ Арменію и просилъ писемомъ царя Тиридата разыскать ихъ и казнить всѣхъ смертию, кромѣ красавицы Рипсимы, которую прислать ему, а если она понравится армянскому царю, то удержать ее для себя, „ибо во всей римской имперіи не нашлось никого, кто бы равнялся съ нею красотою“, прибавлялъ римскій императоръ.

Убѣжище инокинь было скоро открыто и окружено стражею. Толпы народа, дворянство, князья, весь царскій дворъ тѣснились около скромнаго домика глухой улицы, чтобы полюбоваться на невиданную красоту юной римлянки. Тиридатъ прислалъ за Рипсимой золоченныя носилки съ множествомъ придворныхъ слугъ и всѣ принадлежности царскаго облаченія, рѣшившись вѣнчать ее царицею, еще не видя ея въ лицо.

Послѣ упорнаго сопротивленія, Рипсиму насильно привезли

во дворецъ Тиридата. Но восхищенный ея красотою царь напрасно силился побѣдить ея рѣшимость и боролся съ нею нѣсколько дней сряду; одушевленная неземною силою, слабая дѣвушка отражала всѣ попытки богатыря Тиридата; наконецъ, сорвавъ съ него корону и царскія одежды, бросила его, совсѣмъ обезсиленнаго, на полъ, а сама безстрашно прошла черезъ толпы придворныхъ и возвратилась въ свой домъ. Гайяна, которую приводили нарочно во дворецъ уговаривать Рипсиму уступить желанію царя, всячески ободряла ее твердо защищать свое цѣломудріе и оставаться вѣрно иноческому обѣту. Ее увезли въ темницу, избивъ камнями все ея лицо.

Тотчасъ же явились палачи и стража въ домъ инокинь. Неустрашимой Рипсимѣ отрѣзали сначала языкъ, потомъ стали жечь медленнымъ огнемъ ея тѣло, привязавъ ее въ четырехъ столбамъ и наваливъ на нее острые камни; но она все еще оставалась жива. Тогда ей выкололи глаза и изрубили ее въ куски. Съ нею вмѣстѣ умертвили и тридцать-двѣ духовныхъ сестры ея, которыя пришли на мѣсто ея казни, чтобы собрать ея мученическіе останки.

Съ Гайяны и двухъ инокинь, провожавшихъ ее во дворецъ и вмѣстѣ съ нею заключенныхъ, содрали кожу, вырвали языки, навалили на нихъ острые камни и наконецъ отрубили головы.

Это случилось въ 301 году нашего лѣтоисчисленія.

Умертвили и больную инокиню, оставшуюся въ общемъ жилищѣ ихъ. Всего было замучено тридцать-семь дѣвъ изъ числа семидесяти, бѣжавшихъ изъ Рима. Остальныя разбрелись еще ранѣе по другимъ мѣстностямъ; въ числѣ ихъ была и св. Нина, проникшая въ Грузію, въ г. Мцхетъ, и обратившая потомъ въ христіанство царя грузинскаго и народъ его.

Царь Тиридатъ былъ до того опечаленъ гибелью Рипсимы, что бросился на землю съ своего трона и долго горько плакалъ и сокрушался.

— Проклятая секта христіанская! — вопилъ онъ. — Сколько людей погубила она! Мало того, что она отвращаетъ ихъ отъ служенія богамъ, она еще лишаетъ ихъ и земныхъ радостей. Смерть не устрашаетъ ихъ. Вотъ и Рипсима не побоялась ея, дѣва таковой красоты, которой еще не было среди рода людскаго. Сколько бы я ни жилъ, никогда не забуду ее. Знаю я хорошо и римскую, и греческую землю, Ассирію, Парюю, Турцію, Азербайжанъ и много всякихъ странъ, но нигдѣ не видалъ я ни малѣйшаго подобія ея красотѣ... Колдовство этой секты такъ сильно, что побѣдило даже меня!

Шесть дней не находилъ себѣ мѣста отъ тоски армянскій царь, и чтобы развлечь себя, приказалъ устроить большую охоту на звѣрей. Но еще на улицахъ города на него напала злая немочь. Онъ внезапно упалъ съ колесницы своей и пришелъ въ такое бѣшенство, что сталъ грызть свое собственное тѣло. Подобно тому какъ нѣкогда вавилонскій царь Навуходоносоръ вообразилъ себя быкомъ и ѣлъ траву, какъ скоть, обезумѣвшій Тиридатъ обратился въ свинью и, избѣгая людей, рылся вмѣстѣ съ свиньями въ землѣ, отыскивая тамъ пищу. Тогда сестрѣ Тиридата, Хозройтухтѣ, явился во снѣ ангелъ и сказалъ: „Пока ты не освободишь изъ оковъ Григорія, заключеннаго въ Арташатъ, и онъ не научитъ васъ, чѣмъ спасти царя, — безуміе его не обратится“.

Хозройтухтѣ передала свой сонъ приближеннымъ Тиридата, но они смѣялись и говорили: „Ты съ ума сошла! Развѣ могъ Григорій прожить пятнадцать лѣтъ въ ямѣ, гдѣ кишмя кишатъ такія страшныя змѣи? Въ ту же минуту, какъ бинули его туда, онѣ, навѣрное, сожрали его, и теперь даже костей его не сыщешь!“

Однако, когда тотъ же сонъ снился Хозройтухтѣ въ пятый разъ, придворные сановники рѣшили отправить посланца въ Арташатъ. Горожане Арташата были этимъ крайне изумлены и говорили посланцу: „Кто же можетъ вѣрить, чтобы Григорій былъ живъ, когда уже столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ бросили его въ эту страшную яму!“...

Однако, исполняя приказъ двора, связали вмѣстѣ множество толстыхъ и длинныхъ веревокъ и спустили ихъ въ пропасть. Посланецъ Ода нагнулся надъ ямою и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— „Григорій! если ты живъ, то выльзай! Богъ, которому ты молишься, повелѣлъ намъ освободить тебя!“

Григорій ухватился за веревку, и его вытащили на свѣтъ Божій. Тѣло его было черно какъ у зѣиона. Его обмыли, одѣли и съ великимъ ликованіемъ повезли въ Вагаршапатъ.

Тиридатъ встрѣтилъ его у города вмѣстѣ съ сановниками своими, страдавшими тѣмъ же безуміемъ, какъ и онъ; они грызли отъ бѣшенства собственное тѣло свое. Григорій, преклонивъ колѣна, сталъ горячо молить Бога объ испѣленіи ихъ, и послѣ нѣсколькихъ дней его молитвъ мало-по-малу возвратился имъ ихъ человѣческій образъ. Въ видѣ покаянія, Григорій потребовалъ прежде всего, чтобы они почтили память святыхъ исповѣдницъ Христа, соорудивъ христіанскіе храмы надъ прахомъ Рип-

сими, Гайяны и всѣхъ пострадавшихъ съ ними. Царь и всѣ сподвижники его злодѣйствъ съ рыданьями преклонили колѣна надъ прахомъ Рипсими, передъ св. Григоріемъ, и молили его испросить имъ прошеніе у Бога. Послѣ шестидесяти-пяти дней непрерывныхъ общихъ молитвъ и поста цѣлаго народа и продолжавшихся все это время поученій св. Григорія, всѣ жители Вагаршапата, съ царемъ во главѣ, приступили къ постройкѣ храмовъ надъ убиенными мученицами. Одни готовили камни, другіе лѣсъ, третьи черепицы, и подъ главнымъ руководствомъ Григорія успѣли скоро воздвигнуть три церкви: одну надъ прахомъ Рипсими и тридцати-двухъ сестеръ, другую—надъ прахомъ Гайяны съ двумя сестрами, третью—надъ прахомъ больной монахини, убитой на мѣстѣ ихъ общаго жительства.

Царь Тиридатъ собственноручно копалъ ямы для фундамента церкви, а царица жена его и сестра его Хозройтухъ носили въ подолахъ своихъ платьевъ землю изъ этихъ ямъ. Потомъ Тиридатъ, по собственному желанію, отправился на гору Араратъ, отстоящую довольно далеко отъ Вагаршапата, и принесъ оттуда на своихъ плечахъ восемь громадныхъ камней, изъ которыхъ сооруженъ былъ главный входъ въ церковь св. Рипсими. Тѣло каждой мученицы, по повелѣнію Григорія, было одѣто въ роскошныя одежды и положено въ особый гробъ прекрасной работы, а самые храмы украшены золотыми и серебряными свѣщниками, лампадами и всякими другими церковными принадлежностями.

Вотъ эти-то три древнія церкви, нынѣ существующія на окраинахъ Вагаршапата,—двѣ со стороны Эчмиадзина и одна съ противоположнаго конца—и были первыми христіанскими святынями Арменіи, и по нимъ-то сосѣдніе народы прозвали Вагаршапатъ „городомъ трехъ церквей“.

Таково великое историческое значеніе для Арменіи посѣщенной нами церкви св. Рипсими и эчмиадзинскаго храма сошествія св. Духа. Этотъ эчмиадзинскій храмъ построенъ былъ по указанію св. Григорія уже впоследствии, когда Тиридатъ и весь народъ его были окрещены въ вѣру христіанскую, разрушены были Григоріемъ и Тиридатовъ всѣ языческіе храмы Арменіи, и Григорій былъ рукоположенъ архіепископомъ Цезареи, Леонтіемъ, въ архіепископа всей Арменіи.

Верховное значеніе католикосовъ Эчмиадзина укрѣпилось въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ по туркменчайскому трактату

ханства нахичеванское и эриванское, заключавшія въ себѣ араратскую область съ Эчмιάдиномъ, были присоединены въ 1828 году къ Россіи, и повелителемъ бывшаго армянскаго царства, отъ котораго зависѣлъ выборъ вселенскаго патріарха Арменіи, вмѣсто персидскихъ шаховъ и турецкихъ султановъ сдѣлался царь православной Россіи.

До тѣхъ поръ подкупы и партійныя интриги при дворѣ магометанскихъ государей, нисколько не заботившихся о религіозныхъ интересахъ армянскихъ христіанъ, главнымъ образомъ рѣшали выборъ эчмιάдинскихъ патріарховъ, нерѣдко назначавшихся прямымъ указомъ султана или шаха безъ всякаго вниманія къ желанію самихъ армянъ. Это порождало большія смуты въ армянской церкви и въ самой жизни народа армянскаго и сильнѣйшимъ образомъ расшатывало значеніе эчмιάдинскихъ католикосовъ. Въ послѣднее время передъ присоединеніемъ къ Россіи выборъ эчмιάдинскаго католикоса сталъ зависѣть исключительно отъ четырехъ главныхъ архіепископовъ, сосѣднихъ съ Эчмιάдиномъ, а иногда католикосъ еще при жизни своей самъ назначалъ себѣ преемника, а народъ избиралъ потомъ другого, и между двумя соперниками начинались жестокия распри, волновавшія церковь.

Послѣ присоединенія же къ Россіи установленъ былъ законодательнымъ путемъ древній порядокъ избранія вселенскаго патріарха всѣми армянскими епархіями, которыя присылали для этого въ Эчмιάдинъ своихъ архіепископовъ, епископовъ и почетнѣйшихъ выборныхъ отъ народа. Особый прокуроръ эчмιάдинскаго синода, назначаемый государемъ, наблюдалъ за законностью и порядкомъ выборовъ, не вмѣшиваясь въ нихъ, и изъ двухъ избранныхъ кандидатовъ на патріаршій престолъ государь утверждалъ одного по усмотрѣнію своему.

Первое избирательное собраніе было открыто на свѣтлой седмицѣ, 15-го апрѣля 1843 г., въ соборномъ храмѣ Эчмιάдина, передъ серединнымъ алтаремъ сошествія св. Духа, для выбора преемника умершему католикосу Іоаннесу, изъ 26 выборщиковъ свѣтскихъ и духовныхъ; послѣ трехдневнаго засѣданія былъ избранъ верховнымъ патріархомъ Арменіи всѣми 26-ю наличными голосами и всѣми письменными отзывами отсутствующихъ депутатовъ—одинаково популярный среди армянъ и русскихъ Нерсесъ, архіепископъ нахичеванскій и бессарабскій, который также отсутствовалъ и который тотчасъ же получилъ отъ императора Николая Павловича торжественную утвердительную грамоту, писанную золотомъ на большомъ пергаментѣ.

номъ листѣ, украшенномъ гербами всей имперіи и гербомъ области армянской, изображающимъ собою древнюю корону армянскихъ царей, Араратъ и Эчміадзинъ.

Съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ избранія католиковъ постоянно соблюдается въ Эчміадзинѣ. Императоръ Николай Павловичъ, вообще, желалъ выказать свое царское благоволеніе духовенству армянскому, дѣятельно помогавшему русскимъ въ ихъ войнахъ съ Персією и Турцією на почвѣ древней Арменіи. Съ этою цѣлью онъ, между прочимъ, лично посѣтилъ въ 1837 году эчміадзинскій монастырь; патріархъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ и почетною стражею, въ предшествіи хоругви, встрѣтилъ его верхомъ за версту отъ монастырской ограды, и послѣ обозрѣнія государемъ замѣчательныхъ древностей и святыхъ монастыря, такимъ же образомъ проводилъ государя до монастыря святой Рипсимы.

У.—Ущелье Гарни-Чая.

По возвращеніи въ Эривань, я отправился къ Гер. Петр. К—ну, который занимаетъ здѣсь должность податного инспектора и, какъ человѣкъ университетскаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ армянинъ по происхожденію и старинный туземный житель, отлично знающъ какъ съ экономическимъ положеніемъ страны, такъ съ историческими и археологическими замѣчательностями ея. Гер. Петр., къ которому я имѣлъ письмо отъ нашего общаго съ нимъ хорошаго знакомаго изъ Тифлиса, оказался любезнѣйшимъ человѣкомъ и устроилъ насъ какъ только можно было желать. Вечеромъ онъ посѣтилъ насъ въ нашей гостиницѣ и познакомилъ насъ съ очень милымъ молодымъ человѣкомъ, своимъ роднымъ племянникомъ, Степ. Ив. Ка—номъ, который живетъ подъ Араратомъ, въ большомъ селеніи Игдырь, и ведетъ общее хозяйство семейства Ка—на. Гер. Петр. предложилъ намъ Ст. Ив.—ча въ спутники для поѣздки въ Кегартъ, которую намъ особенно желательно было устроить. Мы, разумѣется, приняли это милое предложеніе съ сердечною благодарностью, и дѣйствительно приобрѣли въ лицѣ Ст. Ив. незамѣнимаго спутника, интереснѣйшаго собесѣдника и опытнаго организатора всѣхъ практическихъ подробностей путешествія, не только въ Кегартъ, но, какъ потомъ вышло, и въ глубь Арменіи, въ Александрополь, въ Ани и проч.

Въ Кегартъ нѣтъ, собственно, никакихъ колесныхъ дорогъ; поэтому ни биржевые извозчики, ни почта туда не ѣздитъ. Ѣхать

же верхомъ съ женою, не чувствовавшею себя вполне хорошо, подвергаясь риску попасть подъ осенніе ливни,—мнѣ не хотѣлось. Но Ст. Ив. разыскалъ одного стараго возницу, которому уже случалось вмѣстѣ съ нимъ пересчитывать камни непроѣздной дороги въ Кегартъ, спускаться и подниматься по обрывамъ окружающихъ его пропастей. Правда, опытный старикъ и взялъ съ насъ не мало за свою четверню и колясочку, хорошо зная, что придется вытерпѣть въ такую поѣздку и колеса, и копыта, но мы были вполне счастливы возможностью совершить это очень трудное, но и крайне интересное путешествіе такимъ покойнымъ способомъ.

Монастырь Кегартъ до того трудно доступенъ, что даже изъ жителей Эривани нѣкоторые никогда не бывали въ немъ, а иные и не слыхали о его существованіи, несмотря на то, что во всей Арменіи едва ли найдется мѣсто поразительнѣе Кегарта по своей дикой живописности и интереснѣе его по своимъ историческимъ и архитектурнымъ памятникамъ. И мы, и Ка—нъ, запаслись всевозможною провизіею для поѣздки въ горную пустыню: чурекъ, лошади, яйца, сыръ, колбасы, яблоки, чай, сахаръ, конфеты—всего было обильно набито въ походныя куржины. Проѣхали черезъ весь городъ и мимо безконечныхъ садовъ стали подниматься по крутѣйшей дорогѣ, заваленной камнями, въ предмѣстѣ Эривани Чолмекчи, что по-татарски значитъ: „черепичный заводъ“. Въ садахъ тутъ больше всего персики, абрикосы, орѣхи, шелковица, алыча, черешни... Винныхъ ягодъ и другихъ, болѣе нѣжныхъ плодовъ—не видно. Это—естественное слѣдствіе возвышеннаго положенія Эривани надъ уровнемъ моря (3.229 футовъ). Весь городъ разстился у нашихъ ногъ въ своихъ золотистыхъ тополяхъ и орѣхахъ, словно потонувшій въ сплошномъ саду. Утро было ясное, безъ малѣйшаго облачка, и Араратъ, вчера еще далекій и туманный, теперь вырѣзался, съ ногъ до головы одѣтый снѣгами, сверкающе-бѣлый, среди голубой синевы неба,—казалось, такъ близко, что его можно было тронуть рукою,—словно прозрачный воздухъ яснаго утра приблизилъ его къ намъ на цѣлыя десятки верстъ.

Взобрались наконецъ на горную равнину, господствующую надъ городомъ и надъ всею необъятною низиною Аракса. Куда ни посмотришь, всюду кругомъ безотрадная, заваленная камнями пустыня. Завалена камнями и дорога наша, по которой злополучная коляска наша и терпкія лошади еле-еле подвигаются съ непрерывными толчками, стукомъ и трескомъ, пересчитывая каждую глыбу. И словно въ противоположность этой мертвой

пустынь, внизу у ногъ нашихъ, куда только хватить глазъ—роскошная зеленая долина, покрытая нивами, лугами, садами, селеньями, прорѣзанная въ разныхъ направленіяхъ свѣтлыми змѣями Аракса и Занги, осыпанная слѣва снѣговыми пирамидами Ара-рата, справа—зубчатымъ хребтомъ такого же бѣлаго Алагѣза.

Мы, однако, не одни въ этой не совсѣмъ безопасной пустынь. Гер. Петр. Ка—нъ выхлопоталъ намъ у мѣстнаго начальства вооруженнаго всадника, и за нами теперь картинно ѣдетъ на своемъ бойкомъ коньѣ чепаръ-татаринъ, съ ружьемъ за плечомъ, съ кинжаломъ и револьверомъ за поясомъ. Степанъ Ивановичъ, хотя и не военный, тоже смотреть совсѣмъ воинно: въ черкесскѣ съ патронами, съ длиннымъ и широкимъ кинжаломъ за поясомъ.

Исрѣдка, какъ оазисы въ пустынь, попадаются деревушки. Деревня Жирвезъ—вся въ садахъ, но вмѣсто домовъ—какіе-то хлѣвы безъ оконъ, сложенные изъ сырого камня и земли; на плоскихъ земляныхъ крышахъ—стожки люцерны, или, по здѣшнему, юрунжи, которую жители считаютъ ошибочно за клеверъ. Народъ здѣшній—оборванецъ, какъ наши цыгане. Женщины—съ обяванными по-татарски головой и ртомъ, дѣвушки—съ открытыми лицами.

Остановились передохнуть и покормить сильно утомившихся лошадей въ селеніи Башъ-Гарни, въ живописной котловинѣ дикаго ущелья. Здѣсь вездѣ въ большихъ селеніяхъ устроены по распоряженію начальства помѣстительные дома для сельскаго управления и для остановокъ проѣзжающихъ властей, такъ какъ помимо этихъ станцій своего рода въ большинствѣ армянскихъ деревень нѣтъ возможности найти сколько-нибудь сносный ночлегъ.

Домъ сельскаго управленія въ Башъ-Гарни—изъ четырехъ большихъ комнатъ, отлично вымощенныхъ каменными плитами, съ длинными чистыми столами, съ вѣнскими стульями; въ комнатахъ, предназначенныхъ для проѣзжающихъ чиновниковъ,—желѣзные кровати съ постелями. Дворъ обнесень оградой, при домѣ—галерея. Въ домѣ сельскаго управленія сосредоточивается вся официальная жизнь армянскаго селенія. Тутъ слѣдователь производитъ слѣдствія, приставъ разыскиваетъ подати, старшина сажаетъ подъ арестъ, статистикъ собираетъ свои статистическія свѣдѣнія. Армяне жалуются только, что дома эти строятся черезчуръ роскошно для деревни, и потому стоятъ слишкомъ дорого, подчасъ непосильно для бѣднаго населенія. Говорятъ, обычная цѣна такого дома—тысячи четыре рублей. Конечно, это

очень недешево, и возможно было бы выстроить что-нибудь поменьше и подешевле; но нужно принять во вниманіе, что въ Арменіи сельскія управленія соотвѣтствуютъ нашимъ волостнымъ правленіямъ и простираютъ свою власть на нѣсколько селеній. Волостной же старшина имѣетъ въ каждомъ селеніи помощника изъ мѣстныхъ жителей, несущаго обязанности нашего русскаго сельскаго старосты. Сейчас же по нашемъ пріѣздѣ, явились къ намъ помощникъ волостного старшины и кандидатъ старшины. Они, разумѣется, считали насъ за чиновниковъ, посланныхъ отъ начальства съ какимъ-нибудь официалнымъ порученіемъ, и ждали приказаній. Ихъ стараніями скоро появился самоваръ съ чайнымъ приборомъ, составляющіе также обязательную принадлежность каждаго сельскаго управленія. Путешествующему по полудикой странѣ, не вѣдающей никакихъ потребностей цивилизованнаго человѣка,—все равно, будь это доброволецъ-туристъ, подобный намъ грѣшнымъ, или чиновникъ, обязанный родомъ своей службы постоянно скитаться по этимъ непріютнымъ мѣстамъ,—нельзя не оцѣнить высоко тѣхъ незамѣнимыхъ удобствъ, которыя можно найти въ здѣшнихъ домахъ сельскаго управленія и безъ которыхъ разѣзды по горнымъ дебрямъ Арменіи обратились бы въ настоящую пытку. Невольно поэтому приходится сожалѣть, что разумный обычай—устраивать въ деревняхъ сколько-нибудь удобные пріюты для проѣзжающихъ чиновниковъ—такъ мало развитъ у насъ на Руси, которой глухіе деревенскіе углы болѣею частью даютъ такъ же мало возможности найти маломальски сносный ночлегъ для человѣка, не привыкшаго жить въ тѣсномъ общеніи съ телятами и тарабанами, какъ и деревни Арменіи.

Пока готовился чай и завтракъ, мы пошли осмотрѣть интересные развалины древней армянской крѣпости, когда-то стоявшей здѣсь и оберегавшей все ущелье Гарни-Чая. Развалины эти сейчасъ же за садомъ сельскаго управленія, надъ страшною пропастью, на днѣ которой глубоко внизу реветъ среди обрушившихся камней вся кудрявая отъ бѣлой пѣны рѣка Гарни-Чай; на обрывистомъ мысѣ свалѣ стоятъ почернѣвшіе обломки крѣпостныхъ воротъ и круглой башни при нихъ, а на противоположномъ концѣ, прямо надъ бездоннымъ обрывомъ, гдѣ мысъ заканчивается крутымъ холмикомъ, безъ порядка навалены другъ на друга громадные тесанные камни чернаго гранита, тяжелые архитравы и капители, съ искусно вырѣзанными въ камнѣ скульптурными украшеніями, круглыя массивныя колонны въ родѣ приземистыхъ столбовъ древнихъ египетскихъ храмовъ,

и всякаго рода обломки и осколки большого и богато отдѣланнаго зданія.

Циклопическая стѣна окружаетъ внизу скалу, подпирая ея нависшіе выступы, сглаживая всякія неровности ея, и дѣлая ее черезъ это совсѣмъ непреступною снизу. Сбоку, на половинѣ глубины пропасти, чернѣетъ входъ въ пещеру, и около него хорошо еще видна часть стѣны, облицовывавшей этотъ входъ. Мѣстные жители увѣряютъ, что это—развалины когда-то здѣсь бывшаго дворца царя Трдата, крестившаго въ вѣру Христову армянскій народъ, и что въ пещерѣ жила дочь царя Трдата. Оттого развалины эти до сихъ поръ называются у армянъ Тахтъ-Трдатъ („Престолъ Тиридата“).

По обѣ стороны скалистаго мыса, на вершинѣ котораго мы теперь стоимъ, попирая камни разрушеннаго дворца, зяютъ глубоко распахнутыя котловины съ неистово-бушующимъ на днѣ ихъ Гарни-Чаемъ, съ зелеными лужками и рядами тополей по его берегамъ и съ мирно пасущимися среди нихъ коровами. Тамъ, въ глубокой трещинѣ коры земной, куда почти не въ силахъ заглянуть лучъ солнца, подъ сѣнью черныхъ развалинъ, похоронившихъ подъ собою мрачныя сказанія старой исторіи,—пріютилась тихая хозяйственная жизнь и тихія красоты природы, на которыя мы любуемся въ эту минуту, не отрывая глазъ. Пѣшеходныя тропинки смѣлыми зигзагами карабкаются изъ этой зеленой бездны на стѣны почти отвѣсныхъ скалъ...

Устные преданія невѣжественныхъ жителей Багъ-Гарни о дворцѣ Трдата сохранили зерно исторической истины. Мы, дѣйствительно, стоимъ теперь на мѣстѣ давно исчезнувшаго древнѣйшаго города Арменіи—Гарни, который нѣкоторое время былъ даже столицею армянскихъ царей. Французскій путешественникъ Шарденъ, посѣтившій Кавказъ и Персію въ XVII столѣтіи, во времена нашего Алексѣя Михайловича, еще видѣлъ въ полуразрушенномъ дворцѣ Тиридата 36 колоннъ чернаго мрамора и восхищался великолѣпною архитектурою.

Городъ Гарни существовалъ еще въ ветхозавѣтныя времена и, по увѣренію знаменитаго армянскаго историка V вѣка, Моисея Хоренскаго, назывался сначала Гѣгамъ, по имени своего перваго основателя, Гѣгама, внука легендарнаго Гаика, родоначальника народа армянскаго, который и теперь называетъ себя по имени его гайканцами, а страну свою—Гайкстанъ. Гаикъ считается армянскими лѣтописцами современникомъ и соперникомъ еще Немврода, или Бела (Ваала), строителя библейской башни

вавилонской, который, будто бы, и погибъ отъ руки Гаика въ кровавой битвѣ съ нимъ у подножія Арарата.

Названіе же Гарни, по объясненію армянскихъ лѣтописцевъ, присвоено было этому древнему городу по имени жившаго въ немъ царя Гарника, внука Гёгама, и сына старшаго сына его Гарма. Точно также и названіе гайканцевъ „армянами“ производится ихъ лѣтописцами отъ имени другого сына Гарма—Арама, современника Нина и Семирамиды, пріобрѣвшаго своими подвигами такую славу среди сосѣднихъ народовъ, что они стали звать всѣхъ подданныхъ его арменаками, а страну ихъ—Арменіей. Такова сѣдая древность развалинъ, которыми мы теперь любуемся, стоя надъ живописною бездною на тѣсномъ скалистомъ мысу.

Хотя крѣпость въ этомъ скрытомъ и неприступномъ уголѣ дикаго ущелья существовала издревле, и даже римляне держали въ ней одно время свой гарнизонъ, воюя съ Митридатомъ Понтійскимъ, но въ концѣ III-го столѣтія по Р. Хр. она была заново построена царемъ Трдатомъ, по свидѣтельству Моисея Хоренскаго, изъ большихъ тесанныхъ камней, связанныхъ между собою желѣзомъ и свинцомъ; въ стѣнахъ крѣпости былъ сооруженъ Трдатомъ и искусно высѣченный дворецъ въ память сестры его Хозройтухты, больше всего содѣйствовавшей обращенію царя въ христіанство. Имя Трдата было высѣчено на дворцѣ греческими буквами.

Эти глубоко историческія развалины, достойныя самыхъ тщательныхъ археологическихъ изысканій, связаны также и съ другимъ широко-популярнымъ именемъ Кавказа. Грузинская царица Тамара, завоевавшая значительную часть Арменіи, овладѣла, между прочимъ, и крѣпостью Гарни. Впослѣдствіи подъ стѣнами Гарни нанесъ жестокое пораженіе соединеннымъ силамъ грузинъ и армянъ султанъ Ховарезма, —теперешней Хивы,—Джелаль-Эддинъ, отъ неукротимыхъ наѣздниковъ котораго оробѣвшіе грузины спасались, побросавъ оружіе и обозы, въ глубинѣ недоступнаго Гарни-Чайскаго ущелья, куда намъ предстояло ѣхать изъ Башъ-Гарни, и мы видѣли потомъ многочисленныя пещеры въ скалахъ, гдѣ укрывались эти храбрые защитники, пожнутые своимъ предводителемъ Иване, ускокавшимъ раньше всѣхъ къ озеру Гокчѣ.

Въ Гарни были погребены и нѣкоторые патріархи Арменіи, но слѣдовъ ихъ гробницъ не осталось, и мѣстные жители уже ничего не знаютъ о нихъ.

Изъ множества видѣнныхъ мною дикихъ красотъ природы

рѣдко какія могутъ сравниться съ поразительною живописностью Гарни-Чайскаго ущелья у Башъ-Гарни.

Не мудрено поэтому, что мѣстность эта сдѣлалась съ незапамятныхъ временъ своего рода средоточіемъ армянской исторіи. Помимо крѣпости Гарни, вокругъ которой витають тѣни чуть не всѣхъ легендарныхъ героевъ Арменіи, — по рѣчкѣ Гарни-Чаю или въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею основались и многія другія древнѣйшія поселенія Арменіи, получившія большое значеніе въ ея исторіи. Такъ, при впаденіи Гарни-Чая, называвшагося въ древности Медъ-Аморъ, въ рѣку Араксъ, верстахъ въ 25 отъ Эривани, до сихъ поръ существуетъ по дорогѣ въ Нахичевань селеніе Арташатъ, въ которомъ еще уцѣлѣли земляныя насыпи отъ нѣкогда бывшаго здѣсь города Арташата, столицы Арменіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, славившейся во времена язычества своими капищами и идолами; здѣсь именно Григорій-Просвѣтитель провелъ 13 лѣтъ въ ямѣ Хоръ-Вираба; здѣсь же онъ въ послѣдствіи низвергалъ святилища поклонниковъ Діаны и Аполлона.

У той же рѣчки Гарни-Чая находится и деревня Двинъ, — ничтожная наслѣдница когда-то славнаго города того же имени, бывшаго столицею Арменіи еще долѣе, чѣмъ Арташатъ, и тѣсно связаннаго со многими важными событіями армянской исторіи.

Двинъ, также какъ и Арташатъ, былъ однимъ изъ главныхъ гнѣздъ огнепоклонничества, котораго старыя языческія святилища вездѣ были замѣнены потомъ святилищами христіанскими. Оттого, конечно, вся долина Гарни-Чая и все дикое ущелье, у котораго мы теперь находимся, полны до сихъ поръ и уцѣлѣвшихъ, и уже покинутыхъ монастырей, на мѣстѣ которыхъ несомнѣнно стояли почитаемые язычниками храмы или истуканы.

Позавтракавъ и напившись чаю въ сельскомъ управленіи, мы бодро продолжали свой путь. Дорога ушла отъ ущелья въ глубь степи. Вокругъ насъ опять однообразная пустыня, сплошь заваленная камнями. Рѣдко, рѣдко покажется верблюдъ, пасущійся среди колючаго бурьяна, или одинокій пахарь, обливающийся потомъ надъ своимъ первобытнымъ плугомъ на какомъ-нибудь крошечномъ клочкѣ поля, который онъ съ мучительнымъ трудомъ расчистилъ отъ груды камней. Долго придется ждать, пока очистится отъ камней вся эта громадная степь. Даже поля, которыя уже пахутся, еще на половину полны камней. Безъ воды эта плодородная почва не даетъ ничего, а дожди тутъ

рѣдки. Поэтому въ каждомъ распаханномъ клочку моволистнаго рука терпѣливаго пахаря должна проводить борозды изъ ближайшаго ручья, до котораго иногда очень недалеко, а если нѣтъ возможности провести воду, то приходится довольствоваться обильнымъ разливомъ весеннихъ водъ, для сохраненія которыхъ также копаются ровчики по всему полю.

Наконецъ, мы опять повернули и стали спускаться въ ущелье, все время невидимо провожавшее насъ справа. Поразительныя декорации одна за другою поднимаются передъ нами. Сначала у ногъ нашихъ разверзается глубокое зеленое провалье съ лугами и стадами коровъ; потомъ оно мало-по-малу переходитъ въ мрачную пропасть, на днѣ которой реветъ и гвѣнится Гарни-Чай, и надъ которою надвинулись со всѣхъ сторонъ изгрызенныя, какъ зубцы древней крѣпости, громадныя истузаны черныхъ скалъ. Чудится, будто мы попали въ какую-то безотрадную юдоль плачевную, будто насъ окружаютъ сцены изъ какой-нибудь романтической и фантастической оперы, нѣчто въ родѣ „Wolfsschlucht“ Веберовскаго „Фрейшютца“. И чѣмъ дальше, тѣмъ грознѣе и ужаснѣе, тѣмъ восхитительно-живописнѣе дѣлается эта дикая пропасть. Художникъ-живописецъ замеръ бы отъ восторга, глядя на эту негнѣотную и жуткую красоту, и не вышелъ бы отсюда...

Вотъ мы у самой вершины ущелья и уже медленно карабкаемся въ замыкающую его дикую тѣснину, въ самое жерло охватившаго насъ кругомъ грознаго великолѣпія. Какими-то волшебными замками и башнями, нерукоотворными твердынями титанической величины встаютъ изъ глубины пропасти на страшную высоту сдвинувшіяся въ дружный кружокъ черныя голыя скалы, изъ каменной груди которыхъ выпрывается съ ревомъ истокъ Гарни-Чая.

Эта глубокая черная пазуха кажется разверзшеюся утробой земли, готовою опять сомкнуться надъ дерзкимъ двуногимъ червемъ, который отважно заползъ въ нее и нагородилъ въ ней свои каменные норки.

Куда ни взглянешь на скалы, вездѣ наверху и внизу зіяютъ черныя зѣвы пещеръ, окошечки и дверочки, пробитыя въ толщѣ камня. Большинство этихъ пещеръ, старыхъ какъ само человечество, уже недоступно теперь. Осыпались въ теченіе ряда вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій, тропинки и лѣсенки, лѣпившіяся по выступамъ отвѣсныхъ скалъ, — и теперь развѣ только орлы могутъ гнѣздиться въ этихъ висящихъ надъ бездною людскихъ гнѣздахъ жестокаго стараго времени.

Въ этомъ скрытомъ ущельѣ, такъ близко отстоящемъ отъ священной горы, ставшей, по всей видимости, центромъ разселенія челоувѣчества, пріютившемъ на берегахъ своей ветхозавѣтной рѣчки города, крѣпости и храмы первобытныхъ народовъ исторіи и связавшемъ свое имя съ именами, о которыхъ повѣствовала еще Книга Бытія, — пещеры могли служить троглодитамъ каменнаго вѣка, а не только историческимъ племенамъ Кавказа.

Но несомнѣнно, что въ нихъ находили пріютъ и спасеніе десятки тысячъ людей въ часто повторявшіеся для Арменіи дни безпощадныхъ гоненій язычниковъ-огнепоклонниковъ на христіанъ первыхъ вѣковъ. Это уже не догадка, а положительное свидѣтельство армянскихъ лѣтописцевъ. Между прочимъ, въ дошедшей до насъ высоко-интересной книгѣ Эгипе Вартапеда, историка V вѣка, бывшаго свидѣтелемъ и участникомъ этой кровавой эпохи гоненій, не разъ упоминается о томъ, какъ, при нашествіи персидскаго воинства, христіанскіе жители разрушенныхъ армянскихъ городовъ и опустошенныхъ армянскихъ областей разбѣгались въ горы и прятались тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ неприступныхъ пещерахъ.

Вотъ одинъ изъ трогательныхъ эпизодовъ той ужасной поры, рассказанный со всею наивностью средневѣковаго лѣтописца благочестивымъ Эгипе и относящійся къ тому времени, когда народный герой Вартапъ Мамиконьянъ, признанный потомъ святымъ армянскою церковью, послѣ ряда блестящихъ подвиговъ погибъ въ великой битвѣ съ персами въ долинѣ Артазской.

— „Нѣтъ, не вѣрится намъ обманчивому приказанію царя, не хотимъ болѣе подпасть подъ власть Іездигерда! — говорили армяне. — Съ той поры они приняли твердое рѣшеніе оставить свои деревни, хутора и виноградники. Новобрачныя дѣвушки вышли изъ-за занавѣсей, супруги — изъ своихъ покоевъ, маститые старцы встали съ креселъ и дѣти сошли съ рукъ матерей. Юноши и молодыя дѣвушки и множество мужчинъ и женщинъ направили стопы свои къ пустынямъ и укрывались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и ущельяхъ пустынныхъ горъ. Они лучше желали съ истинною вѣрою оставаться посреди ужасныхъ скалъ, какъ звѣри дикіе, нежели жить въ наслажденіяхъ подъ собственнымъ кровомъ отступниками. Они взушали безропотно пищу, составленную изъ травъ, и не жалѣли о вкусныхъ яствахъ, къ которымъ привыкли. Глубокія пещеры нѣдръ горныхъ казались имъ предпочтительнѣе великолѣпныхъ покоевъ богатыхъ палатъ, и голая земля, служившая ложемъ, была въ глазахъ ихъ красивѣе ро-

скошныхъ ковровъ и превосходныхъ убранствъ спаленъ, украшенныхъ драгоцѣнною живописью "...

Трудно сомнѣваться въ томъ, что пещеры Гарни-Чайскаго ущелья, до сихъ поръ напоминающаго по остаткамъ древнихъ монастырей и церквей какую-то огромную сплошную лавру, — тоже послужили въ тѣ опасныя времена надежными убѣжищами для христіанъ, спасавшихся отъ избіенія.

Характерный острый конусъ восьмиугольной армянской церкви неожиданно вырѣзался совсѣмъ близко отъ насъ на фонѣ черныхъ скалъ. Этотъ сѣрый каменный храмъ среди окружавшихъ его сѣрыхъ, замшившихся стѣнъ казался дѣтскою игрушкою въ сравненіи съ нерукотворными громадами тѣхъ вѣковѣчныхъ стѣнъ и башенъ, подъ сѣнью которыхъ пріютился онъ.

Мы подъѣзжаемъ теперь къ знаменитому монастырю св. Копья, древнему Кегарту. Онъ стоитъ, укрытый съ трехъ сторонъ скалами, словно гигантскими ширмами, надъ обрывами берега; цѣлый хаосъ камней, навороченныхъ Гарни-Чаемъ въ весенніе разливы и въ дождливые дни, одинъ только обозначаетъ внизу ложе бурной рѣчки, которая теперь совсѣмъ отошла, хотя все еще сердито гудитъ и рокочетъ, протискиваясь своими раздробленными струйками сквозь загородившіе ее каменные обвалы.

Не доѣзжая монастыря, налѣво отъ дороги, вѣдетъ какъ-разъ надъ нашими головами громадная черная ниша, образовавшаяся отъ обрушившейся внутренности отвѣсной скалы; безъ сомнѣнія, въ скалѣ этой были большія пещеры, наружныя стѣны которыхъ осыпались и вывалились во время какого-нибудь сильнаго землетрясенія. Теперь верхній черепъ этой гигантской пещеры представляетъ грандіозный, хотя и не безопасный мостъ своего рода, перекинутый смѣлою аркою черезъ пропасть.

Почти сейчасъ же за этою колоссальною нишею и ворота монастыря. Монастырскій дворъ обнесенъ крѣпкими древними стѣнами.

Настоятель монастыря, отецъ Ваграмъ, вѣроятно давно уже слышавшій стукъ нашихъ колесъ по каменистой тропѣ ущелья, поджидалъ насъ за воротами.

Степанъ Ивановичъ былъ знакомъ съ нимъ прежде, и представлялъ ему насъ, объяснивъ, между прочимъ, и литературную цѣль моего путешествія по Арменіи.

Отецъ Ваграмъ оказался очень общительнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Заявивъ мнѣ, вѣроятно, изъ восточной любезности, будто онъ читалъ нѣкоторыя сочиненія мои, онъ отрекомендовалъ намъ себя какъ страстнаго любителя чтенія, особенно всего, что касается армянской исторіи и древностей. Изъ разговоровъ съ нимъ мы потомъ убѣдились, что онъ, дѣйствительно, читалъ довольно много не только по-армянски, но и по-русски. Нѣкоторыя русскія книги ему знакомы и даже стоятъ на полкахъ его маленькой бібліотеки.

По-русски онъ объясняется довольно свободно, хотя и не безъ ошибокъ, потому что долго жилъ прежде въ Нахичевани-на-Дону.

Возможность прямой бесѣды съ этимъ начитаннымъ монахомъ безъ стѣснительнаго посредства переводчика не мало облегчила намъ знакомство съ древнимъ монастыремъ.

VI.—Кегартъ, пещерный монастырь св. Копія.

Мы недолго посидѣли въ обширной „кунацкой“ настоятеля, уставленной диванами и заваленной всякою всячиной, и отправились, вслѣдъ за нимъ, осматривать монастырь.

Строенія монастыря двумя сторонами своими тѣсно примыкаютъ къ скаламъ какого-то крѣпкаго чернаго камня. Вплотную къ скалѣ стоитъ и единственная церковь монастыря, видимая снаружи,—такая же черная, такая же несокрушимо крѣпкая, сложенная удивительно ладно и красиво изъ большихъ тесаныхъ камней, конечно, осьмиугольная, съ острымъ шатромъ крыши, какъ всѣ древніе храмы Арменіи и Грузіи. Церковь стоитъ съ XIII вѣка и поражаетъ изяществомъ своихъ размѣровъ, формы и украшеній. Она вся въ тонкихъ арабескахъ, вырѣзанныхъ въ плотномъ камнѣ свободно и красиво, какъ въ кускѣ воска: арабески по карнизамъ и поясамъ, арабески по арочкамъ дверей и оконъ, арабески въ рамкахъ многочисленныхъ плитъ съ крестами и надписями, которыя такъ естатію разнообразить сплошную гладь стѣнъ этого словно граненаго храма. Кресты на плитахъ очень своеобразны: чаще всего—большой крестъ съ распиренными концами въ фантастическихъ завитушкахъ, а между вѣтвями его такіе же маленькіе крестики, по два, по четыре и больше. Отецъ Ваграмъ объяснилъ намъ, что это ехъ вото старинныхъ прихожанъ, которые по разнымъ случаямъ давали обѣтъ вставить свою семейную плиту въ какой-

нибудъ уголъ храма, снаружи или внутри, и по числу членовъ своей семьи вырѣзали и число крестовъ на плитахъ, считая большою пользою для своей души и большою для себя честию такое участіе въ строеніи храма. Дѣйствительно, мы видѣли потому множество такихъ плитъ съ крестами и внутри монастырскихъ храмовъ, и въ проходахъ между ними, и стоящихъ отдѣльно, въ видѣ надгробныхъ памятниковъ. Еще любопытнѣе плиты съ древними скульптурными изображеніями аллегорическихъ животныхъ, украшающія снаружи стѣны храма. Самая интересная плита—надъ главнымъ входомъ.

Тамъ изображенъ тигръ, загрызающій быка,—фигуральное воспоминаніе тѣхъ долговременныхъ страданій и притѣсненій, которыя претерпѣвали армянскіе христіане отъ огнепоклонниковъ персіанъ и отъ мусульманъ — арабовъ и турокъ. На другихъ плитахъ—львы, орлы, олени, голуби,—тоже все историческіе символы и аллегоріи. Много плитъ на наружныхъ стѣнахъ и съ историческими надписями, которыя прочтены армянскими учеными и списаны. Это и необходимо, потому что, несмотря на твердость матеріала, многія строки этой каменной лѣтописи уже начинаютъ стираться. Надписи эти, впрочемъ, относятся исключительно къ исторіи монастыря, повѣствуя о строителяхъ, жертвователяхъ и возобновителяхъ храма, и не имѣютъ общеоисторическаго интереса ¹⁾. Что храмъ перестраивался нѣсколько разъ, это замѣтно помимо свидѣтельства надписей уже потому, что во многихъ мѣстахъ вставлены отбитые куски плитъ съ надписями и крестами,—очевидно, взятые изъ прежнихъ построекъ. Последняя перестройка была произведена уже послѣ сильнаго землетрясенія 1840 года. Глядя на тщательную пригонку камней и на строгую правильность архитектурныхъ линій, не удивляешься, что такой, словно выточенный изъ камня, храмъ, несмотря на частныя поврежденія, все-таки устоялъ въ теченіе многихъ вѣковъ отъ землетрясеній и разрушенія враговъ. Онъ весь каменный, съ головы до ногъ: даже пирамидальная крыша его—изъ толстѣйшихъ каменныхъ плитъ квадратной формы, черныхъ и темно-красныхъ, скрѣпленныхъ желѣзными схватками. Такая несокрушимая крыша, разумѣется, требуетъ и несокрушимыхъ сводовъ. Внутри наружный храмъ полонъ стіля и типичности. Изящный и благородный куполъ вѣнчаетъ превосходно построен-

¹⁾ „Во времена Захаріи, царскаго рода, его двоюроднаго брата Иванѣ и ихъ сыновей, Шаханшаха и Авага, подъ управленіемъ настоятеля Барсега и старшими братіи былъ построенъ этотъ великолѣпный соборъ въ 1214 году“. Начертано надъ аркою западной двери въ церковь.

ные высокіе, стройные своды. Особенно хорошъ широкій, круглый притворъ огромной высоты, съ величественною колоннадою массивныхъ темныхъ столбовъ, поддерживающихъ куполъ, съ отверстіемъ по срединѣ. Подъ отверстіемъ этимъ, въ каменномъ полу, такой же круглый стокъ для дождевой воды. Внутренность купола вся въ оригинальныхъ ячейкахъ, словно сверху виситъ громадный каменный сотъ. Этотъ чисто-восточный орнаментъ напомнилъ мнѣ подобныя же украшенія каирскихъ мечетей. Въ стѣнахъ—плиты съ крестами и надписями, въ помостъ—плиты гробницъ. Большія плиты съ крестами стоятъ также у стѣнъ, въ видѣ аналоевъ.

Изъ главнаго притвора идутъ рядомъ два хода въ нѣдра скалы. Мы вошли въ полумракъ пещеры и оглядѣлись не сразу. Огромный храмъ строгой архитектуры, благородныхъ линий и размѣровъ, изумительнымъ образомъ выточенъ въ сердцевинѣ дикой скалы—съ такою геометрическою правильностью, съ такою точностью работы, что просто глазамъ своимъ не вѣришь. Храмъ этотъ характеромъ своей архитектуры служить явнымъ подражаніемъ наружной церкви Кегарта. Тутъ тотъ же прекрасный куполъ, тѣ же своды, тотъ же притворъ, хотя и сдѣланные нѣсколько грубѣе. Какимъ образомъ люди, работавшіе, какъ ереты, внутри сплошныхъ толщъ слѣпой скалы, могли такъ безошибочно опредѣлять размѣры и разстоянія, соблюдать одинаковый радіусъ сводовъ и куполовъ, округлять такъ вѣрно и ровно колонны,—для меня остается неразрѣшимую загадкою; въ устройствѣ этого древняго армянскаго храма много типическихъ особенностей, повторяющихся и въ наружной церкви. Тѣсныя пещерки въ стѣнахъ съ крутыми каменными лѣсенками служили своего рода семейными ложами для почетнѣйшихъ прихожанъ. По бокамъ алтаря, открытаго, какъ у католиковъ, и поднятаго на высокую площадку, темные, узкіе придѣльчики, въ которые ведутъ особыя лѣсенки, и гдѣ сохранялись въ прежнее время драгоценности храма. Престолъ, сидѣнья и всѣ принадлежности храма высѣчены изъ сырца скалы, также какъ стѣны и столбы его; на боковыхъ стѣнахъ алтаря—грубые, дѣтски-неумѣлыя изображенія двухъ апостоловъ, положившихъ начало христіанству въ Арменіи,—Варεоломея и Θаддея. Они нарисованы безъ сіянія вокругъ головы, изъ чего армянскіе археологи заключаютъ, по словамъ отца Ваграма, будто эта живопись относится къ IV-му или V-му вѣку, такъ какъ, начиная съ VI-го вѣка, христіанскихъ святыхъ стали постоянно писать съ сіяніями. На стѣнѣ притвора—оригинальная скульптура аллегорическаго значенія:

олень сдерживаетъ на цѣпи двухъ огромныхъ львовъ, а ниже — орелъ вцѣпился когтями въ барана. Это олицетворена христіанская вротость армянскаго царя, смирившаго злобныхъ и могучихъ враговъ, а вмѣстѣ изображено страданіе христіанской церкви въ когтяхъ варваровъ. Среди плитъ есть, между прочимъ, плита съ гербомъ древнихъ князей армянскихъ Прошей, когда-то — владѣльцевъ всей этой мѣстности, вмѣстѣ съ озеромъ Гокчею, и строителей этого храма, о чемъ сдѣлана надпись на одной изъ плитъ храма ¹⁾. Убранство этого пещернаго храма, также какъ и убранство наружной церкви, бѣдно до жалости. Настоящихъ иконъ нѣтъ, а есть плохія малеванья на подотнѣ, въ грошовыхъ рамкахъ, и то очень немногія, изображающія, большею частью, св. Григорія въ облаченіи католикоса, да св. Копье, которому посвященъ монастырь.

Изъ притвора проведенъ доморощенный телефонъ своего рода — труба, пробитая въ толщѣ скалы въ верхній храмъ, черезъ которую можно отлично переговариваться, какъ мы убѣдились на опытъ.

Рядомъ съ пещернымъ храмомъ, который я описалъ, — другой, совсѣмъ на него не похожій, храмъ, также искусно и изумительно высѣченный изъ одного цѣльнаго камня, въ толщахъ скалы, съ такимъ же куполомъ и сводами, съ такимъ же притворомъ и даже такимъ же телефономъ-трубою, проведеннымъ въ верхній отдѣленіи монастыря. Въ особомъ придѣлѣ притвора — подземный бассейнъ съ водою, въ который проведены канальчики и борозды изъ всѣхъ отдѣленій этой пещерной лавры, чтобы обезпечить водою ея жителей въ случаѣ осады ²⁾.

По длинному, полутемному корридору, высѣченному въ скалѣ, стѣны котораго покрыты множествомъ старинныхъ плитъ съ крестами, — пробрались мы въ верхній храмъ, тоже выточенный въ нѣдрахъ скалы, какъ-разъ надъ нижними храмами, съ ко-

¹⁾ „Подъ владычествомъ благочестиваго и богомольнаго тагадира (т.-е. „возлагателя короны“) Грузія, Авага, Шаханшаха и его сына Захарія, я, Прошъ, сынъ Васака, потомокъ Хагбака, купивъ у владѣльцевъ края преудивительный Айри-ванкъ, съ горомъ, равниною и всѣмъ, чѣмъ онъ былъ снабженъ, — вырубилъ въ скалѣ этотъ домъ Божій на память о себѣ, моихъ дѣтяхъ и моей женѣ Хутлу-Хатунъ. Совмѣстно съ людьми, я сдѣлалъ благочестивый даръ всего сего монастыря святаго Копія“. Судя по именамъ строителей, археологи относятъ эту постройку къ половинѣ XIII вѣка, чѣмъ опровергается предположеніе отца Ваграма о живописи IV или V-го вѣка, если только Прошъ не расширилъ уже существовавшій подземный храмъ.

²⁾ Повидимому, это-то и есть самый древній храмъ, построенный еще въ IV-мъ вѣкѣ св. Григоріемъ-Просвѣтителемъ и давшій монастырю его первоначальное имя „айри-ванкъ“, т.-е. „пещерный монастырь“. На стѣнахъ его нѣтъ никакихъ надписей.

торами онъ можетъ сноситься черезъ трубы, пробитыя сквозь каменное основаніе его.

Этотъ третій пещерный храмъ кажется нѣсколько изящнѣе и веселѣе нижнихъ, но выдолбленъ и разукрашенъ совершенно по тому же образцу, съ прекраснымъ круглымъ куполомъ, съ четырьмя грандіозными колоннами въ притворѣ ¹⁾.

Изъ него уже мы выбрались навѣрхъ, на уступы скалы, скрывающей въ своей темной утробѣ эти чудеса древняго чело-вѣческаго искусства. По истинѣ, эта пещерная многоярусная лавра стѣитъ вслѣхъ египетскихъ пирамидъ и подземныхъ капищъ Аписа, вслѣхъ знаменитыхъ сооружений Рима. Она производитъ впечатлѣніе такой же колоссальности замысла, такой же невѣроятной настойчивости въ трудѣ, такого же дивнаго искусства, изумительнаго тѣмъ болѣе, что оно не могло пользоваться техническими изобрѣтеніями и усовершенствованіями новѣйшаго времени, а достигалось самыми простыми первобытными средствами.

Нужно удивляться, какъ такое археологическое и историческое сокровище, такая единственная архитектурная диковина, слишкомъ мало извѣстна не только образованному европейцу, не только русскимъ ученымъ, но даже и огромному большинству ближайшихъ жителей Кавказа, до такой степени, что въ богатомъ спеціальному собраніи кавказскихъ видовъ самаго извѣстнаго тифлискаго фотографа я не нашелъ никакого намека на Кегартъ, и хозяинъ этой фотографіи, справившись съ каталогомъ кавказскихъ историческихъ памятниковъ Баградзе, увѣрялъ меня, что Кегартъ тамъ вовсе не упоминается, да и онъ самъ, занимаясь столько лѣтъ сниманіемъ всевозможныхъ видовъ съ интересныхъ мѣстностей и памятниковъ Кавказа, никогда не слышалъ о существованіи Кегарта.

Бродя надъ крышами пещерныхъ храмовъ, мы видѣли много пещеръ, тщательно высѣченныхъ на разныхъ высотахъ скалы и украшенныхъ, какъ и храмы, тонкою каменною рѣзьбою вокругъ входовъ и оконныхъ отверстій; вслѣдъ за отцомъ Ваграмомъ,

¹⁾ Этотъ верхній храмъ еще нѣсколько моложе храма Проша. Вокругъ капители одного изъ массивныхъ столбовъ его прочитана такая надпись: „Съ помощью Божьей я, Папакъ, сынъ Проша, и моя подруга Ергузуванъ, мы выполнили эту моделью въ пещерѣ скалы, на вѣчное поминовенье нашихъ душъ и душъ нашихъ дѣтей, на наши законные капиталы“. Это произошло при настоятелѣ Григоріѣ въ 1288 году.

лазавшимъ по обрывамъ не хуже дикой козы, мы забрались въ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ пещерахъ этихъ и кухни, и кладовыя, и жилыя кельи; нныя уже совсѣмъ развалились; есть простыя ямы, вырубленныя въ камнѣ, замѣнявшія древнимъ монахамъ закрома для ячменя и пшеницы; есть и цистерны для воды. Словомъ, въ нѣдрахъ этихъ черныхъ скалъ, кромѣ великолѣпныхъ храмовъ монастыря, былъ еще скрытъ цѣлый монашескій поселокъ со всѣми его хозяйственными службами. Старая стѣна съ башнями, защищавшая монастырь, до сихъ поръ обходить его сзади и сверху, откуда доступъ къ нему легче, чѣмъ снизу, по узкой тропинкѣ ущелья, на которой одинъ человекъ, залегшій за камни, могъ бы остановить цѣлый отрядъ.

Но въ старые вѣка жилье было далеко не въ одной скалѣ, къ которой прислонился монастырь. Куда ни поглядишь съ высоты, на которую мы теперь забрались, отовсюду изъ-за пропасти глядятъ черныя дыры пещеръ.

Отецъ Ваграмъ указалъ намъ на одну пещерку, чернѣвшую прямо противъ монастыря, высоко въ отвѣсномъ обрывѣ горы, своею правильно вырубленною широкою дверью и тремя окнами въ рядъ...

— То пещера царя Трдата,—сказалъ онъ намъ; она просторная, изъ нѣсколькихъ комнатъ. Царь скрывался тамъ въ опасныя минуты жизни. Недавно еще цѣль былъ узкій карнизъ скалы, по которому хотя и съ опасностью можно было добраться до нея, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ осыпался, и теперь никакимъ образомъ нельзя въ нее войти... Онъ предложилъ намъ спуститься съ монастырской скалы и повелъ насъ къ громадной аркѣ осыпавшейся горы, о которой я упомянулъ раньше. Какъ разъ около нея показалъ онъ намъ трехъ-ярусную пещерную церковь, отлично высѣченную въ скалѣ и покрытую снаружи множествомъ рѣзныхъ украшеній въ видѣ карнизовъ, поясовъ, оконныхъ арочекъ и отдѣльно вставленныхъ плитъ...

Еще одну церковь, но уже обращенную въ безформенную грудку камней, большею частью растасканныхъ на другія постройки, показалъ намъ отецъ Ваграмъ на дорогѣ, по которой мы поднялись къ монастырю, надъ обрывомъ ручья. Очевидно, это былъ передовой храмъ древняго монастыря, можетъ быть при его въѣздныхъ воротахъ, такъ какъ его стѣны въ то время, вѣроятно, захватывали гораздо болѣе обширное пространство, и осыпавшуюся арку, и трехъ-ярусную церковь, и вообще всю мѣстность, начиная отъ подъема дороги изъ ущелья, не ограничиваясь предѣлами теперешняго двора.

Али-шанъ, одинъ изъ историковъ Арменіи, передаетъ, что въ Кегартскомъ—или, какъ онъ пишетъ, Гегатскомъ—монастырѣ было всего семь церквей, изъ которыхъ пять высѣченныхъ въ скалѣ, составляющей отрогъ горы Гега, и въ этихъ церквахъ—40 или 50 престоловъ.

Первоначально этотъ монастырь назывался „Айри-ванкъ“, что по-армянски значитъ: „храмъ, высѣченный въ пещерѣ“; но когда, въ смутное время армянскаго царства, въ этотъ неприступный и укрытый отъ взоровъ монастырь перенесли изъ Эчмиадзина святое копьё, которымъ былъ прободенъ распятый на крестѣ Спаситель, и хранившуюся тамъ же доску отъ ковчега Ноева, онъ получилъ названіе Кегартъ (или Гегартъ)-ванкъ (буквально: храмъ копы), оставшееся за нимъ навсегда, даже и послѣ того, какъ въ болѣе мирныя времена св. копьё было возвращено въ Эчмиадзинъ. Армянскіе ученые и богословы считаютъ Кегартъ прародителемъ всѣхъ храмовъ Арменіи и полагаютъ, что въ пещерахъ его христіанскіе отшельники скрывались еще до построенія семи церквей и до Григорія-Просвѣтителя, котораго считаютъ первымъ основателемъ монастыря. Армянскій историкъ XIII-го столѣтія, Варданъ, даже передаетъ повѣрье, будто св. Григорій построилъ здѣсь христіанскую церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ очень чтимый язычниками храмъ. Во всякомъ случаѣ, сохранилось достовѣрное свѣдѣніе, что католикосъ Саакъ, сынъ знаменитаго католикоса Нарсесса Великаго, жившій въ концѣ IV-го вѣка, уже находилъ себѣ убѣжище отъ преслѣдовавшихъ его враговъ въ монастырѣ Кегартъ, посѣщавшемся и отцомъ его, а въ 829 году нашелъ здѣсь же надежный пріютъ армянскій историкъ Іоаннъ Овайскій, бѣжавшій вслѣдствіе интригъ князя Баграта. Однимъ изъ иноковъ Айри-ванка былъ и извѣстный армянскій историкъ XIII-го вѣка Мхитаръ Айриванети.

Англійскій путешественникъ Моріеръ, посѣтившій Кегартъ въ 1813 году, наверху главнаго престола прочелъ такую надпись: „За грѣхи наши Тамерланъ, истребивъ множество христіанъ, пришелъ сюда съ войскомъ, разорилъ и разграбилъ сокровища монастыря“. Сохранилось объ этомъ грозномъ нашествіи и народное преданіе, которое повѣствуетъ слѣдующее: „Тамерланъ, или Ленгтимуръ, уже совсѣмъ собрался разрушить до основанія стѣны и храмы монастыря, какъ вдругъ передъ нимъ явился свѣтлый какъ солнце ангелъ и повелѣлъ ему удалиться. Пораженный страхомъ завоеватель тотчасъ же бѣжалъ прочь со всѣмъ своимъ воинствомъ. Оттого-то,—прибавляетъ пре-

даніе, — татары до сихъ поръ называютъ этотъ монастырь „Георгечъ“, то-есть: взгляни и удались прочь!“

Въ XVII столѣтіи (въ 1655 г.) осматривалъ Кегартъ и подробно изучилъ всѣ достопримѣчательности его французъ Тавернье, который еще видѣлъ хранившееся здѣсь св. вошье. Но въ томъ же столѣтіи, лѣтъ тридцать спустя послѣ Тавернье, сильнѣйшее землетрясеніе разрушило значительную часть монастыря, и, безъ сомнѣнія, тогда-то и образовалась внутри боковой скалы около монастыря колоссальная ниша, которую мы теперь видимъ, такъ какъ по извѣстіямъ армянскихъ писателей въ то время „отъ свалившихся грудъ массивнаго камня вся ограда была завалена осколками, и ими былъ убитъ на смерть тогдашній настоятель монастыря“.

Хотя года черезъ три или четыре преемникъ убитаго настоятеля Давидъ и приступилъ къ возобновленію поврежденнаго землетрясеніемъ храма, но все-таки монастырь сталъ приходить съ тѣхъ поръ все въ большій и большій упадокъ, такъ что въ 1830 году католикосъ Іоаннъ VII-й вынужденъ былъ принимать особенныя мѣры къ его исправленію. Новое большое землетрясеніе въ 1840 году сильно задержало уже кончавшіяся работы, и только въ 1855 году удалось, наконецъ, привести этотъ древній историческій монастырь въ его теперешній исправный видъ.

Натомившись многочасовымъ лазаньемъ по скаламъ и пещерамъ, мы съ искреннимъ удовольствіемъ успѣли, наконецъ, отдохнуть вечеркомъ на широкихъ диванахъ кунацкой отца Ваграма за чаемъ и бутылкою вина, захваченнаго нами съ собою изъ города вмѣстѣ съ разными закусками.

Отецъ Ваграмъ былъ неистощимъ на рассказы и передалъ намъ все, чтó зналъ о своемъ монастырѣ.

— Да тутъ въ старину все ущелье было наполнено монастырями и церквами, — говорилъ онъ намъ. — Армяне вѣдь съ древности были богомольнымъ и благочестивымъ народомъ, и вездѣ, гдѣ только могли, строили церкви. Вотъ какъ разъ противъ Кегарта, черезъ рѣку, за той вонъ большой горой, и до сихъ поръ цѣлъ еще монастырь Сурпъ-Стефаносъ, очень прежде знаменитый; тамъ жилъ и скончался святой отшельникъ Стефанъ, а Григорій-Просвѣтитель, узнавъ о его смерти, основалъ на этомъ мѣстѣ монастырь. И теперь тамъ монахи живутъ, да только отъ татаръ бѣды много бываетъ. Еще недавно, всего шесть лѣтъ назадъ, три татарина знакомыхъ пришли къ монаху; тотъ въ это время

чай пилъ, пригласилъ и ихъ. Да только влиевулъ работника, чтобы самоваръ убиралъ, — а того не зналъ, что работника они уже раньше убили, — они вскочили на ноги, и на него! Двадцатью ударами одну грудь прокололи; потомъ эконому зарѣзали, да всѣхъ тронихъ облили керосиномъ и зажгли; однако монахъ не сгорѣлъ, тлѣлъ только. Слѣдователь пріѣхалъ, стали разыскивать, а татары въ трехъ деревняхъ заговоръ сдѣлали — поклялись другъ дружкѣ никого не выдавать. Восемь человѣкъ арестовано было, двое въ тюрьмѣ умерли, двое съ ума сошли, а тутъ еще нѣкоторые татары другъ дружкѣ перестрѣляли, не поладили въ чемъ-то насчетъ расходовъ по дѣлу, такъ что душъ десять ихъ попало изъ-за монаха, а все-таки убійцъ не разыскали.

— Вообще, татары-пастухи — пребезпокойный и презлой народъ; хуже нѣтъ сосѣдей, избави отъ нихъ Богъ! — съ искреннимъ негодованіемъ увѣрялъ насъ добродушный настоятель. — Вы, небось, замѣтили, проѣзжая, на той сторонѣ ущелья, порядочно-таки высоко, деревня татарская Артисъ; такъ тамъ тоже христіане прежде жили. Основанія церкви видны, монеты находятъ, кресты... Ну, а теперь мусульмане вездѣ поселились и покою намъ не даютъ. У насъ на той сторонѣ пастбища монастырскія, — такъ они, разбойники, постоянно отбиваютъ. Уже нѣсколько человѣкъ въ тюрьмѣ за это сидятъ, а все не унимаются.

— У васъ, стало быть, и въ другихъ мѣстахъ земля есть? — спросилъ я.

— А какъ же! — у монастыря 1.400 десятинъ всей земли въ разныхъ мѣстахъ; только удобной мало, не больше 200 десятинъ.

— Какъ же вы обрабатываете ее?

— Крестьянамъ подъ посѣвы сдаемъ, за пшеницу; напри- мѣръ, участокъ есть у насъ тутъ недалеко, 25 десятинъ, такъ мы его весь за 90 пудовъ пшеницы сдаемъ, а пшеница у насъ по 1 р. 20 к. пудъ; стало быть, по 4 р. десятина обойдется, не больше.

— А богомольцы у васъ въ монастырѣ часто бываютъ?

— Къ намъ въ лѣтнее время то-и-дѣло народъ ходитъ, — съ самодовольной улыбкой отвѣтилъ Ваграмъ, — и не то чтобы армяне одни, а и курды, и татары, даромъ что магометане. Очень уважаютъ нашъ монастырь. Татары нехорошо себя держатъ, а курды — тѣ почтительны. Только курды ужъ непремѣнно украдегъ что-нибудь въ церкви, подсвѣчникъ тамъ, посуду какую, платокъ, потому что обѣтъ такой даютъ, когда молятся, чтобы Богъ сына далъ или урожай хорошій; а потомъ вдвое возвращать. Мы ужъ это знаемъ; случается, видишь, что крадетъ, а

промолчишь, будто и не видалъ. Знаемъ же, что послѣ прине-
сешь. И вѣдь вотъ что замѣчательно: вездѣ курды уважають наши
древніе монастыри; стало, надо думать, тоже прежде христіа-
нами были,—такъ по старой памяти осталось. Армяне же наши—
тѣ всегда съ жертвами приходятъ. Этимъ только и живемъ. Въ
прошломъ воскресенье,—жаль, вотъ, вы не видали,—много ихъ
сюда собралось; 76 барановъ однихъ зарѣзали, да 2 телка.
Шкуру—намъ, и мяса часть, а остальное варятъ, сами ѣдятъ,
бѣднымъ раздаютъ; кто хочетъ, тотъ и беретъ. Обычай ужъ у
нихъ такой. Пѣтуховъ особенно много носятъ, рѣжутъ. Въ жерт-
вахъ этихъ они всю силу и полагають, а молятся—мало молятся;
сидятъ больше кругомъ церкви на травѣ или на камешкахъ,
ни обѣдни не слушаютъ, ни молебна. Со старины уже это такъ
водится.

— Ну, а зимой какъ здѣсь живете?—спросилъ я.

— Что-жъ зимою? Снѣга у насъ на дворѣ мало бываетъ.
Монастырь-то вѣдь нашъ какъ въ ящикѣ, скалы кругомъ, сами
видите, высочайшія; совсѣмъ какъ на днѣ горшка живемъ. А
вотъ дороги всѣ заносить, мѣсяцевъ по пяти проѣзду не бы-
ваетъ, съ городомъ не сообщаемся, и богомольца, конечно, ни
одного. Дѣлаемъ на это время запасы побольше, баранины жерт-
венной засушимъ, муки ссыплемъ; вода у насъ чудная въ род-
никахъ и въ ручьѣ, зимою не замерзаетъ; скотина, потомъ, своя
есть. Такъ и пробавляемся; голодать не голодаемъ. Вѣдь у насъ—
не то, что у васъ въ Россіи—наши монахи мясо ѣдятъ въ ско-
ромные дни. А когда сѣна мало бываетъ, скотину свою отдаемъ
на прокормленіе въ деревни сосѣднія, въ Башъ-Гарни и въ другія.
Крестьяне съ радостью берутъ, потому что всѣ очень уважають
монастырь. Вотъ и прошлое лѣто дождей совсѣмъ не было,—
вмѣсто 37 скотинъ десять было трудно прокормить... Холо-
довъ, впрочемъ, у насъ и по зимамъ особенныхъ не бы-
ваетъ. Овонъ двойныхъ никогда не вставляемъ. А только овощи
не дозрѣваютъ, и виноградъ тоже,—оттого и огородовъ не заво-
димъ. Вотъ орѣхъ грецкій у насъ отлично растетъ, не вымер-
заетъ. Видите, вонъ, внизу у ручья, орѣхи большіе, старыя; ихъ
тутъ много больше было, да водою вымываетъ. Нынѣшнюю вес-
ною цѣлыхъ десять деревьевъ разливомъ отмыло, унесло...

— Много ли у васъ братія, отецъ Ваграмъ?

— Да какая у насъ братія? Я, вотъ, настоятель, да у меня
работниковъ десять; послушники называются. А то еще попъ
одинъ изъ деревни пріѣзжаетъ, помогаетъ обѣдни служить; ему

часть доходовъ монастырскихъ полагается, потому что въ ихъ деревнѣ мало домовъ, жить ему тамъ нечѣмъ...

Я опять навелъ Ваграма на тему о мѣстныхъ древностяхъ, объ исторіи монастыря.

Оказывается, подробнаго описанія Кегарта не существуетъ, — есть только очень краткое, изъ котораго почти ничего нельзя узнать.

— Просилъ я у отца архимандрита, что библиотекой завѣдуетъ въ Эчмиадзинѣ, — чтобы собралъ побольше свѣдѣній о нашемъ монастырѣ изъ святцевъ и изъ лѣтописей разныхъ, — у нихъ вѣдь тамъ въ библиотекѣ много старинныхъ рукописей, — общалъ; не знаю только, сдѣлаетъ ли, — сообщилъ намъ Ваграмъ.

— Католикосу слѣдовало бы давно подумать объ этомъ, — замѣтилъ я. — Бываетъ онъ у васъ?

— Новый католикосъ еще не былъ; я ѣздилъ къ нему, просилъ посѣтить насъ; владыка общалъ пріѣхать. Теперь ему и пріѣхать есть на чемъ: изъ Тифлиса вупцы наши армянскіе коня ему прислали подъ верхъ, съ уборомъ дорогимъ, семьсотъ рублей стоитъ. Наши вѣдь архіереи — не то, что ваши, всѣ верхомъ ѣздятъ, даромъ что католикосу 80 лѣтъ.

Фотографій этого замѣчательнаго монастыря тоже не оказалось, и отецъ Ваграмъ не могъ даже сказать намъ, у кого можно найти ихъ въ Тифлисѣ. Въ Эривани же нѣтъ ихъ рѣшительно нигдѣ, какъ мы убѣдились на другой день.

— Англичане пріѣзжали нѣсколько разъ, фотографій много снимали съ нашихъ храмовъ пещерныхъ, а чтобы наши снимали когда, — не помню. При мнѣ никто не снималъ, — увѣрялъ насъ Ваграмъ.

Разсказавъ намъ подробно исторію св. Григорія-Просвѣтителя, св. Рипсимы и сорока дѣвъ, которую, впрочемъ, я уже хорошо зналъ раньше, отецъ Ваграмъ объяснилъ намъ, что съ того самаго времени и даже еще раньше, со временъ апостола Өаддея, христіане стали населять пещеры Гарни-Чайскаго ущелья и устраивать въ нихъ скромныя пещерныя церквочки, которыя потомъ уже были передѣланы въ великолѣпныя храмы, только-что нами осмотрѣнные.

— Вы замѣтили, должно быть, какъ ѣхали къ намъ, древній храмъ? На той сторонѣ ущелья высоко на горѣ виденъ, въ родѣ какъ Степанъ-Цминда во Мцхетѣ, — объяснилъ намъ Ваграмъ. — Такъ это тоже очень почитаемый храмъ въ древности былъ, „Амена-Предичъ“ называется, по-русски значитъ: „Все-спасающій“. Тамъ великая святыня прежде хранилась: икона Спаси-

теля, вырѣзанная изъ дерева, по просьбѣ Матери Божіей, апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Ее потомъ въ Эчмиадзинъ перенесли.

— А вы ходили смотрѣть Тахтъ-Трдатъ въ Башъ-Гарни? Пишутъ,—тѣ, кто не знаетъ,—будто крѣпость Башъ-Гарни основалъ царь Трдатъ, но это не вѣрно. Не Трдатъ основалъ Башъ-Гарни, а царь Эрвандъ, который разграбилъ весь Іерусалимъ и Палестину, и сокровища огромныя оттуда привезъ. До тридцати милліоновъ у него всего богатства было. Онъ ихъ зарылъ передъ смертью въ ущельѣ Башъ-Гарни,—только никто не знаетъ, въ какомъ мѣстѣ. Онъ и жилъ, и умеръ въ нашемъ ущельѣ. И навѣрное извѣстно, что никогда никто не находилъ и не вывозилъ отсюда его сокровищъ. Стало быть, здѣсь должны быть огромныя клады!

— Но это еще не такая старина!—продолжалъ черезъ нѣсколько минутъ нашъ хозяинъ,—а вотъ я въ Нахичевани видѣлъ, такъ то, можно сказать, древность: отрыли три яруса строеній въ землѣ, одни надъ другими,—два ряда строеній кирпичныхъ, а третій, нижній, изъ камня,—а подъ нимъ, еще глубже, водопроводъ древній. Кромѣ того, тамъ сколько находятъ стрѣлъ каменныхъ, бронзовыхъ ножей и украшеній разныхъ, бусъ каменныхъ... Древнѣе Нахичевани, надо полагать, и на свѣтѣ нѣтъ мѣста. Ноева же гробница тамъ!—съ убѣжденіемъ закончилъ настоятель.

День былъ постный, и отецъ Ваграмъ угостилъ насъ довольно скромнымъ ужиномъ: творогомъ, яйцами и огурцами, не считая, разумѣется, неизбѣжныхъ ловашей. Насъ неудержимо клонилъ сонъ послѣ утомительнаго путешествія, и мы съ Степаномъ Ивановичемъ съ невыразимымъ наслажденіемъ растянулись на диванахъ его кунацкой.

Жену же мою пригласила къ себѣ въ сосѣдную съ нами комнату экономка настоятеля, особа очень почтенныхъ размѣровъ и уже довольно почтенныхъ лѣтъ, которую самъ Ваграмъ называлъ „сродницей“, и которая все время служивала намъ за чаемъ и ужиномъ. Въ комнатѣ ея стояли рядомъ двѣ кровати; на одну изъ нихъ она уложила мою жену.

Въ семь часовъ утра, напившись чаю, мы хотѣли еще разъ осмотрѣть эти единственные въ своемъ родѣ сооруженія древности и полюбоваться оригинальною картиною пустыннаго ущелья.

Пространствовали опять по всѣмъ уголкамъ дивныхъ пещерныхъ храмовъ, подавленные ихъ величіемъ, полные изумленія передъ ихъ красотою и стройностью, и опять забрались на уступы

скалы выше каменныхъ крышъ и крестовъ монастыря. Чудное утро сіяло кругомъ, чуднымъ воздухомъ дышала грудь. Солнце озолотило верхи острыхъ скалъ, громады которыхъ поднимались какъ живые великаны по ту сторону ручья, зажгло веселые огни въ позолоченной листьѣ старыхъ орѣховъ, брызнуло яркими полосками красокъ по бурнымъ, чернымъ и краснымъ воробаямъ, тихо бродившимъ въ насквозь прохваченной лучами солнца сочной травѣ, засверкало миллионами мелькающихъ искръ въ пѣнящихся струяхъ ручья, что еще громче и веселѣе гудѣло на днѣ ущелья свою утреннюю пѣсенку, проворно пробираясь среди каменныхъ осмлей. Подзадоренныя имъ, посвистывали въ кустахъ дикія курочки, стрекотали, суетливо перелетая съ вѣтки на вѣтку, добычливыя сороки.

А сторона, гдѣ мы стояли, всѣ эти черныя башни и стѣны, всѣ эти черныя скалы и черныя зіющія пещеры, еще пребывали въ тѣняхъ ночи, и своимъ суровымъ траурнымъ видомъ еще живѣе переносили воображеніе въ тѣ темныя вѣка вражды, борьбы и страданій, которые когда-то создали эти подземныя убѣжища и дали имъ ихъ глубокій нравственный смыслъ.

Да, цѣлая долгая эпоха исторіи, полная изумительной стойкости, изумительнаго самоотверженія, изумительной вѣры, вообще изумительнаго подъема духа человѣческаго въ области идеала, олицетворилась и какъ бы окристаллизовалась навсегда въ этихъ могучихъ и смѣлыхъ созданіяхъ былыхъ вѣковъ, стѣмѣвшихъ обратить въ небесныя жилища своей наивной фантазіи даже слѣпую утробу каменныхъ скалъ. Ни съ чѣмъ несравнимое художественное наслажденіе и ни съ чѣмъ несравнимое научное поученіе—увидѣть своими глазами, уразумѣть своею мыслью такое осязательное воплощеніе далекихъ среднихъ вѣковъ, говорящее вашему уму и сердцу, рисующее вашему представленію гораздо болѣе мѣткими чертами и гораздо болѣе яркими красками, чѣмъ можетъ изобразить самое обстоятельное книжное описаніе, глубокую сокровенную суть души народной, воздвигнувшей ей когда-то эти несокрушимые каменные памятники своихъ безплотныхъ надеждъ и вѣрованій.

Колоссальный трудъ и страстное вдохновеніе, потраченные на ихъ изумительную работу,—могутъ служить нѣкоторою мѣркою того, какъ много отдавалъ средневѣковой человѣкъ дѣлу своей вѣры. Ради нея онъ безропотно несъ всякую тягость, всякое страданіе. Въ грубыя, жестокія времена взаимнаго отчужденія и ненависти, когда, по выраженію философа, „человѣкъ былъ волкомъ для человѣка“, религія оставалась, быть можетъ,

единственной нитью, поддерживавшею человечность въ человѣкѣ путемъ почитанія божества, — идеала человечества; въ этомъ смыслѣ религія была зачаткомъ будущей гуманности, еще не успѣвшей раскрыть себя, и потому всякій просвѣщенный человѣкъ, хотя бы онъ относился отрицательно къ религіи по убѣжденію своему, долженъ изъ чувства справедливости признать ея святое и плодотворное значеніе въ исторіи воспитанія человечества по пути добра и правды.

Для меня лично отъ оригинальныхъ и характерныхъ образчиковъ древности всегда вѣетъ какою-то особенно-трогательной, нѣсколько меланхолической поэзіей, и я уѣзжалъ изъ чуднаго ущелья Кегарта, полного грозныхъ красотъ природы и поэтическихъ скорбныхъ тѣней исторіи, — вволюванный до глубины души самыми разнообразными впечатлѣніями, въ радостномъ сознаніи, что дѣйствительно увидѣлъ нѣчто такое, подобнаго чему не видѣлъ еще нигдѣ...

Только-что мы выбрались съ немалымъ трудомъ изъ глубокой, отовсюду закрытой котловины Кегарта, какъ на встрѣчу намъ попался, въ видѣ живой иллюстраціи къ рассказамъ отца Ваграма, туземный всадникъ съ привязаннымъ за ноги къ сѣдлу живымъ бараномъ. Онъ спускался въ монастырь къ завтрашнему празднику и везъ поэтому съ собою неизбежную „жертву“, свято выполняя древній обычай Азіи, соблюдавшійся еще Авраамомъ и Ноемъ. За всадникомъ шла пѣшкомъ хорошенькая, по праздничному разодѣтая, молодая армянка съ спутникомъ-мужиномъ. Это былъ, какъ оказалось, авангардъ цѣлой толпы богомольцевъ, двигавшихся въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ, кто пѣшкомъ, кто верхомъ.

Насъ особенно заняла другая молодая армянка, ѣхавшая верхомъ по-мужски, съ тяжелою черною косой, надавшей до самаго сѣдла; длинная арба, запряженная двумя парами быковъ, скрипѣла позади нея, набитая, какъ огурецъ сѣменами, молодыми и старыми армянками, дѣтишками и узлами. Цѣлая груда разноцвѣтныхъ одеждъ была, кромѣ того, навьючена на крошечнаго ишака, котораго гвалъ хворостиною вмѣстѣ съ кучкою телятъ и бычковъ, назначенныхъ въ „жертву“ монастырю, старикъ-армянинъ. Завтра было воскресенье, а армяне особенно любятъ вечернія службы, почему и собираются всегда въ монастырь наканунѣ праздниковъ.

Мы проѣхали мимо очень живописной деревни Ворча-Пертъ,

что значить по-армянски: „крѣпость, дающая жизнь“, то-есть, вѣроятно, безопасность. Она принадлежала раньше монастырю Кегарту и тоже очень большой древности. Деревня разсыпана по крутым холмамъ и населена наполовину армянами, наполовину татарами. На одномъ изъ холмовъ хорошенкій садикъ съ усадьбою богатаго мѣстнаго помѣщика Курганова, а у подножія холма—его же большой фруктовый садъ. Въ обрывистой скалѣ надъ деревнею чернѣютъ двери и окна пещеръ, и около нихъ; пониже—слѣды крѣпостныхъ стѣнъ. Здѣсь былъ тоже монастырь или скитъ, зависимый отъ Кегарта, въ тѣ далекія времена, когда и все ущелье Гарни-Чая усѣяно было христіанскими храмами, монастырями и пещерами иноковъ. Въ пещерахъ Ворча-Перта еще видны маленькіе алтарики и слѣды монашескаго жилья.

А по дорогѣ мы все продолжаемъ встрѣчать караваны богомольцевъ. Тянутся арбы, полныя разряженныхъ женщинъ и дѣтей, ѣдутъ верховые, бредутъ пѣшіе, гонятъ въ монастырь овецъ; телятъ, буйволятъ, назначенныхъ въ жертву.

На поляхъ попадаются кое-гдѣ работающіе крестьяне. Кто пашетъ, кто выбираетъ камни изъ почвы. На нѣкоторые поля, подъ посѣвъ „юнжи“, по-нашему люцерны, вывезена зола для удобрения. Нельзя не позавидовать здѣшнему климату, позволяющему земледѣльцу производить полевые работы до глубокой зимы, хотя онъ, съ другой стороны, по милости своей неблагодарной почвы, вынужденъ нести много лишняго труда, выбирая съ большими усиліями и большою тратою времени безчисленные камни, которыми начинено его поле, какъ пирогъ фаршемъ, и проводя въ это сухое, каменистое поле воду ключей иногда изъ порядочной дали.

Недалеко отъ Ворча-Перта насъ поразила довольно странная процессія, весьма, однако, характерная для мѣстныхъ нравовъ. На арбѣ, окруженной взволнованною толпою мужчинъ и женщинъ, провезли что-то тщательно укутанное въ бѣлыя покрывала. По разспросамъ оказалось, что въ сосѣдней татарской деревнѣ Теджинъ-Абадѣ, видной намъ съ дороги, какой-то кровомститель убилъ выстрѣломъ въ окно пріѣхавшаго туда на мельницу съ возомъ пшеницы жителя Ворча-Перта; возмущенные земляки убитаго явились за его тѣломъ въ Теджинъ-Абадъ и теперь везли его домой хоронить, шумно обсуждая другъ съ другомъ, какъ бы отомстить теджинцамъ за это убійство.

Евг. Марковъ.

СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ

РОМАНЪ

Окончаніе.

• XII *).

Доринъ, исполняя приказаніе Сергѣя Петровича, ходилъ уже нѣсколько дней въ присутствіе для изученія дѣлъ и ознакомленія съ веденіемъ ихъ подъ руководствомъ Лѣванова.

Доринъ никогда и нигдѣ не служилъ до этого времени, а числился при министерствѣ, въ которомъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, и которое посѣщалъ раза два въ мѣсяцъ, для „предоставленія очищенія совѣсти“, какъ онъ выражался. Это былъ молодой человѣкъ, розовый и упитанный, съ усталымъ взглядомъ глазъ и лѣнливой походкой и рѣчью.

Семья его была обеспечена, и онъ занимался излюбленнымъ дѣломъ—коллекціонерствомъ картинъ, принимая дѣятельное участіе въ организованномъ имъ „кружкѣ новыхъ художниковъ“, въ число которыхъ входили писатели, въ особенности непризнанные поэты, композиторы нигуда не принятыхъ оперъ и нигдѣ не игранныхъ симфоній—и живописцы забракованныхъ картинъ; однимъ изъ членовъ этого кружка былъ когда-то и Сергѣй Петровичъ, не писавшій, не компонирующій и не рисующій, но составлявшій философскія статьи о новыхъ эстетическихъ теченіяхъ и служившій по тому же министерству. Встрѣчаясь въ кружкѣ и въ департаментѣ, они очень сошлись, и Сергѣй Пе-

*) См. выше: май, стр. 50.

тровичъ тогда же рѣшилъ заманить Дорина на службу, если онъ самъ получитъ подходящий для себя постъ.

Это оказалось очень легко, потому что за годъ до назначенія Сергѣя Петровича умеръ отецъ Дорина, разорившись на неудачныхъ биржевыхъ операціяхъ и на неосторожной игрѣ цѣнностей...

Доринъ, скрѣпя сердце, распродалъ свою коллекцію и покинулъ Петербургъ для службы въ провинціи.

Здѣсь онъ просто не узналъ Сергѣя Петровича, превратившагося въ начальника, энергичнаго и дѣятельнаго, какъ всегда, но безпокойнаго и требовательнаго къ подчиненнымъ, чего раньше въ немъ не замѣчалось.

Однако приходилось подчиниться, и Доринъ, пробормотавъ нѣсколько разъ: „*pedant, va!*“ — отправился на службу.

Отъ всей души ненавидѣлъ онъ службу и чиновниковъ, надъ которыми издѣвался довольно безтактно. Но передъ нимъ заискивали и ему льстили, потому что знали о его близости къ Сергѣю Петровичу и его дружбѣ съ нимъ. Его называли даже „губернаторской половиной“ и боялись его.

Доринъ въ первый же день, придя въ присутствіе, принявъ независимый видъ, положилъ передъ собой изящный темно-зеленый портфель, вынулъ золотой портсигаръ и закурилъ папиросу. Чиновникамъ, съ которыми ему приходилось знакомиться, онъ немедленно далъ прозвища; именъ и фамилій ихъ онъ никакъ не могъ запомнить. Одного онъ называлъ „моржемъ“, другого — „червякомъ въ корсетѣ“, третьяго — „шарикомъ“. Лѣванова онъ просто называлъ „лѣшимъ“ и, не стѣсняясь, въ разговорѣ, сообщалъ каждому прозвища другихъ, умолчавъ, конечно, о прозвищѣ того, съ кѣмъ говорилъ въ данную минуту.

Но къ одному скромному, забытому и старому чиновнику онъ сразу присталъ и сталъ изводить его. Чиновникъ смущался, потѣлъ, но всегда вставалъ, когда съ нимъ говорилъ Доринъ, чѣмъ придавалъ тому еще болѣе наглости.

Конечно, всѣ чиновники знали, что Дорина прочать на мѣсто Лѣванова, и очень побаивались его, какъ будущее начальство.

— Господа! — сказалъ имъ на третій день Доринъ: — будетъ вамъ скрипѣть перьями! Неужели вы всегда такъ проводите время? *C'est assommant...* Уаръ Иванычъ! — крикнулъ онъ старому чиновнику, писавшему гусинымъ перомъ: — какое несчастье для гусей, что вы существуете на свѣтѣ! Скажите, вы не родственникъ тому Вару, которому какой-то царь кричалъ: „Варъ, Варъ, отдай мои легіоны!“

— Чего-съ?

— Вы не родственникъ... а впрочемъ—je m'en fiche! Раз-
скажите лучше что-нибудь своими словами.

— Помилуйте, Арсеній Павлычъ... Мнѣ, извините, некогда-съ.

— Увѣряю васъ, дорогой Уаръ Ивановичъ, что если вы на
мгновеніе выпустите изъ вашихъ цѣпкихъ рукъ несчастное гу-
синое перо, Россія отъ этого не погибнетъ...

— Весьма возможно-съ; но, извините, Провъ Михайловичъ
будутъ недовольны, что я не исполнилъ къ сроку работы.

— Je m'en fiche!

— Чтò это вы все упоминаете о рыбѣ?—спросилъ, улыбаясь
одинъ изъ чиновниковъ, положивъ перо.

— О рыбѣ?—удивился Доринъ.

— Вѣдь „фишъ“, ежели не ошибаюсь, по-нѣмецки: рыба?
Доринъ прыснулъ.

— Вы неподражаемы! Это хоть въ анекдотъ. Уаръ Ивано-
вичъ, правда, это годится въ анекдотъ?

— Анекдотовъ, извините, не знаю.

— Нѣтъ, расскажите что-нибудь двусмысленное!

— И этого, извините, не знаю.

— Да что вы все: „извините, да извините“, точно старый по-
пугай, заучившій одно слово!

— Какъ „какъ попугай“?—другъ обидѣлся старикъ и засу-
нулъ перо за ухо.

— Конечно! Вы меня изводите своими „извините“. Чтò мнѣ
васъ извинять? Вы будете мнѣ, какъ попугай, повторять одно
слово „извините“, на все, чтò бы я вамъ ни сказалъ. А вдругъ
я, заразившись вашимъ попугайствомъ, начну выкрикивать лю-
бимое попугаяче слово: „попка дур-р-р-ахъ“!

Старикъ вынулъ перо изъ-за уха и положилъ его на столъ.
Нижняя губа его затряслась отъ обиды и глаза часто замигали.
Ему хотѣлось смертельно обидѣться, но онъ дрожащимъ голосомъ
сказалъ только:

— Это вы мнѣ?

Онъ поднялъ обѣ руки къверху, какъ бы умоляя небо о пощадѣ.

— Нѣтъ, это я сторожу, который тамъ... внизу.

— Развѣ можно, Арсеній Павловичъ, говорить такія вещи
старикѣ?—съ жалостной улыбкой сказалъ Уаръ Ивановичъ.

— Ахъ, развѣ сторожъ—старикъ? Представьте, я не зналъ
этого!

— Тридцать-пять лѣтъ служу,—никто со мной такъ не раз-
говаривалъ. Къ старости надо имѣть почтеніе.

— Да развѣ вы старикъ? Да чтѣ вы! Клянусь небомъ, землей, преисподней и самимъ Провомъ Лѣшимъ, что вы еще со-всѣмъ бодрый пожилой человѣкъ. Да знаете чтѣ? Хотите, я васъ женю? Нѣтъ, ей Богу, хотите? А если у васъ дѣти будутъ, я буду ихъ крестить. Вѣдь будутъ?

Старикъ молчалъ, вновь заскрипѣвъ перомъ. Вокругъ раздавались сдержанные смѣшки, и у несчастнаго Уара Ивановича показались на глазахъ слезы.

— Отвѣчайте—будутъ?—приставалъ Доринъ.

— Оставьте меня, Арсеній Павлычъ, ей Богу, оставьте. Мнѣ некогда-съ. Я женатъ и у меня есть дѣти.

— Скажите, какой необыкновенный случай!—покачалъ головой Доринъ.—Ну, такъ, хотите, я васъ разведу?

Кое-кто фыркнулъ.

— Отвѣчайте, хотите?

— Не хочу-съ; извините, вы мнѣ мѣшаете...

Такъ проводилъ время Доринъ, изнывая отъ тоски, во время служебныхъ часовъ въ присутствіи.

Лѣвановъ прислалъ разсылнаго звать его въ кабинетъ. Доринъ лѣнливо поднялся и, проходя мимо Уара Ивановича, сдѣлалъ видъ, будто оступился. Старикъ вдрогнулъ отъ неожиданности и сдѣлалъ на бумагѣ, которую тщательно переписывалъ, клясъ.

— Здравствуйте, Арсеній Павловичъ! — сказалъ ему Лѣвановъ.—Присядьте.

— Мерси! позвольте мнѣ просто сѣсть, если это вамъ все равно.

Лѣвановъ поднялъ глаза отъ бумаги, которую просматривалъ, и взглянулъ на него строго и молча.

— Арсеній Павловичъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—ваши занятія идутъ не очень успѣшно, и докладъ, который я васъ просилъ составить, рѣшительно никуда не годится.

— Значитъ, единица?—улыбаясь, спросилъ Доринъ.

— Здѣсь не гимназія, чтобы ставить баллы. Докладъ просто никуда не годится. И даже, мнѣ кажется, вы нарочно, въ на-смѣшку что-ли,—надъ чѣмъ только, не знаю,—написали Богъ знаетъ чтѣ.

— Неужели вамъ это кажется? — поднявъ брови для выраженія крайняго изумленія, сказалъ Доринъ.

— Да, мнѣ это кажется. Кромѣ того, до меня дошли слухи, что вы непозволительно держите себя...

— Въ классѣ?

— Въ присутствіи.

— Я вовсе не держу себя, а сижу.

Тотъ посмотрѣлъ на него долгимъ взглядомъ.

— Не знаю, можетъ быть это и остроумно,—пожалъ онъ плечами.—Вы всѣмъ надавали прозвищъ...

— Я же не виноватъ, что одинъ сопитъ, какъ моржъ вылѣзшій изъ воды, другой—длинный и худой, какъ червякъ въ корсетѣ, а третій катается по присутствію, какъ клѣбный шарикъ...

— Можетъ быть и это остроумно—я въ этомъ не судья, но мнѣ очень печально, что достойные чиновники подвергаются незаслуженнымъ надъ собой издѣвательствамъ. Въ особенности вы пристааете къ Уару Ивановичу, человѣку...

— Ахъ, господинъ инспекторъ классовъ, вамъ эти мальчики нажаливались? Фи, какіе они фискалы!..

— Господинъ Доринъ! Я говорю съ вами вполне серьезно, и я долженъ буду просить лишить насъ удовольствія видѣть васъ въ присутствіи.

— Душечка! Сдѣлайте это! Голубчикъ, Провъ Михайловичъ, заставьте за себя Бога молить!..

— Арсеній Павловичъ!—серьезнымъ и убѣжденнымъ тономъ началъ Лѣвановъ.—Вы еще молодой человѣкъ сравнительно со всѣми нами, и вамъ предстоитъ хорошая карьера... зачѣмъ вы ведете себя такъ предосудительно и странно? Въ наше время къ старшимъ относились уважительнѣе и достойнѣе. Подумайте...

— Бросьте! — прервалъ его вдругъ Доринъ. — Поговоримъ лучше о современной французской литературѣ. Вы не читали „*Journal d'une femme de chambre*“? Нѣтъ? Напрасно. Très suggestif... что по-русски значить въ вольномъ переводѣ: забористо. Хотите, я вамъ расскажу содержаніе? Маркиза нанимаетъ горничную, и однимъ изъ требованій ставить, чтобы у нея не было дѣтей... Ну и такъ далѣе... Есть сценки, доложу вамъ! Ого-го, какія сценки! Я вамъ приплю, хотите?

— Благодарю васъ, я не читаю по-французски и мало интересуюсь современной французской литературой, такъ же мало, какъ вы—служебными дѣлами. А потому прекратимъ разговоръ этотъ, такъ какъ онъ ни къ чему, очевидно, не ведетъ.

— Прекратимъ. Я, знаете, всегда за прекращеніе всякихъ серьезныхъ разговоровъ. Они очень вредно дѣйствуютъ на человѣческій организмъ, между тѣмъ какъ легкопитательная книжка...

— Простите, мнѣ некогда. До свиданія.

— „Свиданья часть, томительный и сладкій“! — пропѣлъ Доринъ и вышелъ изъ кабинета.

Въ тотъ же день онъ, по обыкновенію, обѣдать у Сергѣя Петровича.

— Pour un petit trou pas cher, c'est un petit trou pas cher, mon cher!—смѣясь, говорилъ онъ своему другу, — mais quels types! Dieu, quels types! Представь себѣ, я говорю: *assommant*—они думаютъ, что идетъ рѣчь о сомѣ; говорю: *je m'en fiche*,—думаютъ, что я произношу нѣмецкое слово *Fisch*—рыба! Они всѣ похожи сами на моржей. Скажи, пожалуйста,—тебѣ не приходило въ голову написать философское изслѣдованіе о соотношеніяхъ между „геморроемъ чиновниковъ и правильнымъ теченіемъ государственныхъ дѣлъ“? Или объ „этикѣ эстетическихъ началъ въ бумажныхъ отправленіяхъ государственной службы“? C'est un peu long, mais ça ne manque pas d'intérêt tout spécial. Et ça ferait de l'effet въ нашемъ кружкѣ! Hein, qu'en dis-tu?

И не давая времени отвѣтить ему, онъ продолжалъ:

— Говорятъ, Гоголь устарѣлъ. Mais pas du tout! Герои Гоголя живы! Почему еще нравится „Ревизоръ“, я тебя спрашиваю—и отвѣчаю: потому что типы „Ревизора“ живы до настоящаго времени, и мнѣ очень жаль, что Николай Васильевичъ—вѣдь такъ, кажется, его звали?—не былъ знакомъ съ нашимъ Варъ-Иванычемъ, растерявшимъ легіоны. А пророс! Тебѣ, вѣроятно, будетъ жаловаться Лѣвановъ на мое поведеніе.

— Да?

— Вѣроятно. Но, пожалуйста, не хмурь брови. Ничего особеннаго. Ему не нравится мой стиль, стиль разговора—tu comprends? Но я же не могу измѣнить его, потому что *le style, c'est l'homme!* pas vrai?

— Это вѣрно. Но ты могъ бы быть болѣе солиднымъ. И я бы тебя даже просилъ объ этомъ.

— Tu quoque, Brute!

— Нѣтъ, серьезно... Ты меня ставишь въ невозможность серьезно говорить о твоей кандидатурѣ на отвѣтственную должность.

— Не сердись, не сердись! Постараюсь. Но, право, такъ трудно сохранять серьезность со всѣми этими геморроидальными стариками!..

Сергѣй Петровичъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой, какъ бы полу-соглашаясь съ своимъ другомъ.

— Въ этомъ есть доля правды, если хочешь... Говорятъ о движеніи, объ обновленіи, но машина не можетъ двигаться, когда винты—хотя бы самые незначительные—стерлись. Это наша сентиментальность славянская—держатъ на мѣстахъ старыхъ чинов-

никовъ ради того, чтобы дать имъ возможность выслужить пенсію. Пенсія—это прекрасная вещь, но это—забота о личностяхъ, о единицахъ, а не объ общемъ благѣ. Чиновники должны быть молоды, сильны, здоровы и свѣжи духомъ. Старые чиновники—тормазь. Право, слѣдовало бы въ одинъ прекрасный день уволить всѣхъ чиновниковъ старше извѣстнаго возраста и остаться съ одними молодыми.

— Избѣненіе старыхъ младенцевъ?

— О, тогда Россія сразу двинулась бы впередъ! А то прошлое ужасно тяготитъ надъ нами и тянетъ насъ назадъ. Мы и такъ, по своему славянству, распущены, лѣнны и осторожны, шага не можемъ сдѣлать, чтобы не оглянуться нѣсколько разъ и не забрать историческихъ справокъ: какъ поступали въ данномъ случаѣ наши предки? Насъ, молодыхъ, упрекаютъ въ безпочвенности, но безпочвенность—это вѣдь и есть символъ свободы, свободного смѣлаго полета. Но что такое почва? То, на чемъ растеніе держится на землѣ. Чѣмъ держится? Корнями. Корни—это связь съ землей, съ почвой, это узы, приковывающія тебя къ извѣстному мѣсту.

— Пини рефератъ!—замѣтилъ вскользь ему Доринъ.

— Ахъ, отстань пожалуйста! Я говорю серьезно. Намъ многіе кричатъ: „вы безъ почвы, вы безъ убѣжденій, у васъ нѣтъ традицій, вы не помнящіе родства“—et ainsi de suite. Какая чушь! Почва—рабство; убѣжденія бываютъ часто застарѣлыми предразсудками; традиціи—вышедшій изъ моды костюмъ, въ родѣ гороховаго платья съ металлическими пуговицами, котораго теперь нигуда не одѣнешь. Пора со всѣмъ этимъ прикончить. Преемственность традицій—вотъ все зло жизни. Мой тупоумный и сентиментальный братецъ Дмитрій, который называетъ меня „нервомъ въ вицмундирѣ“...

Доринъ расхохотался:—Mais c'est tout-à-fait charmant...

— Перестань. Это глупо—не больше того. Такъ я говорю, мой братецъ тоже кричитъ: „убѣжденія—тюрьмы“! но, au fond, это самый заскоружный человекъ, ноющий и плачущій при малѣйшемъ нездоровьѣ своей Галиной. Это—вѣрная фиделька, мой почтенный братецъ, хотя и позируетъ какимъ-то ницшеанцемъ. Кстати, я приказалъ Ойрсу Ойрсовичу выслать ее изъ города, потому что она живетъ безъ вида... Да, mon cher, я совершенно разошелся съ семьей. Съ отцомъ совсѣмъ разошлись, и я готовлю ему сюрпризъ; я обжалую въ сенатъ ихъ тупоумный проектъ о всеобщемъ образованіи, который ведетъ къ разоренію земства. Намъ вовсе не нужно ученыхъ мужиковъ, а сильные люди нужны намъ.

По ихнему, по старымъ традиціямъ шестидесятихъ годовъ, это ужасно либерально, что они дѣлають, а по моему это просто глупо. И вообще онъ ужасно устарѣлъ съ его шестидесятыми взглядами. Проповѣдуетъ о всеобщемъ обученіи, когда наука, какъ и искусство, должны быть аристократичны, то-есть доступны для немногихъ. Толкуеть объ ужасно либеральныхъ вещахъ, а позволяеть себя околпачить мошеннику Переметневу, который, покупая у него за высокую цѣну лѣсъ, явно даетъ ему взятку... Предводителями дворянства не должны быть старики; они выдохлись и поють старыя пѣсни, всѣмъ надоевшія.

— „Мнѣ нравится при этой смѣтѣ, искусно какъ воснулись вы предубѣжденія“... семьи,—сказалъ Доринъ,—этой священной когда-то ячейки общества и государства.

— Жизнь идетъ впередъ, топ сгег, и старыя категоріи не умѣщаютъ въ себя новаго содержанія. Еслибы явился новый человѣкъ, безъ прошлаго, безъ семьи, безъ традицій, не связанный никакими человѣческими предразсудками и условностями, сильный и властный—онъ могъ бы разомъ отрѣшить людей отъ тѣхъ оковъ, которыя ихъ держатъ въ рабствѣ. Семья—это, собственно, путы, которыми опутанъ человѣкъ. Человѣчество переросло эти путы, старается вылѣзти изъ нихъ, какъ изъ пеленокъ. И только традиціи прошлаго мѣшаютъ ему освободиться отъ этого изжившаго института.

Доринъ началъ зѣвать.

— Сергѣй,—сказалъ онъ,—все это прекрасно и очень умно... но пощади! Такія вещи лучше писать, а не говорить,—по крайней мѣрѣ, онѣ не пропали бы для потомства. А что твоя сестра? Вѣдь у тебя есть, кажется, и сестра?

— Есть. Ну... это—школьная учительница и добродѣтельная фельдшерица. По ея мнѣнію, только мужичей достойны всякихъ жизненныхъ благъ... мужичей насъ кормить, и мы всѣмъ имъ обязаны. Мы—самые ничѣмные люди, въ родѣ долгоносиковъ на ихъ хлѣбѣ, и насъ необходимо уничтожать, дабы мы не съѣдали ихъ хлѣбъ. Я говорилъ ей, что наши счеты давно спутаны, что не разобрать, кто кому долженъ, но это выше ея народническаго пониманія. Отецъ и мать поддерживаютъ ее, но я нахожу ея дѣятельность вредной...

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ о пріѣздѣ Дмитрія Петровича.

Сергѣй Петровичъ прекратилъ свои изліянія, нервно передернулся и сказалъ:

— Просить.

— *A la bonne heure!*—съ облегченіемъ проговорилъ Доринъ, у котораго начинала дружитья голова.

— Онъ въ первый разъ удостоиваетъ меня посѣщеніемъ,— шепнулъ Сергѣй Петровичъ.—Любопытно, что ему нужно?.. Здравствуй, Митя!—привѣтливо обратился онъ къ входившему брату.—Мы точно живемъ въ разныхъ городахъ, и другъ друга не видимъ недѣлями. Позволь тебя познакомить: Арсеній Павловичъ Доринъ... мой братъ Дмитрій Петровичъ.

— Очень пріятно,—сухо проговорилъ Дмитрій, который былъ очень блѣденъ и очень взволнованъ.—Но, извини меня, Сергѣй, мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ тобою съ глазу на глазъ.

— Это возможно, но...

— Не бойся, я не отниму отъ тебя много времени...

— Отлично, отлично, я не о томъ... Не хочешь ли выпить чего-нибудь? Вина, кофе?..

— Ничего не хочу, благодарю тебя.

— Прощай, Сергѣй Петровичъ!—поднявшись изъ-за стола, проговорилъ Доринъ.—Я не буду мѣшать вамъ.

И онъ, холодно поклонившись Дмитрію, вышелъ.

Волненіе Дмитрія было такъ сильно, что онъ еле могъ владѣть собою.

Братья перешли въ гостиную.

Дмитрій не сразу могъ начать говорить, тяжело дышалъ, и губы ему не повиновались.

Наконецъ, отказавшись сѣсть и ставъ противъ брата, съ злобнымъ сверкающимъ взоромъ, онъ сказалъ ему:

— Сергѣй, правда ли, что ты приказалъ Өирсу Өирсовичу немедленно выслать изъ города Лидію Иларіоновну?

Сергѣй Петровичъ изобразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— Лидію Иларіоновну?—протянулъ онъ.—*Ah, j'y suis!* Это —madame Галина?

— Да, madame Галина.

Озлобленіе и порывистая ненависть Дмитрія тотчасъ же передались Сергѣю Петровичу. Давно уже у нихъ началось это, и каждый разговоръ, начинавшійся повидимому мирно, съ двухъ-трехъ словъ, становился бурнымъ и рѣзкимъ.

— Да, приказалъ,—холодно отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, глядя своимъ острымъ взглядомъ прямо въ глаза брату.

— Это ты играешь въ руку отца?.. Ты по его приказанію это сдѣлалъ?

— Мнѣ приказаній никто давать не можетъ! — вспыхнулъ Сергѣй Петровичъ:—и не знаю, извѣстно тебѣ или нѣтъ, я съ

отцомъ въ формальномъ разрывѣ. — даже какъ сынъ съ отцомъ. Я это сдѣлалъ на основаніи закона, по которому никто не можетъ проживать въ городѣ безъ прописки. Полиціймейстеръ и безъ того, по своей слабости, долго держалъ ее въ городѣ.

— Тебѣ извѣстно, что она моя невѣста? — крикнулъ Дмитрій.

— А-а! — спокойно протянулъ Сергѣй Петровичъ. — Ты вѣд не говорилъ мнѣ объ этомъ. Но что-то въ этомъ родѣ я слышалъ.

— Что-то въ этомъ родѣ! Она не что-то въ этомъ родѣ, а моя невѣста.

— Поздравляю. Но это дѣла не мѣняетъ.

— Неужели?

— Нисколько. Невѣста или не невѣста — она безъ законнаго вида на жительство. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что законъ равенъ для всѣхъ.

— Да, извѣстно... такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ... Но кромѣ писаннаго закона существуетъ другой — законъ порядочности.

— Я этого закона не признаю въ официальныхъ сношеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ, вѣроятно, ты его понимаешь.

— Конечно! — насмѣшливо проговорилъ Дмитрій Петровичъ: — нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь. Ты всегда былъ, есть и будешь — чиновникъ, чиновникъ тѣломъ и душою. Однако, оставимъ это. Я тебя прошу отмѣнить распоряженіе и не дѣлать скандала съ высылкой. Потому что на скандалъ я тебѣ отвѣчу скандаломъ.

Дмитрій Петровичъ горячился и плохо владѣлъ собою. Онъ былъ очень блѣденъ, глаза его горѣли недобрымъ, зловѣщимъ огонькомъ, и губы его тряслись.

Сергѣй Петровичъ казался спокойнымъ; по крайней мѣрѣ, подъ его вѣчной, точно застывшей иронической улыбкой невозможно было угадать настоящихъ чувствъ, владѣвшихъ имъ. Но именно эта-то улыбочка и приводила въ неистовство его брата.

— Ты мнѣ угрожаешь? — спросилъ Сергѣй Петровичъ, глядя брату въ глаза. — Очень сожалѣю, что ты ведешь себя такъ безтактно по отношенію ко мнѣ. Но я тебѣ не позволю ничего сдѣлать. Черезъ три дня госпожа... какъ ея фамилія? — госпожа Галина выѣдетъ отсюда или будетъ выслана. Если же ты сдѣлаешь скандалъ, какъ ты это по-мѣщански утверждаешь, то я вышлю изъ города и тебя.

Дмитрій Петровичъ угрожающе подошелъ къ брату съ стиснутыми кулаками и грубо обозвалъ его.

Сергѣй Петровичъ не двинулъ бровью; но когда Дмитрій хотѣлъ повернуться и уйти, онъ, спокойно и сильно взявъ его за руку повыше локтя, принудилъ остаться.

И мало-по-малу, выходя изъ своего олимпійскаго спокойствія, онъ говоритъ ему:

— Какіе вы всѣ „мѣщане“, какъ посмотрю я на васъ, и какое несчастіе быть окруженнымъ родственниками! Вы всѣ суетесь въ мои дѣла, но я не суюсь въ ваши. Вы всѣ погрязли въ мелочахъ жизни, и у васъ нѣтъ широты взгляда! Удивительная буржуазная узкость во всемъ: въ режимѣ жизни, во взглядахъ, въ привязанностяхъ, въ дѣлахъ. Какъ счастливы, какъ силенъ тотъ, кто одинокъ,—кому нечего справляться съ мнѣніями окружающихъ, кто можетъ дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, на свою ответственность! Но васъ опутываютъ цѣпи взаимныхъ отношеній, условныхъ чувствъ, мелкихъ привязанностей и любвишекъ, узко понятыя чувства долга, чести, обязанностей... Вы связаны по рукамъ и ногамъ, васъ гнетъ все это къ землѣ. Вы толкуете о свободѣ, о какой-то свободѣ, которой не понимаете, о свободѣ, ограниченной, какъ это говорится въ курсахъ географіи о полуостровахъ, съ трехъ сторонъ: съ одной стороны—традиціями прошлаго, съ другой—буржуазностью, а съ третьей—сантиментальностью, всормленной и впоенной вѣками.

Онъ перевелъ духъ, но все еще не выпускалъ руки брата, все сильнѣе сжимая ее, какъ бы силой принуждая его слушать до конца. И по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо его воодушевлялось, теряло выраженіе обычной холодности, даже слегка раскраснѣлось. И голосъ его сдѣлался теплѣе и взволнованнѣе.

— Вы все еще не можете отрѣшиться отъ власти земли, отъ мелочныхъ матеріальныхъ и духовныхъ расчетовъ, отъ заѣданной вамъ предками сантиментальной и глуповатой любви къ низшему брату. „Другъ мой, братъ мой, несчастный, страдающій братъ“... и прочее. Вы говорите уменьшительными именами: „мужичокъ“, „русскій мужичокъ“... И это послѣ того, какъ мужичка драли на конюшнѣ и ссылали въ Сибирь за то, что онъ чихалъ въ вашемъ присутствіи. Въ васъ все еще живетъ культъ къ женщинѣ, подхалимничество передъ нею, стоянье на коѣннѣхъ, послѣ того, какъ вы ее вѣками держали въ теремахъ, и она играла у васъ роль слуги или орудія удовольствія. Ты молодъ и не знаешь этого, но я говорю объ отцѣ, по его адресу, и о тебѣ, потому что ты сынъ своего отца, и у тебя не хва-

таешь разума, воли или силы—сбросить съ себя весь этотъ кошмаръ прошлаго, всю эту труху, подъ которой вы задыхаетесь... Вы все еще—кающіеся дворяне, бесплодные мечтатели, сантиментальные буржуа. Въ васъ нѣтъ настоящаго аристократизма духа, можетъ быть потому, что и дворянство наше никогда не было рыцарскимъ и лишено исторіей рыцарскаго духа. Ну, что такое ты, напримѣръ? Человѣкъ, начитавшійся вредныхъ для такихъ людей, какъ ты, книжекъ... вредныхъ, потому что ты не въ состояніи усвоить себѣ духа новаго ученія... ты для этого слабъ волей и несвободенъ духомъ. Тебѣ понравилась красота этого ученія, чисто внѣшняя, и ты одѣлся въ слова этого ученія, какъ люди одѣваются во фракъ. Но человѣкъ въ безувязочномъ даже фракѣ можетъ быть мѣщаниномъ въ душѣ, и когда онъ перестанетъ говорить слова, а начнетъ дѣйствовать, его мѣщанство обнаруживается. Ты, какъ мальчишка, бредишь Ницше. Тебя опьяняютъ его сильныя рѣчи, какъ слабаго человѣка опьяняетъ глотокъ крѣпкаго вина... Ты не въ состояніи его пить! Въ твоихъ ушахъ рѣчи Ницше—величайшая пошлость и глупѣйшая рисовка. Ты — добродѣтельный мальчикъ, проливающий слезы у ногъ прекрасной мѣщаночки и страдающій отъ разрыва съ родителями. Вы противны мнѣ всѣ. Я ненавижу васъ. Вы—пути, изъ которыхъ, клянусь, я найду силы и средства вырваться. Я не хочу этого слезливаго, ноющаго и тоскливаго антуража. Я хочу свободы и одиночества, которое одно даетъ силу.

Онъ примолкъ, взглянулъ въ упоръ на брата и, выпустивъ его руку, сказалъ:

— Ты улыбаешься? Ты думаешь, что это слишкомъ титаническія стремленія для меня?

Братъ пожалъ плечами.

— Но моя должность, — продолжалъ Сергѣй Петровичъ, — только ступень. И у насъ въ Россіи можно быть сильнымъ и независимымъ только на службѣ. Даже талантъ обреченъ у насъ на матеріальное и всякое иное рабство, потому что мы еще очень некультурны, чтобы признать надъ собой власть таланта. И, конечно, не тебѣ, съ твоимъ еще непринатымъ романомъ, мечтать объ этомъ. Ты мнѣ смѣшонъ и жалокъ съ твоими смѣлыми фразами, взятыми напрокатъ изъ книжекъ, съ твоими робкими затѣями, поступками и съ твоей пошловатой, мѣщанскою любвишкой. И всѣ вы мнѣ противны: и отецъ, — этотъ ослабѣвшій помѣщикъ и предводитель, и мать, — эта стонущая Хеопсова пирамида, и сестра, — съ ея мужичкомъ, дѣтишками, школами,

чтеніями, волшебными фонарями и прочею дребеденью... И Зарѣцкій, съ его безстрастной наблюдательностью надъ нестойщими наблюденіи мелочами. И всѣ вы, такъ называемые люди почвы, люди добродѣтели, страстно жаждущіе жизни и не умѣющіе къ ней приспособиться,—я ненавижу и презираю васъ: вотъ почему твоя дерзость—не трогаетъ меня, а смѣшить... И если я теперь глупо разболтался передъ тобою, то для того, чтобы открыть тебѣ, наконецъ, мое „святая святыхъ“, и чтобы ты понималъ, что всѣ эти сцены проклятій, клятвы на мечахъ и прочіе оперные атрибуты, пригодные для хорошаго либретто, рѣшительно не могутъ меня тронуть, потому что въ проклятій я не вѣрю и смѣюсь надъ всей этой трухой...

Дмитрій Петровичъ молча слушалъ его и ни разу не прервалъ его рѣчи. Въ словахъ Сергѣя Петровича было много искренности, убѣжденности,—онъ чувствовалъ это,—голосъ брата звучалъ ровно, сильно, но спокойно.

Дмитрій Петровичъ поглядѣлъ на него долгимъ и вдумчивымъ взглядомъ. Исповѣдь брата, вылившаяся у него этимъ потокомъ, подавляюще подѣйствовала на Дмитрія. Такъ вотъ каковъ этотъ молчаливый сфинксъ, и вотъ что скрывается за его тонкой, часто еле уловимой иронической улыбочкой!

— Да, — тихо проговорилъ онъ:—ты—сильный человѣкъ... новый человѣкъ.

Сергѣй Петровичъ очень обрадовался этимъ словамъ. Онъ подошелъ къ брату и положилъ ему руку на плечо.

— Я хочу быть имъ,—задумчиво сказалъ онъ.—И тебѣ со-вѣтую стремиться къ тому же. Сбрось съ себя ветхую кожу, стань выше всѣхъ этихъ мелочей жизни. Люди пошлы и тупы, такъ пошлы, что имъ нельзя даже кинуть новой истины: они тотчасъ подхватятъ ее, какъ голодные псы кусокъ мяса, истреплютъ его, обваляютъ въ грязи и опошляютъ. Развѣ можно теперь говорить о новомъ принципѣ, о переоцнѣ цѣнностей, о предѣлахъ добра и зла? Нѣтъ, потому что при этихъ словахъ хочется улыбнуться,—до того ихъ уже успѣли затаскать въ короткій срокъ. Вотъ почему, въ противоположность тебѣ, я не расцвѣтаю, когда слышу ихъ, а морщусь, и никогда ихъ не говорю походя, какъ ты. Надо дѣйствовать, а не говорить. Надо, чтобы за словами скрывалось содержаніе, и не быть попугаемъ, за словами котораго ничего не скрывается, кромѣ обезьянства. И мнѣ смѣшно, когда ты говоришь эти слова, и ты мнѣ кажешься зеленымъ попугаемъ съ птичьими мозгами, или бутылкой гнусаго вина отечественнаго производства, на которой наклеена

этикетка дорогого вина. Брось всё эти красивыя фразы,—право, брось! Разорви цѣпи, которыя тебя опутываютъ. Смѣло стремись впередъ, какъ ураганъ, и если нужно, если они мѣшаютъ тебѣ,—вали на своемъ пути старыя, подгнившія деревья и вырывай съ корнемъ слабыя, нестойкіе побѣги... Въ концѣ концовъ, все, не имѣющее достаточныхъ данныхъ для жизни, погибнетъ, путь очистится и на немъ останется нѣсколько сильныхъ людей, имѣющихъ право жить. И жизнь для нихъ сдѣлается—счастьемъ. Но мнѣ самому смѣшно говорить это.

— Почему?—спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Потому что я становлюсь похожъ на зеленого попугая. Потому что сказать это могъ Одинъ, а другіе должны были понять это и... усвоить, а не говорить. Ну, а теперь—прощай. Я и такъ много сказалъ лишняго.

Своей быстрой, стремительной походкой онъ вышелъ изъ кабинета, чуть не бѣгомъ спустился съ лѣстницы и уѣхалъ изъ дому.

Дмитрій Петровичъ простоялъ нѣкоторое время въ полномъ недоумѣніи. Неожиданныя изліянія брата смутили и поразили его. Слова Сергѣя Петровича отвѣчали его умственному настроенію и странно волновали его умъ, но въ сердцѣ его не находили отклика. Его туманила красота и мощь новаго ученія, и до сихъ поръ онъ думалъ, что оно будетъ свѣточемъ его жизни. Но жизнь цѣпо опутывала его своими мелочными обстоятельствомъ, точно лѣанами, и побуждала его умствованія.

— Кто знаетъ!—проговорилъ онъ, задумчиво переводя плечами: — братъ, кажется, правъ, и я не больше какъ зеленый попугай...

Въ такомъ угнетенномъ настроеніи онъ отправился къ Галиной.

ХІІІ.

Галина сидѣла у окна, въ задумчивой позѣ, съ заплаканными глазами, когда, не постучавшись въ дверь, вошелъ Дмитрій.

Она вздрогнула, встала съ своего мѣста и подошла къ нему.

— Здравствуй!—сказала она:—Но... что съ тобой, Митя? Ты чѣмъ-то взволнованъ? Что-нибудь случилось? Говори же.

Онъ бросилъ на стулъ свою шляпу.

— Лида, — сказалъ онъ ей въ отвѣтъ, — я сейчасъ былъ у брата и у меня было съ нимъ объясненіе...

— Я знаю, онъ гонитъ меня отсюда? Да?.. Ахъ, Митя,

Митя! Зачѣмъ, зачѣмъ ты привезъ меня сюда? Для чего? Ты говорилъ мнѣ о своихъ родителяхъ, ты увѣрялъ меня, что они согласятся на нашъ бракъ, въ особенности если узнаютъ, что у насъ есть ребенокъ. Какъ ты мало знаешь людей! Ты истерзалъ мнѣ всѣ нервы. Я не могу видѣть этой гостинницы, этихъ улыбочекъ, эту публику на улицахъ вашего города, оглядывающую меня съ ногъ до головы. Уговаривая меня уѣхать на лѣто изъ Петербурга, ты говорилъ объ отдыхѣ, о воздухѣ, о природѣ. Боже мой, Боже мой! Еслибы всего этого было достаточно! Уѣдемъ, ради Бога!.. Не нужно мнѣ ничего, ни этого брака, ни положенія въ обществѣ, ничего! Вѣдь если я хотѣла брака, то именно ради нашего сына. Ну, что дѣлать! Подождемъ, пока не переѣдутъ обстоятельства жизни. Ничего вѣдь нельзя сдѣлать насильно.

Она сжала пальцы, и вся ея фигура дышала утомленіемъ и печалью.

И какъ далеки были теперь проповѣди Сергѣя Петровича отъ Дмитрія! Всѣ эти разсужденія точно волной смыло. Онъ видѣлъ передъ собой несчастную, несправедливо обиженную женщину, сердце его мучительно сжималось, и онъ сознавалъ свою беспомощность, свое безсиліе помочь ей.

— Лида!—нѣжно сказалъ онъ ей:—я знаю, что тебѣ горько здѣсь жить и получать всѣ эти мелкіе щелчки...

— Ты не знаешь, ты не знаешь!—вдругъ разразилась она слезами.—Одни эти косые взгляды прислуги чего стоятъ! Вѣдь это—подлая провинція, которая все знаетъ, которой до всего есть дѣло... Мнѣ опротивѣла эта комната, этотъ городъ, эти люди. Ради Бога, уѣдемъ отсюда! Больше я ничего не хочу.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ голову, прильнувъ ее къ своей груди.

— Какъ ты измѣнилась, моя Лида! Личико твое поблѣднѣло, и я давно уже не слыхалъ твоего радостнаго, веселаго смѣха...

— Развѣ мертвые смѣются?—горько сказала она.—Мертвые никогда не смѣются, а душа моя здѣсь омертвѣла.

Дмитрію вспомнился лѣсъ, залитый луннымъ блескомъ, и Лидія среди этого лѣса, и ея очаровательный голосъ, пѣвшій арію: „Любовь свободная, какъ птица...“ и свои клятвы любить ее, какъ любятъ сильные люди. Ему сдѣлалось стыдно минутной слабости, овладѣвшей имъ.

— Полно говорить о мертвыхъ!—твердо сказалъ онъ.—Я люблю тебя и сдѣлаю счастливой. Хочешь уѣхать — уѣдемъ. Завтра съѣзжу къ Аркадію Ниловичу, а послѣ-завтра уѣдемъ.

Кто-то постучался въ дверь.

Они отскочили другъ отъ друга, какъ люди, пойманные въ дурномъ дѣлѣ.

Вошелъ почтальонъ и передалъ Дмитрію толстый пакетъ, присланный на его имя съ обратной роспиской.

Дмитрій задрожалъ отъ радости.

Наконецъ, это бумаги!

Почтальонъ ушелъ, и Дмитрій дрожащими руками разорвалъ конвертъ. Да, это паспортъ, бумаги, письмо его повѣреннаго.

Повѣренный объяснялъ ему, что бумаги были нѣсколько задержаны въ сенатѣ и еще дольше въ консисторіи, куда, согласно заведенному порядку, были переданы для выдачи на руки повѣренному. Адвокатъ прислалъ и письмо, полученное на имя Баравина изъ редакціи.

Съ такимъ же волненіемъ Дмитрій прочиталъ и это письмо.

Романъ его былъ принятъ! Печатать начнутъ немедленно и просили захватить въ редакцію—переговорить объ условіяхъ. Нѣсколько весьма лестныхъ фразъ по поводу его рукописи оочень сильно подняли его духъ.

Съ быстротою переходовъ настроенія, которой отличаются несильные люди, Дмитрій сдѣлался радостнымъ и бодрымъ. Угнетенное настроеніе прошло.

— Ура, Лидочка!—закричалъ онъ.—На одну минуту я почувствовалъ себя сильнымъ—и вотъ, какъ будто, сама судьба поощряетъ меня! 'Ахъ, да я не знаю, что говорю. Ъдемъ завтра вмѣстѣ въ Зарѣцкому. Отецъ Парамонъ повѣнчаетъ насъ, я знаю. Богъ съ нимъ, съ согласіемъ родителей!.. Нужно обходиться безъ того, что не дается. А тамъ—въ Петербургъ, къ любимому труду, къ любимымъ занятіямъ, къ нашему сыночку. Еще будутъ хлопоты и мытарства, и ложь, ложь, чтобы усыновить твоего сына, который не считается моимъ! Но что за дѣло!.. Если нужно лгать—будемъ лгать; тѣмъ радостнѣе будетъ имѣть возможность говорить правду на страницахъ журнала!..

— Можно войти? — спросилъ чей-то вкрадчивый голосъ у дверей.

Дмитрій и Лидія вскрикнули отъ неожиданности.

— А! Өирсъ Өирсовичъ! Входите...

— „Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!“—пропѣлъ Өирсъ Өирсовичъ фальшивымъ голосомъ.—Здравствуйте. Знаю, друзья мои, что появленіе полиціймейстера всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто опереточное, ежели не трагическое. Но что дѣлать! Я охотно

промѣнялъ бы свой мундиръ, ну... хотя бы на губернаторскій, однако выше лба не подскочишь.

И наклонившись къ уху Дмитрія Петровича, онъ, по своему обыкновенію, зашепталъ.

Галина вышла въ другую комнату.

— Я къ вамъ, дорогой Дмитрій Петровичъ, съ вѣстями...

— Дурными, конечно?—хитро улыбнулся Дмитрій.

— Охъ, не говорите! И даже съ весьма...

— Послушаемъ ваши дурныя вѣсти, но говорите громче, здѣсь вѣдь никого нѣтъ.

— Такая ужъ у меня полицейская манера, извините,—все кажется, что подслушиваютъ...—и сразу пережѣвнѣвъ тонъ, онъ заговорилъ:—Дорогой Дмитрій Петровичъ! Вы знаете мое расположеніе и любовь къ вамъ и всему вашему семейству...

— Даже и къ брату Сергѣю?

— Ну-у... къ нему чувствую уваженіе. Начальство не нуждается въ нашей любви, а токмо въ трепетѣ. Но не въ томъ дѣло. И Лидія Иларіоновна весьма мнѣ симпатична. Но служба! Проклятая служба, которой я, ей Богу же, тягочусь... обязываетъ меня исполнить жестокий актъ по отношенію къ ней.

— Выселить?

— Въ теченіе трехъ дней!—вздохнулъ онъ, и на его лицѣ показалось такое выраженіе отчаянія, что Дмитрію сдѣлалось жаль его.—Такова его воля, Дмитрій Петровичъ!

— Чтò же дѣлать, милый Ойрсь Ойрсовичъ?

— Вы бы сѣздили къ братцу-то? Уговорили бы его, а? Ну, чтò подымать такой неприличный скандалъ въ городѣ? Ради чего? Кому мѣшаетъ здѣсь пребываніе уважаемой Лидіи Иларіоновны? И зачѣмъ возлагать на меня столь тяжелую обязанность? Мои пристава и такъ ужъ часто беспокоили ее, хотя и дѣлали это, по моему приказанію, со всякой деликатностью.

— Былъ,—сказалъ Дмитрій.

— У него самого?

— Да.

— И чтò же? Каковъ результатъ?

— Никакого.

— Ахъ, Боже мой! Поймите же, я не могу не исполнить приказанія... Господи, чтò же мнѣ дѣлать?

— Да вы не волнуйтесь, Ойрсь Ойрсовичъ. Я вполне понимаю, что вы тутъ ни-при-чемъ.

— Ни-при-чемъ-съ, ей Богу, ни-при-чемъ-съ.

— Итакъ, вы требуете или выѣзда, или паспорта?

— Да... одно изъ двухъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ паспортъ, господинъ полиціймейстеръ: благоволите приказать прописать его и возвратить по принадлежности. А можетъ быть и прописывать не стоитъ, потому что мы скоро уѣзжаемъ.

— Получили, наконецъ? — обрадовался Оирсъ Оирсовичъ, удивленно вертя паспортъ въ рукахъ, какъ бы не вѣря его существованію.

— Получилъ, какъ видите.

— Ну, слава Богу. Такъ и доложимъ. А прописать всячески нужно, дабы слѣдъ былъ.

— Какъ знаете.

Они дружески простились, и Оирсъ Оирсовичъ вышелъ.

У подѣзда онъ наткнулся на Маслову и Шубину.

„Просто сплетница“ и „сплетница во всѣхъ отношеніяхъ“ очень ему обрадовались и не выпустили его изъ рукъ. Онъ всегда набрасывались на него для выпытыванія изъ него городскихъ новостей, и онъ называлъ ихъ „клопами, высасывающими кровь изъ соннаго человѣка“.

— Чтѣ новаго?—спразу спросила Маслова.

Никогда не измѣняя своей корректности, онъ вѣжливо отвѣтилъ ей:

— Право, не знаю, уважаемая Марья Егоровна... Я хотѣлъ спросить у васъ.

Шубина погрозила ему пальцемъ.

— Вы дѣлаете видъ, что никогда ничего не знаете. Мы только-что говорили объ этомъ съ Марьей Егоровной.

— Ну, говорили обо мнѣ! Значить, о весьма неинтересномъ предметѣ. Извините, mesdames, я очень тороплюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы васъ такъ не отпустимъ!—и обѣ взяли его подъ-руку.

Онъ покорно склонилъ голову.

— Дѣлать нечего! Интервьюируйте!.. Экое вѣдь слово-то: натошакъ и не выговоришь!..

— И будемъ,—сказала Шубина.—Чтѣ вы знаете о Доринѣ?

— Доринъ, Арсеній Павловичъ, тридцати лѣтъ, чиновникъ особыхъ порученій при его превосходительствѣ...

— Вы несносный! Это мы сами хорошо знаемъ!.. А правда ли, что Доринъ назначается вмѣсто Лѣванова?

— Этого я не знаю.

— Зато я знаю,—сказала Маслова.—И еще кое-что знаю,

чего, конечно, ни вы, Ойрсъ Ойрсовичъ, ни Елена Оедоровна, не знаете.

— Что именно? — разомъ спросили полиціймейстеръ и Шубина.

— Готовится большой скандалъ. Предводитель послалъ, нѣсколько времени тому назадъ, жалобу на неправильныя дѣйствія Сергѣя Петровича. Пришлютъ генерала для разбора дѣла.

Елена Оедоровна была очень обижена, что такая грандіозная новость изобрѣтена не ею. Поэтому она тотчасъ же сдѣлала вполнѣ равнодушное лицо и съ снисходительной улыбкой сказала Марѣ Егоровнѣ:

— Ma раувге Марья Егоровна, on vous a jouée.

Та вспыхнула.

— Надо мной подшутили? Какія основанія имѣете вы это говорить, ма раувге Елена Оедоровна?

— Въ такихъ случаяхъ не посылаютъ въ губернію генерала...

— Да? — иронически протянула Маслова и прищурилась. — А кого же? Архимандрита, можетъ быть?

— Нѣтъ, — просто отвѣтила Шубина: — сенатора. Въ такихъ случаяхъ пріѣзжаетъ всегда сенаторъ.

Маслова разсердилась.

— Сенаторъ, сенаторъ! Развѣ сенаторъ не генералъ! — пробовала она вывернуться. — Наконецъ, мой племянникъ изъ министерства писалъ мнѣ, что генералъ...

— Племянникъ изъ министерства! — воскликнула Шубина, такъ какъ этого племянника изъ министерства она давно почитала личнымъ для себя оскорбленіемъ. — Sait-il seulement quelque chose, этотъ племянникъ! У меня у самой есть въ сенатѣ дядя...

— Дядя въ сенатѣ! Mais, chère amie, эти сенатскіе дяди обыкновенно ровно ничего не знаютъ, если даже и есть у васъ такой дядя въ сенатѣ.

— Какъ — если есть?!

— Но вы объ немъ ничего до сихъ поръ не говорили.

— Потому что я терпѣть не люблю хвастаться своими связями...

Пока они ссорились и пререкались, Ойрсъ Ойрсовичъ успѣлъ незамѣтно выскользнуть изъ ихъ рукъ и скрыться. Онъ-то ничего не сказалъ имъ, но зато успѣлъ вывѣдать отъ нихъ правдоподобную тайну. И не все ли равно ему: сенаторъ или генералъ? Въ концѣ-концовъ, кто-то пріѣдетъ и, можетъ быть, уберутъ отъ нихъ этого неудобнаго и безпокойнаго господина, при которомъ не служишь, а точно танцуешь на краю пропасти...

XIV.

Въ приѣмной уже собралось нѣсколько чиновниковъ, потребованныхъ Сергѣемъ Петровичемъ въ этотъ день, и между ними Лѣвановъ.

Доринъ сидѣлъ въ креслѣ и курилъ.

— Ah, cher maître!—вскрикнулъ онъ при видѣ Лѣванова.—
Bonjour, cher maître, comment va?

Лѣвановъ нахмурился и холодно привоснулъ къ рукѣ, протянутой подошедшимъ къ нему Доринымъ.

— Я уже просилъ васъ,—сдержанно сказалъ онъ ему,—оставить со мной этотъ неподходящій тонъ. Я не имѣю удовольствія считать себя въ числѣ вашихъ интимныхъ друзей, съ которыми, можетъ быть, тонъ этотъ и подходящъ, и уместенъ. Наши же отношенія—чисто служебныя, и къ нимъ этотъ тонъ рѣшительно не подходитъ. Я вамъ не „шерметъ“, а пока начальникъ.

Доринъ поморщился.

— Длинно!—сказалъ онъ.

Лѣвановъ не понялъ и широко раскрылъ глаза.

— Что длинно?—спросилъ онъ.

— Монологъ. Можно бы сдѣлать купюру. И потомъ, что такое „шерметъ“? Ничего! А cher maître—это и есть самый почетный титулъ. Maître—господинъ, начальникъ, мастеръ... Вы никогда не играли на сценѣ? Нѣтъ? Жаль. Вы бы хорошо произносили длинные монологи и изображали бы *règes nobles*,—не „пернобель“, а *règes nobles*—каждое слово отдѣльно. Впрочемъ, даже для благороднаго резонѣра у васъ мало темперамента. А *rgoros*, знаете вы, что такое темпераментъ?

Доринъ сѣлъ на своего коня и сталъ немилосердно „изводить“ несчастнаго старика. Вокругъ сдержанно улыбались его плоскимъ остромамъ и шуткамъ, и никто не выражалъ своего негодованія, боясь войти въ немилость у фаворита.

Лѣвановъ молчалъ.

— Я вамъ объясню,—продолжалъ Доринъ, не стѣсняясь его молчаніемъ.—Любили вы когда-нибудь? Ужасно любопытно было бы увидѣть васъ влюбленнымъ!.. Только человѣкъ любившій можетъ обладать истиннымъ темпераментомъ. Темпераментъ—это колоритъ любви, тѣмбръ голоса у пѣвца. У васъ его нѣтъ—*donc*, вы не любили. Но не огорчайтесь, *mon vieux*,—что значитъ: мой старый,—*ça viendra*...

— Арсеній Павловичъ! — съ негодованіемъ остановилъ его Лѣвановъ, и вдругъ, замѣтя улыбки на лицахъ чиновниковъ, пришелъ въ негодованіе.

— Вы улыбаетесь, господа? Улыбаетесь, когда какой-то петербургскій молодой человѣкъ, живущій и служащій здѣсь безъ году недѣлю, имѣетъ смѣлость, прикрываясь дружбой Сергѣя Петровича, издѣваться надъ вашимъ старымъ начальникомъ? Господи! Да чтѣ же это за времена настали!—Въ голосѣ его задрожали слезы, и старикъ имѣлъ жалкій, пришибленный видъ.— Вмѣсто того, чтобы возмущаться, вы улыбаетесь; вмѣсто того, чтобы осадить этого дерзкаго господина, вы потихоньку его поддерживаете, отдавая ему старика на посмѣшище? Къ какимъ же временамъ мы вернулись? Да, я старъ сталъ, это вѣрно; иначе мнѣ давно уже надо было согласиться на предложеніе уйти, отряса прахъ отъ ногъ своихъ на это гнусное время, когда не цѣнятся ни права службы, ни почтенный возрастъ... А вы ухмыляетесь низко, предательски...

Онъ не могъ продолжать отъ волненія, которое душило его. Въ глазахъ его стояли слезы. Очевидно, шутка зашла слишкомъ далеко, и чиновники стояли смущенные, подавленные, сконфуженные, съ опущенными глазами.

Кое кто пробовалъ оправдаться:

— Чтѣ вы, Провъ Михайловичъ! Мы ничего... мы не думали улыбаться.

— Полноте, господа! Если не думали, такъ скажите этому господину, что поведеніе его недостойно...

Этого, однако, никто не сказалъ.

Зато самъ Доринъ, нисколько не смутившись этой безобразной сценой, сказалъ:

— Теперь лучше. И одушевленіе было, и слеза пущена въ время... Bravo, bravo!..

— Васъ просятъ!—подойдя къ нему, доложилъ курьеръ.

— Сергѣй Петровичъ? — протянулъ Доринъ.—Ага, пусть подождетъ... впрочемъ, я хотѣлъ сказать—сейчасъ. Доложи, что иду.

— Слушаю-съ.

Но Доринъ и не думалъ выказывать ни суетливости, ни поспѣшности, какъ бы желая показать, что онъ одинаково небрежно относится ко всѣмъ на свѣтѣ.

И онъ продолжалъ, обращаясь къ Лѣванову.

— Cher!—сказалъ онъ:—вы напрасно на меня обижаетесь и не понимаете шутки. Ce qu'il y a encore de plus attrayant au monde—c'est une blague... Впрочемъ, простите, я скажу по-

русски: шутка есть самое привлекательное на свѣтѣ. По-русски не такъ это понятно и вообще переводить съ французскаго очень трудно. А гротос! Я расскажу вамъ, какъ одна дама, моя петербургская знакомая, вѣчно читающая французскіе романы... вы не читали: „Pauline, ou la liberté d'amour“? Ахъ, да, я забылъ, вѣдь въ переводѣ этой книги нѣтъ. Да... такъ я, кажется, говорилъ о дамѣ. Она, представьте себѣ, выражалась такъ: „пойду взять воздуха“—вмѣсто „пойду пройтись“. Или „отъ нитки къ иголѣ“—*de fil en aiguille*... это я и самъ не знаю, какъ перевести. Или еще: „возьмите сидѣнье“, вмѣсто „сядьте“... Вы не помните, почему я заговорилъ объ этой дамѣ? Представьте, это со мной бываетъ: начну о способѣ отковыриванія устричной „бородки“ отъ раковины, а кончу паденіемъ западной римской имперіи, и, представьте, все это цѣпляется другъ за друга, отъ нитки къ иголѣ, и все выходитъ одно изъ другого. Мои враги говорили, что это отъ моей любви къ декадентскимъ картинамъ у меня перевернулись мозги, и что мнѣ слѣдуетъ лечиться. Какой вздоръ! Не правда ли?

— Его превосходительство просить васъ пожаловать немедленно!—доложилъ курьеръ.

— Ахъ, Боже мой, какое нетерпѣніе! Иду, иду!.. Не сердитесь на меня, Провъ... Провъ Николаевичъ. Ей Богу, это отъ легкаго сердца! *Au plaisir*...

И сдѣлавъ старику дружескій жестъ рукой, онъ скрылся.

Сергій Петровичъ въ волненіи ходилъ по большому кабинету. Онъ встрѣтилъ сурово вошедшаго чиновника.

— Послушай, Доринъ, это, наконецъ, изъ рувъ вонъ!—сказалъ онъ ему.

— Что именно, другъ мой?

— Какъ что! Я посылаю за тобой двадцать разъ, и ты предпочитаешь тамъ внизу нести какую-нибудь околесную, а не являться на зовъ. Я уже, кажется, говорилъ тебѣ, что слѣдуетъ разграничивать служебныя отношенія отъ дружескихъ.

— Говорилъ,—подражая дѣтскому лепету наказаннаго школьника, сказалъ Доринъ.—Прости, папа, больше не буду!

— Доринъ! Я прошу тебя безъ балагана!—строго и раздраженно крикнулъ Сергій Петровичъ.—Я знаю, что ты никогда не служилъ и не умѣешь держаться чиновникомъ... и потому наша давнишняя интимная дружба... все это прекрасно... но твой собственный таетъ...

— Allons, c'est bon! Что тебѣ надо?—нахмурившись, спросилъ Доринъ.

— Ну... уже нахмурился... тебѣ это не очень идетъ.

— Suffit! Смѣяться не идетъ и хмуриться не идетъ. Что идетъ въ такомъ случаѣ? Ладно, я буду одѣвать древне-греческую маску, прежде чѣмъ являться передъ свѣтлымъ очи вашего превосходительства: комическую, когда вы будете въ духѣ, и трагическую—когда не въ духѣ. Только потрудитесь объ этомъ духѣ и недухѣ сообщать по телефону наканунѣ... Ахъ, я и забылъ! Телефона у меня нѣтъ... Провѣщая дыра провинціальная! И потомъ сдѣлай отпускъ на маски...—Онъ вдругъ опять оживился. — Представь себѣ всѣхъ чиновниковъ въ маскахъ: это будетъ служебный *pouveau art*. Прелестно! Лѣвановъ въ маскѣ фавна или сатира съ оскаленной улыбкой, *le brillant* Ойрсъ—въ маскѣ Ахилла...

Сергѣй Петровичъ улыбался. Онъ всегда улыбался, когда Доринъ пускался излагать передъ нимъ съ своимъ серьезнымъ видомъ дурачкіе проекты.

— Можно написать прекрасное либретто для балета: „*Les courtisans et les satellites devant un fonctionnaire d'état*“. Впрочемъ, для названія длинно. Это будетъ „*grand pas* чиновниковъ“ въ первомъ актѣ. Во второмъ—*solo* Лѣванова.

— Надѣюсь, ты не будешь излагать всего своего либретто?

— Ah, pardon, я опять увлекся.

— Вотъ что, Арсеній Павловичъ,—дѣловитымъ тономъ сказалъ Сергѣй Петровичъ,—я хотѣлъ обратиться къ тебѣ съ просьбой, скорѣе, если хочешь, дружескаго свойства, нежели служебнаго.

— Я весь вниманіе.

— Нѣтъ, брось на минуту свой шутовской тонъ, ради Бога!

— Въ чемъ дѣло?

— Говорять, отецъ собирается послать жалобу на мои дѣйствія по отношенію къ земству. А кто говоритъ, что уже послалъ. Au juste je n'en sais rien. Я нахожу эту затѣю, если она дѣйствительно существуетъ у моего почтеннаго папеньки, не очень приличною... Надо грязное бѣлье мыть промежъ себя... Мнѣ передавали, будто бы оттуда собираются прислать кого-то... Это, конечно, вздоръ. Я на очень хорошемъ счету, какъ ты знаешь, и ничего не боюсь. Въ концѣ-концовъ, мнѣ придется также жаловаться на отца, какъ на предводителя, и просить кого слѣдуетъ, чтобы хлопотали о неутвержденіи его выборовъ сенатомъ. Епфп, quoi! Скандаль на всю Россію, съ пропечатаньемъ въ газетахъ. Я не хочу скандала. И потомъ всѣ эти тупые разговоры подымутся: сынъ пошелъ на отца... и весь этотъ арсеналь тра-

гически-добродушныхъ сентенцій и афоризмовъ добраго стараго времени. Положимъ, и этого я не боюсь, ибо отчего сыну не идти на отца, если отецъ идетъ на сына?! И что это за устарѣвшія категоріи: отецъ, сынъ, братъ и прочее... Но во всякомъ случаѣ...

— Dieu que tu es long!—перебилъ его Доринъ.—L'essentiel est d'aller voir ton père, n'est-ce pas?

— Oui, c'est cela.

— Et que lui dire?

— Mon Dieu, tu lui demanderas—bien adroitement, cela va sans dire—вѣрно ли все это? И уговори, уломай старика не дурить... Compris?

— Прекрасно, но... отчего же ты самъ къ нему не поѣдешь?

— Самъ? Но онъ давно уже не принимаетъ меня. По крайней мѣрѣ, Алексѣй всегда говоритъ, что его превосходительства дома нѣтъ. Et quand il m'aurait reçu? Что толку? Мы съ нимъ не можемъ говорить спокойно. Кончится взаимнымъ озлобленіемъ... Нѣтъ, милый, побѣждай, сдѣлай мнѣ эту дружескую услугу.

— Mais très volontier, mon cher excellence.

— Только, Доринъ, вотъ въ чемъ дѣло...

— Знаю, знаю! Быть серьезнымъ?

— Да, прошу тебя. Не раздражай его своимъ тономъ. Вѣдь онъ тебя совсѣмъ не знаетъ. И будь почтителенъ.

— Буду серьезенъ и печально-важенъ, какъ членъ бюро похоронныхъ процессій, и почтителенъ, какъ къ отцу своего друга. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся, ты можешь на меня положиться...

— Ты ему сдѣлаешь визитъ и, какъ бы воспользовавшись этимъ, начнешь говорить... Enfin, agissez, et Dieu vous bénisse.

— Вотъ оно что!..—подмигнулъ Доринъ.

— Ахъ, не говори! Бѣда служить, когда ты окруженъ родными... я это говорилъ недавно брату. И дернула меня судьба согласиться сюда, гдѣ у меня „родное гнѣздо“! Но родное гнѣздо, это почти всегда улей съ очень злыми пчелами, которые преобильно кусаются... Кто тамъ внизу? Да, да, помню: Лѣвановъ и еще нѣсколько. Я самъ имъ назначилъ, но голова у меня идетъ крѣгомъ. Впрочемъ, сважи, уходя, курьеру, чтобы просилъ. И еще: если узнаешь, что все это только сплетни, держи себя съ достоинствомъ и не подымай разговора.

— C'est entendu.

Доринъ вышелъ и отправился къ себѣ, гдѣ переодѣлся въ элегантный скюртукъ. Осмотрѣвъ себя въ зеркало съ ногъ до головы, слегка припудрившись, „чтобы лицо не походило на лаки-

рованную мебель", слегка надушившись крѣпкими духами, онъ остался собой очень доволенъ и, повернувшись на каблучкахъ, вышелъ.

Подѣхавъ къ дому Варавина, онъ подумалъ:

„Tiens! Такъ вотъ что значитъ „особыя порученія"! Я думалъ, что они заключаются въ томъ, чтобы ухаживать за дамами, а вовсе не за его отцомъ, или, въ крайнемъ разѣ, какъ говорить Лѣвановъ, быть четвертымъ въ винтѣ. Enfin! Будемъ исполнять „особое поручение“.

— Баринъ дома?—спросилъ онъ у Алексѣя.

— Дома-съ. Какъ прикажете доложить?

— Передай карточку.

— Слушаю-съ. Пожалуйста въ гостиную.

Черезъ нѣсколько минутъ къ гостю вышелъ Варавинъ. Онъ очень похудѣлъ за послѣднее время, и его статная, красивая фигура стараго барина какъ-то подалась, осунулась.

Онъ поклонился на ходу Дорину и жестомъ пригласилъ его садиться. Принялъ онъ его корректно, но сухо, и это немедленно раздражило Дорина, которымъ сейчасъ же овладѣлъ его злорадный бѣсъ распущенной шутки.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ Варавинъ и присѣлъ на стулъ въ выжидательной позѣ, которая какъ бы указывала посѣтителю на то, что хозяинъ очень занятъ.

— Служить? — протянулъ Доринъ. — Mais pas du tout... я пріѣхалъ представиться вамъ, сдѣлать визитъ...

— А... Очень пріятно... Давно вы въ нашемъ городѣ?—любезно спросилъ Варавинъ, но Доринъ понялъ намекъ.

— Не очень, Петръ Александровичъ... Я давно стремился посѣтить васъ, но дѣла...

— О, нѣтъ, я не къ тому... Вы, кажется, служите здѣсь? Доринъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

„Ломается старикъ“, — подумалъ онъ, и вдругъ разозлился.

— Какъ это „кажется"? Я служу подъ начальствомъ вашего сына...

— Сергѣя... да, да! Теперь вспомнилъ.

— Петръ Александровичъ! — началъ Доринъ рѣзковатымъ тономъ:—простите, если я съ первыхъ же словъ, въ первый же день знакомства, позволю себѣ коснуться одного щекотливаго вопроса...

Теперь Варавинъ сдѣлалъ удивленное лицо и поднялъ брови.

— Щекотливаго вопроса?—сказалъ онъ.—Какого вопроса?

— Относительно вашихъ недоразумѣній съ сыномъ...

Варавинъ всталъ съ своего мѣста.

— Только ваша относительная молодость, господинъ Доринъ, извиняетъ отчасти ваши—простите меня—безтактныя слова. Я не думаю, чтобы это былъ подходящий разговоръ для перваго визита и даже... для десятаго, еслибы таковой состоялся, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Скажу вамъ откровенно: меня очень удивляетъ эта *sans-gêne* съ вашей стороны.

— П n'y a pas de *sans-gêne* съ моей стороны, если ужъ вы хотите это знать,—нагло усмѣхнувшись, отвѣтилъ Доринъ, продолжая сидѣть въ непринужденной позѣ передъ стоящимъ предводителемъ. Однако, упорный взглядъ Варавина заставилъ его медленно подняться.

„*Ras très commode, le vieux maréchal!*“—подумалъ Доринъ.

— А какъ вы это называете?—спросилъ Варавинъ.

— Я исполняю порученіе.

— Сына?

— Да.

— И въ чемъ оно заключается?

— Сергѣй Петровичъ очень хотѣлъ бы знать, дѣйствительно ли послана жалоба министру, какъ объ этомъ говорятъ въ городѣ...

— А, онъ хотѣлъ бы это знать? Для чего?

— Чтобы просить васъ, если это не сдѣлано,—не дѣлать.

— Такъ... И онъ не нашелъ лучшаго способа для этого, какъ прислать ко мнѣ своего... чиновника? Удивительная безтактность!

— Я воспользовался желаніемъ познакомиться съ вами и принялъ порученіе.

— Совершенно напрасно. Сынъ знаетъ мой адресъ — не трудно это знать въ нашемъ городѣ. Онъ могъ бы себя побезпокоить.

— Но онъ говорилъ мнѣ, что вы его не принимаете.

— Скажите ему, что я его не желаю принимать, какъ сына, но я не имѣю права отказать ему въ дѣловомъ визитѣ, пока я еще состою предводителемъ.

— Я ему передамъ.

— Да, передайте... если хотите.

Они еще постояли нѣсколько мгновеній другъ передъ другомъ. Видя, что ему больше нечего дѣлать, Доринъ откланялся. Варавинъ отдалъ ему преувеличенно-вѣжливый поклонъ, но руки не подалъ.

Доринъ отправился къ Сергѣю Петровичу и доложилъ ему о результатѣ свиданія.

Сергѣй Петровичъ нахмурился.

— Доринъ, ты никогда ничего не умѣешь сдѣлать порядочно...—сказалъ онъ.—Ты ровно ничего не узналъ, и мнѣ придется теперь ѣхать на непріятное объясненіе.

— Тебѣ легко говорить!—разсердился Доринъ.—Что, ты не знаешь своего папахенъ? Я его разъ въ жизни видѣлъ—et j'en ai assez, je te jure!—и уже знаю, что онъ холоденъ, какъ сѣверный полюсъ!.. брр... Что отъ него можно узнать? Онъ со мной трехъ словъ не сказалъ и выставилъ, какъ оконную раму. Я выкатился отъ него на подобіе сельтерской воды изъ бутылки. Если всѣ „особыя порученія“ таковы—я отказываюсь.

Сергѣй Петровичъ задумчиво ушелъ въ кабинетъ, а Доринъ, нагнавъ на улицѣ уходившаго Лѣванова, принялся „изводить“ его.

— Дорогой Провъ Михайловичъ, —сказалъ онъ ему,—на этотъ разъ я не перепуталъ вашего имени... вы носите ужасно немодные брюки... Que-se que c'est que ces раstrубы? Теперь носить фасонъ zouave. Voyez plutôt... какъ у меня: широко сверху и узко внизу... и потомъ на сорокѣхъ полагается двѣ запонки, а не три...

Лѣвановъ остановился и въ упоръ поглядѣлъ на него.

— Если вы меня сейчасъ, сію минуту не оставите въ покоѣ,—съ сдержаннымъ гнѣвомъ сказалъ онъ,—я позову городского.

И зашагалъ отъ него въ сторону.

— Какіе они всѣ скучные психопаты! — пробормоталъ Доринъ.—И всѣ на одинъ ладъ, точно коровы изъ одного стада. А, да ну ихъ совсѣмъ!..

Онъ махнулъ рукой и отправился за-городъ.

XV.

Зарѣцкій сидѣлъ на балконѣ своей дачи и тоскливо глядѣлъ на шоссе.

Онъ думалъ о своей сдѣлкѣ съ бельгійцами и о томъ, какъ онъ скоро раздѣлается съ ненавистнымъ ему имѣньемъ, уплатитъ всѣ долги, сдѣлаетъ всѣ хозяйственные распоряженія и укатитъ за границу, чтобы освѣжиться и обновиться тамъ, гдѣ небо голубѣе, и гдѣ для туриста нѣтъ этихъ мелочныхъ, назойливыхъ вопросовъ о ссудахъ, банкахъ, углѣ, подвозныхъ путяхъ и не-

достатѣй вагоновъ. Онъ радовался какъ юноша, что наконецъ вырвется изъ этой муравьиной кучи, гдѣ все такъ мелко и неинтересно, и окунется въ чужую жизнь, гдѣ, можетъ быть, интересы такъ же мелки, но въ другомъ родѣ. Мысленно онъ укладывалъ уже свои сундуки и чемоданы и рисовалъ себѣ картины путешествія.

На шоссе показалась женская фигура, все выросавшій и выросавшій силуэтъ. Зарѣцкій прикрылъ глаза руками отъ солнца и взглянулся.

— Да это Вѣра...—сказалъ онъ себѣ.

Это была она и, очевидно, направлялась въ его дачѣ.

— Вѣра... вы ко мнѣ? — спросилъ онъ, нагнувшись съ террасы.

— Къ вамъ.

— Добро пожаловать, рѣдчайшая и драгоценнѣйшая гостья! „Люблю тебя, Петра творенье“, люблю твой строгій, гордый видъ, рѣчей твоихъ унылое теченье и сердца твердаго гранить...

— Ахъ, Аркадій Ниловичъ, да будетъ вамъ въ самомъ дѣлѣ! — чуть-чуть досадливо проговорила Вѣра.

Онъ встрѣтилъ ее на ступеняхъ террасы и поздоровался. Усадилъ ее рядомъ съ собой и потребовалъ отъ старой Домны Ѳеодосѣевны „питья и ѣды“.

— Чаю выпью, отъ ѣды отказываюсь...—сказала она.

— Вы—пѣшкомъ изъ города?

— Пѣшкомъ, какъ видите.

— Чтѣ же это, изъ подвижничества или просто такъ?

— Изъ каковаго подвижничества? Просто такъ.

— Чудесно,—значить, лѣтняя прогулка. Но видъ у васъ достаточно осенній, хмурый.

— По неволѣ будетъ хмурый.

— Чтѣ такъ? Опять что-нибудь народное?

— Ну да, и вы напрасно иронизируете. Я вѣдь не такая эгоистка, какъ вы...

— Ну, вотъ, ужъ браниться начинаете!

— Не бранюсь, а говорю правду. Вы остыли къ жизни и холодны...

— Какъ бутылка замороженнаго шампанскаго?

— Да, почти, — улыбнулась она. — Я же не могу видѣть равнодушно ни человѣческаго несчастья, ни человѣческой безпомощности.

— „Пламя страсти, какъ факелъ среди южной ночи, горить

въ ея черныхъ глазахъ...“ — прочиталъ я сейчасъ въ одномъ французскомъ романѣ, и ваши глаза похожи...

— Перестаньте молоты! — строго остановила она его.

— Ну вотъ! Зачѣмъ же упрекать человѣка въ холодности, а когда онъ начинаетъ говорить страстно... Я не холоденъ, или, вѣрнѣе, холоденъ, какъ холоденъ всякій философъ.

— Жалкая ваша философія! Въ чемъ, собственно, она заключается? Въ томъ, чтобы сидѣть на балконѣ — это иносказательно — и съ высоты наблюдать за явленіями жизни? Наблюдать, не принимая въ ней участія? Ни умомъ, ни сердцемъ не отзываться на нужды людскія и съ любопытствомъ экспериментатора жизни прислушиваться къ людскимъ стонамъ и воплямъ?..

— И къ смѣху. Не все же только стонъ на землѣ?

— Такъ мало смѣха! То-есть, смѣха законнаго, позволительнаго, здороваго... Зубоскальства много, это правда! И смѣха позорнаго — надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нельзя смѣяться — тоже много, слишкомъ много! Налейте мнѣ чашку... благодарю васъ. Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно, но смѣяться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нужно плакать — грѣшно. Грѣшно и стыдно...

— Аминь. Такъ что же произошло, надъ чѣмъ слѣдуетъ увеличить количество влаги въ природѣ?

— Я ничего не скажу вамъ, пока вы не бросите этотъ тонъ.

— Ну ладно, ладно, говорите.

Зарѣцкій обрадовался появленію Вѣры, потому что въ послѣднее время онъ хандрилъ и мало съ кѣмъ видался. Онъ не прочь былъ поболтать съ дѣвушкой, но ея вѣчно серьезныя, хмурыя рѣчи наводили порой на него тоску.

— Вы знаете, земство разрѣшило кредитъ на воскресныя школы. Я задумала нѣчто въ родѣ народнаго университета, конечно, съ самымъ примитивнымъ, элементарнымъ курсомъ и съ волшебными фонарями... Ну-съ, а мой почтенный братецъ опротестовалъ это постановленіе, потому что по нашему уѣзду предстоитъ уплатить долга казнѣ и губернскому земству около сорока тысячъ рублей, да кромѣ того по уѣзду числится въ недоимкѣ болѣе восьмидесяти тысячъ. По его мнѣнію, не только нельзя отрывать новыхъ школъ и больницы, но чуть ли не необходимо закрыть существующія! Вѣдь что же это? До чего мы дойдемъ? На этой почвѣ возникъ у брата конфликтъ съ отцомъ... вы это знаете; и еще тутъ присоединилась масса мелочей... чисто формальнаго служебнаго свойства, о которыхъ

скучно говорить. Но суть-то въ томъ что братъ надолго теперь затормазитъ нашу просвѣтительную дѣятельность. Я пришла просить васъ, Аркадій Ниловичъ: помирите вы ихъ!

— Ахъ, голубчикъ, да это невозможно! Петръ Александровичъ—человѣкъ крутой, и не пойдетъ на уступки. Вы отлично знаете, что онъ разорвалъ съ Сергѣемъ всѣ связи... Вы знаете—бюрократическія ссоры—самыя ужасныя, самыя непримиримыя ссоры. Онъ разошелся и съ Дмитріемъ—на другой почвѣ. Нѣтъ, я не берусь за это. Скорѣе это могли бы сдѣлать вы, какъ сохранившая съ нимъ нормальныя отношенія.

— Я пробовала. Онъ мнѣ сказалъ: „У меня нѣтъ больше сыновей, и если ты не хочешь лишить меня дочери, то не заводи объ этомъ больше рѣчи“.

— Eh bien,—voilà.

Къ террасѣ подѣвжалъ экипажъ.

Вѣра вглядѣлась въ сидѣвшихъ въ немъ и сказала:

— Это—Дмитрій... съ Галиной. Развѣ вы съ ней знакомы?

— Познакомилса. Но какъ же быть?—засуетился онъ.—Вы уйдете?

— И не подумаю. Зачѣмъ? Я хочу видѣть, что это за Галина.

— Какъ хотите.

Дмитрій очень смутился, увидя сестру, и даже растерялся нѣсколько. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: представить ли сестрѣ Лидію Иларіоновну, или нѣтъ? Выручилъ его Зарѣцкій, который ихъ познакомилъ.

— Сестра Дмитрія—Вѣра Петровна... Невѣста Дмитрія—Лидія Иларіоновна.

И тотчасъ, оставивъ ихъ вдвоемъ, взялъ подъ-руку Дмитрія и сѣлъ съ нимъ въ другомъ углу террасы.

— Вы знаете, романъ мой принять! И бумаги Лидіи получены. Мнѣ перевели за рукопись авансъ—довольно крупный. Теперь я свободенъ отъ душившаго меня кошмара. Я могу жениться и уѣхать. Я и заѣхалъ къ вамъ, чтобы просить васъ разрѣшить жениться въ вашей усадьбѣ. Отецъ Парамонъ устроить все это? Вѣдь не откажется же онъ вѣнчать насъ изъ-за такого повода, какъ отсутствіе согласія отца? И не такъ же, въ самомъ дѣлѣ, озлобленъ отецъ, чтобы примѣнить ко мнѣ ту статью закона... помните?

— Конечно, нѣтъ. Да и я не допущу до этого. Что же касается отца Парамона—я все устрою, будь благонадеженъ. Не пойти ли намъ теперь къ дамамъ? Онѣ ужъ, кажется, разговорились.

— Пойдемте.

Вѣра и Лидія, дѣйствительно, разговаривали довольно оживленно.

— Нѣтъ,—говорила Вѣра,—я нисколько не противъ искусства пѣнія. Я мало въ немъ понимаю, какъ и вообще въ искусствахъ, но я никогда не отрицаю того, чего не понимаю. По моему, только—всякое искусство должно приносить пользу народу.

Дмитрій пожалъ плечами и возвелъ взоръ къ потолку.

Она замѣтила эту мину, и сразу голосъ ея ожесточился.

— Да, искусство, какъ забава праздныхъ людей, или, какъ вы нынче выражаетесь, аристократическое искусство, искусство для немногихъ—не заслуживаетъ уваженія. Оно должно быть для многихъ и непременно преслѣдовать служебныя цѣли.

— Пощади!—сказалъ Дмитрій.

— Не пощажу!—твердо отвѣтила она.—Я не отрицаю живописи, и если художникъ употребляетъ свой талантъ на то, чтобы дать народу художественныя картинки, если пѣвица захочетъ пѣть въ оперѣ въ деревнѣ, для народа—еслибы это было возможно,—то я первая ихъ уважала бы. Но писать для богатыхъ меценатовъ и пѣть для оперныхъ абонентовъ—это развратъ. Вы не согласны со мной, Лидія Иларіоновна?

Галина покраснѣла и, взглянувъ на Дмитрія, отвѣтила:

— Художникъ не долженъ, по-моему, справляться съ тѣмъ, для кого онъ творить то или иное произведеніе. Прекрасное есть красота истины. Истина должна быть дорога всѣмъ и каждому и понятна для всѣхъ. Пока стоитъ міръ, пока живы люди—прекрасное будетъ величайшимъ утѣшеніемъ для всѣхъ и каждого.

— Это—красивыя фразы, не больше...—хмуро сказала Вѣра.

— Вѣра Петровна, — вступился въ разговоръ Зарѣцкій, чтобы не дать возгорѣться спору: — знаете, романъ Дмитрія принять.

— Да?—равнодушно проговорила она.—Поздравляю.

— У тебя есть тема для другого романа?—спросилъ Зарѣцкій.

— Нѣтъ, пока нѣтъ... Не хотите ли дать мнѣ тему?—улыбнулся Дмитрій.

— Чему же ты улыбаешься, дерзкій? Ужъ будто бы я не могу сочинить темы? Да всякій моментъ жизни—тема. Я не совѣтовалъ тебѣ дѣлаться писателемъ, другъ мой, но разъ уже

дѣло сдѣлано... пиши! Наблюдай жизнь! Или не наблюдай ее, а фантазируй! Фантазія, мечта, грѣза имѣютъ такое же законное существованіе въ жизни, какъ и самое реальное. Бери темы и оттуда, и отсюда,—откуда хочешь. Только, ради Бога, пиши свободно, не связанно, чтобы чувствовалось, что не перо тобой владѣетъ, а ты имъ. Не пиши тенденціозныхъ вещей! Не становись въ позу, не проповѣдуй модныхъ ученій! Ну, взгляни на себя: какой ты ницшеанецъ? Любишь ты свою невѣсту, какъ самый обыкновенный смертный, и чуть не плакалъ, когда ее здѣсь притѣсняли... Вотъ братецъ твой—это ницшеанецъ, форменный, безсознательный. Но онъ никогда не говоритъ теоретическихъ истинъ... Онъ не говоритъ, а дѣйствуетъ...

Вѣра давно хотѣла вставить свое слово и воспользовалась паузой.

— Да, Дмитрій!—сказала она.—Я не понимаю его... Впрочемъ, я мало кого понимаю теперь. А странно! Вѣдь не старуха же я, разъ Сергѣй и Дмитрій—мои братья. Но время теперь странное, и люди пошли странные. Вы не находите?—обратилась она къ Зарѣцкому.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Отчего вы этого не находите? Развѣ есть что-нибудь похожее на прежнее? Куда дѣлись всѣ идеалы прошлаго, всѣ свѣтлыя стремленія, высокіе порывы? Объ этомъ я много читала, да и слышала, потому что люди шестидесятыхъ годовъ еще живы. Спросите у отца, какое это было счастливое, свѣтлое время, и какъ нынѣшніе тусклые, сѣрые дни—однообразны и унылы! Отецъ правъ, когда возмущается нынѣшними людьми и даже своимъ сыномъ Сергѣемъ...

— И мною...—сказалъ Дмитрій.

Она холодно взглянула на него.

— Да, и тобою. Онъ не можетъ понять, какъ это у отца, воспитавшаго своихъ дѣтей, могутъ выйти люди совсѣмъ другихъ убѣжденій, взглядовъ, поступковъ и жизни. Отчего вы не согласны съ этимъ?—опять спросила она у Зарѣцкаго.—Развѣ же это, въ самомъ дѣлѣ, не удивительно?

— Нисколько.

— Но почему, почему?

— Надо быть такимъ философомъ и наблюдателемъ жизни, чтобы понять это, и чтобы сказать себѣ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Петръ Александровичъ пережилъ очень интересную эпоху, эпоху порывистаго, подвижническаго идеализма, альтруизма, и онъ застылъ на этой точкѣ зрѣнія. Онъ—какъ чело-

вѣкъ, который долго не мѣняетъ стекло въ очкахъ. Зрѣніе становится хуже, а стекла—тѣ же, и они, въ концѣ-концовъ, не помогаютъ уже зрѣнію, а туманятъ его. Человѣкъ перестаетъ ясно видѣть очертанія предметовъ, и они ему кажутся странными призраками. Хотите, разъ навсегда скажу вамъ, дѣти мои, мои настоящіе взгляды на жизнь, а потомъ—отстаньте и не приставайте больше ко мнѣ съ этимъ!

— Конечно, хотимъ!—вскрикнули они всѣ.

— Ну, такъ слушайте: жизнь, по-моему, преемственна. Въ каждый данный моментъ, жизнь является результатомъ прошлыхъ вѣяній и таитъ въ себѣ зародыши будущихъ идеаловъ; такимъ образомъ, настоящее всегда является чѣмъ-то смутнымъ, неуловимымъ, неосозаемымъ, непонятнымъ для толпы и лишь угадываемымъ для избранныхъ...

— Это вы, конечно, избранныкъ?—усмѣхнулась Вѣра.

— Да... я и всякій другой, кто желаетъ, имѣя глаза—видѣть и имѣя уши—слышать. Кто же закрываетъ ихъ... Впрочемъ, продолжаю. Жизнь текущаго времени—звено длинной цѣпи, одинъ конецъ которой теряется въ туманѣ отдаленныхъ вѣковъ, а другой—въ пучинѣ безконечности. Жизнь есть цѣпь людей и событій, а люди—это звенья жизни. „Великіе завѣты“ прошлаго, къ которымъ вѣчно взываетъ Петръ Александровичъ и всѣ старики...

— Только не вы?

— Только не я, потому что я молодъ душою...

— Такъ что же великіе завѣты прошлаго?..

— Суть только пройденныя звенья цѣпи, и ихъ необходимо почитать, какъ связь, какъ корни, дававшіе жизненные соки, но нельзя же приглашать жизнь вѣчно оглядываться назадъ и заставлять ее топтаться на мѣстѣ... Помнится, Дмитрій, я уже говорилъ тебѣ объ этомъ въ примѣненіи къ искусству. Но это—все равно... Великіе завѣты какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ—это, просто говоря, „школа“, пройденный курсъ. Каждая эпоха жизни должна выковать новое звено, взявъ для матеріала у стараго времени все хорошее и, отбросивъ все проржавленное, тянуть цѣпь дальше. Жизнь не знаетъ паузъ и застоевъ. Великій законъ жизни, законъ прогресса—управляетъ міромъ, а то, что на языкъ толпы или профановъ называется „декадансомъ“, сырѣчь вырожденіемъ, упадкомъ, регрессомъ и прочими страшными жупелами, есть не больше какъ отдыхъ творческой мысли и продуктивности, послѣ котораго жизнь быстро шагаетъ впередъ... И объ этомъ я ужъ говорилъ? Ну, не бѣда. Есть вещи, которыя

можно повторять до безконечности. Къ тому же—вѣдь это мое profession de foi. И еще скажу: общество всегда было буржуазно и относилось затаенно-враждебно къ новымъ теченіямъ жизни, къ тѣмъ новымъ героямъ, которые куютъ новыя звенья, потому что эти герои всегда казались массѣ дерзкими смѣльчаками, и потому что всегда они выше толпы, выше ея пониманія; потому еще, что они мѣшаютъ ея сладкой спячѣй на мягкихъ завѣтахъ прошлаго. А самые призывы къ этимъ завѣтамъ—не болѣе какъ замаскированное желаніе задержать ходъ жизни, какъ нежеланіе новаго, какъ чувство неудобства, испытываемое при пережѣвѣ старой, обношенной обуви на новую. Этотъ призывъ всегда есть въ основѣ своей пробужденіе вѣчно живого, недремлющаго чувства консерватизма. Толпа—всегда консервативна, піонеры—всегда революціонеры. И между толпой и новыми людьми настоящаго всегда идетъ глухая борьба...

— Итакъ, отецъ, я... и другіе?—спросила Вѣра.

— Обломки старой цѣпи, вы—даже несмотря на вашу молодость.

— А Сергѣй?

— Новое звено.

— А я?—спросилъ, улыбаясь, Дмитрій.

— А ты—звено въ ковѣѣ.

— А вы?

— Я—одинъ изъ толпы, изъ зрителей. Но зритель-философъ... Жизнь—ткань прошлаго, приготовленная ткачами для будущихъ поколѣній. Я—изъ тѣхъ особъ, которыя любятъ новыми тканями черезъ стекла магазиновъ, иногда заходятъ и щупаютъ ихъ, но не покупаютъ... Но я не кузнецъ звеньевъ и не ткачъ ткани.

— Я все-таки думаю,—помолчавъ, сказала Вѣра,—что принципы жизни...

— А я думаю, что принципы нужны эгоистамъ. У кого сердце—тому не нужно принциповъ. Твердость принциповъ, одинъ изъ знаменитыхъ лозунговъ прошлаго—нелѣпость...

— Нелѣпость?!—съ ужасомъ вскрикнула Вѣра.

— Да, нелѣпость. Убѣжденія мѣняются, какъ и люди. И если эта переменна убѣжденій совершилась искренно, а не ради выгоды или постороннихъ соображеній, то въ этомъ нѣтъ ничего зазорнаго,—напротивъ. Кто вѣчно сидитъ на своихъ убѣжденіяхъ, тотъ—только тупица и подверженъ дегенераціи. Есть только два закона: законъ жизни и законъ смерти. Между ними—звенья; и звено жизни связывается съ звеномъ смерти. Я же чувствую себя Фаустомъ

и жажду молодости. Нахожу я эту молодость въ томъ, что съ живымъ интересомъ и любопытствомъ слѣжу за химическими процессами жизни... Ахъ, господа, господа! Да живите же вы, наконецъ, просто, дышите вольно, думайте смѣло, говорите свободно; ходите, когда вздумается ходить; сидите, когда вздумается сидѣть; плачьте и смѣйтесь, любите и ненавидьте; бранитесь и иѣжничайте, дѣлайте дѣло и отдыхайте, работайте и веселитесь! Въ этомъ—жизнь! Только, ради Господа Бога, не копайтесь вы вѣчно, безудержно въ своей душѣ, не оглядывайтесь вы вѣчно назадъ, не справляйтесь вы вѣчно позади, не справляйтесь постоянно съ книжками, руководствами и теоріями, съ принципами и убѣжденіями,—что, впрочемъ, одно и то же. Что за славянское самоуглубленіе, подвижничество, аскетизмъ! Что за боязнь ошибки, грѣха, ложнаго шага! Не грѣшитъ только тотъ, кто не живетъ, а не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Мы, русскіе, и безъ того ужасные праведники, и, несмотря на это, страстные любители каяться, каяться безъ конца. Въ чемъ, зачѣмъ, передъ кѣмъ?—Все равно! Лишь бы каяться, ограничивать себя, сѣуживать во всемъ... Русский человѣкъ, любящій шампанское—самый несчастный человѣкъ въ мірѣ...

— Почему?—спросила робко Галина.

— Да потому, что прежде чѣмъ выпить бутылку шампанскаго, онъ непременно долженъ пролить слезу о народномъ горѣ и подумать о томъ, сколько нуждающихся онъ могъ бы накормить на эти нѣсколько рублей, истраченныхъ имъ на свое удовольствіе,—къ тому же, по нашимъ взглядамъ, предосудительное...

— И это, конечно, по вашему, смѣшно?—съ негодованіемъ спросила Вѣра.

— Смѣшно? Ничуть. Это грустно. Шампанское отравлено, и онъ уже не можетъ пить его съ той беззаботной легкостью, съ которой пьетъ западный человѣкъ. И потому русскій человѣкъ пьетъ его мрачно, сосредоточенно, молча, безъ смѣха, шутокъ и пѣсенъ. И потому, конечно, напивается какъ... хотѣлъ сказать, какъ свинья, но вѣдь это клевета на это доброе животное, которое никогда не напивается. Европейецъ пьетъ легко, свободно, съ весельемъ въ душѣ, а потомъ идетъ на работу, и работа его всегда продуктивна и приноситъ пользу обществу и ему... Нашъ братъ пьетъ съ принципами и рефлексомъ, и со дна бутылки входятъ въ его мозгъ и сердце мрачныя вещи, тяжелый угаръ. И пьетъ-то онъ не просто, а все либо съ горя, либо съ радости. А такъ какъ въ жизни только и есть, что или горе, или радость, то пьетъ русскій человѣкъ всегда. А напив-

шись, начинаетъ каяться, и до того мучить его совѣсть, что нужно опять пить, чтобы заглушить ея голосъ...

— Какъ вамъ не стыдно говорить такъ!—сказала Вѣра.

— Почему же стыдно? Я говорю, какъ думаю.

— Я никогда не соглашусь съ вами.

— О, конечно! Я это знаю.

Вѣра встала и начала прощаться. Съ Галиной она вдругъ поцѣловалась.

— Вы мнѣ очень понравились,—сказала она,—и жаль, что вы подъ влияніемъ Дмитрія.

Галина хотѣла возразить, а Дмитрій засмѣялся. Вѣра, быстро простившись съ Зарѣцкимъ, еще быстрѣе направилась къ выходу.

— Такъ вы ничего не можете сдѣлать... о чемъ я вамъ говорила?—крикнула она на ходу Зарѣцкому.

Тотъ пожалъ плечами и развелъ руками.

Сталъ прощаться и Дмитрій. Онъ условился о днѣ свадьбы, о разныхъ мелочахъ, и уѣхалъ съ Галиной.

Въ калиткѣ сада онъ столкнулся съ Переметневымъ.

— А, это ты, скорціонъ!—привѣтствовалъ его Зарѣцкій.—Что за нашествіе сегодня?

— Здравствуйте, Аркадій Ниловичъ.—Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Здравствуй, здравствуй! Что скажешь?

— Особливаго ничего.

— А не особливаго?

Переметневъ вздохнулъ и попросилъ чаю.

— Ну, братъ, что-жъ тутъ особливаго въ чаѣ-то? Однако, рассказывай. По лицу твоему вижу, что есть нѣчто важное. Покупаешь лѣсъ у Петра Александровича что-ли? Пришелъ посо- вѣтоваться?

Переметневъ, только-что прицѣпившійся втянуть въ себя горячій чай съ блюдца, чуть не обжегся и поставилъ его на столъ.

— Лѣ-ѣсъ?—гнѣвно сказалъ онъ.—Нѣтъ, баринъ! Теперича дѣло не въ лѣсѣ. Сынокъ ихній будетъ строить мнѣ пакости да каверзы, а я его буду вызволять деньгами? Ау, братъ! Не пош- ливай...

— Да вѣдь ты далъ ему слово и задатокъ обѣщать внести къ „нотаріусу“?

— Такъ нѣшто я не хозяинъ своему слову? Далъ его, а теперича взялъ. Что, всамдѣлѣ, я имъ мальчигъ что-ли? Я думалъ, старикъ за меня похлопочетъ, а замѣсто того онъ самъ полѣзъ въ драку съ сыномъ... На кой ладъ мнѣ его лѣсъ дался?

— Стало быть, раньше-то хотѣлъ взятку дать старику?

Переметневъ оглядѣлъ балконъ своими бѣгающими, рысьими глазами. Убѣдившись, что никого нѣтъ, онъ сказалъ:

— А хоша бы и такъ?

— Ого, у тебя какой-то рѣшительный видъ сегодня! И вся сладость твоя медовая пропала. Силу, что-ли, почувствовалъ?

— Силу не силу, а рѣшимость — это вы вѣрно. Жаловаться ѣду.

— Жаловаться! Куда?

— Въ Петербургъ.

— На кого?

— На Сергѣя Петровича и на его неправильныя дѣйствія. Что, всамдѣль, я въ своемъ правѣ и все по закону какъ есть...

— Это ты про островскихъ крестьянъ?

— Про нихъ, извѣстно.

— Здѣсь никого нѣтъ, а потому скажемъ прямо: облапошилъ ты ихъ, нечего сказать...

Переметневъ съ досадой стукнулъ по столу кулакомъ.

— Облапошилъ, облапошилъ! Хоша бы и облапошилъ, а по закону. Коли ежели есть такой законъ, по которому можно... Я не мошенникъ, Аркадій Нилычъ, и дѣйствую законно. Ты сначала отмѣни законъ-то, а потомъ и взыскивай; а такъ-то что горло драть! А кто жертвуетъ на общественныя дѣла? А съ кого тянуть деньги на голодъ и на прочее, какъ не съ купца? А дышать ему не дають, и чуть что — сейчасъ мошенникомъ кличуть! А кто на обновленіе храма пожертвовалъ? Коли мы жертвуемъ, такъ ты намъ не препятствуй свою пользу имѣть. А безъ пользы отсюда что жертвовать!

— Такъ, значить, ѣдешь?

— Ёду. И не я одинъ ёду. Лѣвановъ, Провъ Михайловичъ ѣдетъ...

— Тоже жаловаться?

— А какъ же! Смерть это, а не человѣкъ. А только не сносить ему головы. Онъ представилъ Лѣванова къ увольненію, а тотъ — на что ужъ тихъ и безвреденъ — взялъ отпускъ и ѣдетъ. Одна жалоба, да другая, да предводительская третья... Глядишь, плохо...

— Неужто же Петръ Александровичъ послалъ жалобу?

— Сказываютъ. Не тѣ времена нынче, чтобы люди были безъ отвѣту. Шабашъ! Нынче важный, кто для родины своей работаетъ, имѣетъ голосъ.

— Экъ тебя въ политику ударило!—смѣясь, сказалъ Зарѣцкій.—Это ты-то для родины работаешь?

— А то что же? Кто на храмы жертвуетъ? Кто на общественныя дѣла?..

— Опять! Нѣтъ, ужъ ты это оставь! Одной рубой жертвуешь ты грошъ, это вѣрно; а другой загребаешь тысячи—это тоже вѣрно.

— Коловоротъ!—усмѣхнулся Переметневъ. — Такъ, стало быть, устройство жизни.

— Ну! Недостаетъ только теперь твоей философiи! Нѣтъ, ужъ избавь... Коловоротъ! Устройство жизни! Ахъ ты... шутъ гороховый!

— Напрасно обижать изволите. А впрочемъ, тѣштесь! Одно вамъ и осталось, что тѣшиться. Ослабили больно.

— Ну, ты полегче, скорпионъ! Поделикатнѣе.

— И безъ того не безъ деликатности. А то бы не такъ сказать надо.

— А какъ?

— Да что васъ дразнить-то!

— Я не попугай, чтобы меня дразнить. А ты все-таки скажи.

— И скажу! Потому мнѣ что? Я никого не боюсь! Вотъ что я скажу тебѣ,—вдругъ переходя на „ты“, началъ онъ.—Какое есть ваше сословіе, скажемъ? Я такъ полагаю—оскудѣлое. Валитесь вы, какъ подгнившія деревья въ бору. Порѣдѣлъ вашъ боръ-то, вотъ какъ бы въ родѣ рощи Петра Александровича. Скоро и онъ свалится, какъ подгнившій дубъ, а за нимъ и ты. Не я, такъ бельгійцы тебя слопаютъ,—нѣшто не все равно? И много васъ такихъ дубовъ валится, благодаря нашей, скажемъ, силѣ.

— Какой таковой силѣ?

— Денежной, купецкой. Вырубаемъ мы васъ; а какъ вырубимъ да отпавимъ за границу—цѣна-то вамъ тамъ дешевая!—здѣсь-то станетъ повольтыгнѣе, попросторнѣе, воздуху станетъ побольше. И на что вы намъ дались, господа-дворяне? Народъ, скажемъ, сидитъ на землѣ; мы, скажемъ, ворушаемъ капиталами; а вы-то, оставшіеся еще на своихъ мѣстахъ, болтаетесь тутъ зря между нами, стѣной-то между народомъ и нами,—только намъ съ землей, да землѣ съ нашими капиталами сблизиться мѣшаете. Такъ, въ видѣ одного недоразумѣнія существуете, въ родѣ какъ бы марева какого... Дунуть на васъ,—только и всего... какъ дымъ отъ цыгарки полетите и развѣтаетесь въ воздухъ. Государство,

которое ежели настоящее, должно имѣть два класса—народъ и, скажемъ, денежныхъ людей. Народъ добываетъ продукты, а мы торгуемъ оными. Обоюдная польза. А вы—что? Что вы-то тутъ путаетесь промежъ насъ? Работать вы не работаете, потому ослабли, а денегъ у васъ нѣтъ, потому оскудѣли... Вотъ дѣла-то другого у васъ и нѣтъ, какъ только будто бы оберегать народъ отъ насъ, да служить...

Зарѣцкій слушалъ его молча, вдумчиво, сосредоточенно. Когда Переметневъ кончилъ, Зарѣцкій взглянулъ на него съ искреннимъ изумленіемъ и даже страхомъ.

— Такъ вотъ ты каковъ! — тихо сказалъ онъ.

— Каковъ есть, не взыщите! — опять переходя на „вы“, отвѣтилъ Переметневъ.

— А я-то тебя считалъ просто-на-просто паукомъ, безмозглымъ паукомъ. А ты, вишь, куда гнешь! А впрочемъ, можетъ быть ты и правъ, дерзкій скорпионъ. Время мудреное,—не разберешься въ васъ, новыхъ людяхъ...

И вдругъ онъ вспомнилъ свои недавнія рѣчи.

— Ну, братъ, вижу, — сказалъ онъ, — и ты новое звено... и крѣпкое, должно быть, звено...

— Чего это-съ?

— Нѣтъ, такъ, сквозь себя, употребляя твое выраженіе. Ну, что-жъ, добрый путь! Ъзжай, спасай отечество, губя насъ, отцѣвшихъ и ненужныхъ, расчищай почву своимъ капиталамъ, коли все дѣло въ капиталахъ только!.. А мы будемъ помирать. Только я, съ твоего позволенія, уѣду помирать подальше, чтобы не видѣть вашихъ гнусныхъ рождъ.

— Это, стало быть, подъ бельгійскія небеса.

— Да, хоть и подъ бельгійскія, тебѣ какое дѣло?

Онъ замолчалъ; замолчалъ и Переметневъ. Потомъ Переметневъ сталъ собирать у него нужныя свѣдѣнія о Петербургѣ и оставался у него долго.

XVI.

Петръ Александровичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ самомъ угнетенномъ, подавленномъ настроеніи духа.

Наканунѣ заѣхалъ къ нему Зарѣцкій и сообщилъ со всевозможными предосторожностями, что Дмитрій женился.

Старикъ вспылилъ, осерчалъ, и много трудовъ стоило Зарѣцкому успокоить его и явившуюся на шумъ Ольгу Яковлевну.

Ольга Яковлевна поплакала, погоревала, потомъ принялась уговаривать, вмѣстѣ съ Зарѣцкимъ, мужа, что разъ уже дѣло сдѣлано, имъ ничего не остается, какъ простить сына и помириться съ нимъ.

Петръ Александровичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, и рѣзко обрушился всей тяжестью своего гнѣва на Зарѣцкаго.

— Все ты, ты!—кричалъ онъ.—И что только ты за человекъ! Кажется, старикъ одной эпохи со мной, а держишь сторону моихъ враговъ, способствуешь имъ, покрываешь ихъ...

— Враговъ? Какой же врагъ—сынъ твой?

— Враги они мнѣ. Оба! Ничего общаго между нами нѣтъ! Зачѣмъ ты сдѣлалъ это?

— Ахъ, Петръ Александровичъ! Ну, не все равно, я ли это сдѣлалъ, или онъ самъ бы это сдѣлалъ? Вѣдь онъ не маленький же въ самомъ дѣдѣ! Наконецъ, вѣдь это же упорство, упрямство, съ твоей стороны ничѣмъ не оправдываемое, просто старческий капризъ. Да и, наконецъ, какъ ты бы могъ помѣшать ему жениться? Обратиться къ этой статьѣ закона?

— Да.

— Ріегге, ты бы не сдѣлалъ этого, — сказала Ольга Яковлевна.

— Ты бы не сдѣлалъ этого,—подтвердилъ и Зарѣцкій.

Варавинъ злобно посмотрѣлъ на обоихъ.

— Я не только бы это сдѣлалъ, но я это сдѣлаю.

Тогда Зарѣцкій рѣзко и горячо заговорилъ:

— Ты этого не сдѣлаешь. Зачѣмъ тебѣ это дѣлать? Чтобы на тебя указывали пальцами, какъ на выжившаго изъ ума старика? Чтобы затѣять скандалъ на всю губернію, чтобы пропечатали тебя въ газетахъ?

— Какой же скандалъ, разъ такой законъ существуетъ?

— Ты говоришь, какъ Переметневъ...—возразилъ Зарѣцкій.—Законъ существуетъ, но о. Парамонъ сказалъ уже тебѣ, что это законъ устарѣвшій. Прилично ли тебѣ, старому дворянину, пользоваться такимъ закономъ!.. Кстати,—желая перемѣнить разговоръ, вставилъ Зарѣцкій: — Переметневъ говоритъ, что отказывается отъ покупки лѣса.

— Да? Да кто этому мошеннику сказалъ, что я ему его продамъ!

— Я могу поговорить съ бельгійцами,—они купятъ и даже дадутъ лучшую цѣну, чѣмъ Переметневъ.

— Пожалуйста, сдѣлай это. Нужно тебѣ сказать, что я окончательно рѣшилъ ликвидировать всѣ свои дѣла, отказаться!

отъ предводительства теперь же, не дожидаясь будущихъ выборовъ, и уѣхать доживать свой вѣкъ за границей. Намъ, старымъ дворянамъ, больше нечего здѣсь дѣлать... Мы исполнили свою историческую миссію, принесли свою крупную жертву родинѣ: освободили крестьянъ и разорились. Мы больше ни для чего не нужны... послѣдніе могикане! Мы боролись за идеалъ;—теперь, по словамъ моего старшаго сына,—борьба за существованіе и притомъ всѣми средствами. Я старъ, чтобы бороться за существованіе избранными средствами, а *все* средства мнѣ вовсе не подходятъ. Мѣсто—сильнымъ и не выбирающимъ средствъ! Охотно уйду и предоставлю поле жизни тѣмъ, кто молодъ, силенъ и безчестенъ!

Зарѣцкій вспомнилъ слова Переметнева и подивился тому, съ какою тонкостью уловилъ онъ настроеніе минуты. Но онъ ничего не сказалъ Петру Александровичу объ этомъ.

— Я тоже уѣзжаю,—проговорилъ онъ,—но уѣзжаю просто, безъ горечи и озлобленія. Совѣтую и тебѣ побольше хладнокровія. Я къ тебѣ пришлю бельгійца... это monsieur Дютэ, приятный и преобразованный европеецъ. Ты съ нимъ покончишь въ двѣ минуты. Онъ хорошо знаетъ твой лѣсъ. Но передъ отъѣздомъ, прошу тебя, помирись съ сыномъ.

Петръ Александровичъ смѣрилъ его съ головы до ногъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ.

— Никогда!—твердо и кратко сказалъ онъ.

Ольга Яковлевна опять заплакала и стала просить его отменить это рѣшеніе.

— Ольга,—началъ онъ,—не плачь, ты разстраиваешь себя и мнѣ нервы. И это ни къ чему не поведетъ. У меня нѣтъ сыновей, и я не жалѣю объ этомъ. Если ты хочешь, какъ всегда, оставаться моимъ другомъ и до конца дней нашихъ жить вмѣстѣ со мной,—никогда не говори объ этомъ больше. Были дѣти—и нѣтъ ихъ! Я не жалуюсь. Осталась еще Вѣра, эта божья коровка, которая тоже не поѣдетъ съ нами, потому что ей мужики дороже родителей. И пусть! Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никого, кромѣ тебя, не нужно. Я съумѣю умереть гордо и одиноко.

— Что же, ты проклянешь Дмитрія, по традиціямъ добраго стараго времени?—спросилъ Зарѣцкій насмѣшливо.

— Нѣтъ, зачѣмъ?! Это вышло изъ моды, и родительское проклятіе нынче такъ же обезцѣнено, какъ наши помѣстья. Да и зачѣмъ ему проклятіе, когда не понадобилось благословеніе?.. Странно, другъ мой, кончается вѣкъ! — съ глубоко-меланхолической нотой въ голосъ, послѣ нѣкотораго молчанія, началъ

онъ. — Идеалы рушились такъ же внезапно, какъ ихъ воздвигли... дѣти пошли на отцовъ, братья на братьевъ. Среди бездушныхъ и холодныхъ людей новаго времени приходится грустно оканчивать дни! Слава Богу, не долго! У меня опять началось что-то въ затылкѣ, — не то мураши какіе-то бѣгаютъ, не то онъ нѣмѣетъ, не знаю... Авось недолго еще новые люди будутъ оскорблять мою старость и мои завѣтные убѣжденія.

— Какъ, у тебя опять повторились эти явленія? — съ тревогой въ голосѣ спросила Ольга Яковлевна. — Но отчего же не послать за докторомъ?

— Не стоитъ. Противъ старости нѣтъ лекарства.

— Я непременно пошлю за докторомъ. И сейчасъ же!

Она вышла, а Петръ Александровичъ пожалъ плечами.

— Бѣдная женщина! Надѣюсь, Аркадій Нилычъ, еслибы я умеръ внезапно, ты устроишь ея матеріальныя дѣла?

— Само собой! Но что у тебя за старческая страсть стала говорить все время о смерти? Тебѣ потому такъ тяжело жить, что у тебя нѣтъ философскаго взгляда на жизнь.

— А тебѣ легко?

— И очень; въ особенности послѣ продажи имѣнія. Подлецъ Переметневъ какъ-то разстроилъ меня, и я ему говорилъ буквально то же, что ты мнѣ сейчасъ: что мы не нужны, что поѣду умирать подъ бельгійскія небеса... впрочемъ, о небесахъ это онъ говорилъ... ну, и прочую дребедень. Видно, старческія болѣзни одинаковы. Но я все это скоро стряхнулъ съ себя. Зачѣмъ одѣваться въ какія-то торжественныя тоги? Я просто уѣду за границу, потому что мнѣ надоѣло здѣсь. Но вѣдь и тамъ — новыя птицы и новыя пѣсни. Отъ нихъ никуда не укрыться намъ, старикамъ. Такъ стоитъ ли ныть и обнаруживать свою старость? А пргоров: Лѣвановъ-то уѣхалъ жаловаться въ Петербургъ на твоего сына.

— На начальника, ты хочешь сказать...

— Ну да, на начальника, — сердито повторилъ Зарѣцкій. — И Переметневъ ѣдетъ туда же.

— Я ихъ всѣхъ предупредилъ и отправилъ давно свою жалобу.

— Такъ это вѣрно?!

— Какъ нельзя больше.

— Ольга Яковлевна знаетъ объ этомъ?

— Ничуть. Зачѣмъ разстраивать старуху?!

— Это правильно. Но какъ ты рѣшился жаловаться на родного сына!..

— Я жаловался не на родного сына, повторяю тебѣ. Я знаю изъ частнаго письма ко мнѣ, что будетъ присланъ чиновникъ для разбора этой жалобы.

— Ты испортишь ему карьеру...

— А онъ уже испортилъ мою карьеру предводителя. Я долженъ подать въ отставку послѣ того оскорбленія, которое нанесено мнѣ...

— Какое печальное зрѣлище!...

— Да, печальное. Но вѣдь не ты ли вѣчно говоришь о философіи?—вотъ и я философски отношусь къ этой борьбѣ. Если бороться, такъ бороться до конца.

Зарѣцкій ничего на это не отвѣтилъ и, посидѣвъ еще немного, уѣхалъ...

Вечеромъ былъ докторъ—мѣстный врачъ,—пользовавшійся симпатіями въ городѣ, потому что былъ веселымъ собесѣдникомъ и очень грустнымъ врачомъ.

Онъ выслушалъ, выстукалъ Варавина, раза два врякнулъ, приложивъ ухо къ сердцу, и потомъ сказалъ:

— Сердце увеличено и даже изрядно увеличено... Но, впрочемъ, остальное все въ порядкѣ, безповоится не о чемъ. Какъ можно меньше пейте и нисколько не волнуйтесь.

Варавинъ засмѣялся.

— Первое исполнить легко, и вы сами знаете, что я ничего не пью; ну, а что касается второго, то это легче посовѣтовать, чѣмъ исполнить.

На другой день послѣ визита доктора, Варавинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и съ робостью и замираніемъ сердца прислушивался къ тому странному ощущенію, которое онъ чувствовалъ въ затылкѣ около лѣваго уха. Это сверленіе, эти мурашки—онъ не умѣлъ иначе опредѣлить то, что тамъ происходило—не было болью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было хуже боли.

Ольги Яковлевны не было дома: она отправилась рано утромъ съ бельгійцемъ Дютэ осматривать лѣсъ; вернуться она должна была только на другой день, такъ какъ хотѣла переночевать у Вѣры.

Тишина въ домѣ и сверленіе за ухомъ производили такое удручающее впечатлѣніе на Петра Александровича, что ему стало дѣлаться жутко.

„Хоть бы кто-нибудь зашелъ, что-ли!“—подумалъ онъ, и черезъ нѣсколько минутъ услышалъ звонокъ, а затѣмъ и голосъ въ передней:

— Отецъ дома?

— Дома-съ... только я не знаю, какъ-съ...—послышался шопотъ Алексѣя.

— Скажи, что мнѣ необходимо его видѣть.

— Слушаю-съ.

Алексѣй вошелъ въ кабинетъ.

— Ваше превосходительство...

— Знаю, знаю... Проси!

Петръ Александровичъ радъ былъ въ эту тяжелую минуту даже сыну.

Сергѣй Петровичъ вошелъ въ комнату. Лицо его было спокойно, и только обычное нервное подергиванье изрѣдка кривило его красивое лицо, и вѣчная саркастическая улыбка сжимала его губы. Онъ рѣзкимъ движеніемъ поправилъ рипсе-пез и подошелъ къ отцу.

— Здравствуй, отецъ!—отрывисто сказалъ онъ.

— Здравствуй!—отвѣтилъ Петръ Александровичъ, но не подаль ему руки.

— Ты нездоровъ?

— Какъ видишь.

— Очень жалѣю. Мнѣ бы хотѣлось говорить съ тобой.

— Сдѣлай одолженіе.

— Надѣюсь, ничего серьезнаго?

— Пожалуйста, бросимъ всѣ эти ненужныя выраженія участія и прочія украшенія разговора и приступимъ къ дѣлу. Потому что льщу себя надеждой, что ты пріѣхалъ по дѣлу.

Сергѣй Петровичъ пожалъ плечами.

— Какъ тебѣ угодно,—сухо сказалъ онъ;—да, я пріѣхалъ по дѣлу. Я уже заѣзжалъ нѣсколько разъ, но меня не принимали.

— Очень сожалѣю, но по дѣламъ я обыкновенно принимаю въ присутствіи.

— Никто не могъ знать, однако, по дѣлу ли я пріѣхалъ, или...

— Или?

— Или просто такъ... въ домъ отца.

— Ты ошибаешься. Всѣ знаютъ, что у насъ съ тобой только чисто дѣловыя отношенія.

— Значить, другими словами?..

Петръ Александровичъ кивнулъ головой.

— Какъ угодно! Если ты не признаешь другихъ отношеній, какъ только дѣловыхъ, я ничего не имѣю противъ этого.

— Итакъ, къ дѣлу.

— Скажи, пожалуйста,—нервнымъ голосомъ заговорилъ Сер-

гѣй Петровичъ, глядя въ сторону:—правда ли, что ты собираешься послать на меня доносъ?

Петръ Александровичъ страшно взволновался.

— А ты мнѣ скажи, гдѣ ты научился такимъ подлымъ словамъ?

— Я привыкъ называть вещи своими именами.

— И подсылать шпионовъ?

— Какихъ шпионовъ?—удивился Сергѣй Петровичъ.

— Да вотъ этого клоуна твоего, басню всего города... какъ его? Дорина, что-ли?

— Отецъ, ты хотѣлъ вести разговоръ въ дѣловомъ тонѣ, а вмѣсто того...

— Ты правъ... какъ всегда, впрочемъ... Оставимъ это. Я отвѣчу тебѣ: доноса я на тебя не посылалъ, но послалъ жалобу на твои дѣйствія по отношенію къ предводителю.

Сергѣй Петровичъ чуть-чуть поблѣднѣлъ.

— Уже послалъ?

— Давно.

Сергѣй Петровичъ промолчалъ, но злоба душила его. Лицо его еще больше поблѣднѣло и плечи его нервно вздрагивали.

— Такъ!..—наконецъ проговорилъ онъ.—А посылая жалобу, соображалъ ли ты, что вредишь мнѣ въ самомъ началѣ моей карьеры?

Петръ Александровичъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—сказалъ онъ.—Впрочемъ, это къ дѣлу не относится.

— Отецъ, то, что ты сдѣлалъ... однимъ словомъ... я не ожидалъ этого отъ тебя. Такъ не поступаетъ отецъ съ сыномъ, да такъ не станетъ поступать ни одинъ.....

— Что-о?—возвысивъ голосъ, сказалъ Петръ Александровичъ и схватилъ себя за голову.

— Но я вовсе не обвиняю тебя. И не за тѣмъ я явился къ тебѣ, чтобы безцѣльно...

— А зачѣмъ?

— Чтобы узнать, правда ли это, и принять своевременно мѣры. Конфликтъ этотъ можно уладить, сдѣлавъ взаимныя уступки. Мы пересмотримъ съ тобой проектъ воскресныхъ школъ, кое-что урѣжемъ, измѣнимъ, внесемъ на усмотрѣніе собранія, которое ты созовешь... Постой, дай кончить... кое въ чемъ уступлю и я, возьму свой протестъ обратно... Согласенъ ты съ этимъ исходомъ дѣла?

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Петръ Александровичъ.

— Нѣтъ? Но почему же? Какъ ты видишь, я поступаюсь... Почему же ты не согласишься?

— Потому что никогда въ жизни не прибѣгалъ къ компромиссамъ, потому что всю жизнь относился честно къ своимъ обязанностямъ и убѣжденіямъ, потому что ради шкурныхъ вопросовъ не желаю поступиться ни одной іотой изъ своихъ принциповъ. Потому что никогда не кривилъ душой и не былъ недобросовѣстнымъ человѣкомъ...

— Отецъ!—вскрикнулъ Сергій Петровичъ.

— Тебѣ дорого твое мѣсто, твоя карьера,—продолжалъ невозмутимо Петръ Александровичъ,—ты боишься, что вся эта исторія повредитъ тебѣ въ глазахъ начальства. Мнѣ, въ данномъ случаѣ, нечего бояться, мой милый. Ты видишь, я заразился новымъ ученіемъ и исповѣдую право сильного. Въ данномъ случаѣ я сильнѣе тебя, потому что ничего не боюсь, и пользуюсь своей силой. Но гдѣ же твоя сила? Ты боишься ответственности и отступаешь передъ нею. Я беру ее на себя. То, что ты предлагаешь мнѣ, повторяю тебѣ—безчестно, я готовъ повторить это передъ цѣлымъ свѣтомъ. И удивляюсь, что ты осмѣлился обратиться ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ. Развѣ ты не знаешь меня? Я выше всего цѣнилъ во всю свою жизнь принципы и свою честь. И ты хочешь, чтобы у меня не хватило гражданского мужества, до конца жизни стоять за то и другое? Но тебя я считалъ сильнѣе! Впрочемъ, я знаю, что въ этомъ именно и заключается ваша сила: отказываться отъ убѣжденій, когда того требуютъ личныя обстоятельства жизни, личная выгода—вѣдь это, кажется, называется борьбою за существованіе всѣми средствами, и этимъ вы отличаетесь отъ насъ, стариковъ, боровшихся, хотя и не всѣми, а только избранными средствами, за идеализмъ.

— Ты мнѣ наговорилъ очень много непріятнаго,—возразилъ нетерпѣливо Сергій Петровичъ,—и еслибы ты зналъ, до чего мнѣ надоѣла эта ненужная и безконечная игра затасканными словами, игра, отъ которой никакъ не могутъ отвыкнуть люди прежняго поколѣнія! Да пойми же, наконецъ, отецъ, пора все это кончить и всѣ эти высокія слова сдать въ архивъ, какъ истрепанныя карты, которыми слишкомъ много и долго играли, и на которыхъ не отличить теперь достаточно ясно фигуру. Не слова теперь нужны, а дѣло...

— А мы, значить, не сдѣлали своего дѣла?

— Да кто же говорить, — досадливо отвѣтилъ Сергій Петровичъ,—вы сдѣлали свое дѣло, но, сдѣлавъ его, вы никакъ

не можете забыть его до сихъ поръ, и въ этомъ—вашъ огромный недостатокъ. Вы похожи на винтѣра, которому удалось въ началѣ вечера сдѣлать удачный и умный ходъ, и который потомъ не можетъ досыта налюбоваться собою и наговориться объ этомъ ходѣ. Ну, ходъ сдѣланъ; тотъ, за кого вы сѣли играть, въ выигрышѣ, и даже успѣлъ уже спустить свой выигрышъ,—а вы все еще не можете спокойно отнестись къ своему геройству. Вѣдь это же, наконецъ, скучно и... едва ли честно, потому что вы мѣшаете другимъ игрокамъ соображать и дѣлать, можетъ быть, еще болѣе удачные ходы. Вѣдь жизнь идетъ впередъ! Зачѣмъ же вѣчно топтаться на одномъ мѣстѣ и задерживать ходъ жизни? Зачѣмъ же вѣчно начинать отъ печки? Жизнь—не теорія, и всѣ вы смотрите на воскресныя школы, народное просвѣщеніе и прочее какъ на отвлеченный и „честный“ принципъ, а не какъ на живое дѣло. Тотъ, кто за нихъ—честенъ, либераленъ, „свѣтлая личность“; кто противъ нихъ—безчестенъ, обскурантъ, мракобѣсъ. Вѣдь это дѣтская игра въ этикетки, и пора ее бросить. Я не о себѣ хлопоталъ, когда просилъ тебя пойти на компромиссъ...

— А о комъ же?

— Скорѣе—о тебѣ. Мнѣ нечего бояться, потому что я поступилъ по силѣ моего разумѣнія, и всегда могу дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но я не желаю, чтобы на тебя указывали пальцами и подымали на смѣхъ.

Петръ Александровичъ всталъ и гордо выпрямился.

— Благодарю тебя за эти заботы и не нуждаюсь въ нихъ. У меня есть принципы, которыми я руководился всю жизнь; смѣшны они или нѣтъ—это меня не касается. Да и что не смѣшно въ вашихъ глазахъ? У тебя принциповъ нѣтъ, а есть обстоятельства жизни и службы, къ которымъ ты примѣняешься. Я тебѣ не мѣшаю жить по-своему, но я знаю, что съ такими господами, какъ вы, новые люди, мы плывемъ по глубокой пучинѣ, на кораблѣ, давшемъ течъ и управляемомъ кормчими, у которыхъ нѣтъ компаса. Для такихъ людей нѣтъ ничего святого; для нихъ не существуетъ ничего на свѣтѣ, кромѣ личнаго блага, и всѣ окружающіе имъ люди кажутся имъ... ну, хоть выросшими за ночь грибами, которые можно сплбить концомъ своего сапога и далеко отшвырнуть отъ себя со всѣми ихъ убѣжденіями и принципами, если они мѣшаютъ такому молодцу гулять по лѣсу, попадаясь подъ ноги... Постой! дай мнѣ кончить... ты свалился сюда, какъ снѣгъ на голову. Никто тебя не ждалъ; никто тебя не просилъ. И ты началъ дебоширить. Ты

здѣсь—безъ году недѣля, а что ты натворилъ? Льговскій ушелъ; Лѣванова гонишь; Харитоновъ—исправникъ, выгнанный тобою, умираетъ отъ голоду съ многочисленной семьей; Өирсъ Өирсовичъ дрожитъ за свое существованіе, какъ и другіе чиновники, которые мирно служили долгое время и, хорошо ли, худо ли, дѣлали свое скромное дѣло. Ты ихъ спибишь, какъ грибы. Что же ты далъ взамѣнъ? Господина Дорина, это посмѣшище города, эту темную и непозволительную личность, которая позволяетъ себѣ нагло издѣваться надо всѣми только потому, что былъ близокъ тебѣ въ Петербургѣ по какому-то безмозглому и, можетъ быть, безнравственному кружеу „новаго искусства“, или какъ онъ тамъ назывался у васъ? И всѣ вы нынче таковы: обыкновенные людишки, съ мелкими и пошлыми душонками, прикрывшіеся неидущими вамъ въ лицу тогами какой-то яко-бы новой эпохи. Вы—душевные скопцы, жалкіе неврастеники, которыхъ дергаютъ вправо и влево. Какъ мелкіе мошенники, ждавшіе суда, вы страстно желали адвоката, который бы васъ вызволилъ. И вотъ почему вы такъ бѣшено обрадовались, когда, въ качествѣ этого адвоката, явилась, наконецъ, философія какого-то безумца, оправдывавшая всякія мерзости и низости и поднимавшая руку на ученіе Христа. Вы всѣ поступили подъ ея защиту и прикрываетесь ею. Но да будетъ тебѣ извѣстно, что я презираю васъ и ненавижу всей душой...

— Не довольно ли, отецъ!—сказалъ Сергій Петровичъ, порывисто вставъ.—Эти длинныя рацеи скучны, и я вовсе не для того пришелъ сюда. Не будемъ переливать изъ пустого въ порожнее. Я пришелъ къ тебѣ предложить миръ, а ты мнѣ предлагаешь войну. Будемъ воевать. Оставимъ новыхъ и старыхъ людей въ покоѣ, какъ и новые, и старыя идеалы. Но предупреждаю тебя: я буду безпощаденъ и съумѣю отстоять свою самостоятельность. Берегись!—разъ меня вызвали на борьбу, я не стану разбирать средствъ.

Петръ Александровичъ близко подошелъ къ сыну, и волненіе его было такъ велико, что онъ нѣсколько мгновеній не могъ разжать губъ. Кровь бросилась ему въ голову.

— Ты... ты смѣешь грозить мнѣ? Мнѣ, своему отцу? Вонъ отсюда! Во... во... во...

Изъ устъ его раздались хрипы и какое-то невнятное бормотаніе; онъ схватился правой рукой за затылокъ, а лѣвая повисла, какъ плеть. Его высокое, грузное тѣло рухнуло на полъ, какъ подкошенный стволъ, и лѣвая сторона лица страшно искажалась въ гримасу.

Это былъ параличъ, который давно уже подергивался къ нему, какъ воръ.

Сначала Сергій Петровичъ ничего не понималъ, ничего не сообразилъ. Онъ нагнулся къ отцу и взглянулъ ему прямо въ лицо. Лицо старика было багровое. Лѣвый глазъ неподвижно глядѣлъ на сына, странно выкатившись изъ орбиты. Изъ искривленныхъ устъ старика вырывались все тѣ же членораздѣльные звуки:

— Во-во... во...

Сергій Петровичъ попробовалъ поднять его, но это ему не удалось. Тогда, не теряя присутствія духа, онъ позвалъ Алексѣя, при помощи котораго уложилъ больного на софу.

Тотчасъ же послалъ онъ за докторомъ и отправилъ телеграммы Вѣрѣ и Ольгѣ Яковлевнѣ, Дмитрію Петровичу и Зарѣцкому.

Онъ было-хотѣлъ остаться при отцѣ, но старикъ въ его присутствіи чувствовалъ себя такимъ возбужденнымъ, что докторъ посовѣтовалъ Сергѣю Петровичу, до поры, до времени, удалиться.

Вечеромъ по городу разнеслась вѣсть о происшествіи. Къ дому Варавина съѣзжалось губернское общество, и дворяне расписывались на листѣ или оставляли свои карточки.

Маслова и Шубина носились, какъ ураганъ, по городу, доставляя всѣмъ желающимъ и нежелающимъ бесплатныя свѣдѣнія, конечно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, о томъ, какъ сынъ уморилъ отца. Для любителей пикантнаго были придуманы и разнообразныя детали: сынъ осмѣлился-молъ поднять руку на отца, и это такъ испугало бѣднаго старика, что съ нимъ сдѣлался ударъ...

— Это преступленіе! — негодовали вѣстовщицы: — и за это нужно судить...

Молва катилась по городу, какъ снѣжный комъ, увеличиваясь въ размѣрахъ. Волненіе среди городской публики росло...

Сергій Петровичъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ.

В. Святловъ.

ПОХОРОНЫ

ПОСЛѢ БИТВЫ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОХОДѢ ХАЙЛАРСКАГО ОТРЯДА ВЪ 1900 Г.

...Терскій казакъ, въ мундирѣ охранной стражи, держалъ въ рукахъ псалтирь. Богъ знаетъ, какими способами раздобыли эту книгу въ походѣ, когда у многихъ было всего по одной рубахѣ. Казакъ спокойно и даже величественно читалъ: „Что хвалилися во злобѣ сильне; беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой: яко бритву изощрену сотворилъ еси леств. Возлюбилъ еси злобу паче благодѣяніи, неправду неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца: восторгнетъ тя и преселитъ тя отъ селенія твоего и корень твой отъ земли живыхъ“...

Какая-то торжественность царилъ въ палатѣхъ, гдѣ на носилкахъ лежали тѣла покойниковъ—командира шестой терской охранной стражи, капитана Смольяникова, и двухъ урядниковъ его сотни, убитыхъ въ сраженіи на Большомъ-Хинганѣ, одиннадцатаго августа 1900 года. Одѣтые въ новые мундиры, тщательно причесанные, усопшіе имѣли какой-то особый видъ, столь непривычный посреди суровой военной обстановки хайларскаго отряда. На лицѣ Смольяникова запечатлѣлась строгая серьезность и какъ бы нѣкоторый укоръ за все происшедшее. Казаки набрали полевыхъ цвѣтовъ въ чудной монгольской степи и пышно украсили ими изголовье своихъ боевыхъ, безвременно погибшихъ товарищей; восковыя свѣчи мерцали своимъ желтымъ пламенемъ, блескъ котораго пропадалъ въ ослѣпительномъ свѣтѣ

здѣшняго жгучаго солнца. Въ палаткѣ всѣ говорили шопотомъ; приходящіе клали земные поклоны, глубоко вздыхали, становились въ сторонку и, постоявъ нѣсколько минутъ, уходили.

— А вѣдь Богунъ-то былъ любимымъ урядникомъ командира,—говорилъ одинъ терецъ.

— Да почитай-что возлѣ него и жизнь свою положилъ,—отвѣчаетъ другой.

— И какой Богунъ этотъ былъ ласковый да до всѣхъ услужливый! Мы стояли на Хорусу; жилъ тамъ техникъ Семеновскій съ женой; оба совсѣмъ молоденькіе, хорошіе господа; да и храбрые,—вѣдь при отступленіи-то техникъ съ женой ѣздили одни въ китайскій лагерь, показывали какую-то бумагу, чтобы выручить всѣхъ остальныхъ; всякое могло съ ними случиться. Такъ Богунъ-то этой барынѣ Семеновской, еще тогда; когда о безпорядкахъ и не думали, привезъ орѣховое дерево для сада—такъ, съ корнями, какъ есть; не полѣнился вѣдь, за пятьдесятъ верстъ приволокъ. Ужъ и благодарила же она его!..

Подобнымъ образомъ разговаривали всѣ приходившіе; каждый вспоминалъ какую-нибудь подробность. Невольно вспоминалась вся жизнь героя-офицера, закончившаяся гибелью на полѣ брани въ далекой Манчжуріи.

Григорій Михайловичъ Смольяниниковъ окончилъ курсъ въ духовной семинаріи. Въ это время началась турецкая война 1877 года. Молодой семинаристъ поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся перваго разряда. По окончаніи войны, избравъ окончательно военную дѣятельность, Смольяниниковъ поступилъ въ чугуевское пѣхотное юнкерское училище, откуда, по окончаніи курса, вышелъ въ 55-й пѣхотный подольскій полкъ. Въ чинѣ поручика онъ былъ переведенъ въ 15-й стрѣлковый полкъ. Тамъ онъ зарекомендовалъ себя прекраснымъ служакой, относившимся къ дѣлу не по казенному, но съ любовью. Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1892 года по 1898-й, онъ командовалъ второю ротой. Стрѣлковое дѣло въ этой превосходной одесской бригадѣ было поставлено вообще хорошо, а Смольяниниковъ даже имъ увлекался. Между прочимъ, онъ проектировалъ прицѣльный станокъ собственнаго изобрѣтенія.

Въ началѣ 1898 года, какъ отличный офицеръ, на котораго можно было положиться, Смольяниниковъ былъ переведенъ въ охранную стражу восточно-китайской желѣзной дороги и командированъ въ терскую область, для формированія сотни охранной стражи изъ льготныхъ казаковъ. Въ составъ сотни Григорій Михайловичъ принималъ, между прочими, около двадцати человѣкъ, служившихъ

прежде въ конвоѣ Его Величества, и нѣсколько георгіевскихъ кавалеровъ. Во время пребыванія въ Одессѣ, его сотня обратила общее вниманіе своимъ внутреннимъ порядкомъ, товарищескимъ духомъ и прекраснымъ поведеніемъ на улицахъ города. Такой же порядокъ былъ у него и на службѣ въ Манчжуріи. Отличаясь осторожностью, тактомъ, хорошимъ характеромъ, знаніемъ службы, твердостью воли, неусыпной заботливостью о казачахъ, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ сослуживцевъ, умѣлъ ладить съ китайскими властями и завоевалъ себѣ горячую любовь у подчиненныхъ. Казаки называли его „вождь“, что должно было знаменовать какое-то особое, высокое званіе. Послѣ безпорядковъ 28 іюня, когда китайцы разгромили желѣзную дорогу, онъ спокойно отвелъ охранную стражу и рабочихъ желѣзной дороги въ старый Цурухайтуй. Имѣя подъ командой многочисленную толпу рабочихъ, своевольную и склонную къ паникѣ, а также огромный обозъ, онъ сумѣлъ поддержать въ отрядѣ необходимую дисциплину.

Когда былъ занятъ Хайларъ, то капитану Смольяниникову приказано было съ тремя конными сотнями и одной ротой охранной стражи выдвинуться на сто-двадцать-двѣ версты впередъ, чтобы слѣдить за непріятелемъ и, въ случаѣ надобности, отходить къ станціи Якши, на 3-й верханеудинскій конный полкъ съ казачьей батареей. Капитанъ Смольяниниковъ выполнилъ это порученіе съ блистательнымъ успѣхомъ и съ искусствомъ, отличающимъ въ немъ правильный взглядъ истинно военного чловека.

Въ сраженіи при Якши, 1-го августа, онъ принималъ дѣятельное участіе, командуя лѣвымъ крыломъ хайларскаго отряда. Войска у него было немного, какихъ-нибудь четыре, пять сотенъ, но тѣмъ труднѣе выпала на его долю задача. Онъ вынужденъ былъ просить подкрѣпленій, но не получилъ ихъ, потому что сраженіе разрѣшилось на правомъ флангѣ. За сраженіе при Якши, 1-го августа, онъ былъ представленъ къ награжденію чиномъ подполковника, и 9-го августа писалъ объ этомъ женѣ; но не суждено ему было дождаться производства. Наканунѣ сраженія на Хинганѣ онъ занималъ передовые посты непосредственно противъ непріятельской позиціи и произвелъ ея развѣдку. Во время самаго боя дѣйствовалъ со своей сотней на крайнемъ правомъ флангѣ отряда, а послѣ побѣды неотступно преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля. Стычка съ коннымъ китайскимъ арріергардомъ была для него роковою: одинъ изъ китайцевъ въ-упоръ выстрѣлилъ въ него и раздробилъ лѣвое колено

пулей крупнаго калибра. Большая потеря крови, замедленіе въ перевязкѣ, малокровіе, которымъ страдалъ Смольянниковъ, и слабость сердца повели къ быстрой его кончинѣ — черезъ четыре часа послѣ раненія.

Съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ начальникъ отряда изъ печальной палатки, а кругомъ кипѣла жизнь. Солнце сильно припекало. Хайларскій отрядъ копошился на своемъ бивуакѣ и отдыхалъ послѣ напряженной дѣятельности и тяжелыхъ трудовъ вчерашняго дня. Въ 11-го августа выступили въ два часа утра, дали рѣшительное сраженіе непріятелю, преслѣдовали его сорокъ верстъ и собрались на ночлегъ только къ одиннадцати часамъ вечера; итого—двадцать-одинъ часъ работы, то-есть почти круглыя сутки.

Мѣсто для бивуака было живописное, но пустынное. Одинокая фанза стояла около устья Хоригола, то-есть, тамъ, гдѣ соединяется долина Хоригола съ долиною рѣки Ялѣ. Она служила „уопыномъ“, т.-е. постояннымъ дворомъ для проѣзжающихъ. Въ фанзѣ и около нея помѣщался штабъ отряда; тутъ же были сосредоточены трофеи хинганской побѣды: пушки, знамена, оружіе, сто-двадцать повозокъ обоза съ разнымъ имуществомъ. За фанзой располагалась охранная стража, далѣе—третій верхнеудинскій конный полкъ и казачья батарея, а лѣвѣе—четыре батальона забайкальской казачьей пѣшей бригады. Кругомъ возвышались горы, покрытыя довольно густымъ, кудрявымъ лѣсомъ изъ дуба и граба съ примѣсю березы. Въ крутыхъ обрывахъ обнажались величественные базальты и порфиры, принимавшіе видъ скалъ.

На большомъ разстояніи отъ бивуака пасся табунъ лошадей и гурты рогатаго скота.

— Позовите подполковника Воложанинова!—приказалъ начальникъ отряда адъютанту.

Когда начальникъ штаба явился, генералъ сказалъ ему:

— О похоронахъ я сдѣлаю словесное распоряженіе, а относительно приѣма шестой сотни надобно отдать въ приказѣ. Жаль, жаль, что Шевичъ не произведенъ еще въ штабс-капитаны,—я бы его прямо назначилъ командиромъ шестой сотни, а теперь приходится назначить только командующимъ; напишите-ка въ приказѣ слѣдующій пунктъ:

— За смертью капитана Смольяникова, командующимъ шестой сотней охранной стражи китайско-восточной желѣзной дороги назначается младшій офицеръ этой сотни поручикъ Шевичъ.

— Имущество шестой сотни, деньги и документы передать поручику Шевичу комиссіей изъ капитана Чоглокова, штабсъ-капитана Якимовскаго и поручика Шевича. Той же комиссіи произвести опись собственнаго имущества капитана Смольяникова и о найденномъ донести мнѣ и сообщить наслѣдникамъ. Имущество это, до отправленія наслѣдникамъ, передать на храненіе, по той же описи, въ шестую сотню.

— Вотъ еще у меня есть представленіе о производствѣ въ заурядъ-прапорщики за отличіе въ сраженіи на Хинганѣ. Надо произвести этихъ молодцовъ. Запишите: 2-й забайкальской казачьей батареи вахмистръ Иванъ Вологдинъ, забайкальскихъ казачьихъ баталіоновъ: третьяго—фельдфебель Архипъ Филипповъ, пятаго—старшіе урядники Маркъ Кондратьевъ и Симонъ Рюминъ, второго баталіона Читинскаго пѣхотнаго полка фельдфебеля: Иванъ Аванасьевъ и Иванъ Чукавинъ.

— Поручикъ Шевичъ, скажите мнѣ: у Смольяникова было семейство?

— Такъ точно! жена и, кажется, четверо дѣтей.

— А вотъ я слышалъ, что семействамъ убитыхъ или раненыхъ изъ служащихъ при постройкѣ китаѣйской-восточной желѣзной дороги полагается какое-то довольно крупное пособіе.

— Какъ же, полагается восьмидесяти-мѣсячное содержаніе. Только прямо это сказано относительно строителей, напримѣръ путейцевъ, а относительно офицеровъ охранной стражи упомянуто довольно глухо.

— Ничего, ради такого героя—дадутъ! Я буду хлопотать. Семенъ Ивановичъ, составьте телеграмму наказному атаману, съ ходатайствомъ о пенсіи вдовѣ Смольяникова, помѣщеніи ея дѣтей на казенный счетъ и о ходатайствѣ о выдачѣ вдовѣ восьмидесяти-мѣсячнаго пособія, которое полагается въ подобныхъ случаяхъ служащимъ на восточно-китаѣйской желѣзной дорогѣ. Прибавьте, что своимъ успѣхомъ на Хинганѣ отрядъ во многомъ обязанъ Смольяникову, павшему въ бою смертью героя. Мнѣ кажется, что вдовѣ должны дать пенсію по чину подполковника, а не по чину капитана, потому что онъ былъ представленъ къ производству за Яеши, и, слѣдовательно, если бы былъ произведенъ, то старшинство считалось бы со дня отличія, то-есть перваго августа, иначе сказать—уже съ перваго августа онъ былъ подполковникомъ.

— А гдѣ прикажете выкопать могилу?—спросилъ поручикъ Шевичъ.

— Я полагалъ бы, вотъ на этомъ холмикѣ. Онъ возлѣ до-

роги,—значить, могила будетъ замѣтна; онъ впереди фанзы и близко отъ ручья,—значить, будетъ виденъ всѣмъ проѣзжающимъ, которые, навѣрно, здѣсь будутъ останавливаться. Правда, холмикъ невысокъ,—вонъ, тамъ, дальше, есть холмикъ повыше, но этотъ, ближайшій, мнѣ кажется, лучше.

— Такъ мы выроемъ на ближайшемъ.

— Теперь, относительно пѣвчихъ. У васъ, у терцевъ, хоръ прекрасный, но не хотите ли добавить еще офицеровъ отряда? Напримѣръ, въ верхнеудинскомъ полку есть офицеры, которые поютъ превосходно.

— Разрѣшите не беспокоить офицеровъ и ограничиться одними терцами.

— Хорошо, хорошо! Какъ хотите. Я васъ понимаю! Для залповъ распорядитесь составить взводъ съ китайскими ружьями. Соберите ихъ по всему отряду, скажите, что я приказалъ. Во всѣхъ частяхъ отряда есть китайскія ружья на вооруженіи обозныхъ, да и такъ вообще много. Китайскіе залпы будутъ почетнѣе, да и наши трехлинейные патроны не израсходуются. Смотрите только, при залпахъ, какъ бы кого не задѣть; тамъ вонъ наши стада ходятъ. Лучше всего, валийте на югъ, на эту гору, гдѣ сегодня бродила вооруженная шайка китайцевъ. Будетъ совсѣмъ безопасно для нашихъ, а, можетъ быть, зацѣпитъ кого-нибудь изъ той китайской шайки; недурно, если задасть имъ немного страху. А вотъ идетъ къ намъ и батарейный командиръ.

Дѣйствительно, подходилъ войсковой старшина Фолимоновъ.

— Чтò скажете?—спросилъ генералъ.

— Въ какой формѣ прикажете вывести батарею на панихиду?

— Ахъ, право, это все равно! Мы—на войнѣ, а не на плацъ-парадѣ; какъ кому удобнѣе, такъ пусть и выходятъ.

— Въ такомъ случаѣ, я выведу батарею въ мундирахъ. Покойный Григорій Михайловичъ—мой землякъ: онъ тоже донской уроженецъ. Я хочу почтить его память.

— Это очень похвально, и я ничего не имѣю противъ того; я не хотѣлъ только никого затруднять. Приготовьте-ка вы китайскія пушки для залповъ; осмотрите орудія—нѣтъ ли тамъ прорыва газовъ или вообще какихъ-нибудь неисправностей, чтобы не случилось несчастія. Заряды въ китайскихъ передѣлахъ есть, но, можетъ быть, чтобы холостые выстрѣлы были погромче, поэффектнѣе, вы заряды передѣлаете, устройте ихъ побольше; найдутся же у васъ лаборатористы, да и дѣло не хитрое. Помните, прежде мы, бывало, въ батареяхъ и картузы шили, и заряды набивали; те-

перь вся лабораторная часть въ батареяхъ гораздо проще — все получаете въ готовомъ видѣ.

Покончивъ распоряженія относительно похоронъ, начальникъ отряда направился въ фанзу и приказалъ туда пригласить изъ батареи доктора Клоппера. Молодой врачъ, небольшого роста, очень живой и энергичный, вскорѣ пришелъ въ штабъ.

— Я васъ попрошу, докторъ, слѣдующее: осмотрите тщательно всѣхъ раненныхъ и подготовьте ихъ къ перевозкѣ завтрашній день въ шесть часовъ утра на станцію Бухату; оставаться здѣсь — невозможно. Помѣщеній никакихъ нѣтъ; вы видите — всего одна фанза; отрядъ завтрашній день уйдетъ отсюда впередъ; поэтому вамъ выгоднѣе увести раненныхъ назадъ, на Бухату, гдѣ, въ уцѣлѣвшихъ желѣзнодорожныхъ зданіяхъ, вы можете размѣстить ихъ съ достаточными удобствами. Распорядитесь взять, сколько нужно, продовольствія, медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ отъ всѣхъ частей, отъ которыхъ есть раненные. Приспособьте хорошенько для перевозки бычачьи повозки изъ-подъ китайскаго отбитаго обоза, захватите фельдшера. Съ вами должны двинуться на Бухату всѣ трофеи, т.-е. пушки, знамена и прочее. Вы, какъ старшій, будете комендантомъ въ Бухату, въ прикрытіе съ вами пойдетъ взводъ пѣхоты и заурядъ-прапорщикъ. Какъ только прибудете въ Бухату и устроите раненныхъ, такъ сейчасъ же освободившіяся повозки нагружайте мукой, которая въ небольшомъ количествѣ имѣется тамъ въ складахъ, и направляйте вслѣдъ отряду, чтобы скорѣе догонялъ насъ. Подводы намъ очень нужны. Этому транспорту дадите небольшое прикрытіе, а весь остальной взводъ оставите гарнизономъ въ Бухату. Я приказалъ девятому подвижному госпиталю передвинуться изъ Хайлара на Хинганъ; когда вы узнаете, что госпиталь прибылъ на Хинганъ, тогда потребуйте, чтобы онъ постепенно перевезъ туда вашихъ раненныхъ, а равно и трофеи. Перевозочныя средства въ госпиталѣ есть, и отъ нихъ можно потребовать работы. Когда раненныхъ сдадите, то сами догоняйте отрядъ, а комендантомъ въ Бухату оставите заурядъ-прапорщика. Все ли понятно? Не имѣете ли чего спросить?

Въ это время въ фанзу вошелъ адъютантъ.

— Ваше превосходительство, разрѣшите принять какія-нибудь мѣры. Терцы безобразничаютъ: пришли на штабную кухню и у нашего повара Комарницкаго отняли самое лучшее бревно, а дровъ такъ мало. Комарницкій просто въ отчаяніи.

— Да чего же ради терцы выкинули такую штуку?

— Не могу знать.

— То-есть, какъ это „не могу знать“? вы терцевъ видѣли, спрашивали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Комарницкій говорить...

— Мало ли что Комарницкій говорить. Вы сходите, да сами и узнайте, а потомъ придите мнѣ доложить, въ чемъ дѣло.

Докторъ, между тѣмъ, стоялъ въ ожиданіи.

— Скажите, докторъ, вы моего вѣстового Кулатова сегодня видѣли?

— И сегодня утромъ видѣлъ, и сейчасъ опять видѣлъ.

— А онъ мнѣ говорилъ, что утромъ онъ у васъ не былъ. Ну, да это все равно! Какъ вы его нашли?

— Да онъ совсѣмъ здоровъ. Онъ просто притворялся.

— Да полноте! Какое! Я сейчасъ его видѣлъ, лежитъ подъ телѣгой въ страшномъ жару.

— Не можетъ этого быть! Онъ сейчасъ отъ меня ушелъ безъ малѣйшаго признака какой-либо болѣзни.

— Да, вѣрно, вы про кого-нибудь другого говорите.

— Такой высокій, черный, съ большими усами?

— Какое тамъ! Небольшой, безъ усовъ и масти неопредѣленной.

— Такъ я, значить, ошибся, я ошибся! Извините, я смѣшалъ...

— Ничего, ничего, не безпокойтесь! Идите, тутъ въ обозѣ штаба найдете его и помогите. Кажется, у него гастрическая лихорадка.

Адъютантъ вернулся и доложилъ, что, дѣйствительно, терцы взяли бревно, но не для костра, а чтобы вытесать изъ него крестъ на могилу Смольяникова; другого болѣе подходящаго бревна не нашлось—все мелочь.

— Вотъ видите! Какъ же не стыдно было Комарницкому поднимать цѣлую исторію? Слѣдовало бы его проучить хорошенько. Ну, да ужъ Богъ съ нимъ!

Въ пять часовъ по полудни, когда могила для убитыхъ на Хинганѣ была готова, на холмѣ выстроился весь хайларскій отрядъ въ развернутомъ строѣ. Свѣже вырытая могила была передъ правымъ флангомъ. Дно просторной ямы выложили досками, которыя образовали общій ящикъ для трехъ покойниковъ. Около могилы стояли въ рядъ двадцать-три знамени, отбитыя у китайцевъ. Полотна знаменъ, квадратныя и трехугольныя, черныя и красныя, колебались отъ вѣтра и представляли очень

эффектное зрѣлище. Огромное бѣлое полковое знамя особенно выделялось своей красотой. Далѣе видѣлась батарея изъ пяти китайскихъ пушекъ и возлѣ нихъ русскіе артиллеристы—забайкальскіе казаки. Начальникъ отряда со штабомъ стоялъ впереди строя, ближе къ могилѣ. Разводъ уральскихъ казаковъ, весьма многочисленный, съ китайскими ружьями расположился въ нѣкоторомъ разстояніи правѣе могилы, для производства похоронныхъ залповъ. Издали отъ бивуака слышалось похоронное пѣніе и показалась процессія изъ сотни терскихъ казаковъ пѣшкомъ, роты охранной стражи, затѣмъ трое лазаретныхъ носилокъ съ покойниками и въ концѣ—лошадь Смольяникова, подъ черной попоной и сверху накрытая еще чернымъ китайскимъ знаменемъ. Когда процессія приблизилась, отрядъ отдалъ честь останкамъ погибшихъ героевъ. Носилки поставили передъ открытой могилой.

Началось пѣніе панихиды. Прокопали маленькія ямки въ дернѣ—въ головахъ у покойниковъ; вставили туда цѣлые пучки восковыхъ свѣчъ, скрученныхъ между собою такъ, что общее пламя охватывало сразу всѣ свѣтили: подобную составную свѣчу не могъ загасить вѣтеръ. Странно было видѣть отпѣваніе безъ священника, безъ кадила, безъ запаха ладана. Воины погребались при самой суровой военной обстановкѣ; зато пѣніе казаковъ было превосходное,—они пропѣли полную панихиду.

Странно было видѣть недалеко отъ могилы горячо молившуюся даму. Какимъ образомъ эта единственная женщина очутилась въ казачьей средѣ, въ глубинѣ Манчжуріи, во время войны, тотчасъ послѣ окончанія кровопролитнаго сраженія? Это была Таисія Ивановна Сырченко. Рядомъ съ нею стоялъ ея мужъ, плотный мужчина лѣтъ пятидесяти—десятильнѣе на строящейся восточно-китайской желѣзной дорогѣ. Сорокъ дней они находились въ плѣну у китайцевъ и во время боя на Хинганѣ подвергались страшной опасности, какъ отъ русскихъ выстрѣловъ, такъ и отъ китайцевъ. Наконецъ, русскіе одержали побѣду и освободили несчастныхъ плѣнниковъ. Они очень хорошо понимали, что своей свободой обязаны этимъ героямъ, которыхъ теперь приходится хоронить.

Пропѣли „вѣчную память“. Наступило время простаться.

— Освобожденные плѣнные,—сказалъ генераль,—идите впередъ; вамъ надлежитъ первымъ проститься съ тѣми, кому вы обязаны своимъ спасеніемъ.

Сырченко съ своей женой приблизились къ носилкамъ и долго и усердно молились, прежде чѣмъ попрощаться съ по-

койниками. Потомъ прощались всѣ офицеры, а за ними потянулся длинный рядъ казаковъ и солдатъ охранной стражи, которые прощались со своимъ „вождемъ“. Прощаніе кончилось. Терскіе казаки взяли за носилки и начали опускать дорогія тѣла въ могилу. Свѣчи догорѣли до земли и опаляли стебли окружающей травы. Раздались одинъ за другимъ три ружейныхъ залпа, осыпавшіе градомъ пуль крутой и высокій берегъ рѣки Ялѣ. Грянулъ залпъ изъ китайскихъ пушекъ, отдававшихъ честь русскимъ героямъ. Эхо многократно отдалось въ сосѣднихъ горахъ. Не успѣло оно замолкнуть, какъ раздался новый залпъ и еще новый; долина рѣки Яла наполнилась громовыми звуками...

Тѣла покрыли сверху досками. Начальникъ отряда взялъ одну изъ желѣзныхъ лопатъ, отбитыхъ въ китайскомъ обозѣ, и бросилъ въ могилу три большія груды земли, которая застучала по доскамъ. Потомъ за лопаты взяли офицеры и терскіе казаки. Въ короткое время могила была насыпана, и высокій крестъ прочно былъ утвержденъ около небольшого холмика. Крестъ далеко виднѣется по дорогѣ и будетъ напоминать военный подвигъ хайларскихъ героевъ въ Манчжуріи до тѣхъ поръ, пока строители желѣзной дороги не замѣнятъ простой деревянный крестъ болѣе дорогимъ памятникомъ.

Н. А. Орловъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

Сентябрь 1754 — ноябрь 1796 — мартъ 1801 г.

— Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ Первый“. Историко-біографическій очеркъ, съ портретами, видами, планами и автографами. Спб. 901.

Историческая наука должна, собственно, отрицать случайныя явленія, и потому одна изъ ея главныхъ задачъ — установка преемственности событій и причинной связи между ними. Такимъ образомъ, и самая подробная біографія историческаго лица не можетъ еще считаться достаточной, если мы не находимъ естественнаго объясненія характера данной личности, т.-е. тѣхъ вліяній, которыя ее создали. Наконецъ, и самые поступки лица должны послѣдовательно вытекать изъ опредѣленныхъ духовныхъ его свойствъ, въ свою очередь извѣстнымъ образомъ реагирующихъ на событія. Съ этой точки зрѣнія личность императора Павла представляетъ немалыя затрудненія для историка въ виду цѣлаго ряда всевозможныхъ противорѣчій, характеризующихъ нравственный обликъ этого монарха. Въ короткій сравнительно періодъ времени, съ 1796 по 1801 годъ, императоръ Павелъ обнаружилъ такія загадочныя свойства характера, такое противорѣчіе въ поступкахъ, что исторія могла пока усмотрѣть въ этихъ свойствахъ одинъ намѣкъ на сильно нарушенное душевное въ немъ равновѣсіе.

Этой несомнѣнно правдивой и исторически-вѣрной точки зрѣнія держится и авторъ вышепоименованнаго обширнаго труда, только-что вышедшаго подъ скромнымъ названіемъ „историко-біо-

графическаго очерка". Въ блестящемъ рядѣ картинъ нашъ исторіографъ Александровской эпохи постепенно раскрываетъ передъ читателемъ рядъ событій, роковымъ образомъ отражавшихся на духовномъ обликѣ монарха, жизнь котораго, по трагическимъ, гамлетовскимъ чертамъ, едва ли имѣетъ себѣ равную въ исторіи. „Въ этой жизни,—говоритъ авторъ,—есть чѣмъ вдохновиться будущему русскому Шекспиру. Художественная кисть его нарисуетъ намъ эти потрясающія картины нашего прошлаго и раскроетъ передъ зрителями внутренній смыслъ событій; тогда станетъ понятнымъ таинственное звено, связующее между собою самыя, повидимому, разнородныя явленія, логически вытекающія одно изъ другого. Но до этого еще далеко... Пока приходится довольствоваться однимъ туманнымъ очеркомъ этого далекаго прошлаго, въ которомъ лишь мимолетно проглядываетъ едва уловимый проблескъ солнца“.

Прослѣдимъ же, вслѣдъ за авторомъ, постепенное развитіе умственной и духовной личности этого государя, столь долго и страстно добивавшагося самостоятельности и власти.

Императрица Елизавета Петровна съ нетерпѣніемъ ожидала потомства отъ наслѣдника престола, вел. кн. Петра Ѳеодоровича, бракъ котораго съ ангальтъ-цербстской принцессой, будущей великой монархиней, въ теченіе девяти лѣтъ оставался безплоднымъ. Наконецъ, 20-го сентября 1754 года, давно ожидаемое радостное событіе совершилось: у великой княгини Екатерины Алексѣевны родился сынъ—Павелъ. Обстоятельство это, помимо семейной радости, представляло собою политическое событіе чрезвычайной важности: рожденіемъ великаго князя Павла Петровича обезпечивался дальнѣйшій порядокъ наслѣдованія русскаго престола и гарантировалась нѣкоторымъ образомъ безопасность отъ будущихъ дворцовыхъ переворотовъ, тѣмъ болѣе, что малолѣтній Иванъ Антоновичъ былъ еще живъ, и если самъ не могъ предъявить своихъ законныхъ правъ, то за него могли это сдѣлать другіе. „Елизавета Петровна,—говоритъ по этому поводу В. А. Бильбасовъ,—могла теперь спать спокойнѣе: образъ дитяти-императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденнаго великаго князя“. Н. К. Шильдеръ, со свойственнымъ ему лаконизмомъ, мѣтко опредѣляетъ историческое значеніе этого факта: „По существу,—говоритъ онъ,—событіе 20-го сентября подверглось впоследствии въ русской исторіографіи различнымъ толкованіямъ; мы же удовольствуемся здѣсь замѣтить: явился сынъ *Минервы*—и предадимъ забвенію печальную память о его отцѣ“.

Великая княгиня Екатерина почти не видала своего сына: едва прочтены были духовникомъ установленныя молитвы, какъ императрица взяла къ себѣ новорожденнаго Павла, ревниво оберегая съ этой минуты свои попеченія о немъ отъ всякаго вмѣшательства или даже участія со стороны матери. Такъ, въ теченіе перваго года, мать видѣла своего сына только три раза; то же произошло и со слѣдующимъ ребенкомъ, великой княжной Анной Петровной († 7-го марта, 1759 г.), которую, послѣ рожденія, также удалили отъ матери. Несомнѣнно, что неудовлетворенность материнскихъ чувствъ не осталась безъ вліянія на великую княгиню. Отчужденіе отъ дѣтей побудило пытливый умъ Екатерины все болѣе критически относиться къ окружавшей ее обстановкѣ.

Воспитаніе младенца Павла Петровича отличалось чрезмѣрной, но часто неразумной заботливостью его державной бабки, императрицы Елизаветы. „Его помѣстили, — говорить Екатерина, — въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, въ фланелевыхъ пеленкахъ, въ колыбели, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; покрывали его стеганнымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго постилали другое одѣяло изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Впослѣдствіи я сама много разъ видала его такимъ образомъ уложеннаго: потъ выступалъ у него на лицѣ и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ нѣсколько подросъ, матѣйшее дуновеніе воздуха причиняло ему простуду и дѣлало его больнымъ“...

Хотя колыбель будущаго наслѣдника русскаго престола была окружена цѣлой фалангой мамушекъ и нянюшекъ, но въ концѣ-концовъ уходъ за ребенкомъ былъ весьма слабый. Такъ, напр.: „однажды малютка-Павелъ выпалъ изъ колыбели, и никто этого даже не замѣтилъ; только утромъ увидѣли, что великій князь лежитъ на полу и крѣпко почиваетъ“. Боясь гнѣва императрицы, челядь сѣмѣла внушить младенцу такой страхъ при посѣщеніяхъ Елизаветы Петровны, что Павелъ всегда приходилъ въ испугъ и трясся всѣмъ тѣломъ, такъ что императрица стала гораздо рѣже навѣщать своего внука. Послѣдствія такого воспитанія, естественно, не замедлили сказаться: ребенокъ сдѣлался нервнымъ, раздражительнымъ и подвергался постояннымъ заболѣваніямъ, изъ которыхъ особое значеніе авторъ придаетъ частому разстройству пищеварительныхъ органовъ. „Эти явленія, — говорить онъ, — какъ уже дознано наукою, приводятъ къ разстройству воображенія и къ неестественной напряженности, что и оправдалось въ достаточной мѣрѣ послѣдующей жизнью великаго князя“. А между тѣмъ лейбъ-медикъ, Павелъ Захаровичъ Кондоиди, въ-

роятно не желая тревожить императрицы, неизмѣнно сообщалъ ей, что „благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича всесдражайшее здравіе, Господу споспѣшествующему, за молитвами Вашего Императорскаго Величества, продолжается саможелательно и во всемъ благополучно“.

Такимъ образомъ, до четырехъ лѣтъ, Павла окружала цѣлая толпа мамокъ и нянекъ и приживалокъ мужского пола въ лицѣ „бѣдныхъ дворянъ“, жившихъ на половинѣ цесаревича. Изъ нихъ двое, Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ и Савелій Даниловичъ Титовъ, допускались къ столу и обѣдали вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Въ 1758 году, къ наслѣднику былъ назначенъ императрицей первый воспитатель Ѳедоръ Дм. Бехтѣевъ, хотя и не педагогъ по призванію, но во всякомъ случаѣ человѣкъ свѣтскій и образованный, о чемъ свидѣлствуетъ уже его прежняя служебная дѣятельность въ качествѣ бывшаго повѣреннаго въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ. Бехтѣевъ съ перваго же дня посадилъ своего воспитанника за обученіе грамотѣ, съумѣлъ его пріохотить къ труду и, благодаря остроумной уловкѣ, вызвавшей самолюбіе ребенка, достигъ благопріятныхъ результатовъ. Съ великимъ княземъ посадили за столъ Ивана Ивановича, Савелія Даниловича и мамушку Анну Даниловну, которые всѣ притворились, будто не умѣютъ грамотѣ, благодаря чему первые шаги обученія обошлись безъ слезъ, и учитель вскорѣ съумѣлъ пріохотить юнаго Павла къ грамотѣ, что было и не трудно при хорошихъ способностяхъ ученика.

Въ 1760 году, къ цесаревичу былъ назначенъ новый воспитатель, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, знаменитый въ послѣдующее царствованіе Никита Ивановичъ Панинъ. Мамки, няньки и приживальщики постепенно удалены отъ великаго князя, и въ дѣло воспитанія введена нѣкоторая нравственная дисциплина, весьма необходимая для ребенка, характеръ котораго уже успѣлъ подвергнуться влиянію со стороны умственно-неразвитыхъ нянекъ. Панинъ крайне серьезно отнесся къ возложенной на него нелегкой и отвѣтственной роли воспитателя будущаго императора, и вскорѣ представилъ императрицѣ Елизаветѣ записку о планѣ воспитанія великаго князя, которая и была одобрена. Назначеніе Панина было послѣднимъ распоряженіемъ императрицы Елизаветы Петровны въ дѣлѣ воспитанія Павла Петровича.

Въ то же время, близкимъ къ цесаревичу лицомъ сталъ Семенъ Андреевичъ Порошинъ, человѣкъ благороднѣйшихъ нравовъ, преисполненный искренней любви къ своему царственному

ученику и оказавшій на него самое благотворное вліяніе. Воспитанникъ шляхетнаго кадетскаго корпуса, гдѣ онъ блестяще окончилъ курсъ, молодой Порошинъ былъ назначенъ воспитателемъ въ великому князю и преподавалъ ему математику. Его знаменитыя „Записки“, изложенныя въ формѣ дневника и представляющія до настоящаго времени драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики личности Павла Петровича, къ сожалѣнію обрываются на 1765 годѣ, когда, несмотря на любовь великаго князя къ Порошину, этотъ достойный человѣкъ, благодаря интригамъ „невѣжества и зависти“, вынужденъ былъ удалиться отъ двора. Онъ умеръ въ 1769 году, на походѣ въ Турцію, на 29-мъ году своей жизни.

Цитируя Порошина, авторъ, между прочимъ, приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенной остротѣ ума пестилѣтнаго Павла. „Когда 20-го сентабря 1760 года великому князю откланивался Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, отправлявшійся въ армію, Павелъ Петровичъ сказалъ: *„Петръ Семеновичъ Салтыковъ похалъ миръ сдѣлать и миру не сдѣлалъ, а этотъ теперь, конечно, ни миру, ни войны не сдѣлаетъ“*. Въ другой разъ, на вопросъ, сдѣланный великому князю нѣкоторыми изъ придворныхъ о двухъ лицахъ (въ ихъ присутствіи), который изъ двухъ ему болѣе нравится, Павелъ Петровичъ отвѣчалъ, что онъ обоими очень доволенъ, и несмотря на всѣ старанія, нескромные вопрошатели другого отвѣта не добились. Когда же они удалились, великій князь замѣтилъ: *„Что это имъ сдѣлалось, что при нихъ спрашиваютъ меня, чтобы я сказалъ настоящее свое о нихъ мнѣніе? Либо вопросители глупы, либо меня они за дурака почитаютъ“*.

Смерть императрицы Елизаветы Петровны и краткое царствованіе Петра III внесли мало новаго въ жизнь Павла Петровича. Родители, по прежнему, стояли отъ него далеко: имп. Екатерина была всецѣло поглощена событіями, подготовившими переворотъ 1762 года, а Петръ III, повидимому, совершенно забылъ о существованіи сына и наслѣдника престола, имя котораго даже не было упомянуто въ текстѣ присяги. Ораніенбаумскіе вахтъ-парады, всякія эзерциціи и смотры любимыхъ голыштинскихъ войскъ, повидимому, не давали императору времени для свиданій съ наслѣдникомъ престола. По свидѣтельству вн. Дашковой, Петръ III выказывалъ полное равнодушіе къ сыну, и Панину стоило большого труда, чтобы при содѣйствіи принцевъ

голыштинскихъ добиться присутствія императора при одномъ экзаменѣ, сдѣланномъ цесаревичу.

Тѣмъ не менѣе, переворотъ 1762 года оставилъ неизгладимый слѣдъ въ дѣтскомъ воображеніи Павла, и въ душѣ его въ это время впервые зародилось то чувство неудовольствія противъ матери, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе назрѣвало и несомнѣнно поддерживалось благодаря постороннимъ влияніямъ. Теперь на очереди стояла новая трагедія, которая длилась 34 года и дѣйствующими лицами которой являлись: мать и сынъ.

Съ необычайнымъ искусствомъ ведетъ авторъ дальнѣйшій психологическій анализъ личности будущаго императора Павла. Не имѣя возможности прослѣдить болѣе подробно всѣ мельчайшіе факты, которые способствовали развитію роковыхъ чертъ цесаревича, мы остановимся лишь на выдающихся моментахъ этой трагедіи, поражающей читателя своимъ высокимъ драматизмомъ.

Быть можетъ, со стороны императрицы Екатерины было непоследовательно—оставлять сына подъ дальнѣйшимъ руководствомъ Панина, который, насколько извѣстно, держался того взгляда, что Павелъ Петровичъ, и никто другой, долженъ быть объявленъ императоромъ послѣ смерти Петра III, а Екатерина—лишь правительницей до его совершеннолѣтія. Взглядъ этотъ, несомнѣнно, былъ переданъ учителемъ своему ученику и, благодаря впечатлительности цесаревича, внесъ въ его умъ представленіе о поправленіи его законныхъ правъ. Обстоятельство это естественно способствовало отчужденію и неискренности въ отношеніяхъ сына и матери, и всѣ попытки императрицы сблизиться съ Павломъ не привели къ желанному результату. „Между ними,—говоритъ авторъ,—создалась глубокая пропасть, надъ которою цесаревичъ много лѣтъ предавался пагубнымъ размышленіямъ. Къ чему привели эти размышленія—отвѣтомъ послужило впоследствии четырехлѣтнее правленіе Павла Перваго“.

Оставаясь по вѣншности почтительнымъ сыномъ, цесаревичъ относился ко всѣмъ государственнымъ порядкамъ Екатерининской эпохи со скрытымъ осужденіемъ. Несомнѣнно, что, по мѣрѣ приближенія къ совершеннолѣтію, въ немъ стала зарождаться и та идея, что онъ, цесаревичъ, при иныхъ обстоятельствахъ, могъ бы уже вступить въ управленіе государственными дѣлами. Можно предположить, что не одинъ Панинъ, а, вѣроятно, цѣлый рядъ личностей, почему-либо недовольныхъ современными порядками, приходили къ цесаревичу и выражали передъ нимъ вслухъ свое неудовольствіе и осуждали мѣропріятія императрицы и ея спо-

движниковъ. Все это вмѣстѣ взятое, а также давно сдерживаемое личное желаніе великаго князя чѣмъ-нибудь проявить свою дѣятельность, свою инициативу, получили особое напряженіе и постепенно усиливали уже присущую его натурѣ нервность.

Екатерина, съ своей стороны, хорошо понимала, что въ жизнь Павла Петровича необходимо внести нѣчто новое, что отвлекло бы его отъ мрачныхъ думъ и озлобленія. Этимъ новымъ, конечно, лучше всего могла явиться молодая жена и забота о семьѣ. Изъ трехъ дочерей ландграфини гессенъ-дармштатской, пріѣхавшей въ Петербургъ въ 1773 году, цесаревичъ избралъ себѣ въ супруги принцессу Вильгельмину, нареченную при замужествѣ великою княгиней Наталіей Алексѣвной.

Разсчеты на благотѣльное вліяніе брака оказались, однако, несостоятельными. Живой, полный энергіи характеръ великой княгини тяготился пассивною ролью совершеннолѣтняго Павла Петровича. Императрица Екатерина, вначалѣ благоволившая къ своей невѣсткѣ, почувствовала въ ней лицо недоброжелательное и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ убѣдилась, что цесаревичъ подпалъ подъ вліяніе супруги. Начала образовываться партія наслѣдника престола, характеръ котораго не только не измѣнился къ лучшему, но дѣлался день ото дня раздражительнѣе и мрачнѣе. Появленіе въ 1774 году Потемкина, вызваннаго Екатериною изъ дунайской арміи, особенно дурно повліяло на состояніе духа Павла Петровича, который видѣлъ въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и человѣка, пользовавшагося довѣріемъ у императрицы, чего онъ тщетно добивался для себя. Плодомъ этого стремленія повліять на государственныя дѣла явилась записка, поданная цесаревичемъ императрицѣ въ 1774 году, подъ заглавіемъ: *„Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, необходимаго для защиты онаго и касательно обороны всѣхъ предѣловъ“*. Въ запискѣ этой, послѣ ряда разсужденій „о необходимости для имперіи российской покая“, авторъ старается доказать, что Россія должна отказаться отъ наступательныхъ войнъ, и предлагаетъ введеніе повсемѣстнаго строгаго военнаго режима, направленнаго исключительно для обороны государства. „Съ этою цѣлью, — говоритъ Н. К. Шильдеръ, — авторъ записки предлагалъ покрыть Россію чѣмъ-то въ родѣ военныхъ поселеній, являясь такимъ образомъ предтечею Аракчеевскаго способа облагодѣтельствванія Россіи“. Идеи цесаревича, въ которыхъ императрица сразу усмотрѣла вліяніе братьевъ Паниныхъ, не сочувствовавшихъ ея политикѣ, звучали, такимъ образомъ, явнымъ диссо-

нансомъ съ самой сущностью поддерживаемаго ею государственнаго строя. Трудно предвидѣть, какой дальнѣйшій оборотъ приняло бы все возрастающее недовольство между большимъ дворомъ и партіей цесаревича, еслибы внезапная смерть Наталіи Алексѣвны, вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, не дала напряженному положенію естественную развязку. Бумаги великой княгини были прочитаны императрицей и выяснили цѣлый рядъ новыхъ обстоятельствъ, сильно огорчившихъ цесаревича, но, быть можетъ, давшихъ ему возможность забыть о своей горькой уtratѣ. Въ то же время состоявшій при цесаревичѣ графъ А. К. Разумовскій былъ немедленно удаленъ изъ Петербурга.

Неожиданная кончина великой княгини Наталіи Алексѣвны разстроивала всѣ надежды имп. Екатерины на продолженіе династіи; дѣло приходилось начинать сызнова, „*помышлять о наградахъ потери*“, какъ выразилась государыня въ письмѣ къ кн. М. Н. Волконскому. Затѣялось новое сватовство, но на этотъ разъ самъ Павелъ Петровичъ долженъ былъ отправиться въ Пруссію и просить руки принцессы Софіи-Доротей Виртембергской, впоследствии великой княгини и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Принцесса въ это время была уже помолвлена за наслѣднаго принца гессенъ-дармштадтскаго (брата покойной великой княгини Наталіи Алексѣвны), но Фридрихъ II, крайне заинтересованный въ этомъ бракѣ, устранилъ это препятствіе. Женихъ возвратилъ данное ему слово, за что получилъ отъ императрицы пенсію въ 10.000 рублей. Въ письмѣ своемъ къ Гримму, отъ 29-го іюня 1776 года, Екатерина пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Je vous dirai que votre grand et sot flandrin est allé paître les oies avec 10.000 roubles de pension, mais à condition que je ne le voie, ni n'entende jamais plus parler de lui, etc.“.

Поѣздка цесаревича имѣла два весьма важныхъ послѣдствія: Павелъ Петровичъ вернулся въ Россію женихомъ и восторженнымъ поклонникомъ Фридриха Великаго и всей прусской государственной системы. Последнее, повидимому, не входило въ расчеты императрицы. Этотъ второй бракъ цесаревича можно назвать вполнѣ счастливымъ. Его новая супруга отличалась красотою и мягкимъ, жеманственнымъ характеромъ. Безпокойный духъ Павла значительно смирился подъ вліяніемъ тихаго семейнаго счастья и нѣжной привязанности великой княгини, съумѣвшей съ первыхъ же дней очаровать и императрицу. Впрочемъ, по-

слѣдняя, съ теченіемъ времени, внесла въ это счастье нѣкоторый разладъ: воспитаніе великихъ князей и особенно Александра Павловича было изъято изъ вѣдѣнія ихъ родителей.

Знаменитая поѣздка по Европѣ молодой великокняжеской четы, путешествовавшей подъ именами графа и графини Сѣверныхъ, отвлекла въ значительной степени вниманіе цесаревича отъ воспитанія своихъ дѣтей и отъ русскихъ государственныхъ дѣлъ, получившихъ тогда новое направленіе во внѣшней политикѣ; путешествіе это дало, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность великому князю подробнѣе ознакомиться съ заграничными порядками, изъ которыхъ опять-таки прусской системѣ было отдано исключительное предпочтеніе. По возвращеніи путешественниковъ на родину, Павелъ Петровичъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ готовъ отнестись съ осужденіемъ къ политикѣ и къ порядку внутренняго управленія великой монархини. Въ это время, однако, созидательная энергія и стремленіе къ дѣятельности Павла Петровича нашли себѣ неожиданное примѣненіе. Цесаревичу пожаловано было императрицей имѣніе Гатчино, устройствомъ котораго онъ и занялся съ обычной ему стремительностью. Здѣсь, хотя и въ миниатюрномъ масштабѣ, великій князь могъ осуществить свой прусскій идеаль, и успѣшилъ создать себѣ маленькое гатчинское государство съ строго-военнымъ режимомъ. Императрица отнеслась снисходительно къ гатчинскому вѣждительству, считая это занятіе безвредной забавой и не предвидя, конечно, что наступитъ время, когда „гатчинскіе порядки“ будутъ водворяться во всей имперіи и гатчинскія войска, съ императоромъ во главѣ, торжественно вступятъ въ столицу и станутъ ближе къ престолу, чѣмъ славная Екатерининская гвардія. А такой именно моментъ наступилъ въ 1796 году, съ кончиной Великой Екатерины и съ воцареніемъ 42-хъ-лѣтняго наслѣдника престола, увлеченнаго вахтъ-парадами и маневрами гатчинской милиціи.

Какъ бы возмездіе за 1762-й годъ—по мнѣнію автора—являлось основнымъ мотивомъ новаго царствованія. Отнынѣ наступилъ четырехлѣтній періодъ коренного уничтоженія всего, созданнаго 34-хъ-лѣтнимъ правленіемъ величайшей не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ монархини, стяжавшей себѣ славу „Сѣверной Семирамиды“. И такое уничтоженіе производилось съ великою поспѣшностью, какъ будто императоръ, долго ожидавшій самодержавной власти, торопился осуществить скорѣе всѣ планы, отагощавшіе дотолѣ его мысли безплодными мечтаніями. Все „Екатерининское“ подверглось немедленному преслѣдованію,—все гатчинское высоко

подняло голову. Началась опала людей прошлаго царствованія, и цѣлый рогъ изобилія всевозможныхъ наградъ и почестей обильной струею полился на новыхъ любимцевъ. Одинъ изъ современниковъ, бывшихъ во дворцѣ *на другой день послѣ смерти императрицы*, даетъ яркую картину происшедшей перемѣны: „Я вошелъ въ залу, — говоритъ онъ, — и столь же пораженъ былъ удивленіемъ, сколь удрученъ печалію. Перемѣна сія была столь велика, что не иначе показалась мнѣ какъ непріятельскимъ нашествіемъ... Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли. Вездѣ во дворцѣ и вокругъ онаго явились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы стояли поникнувъ головою, непримѣтны въ толпѣ, а люди, о коихъ день тому назадъ никто не помышлялъ, бѣгали, повелѣвали, учреждали... Въ единый часъ все такъ измѣнилось, что, казалось, настала иная вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе“... Самый внѣшній видъ столицы почти мгновенно преобразился. „Почти невѣроятна перемѣна, — говоритъ другой очевидецъ, — совершившаяся по прошествіи нѣсколькихъ дней во внѣшности города. Благодаря полицейскимъ мѣропріятіямъ, приводившимся въ исполненіе съ крайней суровостью, метаморфоза совершилась весьма быстро. Петербургъ пересталъ быть похожимъ на современный городъ и принялъ скучный видъ нѣмецкаго города за два или за три столѣтія тому назадъ“.

И это послѣ того, какъ Петербургъ считался въ то время одною изъ самыхъ блестящихъ столицъ Европы.

Въ трудѣ Н. К. Шильдера собственно царствованію Павла Петровича отведена лишь третья часть книги — пять послѣднихъ главъ, въ которыхъ авторъ мастерски нарисовалъ яркую картину четырехлѣтняго царствованія, столь богатаго драматическими эпизодами. Читая эти главы, невольно погружаешься въ потокъ странныхъ противорѣчій, случайностей, полныхъ глубокаго трагизма, положеній трогательныхъ и неожиданностей, леденящихъ сердце отъ ужаса. Увлекаемый самъ интересами прошлаго, читатель вмѣстѣ съ авторомъ переживаетъ тревоги того времени и чувствуетъ себя подчасъ какъ бы стоящимъ на кратерѣ громаднаго вулкана, готоваго ко взрыву...

Послѣ кончины Екатерины II, императоръ немедленно выказалъ свое отношеніе ко всему прошлому и, такъ сказать, намѣтилъ планъ предстоящаго царствованія. Съ первыхъ же моментовъ по вступленіи на престолъ, онъ старался показать всѣмъ,

что теперь наступила новая эпоха, идущая въ полный разрѣзъ съ Екатерининскимъ временемъ и его порядками. Несомнѣнно, что этимъ обстоятельствомъ можно только объяснить неожиданное перенесеніе изъ прежней могилы праха Петра III и похороны скончавшейся императрицы вмѣстѣ съ тѣломъ ея супруга, умершаго 34 года тому назадъ. Ближайшія (изъ оставшихся въ живыхъ) къ Петру III лица, какъ, напримѣръ, престарѣлый Унгернъ, пытались выразить императору свое недоумѣніе по этому поводу, давая понять, что уваженіе къ памяти отца могло бы выразиться въ другой формѣ и въ другое время. Современница этой эпохи, графиня Головина писала по этому поводу въ своихъ мемуарахъ: „Cette insulte même que la tombe ne peut éloigner, se sacrilège d'un fils envers sa mère, déchirait le coeur“.

Въ то же время, первые дни царствованія ознаменованы были забвеніемъ прошлаго и милостями—обстоятельство, въ которомъ сразу сказала пылкая и склонная къ великодушнымъ порывамъ натура Павла I. Безбородко и Зубовъ были обласканы; Новиковъ и опальные масоны освобождены изъ заточенія; Радищевъ возвращенъ изъ ссылки, и даже плѣннымъ полякамъ и предводителю ихъ, Косцюшкѣ, дарована свобода. Къ послѣднему императоръ отнесся особенно милостиво и довелъ свое великодушіе до того, что, въ сопровожденіи великихъ князей Александра и Константина, поѣхалъ въ Мраморный дворецъ, гдѣ помѣщался плѣнникъ, и лично объявилъ ему свободу въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. На просьбу польскаго патріота, разрѣшить ему удалиться въ Сѣверную Америку, государь не только разрѣшилъ ему это, но даже подарилъ значительную сумму денегъ, дорожную карету, богатую соболью шубу, — словомъ, поступилъ съ бывшимъ врагомъ какъ истинный рыцарь. Но наряду съ такими проявленіями гуманности и великодушія, по всей Россіи скакали фельдъегерскія тройки, отвозя въ ссылку, въ лучшемъ случаѣ, въ собственные помѣстья, видныхъ дѣятелей прошлаго царствованія. Княгиня Е. Р. Дашкова лишена всѣхъ званій и почетныхъ наградъ и, несмотря на свой преклонный возрастъ, выслана изъ Москвы въ свое новгородское помѣстье. Суворова, позволившаго себѣ выказывать несочувствіе къ вахтъ-парадамъ и новому прусскому строю, спасла отъ болѣе тяжелой ссылки, конечно, только его минувшая слава, что, впрочемъ, не помѣшало увольненію фельдмаршала въ отставку, въ весьма рѣзкой формѣ. Жертвами этой неумолимой парадоманіи сдѣлались и великіе князья, одинаково съ другими подвергавшіеся строжайшимъ взысканіямъ. Невѣжественные гатчинскіе офицеры,

въ качествѣ представителей „образцоваго“ войска, оскорбляли старую гвардію, и дворянство, послѣ „указа о вольности“, почувствовало на себѣ тяжелую руку. Началось проведеніе, впрочемъ, довольно смутной идеи объ уравниніи сословій. Крестьяне въ первый разъ были приведены къ присягѣ, и естественно подумали, что въ ихъ положеніи наступить коренная перемѣна. Среди крестьянъ распространилась молва, — говоритъ авторъ, — что присяга для того происходитъ, „чтобы впредь не быть за помѣщиками“. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого убѣжденія явились многочисленные крестьянскіе бунты, которые пришлось усмирять силою. Таковы были крестьянскія волненія въ тульской, калужской и особенно орловской губерніи, гдѣ, въ селѣ Брасовѣ, крестьяне ген.-лейтенанта Апраксина дѣйствовали съ такимъ упорствомъ, что, по выраженію фельдмаршала князя Репнина, „силою пришлось начать ихъ покореніе“.

Существуетъ мнѣніе, будто императоръ Павелъ имѣлъ въ виду освободить крестьянъ отъ помѣщичьей власти и выработать проектъ особаго крестьянскаго положенія. Опроверженіемъ тому можетъ служить обнародованный и торжественно прочитанный во всѣхъ церквахъ имперіи манифестъ 29-го января 1797 года о должномъ послушаніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ; въ этомъ актѣ на губернское начальство возлагалась обязанность подвергать ослушниковъ законному наказанію, священники же, „наипаче приходскіе“, должны были „предостерегать прихожанъ своихъ противу ложныхъ и вредныхъ разглашеній и утверждать въ повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ, такъ въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ Божиимъ“...

Коронованіе императора Павла торжественно совершилось въ Москвѣ 5-го апрѣля 1797 г., въ Свѣтлое Воскресенье. Въ этотъ день обнародованы три новыхъ законоположенія: 1) учрежденіе объ Императорской фамиліи; 2) установленіе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ, и 3) манифестъ о работахъ помѣщичьихъ крестьянъ. Щедрою рукою розданы были императоромъ чины, ордена и крестьяне — въ общемъ числѣ болѣе 62.000 душъ. Эта щедрая раздача казенныхъ крестьянъ объяснялась, повидимому, тѣмъ, что Павелъ былъ того мнѣнія, будто крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ лицъ, назначаемыхъ для завѣдыванія государ-

ственными имуществами. Незадолго до воцаренія, Павелъ Петровичъ—согласно отзывамъ современниковъ—высказалъ слѣдующее: „По моему мнѣнію, лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе. Помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ: у нихъ—своя отеческая полиція“...

По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ и празднествъ, 8-го мая 1897 г., государь оставилъ Москву и вмѣстѣ съ великими князьями, Александромъ и Константиномъ, предпринялъ обратное путешествіе черезъ Смоленскъ, Оршу, Могилевъ, Минскъ, Вильно, Гродно, Ковно, Митаву, Ригу и Нарву. Впечатлѣніе, произведенное на императора этими городами, находилось въ зависимости отъ болѣе или менѣе удачныхъ смотровъ и вахтпарадовъ мѣстныхъ воинскихъ частей. Въ общемъ все сошло довольно благополучно, если не считать увольненія шефа таврическаго гренадерскаго полка, стараго, полуглухого генерала Якоби, который представилъ государю роту, приготовленную по старому. Аракчеевъ, бывшій тутъ же, оставленъ въ Ковнѣ, и въ теченіе шести недѣль занимался посвященіемъ „неучей“ во всѣ тайны новаго прусскаго устава.

1798-й годъ былъ ознаменованъ цѣлымъ рядомъ событій, имѣвшихъ чрезвычайно важныя послѣдствія какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики Россіи, и роковымъ образомъ ускорившихъ то „движеніе по наклонной плоскости“, которое неизбежно привело къ мартовскимъ событіямъ 1801 года. Предположенное въ маѣ 1798 года новое путешествіе императора по Россіи дало возможность Кутайсову или, вѣрнѣе, руководившимъ имъ Ростопчину и кн. Безбородкѣ, нанести рѣшительный ударъ партіи императрицы и Нелидовой, оказывавшимъ столь благотѣльное вліяніе на строптивый характеръ Павла. 5-го мая, государь выѣхалъ изъ Павловска и черезъ Новгородъ и Тверь направился на Москву; императрица же, недавно разрѣшившаяся отъ бремени послѣднимъ ребенкомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, по предписанію врачей, должна была остаться въ Павловскѣ. Этимъ временемъ и воспользовался Кутайсовъ, чтобы привести въ исполненіе интригу, задуманную еще въ 1797 году и направленную противъ императрицы и Нелидовой, съ цѣлью окружить императора новыми людьми. Восторженные встрѣчи, оказанныя государю въ Москвѣ, были выставлены Кутайсовымъ, какъ доказательство того, что здѣсь „всѣ видятъ его таковымъ, каковъ онъ въ дѣйствительности—добрымъ, великодушнымъ, чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ вся-

кая оказанная имъ милость приписывается императрицѣ, Нелидовой или Куракинымъ, всякій же актъ справедливаго гнѣва — личному характеру государя“. Излишне говорить, какое влияние подобныя слова производили на вспыльчивую натуру Павла. Въ то же время на придворномъ горизонтѣ появилась новая звѣзда въ лицѣ А. П. Лопухиной, отецъ которой, сенаторъ московскаго департамента, былъ вскорѣ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ генералъ-прокуроромъ съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Находившійся въ опалѣ бар. Паленъ, благодаря постояннымъ похвальнымъ отзывамъ Кутайсова и его партіи, назначенъ на чрезвычайно важный постъ петербургскаго военнаго губернатора, на мѣсто гр. Буксгевдена, уволеннаго въ отставку. Наконецъ, Аракчеевъ и Ростопчинъ снова приняты въ свиту его императорскаго величества.

Во внѣшней политикѣ событія шли съ не менѣе удивительной быстротою, поражая иностранныхъ дипломатовъ своею неожиданностью и приводя подчасъ въ совершенное недоумѣніе. Въ декабрѣ 1796 г., заключенъ оборонительный и наступательный союзъ съ Оттоманскою Портою, и черноморскій флотъ, въ немалому удивленію чесменскихъ героевъ, вступилъ въ Босфоръ и торжественно прошелъ подъ стѣнами серала, въ качествѣ новаго союзника падишаха. Къ европейской коалиціи, образовавшейся противъ Франціи, примкнула и Турція, чтобы, совмѣстно съ нами, покарать державу, въ которой, по выраженію Высочайшаго манифеста, „развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка попрали Законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ“. Въ февралѣ 1799 года, мирно пребывавшій въ селѣ Кончанскомъ Суворовъ вызванъ „спасать царей“. По этому случаю императоръ писалъ фельдмаршалу: „Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куды и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ, посему и при теперешнихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю, не отъ своего только лица, но и отъ лица другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну“.

Управлявшій иностранными дѣлами канцлеръ Безбородко скончался 6-го апрѣля 1799 года. Послѣ его смерти, временно вѣдалъ племянникъ его, вице-канцлеръ гр. Кочубей, но вскорѣ былъ уволенъ, и вице-канцлеромъ назначенъ вызванный изъ Бер-

лина посолъ нашъ Н. П. Панинъ, игравшій впоследствии выдающуюся роль въ партіи гр. Палена. Первоприсутствующимъ въ иностранной коллегіи былъ, однако, всеявильный въ это время Ростопчинъ, черезъ руки котораго, согласно заведенному порядку, шла вся переписка между нашими иностранными представителями и государемъ. При подобныхъ порядкахъ Панинъ вполне справедливо уклонялся отъ дѣлъ, называя себя лишь номинальнымъ вице-канцлеромъ („prétendu vice-chancelier“), хотя—по мнѣнію автора—кто бы ни сталъ тогда во главѣ внѣшнихъ сношеній Россіи, результатъ былъ бы одинаково плачевный. Дѣло въ томъ, что, вопреки всякимъ разумнымъ политическимъ комбинаціямъ, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о злополучной Мальтѣ, ради которой императоръ былъ готовъ на самый рѣзкій дипломатическій шагъ. Въ письмѣ къ Н. П. Панину графъ С. Р. Воронцовъ пишетъ по этому поводу изъ Лондона: „Je vois que tout se fait chez nous avec une précipitation et une véhémence incroyables. Cela fait frémir, et je ne vois aucun frein à tout cela“.

Послѣ занятія Англіей Мальты, на всѣ англійскіе суда и товары, въ русскихъ портахъ, немедленно наложено эмбарго, и, подъ вліяніемъ негодованія противъ этой державы, государь поручилъ Ростопчину представить ему записку о политическомъ состояніи Европы. Сущность этой „записки“ заключалась въ предложеніи тѣснаго союза съ мятежной, но уже значительно успокоенной Франціей и связаннаго съ этимъ союзомъ раздѣла Турціи, которую авторъ „записки“ называлъ „безнадежнымъ болнымъ“. Между тѣмъ, событія, послѣдовавшія послѣ заключенія люневильскаго мира, подали Бонапарту мысль искать сближенія съ Россіей, что вполне совпало съ враждебнымъ противъ Англіи настроеніемъ императора Павла. Новый диктаторъ Франціи ловкимъ дипломатическимъ маневромъ неожиданно приобрѣлъ расположеніе русскаго государя, отославъ ему, при любезномъ письмѣ, русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи. Плѣнные эти, въ числѣ 5.000 человекъ, захваченные французами въ послѣднюю кампанію, должны были пойти въ обмѣнъ на плѣнныхъ французовъ, взятыхъ Суворовымъ и находившихся въ Австріи. Австрійское правительство, однако, не согласилось на этотъ обмѣнъ, и тогда первый консулъ рѣшилъ отослать ихъ русскому императору, безъ всякихъ условій: офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ возвращено было оружіе, причемъ въ письмѣ своемъ Бонапартъ заявилъ, что дѣлаетъ это „единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы счумѣли оцѣнить по достоинству“.

ству на полѣ битвы“. Императоръ Павелъ былъ въ восторгѣ отъ поступка перваго консула: въ Парижѣ былъ немедленно командированъ генералъ Шпрентпортенъ, чтобы выразить Бонапарту официально благодарность императора, приступить къ переговорамъ и выработать совместно условія мирнаго договора между Россіей и Франціей. Въ Петербургѣ шли новыя вѣянія: при дворѣ только и говорили о великодушномъ поступкѣ перваго консула и о блестящихъ военныхъ способностяхъ „героя пирамидъ“. Между Бонапартомъ и русскимъ императоромъ возникла дѣятельная переписка и оживленный обмѣнъ мыслей по вопросу объ умиротвореніи Европы и о будущей роли въ ея судьбахъ Франціи и Россіи,—двухъ государствъ, которыя, по выраженію французскаго дипломата, „se trouvent aux deux extrémités du globe et sont faits pour gouverner l'Europe“...

Между Петербургомъ и Парижемъ завязываются ближайшія сношенія. Затѣвается не лишенный политическаго значенія, но въ тѣ времена на практикѣ трудно осуществимый планъ похода на Индію, „дабы атаковать англичанъ тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствителенъ и гдѣ меньше ожидаютъ“. Атаманъ войска Донскаго, генералъ-отъ-кавалеріи Орловъ 1-й, получаетъ рядъ Высочайшихъ рескриптовъ съ требованіемъ приготовиться къ походу со своими донцами. Императоръ, лично разработавшій всю эту сложную комбинацію, писалъ Орлову 12-го января 1801 года: „Отъ насъ ходу до Индіи, отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда—мѣсяць, а всего—мѣсяца четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онимъ и вступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ, или всѣми пойдите, и съ артиллерією, прямо, черезъ Бухарію и Хиву, на рѣку Индусъ и на заведеніи англійскія, по ней лежащія. Войска, того края ихъ, таковаго же рода, какъ ваше, итакъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги. Все богатство Индіи будетъ вамъ за сію экспедицію наградою. Соберите войско къ заднимъ станицамъ, и тогда увѣдомте меня; ожидайте повелѣнія итти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другого—итти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ всѣхъ васъ славою, заслужить, по мѣрѣ заслуги, мое особое благоволеніе, пріобрѣтеть богатство и торговлю и поразить непріятеля въ его сердцѣ. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благослови. Есмь вашъ благосклонный — Павелъ“. Въ другомъ рескриптѣ даются указанія „итти отъ Инда

на Гангесъ“, мимоходомъ „утвердить Бухарию“, „чтобъ китайцамъ не досталась“, освободить въ Хивѣ русскихъ плѣнниковъ и т. п. Въ февралѣ 1801 года, съ 22.000 казаковъ при двѣнадцати единорогахъ и столькихъ же пушкахъ, Орловъ, „со всевозможною поспѣшностью“ выступилъ въ походъ...

Войны Павловской эпохи, несмотря на все замѣчательное геройство русскихъ войскъ, вслѣдствіе своей полной безрезультатности, по справедливости, могутъ быть названы лишь дорого стоявшими военными прогулками; переговоры съ первымъ консуломъ и предполагаемый союзъ съ французской республикой противъ Англіи привели къ единственному результату—къ высылкѣ изъ Митавы злополучнаго Людовика XVIII и лишенію его денежной пенсіи; ожидавшееся пресловутое соединеніе церквей, подъ эгидой іезуита Грубера, ограничилось лишь небывалою милостью православнаго монарха къ іезуитскому генералу, собственно мечтавшему о подчиненіи русской церкви римскому первосвященнику... Во внутренней политикѣ еще долго чувствовалось нравственное наслѣдіе этой эпохи, представлявшей, по словамъ автора, какъ бы эпилогъ длиннаго ряда событій, начало которыхъ надо искать еще въ роковой ночи 25-го ноября 1741 года, и которыя снова вызываютъ къ жизни новыя трагическія положенія...

Настало новое царствованіе, продолжавшееся двадцать-пять лѣтъ. Общанное Александромъ I, въ манифестѣ 1801 г., управленіе „въ духѣ Екатерины“, однако, не сбылось вполне. Преемственность гатчинскихъ преданій невольно еще долго давала себя чувствовать: содѣянное принесло свои плоды, и, несмотря на сѣмена, посѣянные Лагарпомъ, явился Аракчеевъ. „Конечно,—говорить въ заключеніе авторъ,—одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Екатерина никогда не занялась бы „спасаніемъ Европы“ и водвореніемъ военныхъ поселеній“!..

К. В.

ТРИ ДОРОГИ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXVII *).

Возвратившись изъ Немировки, Вѣра нашла въ Вознесенскомъ гостѣ, который въ первый разъ явился туда.

— Вотъ, Вѣра, позволь тебѣ представить, — сказала Ольга Андреевна, — нашего родственника, Доната Павловича Драевского, сына твоего дяди Павла Михайловича.

И Вѣра теперь только замѣтила молодого человѣка, который подошелъ къ ней и какъ-то совершенно простосердечно поклонился и протянулъ ей руку, какъ старшій знакомый.

Вѣра взглянула на него.

На головѣ его была цѣлая шапка густыхъ, вьющихся свѣтлорусыхъ волосъ. Ему нивакъ нельзя было дать болѣе шестнадцати лѣтъ отъ роду, а на самомъ дѣлѣ шелъ уже двадцать-третій годъ.

Въ немъ ничто не бросалось въ глаза. Онъ смотрѣлъ такъ просто, по-дѣтски, ясными большими голубыми, изрѣдка мигающими глазами. И одѣтъ онъ былъ просто, въ какое-то сѣроватое коротенькое пальто; и держалъ онъ себя вообще самымъ обыкновеннымъ, простымъ образомъ.

Въ жизни попадаются не часто такіе люди, въ которыхъ нѣтъ ничего отличительнаго, замѣтнаго, ничего притягивающаго

*) См. выше: май, 188 стр.

или оттапливающего; и только поживъ съ ними нѣкоторое время, можно замѣтить, что это не совсѣмъ простой человѣкъ, это—человѣкъ совершенно уравновѣшенный.

Въ словахъ, въ говорѣ молодого Драевского также не было ничего особеннаго. Но, слушая его, каждый человѣкъ невольно думалъ: „Гдѣ я видѣлъ этого человѣка? Онъ не красивъ, но необыкновенно симпатиченъ“.

Прямо смотря въ его глаза, смотреть совершенно открыто, какъ будто они глядятъ къ вамъ въ сердце.

— Вы, вѣроятно, мало слышали обо мнѣ въ вашемъ дѣтствѣ,—сказалъ онъ,—а если что и слышали, то навѣрно позабыли.

— Да,—призналась Вѣра,—я чуть-чуть помню ваше имя.

— Знаете ли, — сказала Ольга Андреевна, обращаясь къ Драевскому: — мы давно не слышали даже о вашемъ существованіи...

Донатъ былъ сирота. Матери онъ лишился, когда минуло ему три года. Отецъ его былъ деспотъ въ семьѣ; пьяный и буйный, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ ускорилъ смерть жены, слабогрудой и чахоточной. Донатъ, еще въ дѣтствѣ, убѣжалъ въ имѣніе къ троюродной теткѣ и тамъ выросъ.

Какъ онъ росъ, гдѣ воспитывался, чему учился—никто объ этомъ не зналъ обстоятельно. Вѣроятно, своимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ той же теткѣ, которая была очень образованна, религіозна и передала свою глубокую, но совершенно своеобразную вѣру и племяннику.

Донатъ, по природѣ, былъ молчаливъ, сдержанъ, но легко и свободно вступалъ въ разговоръ со всякимъ даже мало знакомымъ человѣкомъ, и теперь, въ Вознесенскомъ, всѣ невольно любовались имъ.

За ужиномъ, съ разныхъ сторонъ обращались къ Донату съ разспросами, и онъ всѣмъ отвѣчалъ сдержанно и толково.

— Вы что же? — допрашивалъ его Толкуновъ: — долго у насъ погостите?

— Я, право, не знаю... Туда, въ мою деревушку, меня ничто не тянетъ. Я отдалъ землю крестьянамъ, и теперь совершенно свободенъ.

— Какъ?... вы отдали въ аренду или исполу?

— Нѣтъ... Я совсѣмъ отдалъ, въ ихъ полное владѣніе.

Толкуновъ, который въ это время доѣдалъ кусокъ жирной индѣйки, остановился и изумленными глазами посмотрѣлъ на него, а Донатъ продолжалъ:

— Я, знаете ли, — говорилъ онъ, — вообще противъ крѣпостного права. Я нахожу несправедливымъ эксплуатировать чужой трудъ.

— Это и мое мнѣніе, — поспѣшилъ признаться Толкуновъ. — Но что же вы себя оставили?

— Ничего... Я, знаете ли, твердо вѣрю, что со временемъ, можетъ быть, въ слишкомъ еще отдаленномъ отъ насъ будущемъ, — и всѣ согласятся со мною.

Толкуновъ невольно оглянулся по сторонамъ; а самый разговоръ на эту тему тутъ же прекратился.

XXVIII.

Донатъ скоро сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Въ деревнѣ онъ сдружился съ крестьянскими дѣтьми, и они постоянно окружали его цѣлой стайей. Онъ пришелся не по душѣ только школьному учителю, угрюмому педагогу, притиснутому и озлобленному съ самаго дѣтства тяжелой, нелюдимою жизнью.

Но въ то же время Донатъ началъ обращать на себя вниманіе какими-то странностями и увѣреніями. Такъ, онъ сталъ разъ увѣрять Ольгу Андреевну, что онъ можетъ читать въ душѣ другихъ и угадывать ихъ мысли.

Ольга Андреевна остановилась и посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Вотъ вы и теперь думаете, — сказалъ онъ, — правду ли я говорю, или нѣтъ? Не сомнѣвайтесь и не смущайтесь; у меня уже теперь есть способности, которыя у другихъ будутъ впоследствии. Впоследствии всѣ люди, а не одни только избранные, будутъ читать мысли другихъ. Это вѣрно, вѣрно!.. не сомнѣвайтесь!

И онъ нѣсколько разъ утвердительно вивнулъ головой сверху внизъ.

— Все тайное сдѣлается явнымъ, — продолжалъ онъ, — все откроется. Останется только одна великая міровая тайна, — та никогда не разоблачится. Но люди поймутъ, что они могутъ говорить не одними словами. Они и теперь, впрочемъ, умѣютъ говорить глазами, но только еще не совсѣмъ ясно...

„Это какой-то мистицизмъ, — подумала Ольга Андреевна: — что такое онъ проповѣдуетъ?“ — и вечеромъ, когда всѣ собрались около чайнаго стола, она сообщила всѣмъ свою бесѣду съ Донатомъ; его не было при этомъ разговорѣ.

— Мнѣ кажется, что онъ только фантазируетъ, — сказала Вѣра.

— Онъ просто юродивый, полупомѣшанный, — сказалъ Толкуновъ. — Ихъ надо свести съ Немировскимъ. Пусть онъ послушаетъ и осмотритъ его. Я увѣренъ, что онъ найдетъ въ немъ что-нибудь ненормальное. И посмотрите, онъ скоро совсѣмъ сойдетъ съ ума.

— Это было бы очень жаль, — сказала Люба: — онъ такой добрый, сердечный; онъ вчера цѣлый день ухаживалъ въ нашей больницѣ за однимъ больнымъ, — и больному стало лучше...

— Ну, — сказала Ольга Андреевна, — это могло быть и не оттого, что онъ за нимъ ухаживалъ.

XXIX.

Прошло два-три дня, и Вѣра снова отправилась въ Немировку.

Она застала Немировскаго въ сильномъ волненіи.

— Я не могу, — сказалъ онъ Вѣрѣ съ раздраженіемъ: — я ничего не могу сдѣлать съ этими олухами. Они все дѣлаютъ кое-какъ и портятъ всѣ мои опыты.

— Скажите, пожалуйста, мнѣ, въ чемъ дѣло; я, можетъ быть, поправлю, что они напортили.

Но оказалось, что ничего не было напорчено. Немировский ждалъ Вѣру еще наканунѣ, какъ то она обѣщала, и былъ ею недоволенъ, но не хотѣлъ сдѣлать ей замѣчанія за ея неисправность.

Онъ чувствовалъ при этомъ, что въ это послѣднее время Вѣра, какъ будто, выросла, поднялась и стала выше его.

„Удивительная чепуха!“ — думалъ онъ. Но эта чепуха тѣмъ не менѣе связывала, затрудняла его. Онъ чувствовалъ, въ немъ что-то измѣнилось... Что именно, онъ не зналъ, и досадовалъ и злился на самого себя.

— Знаете ли что, — сказалъ онъ вдругъ Вѣрѣ: — мнѣ хочется бросить все это и нѣсколько освѣжиться, отдохнуть, уѣхать за границу, набраться новыхъ, свѣжихъ силъ... Однимъ словомъ, побывать въ Европѣ.

— А какъ же ваша больница? — спросила она его.

— Больница будетъ дѣйствовать и безъ меня. Я уже все это обдумалъ.

Она пристально смотрѣла на него, какъ бы ожидая, что скажетъ онъ дальше.

А у него, въ это время, вдругъ явилась новая мысль.

„А что, если эту дѣвочку взять съ собой? Показать ей европейскіе клиники и музеи? Только не пустять ее туда. Ну, въ нѣкоторыхъ-то можно“...

— Я мою больницу,—сказалъ онъ вслухъ,—поручу одному изъ моихъ школьныхъ товарищей. Да въ ней теперь почти нечего дѣлать,—осталось два, три больныхъ, легкой, неинтересной формы... А вы, желаете?—закончилъ онъ неожиданно и посмотрѣлъ на нее вопросительно; а она недоумѣвала, о чемъ онъ ее спрашиваетъ.

— Мы вмѣстѣ осмотримъ вѣнскую клинику, лондонскій Sargent's Museum, парижскій госпиталь, maison de Charité. Все это будетъ вамъ полезно... А?

Первое движеніе Вѣры было испугъ, неожиданность, а затѣмъ радость, огромная, свѣтлая радость, которая, казалось ей, проникла до сокровенной глубины ея сердца; она освѣтила всю душу.

— Я согласна,—прошептала она такъ тихо, что онъ болѣе по движенію ея губъ угадалъ отвѣтъ ея.

Немировскій до сихъ поръ упорно скрывалъ отъ себя свою страсть, но она давала себя знать и чувствовать постоянно. Судьба какъ-то всегда удаляла его отъ женщины. Ни въ пору отрочества, ни въ пору юности, онъ не зналъ приливовъ страсти. Проведя большую часть молодости въ нѣмецкихъ университетахъ, онъ усвоилъ взглядъ на женщину—нѣмецкихъ студентовъ. Онъ оставался цѣломудреннымъ среди нескромныхъ шалостей своихъ товарищей-студентовъ, и думалъ: если можно удержаться отъ какой-нибудь лакомой пищи, то отчего же нельзя и тутъ побороть хотѣнія!..

„Вотъ здѣсь я совсѣмъ опустился,—думалъ онъ,—обабился. Надо подтянуть себя: поѣду за границу, развлекусь, и всю тяготу какъ рукой сниметъ“. И онъ началъ собираться въ заграничную поѣздку; но что на первомъ мѣстѣ въ этой поѣздкѣ стояла его будущая спутница Вѣра, въ этомъ онъ не могъ признаться себѣ. Однимъ словомъ, онъ обманывалъ себя такъ же наивно, какъ вообще обманываютъ себя люди, желающіе скрыть отъ своихъ чувствъ—истину.

Вѣра не ѣхала, а лѣгкла обратно въ Вознесенское. Она безпрестанно погоняла Архица и удивлялась, какъ онъ тихо ѣдетъ.

„Ну, что же,—думала она,—нельзя добровольно, такъ возъ-

мамѣ иначе. Если мама не захочетъ отпустить меня, то мнѣ останется только одно—уѣхать противъ ея воли“...

XXX.

— Мама, я ѣду!..

Это были первыя слова Вѣры, когда она вошла въ столовую, гдѣ собрались всѣ вокругъ чайнаго стола.

— Ты меня теперь не уговаривай!—продолжала она:—меня теперь ничѣмъ не уговоришь. Я ѣду!

— Куда это, моя родная?

— Туда, за границу. Ёду изучать медицину. Ёду вмѣстѣ съ Немировскимъ.

Всѣ были ошеломлены этимъ извѣстіемъ.

— Вѣра? За границу? Съ Немировскимъ!—вскричала Люба и всплеснула руками.

— Я зналъ, что этимъ кончится,—сказалъ Толкуновъ.

Ольга Андреевна перекрестилась и заплакала.

Вѣра бросилась передъ ней на колѣни и также заплакала.

— Мама!.. Милая!—вскричала она, цѣлуя у нея руки.—Самъ Богъ помогаетъ мнѣ. Я ничего не просила, ничего не желала. Онъ самъ, Немировский, предложилъ мнѣ... ѣхать... вмѣстѣ съ нимъ...

— Дорогая моя,—возразила Ольга Андреевна,—но что же скажутъ люди? Онъ холостой, и вы вдвоемъ... Развѣ это возможно!?

— Мама! Тутъ дѣло,—а дѣло стоитъ выше всякихъ приличій...

— Это дѣло Божье, — подхватилъ Донатъ.—Божья воля должна быть исполнена прежде всего...

Кончилось тѣмъ, что всѣ, не исключая и Толкунова, порѣшили, что Вѣра должна ѣхать за границу, но съ условіемъ, что ее будетъ сопровождать Ольга Андреевна; но Ольга Андреевна не рѣшалась бросить всю семью и уѣхать съ Вѣрой.

Насталъ день отъѣзда. Все было заранѣе уложено и приготовлено. День этотъ назначилъ самъ Немировский.

Всѣ давно уже знали, что барышня ѣдетъ лечиться за границу, что везетъ ее Ольга Андреевна, и что будетъ она долго лечиться, потому что иначе нельзя: очень силенъ, говорили въ народѣ, заговоръ, что положили на нее разбойники.

Рѣшено было, что до перваго губернскаго города отъѣз-

жающіе дойдутъ въ экипажѣ Немировскаго, а тамъ будетъ купленъ покойный, казанскій, тарантасъ, въ которомъ уже пойдутъ до границы.

Пришла чуть не вся деревня провожать Вѣру. Собрались старые старики и младенцы, стояли молча и глазѣли на сборы. Вся дворня принимала участіе въ этихъ сборахъ. Садовники стояли впереди въ чистыхъ клѣтчатыхъ фартукахъ. Многія бабы плакали.

— А ты не плачь, дурная! — останавливала одна баба другую. — Не хорошо оплакивать-то; еще какая ни на есть проруха или бѣда приспѣетъ.

Люба вышла съ маленькимъ на рукахъ. Толвуновъ стоялъ съ ней рядомъ.

Ольгу Андреевну поразило то обстоятельство, что всѣ—вся усадьба вышла провожать отъѣзжающихъ.

— Они, матушка, — говорила Арина Степановна, — слышали, что барышня ѣдетъ далеко, въ заморскую сторону. Ну и пришли проститься.

— Да, пришли проститься! — подтвердилъ Донатъ, и больше ничего не сказалъ.

Ольга Андреевна какъ-то испуганно взглянула на него, а онъ посмотрѣлъ на нее и многозначительно кивнулъ головой.

Ольга Андреевна слегка поблѣднѣла и въ первый разъ подумала: „я больше не увижу ее“. Сердце ея сжалось и голова какъ-то странно закружилась. Она оглянулась кругомъ, и все, вся окружавшая ее природа и всѣ собравшіеся люди—собрались, представилось ей, какъ на похороны, — на большія торжественныя похороны.

Въ это время подошла къ нимъ Вѣра.

— Мама, — сказала она, — я тепло, мѣхового ничего не беру съ собой. Мы вѣдь ужъ такъ рѣшили съ тобой.

Ольга Андреевна ничего не сказала. Она молча пристально посмотрѣла на нее и крѣпко обняла ее.

— Вѣра, милая, — тихо прошептала она, — ты вернешься къ намъ?..

— Разумѣется, вернусь!.. Какъ ты можешь сомнѣваться въ томъ и спрашивать меня!

Но въ это время она взглянула на Доната. Онъ отрицательно покачалъ головой.

Проходя по темному коридорчику Вѣра встрѣтила въ немъ няню, Акулину Степановну.

— Матушка ты моя, — сказала она, — родная!.. Вотъ тебѣ

благословеніе отъ твоей старой няни. Пусть архангелъ Михаилъ оградитъ тебя отъ всего дурного!

И она заплакала, надѣвая образокъ на шею Вѣры.

— Никогда не расставайся съ нимъ! Слышишь?.. Это будетъ твоя охрана...

— Хорошо, няня, спасибо тебѣ. — И Вѣра поцѣловала старуху.

XXXI.

Въ десять часовъ, наконецъ, отправились въ Немировку. Люба истерично разрыдалась. Но Вѣра торопилась; Немировский сказалъ ей, чтобы она пріѣхала ровно въ пять часовъ, и она рассчитала, что пріѣдетъ именно къ назначенному имъ сроку.

Но за долго еще до этого срока Немировский уже безпокоился. Онъ раза три или четыре смотрѣлъ на часы и даже разъ вышелъ на крыльцо и посмотрѣлъ вдаль, въ ту сторону, съ которой должна была пріѣхать Вѣра.

Наконецъ, раздалась давно ожидаемые колокольчики, и его сердце успокоилось, отдохнуло.

Послѣднее время его мечты, которыя онъ называлъ „обдумываньемъ“, постоянно останавливались на Вѣрѣ. Онъ рѣшилъ, что ей необходимо взять частный курсъ, *privatissime*, у кого-нибудь изъ ассистентовъ.

„Много будетъ ей труда, — думалъ онъ, — но она его одолѣетъ, непременно одолѣетъ“.

— Вотъ, — сказала Ольга Андреевна, подавая ему пачку билетовъ: — я ассигновала на ея поѣзду двѣ тысячи рублей. Если этого будетъ мало, то вы напишите, и я вышлю еще...

— Зачѣмъ же вы мнѣ отдаете эти деньги? — сказалъ онъ. — Это деньги Вѣры Михайловны. Пусть она ихъ и расходуетъ на свои нужды.

— Она, Вадимъ Вадимычъ, до сихъ поръ не расходовала ничего, кромѣ, разумѣется, мелочей...

— Я за это не берусь, — сказалъ довольно рѣзко Немировский. — Мнѣ даже кажется страннымъ... Ваша дочь не маленькая...

Вѣра при этомъ вспыхнула...

— Можетъ быть, — сказала она, — Вадимъ Вадимычъ согласится быть моимъ банкиромъ и держать деньги у себя.

— Нѣтъ, — сказалъ Немировский, — и на это я не даю согласія. Если вы не воспитали вашей воли въ строгомъ повинно-

веніи разсудеу, то я отказываюсь слѣдить за вами съ благо-разуміемъ няни надъ ея питомцемъ...

— Но вы не откажетесь подать мнѣ благоразумный совѣтъ въ томъ или другомъ расходѣ?..

— Только тотъ человѣкъ, — продолжалъ Немировский, не слушая ее, — кто самъ себѣ господинъ, не нуждающійся ни въ какой опеѣ, только тотъ можетъ назваться вполнѣ свободнымъ... Ну-съ, — сказалъ онъ. — Пора ужъ ѣхать. Немного отдохнемъ, а затѣмъ и отправимся. Я сейчасъ сдѣлаю послѣднія распоряженія и явлюсь къ вамъ.

Онъ исчезъ.

Тишина наступила послѣ шумливой суеты и гама, съ которыми ихъ провожали изъ Вознесенскаго. Эта тишина, въ особенности тяжело и непріятно подѣйствовала на Вѣру. Она заплакала.

— О чемъ же ты, моя родная?.. Это малодушіе!.. Если ты рѣшилась, то иди твердо, съ вѣрой впередъ.

— Мама, это невольнo! Я очень хорошо понимаю, что мнѣ надо радоваться, а не плакать. Желаніе мое исполнилось... Даже сверхъ ожиданія моего. А мнѣ вдругъ стало тяжело. Все это эгоизмъ. Боязнь за себя, за свою жизнь... боязнь невѣдомаго...

— Тебѣ нужны теперь всѣ твои силы. Будь тверда, мужественна.

Вѣра припала къ рукѣ Ольги Андреевны и горько заплакала.

XXXII.

Немировский предлагалъ ей принять ээиру или лавровишневыхъ капель, но она отказалась.

„Къ чему приучать себя! — думала она. — Надо отъучать, а не приучать“. Голова ея кружилась, лошади бѣжали ровной рысью. На возлахъ сидѣлъ новый человѣкъ, Бенедиктъ, котораго взялъ съ собой Немировский, въ качествѣ камердинера.

Ѣхали молча, какъ вообще люди только-что познакомившіеся и еще не знающіе другъ друга.

Вѣра была вообще молчалива. Немировскаго удерживала мысль: о чемъ можно говорить съ дѣвушкой, сидя рядомъ въ тарантасѣ? Каждый вопросъ казался ему банальнымъ. Дѣйствительно, о чемъ онъ могъ говорить съ дѣвушкой 23—4-хъ лѣтъ, при томъ дѣвушкой, почти безвыѣздно жившей въ родной семьѣ, въ деревнѣ, и не бывавшей даже въ столицахъ? При томъ оба

любили больше думать, чѣмъ говорить; а новыя, свѣжія мысли всегда идутъ и развертываются лучше при новомъ, хорошемъ расположеніи, подъ новыми желанными впечатлѣніями.

Черезъ недѣлю послѣ ихъ отъѣзда, въ Вознесенскомъ получилось длинное письмо отъ Вѣры съ подробнымъ описаніемъ ея путешествія. Вѣра въ этомъ письмѣ щебетала какъ весенняя ласточка на просторѣ теплаго, сіяющаго голубого неба. Она подробно описывала каждую остановку ихъ пути. Все, что оставило яркій слѣдъ въ ея воспоминаніяхъ, все она съ любовью вкладывала въ свое письмо.

Въ особенности поразила ее Москва.

„Это,—писала она,—цѣлое громадное море изъ каменныхъ домовъ и деревянныхъ сѣреныхъ домишекъ. И вездѣ, вездѣ, куда ни взглянешь, блестятъ кресты церквей... Северная мостовая, которая даетъ себя знать даже въ такомъ покойномъ тарантасѣ, въ какомъ мы ѣхали. Мы вѣхали въ эту сумятицу кривыхъ улицъ и переулковъ. Вездѣ—вонь и грязь“.

Потомъ она писала Ольгѣ Андреевнѣ изъ Петербурга.

„Дорогая мама! Мы добрались до Петербурга. Онъ красивѣе обстроенъ и чище, чѣмъ Москва. Но въ Москвѣ чувствуется что-то родное, близкое душѣ, а здѣсь—скука, холодъ и гранить“.

„Мы остановились въ гостинницѣ Демута. Это—скорѣе ресторанъ, чѣмъ гостинница. Мы проживемъ здѣсь дня два, три. Вадимъ Вадимычъ говоритъ, что ему необходимо здѣсь собрать какія-то свѣдѣнія, а тамъ—прощай, Россія!—мы переступимъ завѣтную границу и очутимся въ настоящей Европѣ. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я желала бы, скорѣе, скорѣе быть тамъ! Нивакие описанія и рисунки не даютъ того, что видишь собственными глазами... Здѣсь, въ Петербургѣ, много диковинокъ для провинціала. Но тамъ, на западѣ, всѣ эти диковинки—еще курьезнѣе, любопытнѣе“.

„Мы были въ клиникахъ медико-хирургической академіи. Здѣсь вся учащаяся молодежь относится съ большимъ уваженіемъ къ Вадиму Вадимычу. Всѣ уважаютъ въ немъ умнаго, опытнаго, а главное талантливаго врача. И я также отношусь къ нему съ особеннымъ уваженіемъ“.

„Вчера Вадимъ Вадимычъ предложилъ мнѣ проѣхать на Острова. Онъ сказалъ, что петербургская жизнь непремѣнно требуетъ освѣженія. Мы взяли коляску и отправились. Ахъ, мама, еслибъ ты знала, какъ мнѣ было хорошо! Вадимъ Вадимычъ какъ будто сталъ ближе ко мнѣ... Онъ—точно родной мой...“

„Но это продолжалось не долго.

„Я любовалась тишиной вечера, природой... неизмѣримымъ пространствомъ воды—Невой...

„Я сказала:—Посмотрите, какъ тихъ вечеръ, какъ ясенъ закатъ! Чтѣ можетъ быть лучше этой тихой, величественной картины!

„Онъ нахмурился и сказалъ быстро и отрывисто:

„— Въ природѣ нѣтъ ничего величественнаго... Мы навязываемъ ей наши ощущенія и наши чувства. Все, чтѣ хорошо освѣщено,—все, чтѣ намъ нравится,—мы тотчасъ же готовы назвать прелестнымъ, живописнымъ, художественнымъ, забывая, что это просто эффектъ нашихъ собственныхъ чувствъ и ощущеній... Мы съ вами долго засидѣлись въ нездоровомъ и испорченномъ воздухѣ. И вотъ, какъ только чистый, свѣжій воздухъ коснулся нашихъ легкихъ, когда мы почувствовали его живительную силу, такъ тотчасъ же начинаемъ восхищаться и придавать этому воздуху то, чтѣ вовсе относится не къ нему, а къ нашимъ ощущеніямъ.

„Я долго думала надъ этими словами. Неужели это правда?.. Мнѣ кажется въ этихъ словахъ что-то ужасное. Что-то полное безчеловѣчности, холодное, безучастное къ человѣку...

„Я сказала ему:—Развѣ вы не признаете красоты въ природѣ?..

„Онъ на это отвѣтилъ рѣзко:—Я вообще не признаю красоты и не понимаю ее. Это все наше измышленіе. Чтѣ такое красота? Кто ее избобрѣлъ?..

„— Какъ кто!?—прервала я его:—Богъ—источникъ всяческой красоты...

„Онъ какъ-то презрительно махнулъ рукой и отвернулся отъ меня.

„Я была ошеломлена и возмущена этой грубой выходкой, и мы проѣхали молча цѣлую аллею. Тогда онъ обернулся ко мнѣ и, дотронувшись до моей руки, сказалъ: — Вы, вѣроятно, не знаете, чтѣ отвѣчалъ Лапласъ Наполеону Первому на замѣчаніе о его книгѣ: „Sire, j'ai pensé que je pouvais me soustraire de cette hypothèse“.

„Мы опять проѣхали молча цѣлую аллею.

„И затѣмъ онъ сказалъ: — Можно все вообразить себѣ, соиздавать какія угодно фантазіи. Это я предоставляю слабымъ, изнѣженнымъ, себялюбивымъ и... ограниченнымъ натурамъ. Я считалъ васъ другой, не принадлежащей къ этой категоріи“.—И онъ опять замолчалъ и отвернулся...

„И мнѣ стало совѣстно и стыдно моего взгляда... Я, кажется, покраснѣла...

„—Каждый человекъ,—сказалъ онъ,—долженъ жить по человѣчьи,—а то онъ ничѣмъ не будетъ отличаться отъ животнаго. Онъ долженъ стремиться устроить свою жизнь и жизнь своихъ братьевъ, по мѣрѣ силъ и возможности, какъ можно лучше. Къ этому приводитъ простое и простое разсужденіе. Къ этому же приводитъ прогрессъ...

„Я, разумѣется, передаю тебѣ своими словами только суть его взгляда.

„—Все,—говорилъ онъ,—что намъ нравится, что насъ прельщаетъ, все это врагъ, исконный врагъ нашъ. Воздухъ, съ его раздражающимъ и опьяняющимъ озономъ, яркія радужныя краски, подборъ красивыхъ звуковъ — такъ называемая гармонія... Все это отводитъ намъ глаза, усыпляетъ насъ, какъ наркоть; все это расслабляетъ нашу нервную систему. Все ведетъ въ погибели нашъ организмъ; если поддаваться этому, то непремѣнно погибнешь...

„—Изобрѣли слово „гармонія“—и радуются; не могутъ объяснить, почему въ радугѣ только семь цвѣтовъ—ни больше, ни меньше,—и фантазируютъ“...

Прочитавъ это письмо, Ольга Андреевна задумалась:

„Вѣра моя милая! Идешь ты въ темную бездну, въ темную ночь!“

Письмо Вѣры прочли потомъ всѣ. Люба также задумалась надъ нимъ, какъ и Ольга Андреевна. Толкуповъ долго бѣгалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—плоды неумѣреннаго умствования! Каждый человекъ долженъ жить сердцемъ и головой,—а гдѣ же тутъ сердце? Тутъ одна голова. Холодное разсужденіе. Афоризмы и парадоксы...

XXXIII.

Послѣ этого письма прошло двѣ-три недѣли, и отъ Вѣры—ни одной строчки.

„Хоть бы знать, куда писать, гдѣ справиться о нихъ?—думала Ольга Андреевна:—а то ничего неизвѣстно, ходимъ какъ въ темномъ лѣсу“.

Наконецъ, прошла еще недѣля, и письмо отъ Вѣры пришло,—письмо изъ Вѣны, чрезвычайно странное, преисполненное

оригинальныхъ разсужденій, серьезно встревожившихъ Ольгу Андреевну.

„Ахъ, милая мама! — такъ кончалось письмо: — какъ бы я желала быть теперь подлѣ тебя, чтобы объяснить подробности моихъ новыхъ мыслей, моихъ новыхъ вѣрованій и убѣжденій!..“

— Мама, — говорила Люба, — ты напиши ей, что все это вздоръ, что она пишетъ, — чистѣйшая нелѣпость! Она послушаетъ тебя. Она такъ любитъ тебя...

И Ольга Андреевна написала Вѣрѣ длинное-длинное письмо, стараясь объяснить всю тщету того, что она признаетъ своими новыми вѣрованіями.

„Вспомни оду Ламартина, — заключила Ольга Андреевна, — которую ты такъ любила когда-то:

„De son oeuvre imparfait Il détourna sa face
Et d'un pied dédaigneux le lançant dans l'espace,
Rentra dans son repos.
Va, dit-il, je te livre à ta propre misère!
Trop indigne de mes yeux de l'amour ou du colère..
Tu n'es rien devant moi“.

Послѣ этого письма, прошло много недѣль, прошли цѣлые мѣсяцы, — Вѣра молчала.

Ольга Андреевна не разъ посылала въ Немировку; наконецъ, сама ѣздила, и отъ Александра Александровича Тутолхина, на попеченіе котораго Немировский оставилъ больницу, узнала, что Немировский и Вѣра продолжаютъ жить въ Вѣнѣ: они живутъ en trois, съ маленькимъ сыномъ...

Въ эту ночь, когда Ольга Андреевна узнала эту роковую вѣсть, она усердно молилась почти всю ночь, и когда рано на зарѣ вышла изъ своей спальни, — Люба увидала ее и вскричала:

— Мама!.. милая!.. что съ тобой?.. Ты вся сѣдая!.. и голова у тебя дрожить... Голубушка моя! — и она крѣпко обняла ее и заплакала.

Прошло еще полтора или два мѣсяца, и отъ Вѣры пришло, наконецъ, письмо, довольно длинное.

„Мама, — писала она, — у тебя нѣтъ больше Вѣры. Она погибла. Исповѣдь тяжела, но она необходима не для тебя, а для меня...

„Я завоевала себѣ дорогу. Я гордилась этимъ завоеваніемъ — и погибла. Я вспоминаю теперь ту сентенцію, которую ты часто намъ твердила: „Богъ гордымъ противится“. Я достигла того, чего желала.

„Я теперь почти докторъ медицины... Я уже кончила экза-

меня... Черезъ недѣлю, на торжественномъ актѣ, меня провозгласятъ докторомъ медицины и выдадутъ дипломъ.

„Кажется: чего же болѣе для моего счастья; для моей полной и торжествующей радости? А между тѣмъ внутренняя жизнь разбита...

„Я не люблю ни тебя, ни Любу, ни Вадима — никого на свѣтѣ.

„Годъ тому назадъ, я бодро, съ гордостью смотрѣла на жизнь. Теперь—теперь все разбито.

„Въ послѣднее время, въ послѣдніе мѣсяцы, жизнь съ Вадимомъ превратилась въ тяжкое, невыносимое мученье.

„Онъ любилъ меня... Да! настолько, насколько онъ можетъ любить,—хотя никогда, никогда не признавался мнѣ въ своей любви.

„Онъ развивалъ до тонкости, до мелочей эту свою жестокую теорію животной любви.

„И она казалась мнѣ настолько правдоподобной, вѣроятной, а такъ была увлечена ею, что безусловно вѣрила.

„У меня родился сынъ. Я была такъ рада, такъ счастлива!

„Эта радость—общая всѣмъ животнымъ, когда у нихъ рождаются дѣти. У нихъ у всѣхъ неодолима привязанность къ ихъ дѣтямъ, къ собственному куску мяса и собственной крови.

„Но я была счастлива съ моимъ маленькимъ Вадимомъ. Онъ развивался на моихъ глазахъ... Теперь и это кончилось.

„Я не живу, я страдаю...

„Прости, милая мама, прости, дорогая Люба!.. Простите всѣ вашу несчастную Вѣру“...

XXXIV.

Послѣдній актъ этой печальной трагедіи завершился въ Вѣнѣ, въ гостинницѣ „Zum Goldenen Lamm“, гдѣ Немировский и Вѣра жили все послѣднее время.

Во время болѣзни маленькаго Димы, Вѣра ужасно страдала. Съ одной стороны, привязанность ея къ маленькому, привязанность матери къ сыну, заставляла ее срываться отъ мужа ея любовь къ сыну.

Онъ считалъ вообще всякую любовь къ маленькимъ дѣтямъ непозволительной для человѣка глупостью.

— Если она существуетъ,—говорилъ онъ,—какъ связующее, семейное звено, то не нужно поддаваться ей, возводить на пьеде-

стать... и нянчиться какъ съ какимъ-то совровищемъ, посланнымъ съ неба... Надо воспитывать дѣтей сообразно ихъ возрасту. Притомъ на воспитаніе всегда тратится ужасно много силъ и средствъ, и благо тому человѣку, который освобожденъ отъ этой непроизводительной и тяжелой обузы. Повѣрь,—природа лучше насъ знаетъ, что необходимо для воспитанія и роста человѣчества. Она располагаетъ такими громадными средствами, предъ которыми наши человѣческія средства кажутся ничтожными...

Немировский былъ нетерпѣливъ и раздражителенъ. Вѣра это очень хорошо понимала. Малѣйшая бездѣлица выводила его изъ себя. Онъ хотѣлъ, чтобы Вѣра отдала сына въ какое-нибудь заведеніе для воспитанія малолѣтнихъ.

Но Вѣра, всегда уступчивая, умолила его оставить сына при себѣ. Онъ, разумѣется, не тронулся бы ея мольбами, но она хитростью довела его до снисхожденія къ ея правамъ, къ правамъ матери.

— Ты позволъ сдѣлать опытъ,—умоляла она его.—Оставь его при мнѣ хоть на самое короткое время, на недѣлю, на нѣсколько дней,—хоть на одинъ день.

И Немировский согласился на этотъ, какъ называлъ онъ, „безсмысленный опытъ“.

Немировский отвелъ своему сыну и женѣ цѣлый особенный номеръ. Онъ совершенно изолировалъ его отъ своего кабинета, такъ что ребенокъ нисколько не мѣшалъ занятіямъ.

Но съ первыхъ же шаговъ Немировский настолько заинтересовался своимъ наблюденіемъ надъ развитіемъ мальчика, что по цѣлымъ часамъ проводилъ въ этой импровизированной дѣтской. Онъ ставилъ одинъ за другимъ цѣлые ряды опытовъ, наблюденій: какъ развивается и врѣпнеть то та мышца, или—то та, то другая часть мозговой системы.

Нѣкоторые опыты были довольно жестоки для сердца матери. Такъ, напримѣръ,—сколько времени ребенокъ можетъ лежать въ одномъ положеніи, не измѣняя его. Но прежде этихъ опытовъ Немировский постарался рѣшить вмѣстѣ съ Вѣрой вопросъ о томъ, насколько у нея тверда вѣра въ научную постановку этихъ опытовъ, и какъ вообще она къ нимъ относится...

Здѣсь на первыхъ же порахъ сердце матери не выдержало. Она согласилась съ положеніями à priori. Но на дѣлѣ — она блѣднѣла, и дѣло обыкновенно кончалось истерикой и слезами.

— Ты мягкосердечная дрянь!..—сказалъ разъ взбѣшенный ея протестами и слезами Немировский.—Можетъ быть, ты и будешь хорошимъ медикомъ, но никогда изъ тебя не зарабо-

тается хорошаго оператора и искуснаго, разумаго и опытнаго наблюдателя.

И онъ ушелъ изъ дому.

Прошло два, три часа. Немировскій никогда не возвращался такъ поздно. Наконецъ, на лѣстницѣ и въ коридорѣ раздались его громкіе, твердые шаги, и Вѣра поспѣшно поднялась съ дивана и пошла къ нему на встрѣчу...

— Ты что дѣлаешь? Чѣмъ занимаешься?—спросилъ онъ, подозрительно оглядывая комнату.

Вѣра встрепелась; кровь отъ лица отхлынула и прилила къ сердцу. Она поблѣдѣла. Ее теперь только началъ возмущать рѣзкій, менторскій тонъ, съ которымъ Немировскій обращался къ ней почти постоянно. Она привыкала къ нему незамѣтно для себя самой. Вѣдь онъ и былъ дѣйствительно ея менторомъ.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ Вѣра, притомъ, втянулась въ эту жизнь, въ эту странную форму семейной жизни. Немировскій очень хорошо видѣлъ и понималъ, что за наружной жизнью Вѣры, тамъ, въ тайникахъ ея души, скрывается другая жизнь, но для него было важно, чтобы согласіе хотя снаружи существовало.

XXXV.

Въ отношеніяхъ людей другъ къ другу есть свой періодъ спокойной, мирной жизни и періодъ наибольшаго подъема жизненной энергіи, наибольшаго напряженія; каждый періодъ имѣетъ свою волну поднятія, развитія и паденія, исчезновенія.

Жизнь устроена на взаимныхъ уступкахъ взаимно любящихъ существъ. Жизнь мира и любви очень рѣдко является въ людскихъ обществахъ.

Отсутствіе вспышекъ, ссоры и раздоровъ показываетъ, что жизнь течетъ по мирному пути привычки, и горе тому, кто нарушить, возмутить эту мирную жизнь!..

Немировскій и Вѣра прожили около четырехъ лѣтъ привычной жизни, предупреждая другъ друга объ опасности семейныхъ ссоръ. Вѣра давно уже помирилась съ ея страдательной, пассивной ролью.

Она примирилась и съ авторитетностью Немировскаго, съ его наблюденіями надъ психикой ихъ Димы.

Мальчикъ былъ вообще здоровъ и крѣпокъ. Немировскій съ первыхъ же годовъ и мѣсяцевъ сталъ приучать его къ суровому спартанскому режиму. Дима поправился, окрѣпъ. Но начались

какіе-то особенные, крайне чувствительные и угрожающіе припадки—остраго нефрита.

Когда Немировский убѣдился въ томъ, онъ не сталъ скрывать этого отъ Вѣры и прямо рѣзко сказалъ ей:

— Мы должны потерять его. Спасенія нѣтъ. Я еще приглашу моего товарища, Гейнриха Глюма.

Вѣра, выслушавъ это рѣшеніе, слегка задрожала и упала въ обморокъ. Мальчикъ для нея былъ единственная привязанность къ жизни.

Гейнрихъ Глюмъ пришелъ, осмотрѣлъ, выслушалъ больного, и сказалъ, что діагнозъ, поставленный Немировскимъ, былъ несомнѣнъ, что средствъ къ спасенію нѣтъ никакихъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ не вѣдаетъ современная медицина.

— Вотъ!—говорилъ Немировский Вѣрѣ:—видишь, что значитъ привязанность. Человѣкъ долженъ быть свободнымъ отъ всѣхъ привязанностей. Онъ долженъ заботиться обо всемъ человѣчествѣ; всякая исключительная индивидуальная привязанность, всякое отклоненіе отъ пути разсудка, грозитъ ему потерей этой привязанности, и чѣмъ она крѣпче, сильнѣе, тѣмъ болѣе горя и страданія готовитъ онъ себѣ...

— Развѣ я могу приказывать сердцу: люби или не люби?.. Вѣдь оно не спрашиваетъ указанія, но прямо бросается въ ту или другую сторону—въ сторону симпатіи или антипатіи.

Проговоривъ это оправданіе сквозь слезы, Вѣра горько заплакала, а Немировский пожалъ плечами и пошелъ вонъ изъ комнаты, но, дойдя до двери, остановился и сказалъ, слегка обернувшись къ Вѣрѣ:

— Дѣло просто! Прими валеріановыхъ или лавровишневыхъ капель, и сердце успокоится.

Но дѣло было не такъ просто, какъ это ему казалось.

Прошло нѣсколько дней, и неизбежное совершилось. Димы не стало.

Въ послѣдніе дни его жизни Вѣра не отходила отъ него. Она не могла ни о чемъ думать, ни о чемъ заботиться, какъ только о ребенкѣ, который давно похитилъ всѣ ея мысли, заботы и чувства.

„Какой онъ сталъ большой!—думала она, видя, какъ тѣло Димы послѣ смерти вытянулось.—Но какъ сильно исхудалъ онъ, бѣдняжечка!“

Вѣра третью ночь не спала. Въ головѣ ея постоянно катилась и шумѣла какая-то мутная волна. Теперь, да, именно те-

перь, она вполнѣ чувствовала свое одиночество. Ей не на что было опереться.

Насталъ вечеръ. Немировскій пришелъ домой. Онъ взглянулъ мелькомъ на Вѣру и, ничего не сказавъ ей, прошелъ въ ту комнату, гдѣ лежалъ Дима, и остановился не надолго передъ тѣломъ ребенка; затѣмъ пошелъ въ свою комнату и взялъ изъ нея наборъ хирургическихкихъ инструментовъ.

„Вотъ это отлично!—подумалъ онъ.—Точно зналъ, что мнѣ нужны нефритическія почки!“—и онъ принялся за работу.

Немировскій возился съ этой операціей довольно долго. Между тѣмъ Вѣра тихо, шатаясь, поднялась съ диванчика и заглянула къ нему въ комнату. Немировскій, погруженный въ работу, не слышалъ, какъ она вошла.

То, что она увидѣла, вся обстановка, вся картина этой ужасной сцены поразила ее. Рабочая лампа Немировскаго ярко освѣщала эту сцену. Она увидѣла столъ, на этомъ столѣ бѣлѣлось тѣло ея ребенка, и Немировскій быстро работалъ, наклоняясь надъ его спиной. Она видѣла только, какъ двѣ кровавыя струйки медленно катились по этой спинѣ. Она хотѣла закричать и не могла.

Она не упала въ обморокъ. Она какъ-то замерла, но чувствовала, что мозгъ ея работаетъ, что она думаетъ, обсуждаетъ. Но эти думы и обсужденія всѣ бьются въ одну точку—въ окровавленное тѣло ея милаго, дорогого, родного Димы.

Мысли ея путались. Она не понимала даже, какая связь между ея живымъ Димой и этимъ маленькимъ трупомъ...

Вѣра медленно вышла, вся дрожа, и снова припала на диванчикъ, на которомъ прежде лежала.

Въ головѣ ея все спуталось. Она чувствовала только, что эта голова горѣла и сильно кружилась. Какіе-то страшные образы, смутные, неопредѣленные, вертѣлись вихремъ въ этой головѣ, и всѣ они хватали за сердце.

Она чувствовала и сознавала одно,—что ей нѣтъ возврата, что она должна сама идти въ ту невѣдомую, темную бездну, которую смерть раскрываетъ для каждаго человѣка.

Она рѣшилась.

Надъ диванчикомъ сверху спускался крѣпкій шнуръ, на которомъ, вѣроятно, прежде была повѣшена сонетка.

Она схватила его обѣими руками и сначала на рукахъ поднялась кверху. Шнуръ выдержалъ тяжесть ея тѣла.

Она встала на диванчикъ, сдѣлала изъ шнура широкую петлю и, накинувъ ее на шею и спустивъ ноги на полъ, повисла...

Черезъ часъ Немировскій, окончивъ операцію, вошелъ въ ея комнату.

Онъ стремительно бросился къ ней и вынулъ ее изъ петли.

Разстегнувъ ея лифъ, Немировскій началъ растирать ей грудь и горло, по всѣмъ правиламъ науки.

Онъ растиралъ полчаса и думалъ: „Вотъ плоды излишней сентиментальности и привязанности къ собственнымъ чувствамъ и склонностямъ!“...

Онъ сильно, отчаянно позвонилъ и сказалъ вошедшему кельнеру:

— Скорѣй за докторомъ!

Но, конечно, и явившійся на зовъ докторъ также ничего не могъ сдѣлать.

Вѣра не отзывалась ни на какія средства... Для нея было все кончено...

. . . . .

XXXVI.

Много-много прошло времени съ тѣхъ поръ. Надъ Вознесенскомъ сіялъ ясный, солнечный лѣтній день. Люба бѣгала и суе-тилась. Она собирала своего Водю въ дорогу. Дорога была не-дальняя, всего сто верстъ, но она въ первый разъ собирала его. Ольга Андреевна суе-тилась около него. Во всѣ пять лѣтъ женатой жизни, Толкуновъ только два или три раза разставался съ Любой, и хотя оба раза на самое короткое время, но и эти разлуки были тягостны и для Любы, и для него.

Теперь онъ отправлялся въ губернскій городъ для перегово-ровъ съ тамошнимъ книгопродавцемъ-издателемъ объ изданіи своей рукописи: „Экономическія отношенія нашихъ земледѣльцевъ въ общему обиходу земледѣльческаго хозяйства въ Россіи“. Правда, для многихъ статей и вопросовъ не хватало данныхъ, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что взглядъ его былъ совершенно новый, своеобразный и при томъ, какъ онъ думалъ, вполне вѣрный.

Онъ былъ бы вполне счастливъ, еслибы Люба могла сопро-вождать его, но ни онъ, ни Люба, не хотѣли и не могли оста-вить маленькаго Водю на попеченіе бабушки, Ольги Андреевны.

Въ послѣднія двѣ-три недѣли, нѣсколько разъ Люба соби-рала Толкунова въ дорогу, и каждый разъ поѣздка его, подъ раз-ными благовидными и неблагоприятными предлогами, откладывалась.

Теперь они оба, въ послѣдній разъ, дали слово, что Толкуновъ уйдетъ, что Люба простится съ нимъ и отпуститъ его.

И вотъ теперь, на крыльцѣ вознесенскаго дома, опять собралась толпа провожать барина.

— Вода!... Дорогой мой!.. Слышишь, ты тотчасъ же напиши, какъ приѣдешь въ городъ! Тотчасъ же!..

— Ахъ, Люба! Вѣдь ужъ я тебѣ сто-кратъ общалъ, что напишу!

— Напиши одно слово—только одно, и я буду спокойна!

Въ городъ Толкуновъ приѣхалъ прямо къ своему старому пріятелю Ченстоховскому. Онъ останавливался у него всегда, хотя и могъ остановиться въ гостинницѣ, но къ пріятелю его тянула прежняя пріязнь, и онъ храбро взбирался на третій этажъ по крутой каменной лѣстницѣ съ желѣзными перилами.

Разумѣется, Ченстоховскій былъ крайне обрадованъ увидѣть своего стараго друга. Обнялись, расцѣловались и пошли разспросы и рассказы.

— А знаешь ли, завтра совершится казнь, смертная казнь?

— Какая смертная казнь? У насъ нѣтъ смертныхъ казней.

— Это только такъ думаютъ: *de jure*—нѣтъ, а *de facto*...

— Что же *de facto*?—спросилъ Толкуновъ.

— А вотъ что: если тебѣ влѣпять съ тысячу здоровыхъ ударовъ крѣпкими палками,—какъ ты думаешь, будетъ ли это смертная казнь или нѣтъ?

— Что ты за ужасы рассказываешь?!

— А вотъ завтра ты можешь собственными глазами увидеть эту небывальщину, если только пожелаешь. Завтра, въ часъ дня назначена, на Сарскомъ полѣ, экзекуція знаменитому Быкову и его есаулу Чайкину. Я пойду, непременно пойду. Это—историческое событіе.

— Фи! Я удивляюсь твоему вкусу.

— Тутъ нѣтъ никакого вкуса. Просто я пойду посмотрѣть, и ты пойдешь со мной.

— Ни за что!

— И ты пойдешь со мной!—настойчиво повторилъ Ченстоховскій.

— Ни за что!

— Ты пойдешь, потому что другого такого случая не встрѣтится въ твоей жизни. Ты пойдешь, потому что всякое кровавое зрѣлище возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство жалости, состраданія къ человѣку... Оно воспитываетъ человѣчность и человѣческую душу.

— Благодарю за такое воспитаніе, — сказалъ съ сердцемъ Толкуновъ, — но не желаю имъ пользоваться.

— Я самъ, братъ, рассуждалъ точно такимъ же образомъ, и не далѣе какъ третьяго дня, а, вотъ видишь, иду и жажду поскорѣе увидѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на мою душу эта кровавая сцена. Знаешь ли, когда ему объявили сентенцію...

— Кому?

— Да все ему же, Быкову, — объявили, что постановлено пройти ему сквозь строй, такъ онъ съ презрѣніемъ сказалъ: „Ну! не страшны мнѣ эти солдатскія мухи“! И это, говорятъ, дошло до командира, а онъ сказалъ: „Вотъ я ему покажу, каковы эти солдатскія мухи“! По положенію, три шпиретена должны входить въ дуло ружья. А онъ нарѣзалъ такихъ „мухъ“, что одна насилу входить въ дуло. Вѣдь ты знаешь, видалъ нашего полкового командира. Скалзубъ ему въ подмѣтки не годится, куда!.. А дочка у него, братъ, прелестное созданіе.

Ченстоховскій суетился и хлопоталъ, какъ бы покойнѣе и удобнѣе пристроить своего гостя-пріятеля. Но повсюду, кругомъ, вмѣсто комфорта выступали самыя примитивныя условія жизни. Диванъ, который онъ готовилъ Толкунову вмѣсто постели, представлялъ печальную картину разрушенія. Обивка была прорвана во многихъ мѣстахъ. Въ изголовьѣ была яма, просиженная долгимъ и усерднымъ сидѣніемъ хозяина. Во многихъ мѣстахъ выглядывали пружины.

Пробывъ у пріятеля два-три часа, Толкуновъ торопливо одѣлся и поѣхалъ къ тому книгопродавцу-издателю, который изъявилъ желаніе издать его книгу.

Толкуновъ отвезъ ему рукопись. Издатель сказалъ, что было бы весьма хорошо, еслибы Толкуновъ досталъ рекомендацію и предисловіе для его книги извѣстнаго, въ то время, ученаго-профессора.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ издатель, — мы сразу бы дали другую оцѣнку и, такъ сказать, окраску вашей книгѣ.

Толкуновъ задумался. „Какъ же, — подумалъ онъ, — теперь лѣто. Не знаю, найду ли я профессора въ городѣ, и, во всякомъ случаѣ, это сильно усложняетъ дѣло“.

Но все обошлось какъ нельзя благополучнѣе. Профессоръ былъ крайне любезенъ и общалъ черезъ нѣсколько дней просмотрѣть рукопись и сказать о ней свое мнѣніе. И дѣйствительно, черезъ три-четыре дня онъ возвратилъ Толкунову рукопись съ полнымъ одобреніемъ и общалъ написать предисловіе къ его труду.

Однимъ словомъ, Толкуновъ просіялъ и тотчасъ же подѣлился своей радостной новостью съ Ченстоховскимъ.

А на другой день Ченстоховскій опять принялся уговаривать пріятеля—пойти съ нимъ на экзекуцію Быкова.

— Ты,—говорилъ онъ,—хоть взгляни на эту *mise en scène*, а потомъ отвернись и ступай домой.

— Не хочу я,—говорилъ Толкуновъ,—и одного взгляда бросать на эту возмутительную, кровавую сцену!

— Ну! ты просто трусишь, братъ,—и Ченстоховскій засмѣялся короткимъ сардоническимъ смѣшкомъ.—У тебя, просто, того... нервы труса празднуютъ.

— Нисколько! Я...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Признайся, ты ощущаешь нѣкоторую дрожь, и теперь находишься въ нерѣшительности—отправиться ли со мной. Да, да!.. это вѣрно!..

— Нисколько не вѣрно, а совершенно ошибочно. Если мое присутствіе необходимо, какъ доказательство моей твердости, то я, изволь, пойду.

XXXVII.

Почти цѣлое утро Толкуновъ писалъ длинное письмо къ Любѣ. Такого письма Люба не требовала отъ него и не ждала. Онъ написалъ его, просто, чтобы удовлетворить своей привычкѣ къ писанію. Въ послѣдніе два, три года, онъ каждый день аккуратно писалъ по двѣ, по три страницы своего сочиненія, и это писаніе уже вошло у него въ привычку.

Онъ хотѣлъ закончить письмо, но подумалъ: „Нѣтъ, еще вечеромъ я припишу ей нѣсколько строчекъ“,—и отложилъ.

Вошелъ Ченстоховскій.

— Въ четыре часа,—сказалъ онъ,—мы пообедаемъ у Комонена. Отлично, собака, кормить. Вѣдь ты позволишь мнѣ угостить тебя обѣдомъ?

— Что это за церемонія такая! Съ какой стати я буду разорять тебя на обѣды у Комонена!

— Нѣтъ, нѣтъ, вѣчный спорщикъ! Въ деревнѣ я у тебя обѣдаю, а здѣсь ты—въ моихъ пажитяхъ, и я тебя угощаю обѣдомъ. Не спорь, душечка, и соглашайся. Ты вѣдь пробудешь здѣсь недѣлю?

— Никакъ не могу.

— Могли!

— Не могу. Самое большее, если я останусь здѣсь еще дня три, четыре.

Пріятели поторговались и рѣшили, что обѣдать у Комонена они будутъ чередоваться. Разъ—на счетъ Ченстоховскаго, а слѣдующій разъ—на счетъ Толкунова. Но при дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса они пришли къ заключенію, что лучше отобѣдать въ хорошей гостинницѣ въ „Одессѣ“, на Проточной улицѣ.

— Это, — сказалъ Ченстоховскій, — въ родѣ московскаго „Новотроицкаго“. Тамъ теперь прекрасный органъ, недавно выписанный изъ Вѣны. За него купецъ Расторгуевъ заплатилъ тридцать-тысячъ рублей. Сто валовъ, сто перемѣнъ! Интересно послушать!

Все время обѣда Толкуновъ не могъ совершенно успокоиться. При одномъ воспоминаніи, куда они отправятся послѣ обѣда, каждый разъ его сердце неприятно сжималось.

— Ну!—сказалъ Ченстоховскій: — я думаю, намъ пора. Къ началу мы вѣрно не попадемъ, а застанемъ самый разгаръ спектакля. Еслибы это было въ Америкѣ, то тотчасъ же напмись бы антрепренеры, которые настроили бы ложъ и собрали бы, вѣроятно, уйму денегъ.

Сарское поле лежитъ за чертой города. Это—большое, голое поле, гдѣ совершались уголовныя казни.

Масса народа стремглавъ, торопясь безъ памяти, обѣжала со всѣхъ сторонъ на него; она торопилась, чтобы поспѣть къ началу зрѣлища и не пропустить ничего изъ крайне интереснаго для нея кроваваго спектакля. Но Сарское поле было такъ велико, что толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей исчезла бы на немъ почти незамѣтно. Половину поля въ длину занимали солдаты. Они стояли въ два длинныхъ ряда, составляя какъ бы улицу,—стояли не тѣсно, на полъ-аршина одинъ отъ другого. Эта улица протянулась чуть не на версту.

Когда Толкуновъ и Ченстоховскій подошли къ ближайшей кучѣ народа, то изъ подслушанныхъ отрывковъ разговора они узнали, что преступникъ прошелъ уже пятьсотъ ударовъ, и теперь ведутъ его обратно.

Сѣвось мгlistый, пыльный воздухъ Толкуновъ увидѣлъ страшную процессію.

Впереди шелъ солдатъ, протянувъ горизонтально ружье. Къ этому ружью были привязаны крѣпкими ремнями руки Быкова.

Онъ шелъ, качаясь изъ одной стороны въ другую, поминутно

вздрагивалъ и тихо, чуть слышно стоналъ въ то время, когда палеа со свистомъ опускалась на его окровавленную спину.

Нѣсколько разъ онъ падалъ, и солдатъ, ведшій его, долженъ былъ приподнимать его.

Чаще и чаще онъ падалъ—и, наконецъ, всѣ силы его исчезли, и принуждены были положить его на телѣжку.

Положили и повезли. И снова защелкали удары по спинѣ несчастнаго. И снова раздались его глухіе, слабые стоны.

Лицо его было блѣдно, но спокойно. На немъ не было страха, а только ожиданіе конца. Онъ какъ будто думалъ: „Вотъ! Вотъ! Сейчасъ это кончится, и все пройдетъ“.

Направо отъ рядовъ солдатъ, въ сторонѣ стояла небольшая кучка солдатъ. Они окружали Чайкина, который, сгорбившись, сидѣлъ на барабанѣ. Онъ ожидалъ своей очереди, и страшно было его лицо, полное смертнаго ужаса и отчаянія... Черты его поминутно вздрагивали, и весь онъ какъ-то съёжился, постоянно вертѣлъ головой и зѣвалъ...

Вслѣдъ за телѣжкой, на которой везли Быкова, ѣхалъ на сѣрой лошади съ яблоками самъ полковникъ и его адъютантъ.

Къ шести часамъ вечера и Быковъ, и Чайкинъ—были уничтожены. Хотя послѣднихъ ударовъ они уже не чувствовали, но на это не обращалось вниманія, и палки били уже по ихъ трупамъ.

Въ сентенціи суда было сказано: „безъ медицинскоѣ помощи“, и приговоръ въ точности былъ исполненъ.

Утромъ окровавленные трупы ихъ были отвезены въ анатомическій театръ, и въ мѣстномъ анатомическомъ музеѣ можно было потомъ видѣть ихъ колоссальные скелеты.

XXXVIII.

Прошло нѣсколько дней. Толкунова начало сильно тянуть домой, но путей не было; дулъ сильный, упорный сѣверо-восточный вѣтеръ, дулъ не переставая. Перейти за Каму въ такой вѣтеръ было рѣшительно невозможно. Приходилось мучительно ждать и бездѣйствовать.

— Сколько же мнѣ еще придется здѣсь сидѣть?—спрашивалъ Толкуновъ Ченстоховскаго, но тотъ только пожимал плечами.

— Гм... Развѣ ты никогда не бывалъ на Камѣ?.. Вѣдь ты, кажется, здѣшній уроженецъ...

Еще два дня прошло уныло.

Вечеромъ Ченстоховскій предложилъ сходить въ театръ.

— Пойдемъ, развлечемся,—что виснуть-то безъ пути, безъ толку!

Въ театрѣ, на гастроляхъ, былъ тогда извѣстный не только въ губерніи, но даже въ Петербургѣ и Москвѣ, талантливый трагикъ, сынъ какого-то графа, игравшій подъ псевдонимомъ Велеславскаго.

Толкуновъ, дѣйствительно, развлекался, увлекшись талантливой игрой первой актрисы, Стрѣлочкиной. Давали старую мелодраму „Материнское благословеніе“.

Весь театръ, наэлектризованный этой игрой, встрѣчалъ и провожалъ любимую актрису громкими аплодисментами.

Когда Толкуновъ и Ченстоховскій вошли въ себяъ домой, кухарка Ченстоховскаго доложила Толкунову, что въ кухнѣ его дожидается уже давно пріѣхавшій человѣкъ изъ деревни.

Что-то непріятное подѣйствовало на сердце Толкунова. Онъ поспѣшно всталъ и прошелъ въ кухню. Тамъ, дѣйствительно, стоялъ человѣкъ, Михайло—и, низко поклонясь Толкунову, протянулъ ему письмо.

— Что ты, Михайло?.. Что у васъ—все благополучно?

— Барыня васъ зовутъ поскорѣе пріѣхать: съ Владиміромъ Владиміровичемъ что-то случилось,—захворали-съ.

Толкуновъ, въ страшномъ нетерпѣніи и испугѣ, распечаталъ письмо дрожащими руками. Письмо было отъ Любы. Она писала:

„Дорогой Водя!.. Пріѣзжай скорѣе, пожалуйста скорѣе! Водя захворалъ,—у него жаръ и кашель. Я страшно боюсь,—говорятъ, крупъ. Я пригласила Ивана Семеныча и Немировскаго, который, на этихъ дняхъ, вернулся изъ-за границы. Пожалуйста, пріѣзжай скорѣй“...

— Михайло... Ыхать надо, ѣхать какъ можно скорѣе, спѣшить.

„Можетъ быть, я застану еще его въ живыхъ?“—подумалъ онъ.

И съ болѣзненной поспѣшностью, страшно волнуясь, онъ началъ собирать и укладывать вещи.

— Да ты не волнуйся,—уговаривалъ его Ченстоховскій.—Такъ, какой-нибудь дѣтскій припадокъ случился, а она—ужъ и крупъ!

Въ полчаса все было готово.

Къ вечеру Толкуновъ пріѣхалъ на перевозъ. До Вознесенскаго оставалось всего тридцать верстъ. Вѣтеръ не стихалъ и, кажется, дулъ еще сильнѣе.

— На перевозѣ, вѣрно, придется обождать,—сказалъ ямщикъ

Михайлу, который, кутаясь въ чекмень, сидѣлъ съ нимъ рядомъ на широкихъ возлахъ.—На прошлой недѣлѣ этакъ же подула непогода. Три раза мы выплывали. Отплывемъ на сажень—и воротай назадъ. Прямо въ лобъ дуетъ,—того и гляди, весь дощаникъ опрокинетъ или потопить. Пять дѣнъ стояли на перевозѣ...

Толкуновъ, поднявъ воротникъ у пальто и закутавшись въ плащъ, сидѣлъ насунувшись, а передъ нимъ разыгрывалась настоящая буря: вѣтеръ рвалъ и металъ.

Почти весь берегъ былъ уставленъ телѣгами и возами.

— Вотъ,—говорилъ, сидя на возу, одинъ мужичокъ, прикрывшись рогожею:—третьи сутки такъ-то и хороводимся. Не пускаетъ да и на-поди!..

Толкуновъ вышелъ изъ тарантаса.

— Эка силища! Господи, твоя воля!—пробормоталъ одинъ изъ стариковъ, столпившихся на берегу.

— Да!—сказалъ другой, съ сѣдыми, всклокоченными волосами.—Во всемъ воля Господня. Теперь я мекалъ... завтра быть за Камой, а воля-то Господня вонъ что дѣлаетъ... На-поди...

И онъ указалъ на дальній берегъ, вдоль котораго, какъ туманъ, неслись мелкіе брызги воды, гонимые вѣтромъ.

XXXIX.

Двое сутокъ привелось просидѣть Толкунову на берегу Камы. Не привывши дожидаться такъ долго чего бы то ни было, онъ обращался къ стоявшимъ на берегу крестьянамъ, допрашивая ихъ, нѣтъ ли по близости рыбаковъ и лодокъ?

— Вотъ, поди, чай, подъ Сермачемъ есть,—сказалъ задумчиво одинъ изъ крестьянъ.

— Подъ Сермачемъ какъ не быть. Тамъ завсегда можно и рыбу найти,—сказалъ другой.

— А гдѣ же это?—спросилъ Толкуновъ.

Ему указали, гдѣ, и онъ, взявъ Михайла, отправился.

Въ полчаса онъ дошелъ до мѣста, разбудилъ рыбаковъ, но ни одинъ изъ нихъ не взялся перевозить въ такую бурю.

Въ отчаяніи, не зная, что дѣлать, за какое средство ухватиться, Толкуновъ предлагалъ рыбакамъ сто рублей, только бы они перевезли его.

— А кто будетъ получать ихъ,—спросилъ тотъ же старикъ,—коли мы всѣ потонемъ?

Толкуновъ вернулся къ перевозу, и въ отчаяніи смотрѣлъ на

небо. На немъ не было ни облачка. Совершенно открытое, ясное, оно сіяло свѣтло и привѣтливо, и только вѣтеръ рвалъ и металл, бросаясь во всѣ стороны.

Прошелъ часъ, прошелъ другой. Буря не утихала. Толкуновъ легъ въ тарантасъ и задремалъ.

— Владиміръ Елизарычъ! Владиміръ Елизарычъ! — кто-то повторялъ надъ его ухомъ и потихоньку толкалъ его.

Толкуновъ очнулся, открылъ глаза, и тотчасъ же сознание вернулось къ нему.

— Что?.. Что такое?—спросилъ онъ испуганнымъ голосомъ Михайла, который усердно и почтительно будилъ его.

— Вставайте! Вѣтеръ немного стихъ; хотятъ попробовать... переправиться...

Тарантасъ скоро устави́ли на дощаникъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими возами.

Волненіе было еще сильное, но уже потеряло бурный характеръ, и являлось порывами, періодически.

Толкуновъ смотрѣлъ на группу рабочихъ, усѣвшихся съ длинными веслами около бортовъ дощаника. На двухъ или трехъ скамьяхъ сидѣли по двое гребцовъ. Это были по большей части чуваша и татары. Они держали и двигали обѣими руками длинное тяжелое весло, которое мѣрно и монотонно стучало въ уключину.

Дощаникъ скрипѣлъ и качался. Это движеніе укачивало Толкунова и убаюкало его.

Полусоннаго довели его до другого берега, и тутъ онъ окончательно проснулся.

Дорога закамскими лугами была сильно испорчена. Тарантасъ качало изъ стороны въ сторону. Въ ямахъ онъ съѣзжалъ совсѣмъ въ сторону, и очень часто приходилось ѣхать косогами, рискуя опрокинуть экипажъ.

Черезъ часъ выбрались изъ низменной луговины, изъ тѣнистыхъ осокорей, и поѣхали по твердой, укатанной луговой дорогѣ, и лошади побѣжали ровнымъ привычнымъ шагомъ.

Толкуновъ окончательно проснулся и вглядывался въ знакомыя мѣста.

Вознесенское, или, правильнѣе, церковь его была уже видна.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ усадьбѣ, тѣмъ сильнѣе билось сердце Толкунова и сильнѣе кружилась его голова...

Дворъ, большой дворъ былъ почти весь занятъ крестьянами...

„Что такое?.. Что за собраніе?“—мелькнулъ вопросъ въ головѣ Толкунова. И сердце его замерло. Какое-то совершенно без-

сознательное и неопредѣленное представленіе о какомъ-то ужасномъ несчастіи охватило его душу.

— Что такое?.. Что такое?—обращался онъ уже вслухъ къ стоявшимъ на крыльцѣ незнакомымъ людямъ; но всѣ молчали, опустивъ глаза въ землю.

Онъ вбѣжалъ въ залу.

Направо около окна стоялъ гробъ, обитый серебрянымъ глазетомъ, и подлѣ него—небольшой гробикъ.

Въ большомъ гробу лежала его Лада, а въ маленькомъ—его сынъ.

Кровь, горячая кровь цѣлымъ потокомъ ударила въ его голову, и все смѣшалось, спуталось въ этой бѣдной головѣ.

Онъ нѣсколько мгновеній качался, тихо, едва слышно проговоривъ:

— Лада! Лада!..

И затѣмъ, схвативъ себя обѣими руками за голову, дико, неистово захохоталъ громкимъ нервнымъ хохотомъ.

Немировскій быстро подошелъ къ нему и, схвативъ его своими мускулистыми руками, увлекъ вонъ изъ залы, тихо проговоривъ:

— Пойдемте! Здѣсь нельзя... Нехорошо!..

Люба умерла скоростижно, отъ разрыва сердца. Немировскій въ это время былъ въ Вознесенскомъ. Его вызвала Ольга Андреевна къ больному Володѣ, у котораго дифтеритъ требовалъ операціи. Немировскій сдѣлалъ операцію, но болѣзни не могъ прекратить. Она шла своимъ чередомъ и кончила тѣмъ, что задушила мальчика.

Въ виду этого, онъ рѣшился еще пробыть нѣкоторое время въ Вознесенскомъ, и въ это самое время пріѣхалъ въ Вознесенское Толкуновъ.

Любу похоронили. На ея похороны съѣхалось множество народа. Похороны были торжественныя, парадныя. Ольга Андреевна, сильно постарѣвшая и посѣдѣвшая въ эти несчастные дни, хлопотала и суежилась по обыкновенію. Ея вѣра, или, лучше сказать, фанатизмъ, дошли за эти дни до крайнихъ предѣловъ.

Отъ Толкунова почти не отходили Немировскій и Донатъ.

Первый подмѣчалъ какіе-то „ясные моменты“ сознанія и старался опредѣлить ихъ характеръ. Второй просто служилъ ему, какъ страждущему брату.

На третій или четвертый день послѣ похоронъ Любы, вечеромъ, когда Донатъ и Немировскій ходили взадъ и впередъ по громадной залѣ, Донатъ вдругъ остановился на пути Немировскаго и видимо ждалъ его. Когда Немировскій проходилъ мимо него, то онъ тихимъ, но твердымъ, не колеблющимся голосомъ, спросилъ его:

— Послушайте!.. Вы, навѣрное, ищите у него (и онъ указалъ на Толкунова) моментовъ яснаго сознанія—*momenta lucida*... Вы хотите воспользоваться ими, какъ базисомъ для развитія правильного, нормальнаго образа мысленія...

Немировскій остановился и посмотрѣлъ на него изумленными глазами.— „Какъ это онъ узналъ?“ —подумалъ онъ.

— Да,—сказалъ онъ рѣзко, отрывисто:—я ищу этихъ моментовъ, и не люблю, чтобы мнѣ мѣшали въ моихъ наблюденіяхъ,—и нахмуясь, легкимъ движеніемъ, онъ хотѣлъ отстранить Доната и идти дальше.

— Послушайте,—остановилъ его въ свою очередь Донатъ:—а если то, что вы называете моментами проясненія, *momenta lucida*, на самомъ дѣлѣ—моменты потемнѣнія сознанія?..

Немировскій остановился и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы гдѣ это изучали психологію?—спросилъ онъ его пренебрежительно.

— Я изучалъ и изучаю ее вездѣ, гдѣ только представится къ тому случай, но преимущественно на людяхъ, которые мнѣ встрѣчались въ жизни.

Немировскій, съ одной стороны, обидѣлся рѣзкимъ тономъ Драевскаго, а съ другой—ему вдругъ представилось: „А что, если онъ правъ? правъ этотъ человѣчекъ небольшого роста, но съ такимъ страннымъ лицомъ взрослого ребенка?“

— Вы представьте себѣ,—говорилъ Драевскій,—что въ громадномъ, великомъ мірѣ все, или почти все, состоитъ изъ безсознательнаго, и что человѣческое сознаніе—не болѣе, какъ одна миниатюрная точка среди этого безграничнаго моря безсознательнаго...

— Это просто ваша фантазія, — сказалъ ему Немировскій.

— Нѣтъ-съ! Посмотрите кругомъ: что доходить до человѣческаго сознанія? Ничего, или почти ничего. Мы дѣйствуемъ сознательно только въ томъ, что ближе къ нашему грубо-чувственному тѣлу, а чуть мы удалимся отъ нашихъ ощущеній и воспріятій,—мы уже идемъ въ сторону отъ прямой и вѣрной дороги, отъ прямого пути, и попадаемъ въ омутъ всякихъ ошибокъ и заблужденій.

Во время разговора они незамѣтно пришли въ ту комнату, гдѣ жилъ теперь Толкуновъ. Это была комната, выходившая въ садъ, на солнце. Ее особенно любила Люба, и теперь Толкуновъ полюбилъ ее, и почти цѣлые дни проводилъ въ ней: онъ сидѣлъ у раствореннаго окна въ садъ, и солнце ласково свѣтило ему, такъ же, какъ въ то время, когда еще была жива его Люба.

— А!—закричалъ онъ радостно, протягивая руку входившему Донату, и, притянувъ его къ себѣ, поцѣловалъ. — А я тебя ждалъ. Чтѣ ты не приходилъ такъ долго?

Немировский, не обращая никакого вниманія на то, какъ относится къ нему Толкуновъ, по обыкновенію, не стѣсняясь ничѣмъ, сѣлъ подлѣ него на плетеное кресло и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Ну! Какъ мы?.. Ничего?.. благополучно?.. Дайте-ка пульсъ посмотрѣть.

Толкуновъ ничего не отвѣтилъ и молча сидѣлъ, не давая ему руки.

— Ну! Я вамъ серьезно говорю, дайте мнѣ вашу руку!.. Мнѣ необходимо узнать, какъ бьется вашъ пульсъ.

Но Толкуновъ засунулъ руку въ карманъ и проговорилъ какимъ-то рѣзкимъ, не своимъ голосомъ:

— Лучше, гораздо лучше,—если я вамъ не дамъ руки.

Немировский пожалъ плечами и, обратясь къ Драевскому, который стоялъ подлѣ, сказалъ тихо:

— Вотъ этакій фокусъ мы продѣлываемъ каждый день!..

— Вы можете освободить его отъ этого фокуса, какъ вы называете его,—сказалъ Донатъ. — Только скажите ему серьезно и внушительно, что это вамъ необходимо, т.-е. узнать его пульсъ.

Немировский ничего не отвѣтилъ и сидѣлъ молча.

— Вотъ! Посмотрите, я могу распоряжаться всѣми его движеніями, его волей,—сказалъ Донатъ.

— Встань! — сказалъ онъ Толкунову: — обними и поцѣлуй три раза Вадима Вадимыча!

И Толкуновъ, съ очевидной неохотой, подошелъ къ Немировскому и, видимо, хотѣлъ его обнять, но Немировский не давался. Онъ хотѣлъ отстранить его, но не могъ.

Произошло что-то въ родѣ борьбы, изъ которой Толкуновъ вышелъ побѣдителемъ.

„Чтѣ это такое?—думалъ Немировский.—Я вѣдь знаю силы Толкунова. Онъ очень слабъ... Болѣзнь сильно ослабила его“.

И онъ обернулся къ Толкунову и пристально посмотрѣлъ на Доната.

Ему невольно вспомнилась одна сцена съ Вѣрой, когда она въ Немировѣ упала въ обморокъ и въ мышцахъ ея явилась странная для него контрактура—необычайной силы.

XL.

Почти всю ночь напролетъ Немировскій не могъ спокойно уснуть. Ему все мерещились Толкуновъ и Донатъ—этотъ странный, загадочный Донатъ Павловичъ Драевскій.

„Они просто въ заговорѣ, чтобы меня одурачить“,—думалъ онъ.

Немировскій вставалъ очень рано и всегда въ одинъ и тотъ же часъ: въ шесть часовъ и лѣтомъ, и зимой. Когда онъ входилъ въ столовую, онъ находилъ уже тамъ Доната и Толкунова. Они были неразлучны, и это сильно раздражало его.

„Хоть бы онъ провалился куда-нибудь!“ — желалъ онъ въ глубинѣ души и отъ чистаго сердца. Но Донатъ нигде не проваливался, а былъ неотлучно съ Толкуновымъ и даже видимо слѣдилъ за нимъ и за самимъ Немировскимъ.

„Они еще, пожалуй, подготовятъ какой-нибудь фокусъ, чтобы меня одурачить“,—подумалъ онъ.

— Скажите,—обратился онъ къ Донату:—вы признаете галлюцинаціи, извращеніе чувствъ и понятій?

— Какъ же! Разумѣется, признаю, но смотрю на нихъ иначе, чѣмъ смотрятъ медицина и психологія.

— Какъ же вы-то смотрите?—спросилъ Немировскій, ударяя насмѣшливо на „вы“.

— Я раздѣляю галлюцинаціи на объективныя и субъективныя,—отвѣчалъ Донатъ.—Субъективныя всѣ отношу къ иллюзіямъ, къ самообманамъ. Объективныя — принадлежать „иному міру“...

— Ну, такое мнѣніе—ваша собственная, субъективная галлюцинація.

Донатъ ничего не отвѣчалъ.

„Съ этими господами,—думалъ Немировскій,—пожалуй, самъ съ ума сойдешь“.

И ему живо представился тотъ міръ, который охватилъ незадолго передъ тѣмъ все европейское образованное общество—то было въ тридцатыхъ годахъ,—всѣ его увлеченія и ошибки, всѣ вѣрованія въ „животный магнетизмъ“. Все это Немировскій называлъ „бабьими бреднями“ и презиралъ до послѣдней

степени, помня авторитетное изслѣдованіе и отзывъ парижской академіи объ этихъ явленіяхъ.

— Скажите же, — спросилъ онъ, — чѣмъ и какъ вы объясняете эти явленія?.. Вы понимаете, что мнѣ, какъ врачу, при томъ психіатру, весьма интересно раскрыть здѣсь: что истинно, реально и что должно поступить въ складъ ошибокъ, заблужденій, иллюзій и самообмановъ?

— Я объясняю это, — сказалъ Донатъ, — вліяніемъ болѣе сильной воли одного человѣка на болѣе слабую волю другого.

И онъ пристально и какъ-то задумчиво посмотрѣлъ на Немировскаго, который, сдѣлавъ удивленное лицо, пренебрежительно пожалъ плечами.

— Мы до сихъ поръ не знаемъ, что такое воля, — сказалъ онъ, — а вы уже строите цѣлую теорію! — и онъ опять насмѣшливо посмотрѣлъ на Доната.

Странно было видѣть эти два индивидуума вмѣстѣ: одинъ во всемъ блескѣ и цвѣтѣ физически-здоровой натуры, — высокій, рослый, сильный своей физической силой и силой своего ума и знанія; другой — небольшого роста, худой, но съ мягкими, симпатичными чертами лица, съ ясными, открытыми, откровенными глазами.

Двѣ личности столкнулись лицомъ къ лицу, грудь съ грудью, и разошлись неразъясненными и упорными въ ихъ неразгаданномъ могуществѣ.

Немировскій не могъ иногда не думать, чтобы въ явленіяхъ, которые совершились передъ его глазами, не было какой-нибудь доли истины. Но на дѣлѣ его умъ не видѣлъ тутъ ничего, кромѣ лжи и заблужденій. Что-то возмущало его до глубины души каждый разъ при мысли, что онъ долженъ взяться за изслѣдованіе этихъ загадочныхъ явленій. Отвращеніе къ нимъ было у него органическое и непреодолимое. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что въ этихъ явленіяхъ лежитъ мосьтъ на ту сторону, на ту „дорогу“, на которой стояла его бѣдная Вѣра.

Между тѣмъ, Толкуновъ нисколько не тяготился своимъ безуміемъ. Онъ не сознавалъ и не чувствовалъ его. Въ его понятіяхъ и взглядахъ все было извращено, все представлялось ему въ другомъ, невѣрномъ, обманчивомъ видѣ.

Онъ долго не могъ вспомнить: что его занимало въ послѣднее время? Надъ чѣмъ онъ работалъ? Наконецъ, онъ вспомнилъ,

что онъ что-то писалъ, но это писаніе представлялось ему въ видѣ большой, бурливой рѣки, и вокругъ него шумѣла буря, и волны укачивали его больную, кружившуюся голову. Онъ долго искалъ написанную имъ рукопись. То онъ ясно вспоминалъ послѣднія главы, послѣднія страницы ея; то все это закрывалъ опять какой-то туманъ. — „Нѣтъ, это не туманъ, — думалъ онъ, — это брызги волнъ, которыя разноситъ вѣтеръ“... То принимался онъ отыскивать и звать Ладю...

Ему казалось, что онъ ходитъ по какой-то мрачной, дикой пустынѣ, ходитъ по колеблющейся, зыбкой почвѣ, въ которой вязнутъ его ноги.

То казалось ему, что онъ идетъ по узенькой тропинкѣ, а по бокамъ ея — страшныя, бездонныя пропасти.

Немировскій ничѣмъ не могъ помочь ему. Онъ давалъ ему наркотическія средства, — но эти средства были бессильны и не дѣйствовали.

Испытывая постоянно неудачу, онъ пробовалъ прибѣгать, какъ къ ultima ratio, къ помощи Доната, и, къ крайнему удивленію его, Драевскій, дѣйствительно, помогалъ больному. Онъ садился подлѣ него, бралъ его руку и говорилъ тихо и сердечно, съ чувствомъ и съ убѣжденіемъ:

— Полно, другъ мой! Полно! Вѣдь все это только кажется тебѣ. Все это твои фантазія, галлюцинаціи. Ну, посмотри, какія здѣсь пропасти?.. Никакихъ нѣтъ. Ровный паркетъ нашей залы...

И часто послѣ такихъ словъ глубокій миръ и покой находили на Толкунова.

Немировскій, наконецъ, измученный своимъ безсиліемъ, не видя средствъ помочь больному, рѣшился отказаться или, по крайней мѣрѣ, оставить его на время и уѣхать въ свою деревню.

„А жаль, — думалъ онъ, — глубоко жаль. Въ первый разъ въ моей практикѣ попалась такая интересная форма острого умопомѣшательства — и приходится отказаться отъ наблюденій“.

И онъ простился съ Ольгой Андреевной и уѣхалъ, къ крайнему удовольствію и Толкунова, и Доната.

По цѣлымъ днямъ Толкуновъ продолжалъ сидѣть молча, въ углу — только бы подлѣ него сидѣлъ его любимый Донатъ. Въ своемъ безуміи Толкуновъ привязался къ нему съ дѣтской, безотчетной любовью. Онъ не жилъ ни своей волей, ни своимъ желаніемъ; онъ благоговѣлъ и подчинялся вполне волѣ Доната Павловича.

Всѣ домашніе видѣли, однако, какъ онъ на глазахъ у всѣхъ тихо и незамѣтно таялъ, исчезалъ.

Къ концу лѣта онъ сдѣлался прозраченъ, какъ стекло, и страшно исхудалъ. Это былъ скелетъ, обтянутый кожей. Но ни разу на его лицѣ не промелькнуло выраженіе скорби, гнѣва и грусти, а на губахъ постоянно была кроткая, добрая улыбка.

Ко всѣмъ онъ относился привѣтливо и ласково, и тихо погасалъ, незамѣтно для себя самого.

Иногда только, по ночамъ, вдругъ раздавался его тихій, призывный голосъ... Онъ звалъ: „Лада! Лада!“ — и замолкалъ.

Онъ сознавалъ, что лежитъ въ бреду. — „А что же въ этомъ бреду истинно и что мнѣ только кажется?“ — думалъ онъ по временамъ.

Въ послѣдніе дни онъ не могъ уже вставать съ постели и почти не отпускалъ отъ себя Доната, держа его за руку.

Пришелъ день рожденія Любы. Ольга Андреевна хлопотала о томъ, чтобы ничто не напомнило ему этотъ день. Но какъ только онъ увидалъ Ольгу Андреевну, то протянулъ ей руку и сказалъ:

— Съ дорогой новорожденной!

— И васъ также, — поспѣшила отвѣтить Ольга Андреевна.

— Знаете ли, — сказалъ онъ ей тихимъ шопотомъ: — она придетъ сегодня ко мнѣ.

Ольга Андреевна вопросительно посмотрѣла на него и подумала: „длинень путь“, — но ничего не промолвила.

Къ вечеру Толкунова не стало.

Онъ умеръ тихо, неслышно, на рукахъ Доната, какъ будто уснулъ.

Ольга Андреевна долго стояла передъ его кроватью и любовалась на его лицо. Оно было такъ свѣтло, покойно, такая тихая, довольная улыбка была на его губахъ, что невольно хотѣлось смотрѣть на него...

Прошло больше четверти вѣка съ того времени. Многое состарилось, многое умерло или исчезло изъ людской памяти во всеуничтожающемъ бѣгѣ времени.

Былъ ясный, солнечный день — одинъ изъ свѣтлыхъ рѣдкихъ осеннихъ дней.

Въ Берлинѣ друзья Немировскаго, его ученики и поклонники, торжественно праздновали его пятидесятилѣтній докторскій юбилей.

Немировский, при входѣ въ залу, избранное для празднованія, былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, который долго заглушалъ его слова. Нѣсколько разъ онъ пытался говорить, но музыка и крики заглушали его голосъ. Наконецъ, первый порывъ стихъ, улегся; Немировский звучнымъ еще голосомъ произнесъ слово въ отвѣтъ на многочисленныя привѣтствія въ его честь, и заключилъ такъ:

„Мы собрались сюда на торжество истины. Она одна ведетъ все человѣчество избранными ею дорогами въ свѣтлый міръ сознанія, къ мудрости, которая одна у всѣхъ вѣковъ и народовъ. Привѣтствую и благодарю васъ отъ лица этой науки, отъ лица истины, всѣмъ руководящей. Она—есть жизнь народовъ и людскихъ обществъ. Она направляетъ постоянно тѣ повороты неправильные, въ которые увлекаютъ все человѣчество людскія мелкія, животныя страсти и влечетъ его выше и выше, къ солнцу правды и высшей мудрости. *Excelsior! Excelsior! Excelsior!*..

„Она, наука, одна должна руководить всѣмъ и всѣми; ибо въ ней—истина!.. Она одна должна указывать намъ дорогу жизни“.

Прошло лѣтъ десять. Ольга Андреевна и Донатъ отказались отъ всякихъ правъ на владѣніе Вознесенскимъ, и оно поступило въ разрядъ выморочныхъ имѣній.

Впослѣдствіи это имѣніе было принято казной, и права вознесенцевъ были уравнены съ правами государственныхъ крестьянъ.

Насталъ, наконецъ, „день отпущенія съ миромъ“, какъ называла его Ольга Андреевна. Еще до свѣта начала собираться толпа на господскомъ дворѣ. Пришли дряхлые старики, бабы принесли грудныхъ младенцевъ, всѣ собрались проститься и проводить свою „добрую барыню“...

Въ десять часовъ, послѣ напутственнаго молебна, вся эта толпа тронулась. Ольга Андреевна шла легко и бодро, опираясь на руку Доната.

Они шли въ небольшую, глухую пустынь, лежащую въ заброшенномъ, медвѣжьемъ углу и торопились дойти до солнечнаго заката. Когда солнце уже почти спускалось за горизонтъ, они вошли въ монастырь этой заброшенной и забытой глухой обители.

Чѣмъ ближе подходили они къ маленькой Краснохолмской обители, тѣмъ бодрѣе и скорѣе шла Ольга Андреевна,—точно

невидимыя крылья несли ее,—а тамъ она осталась и простилась съ Донатомъ. Онъ пошелъ одинъ, и куда скрылся—неизвѣстно, а она черезъ недѣлю постриглась въ женскомъ монастырѣ этой уединенной обители...

Отвѣсныя мѣловыя скалы, маленькая рѣчка, протекающая по широкимъ луговымъ степямъ—вотъ что окружило ее на весь остатокъ ея жизни, полной горя и страданій...

Н. П. Вагнеръ.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ

ВЪ

С.-АМ. СОЕДИН.-ШТАТАХЪ .

1900 г.

Кандидаты республиканской партіи въ президенты и вице-президенты Союза на слѣдующее, послѣ 4-го марта 1901 г., четырехлѣтіе, Макъ-Кинлей и Рузевельтъ, выбраны 6-го прошлаго ноября небывалымъ въ исторіи американскихъ президентскихъ выборовъ большинствомъ: 28 штатовъ и 292 избирательныхъ голоса высказались въ ихъ пользу, тогда какъ на сторонѣ оппозиціи оказались всего 17 штатовъ съ 155 избирательными голосами. Большинство Макъ-Кинлея надъ Брайяномъ исчисляется въ слѣдующемъ 800.000 голосовъ; четыре года тому назадъ, это большинство было меньше 600.000, и высшее до сихъ поръ большинство, поданное въ пользу Гранта въ 1872 г., было 720.000. За Брайяна высказались лишь непримиримый Югъ, утратившій, впрочемъ, штаты Мэрилэндъ, Делаваръ, Нью-Джерсэй и Западную Вирджинію, да четыре мало населенные штата Скалистыхъ-горъ, производящіе, главнымъ образомъ, серебро и оказавшіеся на его сторонѣ исключительно благодаря серебряному вопросу. Сравнительно съ выборами 1896 г., Брайяну потерялъ и земледѣльческій Центръ, даже штатъ Небраску, въ которомъ онъ живетъ самъ, и тихоокеанское побережье; побѣда Макъ-Кинлея и оппортунизма оказывается даже болѣе рѣшительной, чѣмъ были побѣды республиканской партіи непосредственно послѣ побѣдоноснаго окончанія ею междоусобной войны 1861—1865 гг. Въ то же время, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ только-что

прошедшей президентской кампаніи партіи республиканская и демократическая обмѣнялись ролями сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, которое онѣ занимали въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ:—тогда республиканцы представляли собой основные принципы „декларации независимости“ и конституціи Союза, а демократы—оппортунизмъ; теперь же дѣло было какъ разъ наоборотъ, и все-таки „макъ-кинлеизмъ“ одолѣлъ вездѣ и всюду. Хотя политическій барометръ страны, указанія котораго выражаются довольно опредѣленно извѣстными явленіями въ теченіе президентской кампаніи, и предсказывалъ такой результатъ еще прошлой весной и въ особенности по мѣрѣ того, какъ проходило лѣто, тѣмъ не менѣе сами республиканцы были до извѣстной степени ошеломлены подсчетомъ голосовъ—самые ярые изъ нихъ не смѣли мечтать ни о такомъ подавляющемъ большинствѣ, ни о такой широко-распространенной побѣдѣ.

За послѣднія двадцать лѣтъ, политическія кампаніи въ С.-А. Союзѣ совершенно перемѣнили свой характеръ:—организации партій усовершенствованы до мельчайшихъ деталей, охватываютъ собою самые отдаленные уголки страны, самымъ основательнымъ образомъ слѣдятъ за общественнымъ настроеніемъ, борются изъ-за каждаго отдѣльнаго избирателя и не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы захватить его въ свою пользу. Прежде брали, прежде всего, шумомъ и трескомъ, парадами и процессіями, мѣшали съ грязью личности кандидатовъ, обвиняли противниковъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, общественныхъ и частныхъ—словомъ, стремились вліять на массы наружными средствами;—теперь пользуются больше всего печатью и словесными состязаніями, и воздѣйствуютъ на личности, заваливая ихъ и печатнымъ матеріаломъ, и доводами, убѣжденіями черезъ посредство агентовъ организации, выбранныхъ крайне тщательно и съ большимъ разборомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что политическое развитіе массъ удивительно подвинулось впередъ—и въ этомъ отношеніи едва ли можно преувеличить образовательное значеніе современныхъ американскихъ политическихъ кампаній. Избирателя просто заставляютъ думать и разсуждать,—за цѣлые полгода до выборовъ его тормозатъ со всѣхъ сторонъ, убѣждаютъ и уговариваютъ, и только совершенно безнадежное невѣжество, сравнительно рѣдкое между природнымъ американскимъ населеніемъ, остается нетронутымъ этимъ агрессивнымъ политиканствомъ. Давленіе это увеличивало, съ каждымъ президентскими выборами, отношеніе числа подаваемыхъ голосовъ къ населенію, т.-е. заставляло большее и большее число избирателей принимать

въ выборахъ прямое участіе; за послѣдніе пять президентскихъ выборовъ, 1880—1896 годовъ, это число увеличивалось, въ среднемъ, на цѣлый миллионъ каждыя четыре года, и въ 1896 г. достигло тахѣйшаго отношенія ко всему населенію:—только меньше 1⁰/₀ всѣхъ зарегистрированныхъ избирателей не подали голоса въ этомъ году. Настоящая кампанія явилась въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ исключеніемъ—число подавшихъ голоса избирателей осталось, въ сущности, тѣмъ же, что и въ 1896 г. ¹⁾, хотя и население, и регистрація увеличились почти на 8⁰/₀, какъ и прежде, и вышеописанное давленіе несомнѣнно не только не уменьшилось, но и усилилось въ такой же пропорціи, что и прежде. Приблизительно полтора миллиона избирателей воздержались отъ подачи голоса—ожидалась подача около 15.500.000 голосовъ. Значительная часть этой убыли—около ²/₅—объясняется тѣмъ, что большинство южныхъ штатовъ въ теченіе прошлаго четырехлѣтія лишило голоса своихъ негровъ; но убыль остальныхъ ³/₅, или около миллиона, можно объяснить только сознательнымъ воздержаніемъ отъ подачи голоса значительной части населенія. Этотъ миллионъ голосовъ, еслибы онъ былъ поданъ, могъ бы перевернуть результатъ,—и, благодаря этому факту, результатъ этотъ, само собой разумѣется, не имѣетъ того значенія, которое со времени выборовъ ему стараются придать крайніе партизаны республиканской партіи. Она, конечно, побѣдила,—но побѣда эта далеко не такъ многозначительна, какъ она представляется на поверхности, если принимать въ соображеніе только цифры поданныхъ голосовъ. Выборы эти были однимъ изъ серьезнѣйшихъ кризисовъ въ исторіи Союза,—и то, что цѣлый миллионъ избирателей не пожелалъ голосовать, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Является самое законное сомнѣніе—дѣйствительно ли большинство населенія одобряетъ „макъ-кинлеизмъ“ и весь настоящий порядокъ вещей въ Союзѣ, или же на результатъ повлияли особыя причины, какъ, напримѣръ, неумѣлость и неудовлетворительность оппозиціи? Даетъ ли этотъ вердиктъ положительные отвѣты на основные принципиальные пункты разногласій между двумя главными политическими партіями Союза, или же представляетъ собою только неизбѣжный результатъ отсталости всей современной политической системы Союза, неспособной болѣе отвѣчать все болѣе и болѣе усложняющимся требованіямъ его быстро развивающейся политической жизни? Само собой разумѣется, что, въ практическомъ смыслѣ, въ смыслѣ

¹⁾ 13.914.494 въ 1896 г. и 13.967.299 въ 1900 г.

опредѣленія политики Союза на слѣдующее четырехлѣтіе, выборъ Макъ Кинлея и Рузвельта и республиканскаго конгресса не оставляютъ никакихъ сомнѣній—но, въ то же время, по моему крайнему разумѣнію, фактъ этотъ далеко не опредѣлялъ хоть сколько-нибудь удовлетворительно принципиальныхъ различій, уже по одному тому, что, во-первыхъ, цѣлый миллионъ избирателей отказался отъ голосованія, а во-вторыхъ, различій этихъ на этотъ разъ было нѣсколько, и избирателямъ пришлось отвѣтить не на каждое изъ нихъ въ отдѣльности, а на извѣстную совокупность, представлявшуюся „платформами“ партій. Относительная важность этихъ принципиальныхъ различій опредѣлялась каждымъ избирателемъ про себя, и тогда какъ одному вопросъ о валютѣ казался существеннѣе вопроса объ имперіализмѣ, другой думалъ, что дѣйствительнаго урегулированія трѣстовъ можно ожидать только отъ республиканцевъ, и онъ вотировалъ за Макъ-Кинлея, будучи и анти-имперіалистомъ, и сильверитомъ; а третій ставилъ выше всего народное благосостояніе, и боялся рисковать имъ, голосуя за Брайана, хотя теоретически и былъ на его сторонѣ. Тогда какъ, четыре года тому назадъ, къ концу кампаніи единственнымъ вопросомъ оставался серебряный, и исходъ выборовъ опредѣлился именно имъ,—нынѣ такихъ вопросовъ было около полудюжины, и есть всякое основаніе предполагать, что какъ „платформы“ партій были не чѣмъ инымъ какъ весьма сложными компромиссами между ихъ вожаками, такъ и вердиктъ голосованія представляетъ собою только болѣе или менѣе тяжелыя сдѣлки избирателей съ ихъ собственной совѣстью. Еслибы была практическая возможность голосовать по каждому вопросу отдѣльно, результатъ былъ бы, вѣроятно, совершенно другой, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ изъ нихъ. Огромное вліяніе на общій исходъ имѣло и то обстоятельство, что вся „платформа“ республиканской партіи была точнымъ и яснымъ, вполне опредѣленнымъ, даже рѣзкимъ, документомъ, не допускавшимъ никакихъ сомнѣній, и ея кандидаты и ихъ личная исторія вполне ей соответствовали—тогда какъ и исторія національной „конвенціи“, и платформа демократовъ, и, въ особенности, ихъ кандидаты и ихъ прежнее отношеніе къ разнымъ политическимъ элементамъ и событіямъ, были далеко не ясны и допускали всевозможныя толкованія и даже прямо двусмысленное отношеніе къ вещамъ. Въ первомъ случаѣ все было ясно какъ день или какъ дважды два четыре, и избиратель зналъ навѣрное, что онъ получитъ; во второмъ—все, или почти все, было туманно, даже прямо неувѣренно, и избиратель останавливался въ сомнѣніи передъ та-

кой неопредѣленностью. Американскому избирателю недостаточно одного осужденія извѣстныхъ явленій—ему нуженъ и точный и ясный путь, какъ именно реформаторъ предполагаетъ ихъ исправить. А этого-то демократы и не сѣмѣли дать ни въ своей платформѣ, ни въ теченіе кампаніи—они только осуждали зло, не давая средствъ къ его исправленію.

Таковъ былъ общій характеръ этой достопамятной политической кампаніи. Перейду теперь къ описанію ея исторіи и деталей.

I.

Національная „конвенція“ республиканской партіи собралась въ городѣ Филадельфіи очень рано, еще 19-го іюня, и окончила свою работу въ три дня, гораздо быстрѣе обыкновеннаго, такъ какъ и „платформа“, и назначеніе кандидатовъ были въ сущности давно рѣшены напередъ всѣми наличными вожаками партіи. Вся оппозиція заранѣе предрѣшеннымъ основамъ въ средѣ самой партіи была тщательно вытравлена предварительно. Всѣмъ несогласнымъ съ продиктованной въ „Бѣломъ-домѣ“ программой было открыто заявлено, что въ средѣ республиканской партіи для нихъ нѣтъ мѣста. Бывшій спикеръ палаты представителей, Ридъ, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ Союзѣ, былъ выброшенъ за бортъ и вынужденъ удалиться въ частную жизнь. Сенаторъ отъ штата Массачусетса, Хоръ, былъ переизбранъ на слѣдующее шестилѣтіе подъ условіемъ молчанія по вопросу объ имперіализмѣ. Сенаторъ отъ штата Делавара, Веллингтонъ, безусловный противникъ колоніальной политики, былъ грубо оскорбленъ и у себя дома, и въ Вашингтонѣ. Это была первая республиканская національная конвенція, которой, въ сущности, незачѣмъ было собираться, такъ какъ рты ея членовъ были заграждены партійнымъ бичомъ, и свобода обсужденія чего бы то ни было отсутствовала.

Предсѣдателемъ конвенціи былъ выбранъ Лоджъ, сенаторъ федеральнаго сената отъ штата Массачусетса, пользующійся во всемъ Союзѣ заслуженной репутаціей ученаго, очень многосторонняго и талантливаго. Открывая конвенцію, онъ въ мастерской рѣчи чрезвычайно искусно очертилъ все положеніе;—можно было не согласиться съ его логикой по многимъ пунктамъ, но нельзя было не признать практической силы его аргументовъ, или отрицать ихъ цѣлостность и цѣлесообразность. Платформа явилась отзвукомъ этой рѣчи;—начинаясь указаніемъ на порази-

тельное благосостояніе страны, на ея быстрое, небывалое промышленное и коммерческое развитіе, она одобрила самымъ положительнымъ образомъ политику и всю дѣятельность администраціи Макъ-Кинлея и установила слѣдующіе главные пункты: 1) золотую валюту и упроченіе монетнаго и денежнаго закона, проведеннаго 56-мъ конгрессомъ; 2) ихъ отношеніе къ трѣстамъ, которое считаю необходимымъ привести цѣликомъ: „мы признаемъ необходимость и цѣлесообразность добросовѣстной кооперациіи капитала, какъ неизбѣжный результатъ современныхъ дѣловыхъ требованій и въ особенности все расширяющейся внѣшней торговли; но мы осуждаемъ всѣ тайныя соглашенія и комбинаціи съ цѣлью ограничить торговую и промышленную дѣятельность страны, создать монополіи, ограничить производство или контролировать цѣны, и высказываемся въ пользу такого законодательства, которое эффективно предупредитъ и сдержитъ всѣ подобныя злоупотребленія, оградитъ и поощритъ конкуренцію и возстановитъ права производителей, рабочихъ и всѣхъ тѣхъ, кто занимается торговлей и промышленностью“; 3) принципъ протекціонизма во внѣшнихъ тарифахъ, въ связи съ принципомъ взаимности; 4) нѣсколько мелкихъ пунктовъ о постройкѣ Никарагуаскаго канала, лучшихъ путей сообщенія, новомъ министерствѣ торговли и улучшеніи консульской службы, распространенія почтовыхъ удобствъ на деревни, и т. д.; 5) осудила новое законодательство нѣсколькихъ южныхъ штатовъ, лишившее негровъ права голоса, какъ противоконституціонное, вредное и опасное; 6) одобрила политику Макъ-Кинлея относительно трансваальской войны; 7) высказалась за расширеніе торговли съ азіатскимъ Востокомъ и одобрила успѣхъ политики Союза относительно „открытыхъ дверей“ въ Китаѣ; 8) одобрила раздѣлъ Самоанскаго архипелага и присоединеніе Гавайскихъ острововъ; 9) требуетъ безусловнаго исполненія резолюцій конгресса при объявленіи войны Испаніи относительно будущности острова Кубы; 10) относительно острововъ Порто-Рико и Филиппинскихъ высказалась слѣдующимъ образомъ: „принимая на себя, посредствомъ парижскаго трактата, прямую отвѣтственность за наши побѣды въ испанской войнѣ, президентъ и сенатъ заслужили безусловное одобреніе націи. У насъ не было другого выхода, кромѣ уничтоженія испанскаго суверенитета въ Вестъ-Индіи и на Филиппинахъ, и это уничтоженіе создало нашу отвѣтственность передъ свѣтомъ, вынудило насъ поддержать законъ и порядокъ, установить прочное правительство и поддержать международныя обязательства въ этихъ территоріяхъ, неорганизованное населеніе которыхъ на-

шимъ внимательствомъ спасено отъ испанскаго ига. Наша власть тамъ не можетъ быть меньше нашей отвѣтственности, и всюду, гдѣ она возникла, наше правительство должно было поддержать свою власть, какъ свой священный долгъ; оно обязано было подавить вооруженное возстаніе и дать блага свободы и цивилизаціи освобожденнымъ народамъ. Навозможно широкое самоуправленіе, сообразное съ ихъ благомъ и нашими обязательствами относительно ихъ, должно быть имъ обезпечено закономъ“.

Назначеніе кандидатовъ, обыкновенно сопровождаемое многочисленными баллотировками и иногда занимающее нѣсколько дней, въ данномъ случаѣ было сдѣлано въ полтора часа,—оба были назначены единогласно и безъ какой бы то ни было оппозиціи. Вообще, вся эта конвенція отличалась и необычнымъ единогласіемъ, и неизбѣжной, благодаря этому, апатіей, и отсутствіемъ какого-либо интереса. Все было вполнѣ и въ точности извѣстно напередъ, и конвенція была только скучной формальностью.

Какъ ни велики были за послѣднюю четверть вѣка успѣхи защитниковъ всеобщаго мира, сдѣлавшіе возможнымъ такой фактъ, какъ гаагская мирная конференція, тѣмъ не менѣе обаяніе военныхъ успѣховъ и ослѣпленіе военной славой далеко не утратили своего значенія и своихъ подавляющихъ вліяній на судьбы современныхъ народовъ. Едва ли можно отрицать, что Макъ-Кинлей и Рузевельтъ обязаны своей популярностью главнымъ образомъ успѣху испанской войны, въ которой они, вмѣстѣ съ адмираломъ Дюи, были все время центральными фигурами. Ихъ личности, и сами по себѣ недюжинныя, были еще окружены для зауряднаго избирателя тѣмъ опаснымъ ореоломъ, который всегда сопровождаетъ успѣшнаго Марса—это было особенно чувствительно въ отношеніи къ Рузевельту, идолу современной американской молодежи. Вычисляютъ, что свыше 90% впервые подававшихъ нынче голосъ молодыхъ людей, достигшихъ, въ теченіе прошлаго четырехлѣтія, 21 года отъ роду, вотировали за кандидатовъ республиканской партіи именно благодаря назначенію однимъ изъ нихъ Рузевельта. Мнѣ уже приходилось говорить о немъ подробно еще два года тому назадъ, въ моемъ описаніи конгрессіонной кампаніи 1898 года; и тогда уже было очевидно, что онъ не преминетъ занять высшія мѣста въ управленіи Союза въ самомъ непродолжительномъ времени.

Что касается Макъ-Кинлея, нельзя не сознаться, что, несмотря на его наружный успѣхъ, онъ не успѣлъ удержаться на той высотѣ, на которой стоялъ четыре года тому назадъ. Онъ вы-

полнилъ все, что ожидалось отъ его ловкости и дипломатичности, и дѣйствительно оказался однимъ изъ самыхъ искусныхъ и дальновидныхъ политикановъ, какихъ только производилъ Союзъ за всю свою исторію,—а она очень богата людьми этого характера. Онъ сплотилъ и чрезвычайно усилилъ свою партію, сдѣлалъ только сравнительно очень немного неудачныхъ личныхъ назначеній, не былъ ни разу обвиненъ даже своими политическими противниками и врагами въ чемъ-либо нечистомъ—вообще, далъ странѣ болѣе или менѣе добросовѣстную администрацію, и довольно удачно справился съ большинствомъ выпавшихъ весьма обильно на послѣдніе четыре года необычныхъ въ исторіи Союза внутреннихъ и, главное, вѣшнихъ затрудненій. Онъ очень искусно воспользовался испанской войной, чтобы успѣшно и, повидимому, окончательно залечить ту рану, которая постоянно проявлялась между Сѣверомъ и Югомъ со времени междоусобной войны 1861—1865 годовъ; онъ первый смѣло призвалъ на службу странѣ старыхъ генераловъ конфедерации, какъ Ли и Уилера, и не побоялся отличить ихъ по заслугамъ. Ниже я буду имѣть случай говорить подробнѣе о томъ дѣйствительно феноменальномъ переворотѣ въ благосостояніи націи, который несомнѣнно имѣлъ мѣсто за этотъ періодъ времени, и за который, правильно или нѣтъ, большинство страны считаетъ себя обязаннымъ именно умѣлому и дѣловитому управленію Макъ-Кинлея.

Но, несмотря на всѣ эти безспорные кредиты въ балансѣ Макъ-Кинлея, какъ государственнаго человѣка, стоявшаго у кормила правленія самой свободной и самой богатой страны современнаго цивилизованнаго міра во время одного изъ серьезнѣйшихъ кризисовъ въ ея исторіи, онъ не только не удовлетворилъ наиболѣе мыслящія ея сферы, но во многихъ отношеніяхъ заслужилъ и ихъ порицаніе, и даже ненависть.

Сферы эти думаютъ, что руководящимъ своимъ началомъ онъ признавалъ и признаетъ „злобу дня“, и требованія толпы и минуты, подчиняясь имъ въ ущербъ тѣмъ основнымъ принципамъ, на которыхъ покоятся и все прошлое Союза, и его настоящее и будущее благосостояніе. Онъ забылъ великую истину, что „не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ“, и у него не оказалось той стойкости, какой обладали его великіе предшественники—Вашингтонъ, Джефферсонъ и Линкольнъ. Оппортунизмъ самаго грубаго разбора завладѣлъ имъ, и онъ не сумѣлъ оградить націю отъ тѣхъ опасностей и соблазновъ, которые грозятъ побѣдителю во всякой войнѣ. Успѣхъ минуты онъ предпочелъ

успѣху въ исторіи, и не смогъ поставить своего имени на ряду съ лучшими, дѣйствительными слугами человѣчества—хотя случай и давалъ ему полную къ тому возможность.

Національная конвенція демократической партіи собралась 4-го іюля въ городѣ Канзасъ-Сити. Тогда какъ конвенція республиканцевъ собиралась только затѣмъ, чтобы санкціонировать и оформить опредѣленную, заранее выработанную программу, не встрѣчавшую ни откуда въ предѣлахъ партіи ни малѣйшей оппозиціи, — между вожаками демократовъ и ихъ союзниковъ, и до, и во время, и послѣ конвенціи 4-го іюля, не переставали царить непроходимые раздоры и противорѣчія. И платформа, и назначенія, хотя и принятія въ концѣ-концовъ, повидимому, единодушно, въ своей цѣлостности не удовлетворили ни одной изъ многочисленныхъ фракцій, составлявшихъ разноголосую, разношерстную оппозицію настоящему порядку вещей, — оппозицію, безмолвно признававшую въ этомъ году именно національную конвенцію демократовъ выразителемъ своихъ требованій. Только одинъ пунктъ былъ предрѣшенъ заранее — это назначеніе Брайана кандидатомъ въ президенты — и то не потому, что всѣ были согласны на это и считали его кандидатуру необходимой и единственной, а потому, что союзники демократовъ, популисты, или то, что осталось отъ ихъ несомнѣннаго разложенія, и отщепенцы республиканцы-сильвериты и анти-присоединители стояли за него безусловно, и еще за полгода до конвенціи прокричали на весь Союзъ, что безъ ихъ помощи демократамъ нечего и мечтать о побѣдѣ. Въ средѣ же самихъ демократовъ была могучая, хотя и скрытая оппозиція и самому Брайану, и продиктованной имъ чикагской платформѣ 1896 года, — и есть всякія основанія предполагать, что оппозиція эта, хотя и подала за него свои голоса въ конвенціи, но сдѣлала это не потому, что рассчитывала на побѣду съ нимъ, а напротивъ, желая и предвидя поражение и ему, и тѣмъ идеямъ, которыя представляетъ собою вышеупомянутая платформа. Она думала, что такое поражение сниметъ навсегда и его, и эту платформу съ политической арены страны, и вернетъ демократическую партію на тотъ путь, который она покинула четыре года тому назадъ, благодаря неестественному, безумному, какъ его часто называютъ, возбужденію чикагской конвенціи 1896 года. Многіе знатоки нашей политической жизни приписываютъ этой неискренности, этой прямой измѣнѣ, самую серьезную роль въ небываломъ пораженіи, понесенномъ Брайаномъ на выборахъ. Анализируя выборныя данныя и вообще, и по штатамъ, они утверждаютъ, что не только видятъ въ этомъ

объясненіе милліона неподанныхъ голосовъ, но и доказательство того, что не одна сотня тысячъ голосовъ была втайнѣ подана противъ Брайана старыми демократами, не могущими переварить всего того, что представляетъ собою такъ называемый „брайанизмъ“. Тайная истинная исторія какъ конвенціи, такъ и кампаніи еще надолго, конечно, останется секретомъ вожаковъ—можетъ быть, даже умереть съ ними;—но даже и теперь едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что вышеупомянутые союзники демократовъ, въ сущности, навязавшіе имъ и кандидата въ президенты, и платформу, оказались въ дѣйствительности численно гораздо слабѣе, чѣмъ тѣ элементы, которые были оттолкнуты отъ партіи этимъ союзомъ и исполненіемъ его требованій.

Такъ какъ Брайанъ былъ или считался неизбѣжнымъ, то и платформа была продиктована имъ. Увлеченіе свободной чеканкой серебра было далеко не такъ сильно въ конвенціи, какъ четыре года тому назадъ—по крайней мѣрѣ двѣ-трети делегатовъ были открыто противъ нея—и несмотря на то, что всѣмъ и каждому было извѣстно, что Брайанъ ставитъ этотъ пунктъ условіемъ своего согласія сдѣлаться кандидатомъ, комитетъ по составленію платформы принялъ его только большинствомъ одного голоса, 23 противъ 22. Комитетъ этотъ составляется назначеніемъ одного члена отъ каждаго штата, несмотря на его населеніе и территорію,—и большинство это представляло не большинство населенія Союза, а только большинство составляющихъ его политическихъ единицъ—штатовъ, образовавшееся изъ коалиціи Юга съ серебро-производящими штатами Скалистыхъ горъ. 22 поданныхъ противъ свободной чеканки серебра голоса представляли собою около четырехъ-пятыхъ населенія Союза и девять-десятыхъ его богатства.

Платформа партіи, какъ она была принята конвенціей, состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) „Признавая декларацію независимости духомъ, а конституцію—буквой основныхъ законовъ Союза, мы осуждаемъ безусловно настоящую колоніальную политику правительства. На островѣ Кубѣ обязательства націи при объявленіи войны до сихъ поръ не исполнены, и жадные чиновники разоряютъ его; въ Порто-Рико происходитъ то же самое, и принятое республиканской партіей относительно этого острова тарифное огражденіе мы признаемъ открытымъ и грубымъ нарушеніемъ всѣхъ основныхъ нашихъ государственныхъ принциповъ; на Филиппинскихъ островахъ мы силою оружія подавляемъ борьбу народа за свою независимость,—народа, которому мы не можемъ даровать правъ нашего гражданства безъ ущерба на-

шей цивилизации, и который мы не можем сдѣлать нашими подданными безъ опасности для духа и формы нашего собственнаго правительства; мы требуемъ объявленія ихъ независимости подъ нашимъ протекторатомъ. Настоящая политика правительства относительно этихъ острововъ диктуется жаднымъ коммерціализмомъ, и ошибочна уже по одному тому, что стоимость войны превышаетъ во много разъ всѣ возможные въ самомъ отдаленномъ будущемъ торговые выгоды. 2) Мы одобряемъ только такое расширеніе нашихъ границъ, которое представляетъ возможность даровать населенію права нашего гражданства. 3) Мы осуждаемъ милитаризмъ и увеличеніе арміи, безъ которыхъ настоящая колоніальная политика правительства немислима. 4) Мы осуждаемъ тресты, и объявляемъ, что наша партія будетъ безпощадно воевать съ монополіями всякаго сорта. Существующіе противъ нихъ законы должны исполняться, и новые, болѣе суровые, должны быть изданы, и вся конституціонная власть конгресса должна быть направлена на этотъ предметъ. Ввозные тарифы должны быть измѣнены такъ, чтобъ они не покровительствовали монополіямъ. Корпорации должны быть ограждены во всѣхъ ихъ правахъ, и ихъ законные интересы уважаемы, но всякая попытка съ ихъ стороны вліять на общественныя дѣла или контролировать ту власть, которая ихъ создаетъ, должна быть воспрещена подъ страхомъ такого наказанія, которое бы сдѣлало ихъ невозможными. 5) Настоящій тарифъ Динглея только помогаетъ трестамъ. 6) Мы требуемъ свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16, независимо отъ всего остального міра. 7) Нѣсколько мелкихъ пунктовъ о постройкѣ Никарагуаскаго канала, монетномъ законѣ, пенсіяхъ, ирригаціи и т. д. 8) Мы осуждаемъ дурно скрытый союзъ съ Англіей, и симпатизируемъ борьбѣ буровъ за свободу. 9) Мы осуждаемъ военные налоги и ту расточительность, съ которой настоящее правительство ихъ расходуетъ. 10) Мы думаемъ, что самыя священныя основы нашего существованія и свободы находятся въ опасности, и объявляемъ войну съ имперіализмомъ главнымъ вопросомъ настоящей кампаніи.

По принятіи платформы, кандидатомъ въ президенты былъ единогласно назначенъ Брайанъ, въ вице-президенты—Стивенсонъ, уже отслужившій четыре года въ этомъ званіи въ теченіе второго президентства Кливелэнда въ 1892—1896 годахъ, человекъ ничѣмъ рѣшительно не выдающійся и даже непопулярный, и не могшій представить никакого противовѣса Рузвельту.

Въ 1896 г. Брайанъ былъ совершенно неизвѣстной вели-

чиной, вынесенной на самый верхъ политической арены страны импульсивностью чикагской конвенціи. Это былъ экспромптъ, оказавшійся крайне неудачнымъ по конечнымъ результатамъ для возвысившей его партіи. Его знаменитая фраза—что демократическая партія не позволитъ распять человечество на золотомъ крестѣ—такъ и осталась фразой—и только еще разъ подтвердила ту безспорную для американской политики аксіому, что на фразахъ здѣсь далеко не уѣдешь. Въ теченіе президентской кампаніи 1896 г. онъ былъ необыкновенно щедръ на всяческія предсказанія — ошибка, обыкновенно фатальная для американскихъ политическихъ дѣятелей. Нельзя также сказать, чтобъ его довольно шумливая дѣятельность за послѣдніе четыре года принесла и странѣ, и ему лично какую-либо пользу—кромя развѣ того, что онъ разбогатѣлъ и изъ бѣднаго человѣка успѣлъ сдѣлаться серьезнымъ капиталистомъ, стоящимъ теперь нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Онъ очень много говорилъ за это время, но ничего не сдѣлалъ—кромя нѣсколькихъ существенныхъ промаховъ. Такъ, во время горячки возбужденія испанской войной, лѣтомъ 1898 года, онъ согласился принять полковничій чинъ и командованіе волонтернымъ полкомъ своего штата, никогда не бывши въ военной службѣ и не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія. Отличиться какъ бы то ни было ему не пришлось, такъ какъ полкъ этотъ простоялъ всю войну въ лагерѣ и не понюхалъ пороха—а пиши для каррикатуръ и комическихъ стишковъ это нелѣпое полковничество дало не мало и не мало уронило его личный престижъ. Затѣмъ, когда былъ заключенъ парижскій трактатъ, и судьба его висѣла на волоскѣ въ федеральномъ сенатѣ, онъ поспѣшилъ въ Вашингтонъ, и своими личными настояніями повліялъ на нѣсколькихъ сенаторовъ-демократовъ, не желавшихъ вотировать за ратификацію этого трактата, принесшаго съ собою и настоящую колониальную политику, и всѣ тѣ особенно непріятныя стороны, которыми отличается современный „макъ-кинлеизмъ“. Безъ участія Брайана трактатъ этотъ несомнѣнно бы провалился, не было бы филиппинской войны, не было бы имперіализма, не было бы тѣхъ опасностей, съ которыми связано все это несчастное дѣло. Хлопотать за ратификацію трактата—отца и причины присоединительной политики—и потомъ смѣло объявить анти-имперіализмъ главнымъ вопросомъ кампаніи — было, по меньшей мѣрѣ, непоследовательно. Брайанъ объясняетъ это свое вмѣшательство тѣмъ, что онъ рассчитывалъ, что Филиппинскимъ островамъ легче добиться независимости, будучи уступленными Испаніей Америкѣ, чѣмъ оставаясь подъ испанскимъ владычествомъ,—но это объ-

яснение и слабо само по себѣ, и только подтверждаетъ его государственную неадаптированность и неумѣнье правильно оцѣнивать событія. Наконецъ, въ теченіе послѣдняго года, онъ жестоко уронилъ свою личную репутацію тѣмъ, что близко сошелся съ Крузеромъ, диктаторомъ нью-іоркскаго „Таммани-Голла“, этого позорнѣйшаго пятна на всемъ государственномъ тѣлѣ Американскаго Союза. Я лично думаю, что его дружба съ Крузеромъ повредила ему въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей больше всего остального; — многіе примирились бы и съ его упорствомъ по серебряному вопросу, и съ его полковничествомъ и предсказаніями, — но не могли переварить этой дружбы, заставлявшей относиться крайне подозрительно къ главнымъ его предполагаемымъ достоинствамъ — честности и искренности.

Настоящая кампанія была особенно богата числомъ независимыхъ платформъ и кандидатовъ и помимо двухъ главныхъ партій. Въ каждомъ штатѣ ихъ было не меньше 6-ти, въ нѣкоторыхъ — 8 и даже 10. Популисты разбились на двое; бѣдшая часть слилась съ демократами, но было и меньшинство, съ Баркеромъ, какъ кандидатомъ въ президенты. Это меньшинство, назвавшее себя „middle of the Road“, не получило и 50.000 голосовъ по всему Союзу — и популистскую партію, какъ нѣчто независимое, настоящая кампанія окончательно сдала въ архивъ. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать; съ тѣхъ поръ, какъ партія эта открыто объявила себя представительницей одного земледѣльческаго класса, — она неизбежно должна была пойти по стопамъ грэнжеровъ, затѣмъ гринбаверовъ. Прогрессионисты, съ энергичнымъ и искреннимъ Вудлеемъ во главѣ, вели нынче очень шумную кампанію — и получили больше голосовъ, чѣмъ когда-либо прежде, не повліявъ, однако, на результатъ ни въ одномъ штатѣ. Были и платформы, и тикеты социаль-демократовъ и социалистовъ-рабочихъ, но далеко не во всѣхъ штатахъ, и оба ихъ тикета вмѣстѣ получили гораздо меньше голосовъ, чѣмъ прогрессионисты. Что социализмъ не успѣлъ пустить никакихъ серьезныхъ корней въ Союзъ и до сихъ поръ — было доказано поразительнымъ неуспѣхомъ Дебса, кандидата социаль-демократовъ. Только пять лѣтъ тому назадъ, во время великой желѣзнодорожной стачки, онъ былъ безусловнымъ диктаторомъ американскаго желѣзнодорожнаго Союза и имѣлъ за собой свыше трехсотъ тысячъ его членовъ; ожидали, что, съ его назначеніемъ кандидатомъ національной партіи и возможностью голосовать за него, онъ удвоитъ, по крайней мѣрѣ, эти триста тысячъ своихъ завѣдомыхъ приверженцевъ — въ дѣйствительности же оказалось,

что по всему Союзу за него было подано всего 93.000 голосъ.

Не мало было попытокъ организовать независимую партію анти-империализма и золотой валюты, и многія лица съ національной репутаціей принимали участіе въ съѣздахъ по этому поводу. Одинъ изъ такихъ съѣздовъ высказался въ пользу Брайана; другой составилъ національную платформу изъ этихъ двухъ пунктовъ и назначилъ кандидатовъ; но они отказались—и движеніе это такъ и окончилось ничѣмъ. И платформъ, и кандидатовъ было и безъ того много; и вожаки, и рядовые послѣдователи этого движенія не могли не понимать, что оно окажется безуспѣшнымъ, за недостаткомъ и времени, и средствъ, и, главное,—организациі.

II.

Промышленное и коммерческое развитіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ за послѣдніе четыре года представляетъ собою, по своей быстротѣ и силѣ, небывалый прогрессъ во всей исторіи цивилизованнаго міра. Союзъ перегналъ Великобританію и въ производствѣ каменнаго угля, желѣза и стали, и въ суммѣ своего мануфактурнаго вывоза, составляющаго теперь вмѣстѣ съ металлами и минералами, половину всего экспорта страны, достигшаго въ 1900 г. поразительной суммы въ \$ 1.477.949,666⁰⁰. Торговый балансъ въ пользу Союза достигаетъ \$ 650.000.000⁰⁰ и превышаетъ собою сумму торговыхъ балансовъ въ пользу всѣхъ остальныхъ странъ міра, вмѣстѣ взятыхъ. Америка не только не занимаетъ больше денегъ у Европы, но и даетъ ихъ ей въ долгъ;—за послѣдніе три года на нью-іорской биржѣ были помѣщены бельгійскіе, германскіе, шведскіе государственные, русскіе и швейцарскіе желѣзнодорожные займы. Американское техническое превосходство таково, что Союзъ поставляетъ весь матеріалъ—рельсы, проволоку, вагоны—и работу для электрическихъ дорогъ города Лондона, локомотивы и вагоны для желѣзныхъ дорогъ Франціи и Испаніи, желѣзнодорожные мосты для Капской колоніи и Австраліи, и даже перерабатываетъ на своихъ плавильныхъ заводахъ добываемую въ этой послѣдней мѣдь, прежде чѣмъ она идетъ на фабрики Англіи. Захватъ иностранныхъ торговыхъ рынковъ для деревянныхъ и металлическихъ издѣлій всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности идетъ чрезвычайно быстро, почти всюду мгновенно уничтожая всякую конкуренцію; за послѣдніе четыре года было осно-

вано больше новыхъ пароходныхъ линій изъ одного города Нью-Йорка во всѣ концы свѣта, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ, вмѣстѣ взятомъ, и то же самое приходится сказать и о числѣ занятыхъ такими новыми линіями пароходовъ. Американскія мануфактурныя издѣлія не только вытѣсняютъ англійскія на внутреннемъ рынкѣ Англіи и въ британскихъ колоніяхъ, но и германскія, и французскія у себя дома, несмотря на высокіе, прямо запретительные, казалось бы, ввозные тарифы этихъ странъ. Тогда какъ ввозъ Германіи съ 1872 по 1899 г. возросъ на 64⁰/о, импортъ Союза за то же время возросъ только на 24⁰/о; а экспортъ первой возросъ всего на 42⁰/о, второго—на 81⁰/о. Еще только въ 1890 г. Союзъ на \$ 690.000.000⁰⁰ экспорта земледѣльческихъ продуктовъ вывезъ всего на 57 м. мануфактурныхъ издѣлій всякаго рода,—а въ 1900, онъ вывезъ ихъ на 441 милл., да, кромѣ того, на 286 милл. желѣза, мѣди, каменнаго угля и веросина; 10 лѣтъ тому назадъ только вывозъ послѣдняго имѣлъ значеніе. Тогда какъ 15 лѣтъ тому назадъ вывозъ мѣди, свинца, алюминія и издѣлій изъ нихъ считался всего нѣсколькими сотнями тысячъ,—въ 1900 г. Союзъ сталъ первымъ по ихъ вывозу въ числѣ всѣхъ націй міра. Тогда какъ только 10 лѣтъ тому назадъ англійскіе города и желѣзнодорожныя компаніи и британскія колоніальныя правительства и не предполагали, что могутъ купить что-либо въ Америкѣ,—теперь ни одинъ значительный заказъ не обходится безъ запросовъ цѣнъ по сю сторону океана, и въ девяти случаяхъ изъ десяти американскіе заводчики получаютъ ихъ, такъ какъ и цѣны ихъ оказываются дешевле, и требуемыя издѣлія могутъ быть ими поставлены въ болѣе короткіе сроки, несмотря на отдѣляющее ихъ разстояніе. Замѣчательно, что для потребностей трансваальской войны само великобританское правительство въ лицѣ своего интендантскаго вѣдомства закупало провизію, обмундированіе, повозки, сбрую, муловъ и лошадей, даже отчасти вооруженіе и патроны, именно въ Америкѣ. Рассказываютъ, что когда, благодаря мѣстнымъ южно-африканскимъ условіямъ, англійской арміи пришлось принять тамъ новый образецъ патронташа, нью-іорскіе дѣльцы взялись поставить ихъ и вдвое дешевле, и, главное, втрое скорѣе, чѣмъ это брались-было сдѣлать ихъ лондонскіе конкуренты; заказъ, конечно, достался имъ, и они и блистательно его выполнили, и нажили на немъ огромныя деньги. Европейская пресса послѣднихъ лѣтъ не перестаетъ трубить о постепенномъ, якобы, порабощеніи англійскаго рынка германскими мануфактурными издѣліями, и о свирѣпой промышленной борьбѣ этихъ

двухъ націй; и то, и другое, по моему крайнему разумѣнію, отходить далеко на задній планъ, сравнительно съ тѣмъ прогрессомъ, который дѣлають на томъ же англійскомъ рынкѣ американскіе товары, только безъ тѣхъ сенсационныхъ треска и шума, которыми сопровождается борьба англо-германская. Такъ, вывозъ въ Англію американской стали въ болванкахъ, начавшійся всего три года тому назадъ, достигъ въ 1900 г. 170.000 тоннъ, тогда какъ ни Германія, ни Бельгія, ни Франція до сихъ поръ не успѣли ввезти въ Англію ни одного фунта.

Само собой разумѣется, что лихорадочное промышленное возбужденіе, вызванное во всей странѣ небывалымъ заграничнымъ спросомъ на ея издѣлія, не могло не повліять на всю ея внутреннюю жизнь. Повсюду строятся новые заводы и фабрики, въ рудникахъ не хватаетъ рабочихъ рукъ, возобновилась постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ—въ 1900 г. было построено 5.100 миль, тогда какъ только еще въ 1895 г. всего 1.650;—безработица, которая, пять лѣтъ тому назадъ, вызвала походъ рабочихъ на Вашингтонъ, уступила мѣсто самому живому запросу на трудъ, всюду подняла на него цѣну и быстро улучшила общія жизненные условія. Наилучшими показателями народнаго благосостоянія, „хорошихъ временъ“, у насъ считаются господствующій процентъ на деньги, состояніе сберегательныхъ банковъ, обороты коммерческихъ, и успѣхъ или неуспѣхъ стачекъ. Процентъ на капиталъ, поднимавшійся до сравнительно значительныхъ размѣровъ въ 1894 и 1895 годахъ, съ тѣхъ поръ постоянно падалъ: государственные займы Союза конвертированы теперь въ такія облигаціи, которыя приносятъ всего 2% годовыхъ; муниципальные займы городовъ и штатовъ, еще десять лѣтъ тому назадъ приносившіе 6 и даже 8%, теперь помѣщаются за 3, даже за 2³/₄%; деньги такъ обильны и такъ настойчииво ищутъ помѣщенія, что теперь даже на крайнемъ Западѣ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ 10 и 12% считались низкими, а 15—нормальными, частные займы заключаются изъ 6 и даже 5%, а въ большихъ городахъ Востока и Центра—изъ 4 и 3¹/₂. Всѣ бумажныя цѣнности, промышленныя, банковыя и коммерческія, поднялись вдвое, нерѣдко втрое; даже бездивидендныя желѣзнодорожныя акціи, съ чисто спекулятивной, проблематичной стоимостью только въ будущемъ, находятъ помѣщеніе по хорошимъ цѣнамъ. Обороты коммерческихъ банковъ съ 50 милліардовъ въ 1895 г. поднялись до 105 въ 1900 г.; а число и стоимость вкладовъ въ сберегательныя—ростутъ не по днямъ, а по часамъ, и въ нѣсколькихъ промышленныхъ штатахъ Востока

число владовъ превышаетъ все взрослое рабочее населеніе обоого пола—не только главы семей состоятъ владчиками, а и другіе ихъ члены, включая дѣтей. Отчеты сберегательныхъ банковъ Массачузетса, Коннектикута, Родъ-Айленда поражаютъ наблюдателя тѣми цифрами, которыми опредѣляются сбереженія рабочаго населенія этихъ штатовъ и его быстро возрастающее благосостояніе. За послѣдніе два-три года газеты были полны извѣстіями о случаяхъ добровольнаго повышенія заработной платы хозяевами, особенно въ специальностяхъ, каковы дѣло желѣзное, стальное, стеклянное; даже хлопчатобумажныя фабрики Юга не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ Сѣвера. Стачекъ въ 1899 и 1900 годахъ было вообще гораздо меньше обыкновеннаго—и почти всѣ онѣ увѣнчивались успѣхомъ. Особенно знаменателенъ былъ успѣхъ стачки каменноугольной въ антрацитномъ районѣ Пенсильваніи, гдѣ углекопы, несмотря на „хорошія времена“ и превосходную организацію, уже много лѣтъ безуспѣшно пытались улучшить свое положеніе;—прошлымъ лѣтомъ требованіе на каменный уголь было такъ велико, что запасы его быстро истощились, и президентъ углекопно-антрацитнаго союза Митчель, воспользовавшись благоприятными условіями и достигнутымъ имъ совершенствомъ организаціи, сразу остановилъ работу во всемъ районѣ:—около 200.000 углекоповъ забастовали и, послѣ пяти-недѣльной стачки, заставили хозяевъ принять всѣ ихъ условія. Стачка эта, какъ по числу участниковъ, такъ и, главное, по тому самообладанію и порядку, которые они сумѣли сохранить въ своихъ рядахъ, несмотря на всевозможное провокаторство, была совершенно исключительнымъ явленіемъ даже въ очень богатой столкновеніями между капиталомъ и организованнымъ трудомъ Америкѣ, и окончилась полной побѣдой рабочихъ. Митчель, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, являлся сразу однимъ изъ популярнѣйшихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, проявивъ удивительную твердость характера и доказавъ свое безусловное вліяніе на такую массу людей въ такое трудное время.

Долго ли продолжится эта кипучая, чисто лихорадочная промышленная и коммерческая дѣятельность, и какъ скоро наступитъ неизбежная реакція, и насколько она будетъ остра—предсказать, конечно, трудно,—но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что произошелъ быстрый и повсемѣстный подъемъ народнаго благосостоянія, и что подъемъ этотъ, въ связи съ хорошими земледѣльческими урожаями, сыгралъ главную роль въ результатѣ президентской кампаніи—въ побѣдѣ Маъ-Кинлея и республиканской партіи. Сотни тысячъ избирателей въ средѣ дѣ-

ловыхъ и рабочихъ классовъ, теоретически не сочувствуя ни Макъ-Кинлею, ни его партіи, подали, тѣмъ не менѣе, свои голоса за него только потому, что дрожали за свое настоящее довольство и опасались серьезнѣйшихъ пертурбацій въ случаѣ его поражения. „Отъ добра—добра не ищутъ“, было ихъ главнымъ и часто единственнымъ мотивомъ. Маленькій „буржуй“, который только-что началъ разжигаться, ремесленникъ, который вмѣсто двухъ съ половиною долларовъ въ день сталъ получать четыре, фабричный, который вмѣсто 7—8 мѣсяцевъ въ году работаетъ всѣ 12, да еще съ прибавкой 10% къ своей заработной платѣ, фабрикантъ, удвоившій или утроившій за послѣдніе два года свое состояніе—всѣ они, конечно, стремятся продолжить „хорошія времена“, приписываютъ ихъ появленіе политикѣ республиканской партіи, и, само собою разумѣется, голосуютъ за нее, увлекая за собою и многихъ сомнѣвающихся и способныхъ шире взглянуть на вещи и на все положеніе. И вотъ этимъ-то голосамъ, этимъ-то чисто стяжательнымъ наклонностямъ человѣческой природы Макъ-Кинлей главнымъ образомъ и обязанъ, по моему крайнему разумнію, своимъ переизбраніемъ. Ошибки Брайяна и оппозиціи были велики, но онѣ только удержали миллионъ избирателей отъ голосованія, — активной же силой оказались тѣ элементы, которые быстро богатѣютъ, благодаря настоящему режиму, и приложили всевозможное стараніе, чтобы продолжить его. Отвлеченные принципы, какъ бы важны и существенны они ни были, утратили на время свое вліяніе—жажда наживы пересилила ихъ и добила нужного ей вердикта всей націи.

III.

Въ теченіе президентской кампаніи 1896 г. главнымъ аргументомъ Брайяна въ пользу свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16 было его убѣжденіе и предсказаніе, что демонетизація серебра, если золото побѣдитъ, вызоветъ сокращеніе денежныхъ знаковъ въ обращеніи, — сокращеніе, которымъ немедленно воспользуется денежный міръ и сдвинетъ должника, какъ государственнаго и общественнаго, такъ и частнаго, и вынудитъ его платить лихвенный процентъ за занятые и занимаемыя деньги—словомъ, что произойдетъ недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, который, какъ и всякій другой недостатокъ въ чемъ-либо, вызоветъ вздорожаніе денегъ, въ данномъ случаѣ главнымъ

образомъ золота, и удешевленіе труда и всѣхъ его продуктовъ. Предсказаніе это не только не подтвердилось, но и произошло совершенно обратное явленіе. Тогда какъ въ 1896 г. было въ обращеніи въ Союзѣ \$ 21¹⁰ всѣхъ денежныхъ знаковъ на каждого жителя,—въ 1-ому сентября 1900 г. эта сумма возросла до \$ 26⁵⁵, т.-е. больше per capita, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ цивилизованномъ государствѣ, за исключеніемъ Франціи, и деньги стали дешевле, и процентъ на нихъ упалъ не меньше, чѣмъ на цѣлую треть. Свободные запасы золота увеличились во всемъ мірѣ, а въ Союзѣ въ особенности; за послѣдніе два года государственное казначейство Соединенныхъ Штатовъ не разъ должно было прибѣгать къ специальнымъ мѣрамъ, чтобы убавлять время отъ времени скопившееся въ немъ небывалое прежде количество звонкой монеты, и все-таки количество это и до сихъ поръ постоянно возрастаетъ, чѣмъ безусловно доказывается полное пресыщеніе отъ потребленія страной денежныхъ знаковъ вообще. Напомню читателю, что еще въ началѣ 1896 г., задолго до разгара президентской кампаніи этого года, въ моей статьѣ „О золотѣ“ („Вѣстникъ Европы, май, 1896 г.), я указывалъ на несомнѣнное и неизбѣжное увеличеніе запасовъ золота въ самомъ близкомъ будущемъ. Всѣ положенія этой статьи безусловно подтвердились послѣдовавшими событіями, и хотя добыча золота въ Трансваалѣ, вслѣдствіе случайныхъ причинъ, совершенно прекратилась больше чѣмъ на годъ, непредвидѣнный недочетъ этотъ былъ сполна и даже съ лихвой пополненъ увеличеніемъ добычи въ другихъ странахъ. Добыча золота увеличивается съ каждымъ годомъ, а также и его излишекъ, остающійся отъ производствъ золотыхъ издѣлій; излишекъ этотъ обращается немедленно въ монету, и въ странахъ съ большимъ торговымъ балансомъ въ ихъ пользу, каковъ Союзъ, быстро поднимаетъ сумму денежныхъ знаковъ въ обращеніи per capita. Не исполнилась и другая часть предсказанія Брайана—относительно неизбѣжности удешевленія труда и его продуктовъ, о чемъ я уже говорилъ подробно въ предыдущей главѣ; теперь же прибавлю только, что за послѣдніе четыре года въ Америкѣ какъ сельско-хозяйственные, такъ и всякіе другіе продукты вздорожали соотвѣтственно съ вздорожаніемъ цѣны на трудъ,—въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, на 10⁰/о,—несмотря на прочное установленіе золотой валюты, и это вздорожаніе, а слѣдовательно, и удешевленіе денежныхъ знаковъ и золота, если измѣрять положеніе съ точки зрѣнія Брайана, такъ.

очевидно и несомнѣнно для всякаго, что никакой споръ въ этомъ отношеніи совершенно невозможенъ ¹⁾.

Въ то же время, за эти четыре года, вся Южная и Центральная Америка и многія государства Европы и Азии перешли съ серебряной валюты на золотую. Въ настоящій моментъ исключеніе составляютъ только азіатскій Востокъ—кромѣ Японіи—и Мексика, потому что именно она все еще снабжаетъ этотъ Востокъ его главной серебряной монетой—мексиканскимъ долларомъ. И все-таки, несмотря на громадныя выгоды отъ сеньоража при этой чеканкѣ, Мексика уже рѣшила перейти на золотую валюту;—представители ея правительства находятся въ настоящее время въ Вашингтонѣ, подготавливая эту перемену. Серебряная валюта оказывается настолько разорительной для народнаго благосостоянія, что хотя Мексикѣ и придется купить сразу массу золота для установленія его обращенія, и отказаться отъ чеканки своихъ серебряныхъ долларовъ для вывоза, тѣмъ не менѣе эти два зла она считаетъ мѣньшими, чѣмъ продолженіе неопредѣленной, вѣчно колеблющейся монетной валюты, дѣлающей всякую иностранную сдѣлку очень опасною, а часто и прямо невыносимою.

Но, несмотря на всѣ эти факты, съ теченіемъ времени сдѣлавшіеся у насъ всенароднымъ достояніемъ и существенно измѣнившіе сумму распространеннаго въ массахъ знанія о серебряномъ вопросѣ вообще и ихъ къ нему отношеніе, несмотря на очевидную оппозицію значительнаго большинства въ средѣ его собственной партіи, Брайанъ все-таки безусловно настаивалъ на включеніи требованія свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16—въ платформу демократовъ. Это было не что иное, какъ требованіе диктатора, увѣреннаго въ своей силѣ, требованіе, которое, заведомо устанавливая напередъ пораженіе партіи въ глазахъ собственнаго большинства, въ то же время не имѣло и не могло имѣть никакого реальнаго значенія, еслибъ она даже и побѣдила. Золотая валюта прочно установлена денежнымъ закономъ прошлаго конгресса;—составъ федеральнаго сената таковъ, что республиканское въ немъ большинство обезпечено на цѣлыхъ 8 лѣтъ впередъ,—и еслибъ Брайанъ и былъ избранъ, то въ теченіе четырехлѣтняго срока своего президентства онъ не могъ бы ни уничтожить этого закона, ни провести новаго о свобод-

¹⁾ Я не буду излагать всей аргументаціи сальверитовъ и ихъ противниковъ, а обращу вниманіе интересующихся на мои статьи въ „Вѣстникъ Европы“—„Президентская кампанія 1896 г.“, январь, 1897 г.; „О серебрѣ“, декабрь, 1897 г.

ной чеканѣ серебра;—какое практическое значеніе могло имѣть это нелѣпное требованіе въ національной платформѣ демократической партіи? Оно было только пугаломъ, перегнавшимъ, *mini-mum*, полмилліона избирателей въ противный лагерь и, въ связи съ другими непослѣдовательностями и ошибками, удержавшимъ цѣлый милліонъ отъ голосованія. Сознавая неизбежную опасность этого пугала и стремясь уменьшить ея значеніе, демократы заявили, что считаютъ главнымъ спорнымъ вопросомъ анти-имперіализмъ,—что опять-таки было самой непростительной политической ошибкой, такъ какъ дало возможность республиканцамъ во все теченіе кампаніи кричать именно о серебрѣ и его опасностяхъ; они справедливо возражали, что не важенъ порядокъ требованій извѣстной платформы,—неважно, что всѣ составители считаютъ дѣломъ первой, и что второстепенной важности,—важно, чего они требуютъ и что обязываются привести въ исполненіе, если одержать на выборахъ побѣду. Политическая партія ответственна за *все* свои деклараціи, и во время политической кампаніи должна отвѣчать противнику на *все* его нападенія;—а республиканцы, искусно обходя имперіализмъ и отсылая демократовъ въ этомъ отношеніи къ своей платформѣ, неизмѣнно переходили на серебряный вопросъ и въ немъ безнадежно разбивали самыхъ искусныхъ, самыхъ опасныхъ и талантливыхъ ораторовъ оппозиціи по всѣмъ пунктамъ. То, что демократы желали держать въ хвостѣ своей оппозиціи, оказывалось неизмѣнно въ головѣ, и такая перемѣна фронта повредила имъ только немногимъ меньше главнаго фактора выборовъ—несомнѣннаго настоящаго матеріальнаго благосостоянія націи.

Какъ я уже упомянулъ выше, идея свободной чеканки серебра за послѣдніе четыре года значительно утратила свой прежній престижъ въ глазахъ массъ;—только немногіе, чисто радикальные элементы партій остались ея приверженцами. Воскрешать это мертвое тѣло, глубоко зарытое выборами 1896 года, было политическимъ безуміемъ, фатальной ошибкой. Настаивая на этомъ требованіи и объясняя его чисто личными причинами ¹⁾, Брайанъ доказалъ и свою нехальновидность, какъ государственнаго человѣка, и свою неспособность къ дѣлу созиданія новаго зданія американской государственности. Современный политическій дѣятель такого калибра *долженъ* уметь правильно оцѣнивать положеніе; взявъ на себя роль вожака, даже

¹⁾ Брайанъ публично заявилъ, что, будучи глубоко убѣжденъ въ вѣрности и справедливости своего пониманія серебрянаго вопроса, онъ не могъ бы отказаться отъ него безъ измѣны логикѣ и всему своему личному міровоззрѣнію.

диктатора, онъ не имѣетъ права дѣлать такихъ очевидныхъ промаховъ, такъ невѣрно исчислять послѣдователей извѣстной идеи. Эти выборы въ Америкѣ не были послѣдними,—черезъ каждые два года она выбираетъ новый конгрессъ, черезъ каждые четыре—новаго президента. Страна не погибла отъ того, что серебряный вопросъ былъ разбитъ четыре года тому назадъ; не погибнетъ она и теперь, хотя онъ разбитъ опять и увлекъ въ своемъ вторичномъ паденіи и другіе, гораздо болѣе важные вопросы. Еслибъ Брайанъ дѣйствительно обладалъ государственной прозорливостью, онъ устранилъ бы этотъ вопросъ, отложилъ бы его на два, на четыре, на восемь лѣтъ, а направилъ бы всю свою энергію на анти-имперіализмъ; онъ не могъ не знать, что многіе вліятельные элементы его собственной партіи не могли искренно сочувствовать его платформѣ цѣликомъ, что съ самаго дня ея принятія они неизбѣжно дѣлались тайными ея врагами. Безъ серебрянаго пункта оппозиція могла надѣяться на успѣхъ—съ нимъ поражение было неизбѣжно. Заручившись, тахішумъ, двумя-тремястами тысячъ голосовъ безусловныхъ сильверитовъ, которые бы выдѣлились въ отдѣльную партію, Брайанъ терялъ миллионъ демократовъ и почти столько же республиканцевъ-анти-имперіалистовъ, не могшихъ переварить серебра. Изъ-за туманнаго серебрянаго божка, не имѣвшаго за себя никого и ничего, кромѣ кабинетныхъ теоретиковъ и владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ, Брайанъ опять отдалъ страну на четыре года въ руки оппортунистовъ—самъ сознательно помогъ тому, противъ чего боролся всю свою жизнь.

IV.

Самостоятельно мыслящіи интеллигентныя сферы американскаго народа смотрятъ съ большими сомнѣніями, граничащими съ серьезнымъ страхомъ за будущее Союза, на новую колониальную политику правительства и поддерживающаго его республиканскаго большинства въ обѣихъ палатахъ конгресса. Политика эта извѣстна и здѣсь, и въ Европѣ, подъ именемъ имперіализма, хотя, по моему мнѣнію, это опредѣленіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Самъ Макъ-Кинлей не разъ выяснялъ публично мотивы своихъ дѣйствій, и коммерціализмъ, и его, якобы, необходимыя требованія всегда являлись на первомъ планѣ во всей его аргументаціи. Правда, аргументація эта всегда сопровождалась пустыми фразами объ „отвѣтственности побѣдителя передъ су-

домъ націй“, о „тяжелой ношѣ бѣлаго человѣка“ въ смыслѣ его обязанностей относительно низшихъ расъ ¹⁾,—но нѣто, конечно, не принималъ этихъ фразъ „въ серъезъ“. Настоящія „хорошія времена“ и безспорное финансовое, промышленное и коммерческое процвѣтаніе націи объясняются имъ почти исключительно возростаніемъ мануфактурнаго вывоза и громаднымъ приливомъ денегъ и золота, благодаря международнымъ балансамъ въ нашу пользу. Ergo,—для дальнѣйшаго благосостоянія страны всего важнѣе прочный захватъ иностранныхъ рынковъ, настоящихъ и будущихъ. Куба, Филиппины, Порто-Рико, вновь покупаемые у Даніи ея Вестъ-индскіе острова—все это не только рынки будущаго, но и опоры для удержанія за собой настоящихъ. Благодаря ихъ обладанію, Америка, якобы, заручается серьезными преимуществами передъ всѣми ея конкурентами и въ Центральной, и въ Южной Америкѣ, и на всемъ азіатскомъ Востоѣ. Конституціонныя ограниченія, настоящіе огромные расходы, развращеніе правительственнаго персонала, попираніе основныхъ человѣческихъ правъ—весь этотъ серъезнѣйшій пасивъ, еслибъ онъ даже дѣйствительно стоялъ на дорогѣ,—что, конечно, отрицается Маъ-Кинлеемъ,—долженъ ступеваться передъ блестящимъ фантомомъ промышленной и коммерческой спекуляціи и ея „необходимостей“. Вся современная иностранная политика Соединенныхъ-Штатовъ подтверждаетъ безусловно, что ея заправители руководствуются исключительно именно этимъ, какъ сказать, гвоздемъ. Весь китайскій вопросъ сведенъ на эту точку. Не безпристрастіе, не требованія международного права или гуманности руководили инструкціями Маъ-Кинлея его посламъ и полководцамъ въ Пекинѣ, а надежда, что „заступничество“ очиститъ дорогу фабрикантамъ и купцамъ Союза, и, при помощи близкой базы въ Маниллѣ, поможетъ имъ укрѣпиться въ теперешнихъ твердыхъ европейской торговли. Возмутительно недостойное торгашество съ конституціоннымъ собраніемъ Кубы и отказъ очистить островъ отъ военнаго занятія основаны на недостаточномъ, якобы, опредѣленіи этимъ собраніемъ будущихъ торговыхъ отношеній страны къ Союзу, но вызваны, въ сущности, стремленіемъ представителей острова сохранить хоть сколько-нибудь свободу дѣйствій и нежеланіемъ отдать ее сознательно и съ самаго начала въ промышленную и коммерческую крѣпостную зависимость Соединеннымъ-Штатамъ. Въ этой чисто „купецкой“ жадности, стремящейся за-

¹⁾ Во вкусѣ извѣстной поэмы Киплинга: „White man's burden“.

душить всякое соперничество, я не вижу рѣшительно ничего, что заслуживало бы названіе „имперіализма“. Даже имперіализмъ Чамберлена и Родса въ южной Африкѣ имѣетъ нѣкоторые признаки „государственности“, нѣкоторую политическую подкладку, какъ бы одностороння она ни была;—имперіализмъ же Макъ-Кинлея—исключительно „бупеческій“, не имѣющій абсолютно ничего общаго съ политическимъ, съ какими бы то ни было принципами государственности. Коалиція оппозиціи въ прошлую кампанію сдѣлала и въ этомъ случаѣ огромную ошибку: не выяснивъ именно этого факта,—она увлеклась громкими фразами Брайана, внесла слово „анти-имперіализмъ“ въ свою платформу, употребляла его постоянно въ теченіе всей кампаніи и придавала этимъ всей аргументаціи противника фальшивый, гораздо болѣе возвышенный тонъ, чѣмъ она это заслуживала въ дѣйствительности.

Принципіальный вопросъ о томъ, допускаютъ ли декларація независимости, конституція и основные законы Соединенныхъ-Штатовъ колоніальныя владѣнія, подлежащія не общимъ положеніямъ, а специальной, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, юрисдикціи конгресса и президента, и составляющія нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ,—къ сожалѣнію, и до сихъ поръ не разрѣшенъ тѣмъ путемъ, который Америка привыкла считать за окончательный для всяческихъ разногласій,—т.-е. рѣшеніемъ верховнаго суда Союза. Настоящая статья была задержана мной на три мѣсяца, именно благодаря желанію дожидаться этого рѣшенія, ожидаемаго всей страной съ громаднымъ нетерпѣніемъ. Лучшіе наши юристы, признаваемые авторитетами по всѣмъ вопросамъ государственнаго права, радикально различествуютъ по этому вопросу. Одни думаютъ, что „конституція слѣдуетъ за знаменемъ“, т.-е., что присоединеніе къ государственному территориальному тѣлу Союза какимъ-либо образомъ—посредствомъ ли завоеванія, покупки или трактата—какой-либо новой области сразу ставитъ ее, *ipso facto*, подъ сѣнь конституціи Соединенныхъ-Штатовъ во всѣхъ отношеніяхъ, т.-е. дѣлаетъ жителей такой области полноправными гражданами, а всякое въ ней специальное устройство или законодательство—противоконституціоннымъ, и потому незаконнымъ и не имѣющимъ силы. Они утверждаютъ, что съ момента ратификаціи сенатомъ мирнаго трактата съ Испанією,—Филиппины и Порто-Рико сдѣлались нераздѣльными частями Союза и подлежатъ и конституціи, и всѣмъ ея федеральнымъ законамъ, такъ что всѣ акты—какъ конгрессъ, такъ и управляющихъ ими военныхъ властей и специальныхъ

гражданскихъ комиссій—беззаконны и не имѣютъ силы. Правительство же и его сторонники утверждаютъ, что конституція и федеральные законы не распространяются на вновь присоединенныя области безъ specialнаго акта конгресса, который имѣетъ полное право, до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ это нужнымъ, управлять ими вполне по своему усмотрѣнію, не принимая конституціи въ соображеніе. Извѣстно, что парижскій трактатъ прошелъ въ сенатѣ только большинствомъ одного голоса, и то благодаря торжественному обѣщанію президента и вожаковъ республиканской партіи сенатору отъ штата Луизианы, Макъ-Энери, съ двумя товарищами, что вновь приобретаемые Союзомъ острова никогда не получатъ свободы торговли съ нимъ, т.-е., что этотъ послѣдній будетъ огражденъ отъ ихъ конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ страны такимъ же протекціоннымъ тарифомъ, какъ и для иностранныхъ государствъ—и вотъ, благодаря этому обѣщанію, всѣ существовавшіе для Филиппинъ тарифы были сохранены въ своей силѣ, а для Порто-Рико изданъ specialный временный тарифъ. Анти-присоединители и воспользовались этимъ фактомъ, дабы принести нѣсколько жалобъ на правительство въ подлежащій судъ на то, что оно взыскиваетъ пошлины съ товаровъ, привозимыхъ съ этихъ острововъ въ предѣлы Союза, тогда какъ они de jure составляютъ нераздѣльную его часть, и конституція прямо воспрещаетъ какіе-либо барьеры между частями Союза. Судъ этотъ рѣшилъ всѣ эти дѣла въ пользу правительства, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать,—но на всѣ эти рѣшенія, согласно заранее опредѣленной программѣ, въ свое время поступили апелляціонныя жалобы въ верховный судъ Союза. Судъ этотъ уже заслушалъ, въ открытыхъ засѣданіяхъ, нѣкоторыя изъ этихъ апелляцій, причемъ съ обѣихъ сторонъ были приглашены и произнесли рѣчи лучшіе юридическіе таланты страны, со стороны правительства предводимые министромъ юстиціи Григгсомъ. Состязаніе это продолжалось нѣсколько дней, принявъ съ самаго начала чисто-технической, сухо-юридическій характеръ, такъ что суть дѣла осталась недоступной массамъ публики; судъ же отложилъ опубликованіе своего рѣшенія,—сначала думали, что оно послѣдуетъ въ скоромъ времени, но теперь оказывается, что можетъ пройти цѣлыхъ полгода и даже больше, прежде чѣмъ оно состоится.

Если верховный судъ рассмотреть дѣло во всей его полнотѣ, и его рѣшеніе будетъ опредѣленно по поводу главнаго принципиальнаго вопроса,—этимъ, само собой разумѣется, будетъ рѣшена и вся будущность колониальной политики. Не подлежитъ

никакому сомнѣнію, что, въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія, даже правительство Магъ-Кинлея, какъ бы оно ни было заражено коммерціализмомъ, не рѣшится ни снять всѣ торговые барьеры, ни, главное, даровать всѣхъ правъ гражданства филиппинцамъ. Ихъ до десяти милліоновъ, и хотя преобладающая народность, составляющая около половины всего населенія, тагалосы, и цивилизованы до извѣстной степени, насколько это было достижимо подъ многовѣковымъ игомъ Испаніи и католичества, — другая половина, или огромное ея большинство, состоитъ изъ совершенныхъ дикарей, у которыхъ процвѣтають и язычество, и полигамія, и рабство. Зулусскій архипелагъ населенъ магометанами; въ горахъ острова Минданао, да и въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣвернаго Люцона есть цѣлыя области, въ которыхъ никогда еще не бывала нога бѣлаго человѣка.

Въ настоящее время Филиппины и Порто-Рико управляются военными властями, слѣдующими спеціальнымъ инструкціямъ президента и военного министра. На Филиппинахъ уже давно живетъ постоянная гражданская коммиссія, вырабатывающая особое положеніе для ихъ управленія. Покуда же все на этихъ островахъ „временное“ — кромѣ идущаго съ поразительной быстротой расхищенія ихъ государственныхъ ресурсовъ. Обуздать американскаго „дѣльца“ совершенно невозможно. Цѣлая туча спекуляторовъ и авантюристовъ всякаго рода, сорта и наименованія слѣдуетъ за арміей, получаетъ хартии и концессіи на всяческія естественныя богатства страны и эксплуатируетъ ихъ въ чисто-хищническомъ стилѣ. Въ конгрессѣ было не мало самыхъ скандальныхъ запросовъ по этому поводу — и господствующей партіи удалось добиться продолженія настоящаго „временнаго положенія“, только прицѣпивъ резолюцію объ этомъ къ биллю о военныхъ ассигновкахъ на текущій годъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что на всѣхъ этихъ островахъ царствуетъ самый невообразимый хаосъ — и что американское управленіе ими до сихъ поръ оказалось едва-ли чѣмъ-либо успѣшнѣе испанскаго.

Несмотря па то, что на Филиппинахъ уже около двухъ лѣтъ „усмирять“ возстаніе семидесяти-тысячная армія, при помощи большей половины всего американскаго флота, ежедневныя списки убитыхъ и раненыхъ появляются такъ же регулярно, какъ и при самомъ началѣ „возстанія“. Вожаки республиканской партіи увѣрили публику, что оно поддерживается исключительно анти-имперіалистской агитаціей въ Союзѣ, и что ноябрьскіе выборы сразу навсегда уничтожатъ его. Предсказаніе это, конечно, не исполнилось, — напротивъ, требуется усиленіе дѣй-

ствующихъ тамъ силъ, эстренные кредиты, спеціальныя полномочія президенту. Армія таетъ, какъ воскъ, отъ климата и болѣзней; жизненныя условія должны быть просто ужасны, судя по тому непомятому проценту сумасшедшихъ солдатъ, которые привозятся каждымъ возвращающимся съ Филиппинъ транспортомъ. Тысячи калѣкъ увеличиваютъ пенсіонные списки; вербовка новобранцевъ на службу на островахъ идетъ чрезвычайно туго. Публика давно потеряла всякую вѣру въ правительственныя сообщенія о положеніи дѣлъ на Филиппинахъ; война эта обходится въ полмилліона долларовъ ежедневно, и эти расходы, достигшіе уже трехсотъ милліоновъ, нельзя будетъ пополнить цѣлымъ будущимъ столѣтіемъ всей филиппинской торговли, вмѣстѣ взятой. Такъ какъ демократическая партія, представлявшая собою въ кампаніи главный элементъ оппозиціи анти-имперіализму, все еще состоитъ главнымъ образомъ изъ южныхъ штатовъ разбитой конфедераціи 1861—65 годовъ,—ея положеніе, какъ защитницы дарованія независимости филиппинцамъ, было чрезвычайно неопредѣлительно и непрочное, благодаря всей политикѣ этихъ штатовъ противъ черной половины своего собственнаго населенія. За послѣдніе четыре года почти всѣ штаты Юга отобрали право голоса у своихъ негровъ искусными добавленіями къ своимъ конституціямъ, подъ предлогомъ безграмотности. Меча грома и молніи за „свободу“ совершенно чуждыхъ имъ малайцевъ и негритосовъ Филиппинъ, господа эти въ то же время втихомолку лишили всякаго участія въ управленіи большую половину своихъ собственныхъ гражданъ, дотолѣ полноправныхъ и вкусившихъ отъ плода самоуправленія. Правда, большинство негровъ на югѣ *de facto* давно уже было лишено правъ голоса—но теперь это установлено и *de jure*. Конституціонность этихъ добавленій оспаривается теперь защитниками негровъ въ томъ же верховномъ судѣ Союза—и, по всѣмъ вѣроятіямъ, они будутъ признаны незаконными—тѣмъ не менѣе, во время кампаніи они были въ силѣ, и фактъ этотъ жестоко повредилъ всей аргументаціи оппозиціи по вопросу анти-имперіализма и не мало содѣйствовалъ побѣдѣ республиканцевъ.

V.

Вопросъ о трѣстахъ, котораго я уже не разъ касался на страницахъ „Вѣстника Европы“, въ сожалѣнію, болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, находится въ области декларацій и теоретическихъ разсужденій. Всѣ, безъ исключенія, законодательныя попытки

обуздать и регулировать ихъ потерпѣли совершенное fiasco, частью благодаря ихъ непрактичности и даже невыполнимости, частью благодаря апатіи исполнителей и публики. Практичнаго выхода до сихъ поръ не было предложено—вѣроятно потому, что его и не можетъ быть. Не мало было за послѣднее четырехлѣтіе съѣздовъ, чтобы дать такой выходъ; нѣкоторые изъ нихъ разѣхались, даже не придя къ соглашенію относительно какихъ-либо резолюцій; другіе ограничились составленіемъ болѣе или менѣе хлѣстныхъ программъ, которыхъ никто и не попытался даже привести въ исполненіе, и которыя безслѣдно канули въ Лету.

Не мало было исписано бумага и потрачено типографскихъ чернилъ—а трѣсты все расширяются и расширяются, и новое столѣтіе принесло съ собою и многое множество новыхъ, изъ которыхъ два особенно велики и дерзки. Первымъ явилась желѣзнодорожная консолидація, извѣстная теперь подъ именемъ „синдиката Гарримана“, представляющая собою объединеніе Вандербиловской системы желѣзныхъ дорогъ на Востокъ Союза съ прямымъ и самымъ важнымъ трансконтинентальнымъ путемъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана—комбинацій Union Pacific и Southern Pacific R. R. Эта консолидація соединила въ одно цѣлое до 30.000 миль самыхъ важныхъ, самыхъ дорогихъ и доходныхъ желѣзнодорожныхъ путей Америки. По послѣднимъ извѣстіямъ, къ ней присоединилась и юго-западная система Гульда, еще около 10.000 миль. Самые крупные богачи Америки, Рокфеллеръ, Вандербилты, Гульды, стоятъ во главѣ этой гигантской комбинаціи капитала. Развѣтвленія этой системы находятся въ большинствѣ всѣхъ штатовъ Союза; почти во всѣхъ имѣются самые драконовскіе законы именно противъ такихъ консолидацій—а она совершилась вполне благополучно и безъ малѣйшихъ затрудненій, несмотря на сопровождавшую все дѣло публичность. Другой только-что образованный трѣстъ, стальной, еще обширнѣе, еще больше носить на себѣ всѣ самые откровенные признаки самой безобразной монополіи. Онъ былъ устроенъ Пирпонтъ Морганомъ, самымъ дѣятельнымъ, энергичнымъ и даже, пожалуй, самымъ богатымъ банкиромъ города Нью-Йорка, объединилъ собой всѣ крупныя промышленныя предпріятія Союза по всѣмъ отраслямъ стального дѣла и капитализировался въ \$ 1.100.000.000. Это первый билліонный трѣстъ Союза, по своей громадности, успѣху организаціи, смѣлости и быстротѣ выполненія плана далеко оставившій за собой всѣ предыдущіе.

Выше я привелъ дословно деклараціи обѣихъ политическихъ партій о трѣстахъ въ ихъ національныхъ платформахъ. Слова

разныя, но сущность совершенно одна и та же. Нельзя думать серьезно, чтобы которая-либо изъ нихъ дѣйствительно могла разрѣшить дѣло такъ или иначе. Эти партіи, также какъ и федеральное правительство и конгрессъ, крѣпко-на-крѣпко связаны безконечными путями безчисленныхъ политическихъ обязательствъ, и всякая попытка съ ихъ стороны обуздать трѣсты переходомъ отъ слова къ дѣлу вызвала бы немедленную оппозицію множества вліятельнѣйшихъ элементовъ въ ихъ собственной средѣ. Я лично не придаю никакого значенія деклараціямъ такого рода, считаю ихъ звучными, но ничего не стоящими фразами, эффектомъ которыхъ вводится въ заблужденіе только самые неопытные, самые зеленые избиратели. Обѣ партіи—и демократическая, въ теченіе второго президентскаго срока Кливеланда, 1892—1896 г., и республиканская, за послѣдніе четыре года, съ Макъ-Кинлеемъ во главѣ, располагали въ то же время и значительнымъ большинствомъ въ обѣихъ палатахъ конгресса, и, слѣдовательно, имѣли за собой и исполнительную, и законодательную власть Союза, и имѣли полную возможность и провести, и настоять на исполненіи такихъ законовъ, которые должны бы или уничтожить, или обуздать трѣсты, смотря по тому, что было бы признано нужнымъ—а ни одна изъ нихъ рѣшительно ничего не сдѣлала въ этомъ направленіи. Если онѣ оказались несостоятельными, когда трѣсты далеко еще не достигли своего настоящаго вліянія, то теперь онѣ вполне безсильны; если противъ нихъ дѣйствительно возможны какія-либо законодательныя мѣры,—ихъ придется изыскать и примѣнить всему народу, и посредствомъ иныхъ организацій и путей, чѣмъ какіе представляются современными политическими партіями.

Самымъ существеннымъ препятствіемъ къ чисто-народному, стихійному, такъ сказать, движенію противъ трѣстовъ являются искреннія, непримиримыя разногласія по ихъ поводу во всѣхъ вліятельныхъ сферахъ населенія. Превосходнымъ доказательствомъ этого служатъ пренія сѣзда по вопросу о трѣстахъ, созваннаго еще лѣтомъ 1899 года въ г. Чикаго гражданскою федераціею этого города, частною организаціею изъ профессиональныхъ и дѣловыхъ людей, занимающеюся изученіемъ важнѣйшихъ вопросовъ дня. Къ своимъ приглашеніямъ къ участію въ сѣздѣ она приложила обширную, обстоятельно и отчетливо выработанную программу занятій, состоявшую изъ 69 пунктовъ, касавшихся всѣхъ сторонъ вопроса о трѣстахъ. На сѣздъ прибыли делегаціи отъ всѣхъ тѣхъ слоевъ общества, которые наиболѣе компетентны какъ въ научно-теоретическомъ, такъ и въ практическомъ обсу-

жденіи дѣла. Въ числѣ университетскихъ профессоровъ находились наиболѣе извѣстные наши политико-экономы: Дженксъ—отъ Корнелла, Кларкъ—отъ Колумбіи, Брюксъ—отъ Гарварда, Гюнтонаъ—отъ университета города Нью-Йорка. Въ числѣ государственныхъ людей нѣсколько десятковъ губернаторовъ и министровъ юстиціи штатовъ, въ томъ числѣ люди съ такой національной извѣстностью, какъ губернаторы: Мичигана—Пингри, Канзаса—Станлей, Вестъ-Вирджиніи—Аткинсонъ, эвксъ-губернаторъ Охайо—Фостеръ, конгрессмѣны: Хэнсъ—отъ Теннесси и Ундергрофтъ—отъ Эйоуэ. Въ числѣ политическихъ дѣятелей—знаменитый адвокатъ изъ Нью-Йорка Бюрке Кокрэнъ, извѣстнѣйшій ораторъ всего Союза, кандидатъ демократовъ въ президенты Брайанъ, Вутенъ изъ Тексаса, Хоуэ изъ Нью-Орлинса, предсѣдатель національной лиги анти-трѣстовъ Локвудъ—изъ Пенсильваніи. Депутатами отъ организованнаго труда Союза были: предсѣдатель американской федераціи труда Гомперсъ, національный секретарь рыцарей труда Хейсъ, президентъ братства желѣзнодорожныхъ кондукторовъ Кларкъ и представители десятковъ другихъ національных рабочихъ союзовъ. Отъ прессы: редакторъ „Пчелы“, въ Омахѣ, Розватеръ; „Хроникера“, въ Чикаго, Сеймуръ, и многихъ другихъ органовъ съ національнымъ вліяніемъ. Представителемъ приверженцевъ теоріи покойнаго Генри-Джорджа, „single tax“, явился маститый Луисъ Постъ, социалистовъ Америки—Морганъ, анархистовъ—Бенжаменъ Тюкеръ. Русскому читателю, вѣроятно, извѣстны только очень немногія изъ этихъ именъ, но для интеллигентнаго американца такой личный составъ служилъ безусловнымъ залогомъ какъ серьезности и искренности, такъ и вліятельности сѣзда. Онъ продолжался четверо сутокъ, засѣдая отъ 8 до 10 часовъ въ день, отличался удивительной терпимостью и стремленіемъ выяснитъ всѣ стороны, даже всѣ крайности, и все-таки, въ концѣ концовъ, оказался неспособнымъ, за крайнимъ разнообразіемъ взглядовъ, принять какія-либо общія резолюціи, и имѣлъ только чисто-образовательное значеніе, такъ какъ всѣ рефераты и пренія печатались почти цѣликомъ всей прессой страны и читались публикой съ лихорадочнымъ интересомъ. Всякое партизанство было тщательно исключено, и бюро сѣзда оказалось способнымъ чрезвычайно искусно охранитъ его отъ какихъ-либо политическихъ вліяній;—протоколы составили цѣлую книгу, представляющую собою очень цѣнный матеріалъ. Я не знаю лучшаго способа освѣтитъ современное положеніе вопроса о трѣстахъ въ Союзѣ, какъ краткимъ обобщеніемъ этого матеріала.

Всѣ чисто-научные, профессорскіе рефераты различествовали между собою только въ деталяхъ, и высказались съ поразительнымъ единодушіемъ въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время, съ легальной точки зрѣнія, въ Союзѣ не существуетъ ни одного трѣста, какъ они вообще понимаются публикой, а есть только болѣе или менѣе обширныя корпораціи. Корпораціи эти, какъ бы велики онѣ ни были, ни въ научномъ, ни въ юридическомъ смыслѣ ничѣмъ не отличаются отъ маленькихъ, и только немногимъ отъ любого частнаго предпріятія, и это немногое только несомнѣнно полезно для общества. Корпоративная форма, какъ болѣе совершенная, заняла мѣсто бывшихъ частныхъ партнѣрствъ; она—созданіе закона, невозможна безъ правительственной хартіи, а потому и подлежить регулированію легче, чѣмъ дѣло частнаго лица, которое законъ не можетъ ни остановить, ни регулировать въ такой же степени, такъ какъ такое дѣло начинается безъ чьего бы то ни было разрѣшенія. Говорить объ искорененіи этихъ большихъ корпорацій совершенно бесполезно, такъ какъ это недостижимо. Столь часто повторяемые ужасы монополизации, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ оказываются плодомъ праздной фантазіи, такъ какъ изученіе промышленной статистики и сравнительныхъ цѣнъ на продукты доказываетъ, что цѣны постоянно понижаются. Излишняя конкуренція въ промышленности и торговлѣ, какъ та, напримѣръ, которая была вызвана кризисами 1893 года, положительно вредна для народнаго благосостоянія. Объединеніе производствъ уничтожаетъ именно только такую излишнюю, вредную конкуренцію; до сихъ поръ даже самыя широкія комбинаціи, каковы сахарный, масляный и стеклянный трѣсты, не были въ состояніи объединить больше 75% всего производства страны, и потому всегда оставалось мѣсто для конкуренціи умѣренной и здоровой. Только такое объединеніе и способно устранить въ будущемъ тяжелые промышленные кризисы, являющіеся всегда настоящимъ народнымъ бѣдствіемъ; когда производство раздроблено, нѣтъ возможности разумно его регулировать и избѣгать хроническихъ перепроизводствъ, вызывающихъ эти кризисы. Только центральныя организаціи и могутъ слѣдить за общимъ состояніемъ всемірнаго рынка, и держать размѣры извѣстнаго производства въ тѣхъ предѣлахъ, которые не вызвали бы ихъ переполненія. Современные дѣловые методы всего міра измѣнились на тѣхъ же основаніяхъ, и стремленіе правительства остановить такое же развитіе въ Союзѣ оказалось бы національнымъ бѣдствіемъ. Какъ и всякая реформа, большія корпораціи, конечно, имѣютъ и невыгодныя стороны—

частью благодаря невождержности, неумѣренности и иногда неумѣнью ихъ управленій, частью благодаря временнымъ бѣдствіямъ неподготовленныхъ къ нимъ элементовъ, — бѣдствіямъ неизбѣжнымъ при всякой реконструкціи. Нельзя же было не строить въ свое время каналовъ, а затѣмъ желѣзныхъ дорогъ, потому что изъ-за этого страдалъ конный извозный промыселъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, съ точки зрѣнія представителей науки, вопросъ съуживается къ опредѣленію тѣхъ способовъ, которыми наилучше достигается эффективное регулированіе большихъ корпорацій. Одни думаютъ, что обязательная публичность каждаго ихъ шага, каждой ихъ сдѣлки, — что должно совершенно устранить наиболѣе вредный ихъ элементъ — дискриминацію въ пользу однихъ, во вредъ другимъ, — будетъ совершенно достаточной для полнаго достиженія цѣли; другіе требуютъ, кромѣ того, и специальныхъ — и національнаго, и штатныхъ — законодательствъ, и такихъ учреждений, которыя могли бы ревизовать всѣ дѣла трѣстовъ во всякое время и во всѣхъ безъ исключенія направленіяхъ. При этомъ необходимо напомнить читателю, что тѣ же самые профессора, а съ ними и всѣ теоретически-научные авторитеты страны, четыре года тому назадъ, были поголовно въ пользу биметаллизма и серебра, — а и Союзъ, и весь цивилизованный міръ самымъ положительнымъ образомъ высказались съ тѣхъ поръ за одно мѣрило цѣнности — золото. Въ такихъ вопросахъ абстрактная логика только очень рѣдко совпадаетъ съ практикой и государственными рѣшеніями.

Представители организованнаго труда, какъ ремесленнаго, такъ и земледѣльческаго, выступили съ такимъ же числомъ рефератовъ, что и университетскіе профессора, радикально съ ними различествовавшіе. Талантливый и очень популярный во всемъ Союзѣ Хейсъ, уже двадцать лѣтъ высоко держащій знамя „Рыцарей труда“, рѣзко называлъ трѣсты врагами общества, организующимися ради самыхъ узкихъ, самыхъ эгоистичныхъ мотивовъ и цѣлей, узурпирующими общія права и уничтожающими индивидуализмъ. Гомперсъ, признавая, что самое появленіе и существованіе организованнаго труда было вызвано комбинаціями капитала противъ рабочаго вообще, очень остроумно и вѣрно опровергъ любимый аргументъ враговъ этого труда, что онъ, въ сущности, тоже не что иное, какъ трѣстъ, тѣмъ возраженіемъ, что тогда какъ всякій рабочій союзъ не только открытъ всякому рабочему, но и всячески споспѣшествуетъ ему въ присоединеніи къ союзу, трѣсты совершенно недоступны какому-либо постороннему лицу, и что эта-то недоступность публикѣ и есть самая

вѣрная отличительная черта монополистичности ихъ характера. Представитель фермерскаго союза— „National Grange“ —заявилъ, что фермеры страны, относящіеся вообще чрезвычайно сочувственно къ ея промышленному развитію, единогласно осуждаютъ трѣсты и требуютъ ихъ искорененія. Другіе рефераты рабочихъ, безусловно осуждая трѣсты, протестовали очень удачно, главнымъ образомъ, противъ двухъ положеній ихъ защитниковъ—уменьшенія цѣнъ на продукты и поддерживанія заработной платы, благодаря „разумному“ регулированію различныхъ производствъ и избѣжанію перепроизводства. Они утверждали, что если цѣны и спустились, то только потому, что, благодаря монополіи, трѣсты, во-первыхъ, насильственно понизили цѣны на сырьѣ, а, во-вторыхъ, оказываются безусловными хозяевами рабочаго рынка. Регулированіе же производствъ ограничивается тѣмъ простымъ приѣмомъ, что закрывается, или совсѣмъ, или временно, извѣстная часть, иногда цѣлая половина фабрикъ и заводовъ—и, слѣдовательно, поддержаніе заработной платы сводится къ тому, что извѣстная часть рабочихъ безперемонно оставляется совсѣмъ безъ хлѣба для того, чтобы умиротворить остальныхъ. Само собой разумѣется, что такой методъ и безчеловѣченъ самъ по себѣ, и противорѣчитъ всѣмъ основнымъ принципамъ организованнаго труда. Онъ возможенъ только при трѣстахъ, примѣняется ими безъ малѣйшаго приниманія рабочихъ въ соображеніе всякій разъ, какъ имъ удастся объединить извѣстное производство, и принесъ больше горя и бѣдствія американскимъ рабочимъ, чѣмъ все остальное, вмѣстѣ взятое. Отдѣльный хозяинъ закроетъ фабрику только при самыхъ исключительныхъ условіяхъ, только выбившись окончательно изъ силъ—онъ приложитъ сначала всю свою энергію, чтобы удешевить и улучшить производство, приспособить продуктъ и вызвать большее его потребленіе, расширить рынокъ,—монополія же неизмѣнно останавливаетъ всякій прогрессъ какъ въ самомъ производствѣ, такъ и въ усиліяхъ расширить потребленіе его продуктовъ. Перепроизводство, конечно, зло; но и единственный ему антидотъ, практикуемый трѣстомъ,—зло несомнѣнно еще худшее, притомъ обрушивающееся исключительно на рабочихъ.

Отдѣльнымъ, вполне законченнымъ эпизодомъ въ обсужденіи вопроса о трѣстахъ оказалась неизбежная стычка протекціонистовъ съ фритредерами. Эти послѣдніе должны были признать, что если протекціонизмъ и помогаетъ трѣстамъ, то только въ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ возможна заграничная конкуренція. Отцомъ трѣстовъ и главнымъ ихъ преставителемъ всегда

былъ и до сихъ поръ остается „Standart Oil Company“, — а ввозъ керосина въ предѣлы Союза всегда былъ и теперь остается свободнымъ. Мало того. Русскія залежи нефти во много разъ богаче американскихъ, и ввозъ въ Россію керосина огражденъ очень высокимъ тарифомъ. Въ то же время, тогда какъ вывозъ американскаго керосина за границу достигаетъ огромной суммы въ шестьдесятъ милліоновъ долларовъ въ годъ, и за послѣднія двадцать лѣтъ принесъ странѣ болѣе полумилліарда, вывозъ русскаго керосина за границу сравнительно ничтоженъ. Совершенно то же самое представляютъ и нѣкоторые другіе трѣсты. Очевидно, что самая широкая свобода торговли отнюдь бы не повліяла на нихъ, а слѣдовательно, и не могла бы быть всеобщей панацеей, но только, въ лучшемъ случаѣ, частнымъ факторомъ, заведомо недостаточнымъ для искорененія трѣстовъ и не могущимъ имѣть никакого отношенія къ ихъ регулированію, если таковое желательно и возможно.

Противники монополій, образующихся благодаря патентамъ на изобрѣтенія, тоже выступили съ нѣсколькими рефератами. Но предлагаемые ими методы, еще больше чѣмъ фритредерскіе, касались только извѣстнаго, очень ограниченнаго, сравнительно, класса трѣстовъ, и, очевидно, не имѣли общаго значенія. Зло, причиняемое патентными привилегіями, во всякомъ случаѣ только временное, и составляетъ только каплю въ морѣ сравнительно съ вліяніями трѣстовъ для объединенія тѣхъ многочисленныхъ производствъ, которыя ни въ чемъ не зависятъ отъ патентовъ. Да и помимо этого, громадное большинство съѣзда, очевидно, думало, что значеніе для народнаго богатства того стимула, какимъ законъ о патентахъ служитъ для усиленія человѣческой изобрѣтательности, во много разъ важнѣе происходящаго, благодаря временной монополизаци, зла. Хотя съѣздъ и не оформилъ своихъ заключеній, тѣмъ не менѣе изъ безпристрастнаго изученія рѣчей и преній ясно, что онъ призналъ и протекціонизмъ, и патенты только частными, притомъ спорными факторами, отнюдь не способными дать какой-либо общій отвѣтъ. Для меня же, кромѣ того, выяснилось весьма отчетливо и то, что всѣ такія частныя, специализированныя, такъ сказать, нападки на трѣсты только вредятъ, въ концѣ концовъ, анти-трѣстистамъ, такъ какъ, во-первыхъ, отвлекаютъ вниманіе публики отъ дѣйствительной сути дѣла, а во-вторыхъ, вызываютъ активную защиту трѣстовъ со стороны такихъ элементовъ, которые иначе были бы, въ худшемъ случаѣ, индифферентны къ вопросу вообще.

За послѣднія пять лѣтъ не было во всемъ Союзѣ такого

популярнаго, таковаго извѣстнаго народнымъ массамъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля, какъ настоящій губернаторъ штата Мичигана—Пингри (Ringtee). Онъ выдвинулся еще пока былъ мэромъ города Детройта, своей безпощадной, отчасти успѣшной борьбой противъ охватившихъ было все городское хозяйство монополій; затѣмъ, въ самый разгаръ безработицы 1895 года,—тою практичностью, тѣмъ здравымъ смысломъ и умѣlostью, съ которыми онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и обезпечилъ продовольствіе безработнаго городского населенія разведеніемъ картофеля и другихъ овощей на городскихъ пустыряхъ. Онъ и нашелся въ-время, и доказалъ на дѣлѣ вѣрность всѣхъ своихъ расчетовъ и соображеній, сначала вызвавшихъ однѣ насмѣшки, и избавилъ рабочее населеніе города отъ необходимости обращаться къ общественной благотворительности,—чего не избѣжалъ ни одинъ большой городъ Союза, кромѣ Детройта. Въ своей рѣчи Пингри указалъ стѣзду на крайне деморализирующее вліяніе трѣстовъ на независимость и самостоятельность гражданина. Они дѣлаютъ изъ него безусловно зависимую частицу въ ихъ механизмѣ, экономического раба, изъ котораго вытравлены самолюбіе, индивидуализмъ, стремленіе къ усовершенствованію и возвышенію. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ трѣстовъ будетъ система промышленнаго и торговаго феодализма, отличающагося только формой отъ средневѣковаго. Если только этимъ путемъ достижимо господство во всемирной торговлѣ, оно окажется и вреднымъ, и развращающимъ. Въ заключеніе онъ требуетъ немедленнаго и безусловнаго искорененія трѣстовъ.

Кокренъ, въ блестящей двухчасовой рѣчи, призванной общимъ приговоромъ самою выдающеюся изъ всѣхъ, произнесенныхъ на этомъ необычайно богатомъ мыслью и краснорѣчіемъ стѣздѣ, отчасти согласился съ профессорами въ опредѣленіи трѣстовъ и въ практической невозможности ихъ упраздненія, но страстно напалъ на продажность, жадность и близорукость ихъ управленій, въ чемъ онъ и видитъ все дѣйствительное зло, несомнѣнно дѣлающее изъ нашего времени одну изъ самыхъ черныхъ страницъ во всей исторіи Союза. Онъ утверждаетъ, что народное негодованіе въ данномъ случаѣ направлено неправильно, что зло не въ большихъ корпораціяхъ, которыя должны бы быть только полезны, а въ злоупотребленіяхъ ихъ воротилъ, отъ которыхъ страдаютъ одинаково и народъ, и акціонеры этихъ корпорацій. Многія изъ нихъ отправляютъ чисто общественныя функціи—и если государство легализируетъ ихъ существованіе и предоставляетъ имъ, частнымъ учрежденіямъ, отправлять ихъ,

то только потому, что до сихъ поръ это считалось и болѣе удобнымъ, и болѣе выгоднымъ. Можно, конечно, обратиться къ государственному или общественному ихъ владѣнью,—что уже и практикуется въ нѣкоторыхъ отрасляхъ,—но этотъ путь сопряженъ съ серьезнѣйшими трудностями, и, во всякомъ случаѣ, достигимъ только въ будущемъ, еслибы мы и принялись за его осуществленіе даже сегодня. А покуда единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ обуздать безспорныя злоупотребленія управляющихъ корпораціями—это сдѣлать всю ихъ дѣятельность публичною, съ обязательной публичной отчетностью, подтверждаемою присягой. Всякую дискриминацію въ пользу или во вредъ отдѣльных лицъ или учреждений, всякій фаворитизмъ карайте уголовно, непосредственно въ лицѣ того корпораціоннаго чина, который оказался виновнымъ въ этомъ. При такомъ порядкѣ, всѣ тѣ злоупотребленія управленій, которыя и ведутъ къ монополіямъ, мгновенно прекратятся, и въ большихъ корпораціяхъ останется только то, что въ нихъ безусловно полезно обществу.

Брайанъ, явившійся на съѣздъ не какъ вождь демократовъ, а какъ частный гражданинъ, говорилъ гораздо свободнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ онъ это обыкновенно дѣлаетъ на чисто политическихъ сборищахъ, и его рѣчь привлекла въ залу засѣданія огромную толпу и произвела обычное потрясающее впечатлѣніе. Я лично думаю, что эта рѣчь ближе всѣхъ другихъ выражаетъ собою настоящее настроеніе народныхъ массъ, и, по всей вѣроятности, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, представитъ собой ту программу, которой массы эти будутъ пытаться слѣдовать въ своей борьбѣ съ трѣстами, если она приметъ практическую форму. Прежде всего онъ опредѣлилъ, что такое монополія;—затѣмъ указалъ, что трѣсты, въ какой бы формѣ и въ какой бы овечьей шкурѣ они ни являлись и ни существовали, не что иное какъ монополія, и, смети съ своего пути всѣ доводы въ ихъ полезности, въ видѣ пониженія цѣнъ, регулированія производства, и т. д., тѣмъ логическимъ построеніемъ, что, разъ они признаны монополіями, ихъ нравственный вредъ, конечно, далеко превышаетъ всѣ ихъ возможныя достоинства, пришелъ къ тому выводу, что ихъ безусловно необходимо искоренить. Монополію въ частныхъ рукахъ нельзя регулировать,—ее можно только или совсѣмъ уничтожить, или совсѣмъ отдать въ ея распоряженіе. Ни свобода торговли, ни прекращеніе выдачи патентовъ, ни уничтоженіе уголовнымъ закономъ дискриминаціи въ пользу отдѣльных лицъ, ни обязательная публичность сами по себѣ не уничтожатъ, не урегулируютъ монополій,—необходима борьба про-

тивъ самаго принципа, противъ возможности его осуществленія. Онъ отрицаетъ псевдо-научную теорію, что трестъ есть только естественное послѣдствіе естественнаго развитія экономическихъ законовъ, только фаза капитализма,—онъ думаетъ, что онъ созданъ человѣческими руками, преступнымъ бездѣйствіемъ власти и вредными законами—и, какъ они, можетъ быть уничтоженъ. Американскій народъ создалъ трестъ—онъ же можетъ и искоренить его, разъ онъ оказался вреднымъ для его благосостоянія—и онъ, Брайанъ, убѣжденъ, что народъ этотъ и сдѣлаетъ это, разъ онъ пойметъ, въ чемъ дѣло. Человѣческая натура крайне себялюбива,—монополія всегда была и будетъ самымъ простымъ, самымъ легкимъ средствомъ къ обогащенію,—и нельзя разсчитывать, чтобы современная изощренность и изобрѣтательность человѣческаго ума не обошли въ концѣ-концовъ какихъ-либо регулирующихъ законовъ, разъ они допускаютъ возможность самой монополіи. Развѣ нѣтъ и теперь цѣлой массы такихъ „регулирующихъ“ законовъ, и федеральныхъ, и штатныхъ, не стоящихъ на практикѣ той бумаги, на которой они напечатаны? Тутъ Брайанъ прочелъ знаменитое циркулярное письмо властей маленькаго штата Делавара, надѣлавшее въ свое время много шума по всему Союзу, письмо, приглашающее всяческія корпорации организоваться подъ покровительствомъ законовъ этого штата и подъ условіемъ платы ему извѣстнаго налога ¹⁾. Остальные штаты Союза, какъ бы большинство ихъ населенія ни было противно трестамъ, безсильны уничтожить полученные ими въ Нью-Джерсеѣ или Делаварѣ хартіи, безсильны остановить ихъ дѣятельность и въ своихъ предѣлахъ. Поэтому, для того, чтобы ихъ уничтожить, необходимы одновременно законодательства и федеральное, и штатныя. Если штатъ даруетъ корпорации хартію, такая хартія должна быть дѣйствительна только въ его предѣлахъ; прежде чѣмъ корпорация можетъ обратиться за такой же и въ другомъ штатѣ, она должна будетъ получить разрѣшеніе—license—отъ власти федеральной, и такое разрѣшеніе можетъ быть выдано только если корпорация будетъ въ состояніи безусловно доказать этой власти три пункта: 1) что ея цѣль—не достиженіе монополіи; 2) что ея капитализація соответствуетъ дѣйствительной стоимости ея имущества, т.-е. что она

¹⁾ Другой маленькій штатъ, Нью-Джерсей, уже давно основываетъ весь свой штатный бюджетъ именно на налогахъ съ корпораций, дѣйствующихъ въ другихъ штатахъ на основаніи полученныхъ въ Нью-Джерсеѣ хартій. Эти налоги покрываютъ всѣ расходы штата, и штатъ Делаваръ такъ соблазнился такимъ порядкомъ вещей, что пожелалъ ввести его и у себя.

не фиктивна, какъ это *всегда* бываетъ въ дѣйствительности, и 3) что вся ея дѣятельность, и дѣлопроизводство, и отчетность, будутъ и публичны, и подлежать во всѣхъ отношеніяхъ общественному контролю. Законодательство же штатное должно быть основано на томъ принципѣ, что ни хартія, дарованная однимъ штатомъ, ни вышепомянутое разрѣшеніе федеральной власти не обязательны для всѣхъ остальныхъ, такъ что каждый изъ нихъ сохраняетъ за собой право отказать въ хартіи и этимъ сдѣлать дѣятельность корпораціи въ своихъ предѣлахъ невозможною.

Все это, какъ абстрактъ, логично и красиво; но, допустимъ безъ всякихъ возможныхъ возраженій, что программа эта дѣйствительно уничтожила бы будущее образованіе новыхъ монополій, — все-таки она обходитъ абсолютнымъ молчаніемъ все уже существующее. Брайанъ, по своему обыкновению, увлекся прекраснымъ будущимъ, и далеко не исчерпалъ сущности вопроса и его прошедшаго, не сказавъ, что же дѣлать съ трѣстами, уже разрѣшенными легально и дѣйствующими? Никакіе законы не могутъ имѣть обратной силы, и, предполагая даже, что государство можетъ и отобрать то, что оно же и даровало, т.-е. существующія хартіи корпорацій, оно, конечно, не можетъ сдѣлать этого безъ соотвѣтствующаго вознагражденія; — а гдѣ тотъ бухгалтеръ, который былъ бы въ состояніи подвести счета тѣмъ убыткамъ, которые были бы предъявлены трѣстами правительству, и гдѣ та казна, которая смогла бы уплатить ихъ?

VI.

Какъ читатель, конечно, успѣлъ усмотрѣть и самъ изъ всего вышеизложеннаго, результатъ президентской кампаніи 1900 года едва-ли можно приписать успѣху какъ того или другого отдѣльнаго пункта платформы республиканской партіи, такъ и всей ея совокупности. Единственнымъ пунктомъ, который, будучи предложенъ въ отдѣльности, имѣлъ бы за себя безспорное большинство, даже, вѣроятно, гораздо болѣе значительное, чѣмъ то, которое было подано за Макъ-Кинлея, — былъ вопросъ о золотой валютѣ. Многіе серьезные авторитеты, хорошо знакомые съ ходомъ нашихъ политическихъ кампаній, думаютъ, что еслибъ демократы оставили въ покоѣ чикагскую платформу 1896 г., и, главное, свободную чеканку серебра, исходъ выборовъ былъ бы больше, чѣмъ сомнителенъ. Хотя я лично и думаю, что „хорошія времена“ были главнымъ факторомъ, тѣмъ не менѣе, и я допускаю возможность пораженія Макъ-Кинлея при этомъ условіи, такъ

какъ оно-то именно и грозило въ глазахъ массъ всего больше ихъ настоящему благосостоянію. По моему крайнему разумѣнію, несмотря на наружный трескъ и шумъ, вопросъ объ имперіализмѣ повліялъ на исходъ всего меньше. Только самостоятельно мыслящіе, интеллигентные люди вполне понимали его дѣйствительное значеніе и признавали именно за нимъ главную роль. Народныя же массы, по всѣмъ видимостямъ, еще не успѣли съ нимъ освоиться. Имъ нужно время, нужно болѣе обстоятельное знакомство со всѣмъ тѣмъ, что онъ несетъ съ собою. Новизна предмета, притомъ окутаннаго со всѣхъ сторонъ блестящими наружными перспективами, не дала имъ возможности добраться до сути своевременно. Во-первыхъ, его вліяніе на народную жизнь еще не испытано, его сущность все еще витаетъ главнымъ образомъ въ теоріи; во-вторыхъ, спорный вопросъ о его конституціонности не былъ рѣшенъ единственнымъ безспорнымъ американскимъ авторитетомъ; въ-третьихъ, шовинизмъ и его блескъ все еще не утратили извѣстной доли вліянія на воображеніе; въ-четвертыхъ, для спекулятивныхъ элементовъ активная вѣшняя политика всегда предпочтительнѣе пассивной. И все-таки, несмотря на все это, крайне сомнительно, чтобы, сама по себѣ, помимо выбора между Макъ-Кинлеемъ и Брайаномъ и, слѣдовательно, „хорошими временами“ и „неизвѣстностью“, помимо золотой валюты и свободной чеканки серебра, колониальная политика могла бы разсчитывать на большинство. Она оказалась одобренной только потому, что была неразрывно связана именно съ такимъ выборомъ. Многіе элементы нашего населенія и до сихъ поръ считаютъ политическую изоляцію, практиковавшуюся до сихъ поръ, единственнымъ спасеніемъ американскихъ учреждений и нравовъ отъ европейскихъ вліяній; другіе опасаются неизбежнаго увеличенія риска иностранныхъ столкновеній; третьи искренно ненавидятъ всякое насиліе, и не понимаютъ, какимъ образомъ можно обойтись безъ систематическаго его приложенія, разъ у Союза завелись „подданные“. Съ точки зрѣнія будущей политики страны бесполезно, казалось бы, упражняться въ этихъ предположеніяхъ—политика эта опредѣлена результатомъ выборовъ болѣе или менѣе рѣзко,—тѣмъ не менѣе, всѣ эти разсужденія имѣютъ извѣстное значеніе уже по одному тому, что массы переменчивы, и что правительство наше всегда вынуждено чутко прислушиваться къ ихъ настроенію, чтобы не пересолить, какъ бы рѣзко, казалось, ни было его положеніе. Большинство, конечно, управляетъ—но и меньшинство имѣетъ извѣстныя права.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, по поводу котораго выска-

зались объ политическія партіи,—на этотъ разъ одинаково,—именно вопросъ о постройкѣ Никарагуаскаго канала. Вопросъ этотъ находится, въ сущности, въ томъ же положеніи, что и вопросъ о трѣстахъ. Уже много лѣтъ объ партіи требуютъ и общають немедленную постройку канала—деньги, конечно, есть, всѣ согласны, а и до сихъ поръ, кромѣ многочисленныхъ дорожныхъ комиссій, да смѣтъ, то большихъ, то поменьше, да безконечныхъ преній и пререканій въ конгрессѣ, въ результатъ нѣтъ ничего. За послѣднее время положеніе усложнилось еще больше. Съ годъ тому назадъ, Макъ-Кинлей и его министръ иностранныхъ дѣлъ Гей, желая отплатить Англіи за ея явную поддержку во время испанской войны, заключили съ нею трактатъ, касающійся разныхъ между Союзомъ и Англіей недоразумѣній, главнымъ образомъ по поводу распри объ аляскинскихъ границахъ и постройкѣ Никарагуаскаго канала. Трактатъ этотъ дѣлалъ этотъ послѣдній нейтральнымъ и отказывался за Союзъ отъ возведенія на его берегахъ какихъ-либо военныхъ укрѣпленій. Сенатъ отказался ратифицировать его въ такомъ видѣ, и измѣнилъ его сущность въ томъ смыслѣ, что отрицаетъ какое-либо право Великобританіи на вышательство по этому поводу и сохраняетъ за Союзомъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ,—т.-е. признаетъ каналъ предпріятіемъ чисто-американскимъ, и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ будетъ укрѣпленъ, насколько это будетъ нужнымъ для того, чтобы обладать полнымъ военнымъ контролемъ. Разсматривая эти измѣненія, англійское правительство не торопилось, — полномочія конгресса кончились 4-го марта, время, назначенное для ратификаціи, истекло—и теперь всю эту работу соглашения приходится начинать съизнова. Такимъ образомъ, постройка канала опять отсрочивается на неопредѣленное время, т.-е. въ результатъ получается именно то, чего и добивались его главные противники—американскія и канадская трансконтинентальныя желѣзныя дороги. Бессиліе американскихъ политическихъ партій по такимъ экономическимъ вопросамъ, какъ о трѣстахъ или постройкѣ канала, единогласно признаваемого необходимымъ для дальнѣйшаго прогресса страны, никогда еще не проявлялось такъ ярко и очевидно, какъ именно теперь.

Закачивая настоящую статью, я не могу еще разъ не остановить вниманія читателя на главномъ, выясненномъ прошлой президентской кампаніей, положеніи—на быстро усиливающимся и вліяющемъ теперь на всѣ концы и углы земного шара промышленномъ и коммерческомъ превосходствѣ Соединенныхъ-Штатовъ. Это превосходство не можетъ не вызвать самой ожесто-

ченной, острой борьбы между Европой и Америкой въ самомъ близкомъ будущемъ,—и, по моему глубокому убѣжденію, борьба эта не преминетъ сдѣлаться главнымъ всемірнымъ вопросомъ въ теченіе этого же десятилѣтія. Несмотря на то, что заработная плата американскаго ремесленника въ среднемъ выше, чѣмъ вдвое той же платы въ Англіи, и втрое, и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вчетверо выше, чѣмъ во Франціи, Германіи и Австріи, не говоря уже объ Италіи и Россіи,—американскіе товары не только отвоевали уже большинство иностранныхъ рынковъ этихъ странъ, но и съ успѣхомъ захватываютъ и ихъ собственные внутренніе. Я не могу не привести нѣсколькихъ поразительныхъ примѣровъ. Ввозъ въ Союзъ валлійской жести еще въ 1895 г. былъ 222.901 тонна, въ 1900 — всего 58.040 тоннъ. Тогда какъ въ 1895 г. всего одна десятая ввоза была возвращена въ Англію въ формѣ керосинныхъ и консервныхъ жестянокъ,—въ 1900 г., въ той же формѣ былъ не только возвращенъ весь импортъ, но и слишкомъ 10.000—жести домашнего, американскаго издѣлія. Англія не только была вынуждена въ прошломъ году купить обратно всю вывезенную изъ нея въ Союзъ жечь, уплатить сполна и за двойной провозъ, и за ея обработку въ жестянки, но и прикупила за наличныя деньги 10.000 тоннъ тѣхъ же жестянокъ. Въ 1885 году каждый фунтъ потреблявшагося въ Союзѣ гидравлическаго цемента былъ ввезенъ изъ Англіи и Германіи, и существовало крѣпко укоренившееся мнѣніе, что въ Америкѣ нѣтъ годнаго матеріала для его производства; въ 1890 г. его было еще ввезено 3 милліона бочекъ, хотя было уже въ дѣйствиіи нѣсколько американскихъ цементныхъ заводовъ, а въ 1900 г., хотя потребление увеличилось за десятилѣтіе въ четыре раза, ввезено было всего 2 милл. бочекъ, и правительственные опыты доказали, что американскій цементъ теперь гораздо лучше во всѣхъ отношеніяхъ и англійскаго, и германскаго, и цѣны на него такъ упали, что импортъ сдѣлался возможнымъ только въ томъ случаѣ, когда европейскій цементъ привозится даромъ, какъ удобный балластъ для идущихъ пустыми за американскимъ товаромъ парусными судами. Знающіе дѣло люди не сомнѣваются, что и такой ввозъ сдѣлается очень скоро невозможнымъ, такъ какъ цѣны здѣсь все еще быстро идутъ внизъ, а качество все улучшается. Стальной трѣстъ Моргана, о которомъ я говорилъ выше, одной своей организаціей произвелъ настоящую панику въ стальномъ производствѣ Англіи—ея собственныя газеты считаютъ его дни сочтенными, такъ какъ оно уже задушено американскимъ во всякомъ крупномъ

подрядъ и при существующихъ условіяхъ, а говорятъ, что консолидація уменьшить въ общемъ издержки американскаго производства на цѣлые 50 милліоновъ долларовъ въ годъ ¹⁾.

Я могъ бы привести десятки, сотни такихъ же примѣровъ. Каждая статья американскаго мануфактурнаго вывоза имѣетъ ту же исторію. Кризисъ самаго остраго характера и необъятныхъ размѣровъ для европейскаго промышленнаго населенія отстоитъ отъ насъ всего на нѣсколько лѣтъ, — и мнѣ страшно и подумать о томъ международномъ спазмѣ, который онъ неизбежно вызоветъ, такъ какъ я не вижу, какимъ образомъ Европа можетъ не только отвратить его, но даже задержать хотя бы на время. Насколько мы можемъ судить, ввозные тарифы Франціи, Германіи и Австріи противъ Америки уже и теперь настолько ненормально высоки, что ихъ дальнѣйшее повышеніе едва-ли практично, такъ какъ имѣющіяся въ виду американскіе продукты безусловно необходимы этимъ странамъ. Приложение и усовершенствованіе машинной работы во всякомъ производствѣ идетъ у нихъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Америкѣ, и производства эти отстаютъ все больше и больше, постоянно усиливая сравнительную способность американскаго заводчика продавать свой товаръ дешевле мѣстныхъ, несмотря на противодействіе тарифовъ. Въ то же время Америка съ каждымъ годомъ все больше и больше производитъ у себя дома то, что прежде она была вынуждена покупать у этихъ государствъ. Нельзя думать, чтобы Англія могла вдругъ круто перейти къ протекціонизму — да и дѣло зашло уже такъ далеко, что и онъ едва-ли пособить положенію. Всего два-три года такого же высокаго экспорта и такихъ же международныхъ балансовъ въ пользу Америки не могутъ не вызвать кризиса. Въ Австріи, судя по всѣмъ видимостямъ, онъ уже начался. Да и все то, что извѣстно о настоящемъ положеніи нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ отраслей англійской промышленности, заставляетъ думать, что онъ очень близокъ и въ Англіи. Ея пресса полна самыми алармистскими предостереженіями и опасеніями за близкое будущее.

П. А. Тверской.

Мартъ 1901 г.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

---

¹⁾ Не лишнимъ будетъ упомянуть при этомъ, что англійское стальное дѣло уже организовано въ трѣсть года два тому назадъ, и что американскіе организаторы нашего стального трѣста утверждаютъ, что они были вынуждены къ этому именно организаціей своихъ англійскихъ конкурентовъ.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЪ РОССІИ,

ЕЯ СУДЬБЫ И ЗНАЧЕНІЕ

I.

Въ Россіи кустари насчитываются миллионами, а производство ихъ оцѣниваютъ въ *полтора миллиарда рублей*.

Между отдѣльными районами производства встрѣчаются такіе огромнѣйшіе по суммѣ изготовляемыхъ издѣлій, какъ павловскій слесарный районъ, дающій издѣлій на $2\frac{1}{4}$ миллиона рублей ежегодно; сарпиночный въ Сосновской волости, саратовской губерніи— $1\frac{1}{2}$ миллиона; новогеоргіевскій древообрабатывающій, херсонской губерніи,—2 миллиона; тульскій гармонный—800 тысячъ рублей, тульскій самоварный—5 миллионѣвъ; бурмакинская волость, ярославскаго уѣзда (сбруйныя принадлежности)—800 тысячъ; знаменитая Гжель съ ея фарфорово-фаянсовымъ производствомъ— $1\frac{1}{2}$ миллиона; московско-звенигородскій мебельный районъ—650 тысячъ; кимрскій сапожный—6 миллионѣвъ рублей, и т. д., и т. д.

„Мы до сихъ поръ еще мало знаемъ и внѣшнюю, и внутреннюю сторону кустарнаго производства, — справедливо говорить В. С. Пругавинъ.—Кустарный міръ—это невѣдомый, подспудный міръ, это—огромнѣйшая мужичья фабрика, не заявляющая о своемъ существованіи грандіознымъ пяти-этажнымъ зданіемъ съ множествомъ вѣчно дымящихся трубъ; она не заявляетъ о своемъ существованіи ни стукомъ машинъ, ни паровиками, а живетъ, раскинувшись на всемъ пространствѣ Россіи

тихо и незамѣтно, какъ и собрать кустаря, земледѣлецъ. Между тѣмъ кустарными произведеніями живетъ вся Россія. Русскій кустарь снабжаетъ своими издѣліями и мужика, и барина, и горничную, и ея щеголиху-барыню¹⁾. Кустарь одѣваетъ и обуваетъ наше миллионное войско¹⁾, поставяетъ свою работу также на флотъ, артиллерію, желѣзныя дороги. Издѣлія его доходятъ до раззолоченныхъ палатъ графовъ и князей и даже до самыхъ императорскихъ дворцовъ²⁾. Роскошныя русскія кружева попадаютъ на плечи парижанокъ, и жены богатыхъ янки въ Америкѣ также высоко цѣнятъ ихъ. Русскіе драгоцѣнные мѣха чернобурыхъ лисицъ, камчатскихъ бобровъ, горностаевъ и соболей красуются въ громадныхъ зеркальных витринахъ магазиновъ Парижа, Лондона, Берлина, Вѣны и Нью-Йорка. Кустарныя издѣлія проложили себѣ путь и въ Турцію, и въ Персію, даже Индію, Афганистанъ, Японію и Китай. Они красуются и въ окнахъ нашихъ столичныхъ магазиновъ, и нерѣдко послѣдними продаются за заграничныя (напримѣръ: пуховыя шляпы, камертоны, сбруйныя принадлежности, медицинскіе инструменты и пр.). Кирскими сапожными издѣліями и павловскими слесарными завалены городскія и столичныя лавки, а въ лучшихъ магазинахъ Петербурга и Москвы выставлена мебель также по преимуществу работы кустарей. Кустари изготовляютъ безчисленное множество издѣлій изъ дерева, металловъ, глины, камня, стекла, кожи, рога, кости, волоса, волокнистыхъ веществъ и т. п. Такъ, изъ дерева дѣлаются самыя грубыя и самыя тонкія издѣлія—отъ дровней для возки навоза до несессеровъ и бездѣлушекъ для дамскихъ будуаровъ, столярно-рѣзныхъ и золотильныхъ художественныхъ издѣлій, мозаичныхъ изъ дерева, паркета, издѣлій изъ карельской березы и капа: коробовъ и шкатулокъ, кабинетныхъ и туалетныхъ украшеній, портфелей, альбомовъ, футляровъ, чайницъ, портсигаровъ, прессъ-бюваровъ, пуговицъ и запонокъ, бураковъ изъ берестяной коры, изящно украшенныхъ мелкою ажурною вырѣзкою съ подложенной разноцвѣтной фольгой, гнутой мебели изъ клена, не уступающей вѣнской заграничной, кѣтокъ для птицъ отъ 10 коп. до 40 руб. за штуку, и проч., и проч., вплоть до огромныхъ барокъ и даже цѣлыхъ

¹⁾ Кустарныя сукна, говорятъ, одно время шли даже въ Англію для королевскаго войска.

²⁾ При омеблированіи Ильинскаго дворца въ нѣкоторыхъ покояхъ была поставлена мебель, сдѣланная въ с. Ангеловѣ. Замѣтимъ кстати, что задвижки и петли для дверей и оконъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ дѣлали кустари нѣсколькихъ деревень тульской губерніи. Въ дворцѣ же поставляются кустарныя кружева и вышивки.

суденъ морского плаванія. Изъ камня кустарь изготовляетъ жернова, надгробные памятники, изъ глины—разнообразныя гончарныя издѣлія, также фарфоровую и фаянсовую посуду, расписывая ее живописью, изразцовыя и цѣтно-черепичныя издѣлія; онъ же производитъ мозаику и рѣзбу по камню, издѣлія изъ уральскихъ самоцвѣтныхъ камней: яшмы, топаза, бирюзы, малахита, изумруда и проч., стекарусь, бисеръ, мелкія туалетныя зеркала,—шлифуетъ, наводитъ грань и золотитъ стеклянную и хрустальную посуду, дѣлаетъ садовыя вазы изъ терракотты и т. д. Изъ металловъ работаютъ всевозможныя слесарныя и кузнечныя издѣлія, начиная отъ гвоздя и лопаты, замки болѣе 300 сортовъ отъ самыхъ дешевыхъ и миниатюрныхъ до огромныхъ палатныхъ, вѣсомъ въ 14 фунтовъ и цѣною до 25 рублей, перочинные ножи отъ 30 коп. за дюжину до 15—16 руб. за отдѣльный ножъ (составной), заключающій въ себѣ до 30 различныхъ предметовъ; далѣе—кинжалы, ружья цѣною отъ 1 р. 40 к. до 200—300 руб. и дороже; роскошныя томпаковые самовары чеканной работы, цѣною 1 руб. 50 коп. за фунтъ; дѣлаетъ чеканку, филигрань, чернь, насѣтку по золоту, серебру и желѣзу, ризы и оклады въ образамъ, цѣлыя иконостасы, финифтико-иконную живопись, разнообразныя серебряныя и золотыя вещи, ювелирныя издѣлія, циркули, бусоли, компасы, даже медицинскіе, математическіе, хирургическіе и оптическіе инструменты и приборы, термометры, барометры, очки, аптекарскіе вѣсы отъ 75 коп. до 20 руб., готовальни отъ 40 коп. до 9 руб., воздушныя насосы и электрическія машины ¹⁾; справляется даже съ выковкой ручной работой въ своей убогой кузницѣ большихъ якорей и якорныхъ цѣпей. Кустарь занимается въ широкіхъ размѣрахъ и обработкою волокнистыхъ веществъ и шерсти и дѣлаетъ холстъ, полотно, коленворъ, нанку, марлю, кисею, сарпинку, платки, скатерти, полотенца, полковныя, полуполковныя и шерстяныя, а также всевозможныя бумажныя ткани, сужна изъ овечьей, верблюжьей шерсти и турьяго пуха, до 15 руб. аршинъ, роскошный бархатъ, парчу, великолѣпныя ковры, кушаки, ленты, тесьму, аграмантъ, даже готовую одежду на лучшіе столичныя магазины. Изъ кожи животныхъ выдѣлывается опоекъ черный, бѣлый и лакированный, сафьянъ, лайка, затѣмъ мѣха различныхъ звѣрей, шубки изъ гагачьяго пуха и проч. Кустарное производство даетъ матеріалъ для приложенія художественно-

¹⁾ Въ г. Юрьевѣ, калужскаго уѣзда; въ Бадсевской волости, серпуховскаго уѣзда; въ клинскомъ и подольскомъ уѣздахъ, московской губерніи.

развитого вкуса въ разныхъ скульптурныхъ издѣліяхъ, цвѣтильномъ промыслѣ ¹⁾, вышивкахъ въ строчку и гладью по полотну, батиству, шолку и бархату, золотокружевномъ производствѣ, драгоценныхъ вышивкахъ золотомъ и серебромъ по кожѣ, роскошно развивающемся въ послѣднее время эмалированіи бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, въ изготовленіи такихъ издѣлій, какъ извѣстныя лукутинскія вещи ²⁾ изъ папье-маше, украшенныя живописными картинами, нерѣдко очень талантливо исполненными, и составляющія по истинѣ *chef-d'oeuvre* кустарнаго искусства. Имъ же изготовляются издѣлія изъ мамонтовой кости, черепахи и кости морскихъ звѣрей. Кустарь же вводитъ въ употребленіе среди крестьянъ изготовляемые имъ плуги, вѣялки, сортировки, куклетброски, просорushки, молотилки; пытается даже дѣлать болѣе сложныя машины, какъ жатвенныя, тріеры и комбинированныя молотилки; онъ же производитъ пожарныя машины, водоочистительныя, токарныя станки для обыкновенной точки и для оружія, самоточки съ приспособленіями для на-рѣзки шестеренъ и шарошекъ и съ строгальнымъ для желѣза аппаратомъ, машины для рѣзки древесной ленты на коробки подъ шведскія спички, серповубильныя машины, машины для строганія спичечной соломы, штампы для мелкихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей, умывальники, сифоны, спринцовки и даже самодѣльные велосипеды ³⁾. Давая матеріалъ для приложенія научныхъ знаній въ построеніи различныхъ машинъ, кустарное производство восходитъ и въ область музыкальнаго искусства, именно въ изготовленіи гармоній цѣною отъ 25 коп. десятокъ ⁴⁾ до 60 рублей и выше за штуку (хроматическія), гитаръ, скрипокъ, балалаекъ, камертоновъ, віолончелей, аристовъ, концертинъ, фисгармоній и гармоній-флютовъ до 100 и 250 руб. Оно же вырабатываетъ и химическія вещества: кали ⁵⁾, древесный порошокъ (сырую укусно-кислую известь) ⁶⁾, древесный спиртъ, поташъ, канифоль, и добываетъ золото и серебро, сумѣвши вооружить себя для этого научными знаніями химіи и технологіи ⁷⁾. Кустарь нерѣдко оказывается настолько предприимчи-

¹⁾ Раскрашиваніе картинъ ручнымъ способомъ (вмѣсто литографіи).

²⁾ Такъ называются по имени перваго мастера ихъ Лукутина.

³⁾ Въ с. Сутажномъ, симбирскаго уѣзда, и въ вятской губерніи.

⁴⁾ Дѣтскія.

⁵⁾ Въ юрьевецкомъ уѣздѣ, костромской губерніи.

⁶⁾ Въ ярославской и костромской губерніяхъ, особенно въ кинешемскомъ уѣздѣ.

⁷⁾ Въ Рогачевской волости, дмитровскаго уѣзда, московской губерніи. Металлы эти добываются изъ пожарнаго сора (отсюда—„соровщики“) и остатковъ мастерскихъ.

вымъ, что утилизируетъ, повидимому, бесполезные отбросы или употребляетъ въ дѣло такіе матеріалы, которые въ обыденной жизни считаются ни на что непригодными. Такъ, въ павловскомъ посадѣ, московской губерніи, изъ отбросовъ мѣдныхъ заводовъ изготовляются подсвѣчники, спичечницы, пепельницы и проч. столь хорошей отдѣлки и изящной формы, что пара иныхъ подсвѣчниковъ продается по 25 руб. Гранильщики той же губерніи изъ обломковъ и обрѣзовъ зеркальныхъ стеколъ выдѣлываютъ различные подрѣски. Изъ суконныхъ крошекъ изготовляются плетенныя туфли. Изъ различныхъ обрѣзовъ отъ мѣховъ, скупаемыхъ на пудъ у скорняковъ и составляющихъ у нихъ отбросы,—очень красивые мѣха и ковры ¹⁾, изъ стружекъ отъ кожъ клеятъ подборы (для каблуковъ); изъ такъ называемаго свиного пуха—остатковъ послѣ сортировки щетины—ковры, коврижки, дорожки и стельки, не выносимые по прочности, а также веревки, не лопающіяся отъ мороза ²⁾, изъ волоконъ крапивы—тонкой и толстой холсты и рыболовныя сѣти ³⁾; идутъ въ дѣло и сурки, эти враги крестьянскихъ посѣвовъ: изъ нихъ добывается сурочье сало ⁴⁾; изъ шкуръ ихъ собираются—сусликовъ, не менѣе вредныхъ для полевого хозяйства, въ послѣднее время стали изготовлять прочные мѣха для дохъ, куртокъ, пелеринокъ, фуфаякъ, фуражекъ, а изъ кожъ ихъ—замѣчательной прочности лайку ⁵⁾. Собачья шерсть утилизируется на вязанье ⁶⁾, а гусиный пухъ—на тканье ⁷⁾. Изъ первой изготовляются: шарфы, фуфайки, дѣтскіе костюмы, шапочки, скатерти, подчасники, мужскія сорочки, платки. Кроличья шерсть идетъ также въ дѣло: изъ нея ткуютъ платки и юбки (утокъ) ⁸⁾.

¹⁾ Въ московской и тверской губерніяхъ.—Точно также жени и дочери орочень пос. Зюльжанскаго, въ 100 верстахъ отъ Нерчинска, изъ нигуда негодныхъ частей звѣриныхъ шкуръ—ножекъ и головъ—шьютъ кумуны (коврики), а изъ козлихъ ножекъ—возляки (шубки), унты, рушавицы.

²⁾ Въ Вел.-Устюгѣ, вологодской губерніи.

³⁾ Въ Западной Сибири.

⁴⁾ Въ балашовскомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, до 10.000 пудовъ.

⁵⁾ Въ Дубовкѣ, саратовской губерніи.

⁶⁾ Въ Камышинѣ и с. Аславскомъ, владим. губ.

⁷⁾ Въ г. Петровскѣ.

⁸⁾ Въ Александровскомъ поселкѣ, вольскаго уѣзда, саратовской губерніи, у латышекъ. Къ болѣе оригинальнымъ промысламъ надо также отнести: отрачиваніе женщинами и дѣвушками косъ для продажи (въ пензенской губ.), вывозъ канареекъ, выворжка песцовъ, лисицъ, соболей для убоя на шкурки (съ Валдайской возвышенности ежегодно вывозится до 15.000 живыхъ зайцевъ), ловля жемчуга въ архангельской губ.

II.

Правительственное содѣйствіе кустарной промышленности началось, собственно говоря, только съ 1888 г., когда кустарные промыслы изъ вѣдѣнія министерства финансовъ были переданы въ министерство государственныхъ имуществъ.

Въ исторіи организаціи и развитія кустарныхъ промысловъ замѣчателенъ тотъ фактъ, что она въ двухъ важнѣйшихъ моментахъ своихъ обязана была личному почину государей. Такъ, поднятіе болѣе серьезнаго вопроса о кустарной промышленности было вызвано Высочайшею отмѣткою императора Александра III на всеподданнѣйшемъ отчетѣ нижегородскаго губернатора за 1885 годъ, именно противъ строки, гдѣ говорилось о выставкѣ кустарныхъ издѣлій на нижегородской ярмаркѣ, на которой, между прочимъ, выяснилось, сколько кустарь теряетъ на своихъ издѣліяхъ отъ посредничества разныхъ скупщиковъ и торговцевъ; такъ, кухонные ножи у кустарей на ярмаркѣ продавались по 36 к., и висачіе замки по 1 р. 30 к. за дюжину, между тѣмъ какъ на той же ярмаркѣ въ магазинахъ цѣна первымъ была выставлена въ 2 р. 30 к., а вторымъ—9 р. 40 к. Противъ именно этого мѣста государь начерталъ: „Дѣло весьма полезное, и желательно очень распространить эти выставки и на другія губерніи и мѣстности Россіи“.

Результатомъ Высочайшей отмѣтки было изданіе циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 6-го сентября 1886 года, къ губернаторамъ, указывавшаго на значеніе выставокъ кустарныхъ издѣлій и предлагавшаго образованіе комитетовъ по содѣйствію сбыта кустарныхъ издѣлій помимо скупщиковъ. Циркуляръ этотъ и положилъ основаніе учрежденію „кустарныхъ комитетовъ“ въ нѣкоторыхъ губернскихъ, а затѣмъ и уѣздныхъ городахъ, а также открытію „постоянныхъ выставокъ“ кустарныхъ издѣлій. Впослѣдствіи заботы о кустарничествѣ изъ губернскихъ комитетовъ перешли въ вѣдѣніе земства.

Второй моментъ въ исторіи содѣйствія развитію кустарныхъ промысловъ—это Высочайшая отмѣтка благополучно царствующаго нынѣ Государя Императора на всеподданнѣйшемъ отчетѣ ярославскаго губернатора, гдѣ говорилось объ удачномъ выполненіи бурмакинскими кустарями военнаго заказа; именно противъ того мѣста отчета, гдѣ говорилось о военныхъ заказахъ, какъ дѣлъ „чрезвычайно важномъ и особенно полезномъ для развитія

кустарныхъ промысловъ“, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „Совершенно вѣрно, это весьма желательно“.

Этой Высочайшей отмѣткѣ были обязаны своимъ появленіемъ „временныя правила“ о военныхъ поставкахъ кустарей, недавно, послѣ трехлѣтняго опыта, вновь пересмотрѣнныя и измѣненныя.

Впервые русской кустарной промышленности оказано почетное вниманіе лишь въ 1882 году, на всероссійской выставкѣ, гдѣ кустарь въ первый разъ „явился на выставку въ качествѣ самостоятельнаго экспонента своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній“. Но „изъ огромныхъ миллионныхъ суммъ, потраченныхъ на устройство этой выставки, для кустарнаго отдѣла было ассигновано всего лишь 15.000 рублей“!..

Да и теперь денежные средства, отпускаемые министерству земледѣлія на улучшеніе постановки кустарнаго дѣла, крайне скудны. Для удовлетворенія обширныхъ потребностей и нуждъ кустарной промышленности и на производство содержанія специалистовъ по усовершенствованію техники производства, на разъѣзды ихъ и проч., въ 1888—1890 годахъ было ассигновано по 35.000 руб. ежегодно. Къ 1901 году ассигнованіе это повысилось до 109.972 руб. Считая общее число кустарей въ 7.000.000 человекъ и принимая во вниманіе послѣднюю сумму, мы получимъ, что правительство затрачиваетъ на каждого кустаря *менѣе полутора копѣйки въ годъ*¹⁾. Между тѣмъ, въ маленькой Швейцаріи только на однѣ субсидіи школамъ кустарнаго и вообще ручного труда затрачивается ежегодно сумма, составляющая *четверть* всей суммы бюджета департамента торговли и промышленности.

На-ряду съ мизерными заботами правительства о кустарныхъ промыслахъ, мы замѣчаемъ часто даже полное игнорированіе ихъ ради иныхъ различныхъ интересовъ.

Такъ, таможенное вѣдомство, наложеніемъ пошлыны на перламутръ, убиваетъ окончательно производство перламутровыхъ пуговицъ въ ломжинской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, развившагося здѣсь благодаря графу Красинскому, положившему не мало труда и заботъ для насажденія этого промысла, чтобы избавить нуждающееся мѣстное населеніе отъ вынужденной эмиграціи въ Германію и Сѣверную-Америку. Такое распоряженіе тѣмъ болѣе удивительно, что перламутра въ Россіи не добы-

¹⁾ Общую сумму, ассигнуемую на всю народную домашнюю промышленность, интересно сопоставить съ суммою, ассигнованною обществу трезвости на народныя размыченія, которая составила въ текущемъ году 3.112.000 руб.

вается; между тѣмъ въ Пруссіи, на нашей границѣ, открылись еврейскія фабрики, занимающіяся производствомъ пуговицъ изъ него и доставляющія ихъ на мѣстный рынокъ контрабанднымъ путемъ ¹⁾.

Въ селѣ Безводномъ, нижегородской губерніи, одинъ кустарь ввелъ производство мѣдныхъ полотентъ (для ситъ и т. п.), прежде выписывавшихся изъ-за границы, а теперь выдѣливаемыхъ здѣсь на сумму до 800.000 руб. Но въ послѣднее время промыселъ сталъ клониться къ упадку. Объясняется это слишкомъ большой пошлиной, наложенной на заграничную мѣдно-латунную проволоку, изъ которой ткуть упомянутыя издѣлія. Пошлина эта за послѣднее время *утроилась*. Вслѣдствіе этого привозъ ея прекратился и работать стали изъ проволоки московскихъ заводовъ, которые выпускаютъ ее очень плохого качества и даже *фальсифицируютъ*. Изъ такой проволоки готовится издѣлій въ день *вдвое меньше*, какъ вслѣдствіе частаго ея порыванія при тканьи и неизбѣжной замедленности въ работѣ, такъ и потому еще, что каждый пудъ ея даетъ до 13^{1/4} фунтовъ „отходу“ (отбросовъ)!

Въ томъ же селѣ развилось производство якорныхъ цѣпей. Одинъ безводнинскій кузнецъ, служа лѣтомъ на баржѣ матросомъ, заинтересовался происхожденіемъ цѣпи, которая была на баржѣ, и узналъ, что она, какъ и всѣ другія, сдѣлана въ Англіи. Возвратясь, по окончаніи навигаціи, домой, онъ пробовалъ выковать цѣпь въ своей кузницѣ, и попытка эта ему удалась. Починъ его былъ подхваченъ сосѣдями, и производство цѣпей быстро распространилось по всему селу.

Цѣпи безводнинскихъ кустарей по своему качеству не уступаютъ англійскимъ; онѣ даже, какъ говорятъ нѣкоторые изслѣдователи, лучше ихъ. Тѣмъ не менѣе, на рынкѣ кустарныя цѣпи продаются *втрое дешевле* ²⁾ англійскихъ, ибо выпускаются изъ кузницы *неопробованными*, какъ англійскія, на гидравлическомъ прессѣ, котораго кустари, за его дороговизною (6.000 руб.), конечно, не въ состояніи купить. И вотъ они „хлопочутъ“ цѣлыми годами о томъ, чтобы имъ указали такого чиновника, который сталъ бы клеймить ихъ произведенія; они *сами сооружаютъ прессъ*, даютъ деньги чиновнику на пріѣздъ и отъѣздъ, нѣсколько разъ выѣзжаютъ въ Петербургъ, обиваютъ пороги

¹⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 27 мая 1900 г.

²⁾ За выдѣланныя цѣпи *подрядчикъ* получаетъ съ нижегородскихъ *торговцевъ* отъ 1 р. до 1 р. 25 к. съ пуда, тогда какъ самъ платитъ кузнецу 70 к., изъ коихъ послѣдній тратитъ еще 10—15 к. за вертлюгъ и замокъ, да углей у него идетъ копѣекъ на 20.

въ разныхъ инстанціяхъ, и все-таки ни до чего добиться не могли“ ¹⁾).

Въ то время какъ отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики министерства земледѣлія и государственнхъ имуществъ старается помочь кустарю на Уралѣ, „горное вѣдомство, *принадлежащее къ тому же министерству*, устремляется на перепутье и всѣми силами нудится кустаря „держать и не пущать“. Кустаря, по выраженію заслуженнаго профессора Д. И. Менделѣева, „не пускаютъ“ якобы, на законномъ основаніи, толкуя веривъ и вкось ст. 836 (и 394) горнаго устава (т. VII. Св. Зак.), воспреещающую устраивать въ районахъ казенныхъ горныхъ заводовъ „фабрики и мануфактуры“, дѣйствующія на древесномъ топливѣ. Опираясь на эту статью, горное вѣдомство закрываетъ и воспрещаетъ устраивать на Уралѣ *ошедшій* кустарныя заведенія—кузницы, гончарни, „кирпичные заводы и т. п.“, несмотря на разъясненія сената, указывавшаго не разъ по жалобамъ кустарей, что „кустарныя заведенія никоимъ образомъ не могутъ быть подведены къ категоріи фабрикъ и мануфактуръ“, о которыхъ говорится въ 836 ст.

Итакъ, „въ то время, когда во всѣхъ концахъ имперіи крестьяне имѣютъ право устраивать всякаго рода промышленныя заведенія, производить ремесла и т. п., на Уралѣ права ихъ въ этомъ отношеніи ограничены, и такимъ образомъ они не являются тамъ свободными сельскими обывателями, какими должны быть по мысли Царя-Освободителя“. И это „стѣсненіе кустарныхъ промысловъ на Уралѣ происходитъ въ то время, когда горнозаводское населеніе бѣдствуетъ, работы на заводахъ недостаточно, заработная плата низка, жить однимъ земледѣліемъ тамъ крестьянину невозможно“. Вслѣдствіе всего этого среди мѣстнаго населенія развиваются отхожіе заработки ²⁾, разрушающимъ образомъ влияющіе на хозяйство,—а также прогрессивное нищенство...

Между тѣмъ, самими заводами, вслѣдствіе допотопныхъ способовъ выжечки угля, совершается огромная и бесполезная трата матеріала. Да, наконецъ, и самое опасеніе за исчезновеніе топлива ни на чемъ не основано даже въ наше время, не говоря уже про старину. Площадь лѣсовъ казеннаго вѣдомства во всѣхъ горныхъ округахъ составляетъ „2.400.000 десятинъ, ежегодный

¹⁾ Изъ доклада В. Д. Бѣлова, прочитаннаго въ апрѣлѣ 1901 г. въ „Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“.

²⁾ „Россія“, 24 апрѣля 1901 г.

прирость которыхъ 600.000 куб. сажень. Этимъ количествомъ сгораемаго можно ежегодно и вѣчно выплавлять по меньшей мѣрѣ 25.000.000 пудовъ чугуна. Въ дѣйствительности же, до послѣдняго времени, выплавка чугуна на всѣхъ казенныхъ заводахъ не достигала и 3.000.000 пудовъ и только въ послѣдніе годы поднялась до 4¹/₂ миллионѣвъ пудовъ. Большая часть остающагося запаса переставляетъ на корнѣ, гниетъ, валится и горитъ. Этимъ объясняется грандіозность лѣсныхъ пожаровъ именно въ казенныхъ горнозаводскихъ дачахъ¹⁾.

III.

Существуютъ давно разныя изыятія изъ правилъ отпуска казеннаго лѣса для нуждъ заводской промышленности, горнаго дѣла и т. д. Льготный же законъ по отпуску лѣса для крестьянъ изданъ только въ 1896 году,—между тѣмъ деревообрабатывающіе промыслы, по своему распространенію, числу занятыхъ ими руѣвъ и количеству вырабатываемыхъ издѣлій, занимаютъ первое мѣсто во всей кустарной промышленности Россіи. Но и этотъ новый законъ оставляетъ въ силѣ старый порядокъ продажи лѣса посредствомъ „соревнованія“, ежели на одну дѣлянку явится нѣсколько покупателей-крестьянъ. „Можно быть увѣреннымъ,—говоритъ изслѣдователь,—что такое соревнованіе станетъ господствующимъ способомъ продажи“.

Покупкѣ лѣса непосредственно самими кустарями крайне мѣшали залогомъ, требовавшіеся лѣснымъ вѣдомствомъ, въ размѣрѣ отъ 10 до 30% стоимости продаваемаго лѣса; и только въ 1881 году было предоставлено право представлять къ торгамъ

¹⁾ „Въ 1861 году въ нихъ выгорѣло до 140.000 десятинъ, или 2.800.000 куб. саж. дровъ, а въ 1864 году въ одномъ екатеринбургскомъ округѣ и только въ мѣсяцъ выгорѣло до 132.000 десятинъ. Въ этомъ году въ екатеринбургской дачѣ было 63 пожара, на каждый пожаръ приходилось по 2.100 десятинъ. Въ Н.-Тагильскомъ округѣ съ 1861 по іюль 1864 г., т.-е. въ 4 года, было всего 84 пожара, опустошившихъ 13.375 дес.: на одинъ пожаръ приходится только 278 дес. Эта громадная разниця совершенно понятна: въ Н.-Тагильскомъ округѣ потребляется весь приростъ; поэтому лѣса чисты, валежника нѣтъ. Въ казенныхъ лѣсахъ сухоподстойнаго и валежнаго лѣса—цѣлыя массы; само мѣстное лѣсное начальство признаетъ, что въ этомъ кроется главная причина опустошительныхъ пожаровъ въ казенныхъ горныхъ дачахъ“. Затѣмъ, громадные опустошенія производятъ коровѣ, который, какъ извѣстно, развивается въ валежномъ лѣсѣ и потомъ уже переходитъ на сыроростущій. (В. Д. Бѣловъ. „Труды Высоч. утв. Всероссийскаго торг.-пром. съѣзда 1896 г. въ Н.-Новгородѣ“. Спб. 1897 г. Вып. 3).

вмѣсто залоговъ мірскіе ручательные приговоры или поручительства благонадежныхъ хозяевъ. Но и съ введеніемъ послѣдняго закона вліяніе скупщиковъ лѣса не устранено: мірскіе сходы, постановляющіе ручательные приговоры, какъ извѣстно, въ большинствѣ находятся подъ давленіемъ скупщиковъ-кулаковъ, поручительство же „благонадежныхъ“ лицъ уже прямо равносильно поручительству первыхъ.

Другое дѣло, если бы вмѣсто мірскихъ приговоровъ и поручительства благонадежныхъ лицъ законъ требовалъ круговой поруки всѣхъ лицъ даннаго селенія или селеній, *покупающихъ лѣсъ сообща, или артелию*. Такое рѣшеніе вопроса позволило бы выдѣлиться въ особую группу дѣйствительно нуждающимся труженикамъ, которыхъ, собственно говоря, и имѣлъ въ виду законъ.

Немаловажнымъ препятствіемъ къ использованію новыхъ способовъ продажи лѣса служить также назначеніе въ нѣкоторыхъ районахъ слишкомъ ранняго крайняго срока для покупки лѣса, а именно—15 сентября, когда крестьяне еще не вончаютъ своихъ полевыхъ работъ.

Настолько же являются неприспособленными къ нуждамъ кустаря и правила подеревной продажи лѣса. Продажа эта дозволена тоже лишь съ 1896 года, хотя опытъ тульской и варшавской губерній, гдѣ подеревная продажа была разрѣшена въ 1884 году, и привислянскихъ (съ 1891 г.), ясно показавъ всѣ выгоды казны отъ такого порядка продажъ лѣса (увеличеніе доходности отъ 2½ до 25% и уменьшеніе самовольныхъ порубокъ). Во второмъ Семеновскомъ лѣсничествѣ, несмотря на то, что оцѣнка была повышена на 83%, да торги дали лишнихъ 37%, кустари въ 1896 году все-же купили лѣсъ (подеревно) значительно дешевле, чѣмъ прежде.

Правилами по отпуску лѣса подеревная продажа ограничена лишь случаемъ, когда *весь лѣсъ* можетъ быть отпущенъ *не ниже оцѣнки* и притомъ не позже срока, принятаго въ губерніи для продажи лѣса обыкновеннымъ путемъ (съ учетомъ по площади). Лѣсничій, такимъ образомъ, рискуетъ не расторговаться или потерпѣть убытки изъ-за откывшихся при разработкѣ техническихъ недостатковъ лѣса. Лѣсничіе же, равнодушныя къ нуждамъ кустарей, совсѣмъ не будутъ хлопотать по этой причинѣ.

Кромѣ всего этого, къ продажѣ для кустарей не предназначается лѣсъ *пиловочный*, тогда какъ многія издѣлія (особенно мебель) требуютъ высшихъ сортовъ лѣса.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что льготами новыхъ правилъ

по отпуску лѣса лишена возможности воспользоваться большая часть кустарей, которые не въ состояніи улучшить свою судьбу собственными силами ¹⁾.

Самыя правила по отпуску лѣса изъ казенныхъ дачъ, очень неудобныя и стѣснительныя для покупателей, заставляютъ кустарей избѣгать покупки лѣса въ казнѣ и обращаться къ частнымъ лѣсовладѣльцамъ или же перекупать его у скупщиковъ. Такъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, въ окрестностяхъ казенныхъ дачъ Подтелье, Убережь, Рогачиха и Гладышево, московскаго уѣзда, и Плудовой, звенигородскаго уѣзда, т.-е. въ районѣ извѣстнаго мебельнаго производства, самаго обширнаго въ Россіи (87 деревень, болѣе 3.100 кустарей), гдѣ лѣсъ покупается у частныхъ лѣсовладѣльцевъ.

Много и другихъ стѣсненій терпитъ кустарная промышленность и не отъ кого другого, какъ отъ самой же казны.

Такъ, несмотря на дозволеніе закона выдѣлывать екатеринбургскимъ мастерамъ разныя издѣлія изъ золота для вольной продажи, до сихъ поръ тамъ не открыто мѣстной пробирной палатки ²⁾. Это заставляетъ кустарей пріобрѣтать оправы для вставки самоцвѣтныхъ камней въ Москвѣ, и на долю кустарей выпадаетъ, такимъ образомъ, очень скромная часть работы.

Соровщикамъ московской губерніи „не было позволено имѣть своихъ горновъ, а въ пробирной палатѣ также не давали ихъ; приходилось работать на свой страхъ, что имѣло много неудобствъ... И до сихъ поръ ³⁾ они не имѣютъ права продавать высокопробное золото“.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ кустари не допускаются для добыванія самоцвѣтныхъ камней на принадлежащихъ казнѣ уральскихъ копахъ, хотя копи эти, какъ, напримѣръ, изумрудныя, были заброшены около двадцати лѣтъ.

Когда казенный Гороблагодатскій округъ, признанный выработаннымъ, былъ переданъ для разработки множеству мелкихъ предпринимателей, то добыча на немъ золота быстро поднялась съ *двухъ пудовъ*, получавшихся въ послѣднее время при казенной эксплуатаціи, до *девятиста пудовъ* въ годъ. Горный департаментъ, вмѣсто того, чтобы примѣнить эту систему къ другимъ округамъ и основать разработку золота на артельно-кустарныхъ началахъ, точно испугавшись такихъ блестящихъ результатовъ, от-

¹⁾ Отчеты и изслѣдованія кустарной промышленности въ Россіи, т. IV.

²⁾ Такъ было, по крайней мѣрѣ, сравнительно въ недавнее время. О послѣднемъ времени свѣдѣній мы не имѣемъ.

³⁾ Писано въ 1882 г.

далъ одинъ округъ въ руки Башмакова за 2.050.000 рублей, который перепродалъ его за 5.000.000 рублей, а другой—въ руки одной крупной компаніи.

Въ былое время кавказское огнестрѣльное оружіе, клинки кинжаловъ и шашекъ, а еще раньше и кольчуги, пользовались громкою извѣстностью. Дагестанскія винтовки во время кавказскихъ войнъ были лучше, чѣмъ у русскихъ войскъ. „Клинки Базала, изъ с. Казанищи, близъ Шуры, и другихъ знаменитыхъ дагестанскихъ мастеровъ вывозились въ Россію въ большомъ количествѣ, а на Кавказѣ, у кого только они сохранились, составляютъ драгоценныя остатки времени расцвѣта оружейнаго дѣла“. Съ окончаніемъ кавказскихъ войнъ, послѣдовало запрещеніе изготовленія скорострѣльнаго ружья, и опытные оружейники принуждены были искать себѣ работы въ слесарно-кузнечномъ ремеслѣ, уходя на зиму въ большіе города и занимаясь здѣсь въ нѣсколькихъ сколоченныхъ деревянныхъ шалахахъ починкою котелковъ, сковородокъ и т. п. вещей кухонной утвари.

Вмѣсто того, чтобы поддержать падающее народное иконописаніе, составившее славу мастеровъ с. Мстеръ, Холуй и Палеха, владимірской губерніи, и представляющее наше національное старинное искусство, у насъ дается разрѣшеніе на фабричное производство иконъ. „Одна фирма въ Москвѣ, дѣлающая жестянки для ваксы Жако, стала заниматься приготовленіемъ жестяныхъ образовъ; одесскій еврей открываетъ другую фабрику съ производствомъ изображеній какихъ угодно святыхъ“.

Кружевницъ въ Россіи работаетъ „едва ли менѣе 30-ти тысячъ; наши издѣлія уже имѣютъ ходъ за границей, искусство кружевницъ замѣчательное, но мы для нихъ ничего не сдѣлали, тогда какъ, напримѣръ, въ одной Австро-Венгріи ткацкихъ, вязальныхъ и кружевныхъ школъ 37 съ 1.085 учащимися“.

Мы не сдѣлали шага, чтобы развить у себя *лайковое* дѣло, и продолжаемъ до сихъ поръ выписывать лайку изъ Франціи и Австріи, несмотря на то, что въ дмитровскомъ уѣздѣ существуетъ огромное кустарное производство лайковыхъ перчатокъ (болѣе 3.000 мастерницъ).

Еслибы мы „менѣе гнались за тонкоруннымъ овцеводствомъ и не оставляли безъ улучшенія, напримѣръ, карачаровскихъ шерстей, еслибы наша техника была приспособлена къ потребностямъ народнымъ,—то намъ не пришлось бы въ послѣднюю войну выписывать массу фуфаякъ изъ Германіи“.

Мы накладываемъ высокую пошлину на жести, идущую въ большомъ количествѣ для кустарныхъ промысловъ, но ничего

не дѣлаемъ для развитія внутренняго ея производства. Нѣмцы и англичане тогда стали ввозить къ намъ желѣзо для жести, а въ Варшавѣ, Москвѣ, Либавѣ и другихъ городахъ открылись заводы для луженія заграничнаго желѣза. Между тѣмъ, изъ изслѣдованія вопроса В. Д. Бѣловымъ на Уралѣ выяснилось, что сами кустари могли бы готовить жечь изъ уральскаго желѣза на 91 коп. въ пудъ дешевле, чѣмъ готовятъ его теперь заводы изъ иностраннаго желѣза ¹⁾, да и уральское желѣзо, къ тому же, оказывается пригоднѣе въ выработкѣ, чѣмъ заграничное.

IV.

Вообще, металлы попадаютъ къ кустарямъ по очень дорогой цѣнѣ. Такъ, желѣзодѣлательные заводы частныхъ предпринимателей на Уралѣ, по взаимному соглашенію между собою, продаютъ желѣзо и прочія издѣлія по такимъ же цѣнамъ, по какимъ они продаются на нижегородской ярмаркѣ, т.-е. прибавляютъ къ цѣнѣ стоимость провоза до Нижняго. Это же продѣлывается и казенный заводъ въ Нижнемъ-Тагилѣ. Мало того, „многіе желѣзодѣлательные заводы совсѣмъ не отпускаютъ кустарямъ желѣза, какъ мелкимъ покупателямъ, а предпочитаютъ имѣть дѣло съ крупными торговцами, къ которымъ кустари и вынуждены обращаться, платя, разумѣется, за желѣзо еще болѣе высокую цѣну“.

Кустари переплачиваютъ на желѣзѣ большія деньги, желѣзо часто доставляется имъ не того качества, какое требуется для подѣлокъ, но до сихъ поръ ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, еслибы *земскимъ управамъ* поручена была казною такая же функція, какъ комиссіонерамъ казенныхъ горныхъ заводовъ, еслибы *управамъ* дѣлалась такая же скидка съ цѣнъ, какъ послѣднимъ, то кустари получили бы желѣзо минимум на 60 коп. въ пудъ дешевле, чѣмъ теперь. Неужели для государства выйдеть дѣлать скидку теперешнимъ комиссіонерамъ капиталистамъ, продающимъ желѣзо перекупщикамъ, чѣмъ той огромнѣйшей общественной организаціи, какою является земство и въ лицѣ которой, безъ малѣйшаго ущерба для казны, эту скидку, вмѣсто богатыхъ комиссіонеровъ, получили бы цѣлыя массы бѣднѣйшаго и трудолюбивѣйшаго населенія Россіи?

¹⁾ Жечь на Уралѣ (Нижнетагильскій и Невьянскій заводы), гдѣ она идетъ на оковку сундуковъ, продается по 4 р. 65 к. пудъ, а въ Лондонѣ стоить 1 р. 61 к.

Въ интересы самого лѣсного вѣдомства входитъ развитіе деревообрабатывающихъ промысловъ, охватившихъ собою огромнѣйшія области Россіи, въ цѣляхъ увеличенія сбыта лѣсного матеріала; но что сдѣлало оно, напримѣръ, въ дѣлѣ открытія *складовъ сухого лѣса*, такъ необходимаго для нашихъ кустарей и за отсутствіемъ котораго сильно страдаетъ самое обширное между всѣми и разнообразнѣйшее деревообрабатывающее производство? Что сдѣлано имъ въ дѣлѣ разведенія ивовыхъ плантацій, съ которыхъ пруть шелъ бы на плетеніе корзинъ, липовыхъ насажденій—для выработки мочала, кленовыхъ—для производства гнутой мебели, могущей замѣнить вѣнскую заграничную, и т. д., и т. д.? Что сдѣлано имъ для разведенія въ предѣлахъ Россіи цѣнныхъ древесныхъ породъ, привозимыхъ къ намъ теперь изъ-за границы, и проч. и проч.?

Для военнаго вѣдомства „требуется ежегодно до 30 милл. разнаго рода ткацкихъ издѣлій, до 1 милліона паръ сапогъ, свыше 1 милліона аршинъ тесьмы, до 800.000 роговъ и другіе предметы“. Но „кустари, являющіеся у насъ въ большинствѣ случаевъ единственными производителями этихъ издѣлій, однако, непосредственныхъ сношеній съ казною не имѣютъ, а производятъ свои поставки при посредствѣ разныхъ подрядчиковъ, преимущественно евреевъ“, никакого отношенія, кромѣ барышническаго, къ производству не имѣющихъ. Такъ, сукно опаринскихъ кустарей, продающееся въ Москвѣ по 60—80 коп., поставляется въ казну по 1 р. 10 к. По выраженію кустарей, въ прошлую войну они по заказу подрядчиковъ одѣвали солдатъ въ сукно, сотканное не изъ шерсти, а изъ песку. Славны также кимрскіе подрядчики, теперь милліонеры, картонными подошвами сапогъ, въ которыхъ русскіе солдаты переходили за Балканы.

Такъ какъ интендантство выдаетъ задатки подъ залогъ фабрикъ, то здѣсь происходятъ самыя наглые обманы: арендуются для виду заброшенныя фабрики, вставляются въ машины вмѣсто не хватающихъ металлическихъ частей деревянные, и т. п. ¹⁾).

Нижне-туринская механическая артель на Уралѣ готовила ударныя трубы для артиллерійскаго вѣдомства по 37 коп., вмѣсто заводской цѣны въ 1 р. 25 к., сдавъ ихъ съ меньшимъ бракомъ, чѣмъ отъ завода, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на 326.000 руб. и заработавъ дивиденда 40.000 руб. Тѣмъ не менѣе, почему-то было признано нужнымъ лишить артель этой работы, и производство

¹⁾ В. С. Пругавинъ. „Кустарь на выставкѣ 1882 г.“.

трубокъ было передано снова на казенный заводъ, которому онъ обходится, говорятъ, не менѣе 1 р. или 1 р. 25 к.

Подъ именемъ кустарей дѣйствительными поставщиками казны являются иногда или кулаки, или заводчики. Подобный случай, говорятъ, имѣлъ дѣло въ —ой губерніи, гдѣ все время поставлялъ издѣлія, подъ именемъ кустаря, одинъ крупный скупщикъ, расписываясь вкупѣ съ дѣйствительными кустарями.

До сихъ поръ въ морское вѣдомство, менѣе другихъ обращающееся къ посредничеству кустарей при своихъ заказахъ, наръзные винты поставляются однимъ крупнымъ заводчикомъ, говорятъ, подъ именемъ якобы кустарныхъ, хотя винты эти могла бы отлично изготовлять, напримѣръ, павловская кустарная артель.

Вообще, несмотря на Высочайшую волю, выраженную на всеподданнѣйшемъ отчетѣ ярославскаго губернатора за 1894 годъ, о чемъ мы уже упоминали, за все это время изъ огромныхъ количествъ ежегодно заготавливаемыхъ военнымъ вѣдомствомъ предметовъ, кустарямъ предоставлялись въ поставку лишь рогожи и шитье сапогъ изъ казеннаго товара, да и то въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ то время, какъ въ Германіи, Австріи, Франціи, Швеціи, Швейцаріи и проч. основанъ цѣлый рядъ специальныхъ кустарныхъ и ремесленныхъ школъ (въ маленькой Швейцаріи, напримѣръ, еще десять лѣтъ назадъ, было 75 школъ), у насъ съ большимъ трудомъ отыскиваются самыя необходимыя школы.

Такъ, стоило многихъ усилій и хлопотъ изысканіе тѣхъ 700 руб., которыхъ не хватало для организованной по частному почину школы въ цѣляхъ поддержанія стариннаго русскаго художественнаго столярно-рѣзного и золотильнаго промысла въ Ростовѣ. Для открытія же ремесленного училища въ такомъ центрѣ кустарнаго производства, какимъ является с. Павлово, нужно было *двадцать лѣтъ* переписки между различными учрежденіями, и только послѣ того, какъ мѣстное крестьянское общество обязалось принять расходы на себя, училище было разрѣшено къ открытію...

Въ Сибири, гдѣ развитіе кустарныхъ промысловъ имѣетъ особенно важное государственное и экономическое значеніе, на средства частнаго лица, въ цѣляхъ распространенія и усовершенствованія кустарныхъ промысловъ, въ с. Сосновскомъ была открыта единственная въ краѣ богато обставленная школа, для которой были выписаны земледѣльческія машины и орудія, по-

строены образцовые кожевенный, свѣчной и мыловаренный заводы и разныя мастерскія, заведены усовершенствованныя ульи, а кабинетомъ Его Величества пожертвовано 400 десятинъ земли. Однако, спустя небольшое время, по проискамъ одного кулака и по представленію мирового посредника, не выказывавшаго сочувствія шволѣ, послѣдняя была закрыта, а имущество ея распродано за безцѣнокъ или расхищено.

V.

Значеніе кустарныхъ промысловъ въ дѣлѣ общаго развитія нашей отечественной промышленности совершенно не было понято правительствомъ; не вполнѣ понимается имъ и теперь. Со времени еще первыхъ заботъ Петра I о насажденіи у насъ промышленности, старинные русскіе кустари, эта огромнѣйшая народная фабрика, были совершенно забыты, и новая форма производства была перенесена къ намъ готовою съ Запада. Но слѣдовало ли выпускать изъ виду наши кустарные промыслы, которые, какъ говорятъ А. Корсакъ, имѣли въ себѣ достаточно жизненной силы, чтобы преобразоваться въ новую, болѣе производительную и совершенную форму? Не слѣдовало ли бы „прежде всего обратиться къ живымъ народнымъ силамъ и имъ дать возможность къ дальнѣйшему развитію, а не давить ихъ монополіей и рабствомъ“?

Тѣ же ссуды, тѣ же жертвы, которыя дѣлало правительство для обогащенія отдѣльныхъ капиталистовъ, бывшихъ болѣею частью совершенно чуждыми промышленности, оно могло бы обратить на цѣлыя села, на цѣлыя деревни и цѣлые города, которые съ давнихъ временъ славились той или другой отраслью промышленности; вмѣсто того, чтобы строить на счетъ казны фабрики и заводы и отдавать ихъ потомъ купцамъ и помѣщикамъ, не разумнѣе ли было бы „отдавать ихъ цѣлымъ мѣстностямъ, которыя были заняты тѣмъ же промысломъ, при помощи домашнихъ простыхъ орудій? Имъ недоставало только правильной организаціи, усовершенствованныхъ приемовъ и умѣнья, усовершенствованныхъ орудій и машинъ“¹⁾.

На Западѣ фабричная промышленность развилась органически изъ промышленности домашней. Таково именно происхожденіе промышленности Лидса, Галифакса, Шеффилда, Бирмингама и

¹⁾ А. Корсакъ. „О формахъ промышленности и проч.“ Сиб., 1861 г.

Вольергамтона, основанной первоначально на кустарномъ трудѣ. Такимъ же образомъ развилась въ Англіи и хлопчато-бумажная промышленность Ланкастера, Манчестера и проч. Производство сукна въ Лидсѣ, Галифаксѣ, Галдерсфилдѣ, Брандфордѣ, Уэк-филдѣ и другихъ городахъ имѣло тотъ же кустарный характеръ.

Во Франціи почти вся промышленность Дофинѣ первоначально была размѣщена по селамъ. То же самое можно сказать о льонской шолковой мануфактурѣ и шерстяномъ дѣлѣ въ Реймсѣ, о льняной промышленности прусской Силезіи, лютихскомъ оружейномъ дѣлѣ, часовой фабрикаціи въ Швейцаріи, солингенскомъ металлическомъ производствѣ суконной и льняной фабрикаціи Австріи, и проч., и проч. ¹⁾.

Подобная же эволюція происходила и происходитъ у насъ. Такъ, наша знаменитая ситцевая фабрикація Иваново-Вознесенска своимъ происхожденіемъ обязана кустарямъ. Когда, послѣ введенія болѣе свободнаго таможеннаго тарифа 1819 года, многія фабрики пришли въ упадокъ и закрылись, работавшіе на нихъ кустари „водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія“, превратившіяся потомъ въ фабрики. Полотняныя фабрики въ с. Мстерахъ, владимірской губерніи, почти всѣ были основаны ими же. Все шуйское купечество образовалось большею частью изъ крестьянъ и кустарей уѣзда. Морозовы, развившіе до такихъ громаднхъ размѣровъ ткацкое дѣло, какъ и извѣстные Демидовы, вышли изъ тѣхъ же кустарей. Самыя большія фирмы въ Кимрахъ — Потапенко, первымъ въ Россіи начавшій выработку гамбургскаго товара, Мартыновъ, теперешній миллионеръ, Погребовъ, Столяровъ, получившій много золотыхъ медалей за выставки въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Амстердамѣ и др., — вышли изъ кустарей.

Кустарные промыслы обладаютъ громадною силою роста и въ рукахъ правительства могли бы послужить могущественнѣйшимъ орудіемъ въ дѣлѣ насажденія и развитія отечественной промышленности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднятія экономическаго благосостоянія русскаго народа вообще. При артельной организаціи производства во главѣ школы-мастерской и при наличности комиссіонерскаго посредничества въ дѣлѣ сбыта издѣлій со стороны ли особыхъ комиссіонеровъ, или крупныхъ фирмъ и особыхъ обществъ, вмѣстѣ съ развитіемъ кредитныхъ товариществъ и усовершенствованіемъ производства, кустарная промышленность Россіи, несомнѣнно, могла бы имѣть большое и вѣрное будущее.

¹⁾ А. Корсакъ, тамъ же.

Подобную именно организацію кустарная промышленность получила на Западѣ. Такъ, совершенно упавшее въ половинѣ 70-хъ годовъ производство знаменитыхъ венеціанскихъ кружевъ чрезъ учрежденіе нѣсколькихъ школъ двумя составившимися обществами, однимъ съ благотворительнымъ характеромъ, а другимъ—основаннымъ на коммерческихъ началахъ, снова поднимается на прежнюю высоту и завоевываетъ себѣ европейскіе рынки. Чрезъ школу же и заботы мѣстнаго промышленнаго общества достигаетъ высокой степени совершенства упавшее-было въ 40-хъ годахъ металлическое производство въ Ремшейдѣ, въ Германіи, откуда теперь ежегодно расходится по всему свѣту не-вѣроятное количество пилъ, подпилковъ, коньковъ и проч.

Вышивочныхъ издѣлій Санъ-Галлена и сосѣднихъ съ нимъ кантоновъ, въ Швейцаріи, гдѣ производство организовано санъ-галленскимъ коммерческимъ директоріумомъ, путемъ учрежденія нѣсколькихъ школъ, вывозится за границу на 50 милліоновъ франковъ. Число вышивальныхъ машинъ превышаетъ здѣсь общее количество ихъ, какое имѣется во всей остальной Европѣ.

Подобнымъ же образомъ организованы: производство плетеныхъ издѣлій въ Воленѣ съ округомъ, въ Швейцаріи же, откуда ихъ вывозится на 30 милліоновъ франковъ ежегодно; игрушечное производство въ Тюрингіи, гдѣ вывозъ игрушекъ составляетъ также нѣсколько милліоновъ марокъ; производство часовъ въ Шварцвальдѣ, разсылаемыхъ по всему свѣту; металлическія издѣлія Золингена, особенно ножевой товаръ, который можетъ быть найденъ во всѣхъ концахъ свѣта, и т. д., и т. д.

Въ помощь ручному труду въ Германіи, Австріи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи и другихъ странахъ учреждена цѣлая сеть всевозможныхъ кустарныхъ и ремесленныхъ школъ по всѣмъ отраслямъ производства; основаны музеи съ богатыми собраніями образцовъ и рисунковъ, которыми можетъ пользоваться всякій кустарь или ремесленникъ; открываются спеціальныя курсы для учителей, устраиваются поѣздки ихъ за границу и т. п.

Огромное вліяніе на развитіе и организацію кустарной промышленности за границей имѣло и имѣетъ предоставленіе мелкимъ промышленникамъ доступнаго и дешеваго кредита. Въ то время какъ въ Германіи, въ половинѣ 1895 года, числилось 6.417 ссудо-сберегательныхъ товариществъ для ремесленниковъ и кустарей, у насъ послѣдніе совершенно почти лишены доступнаго кредита. Изданныя же государственнымъ банкомъ правила о „кредитныхъ товариществахъ“, дѣйствующихъ на капиталъ, получаемый отъ банка, и способныхъ, казалось бы, открыть собою

новую эпоху для мелкихъ производителей, — несмотря на большой успѣхъ уже открытыхъ товариществъ, хранятся въ какой-то тайнѣ и неизвѣстны не только кустарямъ, но даже большинству просвѣщенныхъ людей.

VI.

Заслуги кустаря передъ родиною, даже теперь, при полномъ отсутствіи организаціи его производства, кредита и проч., велики. Кустаремъ созданы цѣлыя новыя и обширныя отрасли промышленности въ Россіи. Такъ, кустарь Проскуряковъ ввелъ производство мѣднаго полотна, о которомъ мы уже упоминали и которое прежде почти цѣликомъ шло изъ-за границы, а теперь выдѣлывается въ нижегородской губерніи на сумму около 800.000 руб. ежегодно. Другой кустарь создаетъ выдѣлку желѣзнаго полотна; по почину третьяго развивается производство якорныхъ цѣпей. Серпы поступали къ намъ сначала также изъ-за границы, а теперь ихъ выдѣлываютъ владимірскіе кустари гораздо дешевле, въ размѣрѣ до 1.000.000 штукъ ежегодно, и снабжаютъ ими не только всю Россію и Финляндію, но и вывозятъ ихъ еще въ Болгарію, Сербію, Румынію, Турцію, Грецію и даже Японію и Китай. Кустарь же вводитъ производство лопатъ изъ уральской мартеновской стали, замѣняя ими англійскія, и теперь стоитъ на очереди попытка павловскихъ кустарей замѣнить англійскіе напильники собственнымъ производствомъ.

Кустарь энергично подхватываетъ данную ему мысль о выработкѣ дешеваго крестьянскаго плуга, и въ многочисленныхъ пунктахъ Россіи быстро создаются уголки, питающіе крестьянское хозяйство. Онъ же создаетъ дешевые типы вѣялокъ, молотилокъ, кулеотбросокъ, успѣшно конкурирующихъ по своей производительности и дешевизнѣ съ заводскими машинами, изобрѣтаетъ даже дешевую (2—5 руб.) жатвенную машину, замѣняющую дорогую заводскую, и т. д., и т. д., дѣлая такимъ образомъ всѣ эти продуктивныя машины доступными мелкому и бѣдному крестьянскому хозяйству и тѣмъ оказывая ему и всей странѣ великую культурную услугу.

Далѣе, при надлежащемъ содѣйствіи, кустари могли бы производить *вязальныя машины*, и вязаньемъ нашимъ мы могли бы снабжать, по увѣренію Е. Н. Андреева, и самихъ себя, и Европу, и Азію, и Америку.

При извѣстной технической обстановкѣ дѣла можно было бы найти умѣлыхъ рабочихъ и для производства *швейныхъ машинъ*,

а также производства *велосипедовъ*. *Пишущія машины*, несмотря на ихъ большое распространеніе, продающіяся все еще такъ дорого, по признанію специалистовъ, также могли бы выдѣлываться кустарями той страны, гдѣ о нихъ прежде всего зародилась мысль, а при дешевизнѣ кустарнаго труда, мы тогда не только не нуждались бы въ иностранномъ привозѣ, но сами вывозили бы ихъ въ другія страны.

Въ широкихъ размѣрахъ могло бы у насъ развиваться *часовое дѣло* ¹⁾, а въ тульской губерніи и Дагестанѣ, славящемся своими оружейниками,—выдѣла скорострѣльныхъ магазинныхъ *ружей*, *револьверовъ* и *холоднаго оружія*.

Вятскіе кустари и теперь уже дѣлаютъ дешевле заграничныхъ издѣлій *аристоны*, *концертины* и *фисгармоніи*, а при организаціи производства могли бы поставлять ихъ еще дешевле на всю Россію и, окончательно вытѣснить иностранный привозъ.

Въ Тулѣ могло бы широко развиваться производство *мѣдныхъ духовыхъ инструментовъ*, а *армоніи*, по мнѣнію изслѣдователя, съ успѣхомъ можно было бы сбывать на азіатскіе рынки, въ Африку и Австралію.

Ждетъ только почина и организаціи и *кожевенное* производство кустарей, доселѣ, къ стыду нашему, почти вовсе, какъ и производство крупныхъ заводовъ, не выдѣлывающее *дорогихъ сортовъ* кожъ, поступающихъ изъ-за границы. Пушной товаръ въ сыромъ видѣ вывозится отъ насъ на милліоны рублей, возвращаясь, по выдѣлѣ, обратно втридорога. Напримѣръ, зайцы, скупаемые въ Нижнемъ для Лейпцига по 6—7 коп., иногда возвращаются къ намъ выдѣланными, подъ именемъ „голубыхъ песцовъ“, по 3 р. 50 к. за штуку.

Шелководство, приносящее болѣе тысячи рублей чистаго дохода съ десятины туты, могло бы съ успѣхомъ развиваться, кромѣ Кавказа и Средней Азіи, на нашемъ югѣ, въ астраханской губерніи, очень благопріятной для шелководства по своему климату и отсутствію грозъ, и даже въ Уссурийскомъ краѣ, гдѣ

¹⁾ Примѣромъ тому, какъ иногда одинъ намекъ, одно слово знающаго специалиста можетъ раскрыть кустарямъ всю тайну тщетно отыскиваемого ими приѣма и научить ихъ тому, о чемъ они и не мечтали, вращаясь въ сферѣ своего узкаго опыта, можетъ служить часовое производство въ д. Шараровѣ, московской губерніи. Одинъ изъ посѣтителей всероссійской выставки 1882 г., „знакомый съ часовымъ дѣломъ въ Швейцаріи, увидя недостатки московскихъ часовъ, накупилъ въ различныхъ магазинахъ отдѣльныхъ частей часовъ и повезъ ихъ въ д. Шарарову, гдѣ указалъ, что и какъ въ часахъ надо измѣнить, распродалъ весь свой запасъ частей, указавъ, у кого въ Москвѣ послѣднія можно приобрѣтать,—и уже въ настоящее время въ московской губерніи производятъ часы, не уступающіе швейцарскимъ.

шелковица растетъ теперь въ лѣсахъ въ дикомъ состояніи. Въ дѣлѣ шелководства у насъ не хватаетъ ни грены, выписываемой изъ-за границы ежегодно въ количествѣ до 800—1.000 тысячъ золотниковъ, ни сырого шолку для нуждъ нашей шелко-тканцовой промышленности, требующей ежегодно до 15—16 миллионѣвъ рублей шолку, изъ коихъ на 13 миллионѣвъ привозится изъ-за границы. Несмотря на это, дѣло шелководства у насъ мало подвигается впередъ, а на Кавказѣ и въ Средней Азій, сравнительно съ прежними временами, оно сократилось въ громаднѣхъ размѣрахъ. Въ Туркестанѣ, съ водвореніемъ здѣсь русскихъ, тутовныя деревья безпощадно рубились на дрова; и наша администрація не только не принимала никакихъ мѣръ противъ этого опустошенія, но сама же назначала за туковыя дрова большую цѣну, чѣмъ за другія. Существующая нынѣ у сартовъ, въ Средней Азій, размотка шолва, по своимъ техническимъ несовершенствамъ, обезцѣниваетъ шолъ даже лучшаго сорта коконовъ. Еслибы въ центральныхъ пунктахъ промысла были устроены образцовыя шелкомотальныя мастерскія, то шолковое дѣло въ Средней Азій было бы быстро двинуто впередъ.

Но особенное значеніе въ дѣлѣ шелководства имѣло бы растеніе *скорцонеръ*, который въ послѣднее время оказался вполне пригоднымъ для выкормки червей вмѣсто тутоваго листа. Значеніе это важно, во-первыхъ, тѣмъ, что скорцонеръ можетъ идти въ кормъ въ первый же годъ посѣва, тогда какъ туковыя деревья, какъ извѣстно, могутъ служить для этой цѣли лишь съ десяти-лѣтняго возраста, а во-вторыхъ—выкормка шелковичнаго червя скорцонеромъ дѣлаетъ возможнымъ занятіе шелководствомъ не только въ тепломъ, южномъ климатѣ, а повсюду, ибо скорцонеръ свободно произрастаетъ въ обыкновенныхъ огородахъ.

Что касается шелкоткачества, то, какъ утверждаетъ это М. М. Ковалевскій, „будущее принадлежитъ не московскимъ шелковымъ фабрикамъ, а тѣмъ мелкимъ промышленнымъ заведеніямъ, которыя давно существуютъ, напримѣръ, въ Чемахѣ, и въ настоящее время доставляютъ публикѣ относительно дешевый товаръ, не уступающій по своему качеству легкимъ итальянскимъ, если даже не французскимъ тканямъ“.

Въ смолокурennomъ кустарномъ производствѣ могла бы имѣть громадное будущее выработка *древеснаго порошка*, *канифоли* и *скипидара*. У нашихъ кустарей-смолокуровъ теперь пропадаетъ безслѣдно такъ называемая „подсмольная вода“, содержащая въ себѣ не мало веществъ, имѣющихъ хорошую цѣну, а главное, нѣкоторое количество смолы. Кромѣ того, въ ней въ большомъ

количествомъ заключается весьма цѣнный продуктъ—укусная кислота, получение которой хотя и недоступно нашимъ кустарямъ въ своемъ чистомъ видѣ, но возможно въ видѣ такъ называемаго „древеснаго порошка“ (сырая уксуено-кислая известь). Производство этого порошка уже существуетъ среди кустарей, особенно въ винешемскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи, гдѣ Д. Кайгородовъ въ 1889—1890 г. насчиталъ до 35 мелкихъ кустарныхъ заводовъ. Производство это поддерживается большимъ спросомъ уксусной кислоты на ситцевыя фабрики. „Значеніе выработки древеснаго порошка для сѣверныхъ лѣсныхъ губерній въ будущемъ весьма велико,—говоритъ изслѣдователь этого производства, Х. Х. Репманъ,—если своевременно дать промыслу то направленіе, которое соотвѣтствовало бы техническому развитію и требованію рынка данного времени. Моя увѣренность въ способности развитія этого промысла такъ велика, что даетъ мнѣ смѣлость утверждать, что господство на европейскихъ рынкахъ по всѣмъ продуктамъ сухой перегонки дерева въ ближайшемъ будущемъ должно перейти въ наши руки, хотя, до настоящаго времени, несмотря на крайне высокую пошлину, мы ввозимъ простѣйшіе продукты перегонки, вмѣсто того чтобы экспортировать продукты естественнаго русскаго производства“.

Затѣмъ, специалисты (Д. М. Кирпичниковъ, Китаевъ и др.) единогласно указываютъ на „возможность для крестьянъ выгоднаго заработка добываніемъ такъ называемаго „гарпіуса“ (канифоли) изъ смолы (сѣры), получаемой посредствомъ подсаживанія сосны и ели. На этотъ товаръ существуетъ большой спросъ со стороны мыловаренныхъ заводовъ, и въ настоящее время эта потребность въ гарпіусѣ удовлетворяется привозомъ его изъ-за границы (около 6 милл. пудовъ). На нижегородской ярмаркѣ нѣтъ русскаго гарпіуса, и это рядомъ съ огромной областью хвойныхъ лѣсовъ!“

Для нуждъ кожевеннаго промысла могло бы широко развиваться *экстракціонное* производство, т.-е. выгонка дубильныхъ соковъ изъ коры ввы, ели, сосны и березы, толокнянки, кустовъ черники и проч. Несмотря на обиліе всего этого сырого матеріала, экстракты въ Россіи привозятся изъ-за границы ¹⁾, а, напримѣръ, въ вятской губерніи, гдѣ толокнянкой, очень цѣннымъ для экстракціоннаго производства матеріаломъ, покрыты огромныя пространства, они совсѣмъ не употребляются даже на крупныхъ заводахъ, хотя соковое дубленіе значительно выгоднѣе пересыпного.

¹⁾ Въ 1900 г. привезено на 728.000 р., въ 1899 г.—на 1.079.060 р.

Добыча *скипидара* также еще очень мало развита среди кустарей-смолокуровъ. Напримѣръ, въ такой лѣсистой губерніи, какъ нижегородская, скипидаръ совсѣмъ не добывается. Между тѣмъ, кустарный заводъ среднихъ размѣровъ, при добываніи только смолы и угля, даетъ въ казанской губерніи, по словамъ г. Китаева, чистаго дохода только 84 руб., а вырабатывающій еще и скипидаръ—151 руб.

Производство скипидара, особенно въ Сибири, могло бы имѣть большое значеніе еще и потому, что онъ могъ бы замѣнять здѣсь свѣтильный матеріалъ въ сельскомъ быту и продаваться даже въ городѣ для уличнаго освѣщенія. Въ Норвегіи очищенный скипидаръ замѣняетъ керосинъ и горитъ въ лампахъ. Небольшія скипидарныя заведенія начали давно уже появляться въ Барнаульскомъ округѣ ¹⁾.

Другіе изслѣдователи считали доступнымъ для небольшихъ кустарныхъ заводовъ даже выработку *древеснаго спирта*.

Особенно благопріятныя условія для развитія кустарныхъ промысловъ имѣетъ Сибирь. Такъ, при развитіи смолокуреннаго производства могъ бы организоваться успѣшный сбытъ смолы изъ Сибири за границу, при открытіи сѣверныхъ путей чрезъ устья сибирскихъ рѣкъ. Всѣ благопріятствующія условія имѣются въ Сибири и для развитія металлическихъ промысловъ: „богатныя руды алтайскаго округа, лѣса, каменный уголь и огромная потребность въ желѣзныхъ издѣліяхъ, какъ для мѣстнаго населенія, которое до сихъ поръ находилось безъ желѣза, имѣя некованныя телѣги, деревянные замки и т. п., такъ и для золотыхъ приисковъ. Желѣзныя издѣлія могли бы имѣть огромный сбытъ въ сибирскимъ инородцамъ, наконецъ, въ Туркестанъ, Китай и особенно въ степи и Монголію. Такимъ образомъ, мѣстному желѣзному промыслу, какъ и заводской промышленности, въ Сибири готовится блестящее будущее“ ²⁾.

Особенное значеніе въ экономической жизни нашего народа имѣли и имѣютъ промыслы *отхожіе*. Значеніе это заключается въ томъ, что отхожіе кустари, попадая въ районъ, наиболѣе благопріятствующій ихъ ремеслу, обыкновенно осѣдаютъ здѣсь, кладя основаніе будущему развитію промысла на новомъ мѣстѣ. Нельзя также „не обратить вниманія,—говоритъ Ядринцевъ,—какую важную роль играютъ новоселы-переселенцы изъ Евро-

¹⁾ Ядринцевъ, Н. Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ. „Русская Мысль“, 1881 г., X.

²⁾ Ядринцевъ, тамъ же.

пейской Россіи въ насажденіи кустарной промышленности въ Сибири. Кромѣ улучшенія сельскаго хозяйства, они слывутъ лучшими кожевниками, столярами, кузнецами, пимокатами и т. д. Въ Алтайскомъ селеніи, Бійскаго округа, они привили выдѣлку кожъ. Въ Барнаулѣ, за послѣднія десять лѣтъ, переселенцы положили начало пимокатному и шубному производству; кромѣ того, изъ нихъ явились экипажники, товари, выдѣлывающіе посуду и чашки, мебельщики, мастера колокольцевъ, а въ одной деревнѣ, около Барнаула, переселенецъ выдѣлываетъ скипидаръ. Тѣ же крестьяне, вблизи Барнаула, сѣютъ горчицу и дѣлаютъ горчичное масло. Малороссы, около Усть-Каменогорска, завели бабшаны и сѣютъ превосходные арбузы, подсолнухи для выдѣлки масла, и т. п. Въ новосельскихъ деревняхъ заведены маслобойни, новаго устройства мельницы и т. п. Каждый новосельскій домъ отличается присутствіемъ ткацкаго станка. На такое важное кустарное и промышленное значеніе переселенцевъ-кустарей въ Сибири нельзя не обратить вниманія, какъ на важный факторъ народно-экономическаго развитія. Кустарный промыселъ, какъ колонизація вообще, самъ прокладываетъ себѣ въ Сибирь дорогу, и нужно только этимъ воспользоваться“.

На югѣ, юго-востокѣ и юго-западѣ Россіи мы встрѣчаемъ также массу зажиточныхъ владимірцевъ, нижегородцевъ, москвичей и проч., которые занимаются тамъ въ качествѣ столяровъ, плотниковъ, слесарей, иконописцевъ, торговцевъ и др. Такіе піонеры были бы полезны, кромѣ Сибири, на нашемъ югѣ, въ Средней Азійи и вообще тамъ, гдѣ мѣстныя ремесла слабо развиты или гдѣ не хватаетъ нѣкоторыхъ видовъ ихъ.

VII.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что „кустарная промышленность не только устояла, но развилась и окрѣпла въ упорной, неравной борьбѣ съ крупнымъ производствомъ; мы видѣли, сколько силы и настойчивости, умѣнья ориентироваться при самыхъ трудныхъ и разнообразныхъ условіяхъ, сколько знаній и талантовъ выказала и таитъ въ себѣ эта трудовая многомилліонная масса русскаго народа“ ¹⁾. „Ясно, насколько важно, можно даже сказать—необходимо существованіе кустарныхъ промысловъ въ нашей странѣ. Не будь ихъ,—половина земледѣль-

¹⁾ В. С. Пругавинъ. „Кустарь на выставкѣ 1882 г.“

ческой Россіи большую часть года проводила бы въ праздности и врядъ ли имѣла бы средства для уплаты податей и повинностей" ¹⁾. Такъ какъ наши долги зимы приостанавливаютъ сельскохозяйственныя работы на время до восьми мѣсяцевъ, то „полугодовая праздность многихъ миллионѣвъ, — говоритъ А. А. Исаевъ, — была бы прискорбнымъ явленіемъ въ нашей хозяйственной жизни, приростъ народнаго богатства сильно замедлялся бы вслѣдствіе потери для страны огромной массы труда“. Замѣна кустарныхъ промысловъ отхожими заработками крайне нежелательна. Что могутъ дать эти послѣдніе тѣмъ сотнямъ тысячъ рабочихъ, которые, напримѣръ, теперь, каждое лѣто движутся изъ среднихъ и сѣверныхъ черноземныхъ губерній въ степи съ тѣмъ, чтобы, по уборкѣ хлѣба, возвратиться назадъ? Съ мѣшаками на спинѣ и идя наудачу, они „бросають свое хозяйство въ такое время, когда рабочія руки всего нужнѣе на мѣстѣ, — какъ справедливо замѣчаетъ это В. В., — и лишаются въ тотъ именно моментъ, когда работа имъ всего необходимѣе“. „Молодые дѣвушки-невѣсты слѣдуютъ ихъ примѣру и идутъ съ ними въ далекія путешествія, столь же вредныя для ихъ здоровья, какъ и опасныя для ихъ добраго имени. Это называется у насъ „отхожими промыслами“. „По моему мнѣнію, — справедливо прибавляетъ М. М. Ковалевскій, — это самый очевидный признакъ страшной нищеты, закравшейся въ наши деревни“ ²⁾.

Вредное вліяніе отхожихъ промысловъ идетъ и дальше. Вымираніе мужского населенія въ тверской губерніи, гдѣ наблюдается громаднѣйшій перевѣсъ общаго числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ, вслѣдствіе превышенія смертности послѣднихъ въ полтора раза, обязано главнымъ образомъ развитію отхожихъ промысловъ и тяжелому труду на чужой сторонѣ мужского населенія, которое, такимъ образомъ, вынуждено доставлять благополучіе своимъ семьямъ цѣною собственной гибели. А такъ какъ въ послѣднее время уходъ женщинъ сталъ увеличиваться вдвое, то та же участь увеличенія смертности должна грозить и женщинамъ.

Доходы, извлекаемые крестьянами изъ кустарныхъ промысловъ, не есть „добавочные къ тѣмъ средствамъ существованія, которыя уже обезпечены земледѣліемъ: въ длинной цѣпи крестьянскаго труда это — необходимое звено, единственно дающее возможность свести въ хозяйствѣ семьи концы съ концами. И когда

¹⁾ В. В. „Очерки кустарной промышленности въ Россіи“.

²⁾ „Экономическій строй Россіи“.

это звено выпадесть, наступаютъ всѣ послѣдствія крестьянскаго разоренія“¹⁾).

Такъ какъ всѣ казенные, земскіе и прочіе сборы уплачиваются изъ средствъ, приносимыхъ кустарными промыслами, то упадокъ ихъ влечетъ за собою прежде всего пониженіе платежныхъ способностей населенія и накопленіе недоимокъ. Яркимъ примѣромъ тому можетъ служить извѣстная Красная-Рамень (19 селеній), нижегородской губерніи, съ ея нѣкогда обширнымъ, но теперь сильно упавшимъ гвоздарнымъ производствомъ. Къ 1891 году, еще до неурожая, за нею числилось недоимокъ 55.000 руб. Наоборотъ, въ новооскольскомъ уѣздѣ, курской губерніи, гдѣ сапожный промыселъ былъ организованъ земствомъ, кустари исправно вносили всегда подати и въ голодные 1891 и 1892 года не брали даже продовольственной ссуды. Профессиональное нищенство хохломской волости, семеновскаго уѣзда, не можетъ не быть поставлено въ связь съ упадкомъ мѣстнаго токарно-красильнаго производства. Упадокъ ложкарнаго производства въ полянской волости, балахнинскаго уѣзда, вынудилъ многихъ мастеровъ прибѣгнуть къ другому промыслу—сбору милостыни. „Этихъ ремесленниковъ околѣ насъ видимо-невидимо“,—говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель²⁾.

„Основой крестьянскаго хозяйства служитъ совмѣстный трудъ мужчины и женщины. Лишите мужчину-крестьянина помощи женщины, а въ особенности если у него остаются на рукахъ ребята, и хозяйство его должно рушиться“³⁾. Точно также, „пока рабочій на фабрикѣ одинъ, семья же его въ деревнѣ, связь его съ землей еще не порвана, и онъ возвращается въ нее время отъ времени. Но какъ только онъ перевелъ свою семью въ фабричную казарму, какъ только его жена и дѣти поступили на фабричную работу, такъ отношенія его къ деревнѣ кончаются, и его дѣти роковымъ образомъ становятся спеціально фабричными рабочими“⁴⁾. Слѣдовательно, поддержать женщину въ ея домашнемъ хозяйствѣ, дать ей такія занятія, которыя не отвлекаютъ ее на сторону, не разобщаютъ ее съ землей, съ домомъ и тѣмъ способствуютъ сохраненію и развитію того строя хозяйства, при которомъ земледѣліе и промыслы идутъ рука объ руку и помогая

¹⁾ М. А. Плотиновъ. „Кустарные промыслы нижегородской губерніи“.

²⁾ „Сельско-хозяйственный обзоръ нижегородской губерніи за 1892 г.“, вып. III, стр. 68.

³⁾ Н. Кабуковъ („Новое Слово“, 1895 г., V, стр. 64—66).

⁴⁾ Е. М. Дементьевъ. „Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ“, стр. 44.

другъ другу, — это значитъ оказать основную поддержку всему крестьянскому хозяйству ¹⁾).

Что женщина „является однимъ изъ главныхъ условий для правильнаго развитія всего крестьянскаго хозяйства, оказывая на него могучее, рѣшающее вліяніе“, — доказываютъ намъ изслѣдованія московскаго земства, устанавлиющія тотъ фактъ, что весьма значительный процентъ крестьянъ разорился отъ смерти своихъ женъ. „Статистическія изслѣдованія, произведенныя въ рязанской и воронежской губерніяхъ, также подтверждаютъ сдѣланный выше выводъ, въ виду чего надо полагать, что фактъ этотъ является общимъ для всего народа, для всей мужицкой Руси“ ²⁾). Въ юрьевецкомъ уѣздѣ, костромской губерніи, женщина сильно занялась отхожими промыслами, и мы замѣчаемъ, что гдѣ женщина займется такимъ промысломъ, гдѣ домъ остается безъ ея призора, тамъ земледѣліе падаетъ.

VIII.

Въ то время какъ въ нашей странѣ, гдѣ мало развита технология, гдѣ машины выписываются съ Запада и обходятся дорого, гдѣ промышленное образованіе низко, а привычка къ изстари усвоеннымъ приемамъ велика, гдѣ, наконецъ, рабочая плата дешевая, кустарные промыслы совершенно игнорируются правительствомъ, и отчасти обществомъ, — въ маленькой Швейцаріи, напримеръ, „какъ союзное правительство, такъ и мѣстныя кантональныя и коммунальныя власти, промышленныя общества и частныя лица удѣляютъ много заботъ и матеріальныхъ пожертвованій на профессиональное образованіе ремесленниковъ вообще и кустарей въ частности. Повсюду, гдѣ существуетъ тотъ или другой кустарный промыселъ, мы видимъ дѣятельное стремленіе поднять и развить его, выражающееся въ учрежденіи спеціальныхъ школъ, очень дешевыхъ или даже вовсе бесплатныхъ и во всякомъ случаѣ вполне доступныхъ для большинства, складовъ образцовъ и матеріаловъ производства, небольшихъ, но только устроенныхъ музеевъ, выставокъ и т. п. Каждый кустарь, получивъ первыя понятія о наслѣдственномъ ремеслѣ въ своей семьѣ, имѣетъ полную и легкую возможность развивать и совершенствовать свои техническія знанія и способности, даже не двигаясь съ мѣста,

¹⁾ Н. Каблуковъ, тамъ же.

²⁾ В. С. Пругавинъ, указ. соч.

не повидавъ своей деревни, потому что наука сама туда идетъ къ нему на встрѣчу и обеспечиваетъ ему болѣе широкій и успѣшнѣйшій сбытъ его произведеній. Личной предпримчивости предоставленъ полный просторъ; она поддерживается содѣйствіемъ общества и государства и находитъ себѣ настоящую дорогу. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ развитіе мелкой промышленности можно считать обеспеченнымъ; и дѣйствительно, маленькая Швейцарія во многихъ отрасляхъ производства съ успѣхомъ выдерживаетъ конкуренцію своихъ большихъ сосѣдей. Здѣсь нѣтъ мѣста опасенію, что промыселъ, возникшій среди населенія данной мѣстности, можетъ прекратиться или выродиться за недостаткомъ обновляющихъ его силъ, такъ какъ здѣсь всѣ усовершенствованія новѣйшей техники легко и скоро становятся достояніемъ всякаго, желающаго ими пользоваться, а широкое распространеніе художественнаго образованія обеспечиваетъ правильное развитіе изящнаго вкуса въ массахъ" ¹⁾).

При обсужденіи вопроса о значеніи нашей кустарной промышленности нужно говорить не о томъ отношеніи ея къ промышленности капиталистической, при которой она представляетъ, будто бы, лишь примитивную форму промышленности страны вообще, а именно, прежде всего, объ отношеніи ея къ ходу экономической жизни цѣлаго народа, въ которомъ, при одностороннемъ развитіи капиталистическаго, или, какъ называетъ его русскимъ терминомъ г. Н. Кабардинъ ²⁾, „захватнаго“ производства, „накопленіе богатства на одномъ полюсѣ (среди хозяйствъ-капиталистовъ), по выраженію Карла Маркса, производить въ то же время на другомъ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго собственный продуктъ въ видѣ капитала, накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго убожества“. Роль государства въ содѣйствіи этимъ двумъ противоположнымъ формамъ промышленности не можетъ быть неясною для всѣхъ насъ: оно должно, какъ выражается проф. А. А. Исаявъ, „со всѣми его органами, всѣмъ его строемъ содѣйствовать недѣлимимъ въ достиженіи ихъ цѣлей и особенно тѣмъ, которые имѣютъ наименѣе силъ для борьбы съ невыгодами окружающей ихъ обстановки“. Вслѣдствіе того нельзя не согласиться съ выводомъ о необходимости „организовать систему правительственнаго содѣйствія кустарямъ такимъ образомъ, чтобы

¹⁾ П. О. Морозовъ. „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи“, т. II.

²⁾ „О русскихъ нуждахъ“. Спб. 1900.

она имѣла цѣлью и способствовала группировкѣ по районамъ кустарей-производителей въ промышленныя кооперации, въ основу развитія которыхъ были бы положены начала общности и солидарности интересовъ. Конечной же цѣлью государственной дѣятельности въ этомъ направленіи должно служить: установленіе организаціи рациональнаго производства, въ основу котораго лягутъ потребности народа и государства, а не интересы рынка, сбыта и конкуренціи, что имѣетъ мѣсто при господствующей теперь товарно-капиталистической организаціи экономическихъ силъ страны“...

А. Д. Погужовъ.

РАБЫНЯ

РОМАНЪ.

— The slave. By Robert Hichens. London, 1900.

XIV.

Черезъ два или три дня послѣ того, какъ Обрѣ возвратился домой отъ Діамонды Слегъ, онъ получилъ письмо, въ которомъ сэръ Ребенъ предлагалъ ему бросить свое ничтожное мѣсто въ Сити и сдѣлаться личнымъ секретаремъ своего крестнаго отца. Сэръ Ребенъ прибавлялъ, что лэди Кэриль проситъ его принять это новое мѣсто, и заканчивалъ письмо еще однимъ предложениемъ, которое совершенно изумило Обрѣ.

Онъ просилъ его, въ случаѣ согласія на новыя занятія, переселиться къ нимъ въ Паркъ-Лэнъ, предлагая это въ видахъ своего собственнаго удобства.

„Я уже старѣю,—писалъ онъ.—Часто можетъ случиться, что не въ состоянii буду самъ отправляться въ контору, а каждую минуту могутъ придти важныя письма, требующія отвѣта и распоряженій. Я долженъ имѣть моего секретаря тутъ же, на мѣстѣ. Домъ мой, какъ тебѣ извѣстно, очень великъ. У тебя будутъ отдѣльныя комнаты, и ты будешь настолько же самъ себѣ господинъ, какъ и на Жерминъ-Стритъ. Кэриль очень хочется, чтобы ты принялъ мое предложеніе. Она знаетъ, что мое здоровье часто оставляетъ желать лучшаго, и хотѣла бы, чтобы мнѣ помогли въ моихъ дѣлахъ. Ты можешь помочь мнѣ лучше, чѣмъ

¹⁾ См. выше: май, стр. 227.

кто-либо, и, надѣюсь, сочтешь своимъ долгомъ это сдѣлать". Въ заключеніе, сэръ Рѣбенъ назначалъ своему секретарю очень щедрое вознагражденіе.

Обрѣ былъ крайне смущенъ; первымъ его движеніемъ было отказаться, и это рѣшеніе было тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ сильнѣе было желаніе принять предложеніе. Когда онъ читалъ письмо, то въ его сердцѣ яркимъ пламенемъ вспыхнула страсть, разжигаемая возможностью жить вмѣстѣ съ Кэриль въ Лондонѣ, въ этомъ странномъ экзотическомъ домѣ, такъ не похожемъ на всѣ лондонскіе дома. Обрѣ такъ страстно захотѣлось согласиться на предложеніе сэра Рѣбена, что самая сила этого желанія и подсказала ему необходимость отказа. Онъ сѣлъ къ столу и написалъ письмо, въ которомъ отклонялъ предложеніе своего крестнаго отца. Онъ положилъ письмо въ конвертъ и бросилъ этотъ конвертъ въ огонь. Потомъ написалъ другое письмо, съ просьбой позволить ему подумать недѣлю, прежде чѣмъ принять предложеніе, за которое онъ горячо благодарилъ сэра Рѣбена. Онъ послалъ это письмо съ посыльнымъ въ Паркъ-Лэнъ, и получилъ отвѣтъ:

„Вполнѣ согласенъ. Даю недѣлю на размышленіе, съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи этого срока, ты далъ утвердительный отвѣтъ“.

Обрѣ отправился въ Сити, выхлопоталъ себѣ недѣльный отпускъ, уложилъ свои вещи и вечеромъ одинъ выѣхалъ изъ Лондона. Въ важные моменты нашей жизни часто является непреодолимое желаніе побыть въ полномъ одиночествѣ. Обрѣ отправился въ одну горную мѣстность сѣверной Англіи, мѣстность, знакомую ему съ дѣтства, и которой онъ не видалъ уже много лѣтъ. Это была очень узкая и пустынная долина, скрытая и огражденная со всѣхъ сторонъ угрюмыми, сѣдыми утесами. Какъ разъ по срединѣ этой долины находилась маленькая гостинница, стоявшая совершенно одиноко возлѣ дороги, извивавшейся между сѣрыхъ каменныхъ стѣнъ. За гостинницей протекала рѣчка. Небо здѣсь часто заволакивалось облаками. Въ этой долинѣ все было туманно и подернуто какой-то меланхолической дымкой. Люди появлялись здѣсь рѣдко, и жизнь ея обитателей расплывалась и блѣкла незамѣтно. Обрѣ пріѣхалъ раннимъ холоднымъ утромъ. Маленькая гостинница была пуста, и владѣлецъ ея, бывший пастухъ, принималъ посѣтителя и сталъ исполнять его приказанія съ радостнымъ изумленіемъ. Обрѣ позавтракалъ въ общемъ залѣ, прислушиваясь къ однообразному журчанію рѣчки и слѣдя въ окно за сѣрыми облаками, которыя съ лѣнивой усталостью склонялись на плечи холмовъ. Дни, проведенные имъ въ

этой долины, проходили удивительно быстро. Онъ совершалъ далекия прогулки по холмамъ и наслаждался холоднымъ воздухомъ горныхъ вершинъ.

Самъ того не сознавая, онъ старался отыскать въ окружающихъ его таинственныхъ явленіяхъ природы что-нибудь, что могло бы ему помочь въ его рѣшеніи. Онъ не зналъ, какъ они ему отвѣтятъ, но зналъ навѣрное, что они все понимаютъ, все слышатъ. Нерѣшительность Обрэ не имѣла ничего общаго съ обыкновенной нерѣшительностью, свойственной въ подобномъ случаѣ всякому молодому человѣку, который хочетъ убѣжать отъ соблазна. Онъ любилъ женщину, и она была замужемъ за старикомъ, но онъ даже и въ мысляхъ не допускалъ, чтобы Кэриль бросилась въ его объятія изъ объятій своего мужа. Для него она всегда стояла на недостижимой высотѣ и была свѣтла какъ утро, озаряющее небо улыбкой привѣта. Обрэ боялся только мужъ, ожидавшихъ его, если онъ станетъ жить въ непосредственной близости въ женщинѣ, которую онъ такъ страстно любилъ и которою надѣялся обладать вполне. Но она такъ хотѣла.

Оставивъ внизу долину и поднимаясь почти механически къ горнымъ вершинамъ, онъ думалъ уже не о себѣ и не о мужѣ Кэриль, но только о ней одной. День былъ такой таинственный и необыкновенно тихій, что производилъ на Обрэ впечатлѣніе какого-то огромнаго сѣраго чудовища, присѣвшаго и готовящагося прыгнуть. Онъ надѣялся, что, совсѣмъ уйдя изъ долины, избавится отъ этого неприятнаго впечатлѣнія, такъ сильно овладѣвшаго имъ,—но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ сильнѣе становилось жуткое, тягостное чувство.

Теперь ему казалось, что чудовище приныло къ вершинѣ холма или сидитъ въ сгущающемся облагѣ. Онъ остановился и прислушался, какъ человѣкъ, блуждающій въ лѣсу, прислушивается къ ворчанью скрытаго звѣря, о присутствіи котораго догадывается какимъ-то чутьемъ. Но ничего не было слышно. Вся природа была неподвижна, точно парализована. Онъ продолжалъ идти въ гору. Оглядываясь отъ времени до времени, онъ видѣлъ долину, становившуюся съ каждымъ разомъ все болѣе призрачной, и одна за другой исчезали подробности, заволакиваясь отъ глазъ его легкою дымкой.

Наконецъ, все слилось въ одно сѣрое пятно. Еще минута—и ничего не стало видно, долина перестала существовать для него. Однѣ горныя вершины вздымались кругомъ, полныя тайны и какого-то значенія.

Онъ дошелъ до самой высокой точки холма, сѣлъ на камень и сталъ ждать. Онъ чувствовалъ, что долженъ дожидаться чего-то; теперь, когда прекратилось физическое движеніе, началъ работать его мозгъ, и онъ сталъ думать, но не смутно о неясныхъ тайнахъ природы, а опредѣленно о тайнѣ Кэриль. Ему вспомнилась она, съ цвѣтнымъ жемчугомъ на шеѣ и глазами, блиставшими странной радостью. Онъ почувствовалъ снова, и еще сильнѣе прежняго, глубокое любопытство, охватившее его, когда онъ увидалъ ее впервые въ ея новомъ домѣ.

Онъ не напрасно совершилъ это восхожденіе на вершину: пока онъ стоялъ въ ожиданіи на холмѣ, туманная дымка зашевелилась подъ влияніемъ чего-то незримого, раздвинулась, разорвалась, разсѣялась и разлетѣлась тысячью обрывковъ. За нею показалось кака-то сѣроватая громада, странная и задумчиво прекрасная, которая разстилалась и граничила съ темной полосой неба. Обрэ зналъ, что это было море, и его сердце забилось быстрѣе, какъ всегда, когда онъ видѣлъ далекое море. Онъ не различалъ его движенія, но догадывался, что волны вздымались и шумѣли, чуялъ душою, какъ вздымалась необъятная стихія въ своемъ вѣчномъ порывѣ, въ своемъ то заглушаемомъ, то вновь возрастающемъ отчаяніи. А надъ нимъ въ небѣ горѣлъ яркій, золотистый свѣтъ, свѣтъ заката, боровшійся съ окружающимъ сумракомъ и холодомъ, подобно живому существу, которое вырывается изъ рукъ схватившаго его врага и безмолвно, но страстно призываетъ на помощь. Этотъ свѣтъ былъ точно голосъ, исходившій изъ сердца природы. Обрэ прислушивался къ нему, и снова ему вспомнилась Кэриль. Не боролась ли и ея душа, какъ этотъ закатъ, съ холодомъ и мракомъ? Развѣ можетъ быть счастливо человѣческое существо, если надъ нимъ тяготеетъ никѣмъ неразгаданная тайна? Свѣтъ погасъ, и Обрэ всталъ, чтобы пуститься въ обратный путь. Спускаясь съ холма, онъ уже зналъ, что приметъ предложеніе своего крестнаго отца.

XV.

Когда лэди Рангклифъ услышала отъ Обрэ объ его новомъ рѣшеніи, она страшно взволновалась и со свойственной ей порывистостью сейчасъ же телеграфировала сэру Рѣбену, прося его пріѣхать къ ней. Онъ явился немедленно и нашелъ ее въ состояніи крайняго возбужденія.

— Сэръ Рѣбенъ, — заговорила она быстро: — что же это такое? Невозможно, чтобы Обрэ жилъ съ вами и лэди Кэриль.

— Но почему же?—спросилъ тотъ, спокойно улыбаясь.— Вы думаете, что пойдутъ сплетни?

Лэди Рангелифъ сдѣлала нервное движеніе головой.

— Я не думаю о сплетняхъ, а только о моемъ сынѣ. Онъ не долженъ этого дѣлать, я въ этомъ твердо увѣрена.

— Но это для его же пользы.

— Ахъ, сэръ Ребенъ!—проговорила она:—Обрѣ любить вашу жену. Мы оба это знаемъ. Какъ же онъ можетъ жить съ вами? Ну, какъ онъ можетъ? Ради всего святаго,—для чего вы это сдѣлали?

— Я сдѣлалъ это потому, что хотѣлъ, чтобы онъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ теперь.

Лэди Рангелифъ отвернулась быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ, но потомъ опять подошла къ нему и проговорила послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, во время которыхъ она изучала выраженіе его лица:

— Да, такова была ваша цѣль, но отъ этого онъ не можетъ стать счастливѣе, и это неправильно.

— На Обрѣ можно положиться,—онъ человѣкъ чести.

— Да, но...

— На Кэриль тоже можно положиться,—она любитъ изумрудъ.

Лэди Рангелифъ отступила на шагъ, какъ будто ее что-то оттолкнуло.

— И вы можете такъ о ней говорить теперь?!

— Почему же нѣтъ? Вы не любите правды, а это—правда. Моя жена не похожа на другихъ современныхъ лондонскихъ женщинъ. Она была рождена для того, чтобы жить въ гаремѣ, для того, чтобы ее баловали, какъ звѣрка, и украшали драгоценностями, какъ украшаютъ любимицу султана. Вы понимаете, или, можетъ быть, при вашемъ идеализмѣ вамъ трудно понять, что есть извѣстный родъ женщинъ, которыя столько вѣковъ жили въ атмосферѣ грубаго эгоизма, столько разъ продавали свое тѣло, умъ и душу за блестящія бездѣлушки, золото, брилліанты и тѣ наслажденія, которыя доставляютъ избалованнымъ рабынямъ, что въ нихъ умерло всякое чувство человѣческаго достоинства. Именно это случилось и съ Кэриль. Въ моей женѣ нѣтъ никакой сердечности.

— Вы можете такъ говорить о дѣвушкѣ, на которой женились?!

— Я могу сказать больше: я благодарю небо за то, что у нея нѣтъ сердца. Лэди Рангелифъ, когда-то я обожалъ женщину,

у этой женщины было сердце. Она вышла за меня замужъ и любила меня такъ, какъ только женщина съ сердцемъ можетъ любить, но любила недолго. Однако этотъ короткій періодъ страсти привязалъ меня къ ней желѣзными цѣпами. Потомъ она обманула меня именно потому, что у нея было горячее сердце. А вѣдь ужасная истина, которой не признаетъ большинство англійскихъ женщинъ, состоитъ въ томъ, что въ человѣкѣ очень много животнаго. И она продолжала обманывать меня до конца. Даже ея смерть, — а она ужасно боялась умереть, — была слѣдствиемъ измѣны. И когда я увидалъ эту любимую мною и любящую женщину въ гробу, то мнѣ хотѣлось схватить ея тѣло и растоптать его.

Лэди Ранглифъ поблѣднѣла отъ ужаса.

— Другъ мой, вы клевете на самого себя, — проговорила она.

— Нѣтъ! Въ то мгновеніе я клятвенно отрекся навсегда отъ всякихъ сердечныхъ чувствъ. Я уѣхалъ надолго, вы помните. Тогда-то я купилъ своихъ рабынь. Это дѣлается довольно легко на Востока. Я изучилъ души этихъ рабынь. Многія изъ нихъ совершенно не человѣчны, если смотрѣть на человѣчность съ точки зрѣнія западныхъ людей. Тогда я возвратился назадъ и встрѣтилъ бѣлую фею съ душою рабыни передъ ювелирной лавкой на Бондъ-Стритъ. Вашъ сынъ мечталъ о ней, но то, что ему рисовала его фантазія, было ложью. Онъ любитъ Кэриль. Онъ несчастливъ, потому что любитъ ее и потому что она для него — тайна. Дайте ему пожить съ нею вмѣстѣ, узнать, какая она въ дѣйствительности. Дайте ему узнать правду, и отъ ужаса передъ этой правдой его любовь умретъ такъ же, какъ моя любовь живетъ отъ радости передъ этой правдой.

— Ахъ, сэръ Рѣбенъ, вы ужасны, вы ужасны! — проговорила лэди Ранглифъ въ сильнѣйшемъ волненіи, и на ея близорукихъ глазахъ заблестѣли слезы.

— Я не могу вамъ позволить такъ говорить о женщинѣ, — прибавила она.

— Хорошо. Но вы можете и должны позволить мнѣ дать Обрэ этотъ полезный урокъ?

— Я знаю Обрэ, — возразила лэди Ранглифъ. — Онъ по своей натурѣ никогда не пойметъ этого урока, никогда ему не повѣрить. И въ этомъ его счастье.

Потомъ она быстро подошла къ сэру Рѣбену и воскликнула:

— Но вы, что же вы такое, если, думая такъ о своей женѣ, вы можете быть съ нею счастливы?

— Я старикъ. Я многое вижу слишкомъ ясно, и поэтому доволенъ уже тѣмъ, что могу имѣть рабыню.

Лэди Ранглифъ ничего не отвѣтила. Сэръ Рѣбенъ пожалъ ей руку и ушелъ.

Возвращеніе Анно въ Лондонъ совпало какъ разъ съ началомъ новой жизни Обрэ, и оба эти событія послужили обильной пищей для городскихъ сплетенъ. Какъ могла лэди Кэриль быть счастливой со своимъ безобразнымъ, старымъ мужемъ? И почему этотъ мужъ пригласилъ къ себѣ въ домъ такого молодого и красиваго человѣка, какъ Обрэ Геррикъ? Почему Анно отказался отъ въ высшей степени выгоднаго ангажемента въ Америку, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать въ Лондонъ и убѣдить стараго мужа красавицы устроить великолѣпный концертный залъ?..

Всѣ эти вопросы всплывали и кружились въ лондонскомъ свѣтѣ, какъ всплываютъ и кружатся водяные пузыри въ пѣнящемся потокѣ. Водвореніе Обрэ на новой квартирѣ совершилось очень быстро. Лэди Ранглифъ не пыталась вмѣшиваться. Она испытывала какое-то странное смущеніе послѣ свиданія съ сэромъ Рѣбеномъ. Можетъ быть, старику удалось повліять на нее, помимо ея воли, и она начинала думать сама, что для сына ея будетъ хорошо, если ему дастъ урокъ эта женщина.

Обрэ отвели цѣлый рядъ комнатъ во второмъ этажѣ огромнаго дома. Онѣ назывались „красными комнатами“. Обстановка, несомнѣнно, сильно вліяетъ на настроеніе ума. Живя въ новыхъ условіяхъ и среди непривычной обстановки, Обрэ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ никогда не могъ забыть перваго вечера, проведеннаго имъ въ домѣ сэра Рѣбена. Само собою разумѣлось, что онъ могъ обѣдать гдѣ хотѣлъ и, кромѣ положенныхъ часовъ работы, вполне принадлежалъ самому себѣ. Но въ этотъ первый вечеръ онъ обѣдалъ втроемъ съ Аллабрутами.

Сэръ Рѣбенъ называлъ этотъ обѣдъ пиршествомъ новоселья. При его склонности къ ироніи и врожденной любви ко всему фантастическому, онъ испытывалъ особое злорадство отъ сознанія, что въ своемъ новомъ положеніи весьма напоминаетъ терновый кустъ между двухъ розъ.

— Надѣнь сегодня твой изумрудъ, Кэриль, — сказалъ онъ передъ обѣдомъ женѣ: — въ честь новаго члена семьи. Съ нимъ ты еще болѣе похожа на саму себя, — настоящій драгоценный камень въ образѣ женщины.

Она улыбнулась ему своей ослѣпительной улыбкой. Онъ смотрѣлъ, какъ она прикрѣпляла изумрудъ къ своему черному

платью. Она никогда не позволяла горничной дотрогиваться до него. Сэру Рёбену всегда казалось, что ея руки дѣлались другими, болѣе нѣжными, прикасаясь къ драгоценнымъ камнямъ, какъ измѣняются и становятся болѣе нѣжными руки матери, обхватывая кругленькіе члены своего маленькаго ребенка.

Смотря съ глубокимъ вниманіемъ на жену, какъ только смотреть на неотъемлемую собственность, сэръ Рёбенъ думалъ, что въ этотъ вечеръ Обрэ долженъ наконецъ понять. Онъ подошелъ къ ней, обнявъ ее своими старческими руками и произнесъ:

— Какъ ты сегодня похожа на саму себя, Кэриль!

Она только улыбнулась въ отвѣтъ, и они пошли внизъ.

Обрэ казалось, что это пиршество было похоже на сказку изъ „Тысячи и одной ночи“. Они ѣли какія-то странныя кушанья, и за столомъ прислуживалъ одинъ арабъ сэра Рёбена. Освѣщеніе было слабое и весь столъ былъ уставленъ сильно пахнущими цвѣтами. Сэръ Рёбенъ говорилъ. Это былъ монологъ и монологъ самый удивительный. Онъ говорилъ о драгоценностяхъ, давалъ полную волю своему богатому воображенію, и еще разгорячалъ его, какъ бы желая закружить своихъ собесѣдниковъ и умчать ихъ съ собою въ другой міръ. Онъ говорилъ о драгоценныхъ камняхъ, какъ объ одушевленныхъ предметахъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу людей, и рассказывалъ очень интересныя исторіи о камняхъ съ разными изображеніями, какъ будто вѣрилъ въ самое дѣлѣ, что они могли мѣняться, какъ могутъ мѣняться одушевленные предметы, находясь подъ извѣстными вліяніями. Такъ онъ рассуждалъ о маленькой рощицѣ изъ семи деревьевъ, замѣченной Камелло Леонардо да Пезаро на одномъ агатѣ съ разводами, и объяснялъ это явленіе странной любовью агата къ деревьямъ, выросавшимъ изъ почвы, въ которой находился этотъ агатъ. Онъ описывалъ, какъ мѣнялась эта маленькая рощица и очень фантастично изображалъ, какъ чередовались времена года въ сердцѣ агата, какъ вспыхивали въ немъ весеннія чувства и волновались желанія молодости, какъ проходило лѣто съ томительною лѣнью золотыхъ полуденныхъ часовъ, какъ замиралъ послѣдній шопотъ и шорохъ осени, полной предчувствія увяданія и разрушенія, и какъ наконецъ наставалъ покой зимы—безлистный, бѣлый и холодный.

— Ахъ! — сказалъ онъ, переводя свои горящіе глаза съ жены, которая была вся вниманіе, на Обрэ, который также слушалъ и наблюдалъ за нею:—развѣ вамъ не кажется, что въ драгоценныхъ камняхъ тоже есть жизнь, не такая, какъ у насъ, но въ другомъ родѣ, жизнь безмолвная, сильная, страстная?

Я видѣлъ однажды гигантскій восточный рубинъ, который, если въ него смотрѣли на солнце, испускалъ такой яркій блескъ, точно изъ него выходила сіяющая звѣзда. Солнце говорило съ нимъ, и звѣзда была его отвѣтомъ. Растенія чувствуютъ, цвѣты радуются и страдаютъ. Кто же можетъ рѣшить, что драгоценные камни въ своей пламенной неподвижности не любятъ, не страдаютъ, не привязываются къ своему обладателю,—онъ перевелъ глаза съ лица лэди Кэриль на изумрудъ, сіявшій у нея на груди,—не испытываютъ ужаса и муки, когда разбойникъ или воръ приходитъ ночью и вырываетъ ихъ изъ ихъ вѣрнаго убѣжища?

Когда онъ говорилъ это, его жена инстинктивнымъ движеніемъ какъ бы украдкой подняла руку и положила ее на изумрудъ.

Сэръ Рёбенъ замолчалъ, глядя пристально то на жену, то на Обрэ. Глаза съ стальнымъ блескомъ лэди Кэриль были устремлены на него и, казалось, пронизывали его насквозь. Губы ея были слегка раскрыты, и среди наступившей тишины онъ слышалъ ея затрудненное дыханіе, какъ будто въ комнатѣ не хватало воздуха.

Сэръ Рёбенъ взглянулъ на Обрэ. Послѣдній смотрѣлъ на лэди Кэриль съ тѣмъ же глубокимъ вниманіемъ, съ какимъ она смотрѣла на своего мужа. Онъ взялъ фруктъ съ блюда, поданнаго ему слугой-арабомъ, и этотъ фруктъ лежалъ нетронутый на его тарелкѣ. Стаканъ его былъ полонъ. Онъ не прикоснулся къ нему губами. Онъ забылъ, гдѣ находился. Книга, заключающая въ себѣ спасительный урокъ, была раскрыта передъ нимъ. Отъ коварнаго прикосновенія сэра Рёбена она широко распахнулась. Его глаза были устремлены на нее съ выраженіемъ страстного вопроса. Но могъ ли онъ прочесть этотъ урокъ? Могъ ли онъ понять и выучить его?

— Мнѣ часто кажется,—опять заговорилъ сэръ Рёбенъ, и голосъ его зазвучалъ болѣе тихо и монотонно, чѣмъ прежде,—что каждый предметъ, считается ли онъ одушевленнымъ, или неодушевленнымъ, обладаетъ способностью, можетъ быть только не вполне ярко выраженной, давать и брать. Драгоценные камни, какъ намъ извѣстно, могутъ давать тысячи вещей: свѣтъ, цвѣтъ, блескъ, наслажденіе, мученіе, отчаяніе, зависть, жадность, ревность. Все это и еще многое другое даютъ они міру, мужчинамъ и женщинамъ, которымъ принадлежатъ. Чтò же они получаютъ и какъ берутъ? И если получаютъ и берутъ дары людей, то какъ возвращаютъ имъ эти дары? Думаете ли вы, что для какой-нибудь вещи, живой или неживой, возможно получать настоящую

любовь, настоящую страсть и оставаться вполне нетронутымъ и неизмѣнившимся? Предположимъ, что какой-нибудь мужчина боготворить женщину...

Обрѣ вздрогнулъ.

— А она его не любитъ. Она отклоняетъ его обожанье, бѣжитъ отъ его мольбы. Но вы думаете, что она остается все тою же женщиной, какою была до того дня, когда этотъ человѣкъ съ любовью взглянулъ на нее впервые? Развѣ въ нашей власти—отказываться отъ такихъ даровъ? Если любовь, если страсть отданы, то онѣ принадлежать тому, кому отданы, несмотря ни на какіе отказы. А теперь предположимъ, что какая-нибудь женщина любить драгоценный камень...

Лэди Кэриль не вздрогнула, какъ вздрогнулъ Обрѣ.

— Можетъ ли камень, при всей своей сверкающей жесткости и неизмѣняемости, вполне оттолкнуть эту любовь? Можетъ ли онъ остаться при этой любви совсѣмъ неизмѣнившимся? Не сохранить ли онъ среди своихъ огней искру пламенныхъ глазъ, глядящихъ на него съ обожаніемъ? Не придаетъ ли ему еще болѣе огненности горячая рука, нѣжно ласкающая его? Не перелетѣтъ ли часть ея души въ камень, а часть камня не перейдетъ ли въ глубину ея души? Нѣкоторые люди только тогда чувствуютъ свою власть, когда берутъ что-нибудь, а я чувствую ее только тогда, когда что-нибудь даю. И если бы я встрѣтился съ сильной натурой, у которой были бы неистовыя желанія и которая требовала бы очень многого, то мнѣ доставило бы наслажденіе давать ей все то, чего бы она захотѣла.

Его взглядъ былъ устремленъ на лэди Кэриль, когда онъ это говорилъ, и въ ея глазахъ онъ увидалъ выраженіе страстной благодарности. Онъ невольно замолчалъ подъ этимъ взглядомъ, чтобы долѣе насладиться имъ. Тогда только Обрѣ взялъ со своей тарелки персикъ и началъ медленно его чистить. Разъ или два ножъ его ударился о тарелку съ легкимъ звономъ. Онъ раздѣлилъ персикъ на двѣ половинки и все время глядѣлъ только на него. И все это время сэръ Рѣбенъ и Кэриль глядѣли другъ на друга. Наконецъ, Обрѣ поднялъ глаза. Онъ увидалъ выраженіе глазъ лэди Кэриль, съ которымъ она смотрѣла въ глаза сэра Рѣбена, и принялъ выраженіе страстной благодарности за выраженіе страстной любви. Въ этотъ вечеръ впервые, какъ ему казалось, онъ началъ понимать притягательную силу этого восточнаго колдуна, какъ всѣ его называли. Въ этой маленькой, усталой отъ жизни и какъ бы высохшей отъ палящаго солнца фигурѣ, въ этой на видъ старой и безобразной оболочкѣ заключа-

лось столько искусства, тонкости и магической силы, что все это выдѣляло его изъ среды другихъ людей. Въ немъ было какое-то очарованіе генія, какая-то дьявольская подвижность и измѣнчивость; его окружала атмосфера далекихъ странъ и тайнъ, недоступныхъ для глазъ лондонскихъ жителей и для ихъ скептическихъ сердецъ. Его рѣчь пронзала, какъ кинжалъ, поверхность обывденной жизни, и сквозъ образовавшуюся трещину глазъ съ усиленіемъ различалъ въ сумрачныхъ, бездонныхъ глубинахъ страстное движеніе множества невѣдомыхъ жизней, которыхъ не только никогда не видалъ, но даже о существованіи которыхъ никогда прежде не догадывался.

— А ты сталъ бы требовать какой-нибудь награды за твои дары, Рѣбенъ?—спросила Кэриль.

Обрэ въ первый разъ услышалъ, какъ она называла мужа по имени. Это вносило какую-то особенную интимность въ отношенія мужа и жены, и никогда Обрэ не чувствовалъ себя такъ далеко отъ лэди Кэриль, какъ въ эту минуту.

— Можетъ быть и сталъ бы,—сказалъ сэръ Рѣбенъ.

— А что же именно?

— Я потребовалъ бы, чтобы человѣкъ, подчиняющійся моей власти и берущій мои дары, бралъ бы ихъ только отъ меня.

— А-а!—она улыбнулась спокойною улыбкой.

— Развѣ мое требованіе было бы слишкомъ велико?—спросилъ онъ.—Что ты на это скажешь, Обрэ?

— О, мнѣ кажется, что щедрость можетъ быть ревнива, какъ всякая другая добродѣтель,—поспѣшно отвѣтилъ тотъ.

Онъ произнесъ это съ нѣкоторой горечью, какъ человѣкъ, у котораго въ рукахъ ничего нѣтъ, а въ сердцѣ—слишкомъ много, и при этомъ сталъ пристально смотрѣть на изумрудъ, блестящій на груди у лэди Кэриль. Подъ вліяніемъ страннаго монолога сэра Рѣбена, онъ готовъ былъ повѣрить, что этотъ камень—живой. Вдругъ онъ откинулся на спинку стула и громко разсмѣялся.

— Чему вы смѣетесь, м-ръ Геррикъ?—спросила Кэриль.

— Моей собственной глупости,—отвѣчалъ онъ.—Глядя на вашъ изумрудъ, я поймалъ себя на томъ, что мысленно относился къ нему, какъ къ четвертому члену нашей маленькой компаніи. Видите, сэръ Рѣбенъ, до какой степени вы хорошо рассказываете волшебныя сказки.

Онъ продолжалъ смѣяться какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ. Этотъ первый интимный вечеръ въ этомъ домѣ страшно подѣйствовалъ на его нервы, хотя онъ едва ли самъ это созна-

валъ. Глубокое любопытство—любопытство, свойственное всякому любящему человѣку—заставило его согласиться на этотъ новый образъ жизни. Но этотъ образъ жизни охватывалъ пламенемъ все его существо, сжигалъ и томилъ его сердце. Теперь онъ смѣялся потому, что ему представлялось, что какой-то демонъ съ мертвымъ лицомъ сидѣлъ у него на колѣняхъ и шепталъ ему на ухо:

— Посмотри, посмотри! Ты для нея—ничто, такъ, какая-то тѣнь. Замѣть, какъ она ему улыбается. Вотъ это—любовь!

Слуга-арабъ подалъ кофе и папиросы. На подносѣ возлѣ папиросъ лежало письмо, адресованное лэди Кэриль. Она взглянула на него и сказала:

— Это отъ monsieur Аннѣ. Онъ прѣхалъ въ Лондонъ.

Сэръ Ребенъ обратился къ Обрэ и прибавилъ:

— Онъ хочетъ дать здѣсь концертъ. Мы должны устроить для этого концертный залъ.

— Да, это хорошо,—проговорилъ Обрэ и, чувствуя, что больше ему нечего сказать, поблагодарилъ, простился и ушелъ къ себѣ.

Сидя въ своей новой комнатѣ, онъ слѣдилъ глазами за дымомъ своей сигары, поднимавшимся лѣниво къ потолку, гдѣ горѣлъ старинный фонарь въ мавританскомъ вкусѣ. Онъ чувствовалъ, что любить эту женщину, остававшуюся для него тайной, любить еще сильнѣе, чѣмъ въ саду лэди Сэнтъ-Орминъ. А въ это время эта женщина была наединѣ съ своимъ мужемъ, съ восточнымъ колдуномъ, какъ его называли. Дрова ярко горѣли, и желтоватый свѣтъ дрожалъ на стѣнахъ и на кровати, завѣшанной мавританскими драпировками. Цвѣта этихъ драпировокъ были выпѣтшіе, пестрые, но такіе нѣжные, что сливались въ одинъ общій тонъ. Горничная сняла съ Кэриль платье и ушла, а Кэриль стала укладывать изумрудъ въ футляръ. Она защелкнула съ острымъ звукомъ крышку и повернулась, чтобы отдать футляръ сэру Ребену. Онъ поставилъ его въ тяжелый несгораемый шкафъ, прикрѣпленный къ полу возлѣ кровати. При этомъ онъ всталъ на колѣни. Въ этой позѣ онъ казался такимъ маленькимъ, скорчившимся, совсѣмъ ничтожнымъ. Кэриль стояла въ бѣломъ капотѣ, съ распущенными бѣловатыми волосами, и смотрѣла на это маленькое существо, согнувшееся на коврѣ. Она слѣдила за его смуглыми руками, пока онъ ставилъ футляръ въ несгораемый шкафъ и запиралъ тяжелую дверцу. Онъ повернулъ голову и сдѣлалъ неловкое движеніе, чтобы подняться, но

она сѣла вдругъ на кровать и положила обѣ руки на его узкія плечи.

— Нѣтъ,—сказала она,—мнѣ нравится, когда ты такъ, у моихъ ногъ.

Онъ остался стоять на коленяхъ и смотрѣлъ ей въ глаза, въ которыхъ, при всей ихъ холодности, было выраженіе страстнаго возбужденія.

— Какой ты удивительный былъ сегодня вечеромъ!—сказала она тихимъ и очень яснымъ голосомъ.—Ты долженъ всегда говорить о драгоцѣнныхъ камняхъ. Ты вѣришь въ то, что говорилъ? Ты думаешь, что это правда?

— А ты развѣ не вѣришь?

Она молчала, и ея блѣдное лицо сдѣлалось серьезнымъ, почти суровымъ.

— Развѣ могъ бы опалъ мѣняться, смотря по состоянію здоровья своего обладателя, если бы въ немъ не было скрытой жизни? Атмосферическія давленія оказываютъ на него почти такое же вліяніе, какъ на людей. Онъ расцвѣтаетъ какъ цвѣтокъ на воздухѣ и солнцѣ, увядаетъ и меркнетъ въ морозы. Развѣ это можетъ быть съ неживымъ предметомъ?

— А мой изумрудъ?

Она сильнѣе прижала руки къ его плечамъ.

— Перувианскіе жрецы во времена Пезарро вѣрили, что богиня Эсмеральда жила въ изумрудѣ. Развѣ ты не живешь въ изумрудѣ, а если такъ, то развѣ въ немъ не отражается твоя жизнь? Но будь осторожна, моя прекрасная Эсмеральда,—подумай только, что если ты потеряешь свое убѣжище, если его разрушатъ, уградутъ!

Въ ея лицѣ выразился ужасъ и въ то же время рѣшительность, а руки до боли впились въ его плечи. Онъ любилъ вызывать сильныя чувства въ своей рабынѣ.

— Молчи! Молчи!—прошептала она.

— Ну, а если я обѣдню и возьму его у тебя!

— Ты!—воскликнула она.

И онъ почувствовалъ, что она дрожала всѣмъ тѣломъ. Онъ обнялъ ее и крѣпко сжалъ своими тонкими руками.

— Не бойся, моя Эсмеральда,—прошепталъ онъ,—не бойся! Драгоцѣнные камни даютъ тебѣ жизнь, а для меня твоя жизнь драгоцѣнна. Въ подземелья Аладина—ты не существуешь, но зато тамъ—твоя душа пробуждается и всѣ твои силы и способности развертываются. Обними меня, моя Эсмеральда, и я навѣки уведу тебя къ драгоцѣнностямъ чудеснаго подземелья!..

Кэриль обвила своими нѣжными руками его худую, морщинистую шею и положила голову къ нему на грудь. Ей казалось, что она держитъ въ объятіяхъ не старика, утомленнаго долгими годами жизни, а чудеснаго волшебника, могущественнаго генія, отъ прикосновенія котораго распадается сѣрая кора прозаической жизни, открывая сіяющую безконечность, къ которой она такъ долго и такъ страстно стремилась.

XVI.

Пріѣздъ въ Лондонъ Анно сильно взволновалъ свѣтское общество, которое очень интересуется и много говоритъ о музыкантахъ, но, въ сущности, совершенно не понимаетъ музыки. У многихъ очень почтенныхъ дамъ разгорѣлись щеки, когда онѣ прочли въ „Morning-Post“, что Анно остановился въ Clarige hotel'ѣ, и м-съ Эльдриджъ Майбро изъ Нью-Йоркъ-Сити тотчасъ же послала человека въ отель, предлагая ему пѣть въ ея пріемный день на какихъ ему угодно условіяхъ. Анно отклонилъ ея предложеніе. Онъ не могъ пѣть ни для кого. М-съ Эльдриджъ Майбро извѣстила всѣхъ знакомыхъ объ этомъ трагическомъ событіи, а черезъ три дня получила карточку отъ лэди Кэриль съ приглашеніемъ пріѣхать послушать Анно въ Паркъ-Лэнъ. М-съ Майбро не отличалась особенной скрытностью. Она обладала пронзительнымъ сопрано, точно нарочно созданнымъ для разглашенія разныхъ сплетенъ. И на этотъ разъ она выразила свое мнѣніе, а лондонское общество улыбалось не безъ удовольствія. Сумасшедшій восточный колдунъ и не стоилъ ничего лучшаго. Многіе хорошо помнили замѣчаніе Анно о красотѣ лэди Кэриль еще до ея замужества. Имъ было пріятно догадываться о причинѣ его внезапнаго возвращенія, и они съ интересомъ готовились присутствовать при его новомъ торжествѣ. Лишь очень немногіе отвѣтили отказомъ на приглашеніе лэди Кэриль. Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Она очень скоро увѣрила себя, что это именно она вырвала Анно изъ цѣпкихъ когтей американцевъ, и разъѣзжала по всему Лондону, требуя отъ всѣхъ благодарности за свой воображаемый подвигъ. Ея викторія то-и-дѣло останавливалась передъ подъездомъ Clarige hotel'я, а ея вучеръ и лакей замерзали на козлахъ въ своихъ мѣховыхъ ливреяхъ, пока она обсуждала подробности программы и относительныя достоинства Баррэ и Брюно, Шаминадъ и Массенэ. Анно относился къ ней

съ величественной снисходительностью. И только разъ какъ-то онъ сказалъ по поводу ея одному изъ своихъ друзей фразу изъ монмартровской пьесы:— „Милэди... Mon Dieu! Quand elle parle, elle se grise toujours!“

Его способность живо чувствовать драматическія положенія, дѣлавшая его такимъ значительнымъ лицомъ на сценѣ, заставляла его и теперь волноваться отъ сознанія, что онъ промѣнялъ успѣхъ во всей Америкѣ на одинъ концертъ въ частномъ домѣ. Жажда борьбы и побѣды разгоралась въ немъ отъ воспоминанія о времени, проведенномъ въ тѣнистомъ саду лэди Сэнтъ-Орминъ лѣтомъ, передъ замужествомъ лэди Кэриль. Все его существо, созданное для сцены и привыкшее къ опернымъ эффектамъ и успѣхамъ, воспламенялось возможностью новаго торжества, по сравненію съ которымъ всѣ прежнія казались совершенно ничтожными. Онъ сидѣлъ въ своей свѣтло-желтой гостиной, заставленной цвѣтами отъ безчисленныхъ поклонницъ; принявъ величественно-небрежную позу, слушалъ возбужденную болтовню лэди Сэнтъ-Орминъ и дѣлалъ видъ, что соглашается съ ея шумными распоряженіями относительно порядка программы. А на самомъ дѣлѣ всѣ его мысли были сосредоточены на томъ, что за характеръ у лэди Кэриль и какимъ способомъ всего легче покорить ее. Онъ былъ похожъ въ эти минуты на орла, котораго клюетъ попугай, въ то время какъ его могучій взоръ устремленъ на яркій свѣтъ, сіяющій надъ горизонтомъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ восторгѣ отъ его кажущагося невозмутимаго спокойствія, принимая его за знакъ уваженія великаго человѣка.

По своему пріѣздѣ изъ Парижа, Аннѣ узналъ о томъ, что Обрэ сдѣлался секретаремъ сэра Рѣбена и живетъ у него въ Паркъ-Лэнѣ. Сначала эта новость вызвала въ пѣвцѣ безмолвный припадокъ тайной злобы. Для такого человѣка, какъ онъ, можно было вывести только одно заключеніе изъ подобнаго факта. Онъ вывелъ это заключеніе и цѣлыхъ полъ-часа скрежеталъ зубами, думая о потерянныхъ американскихъ долларахъ. Но онъ былъ хорошій психологъ, несмотря на склонность преувеличивать человѣческія слабости. Нѣсколько визитовъ къ лэди Кэриль, во время которыхъ онъ видѣлъ Обрэ и разговаривалъ съ нимъ, убѣдили его, что Обрэ не разыгрывалъ обыкновенной гнусной свѣтской игры. А его наблюденія надъ лэди Кэриль убѣдили его, что еще никто не овладѣлъ ея сердцемъ. Въ первое мгновеніе ея довольный—если не радостный—видъ въ присутствіи стараго мужа нѣсколько удивилъ пѣвца, но потомъ онъ рѣшилъ, что она, какъ очень ловкая женщина, прикрываетъ этимъ видомъ свое глубокое

разочарованіе, и сталъ весело улыбаться, какъ человѣкъ, отлично видящій сквозь покрывало, которымъ стараются его ослѣпить.

Когда лэди Сэнтъ-Орминъ усѣлась, наконецъ, въ ожидавшую ее викторію и велѣла своему замерзшему вучеру ѣхать домой, то Аннѣ сѣлъ на кушетку и сталъ касаться привычнымъ широкимъ жестомъ руки клавишъ рояля. Въ эту минуту онъ относился къ своему искусству и прислушивался къ нему, какъ воинъ, передъ битвой разсматривающій свой мечъ. Онъ уже понималъ отчасти нѣкоторыя странности своего противника. Онъ поднялся съ кушетки, заигралъ и запѣлъ, чтобы испробовать, годится ли его оружіе. Онъ импровизировалъ, и страстные звуки лились изъ его груди, въ то время какъ онъ старался вообразить себѣ всѣ переходы чувства въ человѣческомъ сердцѣ. Мечъ былъ отточенъ великолепно, и нельзя было сомнѣваться въ силѣ его удара. Кромѣ того, вѣдь это было только оружіе его души, а онъ чувствовалъ въ себѣ такую силу желанія и такую рѣшимость, которая дается только человѣку, одержимому навязчивой идеей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выучился пѣть, онъ покорялъ самыхъ разнообразныхъ женщинъ; но онъ чувствовалъ, что лэди Кэриль была единственнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Обрѣ догадался о намѣреніи Аннѣ,—имъ руководилъ инстинктъ любви, изощрившій его наблюдательность до чисто женской тонкости,—Аннѣ сдѣлался ему противенъ, и сила его ненависти къ пѣвцу нисколько не уменьшалась отъ тайнаго убѣжденія, что Аннѣ потерпѣть неудачу. Аннѣ безпрестанно находился въ Паркъ-Лэнѣ, наблюдая за устройствомъ концертнаго зала или обсуждая выборъ вещей для программы. Правда, и лэди Сэнтъ-Орминъ то-и-дѣло внезапно появлялась тамъ, но, несмотря на это, пѣвецъ часто оставался наединѣ съ лэди Кэриль.

Распечатывая корреспонденцію сэра Рѣбена или отвѣчая на присланныя ему письма, Обрѣ чувствовалъ, какъ сердце его разгорается гнѣвомъ. Сэръ Рѣбенъ наблюдалъ за нимъ, и понималъ многое изъ того, что происходило въ его душѣ. О многомъ онъ догадывался по его нервной раздражительности, которую онъ съ трудомъ сдерживалъ, и по ошибкамъ, верадывавшимся въ его работу.

— Это не совсѣмъ то, что я тебѣ продиктовалъ, Обрѣ,—сказалъ онъ однажды, подавая своему крестнику написанное письмо.—У тебя что-то память стала коротка сегодня.

Обрѣ покраснѣлъ.

— Простите,—проговорилъ онъ.—Я такъ глухъ. Я не гожусь въ секретари.

Онъ зажалъ въ рукѣ скомканное письмо.

— Сэръ Рёбенъ,—вдругъ сказалъ онъ,—вы бы меня лучше отпустили. Вамъ лучше отъ меня освободиться. Я вамъ никакой пользы не приношу.

— Ты еще новичокъ въ работѣ, мой милый, вотъ и все, а кромѣ того тебя еще, вѣрно, что-нибудь разстроило сегодня утромъ. Ну, а теперь напиши Бёрну и Вудкрофту слѣдующее:

„Милостивые государи, сэръ Рёбенъ Аллабрутъ имѣетъ честь извѣстить васъ, что“... Онъ сталъ диктовать письмо. Обрэ направилъ все свое вниманіе на работу. Послѣ этого разговора онъ старался напречъ всю свою силу воли, чтобы рѣшительно изгнать изъ головы мысли о лэди Кэриль и Аннѣ во время рабочихъ часовъ. Въ немъ съ каждымъ днемъ усиливалось чувство преданности къ его крестному отцу, а послѣдній относился къ нему съ большой добротою. Одного только не могъ понять Обрэ въ сэрѣ Рёбенѣ: какъ могъ онъ допускать и даже содѣйствовать тому, чтобы въ его домѣ постоянно бывалъ такой человекъ, какъ Аннѣ. Ему показалось бы невѣроятнымъ, еслибъ онъ узналъ, что сэръ Рёбенъ, отлично видя всю правду, каждый день наслаждался страданіями пѣвца, предчувствуя съ злою радостью приближеніе неизбежнаго финала.

Были устроены репетиціи, чтобы испробовать, насколько хорошъ концертный залъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ объявила, что онъ былъ хуже ипсомскаго зала. На этихъ репетиціяхъ Аннѣ очень ловко, какъ ему казалось, приручалъ лэди Кэриль. Онъ всегда настаивалъ на томъ, чтобы она присутствовала на репетиціяхъ, и она, по счастью, соглашалась.

Въ великолѣпной комнатѣ со стѣнами изъ бѣлаго дерева онъ всѣмъ своимъ сильнымъ существомъ отдавался музыкѣ и овладѣвалъ ею, стараясь, чтобы и музыка, въ свою очередь, овладѣла этой женщиной съ волосами цвѣта золота и глазами цвѣта стали. Лэди Кэриль слухала съ полнымъ спокойствіемъ, которое такъ отличало ее отъ другихъ женщинъ и такъ нравилось сэру Рёбену. Въ этомъ спокойствіи было что-то восточное. Она сидѣла въ бѣломъ бархатномъ креслѣ, небрежно сложивъ на колѣняхъ руки, сверкавшія дорогими кольцами. Лицо ея сіяло удовольствіемъ, и это выраженіе оставалось неизмѣннымъ все время, пока она слухала самыя разнообразныя пѣсни. Аннѣ наблюдалъ за нею во время пѣнія, и, не замѣчая на ея лицѣ никакого душевнаго движенія, успокаивалъ себя тѣмъ, что все это—одно притворство.

„Она самая умная женщина въ Лондонѣ,—думать онъ,—но все-таки она женщина!“

И онъ продолжалъ пѣть.

Спускались зимнія сумерки. Сэръ Ребенъ потихоньку и украдкой вошелъ въ комнату и сѣлъ на кресло въ углу возлѣ дверей. Лэди Кэриль повернула голову и улыбнулась ему. Онъ также отвѣтилъ ей улыбкой, переведя взглядъ на Анно. Широкія плечи и могучая грудь пѣвца возвышались надъ большимъ роялемъ, за которымъ онъ сидѣлъ. Онъ не замѣтилъ прихода сэра Ребена, потому что тихонько наигрывалъ прелюдію, соображая, какая пѣсня всего лучше подходитъ къ этому сумраку, наполняющему мало-по-малу бѣлую комнату. Прелюдія какъ бы скрывала и вмѣстѣ съ тѣмъ выдавала его чувства и желанія.

Онъ взглянулъ въ окно на блѣдное небо, гдѣ медленно потасаль усталый день, и его поразило однообразіе, которое, казалось, было разлито по всему міру. Его пальцы стали невольно искать однообразнаго напѣва, и онъ запѣлъ пѣсню пустыни. Она была вся проникнута сіяніемъ солнца, однообразнымъ, медлительнымъ зноемъ, неподвижно разлитымъ надъ моремъ песка, надъ одиночными звѣрами и птицами пустыни, зловѣщими и вѣчно подстерегающими добычу. Немного людей живетъ тамъ, и у этихъ людей—суровыя сердца. Это была пѣсня тѣхъ людей и той страны. Глаза Анно сверкали, когда онъ пѣлъ ее. Онъ вкладывалъ въ свой голосъ всю нѣгу и всю страсть, никогда не знавшую другихъ законовъ, кромѣ собственныхъ. Онъ рѣдко пѣлъ эту пѣсню. Но онъ зналъ, что немногія женщины могли бороться съ ея томительнымъ вліяніемъ и остаться равнодушными. Эта пѣсня была написана однимъ молодымъ, полусумасшедшимъ французомъ, проводившимъ всю жизнь въ странствіяхъ и умершимъ очень рано. Онъ всю жизнь зналъ, что умереть молодымъ. Это и заставляло его переѣзжать съ мѣста на мѣсто, подъ вѣчнымъ страхомъ, что если онъ останется гдѣ-нибудь надолго, то тамъ и умереть. Такъ съ нимъ и случилось. Куда онъ ни пріѣзжалъ, вездѣ что-нибудь его вдохновляло; онъ писалъ стихи и къ нимъ музыку. Послѣдней его пѣсней была именно эта, написанная въ пустынѣ, которую онъ такъ сильно любилъ. Тамъ-то, среди долгаго зноя, онъ забылъ свой страхъ, остался, написалъ эту пѣсню, отдалъ ее своему другу и умеръ. Арабы похоронили его въ пескѣ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, склонили свои бритыя головы, возсылая молитву Аллаху. Другъ его взялъ пѣсню, привезъ ее въ его любимый Парижъ и отдалъ Анно, который зналъ умершаго музыканта. Среди всего арсенала пѣвца, это было самое

вѣрное оружіе. Онъ передавалъ эту пѣснь великолѣпно. Онъ зналъ о сумасшествіи ея автора, о его страхѣ оставаться гдѣ-нибудь надолго, объ этихъ опасеніяхъ, такъ странно оправдавшихся. Онъ пѣлъ эту пѣсню, какъ пѣлъ бы ее какой-нибудь сынъ пустыни надъ песчанымъ могильнымъ холмомъ молодого парижанина. Онъ не зналъ, что его слушали одновременно Востокъ и Парижъ, соединясь въ лицѣ сѣра Рѣбена, сидѣвшаго возлѣ дверей. Совсѣмъ стемнѣло, когда онъ кончилъ и сталъ играть монотонное заключеніе аккомпанимента, передававшее безконечную пустынную равнину, раскинувшуюся подъ безконечнымъ знойнымъ небомъ. Онъ всталъ изъ-за рояля, подошелъ къ лэди Кэриль, нагнулся къ ней и сказалъ:

— Спѣть мнѣ это на моемъ концертѣ? Васъ трогаетъ эта пѣсня?.. Скажите мнѣ—или дайте мнѣ увидѣть это самому.

И онъ еще ниже нагнулся, близко заглядывая въ ея длинные глаза. Эти глаза спокойно сіяли. Ея блѣдныя щеки казались холодными, а руки лежали неподвижно на колѣняхъ. Аннѣ глядѣлъ на нее съ глубочайшимъ изумленіемъ.

— Вы не чувствуете силу этой музыки? — сказалъ онъ. — Ахъ! Я плохо пою. Mon Dieu! Значить, я не умѣю пѣть, если у васъ такой видъ!

Его большое смуглое лицо разгорѣлось отъ усилія, съ какимъ онъ пѣлъ, а теперь на его большіе удивленные глаза навернулись слезы.

— Вы пѣли великолѣпно, — произнесъ голосъ сѣра Рѣбена возлѣ дверей. Кресло слегка затрепало, когда онъ всталъ и подошелъ ближе, слегка шаркая ногами по паркету.

Аннѣ былъ удивленъ, но не выказалъ этого. Маленькая фигура сѣра Рѣбена приблизилась и стала рядомъ съ нимъ въ полумракѣ. Морщинистое лицо его выражало волненіе.

— Вы пѣли такъ, какъ будто у васъ восточная душа, — продолжалъ онъ.

— Это такъ и бываетъ, когда я пою эту пѣсню, — возразилъ Аннѣ. Исполненіе стоило ему такого усилія и возбужденія, что даже физическое его существо жаждало и требовало хоть слабаго выраженія восторга отъ слушателей.

— Странная и красивая пѣсня! — спокойно сказала лэди Кэриль своимъ яснымъ голосомъ.

При этихъ ея словахъ сэръ Рѣбенъ протянулъ руку къ стѣнѣ и зажегъ электричество. Онъ и пѣвецъ съ взволнованными лицами стояли по бокамъ бѣлаго бархатнаго кресла, въ которомъ лэди Кэриль сидѣла такъ спокойно. Когда ихъ освѣтило электриче-

ство, они взглянули другъ на друга и потомъ на нее. Сэръ Рѣбенъ улыбнулся. Аннѣ вернулся въ роялю и хлопнулъ крышку. Можетъ быть, случайно онъ сдѣлалъ это слишкомъ тяжело, такъ что инструментъ издалъ жалкій прощальный звукъ. Стоя возлѣ рояля, пѣвецъ сказалъ:

— Человѣкъ, написавшій эту пѣсню, написалъ ее въ пустынѣ. Онъ никогда не слыхалъ, какъ ее исполняютъ. Онъ умеръ, написавъ ее, и былъ похороненъ въ песокъ, возлѣ входа въ палатку.

Потомъ онъ снова подошелъ къ лэди Кэриль.

— Вспомните объ этомъ, когда я буду опять пѣть вамъ эту пѣсню въ моемъ концертѣ,—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?—спросила она, касаясь руки сэра Рѣбена, лежавшей на ручкѣ кресла.

— Это заставить васъ живѣе чувствовать ея силу.

— Какъ,—мысль о могилѣ человѣка, котораго я никогда не знала, никогда даже не видала?..

Аннѣ простился и ушелъ.

Когда онъ вышелъ, сэръ Рѣбенъ разсмѣялся про себя тихимъ смѣхомъ.

Вернувшись въ свой отель, Аннѣ заперся одинъ въ своей комнатѣ и не велѣлъ никого принимать. Онъ былъ въ странномъ и ужасномъ положеніи человѣка, обладающаго большой силой и начинающаго въ первый разъ терять вѣру въ эту силу, начинающаго колебаться, чувствовать слабость и нерѣшительность. Онъ бросился на диванъ, долго сидѣлъ неподвижно, и казался старше своихъ лѣтъ, несмотря на крашенные волосы и бороду. Онъ думалъ о своемъ талантѣ, который онъ дѣлалъ всегда слугой своихъ удовольствій и пороковъ. Онъ допрашивалъ его и чувствовалъ, что онъ становится упрямымъ или какимъ-то глупымъ, или обманчивымъ; что онъ что-то скрываетъ отъ него, и тѣмъ самымъ перестаетъ быть его слугою. Ему часто приходилось пѣть оперныя партіи передъ большой публикой, и онъ тогда меньше уставалъ, чѣмъ послѣ сегодняшней репетиціи. Лэди Кэриль брала у него всю его жизненную силу, и ничего не давала ему за это. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что, вѣроятно, все время, пока онъ пѣлъ послѣднюю пѣсню, сэръ Рѣбенъ тихонько сидѣлъ въ углу комнаты. Она, конечно, знала это. Онъ вскочилъ съ дивана и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая такія движенія, какъ будто былъ на сценѣ и хотѣлъ привлечь вниманіе двухъ или трехъ тысячъ людей одной своей походкой

Конечно, она знала и скрыла впечатлѣніе, произведенное на нее его пѣніемъ. Ея ослѣпительная холодность была только необыкновенно ловкимъ фокусомъ. Онъ почувствовалъ себя утѣшеннымъ и простилъ своему пѣнію, сознавая, что былъ несправедливъ къ нему. Онъ рѣшилъ при первой возможности заставить лэди Кэриль высказаться наединѣ о томъ дѣйствіи, которое оказывалъ на нее его геній. Удобный случай для этого скоро представился.

За три дня до концерта онъ сидѣлъ съ нею въ той зеленой комнатѣ, гдѣ Обрэ увидалъ ее впервые послѣ ея замужества. На дворѣ стоялъ сильный морозъ и туманъ. Въ такую погоду вся лондонская атмосфера мѣняется. Лондонъ перестаетъ быть похожимъ на англійскій городъ. Всѣ его проѣзды и проходы становятся болѣе таинственными. Нищета бѣдныхъ классовъ всплываетъ наружу, и жалобный плачъ умирающихъ отъ холода и голода раздается въ темнотѣ, какъ вой голодныхъ звѣрей въ лѣсу, скованномъ морозомъ и покрытомъ инеемъ.

Но въ зеленой комнатѣ лэди Кэриль этого плача не было слышно. Ледяной взглядъ мороза не могъ проникнуть черезъ тяжелыя занавѣски и подсмотрѣть, какъ она сидѣла у огня рядомъ съ пѣвцомъ. Онъ сказалъ нѣсколько общихъ фразъ, на которыя она отвѣчала съ небрежностью. Наконецъ, онъ проговорилъ спокойно:

— Мой другъ мирно покоился въ своей одинокой могилѣ, когда я въ послѣдній разъ пѣлъ вамъ его пѣсню; онъ зналъ то, чего я не зналъ. Мертваго вы не можете обмануть, лэди Кэриль!

Ея лицо выразило нѣкоторое удивленіе.

— Я и живыхъ не стараюсь обманывать,—отвѣтила она.— Даже не пробую это дѣлать.

— Простите, я этому не вѣрю.

— Мужчины всегда думаютъ, что женщина должна кого-нибудь обманывать; это ихъ любимое заблужденіе.

— Въ такомъ случаѣ вы хотите сказать, что вы искренняя женщина и не стараетесь быть для кого-нибудь тайной?

— Конечно.

— И все-таки вы—самая таинственная женщина въ Лондонѣ.

Она тихонько разсмѣялась, протянувъ бѣлую руку къ огню. Дорогіе камни на ея кольцахъ засверкали подъ дрожащимъ свѣтомъ.

— А въ чемъ же состоитъ тайна, извѣстная вашему умершему другу? Вы мнѣ этого не сказали.

— Ему извѣстно, что вы притворялись равнодушной къ его удивительной лебединой пѣснѣ.

— Зачѣмъ же я стала бы это дѣлать?

— Потому что вашъ мужъ сидѣлъ въ темнотѣ, въ углу комнаты, все время, пока я ее пѣлъ.

— Странная причина для равнодушія!

— Нисколько. Но я ревниво отношусь къ власти моего умершаго друга.

Глаза лэди Кэриль были устремлены на огонь. Не глядя на Аннѣ, она проговорила тихо и небрежно:

— А-а! Но не въ своей собственной?

— Къ моей!—воскликнулъ онъ съ нескрываемой почти дѣтской гордостью избалованнаго пѣвца.—Моя власть при мнѣ и остается,—мнѣ нечего о ней заботиться.

Онъ замолчалъ. Она не возражала.

— Ну, что же?—воскликнулъ онъ почти съ раздраженіемъ.

— Вы хотите, чтобъ я что-нибудь сказала! Но что? Скажите,—я повторю.

Онъ овладѣлъ собою. Насмѣшка, звучавшая въ ея голосѣ, подѣйствовала на него охлаждающимъ образомъ.

— Скажите мнѣ правду!—проговорилъ онъ.

— Вы думаете, что я старалась скрыть волненіе, вызванное во мнѣ вашимъ пѣніемъ, потому что мой мужъ былъ тогда въ комнатѣ?

— Да, я это думаю.

Лэди Кэриль снова тихо разсмѣялась, и какъ разъ въ эту минуту къ нимъ вошелъ сэръ Ребенъ.

Онъ вернулся изъ ювелирныхъ магазиновъ въ Гэттонъ-Гарденъ. Жена встрѣтила его съ выраженіемъ счастья въ глазахъ.

XVII.

Въ день концерта Аннѣ чувствовалъ какую-то нерѣшимость и былъ въ очень нервномъ состояніи. Всю свою жизнь онъ, какъ актеръ, раздѣлялъ на эпизоды и сцены, и вотъ теперь дожилъ до эпизода, подъ заглавіемъ: „Лэди Кэриль“. Этотъ эпизод казался ему чрезвычайно важнымъ, вслѣдствіе совершенно непонятнаго для него и упорнаго сопротивленія съ ея стороны. Аннѣ всегда любилъ и стремился къ величественнымъ финаламъ. Въ нихъ его могучій голосъ и неистовая, сильная натура служилъ ему вѣрную службу. На этотъ разъ онъ рѣшилъ, что финал

оперы, въ которой онъ и лэди Кэриль были героемъ и героиней, долженъ наступить въ день концерта въ ея домѣ.

Этотъ день наступилъ, наконецъ, холодный и туманный. Анно чувствовалъ сильнѣйшее возбужденіе, никуда не выходилъ и рѣшилъ никого не принимать въ теченіе дня.

Онъ попробовалъ свой голосъ, спѣлъ нѣсколько вещей изъ тѣхъ, которыя долженъ былъ исполнять вечеромъ, и убѣдился, что, какъ пѣвецъ, онъ на высотѣ своего призванія, а слѣдовательно на высотѣ своего призванія и какъ мужчина.

Онъ пѣлъ въ пустой комнатѣ и представлялъ себѣ, что передъ нимъ—лэди Кэриль, устремившая на него свои сѣрые глаза и прислушивающаяся къ страстному, мѣняющимся чарамъ его глубокаго голоса. Онъ зналъ, что вечеромъ она будетъ похожа на брилліантъ подъ лучами мѣсяца. Онъ готовилъ себя къ этому, и рѣшилъ, что не будетъ смущаться ея видомъ. Но все-таки онъ сомнѣвался въ себѣ. Въ теченіе своей долгой карьеры, онъ привыкъ судить о производимомъ имъ впечатлѣніи по видимымъ признакамъ. Онъ зналъ, что въ лэди Кэриль онъ этихъ признаковъ не найдетъ, готовился къ ея безстрастному, ничѣмъ невозмутимому виду, и все-таки былъ въ нервномъ состояніи, сомнѣвался и боялся, чтобы все это не отразилось на его пѣніи и не помѣшало его планамъ.

Думая объ этомъ, онъ всталъ изъ-за рояля и подошелъ къ окну. Улица была наполнена желтоватымъ неподвижнымъ туманомъ. Весь Лондонъ казался охваченнымъ ледянымъ сномъ. Стоя у окна, Анно услышалъ, что дверь его комнаты отворилась. Онъ обернулся. Возлѣ двери, прижавшись къ желтой стѣнѣ, стоялъ блѣдный человѣкъ, очень плохо одѣтый, съ выраженіемъ ужаса и виѣстъ съ тѣмъ рѣшимости на страшно худомъ лицѣ. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ свертокъ, завернутый въ темную бумагу.

Анно смотрѣлъ на него молча, онѣмѣвъ отъ изумленія. Человѣкъ дотронулся правой рукой до свертка, и пѣвецъ замѣтилъ, что у него—рука піаниста.

— Вы великій пѣвецъ,—сказалъ человѣкъ по-англійски, но съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ. — Сегодня вечеромъ вы даете концертъ. Я умираю съ голода... Написалъ одну пѣсню. Она вотъ здѣсь. Я хочу, чтобы вы спѣли ее сегодня вечеромъ на вашемъ концертѣ. На занятые деньги, я подкупилъ слугу, чтобы онъ впустилъ меня къ вамъ. Я все ему отдалъ, и повторяю вамъ, что ничего не ѣлъ—и умираю.

Онъ замолчалъ и началъ весь дрожать, такъ что Анно слышалъ шелестъ оберточной бумаги подъ его трясущейся рукой.

Потомъ, необычайнымъ усиліемъ, отъ котораго исказилось все его лицо, онъ овладѣлъ собою.

— Спойте мою пѣсню сегодня вечеромъ,—сказалъ онъ,—а то я умру завтра же.—И вдругъ онъ залился слезами, прижимая голову къ стѣнѣ.

Аннѣ подошелъ къ нему, молча и не дотрогиваясь до него, взялъ ноты изъ его дрожащихъ рукъ и рѣзкимъ движеніемъ выдернулъ ихъ изъ обертки. Незнакомецъ быстро обернулся, и дикий восторгъ засіялъ на его лицѣ, по которому еще текли слезы. Аннѣ прочиталъ слова пѣсни. Они были написаны на французскомъ языкѣ, и въ нихъ говорилось о ловцѣ жемчуга, который поплылъ въ послѣдній разъ по тихимъ водамъ Восточнаго океана. Онъ отправился искать для любимой дѣвушки прекраснѣйшую въ мірѣ жемчужину. Она лежала на днѣ моря, въ глубокой водной тѣни. Онъ остановился на жемчужной мели, прошепталъ молитву вмѣстѣ съ именемъ дѣвушки и нырнулъ въ глубину, покидая міръ, гдѣ носились его мечты и желанья. Но вода какъ будто не хотѣла принять его въ свое лоно; онъ чувствовалъ, какъ сопротивлялись ея голубыя струи, какъ она шептала ему, чтобъ онъ вернулся назадъ. Но онъ не внималъ ей и опускался все ниже съ открытыми глазами, ища жемчужину. Онъ нашелъ ее, спавшую въ пурпурной тѣни, схватилъ ее и хотѣлъ плыть обратно. Но слишкомъ велика была глубина, и его стало охватывать чувство тяжести и тоски. Ему казалось, что пока онъ опускался въ глубину моря, на жемчужную мель, гдѣ онъ молился когда-то, быть можетъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, пришла любимая дѣвушка, стала ждать его и протягивала свои маленькія ручки, чтобы схватить его даръ и даръ моря. Онъ смутно слышалъ ея голосъ, звавшій его сверху, какъ будто съ какого-то далекаго неба. Ему хотѣлось отвѣтить, крикнуть:— „Я нашелъ жемчужину, любимая! Вотъ она!“—Но чувство тяжести и тоски усиливалось и все невыносимѣе охватывало его сердце. Онъ уже не чувствовалъ больше, что держитъ жемчужину, хотя она была у него въ рукѣ. Машинально пробовалъ онъ встать и поплыть, потомъ и эти попытки прекратились. Все померкло. Онъ былъ мертвъ; онъ утонулъ въ морѣ, сжимая величайшее сокровище этого моря въ своей безжизненной рукѣ. А высоко наверху, на жемчужной мели все еще склонялась къ волнамъ молодая дѣвушка и молила: — „Приди ко мнѣ, приди! Принеси мнѣ мою жемчужину!“ Голосъ ея превращался въ ужасное рыданіе, и она сама, пожираемая страстнымъ желаніемъ, становилась похожей на привидѣніе, блѣдное какъ морской туманъ, а

дни проходили за днями, и смѣнялись чередою долгіе, безконечныя годы...

Прочитавъ слова, Аннѣ просмотрѣлъ музыку. Глаза его сверкали и одной рукой онъ перебиралъ свою бороду. Незнакомецъ стоялъ у стѣны, глядя на него съ какимъ-то почти животнымъ безпокойствомъ.

— Идите, садитесь за рояль!—сказалъ Аннѣ.

Это были первыя слова, съ которыми онъ обратился къ вошедшему. И теперь онъ даже не взглянулъ на него. Пѣсня была для него—все. Композиторъ—менѣе, чѣмъ ничто. Незнакомецъ подошелъ къ роялю, весь дрожа, протянулъ страшно худыя руки и взялъ нѣсколько нотъ.

— Фальшивите! фальшивите!—завричалъ Аннѣ нетерпѣливо и грубо.

Человѣкъ вздрогнулъ, какъ отъ удара. На его страдальческихъ глазахъ еще стояли слезы и онъ чуть не падалъ въ обморокъ, но сдержался, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе, и заигралъ интродуцію. Аннѣ запѣлъ. Онъ свободно читалъ съ листа. Но на этотъ разъ не ограничился этимъ. Онъ великолѣпно передалъ внутреннее содержаніе въ самомъ дѣлѣ изумительной пѣсни. Когда онъ кончилъ пѣть, то руки композитора соскользнули съ клавишъ, не взявъ послѣдняго аккорда. Ему сдѣлалось дурно. Онъ не зналъ, что его пѣсня такъ прекрасна. Когда онъ пришелъ въ себя, поѣлъ и выпилъ вина, принесеннаго испуганнымъ лакеемъ, тѣмъ самымъ, котораго онъ подкупилъ, то Аннѣ сказалъ ему:

— Я спою вашу пѣсню сегодня вечеромъ въ моемъ концертѣ. Она будетъ послѣднимъ номеромъ программы, и я хочу, чтобы вы мнѣ ее проаккомпанировали. Пріѣзжайте въ одиннадцать часовъ въ Паркъ-Лэнъ, № 100.

— У меня нѣтъ приличнаго костюма,—проговорилъ музыкантъ.

Аннѣ написалъ нѣсколько словъ на листѣ бумаги и далъ ему.

— Отправляйтесь къ Виннигтону въ Нью-Бондъ-Стритъ, выберите себѣ платье и ведите записать на мой счетъ.

Музыкантъ ушелъ, не сказавъ ни слова и глядя на записку, которую держалъ дрожащею рукой, съ выраженіемъ ужаса. Это было ужасъ, охватывающій воображеніе человѣка отъ слишкомъ сильной и внезапной перемѣны. Оставшись одинъ, Аннѣ бросился на диванъ, пожирая глазами ноты, но съ выраженіемъ не ужаса, а торжества.

XVIII.

Туманъ, стоявшій надъ Лондономъ, въ ночи еще усилился. Лэди Сэнтъ-Орминъ была въ отчаяніи. Ее пугала мысль, что всѣ побоятся выѣхать изъ дома, и что концертъ Аннѣ не удастся. Пока горничная надѣвала на нее ярко-красное шелковое платье, она все время горько жаловалась на климатъ своей родины, и чуть не расплакалась, когда кучеръ прислалъ ей сказать, что почти все движеніе на улицахъ прекратилось и что ему кажется небезопаснымъ ѣхать въ Паркъ-Лэнъ.

— Скажите ему, чтобы сейчасъ же подавалъ! — закричала она, посыпая пудрой раскраснѣвшееся лицо. — Лошади не его, а мои. Если я захочу, то загоню ихъ до смерти.

Черезъ десять минутъ, она уже садилась въ карету. Расплывающійся черный туманъ наполнялъ темныя улицы, дѣлая городъ похожимъ на гигантскій котелъ, въ которомъ какая-то колдунья варила пиво. Всѣ очертанія предметовъ совершенно исчезли. Не было ни фонарей, ни рѣшетокъ, ни домовъ, ни людей. Съ трудомъ можно было различать подъ ногами скользяую отъ мороза почву. Слабые звуки, едва слышныя призрачныя крики, шумъ шаговъ, похожій на шаги привидѣній, скрипъ и трескъ осторожнаго и колеблющагося движенія, ослабленнаго разстояніемъ, все это дрожало въ тѣдой атмосферѣ, напоминая о какомъ-то далекомъ мірѣ, полномъ безконечныхъ, но робкихъ движеній и звуковъ. Грудь лэди Сэнтъ-Орминъ трепетала подъ украшавшими ее холодными брилліантами. Она куталась въ мѣховую наевидку, откинувшись на спинку кареты, которая подвигалась впередъ очень медленно. Вдругъ лошади остановились. Лѣвое колесо экипажа за что-то зацѣпилось, и она услышала сердитый говоръ кучеровъ и грума. Она рѣзкимъ движеніемъ опустила окно.

— Трогай! — закричала она. — Чамерсъ, сейчасъ же трогай! Погоняй, погоняй лошадей!

Кучеръ откинулся всѣмъ туловищемъ назадъ и повернулъ къ ней голову. Его не было видно, но она услышала его недозвольный голосъ:

— Право невозможно, милэди. Ночь-то ужъ больно плохая.

— Я тебѣ говорю, стегай лошадей!

— Да чего-жъ ихъ стегать, — какъ бы худо не вышло.

— Я тебѣ велю стегать! Если ты не исполнишь моего приказанія, то я завтра же откажу тебѣ отъ мѣста.

Послышался ударъ хлыста о лоснящіеся крупы лошадей. Лошади дернули, на мгновеніе поѣхали быстрѣе, но вслѣдъ за этимъ раздался трескъ и стукъ подковъ о мостовую. Два дрожавшія огненные пятна появились у оконъ кареты, и пьяный голосъ закричалъ:

— Чего ты рассказывался, дуралей!

Снова раздалось щелканье бича. Кучеръ вышелъ изъ себя. Лэди Сэнтъ-Орминъ, высунувъ еще разъ голову изъ окошка кареты, увидала двѣ грязныя, ужаснаго вида фигуры, державшія факелы.

— Дай намъ шиллингъ, барышня, — сказала одинъ изъ оборванцевъ, — а мы тебя за это проводимъ.

— Если вы поспѣете... — начала лэди Сэнтъ-Орминъ.

Раздался трескъ ломающейся кареты. Одна изъ лошадей упала, выражая свое изумленіе учащеннымъ стукомъ подковъ о мостовую. Грязныя факельщики бросились съ возгласами и криками впередъ. Они предвидѣли, что имъ кое-что перепадетъ, и ихъ радостнымъ ругательствамъ и грубымъ выходкамъ не было конца.

Черезъ минуту, женщина въ ярко-красномъ платьѣ и съ брилліантами въ волосахъ стояла среди улицы, пронзительно крича вѣстѣ съ ними. Эта ночь была однимъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ въ жизни лэди Сэнтъ-Орминъ. Когда, черезъ полчаса, она, наконецъ, попала домой въ сопровожденіи перепуганнаго грума и двухъ оборванцевъ, которые пятились передъ нею, какъ передъ царственной особой, въ ожиданіи подачи, то гнѣвъ ея и отчаяніе достигли такихъ предѣловъ, что въ ея искаженномъ лицѣ не осталось больше ничего человѣческаго. Истерическіе припадки, предшествовавшіе отходу ея ко сну, были такъ сложны и сильны, что ея горничная на другой же день отказалась отъ мѣста, мотивируя свой уходъ — такъ передавали въ людской — тѣмъ, что она — христіанка и не хочетъ знать заранѣе о томъ, что творится въ страшномъ мѣстѣ, куда, быть можетъ, ей и суждено попасть на томъ свѣтѣ.

Между тѣмъ Анно геройски относился къ туману, разстроившему столько плановъ. Начало его концерта было назначено въ одиннадцать часовъ. Къ этому времени явилось только шестнадцать или двадцать смѣлыхъ людей, жившихъ почти рядомъ. Пустыя бѣлыя кресла въ концертномъ залѣ имѣли видъ одинокихъ привидѣній среди азалій и розъ. Лэди Кэриль выразила гнѣву свое сожалѣніе. На ней было бѣлое, очень гладко сшитое платье, а на груди — чудесное индійское ожерелье, которое ей

только-что подарилъ сэръ Рѣбенъ. Оно состояло изъ изумруда, рубина, голубого сапфира, бирюзы, брилліанта, бѣлаго сапфира и топаза въ старинной серебряной оправѣ. Въ волосахъ у нея тоже было серебряное украшеніе со множествомъ драгоценныхъ камней. Обрѣ наблюдалъ за нею, пока она говорила съ пѣвцомъ.

— Просто жестоко требовать, чтобы вы исполняли такую программу передъ такою публикой!—говорила она.

— Я хотѣлъ бы, чтобы публика состояла сегодня только изъ одного существа, любящаго музыку,—отвѣчалъ онъ.

— А! вы говорите о сэрѣ Рѣбенѣ,—сказала она съ веселымъ лукавствомъ.—Онъ восхищается тѣмъ, какъ вы пѣли эту пѣсню пустыни, не можете говорить ни о чемъ другомъ.

— У меня есть еще болѣе прекрасная пѣсня для сегодняшняго вечера,—сказалъ Аннѣ, оглядываясь кругомъ, какъ бы ища кого-то.

— О чемъ она?

— О женщинѣ и жемчужинѣ.

Внимательное выраженіе появилось въ ея глазахъ. Какъ разъ въ эту минуту дверь отворилась, и лакей невнятно произнесъ какую-то иностранную фамилію. Въ комнату вошелъ человѣкъ ужасно худой и блѣдный, съ мучительно-возбужденнымъ выраженіемъ глазъ и судорожно подергивавшимися губами. Вся его нервная фигура производила впечатлѣніе затравленнаго звѣря. Онъ былъ хорошо одѣтъ, но платье такъ плохо сидѣло на немъ, что производило комическое впечатлѣніе. На видъ ему было лѣтъ тридцать-пять. Волосы его были тщательно приглажены щеткой, но черный галстукъ имѣлъ неряшливый видъ, а крахмальная рубашка представляла собою нѣчто совсѣмъ невозможное.

Лэди Кэриль прошептала, обращаясь къ Аннѣ:

— Я не знаю, кто этотъ ужасный человѣкъ.

— Это я его пригласилъ.

— Зачѣмъ?

— Онъ—авторъ пѣсни о жемчужинѣ.

Вновь пришедшій стоялъ, устремивъ свои ужасные глаза на Аннѣ. Послѣдній подошелъ къ нему, спросилъ его имя и представилъ его лэди Кэриль. Немногочисленные гости оглядывали его съ плохо-скрываемымъ изумленіемъ. Обрѣ не могъ понять, откуда онъ взялся и какимъ образомъ попалъ сюда; его удивленіе еще усилилось, когда лэди Кэриль, оживленно улыбаясь, заговорила съ нимъ.

— Вы написали пѣсню о жемчужинѣ?

Музыкантъ неловко поклонился.

— Только музыку?

— Нѣтъ, и слова также, madame.

— Когда же вы ее написали?

— Третьяго-дня, madame.

— Только третьяго дня!—съ удивленіемъ проговорилъ Аннѣ.
—Что васъ такъ вдругъ могло навести на эту мысль?

Музыкантъ колебался, окидывая лихорадочными взглядами роскошную комнату и гостей, разглядывавшихъ его.

— Я слышалъ... я зналъ... я слышалъ, что вы поете сегодня вечеромъ, monsieur. Это было въ газетахъ,—пробормоталъ онъ.

— Ну, и что же?

— Ну, и въ газетахъ говорилось о драгоцѣнныхъ камняхъ, объ одной дамѣ, у которой удивительные драгоцѣнные камни.

Лэди Кэриль слушала съ глубокимъ вниманіемъ.

— Продолжайте!—сказалъ Аннѣ.

— Я былъ... я былъ боленъ... я умиралъ съ голода... я подумалъ, что если мнѣ удастся написать пѣсню о жемчужинѣ, вы споете ее этой дамѣ.

Онъ былъ мучительно смущенъ.

— Значитъ, вы написали эту пѣсню для меня? — проговорила лэди Кэриль нѣжнымъ голосомъ.

Музыкантъ снова поклонился.

— И что же, она вамъ удалась?

Внезапное выраженіе восторга озарило жалкое лицо музыканта.

— Когда онъ поетъ ее,—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ,—она великолѣпна.

Онъ неожиданно схватилъ руку Аннѣ и поцѣловалъ ее съ обожаніемъ. Пѣвецъ остался очень доволенъ. Эта сцена его нисколько не смутила. Не даромъ онъ былъ парижанинъ. Онъ бросилъ выразительный и властный взглядъ на лэди Кэриль, но ее глаза были устремлены на бѣднаго голоднаго человѣка, который совсѣмъ потерялъ голову отъ неожиданной и такой важной перемѣны въ его несчастной судьбѣ.

Доложили о прибытіи м-съ Паркинсонъ, которая и вошла своей обычной волнообразной походкой. Ее принесли два лакея въ крытыхъ носилкахъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ не являлась.

Ждать было бесполезно, и лэди Кэриль рѣшила, что можно начинать. Когда всѣ гости направились въ концертный залъ, она сказала голодному музыканту:

— Пойдемте со мной. Я хочу, чтобы вы сидѣли подлѣ меня, пока вы не начнете аккомпанировать.

И, проходя вмѣстѣ съ нимъ по коридорамъ, гдѣ теплый воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ куреній, она прибавила:

— Расскажите мнѣ содержаніе вашей пѣсни. Что случается съ жемчужиной?

Онъ посмотрѣлъ на нее такъ, какъ будто она была богиня, а онъ — бѣднякъ, неожиданно восхищенный на небо, и сталъ бормотать, заикаясь, исторію о жемчужинѣ, мучительно стараясь побороть свое волненіе.

Она внимательно прислушивалась къ его прерывистой рѣчи. Къ концу разсказа, ея ясное матовое лицо стало похоже на трагическую маску.

— Почему вы не отдали дѣвушкѣ жемчужину? — сказала она, и ея голосъ поразилъ его.

Казалось, его страхъ прошелъ. Онъ взглянулъ на нее и отвѣтилъ почти смѣло:

— А, madame! Когда умираешь съ голоду, то не можешь давать. И потомъ — иногда такъ ясно кажется, что всякое усиліе ничтожно передъ смертію, и что никто не можетъ быть счастливымъ по-настоящему. Развѣ на землѣ существуетъ счастье, madame?

— Есть счастье въ морѣ, — сказала она. — Вашъ утонувшій человѣкъ счастливъ, потому что онъ нашелъ жемчужину.

Въ эту минуту они входили въ мягко освѣщенный концертный залъ. Послѣднимъ вошелъ туда Обрѣ. Онъ былъ очень растроганъ обращеніемъ лэди Кэриль съ бѣднымъ композиторомъ и тѣмъ, что она посадила его рядомъ съ собою во время концерта. Онъ невольно вспомнилъ о Діамондѣ и объ ея скромномъ семействѣ, и въ первый разъ ему удалось представить себѣ лэди Кэриль въ Мильѣ-Кортѣ, раздѣляющую горести и радости бѣдныхъ людей.

Немногочисленная публика разсаживалась въ залѣ. Казалось, что снѣгъ, окутавшій всѣ предметы извнѣ, проникъ и въ комнату, застывая бѣлыми стѣнами и бѣлыми креслами, изъ которыхъ многія остались пустыми. Только ароматный, теплый воздухъ и нѣжное дыханіе цѣтвовъ нарушали это впечатлѣніе. Большой рояль, стоявшій на маленькой эстрадѣ, былъ открытъ и почти исчезалъ среди множества розъ. Обрѣ сидѣлъ рядомъ съ типичною лондонской барышней, въ платьѣ, богато украшенномъ бахромой, съ голыми плечами, и все время болтавшей скучный вздоръ. Она разсказывала ему о какомъ-то свѣтскомъ вечерѣ и забрасывала

его вопросами о скачках. Онъ вѣжливо отвѣчалъ ей, а самъ смотрѣлъ на лэди Кэриль, какъ смотреть на какое-нибудь волшебство. Ему казалось, что передъ нимъ отерывалась вся глубина и вся сущность человѣческаго существа, что Богъ проявлялся въ своемъ твореніи, сіяя въ ея глазахъ, устремленныхъ на бѣднаго композитора. Она сѣла у самой стѣны, недалеко отъ эстрады; композиторъ робко усѣлся подлѣ нея. Аннѣ появился на эстрадѣ въ сопровожденіи своего всегдашняго лондонскаго аккомпаньатора, худощаваго господина съ англійскимъ типомъ лица и съ длинными волосами. Раздались аплодисменты. Аннѣ раскланялся такъ, какъ будто передъ нимъ была цѣлая часть свѣта. Онъ окинулъ глазами публику, ища лэди Кэриль, нашелъ ее и принялъ увѣренный, смѣлый видъ. Выразительный ротъ сэра Рѣбена искривился въ злую улыбку, а Обрѣ невольно сжалъ руки. Аккомпаньаторъ пробѣжалъ пальцами по клавишамъ, вызывая легкіе, неопредѣленные звуки, напоминавшіе трескъ и шелестъ кузнечиковъ и стрекозъ въ жаркій лѣтній день. Потомъ звуки сдѣлались опредѣленнѣе, разговоры смолкли.

Аннѣ призывалъ на помощь всю свою музыкальную опытность, все свое знаніе женскаго сердца, и началъ исполнять свою блистательно составленную программу. Передъ слушателями проходили цѣлыя процессіи чувствъ, и, смѣняя одна другую, быстро проносились страсти. Въ этихъ безчисленныхъ мелодіяхъ отражались сердца множества самыхъ глубокихъ композиторовъ и веселость самыхъ легкомысленныхъ. Аннѣ скоро почувствовалъ, что онъ завладѣлъ сердцами всѣхъ женщинъ въ этой бѣлой комнатѣ,—кромя одной. М-съ Паркинсонъ откинулась на спинку стула, точно плавая въ цѣломъ океанѣ восторженныхъ, истерическихъ чувствъ. Даже сосѣдка Обрѣ сдѣлалась серьезной и стала забывать и боксеровъ, и лошадей. Одна только лэди Кэриль сидѣла небрежно на своемъ стулѣ, смотря на пѣвца спокойнымъ, внимательнымъ взоромъ. Казалось, она наблюдала за всей этой процессіей страстей, какъ ученый разглядываетъ въ микроскопъ движенія насѣкомыхъ, только съ меньшимъ увлеченіемъ. А пѣвецъ пѣлъ о Маргаритѣ у дверей храма, о человѣкѣ, который увидалъ Лорелею, охотясь въ лѣсу, и сталъ прислушиваться къ ея пѣнію, разносившемуся надъ водами Рейна. Онъ пѣлъ о Мими, которая умерла отъ любви къ студенту, о Пьереттѣ, которая была унесена на луну въ то время, когда плакала о своемъ коварномъ Пьеррѣ, пѣлъ о Фатимѣ съ глубокими и длинными восточными глазами, вдыхавшей ароматы индійскихъ цвѣтовъ и мечтавшей о бретонскомъ матросѣ, про-

ведшемъ съ ней темную ночь и на зарѣ уплышемъ во Францію, къ своей свѣтлоюкой невѣстѣ. Онъ пѣлъ пѣсню пустыни, стараясь подмѣтить невольную дрожь или вздохъ, вырвавшійся изъ полураскрытыхъ губъ. Онъ видѣлъ, какъ бѣдный композиторъ, доведенный до неистовства его пѣніемъ, сжималъ своими исхудалыми руками ручку кресла, забывъ свой страхъ, нищету, будущность и весь отдавался вліянію музыки,—своей родной стихіи. Только одна женщина и на этотъ разъ ускользнула изъ-подъ власти пѣвца. Въ немъ опять просыпался гнѣвъ. Онъ забылъ свое рѣшеніе не ждать внѣшняго выраженія чувствъ отъ люди Кэриль, а счумѣть подмѣтить скрытый подъ снѣгомъ огонь. Онъ забылъ это рѣшеніе, потому что былъ слишкомъ хорошимъ физиономистомъ, и зналъ, что это спокойствіе не притворное, а настоящее, глубокое. Чувство, похожее на отчаяніе, охватило его, когда онъ стоялъ на эстрадѣ, окруженный цѣбтами. На мгновеніе онъ даже пересталъ владѣть своимъ могучимъ голосомъ и спѣлъ какое-то украшеніе неискусно и грубо. Но эта ошибка уязвила его артистическую гордость и придала ему еще большую силу. На фонѣ бѣлыхъ стѣнъ лица и фигуры людей темными, неопредѣленными пятнами заколебались передъ его глазами, какъ будто снѣгъ и туманъ наполнили комнату. Собственный голосъ раздавался въ его мозгу, какъ убійственные удары молота. Окончивъ начатую пѣсню, онъ на минуту ушелъ съ эстрады. До него доносились слабые, но непрерывные аплодисменты немногочисленной восторженной публики. Онъ вышелъ, раскладываясь, не поднимая глазъ, и снова удалился. На мгновеніе онъ остался одинъ въ гостиной, служившей артистической комнатой. Господинъ съ англійскимъ типомъ лица и съ длинными волосами подошелъ къ нему, чтобы произнести какіе-то лстивые комплименты.

— Ахъ, пожалуйста, оставьте меня!—проговорилъ онъ почти грубо.

Сидя въ этой гостиной, онъ испытывалъ такую неувѣренность въ себѣ, что не могъ рѣшить, идти ли ему опять на эстраду, или послать сказать, что ему нездоровится и что онъ не можетъ продолжать. Но вдругъ онъ вспомнилъ о всѣхъ своихъ побѣдахъ надъ женщинами, вспомнилъ, что его пѣніе никогда не измѣняло ему. Можетъ быть, именно теперь его ожидалъ величайшій успѣхъ. За подавленнымъ состояніемъ духа часто непосредственно слѣдуетъ исключительное торжество. Какой артистъ не знаетъ этого? Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею привести къ нему автора пѣсни о жемчужинѣ.

Композиторъ явился немедленно; съ выраженіемъ сильнѣйшаго возбужденія на лицѣ онъ бросился впередъ и хотѣлъ упасть къ ногамъ Анно. Пѣвецъ удержалъ его и, смотря ему прямо въ глаза, проговорилъ медленно:

— Я ужасно усталъ. Мнѣ нездоровится.

Лицо музыканта стало пепельно-сѣрымъ.

— Я не знаю, смогу ли я продолжать, — сказалъ Анно.

Музыкантъ упалъ къ его ногамъ, схватилъ его горячія руки и закричалъ жалобнымъ голосомъ:

— Мою пѣсню о жемчужинѣ, monsieur... мою пѣсню! Вы должны ее спѣть, вы должны... вы должны!

— Зачѣмъ? — спросилъ Анно.

— Эта дама, прекрасная дама, похожая на свѣтлую мечту, — она ждетъ ее. Все время, пока вы пѣли о Греткенъ, о Фатимѣ и Лорелей, — все время она ждала только мою пѣсню, мою жемчужину.

Анно колебался. Внезапная ревность зашевелилась въ его сердцѣ. Потомъ онъ взглянулъ на этого человѣка, валявшагося у него въ ногахъ, обезумѣвшаго отъ волненія, дрожавшаго отъ страха и надежды, худого, съ дикимъ взглядомъ, съ отпечаткомъ нищеты и голода на всемъ существѣ. Взглянулъ и разсмѣялся. Какъ глупо ревновать къ этому человѣку, имѣвшему такой смѣшной видъ въ своемъ новомъ мѣшековатомъ платьѣ!

— Мы не должны заставлять эту даму дожидаться, — сказалъ онъ. — Но я спою только вашу пѣсню. Другую я пропущу. Пойдемте.

Музыкантъ вскочилъ и послѣдовалъ за нимъ, весь дрожа. Анно не сталъ объяснять публикѣ объ измѣненіи программы. Ему не было ни до кого никакого дѣла. Взойдя на эстраду, онъ посмотрѣлъ на лэди Кэриль. Ея глаза были устремлены на композитора; потомъ она заглянула въ программу, подошла совсѣмъ близко къ эстрадѣ и тихо усѣлась возлѣ рояля. Композиторъ окинулъ ее горящимъ взглядомъ. Онъ вдругъ весь измѣнился, въ его манерахъ появилась какая-то увѣренность. Неловкость движеній замѣнилась чѣмъ-то властнымъ; онъ не только чувствовалъ себя совершенно свободно передъ публикой, но, казалось, былъ рожденъ, чтобы повелѣвать ею. Взглядъ его не молилъ, а требовалъ вниманія лэди Кэриль. Онъ заигралъ нѣжную прелюдію, въ которой слышался индійскій мотивъ. Лэди Кэриль подалась впередъ. Ея грудь касалась красныхъ азалій, которыя блестящимъ облакомъ окружали эстраду. Анно запѣлъ. Его возбуждалъ видъ этой женщины. Она ускользала отъ него, хотя сидѣла

такъ близко, что онъ видѣлъ, какъ ея мраморная грудь привалася къ краснымъ цвѣтамъ. И со свойственною ему дерзостью онъ сталъ пѣть ей одной, не обращая вниманія на остальную публику. Музыкантъ также игралъ для нея, но съ совершенно другимъ чувствомъ, съ стыдливою гордостью и обожаніемъ молодого отца, показывающаго другу своего прекраснаго первенца. Обрѣ, наблюдавшій за ними, почувствовалъ, что поведение Аннѣ для Кэриль — оскорбительно, а поведение музыканта — только лестно. Сэръ Рѣбенъ не обращалъ вниманія ни на того, ни на другого. Для него лэди Кэриль была всегда только гаремной затворницей, ни для кого недоступной, какъ восточная женщина. Когда Аннѣ запѣлъ молитву искателя жемчуга надъ моремъ, то онъ увидѣлъ въ первый разъ, что лэди Кэриль вышла изъ своей холодной дремоты, и ему представилось, что она и есть та дѣвушка, для которой рыбаекъ искалъ жемчужину, а онъ самъ — человѣкъ, нырнувшій въ море съ послѣднимъ возгласомъ молитвы на губахъ. Подводная темнота окружила его, зашевелился вокругъ синій сумракъ и нахлынулъ шопотъ безчисленныхъ голосовъ, не смолкающій въ глубинѣ моря. Ему казалось, что онъ видитъ нѣжный блескъ жемчужины, и что Кэриль стоитъ на жемчужной мели, тамъ наверху, высоко. Онъ схватилъ жемчужину. Какое это было влажное и нѣжное прикосновеніе! Онъ зажалъ ее въ рукѣ и хотѣлъ плыть назадъ, но вдругъ съ ужасомъ почувствовалъ, что море не пускаетъ его. Оно толкало его назадъ и сжимало ему горло, какъ вору, укравшему его сокровище. Онъ боролся съ моремъ, потому что Кэриль склонялась надъ волнами, простирая руки. Она звала его, но ея слабый голосъ заглушался шопотомъ морскихъ голосовъ. Онъ пытался отвѣчать ей, громко крикнуть, что жемчужина у него, но его голосъ звучалъ глухо, какъ шумъ, раздающійся въ морской раковинѣ. Безконечная усталость овладѣла имъ, и онъ умеръ, сжимая жемчужину въ рукѣ. И, какъ будто уже послѣ смерти, онъ слышалъ, какъ она кричала: „Отдай мнѣ мою жемчужину!“

— Послушайте, monsieur! Слышите, слышите? — говоритъ музыкантъ въ артистической комнатѣ. — Какъ они взволнованы! Вы ихъ растрогали! Они кричатъ: „bis“!.. Они требуютъ повторенія моей пѣсни.

— Эти люди потребовали бы повторенія моей послѣдней агоніи, еслибы я сумѣлъ передать муки чистилища, — проговорилъ Аннѣ рѣзо.

Онъ бросился на кресло и закрылъ лицо руками. Негром-

кій, но настойчивый шумъ продолжался, все усиливаясь, въ соседней комнатѣ.

— Идите, идите! Раскланивайтесь передъ ними! Покажитесь имъ!—крикнулъ онъ композитору.—Вѣдь это ваша пѣсня. Идите, идите!

Композиторъ вышелъ, шатаясь, и больше не возвращался. Шумъ аплодисментовъ мало-по-малу ослабѣвалъ и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ. Возбужденіе Аннѣ проходило. Наступила реакція. Ему было холодно и онъ чувствовалъ сильную усталость. Потомъ, вдругъ, онъ услышалъ звукъ шаркающихъ шаговъ, и догадался, что это идетъ сэръ Рѣбенъ. Онъ вошелъ, улыбаясь, протянулъ сухую, смуглую руку и схватилъ руку пѣвца.

— Въ моей жизни я слыхалъ многихъ великихъ пѣвцовъ,—сказалъ онъ.—Сегодня вечеромъ вы превзошли ихъ всѣхъ. И кромѣ того, вы обладаете способностью отрывать скрытыхъ геніевъ.

— Я! Какихъ геніевъ?—спросилъ Аннѣ.

— А вотъ, напримѣръ, автора послѣдней пѣсни. Онъ теперь разговариваетъ съ моей женой. Не хотите ли вы пойти къ ней? Насъ сейчасъ позовутъ къ ужину.

Они прошли въ концертный залъ. Гости рассыпались по комнатѣ, оживленно болтая послѣ вынужденнаго молчанія. М-съ Паркинсонъ дала полную волю возбужденію, охватившему ее во время исполненія послѣдней пѣсни. Возлѣ нея суетились двое молодыхъ людей, а она лежала, откинувшись, въ большомъ, глубокомъ креслѣ и шептала истерически:

— О, бѣдняжка, бѣдняжка! Дайте ей жемчужину! О, дайте ей жемчужину!

Увидавъ входившаго Аннѣ, она вскочила и, схвативъ его за рукавъ, закричала пискливымъ сопрано:

— О, monsieur Аннѣ... жестокий... жестокий! Отдайте бѣдняжкѣ ея жемчужину! Ахъ, я просто не могу придти въ себя!

Онъ отвѣчалъ ей со слащавой любезностью, а глазами искалъ лэди Кэриль. Она была увлечена разговоромъ съ музыкантомъ, и его поразила происшедшая въ ней перемѣна. Она развернула большой бѣлый вѣеръ и машинально обмахивалась имъ. Ея лицо пылало, глаза блестѣли. Она говорила съ необыкновеннымъ оживленіемъ, очевидно, продолжая что-то доказывать или на что-то сильно возражать. Музыкантъ слушалъ ее молча. Глаза его были опущены, а тонкія губы плотно сжаты съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ упрямства.

— Идите къ лэди Кэриль,—сказала сэръ Рёбенъ пѣвцу.— Она хочетъ поблагодарить васъ за ваше великолѣпное пѣніе.

Аннѣ подошелъ къ лэди Кэриль и услыхалъ, какъ она говорила музыканту:

— Вы должны это сдѣлать для меня.

Музыкантъ смотрѣлъ на полъ и не отвѣчалъ.

— Отчего же вы мнѣ не отвѣчаете?—воскликнула она почти сердито.—А, monsieur Аннѣ!

Выраженіе возбужденія исчезло съ ея лица, когда она благодарила его за пѣніе.

— Вы великолѣпно пѣли,—сказала она:—у васъ нѣтъ соперниковъ.

— Вы были тронуты?—спросилъ онъ со страстнымъ любопытствомъ.

— О, да. Всѣ были тронуты.

— Но вы? Васъ такъ трудно растрогать! Трудно даже,—протите,—подѣйствовать на ваши нервы.

— Кэриль! — раздался голосъ сэра Рёбена. — Можно идти ужинать? Я поведу къ столу герцогиню. А ты?..

Всѣ двинулись въ столовую.

По правую руку лэди Кэриль очутился неизбѣжный на всѣхъ вечерахъ почетный гость, а слѣва отъ себя она посадила композитора. Изумленіе и гнѣвъ Аннѣ были такъ велики, что у него сдѣлался смущенный, почти глупый видъ. Сэръ Рёбенъ тронулъ его за руку.

— Не хотите ли вы поужинать за моимъ столомъ?—спросилъ онъ.—Вотъ здѣсь, рядомъ съ герцогиней.

Ужинъ этотъ доставилъ сэру Рёбену огромное удовольствіе. Онъ заставлялъ Аннѣ разговаривать, рассуждать о музыкѣ. Пѣвецъ, ненавидѣвшій въ эту минуту свое искусство болѣе, чѣмъ ненавидѣлъ мысль о смерти или о приближеніи старости, съ трудомъ находилъ сколько-нибудь подходящія слова для отвѣтовъ. Его глаза, блестѣвшіе такъ, какъ будто ихъ только-что налакмировали, безпрестанно обращались по направленію стола, за которымъ сидѣла лэди Кэриль. Обрѣ также часто взглядывалъ на нее. Онъ любилъ ее въ этотъ вечеръ такъ, какъ только любятъ загадочное существо, вдругъ осуществившее нашъ самый смѣлый идеалъ.

Пока лэди Кэриль разговаривала съ почетнымъ гостемъ, бѣдный композиторъ испытывалъ еще одно наслажденіе, въ дополненіе ко всѣмъ тѣмъ восторгамъ и волненіямъ, которые ему пришлось пережить за послѣднія сутки. Только когда ему по-

дали кушанье, онъ понялъ ясно, до какой степени былъ близокъ къ голодной смерти. Первый глотокъ супа разлилъ чувство теплоты и довольства по всему его существу. Всѣ умственные способности умоляли передъ властнымъ голосомъ плоти. Лавен смотрѣли на страннаго гостя съ холоднымъ удивленіемъ. Они были слишкомъ сыты, чтобы испытывать жалость къ человѣку, умирающему съ голода. Они просто подумали, что этотъ странный господинъ былъ невоспитаннымъ обжорой. Лэди Кэриль знала лучше, въ чемъ было дѣло, но тоже не была тронута. Она спокойно разговаривала со своимъ сосѣдомъ справа, угадывая о нравственной переменѣ въ настроеніи композитора, которая должна была наступить вслѣдъ за физическимъ процессомъ. Къ концу ужина, она обернулась и нашла рядомъ съ собою, согласно своему ожиданію, совершенно другого человѣка. Она спокойно заговорила съ этимъ новымъ человѣкомъ о незначительныхъ вещахъ, наблюдая за страннымъ и удовлетвореннымъ выраженіемъ его глазъ. Она была похожа въ эту минуту на кошку, играющую съ сытой, сонной и глупой мышью, которая катается и нѣжится подъ ея бархатной лапкой. Авторъ пѣсни о жемчужинѣ въ голодномъ состояніи былъ гениальнымъ человѣкомъ, но накормленный — приобрѣлъ видъ сытаго *bourgeois* съ сощуренными отъ удовольствія глазами. Онъ весь какъ-то распустился, откинувшись на спинку стула и прихлебывая отъ времени до времени шампанское. Она навела разговоръ на музыку. Дешевыя слезы заблестали на его глазахъ, въ которыхъ безслѣдно исчезъ прежній огонь. Онъ сталъ восхвалять свою богиню въ цвѣтистыхъ фразахъ. Лэди Кэриль слѣдила за его періодами съ нетерпѣніемъ. Потомъ она опять заговорила о его пѣснѣ.

— Вы измѣните ее?—сказала она.

Въ эту минуту лакей снова наполнилъ его стаканъ.

— Я все для васъ готовъ сдѣлать, *madame*,—отвѣтилъ онъ съ излишней поспѣшностью.

Ему казалось, что онъ парилъ на какомъ-то облакѣ, какъ Маргарита въ оперѣ Гуно. Лэди Кэриль исполняла обязанности главной *guri* въ этомъ раю, и небесный свѣтъ ослѣплялъ его.

— Все!—повторилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте такъ, чтобы вашъ рыбакъ выплылъ и отдалъ дѣвушкѣ ея жемчужину. Я ненавижу эти современные произведенія, кончающіяся неудовлетвореннымъ желаніемъ. Вы не должны походить на другихъ. Вы имѣете право попытаться быть оригинальнымъ.

— Я... я буду самимъ собою. Съ этихъ поръ, madame, мнѣ нечего бояться.

XIX.

Гости лэди Кэриль разѣхались, исчезая въ туманѣ. Обрэ ушелъ къ себѣ. Остался одинъ Аннѣ, и сэръ Ребенъ проговорилъ съ скрытой радостью, обращаясь къ нему:

— Я пойду курить; не хотите ли и вы? Впрочемъ, мнѣ кажется, табакъ въ слишкомъ большомъ количествѣ вреденъ для голоса.

— Да, и мнѣ пора уѣзжать, — сказалъ Аннѣ.

Онъ всталъ. Сэръ Ребенъ нѣсколько поспѣшно пожалъ ему руку и вышелъ изъ комнаты, не давъ ему времени уйти.

— Мнѣ пора уѣзжать, — повторилъ пѣвецъ, обращаясь къ лэди Кэриль. Она протянула ему руку, и въ эту же минуту затворилась дверь за сѣромъ Ребенѣмъ.

Аннѣ взялъ протянутую руку и задержалъ ее въ своей.

— Покойной ночи! — сказала она. — Благодарю васъ тысячу разъ.

— Ахъ! — воскликнулъ онъ: — зачѣмъ вы принимаете со мною этотъ оффиціальныи тонъ, и совсѣмъ иначе обращаетесь съ этимъ несчастнымъ, отвратительнымъ, страннымъ призракомъ человѣка, который... который... — Онъ вдругъ выпустилъ ее руку, бросился на диванъ и прижался головой къ подушкѣ, закрывая лицо рукою.

— Кого вы называете призракомъ? — спросила она спокойно.

— Этого человѣка, котораго я привелъ сюда, автора этой пѣсни. Я способствовалъ его торжеству, его успѣху. Онъ всѣмъ обязанъ мнѣ, а вы меня замѣчать даже не хотите и въ такой вечеръ!.. Вы все вниманіе на него обращаете, а я для васъ — ничто!

Его ревнивая злоба прорывалась наружу, чувство обиды и оскорбленія овладѣвало имъ.

— Знаете ли вы, чѣмъ я пожертвовалъ для васъ, лэди Кэриль? — продолжалъ онъ съ горечью. — Ахъ, вы не читаете американскихъ газетъ!

Она улыбнулась, какъ улыбаются дѣтямъ на ихъ ребяческія выходки.

— Чтò же тамъ такое сказано?

— Сказано, что я сошелъ съ ума, отказавшись отъ такого ангажемента, — отъ такихъ денегъ!

— Ахъ, денегъ!—проговорила она съ глубокимъ равнодушіемъ, поразившимъ его.

— Какъ, вы... вы не любите деньги?—спросилъ онъ.

— Н?—нисколько. — Она произнесла эти слова съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— И однако, вы—здѣсь!—сказалъ онъ.

Насмѣшка была слишкомъ ясна и вполне обнаруживала то, что онъ разумѣлъ подъ этими словами.

— Monsieur Аннѣ,—проговорила лэди Кэриль спойкойно:—знаете ли, что хотя вы и гений, но все-таки можете иногда говорить удивительный вздоръ?

Онъ вскочилъ, сильно взволнованный. Теперь онъ стоялъ передъ нею, и злое, упрямое выраженіе, появившееся въ его глазахъ, придавало ему видъ простолюдина, дѣлало его похожимъ на какого-нибудь рабочаго на большомъ докѣ или на простого матроса.

— Вы—здѣсь!—повторилъ онъ почти угрожающимъ тономъ. —Вы продали себя за то, чему придаете такъ мало значенія, когда это касается другихъ. Я отказался отъ цѣлаго состоянія, чтобы провести съ вами нѣсколько часовъ, чтобы спѣть вамъ нѣсколько пѣсенъ, чтобы излить передъ вами въ музыкѣ мое сердце, передать вамъ въ ней мое желаніе. А вы... могли бы вы отдать... я ужъ не говорю: состояніе... ну, а хоть одну изъ вашихъ драгоценностей?

Говоря это, онъ протянулъ руку въ ея горлу съ той свободой и вольностью движеній, которыя были ему такъ свойственны, благодаря его происхожденію и долгому пребыванію на сценѣ. Лэди Кэриль отклонилась на спинку кресла, и все ея лицо вдругъ измѣнилось. Оно точно осунулось, сѣжилось и въ немъ появилось выраженіе угнетающаго страха и опасливости. Эта внезапная перемѣна поразила и остановила пѣвца. Онъ стоялъ молча, уронивъ руки. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что лэди Кэриль можетъ быть до такой степени безобразной. Выраженіе ея глазъ напомнило ему одну горничную-французенку, которую онъ накрылъ за чтеніемъ его писемъ въ Парижѣ. А потомъ ему невольно вспомнилось выраженіе отвратительной, внезапно спугнутой и откинувшейся назадъ змѣи.

— А-а!—воскликнулъ онъ, послѣ минутнаго молчанія:—то, что я сказалъ, правда, болѣе правда, чѣмъ я предполагалъ до сихъ поръ!

Ему казалось, что онъ читаетъ какую-то необыкновенную книгу при ослѣпительномъ свѣтѣ сильнаго пожара. Выраженіе

уродливаго страха въ лицѣ лэди Кэриль еще усилилось, но она ничего не сказала.

— Я утверждаю, — повторилъ Аннѳ, — что вы ни одной своей драгоценности не отдали бы, чтобы спасти живнѣ — ну, хоть сѣра Рѣбена.

Онѣ сѣлъ. Лэди Кэриль засмѣялась какъ-то безпокойно, какъ ему показалось.

— Сѣру Рѣбену не угрожаетъ смертельная опасность, — сказала она, снова засмѣявшись, и странное выраженіе исчезло съ ея лица.

— Еслибы и угрожала, такъ вы бы не отдали, — повторилъ Аннѳ упрямо.

Онѣ вдругъ почувствовалъ, что она ускользаетъ отъ него, какъ змѣя, уползающая въ траву.

Свѣтъ пожара угасалъ, и буквы необыкновенной книги меркли передъ его глазами.

— Вы можете не отвѣчать мнѣ, — продолжалъ онѣ: — я, все равно, знаю. — Онѣ нагнулся къ ней. — Значить, это — ваша единственная страсть? — спросилъ онѣ тихо. — Какова же глубина ея? — Онѣ чувствовалъ, что въ ней заключена тайна, и что мракъ окружаетъ ихъ обонхъ.

— Какъ мужчины всегда любопытны! — сказала она весело. — У меня нѣтъ никакой страсти; а еслибы и была, то я не стала бы разсуждать о ней съ моими знакомыми.

Аннѳ молчалъ. Эти нѣсколько послѣднихъ минутъ лишили его возможности страстно объясниться въ томъ, что онѣ называлъ любовью, и онѣ совершенно не зналъ, какъ вернуться къ началу разговора. Но у него было рѣшено, что эта ночь будетъ свидѣтельницей его торжества. Ему начинало казаться, что онѣ невѣрно повелѣ дѣло. Вмѣсто того, чтобы нападать, онѣ долженъ былъ умолять. И вдругъ принявъ другой, гораздо болѣе нѣжный видъ, онѣ сказалъ сравнительно спокойно:

— Вы не допускаете, чтобы кто-нибудь разгадалъ васъ, но я всѣмъ пожертвовалъ для этого.

— Вы можете получить это все обратно.

— Что вы хотите сказать? — спросилъ онѣ.

— Америка вѣдь не поглощена океаномъ.

Говоря это, она встала и умышленно взглянула на часы, тихонько тикавшіе на каминѣ.

Аннѳ густо покраснѣлъ.

— Вы совѣтуете мнѣ вернуться въ Америку? Теперь ужъ слишкомъ поздно.

— Да, теперь поздно,—повторила лэди Кэриль. Ея сѣрые глаза были все еще устремлены на часы.

— Я не вернусь въ Америку,—сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ—въ Парижъ?

— Въ Парижъ! Я ненавижу Парижъ!

Онъ произнесъ это съ горечью.

— Я никогда не слыхала, чтобы французъ могъ произнести такое богохульство!—воскликнула лэди Кэриль.

Она испытывала радость, охватывающую душу человѣка, внезапно избавившагося отъ нежелательнаго положенія. Ея лицо было озарено улыбкой, и трудно было повѣрить, чтобы это была та самая женщина, которая за минуту передъ тѣмъ имѣла такой ужасный, перепуганный и осунувшійся видъ.

— Вы завтра же отречетесь отъ своихъ словъ,—прибавила она и протянула ему руку.

— Я не отрежусь ни отъ чего,—возразилъ онъ. — Ни отъ чего изъ того, что сейчасъ скажу вамъ.

— Вамъ и не придется отречься, потому что вы мнѣ ничего и не скажете. Я не интересуюсь вашими тайнами, monsieur Анно. Не открывайте ихъ мнѣ.

Говоря это, она позвонила. Пѣвецъ почувствовалъ себя зашедшимъ листомъ, который дерево спокойно страхиваетъ съ себя осенью, въ ожиданіи новой весны. Еще минуту онъ простоялъ неподвижно. Потомъ открылъ ротъ, чтобы сказать что-то, но въ эту минуту въ дверяхъ показался лакей, точно огромная марионетка съ напудренной головой и тупымъ взглядомъ. Анно медленно зашагалъ къ выходу. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ еслибы его въ первый разъ въ жизни освистали на сценѣ.

— Онъ уѣхалъ, Кэриль?—проговорилъ сэръ Рёбенъ тонкимъ голосомъ, слегка растягивая слова.

— Да, Рёбенъ.

Она подошла къ нему. Онъ сидѣлъ съѣжившись на диванѣ у ярко горѣвшаго огня, скрестивъ и поджавъ подъ себя ноги. Облако ароматнаго дыма висѣло надъ нимъ, а худые пальцы его сжимали трубку съ длиннымъ деревяннымъ чубукомъ, на которомъ были вырѣзаны арабскія буквы. На головѣ у него была надѣта красная феска, еще болѣе подчеркивавшая его морщины и старость.

— Значить, онъ ушелъ, — а на улицѣ теперь холодъ и туманъ.

— Намъ ихъ нечего бояться,—мы здѣсь въ безопасности.

Она подошла къ огню. Онъ смотрѣлъ на ея тонкую фигуру,

освѣщенную яркимъ пламенемъ, и его поразила мысль, что онъ ни разу не видѣлъ ея при свѣтѣ настоящаго солнца, того солнца, которое даетъ пустынь ея особенный торжественный блескъ и озаряетъ страну рабовъ. Выражая словами свою мысль, онъ проговорилъ:

— Въ безопасности мы здѣсь и отъ солнца.

— Конечно! Но вѣдь его и нѣтъ.

— Здѣсь нѣтъ, но тамъ...—онъ сдѣлалъ жестъ рукою:—тамъ, за моремъ, оно сіяетъ. Подойди сюда, Кэриль.

Она подошла и сѣла на стулъ возлѣ дивана. Сэръ Рѣбенъ положилъ руку на ея обнаженное плечо. Это прикосновеніе было горячо, какъ будто въ его крови горѣло то солнце, о которомъ онъ говорилъ.

— Прежде чѣмъ умереть, я хочу видѣть тебя въ сіяніи настоящаго солнца,—сказалъ онъ.

— Умереть! Зачѣмъ ты это говоришь?

Онъ почувствовалъ подъ своими пальцами, какъ она содрогнулась.

— Ты вздрогнула, Кэриль?—спросилъ онъ и закашлялся.

— Да, мысль о смерти...

— Мысль о моей смерти!—сказалъ онъ, не точно разслышавъ ея слова изъ-за кашля.

Онъ сильнѣе прижалъ свою горячую, худую руку къ ея мраморному плечу, нагнулся къ ней, сгибаясь на своихъ скрепленныхъ ногахъ, какъ мандаринъ, и съ любопытствомъ заглянулъ въ ея лицо, повернутое къ огню.

— Ты бы случала обо мнѣ? Ты бы горевала, еслибы я умеръ?—Въ его голосѣ слышалось недовѣріе, почти подозрительность.

— Непріятно думать о смерти, когда самъ полонъ жизни,—отвѣчала она.—Онъ тоже говорилъ о смерти.

— Кто онъ?

— Monsieur Аннѣ.

— А! Относительно кого же?

— Чтò, Рѣбенъ?—спросила она, какъ бы очнувшись.

— О чьей смерти онъ говорилъ?

Она взглянула на него и произнесла спокойно:

— О твоей.

Сэръ Рѣбенъ улыбнулся, какъ улыбаются понятнымъ, но непріятнымъ словамъ.

— Онъ думаетъ вѣрно, что я старъ, что я долго не проживу?

— Ахъ, нѣтъ! Онъ этого не говорилъ!

— Такъ что же онъ говорилъ?

Она сжала губы, что-то соображая.

— Я ужъ не помню. Ахъ, да,—онъ хотѣлъ знать, что бы я сдѣлала, чтобы спасти твою жизнь,—многое ли бы я могла сдѣлать.

— Ну! и что же ты сказала?

— Ничего.

— Но мнѣ ты можешь сказать то, чего ты не хотѣла говорить ему. Скажи мнѣ, Кэриль, что бы ты дала, чтобы спасти мою жизнь?

Теперь онъ положилъ руку ей на голову, почти касаясь серебрянаго украшенія, унизаннаго драгоцѣнными камнями.

— Я не знаю,—отвѣчала она равнодушнымъ голосомъ.

— Ну, а чтобы спасти меня отъ разоренія?

— Разоренія!

Голосъ ея измѣнился. Въ немъ прозвучала сильная, живая нота, и она быстро повернула голову, такъ что рука его скользнула съ ея волосъ.

— Да. Вѣдь ты бы все отдала, не правда ли?—твои платья, твои картины, твоихъ лошадей, твои драгоцѣнности—все, чтобы спасти меня отъ разоренія?

Она пристально смотрѣла на него. Всѣ мускулы ея лица заострились, ротъ и подбородокъ выступили впередъ, обнаруживая сущность ея натуры. Она вся ушла въ зрѣніе, стараясь прочесть его скрытыя мысли. Онъ это зналъ, и ему доставляло наслажденіе дѣлать изъ своего лица загадку вмѣсто отвѣта на вопросъ, такъ ярко написанный на ея лицѣ.

— Развѣ ты...—она остановилась.

Онъ выпустилъ клубъ дыма, чтобы скрыть свое лицо, но она разглядѣла лукавый блескъ его глазъ сквозь дымъ и весело разсмѣялась.

— Когда мы разоримся, тогда ты узнаешь, Рѣбенъ, что я сдѣлаю, чтобы спасти тебя.

— Ну, а когда я умру,—что я тогда узнаю?

— Вѣроятно, ничего. Однако, какъ поздно!

Она встала, чтобы идти ложиться спать.

Докуривая одну свою трубку, онъ бормоталъ про себя:

— Неужели даже старость не можетъ спасти отъ глупости? Неужели, несмотря на глубокое знаніе свѣта и людей, все еще надѣешься на невозможное? Какъ—чтобы я—я сталъ разсматривать свое сокровище, стараясь найти въ немъ сердце! Пуфъ!

Онъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, въ облакѣ ароматнаго табачнаго дыма, смѣясь надъ самимъ собою. Кэриль уже спала, когда онъ поднялся въ спальную. Во снѣ она была очаровательна, даже нѣжна.

„Точно брилліантъ,—подумалъ онъ,—яркій блескъ котораго переходитъ въ матовое сіяніе жемчужины“,—и ему захотѣлось знать, какая она будетъ мертвая. Онъ держалъ свѣчу и разсматривалъ спящую, заслоня свѣтъ рукою. Точно такъ же онъ разсматривалъ свою первую жену, много лѣтъ тому назадъ, въ одну ужасную ночь. Воспоминаніе объ этой ночи преслѣдовало его съ тѣхъ поръ, какъ отвратительное привидѣніе, внушало ему злые поступки, показывало ясно обратную сторону важдущейся добродѣтели и всю безнадежность благородныхъ мечтаній. Онъ такъ же смотрѣлъ тогда на ту женщину,—только она была мертвая. Повсюду были разсыпаны цвѣты. Онъ вспомнилъ, какъ схватилъ нѣсколько цвѣтовъ, бросилъ ихъ на коверъ и растопталъ ногами. При этомъ воспоминаніи руки его такъ задрожали, что свѣтъ свѣчи запрыгалъ по бѣлой постели и по лицу спящей. Она вздрогнула, открыла глаза, поглядѣла на него съ минутой и сказала:

— Убери отсюда огонь. Я хочу спать.

Онъ покорно исполнилъ ея требованіе, чувствуя себя виноватымъ, какъ будто она могла во снѣ прочесть его воспоминанія, пока онъ стоялъ рядомъ съ нею у кровати. Позднѣе, лежа съ открытыми глазами, онъ мысленно все повторялъ ея слова, влагая ихъ въ уста давно умершей женщины. Казалось, смерть, проходя въ эту ночь мимо огромнаго дома, замедлила свои шаги у его порога, занесеннаго снѣгомъ.

Къ утру туманъ разсѣялся, морозъ смягчился, и лэди Сэнтъ-Орминъ, взглянувъ въ окно, передала проклятію хорошую погоду, запоздавшую на нѣсколько часовъ.

Аннѣ пересталъ бывать въ Паркѣ-Лэнѣ. Онъ неожиданно вернулся въ Парижъ. Лэди Сэнтъ-Орминъ, послѣдовавшая туда же за нимъ и потомъ проѣхавшая на Ривьеру, писала дочери безсвязныя письма, сообщая, что пѣвецъ, вѣроятно, серьезно боленъ. Онъ никуда не ѣздилъ, отказывался пѣть и, казалось, не могъ слышать слова—„музыка“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она прибавляла:

„Сегодня я спросила его не случилось ли чего-нибудь съ его горломъ. Онъ отвѣчалъ, что его голосъ не въ порядкѣ съ того дня, какъ онъ пѣлъ тогда въ вашемъ ужасномъ концертѣ,

который такъ неудался. Я всегда говорила, что съ его стороны было безуміемъ прѣзжать въ Лондонъ зимою“.

Лэди Кэриль улыбалась, читая это письмо. Она оставалась въ Лондонѣ и была такъ довольна своею жизнью, что, казалось, не имѣла никакого желанія отправляться на поиски южнаго солнца. Сэръ Ребенъ упорно кашлялъ, но довольство жены его такъ радовало, что онъ и не пытался нарушить его. Какъ разъ въ это время пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ были уплачены одному индійскому торговцу за одну жемчужину. Лэди Кэриль показала ее Полю Виллзъ, автору пѣсни, которую пѣлъ Анно.

— Дѣвушка получила свою жемчужину,—сказала она ему съ улыбкой.—И вы также отдали ей жемчужину въ вашей пѣснѣ.

Композиторъ давно уже пересталъ голодать и приобрѣлъ самый обыкновенный видъ; онъ согласился съ ней подобострастно. Онъ вполне поддался чарамъ лэди Кэриль и забылъ, что еще недавно, умирая отъ голода, былъ такъ упрямъ и ставилъ гораздо выше ея свои артистическія убѣжденія. Подъ вліяніемъ хорошей, обильной пищи, комфорта и притупляющаго чувства обезпеченности, онъ отдалъ героинѣ своей пѣсни ея жемчужину. Теперь онъ сочинялъ пошлые романсы, а свѣтскія дамы находили, что они у него выливаются прямо изъ души. Обрэ видѣлъ, какъ онъ измѣнился къ худшему, и пожалѣлъ о немъ, не переставая восхищаться лэди Кэриль. Развѣ не случается часто, что мы губимъ человѣка, давая ему то, что считаемъ для него счастьемъ?

Однажды Обрэ заговорилъ объ этомъ съ лэди Кэриль, но она какъ будто не поняла его,—она была сама слишкомъ счастлива, чтобы видѣть что-нибудь въ черномъ цвѣтѣ. Блескъ ея счастья возросталъ, по мѣрѣ накопленія сокровищъ въ паркѣ-лэнскомъ домѣ, и, наконецъ, этотъ блескъ сталъ ослѣплять не только глаза, но и умы людей. Молва о большомъ изумрудѣ и объ изображеніи на немъ разлетѣлась далеко за предѣлы Англіи. Газеты разгласили о приобретеніи его сэромъ Ребеномъ и объ огромной суммѣ, уплаченной за него, потомъ о замужествѣ лэди Кэриль и о томъ, что она надѣла на себя этотъ изумрудъ въ день вѣнчанія. Передавая о покупкѣ сэромъ Ребеномъ разныхъ драгоценностей, газеты всегда упоминали и объ изумрудѣ, а въ его зеленомъ сіяніи появлялась всегда, какъ видѣніе, лэди Кэриль, которая, наконецъ, превратилась въ какую-то богиню драгоценностей для людей, нивогда ея не видавшихъ. Воры разсуждали объ изумрудѣ въ своихъ притонахъ. Въ самомъ Лондонѣ легенда объ изумрудѣ

производила сильное впечатлѣніе на легко-возбудимыхъ молодыхъ особъ обоого пола, именуемыхъ „декадентами“, которыя неопредѣленно вздыхаютъ по всему странному, смѣшивая все выходящее изъ ряда вонъ съ тѣмъ, что желательно. Юные версификаторы брали изумрудъ съ изображенною на немъ душою—темою для своихъ произведеній, а воры толковали въ своихъ притонахъ о лэди Кэриль часто и долго.

Обрэ, уйдя весь въ рутину своихъ секретарскихъ обязанностей, все еще не усвоилъ себѣ урока, о которомъ сэръ Ребенъ говорилъ лэди Рангклифъ. Отставка Анно только увеличила тотъ идеалъ чистоты, а помощь, оказанная Полю Виллу—тотъ идеалъ состраданія, который олицетворяла для него собою лэди Кэриль. И къ сэру Ребену отношеніе его измѣнилось. Въ немъ возросло восхищеніе и уваженіе къ крестному отцу, что доставило послѣднему такую радость, на какую онъ уже пересталъ считать себя способнымъ. Отъ времени до времени нѣкоторыми своими поступками онъ самъ сознательно или безсознательно давалъ поводъ Обрэ восхищаться собою. Одинъ изъ такихъ поступковъ былъ вызванъ маленькимъ акробатомъ Альфомъ, къ которому сэръ Ребенъ отнесся съ большою добротой.

П. С.

ИЗЪ
П Ъ С Н Е И
Г Е Й Н Е.

1.

Для начала Зевсъ солнце создалъ,
Послѣ звѣздами небо убралъ,
И изъ пота чела своего
Сотворилъ онъ быковъ сверхъ того.

Вслѣдъ за тѣмъ создалъ дикихъ звѣрей,
Львовъ—животнаго царства царей;
По подобью и образу львовъ
Создалъ маленькихъ милыхъ котовъ.

Чтобъ пустыню земли населить,
Человѣка пришлось сотворить;
А въ подобье ему далъ Зевесъ
Обезьянъ, населяющихъ лѣсъ.

Видя это, хохочетъ Плутонъ:
„Самъ себя Зевсъ копируетъ! Онъ
Сотворить по подобью быковъ
И телятъ вѣдь, пожалуй, готовъ!“

2.

И сказалъ Зевесъ Плутону:
 „Самъ себя я копирую;
 Созданный моею рукою
 По подобью солнца—звѣзды,

„Дивныхъ львовъ—коты-малютки;
 Человѣка—обезьяны,
 И быковъ—телята; ты же
 Ничего создать не можешь.

3.

„Во славу и хвалу себѣ я сотворилъ
 Людей, быковъ и львовъ и съ солнцемъ хоръ свѣтилъ.
 Но обезьянъ, телятъ и мелочь изъ звѣрья
 Для собственной своей утѣхи создалъ я.

4.

„Дѣло быстро пошло у меня—
 Цѣлый міръ сотворилъ я въ три дня,
 Но за то самый планъ сотворенья
 Стоилъ мнѣ ста вѣковъ размысленья.

„Сотворенья работа—пустякъ,
 Безъ труда ее выполнить всякъ;
 Но вотъ планъ сочинить—только въ этомъ
 Виденъ тотъ, кто родился поэтомъ.

„Триста лѣтъ я и ночью, и днемъ
 Все раздумывалъ только о томъ—
 Какъ бы лучше создать понемножку
 Doctor juris и—малую блошку“.

5.

Въ четвертый день Зевесъ-творецъ
Сказалъ: „Ну, кончилъ наконецъ!
Чудна вселенная моя,
Весьма собой доволенъ я.

„Какъ солнце золотымъ лучомъ
Играетъ въ морѣ голубомъ!
Какъ зелено въ лѣсу, въ долинѣ!
Не правда ль, все—какъ на картинѣ?

„Овечки тамъ въ травѣ полей—
Альбаstra вѣдь онѣ бѣлѣй;
Какъ все прекрасно, идеально!
Какъ все въ натурѣ натурально!

„Полны величья моего
Земля и небо. И его,
Ликуя, будутъ человѣки
Хвалить отнынѣ и во вѣки!

6.

„Изъ пальца высосать нельзя
Матеріалъ стиховъ, сюжеты;
Міръ сотворить изъ ничего
Ни Зевсъ не можетъ, ни поэты.

„Изъ кома грязи я создалъ
Мужское тѣло; а изъ жира
Спины мужчины сотворилъ
Я женщинъ—украшенье міра.

7.

„Зачѣмъ я собственно вселенную создаю—
Охотно объясню: въ себѣ я ощущаю
Призванье творчества; оно во мнѣ горѣло
Безумьемъ пламеннымъ, жгло душу мнѣ и тѣло;

„Болѣзнь все сдѣлала, увѣренъ я—она
Стремленья къ творчеству главнѣйшая вина.
Я выздоровѣть могъ, лишь совершивъ творенье,
И точно—сотворивъ, нашелъ выздоровленье“.

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

КЪ РЕФОРМЪ УЧЕБНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.

Достаточно раскрыть нынѣ любую газету или журналъ, чтобы напасть на статью по поводу предстоящей реформы школьнаго дѣла въ Россіи. Въ коренныхъ реформахъ одинаково нуждаются всѣ наши школы—отъ народной до университетовъ включительно. Особенно знаменательно, что всякому предоставляется въ настоящее время полная свобода слова какъ по отношенію критики современнаго строя школьнаго дѣла, такъ и въ предложеніи путей и средствъ для осуществленія предначертаннаго его преобразованія. Дарованная возможность высказываться совершенно непринужденно особенно цѣнна потому, что отъ правильнаго пониманія настоящаго момента всецѣло зависитъ рациональная постановка у насъ просвѣщенія и неразрывно связаннныя съ нимъ умственный прогрессъ и благосостояніе Россіи въ будущемъ.

Для оцѣнки историческаго значенія настоящаго момента имѣютъ особенную важность какъ разслѣдованіе и изложеніе причинъ волненій молодежи, принявшихъ въ послѣднее время хроническій характеръ, такъ и указаніе средствъ для ихъ умиротворенія.

Мнѣнія насчетъ причинъ волненій молодежи, а также мѣръ къ ихъ успокоенію, чрезвычайно различны. Въ настоящее время особенно большія надежды возлагаются на реформу университетскаго строя. Никто, конечно, не сомнѣвается, что эта мѣра необходима, но этимъ не устраняется, однако, еще невольнo напрашивающійся вопросъ: можетъ ли она одна служить вѣрной гарантіей прекращенія волненій, охватывающихъ обыкновенно, кромѣ университетскихъ студентовъ, и учащихся въ другихъ высшихъ специальныхъ заведеніяхъ?

На первый взглядъ, вопросъ этотъ можетъ показаться даже страннымъ; въ самомъ дѣлѣ, допустивъ, что студентамъ будетъ дано все, выраженное въ ихъ пожеланіяхъ,—всего вѣроятнѣе, казалось, предположить, что они успокоятся. Этотъ выводъ представляется, дѣйствительно, наиболѣе вѣроятнымъ, но только при допущеніи, что причина волненій одна,—именно неустройство университетскаго быта молодежи. Но вѣ ли спора такое допущеніе?

Оказывается, что отрицательный отвѣтъ на подобный вопросъ былъ данъ уже, и притомъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей—Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ, въ статьѣ, озаглавленной: „Университетскій вопросъ“.

„Какая причина безпорядковъ,—спрашиваетъ Пироговъ,—которые какъ будто выросли изъ земли? Устарѣла ли университетская полиція? Виноваты ли попечители? Молодежь ли испортилась, или ея набралось уже слишкомъ много въ университеты?“

Н. И. Пироговъ рѣшаетъ эти вопросы слѣдующимъ образомъ: „...И это не многіе знаютъ, что университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени“.

И далѣе: „Общество видно въ университетѣ какъ въ зеркалѣ и перспективѣ; университетъ есть лучший барометръ общества“... Исходя изъ этихъ положеній, Пироговъ не видитъ возможности однѣми „регламентаціями“ направить университетъ на желанный путь.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ изъ себя университетскія волненія? Отчего не удастся дать имъ надлежащій отпоръ? и какъ объяснить безсиліе борьбы съ ними даже при примѣненіи суровыхъ карательныхъ мѣръ? Отчего ничтожная по числу горсть молодыхъ людей оказывается достаточно сильною, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бороться съ властями, которыми они подвѣдомственны?

На первый взглядъ это явленіе представляется чрезвычайно загадочнымъ и трудно объяснимымъ. Между тѣмъ, оно объясняется легко и совершенно естественно при допущеніи, что причина безсилія борьбы министерства народнаго просвѣщенія съ студенческими безпорядками заключается въ неправильномъ пониманіи сути волненій молодежи. Ошибка заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что не въ университетскихъ волненіяхъ кроется недугъ общества, что онъ коренится гораздо глубже, и что волненія молодежи не что иное, какъ одинъ изъ очень ясныхъ и мучительныхъ симптомовъ недуга, охватившаго все наше общество,—а не самый недугъ.

Всякій осудить врача, который ограничился бы при леченіи па-

ціента отъ зубной боли приемами, уничтожающими, правда, болевое ощущение (напр., анестезирующими веществами), но лишь на сравнительно короткое время, по истеченіи котораго боли возобновлялись бы съ прежнею или еще большею силою: врачъ этотъ не вывели бы своего больного. Не могло поэтому и министерство, направлявшее всѣ усилія на подавленіе симптома, а не самого общественнаго недуга, достигнуть успѣшнаго умиротворенія университетскихъ безпорядковъ.

Дальнѣйшее разсужденіе сводится, слѣдовательно, къ выясненію характера недуга общества, особенно сильно сказавшагося на строѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла. О недочетахъ его столько писалось и въ особенности пишется въ настоящее время, что я смѣло могу ограничиться лишь указаніемъ, что корень всего зла практиковавшейся системы воспитанія есть до крайней степени развившееся въ послѣднее время огульное заподозриваніе и недовѣріе со стороны министерства, какъ учащихся, такъ и учащаго персонала, со включеніемъ сюда и ученой профессорской коллегіи.

Если принять во вниманіе обязательное для наставниковъ выслѣживаніе учениковъ внѣ школы, принудительные обыски на квартирахъ учениковъ, не исключая живущихъ съ родителями, и, въ довершеніе всего, обязательное шаблонное преподаваніе по рекомендованному министерствомъ учебнику, съ угрозой кары за малѣйшее отъ него отступленіе въ сторону, то становится понятнымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, на какое жестокое положеніе оказывались обреченными какъ учителя, такъ и ученики, при господствовавшемъ въ министерствѣ режимѣ.

Руководясь убѣжденіемъ, что только при непосредственномъ контролѣ съ его стороны дѣло просвѣщенія можетъ идти правильно, министерство изошрялось, главнымъ образомъ, въ изобрѣтеніи средствъ контроля и въ возможно большемъ ограниченіи личной инициативы. Понятно, что при этихъ приемахъ не могло быть и рѣчи о любовномъ отношеніи къ учащейся молодежи и о подобающемъ уваженіи къ лицу учащаго персонала ¹⁾.

¹⁾ Приводимый дословный документъ увольненія профессоръ безъ суда и слѣдствія съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ объ обращеніи министерства съ членами университетской коллегіи.

Предназначенный къ увольненію профессоръ получаетъ отъ ректора бумагу слѣдующаго содержанія:

„Считаю долгомъ, — пишетъ ректоръ, — довести до свѣдѣнія Вашего . . . о нижеслѣдующемъ: Г. Управляющій учебнымъ Округомъ, въ письмѣ на мое имя за №... (съ надписью: „конфиденціально“), покорнѣе проситъ меня, во исполненіе предложенія Его Высокопревосходительства, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, „немедленно объявить профессору NN, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія не находитъ воз-

Между тѣмъ, Высочайшимъ рескриптомъ 26-го марта и послѣдовавшимъ 2-го апрѣля приказомъ министра народнаго просвѣщенія выяснено, что въ основу приемовъ воспитанія русскаго юношества должны быть положены „разумъ, любовь и сердечное попеченіе“; преподавательскій персоналъ приглашается войти въ ближайшее общеніе съ учащейся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; приглашаются родители и семьи, „путемъ домашняго воспитанія, помочь министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія“, и выставляется на видъ, что „преуспѣваніе воспитанія возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи“. Это—мудрыя и превосходныя слова, обещающія осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ затаеннаго желанія всѣхъ, кто понимаетъ, что правильная организація школы и обусловленный ею быстрый прогрессъ есть вѣрнѣйшій залогъ благосостоянія Россіи.

Одновременно предполагается и измѣненіе университетскаго строя дарованіемъ, отнятой уставомъ 1884 года, автономіи университета, и притомъ въ размѣрѣ болѣешемъ, чѣмъ предоставлено было уставомъ того года; послѣдній, какъ извѣстно, даруя полную автономію университетскому совѣту, не коснулся организаціи студенчества. Введеніе въ бытъ студентовъ опредѣленной организаціи, предоставляющей

4
 возможнымъ дальнѣйшее оставленіе его на профессорской службѣ, указавъ при этомъ профессору NN, чтобы онъ, въ теченіе недѣли со времени полученія такого извѣщенія, обратился къ своему начальству съ просьбою объ увольненіи его въ отставку, съ предупрежденіемъ его, что, въ случаѣ неисполненія настоящаго предписанія, онъ будетъ уволенъ безъ прошенія“. О посылкѣ Вашему . . . сего извѣщенія моего я, согласно требованію Г. Управляющаго учебнымъ Округомъ, немедленно долженъ ему довести для доклада Его Высокопревосходительству“.

На это письмо послѣдовалъ г. ректору отъ профессора NN отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что адресованное на мое имя извѣщеніе Ваше получено мною. Означенное извѣщеніе заключаетъ въ себѣ предложеніе, отъ имени Г. М. Н. Пр., въ теченіе недѣли подать прошеніе объ увольненіи въ отставку, причемъ причины этой, принятой по отношенію ко мнѣ мѣры, не объясняются.“

„Принятіе этого предложенія было бы для меня равносильнымъ признанію за собою какой-либо вины, а между тѣмъ мнѣ не только не было предъявлено никакихъ обвиненій, но и я самъ не могу считать себя въ чемъ-либо виноватымъ. Посему мнѣ остается только заявить, что я не могу согласиться на сдѣланное мнѣ предложеніе“.

Вслѣдъ за полученіемъ этого письма въ министерствѣ, приведена была означенная въ письмѣ ректора угроза, и профессоръ, несмотря на свое громкое имя, былъ уволенъ.

Профессоръ не былъ даже извѣщенъ объ увольненіи, и о томъ узналъ лишь случайно изъ газетъ.

имъ вѣдать дѣла, касающіяся ихъ внутренней университетской жизни, позволяетъ надѣяться, что студенчество, получивъ въ то же время возможность заявлять о своихъ нуждахъ ближайшему начальству, съумѣетъ повести дѣло правильно и удерживать, если понадобится, наиболѣе горячихъ товарищей отъ нарушенія университетской жизни, столь прискорбнаго и вреднаго, какъ для молодежи, производящей безпорядки, такъ и для успѣха русскаго просвѣщенія вообще.

При дальнѣйшемъ размысленіи о значеніи и характерѣ предполагаемыхъ реформъ оказывается, что онѣ скрываютъ въ себѣ, кромѣ намѣченныхъ въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія, еще другія, глубоко симпатичныя стороны проектируемой у насъ постановки учебнаго дѣла.

Если внесеніе въ воспитаніе юношества разума, любви и сердечнаго отношенія не ограничится внѣшностью, и послѣдніе дѣйствительно будутъ положены въ основу воспитанія, то неминуемо будетъ 1) вызвана къ жизни свобода слова, при обсужденіи реформъ по учебному дѣлу, и 2) при проведеніи намѣченной реформы, признанъ необходимымъ принципъ уваженія личности.

Притомъ, свободу слова окажется невозможнымъ ограничить лишь періодами, предшествующими обнародованію учебной реформы. Она окажется едва-ли не болѣе еще необходимою послѣ ея введенія, такъ какъ, въ виду крайней трудности и новизны дѣла, всякій проектъ, съ какимъ бы тщаніемъ его ни составляли, непременно вскорѣ потребуетъ болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій. При свободѣ слова, неизбежные недосмотры могутъ быть быстро исправлены, а безпрепятственно высказываемыя желательныя нововведенія, если окажутся рациональными, — приняты и осуществлены, и этимъ самымъ будетъ гарантированъ и дальнѣйшій успѣхъ преобразованій.

Наконецъ, для возможно успѣшнаго хода дѣла является крайне желательнымъ, чтобы всѣ касающіяся школьнаго дѣла предписанія выходили сначала не въ видѣ Высочайшихъ повелѣній, а въ видѣ министерскихъ циркуляровъ, доступныхъ критикѣ.

Что касается до принципа уваженія или гарантіи личности какъ учащихся, такъ и учащихся, то его признаніе особенно рельефно выступаетъ въ предполагаемой автономіи университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же иномъ, какъ не въ признаніи необходимости сердечнаго отношенія и уваженія къ личности, заключается главное дарованіе автономіи не только совѣту университета, но и студенчеству?

Вотъ чего всегда недоставало у насъ по отношенію къ учебному дѣлу и обществу, и молодежи. Если удастся проведеніе реформы въ этомъ смыслѣ, то, на мой взглядъ, волненія молодежи прекратятся

сами собою, безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, и университетская жизнь войдетъ опять въ прежнюю колею.

Проектированный правительственный складъ школы есть важнѣйшій и надежнѣйшій залогъ успѣшности ея развитія. Только при условіи признанія его за незыблемый фундаментъ школы, открывается широкое поле совершенствованія послѣдней, въ зависимости отъ преподаванія, сводящагося къ разрѣшенію двухъ капитальныхъ вопросовъ: 1) выбора предметовъ обученія, и 2) приѣмовъ ихъ изложенія,—другими словами—чему учить и какъ учить?

При всей необычайной важности перваго вопроса, я склоненъ придавать еще большее значеніе второму и обратить особенное вниманіе, что простой замѣны однихъ предметовъ другими (напр., древнихъ языковъ—естествознаніемъ и новыми языками) недостаточно для поднятія уровня школы. Мнѣ изъ непосредственныхъ источниковъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ, вслѣдствіе неумѣлаго преподаванія, ученики восчувствовали уже къ естествознанію ненависть, не уступающую той, которую у насъ же вызываетъ, обыкновенно, обученіе древнимъ языкамъ.

Вполнѣ сочувствуя проектируемому уменьшенію крайне преувеличенныхъ требованій по классическимъ языкамъ и замѣнѣ ихъ другими предметами, я стоялъ бы за то, чтобы желающіе не были лишены возможности изученія этихъ языковъ.

Образовательная задача школы состоитъ, по моему мнѣнію, въ развитіи, въ возможно широкой степени, природныхъ дарованій учениковъ; созидать или видоизмѣнять эти прирожденные способности она не можетъ; единственной рачительной задачей ея является, поэтому, способствованіе всѣми мѣрами развитію ученика, сообразно его наклонности къ опредѣленной отрасли знанія. Одной изъ грубѣйшихъ и пагубнѣйшихъ ошибокъ министерства народнаго просвѣщенія я считаю одностороннее признаніе за изученіемъ классическихъ языковъ первенствующаго значенія въ ущербъ всѣмъ остальнымъ отраслямъ знанія.

Обученіе есть духовное питаніе; какъ любящая мать, предлагая необходимую для развитія ребенка пищу, считаетъ своею обязанностью сообразоваться, по отношенію времени кормленія и выбора пищи со вкусами ребенка, такъ и первѣйшею обязанностью школы должна быть забота о томъ, чтобы, не низводя обученія до уровня забавы, духовная пища, предлагаемая ребенку, была воспринимается имъ съ охотою, и чтобы присущая дѣтскому возрасту любознательность не разбилась о требованія мертвящаго формализма. Довѣріе къ учителю и допущеніе его личной инициативы послужать достаточной гарантіей противъ этого зла. При отсутствіи стѣсненія лич-

ной инициативы учителя, является, однако, чрезвычайно желательнымъ достигнуть, въ то же время, выработки возможно общаго плана въ преподаваніи, и для этой цѣли необходимымъ коррективомъ является допущеніе учительскихъ сѣздовъ съ цѣлью выработки, на основаніи личнаго опыта учителей, преподаванія, наиболѣе соотвѣтствующаго потребностямъ школы. Повторяющіеся сѣзды могли бы вводить, согласно нарождающимся новымъ потребностямъ, соотвѣтствующія поправки, и такимъ образомъ, на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, постепенно и не прибѣгая къ крутымъ, до основанія потрясающимъ зданіе народнаго образованія, мѣрамъ, поддерживать школу на должномъ уровнѣ.

Для этой же цѣли необходимо позаботиться о содѣйствіи открытію возможно большаго числа библіотекъ и читаленъ не только при школахъ, но и внѣ ихъ, а также и о распространеніи знаній при посредствѣ публичныхъ лекцій и цѣльныхъ курсовъ.

Въ степени потребности и благотворнаго вліянія послѣднихъ мнѣ пришлось лично убѣдиться во время завѣдыванія, въ качествѣ предсѣдателя совѣта преподавателей публичныхъ курсовъ въ Петербургѣ, такъ называемаго (хотя и не совсѣмъ точно) „народнаго университета“, при педагогическомъ обществѣ.

Скажу по совѣсти, что эти курсы оставили во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе какъ въ отношеніи энергіи, преданности дѣлу гг. преподавателей и внимательнаго и серьезнаго отношенія слушателей, такъ равно и готовности жертвовать временемъ и трудомъ со стороны членовъ общества, по инициативѣ которыхъ и удалось вызвать къ жизни эти курсы; къ концу учебнаго года они настолько окрѣпли, что у насъ имѣлась уже надежда расширить ихъ дѣятельность на второй годъ. Къ сожалѣнію, по распоряженію нынѣ покойнаго министра Боголѣпова, они, несмотря на горячее мое ходатайство, были закрыты.

Я видѣлъ въ поддержкѣ ихъ существованія, кромѣ непосредственной пользы, сказавшейся не только въ большомъ числѣ слушателей, но и въ необыкновенно прилежномъ посѣщеніи лекцій, еще одну громадную выгоду, которую, въ особенности теперь, можно было съ удобствомъ извлечь изъ подобныхъ курсовъ, въ виду переполненія студентами университетовъ и высшихъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ школъ.

При громадной, сравнительно съ имѣющимися средствами, потребности въ высшемъ образованіи, подобныя богато обставленныя частныя учрежденія могли бы сыграть очень видную роль. Мнѣ представляется, что они могли бы приносить большія выгоды учредителямъ и, можетъ быть, со временемъ, конкурировать даже съ правительственными университетами. При всемъ достоинствѣ нашихъ уни-

верситетовъ, имъ присущи и нѣкоторые недостатки, трудно устранимые, какъ привычки, воспринимаемыя по традиціи, между тѣмъ какъ ихъ легко избѣжать во вновь устраиваемыхъ высшихъ заведеніяхъ, и этимъ самымъ достигнуть тѣхъ же результатовъ при меньшей затратѣ времени и труда.

Въ заключеніе, не могу не упомянуть еще объ одной настоятельной потребности, именно—объ увеличеніи содержанія учащаго персонала, въ особенности учителей народныхъ школъ.

При соблюденіи всѣхъ здѣсь указанныхъ условий, смѣю думать, что предпринимаемая реформа учебнаго дѣла окажется жизнеспособною. Позволительно также надѣяться, что успѣхъ въ просвѣщеніи, достигнутый на основаніи довѣрія, сердечности и уваженія личности, отзовется и на дѣлопроизводствѣ по другимъ вопросамъ государственной жизни, и возвышенныя съ высоты престола любвеобильныя слова нашего Монарха послужатъ провозвѣстниками обновленія Россіи,—новой эры ея умственного прогресса и политическаго могущества.

9 мая 1901 г.

А. Фаминцынъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1901.

Новое учрежденіе Государственнаго Совѣта.—Вопросы, предложенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетовъ.—Предѣлы университетской автономіи.—Различныя формы студенческихъ организацій.—„Неслужебные студенты“, проектируемые проф. Введенскимъ.—„Помощники“ профессора и доценты.—„Земское“ устройство тринадцати не-земскихъ губерній.—Правила о народныхъ чтеніяхъ.

7-го мая торжественно отпраздновано, въ Высочайшемъ присутствіи, исполнившееся незадолго передъ тѣмъ столѣтіе Государственнаго Совѣта. Высочайшая грамота, данная по этому поводу Государственному Совѣту, имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„Блаженныя памяти Императоръ Александръ Благословенный, одушевленный пламеннымъ стремленіемъ ко благу Отечества, съ первыхъ дней царствованія поставилъ предметомъ Своихъ заботъ вѣщее упроченіе законности въ Имперіи. Для сего 30-марта 1801 года учрежденъ Имъ особый Совѣтъ, наименованный Государственнымъ, изъ лицъ, довѣриемъ Монаршимъ почтенныхъ. Въ наказѣ, 5-го апрѣля 1801 года Совѣту данномъ, опредѣлена подлежащая ему цѣль—поставить силу и благоденствіе Имперіи на незыблемомъ основаніи закона.

„При самомъ установленіи Совѣта, было положено дать ему прочное устройство впослѣдствіи, что и совершенно изданіемъ въ 1810 году новаго образованія. Императоръ Николай I-й, въ 1842 году, даровалъ Совѣту нынѣ дѣйствующее Учрежденіе, въ коемъ сохранены основныя черты прежняго. По прошествіи шестидесяти почти лѣтъ и это узаконеніе уже не соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ теченія дѣлъ законодательныхъ. Вслѣдствіе сего Мы повелѣли пересмотрѣть Учрежденіе Совѣта и, сохранивъ въ немъ главные начала, отвѣчающія образу правленія Россійской Державы, дополнить его нѣкоторыми

правилами относительно порядка соображенія особо-важныхъ и сложныхъ предначертаній, въ Совѣтъ поступающихъ.

„Составленное на этихъ основаніяхъ законоположеніе признали Мы за благо утвердить.

„Вручая Государственному Совѣту, въ день, посвященный воспоминанію о столѣтнемъ его существованіи, обновленное Учрежденіе, Мы съ особою признательностью останавливаемъ вниманіе Наше на славномъ прошломъ Совѣта. Со времени его возникновенія четыре царствованія отошли въ область исторіи. Въ продолженіе ихъ, призванный раздѣлять труды Законодателя, Государственный Совѣтъ неуклонно исполнялъ поставленные ему задачи въ сознаніи важности своего отвѣтственнаго служенія. Мнѣніямъ Совѣта, умудреннымъ государственнымъ опытомъ, внимали вѣщепосыльные Прадѣды Наши, Приснопамятный Дѣдъ и Незабвенный Родитель. Державною Ихъ волею, нашедшею себѣ осуществленіе въ законахъ, обновленъ весь бытъ Государства. Участіе Совѣта въ сихъ Монаршихъ дѣяніяхъ, возвеличившихъ Россію и упрочившихъ въ ней гражданственность, не забудется въ потомствѣ.

„Любовь къ Отечеству, честь, на правдѣ основанная, непрестанное попеченіе о благѣ народномъ, вѣрность исконнымъ началамъ государственнаго правленія да пребудетъ и впредь руководствомъ дѣятелей Совѣта по достохвальному завѣту минувшаго“.

Новое учрежденіе Государственного Совѣта отличается отъ прежде дѣйствовавшего не столько по существу, сколько въ редакціонномъ отношеніи. Не упоминается въ немъ департаментъ военныхъ дѣлъ, въ дѣйствительности давно упраздненный, но числившійся существующимъ еще въ послѣднемъ изданіи стараго учрежденія (1892-го года). Внесены въ новое учрежденіе, конечно, тѣ перемѣны, которыя произошли въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, въ составѣ и функціяхъ Государственного Совѣта (см., напр., ст. 10, 15, 31 пун. 20 и 21, 132-139). Всѣ постановленія, опредѣляющія назначеніе и кругъ дѣйствій Государственного Совѣта, оставлены въ полной силѣ. Ст. 31 новаго учрежденія, какъ и ст. 23-я прежняго, относитъ къ числу дѣлъ, поступающихъ, предварительно Высочайшаго разрѣшенія и утвержденія, на уваженіе Государственного Совѣта, *все* предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія (пун. 1); предметы внутренняго управленія, требующіе *отмѣны*, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній (пун. 2); дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла (пун. 3); мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій (пун. 4); общія внутреннія

мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя (пун. 5). Ст. 36-я новаго учрежденія повторяетъ правило прежней 95-ой статьи, по которому *все* законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ. Почва для закономѣрнаго движенія законодательныхъ вопросовъ установлена, такимъ образомъ, ясно и твердо; остается только желать, чтобы дѣйствительность соответствовала закону... Особыя совѣщанія и подготовительныя комиссіи, узаконяемыя ст. 49 и 97—104 новаго учрежденія, существовали, фактически, и прежде: Они могутъ, безъ сомнѣнія, способствовать болѣе всестороннему разсмотрѣнію и болѣе скорому разрѣшенію дѣлъ, но ожидать отъ нихъ, въ этомъ отношеніи, особенно крупныхъ результатовъ едва ли есть основаніе: вопросы, ими разработанные, все-таки должны пройти и черезъ подлежащій департаментъ, и черезъ общее собраніе Государственного Совѣта. Въ совѣщаніе (учреждаемое, судя по его составу, для дѣлъ болѣе важныхъ) разрѣшается приглашать, какъ и въ департаментъ, всѣхъ могущихъ дать полезныя объясненія; въ составъ подготовительныхъ комиссій такія лица могутъ быть „призываемы“ для болѣе постояннаго участія въ трудѣ, т.-е., повидимому, на правахъ членовъ (ст. 101). Если это послѣднее нововведеніе войдетъ въ обычай; оно можетъ внести свѣжій элементъ въ законодательную работу и нѣсколько приблизить ее къ требованіямъ жизни.

Коренная, широкая реформа—или частичныя, мелкія поправки? Вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ ближайшее будущее нашей высшей и средней школы. Противники движенія и жизни, усиливаясь сохранить, насколько возможно, дорогіе только для нихъ однихъ порядки, вносятъ фальшь въ самую постановку вопроса. Формулу, приведенную нами выше—единственную, соответствующую дѣйствительности,—они замѣняютъ другою: *революція, или реформа*, разсчитывая, очевидно, на особый эффектъ, производимый первымъ изъ этихъ двухъ терминовъ. Въ ихъ своеобразномъ словоупотребленіи, революція—синонимъ отступленія отъ основныхъ началъ университетскаго устава 1884-го г. и гимназическаго устава 1871-го г.; реформа—синонимъ ихъ прямолинейнаго, обостреннаго осуществленія. По-своему толкуя слова, произнесенныя г. министромъ народнаго просвѣщенія во время его московской поѣздки, носители Катковскихъ преданій успѣли заявить, что „упорядоченіе нашихъ университетовъ“ будетъ „достигнуто на почвѣ строгаго соблюденія законныхъ требованій, а не путемъ крушенія университетскаго устава“... „Говорятъ о необходимости *организовать* студенчество“ — читаемъ мы въ той же

ликующей статьѣ. „Да развѣ оно не организовано? Развѣ живая аудиторія каждого профессора не есть живой, отзывчивый организмъ, который живетъ съ нимъ одною общею жизнью, посвященною высшимъ научнымъ интересамъ? Забѣните этотъ живой организмъ какою бы то ни было кружковщиной, и вы между профессоромъ и его слушателями создадите непроницаемую для сердечнаго вліянія стѣну уставной формалистики“... Уставная формалистика! Да вѣдь это именно то, что царило и царитъ въ университетахъ, именно то, что насаждали всякаго рода „правила“, именно то, что восторженно одобряла реакціонная печать! И насъ хотятъ увѣрить, что ее создадутъ правильныя, закономъ признанныя формы коллективной студенческой жизни! Цѣль такихъ увѣреній совершенно ясна: подавить, во что бы то ни стало, только-что зарождающіяся проявленія этой жизни. Въ петербургскомъ университетѣ, въ технологическомъ институтѣ, были допущены студенческія сходки, съ предсѣдателями, выбранными изъ ихъ среды—и это не только не помѣшало, но наоборотъ, способствовало возобновленію учебныхъ занятій. Отсюда тревога, охватившая газетныхъ обскурантовъ; отсюда отчаянныя попытки остановить вертящееся колесо и повредить *дѣлу*, приклеивъ къ нему ярлыкъ съ страшнымъ *словомъ*.

И все-таки колесо вертится! Вопросы, разосланные министерствомъ народнаго просвѣщенія во всѣ университеты ¹⁾, удостовѣряютъ несомнѣнно, что на очередь поставленъ *коренной* пересмотръ устава 1884-го года. Рѣчь идетъ и о способѣ замѣщенія должностей ректора и декана, и о кругѣ дѣйствій совѣта, правленія и факультетовъ, и объ устройствѣ инспекціи и университетскаго суда, и о положеніи приватъ-доцентовъ, и о гонорарѣ, и о государственныхъ и курсовыхъ экзаменахъ—однимъ словомъ, о всемъ томъ, что составляетъ суть нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава. Этого мало: цѣлая группа вопросовъ касается такой стороны дѣла, которая одинаково игнорировалась обоими уставами—и нынѣшнимъ, и прежнимъ. Университеты приглашаются высказать свое мнѣніе о томъ, не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ; если слѣдуетъ, то какія и на какихъ условіяхъ; не признаются ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетскою администраціей; не слѣдуетъ ли ввести особый студенческій (товарищескій) судъ специально для разбора поступковъ, противныхъ правиламъ чести; если слѣдуетъ, то какова должна быть организація этого суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству.

¹⁾ Они перечислены подробно въ статьѣ профессора В. Н. Латкина, напечатанной въ № 729 газеты „Россія“.

Само собою разумѣется, что отъ постановки вопроса еще далеко до разрѣшенія его въ утвердительномъ смыслѣ; но весьма важно уже и то, что нововведеніе, много десятилѣтій сряду считавшееся безусловно недопустимымъ, становится предметомъ officialнаго обсужденія. Припомнимъ, что не дальше какъ два года тому назадъ министерство народнаго просвѣщенія признавало возможнымъ только устройство „научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ профессоровъ“—кружковъ, которые не могли бы выражаться въ организациіи, *нетерпящихъ въ университетахъ*. Предубѣжденіе, сложившееся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, еще недавно, слѣдовательно, существовало въ полной силѣ; тѣмъ отчасти видѣть, что оно потеряло свое прежнее значеніе.

Въ интересной статьѣ профессора А. Введенскаго, напечатанной въ №№ 711 и 712 „Россія“, затронуть, между прочимъ, вопросъ о томъ, что именно, при пересмотрѣ университетскаго устава, должно быть регулировано общимъ для всѣхъ закономъ, что — предоставлено усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго университета. „Принципы университетской автономіи“ — говоритъ г. Введенскій — „не терпятъ, чтобы чисто-внутренняя, дисциплинарная дѣятельность университетскаго совѣта была связана внѣшней регламентаціей. Поэтому, желая автономіи, нельзя рекомендовать, чтобы всѣмъ университетамъ было предписано въ уставѣ опредѣленное устройство инспекціи, обособленіе дисциплинарнаго суда отъ административной власти и устройство студенческой организациіи, да еще по строго опредѣленному образцу. Въ автономныхъ университетахъ каждый совѣтъ самъ долженъ рѣшать, быть или не быть студенческой организациіи, въ какой именно формѣ, и какъ устроить университетскій судъ (отдѣлить ли его отъ администраціи, или слить съ правленіемъ, или же исполнять судебныя функціи всему совѣту *in corpore*), и какъ устроить инспекцію—изъ профессоровъ или изъ особыхъ чиновниковъ“. Намъ кажется, что между исходной точкой г. Введенскаго и его выводами существуетъ нѣкоторое противорѣчіе. Безспорно, начало автономіи не допускаетъ „внѣшняго регламентирования чисто-внутренней, дисциплинарной дѣятельности университетскаго совѣта“; но установить *основы, формы и предѣлы* дѣятельности—не значить еще наложить на нее узы внѣшней регламентаціи. Примеромъ этому можетъ служить нормально организованный судъ: его *способъ дѣйствій* подчиненъ точно опредѣленнымъ правиламъ—но они нисколько не стѣсняютъ его *свободу дѣйствій*. Отправленіе правосудія не выиграло бы ровно ничего, еслибы каждому суду было предоставлено, напримѣръ, рѣшать дѣла, по своему усмотрѣнію, коллегіально или единолично, въ составѣ

отдѣленія или общаго собранія, съ участіемъ или безъ участія прокурорскаго надзора. То же самое слѣдуетъ сказать и объ университетахъ. Университетскій судъ долженъ быть самостоятеленъ и независимъ, это одно изъ основныхъ условій университетской автономіи; но осуществить это условіе—задача университетскаго устава, подобно тому, какъ учрежденіемъ судебныхъ установленій обезпечивается (или должна обезпечиваться) независимость общаго суда. Если въ стѣнахъ университета *желательно и возможно* отдѣленіе судебныхъ функций отъ административныхъ, то оно должно быть положено въ основу всего университетскаго устройства, а не оставлено на произволъ отдѣльныхъ университетовъ. Ничѣмъ не оправдываемое теоретически, одновременное существованіе нѣсколькихъ различныхъ формъ университетскаго суда было бы крайне неудобно и въ практическомъ отношеніи. Студенты университета, въ которомъ были бы сохранены судебныя функции правленія, едва ли охотно подчинялись бы его рѣшеніямъ, зная, что въ сосѣднихъ университетахъ дѣйствуетъ особый университетскій судъ. Едва ли, съ другой стороны, увеличился бы авторитетъ совѣта, который взялъ бы на себя, *in concreto*, исполненіе судебныхъ функций: многочисленный и до извѣстной степени случайный составъ судебной коллегіи—плохой залогъ правильности рѣшеній. Всего проще и нормальнѣе, поэтому, было бы возвращеніе къ университетскому суду, существовавшему при дѣйствіи устава 1863-го г. и приносившему, какъ признаетъ и г. Введенскій, вполне удовлетворительные результаты. Ничто не мѣшало бы объявить его приговоры окончательными, не требующими утвержденія совѣта, и устранить, тѣмъ самымъ, единственный недостатокъ прежняго порядка... Все сказанное нами объ университетскомъ судѣ вполне примѣнимо и къ университетской инспекціи: и здѣсь необходимо, въ главныхъ чертахъ, единство организаціи. Нетрудно себѣ представить, къ чему привела бы одновременная дѣятельность въ одномъ университетѣ—инспектора, назначеннаго учебной администраціей, въ другомъ, сосѣднемъ—инспектора (проректора), избраннаго совѣтомъ. Еще менѣе цѣлесообразно было бы предоставленіе каждому совѣту рѣшать вопросъ о томъ, *быть или не быть студенческой организаціи*.

Присмотримся поближе къ аргументамъ, которые приводитъ, по этому поводу, г. Введенскій. „Организація студенчества въ видѣ землячества“ — говоритъ почтенный профессоръ — „хорошая вещь, да не вездѣ и не всегда она удобна. Въ Казани, вѣроятно, она не встрѣтитъ никакого затрудненія. А въ Петербургѣ къ каждому университетскому землячеству непременно потянутся земляки изъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а за ними даже и нигдѣ неучащіеся. Если пересадить къ намъ цѣ-

ликомъ шведскую организацію, то университетъ легко можетъ попасть въ очень затруднительное положеніе: съ одной стороны, передъ нимъ будетъ организованная въ видѣ землячества трехъ-четырехъ-тысячная масса студенчества (пусть даже чисто-университетскаго), младшая (а слѣдовательно и большая) часть котораго съ непреодолимой жадностью набрасывается на всякую запрещенную брошюру; а съ другой—органы не-учебнаго надзора, которые и за явными земляческими квартирами будутъ наблюдать съ такимъ же усердіемъ, какъ за нынѣшними тайными, но всю отвѣтственность за составъ явныхъ и тайныхъ библиотекъ землячества, руководимыхъ университетомъ, возложить на одинъ лишь университетъ. Къ тому же я сомнѣваюсь, чтобы во всѣхъ университетахъ студенчество одинаково сильно стремилось къ корпоративному устройству: по моимъ наблюденіямъ, студенты петербургскаго университета домогаются гораздо сильнѣе не корпоративной, но вѣчевой организаціи“ (подъ этимъ послѣднимъ терминомъ г. Введенскій разумѣетъ правильно организованнаго собранія курсовъ, факультетовъ и всего студенчества).

По мнѣнію г. Введенскаго, при автономіи университетовъ „только нѣкоторые совѣты, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, примутъ на себя руководство студенческими землячествами; другіе предоставлятъ студентамъ устраивать всевозможныя общества на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это доступно всѣмъ взрослымъ гражданамъ, т.-е. совершенно независимо отъ университета, съ разрѣшенія и подъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а отъ имени университета введутъ какую-нибудь иную организацію студенчества и подъ свое руководство гораздо охотнѣе примутъ научныя и литературныя кружки студентовъ, чѣмъ землячества“. Въ какой степени основательны эти предположенія—мы рѣшить не беремся; но чѣмъ они ближе къ истинѣ, тѣмъ важнѣе, въ нашихъ глазахъ, чтобы основныя начала студенческой организаціи были установлены самимъ закономъ—установлены, конечно, съ возможно мѣньшимъ развитіемъ регламентаціи и возможно бѣльшимъ довѣріемъ къ профессорамъ и студентамъ. Пускай будутъ опредѣлены условія, при которыхъ можетъ возникать и дѣйствовать тотъ или иной студенческій союзъ—но опредѣлены такъ, чтобы точное ихъ соблюденіе было единственнымъ требованіемъ, которому должны удовлетворять союзы. Положимъ, что въ силу новаго устава студентамъ университетовъ будетъ разрѣшено—по образцу нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній—составлять курсовыя сходы и избирать старостъ; зачѣмъ же ставить осуществленіе этого права въ зависимость отъ согласія совѣта? Зачѣмъ предоставлять совѣту возможность замѣны одного способа организаціи другимъ, существенно различнымъ? Научныя и литературныя кружки

преслѣдуютъ совершенно инныя цѣли, чѣмъ курсовыя собранія; къ чему же искусственно поощрять первые, въ ущербъ послѣднимъ? Отсылать студентовъ, желающихъ образовать товарищескую группу, къ общему порядку, т.-е. направлять ихъ просьбу на разрѣшеніе общей администраціи, не значило ли бы предлагать имъ камень вмѣсто хлѣба? Особенно опаснымъ слишкомъ широкое „усмотрѣніе“ совѣта было бы въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава. Благотворное вліяніе свободы обнаружилось бы не сразу; отвыкшіе отъ коллегиальной, самостоятельной дѣятельности, отъ общенія съ студентами и даже между собою,—профессора неохотно разрѣшали бы устройство небывалыхъ до сихъ поръ студенческихъ организацій и предпочитали бы, въ большинствѣ случаевъ, не идти дальше старыхъ формъ (т.-е. научныхъ и литературныхъ кружковъ), хотя бы недостаточность послѣднихъ и была признана законодателемъ. Осмотрительность, граничащая съ боязливостью, возрасла бы, конечно, еще больше, еслибы для совѣтовъ были установлены тѣ формы коллективной ответственности, которыя предусматриваетъ въ своей статьѣ г. Введенскій (отсрочка ближайшей награды, вычетъ изъ выслуги за пенсію, вычетъ изъ жалованья, отсрочка періодической прибавки къ жалованью). До крайности различна, наконецъ, была бы въ различныхъ университетахъ и скорость, и успѣшность распространенія студенческихъ организацій, еслибы каждому совѣту было предоставлено, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не ограниченное право дозволить и запрещать, способствовать и противодѣйствовать, открывать однѣ дороги и закрывать другія. Мы думаемъ, поэтому, что самое *бытіе* студенческихъ организацій должно быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія и спора, т.-е. прямо провозглашено закономъ. Другое дѣло—*формы* организаціи: разнообразіе ихъ вполне возможно, но выборъ между ними—въ предѣлахъ, намѣченныхъ закономъ,—долженъ зависѣть не столько отъ совѣта, сколько отъ самихъ студентовъ.

Едва ли правъ г. Введенскій и тогда, когда онъ проводитъ рѣзкую демаркаціонную черту между двумя главными типами студенческой организаціи—„вѣчевымъ“ и „корпоративнымъ“. Землячества, курсовыя, факультетскія и общеуниверситетскія собранія, а также научныя и литературныя кружки—всѣ эти виды коллективной студенческой жизни могутъ идти рука объ руку, дополняя, а не исключая другъ друга. Землячества, основанныя на общности гимназическихъ воспоминаній, на давно сложившейся и окрѣпшей товарищеской связи, имѣютъ въ виду преимущественно взаимопомощь, матеріальную и нравственную; они облегчаютъ начинающему студенту первые шаги на новомъ поприщѣ, служатъ для него точкой опоры въ незнакомомъ городѣ, мѣстомъ отдыха отъ занятій. Научныя и литературныя кружки

удовлетворяютъ совершенно другой потребности, растущей параллельно съ умственной зрѣлостью студентовъ—потребности въ обмѣнѣ мыслей, въ повѣркѣ слагающихся взглядовъ, въ примѣненіи приобретенныхъ знаній. Курсовыя и другія аналогичныя собранія приобщаютъ студента къ специально университетскимъ интересамъ, дѣлаютъ его активнымъ участникомъ университетской жизни,—т.-е. даютъ ему нѣчто такое, чего онъ не можетъ найти ни въ землячествахъ, ни въ научныхъ и литературныхъ кружкахъ. Если въ петербургскомъ университетѣ особенно сильно стремленіе къ „вѣчевой“ организаціи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы здѣсь не было почвы и для землячества; если въ Казани особенно велика тяга къ землячествамъ, то это еще не значитъ, чтобы тамъ не могли возникнуть и развиваться курсовыя собранія. Упорядоченію университетской жизни всего больше, думается намъ, могли бы способствовать курсовыя и факультетскія собранія, съ своими выборными уполномоченными (старостами). Землячества, въ которыхъ юристы участвуютъ наравнѣ съ медиками, первокурсники—наравнѣ съ оканчивающими ученье, не представляютъ собою ни одной изъ тѣхъ группъ, на которыя естественно и неизбежно распадается университетъ; они не могутъ брать на себя выраженіе желаній, потребностей, неудовольствій цѣлаго курса, цѣлаго факультета. Между тѣмъ, такое выраженіе необходимо; отсутствіе узаконенной для него формы часто служило первоисточникомъ студенческихъ волненій. Намъ кажется, поэтому, что курсовыя и факультетскія собранія слѣдуетъ призвать къ жизни словомъ закона; они *должны* существовать *de jure* во всѣхъ университетахъ, подобно тому какъ существуютъ теперь *de facto* въ военно-медицинской академіи и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ. Завершеніемъ и объединеніемъ ихъ могло бы служить собраніе выборныхъ отъ курсовъ или факультетовъ, какъ представительство интересовъ всего студенчества. Всѣ остальные формы студенческихъ организацій могли бы имѣть чисто добровольный, факультативный характеръ; основаніе ихъ слѣдовало бы поощрять и облегчать, но инициатива должна была бы идти отъ самихъ основателей.

Само собою разумѣется, что *все* студенческіе союзы, учрежденные согласно съ университетскимъ уставомъ и удовлетворяющіе требуемымъ имъ условіямъ, должны состоять исключительно въ вѣдѣніи университетскаго совѣта, дѣйствующаго при этомъ либо коллегиально, либо черезъ посредство уполномоченныхъ имъ на то профессоровъ. Союзы, учрежденные на основаніи общихъ узаконеній и состоящіе въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, не могутъ считаться союзами *студенческими*; университету нѣтъ до нихъ никакого дѣла... Что надзоръ, именуемый въ статьѣ г. Введенскаго *не-учебнымъ*, распространится и на студенческія организаціи, существующія въ

средѣ университета—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но вѣдь онъ будетъ касаться не *явныхъ, ясныхъ* дѣйствій *цѣлой* организаціи, а *тайныхъ* дѣйствій *отдѣльныхъ* ея членовъ — и потому нѣтъ повода опасаться, чтобы отвѣтственность за эти послѣднія дѣйствія могла пасть на университетъ. Слишкомъ странно было бы требовать отъ профессоровъ, руководящихъ тѣмъ или другимъ студенческимъ кружкомъ, наблюденія за *закулисными* занятіями членовъ кружка, за тайной ихъ бібліотекой. Это—именно область *не-учебнаго* надзора, и только онъ одинъ и отвѣчаетъ здѣсь за недосмотръ или „слабое смотрѣніе“...

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ опасеніяхъ, внушаемыхъ г. Введенскому возможностью разношерстного состава землячества. Безспорно, естественная связь между „однокашниками“, особенно въ первое время послѣ ихъ пріѣзда въ университетскій городъ, такъ велика, что можетъ пересилить новыя товарищескія отношенія и соединить въ одну группу учащихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но мы не видимъ въ этомъ никакихъ особыхъ неудобствъ, тѣмъ болѣе, что по мѣрѣ погруженія въ интересы высшаго образованія новая группировка почти неизбѣжно должна взять верхъ надъ старой. Если существованіе землячества будетъ признано вообще допустимымъ, то нѣтъ причины ограничивать ихъ составъ только учащимися въ данной высшей школѣ; совершенно достаточно установить, чтобы руководство смѣшанными землячествами также носило смѣшанный характеръ, т.-е. принадлежало профессорской коллегіи, составъ которой соотвѣтствовалъ бы составу самаго землячества. Этимъ путемъ всего легче предупредить образованіе *тайныхъ* земляществъ.

Признавая доказаннымъ—и совершенно справедливо—вредное вліяніе *подчиненности* университетовъ, г. Введенскій высказывается за изытаніе ихъ изъ-подъ власти учебныхъ округовъ (попечителей). Для наблюденія со стороны министра за правильнымъ ходомъ университетской жизни при каждомъ университетѣ, по мнѣнію г. Введенскаго, „долженъ существовать *эфоръ*, назначаемый министромъ обязательно изъ числа лицъ, не принадлежащихъ къ университету. Глядя по удобству, онъ можетъ быть и попечителемъ или другимъ служащимъ, напримеръ — директоромъ гимназіи, членомъ ученаго комитета и т. д.; но эфоровъ слѣдуетъ назначать для каждого университета всего лишь лѣтъ на пять и по возможности не повторять этого назначенія для того же университета, чтобы эфоры не успѣвали сродниться съ совѣтомъ. Эфоръ засѣдаетъ, но не предсѣдательствуетъ,—съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ совѣтѣ и хозяйственномъ правленіи (но не въ факультетѣ, ибо тамъ чисто учебныя дѣла); онъ заноситъ въ протоколы этихъ учреждений свои мнѣнія о замѣченныхъ имъ неправильностяхъ, хотя никогда не останавливаетъ дѣйствія состоявшихся рѣ-

шеній; ко всѣмъ постановленіямъ, переходящимъ на утвержденіе министра, эфортъ присоединяетъ свое заключеніе, а сверхъ того чрезъ ректора періодически предъявляетъ министру свои донесенія о состояніи университета и, если угодно, даже жалобы студентовъ на распоряженія совѣта, вмѣстѣ съ объясненіями совѣта по поводу этихъ донесеній и жалобъ“. Порядокъ, предлагаемый г. Введенскимъ, безъ сомнѣнія гораздо болѣе цѣлесообразенъ, чѣмъ нынѣ дѣйствующій; нѣсколько странны только обязательная краткосрочность дѣятельности эфорта и въ особенности ея мотивъ. Эфортъ, какъ его понимаетъ г. Введенскій, и совѣтъ университета—вовсе не двѣ враждебныя или противоположныя силы; у нихъ могутъ и даже должны быть общія стремленія, общія задачи, и никакой бѣды нельзя ожидать отъ того, что они „сроднятся между собою“. Мы думаемъ, однако, что цѣль, преслѣдуемая г. Введенскимъ, можетъ быть достигнута и безъ учрежденія новой должности, простымъ возвращеніемъ попечителя учебнаго округа къ его первоначальному призванію, такъ хорошо выраженному въ самомъ его имени. Пускай попечитель перестанетъ быть *начальникомъ* университета—и онъ можетъ сдѣлаться радѣтелемъ о его нуждахъ, представителемъ за него передъ высшею властью, оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, блюстителемъ закона, опредѣляющаго права и обязанности университета. Завѣдуя цѣлымъ учебнымъ округомъ, съ его многочисленными средними и низшими школами, онъ не можетъ навлечь на себя упрекъ въ бездѣйствіи и праздности, если будетъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла университета, правильно и успѣшно управляемаго совѣтомъ. Гораздо труднѣе такое воздержаніе окажется для эфорта, главною, если не единственною обязанностью котораго будетъ контроль надъ университетомъ. Его протесты будутъ иногда не чѣмъ инымъ, какъ способомъ напомнить о своемъ существованіи и доказать свою бдительность.

Если предположенія г. Введенскаго о правахъ совѣта, о студенческихъ организаціяхъ, о контролѣ надъ университетами заключаютъ въ себѣ немало спорнаго, то съ его мыслью о „неслужебныхъ студентахъ“ („Россія“ № 732) мы можемъ только согласиться безусловно. Подъ именемъ „неслужебныхъ студентовъ“ г. Введенскій разумѣетъ такихъ, которые слушали бы въ университетѣ только нѣкоторые свободно избранные ими предметы, но въ сферѣ этихъ предметовъ подчинялись бы (въ отличіе отъ вольнослушателей) контролю наравнѣ съ студентами „служебными“ (т.-е. стремящимися къ пріобрѣтенію правъ государственной службы). „Неслужебные“ студенты—говоритъ г. Введенскій—„будутъ составлять драгоцѣнную часть каждой аудиторіи. Мы дорожимъ студентами, занимающимися не изъ-за одного лишь диплома, а также и изъ-за самой науки; еще вѣрнѣе дорожить

студентами, которые занимаются безъ всякихъ расчетовъ на дипломъ, а только изъ-за науки. Изъ неслужебныхъ студентовъ вѣрнѣ всего будутъ выходить истинно-образованные люди, и чрезъ нихъ вѣрнѣ всего университетъ будетъ оказывать культурное вліяніе на жизнь государства и общества. Служебному студенту приходится всегда изучать слишкомъ обширную группу наукъ, подобранныхъ, къ тому же, въ виду служебныхъ, утилитарныхъ, а не философскихъ соображеній. Поэтому онъ находится почти въ такомъ же положеніи, какъ и ученикъ любой профессиональной школы... Университетское преподаваніе отличается отъ гимназическаго и высшаго спеціальнаго не количественными особенностями, т.-е. не числомъ предметовъ и не степенью подробностей въ изложеніи того или другого предмета, но качественнымъ образомъ. Особенность преподаванія, требуемаго идеей университета, сводится къ тому, чтобы вниманіе учащихся сосредоточивалось не на выводахъ, уже добытыхъ наукой, а на способѣ ихъ пріобрѣтенія, т.-е. на ея методѣ, да на ея обще-философской сторонѣ, на ея духѣ. Въ спеціальныхъ школахъ надо торопиться поскорѣй втиснуть въ голову ученика полезные для жизни выводы науки и научить его примѣнять ихъ къ житейскимъ потребностямъ. А въ среднихъ школахъ возрастъ учащихся принуждаетъ ограничиваться усвоеніемъ нѣкоторыхъ готовыхъ выводовъ науки, наиболѣе важныхъ съ точки зрѣнія общаго средняго образованія. Получить же университетское образованіе, это значитъ узнать научные методы и усвоить обще-философскій духъ науки". *Количество* изучаемыхъ наукъ, съ этой точки зрѣнія, неважно; можно ограничиться и одной наукой, но овладѣвъ ею „по университетски". „Въ Германіи существуетъ полная свобода выбора занятій и даетъ превосходные результаты: тамъ не рѣдкость профессора, не державшіе государственнаго экзамена; для полученія же докторскаго диплома считается достаточнымъ изучить три-четыре предмета". Возраженіе, что никто не захочетъ поступать въ число „неслужебныхъ" студентовъ, г. Введенскій считаетъ неосновательнымъ; онъ думаетъ, что „только прежде надо было въ Россіи нанимать въ студенты посредствомъ общанія служебныхъ преимуществъ. Теперь у насъ много людей съ достаткомъ, дорожащихъ университетскимъ образованіемъ ради него самого, безъ всякаго расчета на государственную службу". Въ подтвержденіе своихъ словъ проф. Введенскій напоминаетъ о высшихъ женскихъ курсахъ: на нихъ учатся 1.000 слушательницъ, и ежегодно отказываютъ въ пріемѣ ровно половинѣ желающихъ—а курсы эти не даютъ никакихъ служебныхъ правъ...

Цѣнная сама по себѣ, мысль г. Введенскаго имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, еще одно существенное достоинство: она можетъ служить противовѣсомъ тѣмъ проектамъ, которые, прикрываясь громкими фразами объ

отмѣнѣ дипломовъ, о прекращеніи ученія изъ-за чиновъ, грозятъ свести высшее образованіе къ полу-механическому приобритенію извѣстной суммы практическихъ знаній. Объ одномъ изъ этихъ проектовъ мы говорили въ нашей майской общественной хроникѣ. Мнѣніе, весьма близкое къ нему, было высказано недавно въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ — и вызвало почти единодушный протестъ присутствовавшихъ, хотя ораторъ и не далъ ему той специфической окраски, которую оно получаетъ на страницахъ реакціонныхъ газетъ ¹⁾. Что въ ученomъ обществѣ сразу была понята опасность полнѣйшаго разобщенія между университетами и государственными экзаменаціонными комиссіями — это вполнѣ естественно; но масса, менѣе знакомая съ положеніемъ дѣла, можетъ увлечься перспективой „академической свободы“ и повѣрить въ дѣлительность мотивируемой ею реформы. Вотъ здѣсь-то и долженъ принести большую пользу проектъ г. Введенскаго, показавъ, что свободный выборъ слушаемыхъ предметовъ возможенъ и въ рамкахъ нормальнаго университетскаго строя, безъ нарушенія живой связи между университетскимъ курсомъ и государственнымъ экзаменомъ. Пускай будетъ предоставленъ самый широкій просторъ „неслужебнымъ“ студентамъ, лишь бы только другая, въ настоящее время болѣе многочисленная часть учащихся не удалялась искусственно изъ стѣнъ университета. Въ видѣ исключенія возможно, конечно, допущеніе къ государственному экзамену и такихъ лицъ, которыя не проходили университетскаго курса — но именно и только въ видѣ исключенія, не нарушающаго, а подтверждающаго общее правило. Такія исключенія бывають и теперь, но ихъ, по удостовѣренію И. Я. Фойницкаго, весьма немного, и познанія, обнаруживаемыя „экстернами“, весьма неудовлетворительны: изъ нихъ выдерживаетъ экзаменъ едва одна десятая часть. Нетрудно себѣ представить, во что обратилась бы у насъ государственная служба, еслибы до этого уровня понизилось большинство контингента, изъ котораго пополняются ея ряды... Укажемъ, мимоходомъ, на противорѣчіе, въ которое впадаютъ защитники разрыва между университетомъ и государственною экзаменаціонною комиссіею: они придаютъ особенную важность такъ называемымъ практическимъ занятіямъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаютъ на первый планъ такой способъ приготовленія къ государственнымъ экзаменамъ, при которомъ меньше всего остается мѣста для практическихъ занятій. Объяснить это противорѣчіе, впрочемъ, нетрудно: для газетныхъ обскурантовъ практическія занятія — мѣра не столько педагогическая, сколько дисциплинарная, смирительная. При домашней подготовкѣ къ

¹⁾ См. въ № 19 „Правъ“ рѣчь акад. И. И. Янжула и вызвавшій продолжительныя рукоплесканія отвѣтъ проф. И. Я. Фойницкаго.

государственному экзамену въ „обузданіи“ не предстоитъ надобности, а слѣдовательно можно и не настаивать на практическихъ занятіяхъ...

Возвращаясь къ вопросамъ, съ которыми министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ университетамъ, мы находимъ въ нихъ (или, правильнѣе, въ передачѣ ихъ проф. Латкинмъ) одинъ пробѣлъ, можетъ быть только кажущійся: нѣтъ вопроса, относящагося къ способу замѣщенія профессорскихъ кафедръ. Быть можетъ, онъ подразумѣвается самъ собою въ другомъ вопросѣ — объ измѣненіяхъ въ предметахъ вѣдомства факультетовъ и совѣта: по уставу 1863-го года выборъ профессоровъ принадлежалъ, какъ извѣстно, именно этимъ органамъ университетскаго самоуправленія. Какъ бы то ни было, предпріятіе вопроса въ смыслѣ сохраненія нынѣшняго порядка (т.-е. назначенія профессоровъ административною властью) мы считаемъ невѣроятнымъ уже потому, что къ числу предметовъ, подлежащихъ обсужденію университетовъ, прямо отнесенъ способъ замѣщенія должностей ректора и декана. Предусмотрѣна, такимъ образомъ, возможность избранія ректора — совѣтомъ, декана — факультетомъ: а это предполагаетъ, въ свою очередь, возстановленіе выборнаго начала по отношенію къ профессорамъ. Профессорамъ *назначеннымъ* нелогично было бы предоставлять *выборъ* изъ своей среды „первыхъ между равными“; въ образованіи корпораціи должна господствовать та же система, что и въ ея управленіи. Опытъ послѣднихъ шестнадцати лѣтъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ университетской сферѣ выбору принадлежитъ рѣшительное преимущество передъ назначеніемъ. Противники устава 1863-го года любили говорить объ интригахъ, развивающихся на почвѣ выборнаго права, о вредномъ вліяніи ихъ на ходъ преподаванія; но если въ этихъ навѣтахъ и была микроскопическая доля правды, то что она значитъ въ сравненіи съ плодами порядка, водвореннаго новымъ уставомъ? Говоря словами проф. А. Нечаева („Русскія Вѣдомости“, № 114), „гласный конкурсъ ученыхъ былъ замѣненъ тайной конкуренціей угодничества передъ властью имущими“ — и уровень профессуры упалъ такъ низко, какъ никогда не падалъ до 1884-го года. „Порвалась“ — восклицаетъ г. Нечаевъ, — „порвалась тѣсная связь между учащеюся молодежью и профессорами, могучее вольное слово которыхъ въ былое время для многихъ изъ слушателей давало путеводную нить на всю дальнѣйшую жизнь. Профессора опутывались предписаніями о деталяхъ преподаванія; каждый шагъ ихъ и особенно *искреннее сближеніе со студентами* (курсивъ въ подлинникѣ) являлись предметомъ неустанныхъ подозрительныхъ наблюденій. Ихъ желали видѣть не учеными, свободно излагающими предметъ ихъ спеціальности, а чиновниками,

проходящими утвержденныя программы. Внѣшніе результаты режима у всѣхъ на глазахъ "... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что подъ этими словами подписалось бы большинство нашихъ профессоровъ, несмотря на глубокія перемѣны, внесенныя событіями послѣднихъ лѣтъ и въ составъ, и въ настроеніе профессорскихъ корпорацій.

Отличительная черта нынѣшняго положенія университетовъ — полнѣйшее безсиліе совѣта, рядомъ съ полновластіемъ правленія. Безсиліе, другими словами, цѣлая университетская корпорація — полновластны немногіе ея члены, поставленные администраціей во главѣ факультетовъ и всего университета. До крайности уменьшилось, въ сравненіи съ прежнимъ, и значеніе факультетскихъ собраній. Всѣ эти ненормальныя явленія тѣсно связаны съ системой *назначенія* на должности, водворенной уставомъ 1884-го года. Подвластные попечителю, подчиненные ректору, профессора не могли бы оживить дѣятельность совѣта, еслибы засѣданія его и были не такъ рѣдки, какъ въ настоящее время. Поднять его авторитетъ, сдѣлать его вдохновителемъ и руководителемъ университетской жизни можетъ только возвращеніе ему права избирать своего предсѣдателя, т.-е. ректора. И напрасно было бы думать, что избранный ректоръ окажется менѣе вліятельнымъ, чѣмъ назначенный. Исторія нашихъ университетовъ ведетъ къ противоположному заключенію. Ни одинъ изъ ректоровъ послѣдней эпохи не игралъ столь выдающейся роли, каковая принадлежала, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ — К. О. Кесслеру, А. Н. Бекетову, И. Е. Андреевскому, въ Москвѣ — С. М. Соловьеву и Н. С. Тихонравову. И это вполне понятно: по отношенію къ товарищамъ выборъ даетъ прочную точку опоры, открываетъ возможность вліянія, не имѣющаго ничего общаго съ понужденіемъ; въ глазахъ студентовъ онъ служитъ гарантіей самостоятельности избранника и, слѣдовательно, источникомъ довѣрія, которое гораздо труднѣе пріобрѣсти ставленнику начальства. То же самое можно сказать и о выборѣ декановъ. Немного, думается намъ, найдется примѣровъ, когда факультетъ добровольно отводилъ первое мѣсто младшему изъ своихъ сочленовъ, ничѣмъ еще не выдвинувшемуся впередъ, не успѣвшему заслужить уваженіе товарищей — а деканами назначенными бывали неоднократно именно такія лица. Гораздо легче, при назначеніи, должность декана выпадаетъ и на долю престарѣлыхъ членовъ факультета, не обладающихъ ни энергіей, ни инициативой... Интересы правительственной власти, при выборной системѣ, обезпечиваются въ полной мѣрѣ правомъ утвержденія или неутвержденія выбранныхъ должностныхъ лицъ. При дѣйствіи устава 1863-го года случаи пользованія этимъ правомъ были, кажется, очень рѣдки; послѣ введенія

устава 1884-го года были оставлены въ должности если не всѣ, то почти всѣ выборные ректоры и деканы ¹⁾).

Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ университетамъ, встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующіе: 1) Не нужны ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами; если нужны, то какое служебное положеніе должны занимать эти помощники и въ какихъ отношеніяхъ находиться какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету, и 2) какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ кафедръ; не слѣдуетъ ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе.

Удачнымъ отвѣтомъ на эти вопросы служить, отчасти, рефератъ В. М. Гессена: „О постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ“, прочитанный въ засѣданіи с.-петербургскаго юридическаго общества, 24-го минувшаго апрѣля, и напечатанный въ №№ 18 и 19 газеты „Право“. Въ настоящее время—говоритъ В. М. Гессенъ,—„между профессоромъ и приватъ-доцентами по одной и той же кафедрѣ никакой необходимой связи, никакихъ дѣловыхъ отношеній не существуетъ. Профессоръ читаетъ курсъ, нисколько не заботясь о томъ, чѣмъ занимаются читающіе рядомъ съ нимъ приватъ-доценты; доценты читаютъ лекціи, ведутъ практическія занятія, нисколько не интересуясь тѣмъ, въ какомъ отношеніи ихъ лекціи и занятія стоятъ къ читаемому профессоромъ курсу. Отсюда безсистемность преподаванія, разрозненность усилій, направленныхъ, въ сущности, къ одной и той же цѣли. Для устраненія такого порядка вещей необходимо создать отсутствующее въ настоящее время *единство кафедры*. Преподаватели одного и того же предмета должны составлять коллегію, совмѣстно вырабатывающую планъ общей постановки и педагогическихъ приемовъ преподаванія“. Въ этой коллегіи профессоръ долженъ быть только предсѣдателемъ, первымъ среди равныхъ. Такой способъ разрѣшенія вопроса устраняетъ надобность въ *помощникахъ* профессора, т.-е. въ подчиненныхъ ему или зависящихъ отъ него преподавателяхъ, лишенныхъ самостоятельности, столь важной въ научномъ дѣлѣ и столь необходимой для поддержанія авторитета лектора въ глазахъ студентовъ. Онъ позволяетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвратиться къ институту штатныхъ доцентовъ, существовавшему при дѣйствіи устава 1863-го года и обезпечивавшему существованіе молодыхъ людей на первое время ихъ ученой карьеры.

¹⁾ Когда эти строки были уже написаны, мы узнали изъ газетъ, что совѣтъ московскаго университета высказался, *большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного*, за *выборъ* ректора и декановъ.

Рядомъ съ штатными доцентами по прежнему, конечно, могли бы работать и приватъ-доценты, но съ тѣмъ, чтобы вознагражденіе за труды получалось ими, при опредѣленныхъ условіяхъ, изъ суммъ факультета, а не въ видѣ гонорара, которому, нужно надѣяться, положить конецъ новый университетскій уставъ... Къ интереснымъ замѣчаніямъ В. М. Гессена о лекціонной системѣ и о значеніи практическихъ занятій мы будемъ имѣть случай возвратиться при разборѣ другихъ, не затронутыхъ нами, на этотъ разъ сторонъ университетской реформы.

Привода, въ предыдущемъ обзорѣ, газетныя вѣсти о проектѣ земскаго устройства для не-земскихъ губерній, мы подчеркнули ихъ неполноту и неопредѣленность. Теперь мы можемъ пополнить ихъ пробѣлы, благодаря обстоятельной статьѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, напечатанной въ № 20 газеты „Право“, а также свѣдѣніямъ, сообщеннымъ „Московскими Вѣдомостями“. Выборнаго начала въ такъ называемое земское управленіе проектъ не вводитъ вовсе. Такъ называемые земскіе гласные, входящіе—по одному или по два отъ каждаго уѣзда—въ составъ губернскаго земскаго комитета, *назначаются* на три года министромъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи представленія губернатора, по соглашенію съ губернскимъ и мѣстнымъ уѣзднымъ предводителями дворянства. Они должны имѣть постоянное жительство въ уѣздѣ и обладать, въ предѣлахъ уѣзда, недвижимымъ имуществомъ или торгово-промышленнымъ заведеніемъ, обложеннымъ сборомъ на земскія повинности; никакихъ минимальныхъ нормъ цѣнности или размѣровъ имущества при этомъ не устанавливается. До истеченія трехлѣтняго срока гласный можетъ лишиться своего званія только въ случаяхъ привлеченія къ уголовной ответственности (по обвиненію, грозящему лишеніемъ или ограниченіемъ правъ), отрѣшенія отъ должности по суду, объявленія несостоятельнымъ должникомъ или потери ценза. Предсѣдатель и члены губернской земской управы назначаются губернаторомъ; онъ же предсѣдательствуетъ въ губернскомъ земскомъ комитетѣ. Число лицъ, участвующихъ, по должности, въ губернскомъ комитетѣ, доходить (считая предсѣдателя и членовъ губернской управы) до десяти, но къ нимъ могутъ быть присоединяемы, съ правомъ голоса, и другіе, между прочимъ—и прямо подчиненные губернатору (губернскій инженеръ, врачебный инспекторъ, губернскій ветеринаръ). Выборный элементъ представленъ въ комитетѣ только городскимъ головою губернскаго города и, въ трехъ изъ тринадцати губерній, губернскимъ предводителемъ дворянства (въ девяти западныхъ губерніяхъ губернскій предводитель—лицо назначенное, а въ архангельской губерніи его нѣтъ вовсе). Въ уѣздномъ земскомъ комитетѣ

(„совѣщательно-подготовительномъ“) засѣдають, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, земскіе начальники (или соотвѣтствующіе имъ чины крестьянскаго управленія), податной инспекторъ, исправникъ, представитель вѣдомства госуд. имущества, инженеръ по дорожной части, гласные (или гласный) отъ уѣзда и мѣстные земскіе уполномоченные (назначаемые губернаторомъ и служащіе какъ бы агентами губернской земской управы). Выборный элементъ представленъ здѣсь городскимъ головой и двумя волостными старшинами. Занятія уѣзднаго комитета ограничиваются составленіемъ смѣтныхъ *предположеній* на предстоящій годъ и раскладомъ натуральныхъ земскихъ повинностей, а также разработкой заключеній по вопросамъ, которые будутъ переданы губернскимъ комитетомъ на предварительное обсужденіе уѣзднаго. Предметы вѣдомства губернскаго комитета опредѣляются приблизительно въ тѣхъ же чертахъ, какъ и предметы вѣдомства земскихъ учреждений, но дѣятельность комитета ставится въ совершенно инныя условія. Засѣданія его будутъ годовичныя—для составленія смѣты и раскладомъ, утвержденія отчета управы и вообще разрѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ и вопросовъ,—и обыкновенныя, для разсмотрѣнія текущихъ, менѣе важныхъ дѣлъ. При открытіи годовичныхъ засѣданій обязательно должны присутствовать гласные, въ числѣ не менѣе половины всего состава; обыкновенныя засѣданія могутъ происходить и въ отсутствіи гласныхъ. Постановленія комитета, съ которыми несогласенъ губернаторъ, могутъ быть представлены имъ на *разсмотрѣніе* министра внутреннихъ дѣлъ, который въ правѣ не только отклонить, но и измѣнить ихъ. То же самое право принадлежит министру и по отношенію къ постановленіямъ, представляемымъ ему въ силу самаго закона. Проектъ смѣты на предстоящій годъ, обнимающій собою какъ обязательныя, такъ и необязательныя назначенія, составляется губернской управою, которая при этомъ въ правѣ исправлять и дополнять предположенія уѣздныхъ комитетовъ. По одобреніи губернаторомъ, проектъ смѣты вносится въ губернскій комитетъ, а оттуда, все еще въ видѣ проекта, представляется на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Если министры усмотрятъ, что смѣта или раскладка не согласуются съ закономъ, или съ общими государственными пользами и нуждами, или съ интересами мѣстнаго населенія, они дѣлають въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія и исправленія. Смѣты, по которымъ до 15-го декабря не послѣдовало замѣчаній, считаются утвержденными. Утвержденная смѣта приводится въ исполненіе управою, но отнесеніе расходовъ на счетъ кредита на непредвидѣнныя издержки всякій разъ разрѣшается губернскимъ комитетомъ. Одновременно съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго порядка предполагается образовать при хозяйственномъ де-

партаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ его директора, центральный земскій комитетъ, съ участіемъ двухъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства финансовъ. Въ вѣдѣніе этого комитета должны быть отнесены, между прочимъ, всѣ земскія дѣла, разрѣшаемыя по соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Подробное ознакомленіе съ началами, на которыхъ проектируется устройство земскаго управленія въ тринадцати не-земскихъ губерніяхъ, вполне подтверждаетъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли мѣсяцъ тому назадъ, при первой вѣсти о готовящейся реформѣ. И число такъ называемыхъ гласныхъ (говоримъ: *такъ называемыхъ*, потому что до сихъ поръ съ именемъ гласнаго всегда соединялось представленіе о лицѣ свободно избранномъ), и способъ ихъ назначенія, и требуемыя отъ нихъ условія, и намѣчаемая для нихъ роль—все удовлетворяетъ, что центръ тяжести новыхъ учреждений будетъ лежать въ бюрократическомъ ихъ элементѣ. Что представленіе въ гласные не будетъ выпадать на долю лицъ, способныхъ отнестись критически къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ администраціи, что соглашеніе съ предводителями дворянства будетъ выдвигать оберегателей спеціально землевладѣльческихъ интересовъ, что въ такъ называемыхъ обыкновенныхъ собраніяхъ, могущихъ обходиться и безъ участія гласныхъ, сосредоточится, мало-по-малу, значительное число важныхъ дѣлъ, никакимъ внѣшнимъ признакомъ не отличимыхъ отъ менѣе важныхъ, что уѣздные комитеты, сведенные къ чисто-совѣщательной роли и подчиненные не только губернскому комитету, но и губернской управѣ, будутъ лишены всякаго серьезнаго значенія—все это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Болѣе чѣмъ вѣроятно и то, что большинство чиновниковъ, входящихъ въ составъ губернскаго комитета, будутъ удѣлять ему столь же мало вниманія, какъ и другимъ смѣшаннымъ присутствіямъ, въ которыхъ они засѣдаютъ въ силу своей должности. Фактически, поэтому, рѣшеніе „земскихъ“ дѣлъ сосредоточится въ рукахъ губернской управы, какъ учрежденія, только ради ихъ и существующаго—а губернская управа, вполне зависящая отъ администраціи, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ новымъ присутственнымъ мѣстомъ, похожимъ скорѣе на канцелярію губернатора или на отдѣленіе губернскаго правленія, чѣмъ на земскій исполнительный органъ. Общимъ съ губернскими управами земскихъ губерній у нея будетъ только одно названіе. При такихъ условіяхъ проектъ смѣты, составленный губернской управой и заранѣе одобренный губернаторомъ, едва ли будетъ подвергаться серьезной критикѣ со стороны губернскаго комитета. А между тѣмъ, содержа въ себѣ не только обязательныя, но и необязательныя назначенія, онъ можетъ

повышать обложеніе, увеличивать податное бремя. Правда, онъ подлежитъ утвержденію двухъ министровъ — но отъ нихъ зависитъ вообще *измѣненіе* смѣты, т.-е. какъ пониженіе, такъ и *увеличеніе* смѣтныхъ назначеній. Въ настоящее время ростъ земскаго обложенія можетъ совершаться только двоякимъ путемъ: либо по постановленіямъ (неопротестованнымъ и неотмѣненнымъ) представителей населенія, свободно избранныхъ имъ на основаніи установленнаго порядка, либо по Высочайше утвержденнымъ мѣстнымъ Государственнаго Совѣта, на разсмотрѣніе котораго восходятъ какъ смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія (Учрежд. Госуд. Сов. изд. 1901 г. ст. 31 пун. 7), такъ и случаи, когда отмѣна или измѣненіе постановленія земскаго собранія вызываетъ возвышеніе земскаго обложенія противъ определеннаго земствомъ размѣра (ст. 31 пун. 20). Разбираемый нами законопроектъ вводитъ третій способъ увеличенія земскихъ сборовъ, одинаково далекій отъ обоихъ нынѣ дѣйствующихъ... Другая особенность проекта заключается въ томъ, что онъ приурочиваетъ земское управленіе исключительно въ губерніи. Съ тѣмъ, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ уѣзднаго земства, совѣщательные уѣздные комитеты, равно какъ и назначаемые губернаторомъ и исполняющіе порученія губернской управы земскіе уполномоченные, не имѣютъ, очевидно, ничего общаго. Основной недостатокъ организаціи, признающей только губернское земство, мы имѣли случай выяснить въ 1898 г., при разборѣ земской реформы, задуманной тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для западнаго края ¹⁾. „Кореннымъ недостаткомъ обоихъ земскихъ положеній (1864 и 1890 гг.)—говорили мы тогда—является отсутствіе мелкой земской единицы, которая служила бы посредствующимъ звеномъ между сельскими обществами и уѣзднымъ земствомъ. Уѣздъ слишкомъ великъ, его части слишкомъ разнородны, населеніе его окраинъ слишкомъ мало соприкасается съ центромъ. Это отражается, въ болѣе или мѣншей степени, на всѣхъ отрасляхъ земскаго хозяйства, лишаетъ земство надежныхъ исполнителей на мѣстахъ, тормазитъ предпріятія, требующія ближайшаго контроля. Возможно ли, въ виду этого, рассчитывать на успѣхъ земской организаціи, еще гораздо болѣе отдаленной отъ населенія? Не ясно ли, что если уѣздному земскому собранію не всегда по силамъ одинаково внимательное отношеніе ко всѣмъ частямъ уѣзда, одинаково успѣшная охрана ихъ специальныхъ интересовъ, то отъ губернскаго земскаго собранія тѣмъ меньше можно ожидать правильнаго разрѣшенія вопросовъ, касающихся только одного уѣзда, одной части уѣзда, одной

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ № 12. „Вѣстн. Европы“ за 1898 г.

воласти"? Сказанное здѣсь о губернскомъ земскомъ собраніи примѣнимо въ еще болѣе мѣрѣ къ губернскому земскому комитету. Что можетъ сдѣлать одинъ гласный отъ уѣзда (или хотя бы два) для выясненія нуждъ *всѣхъ* частей уѣзда? Нѣтъ ли основаній опасаться, что онъ обратится, силою вещей, въ ходатая за интересы своей мѣстности или своей группы, хотя бы они противорѣчили интересамъ большинства населенія? Всегда ли найдется между членами комитета хоть одинъ, который захочетъ и сумѣетъ пойти наперекоръ подобнымъ стремленіямъ и опровергнуть факты, приводимые, съ видомъ знатока, единственнымъ „представителемъ“ даннаго уѣзда?.. Мы очень хорошо знаемъ, что для западнаго края вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій, сколько-нибудь приближающихся къ типу настоящаго земства, усложняется особенностями племенного состава населенія и историческими воспоминаніями, не вполнѣ, быть можетъ, потерявшими свою силу; но, во-первыхъ, ничего подобнаго нельзя сказать о губерніяхъ архангельской, астраханской, оренбургской и ставропольской ¹⁾, а во-вторыхъ, возможность примѣненія къ западному краю, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями, общаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ признавалась еще недавно такими администраторами, какъ кievскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Драгомировъ и моголевскій губернаторъ Зиновьевъ (нынѣ директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ).

Большое ликованіе, какъ и слѣдовало ожидать, вышеизложенный планъ земскаго управленія въ не-земскихъ губерніяхъ возбудилъ въ нашей реакціонной прессѣ. Даже на ея страницахъ рѣдко можно найти софизмы подобные тѣмъ, которыми она защищаетъ проектируемое нововведеніе. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, на вопросъ, кому нужны мѣстные люди, знающіе мѣстныя условія и потребности, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: государственному управленію;— „и подобно тому, какъ нуждающемуся въ совѣтѣ должно быть предоставлено право самому выбирать себѣ совѣтниковъ, такъ и государственному управленію надлежитъ предоставить выборъ и призывъ къ себѣ для помощи и совѣта тѣхъ изъ мѣстныхъ людей, которыхъ оно считаетъ для этой цѣли наиболѣе способными и подходящими“. Болѣе упрощеннаго и развязнаго способа скидывать со счетовъ мѣстное населеніе,—т.-е. тотъ элементъ, на пользу котораго работаетъ нормально организованное земство,—нельзя себѣ и представить. Совершенно неправильно, притомъ, московская газета отождествляетъ здѣсь государственное управленіе съ губернаторомъ, для котораго вопросъ о томъ,

¹⁾ Въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ ввести не только выборныя земскія собранія (губернскія), но и выборныя земскія управы (см. Внутр. Обзоръ въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1899 г.).

удобно ли будетъ данное лицо въ качествѣ совѣтника, легко можетъ оказаться важнѣе вопроса о его *способностяхъ*. Не менѣе далеко отъ правды увѣреніе, что организація, проектируемая для не-земскихъ губерній, „пользуется необходимо долей самостоятельности“. Съ такимъ же почти правомъ можно было бы говорить о самостоятельности губернскаго правленія... Въ другой статьѣ, стараясь обезсилить ссылку своихъ противниковъ на ходатайство ставропольскаго дворянства о введеніи въ ставропольской губерніи земскихъ учреждений ¹⁾, „Московскія Вѣдомости“ восклицаютъ: „сколько, при введеніи земскаго самоуправленія, открывается однихъ новыхъ мѣстъ! Какая обширная возможность даже для вполне законнаго и корректнаго кормленія на счетъ мѣстнаго населенія, не говоря уже о кормленіи болѣе или менѣе не корректномъ! Какая обширная возможность не только пристроиться къ земскому пирогу, но и пристроить къ нему всѣхъ своихъ присныхъ!“ Кивающимъ на „земскій пирогъ“ не мѣшало бы вспомнить о существованіи „казеннаго пирога“, отнюдь не менѣе соблазнительнаго для тѣхъ, кто смотритъ на общественную дѣятельность съ „пирожной“ точки зрѣнія. Съ открытіемъ организаціи, проектируемой для тринадцати не-земскихъ губерній, сопряжено учрежденіе множества новыхъ должностей, съ весьма солидными окладами содержанія (предсѣдатель губернской управы назначается 4.000 р., члену управы—3.000 руб., земскому уполномоченному—2.000 руб.)—и погоня за ними по меньшей мѣрѣ столь же возможна, какъ и погоня за земскими мѣстами: вся разница только въ пріемахъ, употребляемыхъ тою и другою. Увеличивается, затѣмъ, и число поставокъ и подрядовъ, могущихъ стать источникомъ „не-корректнаго кормленія“.

Отрицательное отношеніе либеральной печати къ проекту земской организаціи въ не-земскихъ губерніяхъ реакціонная газета объясняетъ страхомъ, какъ бы эта организація не оказалась во всемъ гораздо выше настоящихъ земскихъ учреждений, доказавъ, тѣмъ самымъ, возможность и желательность ихъ упраздненія. Эта догадка лишена всякаго основанія. Все хорошее, что могутъ сдѣлать новыя присутственныя мѣста, будетъ, по необходимости, подражаніемъ сдѣланному земствомъ; не даромъ же сельская медицина, введенная, въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, въ западномъ краѣ, является не чѣмъ инымъ, какъ копіей съ земской медицины. Лучше поставленными окажутся, быть можетъ, только тѣ стороны земскаго хозяйства, которыя требуютъ вмѣшательства *власти*—власти, отсутствующей у земства: но это едва ли будетъ достигнуто безъ значительнаго обремененія насе-

¹⁾ Это—новый примѣръ пренебреженія „дворянской“ газеты къ постановленіямъ дворянскихъ собраній, какъ только они не подходятъ къ ея шаблонной мѣркѣ.

ленія... Какой бы высокой степени, впрочемъ, ни достигло мѣстное благоустройство въ сферѣ дѣйствія новыхъ учреждений, оно никогда не уравновѣситъ собою потери, обусловливаемой самымъ характеромъ этихъ учреждений. Земская дѣятельность, въ истинномъ смыслѣ слова, выражается не только въ рядѣ практическихъ мѣръ и предпріятій, но и въ совокупности взглядовъ, которые она пускаетъ въ оборотъ. Въ суммѣ безкорыстнаго труда, который она вызываетъ и вдохновляетъ. Она приучаетъ „обывателей“ сознать и чувствовать себя „гражданами“; она способствуетъ тому, что голосъ общества хоть иногда, хоть сколько-нибудь доходить до правительственной власти. Въ этомъ причина вражды, которою удостоиваютъ земство наши газетные реакціонеры—но въ этомъ же и разгадка выдающейся роли, которую оно, несмотря на самыя неблагоприятныя обстоятельства, играетъ въ русской жизни. Отъ губернскихъ земскихъ комитетовъ нельзя, конечно, ожидать „надожданія правительству ходатайствами и представленіями по предметамъ, не имѣющимъ никакого (?) отношенія къ земской дѣятельности“; но именно потому они не могутъ оказать государству и народу и малой доли тѣхъ услугъ, которыми такъ богата исторія нашего земства...

Высочайше утвержденнымъ 28-го января положеніемъ Комитета министровъ установлены новыя правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями. Главныя облегченія, вводимыя этими правилами, заключаются въ слѣдующемъ: разрѣшеніе чтеній предоставляется директору народныхъ училищъ (прежде оно зависѣло въ губернскихъ городахъ—отъ попечителя учебнаго округа, въ другихъ мѣстностяхъ—отъ министра народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. синода); дозволяется изустная передача содержанія сочиненія (прежде допускалось лишь прочтеніе его, а разъясняемы изустно могли быть только опыты, сопровождающіе чтеніе, или показываемыя при немъ картины); въ особыхъ случаяхъ чтенія могутъ производиться и по сочиненіямъ, не вошедшимъ въ утвержденные каталоги, а также рукописнымъ, но не иначе, какъ съ одобренія директора народныхъ училищъ (до сихъ поръ допускались для чтенія *только* печатныя сочиненія, внесенныя въ каталоги, и изданія постоянной комиссіи народныхъ чтеній). Перемѣна къ лучшему несомнѣнна, но устройство народныхъ чтеній все-же остается связаннымъ съ весьма серьезными затрудненіями. Не говоря уже о томъ, что губернаторъ можетъ наложить veto какъ на намѣченнаго чтеца, такъ и на время и мѣсто, избранныя для чтенія,—не слишкомъ-

то удобно обращаться за разрѣшеніемъ чтенія гдѣ-нибудь на окраинѣ дальняго уѣзда къ живущему въ губерискомъ городѣ директору народныхъ училищъ. Большимъ стѣсненіемъ является, далѣе, ограниченіе круга чтеній книгами, внесенными въ утвержденные каталоги. Исключенія изъ этого правила хотя и разрѣшены, но едва ли они будутъ встрѣчаться особенно часто; ихъ будетъ останавливать, сплошь и рядомъ, опасеніе отвѣтственности. Единственнымъ практичнымъ выходомъ было бы здѣсь составленіе каталога не разрѣшеннымъ, а наоборотъ, запрещеннымъ книгамъ. Препятствіемъ къ устройству чтеній можетъ оказаться и тотъ параграфъ правилъ, въ силу котораго надзоръ за соблюденіемъ порядка на чтеніяхъ устанавливается распоряженіемъ губернатора: условія надзора могутъ быть опредѣлены трудно осуществимыя или вовсе не исполнимыя (напримѣръ, присутствіе исправника или станового пристава, который во всякую данную минуту можетъ быть отозванъ, по дѣламъ службы, въ другую часть стана или уѣзда). Многое зависитъ, конечно, отъ способа примѣненія правилъ 28-го января. Будемъ надѣяться, что при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія директора народныхъ училищъ сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ для возможно широкой постановки народныхъ чтеній.

НОВЫЕ ПОРЯДКИ ВЗЫСКАНИЯ ПОДАТЕЙ СЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Письмо изъ пензенской губернии.

Высочайше утвержденное 23 июня 1899 года Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ было примѣнено въ первый разъ въ истекшемъ 1900 году и только теперь можно говорить о практическомъ его значеніи. Въ пензенской губерніи, насколько извѣстно, это положеніе дало блестящіе результаты въ фискальномъ отношеніи. По предводимому мною мокшанскому уѣзду точныя цифры удостовѣряютъ въ томъ съ краснорѣчивою наглядностью. По общему окладу слѣдовало поступить въ 1900 году съ крестьянскихъ земель уѣзда 222.723 р. 91 коп. (въ томъ числѣ разсроченной недоимки выкупного платежа 18.848 р. 91 коп.); взыскано же было 233.944 р. 26 коп. (въ томъ числѣ разсроченной недоимки выкупного платежа 18.908 р. 70 коп.). Взысканіе не обошлось безъ крутыхъ мѣръ; были продажи на базарахъ съ торговъ крестьянской движимости. Правда, такихъ продажъ было немного, и продано было преимущественно лѣтнее платѣе и предметы крестьянской роскоши, какъ, напримѣръ, самовары. Въ продолженіе моей семнадцатилѣтней службы въ должности уѣзднаго предводителя, продажъ крестьянскаго имущества по описамъ почти не бывало; однако взысканіе окладныхъ сборовъ въ мокшанскомъ уѣздѣ происходило не хуже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Самъ по себѣ фактъ продажи съ торговъ крестьянскаго имущества, или непроджи его, не имѣетъ значенія; гораздо важнѣе новый порядокъ таковыхъ продажъ, который введенъ Положеніемъ 23 июня 1899 г., и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Прежде разрѣшеніе продажи чего-либо изъ описаннаго крестьянскаго имущества зависѣло сначала отъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а потомъ отъ административнаго засѣданія съѣзда гг. земскихъ начальниковъ,—слѣдовательно, въ такомъ разрѣшеніи принималъ участіе предсѣдатель обоихъ учреждений, т.-е. уѣздный предводитель дворянства. Нынѣ, по Положенію 23 июня 1899 г., дѣла о продажѣ крестьянскаго имущества доходятъ до съѣзда только въ случаѣ разногласія податного инспектора и земскаго начальника относительно подобной продажи,—иначе, она разрѣшается по соглашенію между ними. Разногласіе врядъ ли можетъ произойти между двумя однородными по дѣятельности чиновниками, когда дѣло идетъ о взы-

сканіи окладныхъ сборовъ, въ успѣшности поступленія которыхъ заинтересована вся губернская администрація. Жалоба податного инспектора на недостаточное содѣйствіе со стороны земскаго начальника поступить къ управляющему казенной палатой; тотъ, въ свою очередь, обратится къ губернатору. Возбудятся запросы, объясненія, переписка, пререканія и т. д. Несомнѣнно, дѣятельность сѣзда и его избраннаго дворянствомъ предсѣдателя фактически, Положеніемъ 23'іюня 1899 г., значительно облегчена; но это весьма нежелательно, разумѣется, только съ точки зрѣнія охраненія крестьянскаго благосостоянія. Въ уѣздномъ сѣздѣ земскихъ начальниковъ только два представителя мѣстныхъ интересовъ и нуждъ: предводитель и предсѣдатель уѣздной земской управы, но сама коллегіальность учрежденія представляетъ собою довольно значительное обезпеченіе къ тому, что продажа крестьянскаго имущества будетъ разрѣшаться съ нѣкоторой осмотрительностью. Значительныя недоимки окладныхъ сборовъ, числящіяся повсюду на крестьянствѣ, нисколько не зависятъ отъ недостаточности продажъ крестьянской движимости при взысканіи этихъ недоимокъ, а отъ обѣднѣнія сельскаго населенія, нынѣ уже нигдѣ не оспариваемаго. Блестящее взысканіе окладныхъ сборовъ съ надѣльных земель въ пензенской губерніи произошло не отъ того, что облегчена продажа крестьянскаго имущества, а вслѣдствіе того, что именно въ пензенской губерніи, въ послѣдніе два года крестьянство нѣсколько оправилось. Невольно является вопросъ: пришла ли пора усиленнымъ взысканіямъ окладныхъ сборовъ и недоимокъ задержать такое улучшеніе? Постараемся, насколько возможно, разрѣшить этотъ вопросъ, но прежде ознакомимся съ самимъ Положеніемъ 23 іюня 1899 г.

Въ циркулярѣ губернаторамъ, отъ 30 декабря 1899 г., за № 22 г., министръ внутреннихъ дѣлъ, между прочимъ, поясняетъ, что „Положеніе 23 іюня 1899 г., предоставляя крестьянскимъ обществамъ, добровольно и сообразуясь единственно съ своими платежными средствами и временемъ полученія таковыхъ, установить частные сроки пополненія годового оклада“, указываетъ далѣе, что „наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ оклада по частнымъ срокамъ должно почитаться весьма важною мѣрою къ сбереженію платежныхъ силъ сельскаго населенія и привлечь особое вниманіе земскихъ начальниковъ, коимъ ввѣрены заботы объ экономическомъ благосостояніи этого населенія“.

Изъ приведенной выписки выясняется, что правительство, новымъ порядкомъ взысканія окладныхъ сборовъ, имѣло и имѣетъ цѣлью сбереженіе платежныхъ силъ сельскаго населенія путемъ установленія частныхъ сроковъ пополненія годового оклада. Положеніе 23 іюня 1899 г. придаетъ дѣйствительно выдающееся значеніе частнымъ срокамъ, уста-

навливаемымъ самими сельскими обществами, и строго взыскивается за невыполненіе платежей въ эти сроки. У неуплатившихъ водостное начальство описываетъ имущество, часть котораго продается по соглашенію земскаго начальника съ податнымъ инспекторомъ въ опредѣленный срокъ съ торговъ. Невнесенное изъ окладного сбора сельскимъ обществомъ къ 1 декабря каждаго года считается недоборомъ, и (ст. 64) сельскому сходу, отвѣчающему круговою порукою за всѣхъ домохозяевъ, предоставляется примѣнить къ неисправнымъ изъ нихъ слѣдующія мѣры: 1) сдача въ аренду всей, или части ихъ земли; 2) отобрание таковой, и 3) продажа принадлежащихъ имъ строеній, не составляющихъ необходимости въ ихъ хозяйствѣ. Если такими мѣрами недоборъ не будетъ внесенъ къ 1 января, сходъ (ст. 69) составляетъ приговоръ о развѣсткѣ сего недобора между всѣми домохозяевами селенія. Невнесенный такимъ путемъ недоборъ къ 1 февраля (ст. 79) считается недоимкой, которую г. податной инспекторъ,—если она не превышаетъ пяти процентовъ оклада,—можетъ (ст. 74) причислить къ окладу слѣдующаго года. Если же она превышаетъ пять процентовъ и въ обществѣ нѣтъ свободныхъ мирскихъ суммъ, которыя, по соглашенію съ земскимъ начальникомъ, можно бы было (ст. 73) обратить на покрытіе недоимки, г. податной инспекторъ (ст. 75) передаетъ взысканіе ея исправнику. Уѣздный исправникъ (ст. 76), не позже недѣли послѣ полученія списковъ недостаточныхъ селеній, дѣлаетъ распоряженіе о составленіи чинами уѣздной полиціи описи и оцѣнки движимаго имущества или строеній недоимщиковъ и приступаетъ къ продажѣ того, что разрѣшено будетъ по соглашенію (ст. 77 и 78) податнаго инспектора съ земскимъ начальникомъ. При взысканіи исправникомъ съ сельскихъ обществъ, статьей 79 Положенія предусматривается отказъ сельскаго общества отъ обработки своей земли. Мнѣ никогда не доводилось слышать прежде о такихъ отказахъ, и нельзя не замѣтить, что столь дальновидная предусмотрительность—очень грустная. Издавна въ нашемъ законодательствѣ существовала круговая порука, обеспечивающая взысканіе окладныхъ сборовъ съ сельскихъ обществъ, но ею пользовались очень рѣдко именно при такихъ сборахъ, а всего чаще общества привлекались къ отвѣтственности за своихъ однообщественниковъ, признанныхъ несостоятельными къ уплатѣ за леченіе въ земскихъ и другихъ лечебницахъ постороннихъ губерній. Ежегодно губернское земское собраніе принимаетъ на счетъ земства такого рода взысканія, если общества находятся въ неудовлетворительномъ экономическомъ состояніи. Относительно круговой поруки Положеніе 23 іюня не ввело ничего новаго, а только установило примѣненіе существующаго съ полной опредѣленностью и послѣдовательностью. Полагаю излишнимъ подробно говорить о взысканіи

окладныхъ сборовъ и недоимокъ въ селеніяхъ, гдѣ круговая порука не примѣняется, такъ какъ, въ сущности, тутъ взысканіе производится почти такъ же, какъ въ общемъ порядкѣ съ частныхъ лицъ. Глава восьмая о льготахъ въ уплатѣ недоборовъ заключаетъ перечисленіе тѣхъ дѣйствій, которыя даютъ право на ходатайство о льготахъ; новаго въ ней только развѣ одно, что земскій начальникъ (ст. 98), признавъ ходатайство сельскаго общества о льготѣ заслуживающимъ уваженія, представляетъ его управляющему казенной палатою. Можно только пожелать, чтобы при такомъ нарушеніи существующихъ административныхъ порядковъ подчиненности представленіе земскаго начальника получило быстрое и удовлетворительное разрѣшеніе.

Собственно взысканіе окладныхъ сборовъ, въ его основныхъ началахъ, нисколько не измѣнено Положеніемъ 23 іюня 1899 г. Нынѣ, какъ и прежде, само взысканіе производится все тѣмъ же волостнымъ и сельскимъ начальствомъ,—только наблюденіе за нимъ перемѣнилось. Прежде это наблюденіе было поручено исправнику,—теперь оно въ рукахъ податного инспектора и земскаго начальника. Само собою разумѣется, что штрафы и аресты, налагавшіеся прежде исправникомъ на старшинъ и старостъ при бездѣтельности ихъ по взысканію окладныхъ сборовъ, налагаются и будутъ налагаться земскимъ начальникомъ, вѣроятно также по соглашенію съ податнымъ инспекторомъ. Объ этомъ не представлялось надобности упоминать въ Положеніи 23 іюня 1899 г., въ виду Положенія 12 іюля 1889 г., коимъ земскіе начальники облечены для сего всей надлежащей властью. Помимо передачи крестьянской движимости въ полное и окончательное распоряженіе соглашенію земскаго начальника съ податнымъ инспекторомъ,—передачи, къ которой еще надо будетъ вернуться, исполнѣ ново въ Положеніи 23 іюня 1899 г.—частные сроки, значеніе которыхъ постараемся выяснитъ.

Несомнѣнно, для всякаго небогатаго человѣка уплата сколько-нибудь крупнаго долга облегчается, если этотъ долгъ разсрочивается на нѣсколько мелкихъ частей въ удобные для уплаты сроки. Логическій выводъ этого основнаго положенія—одинъ: разсрочка долга тѣмъ легче для плательщика, тѣмъ она дробнѣе. Въ административномъ засѣданіи мокшанскаго уѣзднаго съѣзда, при утвержденіи приговоровъ сельскихъ обществъ о назначенныхъ ими частныхъ срокахъ, г. податной инспекторъ всегда протестуетъ, когда главные сроки платежа назначены на послѣдніе мѣсяцы года и ихъ всего три или четыре; но онъ одинъ остается при особомъ мнѣніи. Выходитъ, что мокшанскій съѣздъ противодѣйствуетъ благотѣльнымъ предначертаніямъ правительства и

вмѣстѣ съ тѣмъ своими рѣшеніями препятствуетъ желательному упорядоченію хлѣбной торговли. Давно уже признано и выяснено, что низкая цѣна русскаго зерна зависитъ отъ того, что массовое выбрасываніе крестьянскаго хлѣба осенью на рынокъ роняетъ его цѣну, что, съ одной стороны, нарушаетъ правильное и выгодное удовлетвореніе продовольственной нужды самого крестьянства, а съ другой лишаетъ хлѣбную торговлю возможности правильнымъ выжиданіемъ спроса на этотъ хлѣбъ повышать его цѣну. Рѣшеніе мокшанскаго съѣзда, однако, основано на времени полученія сельскимъ населеніемъ платежныхъ его средствъ; протестъ же г. податного инспектора — на исполненій начальственныхъ указаній. Такая коренная разница взглядовъ мѣстныхъ людей и представителя министерства финансовъ требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что сказаніе о массовомъ осеннемъ выбрасываніи крестьянскаго хлѣба на рынокъ странно звучитъ деревенскому уху. Мы всѣ, деревенскіе жители, прекрасно, по личному опыту, знаемъ, какъ трудно въ осеннюю распутицу доставлять не только массу дешеваго хлѣба куда бы то ни было, но самого себя, въ легкомъ экипажѣ, съ усиленнымъ комплектомъ хорошихъ лошадей. Осенняя распутица въ черноземномъ, хлѣбородномъ районѣ продолжается часто два и болѣе мѣсяца и принимаетъ, также часто, совершенно разную, противоположную форму. Чѣмъ дольше держится невылазная черноземная грязь, тѣмъ легче и вѣрнѣе появляется такъ называемая *жестель*, т.-е. крѣпкимъ морозомъ скованная грязь, по которой путешествіе не безопасно даже и для выносливой крестьянской телѣги. Осеннія хлѣбныя цѣны, также какъ и весеннія болѣею частью всегда выше зимнихъ, и это вполне естественно. Только зимой, по зимнему пути крупныя доставки зерна на пункты его сбыта возможны потому, что онѣ удобны и дешевы тогда. Выжиданіе продажи зерна, да и всякаго товара, т.-е. спекуляція на повышение его цѣны, нисколько не обезпечиваетъ выгоды этой цѣны. Необходимо еще имѣть въ виду, что всякій производитель — будь онъ крупный фабрикантъ или мелкій крестьянинъ — не только продаетъ, но вынужденъ продать производимое имъ, и для обоихъ выжиданіе — только отсрочка осуществленія конечной необходимости. Оба также при этомъ подчинены возможности этого осуществленія, и, разумѣется, они, какъ и всякій, стараются уловить наиболѣе выгодный и удобный для того моментъ. Крестьянинъ это прекрасно понимаетъ, — и менѣе цѣнный, производимый имъ, хлѣбъ, какъ, напримѣръ, рожь и овесъ, онъ продаетъ зимой, какъ только установился зимній путь, и когда цѣны его еще высоки; болѣе же цѣнный, какъ конопель и чечевицу — ранней осенью. Расчетъ вполне вѣрный: зимній путь оканчивается въ началѣ марта,

а съ нимъ оканчивается и возможность для земледѣльца дешево доставить производимое имъ на рынокъ. Недоставленное зимой изъ произведеннаго приходится оставить или на свое продовольствіе,—что въ общемъ, весьма желательно, или на продажу въ будущемъ году, что врядъ ли обезпечиваетъ большую выгодность этой продажи. Ранней осенью крестьянинъ продаетъ, прежде всего, чечевицу, уборка которой гораздо раньше конопли, и тутъ также прямой и вѣрный расчетъ. Главный покупатель этого хлѣба, городъ Кенигсбергъ, вначалѣ оплачиваетъ его очень дорого; но затѣмъ, по мѣрѣ усиленія предложенія, цѣна падаетъ. Съ тѣхъ поръ какъ чечевица вошла въ крестьянскій постѣвъ, цѣна ея значительно упала. Еще недавно она продавалась на мѣстѣ по рублю и выше за пудъ; теперь она иногда падаетъ до шестидесяти копѣекъ, и все же это цѣна выгодная тѣмъ болѣе, что чечевичная солома и мякина представляютъ собою прекрасный кормъ для скотины. Осенью, до распутицы, крестьянскія продажи зерна стѣснены еще не вполне оконченными полевыми работами; во время же ея, единственная выручка крестьянства ограничивается продажей излишней скотины, содержаніе которой непосильно зимой.

Крестьянство, какъ и болѣе крупное землевладѣніе въ черноземныхъ, искони земледѣльческихъ губерніяхъ, крутлый годъ живетъ мелкими побочными доходами; для крупныхъ же уплатъ у обоихъ существуетъ единственный источникъ—производимое имъ зерно и продажа его. Вся разница между ними, что первое везетъ возъ на базаръ, а второе—вагонъ или нѣсколько вагоновъ на станцію жел. дороги или на пристань. Только послѣ сбора своего урожая крестьянинъ имѣетъ возможность расплатиться по всѣмъ своимъ обязательствамъ, накопившимся за весь трудовой его годъ, и сдѣлать всѣ необходимыя для него крупные расходы. Точно также, послѣ этого сбора, можетъ онъ только уплатить и лежащія на немъ окладныя и всякія повинности. Не полиція выдумала осенніе сроки для такъ называемаго „выбиванія“ податей, но дѣйствительность ограничила это „выбиваніе“ осенними сроками. Тамъ гдѣ можно было, и при полицейскомъ взысканіи нѣкоторая, даже большая часть окладныхъ сборовъ вносилась не осенью. Такая возможность проявилась настолько характерно въ одной части мокшанскаго уѣзда, что на ней позволю себѣ нѣсколько остановиться.

Издавна въ селѣ Михайловскомъ большинство крестьянъ были каменщики, которые на лѣто уходили на каменные работы, и получали, въ лѣто, на хозяйскихъ харчахъ: начинающій ученикъ 20—25 р.; мастеръ 70—75; десятникъ 100—120 р. Наемъ на работы производился въ концѣ великаго поста;—причемъ выдавался довольно крупный

задатокъ, который частью шелъ въ уплату повинностей, остальное—на содержаніе и хозяйство семьи въ отсутствіи ушедшаго; срокъ рабочаго найма былъ съ понедѣльника Оминой недѣли до осенней Казанской, т.-е. до 22-го октября.—Примѣръ михайловцевъ не увлекалъ сельское населеніе сосѣднихъ селъ, и въ нихъ каменщики считались единицами. Въ послѣднее пятилѣтіе заработка каменщиковъ значительно возросъ, а число—ихъ еще болѣе. Количество ихъ развивается быстро все далѣе отъ коренного центра, с. Михайловскаго. Ограничусь только однимъ селомъ Знаменскимъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ по моей долготной жизни въ немъ: въ этомъ селѣ прежде не было ни одного каменщика; а теперь ихъ много, и каждый годъ количество каменныхъ избъ въ селѣ увеличивается. Въ настоящую весну, до своего ухода, мѣстные каменщики успѣли сложить три избы. Въ прошломъ году два подростка, такъ сказать выросшіе у меня на скотномъ дворѣ, пошли въ первый разъ въ каменные работы и были наняты одинъ за 35 рублей, другой за 40. Нынче оба нанялись за 80 рублей каждый. Одинъ знаменскій же крестьянинъ, простой мастеръ, зимою всегда такъ или иначе работающій у меня, въ прошломъ году былъ нанятъ въ каменные работы за 117 рублей; нынче же—за 130. Всего важнѣе, что наши каменщики-пензяки своей конкуренціей одержали побѣду надъ владимірцами и тамбовцами. Прежде наши работали только въ поволжскихъ городахъ и преимущественно въ Саратовѣ; теперь они доходятъ до Москвы, Петербурга и Кавказа. Теперь они не ограничиваются постройкой домовъ, но берутся даже за мосты желѣзныхъ дорогъ. Не могу не замѣтить, что никто не училъ нашихъ крестьянъ сѣять чечевицу, о которой еще недавно и помину не было въ поляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—однако она прочно водворилась на надѣльныхъ земляхъ. Никто не училъ ихъ каменнымъ работамъ, а число каменщиковъ растетъ, какъ грибы послѣ лѣтняго дождя. Достаточно, чтобы то или другое на практикѣ оказалось выгоднымъ, чтобы оно быстро было усвоено крестьянствомъ. Чѣмъ бы могъ сдѣлаться нашъ народъ при сколько-нибудь благоприятныхъ для него экономическихъ условіяхъ!—Какъ ни увеличилось число каменщиковъ въ уѣздѣ, но все-же пока они составляютъ меньшинство уѣзднаго населенія. Они представляютъ собою экспортъ мѣстнаго труда, удовлетворяющаго городскія потребности — благоденствуютъ; прочіе же кустари въ уѣздѣ—телѣжники, полозники, портные, работающіе на мѣстное сельское населеніе — скорѣе бѣдствуютъ. Въ результатѣ частные сроки большинства сельскихъ обществъ имѣютъ чисто земледѣльческій характеръ и назначаются послѣ уборки произведеній земледѣльческаго труда.

Въ 55-ой статьѣ Положенія 23 іюня 1899 г. перечислено крестьянское имущество, не подлежащее продажѣ на пополненіе недобора. Въ пунктѣ четвертомъ этой статьи признаны неподлежащими продажѣ „хлѣбъ и овощи“, необходимые для продовольствія семьи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ“. Остановимся только на этомъ пунктѣ, рпусивъ топливо также на три мѣсяца, безсрочное содержаніе одной коровы, сѣмена въ количествѣ необходимомъ для посѣва на надѣльной землѣ и необходимыя одежду, утварь, орудія и кое-какія мелочи. На основаніи 113 статьи, и примѣчанія къ ней, утвержденной, 4 декабря 1899 г., г. министромъ финансовъ по соглашенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, Инструкціи о примѣненіи Положенія 23 іюня 1899 г.,—уѣздный сѣздъ устанавливаетъ нормальное количество хлѣба и овощей, согласно 55-й ст. Положенія 23 іюня 1899 г., необходимыхъ для трехмѣсячнаго питанія. На основаніи же 114 статьи той же Инструкціи, губернское присутствіе, „сообразивъ предположенія уѣзднаго сѣзда съ заключеніемъ управляющаго казенной палатою и измѣнивъ, въ чемъ окажется нужнымъ, эти предположенія, „сообщаетъ утвержденныя губернскимъ присутствіемъ правила уѣздному сѣзду для исполненія, а копію съ своего постановленія представляетъ въ департаментъ „окладныхъ сборовъ“. Своевременно пензенское губернское присутствіе сообщило сѣздамъ тщательно выработанныя имъ нормы питанія, перечислять которыя врядъ-ли необходимо. Довольно, полагаю, сказать, что онѣ вполне достаточны для содержанія средней крестьянской семьи въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. На основаніи 10 пункта 973 статьи устава гражданскаго судопроизводства — не подвергается аресту ни въ какомъ случаѣ (а слѣдовательно и продажѣ) движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Статья эта, не ограничивающая никакимъ срокомъ установленныя изыятія, какъ неотмѣненная, вѣроятно сохранила свою силу только при частныхъ взысканіяхъ съ крестьянъ. Постараемся выяснитъ, какое вліяніе на крестьянство можетъ имѣть опредѣленіе Положеніемъ 23 іюня 1899 г. размѣра питательныхъ средствъ не для одного только хозяина двора, но и для всей его семьи на три мѣсяца.

Вѣроятно, взысканіе недобора окладныхъ сборовъ всего болѣе можетъ обостриться, когда этотъ недоборъ постепенно къ 1-му февраля дѣлается недоимкой, взыскиваемой уже съ цѣлаго общества, т.-е. въ концѣ января. Предположимъ, что строгой продажей движимости 31-го января, данной крестьянской семьѣ оставлено пропитаніе только на три мѣсяца. Отсутствие всякихъ питательныхъ средствъ скажется для такой семьи въ концѣ апрѣля или въ самомъ началѣ мая, во время или къ концу яровой пахоты, когда для безлошаднаго крестьянина

трудно найти поденную работу, чтобы ею прокормить себя и семью. Еще гораздо хуже, если срокъ прекращенія питанія окажется во время весенней распутицы, въ продолженіе которой положительно никакого заработка нѣтъ и найти нельзя. Въ сущности, 55-я статья не имѣетъ значенія для крестьянина-богатѣя, который, разумѣется, ей подвергаться не будетъ; также и вполне обнищавшій отъ нея не потерпитъ, такъ какъ у него ничего продано не будетъ по той простой причинѣ, что ничего продажнаго у него не окажется. Всего тяжелѣе 55-я статья отразится на среднемъ крестьянинѣ, состоятельность котораго далеко еще не окрѣпла, да и не могла еще окрѣпнуть; между тѣмъ это самая многочисленная и самая лучшая часть крестьянства, всего болѣе интересная въ государственномъ даже отношеніи. Средній крестьянинъ, несомнѣнно, не допустить, чтобы его посадили на трехмѣсячную порцію питанія; но легко можетъ быть, что онъ избавится отъ такой посадки только путемъ займа, а при настоящемъ, общемъ положеніи всего землевладѣнія, всякій заемъ, даже не ростовщическій, — дѣло въ высшей степени опасное. Это своего рода комочекъ снѣга, которому, пожалуй, придется покатиться по снѣжной наклонной плоскости, устраиваемой неожиданными, всегда возможными, неблагоприятными обстоятельствами.

Въ 1900 году мокшанскій уѣздъ уплатилъ всѣ слѣдующіе съ него окладные сборы. Мнѣ достоверно извѣстно, что 55-я статья Положенія 23 іюня 1899 года примѣнялась рѣдко и всегда въ мягкой, человѣчной формѣ. Несомнѣнно, крестьянство въ нашей мѣстности нѣсколько оправилось; это безусловно вѣрно. Тѣмъ не менѣе, примѣненіе въ этой же мѣстности Положенія 23 іюня 1899 г. въ 1901 году съ такимъ же блестящимъ результатомъ, какъ въ 1900 году, не можетъ не внушать серьезныхъ опасеній единственно потому, что винная монополія вводится въ пензенской губерніи съ 1-го іюля сего года. Прирожденный грѣхъ этой монополіи — громадная стоимость устройства. Говорятъ, пишутъ, — *пятьдесятъ-семь милліоновъ* уже затрачено. Такая цифра нисколько не удивляетъ, когда взглянешь на однѣ постройки, воздвигаемыя у насъ помимо всякихъ другихъ затратъ. Положимъ, можетъ быть, проценты и погашеніе громаднаго капитала первоначальнаго устройства не будутъ взыскиваться съ потребителей казенной водки; остается многочисленная армія чиновниковъ всякаго качества и ранга, потребныхъ для веденія обширнаго и вмѣстѣ дробнаго, мелочнаго, монопольнаго хозяйства; эти расходы — потребители должны будутъ оплатить сполна. Какъ слышно, водка вздорожаетъ около двухъ рублей на ведро въ 40°. Какая часть этихъ двухъ рублей составитъ чистый доходъ государственнаго казначейства, это — дѣло финансоваго вѣдомства; полностью же они выйдутъ изъ крестьянскаго

кармана и тѣмъ увеличатъ весьма скромный, скорѣе скудный крестьянскій расходный бюджетъ. Собственно пьянства въ деревнѣ земледѣльческаго района нѣтъ; профессиональные пьяницы, пропойцы, въ ней — явленіе рѣдкое; босыя команды, золотыя роты и прочія тому подобныя группы людей встрѣчаются только въ городахъ и въ крупныхъ селахъ съ нѣсколько развитой промышленной и торговой жизнью, и встрѣчаются тѣмъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ болѣе развита эта жизнь. Земледѣльческій крестьянинъ, однако, пьетъ и даже напивается до пьяна, но всегда въ случаяхъ, строго установленныхъ стародавнимъ обычаемъ. Большею частью водка покупается для угощенія факультативно постороннихъ лицъ, обязательно родственниками и ближайшихъ сосѣдей на свадьбахъ, поминкахъ и при взаимныхъ посѣщеніяхъ во время храмовыхъ праздниковъ. Собственно для себя крестьянинъ покупаетъ водку только въ пятницу и субботу масленицы, съ расчетомъ ею же опохмелиться въ воскресенье; но и тутъ это — обычай гулять предпоследніе два дня масленицы, въ послѣдній опохмелиться и просить другъ у друга прощенія, а въ понедѣльникъ первой недѣли поста вымыться въ банѣ. Я не говорю о распитіи могоарычей при покупкѣ или продажѣ преимущественно скотины на базарѣ, такъ какъ тутъ расходъ на водку входитъ въ цѣну продаваемого или покупаемого по соглашенію сторонъ и имѣетъ только косвенное вліяніе на крестьянскій бюджетъ. Несомнѣнно, при своей практичности крестьянинъ со временемъ сумѣетъ приладиться и къ казенной монополии; но въ началѣ ея дѣйствія вполнѣ основательно опасеніе, что улучшение быта средняго крестьянина опять задержится, опять отсрочится. Среднее крестьянство не есть сословіе, вступивши въ которое, въ немъ и остаются, несмотря ни на какія случайности. При настоящихъ общихъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ положеніе крестьянскаго двора, съ трудомъ сохранившаго или только-что приобрѣвшаго нѣкоторую самостоятельность, въ высшей степени шаткое. Малѣйшая неудача или даже только неуспѣшность выполненія хозяйственнаго плана легко можетъ сдѣлать дворъ безлошаднымъ, а хозяина его обратить въ новооткрытый типъ русскаго пролетарія-землевладельца. Имѣя въ виду, съ одной стороны, приверженность нашего крестьянина къ установленнымъ обычаямъ, а съ другой — вносимое казенной монополіею новое отягощеніе скуднаго крестьянскаго бюджета, опасеніе за средняго крестьянина является и естественнымъ, и понятнымъ. Оно еще болѣе усиливается тѣмъ, что въ пензенской губерніи монополія начнетъ дѣйствовать во время осенней наибольшей крестьянской дѣятельности, а также въ самый сезонъ храмовыхъ праздниковъ и свадьбъ. Крестьяне — тѣ же люди съ присущими имъ сла-

бостями, а людямъ трудно строго соразмѣрять свои расходы съ отдаленными потребностями, когда ближайшія требованія настоятельны, а въ карманѣ имѣются средства для полного ихъ удовлетворенія. Вѣроятно и даже очень вѣроятно, что мало кто обратитъ серьезное вниманіе на мои опасенія. Долженъ сознаться, что это вполне естественно. Всеобщій упадокъ благосостоянія русскаго сельскаго населенія, особенно въ центрѣ коренной Россіи, продолжается такъ долго, что говорить о такомъ всеміи признанномъ фактѣ считается излишнимъ. Крестьянское недоѣданіе, неоднократно подтвержденное статистическими данными, признается чуть не естественнымъ, даже обязательнымъ явленіемъ. Настоящіе голодовки нашего еще недавно благодатнаго юга не возбуждаютъ прежняго горячаго общественнаго участія. Люди бѣдствуютъ, а вниманіе къ нимъ людей не бѣдствующихъ, очевидно, притупилось. Даже хуже, чѣмъ притупилось—оно отвлеклось обсужденіемъ и изученіемъ всякой техники и распределеніемъ ея;—а люди голодаютъ. Вполнѣ понятно, что эти люди, пройдя такую долготѣнную тяжелую школу, утратили способность думать о завтрашнемъ днѣ, а живутъ только настоящимъ. Между тѣмъ, сельское населеніе—самое многочисленное въ Россіи: оно составляетъ не менѣе *деяти-десятихъ* всего населенія російской имперіи, и что бы о немъ ни говорили, какъ бы на него ни смотрѣли,—оно, по одной своей многочисленности, составляетъ основаніе всего государства.

Нашъ государственный бюджетъ построенъ преимущественно на косвенныхъ налогахъ; прямые составляютъ меньшую его часть, можно даже сказать, незначительную сравнительно его часть. Нѣкоторая доля косвенныхъ налоговъ имѣетъ, помимо фискальной, еще одну цѣль: обезпеченіемъ высокой доходности обрабатывающей промышленности упрочить ея возникновеніе и положеніе. На русскомъ сельскомъ населеніи, какъ на самомъ многочисленномъ въ государствѣ, такъ сказать, механически отражается характеръ бюджета. Косвенные налоги уплачиваются незамѣтно, постоянно и тѣмъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ болѣе предметовъ общаго употребленія обложено ими;—взысканіе же прямыхъ налоговъ вполне видимо и ощутительно.—Со второй половины восьмидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія начался перевѣсъ доходовъ надъ расходами въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, и, несмотря на достиженіе имъ небывалыхъ, громадныхъ размѣровъ, не встрѣчаемыхъ ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, онъ все продолжаетъ расти. Замѣчательно, что увеличившіяся недоимки окладныхъ сборовъ нисколько не препятствуютъ этому

росту. Чѣмъ быстрѣе и больше идетъ средствъ у главныхъ плательщиковъ для уплаты косвеннаго обложенія, тѣмъ менѣе у нихъ остается для прямого. Вполнѣ естественно опасаться увеличенія косвеннаго обложенія такого предмета, который,—худо ли, хорошо ли, это другой вопросъ,—общаго, издавна народнаго употребленія. Съ 1-го іюля сего года, пензенская губернія вступить въ вѣдѣніе казенной винной монополіи, и дренажъ денегъ изъ нея значительно увеличится. Деревня не родитъ денегъ, и каждая ея копѣйка, поступающая отъ нея прямо ли въ государственное казначейство, или на содержаніе его органовъ, или на обезпеченіе высокой доходности отечественной промышленности, представляетъ собою или плату за нелегкій земледѣльческій трудъ, или продажу произведеній сего труда. Могутъ ли, при настоящемъ экономическомъ положеніи русскаго землевладѣнія, возвратиться въ деревню вышедшія изъ нея трудовыя ея копѣйки въ достаточномъ для образованія сбереженій количествѣ? Разумѣется, нѣтъ. И въ этотъ разъ, какъ много разъ прежде, начавшіяся сбереженія исчезнутъ. Я безвыѣздно живу въ деревнѣ съ зимы 1880—1881 г.; начавъ мою мѣстную службу предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей, чѣмъ и былъ до упраздненія мировыхъ учрежденій,—вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ уже семнадцатый годъ состою уѣзднымъ предводителемъ и все время веду довольно обширное хозяйство. Могу и имѣю право сказать, что нахожусь постоянно въ разнообразномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ и его жизнью. Засталъ я его сытымъ и довольнымъ, а въ послѣднія пятнадцать лѣтъ вижу только неуспѣшныя его попытки поправиться. Вѣроятно и въ 1901 году увижу то же самое. Глубоко сожалью, что мои слова, мое мнѣніе лишены авторитета; а все-же скажу: сбереженія, возможность для сельскаго населенія ихъ производить—это единственно вѣрное и прочное обезпеченіе этого населенія отъ всякихъ недородовъ, неурожаевъ и прочихъ случайностей, болѣе или менѣе убыточныхъ. Въ западной Европѣ уже болѣе столѣтія продовольствіе сельскаго населенія перестало быть предметомъ правительственныхъ заботъ; а еще въ XVIII столѣтіи тамъ, какъ у насъ теперь, существовали болѣе или менѣе подходящія учрежденія и принимались болѣе или менѣе удачныя мѣры для борьбы съ періодическими голодовками. Недороды и теперь бываютъ въ западной Европѣ, но съ ними тамошнее сельское населеніе справляется вполнѣ успѣшно, благодаря своему благосостоянію и сбереженіямъ, не нуждаясь въ посторонней помощи. У насъ забота о продовольствіи крестьянства лежала на обязанности земства; но съ тѣхъ поръ какъ оно, по волѣ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра III, было отдано дворянству, дѣятельность земства постоянно сокращалась и стѣсня-

лась. Недавно Временными Правилами по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей дворянство, въ своей земской дѣятельности, было устранено отъ заботъ о крестьянствѣ. Дворянство съ 1785 г., по волѣ Великой Екатерины, имѣло въ своихъ рукахъ все мѣстное самоуправленіе, которое оно, естественно, вело согласно существующему тогда общему уровню культурности; послѣ великихъ реформъ Александра II оно же въ земствѣ явило плодотворныя заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія, заботы прежде не предпринимавшіяся. Все это было;—теперь же дворянство оказывается бесполезнымъ. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, и я, какъ дворянинъ, а еще болѣе какъ предводитель, поступилъ бы нескромно, пожалуй—неделикатно еслибы, вздумалъ защищать дворянство. Я и не буду его защищать; ограничусь только одной исторической справкой. Заботы земства о продовольствіи сельскаго населенія входили въ общую его дѣятельность, и спеціальнаго для того расхода, взыскиваемого съ самого населенія, никогда не требовалось. Въ зиму 1891—1892 г., пензенское губернское земство приняло на земскій счетъ всѣ расходы земскихъ чиновниковъ по разъѣздамъ для закупки и распредѣленія продовольственныхъ запасовъ, а также по отчетности всей продовольственной операціи. Въ ст. V „Правилъ“ 12 іюня 1900 г. по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей опредѣляется авансомъ изъ казначейства 277.200 рублей въ годъ, изъ коихъ 115.000 р.—на содержаніе новыхъ непремѣнныхъ членовъ для заведыванія при губернскихъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ дѣлопроизводствомъ по продовольственной части; остальное—на усиленіе канцелярскихъ средствъ. Деньги эти возмѣщаются казнѣ изъ подлежащихъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ. Деньги 277.200 р. для всей Россіи не большія, но все-же онѣ пойдутъ все изъ того же крестьянскаго кармана, такъ какъ пополненіе губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ иначе произойти не можетъ.

Я нѣсколько уклонился отъ примѣненія Положенія 23 іюня 1899 г., но это уклоненіе выясняетъ, что само правительство не считаетъ сельское населеніе, при настоящемъ его экономическомъ положеніи, способнымъ, безъ его спеціальной помощи, обезпечить свои продовольственныя потребности. Такое мнѣніе высшаго правительства нисколько не исключаетъ желательности накопленія сбереженій въ сельскомъ населеніи. Если же это желательно, то въ семь 1901 г. было бы необходимо для пензенской губерніи нѣсколько снисходительное примѣненіе Положенія 23 іюня 1899 г. Я этимъ нисколько не хочу сказать, что этимъ Положеніемъ увеличиваются тягости, гне-

туція крестьянство. По самому существу новаго закона такое толкованіе положительно невозможно. Въ Положеніи 23 іюня 1899 г. не установлено никакихъ новыхъ окладныхъ сборовъ, а только разработана техника ихъ взысканія.—Разработка подробная и крайне внимательная. Достаточно указать, что въ Положеніи сто статей, а въ Инструкціи 4 декабря 1899 г. двѣсти-одна, не считая примѣчаній въ обоихъ и формъ вѣдомостей, и отчетности, приложенныхъ къ послѣдней...

Кн. Дм. Друцкой-Сokolьнинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1901.

Окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Пекинѣ и политическая роль Вильгельма II.—Итоги совмѣстной экспедиціи державъ противъ Китая.—Способы дѣйствій культурныхъ націй.—Министерскій кризисъ въ Пруссіи.—Заявленія графа Голуховскаго и сербскія дѣла.

Переговоры съ Китаемъ за послѣдніе мѣсяцы вращались около вопросовъ, представляющихъ очень мало общаго интереса: дѣло шло о суммѣ денежнаго вознагражденія въ пользу союзныхъ державъ и о способахъ обезпеченія ея уплаты. Китайское правительство, въ сущности, обнаружило замѣчательную покорность судьбѣ; оно не дѣлало серьезныхъ попытокъ воспользоваться затрудненіями и несогласіями противниковъ, чтобы добиться менѣе тяжелыхъ условій мира; оно подчинилось предъявленнымъ требованіямъ относительно казней и не спорило вообще противъ дѣйствій и рѣшеній побѣдителей; оно только просило снисхожденія. Представители державъ въ Пекинѣ опредѣлили размѣръ военной контрибуціи, подлежащей уплатѣ со стороны Китая, въ суммѣ 450 милліоновъ таалей, или 65 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; китайскіе уполномоченные не настаивали на уменьшеніи этой колоссальной для нихъ цифры, далеко превышающей финансовыя средства имперіи, но ходатайствовали по крайней мѣрѣ о разсрочкѣ долга на извѣстное количество лѣтъ, противъ чего съ наибольшою рѣшительностью возражали англичане. Пререканія вызывались также вопросами о томъ, долженъ ли Китай для погашенія этой суммы заключить заемъ подъ совмѣстною гарантіею державъ или безъ такой гарантіи, и какими источниками государственныхъ доходовъ будетъ обезпечено исправное поступленіе взносовъ по этому обязательству. Наконецъ, китайцы согласились на все, и 16 (29) мая былъ переданъ иностраннымъ посланникамъ указъ богдыхана, заключающій въ себѣ „торжественное обѣщаніе уплаты державамъ 450 милліоновъ таалей съ процентами“. Вслѣдъ за тѣмъ германскій императоръ обнародовалъ распоряженіе, которымъ совмѣстная экспедиція державъ противъ Китая признается оконченною; управленіе главнокомандующаго восточно-азиатскою арміею упраздняется, и принадлежащія къ этому управленію лица, съ фельдмаршаломъ Вальдерзе во главѣ, возвращаются на родину. Вильгельмъ II сыгралъ въ этомъ случаѣ роль верховнаго руководителя союзныхъ войскъ, которыми командовалъ его фельдмар-

шалъ; онъ распорядился какъ бы отъ имени всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ коллективномъ военно-дипломатическомъ предпріятіи на дальнемъ Востоѣ, и этимъ онъ ясно далъ понять, что особое положеніе, созданное для графа Вальдерзе въ Китаѣ, доставляло нѣчто въ родѣ главенства самой Германіи и ея императору. Такое указаніе, сдѣланное одновременно съ прекращеніемъ полномочій Вальдерзе, не можетъ уже имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій; но оно весьма краснорѣчиво и характерно заканчиваетъ собою острый международный фазисъ китайскаго кризиса. Энергическое воинственное участіе Германіи въ этомъ кризисѣ казалось какъ будто безцѣльнымъ; въ дѣйствительности оно наглядно выразило неудержимое стремленіе ея къ той руководящей „міровой политикѣ“, глашатаемъ которой является Вильгельмъ II.

Какъ бы то ни было, внѣшній миръ считается официально восстановленнымъ въ Китаѣ, и значительная часть иностранныхъ войскъ должна въ скоромъ времени очистить китайскую территорію. Военныя силы передовыхъ культурныхъ націй оставить послѣ себя печальные слѣды разрушенія; обширныя, недавно еще богатые и густо населенныя мѣстности превращены въ пустыню; шайки голодныхъ хищниковъ и грабителей бродятъ по полямъ, гдѣ прежде мирно работали поселяне. Военные подвиги европейцевъ, по словамъ такого компетентнаго свидѣтеля, какъ сэръ Робертъ Гартъ, ничѣмъ не отличались отъ разбойничьихъ набѣговъ дикарей. Китайцы, чуждые боксерскому движенію, „смотрѣли на иностранныя войска, какъ на банды хищниковъ, которые убиваютъ, жгутъ, грабятъ и продаютъ награбленное, и со временемъ, по волѣ Провидѣнія, исчезнутъ, подобно другимъ разбойникамъ, нападавшимъ иногда на страну“. Въ домахъ Пекина и Тянь-Цзиня, занятыхъ и потомъ покинутыхъ европейскими солдатами, — какъ сообщали англійскіе корреспонденты, — можно было видѣть груды убитыхъ тѣлъ, не только мужчинъ, но и женщинъ и дѣтей, и даже домашнихъ животныхъ; женщины и дѣвушки всякаго возраста сначала подвергались насиліямъ, а затѣмъ закалывались; многіе умирали, побывавъ въ рукахъ „побѣдителей“, и для избѣжанія такой же позорной участи китаянки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣшали или бросались въ воду при приближеніи иностранныхъ войскъ. Самоубійства женщинъ распространялись настолько, что военныя начальства считали нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ противодѣйствія; утопавшихъ женщинъ вытаскивали изъ воды, но онѣ бросались вторично. Гуманныя усилія отдѣльныхъ начальствующихъ лицъ не могли оказать замѣтнаго вліянія на общее поведеніе войскъ; а это поведеніе было возмутительно и гнусно, если вѣрить безпристрастнымъ очевидцамъ и участникамъ. Напечатанныя въ разное время въ нѣмецкихъ газетахъ письма

германскихъ солдатъ и матросовъ справедливо названы были „письмами гунновъ“; въ нихъ съ наивною откровенностью разсказываются самые невѣроятные ужасы, и притомъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ необязательности нашихъ обычныхъ понятій о морали въ примѣненіи къ китайцамъ. „Мы не беремъ людей въ плѣнъ“, — эта зловѣщая фраза повторяется въ десяткахъ солдатскихъ сообщеній. Жизнь безоружныхъ туземцевъ находилась въ безконтрольномъ распоряженіи иностранныхъ войскъ; всякій воленъ былъ — по крайней мѣрѣ фактически — убивать и грабить кого угодно. Многолюдныя села и деревни сожигались, и населеніе ихъ истреблялось, подъ тѣмъ официальнымъ предлогомъ, что въ нихъ могутъ найти убѣжище или поддержку отряды боксеровъ. Частное имущество туземцевъ захватывалось и распредѣлялось въ видѣ законной добычи, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, вопреки общепринятымъ правиламъ и обычаямъ регулярной войны. Солдаты и офицеры продавали своимъ начальникамъ или товарищамъ взятые вещи и драгоценности, иногда рѣдкіе предметы искусства, за ничтожныя наличныя деньги; въ Пекинѣ эти сдѣлки занимали и волновали всѣхъ послѣ занятія города. Британская военная администрація запретила такія вольныя продажи и установила для нихъ извѣстный законный порядокъ; вещи собирались въ помѣщенія посольства и продавались съ аукціона. Какъ писалъ одинъ англійскій корреспондентъ, продажа добычи съ публичнаго торга происходила ежедневно, кромѣ воскресенья, подъ колоннадою британскаго посольства, причемъ должность аукціониста исполнялъ констэблъ посольства; въ числѣ присутствовавшей и участвовавшей въ торгахъ публики находились обыкновенно посланникъ сэръ Макдональдъ, генералъ Гзели, генералъ Барроу, офицеры всякаго ранга, гражданскіе чины, солдаты и купцы. „Такимъ образомъ, распредѣленіе добычи было приведено въ систему, и надо сказать, что эта китайская экспедиція была крупнѣйшимъ грабительскимъ предпріятіемъ со временъ Пизарро“.

Нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ точности этихъ сообщеній англичанъ о дѣйствіяхъ ихъ соотечественниковъ и прочихъ иностранцевъ въ Китаѣ. Англичане часто поступаютъ несправедливо или безчеловѣчно; но они имѣютъ то огромное преимущество предъ другими народами, что не скрываютъ своихъ недостатковъ, не мѣшаютъ оглашенію несправедливыхъ истинъ и сами разоблачаютъ и бичуютъ злоупотребленія, въ которыхъ повинны ихъ правительственные и частные дѣятели. Приведенные выше факты и отзывы подробно изложены въ статьѣ м-ра Оберона Герберта, помѣщенной еще въ апрѣлѣ въ лондонскомъ „Times“ съ указаніями на англійскіе же источники. Газета „Times“, славится своимъ британскимъ патріотизмомъ, и тѣмъ не менѣе она не затруднилась удѣлить нѣсколько столб-

цовъ текста свѣдѣніямъ и замѣчаніямъ, крайне грустнымъ между прочимъ и для Англіи. Правда, авторъ статьи отчасти выгораживаетъ англичанъ и приписываетъ наибольшія звѣрства другимъ національностямъ; очень можетъ быть, что его утвержденія справедливы,—но мы съ своей стороны должны предполагать, что русскіе военные отряды были непричастны къ тѣмъ систематическимъ жестокостямъ, о которыхъ говорится въ статьѣ „Times“, ибо источникъ этихъ жестокостей—высокомѣрное отношеніе къ народамъ иной расы—остается намъ чуждымъ. Относиться къ инородцамъ, какъ къ людямъ низшаго типа, несвойственно русскому человѣку; у насъ многіе даже чувствуютъ какъ будто гораздо большую близость къ азіатамъ, чѣмъ къ европейцамъ, и эта странная черта, составляющая еще наслѣдіе монгольскаго ига, возведена у насъ даже въ цѣлую политическую доктрину, которая вѣроятно имѣетъ въ себѣ нѣчто привлекательное для известной части русскаго общества. Не надо, впрочемъ, забывать, что самыя условія войны съ такимъ народомъ, какъ китайцы, создавали почву для проявленія звѣрскихъ инстинктовъ, ибо избіеніе плѣнныхъ, даже не принадлежащихъ къ составу арміи, напр. инженеровъ и другихъ должностныхъ лицъ или мирныхъ обывателей непріятельской страны, практиковалось китайцами въ видѣ общаго правила, съ присоединеніемъ еще мучительныхъ пытокъ и истязаній, которыя особенно озлобляли европейцевъ и вызывали въ нихъ жажду возмездія. Авторъ статьи въ „Times“ приходитъ къ заключенію, что „никогда еще на нашей памяти Европа не имѣла столько основаній стыдиться самой себя“, какъ въ настоящее время, по поводу событій въ Китаѣ,—и противъ этого вывода ничего возразить нельзя. Увлеченія и злоупотребленія войскъ могутъ еще быть объяснены, если не оправданы;—но чѣмъ объяснить хаотическую безпринципность всей этой китайской кампаніи, отсутствіе всякаго сознательнаго плана и смысла въ принимавшихся мѣрахъ, жалкіе споры и взаимныя обвиненія союзниковъ, ничтожество идей и побужденій, выставляемыхъ на первый планъ дипломатіею?

Китайскій вопросъ въ его дѣйствительномъ значеніи и объемѣ совершенно не затронутъ и даже не поставленъ державами, а близорукая политика, поглощенная исканіемъ временныхъ матеріальныхъ выгодъ и мелочными расчетами національнаго самолюбія и соперничества, вносить въ Китай новые элементы злобной борьбы, не обещающей ничего хорошаго въ будущемъ. Состоявшееся мирное соглашеніе въ Пекинѣ, вмѣсто того чтобы способствовать умиротворенію китайской имперіи, обрекаетъ ее на постоянныя замѣшательства и смуты, благодаря финансовой и политической опеке враждебныхъ между собою державъ; весь Китай дѣлается какъ бы поприщемъ чуж-

дыхъ ему международныхъ комбинацій и интересовъ, способныхъ лишь усилить существующія причины волненій и придать имъ болѣе общій и устойчивый характеръ. Своими военными расправами и насиліями европейцы не могли доказать Китаю, что не слѣдуетъ изгонять и убивать иностранцевъ; они также не показали китайцамъ превосходства своей христіанской культуры. Положеніе остается прежнимъ; оно только обострилось, и эта острота грозитъ изъ временной превратиться въ хроническую.

Министерскіе кризисы въ Пруссіи и Германіи имѣютъ совершенно особый характеръ: они не зависятъ ни отъ парламентскихъ рѣшеній, ни отъ преобладающихъ въ данное время политическихъ партій, а происходятъ исключительно по инициативѣ короля-императора, причемъ завершаются обыкновенно при непосредственномъ участіи начальника его „гражданскаго кабинета“. Этимъ начальникомъ состоитъ уже довольно давно г. фонъ-Лукаусъ, и имя его успѣло получить какъ бы символическое значеніе при всякихъ толкахъ о перемѣнѣ или отставкѣ министровъ. „Визитъ фонъ-Лукауса“ или „вѣсть отъ Лукауса“ означаетъ конецъ министерской карьеры, и въ этомъ смыслѣ постоянно употребляются эти выраженія въ нѣмецкихъ газетахъ. Личность г. фонъ-Лукауса сдѣлалась одною изъ популярныхъ фигуръ въ сатирическихъ листкахъ, давая матеріалъ для изображеній, намекающихъ на судьбу того или другого министра. Однако послѣдній министерскій кризисъ въ Пруссіи обошелся безъ участія фонъ-Лукауса,—вѣроятно потому, что на этотъ разъ воли Вильгельма II совпадала съ желаніемъ прусскаго министра-президента, имперскаго канцлера графа Булова, который и принялъ на себя роль исполнителя.

Честолюбивый и хитроумный фонъ-Микель, какъ вице-президентъ прусскаго министерства и министръ финансовъ, занималъ видное мѣсто въ политической жизни страны въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и несмотря на многія безспорныя его заслуги, отставка его ни въ комъ не вызвала сожалѣній. Микель принадлежалъ къ разряду тѣхъ государственныхъ людей, которые первую и главнѣйшую задачу своей политики считаютъ сохраненіе занимаемаго ими офиціального поста; говорятъ, что онъ мечталъ еще о большемъ—о канцлерствѣ, и у него были нѣкоторыя основанія надѣяться на осуществленіе этой мечты. Онъ неизмѣнно старался, съ одной стороны, угодить королю, а съ другой—пріобрѣсть расположеніе вліятельныхъ аристократическихъ сферъ, имѣющихъ наибольшее вѣса и связей при дворѣ; ради этого онъ жертвовалъ своими личными взглядами и убѣжденіями, отрекался отъ своего демократическаго прошлаго, заботливо и искусно лавировалъ между господствующими теченіями, терпѣлъ нападки и

насмѣшки оппозиціонной печати и упрочилъ за собою незавидную репутацію угодливой лисицы, на которую ни въ чемъ нельзя положиться. Что же вышло въ результатъ? Прежде всего къ нему потеряли уваженіе именно тѣ, благосклонность которыхъ онъ наиболѣе дорожилъ; а утрата общественнаго довѣрія, которому онъ придавалъ мало значенія, лишила его самостоятельной почвы и подорвала его внутреннюю цѣнность въ глазахъ властвующихъ лицъ. Искусство лавирования, доведенное имъ до тонкости, замѣняло для него силу убѣжденій и такъ называемую „государственную мудрость“; но, очевидно, для полнаго своего проявленія и торжества оно требуетъ такихъ условій, которыхъ теперь не существуетъ въ Пруссіи. Задолго до официальнаго паденія, Микель былъ уже единодушно осужденъ и отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ; газеты неустанно разоблачали его лукавыя политическія комбинаціи, двусмысленныя заявленія, намѣренныя недомолвки и противорѣчія, нисколько не стѣсняясь его положеніемъ министра, и эта безпощадная публичная критика преслѣдовала его по пятамъ, заранѣе подготавливая неизбежное удаленіе его съ политической сцены. И вліятельныя сферы должны были въ концѣ концовъ убѣдиться въ справедливости суровой общественной оцѣнки, выпавшей на долю Микеля. Между тѣмъ Микель—человѣкъ талантливый и умный; онъ выдвинулся дѣловитостью и гибкостью своего ораторскаго дарованія въ парламентѣ, былъ весьма замѣтнымъ дѣятелемъ національ-либеральной партіи при князѣ Бисмаркѣ, показавъ себя дѣльнымъ и предприимчивымъ администраторомъ, въ качествѣ оберъ-бургомистра во Франкфуртѣ, и послѣ отставки „железнаго канцлера“ сумѣлъ произвести на Вильгельма II такое впечатлѣніе, что сдѣлался для него „своимъ человѣкомъ“, довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ. Назначенный въ 1891 г. министромъ, онъ во многомъ усовершенствовалъ технику финансоваго управленія, провелъ нѣкоторыя существенныя реформы въ податной системѣ и строго соблюдалъ тѣ принципы расчетливой бережливости, благодаря которымъ прусское финансовое хозяйство издавна считается образцовымъ. Въ парламентѣ онъ постепенно отдѣлился отъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ и рассчитывалъ, по примѣру Бисмарка, вступать въ соглашеніе поочередно съ разными политическими группами, смотря по обстоятельствамъ; въ дѣйствительности онъ оказывалъ скрытую или явную поддержку интересамъ тѣхъ партій, которыя могли служить опорой для него лично, и мало-по-малу онъ очутился въ роли союзника землевладѣльческой аристократіи. Къ удивленію либеральной буржуазіи, Микель сталъ защищать проекты аграріевъ относительно таможенной охраны сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и могущественное понынѣ прусское юнкерство было всецѣло на его сто-

ройѣ. Онѣ запутался, однако, въ сѣтяхъ своей парламентской тактики, когда между королемъ Вильгельмомъ II и вѣрными ему консерваторами-землевладельцами произошелъ разладъ изъ-за проекта устройства каналовъ въ западной Пруссіи. Король придавалъ большое значеніе этому проекту и особенно интересовался каналомъ, имѣющимъ соединить Эльбу съ Рейномъ; онѣ неоднократно выражалъ въ этомъ смыслѣ свою непремѣнную волю и сдѣлалъ вопросъ о предполагаемыхъ каналахъ какъ бы своимъ личнымъ дѣломъ. Вѣрное ему юнкерство находило, однако, что каналы нужны исключительно для развитія крупной промышленности въ западно-прусскомъ при-эльбскомъ районѣ, и что консервативное большинство прусскаго сейма не должно допускать затраты крупныхъ государственныхъ средствъ на подобныя цѣли, пока правительство не сдѣлаетъ соответственныхъ уступокъ въ пользу интересовъ сельскаго хозяйства, т.-е. землевладѣнія.

Два года тому назадъ, законопроектъ о каналахъ, внесенный въ прусскую палату депутатовъ, былъ рѣшительно отвергнутъ консервативнымъ большинствомъ, вопреки категорически заявленному желанію короля. Тогда уже замѣчено было, что Микель, въ качествѣ министра финансовъ, отстаивалъ проектъ съ разными оговорками и намеками, изъ которыхъ можно было заключить о готовности его придумать надлежащія „компенсаци“ для аграріевъ. Сооруженіе каналовъ было отложено, но осталось однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ правительственной программы. Микель лавировалъ, стараясь съ одной стороны увѣрить Вильгельма II, что онѣ сдѣлаетъ все возможное для проведенія проекта, а съ другой—поддерживая въ аграріяхъ надежду на уступки, или на отсрочку проекта до рѣшенія вопроса о таможенныхъ пошлинахъ. Внесенный вторично въ прусскій сеймъ, законопроектъ встрѣтилъ ту же непримиримую оппозицію; консерваторы-аграріи прибѣгли на этотъ разъ къ менѣе крутымъ приемамъ,—какъ говорятъ, по совѣту Микеля,—и стали затягивать обсужденіе въ специальной коммисіи безъ конца, съ явнымъ намѣреніемъ не доводить дѣла до голосованія въ палатѣ. Настойчиво охраняя свои матеріальные интересы, землевладельческое юнкерство въ то же время не желало навлечь на себя прямое неудовольствіе короля. Микель по необходимости защищалъ проектъ, но входилъ въ обстоятельное разсмотрѣніе разныхъ компромиссовъ, предлагаемыхъ аграріями, и допускалъ возможность отысканія почвы для соглашенія, хотя всѣ видѣли ясно, что нечего и думать о соглашеніи. Совѣщанія парламентской коммисіи были по существу безплодны, а между тѣмъ они продолжались въ прежнемъ духѣ, при участіи Микеля. Убѣдившись окончательно въ нежеланіи консерваторовъ придти къ какому-нибудь опредѣленному результату, правительство рѣшило закрыть сессію, и Ми-

вель считалъ, что, не будучи отвѣтственнымъ за поведеніе оппозиціоннаго большинства, онъ сьумѣетъ и впредь совмѣстить довѣріе короны съ дружескимъ расположеніемъ аграріевъ. Оказалось, что онъ ошибся. Консервативныя газеты были недовольны его возраженіями и стали рѣзко нападать на него, а Вильгельмъ II раздражался двусмысленною тактикою министра при кажущейся защитѣ правительственнаго проекта. Объявленіе о закрытіи сейма въ виду безцѣльности дальнѣйшихъ пререканій изъ-за вопроса о каналахъ было вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ неудовольствія по адресу Микеля, участвовавшего въ подобныхъ преніяхъ. Слова, сказанныя по этому поводу графомъ Буловомъ въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ прусскаго сейма, 3-го мая, были довольно ясны; но Микель не понялъ или не принялъ намека на свой счетъ, все еще надѣясь современемъ выйти изъ затрудненія безъ ущерба для своихъ аристократическихъ друзей. Только на слѣдующій день, получивъ соотвѣтственное поясненіе со стороны Булова, Микель подалъ просьбу объ отставкѣ, которая и была немедленно принята, о чемъ возвѣстили газеты 6-го мая. Вмѣстѣ съ нимъ уволены два его товарища по кабинету, министръ земледѣлія, баронъ Гаммерштейнъ-Локстень, и министръ торговли Брефельдъ.

Между прочимъ, извѣстіе о паденіи Микеля вызвало радостныя манифестаціи на берлинской биржѣ, хотя Микель былъ когда-то промышленнымъ дѣятелемъ и директоромъ банка въ Берлинѣ: до того стало ненавистно его имя въ нѣмецкихъ промышленныхъ кругахъ со времени сближенія его съ другими сферами, которыя съ своей стороны смотрѣли на него какъ на выскочку, какъ на сановника изъ „мѣщанъ“! Судьба Микеля поучительна во многихъ отношеніяхъ; она показываетъ, что оппортунизмъ дурного свойства вырастаетъ не только при парламентской системѣ управленія, но и подъ вліяніемъ причинъ и условій, исключающихъ зависимость министровъ отъ парламента. Двуличныя политическіе дѣятели, честолюбивые карьеристы и оппортунисты могутъ процвѣтать при всякой правительственной системѣ; точно также частая смѣна министровъ или неудачный выборъ ихъ не составляетъ специальной принадлежности парламентаризма или какого-нибудь другого политическаго режима. Пруссійскій король назначилъ теперь новыхъ министровъ, на мѣсто уволенныхъ, и самыя благонамѣренныя нѣмецкія газеты не въ состояніи удовлетворительно объяснить, почему, напримѣръ, имперскій министръ почтъ, фонъ-Подбѣльскій, сдѣланъ прусскимъ министромъ земледѣлія, а президентъ округа города Метца, фонъ-Гаммерштейнъ, сразу повышенъ съ своего сравнительно скромнаго провинціальнаго поста до высокаго званія и положенія министра внутреннихъ дѣлъ. Если эти лица обладаютъ талантами, которые до сихъ поръ были неизвѣстны публикѣ,

то они получают возможность обнаружить ихъ, и такимъ образомъ оправдываютъ сдѣланный выборъ; если же они окажутся несостоятельными въ своихъ новыхъ должностяхъ, то не удержатся долго и не успѣютъ причинить никакого ущерба интересамъ государства. Не всякому удастся быть Микелемъ.

Австрійскіе министры, какъ и прусскіе, назначаются и смѣщаются короною помимо рѣшенія парламентовъ. Парламентскія и національныя партіи въ Австріи не мѣшаютъ министрамъ оставаться у власти, хотя иногда и причиняютъ имъ много безпокойствъ и тревоженій. Но борьба національностей происходитъ въ той или другой формѣ повсюду, гдѣ существуютъ рядомъ неравноправныя и враждующія между собою народности. При нѣкоторой ловкости, присущей какъ бы по традиціи высшимъ представителямъ австрійской бюрократіи, министры часто достигаютъ не только мирнаго, но и дружественнаго соглашенія съ самыми неуживчивыми парламентами; такой „modus vivendi“ установился, напримѣръ, при нынѣшнемъ министръ-президентѣ фонъ-Керберѣ. Особенно удобнымъ и спокойнымъ является положеніе общихъ министровъ для обѣихъ половинъ имперіи—и прежде всего министра иностранныхъ дѣлъ. Министру приходится только разъ въ годъ выступать передъ общественнымъ мнѣніемъ страны и даже всей Европы, т.-е. произносить рѣчь о внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, и притомъ не въ настоящемъ парламентѣ, а въ болѣе тѣсномъ кругѣ представителей, въ такъ-называемыхъ делегаціяхъ отъ парламентовъ австрійскаго и венгерскаго, или вѣрнѣе въ какой-нибудь делегаціонной комиссіи. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ не выдаваться никакими заслугами и не имѣть никакихъ успѣховъ въ теченіе цѣлаго года; зато онъ сразу становится великимъ человѣкомъ, героемъ дня, центральной фигурой европейской политики, въ тотъ моментъ, когда онъ произноситъ свою обычную рѣчь передъ маленькимъ подобіемъ парламента въ Вѣнѣ или Пештѣ: текстъ его рѣчи сообщается по телеграфу во всѣ концы міра, и всѣ политическія газеты обоехъ полушарій высказываютъ свои соображенія объ идеяхъ и намѣреніяхъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мыслимо ли было бы что-нибудь въ этомъ родѣ, еслибы не существовало для австрійской дипломатіи хоть маленькаго парламентскаго подобія, именуемаго делегаціями? Европейская публика могла бы даже забыть имя министра, заправляющаго внѣшнею политикою Австро-Венгріи, ибо никакія крупныя событія за данный годъ не связаны съ этимъ именемъ.

Графъ Голуховскій, подобно своимъ предшественникамъ, вполне сознаетъ величіе того торжественнаго дня, когда весь міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ словомъ его рѣчи, и оттого

обстоятельная рѣчь, сказанная имъ 22 мая въ комиссіи венгерской делегаціи въ Вѣнѣ, проникнута тѣмъ же духомъ твердаго, увѣреннаго въ себѣ могущества, какъ и рѣчи прежнихъ австрійскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Голуховскій поочередно одобряетъ или осуждаетъ разныя чужія государства, смотря по ихъ заслугамъ, говоритъ весьма дипломатично о Россіи, допускаетъ нѣкоторую пользу соглашенія ея съ Австріею, отъ 1897 года, относительно балканскихъ дѣлъ, но дѣлаетъ грозный намекъ на недостаточность русскаго миролюбія для обезпеченія прочнаго мира на Балканахъ, указываетъ на возможные въ будущемъ опасности и наконецъ успокаиваетъ миръ увѣреніемъ, что Австрія бодрствуетъ и съумѣетъ устроить европейскія и особенно балканскія дѣла, ко всеобщему удовольствію австрійскихъ народовъ и ихъ искреннихъ друзей. Графъ Голуховскій крайне недоволенъ „безумною агитаціей“ людей, возстающихъ противъ отеческаго управленія турецкихъ пашей въ Македоніи; онъ возлагаетъ отвѣтственность за это безуміе на Болгарію, но въ то же время, съ свойственною ему проницательностью, замѣчаетъ, что турецкіе порядки въ названной провинціи „оставляютъ еще чего-то желать“, такъ какъ принятые турками репрессивныя мѣры не въ состояніи сами по себѣ удовлетворить населеніе. Въ будущей своей рѣчи, ровно черезъ годъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ вѣроятно пояснитъ, чего именно остается желать подданнымъ турецкаго султана въ Македоніи для полнаго своего благополучія.

Въ широковѣщательной рѣчи австрійскаго министра обращаетъ на себя вниманіе мѣсто, касающееся Сербіи. Пожелавъ успѣха бѣлградскому правительству въ его попыткахъ „оздоровленія государственной жизни и упроченія политическаго положенія“ при помощи новой конституціи, графъ Голуховскій выражаетъ надежду, что „Сербія будетъ въ то же время старательно избѣгать всякихъ поводовъ къ охлажденію доброжелательныхъ чувствъ австрійской монархіи къ сосѣдней сербской странѣ“. Сербія, конечно,—маленькое государство, и она должна стараться заслужить благорасположеніе могущественныхъ сосѣдей; но она все-таки—государство независимое, и въ подобныхъ случаяхъ принято изъ вѣжливости говорить о взаимныхъ хорошихъ отношеніяхъ, а не только объ обязанности маленькой державы искать благосклонности сосѣдней имперіи. Предполагать и публично подчеркивать такую обязанность можно было бы только при существованіи вассальныхъ отношеній, а сербское королевство формально вовсе не находится въ положеніи вассала Австро-Венгріи. Сербія, какъ и Болгарія, имѣетъ извѣстныя нравственныя и политическія обязательства также относительно Россіи, и уже потому слѣдуетъ признать неправильнымъ самый тонъ заявленія графа Голуховскаго.

Трудно вообще понять, почему вѣнскій кабинетъ считаетъ себя хозяиномъ Балканскаго полуострова;—неужели въ этомъ заключается смыслъ австро-русскаго соглашенія 1897 года? Текстъ этого соглашенія намъ неизвѣстенъ; но по всему видно, что оно устранило заботы державъ о введеніи необходимыхъ реформъ въ турецко-балканскихъ земляхъ, особенно въ Македоніи, какъ это установлено было берлинскимъ трактатомъ. Злосчастные христіанскіе подданные турецкаго султана оставлены подъ властью безнадежнаго status quo, которымъ и пользуется Австро-Венгрія для своихъ политическихъ цѣлей; а для чего это нужно было русской дипломатіи—мы догадаться не въ силахъ. Лучше было бы отказаться отъ соглашенія 1897 года при первомъ подходящемъ случаѣ, чѣмъ участвовать въ жалкой политикѣ подавленія балканскихъ народностей, въ угоду австрійцамъ и въ противность постановленіямъ берлинскаго трактата.

Сербскія дѣла занимали въ послѣднее время общественное мнѣніе не съ той стороны, съ какой коснулся ихъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ Сербіи политика давно уже замѣняется чѣмъ-то совершенно другимъ, о чемъ неудобно и говорить въ печати. Въ силу какого-то непонятнаго ослѣпленія, сербскіе правители возводятъ на степень политическихъ событій чисто-семейныя интимныя исторіи, сообщаютъ дипломатическому корпусу о радостныхъ ожиданіяхъ въ семьѣ короля и о послѣдовавшихъ затѣмъ разочарованіяхъ, разглашаютъ на весь міръ медицинскіе протоколы объ „интересномъ положеніи“ королевы и о происшедшей по этому поводу ошибкѣ, а также о шансахъ появленія потомства въ будущемъ,—какъ будто дѣло идетъ о рожденіи наслѣдника у Наполеона I. Въ наше время подобныя вопросы даже въ могущественныхъ монархіяхъ не примѣшиваются къ политикѣ и не подвергаются оглашенію и обсужденію; сербскіе же „инциденты“ съ королевою Драгою производятъ лишь опереточное впечатлѣніе.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1901.

— Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи 1856—1880. Е. Лихачевой. Спб. 1901.

Настоящая книга есть продолженіе давно начатаго труда г-жи Лихачевой, посвященнаго исторіи женскаго образованія въ Россіи. Первая книга „Матеріаловъ“, вышедшая въ 1890, заключала исторію женскаго образованія съ древнихъ временъ до конца XVIII-го столѣтія (1086—1796) или съ первыхъ сохранившихся историческихъ извѣстій до конца царствованія Екатерины II; вторая книга обнимала время императрицы Маріи Ѳеодоровны; въ третьей книгѣ исторія была доведена до 1856; наконецъ въ вышедшемъ теперь обширномъ томѣ разсказана исторія женскаго образованія въ Россіи за время императора Александра II.

Въ эти двадцать-пять лѣтъ вопросъ женскаго образованія, какъ извѣстно, впервые былъ поставленъ въ той формѣ, въ какой это дѣло ведется и до настоящаго времени. До „эпохи реформъ“ у насъ совсѣмъ не существовали учебныя заведенія въ видѣ нынѣшнихъ женскихъ гимназій и разнаго рода „курсовъ“. Были только „институты“ и „пансіоны“ съ тѣмъ женскимъ образованіемъ, о разныхъ „системахъ“ котораго говорилъ Гоголь. Мысль о необходимости болѣе широкаго и основательнаго женскаго образованія возникла въ ту же знаменательную „эпоху реформъ“, которая послѣ крымской войны обновила русскую общественную жизнь отъ долгаго томительнаго застой. Дѣло было такъ ново, что долго не могло установиться какихъ-нибудь опредѣленныхъ понятій о женскомъ образованіи новаго характера, необходимость котораго, однако, чувствовалась. Общій мотивъ былъ тотъ же, какимъ руководилось и правительство въ планахъ преобразованій, и общество въ стремленіи къ обновленію жизни, такъ долго подавленной. Искали уничтоженія тѣхъ многочисленныхъ золь, какія

тяготѣли надъ обществомъ и народомъ (въ стихахъ Хомякова: „въ судахъ черна неправдой черной,—и игомъ рабства клеймена;—безбожной лести, лжи тлетворной,—и лѣни мертвой и позорной,—и всякой мерзости полна!“); искали освобожденія—какъ прежде всего крестьянской массы отъ крѣпостного рабства, такъ и иного освобожденія, напримѣръ общественнаго мнѣнія отъ его безгласности, и литературы изъ ея униженнаго состоянія. Общество стремилось къ самодѣятельности, и первымъ условіемъ представлялась, естественно, необходимость болѣе широкаго образованія.

Литература конца пятидесятихъ годовъ была наполнена этими порывами къ новой дѣятельности; правда, осуществленіе ихъ было еще окружено всевозможными препятствіями, и извѣстно напримѣръ, что когда исполнена была главнѣйшая изъ предстоявшихъ реформъ, когда достигнуто было освобожденіе крестьянъ, то преобразовательная энергія тотчасъ замѣтно упала, и въ наступающей реакціи стали подниматься вновь тѣ самые элементы до-реформенной жизни, противъ которыхъ предпринято было самое преобразование. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ общества совершился переломъ: въ средѣ людей болѣе образованныхъ стала вѣтъ сомнѣнія необходимость иныхъ формъ жизни и особенно необходимость образованія. Тѣ неясныя представленія о болѣе широкомъ женскомъ образованіи, о какихъ мы упоминали, мало-по-малу выяснялись, и въ концѣ концовъ достигнуты были тѣ формы, въ какихъ оно есть и въ настоящее время.

Эту исторію подробно рассказываетъ г-жа Лихачева въ своей книгѣ. Вопросъ былъ не чисто педагогическій или учебный, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ смыслѣ слова общественный, потому что новая женская школа должна была представить или отразить поворотъ въ цѣломъ складѣ общественной жизни. Такимъ образомъ трудъ г-жи Лихачевой имѣетъ не одно тѣсное значеніе исторіи учебныхъ заведеній, но и гораздо болѣе широкое значеніе, какъ матеріаль для исторіи самаго общества. Г-жа Лихачева не задается этими общими историческими соображеніями, но онѣ сказываются сами въ ея детальномъ разсказѣ. Она излагаетъ шагъ за шагомъ тѣ факты, завершеніемъ которыхъ была новая женская школа. Для изложенія этихъ фактовъ она широко воспользовалась всѣмъ основнымъ, что представляетъ тогдашняя литература; воспользовалась своимъ личнымъ знаніемъ и опытомъ, потому что была свидѣтельницей многихъ событій этой исторіи; наконецъ, что особенно важно, она имѣла возможность пользоваться официальными архивными матеріалами, раскрывающими многое, что въ свое время оставалось неизвѣстнымъ въ массѣ общества. Такъ, напримѣръ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи очень любопытны архивные матеріалы, приведенные въ самомъ началѣ книги,

между прочимъ официальные отзывы разныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ учебнаго вѣдомства, о возможности или невозможности открытыхъ заведеній для женскаго образованія. Первые отзывы этого рода относятся къ половинѣ пятидесятихъ годовъ, когда еще вѣрны были старыя понятія объ этомъ предметѣ, женскія заведенія представлялись въ видѣ институтовъ и пансіоновъ: нѣкоторые лица, стоявшіе во главѣ вѣдомства, еще находили, что открытыя учебныя заведенія невозможны—напримѣръ, по такимъ соображеніямъ, что барышнямъ-дворянкамъ неприлично ходить по улицамъ въ школу, что въ этой школѣ онѣ могутъ встрѣтиться съ дѣтьми разночинцевъ, отъ которыхъ могутъ получать дурныя примѣры, и т. п.; предполагаемыя новыя заведенія считались возможными только въ формѣ старыхъ закрытыхъ учреждений и преподаваніе предполагалось опять въ кругу тѣхъ „системъ“, какія характеризовалъ Гоголь. Но взяли верхъ все-таки соображенія людей съ болѣе широкими взглядами, а главное,—другого требовала сама жизнь. Дѣло въ томъ, что совершившаяся крестьянская реформа совсѣмъ измѣнила традиціонный бытъ средняго и мелкаго дворянства: пребываніе въ учебномъ заведеніи требовалось не только для того, чтобы (какъ бывало прежде) получить нѣкоторый лоскъ свѣтскаго образованія, но и для того, чтобы пріобрѣсти знанія для прямого примѣненія къ практическому труду. За все первое время существованія среднихъ, а потомъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, а вѣроятно и до сихъ поръ, весьма значительный, во всякомъ случаѣ преобладающій процентъ составляли лица дворянскаго сословія; и извѣстно, что опять очень большой процентъ лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, направлялся именно на практическую дѣятельность разнаго рода, т.-е. на хлѣбный заработокъ. Это обстоятельство было не разъ отмѣчено въ разныхъ отчетахъ, и нельзя не удивляться, что оно было упускаемо изъ виду тѣми официальными лицами, отъ которыхъ зависѣла постановка высшаго женскаго образованія. За послѣдніе годы само правительство ставить вопросъ объ экономической и иной поддержкѣ дворянскаго сословія: при упомянутомъ перевѣсѣ именно лицъ этого сословія въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, поддержка этихъ заведеній, повидимому, должна бы именно служить этой правительственной цѣли,—случалось, напротивъ, какъ разъ наоборотъ. Извѣстно, какими затрудненіями окружено было учрежденіе и потомъ существованіе „Высшихъ Женскихъ Курсовъ“, съ какимъ трудомъ, послѣ многихъ безплодно потраченныхъ лѣтъ, могли быть восстановлены „Женскіе Медицинскіе Курсы“... Казалось бы, напротивъ, что поощреніе подобныхъ учреждений составляетъ насущный жизненный интересъ и общества, и самого правительства.

Въ книгѣ г-жи Лихачевой мы находимъ подробную исторію усилій создать это высшее женское образованіе, картину и печальную, и отрадную: печальную потому, что въ ней наглядно рисуется та безконечная масса стараго застоя, закоренѣлыхъ предрассудковъ, мѣшающихъ естественному, необходимому и благотворному развитію общественныхъ силъ, и отрадную потому, что, несмотря на всю трудность дѣла, общественной инициативѣ удалось наконецъ побѣдить предрассудки и установить — Богъ дастъ — прочно право высшаго женскаго образованія, важность котораго можетъ сказаться со временемъ на цѣлой національной жизни.

Мы не будемъ, да и было бы трудно, входить въ подробности обширнаго труда г-жи Лихачевой (плотно напечатанный томъ около 650-ти страницъ): довольно сказать, что здѣсь обстоятельно разсказана исторія всѣхъ начинаній на пользу высшаго женскаго образованія, отъ эпохи реформъ и до 1880 года, и достигавшихся ими результатовъ, въ видѣ цѣлой системы женскихъ учебныхъ заведеній, отъ гимназій до высшихъ курсовъ. Какъ мы замѣтили, это есть вмѣстѣ эпизодъ изъ исторіи общественной самодѣтельности, исторіи, богатой привлекательными явленіями общественнаго интереса и нравственной выдержки. Книга является достойной лѣтописью этого важнаго общественнаго дѣла.

— Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. Съ предисловіемъ проф. В. Θ. Миллера. Москва 1901. (Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи).

Странной представляется судьба той народной поэзіи, къ которой принадлежитъ былина, — какъ полагается, одно изъ древнѣйшихъ произведеній народнаго поэтическаго творчества. Забытая въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, былина только въ началѣ XIX-го столѣтія нашла мѣсто въ книгѣ — въ довольно случайномъ изданіи старой рукописи Кириши Данилова; мало понятая въ то время, былина этого сборника считалась единственнымъ уцѣлѣвшимъ остаткомъ старой поэзіи, которую полагали окончательно вымершей, исчезнувшей изъ народной памяти. Въ 1850-хъ годахъ напечатано было нѣсколько отрывочныхъ былинъ, записанныхъ изъ устъ народа, и этимъ опровергалось предположеніе, что эта эпическая поэзія уже исчезла изъ памяти народа. Но эти немногіе образчики былины, явившіеся на свѣтъ въ 1850-хъ годахъ, были очень скудны, и настоящимъ откровеніемъ былъ сборникъ Рыбникова, изданный въ 1860-хъ годахъ. Этотъ обширный сборникъ (въ четырехъ томахъ) былъ такой неожиданностью для самихъ ученыхъ людей, что на первое время нѣкоторые изъ нихъ думали даже о

подлогѣ. Подозрѣніе было нелѣпо и указываетъ только, до какой степени мало извѣстно было то, что еще хранилось въ памяти и устахъ народа въ такихъ захолустяхъ, какъ олонецкій край, гдѣ составленъ былъ сборникъ Рыбникова. Этотъ сборникъ, въ соединеніи со старымъ сборникомъ Кириши Данилова, давалъ уже возможность реставрировать цѣлую обширную область стараго народно-поэтического творчества, между прочимъ проникнуть въ отдаленныя эпохи народно-поэтической и бытовой древности.

Обстоятельства, при которыхъ совершилось открытіе Рыбникова, очень характерны. Это былъ своего рода народникъ (когда еще не было спеціальнаго народничества), административно сосланный въ олонецкую губернію, и именно ему суждено было открыть эту невѣдомую сторону народной жизни и собрать богатый запасъ народной поэзіи, свято хранимой по преданіямъ. Рыбниковъ открылъ путь; за нимъ послѣдовалъ другой замѣчательный собиратель, заслуженный ученый Гильфердингъ, въ началѣ 1870-хъ годовъ. Гильфердингъ не только подтвердилъ полную достовѣрность пѣсеннаго собранія Рыбникова, но еще расширилъ его новыми записями, громадный объемъ которыхъ приводитъ прямо въ изумленіе.

Такимъ образомъ неожиданныя богатства народной поэзіи найдены были невдалекѣ отъ самой столицы,—но только въ мало доступномъ краѣ, гдѣ онѣ сохранялись именно потому, что народный бытъ оставался здѣсь нетронутъ никакими новыми вліяніями городской культуры. Люди, склонные считать реформу Петра Великаго ошибкой и „петербургскій періодъ“ измѣной національному началу, обыкновенно думаютъ, что и это забвеніе народной поэзіи было слѣдствіемъ реформы и увлеченій Западомъ. Замѣтимъ прежде всего, что самый интересъ къ народной поэзіи и спасеніе ея современныхъ остатковъ отъ гибели были приготовлены именно европейской наукой: на почвѣ этой науки воспитывалось истинное, широкое и правдивое, народное чувство. Старая Русь, вообще говоря, не давала народной поэзіи никакого мѣста въ книгѣ; только къ концу московскаго періода появляются записи пѣсенъ, вызванныя, повидимому, только случайнымъ вкусомъ и любознательностью; настоящая тогдашняя „литература“ относилась къ народной пѣснѣ съ полнымъ пренебреженіемъ, потому что, по старому преданію, народная пѣсня была дѣломъ бѣсовскимъ.

Литература XVIII вѣка, у насъ, какъ въ западной Европѣ, относилась къ народной поэтической старинѣ также отрицательно, но совсѣмъ по другимъ основаніямъ: въ народной пѣснѣ и сказкѣ не боялись, конечно, ничего бѣсовскаго, но были равнодушны къ нимъ, видя въ нихъ остатокъ грубой и невѣжественной старины, только-что отвергнутой реформами Петра,—хотя простую, естествен-

ную привязанность къ народной пѣснѣ, знакомой съ дѣтства, можно прослѣдить на всемъ пространствѣ XVIII вѣка, и особливо къ его концу. Новѣйшій интересъ къ народно-поэтической старинѣ воспитанъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ литературы и образованности, частью подъ вліяніемъ европейской науки, разъяснявшей народной поэзіи завѣты національности, частью по непосредственнымъ впечатлѣніямъ, невольно привлекавшимъ къ красотѣ народнаго творчества. Въ концѣ концовъ это движеніе срослось съ цѣлымъ развитіемъ народнаго интереса, какъ интереса общаго.

Несостоятельность стараго обвиненія, что виною забвенія народной поэзіи былъ „разрывъ съ народомъ“ съ XVIII вѣка, обнаруживается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что совершенно такое же отдаленіе отъ народа отличало XVIII вѣкъ во всей Европѣ. Такова была теорія всего ложнаго классицизма. Европейскіе писатели прошлаго столѣтія съ такимъ же пренебреженіемъ говорили о старыхъ преданіяхъ своего народа до тѣхъ поръ, какъ возникло то знаменательное движеніе, однимъ изъ начинателей котораго былъ Гердеръ, и результатомъ котораго было, съ одной стороны, романтическое возвращеніе къ средневѣковой старинѣ, съ другой—основаніе новой науки, которая съ тѣхъ поръ сдѣлала изученіе народности однимъ изъ основныхъ условій историческаго самосознанія.

Какъ мы сказали, поиски народника конца 1850-хъ годовъ и изслѣдованія ученаго спеціалиста были вознаграждены открытіемъ громаднаго запаса народной эпической поэзіи, который могъ быть записанъ прямо изъ устъ народа. Вышедшая недавно книга г. Маркова приносить новое поразительное открытіе: обширныя собранія Рыбникова, Гильфердинга, Барсова (причитанія) далеко не исчерпали народно-поэтическаго богатства нашего сѣвера; названные собиратели производили свои поиски въ одномъ олонекскомъ краѣ; г. Марковъ направился на еще болѣе дальній сѣверъ, на зимній берегъ Бѣлаго моря, и здѣсь, въ одной Золотицкой волости (главнымъ образомъ села: Верхняя и Нижняя Зимняя Золотица), онъ могъ записать всего отъ нѣсколькихъ лицъ до 116-ти былинь, занявшихъ большой томъ до 600 страницъ.

Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, В. О. Миллеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ о географическомъ распространеніи былинь (на основаніи извѣстнаго тогда матеріала) заключалъ, что въ архангельскомъ краѣ былины о многихъ богатыряхъ неизвѣстны; онъ предполагалъ только, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ найтись, такъ какъ архангельская губернія еще не вполне изслѣдована въ этомъ отношеніи.

„Мои надежды,—говоритъ г. Миллеръ въ предисловіи къ сборнику Маркова,—на то, что былинная традиція въ этой губерніи не изсякла

съ 60-хъ годовъ, къ которымъ относились послѣднія записи былинь, оправдались въ 1898 году, когда А. В. Маркову, проведенному лишь нѣсколько дней въ селеніи Зимняя Золотица, на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, удалось записать отъ одного „сказателя“ пять прекрасныхъ былинь (№№ 71, 72, 73, 76 и 78). Случайная экскурсія г. Маркова доказала, что въ этомъ селеніи, въ которомъ священникъ Розановъ въ 60-хъ годахъ записалъ 6 №№-въ былинь, онѣ „сказываются“ еще доселѣ, и что отъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ можно ожидать обильныхъ находокъ въ области эпическихъ пѣсенъ. Дѣйствительно, когда въ слѣдующемъ году г. Марковъ провель въ двухъ селахъ Зимней Золотицы (Нижней и Верхней) около мѣсяца, онъ записалъ въ теченіе этого времени такое множество былинь, что пѣсенный матеріалъ только одной этой волости составляетъ содержаніе всего издаваемого Этнографическимъ Отдѣломъ сборника „Вѣломорскія былины“. Другой членъ Этнографическаго Отдѣла, А. Д. Григорьевъ, ѣздившій одновременно съ А. В. Марковымъ лѣтомъ 1899 года въ архангельскую губернію, записалъ въ такъ наз. Поморьѣ въ нѣсколькихъ селахъ, въ числѣ другихъ народныхъ произведеній, 35 старинъ, а во вторичную поѣзду, лѣтомъ 1900 года, когда ему удалось посѣтить до 60 деревень по теченію р. Пинеги, отъ ея устья до с. Веркольскаго, и побывать въ г. Пинегѣ, число записанныхъ имъ старинъ достигло уже значительной цифры 167 №№-въ. Былинный матеріалъ, собранный г. Григорьевымъ, изготовленъ къ печати и появится въ изданіи Имп. Академіи Наукъ. Такимъ образомъ недавнія поѣздки обоихъ московскихъ этнографовъ обогатили былинные записи сотнями №№-въ и вполне подтвердили предположеніе, что былинная традиція въ архангельской губерніи еще въ началѣ XX-го столѣтія не менѣе свѣжа, чѣмъ въ олонецкой, считавшейся доселѣ Исландіей нашего эпоса“.

Самъ г. Марковъ далъ обширное введеніе къ книгѣ: „Былинная традиція на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря“, гдѣ подробно говоритъ объ условіяхъ природныхъ, бытовыхъ и историческихъ, которыя способствовали къ сохраненію былиннаго эпоса на крайнемъ сѣверѣ. Однимъ изъ первыхъ условій является досугъ, доставляемый мѣстными промыслами (рыбная ловля и звѣринный промыселъ или ремесло, оставляющее время для пѣнія); другимъ условіемъ является малое развитіе въ населеніи грамотности, которая, расширяя умственный горизонтъ и возбуждая новые интересы, отвлекаетъ вниманіе отъ несложныхъ эпическихъ памятниковъ старины“; далѣе, благоприятнымъ условіемъ было присутствіе интереса къ этимъ памятникамъ старины, не заглушаемаго животрепещущими событіями или распространеніемъ болѣе интересныхъ формъ поэтическаго творчества.

„Наконецъ,—говоритъ г. Марковъ,—четвертымъ условіемъ сохраненія былевой поэзіи должно быть сочувствіе ея идеаламъ и пониманіе ея типовъ. Въ этомъ отношеніи сѣверный крестьянинъ былъ поставленъ въ особенно благоприятныя условія. Живя вдали отъ крѣпостного права, онъ, по прекрасному выраженію Гильфердинга, „не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ“. „Напротивъ того,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—что могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?“ Если приглядѣться къ крестьянину Зимняго берега, то окажется, что ему долженъ быть понятенъ типъ независимаго „эпическаго богатыря“, такъ какъ онъ ни передъ кѣмъ не „чувствуетъ себя рабомъ“. Отношеніе золотицкихъ крестьянъ къ заѣзжему горожанину совсѣмъ не то, что отношеніе нашего мужика къ барину. Они относятся къ человѣку высшаго сословія какъ къ равному,—не унижаются передъ нимъ, но не отворачиваются и охранить его интересы, въ случаѣ покушенія на нихъ со стороны другихъ, хотя бы своихъ же односельчанъ. При встрѣчѣ они слегка кивнутъ ему головою, не снимая шапки, и назовутъ его такъ же, какъ своего крестьянина, „молодцомъ“ или „мужикомъ“, но ни въ какомъ случаѣ не баринкомъ, потому что это слово имъ даже неизвѣстно“ (стр. 11—12).

Авторъ сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ смотрятъ на былинку сами пѣвцы, какъ проявляется въ сохраненіи и исполненіи былинъ личность пѣвца, какъ въ самой былинѣ отражаются черты мѣстной природы и быта, и т. д. Весь этотъ міръ кажется оригинальнымъ остаткомъ старины среди новаго вѣка, съ которымъ эта старина разошлась всѣми формами жизни и понятій. Приведемъ въ образчикъ разсказъ автора объ одной изъ „сказательницъ“, Крюковой, которая обладаетъ особенно богатою памятью. Это замуженная женщина 45 лѣтъ, родомъ съ Терскаго берега. Съ дѣтства Крюкова отличалась сильною памятью, и еще тогда выучила большую часть своихъ старинъ отъ матери и дяди, сосѣдей и подругъ; до сихъ поръ она поетъ былины, которыя переняла отъ стариковъ и старухъ, умершихъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Личный характеръ—вполнѣ архаическій, напоминающій о XVI и XVII вѣкѣ. „Она отличается особенною религіозностью, которая перешла къ ней отъ матери, простаивавшей, какъ она говорила, цѣлыя ночи на молитвѣ, и еще болѣе развилась послѣ замужества, подъ вліяніемъ тяжелой жизни. Эта сторона ея характера отчасти отражается и въ ея старинахъ: дѣйствующія въ нихъ лица часто молятся, служатъ молебны и панихиды. Направленіе религіозности у нея, какъ и вообще у сѣвернаго крестьянства, отличается приверженностью къ старинѣ и отвращеніемъ ко

всякимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, такъ что по духу она—совершенная старовѣрка. Въ ея историческихъ пѣсняхъ и разсказахъ нетрудно уловить ненависть къ патріарху Никону, Алексію Михайловичу и отчасти къ Петру I. Когда на ея вопросъ, привнаетъ ли русская церковь Никона святымъ, я отвѣчалъ отрицательно, она съ радостью стала говорить объ этомъ всѣмъ домашнимъ. Она убѣждена, что въ послѣдній разъ на землѣ священникъ отслужить обѣдню по старому, и тогда уже будетъ конецъ міра. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала она благочестивую сказку о томъ, какъ одинъ богатъ не хотѣлъ помочь своему бѣдному брату и какъ св. Николай, явившись къ нимъ, одного наставилъ на путь истины, а другого наградилъ. Великимъ постомъ и вечеромъ наканунѣ праздникова она любитъ пѣть духовные стихи; я у нея записалъ одиннадцать стиховъ, которые она выучила у матери, дяди Ефима, тетки Матрены Кириановны, свекра и сосѣдки Мары Ларионовны. Послѣ выхода замужъ, Аграфена Матѣевна почти перестала пѣть пѣсни, кромѣ величальныхъ, которыя она поетъ на свадьбахъ. Старины она поетъ довольно слабымъ, но пріятнымъ голосомъ, не детонируетъ и хорошо выдерживаетъ размѣръ стиха“ (стр. 29—30).

Изъ сказаннаго видно, какой замѣчательный вкладъ сдѣланъ г. Марковымъ въ изученіе народнаго поэтическаго творчества. Изслѣдователи былины найдутъ здѣсь новый богатый матеріалъ для объясненія стараго народнаго эпоса, и изслѣдованіе народнаго быта расширяется новыми характерными этнографическими фактами. Пожелаемъ молодому ученому новыхъ успѣховъ въ его поискахъ, и пожелаемъ также, чтобы этнографическія изысканія направились и на другія области русскаго племени: остается еще не мало забытыхъ угловъ, наблюденіе которыхъ можетъ доставить много поучительнаго въ томъ или другомъ отношеніи.

— М. Н. Розановъ. Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“ Якобъ Ленцъ. Его жизнь и произведенія. Критическое изслѣдованіе съ приложеніемъ незнакомыхъ матеріаловъ. М. 1901.

Обширный трудъ г. Розанова (больше 600 страницъ крупнаго формата), напечатанный въ „Ученыхъ Запискахъ“ московскаго университета и, вѣроятно, представляющій диссертацию, посвященъ нѣмецкому писателю, который не игралъ первостепенной роли (быть можетъ, только вслѣдствіе его личной печальной судьбы), но все-таки былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей въ нѣмецкой литературѣ конца XVIII вѣка. Это было время такъ называемаго Sturm und Drang, „бурныхъ стремленій“: Ленцъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей этихъ стремленій, но не могъ высказаться въ полной мѣрѣ, потому что еще въ молодыхъ лѣтахъ его постигла душевная болѣзнь.

Его литературная судьба близка и для исторіи русской литературы. Родомъ онъ былъ русскій нѣмецъ, изъ остзейскаго края; одаренный несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, онъ рано принялъ участіе въ литературномъ броженіи, которое охватило Германію особенно въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, былъ другомъ Гёте, а къ концу своей жизни, вернувшись въ Россію, былъ пріятелемъ Карамзина. Подробная біографія Ленца (1751 — 1792) составила предметъ изслѣдованія г. Розанова.

Трудъ былъ нелегкій. Нѣкогда Гёте, передавая въ своей автобіографіи воспоминанія о Ленцѣ, выражалъ намѣреніе когда-нибудь „прослѣдить всю его жизнь до самаго момента его сумасшествія“. Къ сожалѣнію, это намѣреніе осталось неисполненнымъ. По смерти Ленца, одинъ изъ его земляковъ (въ Ригѣ), Думпфъ, началъ ревностно собирать всевозможные матеріалы для его біографіи и значительная часть этой біографіи (для которой, между прочимъ, нѣкоторые матеріалы были доставлены Карамзинымъ) была уже написана, но опять, къ сожалѣнію, біографія осталась ненапечатанною. „Когда извѣстный романистъ Людвигъ Тикъ, восхищавшійся въ юности наряду съ Гёте и Ленцемъ, думалъ издать собраніе сочиненій этого „бурнаго генія“, Думпфъ съ большимъ самоотверженіемъ уступилъ ему всё, съ такимъ трудомъ собранные имъ, матеріалы. Только благодаря помощи Думпфа, Тикъ могъ издать въ 1828 г. первое и до сихъ поръ единственное собраніе сочиненій Ленца въ трехъ томахъ (*Gesammelte Schriften von I. M. R. Lenz*. Berlin, 1828). Къ сожалѣнію, восхищеніе Ленцемъ не помѣшало знаменитому романтику отнестись къ своей задачѣ очень небрежно“ (стр. II). Но матеріалы, собранные Думпфомъ и находившіеся въ рукахъ Тика, послѣ ихъ смерти разошлись по разнымъ рукамъ и частью, вѣроятно, были потеряны. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ стали, однако, появляться разные матеріалы для біографіи Ленца, между прочимъ, изъ его переписки. „Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ,—по словамъ г. Розанова,—рукописное наслѣдство Ленца сосредоточилось въ рукахъ трехъ, по выраженію Э. Шмидта, „жрецовъ Ленцевскаго культа“, а именно бар. Мальтцана въ Веймарѣ, Егора Сиверса въ Ригѣ и П. И. Фалька въ Ревелѣ. Каждый изъ нихъ тщательно собиралъ произведенія Ленца и матеріалы для его біографіи, наслаждался въ тиши кабинета собранными „рѣдкостями“, но мало дѣлился съ публикой своими открытіями и новыми матеріалами. Мальтцанъ и Сиверсъ ограничились рядомъ журнальных статей“ (стр. III). По смерти Сиверса, нѣсколько статей его было собрано въ отдѣльномъ изданіи (Рига, 1879); Фалькъ въ 1878 издалъ также монографію о Ленцѣ. Матеріаль, собранный Сиверсомъ, перешелъ, по его завѣщанію, въ собственность нѣмецкаго ученаго

Вейнгольда, который издалъ нѣсколько неизвѣстныхъ раньше сочиненій Ленца, и съ трудовъ котораго г. Розановъ считаетъ первое научное изслѣдованіе жизни и дѣятельности Ленца; наконецъ, въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ въ нѣмецкой литературѣ явилась цѣлая масса изслѣдованій о Ленцѣ и новыхъ матеріалахъ изъ его переписки.

„Задачею моего труда,—говоритъ г. Розановъ,—было объективное изслѣдованіе жизни и сочиненій знаменитаго „бурнаго генія“ въ связи съ культурными теченіями и особенностями его эпохи. Въ основу было положено изученіе всѣхъ его произведеній и переписки. Подобное изученіе въ настоящее время сильно затрудняется отсутствіемъ критическаго изданія. Изданіе Тика, позволявшаго себѣ произвольно измѣнять текстъ, не является вполне надежнымъ источникомъ. Это обстоятельство налагало на изслѣдователя обязанность прибѣгнуть къ первымъ изданіямъ отдѣльныхъ произведеній Ленца, сдѣланнымъ еще при его жизни и представляющимъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Для изученія этихъ изданій я пользовался экземплярами Страсбургской Университетской Библіотеки, Королевской Библіотеки въ Берлинѣ и отчасти Британскаго Музея въ Лондонѣ“ (стр. V—VI). Нѣкоторыя сочиненія Ленца г. Розановъ нашелъ только въ частномъ собраніи Фалька.

„Наряду съ этимъ я долженъ былъ познакомиться со всѣмъ рукописнымъ наслѣдіемъ Ленца. Для этого, прежде всего, мнѣ послужило собраніе Мальтцана, перешедшее въ началѣ девяностыхъ годовъ въ собственность Королевской Библіотеки въ Берлинѣ и Lenziana Рижской городской библіотеки...

„Благодаря любезности проф. Вейнгольда въ Берлинѣ, я имѣлъ возможность просмотрѣть принадлежащія ему (изъ собранія Сиверса) неизданныя рукописи Ленца московскихъ лѣтъ его жизни, о которыхъ имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Мнѣ доступенъ былъ также Лафатеровскій архивъ д-ра Финслера въ Цюрихѣ, нынѣ уже умершаго.

„Чтобы познакомиться съ впечатлѣніемъ, которое производили сочиненія Ленца на его современниковъ, мною были перечитаны многочисленныя рецензіи, разбросанныя въ тогдашнихъ журналахъ. Прекрасную коллекцію этихъ послѣднихъ я нашелъ въ Страсбургской Университетской и Берлинской Королевской библіотекахъ. Для должнаго освѣщенія литературной дѣятельности Ленца я счелъ необходимымъ сопоставить его съ родственнымъ ему французскимъ „бурнымъ геніемъ“, Себастьяномъ Мерсье, внесшимъ свою лепту въ движеніе „бури и натиска“. Національная Библіотека въ Парижѣ дала мнѣ богатый матеріалъ для изученія забытыхъ и рѣдкихъ въ настоящее время произведеній этого оригинальнаго и мало изслѣдованнаго писателя.

„Само собою разумѣется, что мною была привлечена къ изученію вся обширная литература о Ленцѣ, изъ которой я старался воспользоваться наиболѣе цѣнными результатами“ (стр. VI—VII).

Вооружившись этимъ матеріаломъ, авторъ предпринялъ подробное изслѣдованіе біографіи Ленца и его произведеній. Первая глава—вводная. Опредѣляя періодъ „бурныхъ стремленій“, съ которымъ совпала дѣятельность Ленца, и котораго этотъ писатель былъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей, авторъ замѣчаетъ прежде всего, что было бы ошибкой, какъ то часто дѣлается, считать этотъ періодъ явленіемъ чисто литературнымъ, мимолетнымъ эпизодомъ въ исторіи нѣмецкой поэзіи, стоявшимъ на перепутьѣ къ зрѣлымъ твореніямъ Гёте и Шиллера. Въ дѣйствительности этотъ періодъ имѣлъ значеніе не только литературное, но и культурно-историческое, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи періодъ „бурныхъ стремленій“ есть завершеніе великой эпохи „просвѣщенія“ и ея освободительныхъ тенденцій, которыя нашли свое выраженіе въ ученіи Руссо.

„Это есть страстная борьба за права человѣческой личности, за безпрепятственное и всестороннее развитіе каждой отдѣльной индивидуальности и всѣхъ присущихъ ей силъ и способностей, среди которыхъ не послѣднюю роль должно играть чувство. Чувствомъ пренебрегали „просвѣтители“ перваго поколѣнія, во главѣ которыхъ стоялъ Вольтеръ, и всѣ свои упованія возлагали на разумъ, который долженъ былъ быть верховнымъ судьей во всѣхъ вопросахъ жизни. Руссо заступился за чувство и склоненъ былъ верховенство разума замѣнить верховенствомъ сердца. Періодъ „бурныхъ стремленій“ явился также возстаніемъ горячаго чувства противъ деспотическихъ притязаній холоднаго разсудка и попыткой установить гармонію и равновѣсіе различныхъ психическихъ силъ человѣка. Дѣятели этого періода добивались ничѣмъ не стѣсненнаго проявленія своей личности во всей ея полнотѣ, своего „я“ во всей его цѣлостности. Они были индивидуалистами. Это былъ бунтъ индивидуума противъ тяжелыхъ и устарѣлыхъ формъ жизни и если не открытая, то косвенная оппозиція существующему социальному и политическому порядку. Это былъ лихорадочный протестъ противъ тогдашней несправедливой нѣмецкой дѣйствительности, страдавшей отъ почти совершеннаго отсутствія какихъ бы то ни было общественныхъ интересовъ, отъ обидной для человѣческаго достоинства мелочности и ограниченности узко-мѣщанскихъ и филистерскихъ взглядовъ и воззрѣній; отъ приниженного положенія личности, отданной на произволъ сословнымъ предразсудкамъ и социальной несправедливости. Въ то же время это былъ протестъ противъ выработанныхъ европейской цивилизаціей искусственныхъ отношеній и проповѣдь „опрошенія“ и „возвращенія къ природѣ“ (стр. 2—3).

Такимъ образомъ въ „бурныхъ стремленіяхъ“ было три основныхъ тенденціи: культъ личности (индивидуализмъ), чувства (сентиментальность) и природы (натурализмъ). Совмѣщеніе этихъ тенденцій въ нѣмецкой литературѣ второй половины XVIII вѣка и побудило въ послѣдствіи отмѣтить это время, какъ особый періодъ; но на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, эти „бурныя стремленія“ принадлежали вовсе не одной нѣмецкой литературѣ, и сама она въ этомъ случаѣ питалась также возбужденіями изъ чужихъ литературъ; самыя тенденціи возникали вообще въ европейской литературѣ уже съ давнихъ поръ, такъ что ихъ исторію можно возводить до эпохи возрожденія и даже къ гораздо болѣе раннимъ временамъ.

Объяснивъ литературную почву, на которой совершалась дѣятельность Ленца, авторъ подробно рассказываетъ его біографію отъ дѣтства въ Ригѣ до печальнаго конца въ Москвѣ. Авторъ, повидимому, исчерпалъ здѣсь всѣ матеріалы, находившіеся у него въ распоряженіи, изъ нихъ сообщилъ много любопытныхъ историко-литературныхъ указаній; но принятая авторомъ форма изложенія намъ не совсѣмъ нравится. Это—манера детального изложенія, гдѣ существенное и крупное стоитъ рядомъ съ частнымъ и мелкимъ, и гдѣ такимъ образомъ отъ читателя ускользаютъ общія черты и самой эпохи, и біографіи. Но именно на читателя слѣдовало обратить больше вниманія: этотъ читатель—русскій; наша литература не богата самостоятельными изслѣдованіями по XVIII-му вѣку европейскому, и читатель очень мало притовленъ къ такому изслѣдованію, гдѣ онъ вводится прямо *in medias res* лицъ и событій, какъ будто онъ уже совершенно знакомъ съ цѣлою эпохой. Гораздо умѣстнѣе были бы болѣе широкія черты времени и руководящихъ дѣятелей, чѣмъ множество подробностей о второстепенныхъ и третьестепенныхъ лицахъ, съ которыми Ленцъ вступалъ въ соотношенія. Въ своей детальной манерѣ авторъ передаетъ не цѣльный результатъ, а самый процессъ своего изслѣдованія; среди разсказа помѣщена и ссылка на какого-нибудь изъ мелкихъ изслѣдователей о Ленцѣ (читателю неизвѣстныхъ и, можетъ быть, не очень нужныхъ), которой было бы мѣсто только въ примѣчаніи; въ разсказъ введены иной разъ подробности, которыя можно было миновать, и скорѣе слѣдовало бы больше сказать, напр., о значеніи самого Гёте въ ту эпоху, о Клопштокѣ, о Гердерѣ, Виландѣ, Лессингѣ и пр. Авторъ думалъ, конечно, что они слишкомъ извѣстны; но они вовсе не такъ извѣстны—русскому читателю, для котораго предназначается книга.

Во внѣшнемъ распорядкѣ, неудобно помѣщеніе примѣчаній въ концѣ книги, съ особымъ счетомъ для каждой главы (ихъ пятнадцать). Чтобы отыскать примѣчаніе, надо перевертывать всю книгу и никакъ не ошибиться въ главѣ; примѣчанія разнаго рода—одно указаніе

страницы, или, напротивъ, цѣлое длинное объясненіе. Гораздо проще и удобнѣе было бы помѣщать указанія страницъ тутъ же въ обыкновенной подстрочной сноскѣ, а болѣе обширныя объясненія—въ концѣ главы. Между прочимъ, въ примѣчаніяхъ скрыты и такія вещи, которыми слѣдовало быть прямо въ текстѣ. А именно, Ленцъ представляетъ тотъ особый интересъ для исторіи русской литературы, что былъ „живою, рѣдко наблюдаемою связью между нѣмецкой и русской литературой XVIII вѣка“,—какъ „другъ Гёте и пріятель Карамзина“. Въ объясненіи этихъ отношеній Ленца къ Карамзину, авторъ очень разошелся съ недавнимъ изложеніемъ ихъ въ книгѣ г. Сиповскаго и противопоставляетъ этому изложенію слѣдующія справедливыя замѣчанія:

„Вопроса объ отношеніи Карамзина къ періоду „бури и натиска“,—говоритъ г. Розановъ,—недавно коснулся г. В. Сиповскій (Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“. Спб. 1899) и рѣшилъ его отрицательно. По его мнѣнію, преклоненіе передъ Шекспиромъ было единственной точкой соприкосновенія Карамзина съ германскимъ „Sturm und Drang'омъ“. „Юноша не доросъ еще до тѣхъ писателей, которые были богами „Sturm und Drang'a“,—не только Гёте и Шиллеръ, но даже Клопштокъ и Руссо были ему не совсѣмъ по плечу“... Прежде всего нельзя согласиться съ тѣмъ, что Гёте и Шиллеръ были „богами Sturm und Drang'a“. Оба писателя сдѣлались богами не этого періода, а послѣдующаго, пришедшаго ему на смѣну. Въ періодъ же своей молодости они, вмѣстѣ со сверстниками, поклонялись другимъ писателямъ, которые и были истинными „богами“ періода „бури и натиска“: это были Шекспиръ, Юнгъ, Стернъ, Клопштокъ, Оссіанъ, Руссо и др. Но какъ разъ этимъ „богамъ“ поклонялся и Карамзинъ; литературныя симпатіи его были сходны съ симпатіями штюрмеровъ. Истинный расцвѣтъ Sturm и Drang'a относится къ семидесятымъ годамъ XVIII вѣка. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ кружокъ „бурныхъ гениевъ“ уже разстраивается: Гёте (въ особенности со времени итальянскаго путешествія 1786 г.) вступаетъ уже на новую дорогу, Клингеръ поступаетъ въ русскую военную службу, Ленцъ влечетъ свое существованіе въ Петербургъ и Москвѣ, Миллеръ живетъ въ Италіи, Вагнера уже нѣтъ въ живыхъ и т. д. Въ первыхъ драмахъ Шиллера, младшаго члена новой литературной партіи, вспыхиваютъ вновь съ яркимъ блескомъ излюбленныя идеи штюрмерства, чтобы быстро уступить мѣсто другому настроенію. „Донъ-Карлосъ“ (1787) знаменуетъ уже вступленіе и Шиллера на другую дорогу. Когда Карамзинъ пустился въ свое путешествіе, Sturm и Drangъ былъ уже пережитъ въ Германіи.

„Но если даже согласиться съ авторомъ, что Гёте и Шиллеръ были „богами“ періода „бурныхъ стремленій“, то все же нельзя раз-

дѣлать его мнѣнія, будто Карамзинъ относился холодно къ этимъ писателямъ. Что касается перваго, то первый вопросъ, который онъ предложилъ въ Веймарѣ, былъ: „здѣсь Виландъ? здѣсь Гердеръ? здѣсь Гёте?“ Иначе говоря, Карамзинъ заинтересованъ всѣмъ, по выраженію Ленца, „веймарскимъ триумвиратомъ“. Посѣтивъ двухъ первыхъ, Карамзинъ идетъ и къ Гёте, но, къ несчастью, онъ уже успѣлъ уѣхать въ Іену. „Вертеръ“, сдѣлавшійся для германской молодежи вождемъ жизни, совершенно чуждъ и непонятенъ нашему Карамзину—говоритъ г. Сиповскій, основываясь на томъ, что трагическая развязка романа не удовлетворяла нашего писателя. Но это еще ничего не доказываетъ: дѣло не въ одобреніи или неодобреніи развязки, а въ сочувствіи или несочувствіи настроенію, которымъ порожденъ былъ „Вертеръ“. Сочувствіе же къ „злосчастному Вертеру“, которымъ „Гёте прославился“, нельзя у Карамзина отрицать.

„Отношеніе Карамзина къ Шиллеру также не кажется намъ такимъ холоднымъ, какъ утверждаетъ г. Сиповскій. О „Донъ-Карлосъ“, представленіе котораго онъ видѣлъ въ Берлинѣ, русскій писатель даетъ очень сочувственный отзывъ и заключаетъ: „Сія трагедія есть одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ драматическихъ пьесъ и вообще прекрасна“. Въ Парижѣ онъ читаетъ „привлекательныя мечты... Шиллера“.

„Разсказывая объ игрѣ берлинскихъ актеровъ, Карамзинъ прибавляетъ: „Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ актеровъ, есть ли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Клингера, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторъ, которые съ такою живостью представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или французскія румяна, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны“. Въ „Московскомъ Журналѣ“ (апрѣль 1792 г.), разбирая трагедію Вертуха „Эльфрида“, Карамзинъ замѣчаетъ: „Кажется, что онъ не знаетъ сего великаго искусства потрясать сердца наши, которое, такъ сказать, присвоили себѣ многіе изъ его соотечественниковъ—онъ не Гёте, не Шиллеръ, не Клингеръ, не Коцебу“. Итакъ, въ обоихъ случаяхъ штурмерскія драмы Гёте, Шиллера и Клингера считаются образцовыми произведеніями нѣмецкой драматической литературы. Въ „Письмахъ русскаго путешественника“ къ нимъ прибавленъ еще Лессингъ, что вполне понятно“...—Т.

Петръ Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX-му вѣку. Сиб. 1901.

Въ предисловіи къ этому труду говорится, что мы не имѣемъ достаточно яснаго пониманія о состояніи нашего хозяйства, потому что не разсматриваемъ его сравнительно съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ государствахъ. „Мы вращаемся постоянно среди однихъ абсолютныхъ

цифръ и не знаемъ — малы онѣ или велики“... „Для нагляднаго и болѣе точнаго выясненія состоянія сельскаго хозяйства въ Россіи мнѣ казалось полезнымъ произвести систематическое и подробное сравненіе состоянія сельскаго хозяйства у насъ и въ другихъ странахъ“. Хотя утвержденіе автора, что мы не имѣемъ настоящаго понятія о томъ, насколько плохо наше хозяйство, должно считать значительно преувеличеннымъ, тѣмъ не менѣе нельзя не приветствовать рѣшенія г. Лохтина, затратившаго массу труда для производства многочисленныхъ вычисленій и представившаго рядъ интереснѣйшихъ сопоставленій относительно различныхъ сторонъ сельскаго хозяйства, наглядно рисующихъ убогое состояніе основнаго промысла русскаго народа.

Есть, однако, обстоятельства, значительно подрывающія доказательную силу цифровыхъ аргументовъ автора.

Въ циркулярѣ издателей труда г. Лохтина (товарищества „Посредникъ“), разосланномъ въ редакціи, трудъ этотъ рекомендуется, какъ основанный на точныхъ цифровыхъ данныхъ. „Весь подготовительный къ выводамъ автора цифровой матеріалъ“ квалифицируется въ этомъ циркулярѣ, какъ „очищенный отъ всего сомнительнаго и неточнаго“. Это мнѣніе издателей, однако, нельзя признать соответствующимъ истинѣ.

Въ своемъ изслѣдованіи г. Лохтину пришлось имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ данными официальной аграрной и земледѣльческой статистики. Статистика эта въ большей части иностранныхъ государствъ поставлена болѣе или менѣе удовлетворительно, а насколько въ ней существуютъ тѣ или другія прорѣхи — русскому писателю нелегко вносить въ нихъ требуемыя поправки. Отъ него можно требовать только, чтобы онъ обращался за цифрами къ надлежащимъ источникамъ, и чтобы въ этомъ отношеніи у него была полная свобода пользоваться тѣми данными, какія представляются наиболѣе пригодными. Такая свобода отырывается для изслѣдователя въ томъ случаѣ, когда онъ почерпаетъ нужныя ему свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ.

Г. Лохтинъ, къ сожалѣнію, не старался соблюдать этого правила. Наряду съ немалочисленными первыми источниками, не первой, однакоже, свѣжести (для явленій текущей сельско-хозяйственной жизни, напр., во Франціи авторъ не пользуется данными „Statistique agricole annuelle“, а довольствуется свѣдѣніями за 1892 г.), г. Лохтинъ охотно прибѣгаетъ къ справочнымъ книгамъ, преимущественно въ формѣ словарей (Брокгауза, Мейера и др.), а не ежегодниковъ; поэтому, почерпаемыя имъ оттуда цифры, во-первыхъ, не всегда достаточно новы, во-вторыхъ, не для всѣхъ странъ соответствуютъ одинаковому моменту времени. Отсутствіе новыхъ данныхъ иногда совершенно затемняетъ характеръ новѣйшихъ явленій въ области хозяйства. Для примѣра укажемъ на таблицу развитія скотоводства въ Соединенныхъ Штатахъ (стр. 32).

Изъ этой таблицы, заканчивающейся 1890 годомъ, слѣдуетъ, что скотоводство въ этой странѣ съ 1850 года почти неуклонно возрастаетъ. Но еслибы г. Лохтинъ привелъ свѣдѣнія за послѣдующее время, то онъ увидѣлъ бы, что въ 1898 г. число скота уменьшилось, причемъ рогатый скотъ и овцы сократились на 15%, а свиньи—на 23%. Замѣна первыхъ источниками вторыми и третьими приводитъ иногда и къ болѣе серьезнымъ неудобствамъ. На стр. 45, напр., г. Лохтинъ, согласно словарию Мейера, принимаетъ, что въ Австраліи въ 1890 г. „подъ культурами было 3,3 милліона десятинъ,—изъ нихъ подъ пшеницею 1,4 милл. десятинъ, остальное—подъ овсомъ, ячменемъ, мансомъ, травостылями и т. д.“. Между тѣмъ какъ, согласно одному англійскому ежегоднику („The statesman's year book“ 1899 г.), только въ одной Новой-Зеландіи подъ сѣянной травой въ 1897 г. находилось 3,6 милл. дес., откуда слѣдуетъ заключить, что площадь культивируемой въ Австраліи земли нужно, по крайней мѣрѣ, удвоить. По отношенію къ Австраліи г. Лохтинъ дѣлаетъ и другую ошибку. Относя приводимую имъ цифру находящейся „подъ культурами“, а на самомъ дѣлѣ состоявшей подъ посѣвомъ хлѣбовъ земли къ населенію области, онъ выводитъ, что на одного человѣка приходится 0,85 десятины. Это число на стр. 134 фигурируетъ уже какъ количество удобной земли, кромѣ лѣса (и обширныхъ въ Австраліи естественныхъ пастбищъ) и сопоставляется здѣсь, между прочимъ, съ 2-мя дес. удобной земли на душу въ Россіи. Если, соответственно пропущеннымъ у г. Лохтина въ Австраліи 3,6 милл. дес. сѣянной травы, мы удвоимъ даваемую имъ для Австраліи цифру культивируемой земли на человѣка, наконецъ—что-нибудь на паръ, пастбища для рабочаго и домашняго скота и т. п., то окажется, что количество культивируемой земли въ Австраліи (по расчету на человѣка) не въ 2 $\frac{1}{3}$ раза менѣе, чѣмъ въ Россіи,—какъ это слѣдуетъ изъ таблицы г. Лохтина,—а вѣроятно превосходитъ площадь удобной земли въ Россіи. Подобное же замѣчаніе мы должны сдѣлать и по отношенію къ британской Индіи (стр. 53).

Г. Лохтинъ недостаточно (для спеціалиста) знакомъ не только съ официальной статистикой иностранныхъ государствъ, но и съ ихъ экономической литературой вообще. Это проявляется, напр., въ оптимистическомъ тонѣ параграфа о разоренной Британской Индіи,—въ частности въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о ея голодовкахъ. Изъ того факта, что пособие при неурожаяхъ получаетъ ничтожная часть (обыкновенно менѣе 1%) пострадавшаго населенія этой страны, г. Лохтинъ выводитъ заключеніе, что такая же „ничтожная часть населенія“ Индіи „нуждается въ помощи“ въ эти години бѣдствій. Между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, что въ Индіи во время голодовъ умираетъ масса народа, и во время, напримѣръ, голода во второй половинѣ 70-хъ гг., когда получало помощь 1,3 милл. человѣкъ (Лохтинъ, стр.

55), по расчетамъ англичанъ погибло отъ голода 8 милліоновъ человѣкъ (см. Гиббинсъ и Сатуринъ, „Исторія Современной Англіи“, стр. 209).

Гораздо болѣе важнымъ недостаткомъ подготовки г. Лохтина къ выполненію взятаго на себя труда является незнакомство его съ русской статистической литературой. Мы уже не говоримъ о такъ называемой земской статистикѣ; даже изданія центрального статистическаго комитета по статистикѣ землевладѣнія извѣстны ему только изъ вторыхъ рукъ, и онъ даже не знаетъ того, къ какому моменту времени относятся соотвѣтствующія изслѣдованія. Такъ, заключающіяся въ „Сводѣ матеріаловъ“ (изд. канцеляріи комитета министровъ) данныя о землевладѣніи, собранныя, какъ извѣстно (исключая свѣдѣній о приобрѣтеніи земли при посредствѣ крестьянскаго банка), въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, отнесены г. Лохтинымъ къ 1892 г. (стр. 133 и 145), на томъ, вѣроятно, основаніи, что въ томъ же „Сводѣ“ приводятся свѣдѣнія о землѣ подъ посѣвомъ въ 1892 г. На стр. 145—146, площадь земли подъ паромъ и залежью опредѣляется на основаніи относительныхъ цифръ разныхъ авторовъ, но не самаго источника („Статист. Времен. Росс. Имп.“, сер. III, вып. IV), гдѣ сгруппированы данныя соотвѣтствующаго officialнаго изслѣдованія 1881 г.; и такъ какъ авторамъ, которыми пользовался г. Лохтинъ, не могли быть извѣстны результаты болѣе новаго изслѣдованія, опубликованные позже („Главнѣйшія данныя по земельной статистикѣ по изслѣдованію 1887 г.“), то этимъ источникомъ свѣдѣній не пользовался и г. Лохтинъ.

Нечего говорить, что г. Лохтину не были извѣстны и другіе источники матеріаловъ по вопросамъ его разработки, — матеріаловъ, которые онъ считалъ менѣе важными, почему въ его книгѣ и не могла серьезно идти рѣчь объ оцѣнкѣ сравнительной точности разнаго рода данныхъ. Въ интересахъ автора было только защищать достаточную точность данныхъ, надъ которыми онъ оперировалъ, и онъ это дѣлаетъ очень просто. Сомнѣніе, напр., г. Радцига относительно точности officialныхъ цифръ скота, навѣянное противорѣчіемъ этихъ цифръ земскимъ даннымъ по тому же предмету, нисколько не побуждаетъ г. Лохтина обратиться къ изданіямъ земства, для ознакомленія хотя бы съ методами собиранія его свѣдѣній. Еслибы онъ это сдѣлалъ, напр., относительно вятской губерніи, то узналъ бы, что земскія свѣдѣнія о количествѣ скота собираются здѣсь волостными правленіями, по каждому селенію особо, и provѣряются затѣмъ на мѣстахъ земскими ветеринарами; онъ бы нашелъ здѣсь и данныя, рисующія степень отклоненія волостныхъ цифръ отъ дѣйствительныхъ. Сдѣлавъ это, онъ, вѣроятно, не разрѣшилъ бы сомнѣнія о сравнительномъ достоинствѣ казенныхъ и земскихъ цифръ заявленіемъ, что „земская цифра скота (въ вятской губерніи), нужно думать, неточна“

(стр. 278), и что „вятская губернія не даетъ повода сомнѣваться въ точности официальной цифры рогатаго скота“. Точно также и вопросъ о томъ, насколько точны данныя центрального статистическаго комитета о сборѣ хлѣбовъ, болѣею частью пониженныя сравнительно съ данными министерства земледѣлія, вмѣсто серьезнаго изслѣдованія, разрѣшается соображеніями въ родѣ слѣдующаго: „трудно придумать причины, которыя бы заставляли волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и т. д. завѣдомо показывать меньшіе сборы хлѣба сравнительно съ дѣйствительными. Нельзя же серьезно думать, что они это дѣлаютъ изъ боязни новыхъ налоговъ: тогда и про корреспондентовъ министерства земледѣлія можно предположить, что они показываютъ большіе сборы въ расчетахъ на что-либо въ родѣ ордена, болѣе ссуды подъ залогъ имѣнія и т. п.“ (стр. 257). Иронія автора совершенно неумѣстна: стоить только вспомнить, какъ возбуждается при урожаѣ энергія полиціи по сбору съ крестьянъ недоимокъ и платежей, чтобы съ большою вѣроятностью предположить, что въ средѣ крестьянъ существуетъ полное основаніе уменьшать цифры урожаявъ.

Не зная первоисточниковъ, г. Лохтинъ обреченъ повторять ошибки тѣхъ справочныхъ изданій, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои данныя, и толковать эти послѣднія неправильно. На стр. 141, напр., приводится таблица малоземельныхъ домохозяевъ, причемъ въ Россіи число такихъ опредѣлено въ 10,6%. Эту цифру г. Лохтинъ заимствовалъ изъ словаря Брокгауза-Ефрона, а тамъ она получилась путемъ подсчета *всего* числа домохозяевъ въ *общинахъ*, надѣленныхъ землей въ размѣрѣ до 2 дес. на ревизскую душу. Цифра эта, какъ видитъ читатель, фиктивна, и ее можно считать за число малоземельныхъ домохозяевъ въ Россіи, лишь провѣривъ на нѣсколькихъ губерніяхъ—дѣйствительно ли все число домохозяевъ въ малоземельныхъ общинахъ соответствуетъ числу малоземельныхъ дворовъ во всѣхъ общинахъ. Насколько приводимая г. Лохтинымъ цифра не соответствуетъ дѣйствительности, видно изъ того, что—согласно земскимъ даннымъ—только въ немногихъ малоземельныхъ уѣздахъ число малоземельныхъ крестьянскихъ дворовъ приближается къ ней; въ остальной же части Россіи число такихъ дворовъ значительно больше. Воронежская губернія, напр., не принадлежитъ къ числу малоземельныхъ, а между тѣмъ, хозяйствъ, имѣющихъ до 5 дес. на дворъ, насчитывалось въ ней, въ 80-хъ годахъ, 73.579 изъ 305 тыс. надѣльныхъ дворовъ, или 24%. Въ такихъ же губерніяхъ, какъ курская, полтавская и т. п., ихъ гораздо больше. Среди четвертныхъ крестьянъ курской губерніи хозяева, имѣющіе до 3-хъ десят., составляютъ около 20% общаго числа земельныхъ дворовъ, а вмѣстѣ съ хозяевами, владѣющими 3—5 дес., число ихъ превыситъ, вѣроятно, 40%. Еще больше малоземельныхъ домохозяевъ въ полтавской губерніи. И принимая во вниманіе, что

за истекшее со времени земских переписей время число малоземельных крестьянских дворовъ должно было увеличиться, мы вряд ли ошибемся, если скажемъ, что дѣйствительное число этихъ хозяйствъ въ настоящее время, приблизительно, вдвое болѣе того, что принимаетъ г. Лохтинъ.

Въ виду сдѣланныхъ выше замѣчаній относительно цифровой части изслѣдованія г. Лохтина, мы должны высказать, что хотя заключенія автора о положеніи русскаго хозяйства, сравнительно съ хозяйствомъ иноземнымъ, въ общемъ, нельзя не считать правильными, но данныя имъ цифровыя выраженія современнаго состоянія землевладѣнія и хозяйства въ Россіи и за границей во многихъ отношеніяхъ требуютъ проверки.

Хотя г. Лохтину достаточно было работы и по его прямой задачѣ—сравненію русскаго сельскаго хозяйства съ иноземнымъ—и у него не оказалось достаточно времени, чтобы ознакомиться съ важнѣйшими источниками по этому предмету, онъ не удержался отъ того, чтобы въ послѣдней главѣ не высказаться по вопросу, гораздо болѣе сложному: о причинахъ „специфической разницы между Россіей и другими странами въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. Мы опасаемся, что этотъ вопросъ авторъ, пожалуй, еще менѣе изучалъ по источникамъ, чѣмъ вопросъ о современномъ положеніи хозяйства, и та мысль, которую онъ развиваетъ въ этой главѣ (что всему причиной злосчастная община), равно какъ и способъ аргументаціи (ссылка на исторію земледѣлія и на процессъ уничтоженія общины на Западѣ), даютъ много основаній предполагать, что указанная авторомъ причины отсталости нашего хозяйства не были признаны имъ за таковыя послѣ серьезнаго изслѣдованія предмета; что онъ принялъ извѣстныя мнѣнія, какъ принимаетъ масса ходячія воззрѣнія по тому или другому важному и интересному вопросу. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ браться за очень сложный вопросъ о причинахъ низкаго состоянія нашего хозяйства и о роли общины въ развитіи земледѣлія, г. Лохтину слѣдовало бы ознакомиться съ русской экономической и преимущественно земской литературою. — В. В.

Въ теченіе мая мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Аваровъ, Д.—Душа и внѣшность. Харьк. 901. Ц. 20 к.

Антоній, митрополитъ.—Рѣчи, Слова и Поученія. Изд. 2-ое. Спб. 901.

Богдановичъ, Л. А.—Иностранные университеты. Вып. 3: За-атлантические университеты. М. 901.

Бертранъ, Жозефъ.—Теоретическая ариметика. Составилъ преимущественно по Бертрану Н. Вилибинъ. Изд. 5-е. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Брандесъ, Георгъ.—Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. II. Перев. М. Спасской и В. Фриче, п. р. Н. И. Стороженка, съ предисл. и примѣч. редактора. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ, Е. Ф.—Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе странъ. Ч. III: Мануфактурная промышленность въ Царствѣ Польскомъ. Ч. IV и послѣдняя: Нефтяная промышленность. Спб. 901. Ц. 3 р.

Бутру, Эм.—Паскаль. Съ франц. Е. В. Лавровой. Спб. 901. Ц. 30 к.

Былоконскій, И. П.—Статистическія работы Н. И. Борисова. Рецензія. Харьк. 901.

Бѣлинскій, В. Г.—Полное собраніе сочиненій, подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ четвертый, съ прилож. портрета Бѣлинскаго и М. Бакунина. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣляевъ, А.—Буря и Кальвинизмъ. Св. Троицкая Серг. Лавра. 901. Ц. 20 к.

Волкова, Е.—Аравія и Магометъ. Историч. очеркъ. М. 901. Ц. 40 к.

Гааке, В., д-ръ.—Міръ животныхъ, ихъ жизнь и нравы съ 620 рис. Полный перев. съ нѣм., п. р. Г. Н. Ковалевскаго. Въ трехъ томахъ, всего около 2.000 стр. Вып. 1. Спб. 901. Ц. 25 к. (40 вып. по 25 коп.; по подпискѣ за всѣ 40 вып.—8 руб.).

Гарнеръ, Р. Л.—Языкѣ обезьянъ. Съ англ. С. Л. Халиутинъ, п. р. В. Битнера. Спб. 901. Ц. 50 к.

Гаутманъ, Г.—„Михаэль Крамеръ“. Драма въ 4 д. Представл. въ 1-й разъ въ Берлинѣ, въ дек. 1900 г. Перев. Р. Розенманъ и Л. Василевскаго. Харьк. 901. Ц. 30 к.

Гаутманъ, „Михаэль Крамеръ“. Драма въ 4 д. Перев. съ нѣм. Бурдъ-Восходовъ. Харьк. 901. Ц. 30 к.

Гельмольтъ, Г. Ф.—Всемирная исторія. Съ нѣм. п. р. Н. Н. Харузина. Вып. 3: I. Ранке, проф., Доисторическая жизнь человѣчества. Вып. 4: К. Геблеръ, проф., Исторія Америки. Вып. 5: Тоже. Вып. 6: Тоже. М. 901.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. VII. Начала русскаго государственнаго права. Ч. I: О государственномъ устройствѣ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Гюйо, М.—Искусство съ соціологической точки зрѣнія. Съ портр. автора. Спб. 901. Ц. 2 р.

Дживелеговъ, А.—Городская община въ средніе вѣка. М. 901. Ц. 50 к.

Жуковскій, В. А.—Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе 10-ое, исправл. и дополн. п. р. П. А. Ефремова, съ приложеніемъ 4 портр. Жуковскаго. Спб. 901. Ц. 2 р. 25 к.

Захаринъ (Якунинъ), Я. К.—Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. Часть I: Жизнь гр. Перовскаго. Ч. II: Зимній походъ въ Хиву въ 1839 г. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Зеландъ-Дубельтъ.—Литовскія письма. Вильно, 901. Ц. 30 к.

К., А.—Разказы: 1) Женится — перемѣнится. 2) Въ вагонѣ. Харьк. 901. Ц. 20 к.

Кауфманъ, Л. А.—Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка. Истор.-стат. очеркъ. Спб. 901.

Кацъ, Р. А., д-ръ.—Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. 2-е изд. Спб. 901. Ц. 30 коп.

Козловъ, Н. Г.—Къ вопросу объ учрежденіи въ сибирскихъ губерніяхъ текущей статистики и мѣстныхъ органовъ по хозяйственнымъ дѣламъ. Тобольскъ. 1901.

Кулябка, С. К.—Общественно-этическія замѣтки. М. 901. Ц. 30 к.

Лебединскій, П. М.—Браткій историческій обзоръ движенія и развитія древне-еврейскаго законодательства. Отъ V в. до Р. X. и до XII в. по Р. X. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Латъ, Э.—Мнеология. Переводъ подъ редакцію Н. Н. и В. Н. Харузиныхъ. М. Изданіе В. Линдъ. 1901. 209 стр. Ц. 90 коп.

Лермонтовъ, М. Ю.—Избранныя сочиненія. Школьное изданіе Саратов. губер. земства. Съ біографіей и портретомъ поэта. Сарат. 901. Ц. 20 к.

Лернеръ, Николай.—Первая Одесская газета. Страничка изъ исторіи русской печати. Напечатано 100 экземпляровъ. Од. 901.

Липранди, А. П. (Волынцевъ).—Польша и польскій вопросъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Мартмяновъ, Т. А.—„Камаринская“ и „Барыня“. Къ исторіи народныхъ чтеній. Спб. 901. Ц. 12 к.

Мейеръ, В. Ф.—Натуральная и денежная дорожная повинность. Спб. 901. Ц. 50 к.

Мижусевъ, Г. Г.—Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. М. 900. Вып. 7 и 8.

Обломіевская, О.—Черезъ вѣсколько вѣковъ. Замѣтенъ въ защиту индивидуума. Спб. 901. Ц. 30 коп.

Перликъ, И. М.—О военныхъ бесѣдахъ. Ахалъ. 901.

Пилетко, Ал.—Привилегіи на изобрѣтенія. Практическое руководство, съ приложеніемъ текста 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ. Спб. 901.

По, Эдгаръ.—Собраніе сочиненій—въ переводѣ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Т. I: Поэмы, сказки. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Рескинъ, Джонъ.—Сезамъ и Лили. Три лекціи: I. О сокровищницахъ королей. II. О садахъ королей. III. О тайнѣ жизни. Перев. О. М. Соловьевой. М. 901. Ц. 60 к.

— Сочиненія. Серія 1-ая. Кн. 4: Лекціи объ искусствѣ. Полный переводъ. Просмотр. Л. Никифоровымъ.—Кн. 5: Оливковый вѣнокъ. М. 900.

Розановъ, Н. М.—Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“, Якобъ Ленцъ, его жизнь и произведенія. Критич. изслѣдованіе. Съ прилож. неизданныхъ матеріаловъ. М. 901. Ц. 2 р.

Смирновъ, И.—Учебникъ латинскаго языка. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 5-ое. Одобрено Учен. Комит. мин. народ. просв. Спб. 901. Ц. 1 р. 40 коп.

Смирновъ, Алексій.—Склирена. Историческая повѣсть. Спб. 901. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Т.—Вниманіе, какъ органическая сила. Очеркъ біологической теоріи вниманія. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Страховъ, Н.—Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. 1862—1885 г. Изд. 4-ое. Т. I. Кіевъ, 901. Ц. 1 р. 50 к.

Тарле, Е. В.—Исторія Италіи въ средніе вѣка. Спб. 901. Ц. 1 р.

Томсонъ, Дж.—Жизнь животныхъ. Ч. III и IV. М. 901. Ц. 35 к.

Уордъ, Л.—Очерки социологіи. Съ англ. Е. И. Босинекъ. М. 901. Ц. 1 р.

Ускеръ, Гейнрихъ, де.—Развитіе австралійской демократіи. Съ англ., съ вступительной статьей и дополненіями Д. Сатурина. Спб. 901. Ц. 1 р. 80 к.

Федоровъ, Е. С., и *Никитинъ, В. В.*—Богословскій горный округъ. Описаніе въ отношеніи его топографіи, минерологіи, геологіи и рудныхъ мѣсторожденій. Съ приложеніемъ: а) двухъ статей Е. Д. Стратоновича: 1) Объ ископаемой фаунѣ и флорѣ Округа, и 2) О дѣятельности геологическаго музея въ

1900 году; 6) двухъ картъ Округа, геометрической и геологической, и восьми таблицъ рудничныхъ плановъ и разрѣзовъ. Спб. 901. Ц. 10 руб.

Фрикенъ, А., фонъ.—Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. I, II, III и IV. М. 901. Ц. за 4 тома—8 рублей.

Чайковский, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковского. Т. I, вып. 6: 1840—1877 г. Всего 20 вып. по 40 кон. каждый. М. 901.

Чумаковъ, Д.—Основы къ разрѣшенію задачи воздухоплаванія. Асхабадъ, 901.

Шитаревъ, А. И., зем. вр.—Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ во время лѣтней рабочей поры. Ворон. 901.

Шопенгауеръ, Артуръ.—Сочиненія. Въ перев. и п. ред. Ю. Айхенвальда. Вып. II, III и IV. М. 901.

Шляпошниковъ, М.—Всемирно-еврейскій конгрессъ Сіонистовъ въ Лондонѣ. Харьк. 901. Ц. 15 к.

Я., П.—Стихотворенія. Т. II: 1898—1901. Спб. 901. Ц. 1 р.

Kariejew, Mikolaj.—O Studiach z zakresu historyi zachodniej Europy w Rosyi. Lwów. 901.

— Дешевая Библіотека.—№ 324: Ларошфуко, Мысли, изреченія и поученія. Съ франц. С. Касаткинъ. Спб. 901. Ц. 15 к.

— Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. Иностранные поэты: 1) Гёте; 2) Андрей Шенье; 3) Робертъ Бёрнсъ. Съ приложеніемъ ихъ стихотвореній. М. 901. Ц. по 10 к.

— Иллюстрированный Географическій Сборникъ, составлен. преподав. географіи, А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Сафроновымъ. М. 901. Ц. 2 р. 25 к.

— Къ 25-лѣтію сооруженія въ С.-Петербургѣ, въ память въ Божѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича Храма во имя св. Николая Чудотворца и учрежденнаго при немъ Николаевского Православнаго Братства (1876—1901 гг.). Спб. 901.

— Кавказскіе курорты: Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Иллюстрированный Путеводитель на 1901 г.

— Книгоиздательское Т—во „Просвѣщеніе“: 1) Горное дѣло и металлургія. Перев. съ нѣм. п. р. проф. И. Мушкетова и В. Баумана. Вып. 1, ц. 50 к. (всего 10 вып.). Спб. 901. 2) Исторія человѣчества. Всемирная исторія. Состав. п. р. Г. Гельмольта. Т. I, вып. 1, ц. 50 к. (всего 80 вып.). Спб. 901. 3) Промышленность и Техника. Т. I: Исторія и современная техника строительнаго искусства, перев. проф. В. В. Эвальда. Вып. 1, ц. 50 к. (всего 10 том. по 10 вып., каждый т. 5 р., вся серія 60 р.). Т. III, вып. 1: Электричество, Арт. Вилье, перев. проф. В. В. Скобелевича. Спб. 901. Ц. 50 к. (всего 10 т.).

— Отчетъ Комитета о второмъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ Харьков. Позем. Банкомъ въ память 25-лѣтія царствованія имп. Александра II при Имп. Харьков. университетѣ. Приложенія: рецензія М. М. Ковалевскаго, В. Ф. Левитскаго, Г. Н. Шмелева и И. П. Вѣлюковскаго. Харьк. 901.

— Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Имп. Величествъ покровительствомъ, за 1899 годъ. Спб. 901.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія. Вып. XXXIV: Д-ръ М. П. Манасеинъ, Общая гигиена кожи, волосъ и ногтей. Спб. 901. Всего 50 вып., ц. 12 р. Вып. XXXV: Д-ръ Вирениусъ, Сонъ ребенка. Спб. 901.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Björnstjerne-Bjornson. „Laboremus“. Drama. München. 1901. Стр. 168.

Новая драма Бьёрнстерна-Бьернсона носить сильное и спокойное заглавие, которое звучит как заповѣдь — „*Laboremus*“! Содержаніе вполне соответствует внушительности заглавія: оно чрезвычайно опредѣленно и ясно, и въ немъ заключена жизненная мудрость, успокаивающая, какъ тихая, искренняя проповѣдь. Драма производит очень своеобразное впечатлѣніе; чувствуется прежде всего, что она написана человѣкомъ, который отдыхаетъ послѣ долгой, многоопытной жизни. Въ ней нѣтъ тревожныхъ исканій, нѣтъ свойственнаго молодости стремленія къ новымъ разрѣшеніямъ загадокъ жизни. Для Бьёрнстерна законы нравственности незыблемы, и въ этомъ онъ находитъ успокоеніе, залогъ вѣчной гармоніи. Въ драмѣ ничего не перерѣшается, а только подтверждается твердость нравственныхъ устоевъ. Молодые художники смотреть всегда впередъ, одни съ упованіемъ, другіе съ отчаяніемъ въ душѣ—но они всегда хотятъ иного, чѣмъ то, что есть. Старый норвежскій драматургъ тоже зналъ мятежныя настроенія, тоже ломился въ замкнутыя двери. Его прежнія произведенія были постоянной проповѣдью общественной и нравственной ломки, страстнымъ призывомъ къ людямъ, къ тому, чтобы они во имя нравственного чувства измѣнили свою жизнь. Теперь этотъ смѣлый и пламенный проповѣдникъ общественныхъ идеаловъ смирился и успокоился. Онъ какъ бы отстранилъ себя отъ подробностей жизненнаго строя и просвѣтленнымъ взоромъ старости сталъ вникать въ самыя основы его. Драма „*Laboremus*“ — плодъ такого просвѣтленнаго взгляда на жизнь. Въ ней звучитъ увѣренность въ торжествѣ нравственнаго закона, въ его естественной побѣдѣ, которая совершается безъ насилія надъ чьей-либо волей. Въ драмѣ нѣтъ добрыхъ и порочныхъ людей; всѣ слѣдуютъ законамъ своей натуры—но есть въ ней повинующіеся закону жизни и нарушители его, и судьба ихъ складывается соотвѣтственно съ этимъ. Спокойное и убѣжденное изображеніе судьбы людей—въ связи съ отношеніемъ ихъ къ законамъ нравственности составляетъ содержаніе этой очень интересной драмы Бьёрнстерна, которая является до нѣкоторой степени эпилогомъ всего его творчества.

У Бьёрнстерна всегда стояли на первомъ планѣ вопросы совѣсти,

внутренняго долга, а не внѣшнихъ столкновеній съ судьбой, и то же самое мы видимъ и въ „Laboremus“. Основная идея сводится къ слѣдующему: можетъ ли человѣкъ во имя своего личнаго блага, хотя бы даже понимаемаго наиболѣе возвышенно, т.-е. въ смыслѣ духовнаго совершенствованія, жертвовать другими людьми, идти къ свѣту путемъ зла? Отвѣтъ драматурга—отрицательный. Внѣшняя кара за совершенное зло можетъ и не постигнуть преступника, но поправный имъ законъ нравственнаго долга самъ мститъ за себя, разрушая изнутри воздвигнутое несправедливыми путями зданіе. Въ этой мысли нѣтъ ничего оригинальнаго и новаго—и все-же въ драмѣ Бьернстерна она производитъ глубокое впечатлѣніе. Бьернстернъ не говоритъ тономъ проповѣдника, повторяющаго положенія своего катехизиса. Онъ допускаетъ возраженія, вѣритъ въ искренность противоположнаго міровоззрѣнія и менѣе всего осуждаетъ тѣхъ, которые во имя своего духовнаго освобожденія считаютъ себя вправе жертвовать благомъ другихъ. Онъ раскрываетъ ихъ психологію, показываетъ трагизмъ и высоту ихъ страстной борьбы за свою душу—но во имя правды доказываетъ, что ихъ стремленія безцѣльны: не можетъ быть освобожденія, когда нарушенъ законъ нравственнаго долга. Этотъ идейный замыселъ воплощенъ въ драмѣ Бьернстерна очень своеобразно. Прежде всего въ ней поражаетъ большая простота и сосредоточенность дѣйствія.

На сценѣ очень немного людей — только тѣ, которые необходимы для выясненія мысли автора. Мужъ и жена, третій человѣкъ, въ которомъ воплощена судьба героини—другъ мужа, который содѣйствуетъ, не принимая открытаго участія въ событіяхъ, торжеству нравственнаго долга, и дочь мужа отъ перваго брака, тоже способствующая своимъ появленіемъ разрѣшенію сложнаго вопроса совѣсти—таковы всѣ лица драмы. Въ ней нѣтъ никакихъ постороннихъ эпизодовъ, никакихъ бытоописательныхъ подробностей. Это какъ бы схема человѣческой судьбы, не прикрѣпленная ни къ какому опредѣленному мѣсту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень жизненная. Вполнѣ реальной драму Бьернстерна назвать нельзя. Дѣйствующія лица вполнѣ жизненны, ихъ судьба, ихъ страданія понятны и близки всякому,—но для того, чтобы выяснитъ законъ, управляющій ихъ судьбой, авторъ прибѣгаетъ къ фантастическому элементу. Въ драмѣ есть нѣсколько мотивовъ, противорѣчащихъ психологической правдѣ. Такъ напр., большую роль въ ходѣ дѣйствія играетъ умершая первая жена героя драмы; она является во снѣ своему мужу и открываетъ ему правду, которой онъ не зналъ и не могъ знать безъ этого загробнаго видѣнія. Но это, конечно, еще допустимый пріемъ; тутъ важно то, что человѣку открылась неведомая ему до того истина, и что она опредѣлила его дальнѣйшую судьбу,—художникъ воленъ воплотить это хотя бы въ видѣ сновидѣнія. Го-

раздо болѣе важно другое нарушеніе реальной правды, которое не имѣетъ и психологическаго оправданія. Въ драмѣ предполагается, что героиня убила женщину, которая стояла на ея пути, не кинжаломъ или ядомъ, — а своей музыкой. Ее призвали къ больной женщинѣ, чтобы исцѣлить или во всякомъ случаѣ облегчить нравственно ея страданія, но она употребила во зло свой талантъ и сознательно губила больную своей артистической игрой на роялѣ, потому что ей хотѣлось, чтобы больная умерла, и чтобы овдовѣвшій мужъ ея женился на ней самой. При всемъ желаніи понять въ данномъ случаѣ губительную силу музыки какъ поэтический символъ воздѣйствія одной души на другую, — самый фактъ убійства черезъ посредство музыки кажется слишкомъ невѣроятнымъ: читатель никакъ не можетъ считать эту странную убійцу въ самомъ дѣлѣ преступницей. Приходится поэтому, чтобы слѣдить за художественнымъ замысломъ пьесы, просто принять совершенное убійство какъ фактъ и слѣдить за выводами, которые изъ него дѣлаются. Мотивъ убійства представленъ совершенно реально, и потому фантастическое средство, которымъ оно совершено — только художественный промахъ, очень досадный, но не нарушающій значенія самой пьесы.

Вся драма, впрочемъ, является сплетеніемъ реальнаго и фантастическаго. Съ одной стороны, представлена простая человѣческая жизнь, съ другой — роль такого же жизненнаго событія играетъ работа молодого композитора надъ задуманной имъ оперой. Его замыселъ, назрѣвающій внѣ отношеній къ происходящимъ событіямъ, роковымъ образомъ оказываетъ на нихъ вліяніе и выводитъ наружу то, что было скрыто въ поступкахъ и въ судьбѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Романисты и драматурги избѣгаютъ вводить въ изображеніе реальной жизни вліянія искусства и литературы, потому что въ самомъ дѣлѣ въ этомъ есть нѣчто фальшивое. Жизнь должна выясняться изъ себя, безъ вмѣшательства автора и его поясненій, вложенныхъ имъ въ какое-нибудь литературное, или, какъ въ данномъ случаѣ, музыкальное произведеніе. Этимъ приѣмомъ пользовался англійскій романистъ Мередитъ, въ романахъ котораго всегда есть какая-нибудь выдуманная енига, изъ которой приводятся разсужденія и цитаты, примѣнимыя къ объясненію разыгрывающихся событій. Но нужно отдать справедливость Бьернстерну: онъ съ большимъ мастерствомъ пользуется своимъ искусственнымъ приѣмомъ; опера, которую пишетъ молодой композиторъ, вноситъ поэзію въ нѣсколько сухое схематичное изложеніе драмы совѣсти, и замыслы музыканта очень естественно переплетаются съ изображенными событіями, дополняя и углубляя ихъ.

Въ драмѣ, такимъ образомъ — два параллельныхъ дѣйствія: одно въ области фантазій — опера молодого композитора; другое чисто реаль-

ное—трагедія въ жизни мужа и жены, соединившихся во имя любви, но разъединенныхъ неумолимымъ закономъ совѣсти. Оба дѣйствія внѣшнимъ образомъ не связаны между собою. Молодой композиторъ Ланфредъ задумалъ оперу—„Ундина“. Въ ней онъ хочетъ воплотить безконечную тоску и влеченіе къ болѣе высокому, живущее въ душѣ человѣка. Ундина, т.-е. русалка—воплощеніе моря, которое стремится къ землѣ,—стремленія мятежнаго къ твердому, къ успокоенію. Море можетъ только отражать небо и вѣчно созерцать неограниченность своей тоски, невозможность достиженія. Оно не можетъ побѣдить земли, сдвинуть ее, и не можетъ достигнуть неба. Море—символь вѣчнаго стремленія, и это стремленіе можетъ быть отражено только въ музыкѣ, которая окружаетъ жизнь, какъ море окружаетъ землю. Ундина, воплощающая море, т.-е. безграничную тоску, вѣчно стремится къ большому, простираетъ руки къ небу. Она всегда уходитъ отъ того, что твердо и недостижимо. Она обнимаетъ и бѣжитъ назадъ, всегда жаждетъ и уходитъ, всегда остается на границѣ между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ. Таковъ первоначальный замыселъ оперы. Въ своемъ стремленіи, въ своей безграничной жадѣ подняться вверхъ и овладѣть землей, Ундина нарушаетъ законы жизни, убиваетъ то, что ей становится на пути, и этимъ закрываетъ себѣ дорогу къ міру, куда ее влекло. Она опять уходитъ назадъ, въ глубину моря; она можетъ только вѣчно тяготѣть и стремиться, но ей не дано достиженій—потому что въ своей борьбѣ она нарушаетъ законы, которыхъ не знала. Она сама не виновата; ея стремленія высоки, — но трагическій законъ жизни осуждаетъ ее; она погибаетъ, нарушивъ его. Музыкантъ увлеченъ художественностью своего замысла, желаніемъ изобразить борьбу между голосомъ моря и голосомъ земли, но въ примѣненіи къ жизни его сказка получаетъ глубокой нравственный смыслъ, становится отраженіемъ борьбы между любовью и моралью. Русалка—воплощеніе любви, но любви холодной, безпощадной и бездушной. Русалка прекрасна тѣмъ, что въ ней есть неосуществимая тоска, стремленіе къ тому, чего она не можетъ достигнуть,—къ болѣе высокой формѣ жизни. Она любитъ и хочетъ овладѣть чужой душой, чтобы такимъ образомъ получить жизнь. Но у нея нѣтъ души, и она не знаетъ, что человѣкъ живетъ высшими законами. Она попираетъ эти законы и гибнетъ сама. То, что композиторъ вложилъ въ свой замыселъ, совершается невѣдомо для него въ жизни, въ его непосредственной близости. Онъ любитъ молодую женщину, Лидію Висби, знаетъ, что она несчастна со своимъ мужемъ, знаетъ, что она жаждетъ любви, которой не нашла въ своемъ мужѣ, и хочетъ дать ей эту любовь, ухлѣсть съ нею, чтобы вмѣстѣ работать надъ вдохновляющимъ его замысломъ. Ихъ связываетъ любовь и связываетъ музыка. Она, знаменитая пѣ-

нистка, околдовавшая его своимъ исполненіемъ одной его пьесы. Но онъ не знаетъ, что она въ жизни—та Ундина, которую онъ хочетъ воплотить въ музыкѣ. Она долго тяготилась своей скитальческой жизнью, чувствуя себя вѣчно чужой среди людей, которые восторгались ея музыкой, но смотрѣли на нее съ холоднымъ любопытствомъ, какъ на пришлицу, ничѣмъ не связанную съ ихъ твердой и упорядоченной жизнью. Ей тоже хочется жить общей жизнью, имѣть очагъ, быть любимой, не быть чужой, которая только развлекаетъ людей, но ничего общаго съ ихъ жизнью не имѣетъ. Ее однажды призвали къ больной женщинѣ, живущей спокойно въ своемъ помѣстьѣ; ее окружаетъ любовь мужа и дочери, заботы преданныхъ ей друзей. Тоскующая пѣанистка позавидовала счастью больной, цѣплявшейся за жизнь женщины. Ей показалось, что она имѣетъ больше правъ на счастье и любовь — и она стала бороться, чтобы завоевать это счастье для себя. Она стала завоевывать сердце робкаго, мечтательнаго мужа больной и чарами своего таланта (въ этомъ натяжка реальной по существу драмы) она приближаетъ больную женщину къ смерти. Та понимаетъ, что происходитъ, но покоряется судьбѣ. Висби, вскорѣ послѣ смерти жены, женится на Лидіи, не зная, что она виновна въ смерти жены. Лидія проситъ его никогда не спрашивать ее о прошломъ, не думать о томъ, какъ она жила прежде, потому что только его любовь даетъ ей жизнь, и ей кажется, что она только-что родилась на свѣтъ. Но послѣ свадьбы у Висби открываются глаза. Умершая жена является къ нему во снѣ, и говорить, что Лидія ее убила. Затѣмъ уже Висби узнаетъ отъ друзей о прошлой жизни Лидіи, о всѣхъ ея попыткахъ привлекать къ себѣ мужчинъ, о ея приключеніяхъ, въ которыхъ, въ сущности, сказывается только одно—стремленіе какими бы то ни было средствами заставить себя полюбить, и вѣчное крушеніе всѣхъ ея попытокъ. Она, какъ русалка, влечетъ къ себѣ, но всякій разъ, нарушая невѣдомый ей законъ, осуждена опять возвращаться въ море, вѣчно тяготѣть и никогда не достигать.

Это открытіе разрушаетъ любовь Висби, и Лидія видитъ, что ея мечта о счастьи и объ осѣдлой семейной жизни разбита. Но ей встрѣчается на пути новый призракъ возможнаго успокоенія въ любви. Молодой композиторъ Лангфредъ очарованъ ея исполненіемъ его Rondo и страстно ее полюбилъ. Онъ хочетъ уѣхать съ ней и взяться за работу. Но страннымъ образомъ онъ чувствуетъ, что ея вліяніе скорѣе парализуетъ его силы—она и есть воплощеніе той русалки, которая можетъ только привлекать къ себѣ, но губить и себя, и другихъ. Она нарушила, своимъ преступленіемъ относительно первой жены Висби и прежнихъ своихъ жертвъ, законъ нравственности, управляющій міромъ и судьбой людей. Лидія любитъ Лангфреда только для себя,

только какъ средство очистить свою душу и подняться отъ своихъ прежнихъ паденій. Къ его музыкѣ она равнодушна, и внутренній смыслъ его оперы для нея темень. Сюжетъ „Ундины“ увлекаетъ ее какъ отраженіе той безысходной тоски и безпредѣльных влеченій, которыми полна ея собственная душа,—но она не предвидитъ, что въ дальнѣйшемъ развитіи опера молодого композитора станетъ приговоромъ ей самой. Смыслъ драмы—въ томъ, что Лангфреду долженъ открыться законъ нравственности, и что это спасетъ его отъ Лидіи, вернетъ его къ жизни, къ труду. Висби спасло вмѣшательство чудеснаго въ его жизнь—явленіе ему во снѣ его умершей жены, которая открыла ему истину и, причинивъ ему страданіе, все-таки спасла его. Лангфредъ спасается инымъ способомъ, доставляющимъ ему меньше страданій, потому что онъ самъ не знаетъ о связи своего музыкальнаго замысла съ судьбой любимой имъ женщины. Другъ Висби, докторъ Канъ—дядя Лангфреда. Онъ хочетъ спасти своего племянника, такъ какъ онъ одинъ знаетъ и понимаетъ Лидію. Онъ былъ близокъ къ первой женѣ Висби и понялъ причину ея смерти... Но прямого воздѣйствія на своего племянника онъ оказать не хочетъ, зная, что внѣшнее насиліе не исцѣляетъ душу, и что навѣтами на Лидію онъ только усилитъ любовь къ ней Лангфреда. Но онъ увѣренъ въ торжество закона нравственности, и потому знаетъ, что достаточно, чтобы этотъ законъ открылся Лангфреду въ его искусствѣ а черезъ искусство онъ проникнетъ и въ жизнь. Орудіемъ его воздѣйствія служитъ дочь Висби отъ первой жены, Борни. Наученная докторомъ Каномъ, она является къ Лангфреду и въ полупутиливомъ, полусерьезномъ тонѣ говорить съ нимъ о его оперѣ. Она доказываетъ ему, что нужно углубить сюжетъ, выразить въ немъ не только влеченіе русалки къ недостижимому, но и показать, почему ей не дано войти въ тотъ высшій міръ, въ который она стремится. Она рассказываетъ, не называя именъ, о смерти своей матери и о преступленіи Лидіи, говоря, что эта женщина, погубившая больную во имя своего блага, и есть воплощеніе русалки, нарушившей законъ жизни и обреченной поэтому на гибель. Лангфредъ проникается ея объясненіемъ и задумываетъ голоса моря и голоса земли, въ борьбѣ которыхъ должна отразиться побѣда нравственнаго закона жизни и трагическая судьба русалки. Борни уходитъ, сдѣлавъ свое дѣло, и Лангфредъ не знаетъ, что она спасла его. Онъ думаетъ только о своей оперѣ, не подозревая о связи искусства и жизни. Когда приходитъ къ нему Лидія, уже готовая уйти съ нимъ и начать новую жизнь, онъ говоритъ ей объ измѣненіи своихъ мыслей. Она сначала страшно протестуетъ, какъ бы защищая русалку и правоту ея стремленій и исканій, а на самомъ дѣлѣ защищая себя отъ грознаго закона жизни. Но Лангфредъ непоколебимъ.

Онъ понималъ виновность русалки и считаетъ ея спасеніе невозможнымъ. Лидія понимаетъ тогда, что для нея все кончено; и уходитъ отъ Лангфреда. Она осуждена, какъ русалка, вѣчно возвращаться въ безграничное море неосуществимыхъ влеченій. Уйти заставляютъ ее не только слова Лангфреда, которыя она все-таки старается свести на чисто-теоретическій разговоръ о художественномъ произведеніи, но и появленіе въ дверяхъ Борни, до того похожей на свою мать, что Лидія кажется, что умершая пришла покарать ее. Лидія съ крикомъ уходитъ. Лангфредъ понималъ, что видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Докторъ Канъ, вошедшій вмѣстѣ съ Борни, остается у племянника, и говорить ему, что отнынѣ онъ уже сможетъ работать, что исчезнетъ безсиліе, которое породила въ немъ Лидія. Пройдутъ страданія и восторжествуетъ законъ человѣческой жизни—трудъ (*Laboremus*), тѣсно связанный съ исполненіемъ закона нравственности.

Такое оригинальное содержаніе драмы Бьернстерна, полуфантастической, но въ основѣ своей вполне реальной и ясной. Съ фантастическимъ или, вѣрнѣе, символическимъ элементомъ Бьернстернъ справляется менѣе удачно. Мы уже указали на неправдоподобность нѣкоторыхъ мотивовъ. Кромѣ того, самый идеалъ, къ которому стремится Лидія, недостаточно высокъ. Она, въ сущности, хочетъ буржуазнаго семейнаго счастья, которое ей почему-то не дается. Но дѣло, въ сущности, не въ содержаніи ея идеаловъ и не въ томъ, каково было ея преступленіе и какими путями восторжествовалъ законъ нравственности. Важна самая схема судьбы человѣка въ связи съ его отношеніемъ къ основнымъ нравственнымъ законамъ. На мѣсто узкихъ идеаловъ Лидіи можно представить себѣ болѣе высокія неосуществимыя стремленія,—а такихъ въ человѣческой жизни достаточно. Вмѣсто ея фантастическаго преступленія, убійства посредствомъ музыки, можно тоже поставить болѣе правдоподобное и реальное,—а преступленій достаточно въ жизни. И тогда схема, выведенная Бьернстерномъ въ его драмѣ, окажется и вѣрной, и глубокой. Это доказываетъ, что драма его таитъ въ себѣ большую внутреннюю правду, и во имя ея можно простить вышнія несообразности, тѣмъ болѣе, что онѣ вносятъ поэтическія красоты въ пьесу.

II.

E. L. Voynich, Jack Raymond. London. Стр. 300.

„Джекъ Раймондъ“—второе произведеніе англійской романистки Е. Войничъ, автора романа „Оводъ“, который имѣлъ громкій успѣхъ и въ Англіи, и за ея предѣлами, между прочимъ и въ Россіи. Второй

романъ менѣе интересенъ, чѣмъ первый. „Оводъ“—драматическій эпизодъ изъ итальянской исторіи начала вѣка. Въ немъ чрезвычайно колоритно и жизненно представлено мятежное настроеніе эпохи, и личность самого героя, его характеръ, въ которомъ уживается пламенная ненависть къ притѣснителямъ и врагамъ народа съ безграничной любовью къ угнетеннымъ и страдающимъ, переданы съ большой яркостью и драматизмомъ. Романъ написанъ въ очень старой манерѣ, густо романтическими красками, и эффектности положеній и контрастовъ въ характерахъ, столкновеній между чувствомъ и долгомъ, приносится въ жертву психологическая правда; авторъ слишкомъ увлекается своими собственными симпатіями къ убѣжденіямъ и дѣйствіямъ положительныхъ героевъ романа и своей ненавистью къ ихъ противникамъ, и придаетъ пристрастную окраску и событіямъ, и дѣйствующимъ лицамъ. Все это сильно умаляетъ чисто художественное значеніе романа—но, тѣмъ не менѣе, интересъ фабулы и колоритность изображенныхъ событій выкупаютъ въ значительной степени художественные недостатки. Если „Оводъ“ и не принадлежитъ къ числу произведеній, которыя навсегда остаются въ литературѣ, то, какъ книга чрезвычайно занимательная и въ то же время благородная по замыслу, далеко не вульгарная по эффектамъ, она интересуетъ и будетъ интересовать читающую публику.

„Джекъ Раймондъ“ не имѣетъ столь захватывающей фабулы, и потому къ нему читатель предъявляетъ больше чисто художественныхъ требованій. Это не столько романъ, сколько психологическій очеркъ, изображеніе характера человѣка, создающагося изъ природныхъ свойствъ души, изъ впечатлѣній дѣтства и вліяній окружающей обстановки. Зная „Оводъ“ г-жи Войничъ, читатель невольно приходитъ къ мысли, что „Джекъ Раймондъ“ написанъ былъ раньше. Это какъ бы подготовительный этюдъ къ роману изъ эпохи итальянской революціи, причемъ характеръ главнаго лица—одинъ и тотъ же. Разница лишь въ томъ, что Джекъ Раймондъ—не политическій дѣятель, который проявляетъ въ дѣйствіи контрасты своей натуры, свою любящую душу и упрямую, озлобленную несправедливими страданіями душу, а живетъ въ условіяхъ будничной культурной жизни, не представляющей исхода его бурной натурѣ. Получается впечатлѣніе, точно авторъ изучилъ сначала своего героя вблизи, на англійской почвѣ, въ хорошо извѣстныхъ условіяхъ быта, среди той неправды и того зла, которое давить болѣе высокія души въ странѣ буржуазнаго лицемерія, каковой г-жа Войничъ имѣетъ смѣлость признавать свое отечество. Потомъ она перенесла хорошо понятаго и близкаго ей героя въ иную обстановку, въ иную эпоху, болѣе благоприятную для проявленія его страстной натуры—и такимъ образомъ создала своего „Овода“, без-

пощадного и сильного, нѣжнаго и несчастнаго. Но этотъ романтическій характеръ, вдохновляющій г-жу Войничъ, болѣе уместенъ въ историческомъ романѣ, чѣмъ въ реальной повѣсти нѣзъ современнаго быта, каковъ ея второй—или, быть можетъ, въ сущности, первый—романъ. Въ „Джекѣ Раймондѣ“ слишкомъ силенъ контрастъ между реалистическимъ замысломъ и романтической манерой письма. Слишкомъ сгущенныя краски, раздѣленіе людей какъ бы на ангеловъ и демоновъ, одностороннее изображеніе крайнихъ предѣловъ жестокости въ однихъ и самоотверженности въ другихъ, все это граничитъ съ сентиментальностью старинныхъ романтическихъ повѣстей и не удовлетворяетъ современнаго читателя съ его требованіями психологической правды.

И все-же, среди обычныхъ англійскихъ романовъ, „Джекъ Раймондъ“—одно изъ отраднѣхъ явленій. Въ немъ нѣтъ обычнаго искаженія жизни, нѣтъ буржуазнаго преклоненія передъ устоями англійской добродѣтели, нѣтъ банальной любовной интриги, которая добродѣтельно тянется черезъ обязательные три тома каждаго средняго англійскаго романа, чтобы закончиться въ послѣднемъ счастливой свадьбой. Г-жа Войничъ—очень смѣла; въ этомъ—ея большая заслуга. Она хорошо понимаетъ всю глубину англійскаго свѣтскаго либерализма, и въ изображеніе его вкладываетъ много реализма. Она даже впадаетъ въ другую крайность—сильно сгущаетъ краски въ своемъ пессимистическомъ изображеніи Англіи, и это часто превращаетъ ея реализмъ въ чистѣйшій романтизмъ; но ее спасаетъ полное отсутствіе внутренняго примиренія съ самодовольной англійской буржуазностью. Даже Диккенсъ, которому она очень сильно подражаетъ въ „Джекѣ Раймондѣ“, описывая, истязанія своего героя въ дѣтствѣ его добродѣтельнымъ дядей-священникомъ, закончилъ свой „Пиквикскій клубъ“ торжествомъ англійской добродѣтели. А г-жа Войничъ, напротивъ того, очень свободно смотритъ на англійскую жизнь и не дѣлаетъ никакихъ уступокъ своему національному чувству. Ея романъ интересенъ и тѣмъ, что онъ изображаетъ среднюю человѣческую жизнь безъ всякихъ необычайныхъ занимательныхъ происшествій; это—психологическій этюдъ, къ сожалѣнію романтический, и поэтому не всегда правдивый, но показывающій въ авторѣ искреннее стремленіе къ правдѣ и пренебреженіе къ внѣшнимъ эффектамъ. Въ этомъ смыслѣ романъ г-жи Войничъ очень интересенъ и благороденъ по тону, въ противоположность банальности и условности средняго англійскаго романа. Описанія быта и въ особенности природы Корнваллиса, гдѣ происходитъ дѣйствіе, сдѣланы очень талантливо; въ нихъ много подробностей, знанія природы, при отсутствіи сентиментальнаго лиризма. Все описано трезво, просто, но содержательно, такъ что впечатлѣнія

автора передаются читателю, и угрюмая природа, также какъ и своеобразная жизнь людей среди этой природы воскресаетъ съ большой ясностью въ воображеніи читателя. Художественная сторона романа составляетъ одно изъ его главныхъ качествъ, въ противоположность „Оводу“, гдѣ интересъ разсказа преобладаетъ надъ всѣмъ другимъ.

Самое содержаніе романа весьма несложно. Джэкъ Раймондъ—сирота и воспитывается у своего дяди, клерджимэна маленькой корнвалійской деревни. Дядя, изъ чувства долга, какъ ему самому кажется, а на самомъ дѣлѣ изъ природной жестокости, чрезмѣрно строгъ, и наказываетъ малѣйшіе проступки племянника самыми жестокими побоями. Дикій нравъ Джэка даетъ ему достаточно случаевъ проявлять свою жестокость. Джэкъ, во главѣ цѣлой банды мальчиговъ, терроризируетъ окрестности своими шалостями, нападеніями на огороды и сады и т. п. У него образовалось очень опредѣленное отношеніе къ жизни: онъ знаетъ, что „старшіе“ злы и несправедливы и любятъ мучить дѣтей, что объяснить имъ свои желанія нельзя, и потому лучше дѣлать все, что взбредетъ въ голову, и философски относиться къ расплатѣ за грѣхи. Джэкъ знаетъ, что каждый его проступокъ вносится дядей въ книжку, и когда дядя зоветъ его къ себѣ въ комнату, онъ безпрекословно идетъ и подвергается наказанію, не чувствуя униженія при этомъ, такъ какъ онъ презираетъ и ненавидитъ дядю, и увѣренъ въ его несправедливости. У Джэка очень строптивый, смѣлый и независимый характеръ, который еще болѣе раздражаетъ дядю. Никто не подозрѣваетъ, что у мальчика—нѣжная, любящая душа, страдающая отъ отсутствія нѣжности и добраго къ себѣ отношенія съ чьей-либо стороны. Всю свою потребность любви онъ переноситъ поэтому на животныхъ, любитъ и оберегаетъ отъ жестокости дяди старую, доживающую свой вѣкъ домашнюю собаку, любитъ птицъ и всячески старается спасти ихъ отъ неволи у людей и отпустить ихъ на свободу. Эта любовь къ животнымъ становится для него роковой. Онъ проситъ школьнаго товарища отдать ему пойманную имъ птичку,—но тотъ требуетъ выкупа. Джэкъ рѣшается на очень опасное дѣло. Чтобы выкупить птичку, онъ крадетъ у дяди ножъ въ богатой оправѣ, фамильную драгоценность, и отдаетъ товарищу за птичку. Получивъ ее, онъ уноситъ ее въ свою комнату и, налюбовавшись на нее, отпускаетъ на волю. Наказаніе, которое послѣдуетъ, когда кража откроется, онъ спокойно рѣшается претерпѣть. Но дѣло осложняется. Въ мѣстной школѣ открылись очень гнусныя продѣлки учениковъ, и оказалось, что въ числѣ уплатъ за разнаго рода кутежи напелся и „фамильный“ ножъ клерджимэна. Всѣ увѣрены, что затѣйщикъ скандаловъ—Джэкъ, и дядя выпытываетъ правду у племянника, показываетъ ему какія-то книги и фотографіи, купленные маль-

чиками на вырученные ими за ножъ деньги. Джэкъ сначала ничего не понимаетъ, потому что товарищи принимали участіе въ невинныхъ продѣлкахъ Джэка, но посвящать его въ свои менѣе невинныя шалости не рѣшались, изъ уваженія къ его чистотѣ. Настойчивыя обвиненія дяди ожесточаютъ Джэка; онъ не хочетъ оправдываться, увѣренный, что дядя не пойметъ его страстнаго желанія освободить птичку и мотивовъ его кражи ножа, которымъ товарищъ воспользовался для невѣдомыхъ Джэку цѣлей. Тогда начинается варварская расправа дяди съ племянникомъ. Старый клерджимэнъ не можетъ уже самъ сдерживать разыгравшейся въ немъ болѣзненной жажды истязать покорную жертву, и чуть не убиваетъ мальчика, продолжая экзекуціи цѣлыми днями, какъ бы въ надеждѣ на то, что „грѣшникъ покается“. Джэкъ тяжело заболѣваетъ, и по выздоровленіи его отсылаютъ въ школу въ другой городъ для того, чтобы онъ больше не портилъ своимъ вліяніемъ своихъ прежнихъ товарищей. Въ новой школѣ никто не знаетъ о его мнимыхъ преступленіяхъ, и мальчикъ отдыхаетъ отъ прежней жизни, въ домѣ ненавистнаго дяди. Ему только тяжело, что у дяди осталась въ домѣ его родная сестра, маленькая Молли, и всѣ его помыслы направлены на то, чтобы вырасти самому и спасти сестру. Въ жизни Джэка происходитъ переворотъ къ лучшему, — но впечатлѣніе дѣтства наложили на него неизгладимый отпечатокъ. У него — суровый, неприступный характеръ; онъ вызывающе относится къ людямъ, зная, сколько зла они могутъ причинить. Только когда онъ видитъ, что кого-нибудь преслѣдуютъ, въ немъ пробуждается память о всѣхъ перенесенныхъ имъ самимъ страданіяхъ, и онъ становится защитникомъ угнетенныхъ, привязываясь къ нимъ всѣми силами своей нѣжной, но озлобленной души. Онъ умѣетъ и ненавидѣть, и любить съ одинаковой силой. Въ школѣ онъ становится покровителемъ поступившаго туда маленькаго иностранца, поляка Мирскаго, вскорѣ вступаетъ въ дружбу съ его матерью, и Елена Мирская становится для него второй матерью. Къ дядѣ онъ никогда больше не поѣдетъ, ставши членомъ семьи Мирскихъ. Изъ маленькаго Мирскаго выходитъ гениальный скрипачъ, но онъ, при всей чистотѣ своей художественной натуры, — эгоистъ; онъ влечетъ къ себѣ сердца, но самъ играетъ людьми, и никогда не даетъ имъ счастья. Джэку опять приходится много страдать въ своей новой семьѣ, но уже не потому, что къ нему не относятся съ достаточной любовью, а потому что его привязанность какъ-то естественно становится вѣчнымъ подвигомъ самоотверженія. Джэкъ — воплощеніе безкорыстнаго служенія человечеству; у него нѣтъ личной жизни, — онъ живетъ и страдаетъ жизнью и страданіями другихъ, всѣмъ помогаетъ, ничего не требуя отъ другихъ, и всѣ это принимаютъ, потому что это дѣ-

лается само собой. При этомъ, однако, у него суровая внѣшность, сильный характеръ, и поэтому его никто не жалѣетъ. Любить всегда слабыхъ и нѣжныхъ, нуждающихся въ поддержкѣ и любви, привлекающихъ даже своими недостатками, и главнымъ образомъ своимъ инстинктивнымъ требованіемъ любви къ себѣ. Поэтому изъ двухъ друзей, Джэка и Теодора Мирскаго, общимъ любимцемъ становится Теодоръ; вся его жизнь—рядъ побѣдъ; его окружаетъ любовь женщинъ, несмотря на его легкомысленное и жестокое отношеніе къ нимъ. А Джэкъ жертвуетъ всей своей жизнью для него. Онъ окружаетъ заботами его мать, которая умираетъ на его рукахъ, оберегаетъ молодого виртуоза отъ всякихъ огорченій, выпутываетъ его изъ романтическихъ исторій и является добрымъ гениемъ въ его жизни и судьбѣ. Онъ только вызываетъ его телеграммами, когда нуждается въ немъ, а въ другое время забываетъ о немъ. Джэкъ, конечно, избираетъ своей профессіей медицину и становится специалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ; онъ помнитъ ужасы своего дѣтства, и чувствуетъ, что его призваніе—облегчать участь другихъ дѣтей. Онъ очень преуспѣваетъ въ своемъ дѣлѣ, приобрѣтаетъ громкое имя своими научными открытіями, но именно его дружба съ безсознательно-эгоистическимъ Мирскимъ причиняетъ ему много горя. Его единственная привязанность въ мірѣ, кроме Мирскаго, — сестра Молли, которая пріѣзжаетъ къ нему изъ дома дяди, и только съ ней Джэкъ въ первый разъ можетъ говорить о себѣ, видитъ въ ней нѣжное участіе. Но у него же Молли встрѣчается съ Мирскимъ. Послѣдній соблазняетъ молодую дѣвушку и очень скоро забываетъ о ней, занятый новыми романами со своими великосвѣтскими поклонницами. Дядя, конечно, выгоняетъ племянницу изъ дому, когда узнаетъ о ея позорѣ, и она пріѣзжаетъ къ брату, который принимаетъ ее и окружаетъ любовью, даже не спрашивая имени ея соблазнителя. У Молли рождается сынъ, и Джэкъ посвящаетъ свою жизнь воспитанію ребенка. Молли не проклинаетъ своего вѣроломнаго соблазнителя,—она понимаетъ его легкомысленную артистическую натуру и любитъ его такимъ, какъ онъ есть, не предъявляя къ нему никакихъ требованій относительно себя или ребенка, не считая позоромъ свою свободную любовь. Джэкъ узнаетъ о томъ, кто отецъ его племянника въ очень тяжелую минуту, когда мальчикъ, составлявшій радость жизни его и его сестры, умираетъ отъ дифтерита; сестра вызвала его телеграммой изъ Эдинбурга, куда онъ поѣхалъ на медицинскій конгрессъ. Ему особенно тяжело, что онъ не успѣлъ спасти мальчика отъ болѣзни, которая составляла специальный предметъ его изученія. Въ этомъ опять сказывается его судьба: онъ ни въ чемъ не имѣетъ возможности жить для себя, для своей личной радости. Его искусство врачеванія приноситъ пользу другимъ, но въ томъ един-

ственномъ случаѣ, когда дѣло шло о близкомъ ему существѣ, онъ оказался въ отсутствіи. Когда онъ подходитъ къ постели умершаго ребенка, его вдругъ поражаетъ сходство его съ умершей матерью Мирскаго; онъ смотритъ на Молли, и въ ея глазахъ читаетъ отвѣтъ на мелькнувшее у него подозрѣніе. Онъ только горько улыбается, но, какъ и сестра, не находитъ ни одного упрека своему другу, для котораго онъ столько сдѣлалъ въ жизни; Мирскій даже не подумалъ о его страданіяхъ, когда его капризное сердце на минуту увлеклось хорошенькой Молли. Въ то время какъ братъ и сестра погружены въ печальныя мысли надъ кроваткой умершаго ребенка, приходитъ телеграмма отъ Мирскаго, который спѣшно вызываетъ къ себѣ Джэка для спасенія его отъ какихъ-то неприяностей. Джэкъ только съ грустной улыбкой показываетъ сестрѣ телеграмму и—спѣшить на курьерскій поѣздъ. Онъ вѣренъ своему призванію безкорыстнаго и великодушнаго служенія людямъ, и личныя страданія исчезаютъ передъ призывомъ долга.

Таковъ характеръ, выведенный г-жей Войничъ въ ея романѣ и изученный очень тщательно. Онъ состоитъ изъ яркихъ контрастовъ, въ немъ уживается сила, нравственная и физическая, со слабостью нѣжныхъ натуръ, осужденныхъ вѣчно желать любви и никогда не испытывать ее въ жизни; въ немъ много злобы и ненависти—онъ всю жизнь ненавидитъ дядю за то, что испыталъ отъ него въ дѣтствѣ. Даже когда старый клерджимэнъ потомъ отдается всей душой служенію бѣднымъ во время эпидеміи,—вражда между дядей и племянникомъ не прекращается; Джэкъ не прощаетъ ему ни за себя, ни за сестру. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ непримиримый человекъ полонъ почти нечеловѣческой доброты, и его самоотверженіе относительно Мирскаго не имѣетъ границъ. Пагосъ его натуры—жажда справедливости. Источникъ всѣхъ его поступковъ—страстное желаніе любви, превращающееся и въ глубокую злобу, когда онъ видитъ полное непониманіе со стороны другихъ. Изъ чувства оскорбленной доброты онъ становится иногда даже циникомъ. Насколько такой характеръ правдоподобенъ,—это большой вопросъ. Въ жизни характеры болѣе сложны, и мотивы дѣйствій не бываютъ столь идеальными. Во всякомъ случаѣ, „Джэкъ Раймондъ“ задуманъ очень цѣльно; исторія наростанія души проведена очень убѣдительно; озлобленный преслѣдованіями, ребенокъ очень естественно и послѣдовательно становится другомъ людей въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1901.

„Роковые“ вопросы, „угнетающіе“ редакцію „Гражданина“. — Формула, могущая служить девизомъ реакціонной печати. — Походъ противъ женскихъ курсовъ. — „Барышниковскія имѣнія“ и смоленское губернское земство. — Положеніе дѣлъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ. — Приостановка „Новаго Времени“.

Когда готовится важная законодательная мѣра, что можетъ быть, повидимому, естественнѣе и проще, чѣмъ предварительный опросъ заинтересованныхъ въ ней учреждений? Онъ давно вошелъ въ нашу административную практику, никого не удивлялъ, никому не казался опаснымъ; даже противники преобразованія утѣшались мыслью, что мнѣнія, которыя будутъ поданы въ его пользу — не болѣе какъ *мнѣнія*, ничего не предрѣшающія и ни для кого не обязательныя. Совершенно иначе отнеслась къ обычному способу дѣйствій часть нашей печати, когда на очередь была поставлена университетская реформа. Московская реакціонная газета ограничилась сначала косвенной „обструкціей“, стараясь доказать, что университетскій строй не требуетъ принципиальныхъ измѣненій; но когда ея петербургскій товарищъ — „Гражданинъ“ — вооружился противъ вопросовъ, съ которыми министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ университетамъ ¹⁾, она поспѣшила перепечатать статьи, пользующіяся, очевидно, ея полнымъ сочувствіемъ. Распоряженіе министерства возводится кн. Мещерскимъ на степень *несчастья*, при вѣсти о которомъ въ душѣ, „охваченной мучительною тоскою, сталъ впереди непроницаемый мракъ“. При чтеніи *роковыхъ* вопросовъ, у редактора „Гражданина“ „болѣзненно сжималось сердце, подъ напоромъ воспоминаній, воскресившихъ ужасное время шестидесятихъ годовъ“. „Кому эти вопросы задаются?“ — читаемъ мы дальше. — „Тѣмъ самымъ профессорамъ, сложеннымъ въ ассоціацію, гдѣ, какъ это слишкомъ хорошо знаетъ министерство народнаго просвѣщенія, имѣютъ голосъ лишь представители антиправительственной партіи, а лишены голоса профессора, уважающіе науку, любящіе молодежь и требующіе въ университетѣ порядка. Вслѣдствіе этого не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что изъ этихъ вопросовъ будетъ; получатся отвѣты въ видѣ дерзкихъ требованій для университетовъ неограниченной автономіи и анархической конституціи, а профессорамъ, которые по со-

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

вѣсти высказались бы въ интересахъ студентовъ, науки, порядка и правительства,—не будетъ дано высказаться. Такъ было 40 лѣтъ назадъ, такъ было въ 70-хъ годахъ, такъ было въ 80-хъ годахъ, такъ было въ 90-хъ годахъ, такъ будетъ и теперь. Второй, еще болѣе гнетущій, вопросъ: вдумались ли задаватели этихъ окружныхъ вопросовъ—какой ихъ смыслъ, что они значать? Увы, двухъ смысловъ они не имѣютъ, и не могутъ имѣть: это опять, какъ было прежде, упраздненіе правительственнаго авторитета въ минуту, когда онъ всего нужнѣе... Я не могу понять вопросовъ: нужно ли продлить, или возобновить, или усилить безпорядки въ университетахъ, задаваемыхъ людямъ, изъ которыхъ добрая половина была причиной этихъ безпорядковъ; а между тѣмъ, спрашивать университеты: долженъ ли ректоръ быть избираемымъ, или назначаемымъ правительствомъ; должны ли быть корпораціи студентовъ, или должны быть только студенты, обязанные учиться и вести себя порядочно; долженъ ли быть университетскій судъ въ видѣ государственнаго учрежденія, или не долженъ быть,—это все равно, что спрашивать у нихъ: хотите ли не учиться, не подчиняться дисциплинѣ порядка и, вмѣсто этого, заниматься политикой? Что лучше для устройства школы: сохраненіе главныхъ причинъ анархіи въ университетѣ, совсѣмъ чуждыхъ нашему государственному и жизненному строю, или уничтоженіе ихъ? Неужели столь долгій опытъ не убѣдилъ министерство народнаго просвѣщенія, что главныхъ недостатковъ въ университетахъ всего только два: что тамъ скверно учатся, и что плоха дисциплина, и неужели этотъ опытъ не доказалъ ему, что узнать объ этомъ ему надо не отъ университетовъ, а отъ самого себя, какъ единственнаго отвѣтственнаго за государственное образованіе“?

Таковы геркулесовы столбы, до которыхъ дошла наша реакціонная пресса! Съ незнаніемъ—или нежеланіемъ знать—здѣсь соперничаетъ ничѣмъ не сдерживаемая злоба. Только соединеніемъ этихъ двухъ условій можно объяснить колоссальныя уклоненія отъ истины, допущенныя „Гражданиномъ“. Откуда ему извѣстно настроеніе большинства университетскихъ совѣтовъ, едва ли извѣстное имъ самимъ? Почти никогда, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, не собираясь, не имѣя ни значенія, ни власти, ни даже общихъ интересовъ, совѣты не могли, еслибы и хотѣли, подавлять мнѣніе „благонамѣреннаго“ меньшинства, не могли образовать „антиправительственную партію“. О какой-нибудь оппозиціи ихъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ нельзя говорить уже потому, что оппозиція предполагаетъ дѣятельность, а совѣты, со времени изданія устава 1884-го года, находились почти въ абсолютномъ бездѣйствіи. Ничего похожаго на ту картину, которую рисуетъ вн. Мецкерскій, не представляютъ, впрочемъ, и два предъидущія десятилѣ-

тія: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что въ 1861 г. изъ всѣхъ профессоровъ петербургскаго университета послѣдовательными до конца въ осужденіи „матрикулъ“, составленныхъ въ министерствѣ и бывшихъ настоящею причиною волненій, оказались только пятеро, а въ московскомъ университетѣ, на рубежѣ шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ, большимъ вліяніемъ пользовалась группа приверженцевъ М. Н. Каткова... Что сказать, далѣе, объ увѣреніи, что „добрая половина“ профессоровъ была *причиной* университетскихъ безпорядковъ? Причинная связь между образомъ дѣйствій профессоровъ и волненіями студентовъ не подтверждена хотя бы „началомъ доказательства“; не обнаружено съ сколько-нибудь достаточною достовѣрностью или вѣроятностью ни подстрекательство отдѣльныхъ членовъ профессорской коллегіи, ни попустительство цѣлой коллегіи или значительной ея части... Какою нужно обладать смѣлостью, чтобы говорить, по поводу возможности *возстановленія* университетской автономіи, о *сохраненіи* главныхъ причинъ анархіи? Ни университетскаго суда, ни выборнаго ректора уже пятнадцать лѣтъ у насъ не существуетъ; какимъ же образомъ имъ можно приписывать нынѣшнее университетское неустройство? Что общаго между этимъ неустройствомъ и студенческими корпораціями, не существовавшими даже при дѣйствіи устава 1863-го года? Можно ли видѣть источникъ анархіи въ выборномъ началѣ, примѣнявшемся въ университетахъ даже въ царствованіе императора Николая I-го? Позволительно ли поднимать крикъ объ „упраздненіи правительственнаго авторитета“ только потому, что допущена мысль о расширеніи области самоуправленія?.. „Страшная вѣрность инстинктамъ рабства“—вотъ, говоря словами поэта, основная нота, звучащая въ тревогахъ и вопляхъ „Гражданина“. Только инстинкты рабства могутъ вызвать страхъ передъ самымъ слабымъ дуновеніемъ жизни, передъ самымъ небольшимъ ограниченіемъ *власти*, ведущимъ скорѣе къ подъему, чѣмъ къ подрыву ея *авторитета*. Только подъ вліяніемъ инстинктовъ рабства можно сводить слабыя стороны университетскаго строя къ „скверному ученью“ и „плохой дисциплинѣ“—синонимамъ, въ глазахъ „Гражданина“, недостаточно строгихъ мѣръ понужденія и взыскація. Отсюда только одинъ шагъ до Скалозубовскихъ взглядовъ на воспитаніе и обученіе.

Своеобразный смыслъ есть, однако, и въ причитаніяхъ „Гражданина“; испугъ, внушенный ему „роковыми“, „гнетущими“ вопросами министерства народнаго просвѣщенія, до нѣкоторой степени понятенъ. Пародируя извѣстную формулу: „tout pour le peuple, rien par le peuple“, наши газетные реакціонеры могли бы провозгласить своимъ девизомъ: „ничего для общества, ничего для народа, ничего посредствомъ общества или народа“. Въ силу этого девиза безповоротно и безусловно

подлежить осужденію все то, что увеличивает сумму общественной и частной инициативы, суживает сферу бюрократическаго усмотрѣнія, благопріятствуетъ корпоративному устройству, поощряетъ свободную предприимчивость. Горячо привѣтствуется и поддерживается, наоборотъ, всякое ограниченіе правъ и функцій земства, всякое стѣсненіе личной свободы, всякая репрессивная мѣра по отношенію къ обществамъ или къ печати, всякое усиленіе административной власти. Неудивительно, что на людей этого нравственнаго и умственнаго склада опросъ, задуманный министерствомъ народнаго просвѣщенія, произвелъ „гнетущее“, потрясающее впечатлѣніе—тѣмъ болѣе потрясающее, чѣмъ меньше его можно было ожидать и предвидѣть. Неудивительно, что восторгъ, которымъ еще недавно пламенѣлъ „Гражданинъ“, уступилъ мѣсто мрачному разочарованію и горькому скептицизму. Онъ боится, очевидно, какъ бы свѣжій вѣтеръ, подувшій въ одной области управленія, не проникъ и въ другія—и старается, насколько это отъ него зависитъ, предупредить грозящую катастрофу. Съ какимъ успѣхомъ—это покажетъ время...

Университеты и другіе равные имъ разсадники высшаго образованія среди мужской молодежи стоятъ у насъ слишкомъ прочно и твердо, связаны слишкомъ тѣсно съ разнообразными потребностями государства, чтобы могла возникнуть, даже въ самыя критическія минуты, мысль о ихъ закрытіи или низведеніи на степень среднихъ школъ. Другое дѣло—женскіе высшіе курсы, возникшіе сравнительно недавно и не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ государственной жизни. Встрѣченные съ самаго начала недоувѣріемъ вліятельныхъ общественныхъ сферъ, выдержавшіе и выдерживающіе до сихъ поръ тяжелую борьбу за существованіе, они продолжаютъ быть бѣльмомъ на глазу нашихъ газетныхъ обскурантовъ, не теряющихъ надежды добиться ихъ уничтоженія. Яркимъ пламенемъ, какъ и слѣдовало ожидать, эта надежда разгорѣлась въ виду событій послѣдняго времени. Въ реакціонной печати появился рядъ статей, не только порицающихъ, но и отрицающихъ высшее женское образованіе. Усердіе обвинителей не отступаетъ передъ явнымъ искаженіемъ фактовъ. „Тотчасъ же при своемъ возникновеніи“, — читаемъ мы, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 77), — „наши женскіе курсы стали очагомъ всевозможныхъ вредныхъ броженій, вслѣдствіе чего ихъ неоднократно приходилось закрывать“. Это совершенно невѣрно. Случаевъ закрытія женскихъ курсовъ за волненія или безпорядки не было до 1899 года. Если женскіе врачебные курсы были упразднены въ 1882 г., то вовсе не вслѣдствіе какихъ-либо „броженій“, а вслѣд-

ствіе ненормальнаго положенія ихъ въ вѣдѣніи *военнаго* министерства и происшедшей тогда перемѣны во взглядахъ на высшее женское образованіе. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что закрытіе курсовъ состоялось лишь тогда, когда окончилъ свои занятія послѣдній выпускъ слушательницъ. Столь же постепенно замерли, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, и другіе высшіе женскіе курсы (кромѣ петербургскихъ), также осужденные на смерть по соображеніямъ теоретическаго свойства. Какъ только эти соображенія потеряли свою силу, врачебные курсы воскресли подъ именемъ медицинскаго института, а къ петербургскимъ высшимъ курсамъ присоединились московскіе и, нужно надѣяться, присоединятся другіе. Исторія высшаго женскаго образованія вовсе, слѣдовательно, не оправдываетъ „благосклонныхъ“ заключеній, выводимыхъ изъ нея московской газетой... Еще дальше отъ истины увѣреніе одного изъ ея сотрудниковъ (№ 91, статья г. Знаменскаго), что на высшіе женскіе курсы, еще въ болѣе степени чѣмъ въ университеты, идутъ изъ-за полученія правъ и *бумажки* (т.-е. свидѣтельства, аттестата). Если и допустить, что это имѣетъ какой-нибудь смыслъ по отношенію къ женскому медицинскому институту, дающему право врачебной практики (хотя не оно, конечно, привлекаетъ въ институтъ многихъ, очень многихъ изъ числа слушательницъ), то какія же права сопряжены съ „бумажкой“, получаемой по окончаніи высшихъ женскихъ курсовъ? Рѣшительно никакихъ, какъ на это еще недавно указалъ проф. Введенскій ¹⁾... Сужденіямъ о прошедшемъ и настоящемъ высшаго женскаго образованія вполнѣ соотвѣтствуютъ, по достоинству, и предположенія о его будущемъ. Въ статьѣ г. Знаменскаго проектируется учрежденіе при одной или при нѣсколькихъ женскихъ гимназіяхъ дополнительныхъ старшихъ классовъ (съ сохраненіемъ въ нихъ всего *обычнаго гимназическаго строя*)—какъ будто бы такихъ классовъ не существуетъ въ настоящее время и какъ будто бы гимназическій способъ занятій можетъ удовлетворить стремленіе къ высшему образованію, многимъ женщинамъ свойственное отнюдь не меньше, чѣмъ мужчинамъ. Въ другой статьѣ (№ 94) выдвигаются на первый планъ „разнообразныя профессиональныя школы для дѣвочекъ“, а также фельдшерскія и акушерскія *школы* (отнюдь не *курсы*) для взрослыхъ женщинъ. Однимъ взмахомъ пера зачеркивается, такимъ образомъ, женскій медицинскій институтъ и осуждаются на преобразование, равносильное смерти, всѣ остальные высшія женскія учебныя заведенія. Игнорируются громадныя затраты, сдѣланныя обществомъ, съ вѣдома и согласія правительства, на организацію высшаго жен-

¹⁾ См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

скаго образованія; забываются заслуги женщинъ-врачей, давно уже стоящихъ внѣ всякаго сомнѣнія; рекомендуется переворотъ, отбрасывающій насъ назадъ на нѣсколько десятилѣтій. Въ области высшаго женскаго образованія Россія занимала до сихъ поръ одно изъ первыхъ мѣстъ: ей предлагается перейти на одно изъ послѣднихъ. Ни во что не цѣнится недавній опытъ, показавшій, какъ глубоко коренится у насъ потребность въ открытіи новыхъ путей для женскаго труда и какъ недолговѣчны мѣры, идущія въ разрѣзъ съ этою потребностью. Серьезной опасности для высшаго женскаго образованія мы пока не видимъ—но обостреніе агитаціи, противъ него направленной, составляетъ, во всякомъ случаѣ, „признакъ времени“, заслуживающій вниманія.

Около девяти лѣтъ тому назадъ, умерла смоленская землевладѣлица Черкасова (по первому мужу Барышникова), завѣщавшая имѣнія смоленскому губернскому земству, съ тѣмъ, чтобы въ одномъ изъ нихъ былъ устроенъ пріютъ для престарѣлыхъ и неизлечимыхъ больныхъ, а остальные были проданы и вырученныя деньги обращены на содержаніе пріюта. Это распоряженіе сдѣлалось предметомъ спора со стороны двухъ дочерей завѣщательницы, госпожъ Кореновой и Остриковой. Пройдя черезъ всѣ инстанціи, споръ былъ разрѣшенъ въ пользу земства. Губернское земское собраніе постановило приступить къ продажѣ завѣщанныхъ ему имѣній крестьянскому поземельному банку, для того, чтобы онъ, въ свою очередь, распродалъ ихъ, по участкамъ, мѣстнымъ крестьянамъ. Противъ этого постановленія возстали „Московскія Вѣдомости“, въ статьѣ, озаглавленной: „Земство въ роли ликвидатора (!) дворянскихъ имѣній“. Земство, по мнѣнію реакціонной газеты, обязано было озаботиться сохраненіемъ имѣній, доставшихся ему отъ дворянки, за помѣстнымъ дворянствомъ—и оно сознавало свою обязанность, но не исполнило ея подъ вліяніемъ „опустошеній, произведенныхъ идеями соціального, политическаго и всякаго другого равенства“. Въ свое время ¹⁾ мы подробно возражали противъ этихъ софизмовъ—и если вспомнили о нихъ теперь, то лишь въ виду новаго фазиса, въ который вступило законченное, какъ можно было думать, дѣло о черкасовскомъ или барышниковскомъ наслѣдствѣ: въ газетахъ появился слухъ, что совершеніе крѣпостныхъ актовъ о передачѣ барышниковскихъ имѣній смоленскимъ губернскимъ земствомъ крестьянскому поземельному банку приостановлено вслѣдствіе подачи госпожѣю Остриковою прошенія на Высочайшее имя. Привѣтствуя этотъ слухъ, какъ „первый лучъ справедливости въ тем-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

номъ и возмутительномъ дѣлѣ“, „Московскія Вѣдомости“ успѣли выступить съ новымъ обвинительнымъ актомъ противъ „нарушителей справедливости“. О его духѣ и тонѣ можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ: „смоленское губернское земство съ полнымъ аппетитомъ приготовлялось *проглотить лакомый кусочекъ* миллионнаго наслѣдства... Сознаніе того, что она (госпожа Острикова), можно сказать, *ограблена при дневномъ свѣтѣ*, придаетъ ей силы бороться съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ *губернское земство съ его друзьями*... Конечно, всякій понимаетъ, что госпожи Острикова и Коренева безусловно обижены, что у нихъ отняты, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, родовыя и никому за деньги не отчужденныя имущества—и, тѣмъ не менѣе, все-же большинство тянетъ у насъ руку земства, единственно потому, что, при поступленіи барышниковскаго наслѣдства въ распоряженіе земства, оно будетъ употреблено на доброе дѣло. Напрасно бы стали вы говорить, что вѣдь съ этой точки зрѣнія можно было бы оправдать и настоящій ночной грабежъ и убійство для того, чтобы на вырученныя деньги строить пріюты и богадельни—вы никого этимъ не убѣдите“. Приводя какія-то сплетни объ образѣ жизни молодого Барышникова (по завѣщанію котораго большая часть спорныхъ имѣній перешла къ его матери, Черкасовой)—сплетни, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ предмету спора и не могущія оказать никакого вліянія на его рѣшеніе,—газета восклицаетъ: „Конечно, у насъ не мало найдется такихъ *коллективистовъ*, которые скажутъ, что, молъ, у наслѣдниковъ такого молодца не грѣхъ и отнять состояніе на благотворительныя цѣли“. Смыслъ всѣхъ этихъ инсинуаций совершенно ясенъ: судебное рѣшеніе составляется благодаря сильнымъ „друзьямъ земства“ (интересно было бы знать, кого московская газета разумѣетъ подъ этимъ именемъ?), играетъ въ руку „коллективизма“ и другихъ „измовъ“, напоминающихъ теорію Раскольникова; ерго—оно должно быть уничтожено, несмотря на освященную закономъ силу *rei judicatae*. Ясна и конечная цѣль, преслѣдуемая *per fas et nefas*: миллионныя имѣнія, принадлежащія дворянскому роду, не должны ускользнуть изъ рукъ дворянства. Прежде средствомъ достиженія этой цѣли являлось обвиненіе земства въ эгалитарныхъ тенденціяхъ; теперь къ нему присоединяется обвиненіе суда въ потворствѣ „дневному грабежу“. Присмотримся поближе къ доказательствамъ обоихъ обвиненій.

Имѣнія Барышникова, какъ родовыя, могли сдѣлаться предметомъ свободнаго завѣщательнаго распоряженія, только измѣнивъ свой юридическій характеръ, т.-е. ставъ благопріобрѣтенными. Эта перемѣна была произведена путемъ сдѣлокъ (раздѣльнаго акта и дарственныхъ записей), совершѣнныхъ между госпожею Черкасовою и ея сыномъ, моло-

дымъ Барышниковымъ. Формальная ихъ законность признана судебными рѣшеніями и окончательно подтверждена правительствующимъ сенатомъ; странно было бы думать, что она можетъ быть поколеблена двумя-тремя аргументами московской газеты или, лучше сказать, громкими словами („махинація“, „фокусъ-покусъ“, „крючкотворство“), пущенными въ ходъ вмѣсто аргументовъ. Внутреннюю, нравственную силу сдѣлокъ „Московскія Вѣдомости“ стараются подорвать увѣреніемъ, что переходъ родового имѣнія къ ближайшимъ наслѣдникамъ владѣльца—„святѣйшее право“ этихъ послѣднихъ. Такого права въ дѣйствительности не существуетъ. Владѣлецъ родового имѣнія можетъ продать его—и этимъ самымъ уничтожить въ корнѣ наслѣдственное право своихъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ можетъ продать имѣніе за какую угодно цѣну, хотя бы она фактически граничила съ безвозмезднымъ отчужденіемъ. Вырученными за имѣніе деньгами онъ можетъ распорядиться по своему усмотрѣнію. Доли имущества, получаемыя наслѣдниками при *добровольномъ* раздѣлѣ, точно такъ же ничѣмъ не ограничены. Даже по завѣщанію владѣлецъ родового имѣнія, если онъ бездѣтенъ, можетъ передать его одному изъ дальнѣйшихъ родственниковъ, помимо ближайшихъ. Что же это за „святѣйшее“ право, для нарушенія котораго законъ открываетъ множество различныхъ способовъ? И еслибы вопросъ о наслѣдованіи дѣтей послѣ родителей былъ поставленъ на очередь въ законодательномъ порядкѣ, то развѣ реакціонная печать, всегда проповѣдующая возможно большую полноту родительской власти, не высказалась бы за право родителей лишать дѣтей наслѣдства даже въ родовомъ имѣніи?.. Въ дѣлѣ о барышниковскихъ имѣніяхъ нѣтъ никакого нарушенія *правъ*; есть только нарушеніе *интересовъ*, закономъ не охраненныхъ. И вотъ, сравнивая *интересы* одного или двухъ лицъ съ интересами массы обездоленныхъ людей, которые должны воспользоваться проектированнымъ Черкасовою пріютомъ, а также массы безземельныхъ или малоземельныхъ крестьянъ, которые могутъ купить у крестьянскаго банка участки бывшихъ барышниковскихъ имѣній,—позволительно, не грѣша никакимъ „измомъ“, придти къ заключенію, что оставленіе въ силѣ судебного рѣшенія, состоявшагося въ пользу земства, будетъ одинаково согласно и съ закономъ, и съ справедливостью ¹⁾. Никакого „лакомого кусочка“ смоленское губернское земство не получить, никакихъ „аппетитовъ“ не удовлетворить; оно приметъ на себя только новую, нелегкую обязанность, отъ которой, въ виду ея общепользнаго свойства, оно не въ правѣ отказаться.

¹⁾ Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, продажа барышниковскихъ имѣній земствомъ крестьянскому банку вновь получила законный ходъ.

Изъ голодающихъ мѣстностей херсонской губерніи по прежнему идутъ странныя вѣсти. Частнымъ лицомъ—корреспондентомъ „Кіевлянина“—было произведено въ елизаветградскомъ уѣздѣ цѣлое изслѣдованіе и сдѣлана, затѣмъ, попытка опровергнуть появившіяся въ печати свѣдѣнія о крайней нуждѣ населенія; но, въ виду позднѣйшихъ сообщеній, эту попытку едва ли можно признать удавшейся. Въ доказательство того, что „все обстоитъ благополучно“, приводилась, между прочимъ, высокая сумма, которой достигла, въ день выдачи ссуды, выручка винной лавки въ одномъ изъ бѣдствующихъ селеній. Корреспонденція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ объясняетъ этотъ фактъ совершенно иначе: по ея словамъ, „земскіе начальники не особенно-то удачно справились съ возложенной на нихъ новымъ закономъ обязанностью. Составленіе списковъ не только запоздало, но и перешло всецѣло въ руки волостныхъ писарей и старостъ, — лицъ, особымъ авторитетомъ въ крестьянской средѣ не пользующихся. Въ результатѣ—ссуды получались лицами не нуждающимися и не получались тѣми, которые голодали. И пропивали ссуды не тѣ, которые не получили ихъ, и потому голодали, а тѣ, которые, благодаря новымъ строгимъ продовольственнымъ порядкамъ, получили ихъ, нисколько въ нихъ не нуждаясь“. Вотъ что писалъ изъ мѣстечка Злынки, 30-го апрѣля, помощникъ эпидемическаго врача Фрейфельда, студентъ Альбицкій ¹⁾: „съ ранняго утра до поздней ночи меня ежедневно осаждаютъ голодающіе. Какъ только я являюсь имъ на глаза, начинаются рыданія и мольбы о какой-нибудь продовольственной помощи. На амбулаторномъ приѣмѣ я выбиваюсь изъ силъ. Больныхъ является до 100—120-ти человѣкъ. Добрая половина ихъ болѣетъ отъ голода. Хроническіе гастриты и гемералопы являются массой, цѣлыми семьями, и всѣ просятъ не дать имъ погибнуть голодной смертью... Отъ голоданія болѣютъ нѣсколько человѣкъ семьи. Дѣтишки ослабли совершенно, старики также; они валяются гдѣ и какъ попало. Упадокъ силъ отъ недоѣданія мнѣ приходилось констатировать не однажды и у молодежи. Въ послѣднее время нужда обострилась сильно. Заработковъ нѣтъ. Кто могъ, тотъ уже получилъ ихъ. Въ виду того, что дѣятельность столовыхъ Краснаго Креста прекращается съ 1-го мая, что земскій начальникъ на мою просьбу ходатайствовать о продленіи этихъ столовыхъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, и такимъ образомъ къ голодающей массѣ должно прибавиться еще 1.200 чел., я не считаю возможнымъ оставаться въ Злынкѣ хотя бы одинъ день по закрытіи столовыхъ... Могу возобновить свою работу лишь въ томъ случаѣ, если въ м. Злынкѣ будетъ правильно организована продовольствен-

¹⁾ См. №№ 128 и 129 „Русскихъ Вѣдомостей“.

ная помощь и для этой цѣли будутъ привлечены интеллигентныя силы". Передавая это заявленіе въ уѣздную земскую управу, докторъ Фрейфельдъ прибавилъ отъ себя, что считаетъ необходимымъ въ возможно скорѣйшемъ времени: 1) открыть вновь столовыя въ Злынкѣ для всѣхъ тѣхъ, кто продовольствовался въ закрытыхъ съ 1-го мая столовыхъ Краснаго Креста; 2) въ виду обостренія продовольственной нужды разрѣшить ему широко пользоваться частными пожертвованіями для выдачи безвозвратныхъ пособій; 3) вслѣдствіе появленія цыгги въ Плетеномъ-Ташлыкѣ и массы больныхъ куриной слѣпотой разрѣшить открыть столовую пока на 200 чел. Вслѣдствіе прекращенія продовольственной помощи Краснаго Креста—продолжаетъ д-ръ Фрейфельдъ, — „приходится возложить весь этотъ трудъ на медицинскій персоналъ, а такового у меня въ Злынкѣ всего одинъ студентъ, одна сестра милосердія и сельскій фельдшеръ". Поэтому д-ръ Фрейфельдъ просилъ управу немедленно командировать въ Злынку не менѣе четырехъ интеллигентныхъ лицъ, по числу частей мѣстечка, которымъ можно было бы поручить продовольственное дѣло. Возложить его на сельскихъ обывателей или на мѣстныя власти невозможно, въ виду крайняго недовольства ими населенія за прежнее веденіе дѣла. На случай, еслибы въ виду управы не имѣлось подходящихъ кандидатовъ, д-ръ Фрейфельдъ предлагалъ представить на ея усмотрѣніе цѣлый рядъ писемъ отъ лицъ, изъявившихъ готовность немедленно взять на себя такую работу". На всѣ эти представленія управа отвѣчала сначала молчаніемъ, а потомъ... увольненіемъ гг. Альбицаго и Фрейфельда... Объ обстановкѣ, при которой работаетъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ медицинскій персоналъ, можно судить еще и по тому, что изъ *деяти* врачей *семь* заболѣло тифомъ; этою же болѣзнью поражено большинство фельдшеровъ и сестеръ милосердія. Закрытіе столовыхъ Краснаго Креста (отчасти съ 15-го апрѣля, отчасти съ 1-го мая)—по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей"—замѣтно отражается на интенсивности тифозныхъ и другихъ заболѣваній. Помощь, оказываемая населенію госпожей Журавской ¹⁾, съ первыхъ же шаговъ была крайне стѣснена администраціей и Краснымъ Крестомъ. Госпожѣ Журавской разрѣшено было, и то съ разными ограниченіями, дѣйствовать лишь въ пяти пунктахъ; она могла кормить лишь такое число людей, которое было указано Краснымъ Крестомъ, т.-е. наименьшую часть голодающихъ. Затѣмъ госпожу Журавскую обязали прекратить ея дѣятельность одновременно съ Краснымъ Крестомъ, т.-е. не позже 1-го мая"... Если все это согласно съ дѣйствительностью, то продовольственная кампанія въ елизаветградскомъ уѣздѣ оканчивается

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы" 1901 г. № 5, стр. 360.

при условіяхъ менѣе благоприятныхъ, чѣмъ какаѣ бы то ни было другая въ прежніе неурожайные годы. Недовѣріе къ общественной и частной инициативѣ доведено здѣсь, повидимому, до крайнихъ предѣловъ.

За допущенное въ № 9051 газеты „Новое Время“ въ статьѣ „По поводу рабочихъ безпорядковъ“ нарушеніе объявленныхъ редакціямъ повременныхъ изданій распоряженій отъ 8-го іюня 1896 г. и 4-го января 1897 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 11-го минувшаго мая, на основаніи ст. 156 Уст. о ценз. и печ., изд. 1890 г., опредѣлилъ: пріостановить выпускъ въ свѣтъ газеты „Новое Время“ на одну недѣлю.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Общества попеченія бѣдныхъ и вольныхъ дѣтяхъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Августѣйшей Покровительницы Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ на изданіе, въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1900 года, Календари „Синяго Креста“, было при-
ступлено къ изданію Календаря на 1901 годъ.

Доходъ съ этого изданія поступить, по примѣру 1900 г., въ условленной процентной долѣ, на усиленіе средствъ частію всего помяну-
таго Общества, а частію состоящей въ вѣдѣніи Коломенско-Адмирал-
тейскаго Отдѣла Дѣтской Столовой, учрежденной въ память чудеснаго
событія 17-го октября 1888 года, и въ томъ году (22-го апрѣля) за-
кончившей первое десятилѣтіе своего существованія.

Самый Календарь „Синяго Креста“ на 1901 годъ, съ картами, планами, портретами и рисунками, вышедшій въ концѣ 1900 года, является подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каж-
даго; цѣна 1 руб. 50 коп. за экземпляръ въ картонномъ переплетѣ
(съ пересылкою по 2 р.).

Адресъ Редакціи Календаря „Синяго Креста“: С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 41.

II.—О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Ни-
китину.

21-го сентября 1899 года, г. Воронежъ праздновалъ 75-ти-лѣтнюю годовщину со дня рожденія воронежскаго гражданина и поэта И. С. Никитина. Между другими способами увѣковѣченія его памяти въ по-
слѣдующихъ поколѣніяхъ, Воронежской Городской Думой было намѣ-
чено также сооруженіе памятника поэту въ родномъ его городѣ, гдѣ
онъ провелъ всю свою жизнь.

По ходатайству Воронежской Городской Думы, Государю импера-
тору, въ 21-й день января 1900 года, было благоугодно Всеми-
лостивѣйше разрѣшить повсемѣстный по всей Имперіи сборъ жерт-

вованій на устройство памятника поэту И. С. Никитину въ г. Воронежѣ.

Воронежская Городская Управа, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, обращается ко всѣмъ почитателямъ родной поэзіи съ просьбой препровождать свои пожертвованія для указанной цѣли въ г. Воронежъ, въ Воронежскую Городскую Управу.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. С т а с ю л е в и ч ѣ .

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май. — Июнь. 1901.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. — 1863-1866 гг. — I-VII. — В. Д. СПАСО-ВИЧА	5
Семья Варавинныхъ. — Романъ. — VI-XI. — В. Я. СВѢТЛОВА	50
Русская Армения. — Зимнее путешествіе по горамъ Кавказа. — I-II. — ЕВГ. МАРКОВА	107
Три дороги. — Романъ. — XV-XXVI. — Н. П. ВАГНЕРА	188
Кто былъ авторъ „Антидота“? — Изъ исторіи литературной дѣятельности ими. Еватерини П. — А. Н. ПЫЦИНА	181
Датскій миръ въ Китаѣ. — В. В. КОРСАКОВА	217
Равнина — Романъ. — The slave by R. Nichens. — VII-XIII. — П. С.	227
Государственный совѣтъ въ Россіи. — По поводу столѣтія со дня его учрежде- нія. — В. В. ИВАНОВСКАГО.	285
Новая форма старой мечты. — Д. С. Мережковского, „Л. Толстой и Достоев- скій“. — К. К. АРСЕНЬЕВА	307
Стихотворенія. — I. Хлѣбъ — дѣточка съѣли. — II. Тяжелыя думы. — ВЛАДИМИРА МАРКОВА	325
Наше революцiоно и его порядки. — Н. БОРОДИНА	329
Хроника. — Сообщеніе Государственного Контроля	344
Внутреннее Овозрѣніе. — Новый министръ народнаго просвѣщенія и первый его распоряженія. — Столѣтіе Государственного Совѣта; главныя черты его исторіи и его заслуги; желательныя гарантіи и нововведенія. — Земскіе комитеты, проектируемые для не-земскихъ губерній. — Второе правительственное сообщеніе о неурожайныхъ мѣстностяхъ. — „Мо- сковскія Вѣдомости“ и проектъ наказа училищнымъ совѣтамъ	348
Иностранное Овозрѣніе. — Правительственное сообщеніе по китайскимъ дѣ- ламъ. — Политика державъ на дальнемъ Востокѣ. — Дипломатическія недо- умки. — Вильгельмъ II и нѣмецкое студенчество. — Закрытіе маке- донскаго комитета въ Софіи	369
Школа новаго типа въ Парижѣ. — Письмо въ Редакцію. — М.	387
Литературное Овозрѣніе. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. — Историческія монографіи, т. III, В. А. Вильбасова. — А. П. — А. К. Шел- леръ (А. Михайловъ), А. И. Фаресова. — Т. — Левъ Вертенсонъ, лечеб- ныя воды, грязи и морскія купанія въ Россіи и за-границею. — А. К. — и. — Новыя книги и брошюры	391
Новости Иностранной Литературы. — I. Arthur Schnitzler, Der Schleier der Beatrice. — II. Beer-Hofmann, Der Tod Georgs. — III. Bedier, Le Roman de Tristan et Yseut. — З. В.	408
Изъ Овощественной Хроники. — Кажущееся единодушіе въ нашей печати. — Уни- верситетскіе уставы 1863 и 1884 гг. — Выборное начало; государствен- ные экзамены; гонораръ. — Новая форма стараго девиза. — Способи обсу- жденія вопроса о средней школѣ. — „Спб. Вѣдомости“ противъ „Мо- сковскихъ“. — 17-е апрѣля. — Письмо г. Мережковского. — Чествованіе А. Н. Энгельгардтъ и А. П. Философовой. — С. В. Флеровъ (Васильевъ) †	421
Библиографическій Листокъ. — Скупой рыцарь, А. С. Пушкина, фототипія. — Рос- сія въ Средней Азіи, Евг. Маркова, 2 т. — Путешествіе Н. М. Пржеваль- скаго, А. В. Зеленина. — Очерки философіи права, Л. І. Петражиц- каго, вып. I. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогикі, Еватерини Янжуль.	
Объявленія. — I-IV; I-XII стр.	

Книга шестая. — Июнь.

	стр.
В. А. Арцимовичъ. — VIII-XIV. — Окончаніе. — В. Д. СПАСОВИЧА.	487
РУССКАЯ АРМЕНІЯ. — Зимнее путешествіе. — III-VI. — ЕВГ. МАРКОВА.	484
СЕМЬЯ ВАРАВИНЫХЪ. — Романъ. — XII-XVI. — Окончаніе. — В. Я. СВѢТЛОВА.	589
ПОХОРОНЫ ПОСЛА ВЕТЫ. — Изъ воспоминаній. — Н. А. ОРЛОВА.	588
ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ. — Н. К. Шильдеръ, Императоръ Павелъ Пер- вый. — К. В.	598
Три дороги. — Романъ. — XXVII-XL. — Окончаніе. — Н. П. ВАГНЕРА.	615
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ ВЪ С.-А. ШТАТАХЪ. — П. А. ТВЕРСКОГО.	651
КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССИИ. — А. ПОГРУЗОВА.	693
РАВНИНА. — Романъ. — The slave, by R. Nichens. — Съ англ. П. С.	723
Изъ Писемъ Гейне. — Съ нѣм. П. И. ВЕЙНБЕРГА.	769
ХРОНИКА. — Къ реформѣ учебнаго дѣла въ Россіи. — А. С. ФАМИНЦЫНА.	773
Внутреннее Овозрѣніе. — Новое учрежденіе Государственного Совѣта. — Вопросы, предложенныя министерствомъ народнаго просвѣщенія на обсужденіе университетовъ. — Предѣлы университетской автономіи. — Различныя формы студенческихъ организаций. — „Неслужебные студенты“, проекти- руемые проф. Введенскимъ. — „Помощники“ профессора и доценты. — „Земское“ устройство тринадцати не-земскихъ губерній. — Правила о народныхъ чтеніяхъ.	781
Новые порядки взиманія податей съ крестьянъ. — Письмо изъ пензенской гу- берніи. — Кн. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО.	805
Иностранное Овозрѣніе. — Окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Пекинѣ и поли- тическая роль Вильгельма II. — Итоги совмѣстной экспедиціи державъ противъ Китая. — Способы дѣйствія культурныхъ націй. — Министерскій кризисъ въ Пруссіи. — Заявленіе графа Голуховскаго и сербскія дѣла.	819
Литературное Овозрѣніе. — Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Рос- си, 1856—1880 гг., Е. Лихачевой. — Бѣломорскія былинны, записанныя А. Марковымъ, съ предислов. В. Ф. Миллера. — М. Н. Розановъ, Поэтъ періода „бурныхъ стремленій“, Якобъ Ленцъ, — его жизнь и произведе- нія. — Т. — П. Лохтинъ, Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи. — В. В. — Новыя книги и брошюры.	830
Новости Иностранной Литературы. — I. Björnstjerne-Björnson, Laboremus, drama. — II. E. L. Voynich, Jack Raymond. — Э. В.	853
Изъ Овещественной Хроники. — „Роковые“ вопросы, „угнетающіе“ редакцію „Гражданина“. — Формула, могущая служить девизомъ реакціонной пе- чати. — Походъ противъ женскихъ курсовъ. — „Баринниковскія имѣнія“ и смоленское губернское земство. — Положеніе дѣлъ въ елизаветград- скомъ уездѣ. — Приостановка „Новаго Времени“.	866
Извѣщенія. — I. Отъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. О пожертвованіяхъ на памятникъ поэту И. С. Никитину.	877
Библиографическій Листокъ. — В. А. Жуковский, Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-е, п. р. П. А. Ефремова. — Митрополитъ Антоній, Слова, рѣчи и поученія, изд. 2-е. — М. Гюйо, Собраніе сочиненій, т. VI. — Истори- ческое Обзореніе, т. XI, п. р. Н. И. Карѣва. — Э. Лависсъ и А. Рамбо, Всеобщая исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени, т. VII: XVIII-й вѣкъ. — Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, п. р. и съ примѣчаніями С. А. Венгерова, т. IV. — Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. VII.	
Овѣявленія. — I-IV; I-XII стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

В. А. Жуковский. Сочинения въ стихахъ и прозѣ. Изданіе дѣтское, исправленное и дополненное и. р. П. А. Ефремова. Спб. 901. Стр. 1007. Ц. 2 р. 25 к.

Настоящее изданіе, въ одномъ томѣ, всѣхъ сочиненій Жуковского въ стихахъ и въ прозѣ является точною копіею съ предсмертнаго изданія 1849 г., по желанію, установленному самимъ поэтою; все же, записавшееся въ печати послѣ его смерти, сбирено и исправлено по оригиналамъ, хранящимся въ Публичной Библиотекѣ. къ прежнему изданію книгъ приложено до семидесяти большихъ стихотвореній и отрывковъ, а также дополненъ и отдѣлъ прозаическихъ произведеній Жуковского. Порядокъ расстановленія сочиненій сохраненъ прежній, хронологическій (1797—1851 гг.). Въ началѣ тома помѣщены четыре портрета Жуковского различными возрастамъ, и портретъ знакомаго редактора, П. А. Ефремова, съ краткими біографическими свѣдѣніями о немъ и полными списками его литературныхъ работъ, доставлявшихъ ему извѣстность, одного изъ нашихъ первоклассныхъ бібліографовъ.

Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Изд. 2-е. Спб. 901. Стр. 399.

Въ новомъ изданіи собраны, за послѣднее двадцатилѣтіе, рѣчи, слова и поученія, отмечавшія въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и относящіяся ко времени служенія духовнаго оратора въ Казани профессоромъ духовной Академіи и въ Петербургѣ ректоромъ здѣшней духовной Академіи, а также по повелѣнію финляндской архіепископіи и петербургской митрополіи. Въ рѣчи, за немногими исключеніями, когда въ началѣ службы приходилось говорить по назначенію начальства, изложены преимущественно различные особенныя обстоятельства и событія въ академической и гражданской жизни; такъ, между прочимъ, помѣщены три рѣчи на актахъ начальныхъ народныхъ училищъ города С.-Петербурга, произнесенныя въ началѣ девятидесятихъ годовъ.

М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Стихи философа. Переводъ. Изд. И. Тхоржевскаго. Спб. 901. Стр. 120.

Имя даровитаго, рано умершаго французскаго философа-соціолога, Гюйо, хорошо извѣстно нашей читающей публикѣ; его сочиненія болѣе частью переведены на русскій языкъ, а книга объ „Искусствѣ съ соціологической точки зрѣнія“ существуетъ, если не ошибаемся, даже въ двухъ переводахъ. Какъ ученый писатель, Гюйо отличается необыкновенною ясностью тона, теплотой и задушевностью своихъ разсужденій даже по самымъ отвлеченнымъ вопросамъ, богатствомъ и разнообразіемъ литературныхъ и естественно-научныхъ свѣдѣній, живостью и поэтической образностью языка, — и всѣ эти качества достаточно объясняютъ его популярность не только во Франціи, но и у насъ. Философія Гюйо часто переходитъ въ поэзію, и небольшой томикъ его стихотвореній, изданный „Les vers d'un philosophe“, заключаетъ въ себѣ тѣ же философскія идеи и мечтанія, которыя болѣе обстоятельно изложены въ его научныхъ трактатахъ.

Историческое Общество. Сборникъ Историческаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, изд. и. р. Н. Н. Карпова. (1901 г.). Т. XI. Спб. 901. Ц. 2 р.

Въ составѣ новаго выпуска вошли: „Завѣщаніе М. М. Сперанскаго объ устройствѣ судебнаго и управленческаго учрежденій въ Россіи 1808 года“, напечатанная по первому собственноручному подлиннику Сперанскаго, хранящемуся въ Имп. Публичной Библиотекѣ; продолженіе записки С. П. Носовича о „Крестьянской реформѣ въ поволжской губерніи“, и начало „Очерковъ исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка“, Н. Н. Булыча.

Веконная исторія съ IV-го столѣтія до нашего времени. Эри. Лависса и Азифр. Рамбо. Т. VII. XVIII-ый вѣкъ, 1715—1789. Перев. М. Гершензона. М. 901. Стр. 977. Ц. 3 р.

Въ составленіи настоящаго тома, какъ то было и въ предыдущихъ, приняли участіе около 20 лицъ, которые распредѣлили между собою составленіе отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ той или другой странѣ, той или другой эпохѣ. Все, что касается исторіи Россіи, въ XVIII-мъ столѣтіи, вошло въ себя извѣстный профессоръ Азифредъ Рамбо, хорошо знакомый съ изобразительными предметами.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, въ 12-ти томахъ, и. р. и съ прикѣпками С. А. Венгерова. Т. IV. Спб. 901. Стр. 574. Ц. 1 р. 25 к.

Въ только-что появившіеся четвертый томъ новаго собранія сочиненій Бѣлинскаго вошло болѣе 130-ти критическихъ его статей, разбѣснанныхъ по журналамъ, а именно въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1838—39 гг., и въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду и Отечественнымъ Запискамъ“ 1839 и 1840 г.; изъ нихъ свыше ста статей не входили въ прежнія изданія сочиненій Бѣлинскаго или изданы съ сокращеніями. Къ настоящему тому приложены: портретъ Бѣлинскаго; предисловіе Михаила Бакунина къ „Гимнастическимъ рѣчамъ“ Гегеля, съ портретомъ автора этого предисловія; обширная прикѣпка въ четвертомъ томѣ (числомъ свыше 300) редактора изданія, и черезъ „Бакунинско-гегельянскаго періода жизни В. Г. Бѣлинскаго“, начинавшагося въ 1836 году и имѣвшаго большое на него вліяніе.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ седьмой. Начало русскаго государственнаго права. Ч. I: О государственномъ устройствѣ. Спб. 901. Стр. 433. Ц. 2 р.

Новый выпускъ Собранія сочиненій проф. А. Д. Градовскаго заключаетъ въ себѣ первую часть курса русскаго государственнаго права, служившаго предметомъ его преподаванія въ здѣшнемъ университетѣ. Какъ извѣстно, покойный профессоръ держалъ общепринятого въ Германіи дѣленія на ученіе о государственномъ устройствѣ и — органахъ управленія. Главнѣйшая особенность этой первой части состоитъ въ томъ развитіи и излож. какое она дала ученію о законѣ. Въ приложеніяхъ въ седьмомъ томѣ замѣчаемъ издержки изъ трехъ его статей: 1) Законъ и административное распоряженіе; 2) Судебная законность; 3) О дѣйствіи закона въ прелѣхъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1901 г.

(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 выигъ въ годъ,
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Внѣ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ гостепочтов. сообщ.	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбсто разорочен годовой подписки на журналъ, подписка по посылкамъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печниковой, въ Петропавловскихъ линіяхъ.

ВЪ КИЕВѢ:

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крестьянск., 33.

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, а съ замѣчаніемъ близкаго къ нему почтоваго утѣжденія, гдѣ (НВ) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого утѣжденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемена адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переводятъ въ вногородніе, доплачивая 1 руб., а вногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, возмѣно, обозначенію съ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Выданы на полученіе журнала издается Конторою только тѣмъ изъ вногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ,

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 6 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

